ЭПОХА ЕЛЬЦИНА

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Издание второе

Москва
ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ЦЕНТР Б.Н. ЕЛЬЦИНА
2011

УДК 32
ББК 63.3(2)
Э72

Авторский коллектив:

Ю.М. Батурин,
А.Л. Ильин,
В.Ф. Кадацкий,
В.В. Костиков,
М.А. Краснов,
А.Я. Лившиц,
К.В. Никифоров,
Л.Г. Пихоя,
Г.А. Сатаров

Издание подготовлено
при участии издательства «ПРОЗАиК»

*Все права защищены в соответствии
с законодательством Российской Федерации*

ISBN 978-5-91631-103-7

© Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2011
© Ю.М. Батурин, А.Л. Ильин, В.Ф. Кадацкий,
В.В. Костиков, М.А. Краснов,
А.Я. Лившиц, К.В. Никифоров,
Л.Г. Пихоя, Г.А. Сатаров, авторы, 2001
© А. М. Салмин, предисловие, 2001
Первое издание — «Вагриус», 2001
© Г. А. Сатаров, предисловие, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Непобежденный непобедитель
(вместо предисловия) 8

От авторов
(предисловие ко второму изданию) 31

Часть I

От СССР — к России: путь страны и героя

Глава 1
Появление героя (до августа 1988) 35

Глава 2
К другому политическому берегу (август 1988 — июль 1990) 59

Глава 3
Россия заявляет о себе (апрель — июль 1990) 76

Глава 4
Первые шаги (июнь 1990 — апрель 1991) 95

Глава 5
«Нет выше должности» (март — июль 1991) 112

Глава 6
Ново-Огарево (июль 1990 — июль 1991) 124

Глава 7
Августовский путч (июль — ноябрь 1991) 142

Глава 8
На развалинах СССР (август — декабрь 1991) 160
Приложение 185

Часть II

Новое двоевластие

Глава 1
Начало реформ (январь 1991 — апрель 1992) 189

Глава 2
Будни Кремля и Старой площади (1991 — 1994) 201

Глава 3
Ельцин и оппозиция (1992) 219
Глава 4
«Коллективное безумие» (ноябрь 1992 — январь 1993) 241
Глава 5
Борьба за референдум (январь — март 1993) 262
Глава 6
«Пуля просвистела у виска» (март 1993) 286
Глава 7
Апрельский референдум (март — май 1993) 311
Глава 8
К новому строю или к новому путчу? (май — август 1993) 324
Глава 9
«Жаркая осень» (август — октябрь 1993) 352
Приложение 373

Часть III

«Будем жить по конституции»

Глава 1
Поэтапная конституционная реформа (октябрь 1993 — 1996) 379
Глава 2
С новым парламентом (октябрь 1993 — октябрь 1995) 402
Глава 3
«Ельциномика» (1991 — 1997) 417
Глава 4
Верховный Главнокомандующий (1991 — 1997) 445
Глава 5
«Дипломат № 1» (1991 — 1999) 467
Глава 6
«Надеюсь на вас, журналисты...» (1991 — 1998) 489
Глава 7
«Верните нам прежнего Ельцина!» (1994) 505
Глава 8
Долгая дорога к близким выборам
(февраль 1994 — декабрь 1995) 525
Глава 9
Президентская гонка (октябрь 1994 — август 1996) 545
Приложение 577

Часть IV

Бремя войны

Глава 1
Чеченский надлом (ноябрь 1990 — ноябрь 1994) 583
Глава 2
Чеченский календарь Ельцина. Как начиналась война (ноябрь 1994 — январь 1995) 595
Глава 3
Планы мирного урегулирования (январь 1995 — май 1996) 635
Глава 4
Война на информационном поле (ноябрь 1994 — июль 1995) ... 661
Глава 5
Террористы (июнь 1995 — январь 1996) 671
Глава 6
Вердикт Конституционного Суда (июль 1995) 688
Глава 7
Сегодня инаугурация. Траур завтра (август 1996) 703
Приложение 709

Часть V

Последний срок

Глава 1
После битвы (июль 1996 — январь 1997) 715
Глава 2
Банкротство (сентябрь 1995 — 1998) 727
Глава 3
Импичмент-99 (январь 1994 — май 1999) 751
Глава 4
«Незавершенка» (1994 — 1999) 761
Глава 5
Прощание (1997 — 1999) 778
Глава 6
Ельцин — миф, человек, политик 792
Приложение 805

Авторский коллектив 807
Список сокращений 808
Именной указатель 810

Непобежденный непобедитель

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Перед вами не совсем обычная книга. О первом Президенте Российской Федерации Б.Н.Ельцине в России и за рубежом написано очень много, наверное, больше, чем о любом другом ныне здравствующем государственном деятеле любой страны, за исключением, возможно, только М.С.Горбачева и М.Тетчер. Существуют исследования, опубликованные по горячим следам тех или иных событий, но также и подводящие политические итоги — иногда заблаговременно[1]. Изданы мемуары, написанные или надиктованные людьми, близкими к Ельцину на разных этапах его политической карьеры[2]. Напечатаны сборники документов, относящихся к политической истории последнего десятилетия[3]. Появилась масса публицистических работ и даже художественные произведения[4] — так, по крайней мере, определяют жанр их авторы[5]. Наконец вышла из печати уже третья книга воспоминаний и размышлений самого Президента — теперь уже бывшего[6].

Настоящее издание не относится ни к одной из перечисленных категорий, хотя в нем можно найти и воспоминания, и документы (часть из них публикуется впервые), и, конечно, анализ событий. Необычность книги уже в том, что у нее — коллективный автор. Это помощники Президента Ельцина, работавшие с ним в период между 1992—1998 годами — Ю.М.Батурин, А.Л.Ильин, В.Ф.Кадацкий, В.В.Костиков, М.А.Краснов, А.Я.Лившиц, К.В.Никифоров, Л.Г.Пихоя, Г.А.Сатаров. О «помощниках» в данном случае приходится говорить с долей условности, поскольку в указанный период некоторым из них случалось занимать и другие посты.

Все они, однако, прошли через Службу помощников Президента РФ во главе с В.В.Илюшиным, а большинство как раз с нее начали свою карьеру в Кремле и Правительстве. При этом независимо от ее зигзагов, оставаясь в Кремле, они продолжали считать себя именно *помощниками* первого Президента не только по должности, составляя неформальную команду, особая роль в возникновении и сохранении которой принадлежит Людмиле Григорьевне Пихоя.

Вовсе не редкость, когда приближенные вошедших в историю государственных деятелей оставляют воспоминания о том, что они делали, и о тех, от чьего имени это делалось. Мне, однако, трудно припомнить хотя бы еще один случай, когда в сочинениях такого рода угол зрения определялся не личным опытом помощника или советника, державшего, говоря по-военному, свой участок фронта, а «коллективным сознательным» целой группы. Подчеркиваю, перед

вами — не сборник воспоминаний, а единая книга, создатели которой демонстративно воздержались от указания, кем именно написан тот или иной раздел. Не из-за желания скрыться за анонимностью — догадаться об авторстве совсем не трудно, — а чтобы поделиться знаниями, полученными совместно. И поступили так не какие-то доселе не известные публике «люди свиты», а те, кого в лицо знают едва ли не все телезрители, а по книгам и статьям — тысячи читателей. И знают не только как президентских помощников. Очень сплоченной должна быть команда, способная через годы после разновременных отставок вновь собраться, пусть на этот раз лишь в виде скромного авторского коллектива. Конечно, искушенный читатель найдет в книге немало оттенков мнений (как говорил в свое время проницательный Алексис де Токвиль, «спорят не цвета, а оттенки»), не позволяющих говорить о полном единомыслии авторов, но, кажется, они и не собираются скрывать их существование там, где они были и где, возможно, сохраняются по сей день.

В книге нет той подкупающей «ровности», что свойственна обычным мемуарам или типичным историческим исследованиям. Авторы — не фанатики хронологического принципа; не всегда детальность или, наоборот, эскизность описания отдельных событий соответствует той значимости, которую им привыкли придавать. Экономическая политика описывается не в той тональности, что военная, а военная — не совсем в той, что внутренняя. Первые и последние главы книги стилистически отличаются от «ядра», посвященного тому периоду, когда авторы въезжали в Кремль через Боровицкие ворота, а не входили, как обычные посетители, через Троицкие, и т.д. Однако то, что в других обстоятельствах могло бы показаться недостатком, здесь таковым не является. Бывшие президентские помощники принципиально стремятся писать прежде всего о том, что видели своими глазами и что делали сами, а не о том, что знают понаслышке или чисто теоретически. Но даже целая команда не может быть одновременно везде и участвовать во всем. Что-то неизбежно приходится и реконструировать. Отсюда объяснимая разница в описании того, чему каждый из них был свидетелем, и того, к чему они все вместе пришли в результате размышлений и обобщения своего и чужого опыта. Что ж, и хартия реставраторов требует, чтобы подлинные и восстановленные фрагменты постройки можно было легко отличить друг от друга.

Что-то при этом вообще не удается подвести под общий знаменатель. В свое время рефлексия по поводу права автора претендовать на роль вездесущего «ока», каковым в реальной жизни не может быть ни один смертный, привела известного японского писателя Рюноскэ Акутагаву к мысли написать ставший позднее культовым, как сказали бы сегодня, рассказ «В чаще», который лег в основу сценария не менее культового фильма Акиры Куросавы «Расёмон».

Еще раньше в непогрешимости правила смотреть на объект из одной условной точки усомнились художники-кубисты. Почти одновременно с ними — физики, заговорившие о принципе «дополнительности». А до них обреченность пространства соответствовать тому, что

предопределено нашим физическим зрением, поставила под вопрос математика. И, в применении к своему особому *пространству,* — история, выделившая из себя особую дисциплину — источниковедение. В наше время прием, предполагающий сопоставление разных взглядов на один предмет, давно не новость и в искусстве, и в науке. По понятным причинам, однако, такой подход не совсем привычен для политической мемуаристики и политической истории современности. Но, надо сказать, авторам больше веришь, когда они остаются в рамках такого еще непривычного в этих областях подхода, чем когда выходят за них.

По некоторым признакам даже случайный читатель может сделать вывод, что перед ним честная книга. Менее всего, насколько можно судить, авторы озабочены тем, что является, как правило, одной из основных целей мемуаристов — самооправданием или самоутверждением. Здесь можно обнаружить не только постоянную рефлексию, но и готовность к самокритике и взаимной критике, которая, если учесть, что книга — единое целое, — тоже род самокритики. Авторы стараются не писать о вещах, в которых не уверены абсолютно, но смягчают оценки или умалчивают о чем-то лишь под влиянием абсолютных требований приличия. Не выгораживая Президента Ельцина, они сохраняют уважение к Ельцину — *первому Президенту России,* и поэтому заслуживают уважения сами.

В книге можно найти немало прежде неизвестных фактов и не публиковавшихся документов, но написана она не ради этого и уж тем более не ради каких-то сенсационных разоблачений. После первых прочитанных глав начинаешь понимать, что это книга вообще не столько о Б.Ельцине или президентской команде, сколько о власти. Преимущественно о российской административной власти 90-х годов, но также и о власти вообще. По крайней мере, это главное и самое интересное в книге. Она о том, как принимаются решения, и о том, почему они не принимаются. О соотношении того, что кажется случайным, с тем, что принимают за неизменное. О тяжеловесной инерции государственной машины и о том, какой непредсказуемо ненадежной эта машина бывает.

Написавшие эту книгу не пытаются, как это иногда бывает, «подрумянить» историю, переиграть прошедшие войны (в кавычках и без) или бросить вдогонку событиям исторические фразы, произнесенные, как принято говорить в таких случаях, *на лестнице.* Для «исторических фраз» в книге существуют стенограммы и документы с номером, обычно исходящим. Бывшие помощники Президента стараются взглянуть на себя во власти как бы со стороны, и в целом у них это получается, при том что и пристрастия недавних дней не исчезли полностью. Ведь даже на исповеди человеку редко удается быть вовсе беспристрастным. Со знанием дела написанная книга о власти или, если использовать более точное политологическое определение, о *процессе принятия властных решений*, очень нужна сегодня, и о причинах этой актуальности стоит сказать подробнее.

Часто приходится слышать и читать, что отечественная политическая элита не была готова к радикальным преобразованиям ни

в профессиональном, ни в нравственном отношении. Правильнее было бы, наверное, сказать, что в стране просто не было *профессиональной* политической элиты, то есть такой, высокий профессионализм которой предполагал бы и соответствие требованиям определенного нравственного императива. Здесь важно отметить несколько обстоятельств.

Волна, вознесшая Ельцина к вершинам власти, как это часто бывает, не была кристально чистой. В конце июля 1989 года, в день, когда в Советском Союзе рождалась официальная политическая оппозиция, из окон верхних этажей можно было наблюдать, как огромная восторженная и любопытствующая толпа обступает подъехавшего к Дому кино Бориса Николаевича и кто-то норовит поцеловать ему руку. А через пару часов здесь же, в зале заседаний, где учреждали Межрегиональную депутатскую группу, один из будущих идеологов радикальных капиталистических реформ выступал против мажоритарной избирательной системы по причине ее... *буржуазности*. Кстати, тогда же и там же сам будущий лидер оппозиции категорически возражал против термина «оппозиция» применительно к МДГ, и вряд ли только из соображений тактики.

Демократы и антикоммунисты, коммунисты-реформаторы, недовольные нерешительностью М.Горбачева, и коммунисты-антигорбачевцы, принципиальные сторонники «сильной власти», и те, кто готов поддержать любую власть, лишь бы она демонстрировала силу и т.д., — таков был состав первой *ельцинской* коалиции. В данном случае порядок ее участников больше соответствует тому, в каком они вошли сегодня в историю, чем тому, в котором им довелось тогда вступить в политическую борьбу. И не стоит предаваться сентиментальным иллюзиям. Такая коалиция — а именно она и привела Ельцина к власти — не могла ни создать, ни вдохновить на создание сколь-либо определенной политической идеологии и перспективной технологии государственных преобразований. Уже через пару недель после начала «гайдаровской» реформы эта коалиция рассыпалась в прах, оставив Ельцина наедине с «улицей» и переменчивым общественным мнением.

Не стал центром кристаллизации политической элиты и Съезд народных депутатов РСФСР. «Сливки» демократической фронды, равно как и коммунистической реакции, были сняты его всесоюзным аналогом и предшественником. На долю эрэсэфэсэровского представительного собрания выпала сомнительная роль *конвента второго сорта*. Группа талантливых и ответственных политиков разных убеждений, все же избранная на этот Съезд, ничем не могла помочь в такой ситуации и оказалась не в состоянии ничему помешать, когда дела пошли совсем скверно.

Вероятно, врожденный комплекс политической неполноценности, заставлявший Съезд самоутверждаться вначале перед союзным «старшим братом», а также Президентом СССР, а затем и Президентом РСФСР, способен объяснить его политическую эволюцию и в конечном счете судьбу лучше, чем сухие выкладки, показывающие со-

став и изменение политических предпочтений депутатского корпуса. Самым комичным образом самоутверждались делегаты этого Съезда даже в отношении многочисленных экспертов, нередко отказываясь предоставлять «в присутствии народных избранников» слово тем, кого сами же и приглашали для своего просвещения. Больше всего такие сцены напоминали известный «гардеробный» анекдот с окончанием: «Сдачи с чаевых не надо, да и пальто оставьте себе!»

Определенные надежды в конце 80-х годов возлагались на эмиграцию, которая, как некоторые считали, могла сыграть немаловажную роль в конституировании новой политической элиты. Именно так впоследствии и произойдет в некоторых странах Восточной Европы и Балтии, — но не в России. Уже первый (и пока единственный) Конгресс соотечественников, проходивший накануне и в самые дни августовского путча 1991 года и привлекший немало людей из-за рубежа, развеял большинство иллюзий. Три четверти века отрыва от Родины, рожденное за ее пределами третье поколение, — уже по одному этому возвращение к родным пепелищам не могло быть таким же естественным, как в Польше, Чехии или Латвии. Что не менее важно, в начале 90-х годов в самой России не существовало решающих условий, которые делали бы включение эмигрантов в ее политическую элиту органичным. Не существует их и сейчас. Не вполне внятное отречение от коммунистического прошлого, неразрешенность вопросов о правопреемстве (т.е. о юридической природе нынешней российской государственности), а также о реституции (восстановлении прав на незаконно отчужденную собственность) — все это позволяло и позволяет в лучшем случае рассчитывать на благотворительную деятельность «старого» русского зарубежья в России, но не на полнокровное участие в ее государственной и хозяйственной жизни.

К сказанному следует добавить и несколько настороженное отношение в стране, и в частности среди «постсоветского» чиновничества, к представителям первых волн эмиграции, возможно, связанное с подсознательной боязнью конкуренции и выставления напоказ собственной профессиональной несостоятельности. Что же касается эмиграции последней, «экономической» волны, то ее возвращение, равно как и возвращение вывезенных капиталов, едва ли реально до начала устойчивого экономического подъема и создания в стране комфортных условий как для капиталов, так и для их владельцев. В последнее десятилетие и о том, и о другом говорить было несколько преждевременно. Но даже если положение изменится, сами мотивы и обстоятельства эмиграции оставляют сомнения в однозначно положительном воздействии именно этой волны на *политическую* элиту.

Десятилетие назад логично было предположить также, что ответственная элита может сложиться в процессе формирования политических партий. Одни надежду на это связывали с относительно безболезненным разделением номенклатурной КПСС на две современные партии: консервативно-коммунистическую и социал-демократическую. Другие — с впечатляющим по размаху массовым движением, сумевшим провести своих кандидатов в созданные незадолго до этого пред-

ставительные органы СССР и РСФСР и способствовавшим избранию Б.Ельцина Президентом РСФСР вопреки сопротивлению руководства КПСС и лично М.Горбачева. Формально сбылись надежды и первых, и вторых, по сути же и первые, и вторые жестоко просчитались. «Реформаторская» группа обособилась внутри КПСС, а затем покинула ее ряды, однако преобразовать специфический организм компартии в две «нормальные» партии оказалось не проще, чем из одного бронетранспортера сделать два лимузина. Что касается демократического движения, то оно дало жизнь множеству мелких организаций, скорее политическим клубам, чем настоящим партиям. Гора родила выводок мышей.

Можно дать несколько объяснений неудаче с формированием в России жизнеспособной системы сменяющих друг друга у власти партий и соответственно вырастающей на ее основе политической элиты. Во-первых, в последнее десятилетие одна из основных функций политических партий — политическое лоббирование определенных интересов — выполнялась главным образом другими институтами и с помощью других систем отношений. Преимущественно, так сказать, на партикуляристской, а не на универсалистской основе — даже в представительных органах, не говоря о бюрократии. Достаточно вспомнить дискуссии о «невидимых» фракциях, создаваемых группами экономических и административных интересов. Во-вторых, возможности сделать головокружительную карьеру, которые открылись в России десятилетие назад, были связаны прежде всего с бизнесом и бюрократией. Разочаровывающе медленная или обманчиво быстрая карьера партийного деятеля обычно проигрывала на этом фоне в привлекательности. В-третьих, на рубеже XX и XXI веков вопрос о перспективах создания массовых электоральных партий на пустом месте в принципе является открытым.

Вообще говоря, образование таких партий — явление органичное для совсем другой эпохи, той, когда существовала ощутимая разница между культурными потенциалами политической элиты и людей, получивших право голоса, когда партия одновременно играла роли более или менее закрытого клуба, просветительского общества, светской «церкви» и системы призыва политических резервистов. В мире же телевидения, мобильной связи, Интернета, секуляризации и почти всеобщей грамотности кризис переживают даже старые партии, которые за многие десятилетия своей истории «вросли» в политические системы своих стран, постепенно принимая на себя выполнение все новых и новых, не всегда бросающихся в глаза функций.

На это можно возразить, что в некоторых странах Восточной Европы, порвавших с коммунистическим прошлым, все же сложились более или менее устойчивые партийные системы. Они отличаются, однако, от наших аналогичных структур как минимум по четырем параметрам.

Во-первых, как и в случае с эмиграцией, некоторое значение, становящееся иногда решающим, имеет срок существования тоталитарного режима. В этих странах сохранилась живая память о прежних партиях, иногда их история продолжалась в изгнании.

Во-вторых, немаловажно и происхождение режимов. В странах Восточной Европы и Балтии в период кризиса «социалистического содружества», безусловно, возобладала их трактовка как оккупационных, а победоносных антикоммунистических движений — как национально-освободительных и благословляемых церквями. Соответственно после некоторых колебаний все основные политические силы пришли к консенсусу: цель движения — от коммунизма, от России к Европе и на Запад (ЕС и НАТО). Политическое значение приобрели оттенки, вопрос не о целях, а о темпах и характере движения. Но такая дифференциация — основа именно партийной полемики в точном смысле слова. В это же время в России вопрос о характере отечественного коммунизма повис в воздухе или стал предметом интеллектуальных злоупотреблений со стороны маргинальных крайне правых сил. Цель движения («национальная идея») так и не была сформулирована, а общественная полемика велась «по всем азимутам», то есть вместо инструментальной и объективно творческой позиционной политической борьбы мы втянулись в бесформенную и стратегически малосодержательную склоку — «всех со всеми обо всем» — с переходом на личности — и далеко не всегда только политические.

В-третьих, все страны Восточной Европы значительно меньше России, что не так малосущественно в данном случае, как может показаться на первый взгляд. Не будем забывать: в конечном счете и России, и этим странам удалось создать сравнительно устойчивые системы парламентских фракций, сама возможность возникновения которых появляется в связи с проведением серии относительно свободных и честных выборов, а форма определяется характером избирательной системы, если ей дают возможность действовать достаточно долго — хотя бы три-четыре раза подряд. Вместе с тем в небольшой, компактной стране расстояние между фракциями и стихией гражданского общества меньше, чем в крупной, где большие расстояния и много жизненных укладов. Легче и естественнее устанавливаются и крепнут здесь и постоянные связи между первыми и второй.

В-четвертых, наконец, определенное значение имеет и экономическое положение, которое существенно лучше как раз в тех странах, где уже возникли устойчивые структуры гражданского общества и партийные системы, в России же и в других странах таковых еще нет. Пока это очевидная корреляция, а не признание причинно-следственной связи, но, возможно, и смысл ее не так уж темен. На рубеже 80—90-х годов, когда формировалось массовое демократическое движение, в России, как и всюду в Восточной Европе, начали активно действовать и организации гражданского общества. Особенно заметной и по-своему результативной была деятельность экологического движения и некоторых других. Ныне в России существует *полторы сотни тысяч (!)* самых разных общественных организаций и примерно столько же действует без регистрации.

Однако при внимательном взгляде на них обнаруживается, что действительно жизнеспособными оказываются лишь три категории ассоциаций — креатуры администрации или крупного бизнеса, орга-

низации, финансируемые или подкармливаемые из-за рубежа, и организации, членов которых объединяет *общая, но не всеобщая* беда. Это организации вполне понятного и оправданного «коллективного эгоизма» тех, кому трудно выжить в одиночку: инвалидов, ветеранов разных войн, солдатских матерей, жертв катастроф. Именно такие организации в наши дни — самые массовые и самые активные, а не «альтруистические»: природоохранные, историко-культурные или благотворительные.

Люди, ведущие каждодневную борьбу за выживание, просто не могут позволить себе роскошь постоянного коллективного альтруизма. В 80—90-х годах Россия доказала как то, что институты гражданского общества вовсе не противопоказаны ей, так и то, что гармонично развиваться они (и, опосредованно, политические партии) могут лишь при относительно благоприятном экономическом климате. «Экономический мороз» убивает ростки здорового гражданского общества и мешает расцвести «ста цветам» политической самодеятельности.

«Пушки не стреляли по семи причинам. Во-первых, не было пороха...» Только что приведенный набор гипотез может вызвать в памяти эту притчу и показаться избыточным. Однако сейчас действительно трудно сказать, какая именно причина или какой набор причин исчерпывающе объясняет неразвитость партийной системы в России, при том что среди них нет ни одной, которая исключала бы другие.

Как бы то ни было, в 90-е годы политическая элита не могла ни вырасти на партийном стволе, ни быть привитой к нему, как не могла она сложиться ни в недрах представительной власти, ни под влиянием эмиграции, ни на волне разворачивавшегося массового движения.

...Придя к власти, а затем получив ее в безраздельное, но постоянно оспариваемое пользование, Б.Ельцин не мог не задуматься над тем, на кого и на что он может опереться. Возможных опор, уже существующих в природе, было, собственно, три: все то же *политическое движение*, сопровождавшее его в восхождении на вершину с поклажей его собственных побед и неудач; доставшаяся как трофей *советская номенклатура*, несколько пощипанная и деморализованная «перестройкой» и главным образом августовским путчем; и наконец, *«коллективная личность» президентства*, то есть в первую очередь — сам Президент Ельцин с ближайшим окружением. Авторы книги наглядно демонстрируют, как быстро он почувствовал, что массовое движение — не столько опора, сколько, в лучшем случае, фасад демократически произведенного на свет президентства. Остается и, видимо, останется без ответа вопрос: а что было бы, если бы Президент сделал тогда ставку на превращение этого движения в президентскую партию?

Вопреки расхожему убеждению, главное наклонение истории — сослагательное. Иначе не имело бы никакого смысла ни помногу раз ее переписывать, ни вообще трудиться писать. История всегда беременна аналогией — конечно, хромой. Как и любой хороший учитель, не способный ничему научить, она дает лишь твердое знание правил да заготовки на случай игры в цейтноте и подсказывает, что обычно

лучше играть до конца, чем в отчаянии сбрасывать фигуры с доски. Интеллектуально подготовленный к игре в новых, совершенно непривычных для всех условиях не более, но и не менее, чем кто-либо из россиян, Ельцин постоянно вынужден был принимать решения в цейтноте.

В случае с президентской партией — на этот раз не шахматной, а политической — мы видим многовариантность истории во всей красе. Нет ни одной полностью объясняющей все причины, по которой Ельцин должен был или взяться за создание президентской партии, или отказаться от этого. Он сделал свой ход, и мы знаем теперь только то, что попытки создать партию власти впоследствии приводили лишь к появлению очередной бюрократической имитации: не опоры, а подпорки режима, чего, возможно, Ельцин и пытался избежать с самого начала. Правда, когда это стало происходить, уже и в помине не было массового движения, бюрократия стала не только стержнем, но и движущей силой новой государственности, а место самого «коллективного президента» все чаще занимала «семья», что не совсем то же самое.

Вскоре, после того как власть вместе с суверенной Россией достается Ельцину, движение идет на спад, и у него остаются лишь две опоры: государственный аппарат, то есть бюрократия в самом широком смысле, и он сам — тоже в широком смысле, как человек-институт. Режим вступает в новономенклатурную фазу развития, но этим его содержание тогда не исчерпывается. ...На одном из заседаний Президентского совета кто-то рассказывает Борису Николаевичу о весьма неприятных и, судя по его реакции, неизвестных ему обстоятельствах. Президент мрачнеет. «Но почему мне никто об этом не говорит?» — «Наверное, просто боятся...» Возмущение, вероятно, искреннее: «Меня боятся? Меня?! Уважать Президента надо, а не бояться...»

Здесь корень важного недоразумения. Конечно, Б.Ельцину могла быть неприятна сама мысль, что его, всенародно избранного главу Государства Российского, человека, в силу превратностей истории поставившего себе на службу демократическую стихию и принесшего ей присягу, кто-то мог упрекнуть в том, что он внушает страх. Его *не должны были бояться* в банальном смысле, как боялись какого-нибудь генерального секретаря или секретаря обкома советских времен. Авторы книги приводят немало убедительных примеров демонстративной немстительности вообще-то не склонного к всепрощению Ельцина. Наложенная им на себя «демократическая епитимья» позволяла, видимо, раскрыться лучшим человеческим качествам, объединяемым общим понятием *великодушие*, которое Борис Николаевич и демонстрировал чаще, чем этого можно было ожидать.

В сочетании с гораздо более многозначной особенностью типично русского характера, которую иногда называют «широтой души», оно и составляет основу «феномена Ельцина» как политической личности, в полной мере проявившей себя в 1989—1996 годах. К этому нельзя не добавить также отмечаемое авторами уважительное отношение первого российского Президента к Закону в тех случаях, когда

его требования явным образом входили в противоречие с политической целесообразностью. По крайней мере, когда аргументы в пользу закона и в пользу целесообразности уравновешивали друг друга, Ельцин неизменно делал выбор в пользу Закона. Если вспомнить его биографию и нашу историю, это не такая малая жертва, как может показаться какому-нибудь американскому конгрессмену. Став вождем демократов и антикоммунистов, он, похоже, очень быстро понял или почувствовал, что строгая легальность в современном обиходном, несколько облегченном понимании — единственное оправдание его права на власть в стране, в прошлом легитимировавшей свою государственность совсем другими способами.

Бывший первый секретарь Свердловского обкома КПСС не мог руководить Россией, увлекшейся идеей демократии прежде, чем политический класс по-настоящему разобрался в ее сути, не сказав себе чего-то вроде: «Демократия — это я!» Не исполнять роль демократа, не будучи таковым по природе и убеждениям (что, кстати, вполне возможно в сложившихся демократиях), а сделать из себя *главного демократа страны*, гаранта демократических преобразований, а затем демократической конституции — задача не менее сложная, чем стать и оставаться, подобно Петру Великому и его наследникам, *главными европейцами* в России XVIII—XIX веков.

Стремление решить эту задачу в гораздо большей степени объясняет «демократизм» Ельцина, по крайней мере в первый срок его президентства, чем предполагаемая оглядка на Запад или зависимость от него. В книге можно найти немало примеров того, как демократическое самовоспитание первого Президента Российской Федерации одерживало верх над тоталитарным воспитанием и самовластными инстинктами сильной и по-своему цельной личности. Есть там, конечно, и примеры прямо противоположного свойства.

Воплощая демократию в себе, как он ее представлял, стараясь вылепить из себя демократического правителя по собственному самобытному эскизу, Президент России уделял сравнительно мало внимания *политическому дизайну* страны как стратегическому проекту. После принятия в декабре 1993 года «ельцинской» Конституции, в основу которой была положена (правда, очень непоследовательно) идея гегемонии *президента — гаранта демократии*, реформа политических институтов, по сути, заглохла. Прекратились разговоры о необходимости реформы местного самоуправления, судебной и правоохранительной систем, «силовых структур» и так далее. Точнее, если что и продолжалось, то исключительно разговоры.

По свидетельству авторов книги, ежегодные президентские Послания, в которые помощники и все, кто был причастен к их составлению, пытались вложить некоторые системные принципы государственного строительства, последовательно бойкотировались госаппаратом, в первую очередь — именно в этой части. И дело здесь, очевидно, не только в плачевном экономическом положении страны или в блокировании любых президентских инициатив оппозицией и не только в том, что вскоре страна окажется ввергнутой в тяжелую

00350
Архив-библиотека ЕЛЬЦИН ЦЕНТР

и непопулярную войну в Чечне. По крайней мере, не меньшее значение могла иметь неясность в вопросе: с чего, собственно, начать новый этап реформ и какими должны быть ее последовательные этапы.

Похоже, Ельцин в целом удовлетворился принятием написанной как бы «под него» Конституции и объявил себя ее гарантом, а также сторонником ее неизменности в обозримой перспективе. Видимо, предполагалось, что *демократическая конституция*, как и другая мифологема — *рыночная экономика*, должна была начать работать сама, принося богатые плоды и не отвлекая более власть от насущных повседневных дел и заслуженного отдохновения по выходным. Чтобы сделать следующий шаг в государственном строительстве, нужны были мощные интеллектуальные и политические импульсы, а таковых не было.

Получив в наследство от претендовавших на роль «политической элиты» лишь крайне абстрактный, что называется, не про Россию, да и вообще не про одну конкретную страну писанный «план введения демократии» (собственно, формально отчасти и воплощенный в Конституции 1993 года, где он не столько определяет и ограничивает полномочия «Президента-гаранта» в системе власти, сколько несистемно ставит президентству палки в колеса), Ельцин в дальнейшем должен был действовать в условиях цейтнота и постоянного политического давления со всех сторон, принимая лишь *инкрементальные*, в терминах теории планирования (т.е. корректирующие, реагирующие), меры.

Нечто подобное, с некоторым опережением по фазе, происходило и с экономической реформой, зашедшей в тупик как стратегический, то есть предлагающий и политическое, и информационное, и другое обеспечение, проект уже весной 1992 года. После первых же *кризисов беспомощности* и экономическая, и политическая реформы оказались в цепких руках бюрократии с ее собственными целями и правилами.

...Ельцину, видимо, действительно не нравилась сама мысль, что его, первого демократического Президента Российской Федерации, кто-то может бояться. Даже не как Сталина, ставшего почти мифическим персонажем для нынешнего поколения политиков (но не для Ельцина, который в год смерти генералиссимуса вступал во взрослую жизнь), а хотя бы как его самого в бытность первым секретарем Московского горкома КПСС. В том-то, однако, и дело, что в таком смысле Бориса Николаевича, ставшего Президентом, вряд ли кто вообще всерьез боялся, иногда, надо признать, к сожалению. Его окружала атмосфера совсем другого страха. Страха, если можно так сказать, институционального. Опасение чиновника потерять место возле правителя, его благосклонность — все то «человеческое, слишком человеческое», что искони обволакивает и оттеняет любую власть на свете, и было если не единственным и даже не главным, то первым из барьеров, естественным образом отделивших российское президентство от организованного, политизированного общества, Президента — от людей, способных давать относительно объективную, но не

всегда приятную для главы государства и его ближайшего окружения информацию.

Бюрократия всюду обладает примерно одинаковым набором легко узнаваемых качеств. Говорят, сэр Уинстон Черчилль любил величать «наших гражданских служащих» (our civil servants) «нашими хамоватыми хозяевами» (our uncivil masters), и это его словечко повсеместно пользуется популярностью. При этом в каждой стране бюрократия своеобразна. Многих более или менее случайных посетителей кремлевских кабинетов удивляет, до какой степени *другим* выглядит обычно мир из их окон — более гармоничным, понятным, управляемым. Но повседневное благодушие может в одну минуту смениться здесь тревогой, готовой перерасти в панику, если в «городе» или в «стране», или особенно в самом Кремле, на Старой площади или в Белом доме случается что-то из ряда вон выходящее. И это благодушие, и эти тревоги могут быть и совершенно неадекватными тому, что в действительности происходит в мире, в стране, в городе Москве.

Нравы и обычаи кремлевского *демократического двора* нуждались, конечно, в коррекции. Однако это легче декларировать, чем даже только начать делать. Чтобы улучшить «породу» чиновничьего коллективного организма, недостаточно ни кадровых перестановок, какими бы частыми они ни были, ни структурных реорганизаций, ни создания все новых и новых контрольных органов. Необходимые в той мере, в какой они действительно необходимы, эти лекарства, воспринимаемые как панацея, оказываются либо совершенно бесполезными, поскольку идеально совпадают с «химией» самого организма, либо, если прописанные дозы слишком велики, даже худшими, чем сама болезнь. Во всяком случае, с точки зрения государственного управления паралич госаппарата ничем не лучше рутинного «мягкого» саботажа с его стороны. Совершенствовать бюрократию можно по-другому.

Во-первых, передавая часть ее функций другим, действующим параллельно, в известном смысле конкурирующим с ней и друг с другом государственным и общественным институтам. Во-вторых, делая ее более профессиональной, ориентированной в большей степени на менеджмент как профессию, призвание и искусство, чем на причастность к верховной власти как таковую, то есть предпочитая «приглашенного» управляющего имением крепостному «бурмистру». Обе задачи сложны, одни страны справлялись с ними, а другие — нет. У каждого государства здесь свои проблемы.

Российская верховная власть давно должна была бы выставить свой счет чиновничеству, которое, начиная с эпохи Петра I, составляет становой хребет государства. В плен к нему попадает даже Православная Церковь, управляемая как департамент православного вероисповедания и сталкивающаяся с требованиями нарушать тайну исповеди. В течение XIX века высшая бюрократия, разраставшаяся и усиливавшаяся под эгидой самодержавия, постепенно выходит из-под его контроля. В особенности увеличивается роль чиновниче-

ства, когда в первую очередь именно на него, а не на сословия и другие общественные силы, делается ставка при проведении реформ, связанных с именем императора Александра II. И это несмотря на создание земства, независимых судов и тому подобное. Юридически и идеологически Россия остается самодержавной, сакральной и отчасти сословной монархией, движущейся по пути конституционализма, но фактически она все больше превращается в государство бюрократии: министерств и департаментов, в особенности тех, которые ныне принято именовать «силовыми».

Сама императорская семья оказывается, по сути, под негласным надзором департамента полиции, а российская политика становится с начала XX века областью, где революция все очевиднее сдерживается в первую очередь провокацией. И в конце концов грань между ними почти стирается. Попытки вернуть верховной власти ее традиционное влияние традиционными же путями, прежде всего используя патриархальные отношения, свойственные, как кажется, императорскому двору, и возрождая его православный дух, приводят к совершенно непредвиденным последствиям — появлению того, что обобщенно называют «камарильей» и «распутинщиной». История вообще свидетельствует, что очень редко удается подняться по тому же склону, с которого соскользнул вниз.

В марте 1917 года Дом Романовых теряет власть, так и не захотев или не сумев довести до конца программу политических реформ, начатую еще во времена М.М.Сперанского и направленную на реальное ограничение того уже далеко не традиционного, патриархального «самодержавия», под эгидой которого все активнее и бесконтрольнее действовали бюрократия, политическая полиция, «камарилья», на создание ответственного «народного» (т.е. воплощающего в себе организованное общество) представительства и ответственного перед ним правительства. Вместо этого все свои последние годы императорская власть рассматривает парламент лишь как досадную, навязанную ей революцией 1905 года помеху, стремясь реформировать народное представительство и отчасти земство наиболее бесхитростным и прямолинейным способом, так, чтобы насколько возможно ограничить их политический вес и влияние, а также всемерно затруднить воздействие на их формирование организованных общественных сил.

В советский период обновленная бюрократия, «вооруженная» партбилетами и ставшая «партократией», только укрепляется. Для вчерашних крестьян, мещан, фабричных рабочих и их отпрысков причастность к верховной власти — не надежная привилегия, передающаяся из рода в род, в идеале заслуженная долгим трудом или милостью государя, а добыча или случайный дар, которых можно лишиться в мгновение ока по не всегда понятным причинам. Скорее как правило, чем как исключение, — вместе со свободой, жизнью и уж, во всяком случае, с партбилетом, утрата которого делает человека чем-то вроде римского изгоя, лишенного «огня и воды». Отсюда — особая круговая порука советской номенклатуры, внешне парадоксально сочетающаяся с соперничеством, тем более жестким, что игра идет

фактически без четких правил, задаваемых нормой или обычаем — будь то местничество или табель о рангах в старой России или статуты гражданской службы в современных государствах. Все те общественные организмы, которые не уничтожаются или не подавляются режимом, — наука, культура, образование — реорганизуются на номенклатурных началах.

Номенклатура — действительный правитель советской России, чья власть лишь временами умеряется или дезорганизуется террором — репрессиями и чистками, инициируемыми чувствующими угрозу правителями. Язык — предатель: не случайно сами они именуют себя генеральными или первыми *секретарями*. «Не бог, не царь и не герой», а именно секретарь любого уровня — подлинный двигатель аппарата, и генеральный секретарь — *секретарь секретарей*. Бывают периоды, когда не вполне ясно, кто управляет страной — известные всем по президиумам партсъездов личности или безличная анонимная аппаратная сила, действующая под псевдонимом «коллективная воля партии».

Едва ли не все, кому доводилось быть ее персональным воплощением, кроме разве что И.Сталина и Л.Брежнева, в какой-то момент оказывались в критической оппозиции к ней и последовательно отвергались, изолировались или уничтожались ею: В.Ленин в последние свои месяцы, Л.Троцкий, Н.Бухарин, Л.Берия, В.Молотов, Н.Хрущев и многие, многие другие «вожди», «теоретики» и «любимцы» большевистской партии. Впрочем, и конец Сталина во многом загадочен, а больным Брежневым, как теперь известно, нередко беззастенчиво манипулировали.

Во времена М.Горбачева все это отчасти вышло на поверхность: мы то и дело наблюдали какие-то действия от имени верховной власти, к которой она не имела или не хотела иметь отношения. В известном смысле ГКЧП — не случайная авантюра, а глубоко закономерное событие отечественной административной истории, начавшееся и завершившееся, в силу особых обстоятельств, не под покровом тайны, как обычно, а на глазах у всего мира. Столь же не случайны и «предательство» номенклатуры союзных республик СССР, занявшейся в 1990—1991 годах собственным спасением под лозунгами национального самоопределения, и главное — финал всей этой истории. Советский Союз развалился как по мановению волшебной палочки, поскольку единственное, что его скрепляло, была знаменитая властная (номенклатурная) *вертикаль*, не оттененная, не подкрепленная и не уравновешенная другими политическими и общественными институтами. Союзные республики СССР с точки зрения этнокультурного своеобразия по отношению к стране в целом если и отличались от канадского Квебека, то в лучшую с точки зрения объективных предпосылок сохранения единства сторону.

Однако в них не было того, что есть в Квебеке, в Северной Ирландии, в Стране Басков, — организованного представительства и волеизъявления как сторонников сецессии, так и сторонников единства, притом что и местная, и центральная власти не могут игнорировать

ни тех, ни других. Сторонники сохранения СССР оказались в критический момент институционально и организационно бессильными. И их аппаратно переиграли. Но нечто похожее произошло и в 1917 году, когда альтернативами бюрократическому распаду страны после Февральской революции, обернувшемуся в условиях войны анархией, вынуждены были стать — каждое по-своему — лишь Белое движение и Красная армия.

В период президентства Ельцина, в октябре 1993 года, мы были свидетелями очередной эскапады госаппарата: тогда Президенту страны пришлось буквально уговаривать «силовые структуры» оказать ему поддержку, а они лишь старательно демонстрировали бег на месте. Рассказ об этих событиях в книге производит сильное впечатление: «А сколько ты стóишь, спроси свою рать, которой случалось тебя продавать...» И вновь, как в августе 1991 года, на защиту верховной власти первыми вышли простые люди, поддержанные на этот раз, как и тогда, некоторыми властными институтами и общественными организациями.

Плачевный конец реформ, начатых при Александре I и завершившихся революцией при Николае II, а также неопределенный на сегодняшний день итог реформ, связываемых с именами Горбачева и Ельцина, заслуживают того, чтобы российское общество и в первую очередь верховная власть пристально изучили бы возможные системные причины неудач и провалов. Представляется, что в немалой степени эти неудачи связаны как раз с отсутствием рефлексии по поводу природы того, что по определению должно быть простым покорным орудием этой власти — государственного аппарата.

Уже последним российским императорам недоставало ясного понимания того, что бюрократия для них — не только обычно послушная рука самодержавия, но, особенно в критических ситуациях, также и иная, «лукавая» ипостась революции. Не хватало и политической воли, чтобы опереться в противостоянии им обеим на народное представительство и самоуправление. Советским же правителям, кроме М.Горбачева, мысль об *институциональном* ограничении номенклатурного чиновничества, судя по всему, и в голову не приходит. Они либо чувствуют себя в силах постоянно справляться, как Сталин, Хрущев и, возможно, Андропов, с многоголовой гидрой номенклатуры, либо увязают в тенетах рутинной власти, становятся ее орудиями настолько, что даже наедине с собой, кажется, не решаются подумать об изменении порядка вещей.

Если в ряде стран, на которые Россия равнялась не только в 90-е годы, но и до 1917-го, бюрократия оказалась так или иначе ограниченной в своей власти и специализированной, то у нас этого не происходит. Дело в том, что в этих странах, чья политическая мысль, несомненно, влияла на отечественную, не была выработана особая «противобюрократическая» политическая философия, в которой там, по большей части, просто не было особой практической надобности. Проблемы необходимости народного представительства, самоуправления, независимого суда и т.д. ставились в них *совсем в других кон-*

текстах, прежде всего в контексте сословного самоутверждения, а затем — антисословных, классовых реформ и революций, наконец — этнокультурных движений. Задача создания институциональных конкурентов угрожающе крепнувшей бюрократии, таким образом, если не решалась сама собой, то и не выходила на первый план политической теории и практики как самостоятельная и *ключевая* проблема государственного строительства.

Именно неполная адекватность в этом отношении западного политико-философского контекста российской действительности во многом мешала самодержавной власти понять проблему представительства и самоуправления не как сословную, классовую или «национальную», к чему власть не была и не могла быть готова, не как специфически «западную», а как свою *российскую*, как *управленческую* (вроде петровских и екатерининских реформ), решение которой необходимо прежде всего для самосохранения и укрепления самой исторической власти. Этот диссонанс настраивал последних Романовых против «европейских революционных» институтов, которые в конечном счете и действительно вначале возникли у нас как чисто революционные, будучи силой вырванными у самодержавия в результате революции 1905 года, а затем немало способствовали его краху в марте 1917 года.

Не было противобюрократического генотипа и у *эрзац-плана* государственного строительства в 80—90-е годы, когда в России происходит «возрождение» парламентаризма, федерализма и самоуправления. Они вновь начинают восприниматься преимущественно в западном политико-философском контексте — как способы разделения властей по горизонтали и вертикали в целях ограничения *центральной исполнительной* власти. Но понятие такой власти в России — абстракция, поскольку за ним скрывается глубоко противоречивое «двуединство» верховной власти и бюрократии, то есть, по сути, — никакая не специализированная исполнительная власть в современном понимании, а все та же самодостаточная постсоветская номенклатура.

Что же касается Запада, то там общефилософская теория разделения властей давно уступила место гораздо легче переводимой на политико-технологический язык концепции «сдержек и противовесов», в которую органически, хотя и не всегда заметно, входит и представление о необходимости сдерживать государственный аппарат нормами и уравновешивать его политическими институтами.

Первая попытка осуществить на практике принцип разделения исполнительной и законодательной властей, применив исторический опыт Запада, закончилась трагедией. Поправки, вносившиеся в Конституцию РСФСР 1978 года, привели к открытому противостоянию, а затем, в 1993 году, и к вооруженному столкновению президентства, претендовавшего на роль независимой исполнительной власти, со Съездом народных депутатов, претендовавшим на роль власти верховной, если даже не самодостаточной.

Вторая попытка, связанная с принятием Конституции 1993 года, оказалась более удачной. Несмотря на очевидные недостатки (относительная — едва ли оправданная в длительной перспективе —

слабость нового парламента, противоречия в определении системы «федеративных отношений», невнятица со статусом и характером местного самоуправления и другие), в России все же удалось создать систему представительства, по крайней мере, иногда корректирующую, в полезном для самой власти и для общества смысле, действия исполнительной власти, в первую очередь — инициируемые ею законопроекты. Однако то обстоятельство, что «противономенклатурная» философия так и не стала ясно выраженной составляющей несколько абстрактного конституционного проекта 1993 года, привело к тому, что важнейшая именно для России практическая проблема взаимоотношений верховной власти и бюрократии не нашла адекватного отражения в статьях Основного Закона и в развивающих его принципы обычных законах.

Не получивший важнейших механизмов воздействия на номенклатуру (институты парламентского расследования, парламентского запроса, принцип ответственного правительства и тому подобное) парламент оказался ограниченным в возможностях сдерживать ее незримое всевластие в интересах не только общества, но и самой верховной политической власти в целом. Более того, он сам стал объектом пристального внимания новой номенклатуры, которая начала активно использовать его в своих целях, применяя самые различные политические технологии.

Что касается реформ судебной системы, прокуратуры, местного самоуправления, не только позволяющего раскрыться возможностям общества, но и уравновешивающего всевластие региональных губернаторов, то они не застопорились бы, если бы власть ясно понимала, что ей самой эти реформы нужны не меньше, чем обществу. Скорее — даже больше.

Номенклатура между тем быстро преобразовывалась. Утратив страх перед партией («фактор партбилета») и, следовательно, перед руководителем, хотя бы теоретически способным терроризировать ее с помощью партийных чисток, она чрезвычайно быстро «экономизировалась», вступив в сложные симбиотические отношения с олигархами, большинство которых сама и породила. Более независимая и более коррумпированная, чем ее предшественница, новая номенклатура стала еще хуже управляться с помощью властных рычагов. Уменьшилась и ее способность реагировать на импульсы, приходящие извне. Более того, она не раз предпринимала попытки уже не просто тонко и дистанционно воздействовать на верховную власть, бесцеремонно меняя руководителей в случае крайней необходимости, а, по сути, стремилась полностью подчинить ее себе, превратив из хотя бы потенциального арбитра в одного из «игроков» — того театрального «короля», которого играет окружение.

Так стал вести себя аппарат в целом. Каждый же отдельный чиновник, минимально защищенный в качестве «госслужащего», продолжал бояться любого каприза правителя, препятствуя всему, что могло бы нарушить его благодушие и сказаться на благорасположении к нему.

При всем, что происходило со страной, было понятно — надо укреплять вертикаль власти. Однако, укрепляя одну лишь вертикаль, и сама власть, и общество рискуют вновь стать ее заложниками. И выбор, перед которым мы стояли и стоим, очень прост: или глубокая политическая реформа, сопровождающаяся ростом общественной самодеятельности и самоуправления, или возвращение к управлению аппаратного типа, вероятно, усовершенствованному за счет использования современных политических технологий разных оттенков серого цвета.

В последнем случае, как это бывало и прежде, аппарат будет пытаться превратить все вокруг себя, в идеале — все общество, в периферию бюрократии (своего рода общенациональное «военное поселение» вместо гражданского общества), а у власти, не желающей быть заложницей аппарата, останется в борьбе с ним *последний довод* правителей — устрашение, опирающееся на симулированную поддержку всего общества и стимулированную — его маргинальной части. И устрашение же станет орудием борьбы самого аппарата со всеми организованными проявлениями небюрократической гражданской жизни. Как далеко в очередной раз зайдет аппаратное перерождение общества и каким будет аппаратное и антиаппаратное устрашение — высоко- или низкотехнологичным, виртуальным или реальным, правовым или внеправовым, «красным», «розовым» или «белым», антиолигархическим, антигубернаторским или антимэрским, — зависит уже от обстоятельств.

Ельцин не мог не ощущать происходившего возрождения номенклатуры, которой он как «отступник» с самого начала едва ли доверял, но на которую вынужден был преимущественно опираться за неимением чего-то другого. Очевидно, в тот момент, когда он это почувствовал, и появилась в Кремле та команда помощников, которая написала эту книгу. У каждого из них была своя биография, объединяло их, однако, то, что все они выходцы из небюрократической среды — преимущественно университетская и академическая публика с некоторым опытом политической деятельности, приобретенным в конце 80-х — начале 90-х годов. На них хотел опереться и, по счету власти, очень долго — примерно до 1995 года — опирался Президент. Они были его альтернативными, по отношению к аппарату, глазами, ушами и иногда — руками. Два-три года их можно было считать неотъемлемой частью «коллективной личности Президента».

Нельзя сказать, что кремлевская бюрократия приняла их сразу в штыки, но и распростертых объятий не было. Создавая группу помощников, Ельцин устроил одну из так называемых «рокировочек» в своем вкусе, назначив ее руководителем «крепкого администратора» В.Илюшина, в то время как главой президентской Администрации был «интеллектуал» С.Филатов (кавычки в обоих случаях, поскольку определения относятся к ролям). Однако и это, как и явное, даже демонстративное поначалу благоволение Президента к своим новым молодым сотрудникам, не всегда защищало их от аппаратных интриг.

Бюрократия не раз жестоко «учила» их и действительно кое-чему научила. Они худо-бедно овладели искусством аппаратной интриги, сохранив, что удивительно, и дух команды, и открытость.

Никогда в своей истории Кремль не был таким открытым для общества, увы, во всех его проявлениях, как в то время, когда эта команда была там. Один из очень уважаемых и вовсе не близких к Президенту людей сказал тогда: «Пока они там, я не могу считать эту власть совершенно чужой». *Они* — это команда помощников со всеми теми, кто им сочувствовал и в меру сил помогал внутри Администрации и вне ее. То, что и в самой Администрации, и в Правительстве у них были союзники и болельщики, доказывает, между прочим, что номенклатурный синдром — не родовое проклятье бюрократии, а ее тяжкая болезнь, вызванная особым состоянием окружающей общественной среды. Он ослабляется, если не исчезает вовсе, при обозначении альтернативы.

Являясь все менее пригодным для использования, но все же мостиком между обществом и верховной властью, помощники не могли не чувствовать себя как между молотом и наковальней, нередко принимая на себя удары общественного негодования и не имея морального права отводить их на кого-то другого. Должен покаяться: у меня долго сохранялось тяжелое чувство после того, как перед началом первой чеченской войны я передал через одного из членов команды записку, предназначенную для Президента, в которой пытался показать катастрофические последствия непродуманной и неподготовленной операции. Очевидно, на нее не обратили ни малейшего внимания, и у меня отпало всякое желание выяснять почему. Только читая рукопись этой книги, я узнал, что моего несостоявшегося «почтальона» Президент в то время и еще долго после этого просто не пускал к себе, и тот был готов уйти в отставку... Только они сами вправе были решать, и Бог им судья, надо ли было стоически терпеть до последней возможности, думая, что не все общественные ресурсы власти исчерпаны, или стоило однажды всем вместе хлопнуть дверью.

Впрочем, обо всем этом и многом другом не место говорить в предисловии — мы подходим к проблемам и темам, подробно изложенным в самой книге. Настойчиво рекомендую прочесть ее всем политикам с умом и совестью, особенно молодым и, конечно, студентам-политологам.

...Три года проработала президентская команда в Кремле, и еще года три большинство тех, кто в нее входил, продолжали оставаться там в разном качестве, пытаясь исполнять свой долг. Ельцин слабел, но старался не выпускать из рук управление страной. Это можно было делать, только ограничивая число подручных рычагов управления минимумом самых главных, передоверяя остальные другим и отводя глаза от того, что происходит на еще недавно своей, а теперь «сданной» или «уступленной» территории.

При таком режиме управления команда помощников, а потом и отдельные люди, входившие в ее состав, оказывались во все более двусмысленном положении. Они были способны помогать Президен-

ту в деле управления, но, конечно же, не могли управлять страной за Президента. И они уходили один за другим, по мере того как зоны их профессиональной ответственности одна за другой выходили из-под прямого президентского контроля. Тем, к кому контроль над ними переходил, эта команда была не нужна.

Президент между тем все больше терял политическую почву под ногами. Проще всего заявлять, что попытка импичмента, предпринятая в 1999 году, — лишь орудие политической борьбы и происки политических врагов. В действительности то, что инкриминировали Ельцину противники, в высшей степени раздражало и большую часть народа, оскорбленного и подавленного распадом СССР, конфискационной экономической реформой, расстрелом Белого дома, войной в Чечне и приватизацией в той форме, в которой она прошла. Но так же опрометчиво утверждать, что победа Ельцина в 1996 году, когда он был наименее популярен, или его официального «наследника» В.Путина в 2000 году — лишь результат манипуляции общественным сознанием.

Один из опросов общественного мнения, проведенный весной 1998 года, показал, что советскую власть считали «законной», «народной» и «своей» соответственно 32, 36 и 32%, тогда как нынешнюю — лишь 12,2 и 3%. Эти цифры в высшей степени показательны. Действительно, если идея советской государственности все еще разделяется крупным и достаточно солидарно мыслящим меньшинством общества (на него, очевидно, в первую очередь и ориентируются коммунисты на президентских и парламентских выборах), то идеологии «новой России» как массового общественного явления просто не существует. Это не означает, что такая Россия в принципе никому не нужна и что за нее некому постоять. Когда в 1991 и 1996 годах сходились лицом к лицу коммунистический и некоммунистический кандидаты, заметное большинство избирателей предпочитало не коммуниста — и именно потому, что он не коммунист. Сходная ситуация, с некоторыми оговорками, сложилась и в 2000 году.

Меньшинство в стране точно знает, чего хочет, большинство знает только, чего ему не хотелось бы. Рады бы полюбить новую власть, которой вроде бы не хочется того же самого, — да никак не получается. Не дает она поводов влюбиться в себя. В России на президентских выборах все еще соперничают две незримые партии, расколовшие общество: сторонников «старого порядка» и его противников. Партии, образованные вокруг других, в том числе прагматических идей, до этих выборов не доходят, да и вообще по указанным уже выше причинам массовыми не становятся. Голосование же на этих важнейших для страны выборах носит пока преимущественно негативный и личностный характер: рыхлая и неустойчивая коалиция большинства собирается против возвращения коммунизма или/и в поддержку личности, не связываемой с коммунизмом, а не в защиту нового государственного устройства, дискредитированного в общественном сознании.

В этих условиях вопрос о поисках «наследника» — гаранта демократической конституции становился решающим. Просто ждать очередных выборов в расчете на то, что демократические институты все сделают сами, новому окружению Президента казалось, видимо, опасным. И как только Борис Николаевич определился с «наследником» своего дела, он ушел.

Ельцина сравнивали и, видимо, будут сравнивать с разными российскими правителями: чаще всего с Борисом Годуновым (прежде всего по соблазнительной одинаковости имен), в апогее карьеры — с Петром Великим, иногда — с Иваном Грозным, в ее конце — с Василием Шуйским или даже Анной Иоанновной. Такие сравнения, использующие какие-то общие черты характера или детали биографии, столь же заманчивы, сколь и необязательны. Различие исторических контекстов часто обессмысливает их. Надо было обладать остроумием и безапелляционностью Шамфора, чтобы вынести не подлежащий обжалованию вердикт: «Генрих IV был великим государем, а Людовик XIV правил в великое время». Интереснее и, главное, полезнее сопоставлять действия различных государственных деятелей, отвечающих на сходные вызовы.

Не всегда замечают, что Президент Ельцин сталкивался со многими из тех проблем, которые возникали и перед последним российским императором, в том числе и с теми, в которых запутался в последние свои недели и погиб Николай II. Соблазн опираться не столько на политические институты, уравновешивая их и ограничивая в чрезмерных претензиях, сколько на «камарилью» или «семью». Соблазн «маленькой победоносной войны», обернувшейся позорным поражением и в 1905, и в 1996 годах. Но при этом, в отличие от предшественника, Ельцину иногда удавалось развязывать или разрубать узлы, которые завязывала бурная политическая история 90-х годов, чем-то существенным, а не только яркими деталями, напоминающая историю предреволюционного десятилетия.

Ельцин хладнокровно расстрелял выборный орган, восставший против своего роспуска и вольно или невольно ставший центром мятежа. Подавил уличный бунт, грозивший опрокинуть власть. Вопреки своей репутации непримиримого в отношении парламента политика, осенью 1998 года, когда в стране разразился кризис и оппозиция Думы стала опасной, пошел на создание по сути «ответственного министерства». Несколько раз решительно избавлялся от «камарильи», вновь и вновь возникавшей вокруг него. Неоднократно, даже в ущерб приличиям, жертвовал протоколом — иногда во имя прихотей и страстей, но и ради дела тоже. Наконец, как и предшественник, ушел до срока, однако загодя подготовив свой уход и оставив власть тому, кому должен был оставить по закону, а не кому вынудили обстоятельства. Император Николай II во всех сходных случаях поступал по-другому.

Две фигуры, одна из которых стоит на пороге коммунистического периода нашей истории, а другая — завершает его, как бы ведут заочный политический диалог. Не знаю, думал ли об этом сам Ельцин, но во всем этом — еще больше странная связь двух правителей, чем

в том символическом обстоятельстве, что он в начале своей политической карьеры по приказу сверху разрушил дом, где была убита семья Николая II, а на ее закате внезапно для многих приехал в Петербург проводить царскую семью в последний путь, на что не решился более никто из высших чиновников государства. Ельцину всегда особенно удавалась хорошая мина при плохой игре.

И этот поступок стал одной из последних и одной из самых бескорыстных ельцинских «загогулин», когда неожиданным ходом ему удавалось смешивать карты противников и госаппарата и оборачивать в свою пользу невыгодные обстоятельства. Последней «загогулиной» стала его отставка. Многим она показалась вначале очередной победой бюрократии, которых было так много в политической истории России. Авторы этой книги показывают, что это, по меньшей мере, не совсем так. Ельцин шел к своему решению долго и принял его осознанно. Книга позволяет убедиться, что многие его «экспромты», в том числе важнейшие, готовились загодя, учитывались все известные факты и по возможности просчитывались все последствия. Вряд ли и на этот раз было по-иному. Во всяком случае, один из тех, кто входил в его последнюю — уже без авторов книги — президентскую команду, высказался на одном собрании, состоявшемся в Москве еще в середине ноября 1999 года, в том смысле, что «с нового года в стране будет новый хозяин». Тогда мало кто обратил внимание на эту фразу.

Первый Президент Российской Федерации ушел по-театральному красиво, не так, как уходят побежденные, но это не было и уходом победителя. Аппарат не одолел его, но и он не смог одержать над ним историческую победу. Проклинаемый врагами и критикуемый сторонниками и союзниками, он сам отдал власть тем, в чьих руках теперь не только рычаги государственного управления и судьба молодой послебольшевистской государственности, но и его собственная историческая репутация. Он подарил преемникам ваучер на свое политическое наследие и предпочел — или вынужден был — принять отложенный вердикт истории. Будем надеяться, что ему выпадет выигрыш и на этот раз, когда уже не он, а за него играют черными в цейтноте. В этом случае выиграла бы и Россия.

Алексей САЛМИН,
доктор исторических наук.

---

[1] *Aron Leon.* Yeltsin: A Revolutionary Life. N.Y., 2000; *Smith, Gordon B. (editor)*; State-building in Russia: the Yeltsin legacy and the challenge of the future. N.Y., 1999; Конец ельцинщины. Будапешт, 1999; *Клямкин И., Шевцова Л.* Внесистемный режим Бориса II: Некоторые особенности политического развития постсоветской России. М., 1999; *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. М., 1999; *Кимура, Хироси.* Борис Ельцин. Путь первого российского президента. Токио: Марудзэн кабусики кайся,

1997; *Bonet, Pilar.* La Rusia imposible: Boris Yeltsin, un provinciano en el Kremlin. Madrid, 1994; *Miller Calvin Craig.* Boris Yeltsin: First President of Russia. Greensboro, N.C., 1994; *Schecter, Kate (introductory essay by Vito Perrone).* Boris Yeltsin. N.Y., 1994; *Steinbacher Willi.* Boris Jelzin und seine Era. Frankfurt am Main, 1994—1995; Ельцинщина. Будапешт, 1993; *Klepikova Elena and Solovyov Vladimir.* Boris Yeltsin: a political biography. N.Y., 1992; *Kerneck, Barbara.* Boris Jelzin. Ein Portrait: Staatsmann in der Krise. Stuttgart, 1991; *Kerneck-Samson, Barbara.* Boris Jelzin: ein Portrait. Munchen, 1991; *Morrison, John.* Boris Yeltsin: from Bolshevik to Democrat. N.Y., 1991 и др. Здесь и далее — лишь наиболее известные книги о первом президентстве в Российской Федерации.

[2] *Попцов О.М.* Хроника времени «царя Бориса»: Россия, Кремль, 1991—1995. М., 2000; *Филатов С.* Совершенно несекретно. М., 2000; *Ильин А., Кадацкий В., Никифоров К., Пихоя Л.* Отзвук слова. Из опыта работы спичрайтеров первого Президента России. М., 1999; *Костиков В.* Роман с Президентом. М., 1997; *Коржаков А.* Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., 1997; *Суханов Л.* Три года с Ельциным: записки первого помощника. Рига, 1992 и др.

[3] Сборник документов и материалов Специальной комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по оценке соблюдения процедурных правил и фактической обоснованности обвинения, выдвинутого против Президента Российской Федерации, и их рассмотрения Государственной Думой 13—15 мая 1999 года. М., 1999; *Захаров А.* «Яблоко» против Президента Б.Ельцина: Сокр. стеногр. слушаний в Конституционном Суде о невозможности избрания Б.Ельцина Президентом РФ на очередной срок. М., 1999 и др.

[4] *Млечин Л.М.* Формула власти. От Ельцина к Путину. М., 2000; *Андриянов В., Черняк А.* Одинокий царь в Кремле. М., 1999; *Поморов А.А.* Ельцин — трагедия России. М., 1999; *Краскова В.* Серые кардиналы Кремля. М., 1998; *Соловьев В., Клепикова Е.* Борис Ельцин: политические метаморфозы. М., 1992; *Федоров (Сахалинский) В.П.* Ельцин. М., 1995; *Гусейнов В.А.* От Ельцина к ...?: Хроника тайной борьбы: В 2 кн. М., 1999. Кн. 1: Спасительная соломинка, август 1996 — декабрь 1997. Кн. 2: Пьянящий дурман власти, январь 1998 — июнь 1999.

[5] *Воропайкин Ю.* Судьбы избранник (роман в 3 кн. о Б.Ельцине). СПб., 1999.

[6] *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. М., 1990; *Ельцин Б.Н.* Записки Президента. М., 1994; *Ельцин Б.Н.* Президентский марафон. М., 2000.

От авторов

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Готовя книгу «Эпоха Ельцина» к переизданию, мы решили не менять в ней ни слова. Причин несколько. Первая и самая главная: Борис Николаевич ее, можно сказать, благословил. Надо сказать, что мы писали ее в полной изоляции от главного героя и кого бы то ни было, кто мог бы от его имени проконтролировать процесс и результат. Поэтому когда книга вышла, мы передали ее Б.Н.Ельцину не без волнения. Спустя некоторое время он пригласил нас к себе — обсудить.

Сначала с нами говорила Наина Иосифовна — муж задерживался (чего при наших встречах никогда не бывало раньше). Она рассказывала, как Ельцин читал книгу («То сердился, то плакал, то бросал, то снова читал...»). Короче, становилось ясно, что отношения между книгой и ее героем складывались непросто. Потом пришел Борис Николаевич, мы расселись. К теме перешел не сразу и начал так: «Книжка получилась хорошая. Но без некоторых эпизодов она была бы лучше». Находчивый Вячеслав Костиков отреагировал сразу: «Борис Николаевич, но без этих эпизодов ей бы и не поверили!» Президент посмотрел на Вячеслава Васильевича, потом опустил глаза вниз и поджал губы. Пауза закончилась одним в расстановку произнесенным словом: «Пожалуй». И дальше все покатилось к обоюдному удовольствию. Закончилось благословение тем, что каждый из нас получил в подарок нашу книжку, но с автографом нашего же героя.

Так вот. Бориса Николаевича нет, и новую редакцию он прочитать не сможет (или мы об этом все равно не узнаем). А потому текст должен остаться таким, каким он его читал.

Вторая причина: книжка неожиданно для нас (без кокетства) сложилась. Она активно цитируется, проигрывая только книгам самого Ельцина. Потом мы стали узнавать, что преподаватели исторических факультетов разных ВУЗов, независимо от своих идеологических позиций, рекомендуют студентам нашу книгу как наиболее объективную. А ведь она написана сотрудниками президента. Мы восприняли эту информацию как комплимент и решили, что это еще один аргумент в пользу того, чтобы не пытаться ее улучшать.

Третья, последняя причина связана с тем, что с момента создания книги прошло почти десятилетие. Когда мы писали, лицо, практика, достижения нынешнего режима еще не проявились. Он нам не мешал своим присутствием. И мы писали просто про Ельцина и его эпоху. Последующий период создавал очевидный для нас контраст с предшествующим. Точнее, два контраста. Первый — мифологический. Пропагандистами целенаправ-

ленно внедрялись в общественное сознание заклинания вроде «лихие девяностые» или «ельцинский хаос». Второй контраст формировался сам собой практикой режима — сворачиванием федерализма, свободы слова, политической конкуренции, свободы предпринимательства, бешенным ростом коррупции и имущественного расслоения, стремительным взлетом ксенофобии и т.д., и т.п. Был риск, что, начав корректировать текст, мы ударимся в жанр сравнительного бытописания и, защищая Ельцина, не нуждающегося в защите, похороним основную тему — эпоху и ее героя.

И еще. Борис Николаевич никогда не нападал на своих политических оппонентов. Сколько не ищите, вы не найдете в его выступлениях выпадов против них. А мы ведь ему писали, и еще как. А он, рвя пером бумагу, все наши инвективы вычеркивал. Нам подумалось, что начни мы сейчас сами в этой книге бросаться в контратаку, он бы этого не одобрил. И вычеркнул, если бы мы ему показали рукопись.

Масштаб эпохи, ее героя, масштаб совершившегося настолько очевиден, что не нуждается в страстных обоснованиях и суетливой защите. Не нуждается именно в этой книге. Просто читайте то, что было написано тогда. Мы подписываемся под всем, что написали раньше, и не хотим менять что-либо или дополнять чем-либо. Читайте и думайте.

Часть I

От СССР — к России:
путь страны и героя

Глава 1

Появление героя

(ДО АВГУСТА 1988)

Свердловский трамплин

Превращение Б.Ельцина из партийного функционера областного масштаба в самого популярного в России политика началось в середине 80-х и заняло несколько лет. Этот период пришелся на яркие и неординарные годы, закрепившиеся в сознании современников как «горбачевская перестройка». Тогда будущий первый Президент России едва ли мог предполагать, какие крутые виражи уготовила ему судьба.

Б.Ельцин возглавлял Свердловский обком КПСС, руководил одной из самых мощных российских областей, и, как считали в вышестоящих инстанциях, весьма успешно. Он сумел стать, как было принято говорить, «хозяином», отстроить механизмы личной власти в областном масштабе. Лидерство Б.Ельцина признали не только аппаратчики обкома, руководители городского и районного звеньев, но и директора крупнейших предприятий.

Ему удалось то, что являлось предметом зависти многих коллег в других регионах, — завоевать не только авторитет, но и искренние симпатии земляков. И это в условиях, когда скепсис и недоверие к власти выглядели чуть ли не нормой. Он выгодно отличался от типичного руководителя эпохи застоя, более того, динамичный, знающий свое дело, он разительно контрастировал на фоне дряхлых небожителей из брежневского политбюро. Это подмечали люди. Это не мог не осознавать и сам свердловский первый секретарь.

Освоившись в должности крупного партийного руководителя, постигнув механизмы управления огромным регионом, равным по потенциалу иным государствам, полный сил, он начинал чувствовать, что областные мерки становятся ему тесными.

Между тем Б.Ельцин понимал, что, пока наверху правит бал «днепропетровская группировка» Л.Брежнева, трудно подняться на высокую орбиту. Были и другие сдерживающие обстоятельства: тогдашний генсек явно не жаловал Свердловскую область. За многие годы своего правления так и не нашел времени побывать здесь, где когда-то жил и работал. Даже в своих пресловутых мемуарах, многомиллионные тиражи которых буквально завалили книжные магазины страны, написал об этом, но уж очень скупо — не то что о целине, Днепропетровске или Молдавии.

Не любил вспоминать Леонид Ильич о том периоде, когда работал на Урале землемером и, как сам говорил, «участвовал в переводе деревни на колхозные рельсы». Не объяснял, почему так неожиданно, бросив все, вернулся домой, на Днепропетровщину, и начал фактически «с нуля». Но знал генсек: раз уж дана установка изучать историю страны сквозь призму его жизни, значит, уже роются в свердловских архивах, и что они там накопа-

ли и, главное; как этим распорядились — за всем и за всеми не уследишь. А если так — лучше не бередить, не тревожить прошлое.

Другое «препятствие» — близкий соратник Л.И.Брежнева — Андрей Павлович Кириленко, в 60-х годах, в начале «великого двадцатилетия», работавший первым секретарем Свердловского обкома партии. Этого инициатора «уральского скачка» к коммунизму жители области еще долго поминали недобрыми словами.

Выполняя директивы Н.Хрущева о резком подъеме животноводства, он распорядился пустить под нож значительную часть поголовья скота и отрапортовал о гигантском росте производства мяса, за что был награжден и повышен в должности. Восстанавливать же «вырезанную» отрасль пришлось его преемникам. И хотя с тех пор немало воды утекло, едва ли А.Кириленко захотел бы видеть среди ближайших коллег одного из них.

Но это лишь некоторые косвенные причины «карьерного торможения» перспективного партработника. Решающую роль играл все более заметный кадровый застой в центральном партийном аппарате. К тому же Б.Ельцин явно не преуспел в модном тогда искусстве чинопочитания, лести и лицемерия, и объяснялось это особым складом характера, тем, что от природы имел «плохо гнущийся позвоночник».

К этим «минусам», видимо, следует добавить и не вполне чистую биографию, в которой и неблагонадежное кулацкое происхождение, и репрессированный в 30-е годы отец. Последнее само по себе являлось почти непреодолимым препятствием на пути в класс номенклатуры, особенно в его высший эшелон. После хрущевской «оттепели» из этого правила появились, однако, определенные исключения.

Ситуация в стране и в самой партии начала меняться с избранием Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева. Молодой, по тогдашним «стандартам» политбюро, выдвиженец Ю.В.Андропова видел всю пагубность «геронтологического» уклона в руководстве страны. Потребность в обновлении была очевидна. И ему предстояло совершить настоящую кадровую революцию. Забегая вперед, скажем, что осуществить ее в полной мере так и не удалось. Однако эпоха перемен все же востребовала новых людей. В основном это были представители того поколения, чье становление как руководителей пришлось на постсталинский период, люди достаточно образованные, имеющие практический опыт и вместе с тем необремененные догматическими представлениями о путях «построения коммунизма».

Б.Ельцин по всем этим параметрам полностью отвечал новым кадровым требованиям, и высокое назначение не заставило себя ждать. Обстоятельства сложились так, что инициатива перевода первого секретаря Свердловского обкома в Москву принадлежала члену политбюро Егору Кузьмичу Лигачеву. По его воспоминаниям, Б.Ельцин произвел на него весьма благоприятное впечатление. И это неудивительно. В середине 80-х годов Б.Ельцин не только находился в расцвете сил, был энергичен, но и, что не менее важно, решительно поддерживал курс на перемены в партии и государстве. Более того, он никогда не был замечен в оппозиционности и «идейных шатаниях». Не исключено, что Е.Лигачев, претендовавший на более высокое положение в партийной иерархии, видел в Б.Ельцине одну

из своих надежных опор. Как известно, он жестоко просчитался и позже раскаивался в столь опрометчивом выборе.

Сам Б.Ельцин редко и скупо вспоминал о тех днях. Но нетрудно догадаться, какие сложные чувства обуревали его тогда. С одной стороны, в Свердловской области все тебе известно и под контролем, заведенный механизм надежен, работает как часы, но с другой — подобный шанс выпадает нечасто, и, если откажешься, другого такого случая не будет. Тогда придется смириться с тем, что достиг потолка карьеры. Немаловажную роль в выборе играла и «партийная дисциплина». Перевод в Москву следовало рассматривать прежде всего как новое партийное поручение и принимать его без колебаний.

Известие о предполагавшейся смене руководителя обкома довольно быстро распространилось по всему Среднему Уралу и вызвало у людей чувство сожаления. Б.Ельцин, употребляя современную терминологию, имел высокий рейтинг популярности. Он воспринимался на обыденном уровне как жесткий, волевой, требовательный руководитель. Населению это нравилось. И дело тут не в жестокосердии, а в том, что, испокон веков страдая от чиновничьего произвола, люди получали хоть какое-то удовлетворение, видя, что и на местное начальство находится управа.

Ходили легенды о том, что в обкомовской спецбольнице в дни проведения пленумов и совещаний с участием Б.Ельцина дежурила бригада врачей, которая «отхаживала» наиболее впечатлительных руководителей после его жесткой критики. Не давая спуску своим подчиненным, он не щадил и себя, как говорят, «горел на работе». На фоне прочно утвердившегося образа престарелого, больного и ленивого партбонзы, с трудом читавшего тексты по бумажке, стиль, демонстрируемый Б.Ельциным, принимался «на ура».

Свердловская область в «ельцинское правление» не была особо замечена в плане коррупции и в том, что называется «кадровым разложением». Оснований для громких, по меркам того времени, дел, таких, как «краснодарское», «грузинское» или «узбекское», на родине Б.Ельцина не было. Одна из причин — достаточно строгое отношение главы области к номенклатурным привилегиям.

Встречаются суждения, будто усилиями Б.Ельцина Средний Урал превратился чуть ли не в «остров свободы», в край, где зародились и ковались российские реформы, будто уже в те годы будущий Президент России формировался как оппозиционер, радикал-реформатор и даже как «могильщик коммунизма». Это, конечно же, не так. Свердловск, по крайней мере на рубеже 70—80-х годов, не был «советским Гданьском». Ростки свободомыслия здесь с трудом пробивались сквозь толстый слой идеологического асфальта не благодаря заботам обкомовского начальства, а вопреки им, как и везде по стране.

В «высотке», где размещался обком КПСС, прозванной горожанами «зубом», генеральная линия партии, куда бы она ни вела, не ставилась под сомнение и принималась к исполнению. Никем не оспаривалось и право первого секретаря командовать всем в своей вотчине, в том числе и духовной сферой. Вот показательный пример. В одной из местных телепередач конца 70-х годов Б.Ельцин отвечал на вопросы телезрителей; речь зашла

об острой пьесе А.Абдуллина «Тринадцатый председатель». Телезритель спрашивал, почему в Свердловском театре драмы она запрещена. Отвечая, Б.Ельцин довольно резко заявил, что названная пьеса в городе даже не ставилась. И многозначительно добавил: секретарь обкома имеет право запретить постановку любого спектакля, демонстрацию фильма или публикацию произведения, если они не соответствуют предъявляемым требованиям. Похоже, Борис Николаевич и не сомневался в законности такого права — быть главным идеологом и цензором.

Однако было бы крайне несправедливо утверждать, что он занимался духовной сферой «по-ждановски» — с упоением и наслаждением, скорее это делалось по инерции, по необходимости проводить «линию партии». Он не проявил себя ни тонким ценителем, ни изощренным гонителем искусств, и вообще мало интересовался жизнью творческой интеллигенции.

Если в целом оценивать Б.Ельцина как первого секретаря обкома, думается, справедливо будет назвать его одним из ярких руководителей существовавшей тогда командно-административной системы. Именно она его сформировала и вывела в люди, и ее основы он не подвергал сомнению. Максимально овладев искусством ее использования в Свердловской области, он сумел заставить работать эту систему на предельных оборотах, выжал из нее все. И в столицу ехал вовсе не за тем, чтобы делать либеральную революцию, ломать существовавший строй, а чтобы на «новом участке» продолжать строительство социализма и коммунизма с учетом опыта, полученного на партийно-хозяйственной работе у себя на родине.

В то же время начало 80-х годов для жителей Среднего Урала было, как и для всей страны, временем серой повседневности. Все шло по накатанной колее. Промышленные гиганты, которых в Свердловской области особенно много, с трудом, но «давали план». В соответствии с заведенным порядком одна формальная идеологическая кампания сменялась другой, такой же формальной. Здесь, как и во всей стране, в общем-то, жили по известной поговорке: «государство делает вид, что платит нам зарплату, а мы делаем вид, что работаем».

Становилось все более очевидным, что ни новые постановления ЦК КПСС об «усилении», «активизации» или «дальнейшем совершенствовании», ни усилия руководства не в состоянии оздоровить обстановку в стране. В лучшем случае ситуацию удавалось удерживать под контролем, но с каждым годом делать это было все сложнее. Свердловская область не составляла исключения.

Хронически острой оставалась продовольственная проблема. С конца 70-х область прочно «села на талоны» — сначала их ввели на колбасу и сливочное масло, а затем и на другие продукты. Продовольственный дефицит в какой-то мере смягчали активные усилия по строительству свиноводческих комплексов и птицефабрик. Но производство мяса было в основном убыточным, сами хозяйства стали головной болью районных, городских и областных начальников. К этому следует добавить и жесткое выполнение партийной установки на принудительное создание «подсобных хозяйств» при промышленных предприятиях.

Как и в других регионах страны, большинство работающих и учащихся в городах так или иначе вынуждено было заниматься «продобеспечением». Практически круглый год тысячи людей самых разных профессий по команде снимались со своих рабочих мест и выезжали на поля и овощебазы «спасать урожай».

Вся эта «шефская помощь», сопровождавшаяся огромными материальными потерями, нервотрепкой, встречала глухое сопротивление на местах и вынуждала прибегать к испытанным традиционным методам партийного руководства: «вызовам на ковер», «разносам», «накачкам». Грозные приказы и директивы формально исполнялись, но продовольственная ситуация с каждым годом становилась все более удручающей. Энергия Б.Ельцина уходила «в песок». Впрочем, буксовала вся административно-командная система, созданная еще в первые послереволюционные годы.

Практически тот же эффект имело и другое начинание Свердловского обкома — организация производства товаров народного потребления на всех промышленных предприятиях области. Ставилась задача — довести выпуск этой продукции до такого уровня, чтобы ее стоимость превышала сумму выплат населению: зарплат, пенсий, стипендий, пособий и т.д. Здесь также понадобились «нажимные» меры, но общей картины товарного голода они не изменили. Созданные наспех цеха по выпуску ширпотреба гнали продукцию из отходов основного производства, задерганных руководителей предприятий больше волновало своевременное составление отчетов, а не то, имеет ли их продукция спрос.

Сегодня подобные подходы к экономике представляются чуть ли не варварством, но будем иметь в виду, что тогда, двадцать с лишним лет назад, такие методы были привычны и, более того, доминировали, и Б.Ельцин владел ими лучше многих.

Неудивительно, что он всей душой поддержал курс КПСС на укрепление порядка и дисциплины, провозглашенный в конце 1982 года новым генсеком Юрием Владимировичем Андроповым. Линия на «закручивание гаек» оказалась созвучна ожиданиям свердловского руководителя, и без того придерживавшегося жесткого стиля работы с подчиненными.

Конечно, были в области и реальные успехи. Б.Ельцин по праву гордился достигнутыми при нем масштабами жилищного строительства. Правда, новые дома (как и по всей стране) были больше похожи на многоэтажные бараки, но люди радовались и этому. Он был по-настоящему счастлив, когда добился решения о строительстве в Свердловске метрополитена. Предметом особой гордости стал пуск автомобильной дороги Свердловск — Серов, пересекавшей всю область с юга на север. При традиционном российском бездорожье это было действительно важное достижение.

Молодому читателю многие достижения первого секретаря обкома тех лет покажутся странными, эти «радости» могут понять лишь люди «советской закалки», выросшие в обстановке всеобщего дефицита. Поймут ли потомки те чувства, которые испытывал тот же свердловчанин, когда два раза в год (к 1 Мая и 7 Ноября) мог купить килограмм мяса по госцене?

Как-то в начале 80-х московское начальство планировало провести в Свердловске большое выездное совещание. Чтобы не ударить в грязь ли-

цом, местное руководство много дней подряд занималось подготовкой города, но, как всегда, не хватало ни времени, ни денег. И тогда был найден выход из положения — все пустыри и неприбранные территории загородить заборами. А так как таких мест оказалось много, свердловские улицы стали напоминать коридоры, выкрашенные в пронзительно-зеленый цвет. Те заборы давно исчезли, а вот слова «волшебник изумрудного города» в памяти свердловчан по-прежнему связаны с Б.Ельциным.

Говорят, человек — это стиль. Многое в будущем Ельцина и страны начиналось именно со стиля. Одним из первых среди партийных руководителей той поры он ввел практику постоянных и неформальных встреч с населением. Диалог с людьми стал излюбленной формой политической работы Ельцина. Его фирменным приемом до последних дней президентства было предельное заострение вопроса и предельно откровенный ответ на него.

Как бы там ни было, Б.Ельцин не мог внести глубоких, реальных перемен в жизнь области — для этого, как показали события последующих лет, нужно было изменить жизнь всей страны, всю политику. Но повторим: когда подошло время расставания, большая часть свердловчан отнеслась к его отъезду с сожалением. И наверное, неспроста. Среди руководителей области, сменявших друг друга, были разные, но не было ярче и сильнее его, не было и такого, чьи авторитет и популярность среди населения могли сравниться с ельцинскими.

«Чужак»

По признанию самого Б.Ельцина, переезд в Москву в апреле 1985 года, адаптация к новой обстановке и порядкам дались ему непросто. По заведенной практике партийный функционер, которого переводили с периферии в центральный аппарат, даже если его рассматривали как самого перспективного работника, какое-то время должен был провести в рутинной аппаратной должности — на «бумажной» работе. Б.Ельцин не стал исключением. Его назначили сначала заведующим Отделом строительства ЦК КПСС, а затем секретарем ЦК по строительству.

Такая перемена была весьма болезненной для бывшего первого секретаря. Его натура искала масштабного дела, а в новом кабинете на Старой площади его ждали стол и бумаги с вечными «слушали-постановили». Здесь Б.Ельцин, несмотря на формально высокую должность, впервые за многие годы явственно ощутил себя хоть и важным, но все-таки винтиком огромной бюрократической машины, ход которой ему неподвластен.

Все это контрастировало с тем, чем он занимался до сих пор. За четверть века после окончания института он привык быть обязательно «первым» — директором, руководителем, наконец, «хозяином» одной из крупнейших областей Советского Союза. В его подчинении находились многотысячные коллективы, он самостоятельно распоряжался огромными ресурсами, не боясь ответственности, принимая подчас рискованные решения.

Крепнущее чувство невостребованности, невключенности в самые важные и значимые для страны процессы усугублял мертвящий дух Старой площади. Жизнь страны тонула в огромной массе циркуляров, директив и рекомендаций, которые стекались сюда из различных управлений, отделов и подотделов.

Б.Ельцин ежедневно убеждался в том, что перестройка, сторонником которой он был, отвергалась большинством функционеров. Они не только не поняли ее умом, но и, главное, не приняли сердцем. Старая площадь жила по собственным часам, всеми силами противилась переменам. Аппарат ЦК чутко улавливал импульсы, идущие от коллективного мозга партии — политбюро. Эти импульсы никак не побуждали его к коренной перестройке. Настрой дряхлеющей высшей номенклатуры был на сохранение устоявшегося порядка вещей. Максимум, на что она была готова, — это на исправление «отдельных недостатков».

В трудные минуты Б.Ельцин не раз жалел о том, что судьба занесла его сюда. Но назад пути не было. Приходилось, стиснув зубы, приноравливаться к новым обстоятельствам, чтобы, если получится, постепенно подчинять их себе.

Неверно представлять Б.Ельцина периода 1985 года неким оппозиционером, бросившим вызов аппарату. Манеры обитателей Старой площади были ему хорошо известны: ведь обком КПСС в любом регионе был, в сущности, уменьшенной копией ЦК.

В течение многих лет в Свердловске именно он диктовал правила партфункционерам. Его своенравие, требования и привычки, не всегда устраивающие других, тем не менее были законом для подчиненных. И конечно же, еще более значимым законом было неукоснительное признание ими его иерархии приоритетов. Другими словами, те дела, начинания, проекты, которые считал значимыми лидер, должны быть значимыми и для его аппарата. Теперь, вместо того чтобы давать указания, приказывать, ему приходилось маневрировать, подстраиваться, что было совершенно не в его натуре.

Очень скоро Б.Ельцин начал понимать, что даже его собственные подчиненные вежливо, но в штыки встречают все попытки изменить положение дел. Сложно оказалось найти на Старой площади надежных союзников. И в результате, по сути, впервые он терпит ощутимое поражение: аппарат ЦК не признал в нем своего. Обитатели Старой площади о норовистом новичке говорили: «И не таких обламывали».

«Обломать» — в этом и состоял смысл воспитания. Важно было заложить в сознание новичка установку о силе и непобедимости аппарата ЦК. Она должна стать определяющим принципом его дальнейшей партийной работы, всей его деятельности. В этом была кажущаяся гарантия незыблемости и прочности советского руководства, а следовательно, и власти партии.

Но времена менялись. На «столичном хозяйстве» М.Горбачеву нужен был свой человек, не связанный с московской партийной элитой. И в декабре 1985 года свердловчанин получает назначение на одну из высших должностей в партийном «табеле о рангах» — первого секретаря Московского горкома КПСС. При этом, правда, он становится не членом полит-

бюро, каковым был его предшественник, а лишь кандидатом. Этот существенный нюанс, может быть, свидетельствует о некоем компромиссе между начавшими обозначаться группировками в партийном руководстве — сторонниками радикальной и умеренной перестройки. Первым «на Москве» нужен был свой человек, а вторым важнее было ограничить его возможности.

Б.Ельцин с воодушевлением принял новое назначение. Оно обещало масштабное живое дело, которое, как когда-то на Урале, могло принести ему признание и популярность. Привыкший в Свердловске к «народной любви», Б.Ельцин уже не мог жить без такого допинга, соглашаясь на этот пост, резонно предполагал в первую очередь опираться на свой опыт работы в Свердловске. Разумеется, никакой собственной программы реформ у него не было, да и не могло быть: все программы заменяла «генеральная линия» партии.

Его реформаторство в тот период опиралось на желание покончить с «проявлениями перерождения в столичном руководстве», восстановить, как ориентировали партийные документы, «ленинские нормы и стиль работы». И само собой, о чем бы ни говорил он тогда — о строительстве ли новых колбасных цехов, о развитии метрополитена, о работе поликлиник, о совершенствовании партийной учебы и так далее, — постоянно возвращался к одной и той же мысли: новая политика «ускорения и перестройки» должна дать простым людям ощутимые результаты и реально улучшить их жизнь.

Обстановка в Московском горкоме мало чем отличалась от той, которую он оставил на Старой площади. Все тот же косный аппарат, погруженный в интриги, которому совершенно безразличны заботы москвичей. Эти традиции поддерживал и лелеял бывший руководитель Москвы, один из самых влиятельных деятелей «эпохи застоя» Виктор Васильевич Гришин. Еще недавно он всерьез соперничал с Горбачевым в борьбе за пост генерального секретаря, но проиграл. Теперь — новый удар: «на Москву» назначают еще одного выдвиженца — малоизвестного, не знающего московской организации, а главное, столичных «тонкостей», уральца. В горкоме уже успели присмотреться к нему, к его резким поступкам и действиям. Был вынесен приговор со всеми вытекающими отсюда последствиями: «чужой». Не мог рассчитывать Б.Ельцин и на изначальную поддержку москвичей. Он был им неизвестен: ведь руководителей назначали и убирали, не спрашивая мнения рядовых граждан.

Почувствовав себя в родной стихии, Борис Николаевич решительно взялся за дело: много времени проводил на стройках, предприятиях, в поездках по городу — все хотел увидеть своими глазами, а не узнавать из докладов помощников. Именно в ельцинский период начал активно обсуждаться ряд московских проектов, осуществленных уже значительно позже. Это и проблема «третьего кольца» — новой кольцевой автодороги, строительство которой велось уже в годы Лужкова. Это и модернизация московских овощебаз, мясокомбинатов. Это и идея переноса железнодорожных вокзалов из центральных районов ближе к окраинам и многое, многое другое. Стиль и начинания нового руководителя заставили говорить о нем горожан, но привели в замешательство аппаратчиков. Равнодушие все чаще сменялось откровенной враждебностью и саботажем.

Особенно раздражали обычные для Б.Ельцина многочисленные встречи с людьми не только на производстве, но и на улицах, в магазинах, демонстративные поездки на общественном транспорте, публичное обсуждение тем, на которых всегда лежало табу. Но главные аппаратные трудности начались, когда он замахнулся на святая святых партийной номенклатуры — на привилегии. Простить этого ему не могли никогда. «Война» аппарата против Б.Ельцина стала неизбежна.

Во второй половине 80-х годов тема привилегий была непременным атрибутом общественных дискуссий, а борьба против них — одной из форм борьбы с всевластием КПСС. Нередко можно слышать такое мнение, дескать, отношение Б.Ельцина к привилегиям было достаточно циничным; что он начал эту кампанию из чисто прагматических соображений, реализуя далеко идущие замыслы, а именно завоевать популярность у людей и тем самым ослабить противника — в лице партаппарата. Чтобы уяснить его действительное отношение к привилегиям, нелишне напомнить: быт в его жизни занимал далеко не первое место. Он — не гурман, предпочитал простую традиционную пищу, не гнался за модой, не умел отдыхать и довольно редко это делал. Обладая хорошим здоровьем, он почти не обращался к врачам. Словом, традиционный набор советских «номенклатурных щедрот» ему, в сущности, был не нужен.

Конечно, семья высокопоставленного партийного руководителя не знала проблем, отравлявших жизнь большинству советских людей, — в том числе бесконечных очередей, пресловутого дефицита. Если возникала необходимость, он и его близкие получали квалифицированную медицинскую помощь, если надо было ему или домочадцам куда-то лететь или ехать, даже в разгар сезона отпусков, не было проблем с билетами или местами в пансионате, санатории. В Свердловске, а затем в Москве семья Б.Ельцина имела хорошую квартиру, госдачу, практически ни в чем не нуждалась. Но и не гналась за лучшим. Известный эпизод в телевизионной передаче Э.Рязанова, в канун апрельского референдума 1993 года, когда в одном из стульев в квартире Президента неожиданно обнаружился торчащий гвоздь, — не был «роялем в кустах» — тогда Ельцины так и жили.

Начиная борьбу с привилегиями, он лично не предполагал расставаться с привычным по тем временам достаточно комфортным бытом и опуститься до уровня «простого инженера». О чем же шла речь? Прежде всего о том, что в Москве он впрямую столкнулся с иным, значительно более высоким стандартом и ассортиментом «спецуслуг». В своей книге «Исповедь на заданную тему» он подробно и желчно описывает, например, первый визит на предоставленную ему госдачу и инструктаж по поводу того, что положено руководителям его ранга. На отношении к привилегиям, видимо, сказался и «комплекс провинциала» с характерной ревностью к более высокому уровню столичной жизни.

Наивно полагать, что Б.Ельцин не знал, как живут столичная номенклатура и чиновничество. Будучи сам крупным партийным чиновником, он часто приезжал в Москву, селился в партийной гостинице и пользовался стандартным набором услуг. Он, конечно же, не мог не понимать, что главной привилегией партийной номенклатуры были не «продуктовые наборы», не автомобили «Волга» и не дачи в ближайшем Подмосковье, а не-

ограниченная власть, когда даже скромный консультант отдела ЦК КПСС мог позвонить на периферию и дать «ценное указание», которое выполнялось беспрекословно. Б.Ельцина это всегда коробило, но покончить разом с таким пороком было невозможно, поскольку эта практика имела давние традиции, являясь атрибутом советской системы. Он начал свой «крестовый поход» против главной привилегии с малого. Учитывал и то, что именно продуктовые заказы, черные автомобили, спецполиклиники и ателье, театральные кассы для партийной элиты вызывали наибольшее раздражение. Людям казалось: если уничтожить эти привилегии, в стране восторжествует «правильный социализм».

Очень скоро Ельцин приобрел репутацию борца с «жирными котами» из ЦК КПСС. Можно по-разному оценивать это, но факт остается фактом: до него никто не осмеливался покушаться на «внутренние установки» жизни партии. А он сделал это. Учитывая, что в стране постепенно набирала силу гласность, свидетелями этой борьбы оказались миллионы людей.

Одним из первых сюжетов о переменах в Москве, показанных по телевидению, стал репортаж об использовании не по прямому назначению служебных автомобилей. На выезде из города патруль ГАИ останавливает черные «Волги», и выясняется, что пассажиры большинства из них едут не по служебным делам, а на дачи. Офицер предлагает растерянному солидному мужчине, вышедшему из машины, впредь пользоваться в подобных случаях электричкой.

Была развернута настоящая борьба с тем, чтобы персональные автомобили не использовались женами, родственниками по их личной надобности. И вообще, последовала установка — сократить число такого рода машин. Демонстративными поездками на работу в троллейбусе Б.Ельцин показывал пример другим. Предприняли наступление и на «спецраспределители», «спецбольницы», санатории и т.п. Московским партаппаратчикам предлагалось вспомнить о «ленинской скромности» и жить, как все простые советские люди.

Повторим, это происходило на фоне набиравшей силу гласности. Меры, которые принимались, быстро становились достоянием прессы. Да и сам Борис Николаевич запомнился многим своими острыми публичными выступлениями. Именно тогда он по-настоящему оценил значение гласности. Встречая все более ожесточенное сопротивление номенклатуры, чувствовал, как растет поддержка его начинаний со стороны москвичей. И чем острее было противоборство, тем больше он в ней нуждался и тем активнее стимулировал этот процесс.

Конечно, его деятельность тогда не ограничивалась борьбой с привилегиями, приходилось решать множество текущих проблем, обеспечивая нормальный ритм жизни многомиллионного города. Однако социалистическая система прочно удерживала позиции, и Б.Ельцин не имел никаких намерений ее подрывать, действуя в узком коридоре предоставляемых ею возможностей.

На посту секретаря горкома он запомнился москвичам и организацией в разных районах города продовольственных ярмарок. В сезон массового завоза овощей и фруктов торговля просто не справлялась с их продажей.

Система снабжения города была крайне неразворотливой, что приводило к большим потерям. К тому же в этой сфере было немало махинаций и злоупотреблений. Ярмарки позволяли резко сократить цепочку «от поля до прилавка» и организовать продажу, что называется, «с колес».

Работа в Московском горкоме дала ему первый демократический опыт. В середине 80-х годов зарождались совершенно новые, независимые от партийных и государственных властей, разного рода дискуссионные клубы, организации, движения и тому подобное. В столице же этот процесс шел значительно быстрее, чем на периферии. Появившиеся здесь «неформальные» структуры, как правило, отличались бурной общественной активностью, смелыми, а порой и откровенно антисоветскими декларациями. Если учесть, что в Уголовном кодексе еще оставались «политические» статьи, карающие за антисоветчину, «неформалам» нельзя отказать не только в дерзости, но и в мужестве.

Власти были растеряны и не знали, как противостоять такого рода явлениям. С одной стороны, чесались руки применить, как бывало прежде, жесткие меры, с другой — были опасения прослыть ретроградами и противниками перестройки.

Одной из самых заметных в ту пору «неформальных» структур было общество «Память». Потом оно почти угасло, но тогда привлекало внимание своими скандальными заявлениями и акциями националистического толка.

Когда стало известно, что в начале мая 1987 года «Память» планирует провести оппозиционный митинг в центре Москвы, и стали раздаваться требования запретить эту акцию, Б.Ельцин сам вышел к митингующим. Более того, пригласил их в один из залов Моссовета, а затем в течение нескольких часов беседовал, отвечал на вопросы.

Впоследствии его не раз критиковали за ту встречу, но с совершенно разных позиций. Демократы упрекали в неразборчивости, в том, что он якобы поддержал националистов и антисемитов. Партийных чиновников выводил из себя сам факт встречи: в их головах просто не укладывалось, как один из высших руководителей мог снизойти до общения со «всяким сбродом».

В эти годы в Москве появилось несколько мест — «островков свободы», своего рода «Гайд-парков», — где выступали все желающие. В некоторое подобие дискуссионного клуба превратился «пятачок» перед редакцией газеты «Московские новости» на Пушкинской площади. Здесь можно было узнать последние политические новости, прочитать листовку, купить «неформальную», как тогда говорили, газету или брошюру. Обитатели высоких властных кабинетов не без основания связывали подобную «вседозволенность» с именем Б.Ельцина. Противостояние продолжало нарастать.

Желая сломить крепнущее сопротивление аппарата горкома партии, Б.Ельцин шел напролом, избавляясь от тех, кто стоял у него на пути. Позже, когда его снимали, одним из главных пунктов обвинений был именно «разгром кадров». Менее чем за два года были заменены руководители большинства московских райкомов, многие работники горкома партии, причем на некоторых должностях по два раза. Но чем сильнее был напор

нового главы московской парторганизации, тем упорнее становилось сопротивление.

Это достаточно остро протекавшее противостояние мало что меняло в жизни. «Бунт Ельцина» скорее напоминал глас вопиющего в пустыне. Кадровые чистки лишь освобождали место для других аппаратчиков, принадлежавших одной и той же «школе». Столкнувшись с противодействием на уровне московской партийной организации, он начал апеллировать к ЦК.

Близился XXVII съезд КПСС, назначенный на конец февраля 1986 года, где он предполагал выступить остро, по-перестроечному, рассчитывая получить поддержку, в том числе и М.Горбачева.

Выступление Б.Ельцина поразило многих. В отличие от других, он не стал зачитывать традиционный самоотчет, а обозначил ряд крупных проблем, решение которых, по его мнению, позволит эффективнее вести перестройку.

Первая из них — преодоление порочных методов руководства, прежде всего таких его проявлений, как благодушие, парадность, празднословие, стремление некоторых руководителей к «спокойной жизни». Нужен «поворот к активной, творческой, конкретной деятельности, к постоянной рабочей связи с трудовыми коллективами, рабочим классом, со всеми людьми», говорил он, вероятно искренне веря, что «связи с трудовыми коллективами» могут изменить суть политики.

В речи Б.Ельцина было много устоявшихся штампов и призывов, отражавших идеологические установки тех лет. Он не сомневался в правильности сохранения главенствующей роли КПСС, но остро поставил вопрос о необходимости глубокой перестройки в самой партии, радикального изменения характера ее деятельности:

«Хочу откровенно высказать беспокойство по ряду вопросов. Много возникает "почему?" Почему из съезда в съезд мы поднимаем ряд одних и тех же проблем? Почему в нашем партийном лексиконе появилось явно чуждое слово "застой"? Почему за столько лет нам не удается вырвать из нашей жизни корни бюрократизма, социальной несправедливости, злоупотреблений? Почему даже сейчас требование радикальных перемен вязнет в инертном слое приспособленцев с партийным билетом?»

И далее:

«...нас не должна размагничивать постоянная политическая стабильность в стране... Лекарство есть — контроль каждого постоянно сверху и снизу, причем не формальный. Сделать скромность культом в работе и поведении, замечать, не допускать даже начинающийся начальственный синдром в отношениях с людьми. Резко повысить требовательность, спрос, дисциплину. Давать принципиальные, пусть иногда жесткие, оценки положению дел и работе лично каждого руководителя...»

Сегодня большинство пассажей его речи могут показаться наивными, но не будем забывать, что это происходило в самом начале 1986 года, когда страна только-только начинала приходить в себя после десятилетий жесточайшей цензуры, единомыслия, лжи. На общем фоне выступлений ельцинские слова звучали свежо и смело.

Затронул Борис Николаевич и свою излюбленную тему — социальной справедливости:

«...особенно становится больно, когда напрямую говорят об особых благах для руководителей. Если коммунист-руководитель теряет свои необходимые качества: справедливость, партийную скромность, полную самоотдачу, — использует блага не по труду, то, выражаясь словами Ленина, это "нарушает демократизм и является источником разложения партии и понижения авторитета коммунистов", чего допустить мы не можем. Поэтому мое мнение — там, где блага руководителей всех уровней не оправданы, их надо отменить».

Он покидал трибуну под дружные аплодисменты делегатов. Однако сам не был удовлетворен результатами Съезда: мучила мысль, что присутствовал на очередном спектакле: большинство выступлений, как и прежде, будто отмерены на аптекарских весах — столько-то абзацев о руководящей роли партии, столько-то об успехах политики перестройки и ее всенародной поддержке, столько-то о своих успехах, ну и немного «конструктивной критики», как правило, по частностям. Правда, М.Горбачев оборвал одного не в меру ретивого оратора, принявшегося петь ему осанну, но это был всего лишь отдельный эпизод. Ситуация в партии, ее застарелые болезни остались на периферии дискуссии.

Б.Ельцин ушел со Съезда с тем же, с чем пришел, — ни правым, ни виноватым. Он не получил ясного ответа и на другой важный вопрос, поддержит ли его высшее руководство в противостоянии с горкомовскими ретроградами.

«В ПОЛИТИКУ Я ТЕБЯ БОЛЬШЕ НЕ ПУЩУ»

Между тем в адрес ЦК потоком шли жалобы и доносы на московского первого секретаря. И, надо сказать, встречали растущее понимание. Но наверху не могли не учитывать и другое — за короткое время Б.Ельцин стал очень популярен у москвичей. Больше того, зарекомендовал себя горячим сторонником перестройки, для многих людей был ее реальным олицетворением. Так что «проблема Ельцина» стала одной из мучительных головоломок для высшего партийного руководства.

В затяжной борьбе с аппаратом сам Борис Николаевич постепенно стал выдыхаться. Те, кто долго работал с ним, хорошо знают это состояние: он чаще обычного хандрит, резко сбавляет обороты, теряет интерес к текущим делам, более того, становится каким-то заторможенным. Так случилось и в этот раз. По-видимому, Б.Ельцин сознавал, что дело, за которое взялся, не получается, подчинить аппарат своей воле не удается, но и признать своего поражения не мог.

Плодом долгих раздумий стало письмо М.Горбачеву в сентябре 1987 года. Смысл его, если кратко, в следующем: работа в Москве не получилась, да и в политбюро не складываются отношения, и надо обсудить, как быть дальше. Вероятно, и генсека тяготила эта ситуация, но, не зная, что предпринять, он предпочел уклониться от встречи и перенес ее на неопределенное будущее.

К этому моменту отношения двух лидеров заметно изменились. Б.Ельцин все больше раздражал М.Горбачева резкими действиями, постоянными конфликтами с подчиненными. Генсек, коронным методом которого было аппаратное лавирование, не принимал ельцинского стремления идти напролом, считал его выскочкой и уже не раз пожалел, что согласился на его выдвижение.

Но была и другая, куда более серьезная причина такого «охлаждения»: Горбачев не мог простить ему растущей популярности, того, что тот выбивался из общего хора и вел собственную сольную партию, причем весьма успешно. О Ельцине с восторгом говорили не только в Москве, но и на периферии. Его фигура начала обретать некоторые черты «народного вождя». По мере роста его авторитета у населения усиливалась и ревность генсека. Прошло всего чуть больше двух лет после яркого взлета в апреле 1985 года, но люди начали остывать к нему, более того — разочаровываться, и потому публичные успехи Б.Ельцина воспринимались особенно болезненно. «Он буквально терял самообладание, когда узнавал, что кого-то хвалят сильнее, чем его. По опыту я знал, — вспоминает руководитель горбачевского аппарата В.Болдин, — что этим людям скоро придет конец. Генсек-президент отправит их в политическое небытие»*.

К осени 1987 года Б.Ельцин явственно почувствовал, как изменилась атмосфера в политбюро. Он знал, в каких кабинетах находили поддержку обиженные им партократы. И полбеды, если бы все свелось к осложнению отношений со «старой гвардией», с такими людьми, как Е.Лигачев. Все шло к тому, что они станут политическими противниками. Но этим не объяснить такого вакуума, который складывался вокруг Б.Ельцина на заседаниях партийного руководства. Лидеры новой волны, те, кого он считал единомышленниками, тоже не спешили выказывать поддержку. Все это походило на бойкот. Партийная элита четко улавливала настроения Генерального секретаря и сторонилась неугодного Б.Ельцина.

Положение становилось психологически нетерпимым. Фактически он оказался в ситуации, когда пришлось противостоять всему политбюро. Еще недавно это обрекало на политическую смерть. На этот раз отлаженная партийная машина дала сбой, оказавшийся для нее роковым.

В чем же состояла ошибка М.Горбачева и тех, кто хотел избавиться от московского руководителя?

Конечно, честолюбие — одна из главных черт характера Б.Ельцина. Он не скрывал этого. Но в тот период его амбиции не распространялись так далеко, чтобы претендовать на горбачевское место. Надломленный неудачами, измотанный и издерганный, осенью 1987 года он искал совета и поддержки, а не возможности свести счеты; рассчитывал, что его опыт, наконец, преданность делу партии будут должным образом оценены и востребованы. И не понимал, почему этого не происходит.

В таком душевном состоянии он и направился на роковой для себя октябрьский Пленум ЦК КПСС. То, что произошло там, стало сенсацией, отодвинув на второй план все прочие события. Но полное представление о происшедшем на Пленуме люди получили только в 1989 году, когда журнал «Известия ЦК КПСС» опубликовал стенограмму заседания. До этого

* Болдин В. Крушение пьедестала. М., 1995. С. 379.

были только слухи, догадки, версии, в том числе и по поводу выступления Б.Ельцина.

А случилось следующее. Не в силах более переносить всю эту неопределенность, он решил сам разрубить гордиев узел и попросил слова. Выступление было коротким. Читателей, в свое время наслушавшихся связанных с этим многочисленных легенд, оно может разочаровать своей прозаичностью и, в общем-то, неглубоким содержанием. Ключевым моментом была просьба об освобождении с поста кандидата в члены политбюро. Ельцин не хотел ни громко хлопать дверью, ни тем более становиться «знаменем антипартийной оппозиции». Он добровольно подал в отставку и попытался объяснить ее мотивы, делая акцент на ситуации в партаппарате.

Однако отставка, по сути дела, не была принята. И это стало еще одной сенсацией. Впервые партия не захотела добивать «отщепенца».

Вот выдержки из выступления Б.Ельцина в октябре 1987 года на Пленуме ЦК КПСС:

«Я бы считал, что прежде всего нужно было бы перестраивать работу именно партийных комитетов, партии в целом, начиная с Секретариата ЦК, о чем и было сказано на июньском Пленуме Центрального Комитета партии. ...После этого, хотя и прошло пять месяцев, ничего не изменилось с точки зрения стиля работы Секретариата Центрального Комитета партии, стиля работы товарища Лигачева...»

Это был вызов второму после М.Горбачева лицу в партийной иерархии. Но еще более опасным был упрек, фактически адресованный «отцу перестройки». Б.Ельцин коснулся «табуированной» в партийных кругах темы нарождающегося культа М.Горбачева: «...В последнее время обозначился определенный рост... славословия от некоторых членов политбюро... в адрес Генерального секретаря. Считаю, что как раз вот сейчас это просто недопустимо. Именно сейчас, когда закладываются самые демократические формы, отношения принципиальности друг к другу, товарищеского отношения и товарищества друг к другу. Это недопустимо...»*

Повторим, в его довольно путанной импровизации не было и намека на оппозиционность или стремления внести раскол в ряды партийного руководства. Однако все это вызвало бурю негодования, и дальнейший ход Пленума напоминал разбор персонального дела коммуниста Ельцина. Один за другим на трибуну выходили «товарищи по партии» и клеймили его за попытку отбиться от стаи.

Лигачев. Считаю это просто чистейшей клеветой...

Манякин. Своим выступлением, требованием отставки товарищ Ельцин породил сомнения в деле перестройки, в происходящих в стране переменах. Он высказал, по существу, свое несогласие с политбюро, с генеральной линией партии...

Месяц. Такое заявление является... выражением политической незрелости... Это не по-партийному! Так коммунист, который возглавляет одну из самых ведущих городских партийных организаций, поступать не должен...

* Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 212.

Арбатов. ...Сегодня товарищ Ельцин нанес большой ущерб делу...

Рыжков. ...Товарищ Ельцин слишком большое обвинение бросил в адрес политбюро, в адрес Секретариата Центрального Комитета партии, и я оцениваю, что слишком серьезное обвинение он бросил и в адрес общей линии нашей, линии партии... Я считаю, что вот такими заявлениями вбивается клин в политбюро самым натуральным образом, что в политбюро такая ситуация, что там нет единства, что там начинают словоблудием заниматься и так далее. Какое имеет основание товарищ Ельцин об этом говорить?..

Чебриков. Я согласен с... товарищами, что выступление товарища Ельцина надо оценивать как человека несогласного с линией партии...

Мураховский. Мне думается, что поступок товарища Ельцина, его выступление заслуживают самого сурового осуждения со стороны Центрального Комитета партии...

Затворницкий. Как мы вас уважаем, Борис Николаевич! Мы с Хрущевым, например, в полтора раза быстрее справились. А тут вот такая демократия — мы вам все внушаем, внушаем...»

Не остался в стороне и М.Горбачев:

«Надо же дойти до такого гипертрофированного самолюбия, самомнения, чтобы поставить свои амбиции выше интересов партии, нашего дела!.. Надо же было навязать Центральному Комитету партии эту дискуссию! Считаю это безответственным поступком. Правильно товарищи дали характеристику твоей выходке...»

Ораторы один за другим выходили на трибуну, но обсуждение приняло странный оборот. Хотели того партийные «бонзы» или нет, но суд над Б.Ельциным превратился в суд над перестройкой. Выступающие говорили о том, что перестройку некоторые понимают как вседозволенность, предпринимают попытки дискредитировать партию, ее «славные страницы истории» и так далее.

Первые сведения о «деле Ельцина» советские люди получили, как водилось в то время, от западных радиостанций. Хотя официальные сообщения о Пленуме замолчали «выходку Ельцина», по Москве, а затем и по всей стране поползли слухи о «расколе» в ЦК КПСС. Это, однако, лишь утвердило партийную верхушку в необходимости поскорее покончить с отступником и стереть саму память о нем.

Казалось, дни Ельцина-политика сочтены. Чтобы окончательно добить руководителя московской парторганизации, вскоре, 11 ноября 1987 года, был созван Пленум городского комитета КПСС. В Москве уже гадали, кто придет на его место. Ждал исхода нового судилища и Б.Ельцин: каким будет приговор?..

Когда-то, слепо выполняя указания «сверху», партийная печать клеймила отступников как «врагов народа», «наймитов мирового капитала», «агентов вражеских разведок». И ни один голос не мог прозвучать со страниц газет, по радио в их защиту. Но времена изменились: ряд газет опубликовал стенограмму и вынес скандал на суд общественности. В результате Б.Ельцин обрел новых сторонников. Публикация, по сути, стала обвинением не Ельцина, а порядков, царивших в верхушке компартии. Партийные функционеры предстали в неприглядном виде, а сам Пленум выглядел

не как серьезный разговор о жизненно важных проблемах столицы и страны, а как состязание в том, кто больнее пнет Ельцина.

Все это производило гнетущее впечатление на рядовых коммунистов, граждан, которые хотели верить и верили в возможность реформ под руководством КПСС. Высветилась более четко и роль в этом самого М.Горбачева. Несмотря на попытку дистанцироваться от наиболее одиозных выступлений, ему не удалось последовательно выдерживать позицию «третейского судьи». Репутация твердого сторонника перестройки оказалась «подмоченной».

Что касается самого Б.Ельцина, он был просто глубоко подавлен случившимся. Восприятие этих событий усугублялось тем обстоятельством, что по настоянию М.Горбачева на Пленум МГК его подняли с больничной койки, но предварительно накачали лекарствами. Б.Ельцин с трудом улавливал смысл выступлений, но чувствовал, что оказался один на один с мощной и ненавидящей его силой.

В связи с этим заметим: никто не опроверг версию, будто к Б.Ельцину применялись неадекватные методы медицинского воздействия. По крайней мере, нанесение ущерба ельцинскому здоровью такого рода «лечением» не исключали его личные врачи. Не доверяли в то время Четвертому Главному медицинскому управлению и сам Борис Николаевич, и его близкие.

Он выступил на Пленуме, покаялся и признал ошибки. Торжествовавшие победу члены Пленума единогласно освободили его от должности первого секретаря Московского горкома партии. Многим запомнилась брошенная тогда М.Горбачевым фраза: «В политику я тебя больше не пущу...»

Пожалуй, самым неожиданным результатом тех памятных дней стало появление в стране альтернативного лидера. Подвергнув мятежника убийственной критике, партийные деятели, и прежде всего М.С.Горбачев, создали образ гонимого героя, страдальца за правду, чья дальнейшая жизнь подчинялась уже не дисциплине партии, а совсем другим алгоритмам. Они не учли новой реальности: при всех известных ограничениях страна уже жила по законам «гласности», введенным самим же М.Горбачевым. Разжалованный и публично униженный Б.Ельцин расценивал Пленум как свое полное политическое фиаско. Но происшедшее уже нельзя было изъять как фальшивую купюру из оборота. Приходилось считаться с общественным мнением, а оно было явно не на стороне партийных функционеров.

Прорыв блокады

Изгоняя Ельцина из коридоров власти, Горбачев вовсе не жаждал крови: он хотел лишь убрать его из политбюро и тем самым поставить крест на карьере строптивца. Так было раньше, так, полагал Горбачев, будет и теперь. Ему докладывали, что Ельцин сломлен окончательно, находится в депрессии. Отчасти так оно и было. Утром 9 ноября 1987 года Горбачеву сообщили по телефону, что Борис Николаевич предпринял попытку самоубийства. Пошли разговоры о травле Ельцина. Все это было очень некстати: в стране

торжественно отмечалось 70-летие Октябрьской революции. В Москву съехалось много зарубежных гостей, на улицах многолюдно, царит атмосфера праздника, а тут такие неприятности...

Впоследствии Горбачев утверждал, что это была симуляция самоубийства. Что произошло в действительности, знает лишь сам Борис Николаевич. Но важно ли это? Однозначно можно утверждать, что именно травля, организованная политическим противником, подтолкнула Ельцина на столь отчаянный шаг. Горбачев долго замалчивал этот эпизод и впервые рассказал о нем в своих мемуарах «Жизнь и реформы», изданных в 1995 году. Не вспоминает об этом случае и сам пострадавший.

Исключение из состава политбюро сделало Ельцина в глазах политической элиты изгоем. На пленумах ЦК КПСС, на крупных совещаниях недавние «товарищи по партии» избегали его, боясь протянуть руку, и лишь слегка кивали головой, «давая понять, — как вспоминал он сам в «Исповеди на заданную тему», — что я, в общем-то, конечно, жив, но это так, номинально, политически меня не существует, политически я — труп»*.

Казалось бы, опасный противник повержен навсегда и Генеральный секретарь может позволить себе проявить великодушие: Б.Ельцин получает в утешение пост первого заместителя председателя Госстроя в ранге министра. Вот как описывает сам Борис Николаевич этот тягостный для него период: «Я сижу в министерском кабинете Госстроя, на столе у меня этот телефон — белый с красно-золотым гербом (аппарат правительственной связи. — *Авт.*), — у меня ощущение мертвой тишины и пустоты вокруг»**.

Ни он сам, ни Горбачев еще не знали, что история их противостояния этим не закончится, а примет совершенно неожиданный для всех оборот. Более того, Горбачев не понимал, что совершает ошибку. Ведь он вполне мог направить изгнанного в какой-нибудь медвежий угол и таким образом оторвать от московской демократической стихии, от политики, которая действительно становилась политикой.

Именно с этого момента переходят в открытую фазу два важных процесса. Первый — поляризация в верхушке КПСС и партаппарата. Второй — поляризация так называемой «партийной массы». Именно в октябре—ноябре 1987 года в партийном руководстве отчетливо обозначились два течения, которые условно можно назвать реформаторским и консервативным.

Реформаторское — неформальным его лидером стал А.Н.Яковлев — ратовало за глубокие политические и экономические реформы в стране на основе общечеловеческих ценностей (демократизация партийной жизни, активное использование опыта НЭПа в реформировании экономики, гласность, восстановление исторической правды, осуждение сталинских репрессий, сближение с мировым сообществом и т.д.).

Консервативное — наиболее яркой фигурой здесь был Е.Лигачев — рассматривало перестройку как процесс укрепления позиций партии в государстве и обществе, развития социалистических принципов в экономике и во всех сферах жизни. Фактически речь шла о продолжении прежней политики, то есть о «косметическом ремонте фасада».

Особенность момента состояла в том, что Б.Ельцин так и не определил своего отношения к двум этим течениям в партии. Хотя, конечно, по-

---

* Ельцин Б. Исповедь на заданную тему. М., 1990. С. 79.
** Ельцин Б. Записки Президента. М., 1994. С. 31.

зиции реформаторов ему были ближе. В то же время в его трагическом изгнании с «партийного олимпа» проперестроечное крыло ЦК сыграло весьма неблаговидную роль. А такое долго помнится.

Все случившееся с ним осенью 1987 года означало, что он не только противопоставил себя партноменклатуре, произошел фактический разрыв с ней, изгнание из партийных рядов. Этот статус «беспартийного с партийным билетом» во многом предопределил политическую судьбу будущего Президента России.

Описываемые события усилили критический настрой в обществе. Но формы выражения недовольства оставались в основном традиционно советскими: самые злободневные темы обсуждались на кухнях и в рабочих курилках. Впрочем, появилось и нечто новое. В Москве рисковые граждане даже отваживались писать на стенах лозунги в поддержку бывшего московского руководителя, чего никогда не бывало раньше. Попытались провести митинг в МГУ. В Свердловске власти, всерьез опасаясь демонстраций, под предлогом подготовки к новогодним праздникам распорядились с середины ноября закрыть доступ на центральную городскую площадь.

Но, пожалуй, наиболее существенным итогом этих событий стало другое: миллионы граждан СССР, в том числе и рядовые коммунисты, осознали, что отныне возможно открытое выражение несогласия. Исчезал страх перед партийной властью, и это означало качественно новый этап в развитии демократического движения и в эволюции самой КПСС. Партия впервые оказалась стороной обороняющейся. И Б.Ельцин стал знаковой фигурой этого процесса.

Основной напор недовольства пришлось сдерживать руководителям парторганизаций и администрациям предприятий и учреждений. На собраниях люди открыто и эмоционально выражали свое несогласие с решениями «по Б.Ельцину», резко критиковали аппарат за саботаж перестройки и тому подобное. Все чаще доставалось и М.Горбачеву.

Чем могли ответить на это партийные функционеры? Да ничем. Партия проиграла это сражение, ее авторитету был нанесен непоправимый урон, популярность же Б.Ельцина росла как на дрожжах.

Между тем в стране продолжалась поляризация политических сил. В марте 1988 года газета «Советская Россия» опубликовала письмо доцента Ленинградского технологического института Н.Андреевой «Не могу поступиться принципами». Названное позднее «манифестом антиперестроечных сил», оно представляло собой не что иное, как попытку систематизировать, в частности, положения, высказанные партийными ортодоксами на октябрьском Пленуме ЦК. Страна замерла в ожидании. Что это? Всплеск консервативных настроений или поворот назад? Все ждали реакции М.Горбачева, но он промолчал. И лишь накануне майских праздников была дана резкая отповедь в большой редакционной статье, опубликованной в «Правде» (как вскоре выяснилось, статья принадлежала перу А.Н.Яковлева). Платформы двух политических течений в КПСС, таким образом, были обозначены. Обрела ясность и позиция М.Горбачева — лавирование между этими течениями.

Страна ждала плодов новой политики. Раз «процесс пошел», должен же он куда-то привести. Но результаты оказались настолько разнонаправ-

ленными, противоречивыми, что мало кто уже понимал, куда и по каким рельсам катит «состав перестройки». С одной стороны, вводилась так называемая производственная демократия: после принятия зимой 1988 года Закона о государственном предприятии (объединении) на заводах, в учреждениях и учебных заведениях началась бурная кампания выборов руководителей на альтернативной основе, создавали «советы трудовых коллективов». С другой — этот процесс только запутал всю систему взаимоотношений директоров с рабочими коллективами. С одной стороны, создавались первые кооперативы и формировались реальные собственники, с другой — действовал Указ о борьбе с нетрудовыми доходами. С одной стороны, публиковались запрещенные прежде авторы, с другой — за той или иной публикацией нередко стояла неформальная договоренность редактора с главным идеологом партии А.Н.Яковлевым, а то и с самим М.Горбачевым. То есть многие достижения перестройки носили как бы полулегальный характер и, что еще важнее, были вполне обратимыми.

Фактически шли три процесса. Первый — в сфере экономики. Он не был последовательным приближением к рынку. Так вопрос никто в открытую и не ставил. Речь шла лишь о попытках перевести командную экономику на принцип самоокупаемости, стимулировать конкурентоспособное производство, в частности, путем предоставления большей самостоятельности хозяйственным руководителям. В условиях ослабленного административного гнета и отсутствия реального собственника директора, которые раньше «головой отвечали за план», получили возможность присваивать прибыль, перекладывая все издержки на государство.

Второй процесс проходил в политической сфере. Логика событий требовала либо усиливать авторитарные начала, либо перестраивать систему на началах демократических. Первый путь для Горбачева был равносилен политическому самоубийству, поскольку популярность принесли ему именно идеи демократизации. Второй путь означал создание политического рынка, что для человека, все еще надеявшегося сохранить в целом систему, было также неприемлемо. Но такое состояние — ни тоталитаризма, ни демократии — не могло длиться сколько-нибудь долго: обвал был неминуем.

Третий процесс, названный гласностью, оказался самым устойчивым, поскольку от власти здесь не требовалось никаких усилий — достаточно было лишь меньше руководить средствами массовой информации. Но именно гласность стала той духовной основой, которая в конечном счете привела к радикализации и экономических, и политических преобразований. Дело было не только в том, что советские люди в советских же газетах, по советскому же телевидению увидели и услышали слова правды; не только в том, что развенчивались многие мифы тоталитарной пропаганды: главное, впервые публично под сомнение были поставлены сами мировоззренческие основы жизни, и в головах многих людей активно шло переосмысление и советского бытия, и своего места в нем.

Повседневная жизнь между тем становилась все хуже. К традиционным многочисленным проблемам прибавились огромные очереди за спиртным и сахаром — необходимым компонентом самогоноварения,

поскольку еще с мая 1985 года в стране официально шла антиалкогольная кампания.

Появились и новые тревоги. Особое беспокойство вызывало обострение межнациональных отношений. В январе 1988 года страну буквально ошеломили известия об армянских погромах в азербайджанском городе Сумгаите. В ответ армянское население Нагорного Карабаха заявило о своем выходе из состава Азербайджана и присоединении к Армении.

Оставался открытым и главный вопрос: сохранится ли курс перестройки, или, как уже не раз бывало, реформы, едва начавшись, будут свернуты? Предполагалось, что на эти вопросы ответит XIX партконференция, намеченная на лето 1988 года.

Возлагал на нее надежды и Б.Ельцин. Преодолев тяжелый личностный кризис и сделав попытку вернуться к активной деятельности, он тут же столкнулся с неприятными обстоятельствами. Выяснилось, что обещание М.Горбачева не пускать его в политику отнюдь не пустая угроза, а принято, что называется, к исполнению. Так, блокировались все попытки Б.Ельцина «выйти в свет» — провести встречи с людьми, поучаствовать в какой-либо дискуссии и тем более дать интервью газете или журналу, выступить по радио или телевидению.

Даже самые радикальные и смелые издания, печатавшие тех, кого еще недавно относили в разряд «врагов народа», «диссидентов», публиковавшие обличительные материалы о КГБ, позорных страницах истории КПСС и так далее, отказывались дать слово опальному политику, все еще коммунисту, члену ЦК и государственному руководителю высокого ранга. На Б.Ельцина широко рекламируемая гласность не распространялась.

Он не раз вспоминал неприятный казус с журналом «Огонек», этим, пожалуй, самым смелым изданием перестроечной поры. Договоренность о публикации была достигнута, но в последний момент главный редактор В.Коротич дал понять, что материал напечатан не будет.

Система делала все, чтобы о нем поскорее забыли, но полной информационной блокады все-таки не получилось. Если на центральные издания партия могла повлиять, то на периферии ее железная хватка заметно слабела. Невозможно было запретить и встречи Б.Ельцина с общественностью.

Прорывом блокады стала встреча Б.Ельцина со слушателями Высшей комсомольской школы в Москве весной 1988 года. Тогда же было опубликовано его интервью газете «Советская молодежь». Сначала студенты, а затем и читатели газеты увидели и услышали другого Ельцина — настоящего оппозиционера, жесткого критика партийной системы и ее порядков. В Прибалтике к этому времени влияние агитпропа заметно поубавилось, а гласности было на порядок больше. Публикация интервью Ельцина сразу же стала сенсационной. Несмотря на то что газету читали в основном в Латвии, об этом материале узнали во многих регионах страны. Мало того, повсюду распространялись копии, ряд периферийных изданий перепечатал интервью. Важно было не столько то, что говорит Б.Ельцин, сколько констатация факта: нет, он не сломлен.

Надо отметить, общественное мнение уже начинало воспринимать его как признанного лидера альтернативной политики, приверженного идеям

демократизации, хотя в тот период он не представлял страну без социализма, а себя вне партии; считал, что его возвращение в политику будет благом для перестройки, для ее сторонников. Анализируя его тогдашние высказывания, можно вполне определенно утверждать, что он тяготел к партийным реформаторам, а его разногласия с верхушкой КПСС по-прежнему касались тактических вопросов и фокусировались главным образом на отношении к партаппарату.

В данном случае его позиции подкреплялись реальным опытом, связанным с пребыванием на посту первого секретаря МГК. Вот почему он так настойчиво и бескомпромиссно ставил вопрос об ограничении роли партийной номенклатуры. Но отсюда было уже недалеко до критического осмысления роли самой партии.

Б.Ельцин интуитивно чувствовал, что именно партаппарат — тормоз на пути реформ, и, если не ограничить зону его влияния, они будут обречены. Как ограничить всесилие партноменклатуры? Рецептов на этот счет у него не было, но важно уже то, что он четко определил направление поиска.

В интервью, выступлениях 1988—1989 годов Борис Николаевич предпринял во многом импровизированную попытку обозначить контуры альтернативной, «народной» перестройки. Конечно, он был далек от того, чтобы брать на вооружение известный лозунг Мао Цзэдуна «Огонь по штабам». Его мысли скорее созвучны идеям так называемой «Демократической платформы в КПСС», оформившейся на закате перестройки (в 1989 году) и исходившей из возможности спасительной эволюции компартии в сторону «демократического социализма», «еврокоммунизма» и далее — к социал-демократии.

Шанс вновь занять достойное место в партии давала XIX партконференция, и Борис Николаевич решил не упускать его. Кандидатура Б.Ельцина выдвигалась и в Москве, и на родине, в Свердловской области, и в других регионах, но путь на конференцию от крупнейших партийных организаций ему был заказан: сразу же срабатывал механизм отсеивания неугодных. В конце концов он оказался в числе делегатов от коммунистов Карелии. В суматохе подготовки аппаратчики, видимо, просто пропустили выборы в этой периферийной, малочисленной организации, а обнаружив в списках его имя, побоялись идти на скандал. А может быть, посчитали, что теперь он едва ли будет подавать голос... Вероятно, не забыли еще, как он каялся на пленуме МГК, как хотел вернуть расположение своих партийных товарищей.

Выступление на XIX партконференции 1 июля 1988 года Б.Ельциным было тщательно продумано и отработано до деталей. Опальный член ЦК посвятил его вопросам перестройки в партии, точнее — в ее высших эшелонах и ее партаппарате. Вот лишь некоторые поднятые им темы: общие, прямые и тайные выборы партийных руководителей снизу доверху, включая и Генерального секретаря, руководителей советских, профсоюзных и комсомольских органов; смена генсека должна сопровождаться обновлением политбюро и аппарата ЦК; обязательные подробные отчеты политбюро и Секретариата ЦК перед населением; открытость «всей партийной социологии о моральном здоровье руководителей партии и государства»;

открытость для членов ЦК вопросов партийного бюджета; ликвидация продовольственных пайков для «голодающей номенклатуры»; сокращение аппарата в обкомах в 2—3 раза, а в ЦК в 6—10 раз.

Но даже не это было главным. Он пришел на партийную конференцию с твердой и ясной целью — добиться политической реабилитации: «Реабилитация через 50 лет сейчас стала привычной, и это хорошо действует на оздоровление общества. Но я лично прошу политической реабилитации все же при жизни...» Он аргументировал это тем, что вопросы, затронутые им на октябрьском Пленуме 1987 года, впоследствии неоднократно поднимались прессой, ставились рядовыми коммунистами, звучат они и с трибуны конференции, в том числе и в докладе Генерального секретаря.

«Всем нам надо, — призвал Б.Ельцин, — овладеть правилами политической дискуссии, терпеть мнение оппонентов, не навешивать сразу ярлыки и не считать их еретиками... Прошу конференцию отменить решение Пленума по этому вопросу. Если сочтете возможным отменить, тем самым реабилитируете меня в глазах коммунистов. И это не только личное, это будет в духе перестройки, это будет демократично и, как мне кажется, поможет ей, добавив уверенности людям...»

Такая постановка вопроса не покажется странной, если рассматривать ее соотнося со временем. Это был период своеобразной всеобщей реабилитации в стране: восстанавливались в правах репрессированные, людям возвращались их добрые имена, провозглашался принцип плюрализма, предполагавший в качестве нормы многообразие точек зрения, мнений, ведь сам генсек не раз говорил, что никто не может обладать монополией на истину. Это была не просьба, а призыв к делегатам партконференции, чтобы они определились в своем отношении к этому процессу. Ельцин фактически переводил вопрос в другую плоскость: готова ли сама партия признать новую политическую реальность и «соответствовать ей»? А если еще конкретнее — будет ли признано право на существование различных политических позиций в рамках одной партии?

В принципе к середине 1988 года вопрос этот звучал скорее риторически. Спектр мнений в самой партии, и не только высказываемых, но и отстаиваемых, был огромный. И позиция Б.Ельцина вполне вписывалась в этот контекст. Но то, что происходило после его выступления, вновь напомнило театр абсурда. Начался третий акт пьесы под названием «Разнос», с теми же главными действующими лицами, но с той разницей, что Центральное телевидение давало большие репортажи из Дворца съездов и свидетелями разыгранного спектакля стали миллионы людей.

Нужно отметить, по крайней мере, три особенности происходившего. Во-первых, как и прежде, на стороне обличителей оказался и М.Горбачев, в позиции которого было много от личных амбиций, обид и подозрений, поэтому политически он выглядел не слишком убедительным. В новом раунде боя с Б.Ельциным он явно терял очки. Во-вторых, поднятый Б.Ельциным вопрос консерваторы использовали как повод для нападок на реформаторскую часть партии. В-третьих, впервые с трибуны партийного форума прозвучали и слова в поддержку Б.Ельцина. Стало очевидно, что часть делегатов склоняется на его сторону.

Он держался на этот раз достаточно уверенно. После всего пережитого, похоже, понимал — чем лучше он будет держать удар, тем ощутимее окажется поддержка в партийной массе, в обществе. Он лишь снисходительно улыбнулся в ответ на брошенную в сердцах Лигачевым фразу: «Борис, ты не прав». Люди, наблюдавшие эту суету, сделали однозначный вывод: «Нет, не правы те, кто бросает обвинения Ельцину».

Во второй половине 80-х годов Б.Ельцин набрал достаточный потенциал, чтобы возглавить реформаторскую часть партии. Политическая организация как опора, как структура, вырабатывающая политический курс, была жизненно необходима Б.Ельцину, человеку — по жизни, по всему — партийному, изначально встроенному в систему. Именно эта среда была ему органичной, именно в ней он научился эффективно реализовывать свои качества лидера.

История распорядилась иначе. Не обретя достойного места в партии, он оказался на политической чужбине, которая так и не стала «второй родиной». Это во многом определило не только его дальнейшую судьбу, но и будущее страны, жизнь каждого из нас.

Партийная конференция оставила открытым вопрос о политической реабилитации, ограничившись обсуждением. Отношение партийного руководства к нему не изменилось и было похоже на отношения к прокаженному. Но рядовые коммунисты фактически оказались перед искусственно сконструированной дилеммой — или с Б.Ельциным, или с партией.

Глава 2

К другому политическому берегу

(август 1988 — июль 1990)

Демократия или демократизация

Дальнейшая политизация советского общества объясняется, конечно же, не только феноменом Б.Ельцина. Это был всего лишь один из сюжетов того особого времени. Далеко не последнюю роль в тот период играла проводимая в жизнь М.Горбачевым политическая установка на гласность, демократизацию и на стимулирование инициативы людей.

Михаил Сергеевич прекрасно понимал, что партийная номенклатура тормозит и без того трудно идущие преобразования, и только подключение «человеческого фактора» создаст ей некий противовес. Однако генсек опасался резких действий в реальном ограничении ее власти. Фактически гарантируя неприкосновенность партноменклатуре, он рассчитывал сохранить и свое лидерство в партии. Вместе с тем, стимулируя появление гражданского общества, хотел одновременно выступать в роли формального и неформального лидера, рассчитывая, что его природная предрасположенность к компромиссам, к тонким тактическим маневрам позволит в перспективе решить все основные задачи перестройки.

Попытка соединить столь противоречивые в политическом плане замыслы воплотилась в идее повышения значимости Советов. Эти органы власти, уже давно превратившиеся в декорацию, должны были обрести второе дыхание. Практически речь шла о формировании мощной властной вертикали, что открывало возможность эволюции партократического режима в некое подобие парламентской республики.

Такой путь развития политической системы СССР был продекларирован XIX партконференцией. При этом, однако, в качестве центральной ставилась задача обеспечить партийное доминирование в Советах. Это были те же старые слова на новую мелодию. Указывались и пути решения проблемы — представителям компартии следует убеждать избирателей в правоте своих идей, в эффективности и предпочтительности своей политики, то есть они должны взять верх в открытом и честном соперничестве.

Но это было частью правды, причем не главной. Партконференция давала установку на сохранение за КПСС своей политической монополии в обществе и государстве. И делиться властью партия ни с кем не собиралась. Даже само обсуждение темы политического плюрализма, введение многопартийности в стране считалось в партаппарате опасной ересью. По сути, прилагалась та же самая советская модель с отдельными добавками в духе времени.

Сохранение за КПСС ведущей роли практически исключало дальнейшее политическое структурирование общества. В этом случае мощный подъем социальной активности уходил, словно пар в «свисток», в словопрения, обычно совершенно бесплодные. Фактический запрет на создание

политических организаций не затрагивал, так сказать, «индивидуальной политической деятельности». Что это значит? Можно спорить, высказывать свое несогласие, альтернативную позицию и даже быть избранным в народные депутаты, но реально — это не более чем суррогат политического плюрализма, безжизненная бутафория.

XIX партконференция на примере «дела Ельцина» продемонстрировала нетерпимое отношение партии к «внутреннему плюрализму», подтвердила незыблемость ленинских принципов «демократического централизма», что гарантировало аппарату контроль не только над парторганизациями, но и над политикой государства, действиями его лидеров. Все провозглашенные завоевания перестройки оставались недоступными рядовым коммунистам.

Более того, консервативное крыло в КПСС перешло в открытое наступление, инициировав кампанию против «вседозволенности и экстремизма» в СМИ и общественной жизни. Прослеживались три главные цели: ограничить гласность; воспрепятствовать становлению общественных структур, критически настроенных к КПСС; дискредитировать рыночные механизмы, прежде всего кооперативы.

К этому времени уже четко размежевались политические позиции средств массовой информации. Ряд газет и журналов, прежде всего еженедельники «Огонек» и «Московские новости», а также «Аргументы и факты», газеты «Московский комсомолец», «Комсомольская правда» и некоторые другие центральные издания, стояли на демократических позициях. Выразителем консервативных, ортодоксально-партийных взглядов оставались газета «Советская Россия», журналы «Молодая гвардия», «Наш современник» и т.д. Все более тяготел к этой позиции и главный печатный орган КПСС — газета «Правда». Антиперестроечные позиции были широко представлены также в региональной партийной печати.

Подобное разделение в меньшей степени проявлялось на телевидении в силу принципиально иной организационной структуры и большей централизации управления. Здесь появлялись лишь отдельные очаги робкой демократической фронды, эпатажного молодежного «стеба», менее радикальные, чем в печатных СМИ, но более важные в силу массовости своего влияния.

Главным лозунгом консервативной идеологической кампании стал — «Социалистические завоевания в опасности», но реальная суть заключалась в другом — в стремлении обеспечить доминирование КПСС в Советах. Для этого была предложена новая, весьма запутанная модель их организации. На союзном уровне создавалась двухступенчатая модель высшей власти — Съезд народных депутатов и Верховный Совет.

Формирование Съезда шло двумя путями. Треть депутатов проходила по квотам — от КПСС, профсоюзов, общественных организаций, различных творческих, научных, культурных и других объединений и обществ. Каждая такая структура получала заранее определенное число мест (скажем, КПСС — 100, отсюда известное выражение тех лет — «красная сотня») и сама определяла, кто эти «вакансии» заполнит.

Другая часть депутатов избиралась по обычным избирательным округам, причем впервые предполагалась и некоторая альтернативная основа,

но с одной существенной поправкой. Выдвигаться могло неограниченное число кандидатов, но в избирательный бюллетень попадали далеко не все. Право отсева предоставлялось так называемым «собраниям представителей».

Таким образом, предложенная модель содержала немало фильтров и страховочных механизмов, обеспечивавших надежные гарантии сохранения контроля партаппарата над Советами на союзном уровне. Но даже и эта модель, несмотря на свою сложность, была заметным шагом вперед по сравнению с существовавшими прежде «выборами без выбора».

Стратеги КПСС не разглядели всех таившихся в ней опасностей. Первая же избирательная кампания зимой 1988/89 года ярко продемонстрировала, что КПСС выпускает из рук инициативу и контроль над политическими процессами. Впервые за 70 лет в Советском Союзе началась реальная политическая борьба, столкнулись разные политические идеи, лозунги и цели. Именно в этот период заявляют о себе как о политической силе те, кого назовут потом «демократами».

Сразу же подчеркнем, что их политическое самоопределение в ходе той избирательной кампании не состоялось. Да это и не могло произойти, поскольку не предпринималось даже попытки выработать цельную политическую программу, политическую стратегию для государства... В зачаточном состоянии пребывало и «партийное строительство». Преобладали настроения — быть «вне партии», то есть выходить из КПСС, но не создавать новые организации.

Тогда демократия еще не оформилась как политическое движение, это был скорее образ политического мышления и действия, а сами демократы — людьми со схожим образом мыслей и имевшие схожую шкалу оценок событий недавнего прошлого. Очарованные провозглашенной перестройкой и разочарованные ее реализацией, эти люди выражали острое недовольство настоящим и требовали решительных перемен. Однако сами контуры этих грядущих перемен были весьма размыты.

Среди лидеров-демократов преобладали люди науки и сферы образования, писатели, журналисты, актеры и т.д. Заметным влиянием среди них пользовались так называемые «шестидесятники» и бывшие советские диссиденты. Общепризнанным лидером стал академик Андрей Дмитриевич Сахаров. Наиболее прочные позиции они имели в Москве, Ленинграде и в крупных промышленных центрах страны.

Следует отметить, что в ряде союзных республик (в Прибалтике, Армении, Грузии и др.) преимущественно на национальной основе сформировались массовые демократические движения — народные фронты. Они представляли собой реальную политическую силу и заявляли, что конечной их целью являются не только демократические преобразования, но и государственный суверенитет республик.

Не будучи структурированной и организованной оппозицией, демократы тем не менее выдвинули два основных лозунга, которые позволили им консолидироваться в ходе избирательной кампании 1989 года: «Отмена 6-й статьи Конституции» и «Вся власть Советам». Сегодня это уже требует определенных пояснений.

Статья 6 определяла суть политического устройства Советского Союза. Она гласила, что КПСС является ядром политической системы, руководящей и направляющей силой советского общества. Разумеется, тоталитарная система могла обойтись и без этой статьи. В сталинской Конституции ее не было, и режиму это не мешало, поскольку не существовало самого конституционного строя. Но к 1989 году идея правового государства, ранее считавшаяся буржуазной выдумкой, становилась все более популярной, поэтому такое огромное значение стало придаваться конституционным формулировкам. Сказались и традиции диссидентов-правозащитников, которые, как известно, во избежание еще более жестоких репрессивных мер пытались предстать законопослушными гражданами и обвиняли режим прежде всего в несоблюдении своих же законов, а также международных обязательств.

Наличие 6-й статьи позволяло при желании истолковывать любое альтернативное проявление политической активности как не соответствующее Конституции СССР со всеми вытекающими отсюда последствиями. Требование ее отмены означало требование лишить КПСС насильственно присвоенного ею права на политическую монополию.

Напрямую с этим был связан и лозунг «Вся власть Советам». Речь шла об изменении такого положения, когда Советы сверху донизу были лишь ширмой для партийной власти. Цель тех, кто поднимал на своих знаменах этот лозунг, состояла в том, чтобы разрушить всевластие КПСС.

Забегая вперед, скажем, что планы верхушки КПСС по созданию единого фронта против проникновения демократов в депутаты СССР во многом не были реализованы. Конечно, демократы оказались в меньшинстве, но, учитывая, что среди них было немало неординарных, всенародно известных, ярких людей и прекрасных ораторов, голос оппозиции зазвучал уверенно и громко.

О той первой в СССР по-настоящему выборной кампании стоит сказать особо. Главная ее отличительная черта — небывалый подъем общественной активности. За ходом предвыборной борьбы постоянно следили миллионы граждан, причем заинтересованно, азартно. Появилось множество активистов, которые совершенно бескорыстно брались за любую работу — разносили листовки, сидели на телефонах, агитировали, как могли, за своего кандидата.

Популярные политики собирали огромные аудитории, их буквально засыпали вопросами. Отличительная особенность этого времени — массовые митинги сторонников демократов в крупных городах страны. Особую роль в кампании сыграли средства массовой информации. Именно они стали основным полем беспрецедентных по смелости политических дискуссий.

Если до сих пор в центре внимания были так называемые «белые пятна» советского прошлого, то теперь акцент сместился в сторону проблем настоящего. Причем все больше общественный интерес фокусировался на коренном вопросе: «казнить или миловать» существовавший строй, правильный или нет был «социалистический выбор, сделанный в 1917 году»?

Впрочем, те дискуссии затрагивали весь спектр современных проблем, в них проявилось горячее стремление заполнить не только вчерашние, но и сегодняшние «белые пятна», которых также было немало: это и комплекс экономических вопросов, в первую очередь отношение к возрождению частной собственности, к освобождению цен, к кооперативам, к колхозам и фермерству. Это и разгоравшиеся межнациональные конфликты, и центробежные процессы в Прибалтике; наконец, это отношение к политическому плюрализму.

К столь масштабной и острой дискуссии партийный агитпроп оказался абсолютно не готов. Фактически игра велась в одни ворота: КПСС вынуждена была уйти в глухую оборону, чтобы попытаться удержать в своей орбите хотя бы консервативные регионы. Это, в общем-то, удалось, что подтвердил состав избранного депутатского корпуса.

Тем не менее многие партийные боссы потерпели сокрушительное поражение. Из 86 первых секретарей КПСС в областях и краях, которых обязали участвовать в выборах, в депутаты прошли всего 10 человек. Открытость избирательной кампании, ее широкое освещение в СМИ привели к тому, что функционеры КПСС не смогли предотвратить прохождение в депутаты многих нежелательных кандидатов, в том числе и Б.Ельцина.

В этот период начинается сближение Ельцина с демократами. Правда, отношения с ними складывались отнюдь не просто. Да и сами они относились к Борису Николаевичу настороженно еще с тех пор, как он возглавлял Московский горком.

Пребывавшая во внутренней опозиции часть интеллигенции видела в нем человека системы, причем органически с ней связанной, то есть «чужака», а конфликт с партаппаратом рассматривался как «бой внутреннего значения».

В начале I съезда народных депутатов демократы представляли собой некую «политическую богему», достаточно яркую, шумную, но без какого-либо серьезного политического влияния. Однако Б.Ельцин увидел в еще неоформленном демократическом движении серьезный политический потенциал.

В конце февраля 1989 года на Манежной площади в Москве состоялся грандиозный митинг, в котором участвовали сотни тысяч людей. Чтобы организовать такую массу сторонников демократии, не пришлось задействовать, как принято сейчас говорить, «административный ресурс» — люди шли сюда по зову сердца. Это было самое мощное в период перестройки выражение протеста против диктата КПСС. Ельцин не мог не услышать его, тем более что к этому времени и у него установились определенные связи с рядом известных столичных демократов. Много сделал для этого руководитель его секретариата в Госстрое СССР Лев Евгеньевич Суханов. Человек общительный, динамичный, активный, он был в курсе всех политических новостей города и оказывал большую помощь своему шефу, жадно впитывавшему новую информацию. Именно вокруг Суханова складывалась первая неформальная команда, составившая предвыборный штаб, в которую входили Л.Демидов, В.Комчатов, В.Митина, А.Музыкантский, Л.Муранова, В.Михайлов и другие.

Баллотироваться в народные депутаты СССР Борис Николаевич решил непременно в Москве, хотя понимал, что в этом был немалый риск. Но этот вариант опирался на серьезный политический расчет: он уже был кумиром масс и мог позволить себе выбирать округ. Конечно, он мог без всякого напряжения победить на Урале, например в родном Свердловске. Однако Ельцин не был бы Ельциным, если бы не решился бросить вызов КПСС там, где влияние партийного аппарата было сильнее всего и откуда его изгнали, — в самой Москве. Он понимал, что его победа в столице будет значить куда больше, чем простая политическая реабилитация.

Понятно, что власти мобилизуют все силы, чтобы только не допустить политического возрождения «отступника». Но был и веский контраргумент: здесь гораздо больше возможности защититься от давления и подтасовок. В Москве он мог рассчитывать на массовую поддержку демократов, которые, в свою очередь, приобретут в лице Ельцина мощного союзника. Несмотря на все ухищрения партийной номенклатуры, Борис Николаевич победил с оглушительным перевесом. Москва поддержала его 89% голосов избирателей. Эта победа имела решающее значение для всей его последующей карьеры, она стала своеобразным итогом «референдума» в защиту Ельцина и мандатом на критику КПСС, катастрофически терявшей авторитет.

Для партийной верхушки это был настоящий шок. На голову Горбачева посыпались обвинения. Впрочем, в какой-то мере они были даже выгодны ему, поскольку давали возможность «подтянуть» свой низкий рейтинг. Для этого генсек пошел на такой невиданный доселе шаг, как публикация стенограммы заседаний политбюро по итогам выборов. В соседстве с партийными консерваторами и «ястребами» он смотрелся настоящим либералом. В среде интеллигенции это принесло ему определенные дивиденды.

Воспользовавшись несколько окрепшим авторитетом в обществе, Горбачев сумел принудить группу престарелых членов ЦК КПСС к добровольной отставке. ЦК покинуло тогда сразу 110 человек. Однако кадровое обновление произошло слишком поздно. Процесс распада партии набирал скорость. Понимая это, Горбачев начал загодя готовить почву для избрания себя Председателем Верховного Совета, рассчитывая со временем ослабить административное влияние партаппарата. Впрочем, времени в его распоряжении оставалось крайне мало.

Б.Ельцин же, пройдя в депутаты, получил широкую и легальную возможность для публичных действий и «подрывных» речей. На него уже не распространялась былая партийная цензура. Впервые он стал выдвиженцем не партии, а народа. Победа в Москве завершила очередной этап политической биографии Б.Ельцина. И хотя он еще год с небольшим будет оставаться членом КПСС, — эта страница жизни была дописана.

Чужой среди своих

I съезд народных депутатов СССР открылся 25 мая 1989 года в Кремле во Дворце съездов (ныне Государственный Кремлевский дворец). По телевидению шла прямая трансляция, и миллионы людей наблюдали на экранах

все перипетии захватывающего действия. В числе первых выступал еще недавно отбывавший ссылку в Горьком (ныне Нижний Новгород) академик А.Сахаров, что само по себе выглядело сенсацией.

Он предложил Съезду принять «Декрет о власти», перечислил его основные положения, из которых следовало, что КПСС предлагается «уйти в отставку» и передать свою «руководящую и направляющую роль» Съезду. «Исключительным правом Съезда народных депутатов СССР, — звучало с трибуны, — является принятие законов СССР, назначение высших должностных лиц СССР, в том числе Председателя Совета Министров СССР, председателя Комитета народного контроля СССР, председателя Верховного Суда СССР, Генерального прокурора СССР, Главного государственного арбитра СССР. В соответствии с этим должны быть внесены изменения в те статьи Конституции СССР, которые касаются прав Верховного Совета СССР».

Эти предложения, конечно же, не нашли поддержки большинства депутатов. Но уже то, что они прозвучали не по зарубежным радиоголосам, были высказаны не на тайном собрании диссидентов или в подпольно изданной листовке, а на заседании официального органа, свидетельствовало о том, что перемены в стране действительно происходят огромные.

Появилась публичная политика. Это в считанные недели политизировало всю страну, где прежде отсутствовала политика в точном значении этого слова. Были лишь внутриаппаратные партийные интриги, не задевавшие общество. Теперь же появилась именно политика как столкновение публичных интересов.

К перипетиям политических баталий на Съезде было приковано всеобщее внимание.

М.Горбачеву докладывали о благоприятной реакции внутри страны и на Западе, и ему нравилось, что он снова предстает в глазах общественного мнения поборником «гласности и демократизации». Однако довольно быстро понял, что такая «супергласность» работает против него. Лишившись возможности закулисных манипуляций, он вынужден был маневрировать публично, не имея навыков открытой политики. Его противники, напротив, получили прямой доступ к сердцам миллионов своих избирателей.

Как уже говорилось, благодаря сохранившемуся влиянию на регионы партаппарату все-таки удалось обеспечить значительный перевес сил на Съезде. Формально под его контролем находилось примерно 9/10 голосов. Но лишь формально: в ходе заседаний это соотношение менялось, причем существенно.

На каких направлениях был прорван усиленно создаваемый аппаратом КПСС «фронт против демократов»? Прежде всего это ряд союзных республик. Депутации из Прибалтики (Латвии, Литвы и Эстонии), в значительной части из Армении и Грузии практически не контролировались аппаратом, более того, были сильным раздражителем для него. Москва и Ленинград избрали на Съезд в основном депутатов демократической ориентации, в ряде российских региональных депутаций доля демократов была достаточно высока.

Обозначился и так называемый «красный пояс». Представлявшие его депутаты и составили, по меткому выражению историка и публициста Ю.Афанасьева, «агрессивно-послушное большинство».

Ряд общественных и творческих организаций провели на Съезд людей, которых партаппарат категорически не хотел видеть среди народных депутатов. В первую очередь это касалось того же А.Сахарова, лишь со второй попытки избранного по списку от Академии наук СССР.

Была еще одна важная деталь, существенно влиявшая на расстановку сил. Для немалой части депутатов политическое самоопределение оставалось открытым вопросом — они не имели своих твердых позиций. Сам ход дискуссий, их острота порой опрокидывали те сценарии, которые разрабатывались на Старой площади на каждый день. И порой М.Горбачев, который вел заседания, просто терял контроль над залом. В один из таких моментов Б.Ельцин был избран в Верховный Совет СССР.

На Съезде в отношении него велась прежняя линия — бойкот. Последовала железная установка — ни в коем случае не допустить избрания Б.Ельцина в Верховный Совет, а тем более — на какой бы то ни было руководящий пост. Казалось бы, успех решения этой задачи обеспечен: его кандидатура, как и следовало ожидать, не набрала необходимого числа голосов.

Но Б.Ельцин все-таки был избран в Верховный Совет. Совершенно неожиданно для присутствующих никому не известный ученый-юрист из Омска А.Казанник попросил слова и заявил, что снимает свою кандидатуру, но только в пользу Бориса Николаевича. Предложение поставили на голосование, и произошла сенсация — большинство депутатов проголосовало «за». При распределении портфелей в Верховном Совете Б.Ельцин стал председателем Комитета по строительству.

Формально роль I съезда народных депутатов СССР прежде всего и заключалась в том, чтобы сформировать Верховный Совет и его рабочие структуры. Именно Верховный Совет был призван осуществлять регулярно законодательную деятельность, производить основные назначения. Члены Верховного Совета, в отличие от остальных депутатов, работали на постоянной основе.

Однако значение Съезда было гораздо большим: заседания этого органа-митинга стали эпицентром всесоюзной дискуссии по самым разным темам. Особую остроту полемике придали некоторые события, вызвавшие широкий резонанс. В ночь с 8-го на 9-е апреля 1989 года на площади в самом центре Тбилиси произошла трагедия: солдаты, вытесняя митинговавших людей с площади, применили силу и спецсредства — газ, саперные лопаты. В результате несколько тбилисцев, преимущественно женщин, погибли. Другая трагедия произошла в те же дни в Челябинской области — в результате крупнейшей железнодорожной катастрофы погибло около полутора тысяч пассажиров двух поездов. Продолжался острейший межнациональный конфликт в Нагорном Карабахе.

Это были дополнительные свидетельства общего неблагополучия в стране. Поднимавшиеся на трибуну депутаты дополняли тревожную картину.

Однако довольно скоро выяснилось, что Съезд при всей своей внешней грандиозности не в состоянии быть сколько-нибудь действенным механизмом воздействия на ситуацию. Громы и молнии, проклятия и мольбы о помощи день за днем сыпались с главной трибуны страны, но все в лучшем случае заканчивалось созданием очередной комиссии, которой поручалось изучить вопрос.

Вскоре выяснилось, что демократически настроенным депутатам при всей их активности не удается пробить оборону того самого «агрессивно-послушного большинства». Сконструированная не без помощи партчиновников со Старой площади (огромную роль здесь сыграл А.Лукьянов) махина Съезда пусть и медленно, но все-таки покатила вперед по тем рельсам, которые для нее были проложены.

Важным моментом, во многом предопределившим последующие события на Съезде, стало создание Межрегиональной депутатской группы (МДГ). Задумывалась она демократическими депутатами как механизм противодействия попыткам консерваторов проводить свой сценарий Съезда и поначалу объединила 388 человек. Ее ядро составили москвичи, ленинградцы и депутаты, избранные в Прибалтике. Пригласили и Б.Ельцина.

Сам факт появления впервые за годы советской власти оппозиционной структуры в высшем государственном органе имел исключительное политическое значение. В том, что это была именно оппозиция, сомневаться не приходилось. Цели и задачи, провозглашаемые МДГ, не только не соответствовали традиционному порядку вещей, но и, наоборот, опрокидывали его. Депутаты-демократы требовали признания частной собственности, открыто выступали за политический плюрализм и против монополии КПСС, за расширение самостоятельности союзных республик и децентрализацию власти. Они заявили о себе как о сторонниках решительного продолжения перестройки, и прежде всего радикальных экономических реформ.

Депутаты-межрегионалы вырабатывали общую тактику действий на Съезде и согласовывали позиции по принципиальным вопросам. Вместе с тем в МДГ гарантировалось право меньшинства; несогласным предоставлялась возможность публично отстаивать свое мнение и проводить на Съезде свою линию.

Еще на этапе «конституирования» в МДГ встал вопрос о лидерстве. Было, по крайней мере, два человека, которые с полным основанием могли претендовать на эту роль — А.Сахаров и Б.Ельцин. Но выбор той или иной кандидатуры таил в себе потенциальную угрозу единству группы.

А.Сахаров был признанным лидером советских правозащитников, сама его судьба — яркий пример бескомпромиссной борьбы с тоталитарной системой. Однако некоторым членам МДГ его позиция казалась слишком радикальной. Избрание Андрея Дмитриевича председателем могло бы вызвать нежелательную внутреннюю напряженность.

Сложным было отношение к Б.Ельцину. Против его избрания возражал, в частности, А.Сахаров. Такое неприятие вполне объяснимо: многие видные члены МДГ вышли из среды диссидентствующей интеллигенции и не очень верили в демократизм Б.Ельцина. Они по-своему понимали мотивы его бунта против КПСС и М.Горбачева и не испытывали по этому

поводу особых иллюзий. Бесспорным минусом для части межрегионалов было номенклатурное прошлое Бориса Николаевича.

Но нельзя было не считаться с тем, что значительная часть депутатов безоговорочно поддерживала только его кандидатуру. Их аргументы звучали весьма убедительно: Б.Ельцин — один из самых популярных людей в стране, единственный из депутатов-межрегионалов, кто входит в руководящие структуры Верховного Совета. От решения по данному вопросу зависели дальнейшее пребывание этих депутатов в МДГ и судьба всей Межрегиональной группы. Да и сам Ельцин не привык быть ни третьим, ни вторым, тем более что приглашали его в МДГ на роль лидера.

Таким образом, схема выбора только из двух кандидатур могла завести в тупик. Отвергли и компромиссную идею двух сопредседателей. Слишком уж разные люди Б.Ельцин и А.Сахаров, не простые и их личные отношения. И в такой критический момент Г.Попов высказал идею множественного «сопредседательства». Это был, пожалуй, единственный спасительный выход. Избрали сразу пять сопредседателей МДГ: А.Сахарова, Б.Ельцина, Ю.Афанасьева, Г.Попова и эстонского ученого В.Пальма.

Помимо всего прочего, такой вариант оказался весьма эффективным: каждый из сопредседателей имел влияние на определенную часть депутатов и как бы представлял ее интересы, а совместное руководство внутренне консолидировало все это депутатское объединение.

Такое решение вполне устраивало и Бориса Николаевича: с одной стороны, не пострадало его самолюбие, а с другой — совместная работа с известными интеллектуалами и яркими личностями первой демократической волны стала для него хорошей школой. Впрочем, союз этот оказался временным.

Демократы, безусловно, ценили его как сильного союзника, волевого человека, не побоявшегося поднять бунт на корабле с названием «КПСС». Они рассчитывали использовать и его бойцовские качества в борьбе с партией. Нужен был таран, чтобы проломить «стены тоталитаризма». В нем они видели прежде всего именно разрушителя системы и сильно сомневались в его способностях решать созидательные задачи, связанные со строительством демократического общества.

Так и не стали они друг для друга «своими». И вина в том не только Ельцина, но и его коллег по МДГ. Многие из них на трудном этапе непопулярных реформ 1992—1993 годов растерялись, поспешили отойти от реальных политических дел, вернувшись к более близкой им роли просвещенных критиков со стороны. Они предпочли остаться в иллюзорном демократическом мире конца 80-х. Может быть, поэтому там остались и некоторые важные демократические ценности, так и не укоренившиеся на российской почве.

«Процесс пошел»

I съезд народных депутатов СССР стал линией водораздела в новейшей истории страны. На нем фактически удалось «надломить» монополию КПСС на власть. Появилась легальная оппозиция. Демократическое дви-

жение получило мощный импульс для развития. Действия партии все чаще попадали под огонь критики.

Это особенно наглядно продемонстрировал Съезд. Делегаты поднимали серьезнейшие проблемы, которые раньше или замалчивались, или интерпретировались превратно. Люди узнавали об истинном положении в сфере межнациональных отношений и в управлении государством. Съезд подтвердил глубокий раскол в обществе между теми, кто продолжал отстаивать ценности «советского образа жизни», и теми, кто стремился к обновлению страны на проверенных историей демократических принципах.

Съезд ускорил распад КПСС. Именно после него М.Горбачев осознал, что его авторитет неуклонно падает. Он с раздражением отмечал, как растет политический вес Ельцина. И нет законных способов противостоять этому.

Попытки аппаратчиков шельмовать Ельцина не вызывали ожидаемой реакции населения, напротив, «гонения» провоцировали митинги в его защиту, где все чаще появлялись лозунги с критикой Горбачева и требованиями положить конец монополии КПСС.

Все это проходило на фоне ухудшающегося экономического положения. Продолжала обостряться проблема дефицита, экономисты предрекали товарный голод и инфляцию. Летом 1989 года забастовали шахтеры Кузбасса, выдвинув жесткие экономические требования. СМИ уже не замалчивали, как прежде, масштабы недовольства населения. Телезрители увидели площади городов Кемеровской области, заполненные массами рабочих в шахтерских касках.

Власти не без основания опасались дальнейшей дестабилизации общественно-политической обстановки. Центр не по дням, а по часам терял контроль над Прибалтикой, где оппозиция поставила в повестку дня требование выхода из СССР. Прогнозы показали, что на предстоящих выборах в республиканские парламенты ее сторонники будут вне конкуренции. Все больше осложнялось положение в Грузии и Армении: здесь также в открытую заговорили о независимости.

Из многих точек напряжения следовало выделять особо опасные, ключевые и попытаться нейтрализовать их воздействие. Этому, как считали партийные стратеги, могла бы помочь «контрдемократическая» пропаганда, в том числе дискредитация МДГ и одного из ее лидеров — Б.Ельцина.

В один из летних дней 1989 года «Правда» перепечатала большую статью из итальянской газеты «Реппублика» о поездке Б.Ельцина в США. Автор публикации, не жалея красок, поведал о некоторых пикантных подробностях поездки, связанных со злоупотреблением алкоголем. И Центральное телевидение показало сюжет на ту же тему. К удивлению организаторов, эффект этой информационной акции оказался для них со знаком минус. В обществе это расценили как очередную провокацию. И вновь пострадала репутация М.Горбачева, в котором общественное мнение теперь видело инициатора любого антиельцинского «выпада».

В обстановке нарастающего экономического и политического кризиса 12 декабря 1989 года начался II съезд народных депутатов СССР. Предполагалось, что центральным вопросом станет радикальная эконо-

мическая реформа, а с основным докладом выступит Председатель Совета Министров СССР Н.Рыжков.

МДГ готовила к Съезду свои предложения по экономической реформе. Это был первый опыт разработки альтернативной экономической политики. Предвидя реакцию Съезда, депутаты-межрегионалы решили публично заявить свои позиции и выразить отношение к проводимому экономическому курсу.

Обсуждались и вопросы политической тактики. Демократы, имея значительное влияние в обществе, были уже достаточно сильны, чтобы пойти на подготовку массовых акций протеста в крупных промышленных центрах страны. Но эта точка зрения, учитывая непредсказуемые последствия, была отвергнута, равно как не получил поддержки и призыв А.Сахарова к всеобщей политической стачке, прозвучавший накануне Съезда.

Весь ход II съезда показал, что руководство страны не способно предложить решительные меры, позволявшие переломить экономическую ситуацию. Доклад Н.Рыжкова был выдержан в успокаивающем духе и нацеливал на совершенствование социалистической экономики с сохранением ее планово-распределительной основы.

В качестве одной из главных ставилась задача обеспечить рост производства товаров народного потребления в 1990 году более чем на 60%, что должно было, как полагало Правительство, отвести страну от края пропасти. Но это совершенно не соответствовало реальным возможностям. Стало окончательно ясно, что союзное Правительство не собирается проводить настоящие реформы.

С альтернативными предложениями по экономической политике страны от МДГ выступил Б.Ельцин. Анализируя правительственную программу, он говорил: «...Балансирование между интересами аппарата и общества привело нас к потерянной пятилетке и всенародному кризису... В целом предложение Правительства можно свести к следующему: остановиться, кое в чем даже сделать шаг назад, передохнуть, накопить силы для следующего этапа...» Нам предлагают «постепенное врастание административно-командной системы в рыночную экономику». «Но разве не ясно, — спрашивал Б.Ельцин, — что этот гибрид не будет жизнеспособен?.. Разве можно согласиться со сроком шесть лет — такова ориентировка Правительства?»

Он предложил воздержаться от одобрения мер Правительства, а сформулировать только главные принципы новой системы экономических отношений:

«Мы должны четко определить, что главное сейчас, в опасный переломный момент, — четко, по месяцам расписать 1990 год».

Наконец, Б.Ельцин заявил о необходимости принять план демонтажа основных рычагов административной экономики.

Конечно, было бы преувеличением говорить, что в его выступлении излагалась целостная программа экономических реформ, но в нем, бесспорно, содержался ряд принципиальных предложений. Позиция была заявлена. И, что не менее важно, теперь все могли убедиться: в стране есть такая альтернативная политическая сила, которая способна предложить другой, подлинно реформаторский курс.

К концу 1989 года становилось все более очевидно, что едва ли есть возможность сохранить Советский Союз в неизменном виде. Еще на I съезде в ряде выступлений звучала мысль о необходимости подготовки нового Союзного договора, который предоставил бы республикам больше самостоятельности и позволил перехватить инициативу у сепаратистов. Эту идею разделяли и многие депутаты из Прибалтики. Но сама подобная постановка проблемы воспринималась чуть ли не как покушение на святое — «монолитное единство советского народа».

Когда же на Съезде А.Сахаров поднял вопрос о необходимости подготовки новой, деидеологизированной Конституции, большинство депутатов встретили это предложение насмешками. Но Андрей Дмитриевич до последних дней активно продолжал работать над ее проектом, который успел опубликовать. Он категорически отвергал все громче звучавшие призывы к силовому варианту сохранения СССР, собирался непременно выступить по этой острой проблеме на следующем, II съезде.

Его внезапная смерть стала тяжелой и невосполнимой утратой для демократов. Авторитет, безупречная репутация А.Сахарова позволяли цементировать демократическое движение, сохранять, пусть порой только внешнее, единство. Теперь предстоял новый сложный выбор. Либо ориентироваться на Б.Ельцина — как на фигуру общенационального масштаба, крупную и популярную, сделав его «знаменем» всего демократического движения. Либо придерживаться прежнего принципа МДГ — лидерства равных. Этот, казалось бы, внутрифракционный вопрос имел на самом деле огромное общеполитическое значение: ведь совсем скоро предстояли выборы народных депутатов РСФСР, и от того, какой вариант предпочтут межрегионалы, во многом зависела стратегия и тактика предвыборной кампании.

Между тем ситуация в стране после II съезда продолжала осложняться. В Карабахе шла межнациональная война. Январь 90-го дал новую кровавую вспышку погромов — на этот раз в Баку. Ответом стал ввод войск в столицу Азербайджана, также сопровождавшийся жертвами среди мирного населения. Начавшиеся выборы в республиканские парламенты поставили перед Центром новые серьезные проблемы — пришло время расплаты за бездействие. Депутаты Литовского сейма провозгласили государственный суверенитет, в ответ союзное Правительство ввело экономическую блокаду Литвы, надеясь задушить республику в тисках энергетического голода. На глазах разваливалось мировое социалистическое содружество. В странах Восточной Европы проходили «бархатные революции», один за другим рушились коммунистические режимы.

В экономике все явственнее обозначался глубокий кризис, никакого обещанного роста производства не предвиделось. В политике нарастала консервативная волна, партийные функционеры стремились мобилизовать антидемократические силы для реванша.

Уже на II съезде особую активность в этом плане развила депутатская группа «Союз». По замыслу организаторов, она должна была выступать неким «непартийным» противовесом МДГ, фактически же озвучивала и пропагандировала антиперестроечные идеи. Однако главные надежды консерваторы связывали с созданной летом 1990 года компартией РСФСР.

Разговоры о своей республиканской компартии велись в России не один месяц, но подобные идеи пресекались на корню самой партийной верхушкой. Теперь же Горбачев неожиданно согласился, рассчитывая на то, что она вберет в себя бóльшую часть партийных ретроградов и тем самым облегчит его положение. А поскольку сохраняется верховенство КПСС, сохранится и его партийная власть. Однако вышло так, что генсек своими же руками заложил организационную базу консервативной партийной оппозиции.

Дав «зеленый свет» ортодоксам, Горбачев фактически ничего не предпринял для мобилизации сторонников перестройки. Рядовые коммунисты пребывали в недоумении, а их в лучшем случае успокаивали словами, ставшими ритуальным заклинанием, — «все под контролем».

В этой обстановке неопределенности была сделана, пожалуй, самая последняя серьезная попытка сдвинуть с мертвой точки реформы внутри партии. Так по инициативе снизу возникла упоминавшаяся уже «Демократическая платформа в КПСС».

Одним из первых неформальных объединений коммунистов, поставившим своей задачей провести демократизацию в КПСС, стала Межклубная партийная группа (МПГ). В качестве наиболее активных и радикальных ее деятелей проявили себя В.Лысенко, С.Станкевич, В.Шахновский, И.Чубайс и другие. Они образовали Московский городской партийный клуб, известный также под названием «Коммунисты за перестройку» и работавший на базе Севастопольского райкома партии г. Москвы. В его уставе в числе главных целей значились: пропаганда созыва внеочередного съезда КПСС, реформа КПСС, борьба за многопартийность, дальнейшую демократизацию общества, «за демократический социализм».

На заседании клуба 2 августа 1989 года и прозвучало впервые предложение о создании «Демократической платформы в КПСС». Было принято обращение к товарищам по партии с призывом участвовать в работе учредительной конференции. Члены клуба хорошо зарекомендовали себя в ходе развернувшихся осенних дискуссий. Многие из них приобрели широкую известность в стране. На клубные заседания часто приходили видные общественные деятели, народные депутаты СССР. Возросшее влияние позволило сделать следующий шаг: начать объединение аналогичных партийных клубов по всей стране на единой демократической платформе. 28 октября было объявлено о рождении «Движения коммунистов-реформаторов за демократическую платформу в КПСС». В организационном плане оно опиралось на возможности Московской высшей партийной школы, поскольку ее ректор В.Шостаковский вошел в состав руководства.

На январской конференции 1990 года был избран Координационный совет (56 человек), в который вошли в том числе и народные депутаты СССР Ю.Афанасьев, Г.Попов, Б.Ельцин, Г.Бурбулис, Т.Гдлян, Н.Иванов, С.Сулакшин, Н.Травкин, Л.Карпинский и другие известные люди.

Смелая постановка проблем, демократичность, человеческая доброжелательность — все это не походило на порядки в партийных структурах, где царили унылый догматизм и полное политическое безволие. Неудиви-

тельно, что идеи «Демплатформы» становились все более популярными среди рядовых коммунистов.

Реакция руководства КПСС была запоздалой и малоэффективной — в виде инструктивного письма «О недопустимости членства в КПСС активных деятелей "Демократической платформы"». Вместо живого заинтересованного диалога — все те же запретительные директивы.

На состоявшемся в начале июля XXVIII съезде КПСС с содокладом от «Демплатформы» пытался выступить В.Лысенко, но ему так и не дали слова, а все высказанные им в ходе обсуждения предложения делегаты встречали в штыки. Позже она трансформировалась в «Демократическую платформу» (вне КПСС), а затем в республиканскую партию, затерявшуюся среди других карликовых партий.

Эти искренние порывы — спасти партию от окончательного крушения — были обречены на неудачи прежде всего действиями самого руководства КПСС, которые позже одни назовут сознательным предательством, а другие — единственно возможным в этой обстановке вариантом поведения. Не будем обсуждать, насколько справедливы такие оценки, тем более что есть немало и других версий, есть, наконец, мемуарные откровения главных героев тех событий.

Бесспорно одно: М.Горбачев понимал, насколько реальна угроза потерять власть, и все чаще задумывался о своем политическом будущем. Именно этим можно объяснить его решение поменять структуру власти и стать Президентом СССР. Полагая, что это избавит его от партийных интриг, вернет доверие населения, умерит критику оппозиции и как-то обезопасит со стороны Ельцина.

Идея президентской власти уже витала в воздухе, ее озвучивал еще во время своей избирательной кампании Б.Ельцин. Реализовав свою инициативу, М.Горбачев вновь становился бы лидером, что уже не только «по партийной должности». Это была и надежная подстраховка на случай смещения с поста генсека.

Сохранилась рабочая запись заседания политбюро 7 марта 1990 года, на котором, по настоянию Михаила Сергеевича, обсуждался, в частности, вопрос о президентстве. Особый интерес представляют доводы А.Лукьянова, который явно стремился запугать возможными последствиями введения института президентства. Он, в отличие от Горбачева, предвидел, насколько опасен такой шаг для целостности страны, когда введения поста Президента могут потребовать и лидеры союзных республик.

У Горбачева эти предостережения вызвали раздражение. «Да подожди, не пугай, — прерывает он выступавшего. — Мы должны прореагировать на всю мощь, чтобы они почувствовали... Они подраспоясались». Лукьянов призывал к осторожности: «Почему такая спешка? Почему это надо делать теперь, а нельзя отложить?» — «Чтобы их поставить на место», — резко замечает Горбачев*.

«Подраспоясались... поставить на место...» — Горбачев имел в виду оппозицию, и прежде всего Ельцина, который уже дышал ему в затылок, и надо было попытаться уйти от преследования, укрепить расползающееся политическое пространство.

---

*Цит. по кн.: **Пихоя Р.Г.** Советский Союз: история власти. 1945—1991. М., 2000. С. 578.

Для реализации этой идеи 12 марта 1990 года был созван внеочередной III съезд народных депутатов СССР. Один из соратников Горбачева, член политбюро ЦК КПСС, ведавший вопросами идеологии, В.Медведев вспоминал: «За безотлагательное избрание Президента на Съезде мы выступали скорее по прагматическим, чем принципиальным мотивам, да и конституционная норма предусматривала всенародные выборы»*. То есть, по существу, он признал, что Горбачев нарушал Конституцию.

Пойди Генеральный секретарь на этот шаг раньше, он наверняка получил бы широкую общественную поддержку. Теперь же это расценили как запоздалый маневр, уклонение от всенародных выборов — как признак слабости.

Однако даже на Съезде выборы Президента СССР шли сложно, а моментами и просто драматично. С первого захода пройти М.Горбачеву не удалось. Оппозиция внутри КПСС ясно давала понять, что он уже далеко не всесилен. Необходим был альянс с МДГ, которая вполне могла бы проголосовать за Горбачева. И здесь просматривалась своя логика: избрание Президента резко уменьшила бы власть КПСС. Кроме того, с введением президентского поста бессмысленно дальше держаться за 6-ю статью. А именно ее отмены требовала демократическая оппозиция. Значит, возможен компромисс, так сказать, обмен интересами. Так и произошло. В Конституцию были внесены необходимые изменения, в том числе — отменена пресловутая 6-я статья. В ответ МДГ поддержала Горбачева. В результате после традиционных регламентных манипуляций, после умоляющих просьб всеми уважаемого академика Д.Лихачева, генсек набрал достаточное количество голосов.

Многих депутатов смущала предложенная М.Горбачевым кандидатура на пост вице-президента: Г.Янаева знали только в узких номенклатурных кругах, он делал традиционную комсомольскую карьеру, в 1990 году возглавлял профсоюзы. Запомнился он благодаря двум эпизодам. Когда, баллотируясь на должность вице-президента и отвечая на вопрос о здоровье, пошутил: «Жена не жалуется», что вызвало неприличное оживление в зале, и еще когда через год миллионы людей увидели на экранах его дрожавшие руки во время пресс-конференции членов ГКЧП 20 августа 1991 года.

Свое избрание Михаил Сергеевич считал большой личной победой. Ему казалось, что противник посрамлен, а его позиции существенно укрепились. Это было заблуждением и в личностном, и в политическом плане. Пророческим оказалось и предостережение А.Лукьянова. Выступивший с горячей поддержкой идеи президентства партийный лидер Казахстана Н.Назарбаев немедленно стал добиваться президентского поста и в своей республике. За ним последовали партийные руководители других союзных республик.

Превращение «Павла в Савла» не произвело на страну особого впечатления. Большая часть населения не разбиралась в политических хитросплетениях: не все ли равно, как будет именоваться должность первого лица страны. Самому же М.Горбачеву новое положение обеспечивало призрачную стабильность власти. Он практически не получил дополни-

* Цит. по кн.: **Пихоя Р.Г.** Советский Союз: история власти. 1945—1991. М., 2000. С. 578.

тельного пространства для политического маневра. Более того, съезды все меньше подчинялись его «режиссуре», становились еще одним мощным каналом давления на политику перестройки. В свою очередь, перестройка теряла четкие контуры, превращалась в виртуальную реальность, в словесную форму самовыражения М.Горбачева. Не следует забывать, что он был выдвинут на президентский пост Съездом народных депутатов.

Введение поста Президента не изменило сути политической системы СССР. Уходило время безраздельного господства КПСС, но практически важнейшие властные рычаги по-прежнему оставались в руках партийных функционеров. Сами съезды народных депутатов также не стали главными центрами власти.

Правительство назначалось по воле партийного руководства. Наконец, совмещение в одном лице двух ключевых постов — Генерального секретаря и Президента, наделение последнего дополнительными чрезвычайными полномочиями — разве это не было еще одним проявлением монопольной власти партии коммунистов? Между тем политическая интрига в стране раскручивалась с новой силой, и назначенные на 4 марта 1990 года выборы народных депутатов РСФСР обещали крутые повороты...

Россия заявляет о себе

(апрель — июль 1990)

Снова выборы

Эти выборы стали главным событием в политическом календаре 1990 года, хотя их истинное значение выявилось уже после того, как народные избранники РСФСР собрались на свой первый съезд.

Российский закон о выборах устанавливал более простую и ясную процедуру. Юрист, сравнивая его с союзным, найдет немало существенных отличий. Выделим только два момента.

Во-первых, россияне выбирали всех депутатов напрямую. Так называемые списки от компартии, профсоюзов, общественных организаций, объединений и прочих структур не предусматривались. Однако было бы опрометчиво объяснять это стремлением к большему демократизму. Разного рода списки, «сотки» и тому подобное, как воздух, были нужны партаппарату. И в целом они с этой точки зрения оправдали себя при формировании союзного депутатского корпуса. Во многом благодаря этому и возникло устойчивое «агрессивно-послушное большинство».

Этот опыт очень пригодился бы партаппарату и в России. Но откуда набрать такое количество солидных республиканских общественных организаций. Российской коммунистической партии еще не было, как, впрочем, и российского комсомола, профсоюзы организованы не по территориальному, а по отраслевому принципу. Не было общероссийской женской организации, своей республиканской Академии наук и т.д. А то, что было, не выстраивалось в сколько-нибудь законченную систему.

Во-вторых, решено было отказаться и от собраний представителей общественности, которые на прошлых выборах выполняли функцию своеобразного сита, отсеивавшего неугодных кандидатов. Явных причин отказаться от этой процедуры не было. Скорее всего, их упразднили как не оправдавших возлагаемых надежд. Год назад вокруг этих собраний разразилось немало громких скандалов, и поэтому предпочли не искушать еще раз судьбу.

К тому же это приносило известный пропагандистский выигрыш: отказ от «сита» интерпретировался как конкретная реакция партаппарата на многочисленные факты недовольства прежней схемой, как «доказательство дальнейшего продвижения советского общества по пути демократизации».

На этот раз стратегия была иной: растворить неугодных кандидатов в максимальном числе конкурентов. Ставка делалась и на то, что партаппарату удастся сохранить контроль над выборами в регионах уже формировавшегося «красного пояса», а также в автономных образованиях. Оставалась и двухзвенная модель: съезд — Верховный Совет, а она, как показывал союзный опыт, позволяла сделать эти органы в большей или меньшей степени

подконтрольными партийному руководству. Как бы там ни было, российские выборы стали, бесспорно, еще одним, а для России — первым шагом вперед по пути демократизации выборных процедур.

Поначалу эти выборы союзное руководство явно недооценило. И были тому свои объяснения: российский уровень власти в советской практике считался второстепенным, РСФСР всегда находилась в большем, чем другие республики, подчинении союзных структур. Отсюда и соответствующее отношение к выборной кампании. Многие представители политической элиты продолжали по инерции рассматривать российский парламент как политическую периферию, которая не сулит никаких перспектив в карьерном росте. Характерно, что никто из первых лиц в руководстве КПСС и почти никто из народных депутатов СССР не баллотировались в народные депутаты РСФСР, хотя закон допускал депутатство сразу в двух выборных советских органах.

Не придавал должного значения выборам и М.Горбачев: видимо, был полностью уверен, что съезды КПСС и съезды народных депутатов СССР и впредь будут средоточием политической жизни и единственным местом, где делается государственная политика. И уж меньше всего он ожидал, что главная опасность будет исходить от российского парламента, который никогда и ничем не выделялся на политическом ландшафте. Более того, руководство проспало важнейший стратегический маневр демократов. Разочаровавшись в попытках изменить положение дел на союзном уровне, они решили начинать «снизу». Это позволило им укрепить свои позиции на местах, значительно расширить базу сторонников.

Как это уже не раз бывало в его жизни, Б.Ельцин снова оказался на развилке дорог: стать народным депутатом РСФСР или баллотироваться в депутаты Моссовета — с прицелом возглавить столицу в новом качестве. Некоторые друзья и единомышленники советовали второй, более легкий и надежный путь. Однако Б.Ельцин следовал своей логике, а она, как правило, подсказывала самые сложные маневры. Надо не просто выиграть, а победить красиво — так, как не побеждал еще никто. Это необходимо, чтобы обрести запас прочности для достижения новых политических целей, и ближайшей из них — стать Председателем Верховного Совета РСФСР.

Он отчетливо понимал, что эти выборы станут еще одним сражением с партократией. До сих пор ему удавалось брать верх, но нельзя недооценивать даже слабого противника, всерьез готовившегося взять реванш. И если уж вступать в бой, то на выгодной для себя площадке.

Повлиял на его выбор и фактор психологической усталости от окружающей политической среды. Его отношения с коллегами из демократического лагеря, как уже говорилось, были далеко не безоблачными. Со временем «объятия» демократической «тусовки» стали тяготить, тем более что некоторые соратники продолжали смотреть на Ельцина как на временного попутчика, исходили из презумпции некоей его политической неполноценности.

Все это заставляло обратить свое внимание на периферию, баллотироваться вдали от обеих столиц. После некоторых размышлений он сделал окончательный выбор — вести избирательную кампанию у себя на родине, в Свердловске. У этого решения была не столько рациональная, сколько

эмоциональная основа. Борис Николаевич считал необходимым отдать долг землякам, которые дружно поддерживали его в самые трудные моменты. В январе 1990 года он отправился в Свердловск вместе со своим помощником Л.Сухановым и союзным депутатом-свердловчанином Г.Бурбулисом.

Приезд Б.Ельцина стал огромным событием для его земляков, хотя местные власти с оглядкой на Москву старались не придавать визиту широкую огласку. Но это не помогало. Здесь, в Свердловске, Б.Ельцин в полную меру ощутил масштабы своей популярности. Встречи с избирателями проходили в битком набитых залах, если была возможность, организовывалась трансляция на улицу. Обычно он делал небольшое вступление, а затем погружался в свою стихию — отвечал на многочисленные вопросы. К тому времени люди, в общем-то, привыкли к гласности, к открытому обсуждению проблем, но ельцинская смелость высказываний и бескомпромиссность в оценках вызывали взрыв эмоций.

Одна из центральных тем — критика КПСС и конкретно М.Горбачева и Е.Лигачева. Фактически в этой предвыборной кампании он выступал как оппозиционный политик. Недостаток конструктивного в программе компенсировала острота критики.

Посмотрим повнимательнее, какие позиции отстаивал Борис Николаевич на встречах с земляками. В политической области — это требование передачи всей полноты власти Советам. В рамках многопартийности коммунистам России предлагалось образовать самостоятельную партию на основе «безаппаратной» структуры, ориентированную на гуманистический и демократический социализм, при этом подчеркивалось, что «все партии должны работать в рамках Конституции и закона».

Б.Ельцин высказывался за введение в России президентской формы правления. Выборы Президента сроком на 5 лет виделись ему только на альтернативной основе прямым, всеобщим, равным и тайным голосованием. В качестве важнейшей цели ставилась задача принятия на референдуме новой Конституции России «на принципах разделения властей и верховенства законов, основных прав и свобод граждан: свободы слова, свободы собраний, митингов и демонстраций, свободы политических организаций, свободы совести и вероисповедания, въезда и выезда граждан России».

Если говорить об экономике, то он выступал за рыночные реформы, развитие частного предпринимательства, проведение радикальной земельной реформы. Вместе с тем высказывались и явно утопические идеи, например о введении на территории РСФСР параллельной валюты — конвертируемого рубля.

Достаточно весомо прозвучала и «российская тема»: России, равно как и другим республикам, должен быть предоставлен суверенитет, закрепленный в новом Союзном договоре.

Еще один сюжет — проведение кардинальной реформы национально-государственного устройства РСФСР с предоставлением «всем национальным автономиям самостоятельности, права и возможности входить с предложением в Верховный Совет республики об учреждении новых национально-территориальных образований». Более того, первоначально речь шла о том, что в составе РСФСР после референдума могут образовы-

ваться самоуправляемые социально-экономические территории: «Центр», «Север», «Юг», «Урал», «Сибирь», «Дальний Восток» и др. — с конституционным определением их прав. Правда, в ходе предвыборной кампании этот тезис благоразумно был снят.

Не обошлось и без популистских лозунгов — «отменить все привилегии, передать все государственные дачи, особняки и другие социальные объекты спецназначения детям и наименее защищенным социальным слоям населения».

Человеку, чей жизненный опыт сформировался в последнее десятилетие, некоторые из высказанных идей могут показаться тривиальными, смысл других вообще трудно понять. Например, требование отменить как дискриминационные все инструкции и положения, согласно которым определенные должности в государственных и хозяйственных органах могут занимать только члены КПСС. Но такой тогда была действительность. Многие воспринимали все это чуть ли не как ключ к счастливой жизни.

Однако программные, стратегически значимые положения не всегда были продуманы, а иногда представляли собой сиюминутный экспромт. Это, конечно же, не могло остаться незамеченным в подготовленных аудиториях, в среде интеллигенции. Так, после встречи с сотрудниками и студентами Уральского университета некоторые его искренние сторонники выходили откровенно разочарованными: уж очень навязчивой и немотивированной была его озлобленность к М.Горбачеву.

Между тем все отмечали достаточно корректное поведение руководителей обкома партии. Они, несомненно, имели соответствующие директивы, указания, но, лучше других зная реальную ситуацию, всю бесперспективность работы «на поражение» приехавшего земляка, уклонились от активного противодействия. А предпринимаемые ими контрдействия были подчеркнуто формальны и носили скорее ритуально-обязательный характер. В местной партийной прессе писалось о «популизме» Б.Ельцина, об «ударах ножом в спину партии» и так далее, но это делалось скорее для отчета перед ЦК.

Побывал гость и в горкоме партии, куда на встречу с ним пришли все руководители крупных партийных организаций. Здесь Борис Николаевич старался развить идеи реформирования КПСС, публично заявил о необходимости формирования многопартийной системы, поддержал инициативу создания российской компартии. Демократические перемены в партии назрели, заявил он, и нельзя больше откладывать ее реформирование. Прошедшее может плохо кончиться и для КПСС, и для ее генсека. Последняя фраза вызвала аплодисменты в зале.

Но аплодисментами дело не ограничилось. На выборах в Свердловской области партаппарат неожиданно столкнулся с новым для себя явлением — Бориса Николаевича поддержали не только беспартийные, но и местные партийные организации, где преобладали сторонники «Демократической платформы в КПСС». Они видели в нем своего лидера, политического деятеля, способного провести глубокие реформы в партии. Обком вынужден был смириться с тем, что крупнейшие парторганизации, находившиеся на территории избирательного округа, где баллотировался

Б.Ельцин, не только не противодействовали, но и, напротив, активно помогали в организации и проведении его предвыборной кампании.

То было время бескорыстных активистов, стихийной настенной агитации, когда рядом с типографским плакатом кандидата можно было видеть написанную от руки листовку, а то и целое повествование о несправедливостях жизни. То было время импровизированных дискуссионных клубов на улицах и политизированных очередей. Настоящий бум переживало ксерокопирование. Находившиеся на спецучете и строго охраняемые немногочисленные тогда ксероксные аппараты перегревались, печатая бесчисленные копии газетных статей, выступлений известных оппозиционеров, разного рода «закрытых» стенограмм и документов.

Избирательная кампания продолжалась два с половиной месяца. Именно в этот период некоторые центральные газеты, а также свердловская «На смену!» начали печатать фрагменты из готовившейся книги Ельцина «Исповедь на заданную тему». Книгу ждали, и эти публикации вызвали огромный интерес у населения, распространялись как листовки. И конечно, сыграли свою роль.

Наибольшую активность проявляли 30—40-летние избиратели. Научные работники, преподаватели вузов, инженеры предприятий, учителя отдавали свое свободное, а порой и рабочее время «политике», чего нельзя сказать об основной массе молодежи. Студенты, которые в разных странах, а в свое время и в России, традиционно считались самой радикальной частью общества, по выражению Л.Троцкого, «барометром революции», были малозаметны в этих акциях.

Ожидания в обществе, связанные с Б.Ельциным, имели значительный разброс. Большинство избирателей видело в нем политика, способного противостоять номенклатурному реваншу, обеспечить переход к радикальным реформам, дать толчок давно назревшим переменам. Но были и другие настроения. Некоторые видели в этом кандидате прежде всего новую «сильную руку», который покончит с горбачевской вольницей. Его обличения партноменклатуры истолковывали как заявку на наведение порядка в партии и стране, на «закручивание гаек» если не по-сталински, то по-андроповски.

В ельцинском избирательном округе зарегистрировались еще 11 кандидатов. Но он выиграл с огромным отрывом, получив более 85% голосов избирателей. Это была, как он и рассчитывал, «оглушительная победа». Избирательная кампания в стране в целом оказалась также достаточно предсказуемой. В Москве и Ленинграде, крупных промышленных центрах победу преимущественно одерживали те, кто заявлял о себе как о стороннике демократического движения. «Красный пояс», национальные автономии голосовали чаще всего за выдвиженцев партаппарата. Состав I съезда народных депутатов России ярко отражал политическую дифференциацию.

При этом важно отметить: в ходе избирательной кампании Борис Николаевич выступал в роли неформального лидера всех демократических сил. Практически каждый кандидат, заявлявший себя демократом, определял свою позицию через поддержку Б.Ельцина, что было самым безошибочным индикатором для избирателей.

Расстановка сил на предстоящем российском съезде не вызывала серьезного беспокойства в партийных верхах: ведь более 80% депутатов состояли в КПСС. Но такой арифметический подход был обманчив. Партаппарат уже утратил безраздельный контроль над рядовыми коммунистами, и не было никаких гарантий, что установки Старой площади непременно получат поддержку Съезда. Ведь Б.Ельцин формально тоже оставался членом партии, хотя де-факто был лидером оппозиции.

Немалую часть коммунистов, по оценкам экспертов ЦК, составляло так называемое «болото»: это люди, которые перестали воспринимать партийные указания как безоговорочные приказы, а значит, считать их «своими» могли только условно.

В целом анализ ситуации показывал, что на Съезде ожидался следующий расклад сил: 40% — консерваторы: это в основном партийные функционеры, аграрии, представители автономий, директора предприятий, офицеры; еще около 40% — демократы, сочувствующие, сторонники «Демплатформы в КПСС»; наконец, 20% — «болото», депутаты, голоса которых и должны были в конечном счете решить судьбу выборов Председателя Верховного Совета, — в то время высшего должностного лица республики.

Но и демократический «сектор» депутатского корпуса производил весьма неоднозначное впечатление. По сравнению с союзными депутатами среди демократов было меньше «громких имен». Это был как бы «второй слой» демократических лидеров. Справедливости ради надо сказать, что это не помешало многим из них впоследствии проявить себя на государственной работе.

В то же время многие депутаты, именовавшиеся демократами, попали в политику случайно, на митинговой волне, и их политический опыт ограничивался только что закончившейся избирательной кампанией. Были и «засланные казачки», истинные позиции которых раскрылись уже в ходе работы Съезда и Верховного Совета. В целом же демократически ориентированные депутаты даже в наиболее благоприятные периоды не составляли большинства Съезда.

Ельцин или Полозков?

Во второй раз пройдя через демократические выборы, став народным депутатом РСФСР и претендуя на пост Председателя российского Верховного Совета, Б.Ельцин впервые столкнулся с необходимостью формировать свою команду. До сих пор при нем постоянно находились А.Коржаков — личный охранник с горкомовских времен и Л.Суханов, ставший в период опалы Б.Ельцина и его секретарем, и референтом, и помощником, и советником, и просто надежным товарищем.

Хотя круг общения Б.Ельцина и тогда был довольно широк, настоящей, стабильной команды не было. А значит, не было порядка на его «политической кухне», где царили толчея, неразбериха, суета, импровизация. С этим можно было мириться раньше, но теперь, когда возвращение во власть стало реальным, следовало срочно решать эту проблему.

Для обеспечения успеха на Съезде демократы создали небольшую группу аналитиков, в которую вошли А.Собянин, Ю.Рыжов, Л.Пономарев, С.Красавченко, Г.Бурбулис, С.Шахрай, С.Филатов и другие. В Ленинграде возник комитет в поддержку Б.Ельцина, по инициативе которого 7 мая 1990 года в Приозерске, что в 160 км от Ленинграда, состоялась встреча ельцинских сторонников. Она проходила сразу после тяжелой операции на позвоночнике, которую Б.Ельцин перенес в Испании после авиакатастрофы. В Приозерск съехались представители нескольких областей — Ленинградской, Новгородской, Псковской, Ярославской, а также из Карелии. Обсуждались программа, с которой выступит на Съезде кандидат на пост Председателя Верховного Совета, и тактика борьбы за этот пост.

I съезд народных депутатов запомнился, кроме всего прочего, своей продолжительностью: он шел больше месяца — с 16 мая до 22 июня 1990 года. В таком совершенно новом и масштабном мероприятии уйму времени занимали процедурные вопросы. И это не было случайностью. Демократы избрали тактику постепенного «перетаскивания» на свою сторону неопределившихся депутатов, а это требовало времени. Поэтому, особенно поначалу, возникали многочисленные дебаты, подолгу дискутировались даже самые непринципиальные вопросы. В первые дни Б.Ельцин вообще не выступал. Решили, чтобы он не разменивался на мелочи, а выступил только при выдвижении кандидатур на руководящие посты.

До избрания Председателя Верховного Совета заседания вел глава Центральной избирательной комиссии Василий Иванович Казаков. Перед ним поставили задачу — не допустить на этот пост Б.Ельцина, и он вместе с суфлерами со Старой площади проявлял чудеса «изобретательности». Понятно, что ельцинские сторонники имели прямо противоположную цель, и для ее достижения им приходилось проявлять не меньшую изощренность и находчивость.

Улица была также на стороне Б.Ельцина, в его поддержку люди собирались на стихийные митинги у стен Кремля, возле гостиницы «Россия», у ГУМа, на Манежной площади, в Александровском саду. И чем дольше шел Съезд, тем больше общественное мнение заставляло депутатов пересматривать свои позиции. Нередко для сдерживания толпы использовались силы МВД и КГБ. Это было сделано по требованию консервативно настроенных депутатов, которые, возвращаясь после заседаний, встречали негодующих сторонников демократов.

Кульминацией Съезда стали выборы Председателя Верховного Совета РСФСР. Расклад сил оказался сложным: около половины депутатов готовы были проголосовать за Б.Ельцина, но именно около половины. Все решали два-три десятка голосов колебавшихся.

Парадокс заключался в том, что Б.Ельцин был не только кандидатом от демократической оппозиции, но и вообще единственным фаворитом. Кандидатуру его главного соперника на Старой площади не могли определить до самого последнего момента. И в этом состояла тактическая ошибка партократии. В течение месяца она пугала и себя, и своих депутатов, и всех остальных «угрозой Б.Ельцина», вольно или невольно заставляя депутатов присматриваться к нему, «изучать»: благо он с утра до вечера находился тут же в зале. Тот отвратительно-демонический образ, который пытались на-

вязать партийные пропагандисты, явно контрастировал с оригиналом — Борис Николаевич был собран, рассудителен, доброжелателен, держался спокойно и уверенно.

За ходом Съезда внимательно следили и со Старой площади, и из Кремля. Заседание нередко посещал и Президент СССР. Обычно он сидел на одном из балконов с правой стороны и как бы контролировал все, что происходило в зале.

Надо сказать, в те дни его одолевала еще одна, не менее серьезная проблема. Проходила учредительная конференция компартии РСФСР, которая превратилась в парад антиперестроечных сил. Новая партия фактически предъявила М.Горбачеву ультиматум — «закончить с демократией» и «закрутить гайки». Мощным победным аккордом консерваторов стало избрание первым секретарем ЦК КП РСФСР лидера краснодарской краевой парторганизации И.Полозкова, человека крайне реакционных взглядов, настоящего большевистского ортодокса.

Между тем Съезд подошел к главному вопросу — выборам Председателя Верховного Совета. В первом туре на этот пост было выдвинуто 15 депутатов, среди них А.Власов — Председатель Совета Министров РСФСР, В.Воротников — Председатель Верховного Совета РСФСР, Л.Воронин — зам. Председателя Совета Министров РСФСР, Ю.Манаенков — секретарь ЦК КПСС, И.Полозков и другие. Свои предвыборные выступления они фактически свели к критике Б.Ельцина и после этого «ритуала» один за другим сняли свои кандидатуры. Чтобы не распылять силы, на Старой площади решили отдать предпочтение новой «звезде» на партийном небосклоне И.Полозкову. Расчет делался на то, что Съезд отвергнет как одного, так и другого радикала и тем самым расчистит площадку для основного официального выдвиженца.

Фигура И.Полозкова как нельзя лучше соответствовала такому замыслу во всех отношениях — от его взглядов становилось не по себе даже некоторым правоверным коммунистам. Жалко выглядела сама процедура представления этой кандидатуры: М.Горбачев буквально вымучивал слова, пытаясь положительно характеризовать явно антипатичного ему человека. Но все-таки это меньшее зло...

Впечатление производило даже сопоставление внешних данных двух кандидатов. Высокий, статный Б.Ельцин и небольшого роста, сутулый, с колючим взглядом и глухим невнятным голосом И.Полозков. По залу сразу же пошел ропот: «Надо же — нашли такого...»

В выступлении Б.Ельцин четко изложил свое видение путей выхода России из кризиса. Суть заключалась в том, чтобы, «не ломая систему сразу, строить рядом новое здание, отказываясь на деле от монополии партии на власть, передавая власть народу и Советам. Переход к рынку сделает ненужной всю административно-командную систему. И она будет реально отмирать».

Он высказался за радикальную конституционную реформу, предложил ряд мер по переходу экономики России к рынку и в заключение заявил, что в практической работе готов учитывать разные точки зрения, понимает значимость диалога с различными политическими силами, он обещал поддерживать деловые отношения, диалог с Президентом СССР,

Правительством, но на принципиальной основе, не в ущерб суверенитету, интересам России. По ходу Съезда Б.Ельцин неоднократно подчеркивал, что «Россия должна быть в составе Союза, равной среди равных союзных республик».

В первом туре голосования ни один из кандидатов не набрал необходимого числа голосов — 50% плюс 1 голос. За Б.Ельцина проголосовало 447 человек, за И.Полозкова — 473.

Во втором туре в соперники Б.Ельцину вновь выставляется кандидатура И.Полозкова. И тот же результат — нет необходимого числа голосов, но Б.Ельцин выходит в лидеры: «за» — 503, 458 — «против».

Предстоял третий раунд. И тут возникла действительно опасная ситуация: один из депутатов, следуя «домашней заготовке», предложил больше не выдвигать кандидатуры Б.Ельцина и И.Полозкова, тем самым как бы предлагался компромисс — отказаться от крайностей и выбрать умеренного, устраивающего большинство «третьего» кандидата. Но эта внешне логичная инициатива совершенно не учитывала психологическое состояние зала. После конфуза с И.Полозковым большинство депутатов расценило это как очередную недостойную уловку. И вопрос даже не был поставлен на голосование.

На третий тур в конкуренты Б.Ельцину определили Председателя Совета Министров РСФСР А.Власова, представителя хозяйственной номенклатуры без ясно выраженных политических взглядов, человека, бесспорно, гораздо привлекательнее И.Полозкова. Но он все-таки проиграл. Демократы все равно видели в нем ставленника партаппарата. Не консолидировала эта кандидатура и ряды «левых» депутатов. Теперь недовольными оказались радикал-коммунисты. «Болоту» же просто надоели интриги и сговоры, и оно проголосовало против.

Незадолго до третьего голосования прямо в холле перед залом заседаний депутатам раздали только что изданную книгу Б.Ельцина «Исповедь на заданную тему». Дебаты по кандидатурам завершались под шелест ее страниц, и, возможно, кое-кому из депутатов эта книга помогла окончательно определиться. Третий тур голосования, состоявшийся 30 мая, завершился победой Б.Ельцина. Он получил 535 голосов.

Вступая в должность Председателя Верховного Совета РСФСР, Б.Ельцин заявил:

«Я не даю клятву, но я твердо обещаю вам во имя России, во имя людей и народов, которые живут на ее территории, во имя нашего с вами единства не жалеть ничего — ни здоровья, ни времени, работать столько, сколько понадобится для того, чтобы нам выйти из кризисного состояния и все-таки вывести Россию к лучшим временам. Это я вам твердо обещаю».

Ближайшие соратники Б.Ельцина решили поздравить его с избранием и отметить это событие в домашнем кругу. Собрались в его квартире на 2-й Тверской-Ямской, Наина Иосифовна накрыла стол. Прошло полчаса, час, полтора часа с тех пор, как главный виновник торжества выехал из Кремля, но его все не было. Присутствовавшие начали волноваться: не случилось ли чего? Ведь тогда приходилось постоянно опасаться провокаций. Но вот он наконец появился в дверях, да не один, а вместе с депутатом М.Бочаровым. Оказывается, тот по дороге из Кремля уговорил Бориса

Николаевича остановиться в каком-то сквере и битый час убеждал, что необходимо назначить именно его премьер-министром. О том, что из этого получилось, мы расскажем чуть позже.

Сложная борьба развернулась и при выборах заместителей Председателя Верховного Совета — одного первого и трех «простых». По сложившейся еще в советское время традиции первым замом избирался представитель национальных автономий. Первоначально предлагались кандидатуры Р.Абдулатипова, Т.Мухамадиева и В.Штыгашева. Ни один из них, однако, не смог набрать необходимого количества голосов. Воспользовавшись этой ситуацией, демократическое крыло предложило на этот пост С.Шахрая. Но и он не смог победить, хотя был близок к этому.

Чтобы каким-то образом выйти из тупика, пришлось создать согласительную комиссию. После длительных дебатов Б.Ельцин вновь предложил в свои заместители С.Шахрая и новую, компромиссную фигуру — Р.Хасбулатова. Представляя последнего, он так характеризовал претендента:

«Я пришел к выводу, что это как раз тот человек, который нужен для руководства Верховным Советом. Это экономист. Специалист по переходу к рыночной экономике, с которой мы столкнемся в самые ближайшие дни. Это экономист, который знает вопросы перевода автономий и регионов на экономическую самостоятельность. Это ученый, и, конечно, человек с таким уровнем интеллекта очень нужен в руководстве Верховным Советом».

Так на политической сцене появился деятель, который вскоре станет опасным соперником Б.Ельцина на вершине власти.

Демократы пытались провести своих представителей и на посты других заместителей, но неудачно. В список для голосования были предложены кандидатуры Б.Денисенко, Т.Корягиной, В.Домниной. Однако никто из них не набрал достаточного количества голосов. Заместителем-женщиной (еще одна советская традиция) стала прокурор Приморского края С.Горячева, которая заявила о себе как об идейном противнике «Демократической России». Еще одним заместителем Председателя избрали коммуниста Б.Исаева.

Состав руководства депутатского корпуса России, таким образом, отражал сложившийся на Съезде крайне неустойчивый баланс политических сил. На этом участке «фронта» демократическое крыло Съезда в основном проиграло. Партаппарату удалось частично реабилитироваться за поражение в главном поединке: большинство в руководстве Верховного Совета составляли консервативные коммунисты или их ставленники.

Уже в ходе работы Съезда формировались депутатские фракции. Затем образовались группы по профессиональному признаку, а также группы, объединявшие депутатов по территориальному — уральская группа, депутаты-дальневосточники, представители народов Крайнего Севера. Но еще важнее, что стали организовываться настоящие парламентские политические фракции. Наиболее заметными были — «Демократическая Россия», «Коммунисты России», «Смена — новая политика». И депутатские группы, и фракции были достаточно подвижны, поэтому отмечалось немало случаев, когда депутаты переходили из своих групп в другие или даже меняли политические фракции.

Атмосферу бурного, по-своему революционного I съезда особенно ярко характеризовал следующий эпизод. Депутат Н.Репин вынес на обсуждение вопрос о выделении служебной машины и охраны Председателю Верховного Совета РСФСР Б.Ельцину, мотивируя это тем, что Борис Николаевич до сих пор ездил на личном «Москвиче», без охраны. Однако депутаты не поддержали соответствующее постановление. И до окончания Съезда Б.Ельцину — главе крупнейшей в Союзе республики — пришлось ездить на «Москвиче», охраняемом только А.Коржаковым.

У России свой праздник

Вторым после избрания Председателя Верховного Совета политическим и эмоциональным ключевым моментом Съезда стало принятие Декларации о государственном суверенитете РСФСР. Споры вокруг этого начались уже в первые съездовские дни. Было предложено два варианта документа — умеренный и более радикальный. Для подготовки окончательного проекта создали согласительную комиссию.

Противостояние коммунистов и демократов особенно ярко проявилось при обсуждении статьи 15. Б.Ельцин считал, что Декларация должна вступить в силу с момента ее принятия Съездом и стать основой для разработки новой Конституции России и заключения нового Союзного договора. Большинством голосов коммунистам удалось снять положение о немедленном вступлении в силу принятой Декларации.

Само обсуждение проекта проходило крайне остро, атмосфера особенно накалилась в последний день перед голосованием этого документа. Однако Б.Ельцину удалось охладить страсти и поставить Декларацию на поименное голосование. Она была принята: 907 человек — «за», 13 — «против», 9 — «воздержались».

Многие заметили, что Председатель Верховного Совета не просто возбужден, было такое впечатление, что у него температура. Позже его помощник Л.Суханов рассказал, что в этот момент у Бориса Николаевича была действительно высокая температура — 39°.

Принятие Декларации депутаты расценили как крупный политический успех, как первые плоды усилий новой российской власти. Объявление результатов голосования было встречено бурными аплодисментами, вызвало мощный эмоциональный подъем. Присутствовавшие, не скрывая радости, вскакивали с мест, поздравляли друг друга. Тут же проголосовали за то, чтобы этот день объявить праздничным. Так 12 июня вошло в историю как первый российский государственный праздник — День принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР.

Правда, этот праздник пока не стал «своим» для россиян. Мало кто сегодня вспомнит, откуда он возник и уж тем более — что означает. Не случайно многие ошибочно называют его Днем независимости России, хотя, естественно, ни о какой независимости (от кого?) не шла речь. Правильнее было бы просто называть этот выходной день — Днем России.

За прошедшее десятилетие по поводу Декларации велось немало споров. Существует мнение, что этот акт послужил первым толчком к после-

дующему распаду СССР. Однако в самом тексте не содержалось требований выхода России из состава Союза. Следует также напомнить, что идея подобной Декларации была тогда весьма популярна и не только среди демократов, и можно с определенной степенью вероятности утверждать, что в любом случае Декларация о суверенитете России была бы принята, причем примерно такого же содержания. Другое дело, что мотивы голосования за нее были разными у демократов, коммунистов-ортодоксов и у неопределившихся.

Принятие Декларации было обусловлено тремя комплексами причин. Первый — субъективный, связанный с противостоянием политических элит. Второй — идеологический, вызванный ростом российского самосознания. Третий — объективный, порожденный местом и ролью РСФСР в Союзе.

Политические элиты, как старые, так и новые, были представлены на союзном уровне во всем разнообразии, их можно условно сгруппировать в три категории: консерваторы — часть элиты, упорно сопротивляющаяся происходившим демократическим переменам; реформаторы — новая демократическая элита и небольшая часть представителей старой элиты, безоговорочно поддержавшие курс преобразований, и центристы — те, кто и хотел перемен, и боялся их. Очевидно, что на союзном уровне — на Съезде, в Верховном Совете, в Правительстве — реформаторы были в меньшинстве, а центристы — в большинстве. Несколько по-иному выглядела картина в Российской Федерации: здесь были слабо представлены центристы, а реформаторы и консерваторы — примерно в равной пропорции.

Постепенное перемещение лидера союзных центристов М.С.Горбачева на консервативный фланг привело к ряду последствий, сыгравших позднее свою негативную роль. Во-первых, центристы, среди которых были весьма яркие личности, способные взять на себя многие заботы по реформированию страны, оказались невостребованными и довольно скоро почти все сошли с политической арены. Во-вторых, союзные реформаторы, разочарованные в своих возможностях сделать что-либо по-настоящему серьезное на союзном уровне, начали переходить под ельцинские знамена. В-третьих, консерваторы, почувствовав некоторую уверенность, начали строить планы реванша, что вкупе со страхом перед очередными шараханьями М.С.Горбачева подтолкнуло их позже к августовскому путчу.

С другой стороны, опоздавшая к дележу союзного пирога российская номенклатура с «бесстрашием» ринулась в борьбу с союзной элитой за власть и собственность. Именно это обстоятельство подтолкнуло их проголосовать за суверенитет РСФСР, а позднее принимать законы, выводившие Россию из-под юрисдикции СССР и позволявшие устанавливать контроль над союзной собственностью.

Перестройка внесла в жизнь не только внешнюю новизну — либерализацию режима, гласность, легализацию понятий, относившихся раньше к разряду «буржуазных измышлений», вроде прав человека, правового государства, принципа разделения властей и др. Она заставила переосмыслить некоторые устойчивые советские представления, способствовала пробуждению национального самосознания, причем не только в «национальных республиках», но и среди русского народа. Надо заметить, что вопрос о рус-

ском самосознании, о необходимости решительно поднять роль России остро дискутировался все годы перестройки. Это была одна из излюбленных тем «толстых» литературных журналов и публицистов «славянофильского» толка.

Агитпроп, следуя «ленинским принципам интернационализма», постоянно гасил накал обсуждения таких вопросов. Сама их постановка считалась проявлением «великодержавного шовинизма», «русского национализма». Демократический взрыв сделал эту идеологическую проблему актуальной политически. Все громче звучали голоса, требовавшие покончить с неравноправным положением РСФСР. Трудно было смириться с такой несправедливостью, когда даже само слово «Россия», в сущности, оказалось вытесненным из политического обихода.

В то же время всем было ясно, что именно Россия является центром Союза. Это отражалось и в советской пропаганде: если СССР считался «старшим братом» для стран социалистической системы, то Россия — «старшей сестрой» для других союзных республик. Такое положение в большей мере было исторически естественным, отражало одну из немногих сохранившихся при большевиках традиций Российской империи. Союзные республики обоснованно не делили Москву на «союзную» и «республиканскую», а в мире не случайно СССР по-прежнему неофициально именовали Россией.

Поэтому, в отличие от других союзных республик, сначала подспудно, а затем все более открыто стремившихся если не к полной, то хотя бы к большей самостоятельности, в РСФСР шли одновременно два процесса. С одной стороны, разыгрывалась популярная в то время тема «Россия кормит окраины, а сама босая и голодная». Отсюда вытекало требование установления абсолютно равного с другими республиками статуса. С другой стороны, и российские политики разных направлений, и интеллигенция понимали, что Союз скрепляет только РСФСР, что, следовательно, на ней будет лежать основная ответственность за возможный его распад. Между тем сам Союз в силу исторической памяти воспринимался тоже как Россия, но в более широком контексте. Можно ли это называть имперским мышлением в негативном значении этого понятия? Нет, это скорее отражало историческую ответственность России за всю страну.

Становилось все более очевидно, что модель федеративных отношений в СССР нуждается в коренном пересмотре. Основные перспективы их развития укладывались в три варианта.

Первый вариант. Новая республиканская власть ничего не меняет, соглашается с существующим порядком вещей и продолжает играть роль ширмы для партократии. Так, собственно говоря, и произошло в республиках Средней Азии, где партийный контроль и над выборами, и над новыми депутатами был сохранен практически полностью. Как показали последующие события, это не стало гарантией сохранения Союза. Наоборот, местные партийные кланы (еще до распада Союза) явочным порядком просто вышли из-под опеки Центра и сами стали диктовать ему условия.

Второй вариант — тоже крайний. Избранный парламент в одностороннем порядке объявляет о государственной независимости и выходе из Советского Союза и таким образом берет на себя всю полноту власти, раз-

рывая отношения с союзным Центром. Таким путем пошла Литва, а вслед за ней Латвия, Эстония и некоторые другие республики.

Но был и *третий вариант*, предложенный Россией, где речь шла о четком разграничении, разделении функций и предметов ведения и ответственности между союзным Центром и властью Российской Федерации. А в конечном счете — о реформировании Союза на основе нового Союзного договора.

Именно разграничение полномочий и ответственности составляло суть Декларации о государственном суверенитете РСФСР. Повторим, сама эта постановка совершенно не означала выхода России из Советского Союза.

Об этом говорил и Б.Ельцин, выступая на Съезде. Противники же обвиняли его в том, что российская сторона рассматривала этот вопрос в одностороннем порядке, без согласования с союзным Центром. Доля истины в этом была, но ведь Центр и не проявлял никакой заинтересованности в обсуждении проблемы. На съезде М.Горбачев буквально обрушился на депутатов за то, что они вообще взялись рассматривать такой вопрос. Но, по сути дела, не привел убедительных аргументов «против». При этом он упрекнул Б.Ельцина за то, что в своем выступлении, посвященном Декларации, тот ни разу не употребил слово «социалистический». Речь М.Горбачева свелась к тому, что тему разграничения полномочий российским депутатам вообще не следовало бы трогать, это не их прерогатива.

Было ясно, что союзное руководство просто не готово к обсуждению подобных вопросов, к реформе в этой сфере. Оно стремилось сохранить прежнюю модель Союза, не замечая того, что разграничительные процессы уже идут. Только спустя почти год, в апреле 1991 года, М.Горбачев принял подход, заложенный в основе российской Декларации, и предложил начать согласительные процедуры между республиками Союза и союзным Центром, но время было безнадежно упущено.

Тогда же на I съезде народных депутатов России эмоциональное выступление М.Горбачева не нашло поддержки у аудитории. Эффект был скорее обратным — жесткое непринятие самой идеи Декларации депутаты восприняли как стремление союзного руководства сохранить «дискриминационный статус России».

Говоря о Декларации, отметим еще одну деталь, без которой общая картина будет неполной. Депутаты преследовали не только стратегические цели, думали не только о повышении статуса России, возрождении национального достоинства... Немаловажным фактором, предопределившим исход голосования, были соображения тактики и политической конъюнктуры. За кулисами этой борьбы уже просматривалось соперничество Б.Ельцина и М.Горбачева.

Демократы видели в Декларации политический и юридический инструмент дистанцирования не столько от союзного Центра, сколько от партийного диктата. Этот документ позволил начать декоммунизацию российской власти. Декларация подразумевала разделение полномочий между союзными и российскими властными структурами, партийные же органы как бы «выводились за скобки».

Коммунисты-консерваторы поддержали Декларацию совершенно по иным причинам. Выше уже говорилось об активизации и консолидации ан-

типерестроечных сил, ставивших целью сменить горбачевский курс: в частности, КП РСФСР открыто провозгласила войну перестройке. Они готовились к реваншу, и Декларация была нужна как некая «охранная грамота» от реформаторов горбачевского толка.

В связи с объявлением суверенитета, естественно, встал вопрос о внесении изменений в действующую Конституцию РСФСР и о разработке новой. Прежде всего речь шла об изъятии статей 6 и 7 из действующего «брежневского» Основного закона РСФСР, в которых закреплялось, что КПСС является основой политической системы республики.

В результате острой борьбы Съезд 16 июня 1990 года принял Закон «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР», позволявший начать процесс департизации государственных органов. Измененные 6-я и 7-я статьи упразднили гегемонию КПСС в управлении республикой, создавали условия для введения многопартийности. Тем самым был сделан важный шаг к смене политической системы России.

На этом депутаты не остановились. Съезд упразднил органы народного контроля и госприемки в РСФСР, принял постановление о механизме народовластия и запретил совмещение партийных и государственных должностей.

Удивляло, насколько легко удалось провести эти решения, существенно ограничивавшие возможности КПСС влиять на российскую общественную жизнь. Возможно, партаппарат действительно временно закрыл глаза на происходившее в Большом Кремлевском дворце, считая, что эту проблему надо решать не по частям, а сразу, но позже, в частности, на предстоявшем XXVIII съезде КПСС.

Надо иметь в виду и то, что сам статус постановлений Съезда народных депутатов был весьма неопределенным. Формально их выполнение было обязательно, но никакие санкции за невыполнение не предусматривались. Так что в каждом конкретном случае отношение к постановлениям определялось исходя из реальных обстоятельств. К слову, партийный комитет в альма-матер Б.Ельцина — Уральском политехе — был распущен уже к осени 1990 года, а в столичном университете продолжал действовать как ни в чем не бывало.

Принятое постановление «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР» (основа нового Союзного договора, каким он виделся новым российским властям) провозглашало подчиненность Совета министров РСФСР — Съезду народных депутатов и Верховному Совету РСФСР; предусматривалось создание Госбанка РСФСР.

Съезд сформировал и новые органы власти, избрав двухпалатный Верховный Совет РСФСР — по 126 депутатов в каждой палате. Депутаты не сразу пришли к этой схеме: выявились сторонники превращения Съезда в постоянно действующий высший законодательный орган. Немалых трудов стоило побороть этот соблазн.

На первой сессии Верховного Совета были избраны и руководители его палат. Председателем Совета республики стал В.Исаков, юрист, земляк Б.Ельцина, поначалу его активный сторонник, а впоследствии — суровый критик, оппонент и противник. Совет национальностей возглавил Р.Абдулатипов.

Заметим, что на Съезде депутаты подняли вопрос об утверждении в России президентской формы правления и в связи с этим — о необходимости разработки соответствующего закона. Правда, никакого решения по этому поводу тогда принято не было.

Противостояние Центра, союзного Правительства, партаппарата и зарождавшейся новой власти России ощущалось на протяжении всего Съезда. 8 июня Съезд поручил Председателю Верховного Совета РСФСР выступить по Центральному телевидению и проинформировать граждан России о работе Съезда. Обращение было записано, но по телевидению его не показали. Конфликт, возникший по этому поводу, еще больше осложнил и без того напряженные отношения с М.Горбачевым. С разъяснением вынужден был выступить Е.Примаков — в то время Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР, который заявил о непричастности Президента СССР к этой истории. Но его словам мало кто поверил.

В развернувшейся дискуссии по проблемам взаимоотношений со СМИ многие депутаты высказывали предложения об организации российского телевидения, радиовещания, о выпуске газет. Съезд принял постановление о создании республиканских средств массовой информации, в том числе Российского телеграфного агентства, Комитета по телевидению и радиовещанию, журналов. Но долгое время эти решения оставались на бумаге.

В целом I съезд отразил возраставший радикализм в настроениях россиян, стремление к переменам, критическое осмысление прошлой советской жизни. Принятые постановления создавали законодательные предпосылки для будущих демократических реформ, в частности о собственности, о земле, о предпринимательской деятельности, о местном самоуправлении и местном хозяйстве, о свободе слова и средствах массовой информации и так далее. Верховному Совету поручалось разработать и внести на следующий Съезд проект концепции экономической реформы.

Прощай, КПСС

На I съезде российских депутатов Б.Ельцин выиграл крупную политическую битву. Однако серьезное испытание ожидало руководителя России на XXVIII партийном съезде, который и для Б.Ельцина, и для самой КПСС стал последним.

Но до этого был Пленум, показавший, насколько далеко разошлись их позиции. Тогда у Б.Ельцина еще сохранялись последние иллюзии, и он предпринял последнюю попытку убедить членов ЦК в необходимости глубоких реформ в самой КПСС.

Получив слово на Пленуме, Б.Ельцин подверг резкой критике состояние дел в партструктурах.

«Сегодня партия находится у той черты кризиса, к которой ее привел в том числе и нынешний состав Центрального Комитета — своей приверженностью зачастую к догмам, своей медлительностью и нерешительностью в демократизации партии, нежеланием вести перестройку в самой себе... Партия... все больше теряет влияние и авторитет у народа. И види-

мо, на Пленуме и на Съезде у нее остается последний шанс. Нужно действительно радикальное обновление партии на новой демократической основе».

Он предложил десять тезисов, которые, по его мнению, могли бы интегрировать коммунистическую партию в систему демократии. Но это было покушение на «святая святых» партийной жизни, организованной по рецептам Ленина и Сталина. Еще два-три года назад эти принципы казались незыблемыми. Если говорить только о главном, Б.Ельцин предложил отказаться от принципа «демократического централизма» и заменить его принципами, реально обеспечивающими в партии плюрализм, гарантии прав меньшинства и свободу мнений.

Слово «демократический» в формуле «демократический централизм» не должно вводить читателя в заблуждение. В партийном уставе было записано, что этот принцип означает и выборность всех руководящих органов партии, и отчетность их перед парторганизациями, и сочетание коллективного руководства с личной ответственностью. Но все это соединялось с централистскими началами: подчинением меньшинства большинству, безусловной обязательностью решений вышестоящих органов для нижестоящих. Таким образом, партия строилась как строго иерархическая система с полувоенной дисциплиной, подавлявшая всякое проявление инакомыслия, инициативы и творчества.

Вот почему Б.Ельцин, подхватив идею демократизации внутрипартийной жизни, предложил официально закрепить принцип политического плюрализма и многопартийности, а КПСС сделать законодательно подотчетной Съезду народных депутатов. Наконец, российский лидер предложил руководству партии самому выступить с инициативой об отмене 6-й статьи Конституции СССР.

С момента предыдущего партийного Съезда прошло немногим более четырех лет, а ситуация в стране разительно изменилась. Одним из признаков этого стало падение общественного интереса к партийным мероприятиям. В информационных телепрограммах репортажи со съезда КПСС еще шли как обычно: открытие и работа «партийного форума» широко освещались на страницах периодической печати, и тем не менее было ощущение, что это уже далеко не главное событие в жизни страны.

От Съезда единственной и уже опостылевшей многим партии не ждали ничего, с ним не связывали каких-либо надежд. К середине 90-го года стало очевидно, что политика непоследовательных и робких горбачевских реформ выдохлась, а ее сторонники в партийном руководстве заняли позицию пассивной обороны.

Весь ход XXVIII съезда КПСС, открывшегося 2 июля 1991 года, показал, что консервативные силы на нем в явном большинстве. Настоящей дискуссии, на которую рассчитывал Б.Ельцин, не получилось. Выходившие на трибуну по заранее намеченному списку «штатные ораторы» предавали анафеме всё происходившее в стране в последние годы, требовали немедленных чрезвычайных мер.

По всему чувствовалось, что М.Горбачев терял привычный контроль над съездовским действом. Он предпринимал колоссальные усилия, чтобы удержаться на посту генсека. Ему был предъявлен ультиматум о пересмотре

политического курса и отказе от перестройки. Справедливости ради следует признать, что Горбачев не пошел на поводу у консерваторов, хотя и вынужден был прибегать к политическим маневрам, чтобы не допустить демонтажа достигнутого в ходе перестройки.

XXVIII съезд КПСС вошел в историю не своими решениями, а скорее заявлением Б.Ельцина о выходе из партии. Трудно было поверить, что всего два года назад он стоял на той же трибуне и просил делегатов партконференции о политической реабилитации.

К своему выступлению на партийном съезде Борис Николаевич готовился долго и много — буквально измучил своих спичрайтеров*, измучился сам. Искали нужную тональность, нужные слова. Однако дело было, конечно же, не в том, что «не шел» текст. Он уже принял решение и поэтому заметно нервничал. Ему было важно не просто самому выйти из рядов КПСС, но чтобы его примеру последовали рядовые коммунисты.

Он мысленно проигрывал те или иные детали решающего момента: как поднимется на трибуну, как после выступления выйдет из зала, по какому проходу пойдет... Не раз обсуждал все это с наиболее близкими ему тогда А.Коржаковым и Л.Сухановым.

Между тем вопрос, когда именно объявлять о выходе из КПСС, для него все еще оставался открытым. Не исключался и вариант сделать это позже, уже после Съезда. Но ждать долго не пришлось. На одном из заседаний Съезда началось обсуждение кандидатур в руководящие партийные органы. Б.Ельцин решил — вот самый подходящий момент и стал действовать: попросил слово для выступления. М.Горбачев, председательствовавший на заседании, видимо подумав, что тот попросит Съезд никуда его не выбирать, слово предоставил.

Б.Ельцин вышел на трибуну и произнес следующее:

«Долго раздумывая, я пришел к выводу и об этом решении хотел заявить после XXVIII съезда партии. Но, учитывая сегодня выдвижение моей кандидатуры в состав Центрального Комитета партии, я должен сделать следующее заявление.

В связи с избранием меня Председателем Верховного Совета РСФСР и огромной ответственностью перед народом и Россией, с учетом перехода общества на многопартийность я не могу выполнять только решения КПСС.

Как глава высшей законодательной власти республики, я должен подчиняться воле народа и его полномочных представителей. Поэтому я в соответствии со своими обязательствами, данными в предвыборный период, заявляю о своем выходе из КПСС, чтобы иметь большую возможность эффективно влиять на деятельность Советов. Готов сотрудничать со всеми партиями и общественно-политическими организациями республики».

Завершив выступление, он направился к двери через весь зал. Пока шел, нависшую над залом тишину сменили гул, отдельные протестующие выкрики, жидкие аплодисменты.

Выход из КПСС для Б.Ельцина означал гораздо больше, чем некое запоздалое увольнение с прежней работы. Это было прощание не только

* С 1990 года с Б.Ельциным в качестве спичрайтеров начали работать А.Ильин, Г.Харин, Л.Пихоя.

с прежней жизнью, опытом, с устоявшимся укладом. В почтенном возрасте (через несколько месяцев — 60 лет), будучи избранным на высшую по тем временам в России должность, он переходил в иную политическую реальность.

Б.Ельцин опасался, что его поступок не будет одобрен российскими депутатами, и прежде всего заседавшим в те дни Верховным Советом. Но на следующее утро его появление в зале было встречено аплодисментами. Да и в стране это известие стало своего рода сигналом. Волна оттока из партии стала нарастать. Многие коммунисты сдавали партийные билеты в свои организации, другие публично уничтожали их, но основная масса рядовых коммунистов просто прекратила участие в общественной партийной работе, перестала платить членские взносы.

Эти процессы отразились и на «Демократической платформе в КПСС». Разрушалась ее социальная база, в первую очередь партию покидали представители реформаторского крыла, приверженцы политики перестройки.

Кризис КПСС стимулировал появление демократических партий. К началу 1990 года заявило о себе движение «Демократическая Россия», основу которого составили московские народные депутаты СССР и их избирательные штабы. Хотя это была довольно рыхлая структура, она пользовалась значительной поддержкой, особенно в столице. Достаточно сказать, что на выборах в Московский городской Совет кандидаты от «ДемРоссии» получили большинство голосов, а председателем Моссовета (впоследствии столичным мэром) был избран профессор-экономист Г.Попов, получивший широкую известность публикациями с критикой административно-командной системы.

К лету 1990 года оформилась «Демократическая партия России». Ее лидеры Н.Травкин, Г.Бурбулис, А.Мурашов предполагали, что она в перспективе станет политической опорой Б.Ельцина и вберет в себя многих вчерашних коммунистов. Однако первые попытки нового партстроительства оказались в целом неудачными, дробили демократическое движение. Во многом это объяснялось непомерными амбициями лидеров. Как правило, расплывчатыми были и их идеологические позиции. К тому же в обществе аллергия к партиям оказалась столь прочной, что «новые беспартийные» не торопились связать судьбу с другими партиями, пусть даже и демократическими.

Первые шаги

(ИЮНЬ 1990 — АПРЕЛЬ 1991)

Экономические проблемы затягиваются в политический узел

Еще во время работы Съезда избранные в Верховный Совет РСФСР депутаты собрались на первую сессию, повестку дня которой открывал вопрос о формировании Правительства.

К тому моменту Б.Ельцин вполне укрепился в убеждении, что прежняя административно-командная экономика не имеет будущего. Однако, твердо уверовав в неизбежность перехода к рыночным отношениям, он вместе с тем понимал, что не владеет сложным инструментарием либеральной экономики. В такой ситуации нужен хороший премьер, которому он обеспечит мощное политическое прикрытие.

Было решено обсудить сначала кандидатуры на съездовской согласительной комиссии. Всего в списке значилось 11 претендентов, при этом сразу определился главный кандидат от левой оппозиции — А.Власов, недавний соперник Б.Ельцина на выборах Председателя Верховного Совета. Перед депутатами-коммунистами Старая площадь поставила задачу: сделать все возможное и невозможное, чтобы провести его на эту стратегически важную должность. Для Б.Ельцина этот вариант был абсолютно неприемлемым, тем не менее не прекращались попытки склонить его именно к такому выбору. Шел поток ходатаев — от военных, промышленников, различных общественных движений. Они наперебой расхваливали кандидатуру Власова, убеждали, что никто другой не наберет нужного числа голосов. Однако Б.Ельцин твердо знал, что Конституцией именно ему предоставлено право выдвигать кандидатов в премьеры, и спокойно выдерживал прессинг. Обсуждались и другие возможные кандидатуры: М.Бочаров, Ю.Рыжов, И.Силаев.

Порядок выбора Председателя Правительства был следующий: каждый кандидат излагает свою программу, затем следовали вопросы, обсуждение кандидатур и наконец — голосование. Первым выступил М.Бочаров. Говорил эмоционально, ярко, отвечал на вопросы убедительно.

Борис Николаевич неплохо знал этого человека, представлявшего демократическое крыло депутатов, ценил его опыт, организаторские способности, но видел и отрицательные черты характера — амбициозность, конфликтность. И справедливо опасался, что все это может помешать нормальной работе российского Правительства и Верховного Совета. Он не хотел начинать новый этап своей политической биографии столкновениями с премьером, что в случае избрания М.Бочарова стало бы неизбежным.

Следующим выступил И.Силаев, который сразу же признался, что целостной программы у него нет. Это во многом была фигура, противостоящая на выборах М.Бочарову. Прежде, возглавляя одно из союзных оборонных министерств, он был малозаметен в обществе, держался скромно. Но

что важнее, этот ровесник Б.Ельцина понимал необходимость рыночных преобразований, а кроме того, мог помочь решать проблему «нового встраивания» России в Союз. Здесь резкие движения, излишний радикализм могли только навредить.

Кандидатуру И.Силаева Б.Ельцину рекомендовали его тогдашние экономические советники — профессора МГУ И.Нит и П.Медведев. Они убеждали Ивана Степановича в необходимости баллотироваться на премьерский пост, готовили ему тезисы программы, текст выступления на сессии Верховного Совета. Они же в конце концов убедили Б.Ельцина, что в тех условиях эта кандидатура будет наиболее проходной.

Академик Ю.Рыжов, как и ожидалось, снял свою кандидатуру и вызвался возглавить группу независимых экспертов, если такая будет создана при Правительстве. Интересно, что в конце 1992 года он, уже будучи послом России во Франции, отказался от поста премьера еще раз. Тогда Б.Ельцин, искавший замену Е.Гайдару, специально звонил ему в Париж.

Тайное голосование дало следующие результаты. М.Бочаров: «за» — 86 голосов, «против» — 136, И.Силаев: «за» — 119 голосов, «против» — 103. Таким образом, последнему не хватило всего одного голоса.

После оглашения результатов Б.Ельцин взял паузу для консультаций. Он пригласил к себе в кабинет обоих кандидатов и объявил, что в создавшейся ситуации вынужден рекомендовать на второй тур голосования кандидатуру Силаева. А Бочарову предложил место председателя Высшего экономического совета при российском парламенте. Этот выбор поддержал и Верховный Совет. Новый премьер взволнованно пообещал депутатам «делом доказать, что он не консерватор».

В российское Правительство вошли и люди, как говорится, новой формации. Первым вице-премьером стал Г.Явлинский, министром финансов — Б.Федоров. Большинством голосов Верховный Совет утвердил в качестве экономической программы предложенную Г.Явлинским программу «500 дней».

С начала работы Правительства России, разместившегося вместе с Верховным Советом в Белом доме на Краснопресненской набережной, в Москве все больше ощущалось влияние нового центра власти. Одним из очевидных показателей этого стало паломничество в приемную Б.Ельцина многочисленных искателей должностей. Каждое утро здесь толпились десятки человек, предлагавших свои услуги новому российскому руководству. Многие из них впоследствии резко поменяли отношение к Б.Ельцину и стали его противниками, не в последнюю очередь и потому, что не получили желанного места.

Вскоре после формирования первое ельцинское Правительство вышло с инициативой — сделать общесоюзной программу «500 дней». Однако правительство Н.Рыжкова продолжало отстаивать прежний курс. Предложенный на заседании Верховного Совета СССР вариант совместить две программы, взяв из них все лучшее, как и следовало предполагать, провалился.

Неудачная попытка совместить «левое» и «правое» закончилась первым правительственным кризисом. Г.Явлинский, убедившись, что реализо-

вать его программу не удастся, подал в отставку, экономический блок Правительства был ослаблен.

Начало осени 1990 года омрачил неприятный инцидент. В один из дней по дороге на работу в машину Ельцина случайно врезался частный легковой автомобиль, причем как раз с той стороны, где он сидел. В результате Борис Николаевич, только недавно залечивший поврежденный позвоночник, вновь оказался на полтора месяца прикованным к постели.

В отсутствие Б.Ельцина атаки его политических противников заметно усилились. Буквально через несколько дней после избрания председателем Моссовета Г.Попова соседние области, как по команде, одна за другой отказались от плановых поставок продовольствия. Это сразу отразилось на ассортименте столичных магазинов. Возникли огромные очереди, люди сметали с прилавков буквально все — макароны, крупы, сахар, консервы, не говоря уж о таком традиционном дефиците, как мясо, колбаса, масло, сыр. Но теперь ответственность за эти трудности ложилась на демократические власти столицы.

Стали ощущаться и проблемы с кадрами. Некоторые соратники разочаровывали Б.Ельцина непомерными амбициями, капризами, отсутствием навыков повседневной напряженной работы. Встречались откровенные проходимцы, а также люди, работавшие по заданию КГБ.

Положение осложнялось тем, что после образования российских властных структур на огромном пространстве стали действовать, соперничая друг с другом, две параллельные системы управления — союзная, тесно связанная с ЦК КПСС, и новая — российская. Бесконечно это продолжаться не могло.

Едва оправившись от последствий автомобильной аварии, Б.Ельцин неожиданно появился в Верховном Совете. И в своем выступлении дал ответ на ряд актуальных, волновавших людей политических вопросов. Мы столкнулись, говорил он, с «мощным, откровенным саботажем усилий России в вопросах разграничения союзной и республиканской собственности со стороны союзного правительства, Госплана, Госбанка, союзных министерств. ...Корпоративный интерес чиновников оказывается выше интересов народов России. ...Сегодня очевидно, что главные усилия Центра направлены на то, чтобы не допустить укрепления экономической основы нашего суверенитета».

Ведущей темой выступления была экономика. Он резко негативно высказался по поводу того, что в ходе аппаратных игр союзный Центр отверг предложенную Россией программу стабилизации экономики: «Делается очередная попытка сохранить ставшую ненавистной народу систему». Новая программа союзного Правительства, по его оценке, означает катастрофу, которая произойдет в первые же несколько месяцев ее осуществления.

«Какую позицию занять Российской Федерации и нашему парламенту в этих условиях?» Председатель Верховного Совета предложил три возможных варианта тактики, определяемые характером взаимоотношений с союзным Центром. Вот как виделась ситуация Б.Ельцину в тот момент.

«Первый вариант. Российская Федерация объявляет о неучастии в исполнении программы Президента СССР. Делит бюджет, собственность

и все структуры, осуществляет свою программу «500 дней» независимо. В этом случае придется вводить свою валюту, устанавливать таможни на всех границах республики, организовывать независимую банковскую систему и внешнеэкономическую деятельность, делить армию и вооружения...

Второй вариант. В его основе — реальная коалиция, новый кабинет министров (исполнительные союзные структуры) должен формироваться на паритетных началах. Часть кандидатур предлагает Президент, часть — мы, сторонники радикальных реформ...

Третий вариант. Если союзным парламентом принимается союзная сегодняшняя бесперспективная программа... мы все равно будем вновь и вновь предлагать экономические шаги для всего Союза. ...Главное — максимально защитить народы России от негативных последствий принимаемых Центром решений. Защищать народы России от союзной программы. ...В этих условиях необходимо каждый указ, закон Верховного Совета СССР ратифицировать Верховным Советом России, а каждое постановление Совмина — Президиумом Совета Министров РСФСР. ...Когда будет абсолютно ясно, что провалится очередная предлагаемая программа, Российская Федерация должна быть готова к реализации своей программы стабилизации экономики и перехода к рынку. Может быть, уже не «500 дней», а столько, сколько нам даст наш народ».

Выступление Б.Ельцина прозвучало более чем своевременно. Оно помогло и ему самому. Как это нередко бывало в прошлом, острота ситуации подействовала на него как адреналин. Находясь несколько недель в отрыве от событий, Борис Николаевич опасался, что по возвращении не сможет «правильно выступить», попасть в нужную тональность. Как актер, возвращающийся после долгого перерыва на сцену, он боялся провала.

Все прошло так, как планировалось. Он взял тайм-аут еще на несколько дней, чтобы завершить лечение, тем временем его сторонники и оппоненты имели возможность спокойно проанализировать высказанные предложения. Большую помощь тогда ему оказывал в полном смысле дублер, первый заместитель Председателя Верховного Совета России Р.Хасбулатов, который фактически взял на себя руководство «текучкой», активно участвовал в подготовке II съезда народных депутатов России, состоявшегося с 27 ноября по 15 декабря 1990 года.

«Парад суверенитетов» в России

Заявлениями о возрождении государственности и о праве России на суверенитет, широко зазвучавшими еще в период кампании по выборам народных депутатов РСФСР, демократы открыли «ящик Пандоры». Пуская в ход те же доводы о праве на исключительное использование природных ресурсов и экономического потенциала, на самоопределение и возрождение государственности, российские автономии одна за другой повышали статус — до республиканского — в рамках Союза и провозглашали собственный суверенитет. Процесс, названный «парадом суверенитетов», ширился и набирал скорость. До конца 1990 года декларации о суверенитете приняли власти Северной Осетии, Карелии, Коми, Татарии, Удмуртии, Якутии, Башкирии,

Бурятии, Калмыкии, Чувашии, Тувы, Марийской республики. Одновременно Адыгейская и Карачаево-Черкесская автономные области, Чукотский, Ямало-Ненецкий, Горно-Алтайский автономные округа возвели себя в ранг автономных республик, аргументируя это конституционным правом наций на самоопределение.

Свое будущее они видели по-разному: одни заявили, что остаются в составе РСФСР, другие — что, будучи в составе России, часть функций напрямую делегируют Союзу, наконец, третьи — что хотят стать союзными республиками, а с Россией подпишут отдельные договоры.

Характерно, что, ссылаясь на национальную специфику, суверенитет провозгласили и те автономные республики, области и округа, в которых большинство населения составляли русские. Больше того, соблазн поднять свой статус испытывали и руководители некоторых сугубо русских областей. Так, о своем праве на суверенитет заявила Иркутская область. Активно обсуждались идеи создания Уральской и Дальневосточной республик.

Пользуясь смутой наверху, местные элиты растаскивали власть. Действовали по принципу, который тогда для многих стал руководством к действию, — «власть не дают, ее берут». Но властолюбивые амбиции, желание вырваться из-под контроля были далеко не единственной причиной. Присутствовал и политический расчет. Региональными руководителями, как правило, оставались назначенцы ЦК КПСС, и демократическое обновление власти еще не дошло до российской глубинки. Курс российского руководства на радикальную переделку привычных основ жизни пугал их, отсюда стремление отгородиться стеной суверенитета от «чуждых и опасных процессов». В этих претензиях на независимость Старая площадь увидела возможность открыть новый фронт борьбы с Б.Ельциным и, где тайно, где явно, подталкивала региональных лидеров к конфронтации.

«Парад суверенитетов» в регионах застал российское руководство врасплох: ведя тяжелые, изнурительные бои с союзным Центром за суверенные права и полномочия для себя, оно невольно подало пример другим, заложив мину в собственном тылу. Чем теперь ее обезвредить? Как преодолеть назревающее политическое противостояние, пресечь сепаратистские тенденции, уберечь Россию от государственного распада?

Б.Ельцин отреагировал, можно сказать, нестандартно. В середине августа 1990 года, находясь в Уфе, предложил Башкирии взять столько власти, сколько она «проглотит». В сентябре, уже в Казани, возвращаясь к этой теме, заявил, что согласен предоставить Татарии такой объем власти, какую она только сможет «переварить».

Эта идея выглядела скоропалительной: ни четкого представления о национально-государственном устройстве России, ни продуманной национальной и региональной политики у Б.Ельцина не было. На подобную «щедрость» он пошел под влиянием демократической эйфории. Но было и другое соображение — переориентировать лидеров автономий со Старой площади на Краснопресненскую набережную. Это была одна из целей длительной, 21-дневной поездки по РСФСР, которую предпринял Б.Ельцин летом 1990 года. В ходе нее он получил яркое подтверждение своей оглушительной популярности у населения. Но для руководства Россией этого было недостаточно. Ельцин искал дополнительную политическую опору.

Но, поощряя властные аппетиты регионов, вряд ли до конца просчитывал, во что это впоследствии может вылиться для России. Хотя в душе надеялся, что их притязания на суверенитет не будут чрезмерными.

Позже таких предложений он не делал, но и сказанного было вполне достаточно. Его слова стали знаковыми, и потом их не раз ему напоминали.

Впервые в более или менее систематизированном виде свои взгляды на эту проблему Б.Ельцин изложил на встрече с руководителями российских автономий 29 ноября 1990 года, стремясь откорректировать свою позицию. Обращаясь к ошибкам союзного Центра, подчеркнул, что начатый процесс не сдержать искусственно, поэтому он в принципе положительно относится к суверенизации. Главное — не опаздывать, соблюдать баланс интересов народов каждой республики, вести постоянный диалог для выработки оптимальных решений. И российское руководство не собирается занимать позицию пассивного наблюдателя, повторять те ошибки, которые допускал Центр. Причем речь идет не об имперской политике, а о политическом процессе, в котором оно будет активно участвовать.

Вместе с тем прозвучало и другое, а именно: со стороны национальных образований наблюдается «некоторая эйфория», налицо желание пройти процесс оформления суверенитета как можно скорее. В деликатной форме он изложил рекомендации, которые бы позволили избежать конфронтации.

Чтобы не допустить осложнений и ошибок, Б.Ельцин призывал действовать без спешки, сохраняя контроль над этим процессом. Он считал необходимым исходить из объединяющей роли рынка, более того, синхронизировать процессы национального самоопределения и формирования рынка. Республики несут прямую ответственность за все народы, живущие на их территории, за предотвращение межнациональной резни. Они должны обеспечить максимальный учет интересов всех народов, не допускать ущемления прав ни одного из них. Надо добиваться межнационального согласия путем переговоров, исключить в Российской Федерации такие явления, как вынужденное переселение людей некоренных национальностей и тому подобное. Не навязывать процессам самоопределения какие-то схемы, не загонять их в заранее установленные рамки: живая жизнь отвергает любые шаблоны, заставляет вносить коррективы.

В целом же в этих процессах, признавал Б.Ельцин, «пока много неясного». Как можно определять форму суверенитета автономий, когда в самом разгаре «суверенизация» союзных республик, — «поспешность здесь может только навредить». Выразив понимание позиций руководителей автономий, он вместе с тем предложил отложить конкретные решения этих вопросов на более поздний период.

Нетрудно заметить, что в этих высказываниях уже другая тональность: нет той митинговой лихости, которая звучала в словах «берите суверенитета сколько проглотите».

Одновременно среди экспертов бытовали самые разные мнения относительно того, как утихомирить «суверенные страсти», нейтрализовать эти угрозы. Так, предлагалось объединить республики, края и области в несколько крупных образований и от их имени подписать договор.

Еще одна идея заключалась в том, чтобы предоставить статус субъектов Федерации межрегиональным экономическим ассоциациям, которые начали тогда возникать: 2 июля 1990 года официально была создана ассоциация «Сибирское соглашение», а затем и другие.

Привлекательность таких идей вполне объяснима — республики растворялись в новых административно-территориальных или экономических объединениях. Но очевидна была и их утопичность. К тому же реакция региональных властей и общества на эту операцию могла оказаться совершенно непредсказуемой. И Б.Ельцин отказался от мысли пересмотреть административно-территориальное деление страны и соответственно состав участников Федеративного договора.

Два центра власти

После создания Верховного Совета РСФСР в стране, в сущности, возникло два центра власти, и, естественно, что для решения текущих задач многое зависело от взаимоотношений М.Горбачева и Б.Ельцина, от согласованности их действий. Но, как можно было ожидать, диалог между ними развивался крайне болезненно: давал о себе знать груз прежних конфликтов и обид. К этому, несомненно, добавлялась и ревность теряющего влияние политика к более удачливому сопернику.

Сказывалась и разница характеров, темпераментов, человеческих качеств. Б.Ельцин — резкий в словах, непредсказуемый, не всегда осторожный в высказываниях, но решительный и напористый. М.Горбачев, наоборот, внешне деликатный в обхождении, без неожиданностей в поведении, но вечно лавирующий в политике, нерешительный, нарушающий свои же обещания, предпочитающий перекладывать ответственность и вину за неудачи на других.

Тогда многим наблюдателям и в СССР, и за рубежом противостояние российского руководства и союзного Центра виделось как личная борьба Б.Ельцина и М.Горбачева. Кстати, такой взгляд на ситуацию, похоже, специально навязывался противниками Б.Ельцина, поскольку давал возможность представить его крайне амбициозным, рвущимся к власти человеком, готовым ради достижения этой цели крушить все привычные ценности советского общества, да и само государство.

Но главные различия между Б.Ельциным и М.Горбачевым носили, конечно же, принципиальный характер — их разделяли политические убеждения. Б.Ельцин, пройдя свои трудные «университеты», окончательно определился, сделав выбор в пользу реформ. М.Горбачев все еще стоял на распутье, колебался, не зная, в какую сторону податься. Считая себя, и по праву, инициатором перестройки, «отцом гласности», он никак не мог побороть в себе синдром «социалистического выбора» и все больше оказывался пленником консерваторов. Хотя вокруг него и даже в аппарате ЦК КПСС было немало демократически настроенных людей.

Надо заметить, что в этот период оба лидера неоднократно встречались, пытаясь утрясти все спорные вопросы. Одна из таких встреч состоялась 11 ноября 1990 года. Проходила она, понятно, непросто и про-

должалась почти 5 часов. Удалось достичь взаимопонимания и согласия по довольно широкому кругу проблем. Сначала лидеры беседовали за закрытыми дверями с глазу на глаз. Б.Ельцин позже пояснил, что обсуждали «принципиальные вопросы». Эту обтекаемую фразу следует понимать так, что речь шла о базовых вещах — выяснении политических позиций друг друга, нормализации личных отношений. Затем, по заранее условленной процедуре, к ним подключились Н.Рыжков — с союзной стороны и Р.Хасбулатов с И.Силаевым — с российской. И разговор пошел о конкретных проблемах во взаимоотношениях Союз — Россия.

Впервые за три года размолвки Б.Ельцину подумалось, что началось движение навстречу друг к другу. В частности, были достигнуты договоренности о создании из представителей правительств Союза и России совместной комиссии по разделу собственности, реализации программы приватизации, использованию национальных богатств, распределению валюты и финансовых ресурсов, решению проблем налоговой политики, разведению банковских систем Союза и России, в том числе открытии Внешэкономбанка РСФСР. Обсуждались вопросы организации совместного контроля за денежной эмиссией и бюджетом. М.Горбачев согласился, чтобы важнейшие законодательные акты и решения Правительства СССР предварительно согласовывались с республиками и, разумеется, с Россией. Договорились об участии представителей России во всех международных делах Союза, затрагивающих интересы республики.

Но уже ближайшее время показало, что надеждам на конструктивное сотрудничество не суждено было сбыться. Все эти договоренности с молчаливого согласия М.Горбачева саботировались союзными структурами. Раздражала Б.Ельцина и информационная блокада российского руководства. М.Горбачев обещал передать Российской телерадиокомпании второй канал, а также оказать содействие в создании Российского телеграфного агентства на базе АПН. Однако и эти обещания не выполнялись. На деле ни на какие уступки Президент СССР не шел, да и не собирался идти. Чем дальше, тем больше все убеждались, что Кремль и Старую площадь устраивал только один вариант — полная капитуляция новых российских властей. Но так как подмять под себя Б.Ельцина было уже невозможно, проблема обрела традиционный российский смысл: «Чья возьмет?»

Их отношения еще больше осложнились после решений союзного руководства о введении так называемого налога с продаж и об обмене 50- и 100-рублевых купюр. Вызваны они были реальными проблемами. Власти СССР активно использовали печатный станок. Масса пустых бумажных денег росла как на дрожжах, грозя инфляционным взрывом. Пожарной мерой по его предотвращению и стал обмен купюр. Подготовка к нему велась тайно, а установленные временные рамки были весьма жесткие. Соответствующий указ Президента СССР, обнародованный вечером 22 января в телепрограмме «Время», вступал в силу уже с нуля часов следующего дня, так что у граждан не оставалось времени, чтобы распорядиться деньгами, потерявшими цену. После этого старые купюры уже не принимали к оплате, их можно было только обменять на новые, но также в ограниченные сроки. Снять со сберкнижки разрешалось не более 500 рублей, да и то при наличии денег в сберкассе. В результате возникло

массовое недовольство. Люди, и без того издерганные, маялись в очередях, теряли время, нервничали.

С 1 января 1991 года в стране вводился налог с продаж («президентский» или «горбачевский», как говорили в народе). Форма его взимания также стала мощным раздражителем и источником недовольства. Покупая любой товар, человек вынужден был платить не ту сумму, что указана в ценнике, а на 5% больше. Возмущало не только автоматическое повышение цен, но и то, что усложнилась сама процедура покупок. И без того огромные очереди стали еще длиннее. Продавцам и кассирам каждый раз приходилось пересчитывать стоимость покупок, возникала путаница, отсюда — дополнительная нервотрепка.

С 1 апреля 1991 года Правительство СССР вынуждено было пойти на резкое, почти трехкратное, повышение розничных цен. Все эти меры, существенно ухудшившие положение населения, в нарушение договоренностей принимались без согласования с Россией.

Не могло не осложнить отношения лидеров и заявление М.Горбачева по «курильской проблеме» накануне визита в Японию. Принципиально важное заявление, затрагивающее интересы России, не было даже обговорено с руководством республики. Все это вынудило Б.Ельцина в начале марта 1991 года заявить, что Россия не будет считать себя связанной решениями, принимаемыми за ее спиной.

Возникли и более серьезные поводы для конфликтов. В начале 1991 года была предпринята всем памятная попытка решить политические проблемы силовым путем. Первый сигнал, свидетельствовавший о таких намерениях, прозвучал еще на IV съезде народных депутатов СССР. На одном из заседаний неожиданно взял слово тогдашний министр иностранных дел СССР, член политбюро Э.Шеварднадзе и в резкой, эмоциональной форме заявил, что определенные силы в руководстве страны готовят введение диктатуры. Он категорически отказался участвовать в подобных действиях и, будучи не в силах воспрепятствовать этому, сообщил о своем решении уйти в отставку с поста министра.

11 января 1991 года силовой сценарий был опробован в Литве — именно здесь предполагалось осуществить переворот. Введенные в Вильнюс войска заняли ряд стратегически важных точек, в том числе и республиканский телецентр. Было объявлено, что власть в Литве перешла к «Комитету национального спасения», сформированному консервативным крылом литовской компартии.

В городе начались массовые митинги, жители столицы стекались к зданию парламента, образовав вокруг него живое кольцо. В ходе столкновений с силами правопорядка появились первые жертвы среди мирного населения. Дело принимало трагический оборот. Сказать, что «Комитет национального спасения» не контролировал ситуацию — значит не сказать ничего. Он оказался в полной изоляции, не получив абсолютно никакой поддержки населения.

В те дни еще одна подобная попытка была предпринята в Риге. Правда, до создания «комитета спасения» здесь не дошло. Видя, какой отпор встречают такие действия, Москва пошла на попятную. Центр окончательно убедился, что удержать власть с помощью таких комитетов уже все равно

не удастся, а вот ситуацию в стране, и без того далеко не простую, можно серьезно дестабилизировать.

Сценарий, о котором говорил Э.Шеварднадзе, не был до конца реализован не только оттого, что граждане оказали неожиданно мощное сопротивление, но и в немалой степени благодаря позиции Б.Ельцина. Узнав о событиях в Литве, он уже на следующий день был в Прибалтике.

Формальным поводом для поездки стало подписание Договора о сотрудничестве между Россией и Эстонией. Необходимые документы были подготовлены задолго до этого, но их подписание по разным причинам неоднократно откладывалось. Решение ехать в Прибалтику было принято 12 января, в воскресный день. Делегацию пришлось спешно формировать из тех депутатов, кто находился в этот момент в Верховном Совете и до кого удалось дозвониться. Обращал на себя внимание один из ее членов — Ф.Шелов-Коведяев. Будучи щеголем и любителем протокола, он приехал в Белый дом, по случаю выходного дня, в кроссовках, джинсах и васильковом свитере. В таком «неформальном» виде он и вынужден был отправиться в поездку, присутствовать там на официальных церемониях. Обстановке соответствовало и настроение членов делегации.

Пункт назначения, по соображениям безопасности, а также во избежание срыва поездки, не объявлялся. Вечером из аэропорта Внуково самолет с немногочисленной российской делегацией вылетел в Таллин, где и произошла встреча руководителей трех прибалтийских республик и России.

Конечно, эта встреча имела прежде всего символический характер — как демонстрация солидарности и категорического неприятия силовых действий. Вместе с тем она четко определяла политические роли участников тех событий. Сам факт переговоров ставил вне закона самозванный «Комитет национального спасения Литвы» и возможных его последователей, подтверждал легитимность действующих властей прибалтийских республик.

События в Прибалтике и поездка Б.Ельцина стали новостью номер один в стране и в мире. Все это оказало мощное давление на союзные власти, которые вынуждены были на время отложить «силовые сценарии».

Как уже не раз бывало, М.Горбачев попытался уйти от ответственности за события, получившие резко негативную оценку за рубежом: убеждал, что он ничего не знал о готовившейся операции, что его не поставили в известность, — пытался сохранить образ цивилизованного политика и сторонника демократии. Само собой разумеется, никто из высокопоставленных организаторов этой акции не понес ответственности, что, по сути, давало карт-бланш на подобные акции в будущем.

«Горбачева — в отставку!»

Тревожной зимой 1990/91 года союзное руководство окончательно утратило поддержку граждан. Продолжая сохранять высокий рейтинг за границей, став «человеком года» в Германии, М.Горбачев у себя дома перестал пользоваться популярностью. Лишним подтверждением этого были выступления шахтеров.

Забастовочное движение охватило угольные бассейны не только России, но и Украины, Казахстана. В него включились сотни тысяч человек. Наибольший размах забастовки приобрели в Кузбассе и Воркуте. Длительное время лозунги забастовщиков содержали требования социально-экономического характера. В начале 1991 года их терпению пришел конец, и в марте стачки возобновились с новой силой. Теперь на первый план вышли политические требования — отставка М.Горбачева и нового главы союзного Совмина В.Павлова, роспуск Верховного Совета СССР, национализация имущества и финансов КПСС, «департизация» экономики и государства, то есть освобождение от монополизма компартии.

Ситуация в стране накалялась. Главным раздражителем для партаппарата и высшего слоя номенклатуры оставался Б.Ельцин, а для населения такой фигурой стал М.Горбачев. Он лишился поддержки и в самой партии. Рядовые коммунисты в массовом порядке продолжали покидать ее ряды. Консервативная же часть партаппарата просто ненавидела его за все, что при нем произошло со страной.

Серьезную угрозу он почувствовал на IV съезде народных депутатов СССР в декабре 1990 года. При его открытии неожиданно для большинства депутатов председательствующий на заседании А.Лукьянов предоставил слово малоизвестному депутату «из партийной сотни» С.Умалатовой, и та срывающимся от волнения голосом призвала М.Горбачева подать в отставку. Хотя все это было похоже на плохой спектакль, М.Горбачев всерьез заволновался. Это было для него полной неожиданностью. Пожалуй, именно с этого момента идея отставки Президента страны, как говорится, «стала овладевать массами». И не только потому, что за пять лет его пребывания во главе государства люди, в том числе и политики, устали от его многословия и нерешительности. Теперь уже многие отчетливо видели, что из лидера перестройки он превращался в тормоз реформ. Социальная база его поддержки сокращалась, как шагреневая кожа. Постоянные политические зигзаги, желание одновременно усидеть на нескольких стульях и двигаться одновременно в разных направлениях привели к тому, что он оказался в политическом одиночестве.

При всей жесткости критики союзного Центра Б.Ельцин долгое время упорно обходил тему отставки М.Горбачева. Возможно, не хотел первым из политиков озвучивать такое требование, полагая, что это может быть воспринято как сведение личных счетов. Но были, видимо, и другие причины. Показательно в этом плане его выступление на IV съезде народных депутатов СССР. Вернее, та часть текста, которая не прозвучала с трибуны.

Дело в том, что Борис Николаевич не раз возвращался к теме совмещения М.Горбачевым обязанностей генсека и Президента СССР. И накануне Съезда попросил спичрайтеров подумать, не провести ли эту мысль в предстоящем выступлении перед союзными депутатами. Но, как часто бывало в таких случаях, не стал конкретизировать свою просьбу. Хотя основная цель была ясна: побудить М.Горбачева сбросить с себя партийные вериги.

Однако после резкого антигорбачевского выступления С.Умалатовой Борис Николаевич внес в текст характерные изменения. Сохранив жесткий

тон, он тем не менее не счел возможным касаться «кадрового вопроса», чтобы его обращение к М.Горбачеву сложить с себя обязанности генсека не оказалось в одном ряду с требованием отставки Президента СССР.

Вот тот фрагмент, который Борис Николаевич решительно вычеркнул из подготовленного текста: «...меня все сильнее беспокоит вопрос о том, что Президент остается Генеральным секретарем ЦК КПСС. Сегодня недопустимо подчинение Президента партийному руководству, следовательно, решениям и постановлениям ЦК. Особенно если учесть его огромные полномочия... Считаю, что этот вопрос Президент должен решить в ближайшее время».

Только в феврале 1991 года, после событий в Прибалтике, он подвел своеобразный итог эволюции инициатора перестройки. И сделал это в вызвавшем много шума интервью Центральному телевидению. Появление на экране Б.Ельцина привлекло всеобщее внимание, поскольку союзные СМИ не очень жаловали его, а своего телеканала Россия еще не имела.

Да и в целом в стране велось широкое контрнаступление на гласность. Особенно это было заметно по Центральному телевидению, где приостановили выпуски острой общественно-политической программы «Взгляд», пользовавшейся тогда оглушительным успехом; чуть ли не за полночь передвинули информационные выпуски «Телевизионной службы новостей», отличавшиеся независимостью позиции. В ряде передач заменили слишком уж самостоятельных ведущих.

Трудности переживали и печатные издания, в частности одна из самых авторитетных газет советского времени «Известия». Вмешивался в информационную политику ряда наиболее популярных изданий и сам М.Горбачев.

Российские власти, конечно, пытались прорвать информационную блокаду. Еще осенью 1990 года начала выходить «Российская газета», ставшая впоследствии главным официальным органом федеральных властей России. Тогда же, по три часа в день, вело вещание «Радио России». Но в целом аудитория у первых российских СМИ была небольшой, особенно в глубинке.

В этих условиях особенно важен был прямой разговор Б.Ельцина с телезрителями. Он не раз обращался к руководству первого канала ТВ с просьбой предоставить эфирное время, но неизменно следовал отказ. И вот накануне февраля 1991 года такое согласие было получено; дальше продолжать отказывать Председателю Верховного Совета было уже просто неприлично.

Подготовка к телевизионному выступлению началась задолго до этого. В течение нескольких недель, еще до получения согласия на эфир, шла работа над текстом. Но, как оказалось, самое главное в этом выступлении Б.Ельцин не решился доверить спичрайтерам...

Ведущий программы С.Ломакин, опытный журналист, мягко говоря, не проявлял симпатий к демократам. Первая часть передачи прошла спокойно, хотя интервьюер задавал весьма неудобные вопросы: «Создается ощущение, что между Вами и Президентом (М.Горбачевым. — *Авт.*) есть некоторое взаимное недоверие, неприязнь, может быть даже личная. Физическое ощущение, что на каждое действие Президента есть противодействие России».

«А может быть, наоборот?» — парировал Б.Ельцин.

Уже близился финал передачи, когда он неожиданно взял инициативу в свои руки и заявил, что должен воспользоваться возможностью обратиться к гражданам России с важным политическим заявлением. Растерянный ведущий попытался возразить, но Борис Николаевич уже читал своим металлическим голосом текст заявления. Камеры работали, и «картинка» шла в прямом эфире на всю страну.

Он обвинил союзное руководство в том, что оно завело страну в тупик и утратило контроль над ситуацией, а чтобы сохранить власть, переходит к силовым действиям. Попраны идеалы демократии, преданы цели перестройки. Заявив, что личную ответственность за это несет Президент СССР, Б.Ельцин потребовал, чтобы М.Горбачев ушел в отставку.

Заявление звучало беспрецедентно остро, если не вызывающе:

«Сегодня идет откат... попытка реанимировать командно-административные методы, укрепить административно-командный Центр. При этом не проявляется никакого желания видеть процессы, происходящие в республике.

...Скажу откровенно, и видит Бог, я много сделал попыток, несколько попыток, чтобы действительно сотрудничать, и мы несколько раз собирались и обсуждали по пять часов наши проблемы, но, к сожалению, результат после этого был одним... Я считаю моей личной ошибкой излишнюю доверчивость к Президенту. Судя по всему, Центр не даст республикам делать самостоятельные шаги.

...Тщательно проанализировав события последних месяцев, заявляю... я отмежевываюсь от позиции и политики Президента, выступаю за его немедленную отставку...»

К весне 91-го года два противоборствующих центра власти (союзный и российский) окончательно определились политически, что четко прослеживалось в позициях их лидеров. Претензии Б.Ельцина к союзному Центру, постоянно высказывавшиеся публично, сводились к следующему:

— От Центра все меньше исходит инициатив, направленных на проведение реформ, а российские инициативы, крупнейшая из которых программа «500 дней», отвергаются;

— Центр выступает фактором дестабилизации в стране, действует в конфронтационном духе. Самая опасная идея в этом плане — идея создания «комитетов национального спасения», высказанная руководством компартии России;

— Центр стимулирует развал Союза тем, что по-прежнему видит в республиках только слепых исполнителей своей воли. Руководство республики в числе последних узнает о политических решениях типа «обмена купюр»;

— Центр ведет линию на дискредитацию «отдельных руководителей Верховного Совета и Правительства».

Не менее жестко высказался и М.Горбачев. 26 февраля, находясь в Минске, он изложил свое видение ситуации. По его мнению, демократы (и прежде всего те, которые вошли в российскую власть) стали играть деструктивную роль, мешают реформам, и, пока они остаются активной си-

лой, кризис будет усугубляться. Фактически он обвинил демократов в перерождении: вместо участия в конструктивной работе по осуществлению перестройки они, мол, включились в борьбу за власть и ради власти готовы на все — вызвать хаос, развалить Союз, столкнуть народы и тому подобное. Прозвучал намек на то, что они выполняют заказы неких зарубежных центров. Похоже, подобную информацию ему «подбрасывал» шеф КГБ В.Крючков.

Горбачев подробно остановился на расстановке политических сил. Основную опасность представляют демократы, которых он обозначил как «правый фланг». Есть «левые» — ортодоксальные коммунисты, но в их адрес не последовало ни одного критического замечания. Свою же позицию он обозначил как центристскую, отвечающую интересам основной массы людей, которые не «ходят на митинги» и не спешат следовать за демократами, но «поддерживают социалистический выбор и не против КПСС».

Президент СССР избегал упоминаний о прямой конфронтации с российским руководством, но косвенных намеков хватало:

— демократы все больше отказываются от законных методов борьбы в парламентах;

— республиканские парламенты действуют вразрез с интересами населения республик;

— руководитель парламента (имелся в виду Б.Ельцин) действует в обход парламента.

Позиции Б.Ельцина и М.Горбачева были, таким образом, определены, и конфликт становился неизбежным.

«Шестерка»

В феврале фракция «Коммунисты России», руководимая со Старой площади, развернула активную деятельность, направленную на дезорганизацию работы российского Верховного Совета с помощью «технического саботажа». Проверенные аппаратные манипуляции позволяли затягивать до бесконечности обсуждение вопросов повестки дня. В кампанию дискредитации включалась партийная пресса, прежде всего ряд центральных газет, помещая в каждом номере исключительно негативную информацию о Верховном Совете и Правительстве РСФСР. В регионах также распространялась заведомая клевета о российском руководстве, велся сбор подписей против Верховного Совета республики.

Сигнал к атаке подала заместитель Председателя Верховного Совета С.Горячева. 21 февраля 1991 года на одном из заседаний она зачитала совместное заявление, известное как «письмо шести», которое наряду с ней подписали Б.Исаев (также заместитель Председателя Верховного Совета), В.Исаков и Р.Абдулатипов (соответственно Председатель Совета республики и Председатель Совета национальностей) и их заместители А.Вешняков и В.Сыроватко. Фактически это было почти все руководство Верховного Совета (за исключением самого Б.Ельцина и Р.Хасбулатова).

Авторы заявления в резкой форме критиковали стиль и методы работы Б.Ельцина, выразили ему недоверие и заявили о невозможности

дальнейшей работы с ним. Его обвинили в стремлении развалить СССР и РСФСР, в неспособности наладить работу Верховного Совета, в непомерных политических амбициях. Они потребовали срочного проведения внеочередного Съезда народных депутатов РСФСР, рассчитывая решить на нем «оргвопрос».

Однако очередной сценарий политического устранения Б.Ельцина не удался. И в этом была большая заслуга Р.Хасбулатова: он однозначно осудил раскольников и сумел взять подготовку к Съезду в свои руки.

Неожиданный для антиельцинской «шестерки» оказалась реакция населения. На Москву обрушился шквал писем и телеграмм в поддержку Б.Ельцина и с осуждением инициаторов демарша. За две недели под петициями подписались почти 3 миллиона человек. По стране прокатилась волна митингов. Наиболее внушительные состоялись в столице; так, 24 февраля собралось 200 тысяч человек, 10 марта число выступивших в защиту Б.Ельцина и суверенитета России, в поддержку требований шахтеров достигло уже 300 тысяч. Письма доставляли в Верховный Совет мешками. Канцелярия буквально тонула в этой лавине корреспонденции, и чтобы разобрать всю ту почту, пришлось обратиться к помощи активистов. В течение нескольких месяцев женщины, в основном пенсионного возраста, каждый день приходили в Белый дом и совершенно бескорыстно выполняли эту работу.

Кстати, народ однозначно связывал акцию «шестерки» с антиельцинскими интригами М.Горбачева. Тогда даже родилась такая строка: «Светлана Горячёва — "шестерка" Горбачева».

О популярности Б.Ельцина в народе в то время свидетельствует и такой факт. К его 60-летию, 1 февраля 1991 года, семья пожилых пенсионеров приехала к Белому дому и передала постовым одного из подъездов две трехлитровые банки — одну с солеными огурцами и другую с малиновым вареньем. Смущенные старики долго упрашивали милиционера передать это Борису Николаевичу — на дорогой подарок денег нет, а поддержать его хочется: «Уж очень его жалко, очень его обижают». Милиционер пообещал выполнить эту просьбу, но кто съел гостинцы, осталось неизвестно.

Б.Ельцин, безусловно, осознавал всю серьезность ситуации. В последние перед Съездом дни он сам и его команда трудились в круглосуточном режиме. Прорабатывались различные варианты действий на Съезде и, самое главное: что предпринять, если власти прибегнут к военной силе.

Утром 28 марта 1991 года, в день открытия III съезда народных депутатов РСФСР, его участники, следуя в Большой Кремлевский дворец, могли воочию убедиться, насколько драматична ситуация. В ряде мест Калужского шоссе, по которому обычно ездил на работу из дачного поселка Архангельское Б.Ельцин, стояли крытые военные автомобили и бронетранспортеры. Центр Москвы также был наводнен войсками и боевой техникой, совершавшими какие-то непонятные маневры. В контексте недавних событий в Прибалтике концентрация военной силы вокруг Кремля выглядела более чем зловеще. Каких-либо вразумительных объяснений по этому поводу получить не удавалось, следовали дежурные отговорки «о мерах по предотвращению возможных беспорядков».

В первый съездовский день сторонники Б.Ельцина в Москве запланировали провести митинг в защиту демократии. Отменять его было уже

поздно, так что события могли иметь весьма серьезные последствия. Было опасение, что войска ввели в Москву именно для того, чтобы спровоцировать волнения, а ответственность за это возложить на Съезд.

Поэтому, прежде чем приступить к работе, депутаты обратились к М.Горбачеву с требованием объяснить смысл происходившего и незамедлительно вывести войска. Ответ, поступивший от Президента СССР, вызвал бурю негодования — войска стянуты якобы для того, чтобы защитить депутатов от разгневанных москвичей, и об их отводе не может быть и речи.

Тогда было принято решение прервать Съезд до следующего утра. Часть депутатов вышла на улицы, чтобы воспрепятствовать возможным эксцессам. Р.Хасбулатов вел переговоры с М.Горбачевым, настаивая на выводе войск.

В конце концов власти были вынуждены пойти на уступки: воинские подразделения начали покидать Москву, и к утру обстановка разрядилась.

Депутаты, конечно же, догадывались, что ввод войск был не чем иным, как попыткой устрашения колеблющейся части депутатского корпуса. К тому же союзное руководство было уверено, что располагает «контрольным пакетом» голосов и потому сможет отстранить Б.Ельцина. А военные могли бы потребоваться для разгона неминуемых в этом случае массовых выступлений граждан.

Но силовой сценарий не сработал. Более того, своими действиями власти сыграли в пользу демократов. Бесцеремонная акция только разозлила депутатов, а вывод войск из центра столицы добавил им смелости. Таким образом, съезд еще не начал свою работу, а новая российская власть уже добилась важной моральной победы.

На настроение депутатов повлияло и спокойствие Б.Ельцина. Он вовсе не напоминал человека, загнанного в угол. Не было признаков растерянности, паники. И никаких попыток оправдаться. Его доклад на Съезде был выдержан в наступательном духе и содержал анализ ситуации.

Смысл конфликта он определил как столкновение двух противоположных политических курсов: одного — на реформы, а другого — на консервацию существующего строя, более того — на возврат к политике, которая проводилась до 1985 года. «Наличие двух политик, двух политических курсов — коренная особенность сегодняшнего дня», — заявил Председатель Верховного Совета и предложил депутатам сделать свой выбор.

В докладе утверждалось, что политический курс перестройки потерпел крах. Нынешнее руководство Советского Союза все более активно прибегает к силовым, полицейским мерам, чтобы продлить жизнь партийно-номенклатурной системе, обеспечить гегемонию КПСС, утратившей доверие народа; такая политика не имеет будущего и обречена на провал.

Действия союзного Центра идут вразрез с интересами России, подчеркивал Б.Ельцин и призывал депутатов поддержать его курс на радикальные экономические и политические реформы.

Уже во второй раз он предложил союзному руководству российские наработки. Осенью 1990 года это была экономическая программа Г.Явлинского «500 дней», теперь — программа экономических и политических мер по выводу страны из кризиса.

На Съезде получил развитие и конфликт с «шестеркой». Содоклад делал В.Исаков. Он снова обвинил руководителя Верховного Совета в не-

продуманных популистских акциях, рассчитанных лишь на сиюминутный успех, в общем ухудшении обстановки, обострении политической и межнациональной конфронтации, экономическом хаосе, росте преступности. Все это, по его мнению, привело «к прямой угрозе государственности Российской Федерации».

Главное требование В.Исакова и его единомышленников, выступавших на Съезде, было прежнее — уход Б.Ельцина в отставку.

Борьба на III съезде приняла драматический характер.

31 марта на одном из заседаний слово взял депутат А.Руцкой. От члена ЦК компартии РСФСР, активно работавшего во фракции «Коммунисты России», демократы поддержки не ждали. Однако его выступление стало сенсацией и серьезно повлияло на ход Съезда.

А.Руцкой неожиданно обрушился с критикой на своих коллег по фракции и руководящие структуры партии, заявил, что ни он, ни его единомышленники из числа коммунистов не желают участвовать в травле политика, которого поддерживает народ, а потому они выходят из фракции «Коммунисты России» и создают депутатскую группу «Коммунисты за демократию».

На Съезде наступил перелом: расклад сил решительно менялся в пользу сторонников Б.Ельцина. Взяв слово, он заявил: «В отставку не подам ни сегодня, ни завтра».

Итоги голосования оказались для фракции «Коммунисты России» и их союзников разгромными. Большинство депутатов отказалось даже ставить на голосование вопрос о недоверии Б.Ельцину и поддержало предложенную им программу рыночных реформ. Более того, ему удалось получить от Съезда дополнительные полномочия — право издавать распоряжения, подлежащие обязательному выполнению на территории РСФСР.

Попытка парламентского переворота провалилась. К формальным его инициаторам, по просьбе Б.Ельцина, Съезд проявил «великодушие». Все шестеро оппонентов остались на прежних постах руководителей Верховного Совета. Некоторые из них продолжали занимать высокие посты в различных структурах российской власти и в последующие годы.

III съезд закончился. Встал вопрос: что дальше? Какая перспектива ждет Россию и Советский Союз? Тесная, по сути, неразрывная взаимосвязь союзных и российских проблем требовала от Б.Ельцина и М.Горбачева вместе искать их решения. Начинался последний период их совместной работы.

Глава 5

«Нет выше должности»

(март — июль 1991)

Дуэль референдумов

Попытка создать новую модель государственного механизма России предпринималась еще на I съезде народных депутатов РСФСР. Тогда, как уже говорилось, была создана специальная Конституционная комиссия, которой поручалась разработка проекта новой российской Конституции. Ответственным секретарем ее стал депутат О.Румянцев. Работа шла медленно, пробиваясь через дискуссии по самым разным вопросам, в том числе и по наиболее существенному: быть России парламентской или президентской республикой? Б.Ельцин сделал свой выбор в пользу президентства.

Развитие ситуации заставляло Б.Ельцина спешить с введением поста Президента. Союзный Центр не оставлял попыток тем или иным способом сместить Б.Ельцина. Это могло произойти на ближайшем съезде, который при желании можно было собрать в любой момент. На исход голосования депутатов могла повлиять любая случайность, в том числе и искусственно созданная. Введение поста Президента в России снижало уровень такой опасности.

Сама эта идея, хотя и родилась из противоборства российского руководства с союзным Центром, вовсе не была чисто кабинетным изобретением, «искусственно пересаженным на российскую почву». Более того, была популярна в народе. Президентство представлялось хорошей альтернативой вышедшим из доверия громоздким властным структурам Советов. К тому же это соответствовало российской ментальности, массовым представлениям, что во главе государства должен находиться «человек», а не «орган».

Было два варианта введения института Президента — решением Съезда народных депутатов и референдумом. Предпочтение отдали второму, поскольку сам Б.Ельцин не был уверен, что Съезд поддержит эту инициативу. Кроме того, референдум обеспечивал более весомую легитимность, чем Съезд.

К тому же близилось 17 марта 1991 года — дата общесоюзного референдума по вопросу о перспективах СССР. Появилась уникальная возможность совместить два референдума. Такое решение серьезно осложняло планы союзного Центра, поскольку в этом случае резко сокращались возможности сорвать всенародное голосование по президентству, не нанеся ущерба союзному референдуму.

Если итоги союзного референдума были вполне предсказуемы и оправдали ожидания организаторов, то результаты российского референдума при всей очевидности исхода не могли не впечатлить и его сторонников, и его противников. Около 70% россиян, участвовавших в референдуме, поддержало введение президентства в России. И это при том, что в четырех

республиках — Северной Осетии, Татарии, Туве и Чечено-Ингушетии — по решению местных властей референдум не проводился. Явка на референдум составила более 75%.

Такой поворот оказался совершенно неожиданным для союзного руководства. В целом же именно итоги союзного и российского референдумов существенно скорректировали дальнейшее развитие событий.

Забегая вперед, скажем, что одним из главных следствий этого стал так называемый «Новоогаревский процесс» — единственная реальная попытка разработать новую, соответствующую изменившимся условиям модель Союза. К чести М.Горбачева, он понял, что это необходимо, но слишком поздно. Об этом речь пойдет дальше, сейчас же вернемся к внутрироссийским политическим проблемам.

Предстояла подготовка к первым в России президентским выборам. Сроки избирательной кампании были сжатыми: IV съезд народных депутатов, проходивший в 20-х числах мая, назначил выборы на 12 июня 1991 года. Символично, что спустя ровно год после принятия Декларации о государственном суверенитете народ России впервые выбирал своего Президента.

Несмотря на то что в Законе о выборах Президента РСФСР от 24 апреля 1991 года еще сохранялись некоторые чисто советские подходы (например, большие права по выдвижению кандидатов, по агитации за них представлялись «трудовым коллективам»), это был первый демократический законодательный акт, представлявший реальную свободу выбора.

При всей скоротечности кампании (всего 3 недели) она отличалась особой остротой и драматизмом. Фактически эта был очередной поединок Б.Ельцина с партноменклатурой.

В соответствии с Законом, для включения претендента в избирательный бюллетень требовалось заручиться подписями не менее 100 тысяч граждан либо получить поддержку не менее одной пятой от общего числа депутатов РСФСР (213 голосов). Съезд народных депутатов мог также и сам выдвигать кандидатов.

Регистрацию кандидатов осуществляла Центральная избирательная комиссия России. Сюда поступило 10 заявлений претендентов. К участию в выборах допустили 6 человек — это Б.Ельцин, Н.Рыжков, А.Макашов, А.Тулеев, В.Бакатин и В.Жириновский. Последнего выдвинула либерально-демократическая партия, не собирая подписи, и поэтому его кандидатуру пришлось утверждать Съезду. Отдав «за» 786 голосов, народные депутаты РСФСР таким образом благословили его на участие в большой политике.

Н.Рыжкова поддерживали все еще мощные партийные структуры КПСС, и он был основным соперником Б.Ельцина от «партии союзной власти». Опытный хозяйственник, мягкий по характеру, доброжелательный человек, он пользовался уважением населения. Хотя он не принадлежал к «когорте партийных ретроградов», но был последовательным противником радикальных реформ.

Кроме того, значительная часть жизни Н.Рыжкова прошла на Урале. Он учился в том же институте, что и Б.Ельцин, несколько лет возглавлял

промышленный гигант «Уралмаш». Предполагалось, что в Свердловской области он отберет у Б.Ельцина немало голосов.

Педализировалась также тема недавно перенесенного инфаркта, что должно было вызвать сочувствие людей: вот, смотрите, «не щадил себя на работе, даже подорвал здоровье». В целом же Н.Рыжков, говоря языком политтехнологов, позиционировался как спокойный, рассудительный, чуждый каким-либо рывкам и революциям человек.

Его представляли неким антиподом «своенравного и жесткого» Ельцина. Пожалуй, в этом была одна из главных ошибок предвыборной кампании Рыжкова. Избирателей явно не устраивал такой лидер, — он казался тогда безвольным, «застойным», неспособным что-либо изменить. Его избрание ассоциировалось с сохранением существовавшего положения дел, смысл которого выражала крылатая фраза того времени: «Так жить нельзя». Наконец, он не смог избавиться от прозвища, которым наградил его острый на язык А.Собчак — «плачущий большевик».

Другим кандидатом от «партии союзной власти» был В.Бакатин, пользовавшийся личным расположением М.Горбачева и как бы представлявший остатки умеренного реформаторского течения в КПСС. Он много говорил о необходимости рыночных реформ, развитии демократии и обеспечении прав человека. Многие его высказывания перекликались с тем, о чем говорили Б.Ельцин и его сторонники. Однако в общем кампания В.Бакатина была многословной и бесцветной; в лучшем случае он выглядел плохой копией М.Горбачева и на выборах получил меньше всех голосов.

Совершенно иным был генерал А.Макашов, командующий Приволжско-Уральским округом. Его взгляды не имели четкой идеологической окраски, а представляли некую реакционную «коммунно-черносотенную» смесь. Его излюбленная тема — «жидомасонский заговор» против России. Из наиболее ярких предвыборных обещаний выделялись два — восстановление СССР в границах 1945 года и публичная порка демократов и космополитов на Красной площади. Такие высказывания невольно вызывали в памяти образы некоторых героев М.Салтыкова-Щедрина.

Режиссеры со Старой площади предполагали, что за А.Макашова будут голосовать наиболее непримиримые противники перемен, правоверные сталинисты и так далее. Но и он выступил на выборах неудачно, подтвердив, что может претендовать лишь на роль лидера одной из маргинальных групп.

Еще один кандидат первой президентской кампании — А.Тулеев. С того времени его кредо осталось неизменным: он подавал себя как политик-самородок, политик «из народной гущи», идущий от практики, от жизни, а не от теории. Тулеев активно «работал» на противопоставлении столицы остальной стране и считал себя единственным представителем периферии. В ходе избирательной кампании он активно использовал шахтерскую тему и прежде всего рассчитывал на голоса, как он выражался, «работяг», но по итогам выборов оказался одним из аутсайдеров.

Последний участник кампании В.Жириновский был единственным из всех конкурентов, кто раньше не состоял в КПСС и демонстративно выступал с некоммунистических позиций. Он начинал свою политическую биографию среди так называемых «клубных» неформалов, которые спо-

рили до хрипоты, объединялись и разъединялись, создавали организации и движения-однодневки. Упорно ходили слухи о том, что его породил КГБ с целью «загадить политическую нишу». Если это так, то надо признать, что это была одна из самых удачных акций этого ведомства.

В дальнейшем Жириновский стал ярким неформальным критиком демократов и брал на себя всю грязную работу по дискредитации возникшей в обществе демократической оппозиции. В содержательном плане его взгляды не отличались ни системностью, ни последовательностью. Единственно последовательно у него проявились крайние шовинистические, великодержавные и репрессивные мотивы. Удивительным контрастом лидеру была программа его либерально-демократической партии, представлявшая собой продуманную, респектабельную компиляцию стандартных, слегка сглаженных и подретушированных идей традиционной европейской либеральной демократии. Символично, что издана эта программа была главным официальным издательством страны — Политиздатом и выглядела точной копией традиционных партийных изданий, например материалов партийных съездов и пленумов.

На съезде за выдвижение В.Жириновского кандидатом в Президенты, как это ни парадоксально, голосовали коммунистически ориентированные депутаты. Расходясь на перерыв, депутаты злорадно посмеивались: вот, дескать, как мы подсуропили Ельцину, какого шута горохового ему в соперники подсунули.

Поразительно, но его репутация почти не страдала от шумных скандалов, связанных с его именем. Наоборот, в определенных слоях населения, особенно среди люмпенизированной части, его развязность была весьма популярна. Президентские выборы для В.Жириновского — новичка в большой политике — закончились более чем успешно: к финишу он неожиданно пришел третьим. А впереди его ждали еще более впечатляющие успехи.

«Голосуй за Борю дружно!»

Б.Ельцин был бесспорным фаворитом предвыборной гонки. Интенсивной избирательной кампании он не вел. Все эти заботы легли на избирательный штаб, который возглавил Г.Бурбулис. Большую роль в предвыборной кампании играли многочисленные активисты. Их не надо было искать, они приходили сами в отделения избирательного штаба, в местные филиалы демократических организаций. Эта кампания отличалась от многих будущих своей незаформализованностью: не было бюрократической иерархии избирательного штаба, и люди проявляли инициативу, делали то, что сами считали нужным. Нередко они объединялись в неформальные группы и вели самостоятельную агитацию, сами писали обращения, распространяли листовки. Причем участие это было совершенно бескорыстным. Эпизоды, подобные истории с «коробкой из-под ксерокса», тогда были просто немыслимы. Именно во время этих выборов с особой силой проявились симпатии людей к Б.Ельцину. Он совершил несколько поездок по стране. Побывал в Туле, Воронеже, Челябинске, в ряде других регионов. Везде его

встречали восторженные толпы людей. Не нужны были никакие прогнозы социологов, чтобы определить, кто безусловный фаворит, кому будет отдано предпочтение. Кремль и Старая площадь старались хотя бы минимизировать будущий успех Бориса Николаевича и не допустить его победы в первом же туре.

В определенной степени это зависело от того, кого он назовет кандидатом в вице-президенты. Понимая, насколько важен этот пост, в ельцинском окружении развернулась нешуточная борьба.

Первым претендентом считался свердловчанин Г.Бурбулис, ближайший и самый влиятельный сподвижник и полномочный представитель Председателя Верховного Совета России. Ельцин ценил в нем умение стратегически мыслить, колоссальную работоспособность, он вел значительную часть текущих дел. Помимо этого Г.Бурбулис был посредником между ним и демократическими лидерами, и в этих не всегда простых отношениях умел дипломатично сглаживать острые углы, обеспечивать необходимое взаимодействие. Он мог собрать команду специалистов, быстро выработать и предложить нестандартное решение. Наконец, это был просто земляк.

Но не меньше было и минусов. Непопулярный в обществе, он оставался, пожалуй, самым раздражающим фактором в команде Б.Ельцина. Его облик, манера говорить буквально выводили из себя не только простых людей, но и многих его коллег.

Абсолютное неприятие вызывал он у чиновного люда: в нем видели чужака, выскочку, разрушителя устоев. Но дело было не только в этом. Бурбулису было совершенно чуждо то, что называют аппаратной культурой. К аппаратной работе он был «профессионально непригоден», как человек творческий испытывал к ней стойкую аллергию.

При выборе кандидатуры вице-президента все это следовало принимать в расчет. Были опасения, что победить в паре с ним уже в первом туре выборов не удастся. Конечно, Б.Ельцин не видел в Бурбулисе конкурента, однако смущал его чрезмерный рационализм. Порой этот человек напоминал компьютер, работавший по заданной программе, что создавало определенные трудности.

Другая возможная кандидатура — Р.Хасбулатов — тоже не могла устроить Б.Ельцина, хотя в Верховном Совете они сработались. В демократической прессе нередко можно было даже встретить выражение «верный Руслан» (по аналогии с названием известной повести Г.Владимова), и это определение очень точно отражало характер их отношений: во всех тогдашних катаклизмах он неизменно занимал сторону своего руководителя. Он был вторым лицом в иерархии российского парламента, и это вполне устраивало как одного, так и другого.

Молодой профессор-экономист, и это также немаловажно, обладал определенными качествами харизматического лидера, был ярким оратором, говорил остроумно, убедительно. Он не любил выступать на митингах, но на заседаниях Верховного Совета ему не было равных. Наконец, в пользу этой кандидатуры был и так называемый национальный фактор. Выдвижение кандидатом в вице-президенты человека нерусской нацио-

нальности в многонациональной стране могло привлечь дополнительные голоса.

Б.Ельцин, однако, опасался, что в случае избрания Р.Хасбулатова вице-президентом позиции в аппарате Верховного Совета будут существенно ослаблены. И сделал другой выбор. Став в итоге Президентом, он отказал своему бессменному заместителю и в назначении премьер-министром, на что тот явно рассчитывал. Все это в немалой степени повлияло на их отношения в будущем, сделав непримиримыми врагами.

По ряду причин была отвергнута и кандидатура И.Силаева. Б.Ельцин чувствовал, что тот постепенно «теряет обороты», действует по инерции. Работа в экстремальных, кризисных условиях была ему в тягость. Не был И.Силаев, как выяснилось, склонен к радикальным реформам, за прошедший год Правительство так и не определилось с экономическим курсом. Львиная доля усилий уходила на «латание дыр», решение массы текущих проблем. Задачи стратегического плана хронически оставались на периферии. Такой вице-президент его не мог устраивать.

В конце концов Борис Николаевич остановил свой выбор на А.Руцком. Бытует мнение, что это было сделано с кондачка, поспешно и необдуманно, со случайной подачи Л.Пихоя и Г.Харина. Такая подача была, но она имела под собой почву.

В 1991 году А.Руцкой заявил о себе как о весьма заметной фигуре на российском политическом поле. Он развернул бурную деятельность «по освобождению коммунистов» из-под влияния Старой площади и вхождению их в его движение «Коммунисты за демократию». Будучи человеком увлеченным, динамичным, он пользовался немалой популярностью. На выбор повлияло и то, что Руцкой — боевой офицер-афганец, Герой Советского Союза, а это важно для налаживания отношений с военными, особенно после недавних событий в Прибалтике. Кстати, узнав о том, кто предложил его кандидатуру, А.Руцкой пообещал в случае победы поставить спичрайтерам ящик шампанского, но, видимо, забыл об этом.

Предложение, сделанное лично Президентом, после недолгого раздумья он принял, поклявшись честью офицера идти с Борисом Николаевичем до конца. Впоследствии, как известно, они резко разошлись, обвиняя друг друга в предательстве, но тогда, в конце мая 1991 года, этот выбор дал новый импульс избирательной кампании Б.Ельцина. «Самый правый из левых», отставной офицер немало сделал для того, чтобы часть коммунистов поддержала лидера демократов. Самим своим присутствием он как бы отвергал появлявшиеся время от времени в коммунистической прессе абсурдные намеки на то, что после победы Б.Ельцина начнется антикоммунистический разгул, будут введены «запреты на профессии», чуть ли не политические репрессии.

Чем дальше продвигалась избирательная кампания, тем заметнее стали колебания элит. Руководители регионов, так называемый партийно-хозяйственный актив, деятели культуры и искусства не могли не видеть, что, несмотря на противодействие союзного Центра, позиции Б.Ельцина продолжали укрепляться. Мало кто сомневался, что он победит уже в первом туре. Из последних сил агитпроп Старой площади пытался изменить ситуацию. Действовал привычными методами, рассылая на места

грозные указания и организуя публикацию в прессе негатива о Б.Ельцине. Времена «черного пиара» и «грязных технологий» были еще впереди, но уже тогда достижения в этом плане стали впечатляющими, тем более что методы «промывки мозгов» были давно освоены. Под увеличительным стеклом рассматривался любой неосторожный жест, безобидным словам приписывался многозначительный смысл.

Так, на одной из встреч Б.Ельцин обронил фразу: мол, если его не изберут Президентом, он уйдет из политики. Этого оказалось достаточно, чтобы журналист А.Невзоров сделал нелицеприятный для кандидата вывод: «Это прямое, чистой воды свидетельство того, что политик не стремится сделать что-то для этих сотен тысяч нищих людей, бредущих по грязи со своими талонами. Ему нужна только власть, власть полная и неограниченная. И ничего больше! А народ, на мнение которого Борис Николаевич якобы опирается и которому уже изрядно заморочил головы, для него всего-навсего, ну скажем, бревна того плота, на котором он собирается вплыть в историю».

Народное творчество реагировало на антиельцинскую кампанию по-иному. Вот некоторые образцы «уличного репертуара»:

Надоели людям сказки,
Хватит жить нам по указке.
Ельцин знает, что нам нужно.
Голосуй за Борю дружно.

Всем трудящимся — зарплату,
Аппарат — на пенсию,
Не надейтесь, бюрократы,
Мы стоим за Ельцина.

В газетах накануне дня выборов печатались устрашающие астрологические прогнозы. Говорилось о крайне неблагоприятном расположении звезд в день голосования, о разного рода опасностях, предостерегающих людей, которые выйдут 12 июня из дома или даже откроют форточку. Не помогла и мистика. Выборы состоялись.

Б.Ельцин одержал победу в первом туре. При достаточно высокой активности избирателей (на участки пришли около 75% внесенных в списки) первый российский Президент был избран 57,3% голосов. Вторым в президентской гонке оказался Н.Рыжков, собравший менее 17%. За этими сухими цифрами, однако, скрыто то, что, скажем, в Татарии официально выборы российского Президента не проводились. В ряде автономий и аграрных областей центра и юга России перевес получил Николай Иванович Рыжков. Крупные города и промышленные регионы проголосовали за Бориса Николаевича — в среднем он получил там 70—90% голосов.

Одновременно с этим мэром Москвы был избран Г.Попов, мэром Ленинграда — А.Собчак; оба члены МДГ. В тот же день решением жителей на местном референдуме Ленинграду было возвращено историческое имя Санкт-Петербург.

Убедительная победа Б.Ельцина на выборах поставила КПСС в сложное положение, ее кандидат не сумел выйти даже во второй тур, и это демонстрировало реальный политический вес все еще правящей партии.

В одном из своих интервью для Центрального телевидения М.Горбачев попытался поставить под сомнение победу Б.Ельцина, высказавшись в том смысле, что за него проголосовало меньшинство избирателей (если считать от их общего числа) и поэтому тот не может считать себя выразителем воли всех россиян. Напомним, это говорил человек, который вообще ни разу не получил мандат народного доверия. Но подобные суждения уже не могли ничего изменить. Итоги выборов означали, что совершенно новая ситуация сложилась не только в России, но и во всем Советском Союзе.

Впервые в истории руководитель России был напрямую избран самими гражданами. При этом они проголосовали за человека, предложившего радикальное изменение политического курса.

Между тем избрание Президентом не так уж много добавляло Ельцину реальной власти. И дело здесь даже не в том, что юридически над ним продолжало оставаться «начальство» в лице органов государственной власти СССР, юрисдикция которых распространялась и на территорию РСФСР. В условиях сохранявшейся советской системы российский Президент не мог быть полностью самостоятельным. Его компетенция носила довольно ограниченный и условный характер, поскольку при желании в любой момент в нее мог вторгнуться представительный орган власти — съезд «нардепов», а в некоторых случаях и российский Верховный Совет.

Право на это давала сама Конституция РСФСР, гласившая, что съезд «правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению РСФСР» (статья 104). При этом вопрос о каких-либо «сдержках» и «противовесах» со стороны Президента даже не возникал. В частности, он не имел права отклонить ни один закон, принятый Верховным Советом РСФСР (максимум лишь вернуть его для повторного рассмотрения, а если вновь простым большинством голосов от общего состава каждой из палат закон принимался в той же редакции, Президент обязан был его подписать и опубликовать в течение трех дней).

Глава государства должен был отчитываться перед Съездом народных депутатов о выполнении принятых им в Верховном Совете социально-экономических и иных программ, причем Съезд мог потребовать от Президента внеочередного доклада. Он назначал премьер-министра и мог отправить Правительство в отставку только с согласия Верховного Совета, но при этом, как гласил Закон о Президенте РСФСР, не имел «права роспуска либо приостановления деятельности Съезда народных депутатов РСФСР, Верховного Совета РСФСР». Кстати, Верховный Совет и сам мог отправить Правительство в отставку. Наконец, Съезд практически в любой момент мог отрешить Президента от должности, поскольку основания для этого были закреплены в самой общей форме: «в случае нарушения Конституции РСФСР, законов РСФСР, а также данной им присяги».

Тогда, летом 1991 года, в этих положениях Закона о Президенте, вошедших потом в текст Конституции РСФСР, не усмотрели мины замедленного действия, способной при определенном стечении обстоятельств взорвать стабильность государства. Пожалуй, никто, в том числе и сам Ельцин,

не придавал этому особого значения, поскольку проблему объединения в одной конструкции советских принципов власти и принципа разделения властей заслонял в то время чисто политический эффект от самого факта появления в России своего Президента. Эта мина, однако, сработала уже через полтора года...

Высшая легитимность, полученная российским Президентом от граждан республики, требовала от союзного Центра считаться с проводимым им политическим курсом, а значит, неизбежно возникла проблема внесения реальных корректив в союзную политику.

Через несколько дней после своего триумфа Б.Ельцин совершил визит в США. В отличие от прежних поездок за рубеж, когда ему постоянно давали понять, что считают фигурой периферийной, на этот раз его принимали по самым высоким стандартам. Это был ясный сигнал советскому руководству, что отношение к российскому лидеру, на первых порах весьма настороженное, теперь изменилось.

Этот факт был особенно болезненным для М.Горбачева, который, почти полностью утратив поддержку внутри страны, очень дорожил своим все еще высоким авторитетом за рубежом, активно использовал это обстоятельство во внутренней политике.

«...не Бог, не монарх, не чудотворец»

10 июля 1991 года состоялась торжественная инаугурация первого Президента. Закон о выборах предписывал проведение этой процедуры на Съезде народных депутатов. Для разработки сценария была создана специальная комиссия. Долго спорили, каким образом провести эту праздничную церемонию. Именно здесь впервые прозвучали практически все предложения, которые так или иначе возникали в последующие годы: на Соборной площади Кремля или на Красной площади, с парадом и обычным фейерверком и тому подобное. В результате сошлись на том, что все должно быть торжественно, подчеркивать важность момента, но максимально демократично, просто и, главное, без каких-либо «монархических намеков».

Договорились с союзными властями, что для торжественного заседания V съезду народных депутатов России будет предоставлен Кремлевский Дворец съездов. На нем кроме депутатов ожидалось присутствие большого количества гостей — делегаций из союзных республик, представителей общественности, активистов избирательной кампании.

Задолго до открытия заседания в зале начали собираться приглашенные. Прибыли и делегации союзных республик. Несколько кресел в первом ряду заняли представители религиозных конфессий. Русскую православную церковь представлял Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Буквально в последний момент в зале появился Президент СССР. Причем все происходившее напоминало сцену из политического триллера. Внезапно отворилась ближайшая к сцене боковая дверь, и из нее выскочили несколько молодых людей в темных костюмах. Почти одновременно как из-под земли возник М.Горбачев, который под прикрытием телохранителей почти бегом проследовал к своему месту в первом ряду.

Церемонию открыл Р.Хасбулатов. Показалось, что он не в настроении, хотя, возможно, это было просто волнение. Он как-то подчеркнуто буднично, как будто преодолевая внутреннее сопротивление, открыл торжественное заседание, продолжавшееся менее часа.

Было четыре выступления. Первому слово предоставили российскому депутату, известному актеру О.Басилашвили, который подчеркнул историческую значимость момента. Затем приглашенный на сцену Б.Ельцин, положив руку на Конституцию РСФСР и Декларацию о государственном суверенитете, произнес слова президентской присяги. Зазвучала мелодия российского Гимна, на мониторах, установленных в зале, появилось изображение одного из кремлевских зданий, где разместилась резиденция Президента РСФСР.

Для подстраховки текст клятвы Президента был напечатан на почтовой открытке, обрезанной со всех сторон так, чтобы поместиться на левой ладони Б.Ельцина. Воспользоваться «шпаргалкой» не пришлось. Лишь однажды, скорее для страховки, он искоса взглянул на нее и, убедившись, что «идет по тексту», продолжил говорить наизусть.

Запомнилась и еще одна деталь: виновник торжества явился в довольно поношенном темно-синем костюме. О новом никто и не подумал. Супруга главы государства не раз жаловалась, что ей надоело гладить этот старый, уже лоснящийся костюм. Но тогда этому придавалось гораздо меньше внимания, чем в последующем.

По-настоящему взволновало всех выступление Алексия II. Обратило на себя внимание, что Патриарх, говоря о Президенте Б.Ельцине, делал акцент на том, что это — реальный глава Российского государства, а не руководитель одного из регионов (республик) страны. Именно с его деятельностью Патриарх связывал надежды на возрождение России.

Затем слово вновь предоставили Б.Ельцину. «Невозможно передать словами душевное состояние, которое я переживаю в эти минуты, — говорил он, заметно волнуясь. — Впервые в тысячелетней истории России Президент торжественно присягает своим гражданам. Нет выше чести, чем та, которая оказывается человеку народом. Нет выше должности, на которую избирают граждане государства.

...Президент не Бог, не новый монарх, не всемогущий чудотворец, — продолжал Б.Ельцин. — Он гражданин, облеченный огромной ответственностью за судьбу России, своих сограждан. Он прежде всего человек, которому оказано высшее народное доверие».

Наконец, на сцену вышел М.Горбачев. Все предшествующие дни были наполнены напряженной, но привычной для лидера огромной страны работой. Он участвует в заседаниях «большой семерки» в Лондоне, пытаясь, но неудачно, добиться соглашения о кредитах; инструктирует вице-президента СССР Г.Янаева, как вести себя на унизительной, в сущности, церемонии в Праге, где подписывался протокол о прекращении действия Варшавского договора, подводивший черту под целой эпохой доминирования СССР в Восточной Европе; проводит совещание с руководителями союзных республик по результатам (провальным) экономического развития страны за первое полугодие; обсуждает с лидерами республик перспективы «новоогаревского процесса» (читай — обновленного Союза);

участвует в заседании политбюро, посвященном, в частности, проекту новой программы партии; встречается с канцлером ФРГ Г.Колем, а через два дня — с премьером Испании Ф.Гонсалесом; обсуждает с коллегами по политбюро, как реагировать на сенсационный выход из партии недавних близких соратников — Э.Шеварднадзе и А.Н.Яковлева...

И у него почти полная иллюзия, что все идет по-прежнему, что он Президент могущественного СССР и Генеральный секретарь правящей партии — не без проблем, не без трудностей, но надежно удерживает бразды правления. В его распоряжении работоспособный аппарат ЦК КПСС, все силовые структуры, огромная поддержка за рубежом. И вот сейчас он здесь, на инаугурации Президента России Ельцина, которому три с половиной года назад сказал: «В политику я тебя больше не пущу!» Он берет себя в руки и идет к трибуне.

В целом его выступление было выдержано в конструктивном духе. Однако и по некоторым текстовым нюансам, и по тону чувствовалось — ему едва удается справляться с эмоциями. Он дал понять, что не видит альтернативы сотрудничеству между союзным Центром и новым руководством России, поставив в прямую зависимость от этого будущее Советского Союза, и заверил, что готов к такому сотрудничеству. В то же время явно прозвучали нотки сожаления по поводу происходившего — и не только в зале. Само начало речи настраивало на невеселые мысли: «Вот и еще одним президентом стало в нашей стране больше». Этим он пытался как бы принизить значимость события и одновременно выражал сожаление, что никак не может этому воспрепятствовать.

Был и еще один «сюжет» в этой речи, вызвавший ропот в зале. М.Горбачев говорил: «Люди на всех континентах с огромным интересом следят, что мы с вами делаем, желают успеха курсу на реформы». Формально, в этих словах нет какого-то особого подтекста. Но фразу «...что мы с вами делаем» он произнес таким трагическим, упавшим голосом, что стал очевиден истинный подтекст. Это настроение уловили присутствующие, было такое ощущение, что руководитель страны не может скрыть своих эмоций. Видимо, почувствовал неловкость и сам оратор. Заключительная часть речи выглядела как попытка исправить допущенную неловкость, однако неприятный осадок остался. Горбачева по-человечески можно было понять: трудно смириться с тем, что тебя опередил недавний подчиненный, ставший политическим соперником.

Ельцин был первым главой Российского государства, кому эту должность вручил сам народ на прямых выборах. И он старался продемонстрировать это даже в деталях. Многие помнят такой эпизод: после выступления президенты двинулись навстречу друг другу, чтобы пожать руки. Через несколько лет Борис Николаевич рассказывал в приватной беседе о некоторых подробностях: «Помните, как Горбачев поздравлял меня с избранием Президентом?.. Я долго думал, как сделать так, чтобы не я, а он подошел ко мне для рукопожатия. Я все рассчитал и, сделав несколько шагов по сцене, остановился. Ему пришлось самому подойти ко мне».

Итак, избрание Б.Ельцина Президентом РСФСР (пусть и в составе Союза Советских Социалистических Республик) показало всем, кто в стране лидер номер один. Со свойственным ему напором Борис Николаевич по-

требовал, чтобы его главная резиденция располагалась в Кремле. Горбачев вынужден был согласиться.

Возникла парадоксальная ситуация: в Кремле находились главы как бы двух государств, и над ним должны были бы развеваться два флага. Но чтобы не накалять еще больше обстановку, Ельцин не стал настаивать на формальностях. Ему отвели кабинет в менее престижном, 14-м корпусе, построенном уже в советское время. Правда, до конца года там он почти не бывал, работая по-прежнему в Белом доме на Краснопресненской набережной.

Глубокой осенью 1991 года Президент переехал в здание бывшего ЦК КПСС на Старой площади, где работало российское Правительство. Это было по-своему знаменательное событие: он разместился в кабинете, который еще недавно занимал Генеральный секретарь ЦК КПСС. Запомнился первый день работы на новом месте. Утром В.Илюшин попросил ближайших сотрудников Президента подняться в главную приемную. Через некоторое время появился Борис Николаевич. Он не мог скрыть волнения. В.Илюшин стал говорить, что с этим кабинетом связано многое в политической биографии Президента. Ельцин поддержал разговор: «...Да, это тот самый кабинет, где меня отчитывали, писали сценарии политической травли. Спасибо за поддержку. Но вам, тем не менее, трудно понять, что я сейчас испытываю».

Ельцин, политические мускулы которого крепли с каждым днем, хотя и торопил события, но продолжал игру в лояльность. Впрочем, она была достаточно двусмысленной. Так, в интервью немецкой газете «Ди Цайт» он был более откровенен, чем у себя в стране: «Я почти все проблемы могу решить без Горбачева». Он как бы испытывал того на прочность, в сущности, провоцировал его. Но ни сам Ельцин, ни его ближайшие соратники не были уверены, что Горбачев добровольно и легко поделится властью.

Ново-Огарево

(ИЮЛЬ 1990 — ИЮЛЬ 1991)

Запоздалый старт

К концу 80-х многие уже понимали, какую серьезную угрозу для Союза представляют «центробежные тенденции». Существовавшая модель Союза подвергалась яростным нападкам прежде всего со стороны национальных движений, «народных фронтов» ряда республик, которые поставили задачу добиться государственной независимости. Но звучали не только сверхрадикальные требования: в СССР развернулась широкая дискуссия о необходимости реформирования фактически унитарного государства, утверждения подлинно федеративных отношений. Этой теме посвящались многочисленные публикации в прессе. Все чаще высказывались предложения начать подготовку нового Союзного договора.

Этот вопрос ставился еще на I съезде народных депутатов СССР, но власти медлили. Лишь летом 1990 года началась такая подготовительная работа, которую курировал Председатель Верховного Совета СССР А.Лукьянов. Союзное руководство решило «возглавить процесс», чтобы обеспечить его развитие в нужном направлении, но при этом предполагало опираться на властные структуры союзных и автономных республик, пока еще надежные и управляемые.

По решению Совета Федерации СССР*, а также высших органов государственной власти республик были образованы соответствующие рабочие группы, проведен открытый конкурс на лучший вариант Союзного договора, опубликованы проекты-победители.

Состоявшиеся в августе 1990 года в Кремле консультации показали, что республики находятся в разной степени готовности. Представители Белоруссии, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Казахстана, Узбекистана и Азербайджана подготовили для обсуждения конкретные проекты договора. Совсем иной настрой был у посланцев Грузии и Армении: настороженность, скрытое недоверие и никаких конструктивных предложений.

Очень близкими оказались подходы представителей Молдавии, Украины и России. Поначалу они ставили вопрос о существенном перераспределении полномочий Центра в пользу союзных республик, но, не находя понимания у Кремля и Старой площади, ужесточали свою позицию, переводя проблемы в другую плоскость: быть ли будущему Союзу единым суверенным государством или Содружеством, конфедерацией суверенных государств?

---

*Этот орган был создан в ответ на пожелание союзных республик более активно влиять на выработку общесоюзной политики. В него входили высшие должностные лица союзных республик, могли быть в его составе и руководители автономий. Возглавлял Совет Федерации Президент СССР.

Наконец в основном определился комплекс проблем, требовавших рассмотрения на уровне экспертов.

Заседания экспертных групп союзных и автономных республик проходили с 29 августа по 20 октября 1990 года. В них приняли участие эксперты Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, Таджикистана, Туркмении, Украины, Узбекистана, РСФСР, а также Абхазской, Башкирской, Бурятской, Калмыцкой, Каракалпакской, Карельской, Коми, Марийской, Мордовской, Северо-Осетинской, Татарской, Тувинской, Удмуртской, Чувашской, Якутской автономных республик.

В работу включилась большая группа ученых, юристов, политологов, экономистов, других специалистов — всего 221 эксперт, а кроме того, представители свыше 40 недавно созданных политических партий и движений.

К концу октября Совет национальностей уже располагал предложениями республик, общественных объединений, а также заключениями экспертных групп по проблемам государственного устройства будущего Союза.

24 ноября проект Союзного договора был опубликован в печати для всенародного обсуждения. Нетрудно догадаться, что в большинстве предложений выражалась поддержка прежней, унитарной модели Союза. Партаппаратчиков не надо было учить, как организовывать такого рода письма от «трудовых коллективов», местных Советов, рядовых граждан. Методика была давно отработана и не без успеха применялась на практике.

В результате к январю 1991 года обобщенные предложения и замечания к опубликованному проекту составили объемный труд — свыше двухсот страниц печатного текста.

Бескомпромиссность Центра по основным вопросам реформирования Союза всецело разделялась тогда М.Горбачевым, все больше дрейфовавшим «влево» — к сторонникам «закручивания гаек»; его готовность уступать только по второстепенным вопросам привела к тому, что делегации республик одна за другой стали просто покидать переговоры, а оставшиеся думали — «уйти или остаться?». В февральских консультациях участвовали полномочные представители только 8 союзных республик (а не 11, как в начале) и 18 бывших автономий.

Но даже при том, что за столом переговоров остались самые покладистые, обсуждение проходило крайне напряженно, порой приобретало остроконфронтационный характер. Спешно создаваемая Центром модель «обновленного Союза» разваливалась, еще не родившись. Но «наверху» предпочитали не замечать всех этих трений и противоречий: дело сделано, позиции Центра сохраняются, республики получат свой «обновленный Союз». Чтобы закрепить эти скромные результаты, руководство страны решило провести референдум о сохранении Союза и тем самым придать закрепленной в проекте нового договора модели СССР высшую легитимность.

Россия и Союз

В решающей степени судьба Союза зависела от позиции России. А эта позиция была весьма подвижной. Первоначально лозунг «суверенитета России» рассматривался Б.Ельциным и российскими демократами как средство борьбы против диктата союзного Центра и засилья власти КПСС. Основной смысл требований сводился к предоставлению российскому руководству большей самостоятельности прежде всего в социально-экономической сфере, права проводить радикальную реформу на своей территории.

В этом смысле «суверенизация» виделась одновременно и объективным, и позитивным процессом, и, как считал российский Президент, «если она пойдет оптимально — выйдем на нормальные отношения в рамках страны». При этом цементирующей основой нового Союза должны были стать «тесные экономические связи, рынок». Поэтому предлагалось «запустить как можно быстрее механизм реформ».

Россия настойчиво требовала произвести разграничение полномочий и компетенции между РСФСР и Союзом, включая и вопросы собственности на территории республики, которые предлагалось решить в контексте передачи значительной части полномочий союзным республикам.

Вот предложения, которые изложил в ходе консультаций 3 августа 1990 года руководитель российской делегации Р.Хасбулатов: «Будущее государство — это "Союз" или "Сообщество". Во главе его — Президент, который избирается "всеми парламентами союзных государств" сроком на 3 года без права повторного избрания. Президент формирует и руководит правительством или, по его терминологии, "генеральной администрацией". В состав этого органа должны входить: "государственный секретарь, который ведает межгосударственными отношениями внутри федерации или конфедерации; министр по делам внешних связей; министр обороны и разоружения; министр финансов; директор агентства безопасности; министр транспорта; министр энергетики, министр по аграрным делам; министр по вопросам охраны природы и государственный министр — личный представитель президента Сообщества"».

Для контроля за деятельностью Президента и генеральной администрации и выработки согласованной политики Р.Хасбулатов предлагал создать «что-то вроде конвента» — из глав союзных государств, которые собираются один раз в два месяца для решения вопросов.

Преимущество такой модели государственного устройства, по его мнению, состояло в следующем: создается «достаточно серьезная и президентская, и исполнительная власть, и в то же время очень сильно выражено мнение союзных государств или союзных республик».

Эти предложения, казавшиеся тогда революционными, позволяли существенно повышать статус республик в рамках единого союзного государства. Кроме того, формула, озвученная «спикером российского парламента», заключала в себе максимальные требования, так сказать, с запасом, и предполагала неизбежные компромиссы в ходе переговоров.

Однако Центр отметал все обращения и требования, которые шли от республик, в том числе и России, и идея «ограниченной суверениза-

ции» была встречена буквально в штыки. Между тем кризисная обстановка в стране требовала неотложных решений, а не бессмысленных словопрений, взаимных уступок, а не устрашения. Видя, к чему все это может привести, Б.Ельцин стал вносить коррективы в выдвигаемые принципы формирования нового Союза.

В конце 1990 года он совершает поездки в ряд союзных республик. Так в ноябре наносит официальный визит в Киев, где интересуется настроем украинского руководства, отношением к маневрам Центра вокруг Союзного договора. Это представлялось тем более важным, что Украина была второй по потенциалу и политическому весу союзной республикой в составе СССР.

В годы перестройки в республике не отмечалось особых всплесков гражданской активности, если не считать западных областей и столицы, где набирали силу националистические неформальные структуры, объединившиеся позже в движение «РУХ». Жизнь текла в привычном советском русле. Партийные структуры в целом контролировали ситуацию. А что это действительно так, свидетельствовал состав украинской делегации на съездах депутатов СССР. Ее отличал какой-то особый консерватизм в защите советского строя, социалистических идей.

Тем более неожиданным было то, что по многим волновавшим его вопросам российский Президент нашел не только понимание, но и поддержку. Даже официальная встреча Б.Ельцина была организована, как при визитах глав государств: в аэропорту выстроен почетный караул, подняты государственные флаги. Конечно, это делалось неспроста и имело конкретный политический смысл. Это был ясный сигнал Кремлю, что Украина поддерживает позицию российских властей, в том числе и в спорах вокруг новой модели Союза.

В декабре 1990 года на IV съезде народных депутатов СССР с резкой критикой союзных властей выступили Н.Назарбаев и руководители ряда других республик. Именно тогда по инициативе Б.Ельцина была предпринята попытка заключить четырехстороннее (Белоруссия, Казахстан, Россия, Украина) соглашение «внутри» Союза. Соответствующие консультации были проведены, и общее понимание достигнуто. Сам этот факт стал демонстрацией несогласия ведущих республик с тем подходом, который буквально «продавливался» в текст нового Союзного договора. По-видимому, об этом стало известно М.Горбачеву, и он принял определенные меры, чтобы в последний момент кое-кто дрогнул и подписание соглашения сорвалось. Центр упорно продолжал настаивать на сохранении прежней модели Союза, что побуждало республики переходить в оппозицию.

Переломными в этом плане стали уже упоминавшиеся нами три события — отказ союзного Центра от программы «500 дней» осенью 1990 года, акции по насильственному свержению законных органов власти в Прибалтике в январе 1991 года и попытка внутрипарламентского переворота в России, предпринятая консервативными силами в феврале того же года.

Как враждебную по отношению к России акцию — использование национальной карты в политической борьбе — квалифицировало российское руководство привлечение к разработке и подписанию нового Союзного до-

говора автономных республик. Считалось, что это сознательный шаг, направленный на развал России.

Негативно восприняло российское руководство и идею провести референдум о сохранении Советского Союза. Сама формулировка вопроса, вынесенного на всенародное голосование, свидетельствовала о нежелании Центра что-либо менять. Вот как он звучал: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?»

В интервью «Радио России» накануне референдума Б.Ельцин, тогда еще Председатель Верховного Совета РСФСР, изложил свою позицию. Касаясь формулировки, он отметил, что ему лично крайне трудно будет дать однозначный ответ на вопрос референдума, хотя он и является сторонником Союза, в который по доброй воле, а не силой объединяются республики.

Что вызывало у него сомнения?

Во-первых, формулировка «сохранить Союз». «Уже сегодня, — говорил российский лидер, — ряд республик заявил о своем намерении из него выйти. А в трех прибалтийских республиках прошли даже опросы граждан и большинство поддержало это. Если на эту часть вопроса о сохранении Союза я отвечу «да», за что я проголосую? За то, чтобы любой ценой руководство Союза удерживало республики в Союзе? Даже с помощью насилия против гражданского населения, даже вопреки воли большинства населения?»

Во-вторых, расплывчатость словосочетания «обновленный Союз». «Насколько он будет обновлен? Перекрасят фасад или пойдут на существенные изменения? Будет это обновление идти по сценарию Центра или наконец-то по воле республик?»

В-третьих, смущал его и содержащийся в тексте вопроса термин «социалистический»: «Этим определением стремятся, по сути, получить от народа одобрение старой системы. Но ряд республик уже исключили это понятие из своих названий. Что же, им придется возвращаться к тому, что уже отвергнуто? А как быть в том случае, если они не захотят?»

Наконец, четвертое сомнение касалось внесения в формулировку вопроса о правах и свободах человека. «Неужели союзное руководство не имеет четкой позиции по вопросу о том, нужно или не нужно в полной мере гарантировать права и свободы человека любой национальности?.. Это ясно и без референдума... Я просто не могу поверить, что руководство всерьез думает, будто у нашего народа на этот счет может быть два мнения: одно — за гарантии прав и свобод человека любой национальности, другое — против, то есть за произвол, за репрессии, за деления людей на сорта».

Вывод Б.Ельцина звучал как суровый приговор: «Референдум проводится для того, чтобы получила поддержку нынешняя политика руководства страны».

В целом Горбачев и его товарищи формально могли быть довольны итогами референдума. В России за Союз проголосовало 71,34% граждан,

участвовавших в референдуме. Правда, так было не везде. Например, в таком промышленно развитом районе, как Свердловская область, «за» проголосовало 49%, а в самом Свердловске лишь немногим более 34%. Но главное, позитивные результаты не сняли разногласий между союзным и российским руководством по принципиальным вопросам будущего страны, наоборот, они продолжали усиливаться.

Практические действия союзного Центра, его отрицательное отношение к разного рода инициативам, отказ от конструктивного взаимодействия — все это не могло не сказаться на эволюции взглядов Б.Ельцина относительно формы и содержания нового Союза. Он продолжал утверждать, что выступает против развала единого союзного государства, но логика политической борьбы вела к тому, что он все реже именует будущее государство Союзом Суверенных Республик и все чаще предпочитает говорить о Союзе Суверенных Государств.

Эта смена акцентов вовсе не случайна. Теперь в формулировку «суверенная Россия» вкладывались практически все признаки полностью независимого, отдельного государства, субъекта международного права в условиях конфедерации. Это была естественная реакция на позицию союзного руководства, не желавшего расставаться со сталинской моделью государственного устройства, которая, как ее ни «обновляй», все равно сводилась к жестко централизованной модели. Позиция Б.Ельцина явно ужесточалась:

«Если говорить кратко — Центр будет таким, каким его хотят видеть республики, входящие в Союз, образующие его. Это касается и полномочий, и структуры органов, и т.д. Так как круг полномочий значительно сократится, то и структура Центра станет значительно более простой, существенно снизятся и расходы на его содержание. Но мы за эффективное выполнение Центром тех функций, которые ему передадут республики, и в этом смысле — за сильный Центр, но сильный только в сфере своей компетенции и прерогатив».

Едва ли такие формулировки могли понравиться М.Горбачеву.

Б.Ельцин соглашался передать на союзный уровень только три министерства — обороны, путей сообщения и атомной энергетики. Все остальное — в ведении РСФСР. По сути, он вел речь о конфедерации, причем конфедерации мягкой.

Примечательно, что эта позиция практически один к одному совпадала с тем, что предлагали демократы в депутатском корпусе России. В докладе О.Румянцева в феврале 1991 года, одобренного фракцией «Демократическая Россия», говорилось: «Союз республик можно представить как договорную конфедерацию суверенных государств, состоящую как из унитарных, так и федеративных республик... Преобразование СССР в Союз Суверенных Государств на основе прямых межгосударственных отношений России с другими суверенными союзными республиками. Отсюда видна и новая модель: Союз Суверенных Государств, добровольно создаваемая "асимметричная" конфедерация с общим экономическим пространством. Асимметричность — в различном объеме делегируемых Центру полномочий, что повысит гибкость системы.

Главный же стержень и интерес существования нового Союза — межреспубликанский общий рынок. Главные органы управления такого Сою-

за — однопалатный парламент, в котором равно представлены входящие в Союз государства; Совет президентов как коллективный орган, координирующий межгосударственные отношения в рамках Союза: немногочисленные совместные комиссии по отдельным ключевым общесоюзным проблемам (оборона, энергетика и пр.); Совет глав правительств.

Союзный Центр не может выступать субъектом Союзного договора, своего рода суперреспубликой, подминающей под себя подлинные, а не мнимые государственные образования».

Намечалась и ближайшая цель — «создать совместными усилиями республик в пространстве их взаимодействия новый координирующий центр, ... требовать приостановить Конституцию СССР, упразднить Съезд народных депутатов СССР, упразднить пост Президента СССР, передав его полномочия Совету президентов».

Времени на согласование позиций союзных республик, и прежде всего России, с союзным Центром оставалось катастрофически мало. Создавалось впечатление, что участники одновременно и хотели, и не хотели договариваться.

Б.Ельцин в Ново-Огареве

Апрель 1991 года стал во многом переломным в подготовке Союзного договора. Что же произошло? Как уже было сказано, работа над новым Договором велась уже почти год. За это время проект много раз согласовывался и пересогласовывался в различных комиссиях и подкомиссиях, созданных под эгидой А.Лукьянова, «всенародно обсуждался», наконец был проведен референдум, результаты которого поспешили объявить как народную поддержку тому Союзу, который был прописан в новом Договоре. Казалось бы, осталось только подчиниться «высшей форме народного волеизъявления» и подписать его.

Однако 23 апреля М.Горбачев вместе с лидерами 9 союзных республик договаривается начать новый раунд согласований — по формуле «9+1» (между руководителями 9 союзных республик и Президентом СССР). При этом речь идет не о каких-то частностях и «недостающих запятых», а фактически об отказе от подготовленного варианта.

По существу, М.Горбачев признал, что дальше сверхцентрализованное союзное управление, заложенное в качестве основополагающего принципа в прежний вариант Договора, уже невозможно. Он согласился с необходимостью не на словах, а на деле преобразовать формально федеративное, а по сути унитарное государство в государство действительно федеративное.

Чем вызвана такая метаморфоза?

Президент СССР понял, что лидеры республик просто откажутся играть роль статистов и подписывать Договор, с которым не согласны. Он убедился в этом на встрече с руководителями 9 союзных республик. Но этим объясняется далеко не все. Гораздо важнее для М.Горбачева было то, что возникли реальные угрозы его личной власти.

Во-первых, сам факт срыва подписания Союзного договора, ответственность за который легла бы на него, означал бы одно: его дни и даже

часы на высшем государственном посту сочтены. Президентом страны его избрал съезд, и тот же съезд отправит в отставку «за развал Союза». С другой стороны, он чувствовал, насколько велика вероятность того, что республики, отвергшие лукьяновский вариант Договора, могут договориться сами, уже без Центра. Декабрьский эпизод с четырехсторонним соглашением, активизация в последнее время подготовки и подписания двусторонних межреспубликанских договоров подтверждали, что это реально.

Во-вторых, М.Горбачев чувствовал нарастающую опасность и со стороны консервативного крыла в руководстве партии. В предшествующие месяцы он все более шел в фарватере его требований, но «не оправдал доверия». Попытки применения силы в Прибалтике провалились, бряцание оружием в Москве в день открытия III съезда народных депутатов не испугало власти РСФСР. Ни угрозами, ни интригами не удалось свалить Б.Ельцина. Наоборот, все, что ни делалось для ослабления, только повышало его популярность и укрепляло позиции. М.Горбачев не оправдал ни одной из надежд ортодоксов в руководстве КПСС, не добился ни одной поставленной ими целей. И «счет за все» ему может быть выставлен уже на ближайшем пленуме ЦК КПСС — 24 апреля 1991 года.

Наконец, главная опасность для М.Горбачева шла от общества. Как уже говорилось, 1 апреля были более чем в три раза подняты цены. Страна, и без того находившаяся в движении, буквально забурлила, а власти республик, регионов, отводя от себя гнев граждан, обвиняли во всем Центр, Горбачева.

Союзное руководство теряло контроль над происходящим, республики в этих условиях предпочитали все больше полагаться на себя, что лишь увеличивало дистанцию между ними и Центром.

М.Горбачев вынужден был делать сложный выбор — либо попытаться «возглавить» партийных консерваторов, убедить их еще раз поверить, либо принять сторону республик, пойти навстречу их требованиям и в последний момент перехватить инициативу у Б.Ельцина, тем самым ослабив прессинг консерваторов из ЦК, приглушить протесты в обществе. Он предпочел второй вариант, следствием чего и стал новоогаревский процесс.

Чтобы читатель получил более «осязаемое» представление об этом процессе, расскажем о двух ново-огаревских днях, каким их увидел один из очевидцев.

Итак, 24 мая 1991 года. В подмосковной усадьбе Ново-Огарево (ранее никому не известное название быстро вошло в политический обиход), в просторном, с хорошей акустикой зале был слышен каждый звук — реплика вполголоса, звяканье стакана, шуршание перелистываемых бумаг.

Горбачев. Разрешите открыть заседание Подготовительного комитета, созданного решениями IV съезда народных депутатов СССР, в составе руководителей союзных республик, автономных республик, пока по Конституции нынешней, с участием представителей Центра — Президента, Председателя Верховного Совета и Председателя Совета национальностей...

Вот о чем я хочу вас проинформировать. Вот россияне представили свой проект, в котором подробно изложена совместная концепция. Пред-

лагаю вам обратить внимание — я готов подписаться и под нашим, и под их вариантом. Свою точку зрения я высказал. Мое вступительное слово закончилось. Сейчас, если вы не возражаете, я бы поступил так...

Ельцин. Перерыв на чай.

Горбачев. Ты, наверное, подглядел в моих бумагах, Борис Николаевич. Да, я предлагаю каждому из вас раздать проекты...

Ельцин. И разойтись.

Горбачев. Но больше двух не собираться. Вот, смотрите, под этим проектом, что я сделал на базе российского, уже подписываюсь...

Ельцин. А, все-таки вы изменили?

Горбачев. Нет... Ну изменил. А как же? Я принял, — знаете, что мне понравилось?

Голоса из зала. Но мы в России не обсуждали этот проект. Нам только позавчера его раздали...

Горбачев. Ну, не важно, мне он попал. Дали мне его, я рассмотрел и увидел, что можно пойти этим путем. И вы обсудите. Я лично за оба варианта. Ну, вы увидите, что у них много совпадений... Товарищ, давай раздавай. Ты по два раздаешь?»

Горбачеву необходимо было быстрее проскочить этап вручения проектов. Действительно, взял в руки, значит, участвовал в обсуждении.

Сотрудник орготдела. По два.

Горбачев. ...Украинский? Не знаю. Из Киева мне ничего не присылали. Россияне прислали. Считали, значит, нужным. В порядке ориентации... Хорошо. Думаю, россияне правильно сделали, что прислали. Полезный документ... Объявляю перерыв на час».

Работа в Ново-Огареве была организована так, что участники совещаний приезжали туда без консультантов и советников. Было решено: никого постороннего, высшая степень конфиденциальности. Лишь три-четыре человека, помогавшие Горбачеву обобщать и анализировать замечания и предложения, сидели за боковыми столиками.

После перерыва Ельцин сразу взял слово.

Ельцин. Хочу выразить свою точку зрения.

Первое. Сейчас невозможно высказать свое отношение к розданным документам, поскольку не было возможности их изучить. Видимо, надо какое-то время для того, чтобы очень внимательно их изучить, причем изучить коллегиально, и потом уже по ним высказаться, может быть собравшись еще один раз. Но по некоторым вопросам скажу.

В отношении названия. Я, например, лично убежден, что все-таки это должен быть Союз Суверенных Государств. Это отвечает сегодняшнему статусу республик-государств. Люди привыкли к этому. Тем более что Михаил Сергеевич когда-то говорил об этом в одном из своих выступлений. Это, конечно, запомнилось. Название Союза, правда, вызывает некоторые сомнения, но я бы не стал принципиально настаивать на какой-то другой

позиции и лично согласился бы с предложением — Союз Суверенных Советских Государств.

Назарбаев. Советских Республик или Государств?

Ельцин. Республик. Я оговорился.

Горбачев. То есть СССР?

Ельцин. Да. Дальше в отношении подписания Союзного договора. Я не один раз обращался и сейчас обращусь к моим товарищам по работе, руководителям республик в Российской Федерации, обращаюсь с просьбой подписать Договор под Российской Федерацией*. Сначала подписывает Российская Федерация, потом в алфавитном порядке все делегации входящих в нее республик. Так и только так, потому что любой прецедент, хотя бы одной республики, двух республик... Я бы просил этого не делать. Или мы просто развалим Договор, мы его не подпишем. Это же какие последствия для Союза, всем ясно, поскольку сейчас действительно все Союзный договор ждут. Ждут у нас в стране, ждут во всем мире, поскольку это политическая стабилизация, экономическая стабилизация. Союзный договор сыграет огромную роль, когда он действительно в таком виде будет подписан.

Если мы совершим на этом этапе политическую ошибку — десять, двадцать, пятьдесят лет пройдет, нам не простят. Нам не простят этого. И я бы очень просил товарищей ответственно подойти... Очень ответственно.

Я обещал, все время говорил вам, что те полномочия, которые вы возьмете на себя, мы вам даем. Если во внешней сфере, в международных отношениях какие-то у вас будут предложения по своей самостоятельности, — пожалуйста, мы вам дадим. Такую же линию мы предлагаем вести и с Союзом...

Горбачев. Но координация обязательно нужна.

Горбачев пытается подкорректировать Ельцина. Его поддержка Союза обоюдоострая: призыв подписать Союзный договор и фактическая ликвидация важнейшей государственной функции — внешнеполитической.

Ельцин. Координация обязательна. У меня были разговоры с руководителями многих стран. Как вести внешнюю политику? Вот, Союз или, допустим, Россия. Я объясняю, что вы заключаете с Союзом стратегический договор по принципам. А дальше уже экономические, научно-технические, торговые, социальные, культурные соглашения и договоры заключает непосредственно Российская Федерация. Любая республика, которая захочет заключить договор тоже самостоятельно, — пожалуйста, она имеет на это право. Предприятия имеют право с предприятиями заключать договор, с любой страной. Так что здесь никаких ограничений нет, мы только будем поддерживать.

Другое дело, какая-то координация должна быть. Это чтобы просто на одну страну не навалилось все и не было бы такой системы.

Назарбаев. Сами себе конкуренцию будем создавать.

Ельцин. Тут в определенных пределах координация должна быть. Мы говорим, что Россия имеет самостоятельную внешнюю и внутреннюю по-

* Речь идет о расположении подписей под Союзным договором. Предлагались различные варианты, и все они вызывали жаркие дебаты.

литику, но скоординированную с Союзом в соответствии с Договором, в соответствии с теми функциями, которые мы передаем Союзу. Поэтому здесь опасаться нет, по-моему, оснований. И постепенно в отношении Декларации о суверенитете мы все эти вопросы решим. И в отношении того, как нам осуществлять координацию, мы найдем такой вариант, который бы устраивал всех нас. Найдем вариант. Или заместителей председателя назначим, или еще как-то, чтобы и вам было полегче по времени и чтобы дело шло у нас побыстрее.

Далее о высших органах государственной власти и вообще структуры власти. У нас с Президентом Союза не один был разговор, и на руках мы объяснялись, измеряя, какой должен быть Центр. Речь идет о том, что структура государственной власти должна отражать только те функции, которые республики передают Союзу. Сейчас этого нет. Сейчас повторили опять кабинет Совета министров, тот Совет министров, который был. Вот и все. Практически то же самое оставили.

Горбачев. Мы оговорили этот вопрос.

Ельцин. Да. Я понимаю, что это вопрос будущей Конституции. Это будет генеральная перестройка всего хозяйства, но надо ориентироваться именно на то, что не будет такого огромного монстра союзного у власти. Максимум власти передается республикам. И чем ниже, тем больше этой власти должно быть. Мы тоже в России не хотим задерживать власть у себя на уровне Российской Федерации, хотим ее передать соответственно в республики, дальше, конечно, в области, края и так далее, максимум. Минимум оставить у себя. И ни в коем случае союзную бюрократию не спустить на российский уровень. У нас таких намерений нет.

О разделении функций, собственности и так далее. Я считаю, Михаил Сергеевич, мы просто теряем время в этом плане. Мы не можем подписать Договор, пока не согласуем разделение функций. Это должен быть отдельный документ. Сейчас создана Комиссия с Россией: Догужиев, Скоков должны полностью решить вопрос о разделении функций и собственности до заключения Договора, до подписания Договора, обязательно.

Угольная промышленность перешла в Россию — хорошо, лесная и деревообрабатывающая, химия, нефтехимия сейчас переходят — ладно, металлургия — сейчас все основные комбинаты переходят под юрисдикцию России, но надо процесс все-таки подтолкнуть, чтобы завершить до Договора (а мы договорились, в июне месяце с Договором надо заканчивать, то есть его подписывать). Мы в прошлый раз об этом договаривались, хотя нигде не подписывали.

Дальше в отношении отраслей, которые передавать. Во-первых, разделение функций, я считаю, должно осуществляться не только по отраслям. Обязательно надо в Союзном договоре определить: КГБ — какие функции союзные, какие России. Дальше Министерство обороны. Ну, ведь тоже какие-то функции на себя возьмет Россия. Зачем Министерству обороны гражданская оборона? Зачем? Мы должны взять ее на себя, на местные Советы. Зачем комиссариаты, понимаешь, Министерству обороны? Мы можем взять их на себя. У нас много соответствующей власти и полномочий, чтобы мы могли бы быстрее решать эти вопросы, кстати, и с меньшим на-

пряжением, чем сейчас. Берут и бандитов, и больных, лишь бы численность была. Это, конечно, не годится.

О налогах. У меня подход — и не одноканальный, и не двухканальный. В союзный бюджет мы перечисляем фиксированную сумму по программам, которые осуществляются или совместно, или Союзом, в том числе для республик. По расчету, а не по проценту. Только так. Это может быть даже не налог, а просто фиксированная сумма расчета, которую мы должны перечислить в союзный бюджет, как мы и подписали по этому году, — 23,4 миллиарда рублей. Мы их перечислим. Но мы будем очень внимательно, вместе с нашими республиками смотреть.

Горбачев. Нет, подожди. Под программу. А под постоянные функции? Армия, фундаментальные исследования.

Ельцин. А имеется в виду и армия тоже. Мы будем смотреть, так сказать. Раскройте нам, пожалуйста, весь...

Горбачев. Борис Николаевич! Тогда у нас федерации нет.

Ельцин. Нет, нет. Раскройте, пожалуйста, нам весь военный бюджет.

Горбачев. Это безусловно.

Ельцин. ...который вы до сих пор... Нет, я уже слышал, пятый раз слышу, но до сих пор его нет, а мы говорим: дайте нам военный бюджет, раскройте его по статьям, чтобы мы видели, куда идут деньги. Если они идут на армию, на обеспечение солдат, офицеров и так далее, на социальное обустройство, то мы говорим, наоборот, мало там денег. Надо из техники деньги, понимаешь, передать туда, в ту сферу, потому что сейчас военнослужащие социально не защищены. И мы сейчас вынуждены брать это на себя в какой-то части помимо союзного бюджета. Мы вынуждены, потому что они бедствуют. Пятьсот тысяч возвратились из стран Восточной Европы, демобилизованы досрочно. Это же не шутка, их и разместить надо, и рабочие места дать, и так далее. Поэтому нужен расчет — и только по расчету. В соответствии с Договором.

Голос из зала. Он торпедирует все, что согласовано.

Горбачев. Нет, это ты уже отступаешь от договоренностей дважды. Однажды, еще в разговоре с Яковлевым, мы договорились. Второй раз — на заседании кабинета министров выступал Силаев. Про постоянные расходы на армию, госбезопасность, пограничные войска. Это налоги. Процент устанавливается. А на программы — фиксированные отчисления.

Ельцин. Я свою точку зрения говорю. На постоянные структуры тоже по расчету, потому что просто так...

Горбачев. Это не годится, Борис Николаевич.

Ельцин. Я же не говорю, что вы со всеми предложениями, которые здесь высказываются, согласитесь.

Горбачев. Я и тебя приглашаю снять это, это очень...

Ельцин. Дальше, в отношении оборонных предприятий. У нас принята Декларация о государственном суверенитете Российской Федерации на I съезде народных депутатов, и там четко написано, что мы передаем Союзу в соответствии с Договором. Оборонные предприятия остаются в России. И это решение твердое, мы от него не отступим, тем более что «чистых» оборонных предприятий очень мало. В основном оборонные предприятия смешанные. Они выпускают и оборонную продукцию, и гражданскую про-

дукцию. По конверсии якобы... Ну, я извиняюсь, не якобы. Вы сегодня сказали, что Союз может по конверсии лучше решить.

Ведь сколько уже прошло времени. Второй год идет, а союзного закона по конверсии нет, о социальной защите работающих на оборонных предприятиях также нет. Поэтому эти предприятия остаются у нас. Я за другие республики, конечно, не говорю, но в Российской Федерации они в соответствии с нашей Декларацией остаются в юрисдикции Российской Федерации. А госзаказ тоже должен входить в рынок. Министерство обороны делает заказ, они выполняют. Или может государство, может Президент дать государственный заказ, и кабинет министров государственный заказ должен дать. Пожалуйста, они должны выполнять. Это другой вопрос.

Горбачев. Насчет Совета Федерации скажи.

Ельцин. Да, я скажу. Насчет Совета Федерации. Надо психологически понять руководителей республик, входящих в Российскую Федерацию*.

Во-первых, уже много разговоров и мало разговоров. Уже в республиках в этих знают, что они — члены Совета Федерации. И вдруг они как-то вроде уже не члены. Поэтому все они должны быть членами Совета Федерации. Другое дело (и это не надо в Союзном договоре, конечно, говорить) схема проведения заседаний. Конечно, каждую неделю дергать всех нет смысла. У нас должна быть система. Допустим, раз в неделю мы в какой-то день должны собираться. Не на столько часов, может быть, там на час, на полтора. Какие-то оперативные вопросы есть, посоветовались — и все.

Голос. Получится, что Назарбаев тогда будет все время в воздухе.

Ельцин. Ну, хорошо, в две недели. Я только говорю о том, что принципиально крупные вопросы, может быть, будут раз в квартал. Допустим, четыре раза в год собираемся. Это — бюджет, это — план на следующий год, это — еще какие-то принципиальные вопросы государственного устройства.

Горбачев. Борис Николаевич, предлагают политбюро назвать.

Ельцин. Политбюро? Да нет. Политбюро (обращаясь к руководителям российских республик), знаете, вы там не были и вы не знаете, что это такое. А я знаю. Это — не политбюро. Когда за пятнадцать минут принимается на сто страниц постановление по идеологии — вот что такое политбюро.

Горбачев. Просто вопросы хорошо подготовлены были.

Ельцин. А здесь мы рабочие вопросы решать будем, рабочие вопросы. Что там в Азербайджане, скажем, случилось? Надо посоветоваться. Не обязательно всем собираться на этот случай. Посоветовались и решили, давайте Азербайджану поможем. Землетрясение или еще что-то. Упаси бог, конечно.

Горбачев. Ради бога, не прогнозируй землетрясение им.

Ельцин. Нет, нет. Я согласен в отношении топлива и энергетики. Энергетику, в том числе атомную, конечно, передать Союзу. Что касается недр и топливной промышленности, и всех сетей, и так далее, то это, конечно,

---

* Предлагалось в союзный Совет Федерации включить и руководителей автономных республик, входящих в состав РСФСР. В Конституции СССР было сказано, что они могут входить в этот орган. Предложение не получило развития, но оставалось предметом дискуссий.

республиканская собственность или собственность тех республик и тех народов, на территории которых находятся эти недра, эти предприятия и организации. У меня все.

Назарбаев. Надо определить налог федеральный.

Горбачев. Под союзные функции. Под переданные полномочия.

Кравчук. Меня интересует, от всех ли предприятий, расположенных на Украине, будет федеральный налог.

Ельцин. Только те, которые переданы...

Горбачев. Нет! Борис Николаевич, вот мы как раз это, я думаю, знаете, что, может быть, со всех, но он мизерный.

Ельцин. Нет, нет, нет. Не пойдет!

Горбачев. Почему не пойдет?

Ельцин. Мы собираем в один банк и отдаем вам...

Горбачев. Нет, нет.

Ельцин. Ну, нет, об этом мы с вами не договорились.

Горбачев. Нет. Борис Николаевич, Борис Николаевич. Это все считается ведь.

Ельцин. Да, конечно.

Горбачев. Это считается. Есть полномочия Союза. Значит, есть содержание армии, содержание органов безопасности, войск, внутренние дела, какой-то аппарат, фундаментальные исследования... Вот они. И тогда появится налог...

Ельцин. Мы говорим — много...

Горбачев. Так мы утвердим, сколько нужно, и не больше.

Ельцин. Но мы, Россия, и перечислим эту сумму вам, Союзу.

Горбачев. Нет, надо федеральный налог.

Ельцин. Но не каждое предприятие, ни в коем случае. Это исключено.

Горбачев. Тогда федерации нет.

В надежде на поддержку кого-нибудь из сидящих за столом он обвел взглядом всех. Ответом ему было молчание. Никто не решался вмешаться в его дуэль с Ельциным.

Ельцин. Почему? Почему?

Горбачев. Тогда нет федерации.

Ельцин. Это федерация.

Горбачев. Федеральный налог нужен.

Назарбаев. Пусть собирают налог. Мы, республики, вам перечислим.

Горбачев. Ну, что вы, товарищи. Вы же хотите по всем вопросам ставить на колени.

Ельцин. Вы нас на колени хотите поставить.

Горбачев. Почему? Ну, вот мы с вами определили: сегодня — 100 миллиардов — расходы на все эти мероприятия.

Ельцин. 100 миллиардов?

Горбачев. Минуту, на армию — 100 миллиардов. Завтра мы сокращаем, что-то делаем. Допустим, 80 осталось. Значит, 80 и записываем. На науку — столько-то. В общем, сложили, получилось всего 300 миллиардов. Вот и все.

Ельцин. Отношения с предприятиями только в республике. Те, которые в юрисдикции...

Горбачев. Борис Николаевич, предприятие — само субъект всесоюзного рынка. Пусть оно работает, добивается результатов, всем нам выгода: и муниципальным, и республиканским властям. Чем лучше результаты, тем больше мы получаем от него.

Ельцин. Нет, об этом мы не договаривались.

Назарбаев. В ФРГ, в США есть федеральный и муниципальный налоги.

Горбачев. Абсолютно. Есть федеральный налог, земельный налог, муниципальный налог.

Назарбаев. Какой процент, вот этот процент...

Горбачев. Вот это другое дело.

Назарбаев. ...под расходы, которые подлежат утверждению постатейно...

Горбачев. Вот это правильно. Во-первых, под реальные расходы процент устанавливается. И второе — под программы, которые возникают. Вот там отчисления республик, которые участвуют: или все, или часть.

Кравчук. Михаил Сергеевич, но почему сравнивают с Америкой? Вообще ни в одном государстве нет такой практики, что субъекты федерации делегируют полномочия, и все. Что же мы делаем? И делегируем вроде бы, и оставляем то же самое вроде бы. Так что это такое? Остается то, что было?

Горбачев. Почему?

Кравчук. А что же нового тогда?

Горбачев. Да почему? Расходы-то бюджета были, понимаете ли, 800 миллиардов, а теперь они будут 250 или 300. Союзный бюджет в три раза сокращается, а остальное идет в республики.

Ельцин. Это пока на разногласии.

Горбачев. Борис Николаевич, надо соглашаться. Надо на это соглашаться.

Ельцин. Нет, нет. И так уж семь пунктов, с которыми мы согласились. Это уже сегодня большой итог.

Горбачев. Итак, с чем согласились?

Ельцин. Пока вот до этого, давайте... С тем, что вы перечислили.

Горбачев. Так это же я с вами согласился.

Ельцин. Вы?

Горбачев. Да. И вы должны хоть по одному пункту согласиться.

Кравчук. Тут не надо так. Мне кажется, что в прессу не надо давать, не надо писать, что мы согласились.

Ельцин. Ни в коем случае. Это будут сразу... такие вопросы...

Кравчук. Мне тогда нужно встать на трибуну. Мы не обсуждали ничего в Верховном Совете. Меня спросят: от кого ты согласился? Я не имею полномочий договариваться.

Рахимов. Хорошо, а кто имеет полномочия?

Кравчук. Ну, кто-то... Надо написать: кто имеет полномочия, тот, значит...

Горбачев. Ну, давайте спросим мнение Бориса Николаевича.

Ельцин. По этому вопросу мы не договаривались.

Теперь перенесемся в душный день 23 июля 1991 года. Решается задача: как должны регулироваться отношения между бывшей автономией и республикой, в состав которой она входила. Необходимость специального договора для этого никем не отрицалась. Спор шел вокруг трех возможных сочетаний документов, определяющих полномочия автономий:

I. Договор + конституция республики, в состав которой входит бывшая автономия.

II. Договор + конституция обеих республик + Конституция СССР.

III. Договор + Конституция СССР.

Дискуссия давно потеряла сколь-нибудь строгие очертания: собеседники перебивали друг друга, лишь для проформы иногда обращались к председательствующему — Президенту СССР «...разрешите, Михаил Сергеевич...».

Ельцин выбрал испытанную тактику: редкие, короткие реплики в ожидании, что спор сам собой набредет на проработанную в его аппарате проблему. Пока свои позиции высказывают Каримов, Нишанов и Горбачев, Ельцин вникает в суть обсуждения. Он открыл проект Союзного договора с поправками, подготовленными его советниками, быстро нашел нужную формулу.

Ельцин. Договор и конституция государства, в которое входит бывшая автономия.

Каримов. Конституцию СССР нельзя записывать. Это сильно ограничивает самостоятельность союзной республики.

Ельцин. Конституцией государства, в которое она входит, и Конституцией СССР.

Фактически получилось соединение вариантов I и III. Но такая ситуация не устраивает бывшие российские автономии. Спор разгорается с новой силой. Горбачев чувствует, что может пройти вариант II.

Горбачев. Я лично против упоминания всех конституций не возражаю. Я бы это поддержал.

Голоса. Правильно!.. Давайте такой вариант... Все «за»!

Победу, однако, Горбачеву торжествовать рано. Ельцин в спор по существу не вступает. Говорит коротко, но выдает свои формулировки в тактически правильно выбранные моменты.

Ельцин. Лучше все-таки, если отношения регулируются договорами без всяких конституций.

Долго молчавший Лукьянов вдруг берет сторону Ельцина, чтобы подорвать его позиции в будущих отношениях с республиками.

Голоса. Борис Николаевич очень хорошо сказал. Надо поддержать... Поддерживаем предложение Бориса Николаевича... Согласны...

Горбачев. Подождите, подождите, не торопитесь... На основе Союзного договора будет новая Конституция. В республиках тоже. Поэтому, чтобы

полнее и точнее охватить все нюансы нашей сложной страны, лучше говорить о договорах, о конституциях республик и о Конституции Союза.

Раздались уставшие голоса и в поддержку варианта II. Но Горбачеву этого недостаточно. Он пытается убедить Ельцина.

Горбачев. Борис Николаевич. Раз уж мы создаем Союз, его Конституция так или иначе должна найти отражение.

Ельцин молчит. При желании молчание можно расценить как знак согласия.

Горбачев еще раз повторяет формулировку варианта II.

Лукьянов. Вот с этим и согласимся. Да! Надо прислушаться к тому, что здесь говорилось, и в частности Борисом Николаевичем. А что, если записать так: «...регулируются их конституциями, Конституцией Союза, соответствующими договорами и соглашениями».

В варианте II он только поменял последовательность перечисляемых правовых документов.

Горбачев. Такой вариант мы уже обсуждали.

Лукьянов. Но это дает шанс на то, что, может быть, и не потребуется заключать никаких договоров и соглашений.

Горбачев. Ты уловил, Борис Николаевич? Во главу угла ставятся конституции. Борис Николаевич! Конституция действует, от нее не уйдешь, а все остальное уже после нее.

Но Ельцин молчал, напряженно просчитывая, что же повлечет за собой этот казуистический поворот.

Договорились?

В Ново-Огареве шли сложные исторические процессы, существенно повлиять на которые с определенной вероятностью Горбачев и Ельцин могли бы только сообща. Но по отдельности, тем более выступая друг против друга, это было непосильным делом. Противостояние происходило по нескольким линиям.

Первый план борьбы — фундаментальный спор между союзными республиками и Центром. Первые требовали реальных (и нереальных) прав и полномочий. Центр до последнего стремился сохранить в своих руках все или, по крайней мере, как можно больше. В азарте борьбы аппетиты тех и других росли. И Горбачев, и Ельцин выступали за сохранение Союза, но каким разным оказалось понимание его сути — степени сохранения властных функций союзного Центра и «суверенности» республик. Ельцин подозревал Горбачева в стремлении сохранить прежнюю сверхцентрализованную систему, Горбачев Ельцина — в намерении, инициировав процесс суверенизации, уничтожить союзное государство.

Второй план борьбы — между союзными и автономными республиками. Последние хотели повысить свой статус. И цель их была прозрачна — устранить между собой и союзным Центром «промежуточное» союзно-республиканское звено. До Ново-Огарева им удалось добиться принятия соответствующей резолюции на Съезде народных депутатов СССР. В Ново-Огареве наступил второй раунд, который они почти выиграли.

Российское руководство неоднократно обвиняло Горбачева в том, что он, используя автономии, борется против Ельцина. Хотя, по утверждению одного из ближайших соратников Горбачева, его помощника по политическим вопросам Г.Шахназарова, таких намерений у него не было*.

Третий план борьбы — противостояние союзной исполнительной и законодательной властей. Эта волна через два года накроет Россию, а тогда она набирала силу на просторах Советского Союза. Горбачев, убедившись, что Верховный Совет СССР под руководством А.Лукьянова не намерен отступать от прежнего варианта Союзного договора, фактически отстранил законодательную власть от работы над новой структурой союзного государства, оставив ей лишь рассмотрение подготовленных в Ново-Огареве проектов. Интересы законодательной власти, как мог, защищал А.Лукьянов, но переломить ситуацию он был не в состоянии.

Четвертый план борьбы — взаимоотношения властей и делавшего первые шаги гражданского общества. Набравшие за короткое время огромные вес и влияние массовые демократические движения, народные фронты ряда союзных республик заставили свои власти не только считаться с собой, но и проводить свою линию. Побеждая на выборах и приходя к власти, они существенно корректировали официальную позицию вплоть до отказа от дальнейшей работы над подготовкой Союзного договора.

Наконец, *пятый план* — личная борьба за власть. Горбачев, уже достигший вершины, старался закрепиться на ней. Другие, почувствовав вкус власти, стремились поднять свой статус. Трудно определить со стороны, когда политик борется за интересы своей страны, а когда за собственную власть. Все это тесно переплетено. Но часто этой границы не видит и сам политик. И тогда свои личные интересы он может принимать за интересы страны, которую представляет. Так произошло и на этот раз.

А пока, в конце июля 1991 года, семь республик Советского Союза согласились с необходимостью заключить новый Союзный договор. Украина ждала референдума, который должен был определить ее позицию. Участники вплотную подошли к подписанию противоречивого договора о суверенном «федеративном» государстве, образованном суверенными же государствами в лице республик, не желающими уступать ни пяди завоеванного суверенитета. Причем с ним обращались как с властью: что это такое, никто точно не знает, но, коль скоро это «нечто» уже в руках, — не отдадим...

---

* **Шахназаров Г.** Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. С. 236.

Августовский путч

(июль – ноябрь 1991)

Обманчивое затишье

Конец июля и начало августа 1991 года на фоне бурных событий предшествующих месяцев выдались относительно спокойными. Избрание Б.Ельцина Президентом России не стало, как ожидали многие, началом радикальных перемен уже «со следующего утра». Наоборот, жизнь в Белом доме, то есть в тогдашнем здании Верховного Совета РСФСР, замедлилась. Большинство депутатов разъехалось на парламентские каникулы, многие чиновники ушли в отпуска. Только в некоторых кабинетах мерно шла работа над схемами организации и устройства новой российской власти, не спеша подбирались кандидатуры на новые руководящие посты.

Однако это затишье было обманчиво. Первый сигнал прозвучал сразу же после инаугурации Президента Б.Ельцина.

V съезд народных депутатов России должен был избрать нового Председателя Верховного Совета. Казалось, этот вопрос решится без особого труда. Б.Ельцин, слагая с себя прежние полномочия, предложил на эту должность Р.Хасбулатова. Но по поводу его кандидатуры сразу же возникли споры. В результате претендент на этот пост от антиельцинской оппозиции С.Бабурин набрал значительно больше голосов, чем соперник. Более того, чуть сразу же не стал Председателем: не хватило всего нескольких десятков голосов.

Это был «холодный душ» для тех сторонников Б.Ельцина, которые пребывали в эйфории, считая процесс демократического наступления необратимым. Оказалось, что победа на президентских выборах практически не изменила расстановки сил в депутатском корпусе. Как раньше, так и теперь существовало зыбкое равновесие двух противоположных лагерей.

Подготовка Съезда находилась в руках все той же «шестерки», поскольку ни один из них, как уже отмечалось, не потерял прежней должности. Предвыборные заботы, а потом хлопоты, связанные с инаугурацией, требовали много времени и сил. А будничные вопросы, текущая работа отошли на второй план. Депутаты-демократы практически не готовились к Съезду, не была даже согласована ключевая кандидатура, и это не замедлило сказаться на ходе работы.

Между тем относительное равновесие сил не позволяло выйти на какой-либо результат. По общему согласию было решено прервать съезд и возобновить его осенью. Каждая сторона рассчитывала, что время работает на нее. Как бы там ни было, после внушительных побед последних месяцев происшедшее на Съезде должно было озадачить демократическое крыло, однако серьезного «разбора полетов» не последовало. Основную политическую работу решили отложить до осени. И это была крупная ошибка.

Не вселила должной тревоги и тишина, наступившая после завершения работы над новым Союзным договором. Руководитель Союза М.Горбачев возлагал на него большие надежды, рассчитывал, что это поможет вывести страну из политического кризиса и укрепить его власть. Однако на этом поле появился очень сильный игрок — Президент РСФСР, который преследовал противоположную цель, а лидеры союзных республик все более разделяли ее. Союзный руководитель возлагал определенные надежды и на увлечение (одобряемое Старой площадью) руководителями ряда российских автономий идеей суверенитета. Подогревая эти настроения, он рассчитывал запутать Ельцина в клубке угроз единству России и тем самым ослабить его, укрепить Союз ценой расшатывания крупнейшей его части. Но центробежные тенденции российского уровня не погасили, а, наоборот, усилили «разбегание» союзных республик, что и зафиксировал согласованный вариант Договора. В нем четко просматривалось, что позиции союзного Центра (а значит, М.Горбачева и КПСС) оказались серьезно подорваны, и уже поэтому следовало ожидать каких-либо действий по срыву его подписания, намеченного на 20 августа.

Тем временем противоречия между укрепляющейся российской властью, сбросившей диктат КПСС, и союзной, по-прежнему в своей сути партийной, еще больше обострились. Среди первых президентских указов Б.Ельцина выделялся прежде всего указ о департизации — «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР». КПСС в документе не упоминалась, но всем было ясно, что речь идет именно о ней.

Для тех, кто не знает или успел забыть, как функционировала партийная машина, нужно пояснить. Дело в том, что КПСС проникла во все клетки советского общества. Партийные организации существовали на всех предприятиях страны, во всех колхозах, учебных заведениях, в школах, детских садах, в жилищных конторах, даже в спортивных союзах. И конечно же, в армии, других силовых структурах. Это был колоссальных размеров спрут, контролировавший малейшее дуновение общественной жизни. Решения, принятые ЦК КПСС, в качестве директивы немедленно расходились по всем республикам, регионам, городам, деревням и были обязательны для выполнения. Своим указом Ельцин подрубал все щупальцы.

Менее чем за месяц до путча на Пленуме ЦК КПСС Генеральному секретарю пришлось в очередной раз выслушать гневные «филиппики» в свой адрес: его обвиняли в том, что довел партию до развала, отдал ее на поругание Ельцину. От него требовали четко обозначить свою позицию по поводу подписанного неделю назад «антипартийного» указа. Выступавший на Пленуме первый секретарь ЦК компартии Белоруссии А.Малофеев не щадил самолюбия Горбачева: «Компартия отстранена от выработки государственной политики». Разгромной критике подвергся и проект новой программы КПСС, который готовился командой Горбачева и под Горбачева. Авторов проекта, в том числе и самого Генерального секретаря, обвиняли в отказе от идей коммунизма, в заигрывании с социал-демократией (традиционно для советских коммунистов это было одно из самых серьезных обвинений).

Неудивительно, что стремление реформаторов в КПСС мягко «перепрофилировать» партию ленинско-сталинского типа в социал-демократическую натолкнулось на яростное сопротивление ортодоксов, составлявших большинство среди членов ЦК КПСС. Дело дошло до предложений об оргвыводах. Но в условиях кризиса партии пленум не решился снимать Горбачева с поста генсека.

Впрочем, вернувшись на места, в регионы, где они все еще были всесильны, партийные боссы не скрывали своей ненависти к «компредателю». На местах развернулась кампания травли Горбачева. Аппаратчики организовали поток гневных писем и телеграмм с осуждением, с одной стороны, указа Ельцина о департизации, а с другой — Горбачева: за попустительство развалу партии. Горбачев оказался между молотом и наковальней. Снизу его прессовала консервативная номенклатура КПСС, а сверху тяжелая рука Ельцина. От него требовали решительных действий по борьбе с отступниками, подразумевая под этим прежде всего Ельцина.

23 июля прозвучал еще один многозначительный тревожный сигнал. Газета «Советская Россия» опубликовала обращение «Слово к народу», подписанное рядом известных в стране политиков, среди которых — будущий лидер КПРФ Г.Зюганов, несколько военачальников и деятелей культуры «почвеннического» направления. Письмо было выдержано в агрессивно-угрожающем тоне и направлено в первую очередь против российских властей. Фактически в нем содержался намек на их насильственное устранение и призыв поддержать такие жесткие меры. Появление «Слова» свидетельствовало о том, что в союзном руководстве верх берут те, кто не думал отказываться от реставрации прежних порядков, если надо, то и силовым способом.

На фоне происходящего крайне странно выглядел отъезд первого лица в государстве на отдых. Он как бы отходил в сторону, уступая другим право и возможность действовать.

Позднее Михаил Сергеевич будет утверждать, что ГКЧП был создан помимо его воли. Однако, как мы знаем теперь, подготовка к введению чрезвычайного положения шла еще с марта 1991 года с санкции Генерального секретаря. Соответствующие документы разрабатывались в Совете безопасности СССР, возглавляемом Горбачевым. Отзвуки этой подготовки время от времени пробивались наружу. Так, накануне отъезда в Форос, выступая перед членами Совета министров и говоря о необходимости чрезвычайных мер, генсек утверждал, что «народ поймет это». Похоже, считал, что партийные функционеры в регионах легко и привычно организуют «всенародную поддержку» готовившимся мерам. Проявили заботу и о силовых структурах: за несколько месяцев до путча в стране, которая стояла на грани голода, были увеличены нормы продовольственного довольствия в КГБ, Министерстве внутренних дел и в армии.

О подготовке заговора знала и американская разведка, и посол США Дж.Мэтлок. Учитывая тогдашнюю доверительность отношений Москвы и Вашингтона, где продолжалась «горбимания», трудно предположить, что американские власти не предупреждали Горбачева.

Почему же Президент СССР не принял мер и в столь сложной обстановке самоустранился, уехав на отдых? Причем не в подмосковную резиден-

цию, а в Крым, за две тысячи километров от Москвы, где назревали роковые события.

Не потому ли, что для него это был последний шанс остановить Ельцина? Ведь завершись путч удачно, первым свели бы счеты с ним, тогда как у самого Горбачева оставалось достаточно широкое поле для маневра.

Весьма интересным для понимания мотиваций Горбачева представляется эпизод, описанный в уже цитировавшейся книге В.Болдина «Крушение пьедестала». Излагая содержание разговора участников заговора, прибывших для переговоров в Форос, он вспоминает, что в ходе беседы (которая, как подтверждают его участники, носила вполне мирный характер) Президент СССР поинтересовался, распространяются ли меры чрезвычайного положения на действия российского руководства. Иными словами, в завуалированной форме спрашивал, будет ли ограничена политическая активность Ельцина.

«Услышав утвердительный ответ, он успокоился окончательно», — резюмирует В.Болдин.

Справедливости ради следует отметить, что Горбачев отказался подписать привезенные заговорщиками документы, как бы легализующие введение чрезвычайного положения и создание ГКЧП. Однако, прощаясь с ними, обронил: «Черт с вами, действуйте».

Он проявлял осторожность, но, возможно, не исключал варианта возглавить ГКЧП. Ведь Запад, пожурив для приличия, простил бы ему и это. «Мягкий коммунист» Горбачев в чем-то был им ближе, чем бунтарский и непредсказуемый Ельцин. Августовский кризис мог быть преодолен в рамках существовавшего режима за счет его временного ужесточения. Западные страны готовы были к длительной демократической эволюции страны, готовы были содействовать этой эволюции. США и Европа научились «сосуществовать» с СССР и даже извлекали из этого политические и экономические дивиденты. Мировая стабильность, одним из оплотов которой был Советский Союз, политическая предсказуемость огромной страны были достаточной ценой для того, чтобы терпеть идеологически несовместимого партнера и закрывать глаза на особенности советского понимания политических свобод и прав человека. Зачарованный сольными ариями Генерального секретаря ЦК КПСС о «новом мышлении», в которых звучали приятные для европейского уха демократические нотки, Запад был готов терпеть коммунистический режим «с лицом Горбачева» и по-прежнему прощать его врожденные пороки.

Нужно ли сомневаться, что, если бы сценарий заговорщиков не сорвался, Ельцин был бы арестован? Он уже несколько лет был «под колпаком» у шефа КГБ В.Крючкова. Причем прослушивание, по-видимому, было организовано по распоряжению самого М.Горбачева, который, по свидетельству его помощников, был весьма подозрителен в отношении даже своего ближайшего окружения. Что уж говорить о политических противниках. Сразу же после избрания Б.Ельцина в Верховный Совет СССР Горбачев поручил В.Крючкову организовать прослушивание телефонных разговоров наиболее опасных оппонентов. «Разумеется, главным объектом интереса в то время был Б.Н.Ельцин, — вспоминает тот же В.Болдин. — Крючков пытался уклониться от выполнения деликатного поручения, но Горбачев настаивал:

"Ты что, Володя, говоришь? Политическая борьба нарастает, а вы все хотите отсидеться в сторонке? Думайте, как сделать... Мне что, нужно учить КГБ, как следует работать?"»*

По свидетельству самого Б.Ельцина, после августовского путча в кабинете у того же Болдина следователи прокуратуры нашли в двух сейфах горы папок с текстами его телефонных разговоров. В том числе был записан и один из разговоров в Ново-Огареве, состоявшийся 29 июля 1991 года. Б.Ельцин, которого поддержал и Н.Назарбаев, советовал тогда М.Горбачеву сменить хотя бы часть его одиозного окружения (Янаева, Крючкова, Пуго, Кравченко) и отказаться от совмещения двух постов. Горбачев впервые не отверг это предложение и даже спросил: «А может быть, мне пойти на всенародные выборы?» Возможно, пишет Б.Ельцин, «эта запись и стала спусковым крючком августа 91-го года».

Так или иначе, но накануне путча Крючков действовал уже безо всяких дополнительных напоминаний. 18 августа, за день до объявления о создании ГКЧП, он поручил одному из своих заместителей быть готовым по поступлении команды к задержанию ряда людей по списку, подготовленному в КГБ. В нем фигурировало 70 фамилий, в том числе, естественно, и Ельцин.

Трубы заговора не издавали ясных звуков

В высшем руководстве страны были живы «традиции» переворотов. Все они носили келейный, аппаратный характер, проходили при жесточайшей цензуре. Так отстраняли от власти Лаврентия Берия, потом Георгия Маленкова, позднее Никиту Хрущева. Всякий раз страна ставилась перед свершившимся фактом и «одобряла мудрые действия ЦК КПСС». Новые заговорщики не учли, что за годы перестройки люди привыкли к «гласности», что возникла относительно свободная пресса. Страна уже была открыта внешнему миру. В Москве работали сотни иностранных корреспондентов, в подавляющем большинстве своем благожелательно настроенные к демократам и к Ельцину. Заговорщики полагали, что у них есть запас времени, рассчитывали на «тихий переворот». Только вот танки на улицах столицы нарушили эту тишину.

...Утром 19 августа по нескольким крупным магистралям к центру Москвы двигалась, лязгая гусеницами, бронетехника, катили грузовики с солдатами. За всем этим с удивлением и тревогой из окон домов наблюдали москвичи. По свидетельству многочисленных мемуаристов, не было ощущения страха. В российском обществе, сохранившем все черты советского, давали о себе знать коммунистические и даже сталинские догмы. Многие, устав от затяжного товарного кризиса, от дефицита продовольствия, раздраженные пустословием Горбачева, жаждали «сильной руки».

Преобладающим настроением обывателя было следующее: кончается опостылевшее время горбачевского словоблудия и развала, наступает порядок...

Но думали так далеко не все. Значительная часть общества, разбуженная перестройкой и гласностью, считала, что именно продолжающая властво-

* Болдин В. Крушение пьедестала. М., 1995. С. 334.

вать партноменклатура виновна во всех бедах и трудностях. Миллионы людей по всей стране, проголосовавшие на недавних президентских выборах за Б.Ельцина, именно с ним, с его политикой связывали надежды на преодоление кризиса. Приход ГКЧП они восприняли как удар по этим надеждам. Путчистам очень скоро пришлось бы столкнуться со всероссийской политической стачкой, подготовка которой началась уже через несколько часов после начала зловещих событий. Но не стоит недооценивать всю опасность, нависшую над страной. Если бы путчисты действовали более напористо, если бы у них был план и воля к его реализации любыми средствами, даже ценой крови, нельзя исключить, что им бы удалось — по крайней мере на время — добиться успеха.

Думается, излишне излагать здесь саму канву ставших уже хрестоматийными событий тех дней. Десятки томов воспоминаний непосредственных их участников позволили любознательному читателю сопоставить версии и мнения, реальные факты и досужие вымыслы. Мы видим свою задачу в том, чтобы обозначить некоторые внешние неброские детали, которые, как выяснилось, во многом предопределили последующее развитие страны.

Трубы заговора не издавали ясных звуков. Не было никаких решительных действий. Было ощущение, что все ждали главного приказа. Руководители ГКЧП, охваченные страхом и безволием, утратили всякую инициативу. Генерал армии В.Варенников, главнокомандующий сухопутными войсками и заместитель министра обороны, находившийся в те дни в Киеве, требовал в шифрограмме «немедленно принять меры по ликвидации группы авантюриста Ельцина Б.Н.». Но отдать такой приказ главари ГКЧП не решались. Командир группы «Альфа», элитного соединения в составе КГБ, получивший устное распоряжение арестовать Ельцина на даче в Архангельском, отказался выполнять его. Сказалось то, что и в силовых структурах Ельцин уже воспринимался как законный Президент России.

В то время как Горбачев находился в Форосе, а лидеры ГКЧП откровенно не знали, что делать с захваченной ими властью, Ельцин действовал. С первых же тактов драматической увертюры заговора он взял инициативу в свои руки, хорошо понимая, что на карту поставлена не только его политическая судьба, но, возможно, и жизнь. В своих мемуарах он напишет об этом предельно кратко и точно: «Мы шли по краю пропасти». Пожалуй, никогда знаменитая воля Ельцина не помогала ему так, как в эти часы. Его активность и решительность оказали деморализующее воздействие не только на руководителей путча, но и на рядовых исполнителей. Российская власть действовала жестко и напористо.

Многое из этих дней стало легендой. Ельцин на танке возле Белого дома. Ростропович с автоматом и склонившийся к нему на плечо спящий защитник Белого дома. Грандиозный рок-концерт в защиту демократии на Краснопресненской набережной. Поникший Горбачев на трапе самолета, доставившего его из Фороса. Испуганная Раиса Максимовна с пледом на плечах. Арест членов ГКЧП, а потом — российский трехцветный флаг над Белым домом. Сотни тысяч людей, вышедших на похороны трех ребят, погибших в одну из ночей путча. Конец и начало истории...

Моральная победа над ГКЧП была одержана уже в первые часы после начала путча. Б.Ельцин, выступая перед людьми, пришедшими к Бе-

лому дому, квалифицировал случившееся как государственный переворот, а действия вовлеченных в него лиц как государственное преступление. Это определение подхватили все мировые средства массовой информации, что охладило многих из тех, кто уже был готов поддержать «хунту».

Когда 19 августа в 10 часов 30 минут премьер-министр РСФСР И.Силаев зачитывал в Белом доме обращение «К гражданам России», в зале уже было полно журналистов и иностранных дипломатов. В этот момент на трибуне появился Б.Ельцин, всем своим видом демонстрировавший энергию и решимость... Не без иронии посоветовал дипломатам поскорее покинуть Дом правительства, так как здание начали окружать танки.

Через полтора часа Ельцин зачитал с брони танка свой знаменитый Указ № 59: «Все решения, принимаемые от имени так называемого Комитета по чрезвычайному положению, считать незаконными и не имеющими силы на территории РСФСР».

Поразительно то, что вечером в программе «Время» Центральное телевидение осмелилось показать эти кадры. По петербургскому телевидению в защиту демократии и Ельцина выступил мэр северной столицы А.Собчак. Миллионам людей стало ясно, что «кулак» заговора слаб и нерешителен. На целом ряде российских предприятий прошли митинги. Пророческими оказались предчувствия самого последовательного сторонника ГКЧП В.Варенникова: «Нерешительность и полумеры только подтолкнут экстремистов и псевдодемократов к еще более жестким и решительным действиям». Ельцин все это время оставался в Белом доме, к которому шли десятки тысяч москвичей, образуя защитное «живое кольцо». Даже когда возникла реальная угроза ночного штурма, он отказался покинуть здание. В эти дни его имя стало символом демократии и свободы.

Власть падает к ногам

После августа 1991 года власть сама упала к ногам Ельцина. Конечно, он целенаправленно шел к ней, жаждал ее. Но при всех своих политических амбициях не был готов к столь быстрому развитию событий, рассчитывал на длительное «выдавливание» Горбачева на обочину. Путч резко ускорил весь процесс, и он пошел в жанре импровизации.

Вернувшийся из Крыма и формально сохранявший власть в стране Горбачев был подавлен и растерян, психологически сломлен. По его собственному признанию, он «приехал из Фороса в другую страну». Пытался, как мог, воздействовать на ситуацию: аннулировал все указы ГКЧП, старался вернуться к полнокровной политической жизни. Несмотря на крайнюю усталость, созвал пресс-конференцию. Но со стороны журналистов уже не было прежнего доверия. Его забросали острыми, неприятными вопросами. Ответы звучали неубедительно, еще больше разжигая подозрения. В конце Михаил Сергеевич и сам бросил раздраженно: «Всей правды вы никогда не узнаете». Это было очень опрометчивое заявление, своего рода косвенная улика.

Б.Н.Ельцин очень скупо упоминает о первой встрече с Горбачевым после Фороса: «Горбачев внимательно посмотрел на меня. Это был взгляд

зажатого в угол человека. Но другого выхода у меня не было. От жесткой последовательности моей позиции зависело все. И время показало, что я не ошибся»*.

Союзный Президент по-прежнему работал в своем кремлевском кабинете, на его столе все еще звенели аппараты правительственной связи, и по инерции он продолжал давать указания, собирал совещания. Временами ему казалось, что все еще можно поправить, если постараться. Или сделать вид, что ничего особенного не произошло. Но его соперник не давал никаких оснований для такого благодушия: при любой возможности демонстрировал новое соотношение сил во власти.

На одной из таких встреч Ельцин жестко потребовал, чтобы все серьезные кадровые назначения согласовывались с ним. Горбачев, понимавший сакраментальный смысл сталинской формулы — «кадры решают все», почувствовал, что лишается сильнейшего рычага власти. Он еще пытался сопротивляться, полагая, что у Ельцина не хватит настойчивости противодействовать Президенту СССР.

И Горбачев подписывает первые после путча кадровые указы: освобождает министра обороны Д.Язова и председателя Комитета государственной безопасности В.Крючкова, участников провалившегося путча от должностей и назначает новых лиц, на которых мог бы опереться в дальнейшем.

Об этих кадровых решениях Ельцин узнал из вечерних новостных программ телевидения. Секретариат Горбачева передал текст указов о новых назначениях в информационные агентства поздно вечером. Рассчитывал ли Горбачев на временной фактор, полагая, что утром реагировать будет уже поздно? Тогда он плохо знал своего политического «визави». Ельцин нутром чувствовал, что действовать нужно быстро, жестко.

Несмотря на глубокую ночь, он позвонил Горбачеву. Телефонный разговор был коротким и резким. В своей привычной манере Президент попытался оправдываться. И на упреки Ельцина, что его новые назначенцы сотрудничали с гэкачепистами, не нашел ничего лучшего, как сказать: «Возможно, не сориентировался». Это было очередное признание слабости. Утром они продолжили разговор в Кремле. Ельцин говорил жестким тоном, к чему Горбачев никак не мог привыкнуть. Хуже того, он не был готов к жесткой конфронтации, полагая, что спорные вопросы можно решать спокойно, рассудительно. Ельцин, напротив, понимал, что в данном случае нужна гласность, он готов был пойти на публичный скандал, главным героем которого будет Горбачев.

Ослабленный двусмысленной позицией во время путча, потерявший поддержку в обществе и властных структурах, Горбачев опасался скандалов. Кроме того, он не был психологически предрасположен к конфронтации, не мог, как Ельцин, выйти на улицу и у толпы искать одобрения своих действий. Создав предпосылки для развития свободной прессы, существенно ограничив цензуру, сам он не привык апеллировать к СМИ. Горбачев обретал свой опыт в тишине кабинетов вначале на Старой площади, а потом в не менее замкнутом пространстве Кремля, где сам воздух был пропитан интригами, заговорами, сложной аппаратной борьбой. Отголоски этих

* **Ельцин Б.Н.** Записки Президента. М., 1994. С. 144.

схваток проникали за стены кабинетов в виде тусклых коммюнике и «постановлений ЦК КПСС» или инспирированных КГБ слухов.

Хотя в то утро Ельцин и не произносил ультимативных фраз, Горбачев знал: он не отменит своих решений, не остановится перед публичным скандалом и заработает на этом очередные баллы.

События развивались столь стремительно, что нужна была способность к импровизации, к «асимметричным» действиям. На это Горбачев оказался неспособен. Особенно к политической импровизации. Все решения, принимавшиеся в «эпоху Горбачева», были плодом долгих, часто бессодержательных партийных дискуссий, результатом работы неповоротливой бюрократии, сложных согласований.

Пожалуй, это был один из самых решающих и драматических эпизодов в истории их противостояния. Дай Ельцин слабину, и Горбачев мог попытаться восстановить свое влияние в силовых структурах, в частности в Комитете государственной безопасности.

В те дни сотрудники КГБ — этого всевидящего ока и карающего меча партии — были деморализованы, подавлены. Больше того, эта структура уже подготовилась к самоликвидации. Однако настроения «революционного насилия», овладевшие тогда массами, Ельцин попытался перевести в русло реформы, в ходе которой произошло расчленение КГБ на разные службы.

Ему, как и многим другим, казалось, что без КПСС и навязанной ею функции политического сыска КГБ станет обычной спецслужбой, как в других странах. Конечно же, нельзя не согласиться с утверждением, что в системе ценностей сотрудников этих спецслужб во всем мире превалируют государственные интересы, им особенно присуще чувство патриотизма, но при этом патриотизм личного состава «силовых структур» всегда базируется не просто на осознании того, что они на переднем крае защиты государства как такового, а на некоей общей идее. Без этого нести такую специфическую службу невозможно.

Так, сотрудники ЦРУ США понимают (пусть даже каждый по-своему), что «защищают свободный мир» от деспотии, от экспансии коммунистических и других диктаторских режимов. Точно так же сотрудники любого подразделения КГБ понимали, что их война на «невидимом фронте» необходима для того, чтобы идеи социализма распространялись по всему миру, чтобы социалистическая система была надежно защищена от происков империализма как вне, так и внутри страны.

Большевики сразу же после прихода к власти в России начали выстраивать свой государственный, в том числе репрессивный аппарат, подчиненный реализации вполне ясной идеи. В данном же случае наоборот, недооценка необходимости идейной ясности привела к тому, что новая власть не смогла обеспечить эффективность многих государственных структур, и некоторые из них становились своего рода «пятой колонной» в тылу демократов.

Ельцин собирался не столько ломать стержневые институты прежней власти, сколько постепенно овладевать ими. Вот почему сразу было важно не просто согласовывать кандидатуру на пост председателя КГБ (им стал В.Бакатин), но и обеспечить реальный контроль над этой структурой. Имен-

но поэтому так упорно добивался и добился-таки объявления КГБ РСФСР правопреемником КГБ СССР.

Здесь был и еще один аспект — приходилось опасаться, что при назначении на посты руководителей силовых структур ставленников Горбачева документы, относившиеся к деятельности членов ГКЧП, будут уничтожены. Один из младших офицеров КГБ, явно сочувствовавший демократам (в армии, в КГБ, как и в КПСС, уже давно происходило расслоение между сторонниками жесткой консервативной линии с опорой на коммунистическую идеологию и сотрудниками, понявшими необходимость демократического обновления страны), сообщил в службу безопасности Ельцина, что в Министерстве обороны идет уничтожение секретных шифровок, относящихся к путчу. Как удалось уточнить, это указание исходило непосредственно от М.Моисеева, только что назначенного министром обороны. То же самое могло происходить и в Комитете государственной безопасности. Ельцин рассчитывал использовать эти документы и в противоборстве с Горбачевым, который в общественном мнении ассоциировался с заговорщиками, и при реализации планов запрета или ограничения деятельности КПСС.

Так уж было заведено, что в самые трудные моменты наши генсеки начинали апеллировать к армии, в том числе к влиятельным командующим военными округами. Можно вспомнить, как Никита Сергеевич Хрущев, почувствовав, что зреет внутрипартийный заговор, звонил из Пицунды командующему Киевским военным округом, взывая к поддержке, а заговорщики в это время обзванивали других командующих, чтобы упредить возможные контрдействия.

Армия из-за участия в путче своего министра оказалась в весьма сложном положении. Общественное негодование обернулось и против нее. Сам Д.Язов находился в Лефортовской тюрьме вместе с другими членами ГКЧП. Высший генералитет был деморализован и никак не хотел участвовать в сложной политической интриге. Впрочем, М.Горбачев и не пытался вовлечь в политический спор армию. С одной стороны, он понимал всю меру политической ответственности за подобный шаг в случае проигрыша, с другой — он никогда не был близок с армейской верхушкой, полагаясь прежде всего на партийный аппарат.

Не будем забывать, что армия, как сила консервативная, весьма критически наблюдала за горбачевской перестройкой. Ведь именно в тот период резко упал престиж армии и военной службы. Армейская карьера, бывшая в предшествовавшие годы одной из самых привлекательных, стала вызывать отторжение, высокие офицерские чины становились объектом жесточайшей критики, а нередко и осмеяния. В условиях экономического кризиса заметно ухудшилось и материальное положение военных. Распад Организации Варшавского Договора, потеря позиций армии в Восточной Европе, аморфное состояние военной доктрины при Горбачеве — все это крайне негативно сказалось на морали некогда мощной советской военной касты. Она не могла простить этого Горбачеву. Армия не любила его.

Став Президентом России и ее Верховным Главнокомандующим, Б.Ельцин учел этот драматический урок и с первых же дней стал выстраивать свои личные отношения с военным руководством. Правда, и здесь он

проявил непоследовательность: то без разбора тасовал колоду высших армейских чинов, то щедро раздавал награды, звания и дачи своим выдвиженцам и любимцам. В отличие от Горбачева, он достаточно часто, особенно в периоды политических обострений, посещал элитные дивизии, заботясь о том, чтобы эти поездки получали широкий общественный резонанс и служили средством устрашения политических оппонентов.

Не избегал Ельцин и обильных застолий с генералами, что давало ему возможность прощупать готовность действовать при необходимости совместно. Генералам льстила такая близость к Президенту. Они с удовольствием пили «за здоровье Верховного Главнокомандующего» и заверяли его в своей поддержке. Широкое распространение получил многократно повторяемый тост министра обороны П.Грачева на таких посиделках: «За нашего Верховного Главнокомандующего, за Президента России Бориса Николаевича Ельцина — к-а-а-к жахнем!» Подобные тосты, как правило, сопровождались многократным ура-ура-ура! И это очень нравилось Ельцину. Хотя, нужно заметить, он никогда не обольщался относительно любви армии к своей персоне. Тем не менее плоды этих усилий сказались и в период противостояния с Верховным Советом, и во время острейшего политического кризиса в октябре 1993 года, и в ряде других эпизодов, когда его авторитет ставился под сомнение.

Итак, в этом противоборстве Президент СССР не мог рассчитывать на поддержку ни одной из силовых структур. У него, в сущности, не оставалось пространства и времени для политических маневров, и Ельцин, понимая это, усиливал прессинг. Он настоял и на смене министра иностранных дел. Российскому Президенту важно было продемонстрировать миру, что и в этой сфере, где до сих пор безраздельно властвовал Горбачев, наступает его время. Фактическая переориентация Министерства иностранных дел с Горбачева на Ельцина была сигналом западным политикам: в Москве не просто новый лидер России, но политический деятель, с мнением которого придется считаться в мировой политике.

Используя тот факт, что горбачевский выдвиженец министр иностранных дел А.Бессмертных слишком поспешно разослал в посольства СССР шифровки, предписывающие ориентироваться на указы и постановления ГКЧП, и таким образом (может быть, и без энтузиазма) невольно связал себя с заговорщиками, Ельцин потребовал его немедленного смещения. На отстранении А.Бессмертных настаивала и демократическая общественность. У Михаила Сергеевича, застигнутого врасплох и снова оказавшегося в политическом цейтноте, не было никаких заготовок на этот счет.

Не было, правда, готовой достойной кандидатуры и у Ельцина. Андрей Козырев, возглавлявший в то время МИД РСФСР, был совершенно неизвестен общественности ни в России, ни за рубежом. К тому же он слишком молод, и предложение его кандидатуры выглядело бы по меньшей мере несолидно.

В эти дни на слуху было имя Бориса Панкина, в прошлом известного публициста, литературного критика, а тогда — посла в Чехословакии. Из более чем сотни советских послов за границей он единственный открыто выступил против ГКЧП, поставив на кон свою дипломатическую карьеру. Присланная им телеграмма с осуждением путча получила широкую огласс-

ку, о нем стали писать газеты, он замелькал на экранах телевидения. И хотя Ельцин практически не был знаком с ним, во время разговора с Горбачевым вспомнил о смелом поступке посла и назвал именно его.

М.Горбачев знал Б.Панкина лучше, чем Ельцин, и не стал возражать. Впрочем, Борис Николаевич довольно скоро понял, как неудачна эта кадровая «импровизация». Последним руководителем внешнеполитического ведомства Союза 19 ноября 1991 года был вновь назначен Э.Шеварднадзе. Что касается Б.Панкина, то ему в качестве отступного дали пост российского посла в Великобритании.

Быстрота и жесткость действий Ельцина в первые дни после путча усугубили политическую и кадровую изоляцию Михаила Сергеевича. Он оказался в политическом и моральном тупике, хотя его причастность к организации путча формально не была доказана. Никаких документов за подписью Горбачева на этот счет не существует. Принято говорить, что это было «согласие по умолчанию». Но общество, особенно интеллигенция, на поддержку которой Горбачев опирался в ходе перестройки, испытывали смешанные чувства подозрения и обиды. Многие говорили о предательстве Горбачева, в том числе и за границей. Влиятельная английская газета «Файнэншнл таймс» писала в эти дни: «Не исключено, что весь этот странный переворот был частью какой-то тщательно продуманной пьесы в политическом театре... Автором инсценировки мог быть сам Горбачев». Жесткие упреки в его адрес бросали даже самые близкие друзья. Александр Яковлев, считавшийся одним из архитекторов перестройки, заявил: «Горбачев виноват в том, что сформировал команду предателей»*.

Августовский путч 1991 года морально надломил Горбачева, который несомненно рассчитывал на политическое долголетие. Жесткие действия российского Президента ускорили крушение соперника. Хотя легитимно действовали политические институты как СССР, так и России, реально судьба страны была уже в руках Ельцина.

Впрочем, не все это принимали. Многие, особенно в среде московской интеллигенции, помнили, сколько сделал Горбачев для демократизации жизни в стране. Он обеспечил широкую политическую дискуссию, инициировал гласность, при нем появились зачатки многопартийности. Обычно когда говорили о силе и мужестве Ельцина, как бы в скобках замечали, что «если бы не было Горбачева и его политики, то не было бы и Ельцина». Политизированная интеллигенция обсуждала различные варианты того, как помирить (или, как говорили, «поженить») Ельцина и Горбачева, как создать ту атмосферу, в которой оба лидера могли бы мирно сосуществовать. Ряд политиков и общественных деятелей, таких, как военный историк Д.Волкогонов или ответственный секретарь Конституционной комиссии О.Румянцев, говорили и писали об этом. Размышляли о том, какой пост можно было бы предложить Горбачеву.

До августа 1991 года эта дискуссия казалась продуктивной, а предлагаемые рецепты — возможными. Но в последний период перестройки популярность Горбачева резко пошла на убыль. Опросы свидетельствовали, что его имидж подвергся нравственной и политической коррозии и резко вырос авторитет Ельцина. Российский лидер, всегда очень ревниво следивший за

---

* Цит. по кн: **Пихоя Р.Г.** Советский Союз: история власти. 1945—1991. М., 2000. С. 685.

«показателями» своей популярности, конечно же, был осведомлен о таких настроениях и уже не склонен был ни с кем делить власть.

Однако он не мог не видеть, что победа над путчистами и поднявшаяся демократическая волна не сказались положительно на жизни рядовых россиян, которая оставалась скудной и, по существу, была борьбой за выживание. Те же очереди, те же пустые прилавки, те же плохо освещенные и разбитые улицы, те же черные подъезды с украденными лампочками. Возле выходов из метро выстраивались мелкие торговцы, предлагавшие водку, сигареты и нехитрую снедь.

Наращивая мускулы на популистской риторике, обвиняя коммунистическую номенклатуру во всех смертных грехах, обещая населению быстро улучшить жизнь, Ельцин брал на себя рискованные обязательства. Огромную страну невозможно было переменить ни за месяцы, ни, как выяснилось позднее, за годы. Экономика продолжала рушиться, а платить по выданным векселям было нечем.

Запрет КПСС

КПСС с ее разветвленной структурой в первые дни после путча находилась в состоянии, известном в боксе как «грогги». Центральный аппарат просто разбежался, небезосновательно боясь погрома (а такие призывы звучали), партийные чиновники больше опасались за свою личную судьбу и безопасность, нежели за судьбу «родной партии».

Сильнейшая традиционная опора генеральных секретарей — первые секретари обкомов — безмолвствовали: одни боялись кары за свою прямую или косвенную поддержку ГКЧП, другие не могли понять, что же на самом деле происходит в Москве, третьи — по сложившейся партийной практике — просто выжидали, чтобы немедленно присягнуть на верность новому лидеру.

Между тем М.Горбачев не знал, что предпринять. Его положение усугублялось тем, что верхушка КПСС, несмотря на формально сохранявшуюся партийную дисциплину, внутренне отвергала его, подозревая в том, что он играет на разрушение компартии.

Действительно, М.С.Горбачев всячески поощрял молодых аппаратчиков «с человеческим лицом». Фактически в недрах КПСС при нем появились первые зеленые побеги социал-демократии. Эта новая прослойка партийной элиты пока находилась в среднем звене, реальной властью, особенно на уровне регионов, не обладала, но в столице, при поддержке раскрепощенной Горбачевым прессы, ее голос был хорошо слышен.

Вспомним, в частности, что будущий «идеолог» радикальных экономических реформ Егор Гайдар в то время работал в официальном теоретическом органе ЦК КПСС — влиятельнейшем журнале «Коммунист» — и позволял себе весьма многое в критике существовавшего экономического устройства. Популярнейший в горбачевские годы еженедельник «Огонек», выходивший тиражом 5 миллионов экземпляров, помещал статьи, вызывавшие гнев старожилов идеологического отдела ЦК, но так и не был закрыт, оставаясь важнейшим рупором демократической общественности.

В то же время Ельцин понимал, что в арсенале Горбачева формально остается вся мощь партийного аппарата — этой главной вертикали власти. Горбачев теоретически мог оправиться от шока и привести эти все еще мощные рычаги в действие. Демократическое движение в России было скорее шумным (во многом благодаря широкой поддержке СМИ), чем сильным и организованным. В случае реанимации КПСС и контратаки Ельцин вновь получил бы серьезного противника.

Хотя отток из партии продолжался, в ее рядах оставалось еще примерно около 14 миллионов членов. Покидали партию главным образом демократически настроенные люди, а это соответственно увеличивало в ней долю ортодоксов.

Партийный аппарат не любил Горбачева. Но все-таки он был ему ближе, чем Ельцин. Хотя аппаратчиков раздражала его словоохотливость, они понимали, что при Горбачеве крутой ломки не будет, он не станет покушаться на их удобную чиновничью жизнь. Ельцин же в любой момент мог лишить их особого статуса. Он пугал их все годы перестройки, теперь же, обретя огромный политический потенциал и массовую поддержку населения, стал еще опаснее. В то же время они надеялись, что при въевшейся за годы советской власти привычки ориентироваться на популярные лозунги эти симпатии к Ельцину так же быстро исчезнут, как и появились.

И небезосновательно. Такого рода опасения посещали и ближайших сподвижников Ельцина. На гребне популярности нужно было как можно скорее обрубить корни, продолжавшие питать отжившую систему. Этими корнями была КПСС. И он решил нанести удар по ней. Общественное мнение к этому было в принципе подготовлено. Демократическая пресса на протяжении нескольких последних лет печатала материалы, свидетельствовавшие о прямой вине партии в развязывании массовых репрессий, уничтожении крестьянства, в нарушениях прав человека, гонениях на верующих и церковь и во множестве других страшных преступлений.

Исчез страх перед партийными наказаниями, фактически прекратила действовать система вынужденного членства в партии, когда только партийный билет мог обеспечить должностной рост, не говоря уже о руководящей работе. Теперь партийные собрания часто превращались в трибуну для критики КПСС. Люди уже не хотели работать в выборных органах партии, чтобы не быть объектом насмешек.

При всех своих обидах на Горбачева и политбюро Ельцин понимал, что нельзя полностью отождествлять всю коммунистическую партию с окостенелой партийной верхушкой. Не один десяток лет он сам был активным членом партии, знал в ее рядах многих честных, порядочных и умных людей, членами партий были многие выдающиеся деятели советской науки, искусства. В сущности, вся история страны после революции 1917 года прочно связана с историей КПСС. В компартии еще оставались миллионы людей. Как поведут себя они в случае ее запрета? Что за этим последует — никто не мог точно прогнозировать. Догадывались, что «молчаливое большинство» партийцев воспримет этот шаг с пониманием, но такой толерантности нельзя было ждать от ветеранов, искренне веривших в идеалы коммунизма, ортодоксов, непримиримых и т.д. В условиях резкого снижения жизненного уровня любые непродуманные движения могли спровоцировать опасные

социальные всплески. Да и «начинать демократию» с запретов никому не хотелось. Ельцин колебался.

С другой стороны, вопрос о запрете КПСС стоял в повестке дня демократов и до 19 августа 1991 года. Теперь открывалась прекрасная возможность. Более того, послеавгустовский демократический взрыв был столь мощным, что задача эта намного упростилась. В обстановке эйфории демократам казалось, что партия повержена и остается только юридически подтвердить ее фактическую кончину.

Руководство КПСС оказалось глубоко вовлеченным в подготовку заговора. Документы свидетельствовали, что планировалось 20 августа созвать пленум ЦК для политической поддержки ГКЧП. Хотя пленум собрать не удалось, в адрес областных и краевых комитетов партии ушла шифровка, в которой утверждалось, что введение чрезвычайного положения — это «вынужденный шаг государственных руководителей в ответ на кризисную ситуацию...», а действия демократов квалифицировались как «действия деструктивных сил».

Позднее высшее руководство партии будет пытаться всячески дистанцироваться от действий гэкачепистов, однако ни у кого не было сомнений, кто истинный вдохновитель переворота. Не следует забывать, что Комитет государственной безопасности, который координировал действия заговорщиков, был структурой, подчиненной ЦК КПСС. Это обстоятельство, в сущности, предопределило последующие шаги Б.Н.Ельцина.

На заседании Верховного Совета России 23 августа 1991 года Президент России, откликаясь на требования зала и митингующих, потребовал от присутствовавшего здесь же М.Горбачева осудить КПСС. Тот, застигнутый врасплох, вяло сопротивлялся. И тогда Ельцин на глазах у всех демонстративно подписал Указ о приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР. На следующий день М.Горбачев с явным запозданием сложил с себя обязанности Генерального секретаря ЦК КПСС.

Решение это далось ему непросто. Попытку оторвать Горбачева от КПСС и в какой-то мере спасти его будущее предприняли буквально через несколько дней после провала путча. Ю.Лужков и Г.Попов — люди близкие к Горбачеву, с мнением которых он считался. Приехав к нему в Кремль на совещание, они настойчиво, даже резко, рекомендовали ему занять жесткую позицию в отношении компартии. Однако Горбачев, как всегда, колебался.

Нужно сказать, что и у Ельцина, и у его ближайшего окружения не было полной уверенности, что реализация Указа пройдет без осложнений. Трудно было предположить, что партия без боя сдаст свои позиции. Поэтому пришлось принять ряд упреждающих мер, которые одновременно были и психологической подготовкой к ликвидации КПСС.

На протяжении десятилетий символом власти и могущества являлось здание ЦК на Старой площади, неподалеку от Кремля. Здесь находились кабинеты генеральных секретарей, здесь проходили заседания политбюро, принимались все основные решения. В сущности, это был главный узел управления страной, важнейший центр связи. В огромных, тщательно охраняемых подземных помещениях размещалась система управления обороной. Здесь имелась система секретных подземных транспортных

коммуникаций с Кремлем. Иными словами, это была своего рода советская Бастилия — не только политическая крепость, но и символ могущества КПСС. Ельцин понимал, что овладеть этим символом — значило бы «оседлать ситуацию».

В первые дни после путча обстановка в Москве была буквально наэлектризована. Толпы москвичей, прежде всего молодежь, низвергали монументальные символы ненавистного режима. Именно тогда демонтировались памятники Ленину (правда, далеко не все), Дзержинскому, Свердлову, Калинину. Людям хотелось не просто слов о разрыве с коммунистическим прошлым, но и видимых, осязаемых признаков крушения старого порядка. Ельцина подталкивали к радикальным шагам. Люди готовы были идти на штурм партобъектов, в частности здания ЦК. Но это могло спровоцировать ответную реакцию и дало бы основания обвинить Ельцина в неспособности контролировать ситуацию, в потакании экстремистам.

Требовалось найти такой алгоритм действий, чтобы, с одной стороны, не обмануть ожиданий наэлектризованных масс — этой силы и опоры Ельцина, а с другой — не допустить неконтролируемых действий, которые могли не только навредить его репутации, но и привести к трудно прогнозируемым последствиям. Важно было соблюсти принцип: первый Президент России не должен быть причастен к каким-либо незаконным действиям. С большими трудностями с помощью российских депутатов, сотрудников Московской мэрии и активистов партии «Демократическая Россия» удалось увести толпу от здания ЦК. Опасность погрома миновала.

Но Ельцин понимал, что необходимо установить контроль над штаб-квартирой. Формальное разрешение занять комплекс дал Г.Бурбулис, в то время Государственный секретарь РСФСР. Самой операцией руководил префект Центрального округа Александр Музыкантский. Сложность состояла в том, чтобы убедить охрану не оказывать сопротивления. Но этого не понадобилось — та сама покинула объекты, пользуясь подземными коммуникациями. Под ее контролем остался лишь подземный комплекс, где находились системы, связанные с обороной. Эвакуация многочисленного персонала прошла без осложнений. Но партийных боссов во избежание самосуда пришлось вывозить через секретную линию метро*.

Все это совпало по времени со встречей депутатов Верховного Совета России с М.Горбачевым. Рядом с Б.Ельциным находился телефон связи со Старой площадью. Он с нетерпением ждал звонка. Наконец из приемной М.Горбачева доложили — операция завершена, здание под контролем московской милиции. Получив это сообщение, Ельцин подписал тот самый Указ — о приостановлении деятельности компартии РСФСР.

Следующий удар был нанесен 6 ноября, накануне годовщины Октябрьской революции: Указом российского Президента распускались все организационные структуры КПСС на территории России, а ее имущество переходило в собственность государства. Как известно, материальная база партии была колоссальной. Управление делами ЦК никогда не проводило четкой границы между финансами партии и государства. Когда партаппарату не хватало своих партийных средств, он без всяких ограниче-

* **Черняев А.С.** Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 491—492.

ний пользовался бюджетными. Огромный доход приносила издательская деятельность: ведь членов партии обязывали подписываться на партийные газеты и журналы, тиражи их исчислялись десятками миллионов экземпляров. Партия владела многочисленными издательствами, типографиями. Имеются свидетельства, что партийные органы контролировали продажу золота и бриллиантов за границу. Следы «золота партии» не найдены до сих пор.

Было бы большой несправедливостью связывать всю борьбу против КПСС исключительно с именем Б.Ельцина. Его несомненная заслуга состоит уже в том, что после августа 1991 года он открыто поставил вопрос о запрете коммунистической партии и принял меры, чтобы обрушить ее организационную и финансовую мощь. Но с таким же правом можно признать первым ее «могильщиком» самого Генерального секретаря М.Горбачева. Это при нем возникла (впервые в истории СССР) та общественно-политическая атмосфера, когда стало возможным — вначале завуалированно, а потом все более открыто — критиковать не только политику партии, но и ее фундаментальные основы, марксистско-ленинскую идеологию. Это благодаря ему в стране исчез страх, который многие годы сковывал общественную мысль и закрывал пути к поиску альтернатив.

Вообще отношение Б.Ельцина к КПСС неоднозначно, и эта тема заслуживает отдельного рассмотрения. Некоторые комментаторы современной политической истории, ссылаясь на тот факт, что он происходил из семьи репрессированных, делают вывод, что «антикоммунизм» был у него в крови, что вся его политическая линия — это растянувшаяся на годы месть партии.

Действительно, деда Бориса Николаевича, зажиточного крестьянина, а по советской терминологии — кулака, классово чуждого элемента, в 30-м году раскулачили, то есть лишили собственности и гражданских прав. Советская власть преследовала и отца будущего президента — Николая Игнатьевича. Чекисты арестовали его в Казани, где он работал на стройке. По этому же делу № 5644 проходил и его брат Андрей Игнатьевич.

В то время маленькому Борису было всего три года. Вот как он вспоминает эту ночь (по «этике» НКВД аресты чаще всего проводились по ночам): «...Я до сих пор помню тот ужас и страх. Ночь, в барачную комнату входят люди, крик мамы, она плачет. Я просыпаюсь. И тоже плачу. Я плачу не оттого, что уходит отец, я маленький, еще не понимаю, в чем дело. Я вижу, как плачет мама и как ей страшно. Ее страх и плач передаются мне...»*

Однако версия о политической мести довольно поверхностна, сознательно упрощает сложные жизненные обстоятельства. Имеются многочисленные свидетельства детей репрессированных (а их после нескольких серий сталинских репрессий насчитывалось сотни тысяч), касающиеся отношения к коммунизму и коммунистической партии. Некоторые дети бывших высших партийных чиновников и военных, подвергнутых репрессиям, возлагали вину на ОГПУ, НКВД, МГБ, лично на шефа политической полиции СССР Л.Берия. Немногие обвиняли непосредственно И.Сталина, да и то полагали, что его неправильно проинформировали и что «если бы

* Ельцин Б.Н. Записки Президента. С. 124.

он узнал правду», то немедленно все бы исправил. Жены, дети, родственники репрессированных писали верноподданнические письма в ЦК КПСС и «лично товарищу Сталину» в надежде найти справедливость и добиться реабилитации.

Ельцин, выросший в этой атмосфере, не мог не поддаться общему настроению, тем более что в семьях репрессированных не принято было обсуждать эту тему. В своих мемуарах Борис Николаевич пишет об этой особенности «простого советского человека»: «Отец никогда об этом не говорил со мной. Он вычеркнул из своей памяти этот кусок жизни, как будто его не было».

Б.Н.Ельцин воспитывался в семье, где предпочитали не рассуждать о политике, не рефлексировать по поводу сложных явлений прошлого, то есть «жить как все». Для миллионов советских людей такая позиция была единственно возможной и по-своему спасительной. Став первым секретарем Свердловского обкома, он сам строго следил за тем, чтобы пропагандистская машина действовала эффективно и безотказно, с удовлетворением докладывал в Москву «о росте рядов КПСС». А когда из столицы поступило указание снести «дом Ипатьева», где была расстреляна семья последнего русского царя и который стал «объектом нездорового паломничества», коммунист Ельцин без колебаний отдал соответствующее распоряжение.

Борьба, которую, взойдя на вершину власти, он повел против КПСС, диктовалась не местью за отца и деда, не только идеологическими мотивами. Это была прежде всего борьба политического прагматика, озабоченного вначале укреплением, а затем сохранением власти. Не следует преувеличивать и влияние на него окружения — ведь большинство его соратников состояли в партии и прошли все те же процедуры промывки мозгов, что и Ельцин.

Люди, знавшие его в комсомольские годы, вспоминают, что заявление Бориса Ельцина о приеме в партию отличалось от большинства других. Обычно они писались по некоему стандарту, почти под копирку. Ельцин написал его весьма эмоционально. Это свидетельствовало о том, что к вступлению в партию он подходил не как к неизбежной формальности, открывающей новые карьерные возможности, а как к серьезному личностному событию, готовился стать не просто хорошим, а образцовым коммунистом. Это был поступок человека с цельным, лидерским характером.

Ельцин никогда не был идейным, убежденным коммунистом. Не стал он и последовательным, идейным антикоммунистом. Хотя именно ему выпала доля разрушить коммунистическую систему.

Он не хотел ни забывать, ни проклинать. Ему нужно было расчистить политическое поле для вхождения во власть. КПСС стояла на его пути, поэтому приходилось выбирать не эмоциональные, а рациональные решения. Но, безусловно, послеавгустовская непоследовательность в отношении к компартии, а также к ее «приводным ремням» — тому же КГБ, к советским профсоюзам, сохранившим огромную собственность и т.п., было стратегической ошибкой. И она сказалась на последующей истории России.

Глава 8

На развалинах СССР

(АВГУСТ — ДЕКАБРЬ 1991)

«Союз нерушимый» рушится

Путч нанес непоправимый урон процессу обновления Союза. Заключение практически согласованного и подготовленного к подписанию нового Союзного договора оказалось сорвано. Попытка переворота, последовавшие за ним события круто изменили политическую ситуацию в стране.

Приостановившийся было процесс суверенизации теперь перешел в свою самую драматическую заключительную фазу. 24 августа Верховный Совет Украины принял Акт о государственной независимости, а затем также спешно независимость провозгласили Белоруссия, Молдавия, Азербайджан, Киргизия, Узбекистан, Армения и Туркмения.

К тому же после путча официально была признана независимость республик Прибалтики — Литвы, Латвии и Эстонии, а Грузия, возглавляемая президентом З.Гамсахурдия, вела политику независимости де-факто и вообще не участвовала в подготовке Союзного договора.

Что же побудило бывшие «братские республики» на такой радикальный шаг?

В немалой степени это обусловливалось изменившимися настроениями в обществе. События в Москве, поводом к которым стало намеченное подписание договора, умножили недовольство людей, радикализировали их требования. Политическая независимость, выход той или иной республики из Союза рассматривались как некая гарантия избежать подобного на своей территории.

В ряде республик укрепились позиции массовых политических движений, как правило, опиравшихся на поддержку «титульных» нации. Немаловажное значение имело еще одно обстоятельство. Официальные власти большинства республик весьма лояльно отнеслись к ГКЧП. Фактически они заняли выжидательную позицию и наблюдали, как бы со стороны, чем все это завершится. После того как картина прояснилась, республиканские власти поспешили «реабилитироваться» за свое бездействие. Тем более что отныне не приходилось рассчитывать на поддержку союзных властей.

Проблема независимости как фактора выживания действующей власти включала и еще одну составляющую: выход из Союза был своеобразной формой дистанцирования от Б.Ельцина и его политики. Теперь не с Горбачевым, не с партноменклатурой, а именно с Ельциным все чаще олицетворялся союзный Центр. Это и не устраивало те власти ряда республик, которые были идейно близки ГКЧП и враждебны Президенту России.

Первым ответным пробным шаром было распространение заявления ельцинского пресс-секретаря П.Вощанова, в котором говорилось, что в случае разрыва союзнических отношений тех или иных республик с Рос-

сией последняя не исключает постановки вопроса о пересмотре границ. При этом особенно отмечалось, что данный подход не распространяется на прибалтийские республики. Заявление наделало много шума, особенно болезненно оно было воспринято на Украине, где расценили его как открытые претензии России на Крым.

Разумеется, подобное заявление, затрагивавшее принципиальные территориальные проблемы, — не личная инициатива пресс-секретаря. Это было сделано по указанию Президента. Сама по себе такая постановка вопроса в тех условиях была вполне правомерна, поскольку проблема межреспубликанских границ продолжала оставаться в повестке дня. В свое время при создании советских республик исходили из политической целесообразности, а сами границы проводились искусственно, без должного учета этнического, исторического и других факторов. В межреспубликанских отношениях тоже не было зафиксировано взаимное признание границ. Более того, они неоднократно менялись, причем иногда весьма существенно. Но тогда это не волновало людей, живших «единой дружной семьей народов».

Итак, заявление преследовало и тактические цели. В частности, Ельцина очень беспокоила судьба Союзного договора, который он готов был подписать — сепаратистские настроения приобретали в ряде мест откровенно антироссийский и антирусский характер. Судя по всему, он надеялся, что резкий тон заявления остудит экстремистский пыл и ослабит центробежные тенденции. Но получилось наоборот: российские предупреждения оказались мощным раздражителем и вызвали буквально взрыв негодования как во властных, так и в общественно-политических структурах республик. Особенно жесткой была реакция официального Киева: Россия обвинялась в имперских амбициях, в том, что она чуть ли не угрожает своим соседям территориальными войнами, и тому подобное.

И власти России тут же отступили. Вместо продуманной выверенной политики начались шараханья из одной крайности в другую. Чтобы снять или ослабить возникшее напряжение, на Украину со специальной миссией направился вице-президент А.Руцкой.

В таких условиях 2 сентября 1991 года открылся V и последний съезд народных депутатов СССР. Констатировав, что в стране произошли колоссальные изменения, депутаты предприняли еще одну попытку спасти не только Союзный договор, но и единство государства. Никто уже не собирался заниматься, как в прошлом, перетягиванием каната между Центром и республиками. Важно было хотя бы начать процесс согласования приемлемой для новых условий модели государства, сохраняющей в какой-либо форме союзный Центр. Результаты этих усилий воплотились в принятом Съездом Законе «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период».

М.Горбачев вынужден был согласиться с тем, что Съезд как орган власти прекращает свою деятельность, а высшим представительным органом страны становится двухпалатный Верховный Совет СССР. Причем в Совет Республик депутаты делегируются союзными республиками, а Совет Союза формируется депутациями от республик из числа народных де-

путатов СССР — по квотам. Союзный аппарат, таким образом, отстранялся от этих вопросов.

В Законе отмечалось, что высшие органы государственной власти союзной республики вправе приостанавливать решения Верховного Совета СССР, если они противоречат республиканской Конституции.

Предусматривалось создание на межреспубликанской основе Государственного совета для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, а также Межреспубликанского экономического комитета.

Уже на Съезде полномочия и возможности союзного Центра были существенно урезаны. От прежнего, по сути унитарного союзного государства не оставалось практически ничего. Констатацией состояния переходного периода как бы обозначился рубеж, позади которого оставался прежний Советский Союз. Де факто именно этот Съезд «подвел черту» существованию СССР как советского социалистического федеративного государства.

М.Горбачев еще оставался Президентом СССР, но реально уже не имел власти. Да и страна была другой. Изменился не только политический строй, фактически уже на Съезде начала складываться конфедерация — в других границах и с другим составом участников. При этом каждая республика активно занималась собственным государственным строительством. И чем дальше продвигался этот процесс, тем чаще возникал вопрос о необходимости Союза как такового.

Последняя попытка спасти Союз

В начале осени 1991 года процесс согласования нового Союзного договора возобновился, но шел крайне сложно. Всего было разработано пять вариантов нового Союзного договора. Последний вариант — Договор о Союзе Суверенных Государств, подготовленный к середине ноября 1991 года, — в основном поддержали лидеры семи республик: России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Туркмении, Таджикистана и Узбекистана. Предполагалось, что этот Договор будет подписан к концу года.

Вновь перенесемся мысленно в Ново-Огарево, где 14 ноября еще шла работа над Союзным договором.

— Не вижу Лукьянова, — пошутил Ельцин, теперь уже смело занимая место по правую руку от Президента СССР Михаила Горбачева на заседании Государственного совета.

Анатолий Лукьянов, Председатель Верховного Совета СССР, участвовал во всех ново-огаревских встречах. А в августе, за день до назначенной даты подписания Договора, произошел путч. Первые же опубликованные путчистами указы и постановления предварялись заявлением Лукьянова, в котором проект Союзного договора объявлялся подрывным документом. Сам Лукьянов формально не вошел в состав ГКЧП, однако негативное отношение Председателя Верховного Совета к Союзному договору было бесценным подарком заговорщикам.

Мастер закулисных интриг, узник «Матросской Тишины», он незримо присутствовал на последних ново-огаревских дебатах. Когда М.Горба-

чев обсуждал одну из поправок к проекту Союзного договора — предложение восстановить должность Председателя Верховного Совета, Ельцин съязвил:

— Вдруг освободят Лукьянова. Надо же вместе быть.

В этот день заседание Госсовета началось позже, чем обычно, в 12 часов дня. Расселись, поприветствовали друг друга, перебросились короткими репликами. На обсуждение порядка работы ушло минимум времени.

Было решено идти прямо по тексту. Первый вопрос, давным-давно пройденный, но снова оказавшийся в центре внимания, — о названии будущего Союза. Может быть, Союз Суверенных Республик?

Ельцин. Скажут: по пути потеряли одно «С».

Назарбаев. ССГ нельзя?

Горбачев. ССГ так ССГ. Надо решить главный вопрос: будем создавать государство союзное или нет?

Назарбаев. У меня складывается впечатление, что люди все равно без нас придут к этому. А у нас есть такая воля?

Ельцин. Союз создавать есть воля.

Назарбаев. Тогда второй вопрос: какой Союз?

Горбачев. Я категорически настаиваю. Если мы не создадим союзное государство, я вам прогнозирую беду...

Ельцин. Союз государств!

Горбачев. Если нет государства, я в этом процессе не участвую. Я могу прямо сейчас вас покинуть. А вы тут работайте.

Ельцин. Это называется эмоции.

Горбачев. Ну, что вы, ей-богу. Я не могу взять ответственность за богадельню, которая не сможет управлять ситуацией.

Перерыв. Полтора часа Ельцин, Назарбаев и еще несколько членов Госсовета совещались в небольшой комнате на первом этаже, время от времени посылая Горбачеву через его помощников формулировки, представлявшиеся им более-менее приемлемыми. Горбачев удалился в другую комнату и, казалось, отдыхал. На самом деле он напряженно думал, думал о цене компромисса. Как же быстро несется время в такие минуты. Необходимо принять решение, которое сильно отразится на судьбе страны. Горбачев определил для себя предел уступки: от федеративного государства — к конфедерации. Перерыв закончился.

Горбачев. Ну вот, нашли компромисс. Этой формулировкой вы учитываете настырность Президента СССР, а Президент СССР учитывает вашу настырность...

Назарбаев. Столица — Москва. Значит, Кремль захватит Россия. И все.

Ельцин. Ну, на это немного времени потребуется. Но мы не забываем друзей, приватизируем и для вас.

Президент СССР, уже передавший своим указом 12 июня Президенту РСФСР часть апартаментов в Кремле, сделал вид, что не заметил укола.

Чтобы говорить такие вещи, надо быть твердо уверенным, что собеседник не подозревает истинной подоплеки дела. Секретность при подготовке Беловежского соглашения, в самом деле, была соблюдена превосходно.

Впрочем, идея эта начала прорабатываться еще в 1990 году. А когда в начале сентября, сразу после августовского путча, эксперты Горбачева согласовывали с представителями Белого дома проект Союзного договора, россияне пришли с вариантом договора о сообществе, по духу близким беловежскому, но исполненным значительно лучше с точки зрения юридической техники. В ноябре—декабре, по-видимому, круг посвященных в интересах конфиденциальности был предельно сужен. Отсюда — эффект внезапности, но и юридические огрехи.

Следующее заседание Госсовета в Ново-Огареве проходило 25 ноября 1991 года.

Горбачев. Как мы условились на предыдущем заседании Госсовета, на сегодняшнее заседание внести вопрос о парафировании Союзного договора.

Ельцин. Не конфедеративное демократическое государство, а конфедерация демократических суверенных государств.

Горбачев. Что же говорить за Верховный Совет, давайте дадим им наше мнение. Ведь там идентичные документы рассматриваются. Не вижу смысла возобновлять дебаты.

Ельцин. Тогда я при парафировании прилагаю протокольное заявление.

Горбачев. Ну, если Президент России выходит с замечаниями и против того, чтобы сохранить государство, — о чем речь дальше вести. Не понимаю, как ты можешь так быстро менять позицию. Как же можно с тобой договариваться. Это же наш проект с тобой.

Ельцин. Нет, я тогда оставил за собой этот вопрос, Михаил Сергеевич, вы просто забыли.

Горбачев. Давайте решением Госсовета считать текст согласованным. Направить его на рассмотрение Верховного Совета.

Ельцин. Думаю, можно еще короче: направить данный вариант проекта на рассмотрение Верховного Совета.

Горбачев. А какая разница?

Ельцин. Разница в «согласованно».

Горбачев. А если не согласованный, то его нельзя направлять. Слушайте, давайте так сделаем, останьтесь, договоритесь без свидетелей, мы покинем вас. Решите, что вы хотите. Но я хочу вас, своих товарищей, с которыми мы проходили через такие испытания, предупредить. Я, как говорят, каждой своей клеткой чувствую, что мы схлопочем, если, выйдя сейчас с Госсовета, не скажем: «Государство будет! Новое, другое, но будет!» Я оставлю вас, поговорите.

Через 24 минуты вышли Ельцин с Шушкевичем и спустились к Горбачеву. Еще через полчаса они вместе с Горбачевым поднялись в зал заседаний.

Горбачев. Ну, вот на основе вашего выдающегося документа были сделаны не менее выдающиеся дополнения. И документ звучит так...

Далее прошлись по замечаниям Ельцина, замечания в основном принимаются. Но парафирования так и не состоялось.

Ново-огаревские переговоры продолжились.

Ельцин. К сожалению, появились некоторые формулировки, о которых мы не договаривались.

Горбачев. Ну, давайте пройдемся по тексту. Вы обратили внимание, что в прессе вдруг слишком большие дебаты пошли о названии «ССГ»? К вам какие-то обращения были на этот счет? Есть предмет для обсуждения? Пусть ССГ. Преамбула. Нет замечаний?

Ельцин. В преамбуле нет.

Горбачев. По основным принципам. Первое...

Ельцин. Тут нужно вернуться, Михаил Сергеевич.

Горбачев. Мы же договорились об этом. Четыре часа дебатировали.

Ельцин. Я понимаю, но мы провели все-таки разведочный разговор в некоторых комитетах Верховного Совета. Большинство сходится на том, что все-таки не Союз — не конфедеративное демократическое государство, а конфедерация демократических суверенных государств.

Горбачев. Ну об этом мы столько спорили, такие дебаты были. Если аннулировать все, о чем тогда договорились, тогда нет смысла дальше идти. В этом вся соль...

Ельцин. Я просто говорю: давайте спрогнозируем, а что, если, скажем, Верховный Совет России не примет, не одобрит, не ратифицирует?

Горбачев. Не думаю.

Ельцин. Вы не думаете, потому что вы хуже знаете обстановку.

Горбачев. Я не вижу смысла возобновлять дебаты. Мы их прошли, Борис Николаевич.

Ельцин. Тогда таким образом. Учитывая, что у меня есть замечания еще по ряду статей, и чтобы их не обсуждать, я при парафировании прикладываю протокольное заявление.

Горбачев. Если Россия занимает такую позицию заранее, как же двигаться вперед? Только-только мы потратили десять часов на согласование этого вопроса, сообщили всему миру и народу — и все опять вверх ногами.

Ельцин. Мы парафируем с учетом вот этих замечаний. Так? Но я думаю, что это нормальный вообще путь подписания документов, а на Верховном Совете будем, конечно, отстаивать ту часть, которая была нами уже пройдена... Там уж подойдем к какому-то окончательному варианту.

Горбачев. Что же мы будем на Верховном Совете говорить?! Давайте свою позицию им представлять, Борис Николаевич. Мы же все это очень серьезно обсудили, сообщили людям. Что же мы вообще действительно за люди, что мы за деятели.

Ельцин. Мы сейчас снова возвращаемся к жесткой структуре, к союзным органам, хотя договаривались, что это будут межреспубликанские органы для координации.

Горбачев. Ну, хорошо. До этого еще доберемся. Главное — первый пункт надо пройти — будем сохранять государство, как договорились, в конфедеративной форме, или отказываемся от того, о чем договорились.

Ельцин. Мы не отказываемся — конфедерация суверенных демократических государств.

Горбачев. Мы это прошли уже. Все эти формулы были. Надо определяться, иначе дальше нет смысла продолжать работу.

Ельцин. Да и с юридической точки зрения это неграмотно, поскольку конфедерация всегда является союзом государств, а не государством.

Горбачев. Конфедеративное государство Канада — со всеми атрибутами государства, со всеми властями, все конфедеративное, с огромной самостоятельностью провинций, с правительствами в провинциях...

Ельцин. Я предлагаю вариант, Михаил Сергеевич, чтобы действительно по каждому пункту не возвращаться...

Горбачев. Какой вариант?

Ельцин. Я парафирую и приложу протокольную запись к некоторым статьям.

Горбачев. Ну, если Президент России выходит с замечаниями и против того, чтобы сохранить государство, — о чем речь дальше вести?

Ельцин. Там есть и другие замечания, но это самое принципиальное.

Горбачев. Но мы же это прошли, Борис Николаевич, как же так? Это же не солидно для такой фирмы, как наша, — Государственный совет. Оповестили народ, оповестили мир, а что теперь? Нет, Борис Николаевич, давайте определимся. Если такова ваша точка зрения и вы все отменяете... Это ваше, президентов, общее дело, а я свою точку зрения высказал. Проводите сами беседы, я не буду вмешиваться. Вы создаете Союз.

Ниязов. Думаю, о предложении Бориса Николаевича надо подумать. Суть здесь не меняется, мне кажется.

Горбачев. Меняется. Государства нет союзного. Или Союз, или союзное государство. Это очень разные вещи. Вот вы тогда отсутствовали, мы без вас шесть часов именно по этому вопросу дебатировали, а все остальные вопросы за два часа решили.

Каримов. У нас в парламенте тоже такое настроение, чтобы не парафировать до того, как обсудят его на Комитете. В кулуарах еще до начала заседания говорили: «У нас не понимают, что такое парафирование, если руководитель поставил подпись, это должно быть окончательным».

Ельцин. Тогда опубликовать, не парафируя, либо парафировать рабочими группами, а не на уровне глав государств.

Голос. У нас нет категоричных замечаний. Нам нужно максимум десять дней.

Горбачев. Это самое категоричное замечание — вы не принимаете того, о чем уже договорились. Это самое категоричное! Разрушается вообще основа всего этого документа. Тогда речь пойдет о другом документе.

Ельцин. Давайте внесем на Верховные Советы тот вариант, который у нас имеется.

Горбачев. Ну и я об этом говорю.

Ельцин. Да, но без парафирования.

Горбачев. Как это — без парафирования? Мы согласны его вносить?

Ельцин. Вносить согласны, но парафирование... Что за парафирование перед обсуждением на Верховных Советах?

Горбачев. Парафирование одно означает — что главы государств будут отстаивать этот документ.

Ельцин. Ну мы и будем отстаивать.

Горбачев. А если сейчас главы государств начинают крутить-вертеть, то это означает, что они хотят себе зарезервировать ходы...

Ельцин. В прошлый раз так было, и ничего не случилось.

Горбачев. Парафирование, Борис Николаевич, одно означает, что мы все договорились входить с единым документом. Парафирование, или визирование, или с решением Госсовета войти — это все равно: мы несем ответственность. Мы связаны единой позицией, и эту позицию должны проводить. Вот если так, то — пожалуйста, в любой форме. Не будем парафировать, примем решение Госсовета внести этот проект на обсуждение Верховных Советов. Но это означает, что это — наша согласованная позиция. А Верховные Советы рассмотрят и решат вопрос — одобрять, или не одобрять, или одобрять с какими-то пожеланиями, тогда, наверное, утвердят полномочные делегации и поручат им окончательное согласование. Борис Николаевич, если мы не парафируем, а принимаем решение Госсовета, то лишь снимается элемент визирования каждой страницы инициалами. Парафирование — это такая штука, две буквы ставятся: первая — от имени, вторая — от фамилии.

Ельцин. Решение Госсовета давайте примем: проект, который у нас есть, предоставить Верховным Советам...

Горбачев. Слушайте, мы Госсовет, или мы будем делать параллельные ходы все время?..

Ельцин. Еще один принципиальный вопрос. Конечно, подписание Договора, парафирование без Украины — это бесполезное дело. Союза не будет. Тогда Украина примет решения такие, которые сразу развалят Союз. Этого допустить нельзя! Только они примут решение о своей валюте национальной — и все, мы кончились.

Горбачев. Ну, я думаю, что и там должно быть так же. Я прямо скажу: если мы сейчас с вами не договоримся, это подарок будет всем сепаратистским силам.

Ельцин. Это уважение будет Украине, мол, мы хотим вместе с ней.

Горбачев. Ну, ей-богу, я уже все... Как кто-то сказал: «Горбачев себя исчерпал». Наверное, и у вас такое мнение. Давайте вы тогда сами договаривайтесь. А я стою на своем. Вот с этим согласен и буду работать, а дальше — нет. Не хочу себя связывать с дальнейшим хаосом, который последует за этой расплывчатой позицией. Это просто будет беда. Если у кого-то есть замыслы не создавать Союз, надо прямо и говорить. А то ведь так: все говорят — Союз, Союз, а как только подошли к созданию Союза и сохранению государства, так начинаются маневры. И тут даже и Украина...

Ельцин. Ну уж по Украине вы никаких гарантий дать не можете.

Горбачев. Никто не дает гарантий, Борис Николаевич, вы и по России не можете дать.

Ельцин. А что такое Союз без Украины? Я себе не представляю. Если они называют 1 декабря, то давайте и дождемся 1 декабря.

Горбачев. Что, нам на том заседании не было известно про 1 декабря?

Ельцин. Но я не уверен, что именно 1 декабря решает вопрос.

Горбачев. Сформулируйте свое предложение, Борис Николаевич. Окончательно, чтобы было ясно.

Ельцин. В протокольном заявлении все сформулировано и подписано.

Горбачев. То есть вы на этом настаиваете?

Таким образом, парафировать проект договора не удалось. Решение направить документы в парламенты Союза и республик предопределило судьбу. Отклонили участники и предложенный в последний момент проект Договора о конфедерации. Работа окончательно зашла в тупик и была свернута.

Нового Союза не получилось — было уже поздно. Приведенная выше дискуссия пронизана взаимным недоверием «высоких договаривающихся сторон». Ну как мог доверять Президент России М.Горбачеву, если уже знал о прослушивании, которое раньше санкционировал его главный партнер по переговорам. А мог ли Президент СССР доверять Б.Ельцину, который использовал любую возможность «отщипнуть» очередной кусок власти; мог ли забыть об унижении, которое пережил после возвращения из Фороса?

Но гораздо важнее были объективные факторы. Необратимые процессы начались на Украине. Исход референдума, о котором вспоминали участники дискуссии, не вызывал сомнений. Действительно, 1 декабря 1991 года за государственную независимость Украины высказалось более 80% населения. Лидеры среднеазиатских республик с опасением посматривали на все происходящее в Москве. Перспектива распространения на весь Союз политических и экономических порядков, устанавливавшихся в России, угрожала их власти. Поэтому они не были заинтересованы в какой-либо жесткой конструкции нового союзного государства и максимальную политическую безопасность видели в полной независимости. На заключительной стадии переговоры о новой конфедерации вели представители менее чем половины союзных республик, практически не заинтересованных в их успехе. Не случайно сама дискуссия производит впечатление чего-то искусственного, необязательного, обременительного.

Выбор пути

Период неудавшегося спасения Союза совпал с чрезвычайно важным для России временем определения путей ее развития. Прежде, в условиях, когда главенствующую роль в СССР играл союзный Центр и его позиция в конечном счете определяла направление развития страны, российское руководство вынуждено было затрачивать немалые усилия, чтобы побудить союзные власти к серьезной коррекции проводимой политики. Однако это был не просто некий слепой протест, предлагались конструктивные идеи, предпринимались попытки выработать основы новой, действительно общесоюзной политики.

Идеи, как правило, оставались без внимания, но, даже если бы были приняты, именно союзному Центру в первую очередь пришлось бы обеспечивать их реализацию. По подсчетам специалистов, к моменту провозглашения Декларации о государственном суверенитете России лишь 12% производственных мощностей, расположенных на ее территории, было в ведении российских властей. Соответственно остальные — под юрисдикцией Союза.

В последующий период, особенно после принятия Правительством РСФСР положения о порядке перехода предприятий и организаций в юрисдикцию РСФСР, положение стало меняться. «Под крыло России» начали переходить предприятия угольной отрасли, металлургии, машиностроения, химической промышленности. При этом предприятиям предоставлялась экономическая самостоятельность.

Верховный Совет России активно работал над «рыночными» законопроектами. Среди них особое значение придавалось законам, регулирующим правоотношения, связанные с созданием предприятий и предпринимательской деятельностью, правом собственности, кредитно-финансовой и налоговой системой с проведением земельной реформы, пенсионным обеспечением и так далее. Именно в этот период в России была законодательно признана частная собственность, предпринимательство перестало быть уголовно-наказуемым деянием, формировалась система коммерческих банков. Но многие рыночные инициативы блокировались союзным руководством.

История не терпит сослагательного наклонения. Говорят, если бы удалось тогда, в августе, подписать новый Союзный договор, это сняло бы многие противоречия, а сам процесс перемен удалось бы удержать в прежних берегах. Что это — одно из возможных предположений или твердая уверенность? Ответ во многом зависит от того, удалось бы выработать механизм согласования единого курса или хотя бы единых его основ.

Осень 91-го обнажила и другие проблемы российской власти. Так, например, особенно явной стала слабость Правительства И.Силаева, его неспособность предложить новую, соответствующую изменившимся условиям экономическую политику. И по всему было видно: дни Правительства сочтены. Однако другой, альтернативной команды у Б.Ельцина на тот момент просто не было. Поручив Г.Бурбулису срочно заняться формированием Правительства, он вторую половину сентября провел в отпуске.

Возникшая пауза была совершенно некстати. Победа над путчистами радикализировала настроения в обществе. Все происшедшее стали с пафосом называть «демократической революцией», видимо, по аналогии с «бархатными революциями» 1989 года в Восточной Европе. Казалось, рухнули последние препятствия на пути реформ и должно начаться самое важное, существенное. Но шли дни, недели, а все оставалось на прежних местах. Между тем не было недостатка в предложениях, в Белый дом шел поток разного рода аналитических записок, смелых, оригинальных концепций и разработок. Б.Ельцин вновь столкнулся с проблемой выбора. Он был уверен, что назад дороги нет, но каков он, тот единственный путь, который приведет к успеху?

Е.Гайдар напишет позднее о Б.Ельцине периода «бури и натиска»: «Были хорошо видны сила и политический потенциал, умение ухватить проблемы, которые действительно волнуют людей. И полная неясность в том, куда этот политический потенциал будет направлен. Особенно смутным было все, что связано с экономикой»*.

Действительно, багаж новых политических представлений, полученный в Межрегиональной депутатской группе, был явно маловат. Да и сами лидеры межрегионов были лишь теоретиками демократического переустройства и смутно представляли, как перековывать коммунистические мечи на капиталистические орала.

Надо сказать, что многие сторонники движения России по европейскому пути сомневались относительно реальности перехода страны к рыночной экономике. Большинство критиков советского режима отвергали сталинскую тоталитарную модель, однако полагали, что оптимальной моделью для СССР был бы «социализм с человеческим лицом» или реформы китайского образца.

Демократам той поры страстно хотелось европейского парламента, европейской свободы печати, прав человека, свободного вероисповедания, свободного творческого полета. Но они искренне верили, что блага европейской цивилизации можно получить, улучшая социализм. Активный критик советской экономики Попов считал, что гармония может быть достигнута при «коалиции демократов и аппарата». Разумеется, он имел в виду ту часть государственного, прежде всего московского, аппарата, который все еще находился под обаянием личности Горбачева и разделял его надежды на «социализм с человеческим лицом».

Известный экономист Л.Абалкин, входивший в ближайшее горбачевское окружение, констатируя, что у населения имеется примерно 100 миллиардов рублей накоплений (при тогдашнем официальном курсе 60 копеек за один доллар), на которые совершенно нечего было купить, тем не менее утверждал, что выход из кризиса лежит на путях социализма. «Нужно во многом по-новому осмыслить природу социализма, многообразие его моделей, его гуманистический облик и движущие силы»**, — писал он. Некоторые ведущие экономисты, например П.Бунич, объясняли все беды тем, что социализм в СССР был извращен и необходимо вернуться к истинному социализму.

Большинство критиков режима в то время выступали не против «Советов», а против засилья КПСС. Они фактически повторяли лозунг знаменитого Кронштадтского мятежа, жестоко подавленного Л.Троцким в 1921 году: «За Советы без большевиков». Для многих советских экономистов идеалом все еще оставалась политика НЭПа (экономических послаблений для мелкой и средней буржуазии), «включенная» Лениным в 1921 году и «отключенная» Сталиным в 1929 году.

Другая часть советской элиты считала, что преодоление тоталитарного прошлого возможно лишь на путях «демократического авторитаризма», при котором верховный правитель, проводя реформы, опирался бы на просвещенную бюрократию и интеллигенцию. Политическая жизнь в стране

---

* Гайдар Е. Дни поражений и побед. М., 1996. С. 61.

** См.: Этот трудный путь: Сб. М., 1989. С. 2.

на переходный период должна быть строго регламентирована. Дискуссия на эту тему велась начиная с 1989 года; и ее центром стали «Литературная газета» и журнал «Огонек».

Когда на политическом небосводе зажглась яркая пульсирующая звезда Ельцина, естественно, на ней сфокусировались ожидания. Некоторые видели в этом политике новое издание лидера «пражской весны» А.Дубчека, кто-то — «демократического диктатора», который «железной рукой» наведет в стране порядок и внедрит начала демократии, сохраняя лучшие приобретения социализма.

Б.Ельцин был, безусловно, в курсе этой полемики, но сам в ней не участвовал. В его редких выступлениях, интервью периода опалы едва ли можно найти сколько-нибудь внятные формулировки, касающиеся экономической программы, а тем более механизмов ее реализации. А заявления о необходимости накормить людей, наполнить прилавки, решить социальные проблемы носили митинговый характер. Справедливости ради надо сказать, что ответ на вопрос «Как делать в России реформы?» не знал никто — ни в нашей стране, ни в мире. В демократических кругах была иллюзия, что стоит открыть шлюзы, дать свободу рынку и все экономические проблемы, да и не только экономические, решатся сами собой.

Россия не единственная страна, вставшая на путь посттоталитарных экономических реформ. И нигде, даже в экономически более благополучных странах, «реальный социализм» не поддавался реформированию. А трудности, с которыми столкнулась Россия, вообще были беспрецедентны.

Почему так случилось? Прежде всего потому, что именно в России коммунистический проект осуществлялся наиболее долго, с максимальной полнотой и жесткостью. Уже задолго до начала реформ было очевидно, что этот проект на большой исторической дистанции не выдержал испытания, завел в тупик. Экономическая система оказалась косной, без механизмов приспособления к менявшимся условиям и новым задачам. Она демонстрировала неспособность отвечать на вызовы второй половины XX века (научно-техническая революция, информационное общество, глобализация мирохозяйственных связей). В итоге нарастало отставание от развитых стран, а внутренняя экономическая ситуация становилась все хуже.

В 1989—1990 годах нормированное распределение потребительских товаров охватило уже всю страну. Даже Москва ввела лимиты на продукты. А учитывая, что «гости столицы» — это в основном те, кто по традиции приезжал в первопрестольную за товарами, московские власти ввели «карточки потребителя», выдаваемые лишь тем, кто имел московскую прописку. Это, однако, не спасло от дефицита даже нормируемых продуктов. Когда экономика живет по принципу «пушки вместо масла» (а именно такой она и была), неизбежно торжествует принцип «талоны на масло вместо масла». Это помнят все, кто часами стоял в очередях и испытал на себе «талонизацию» всей страны. В Твери, например, где и так почти все продавалось по талонам, с 1 апреля 1991 года ввели талоны даже на соль, мыло и стиральный порошок. И такое было повсеместно.

Интуиция подсказывала Б.Ельцину, что именно сейчас особенно велика угроза «наломать дров», совершить ошибки, которые могут привести

к роковым последствиям. Он неожиданно для политических оппонентов отверг роль «диктатора во имя демократии», которую ему навязывали некоторые политизированные интеллектуалы. Однако ясности, что делать дальше, по-прежнему не было. Нужны были не столько отдельные эффективные действия, сколько продуманная политика. И его крайне беспокоило, что пока нечего было предложить обществу.

Именно этим во многом объясняется двухнедельная сентябрьская пауза, взятая Б.Ельциным. Накануне в стране произошло множество событий огромной важности, в которых он не только принимал активное участие, но и был главным действующим лицом. Именно от него в конечном счете зависел их исход. Он как бы выполнял роль бульдозера, разгребал площадку для строительства, создавал плацдарм, а выполнив эту тяжелую работу, отходил в сторону, давая место другим, тем, кто больше и лучше его знает, как и что нужно делать.

Позже он, не вмешиваясь в текущие дела Правительства, насколько мог, обеспечивал роль политического прикрытия, защитника того плацдарма, который был необходим для продвижения России по пути реформ.

Почему Б.Ельцин отдал предпочтение группе Е.Гайдара? Исчерпывающий ответ на этот вопрос едва ли может быть дан, тем более что здесь недостаточно одних только рациональных объяснений. Очень возможно, были и более квалифицированные специалисты, которые могли бы предложить более эффективную политику преобразований. Но помимо идей нужна была и отвага.

Предчувствия надвигающейся катастрофы деморализовали многие смелые умы, тогда им было не до реформ. Сказывалось и сохранявшееся восприятие России как некоей политической периферии. Именно союзный Центр по инерции продолжал восприниматься как настоящая власть. Именно на Кремль обращали свои взоры большинство из тех, кто мог реально помочь возрождению страны.

Ряд политиков в лучшем случае рассчитывали на стратегический союз между Ельциным и Горбачевым.

Платформой для такого взаимодействия Горбачев—Ельцин могла бы стать программа Г.Явлинского «500 дней». Ельцину она импонировала тем, что обещала результат в сравнительно короткий срок. При всем ее очевидном утопизме, который, похоже, осознавали все сколько-нибудь серьезные экономисты, в том числе и сам Г.Явлинский, эта программа могла стать не столько экономическим, сколько политическим, точнее, даже идейным стержнем новой политики. Стране нужна была идея, и она содержалась в «500 днях». Вот что писал Е.Гайдар: «Сама по себе реалистичность или нереалистичность программы с экономической точки зрения не имела никакого значения. Но даже ложная идея, овладевшая массами, становится материальной силой»*.

Программа, как известно, готовилась для М.Горбачева. Но отчасти в силу своей нерешительности, отчасти под давлением консервативного окружения он от этой программы отказался. Но и Б.Ельцин не смог воспользоваться ею. После августовского путча экономика разваливалась на глазах. И никакие «500 дней» ее уже не могли спасти.

---

* Гайдар Е. Дни поражений и побед. С. 65.

Программа Г.Явлинского была рассчитана почти на два года, между тем, по прогнозам аналитиков, экономический коллапс мог наступить уже через два месяца. По мнению Л.Абалкина, было бессмысленно спорить о деталях прогнозов. Пока будут обсуждаться проекты и концепции, их некому будет читать.

Для спасения ситуации требовались еще более радикальные меры, нежели те, что предлагала программа «500 дней». Кроме того, у Б.Ельцина обозначились серьезные политические противоречия с Г.Явлинским, молодой экономист входил в команду Горбачева, что в глазах Ельцина было серьезным недостатком. Несмотря на лоббирование определенных сил, эта кандидатура на пост российского премьера не имела шансов.

Более предпочтительной выглядела кандидатура Михаила Полторанина. Он входил в самый узкий круг ельцинских советников. Человек огромного темперамента, талантливый журналист, смелый редактор «Московской правды», не боявшийся сцепиться с коммунистическими цензорами, он во многом был похож на самого Ельцина — резок в суждениях, решителен в действиях. Ему даже было сделано соответствующее предложение, и он начал составлять список возможных министров. Но Полторанин — не экономист, а предстоящая радикальная реформа требовала, чтобы на этом посту был профессионал.

Г.Бурбулис предложил назначить премьером Е.Гайдара. Борис Николаевич обещал подумать и не сразу, но все-таки согласился. Вопрос о привлечении Е.Гайдара к работе в ельцинской команде рассматривался еще до августовских событий. Но тогда речь шла о должности экономического советника Президента. Сейчас, когда ситуация круто изменилась, нужен был действующий кабинет министров, а не группа советников. В конце октября при содействии Г.Бурбулиса состоялась первая встреча Б.Ельцина и Е.Гайдара. По свидетельству последнего, он был приятно удивлен тем, что «Ельцин прилично для политика ориентируется в экономике».

Борис Николаевич не любил затяжных баталий, он всегда был готов на риск ради победы, если эта победа представлялась близкой, а в позиционной борьбе он часто проигрывал. Начиная реформы, Президент понимал, что предстоит пройти болезненный этап, но хотел пройти его форсированно, максимально быстро. Концепция, предложенная Гайдаром, соответствовала этому намерению. Да и вообще ему импонировала радикальность предлагавшихся мер. Слова «шоковая терапия», знакомые по опыту соседней Польши, не вызывали аллергии в обществе. Ельцин оценил решительность 35-летнего экономиста, его понимание того, что реформы будут тяжелым испытанием для населения и популярности не принесут.

Прямота кандидата в премьеры подкупала. «Было видно, что он не будет юлить. Это для меня тоже было неоценимо — ведь ответственность за «шоковую терапию» в итоге ложилась на Президента, и было очень важно, чтобы от меня не только ничего не скрывали, но и не пытались скрыть», — напишет Ельцин в своих воспоминаниях.

Особенно понравилось Ельцину, как тот безо всякого лукавства сказал, что Президенту, видимо, придется вскоре отправить в отставку свое первое Правительство, которое начнет реформы и тем самым возьмет на себя ответственность.

Немаловажным представлялось и то, что Е.Гайдар был весьма известным специалистом в области экономики. Президент слышал самые лестные отзывы о нем не только от Г.Бурбулиса, но и от весьма разных людей. Имя Гайдара было, что называется, на слуху. Это добавляло ему в глазах Ельцина солидности и, так сказать, «проверенности». К тому же у Е.Гайдара была фактически готовая команда: работая в 1990—1991 годах директором Института экономической политики, он собрал вокруг себя группу молодых экономистов, сторонников либеральных реформ. Это избавляло Президента и от сложных кадровых проблем, и от процедуры формирования нового кабинета, и от склок внутри него.

В большинстве своем это были люди другого поколения и других биографий. Борис Николаевич все острее ощущал груз прежнего негативного опыта и необходимость в соратниках иного плана, через которых нужно было бы расширять собственные возможности. Этот «комплекс» время от времени давал о себе знать на протяжении всего его пребывания у власти.

Но Ельцин не был бы Ельциным, если бы попытался уйти от личной ответственности. Назначив Е.Гайдара вице-премьером по экономическому блоку с совмещением постов министра экономики и финансов (Указ от 6 ноября 1991 года), он взял на себя функции премьер-министра и своим огромным авторитетом фактически прикрыл первое российское правительство реформ, правительство «камикадзе», как его называли в прессе. В этом был и элемент подстраховки.

Выбрав Гайдара на амплуа «экономического премьера» и одобрив его программу «шоковой терапии», Ельцин шел на колоссальный риск, о чем его предупреждали многие: и Ю.Лужков, который почти сразу начал конфликтовать с новой правительственной командой, и Г.Попов, обиженный исключением из круга лиц, принимавших экономические решения.

Нам уже приходилось отмечать, что мотив обиды присутствовал у многих недавних соратников российского Президента. Полагали (и во многом справедливо), что именно их усилиями добыты «скипетр и держава», они ждали признательности, а не получали даже благодарственных писем. Тот же Г.Попов писал: «Гайдар был приглашен уже к готовому операционному столу, на который Россию положили без него. Гайдар с удовольствием взялся за скальпель. Его интересовала операция, а не то, страдает ли больной»*.

Недавнее окружение Ельцина составляли уже упоминавшиеся демократы-«шестидесятники», те, кто с воодушевлением воспринял послесталинское послабление режима, названное «хрущевской оттепелью». Это были истинные романтики, чьи мысли и чувства прекрасно и точно выразил в своих песнях великий бард Булат Окуджава.

Ворвавшиеся во власть «гарвардские мальчики», «мальчики в розовых штанишках», «завлабы» экономических институтов раздражали их своим прагматизмом, своей жесткостью, категоричностью. Лозунг «капитализм или смерть», который, в сущности, претворялся в жизнь, пугал. По сути своей «шестидесятники» были скорее социал-демократами, нежели либералами в классическом понимании. Но социал-демократия хороша

* Попов Г. Снова в оппозиции. М., 1994. С. 348.

и вообще возможна там, где она, как противовес, конкурирует в политической жизни с либерализмом, где уже действует эффективная рыночная экономика, раскрученная либералами, где уже есть «что делить». В России же неоформленной социал-демократии противостояли хорошо организованные силы тоталитаризма — коммунисты. Оттесненные в сторону, «шестидесятники» обратили свой праведный гнев на либералов.

Позже, когда стали очевидными откровенные просчеты «шоковых терапевтов», недавние сподвижники Ельцина фактически ушли в «мягкую оппозицию». Но эта оппозиция была значительно шире, чем МДГ. «Ворчал» весь академический истеблишмент, а по сути дела, почти все бывшее окружение Горбачева, его экономические советники и консультанты — Л.Абалкин, С.Шаталин, О.Богомолов, П.Бунич, Н.Петраков. Может показаться странным, но все эти люди заслуженно имели в обществе репутацию демократов, сторонников реформ.

Недовольство среди верхушки демократов было столь заметным, что Ельцину пришлось объяснять мотивы своего выбора на встрече с депутатами фракции «Смена»: «Конечно, выбор был такой — ...ориентироваться опять на перетасовку все тех же старых кадров, которые из одной обоймы переходят в другую обойму. Этот опыт политбюро настолько богатый, что нам ясно было. Потом опыт предательства Горбачева всеми практически руководителями тоже подсказал, что должна быть одна команда, которая бы работала над путями реализации реформ... Поэтому тут надо было чем-то жертвовать — или молодостью, или опытом» *.

Таким образом, выбор экономической политики и команды реформаторов был сделан.

«Поле для реформ разминировано»

28 октября 1991 года начался второй этап V съезда народных депутатов России. Главный вопрос, который предстояло решить депутатам, — одобрить или отвергнуть предлагаемый Президентом курс экономических реформ.

Б.Ельцин шел на Съезд с твердым намерением убедить депутатов сделать тот же выбор, что уже сделал сам. Большие надежды он возлагал на свой доклад, который и был в основном посвящен проблемам экономической политики.

Приведем одну из записок Б.Ельцина, в которой он делал свои «наброски» — какие соображения, темы следует осветить в докладе.

«...Не забыть:
— военная реформа...
— экономический договор (о едином экономическом пространстве);
— не доклад, а как бы обращение к россиянам, депутатам;
— по некоторым «тяжелым» мерам указать сроки (месяцы);
— не бояться (сделать доклад продолжительностью до 1 часа);
— национальный вопрос;

* Цит. по: **Пихоя Р.Г.** Советский Союз: история власти. 1945—1991. М., 2000. С. 700.

— гражданское согласие, мир (Болгария — сразу отпустила цены, возросли в 10 раз — ни одной забастовки, так как широкое разъяснение);

— на фоне отпуска цен — соц. защита низкооплачиваемых, пенсии, пособия, зарплата учителям, врачам;

— приватизация — как;

— не говорить о новой программе, а о мерах, о реформистском прорыве (программы были);

— стиль — уверенный, напористый, иногда в оценках и жесткий (кто снят за поддержку путча);

— всю исполнительную вертикаль — выделить исполнительную вертикаль власти;

— правду народу — подчеркнуть — тяжело, но 1992 год — осень — как и обещал — стабилизация и улучшение;

— ненавязчиво подчеркнуть: за 9 месяцев 1991 г. — промышленность — в стране падение — 6,8%, Россия — 3,3%. А сентябрь — почти без падения (99,9% к сентябрю 1990 г...);

— убыточные колхозы, совхозы (в течение 3-х и более лет) — распустить, землю отдать крестьянам, горожанам. Но продумать, как обеспечивать живущих там отдельно пожилых пенсионеров;

— передача собственности в Россию. Союзные министерства — мы закрываем счета (прекращаем их финансирование);

— чье имущество для приватизации (сейчас не знают). Выделить российское, а остальное — пусть решают на местах;

— за три месяца — продать примерно 50% мелких предприятий торговли, социальной сферы;

— акционирование;

— земельная реформа, земельный банк;

— уникальная ситуация: после путча — поле для реформ разминировано. Пауза была необходима для отработки новой тактики (быстрой, иначе народ не выдержит);

— таможенная политика. Свой (таможенный) комитет, своя российская таможня;

— тонко о денежной реформе, скорее о финансовой. Национальная валюта, иначе — интервенция. Продажа иностранной валюты (населению), валютные магазины;

— конверсия — социальный комитет — указ (ответственный Руцкой);

— отношение к межреспубликанским ведомствам (это не тот Центр);

— эмиссия — под свой контроль. Банк работает плохо — меченые деньги;

— бюджет на 1992 год — новый подход;

— с республиками, не входящими в Союз, — мировые цены;

— национальная гвардия — что такое в отношении границ;

— защита русских в других республиках;

— наука — «большая» Академия проголосовала о переходе в Россию;

— продовольствие — какова ситуация (Кулик) — иностранная помощь — резерв для тяжелых регионов;

— о запасах топлива на зиму (в принципе — хорошо), но обеспечить себя;

— не выпячивая, но мы за Союзный договор;

— с 7—8-ю республиками (которые не войдут в новый Союз) — межреспубликанские договоры;

— аграрная реформа;

— борьба с преступностью, коррупцией — конкретно — КГБ, МВД, их реконструкция;

— иностранные инвесторы;

— МИД СССР, МИД России — новые функции;

— иностранная помощь — спецкомиссии, контроль честными людьми, чтобы «не ушло».

При подготовке выступления Б.Ельцина произошел курьезный случай. Текст был распечатан и отправлен Президенту. Через некоторое время к спичрайтерам пришел первый помощник Президента В.Илюшин. Он был очень расстроен, молча положил на стол записку с замечаниями по тексту, в которой Президент с гневом спрашивал: почему ничего не написано о либерализации цен? Вопрос повис в воздухе, потому что в тексте этот фрагмент был. Позже выяснилось, что во время перепечатки выступления на компьютере часть текста «не сохранилась». Второпях его не вычитали, да так и отправили. Сказалось и то, что компьютеры в аппарате Президента были еще редкостью. До этого речи печатались и перепечатывались на пишущих машинках. Новая же техника осваивалась не без издержек.

Как бы там ни было, выступление состоялось и было позитивно воспринято большинством депутатов. Никакой дискуссии, по существу, не возникло. Депутаты понимали, что альтернативной политики просто нет и предложить ее некому. Более того, они поддержали основные идеи Президента по осуществлению политики реформ. В частности, Президента наделили дополнительными полномочиями.

Надо заметить, он уже не предлагал эту экономичную программу союзному Центру, а лишь констатировал: если курс преобразований не будет принят другими республиками, Россия все равно пойдет этим путем.

Почему V съезд поддержал линию Б.Ельцина?

Конечно же, в первую очередь депутаты не могли не учитывать сложившуюся после путча новую политическую ситуацию. КПСС, хотя соответствующий указ Б.Ельцина тогда еще не вышел, фактически не действовала. «Левые» депутаты были деморализованы и чувствовали силу Б.Ельцина и его сторонников. Сработал инстинкт самосохранения: в тот момент активно обсуждались темы перевыборов Советов разного уровня, введения выборности глав регионов и т.д. Неоднократно поднимался и вопрос досрочных выборов российского депутатского корпуса.

Демонстрация оппозиционности Б.Ельцину, его курсу могла подогреть крайне нежелательные для депутатов настроения. Тем более что в политическом плане площадка Съезда и представительных органов в регионах для левых сил оставалась практически последним плацдармом и потеря ее могла оказаться роковой. По подобным вопросам депутаты держали жесткую оборону, и весьма успешно. Кроме того, их отрицательное мнение в тех условиях вряд ли стало бы серьезным препятствием намеченному курсу.

Были здесь и элементы циничного расчета. Б.Ельцину приходилось начинать реформы в крайне неблагоприятных условиях, вся ответственность за их результаты лежала на нем. Все понимали, что преобразования будут болезненными. А значит, именно от этого прямо зависит и его популярность в ближайшее время.

Расчет оказался точным. Именно на поле реформ и развернулись основные политические битвы. Но то, что возглавит антиельцинскую фронду его недавний сподвижник Р.Хасбулатов, для многих стало неожиданностью. Тем более что августовский путч выявил высокую степень сплоченности и надежности высшего российского руководства. Реальный риск, которому подвергли себя Б.Ельцин и его соратники, продемонстрировал их мужество и твердость. В первые после августа месяцы монолитность ельцинской команды, по крайней мере внешняя, сохранялась. Но приход в нее новых людей — гайдаровского призыва — вызвал определенные напряжения, и чем дальше, тем больше.

Е.Гайдара не приняли прежде всего Р.Хасбулатов и А.Руцкой. Они отвергали то, что импонировало Президенту, — радикализм предложенного курса «шоковой терапии». Не последнюю роль сыграло и то, что привел эту команду Г.Бурбулис, отношение к которому у обоих было, мягко говоря, недружелюбное. Они оказались фактически отстраненными от данного направления работы, хотя считали, что сами могли бы решать проблему нового экономического курса, что их команды лучше, профессиональнее.

Оба лидера все острее ощущали свою невостребованность. Р.Хасбулатов по-прежнему пребывал в подвешенном состоянии. Его самолюбие больно задела июльская неудача, практически провал на выборах Председателя Верховного Совета. Сознавая, что ему, по сути, отрезаны другие пути карьерного роста, он усиленно начал искать опору внутри депутатского корпуса. В октябре Р.Хасбулатов фактически возглавил борьбу депутатов против каких-либо перевыборов Советов в регионах, проведения которых требовали демократы, и выиграл ее, реально укрепив свое положение. Затем на Съезде, после многократных попыток, все-таки набрал большинство голосов и стал Председателем Верховного Совета России.

У Руцкого не было подобной ниши. Статус вице-президента, круг его обязанностей не был определен в законодательстве. Он выполнял отдельные поручения Президента, по собственной инициативе брался то за одно, то за другое, но реального веса не имел. Его кипучая натура требовала действий, но не находила достойного применения.

В первые, самые трудные месяцы реформ проявления личной неприязни в российском руководстве оформились в политические противоречия, разведя прежних соратников по разные стороны баррикад. И все это привело вскоре к весьма драматическим событиям.

Постепенно политический оттенок приобрели и институты государственной власти России. Исполнительная власть остро нуждалась в новых кадрах и при этом не располагала даже небольшим кадровым резервом. Одним из немногих источников заполнения вакансий стал все тот же депутатский корпус. В короткий отрезок времени сразу несколько десятков депутатов перешли в новые государственные структуры, причем это были

наиболее подготовленные работники, сторонники реформ, люди демократических взглядов. Соотношение сил в депутатском корпусе начало заметно меняться. Уже в начале следующего, 1992 года выяснилось, что большинство депутатов находится в оппозиции к проводимому курсу экономических преобразований.

Основной удар тогда наносился по экономической политике и команде Гайдара. Еще в декабре 91-го Р.Хасбулатов и А.Руцкой публично дистанцировались от принимаемых ею мер, а затем перешли к жесткой критике. При этом фигура Президента как бы выносилась «за скобки». Внешне, особенно на первых порах, речь шла о «плохом» окружении, о борьбе не против, а за Б.Ельцина. На самом же деле это было продолжение прежней борьбы, которая постепенно вновь окрасилась в знакомые цвета — «белый» и «красный».

Беловежье

К концу 1991 года сформировавшаяся новая оппозиция получила дополнительный мощный аргумент. Декабрь стал последним месяцем существования Союза.

1 декабря Украина на референдуме высказалась за независимость. Фактически это подвело черту под усилиями довести до конца «новоогаревский процесс». На политической карте Европы появилось еще одно государство. Это событие тогда стало в полном смысле слова одним из главных для всего мира. Из многочисленных откликов и комментариев на украинский референдум остановимся на двух — реакции Президента России и Президента СССР.

Для Б.Ельцина происшедшее не стало неожиданностью, иного результата он и не ждал. В специальном заявлении по итогам украинского референдума от имени руководства России Президент заявил о признании независимости Украины и необходимости скорейшего становления новых межгосударственных отношений.

М.Горбачев выступил с обращением «К парламентариям страны», больше походившим на крик отчаяния: «Дезинтеграция, которая нарушала историческую логику существования огромной целостности страны, перешла пределы разумного и зашла настолько далеко, что приобрела разрушительный характер». В этих условиях он предложил вернуться к его проекту Союзного договора. «Я прошу вас сказать "да" такой форме равноправного сотрудничества и взаимодействия».

Россиян же в это время больше заботило другое: марафоны по пустым магазинам в попытках хоть что-то купить к приближавшимся новогодним праздникам не очень располагали к размышлениям о судьбах Союза.

Обсуждение Союзного договора формально еще продолжалось, но с каждым днем все более превращалось в беспредметную дискуссию — старый Союз уходил в историю. Призывы сохранить его встречали понимание, но формальное — не больше того. Центробежные тенденции до последнего дня СССР вносили все новые и новые коррективы в первоначальную модель.

Это ярко проявилось 4 декабря 1991 года на одной из последних встреч высокопоставленных российских чиновников — вице-премьера Г.Бурбулиса и госсоветника С.Шахрая — с депутатами Верховного Совета СССР от России.

Высказав позитивное отношение к Союзу, в принципе даже без Украины, Г.Бурбулис тут же подчеркнул, что разделяет концепцию конфедерации государств, а не конфедеративного Союза Суверенных Государств. При этом «славянская ось» должна быть сохранена. Он допускал, что для сохранения единого экономического пространства может существовать и Межгосударственный экономический комитет, но только как согласительный орган. Подобные функции должен осуществлять и союзный Верховный Совет.

Еще резче высказался С.Шахрай, предупредив об опасности того, что этот союзный орган сможет навязывать решения, противоречащие интересам России, да и не только ее. По его мнению, из проекта Союзного договора необходимо убрать все «компоненты», намекающие на возрождение федеративного государства. Среди них — вице-президент, союзное правительство, Межгосударственный экономический комитет и т.д. Кроме того, следовало изъять и ссылки на договор 1922 года об образовании СССР.

Между тем именно на этой встрече Г.Бурбулис сообщил буквально следующее: «В субботу (8 декабря) мы выезжаем в Беларусь, где намерены заключить ряд соглашений». Тогда этой информации не придали особого значения.

Накануне отъезда в Минск Б.Ельцин имел встречу с М.Горбачевым. Разговор был тяжелым. Президент СССР чувствовал, что за его спиной «что-то» готовится. Усиливало подозрения не просто однозначно отрицательное отношение Б.Ельцина к многострадальному проекту Союзного договора, но даже к обсуждению самой этой темы.

Он твердо придерживался модели: «Союз без Центра», а значит — без М.Горбачева. И по всему было видно, не собирался идти ни на какие уступки. Тем более теперь, когда у него в руках оказался такой весомый козырь, как итоги украинского референдума. А без Украины он не мыслил будущего Союза. И Горбачев в душе с этим вынужден был согласиться. Он был информирован о предстоящей встрече «трех» — Б.Ельцина, Л.Кравчука и С.Шушкевича, но полагал, что это будет один из заключительных раундов консультаций. Вероятно, он ждал контрпредложений, даже ультиматумов, но рассчитывал снова сообща искать компромисс, маневрировать, в крайнем случае согласиться на любой вариант, который обеспечивал бы ему хотя бы формальный статус главы Союза.

Но сейчас это было не только стремление сохранить остатки власти, он сознавал себя реальным олицетворением существования Советского Союза. Без него Союза не будет. Надеялся, что три лидера все-таки не осмелятся «переступить через него».

Между тем главы России, Украины и Белоруссии, встретившись в Беловежской пуще, подошли к этим вопросам сугубо прагматически. Прежде всего констатировали неумолимый факт: «Союз ССР как субъект

международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование».

Этот тезис фиксировал тот тупик, в который зашел процесс согласования новой модели Союза, устраивающей все республики. Ее так и не смогли довести до логического конца. Более того, чем дальше, тем больше появлялось разногласий, непонимания, обид, тем больше редели ряды участников.

Беловежские переговоры «трех» констатировали существенно сократившееся пространство для возможных договоренностей. Речь уже не шла о едином государстве, конфедеративном союзе и даже конфедерации государств. Предметом обсуждения стало Содружество Независимых Государств.

Что такое СНГ? Какая судьба его ожидает? Думается, однозначных и тем более согласованных ответов лидеры трех славянских государств тогда просто не имели. Фактически роль СНГ заключалась в том, чтобы направить переговорный процесс между республиками в новое русло, привести его в соответствие с новыми обстоятельствами, которые возникли практически в каждой республике. И главным из них стала реальная государственная независимость большинства бывших союзных республик.

Беловежские документы лишь в общих чертах зафиксировали контуры СНГ. Что его отличает?

Во-первых, многостороннее сотрудничество в рамках СНГ республики решили рассматривать как свой приоритет, что, впрочем, не вполне подтвердило время.

Во-вторых, каждая республика самостоятельно определяет сферы и интенсивность такого сотрудничества, принцип добровольности является незыблемым.

В-третьих, первоначально предполагалось сохранить объединенное командование общим военно-стратегическим пространством, единый контроль над ядерным оружием. Также договорились координировать деятельность в ряде важнейших сфер (внешняя политика, финансы и банковская система, транспорт, связь, экология и т.п.).

В-четвертых, было решено отказаться от «надгосударственных и наднациональных органов».

В-пятых, СНГ провозглашалось открытым для вступления новых членов.

Следует, наверное, отметить, что Содружество родилось во многом в результате экспромта, без детальной дипломатической и юридической проработки всех нюансов и возможных последствий. Б.Ельцину казалось, что Беловежские соглашения одним махом решат все проблемы и к тому же не только станут выходом из тупика, но и позволят республикам Союза избежать «югославского сценария», который именно в тот период начал реализовываться. Он рассчитывал, что СНГ даст возможность наилучшим образом реализовать лидерскую роль России на постсоветском пространстве.

Сам М.Горбачев одновременно и боялся, и никак не ожидал такой быстрой развязки. На встрече с журналистами 12 декабря он говорил:

«Что меня поразило? С того дня я не имел никаких контактов с Борисом Николаевичем. Это меня уже беспокоило. Мне позвонил Шушкевич и сказал, что мы, мол, вышли на соглашение, и хочу вам зачитать.

— Какое соглашение?
— Да вот такое...
— А почему именно вы звоните?
— Звоню как депозитарий.
— Подождите, вы уже все решили? Уже два дня назад?
— Да, и мы тут говорили с Бушем, он поддерживает.
— Вы разговариваете с Президентом США, а Президента своей страны вы в известность не ставите... Это позор! Стыдобища! Нечисто это. Вот такая мораль. Но тем не менее я через это перешагнул. Потому что есть страна, есть люди».

Но страна перестала существовать: вместо нее были самостоятельные государства и Содружество Независимых Государств, образованное сначала тремя, а затем одиннадцатью бывшими советскими республиками.

Политическим ответом М.Горбачева стал призыв к созыву чрезвычайного Съезда депутатов СССР и референдуму. Таким путем он пытался в последний момент перехватить инициативу, повернуть события вспять.

На что делался расчет? Прежде всего на то, что большинство союзного Съезда сыграет в этот роковой момент свою роль. Не было сомнений: соберись этот Съезд, он не только бы разрушил СНГ, но и не исключено, попытался бы подхватить эстафету провалившегося августовского путча.

Носившаяся в воздухе тревога военной диктатуры, кажется, снова стала реальной. Тем более что в прессу просочились сообщения о контактах М.Горбачева с командующими округами и военачальниками, потребовавшими от него немедленных силовых действий по спасению Союза. Он не решился на это, понимая всю обреченность любого варианта с применением силы. Если в августе вызов ГКЧП из республиканских лидеров принял только Б.Ельцин, а остальные предпочли дожидаться развязки, то теперь большинство властвующих элит республик отвергало такие замыслы, а Украина и Белоруссия уже успели ратифицировать Беловежские соглашения.

Идея чрезвычайного Съезда союзных депутатов была во многом спекулятивной, ведь Съезд как институт власти самораспустился еще в сентябре и утратил легитимность. Тем не менее попытка собрать депутатов была предпринята. На 20-м этаже одного из зданий на Калининском проспекте (ныне Новом Арбате), где размещались комитеты Верховного Совета СССР, начал работать штаб инициативной группы по его созыву. Предполагалось, что он откроется 25 декабря.

В этой ситуации все решала позиция других республик бывшего Сою-за, а она обозначилась уже в первую неделю после Беловежья. Взвесив все «за» и «против», республики одна за другой начали высказываться в пользу СНГ. 11 декабря окончательно определился Н.Назарбаев, на которого делал особую ставку М.Горбачев.

Одним из самых драматических моментов можно назвать рассмотрение 12 декабря российским Верховным Советом вопроса о ратификации Беловежского соглашения.

Разумеется, первым выступал сам Б.Ельцин. Он дал анализ ситуации, охарактеризовал внесенное на ратификацию соглашение, а также перспек-

тивы нового Содружества. Вопреки прогнозам все прошло без каких бы то ни было сложностей, причем «за» проголосовало подавляющее большинство присутствующих на заседании народных избранников.

На следующий день депутаты вновь вернулись к этой теме, но уже по другой причине. Создание СНГ сопровождалось активной пропагандой тезиса о «славянском союзе», чуть ли не направленном против среднеазиатских республик, мусульман бывшего Союза, а то и против всего мусульманского мира. Сама по себе эта идея была отнюдь не безобидной. В той сложной, во многом неясной ситуации любая мелочь могла существенно повлиять на ход напряженных переговоров и консультаций. А именно в те дни определялось не только, какими будут контуры СНГ, но и будет ли Содружество вообще.

Депутаты Верховного Совета приняли специальное заявление по этому поводу.

«...Попытки такого истолкования самого духа Соглашения являются политически крайне опасными и несостоятельными. Мы категорически отклоняем их. ...Содружество равных во имя жизни, на основе признания конкретных интересов народов и государств нашей многонациональной страны — вот та политическая формула, которая предлагается Соглашением о создании Содружества Независимых Государств... Мы призываем все народы и правительства бывших республик Союза ССР присоединиться к нашему Содружеству».

Это заявление прозвучало как нельзя кстати. В Ашхабаде шли консультации глав государств Средней Азии и Казахстана. В конечном счете они приняли решение «стать равноправными соучредителями Содружества Независимых Государств, учитывающего интересы всех его субъектов».

Завершающим аккордом в создании СНГ была алма-атинская встреча. В результате переговоров участниками СНГ — как соучредители и равноправные партнеры — стали 11 государств: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан и Украина. Позже к ним присоединилась Грузия. История СССР закончилась. Последней ее страницей стала добровольно-вынужденная отставка М.Горбачева.

Как часто бывает в таких случаях, эпохальные события сопровождались и казусами, и курьезами. Так 25 декабря российский Верховный Совет обсуждал вопрос о ратификации Соглашения о совместных мерах в отношении ядерного оружия, заключенного главами Содружества. В ходе дискуссии уже известный читателю депутат В.Исаков, пытаясь дискредитировать документ, обратил внимание коллег, что в нем неправильно обозначена должность Б.Ельцина — Президент Российской Федерации, в то время как страна называется Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР). Такой вывод мог поставить под сомнение легитимность самого документа.

Ведущий заседание Р.Хасбулатов мгновенно среагировал: «А давайте сейчас и разрешим эту проблему. Кто за то, чтобы наша республика имела название Российская Федерация (Россия)?» Депутаты в каком-то азарте тут

же проголосовали, тем самым поставив последнюю точку в социалистической главе российской истории.

СНГ для Б.Ельцина было единственно возможной в тех условиях моделью сохранения межгосударственной общности ставших независимыми стран. Он был последовательным сторонником интеграции, хотя, возможно, уделял недостаточное внимание этому направлению работы в последующие годы. Но такое понимание СНГ разделяли далеко не все его партнеры, считая это «формой цивилизованного развода». Отношение к СНГ не было единым и в российском руководстве.

Как бы там ни было, тема «развала Союза» сразу же вошла в список «преступлений ельцинского режима», усердно составляемый левой оппозицией. Но, конечно же, не только данная тема питала оппозицию. Главной причиной ее роста стали поначалу крайне тяжелые для населения реформы.

2 января 1992 года были в основном освобождены цены. Расчеты показывали, что это вызовет их рост в 3—3,5 раза. Реальность оказалась гораздо более жестокой. Если за точку отсчета взять государственные розничные цены на товары народного потребления, то рост составил десятки и сотни раз. Для многих семей это стало настоящим шоком. Однако, как ни странно, к такому повороту люди в основном были готовы. Ведь предшествовавшие месяцы были немногим легче. Экономическая ситуация в стране настолько ухудшилась, что реальной, ощутимой стала угроза голода и холода.

Встряска с отпуском цен, хоть и болезненная, рассматривалась как шаг в сторону от катастрофы. Всем казалось, что иного пути нет...

4 вариант. 18.XII-90. 15⁰⁰

И это не наш 15 лет

Уважаемые народные депутаты СССР!

Со времени прошлого съезда обстановка в стране резко ухудшилась. Речь идет о принципиально новом качестве кризиса, когда определяющей стала тенденция разложения, распада. Эти процессы вырвались из-под контроля. Иногда кажется, что их невозможно удержать, и катастрофа неминуема.

Надо честно признать, что депутатам Союза вам нам не только не удалось одержать победу над командно-бюрократической системой, но даже сколько-нибудь ослабить ее. Тем самым был нанесен ~~колоссальный~~ огромный ущерб стране, избирателям, которые доверили своим депутатам высшую власть.

И в заключение.

Россия сегодня переживает трудное время. Но я убежден, что ее талантливый и трудолюбивый народ сможет все преодолеть.

Россия на переломе.

Впервые мы даем свободу трудовым коллективам. Пусть сами решат, как им жить дальше.

Впервые мы даем свободу крестьянам и будем ее отстаивать от любых посягательств.

Впервые в ее тысячелетней истории народ сам выберет своего лидера. Это будет действительно народный Президент.

Россияне выходят из рабского состояния. Гарантией свободы является ответственность каждого и всех вместе за свое настоящее, за будущее наших детей, внуков, за будущее всей России. И мы победим!

Я верю — Россия возродится, россияне станут для нас и других людей дорогими.

Текст выступления Президента Ельцина на IV съезде народных депутатов СССР с его поправками. *Фрагмент.*

И последнее, термин "непопулярные меры" часто отождествляется оппонентами с антинародной политикой. А наша политика, хотя и тяжелая для народа, но в его интересах.

На наш взгляд, в оценке этих мер лучше использовать определения: "тяжелые, но необходимые меры", "меры, которые позволят выйти из кризиса", "меры жесткие на первом этапе".

Л.Пихоя

А.Ильин

22.10.91.

В принципе — за!

Не забыть: - военная реформа и гос. Россия на фоне Украины

- экон. договор - хорошо

- не доклад, а как бы обращение к россиянам, депутатам.

- по некоторым тезисам мерам убрать "жесткие" и т.д.

- стиль — уверенный, напористый, иногда в фразах — "жесткий" (кто снят за подобную "мягкость")

- правду народу - подчеркнуть

Сталина, но 1992 г. - осень

- Как и обещал — стабилизация и улучшение

- только о день. реформе скорее о финансовой

Нац. валюта иначе интервенция придавит ее валютные цены.

- защита русских в др. республиках

Текст приложения к докладу Президента Ельцина на V съезде народных депутатов РСФСР с его поправками. *Фрагмент.*

Часть II

Новое двоевластие

Глава 1

Начало реформ

(январь 1991 — апрель 1992)

Как выжить?

Двоевластие окончилось. Б.Ельцин еще не предполагал, что совсем скоро возникнет новое противостояние — теперь уже в рамках России, со Съездом народных депутатов и Верховным Советом. Он достиг вершины политической карьеры, возглавив огромную ядерную державу. Однако говорить о нем как о сложившемся государственном деятеле было, пожалуй, рано. Ельцин оставался скорее борцом за власть, контуры которой сам не представлял достаточно ясно.

Но первые результаты политических перемен уже стали появляться. Еще в январе 1991 года, то есть спустя всего семь месяцев после избрания Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР, был принят Закон «О собственности в РСФСР». Впервые после революции 1917 года восстанавливалось право частной собственности. На частных предприятиях разрешалось применять наемный труд. Закон открывал возможности для создания частных банков.

Ельцин обеспечил закону, подготовленному группой либерально настроенных депутатов Верховного Совета России, политическую поддержку, поняв, какой это будет сильный рычаг для расшатывания старой административно-командной системы. Для него Закон «О собственности» имел больше политическое, нежели экономическое значение. И он достиг своей цели.

Принятие «капиталистического» закона в Российской Федерации вызвало бурю негодования в ЦК КПСС. Руководители отраслевых отделов ЦК, привыкшие руководить экономикой из кабинетов на Старой площади, испугались, что предприятия, находившиеся в ведении отраслевых министерств СССР, увидев новые возможности, начнут переходить под юрисдикцию РСФСР.

Так и получилось. Ельцин начал активно «перетягивать» предприятия вначале строительного комплекса, где его хорошо знали, а затем и других отраслей на свою сторону. Горбачев терял опору среди могущественной касты «красных директоров». Уже через несколько недель на его стол легла справка с перечнем производств, руководители которых поддались «рыночному соблазну». В частности, о выходе из подчинения союзного ведомства заявили 40 предприятий цементной промышленности. Перейти в ведение РСФСР («под Ельцина») стремились целые отрасли, уставшие жить под диктовку партийных чиновников.

Однако этот акт мало что менял в практическом плане: заводы и фабрики фактически продолжали работать по старинке. Многие директора устали от Горбачева, которого откровенно называли болтуном, хотели перемен, но перемен дозированных. Позже, сделав ставку на команду рефор-

маторов во главе с Е.Гайдаром, Ельцин столкнется с ожесточенным сопротивлением этой касты.

Между тем производство переживало тяжелый кризис. Только за первый квартал 1991 года падение национального дохода составило 13%. Неудержимо сокращался экспорт нефти — на 51%, черных металлов — на 59%. Понятно, что при таком состоянии экспорта валютные ресурсы оказались практически исчерпанными, их не хватало даже для выполнения безусловных обязательств государства. В мае 1991 года валютные средства на счетах Внешэкономбанка за границей, которые могли использоваться для этих целей, снизились до угрожающе низкой цифры — порядка 60 миллионов долларов. По сути, страна оказалась неплатежеспособной.

Кризис не ограничился сферой производства. С ослаблением партийно-репрессивных скреп, старых «приводных ремней», государственный механизм частично развалился, частично работал вхолостую. Началось разрушение системы централизованного снабжения, а без нее посылаемые сверху команды превращались в пустой звук, никем не выполнялись. Эксперименты с «региональным хозрасчетом» разваливали единое экономическое пространство. Его рвали на части республиканские, региональные и местные системы административного распределения и натурального обмена. Страна стала царством не только талонов (эвфемизм военного и послевоенного слова «карточка»), но и бартера, по сути дела — натурального обмена.

Неудивительно, что только за 1991 год товарооборот между советскими республиками сократился в 2 раза. Планового снабжения уже не было, рынка и свободных цен еще не было — в такой ситуации каждая республика пыталась спастись собственными силами, выжить в одиночку. Все это способствовало распаду СССР. Не реформы оборвали старые хозяйственные связи, их утащила с собой уходившая в историю система тоталитарной экономики.

Буквально на глазах приходила в упадок финансовая система. Если в 1989—1990 годах дефицит госбюджета СССР составлял соответственно 10% и 12% ВВП, то в 1991 году его величина достигла 20%. И весь этот гигантский разрыв покрывался денежной эмиссией. Судя по докладам тогдашнего председателя Госбанка СССР В.Геращенко в Политбюро ЦК КПСС, фабрика Гознак, даже работая в три смены, не справлялась с печатанием денег.

В этом, конечно, нет прямой вины тех, кто в те годы руководил Минфином и ЦБ. Командная система была устроена так, что бездарно и расточительно распоряжалась всем, чем располагала, — и людьми, и ресурсами, и финансами.

Немыслимый бюджетный дефицит 1990—1991 годов нес в себе инфляционный заряд огромной разрушительной силы. И он крушил все на своем пути. Уже в 1990 году общий уровень инфляции (открытой и скрытой) составлял около 120%, а на следующий год он стал еще выше. И проявлялась инфляция не только в росте цен. Главной чертой обыденной жизни оставались бесконечные очереди за продуктами. Женщины, составлявшие существенную часть яростных сторонников Б.Ельцина и активно участвовавшие в митингах в его поддержку, возвращаясь домой, сталкивались все

с той же проклятой проблемой советского быта: чем накормить мужа, детей, где достать стиральный порошок, туалетную бумагу, где купить самую простую одежду.

Страну поразил небывалый, тотальный товарный дефицит. Шло нарастающее вымывание рубля из оборота, никто не хотел продавать товар за деньги. Это была настоящая гиперинфляция, правда, в особых формах, свойственных периоду распада тоталитарной системы.

Снижение производства и стремительный рост денежных средств населения, не обеспеченных товарным покрытием, — такой была гремучая смесь 1991 года, буквально взорвавшая экономику. Нарастал хаос.

Могут возразить, что после начала реформ и освобождения цен открытая инфляция поднялась до более высоких отметок. Однако ее природа была принципиально иной: она была неизбежным спутником процесса возвращения истинного предназначения денег — как универсального эквивалента, меры реальной стоимости и восстановления рыночных отношений. Не случайно инфляционный уровень постепенно пошел на убыль и в 1995 году сравнялся с уровнем 1990—1991 годов. Картина же разительно изменилась: недавно пустовавшие полки магазинов были забиты товарами.

После распада Союза Б.Ельцину и первым реформаторам досталась экономика-банкрот, зашедшая в тупик системного кризиса. К тому же реформы предстояло проводить в экономике с доминированием ВПК, сырьевой ориентацией экспорта, неразумным размещением производства по территории.

Ельцин понимал, что нужно действовать без промедления: замаячила перспектива голода. Существовала тяжелая зависимость от импортного продовольствия, на его закупку тратились быстро скудеющие запасы валюты. Золотой запас страны практически отсутствовал. Нефтяной бум брежневского периода кончился, а других источников поступления валюты, кроме экспорта нефти и газа, у последнего советского правительства не было. Запасы зерна сократились до опасного уровня. В большинстве регионов хлеб отпускался по талонам. В магазинах исчезали даже соль и спички.

Острота ситуации ощущалась на каждом заседании Продовольственной комиссии при российском Правительстве. В сводках, поступавших ежедневно из регионов, все чаще сообщалось, что основных продуктов питания осталось на два-три дня. Комиссия вынуждена была заниматься распределением чуть ли не каждого вагона с зерном, решая, в каком районе России положение наиболее катастрофическое.

Стартовая позиция для реформ оказалась крайне неблагоприятной. А список поставленных задач был обширным: демонтаж административной системы (обязательного государственного заказа, фондированного распределения продукции, фиксированных цен и т.п.) и ее замена экономическими методами регулирования, демонополизация, создание основ рыночной инфраструктуры, приватизация. Предстояло еще строить новое государство, выводить из паралича механизмы управления, спасать экономику и социальную сферу и, наконец, заново создавать законы, ибо прежние, насквозь пронизанные коммунистической идеологией, для государства с рыночной экономикой совершенно не годились.

Тогда нельзя было заниматься «чистым реформированием», неспешно переводить экономику на рыночные рельсы — экономическая катастрофа снесла бы реформаторов вместе с их реформами. Столь же неприемлемым было решение острейших социальных проблем, что называется, любой ценой, включая нерыночные, силовые методы.

Требовалось так организовать рыночные реформы, чтобы они меняли экономические отношения и одновременно гарантировали элементарное выживание населения России. Именно сочетание этих двух неотложных задач объясняет многие шаги Б.Ельцина и его соратников в начале 90-х годов.

Прежде всего надо было сделать принципиальный политический выбор: проводить дозированные реформы под государственным контролем или больше полагаться на нарождавшиеся рыночные институты и стимулы, пусть и весьма слабые. Выбрали второй вариант, но не потому, что он был эффективнее первого. Скажем, опыт того же Китая подтверждает, что первый вариант сулил немалые выгоды. Однако у нас он был невозможен хотя бы потому, что в начале 90-х годов в России отсутствовали властные механизмы, способные претворять директивы в жизнь.

Реформы по китайскому варианту были возможны и желательны лет 20—30 назад. Но на них не решились ни Хрущев, ни Брежнев, ни Горбачев. Все попытки реформ (вспомним добрым словом Косыгина) душились косным руководством КПСС.

Другой предмет выбора: как расставить приоритеты, что делать сначала, что — потом. Некоторые до сих пор ругают первых российских реформаторов за поспешность с либерализацией цен. Мол, начать следовало с демонополизации, создания конкурентной среды и приватизации, а уж затем освобождать цены. Другие упрекают за чрезмерную жесткость финансовой политики, поставившей большинство предприятий на грань разорения, указывают на тяжелые социальные последствия и т.д. При этом следуют ссылки на мировую экономическую теорию. Но теория носит универсальный характер, а потому не содержит рецептов для особых случаев, выбивающихся из общего ряда. Тогда, в начале 90-х годов, была как раз такая ситуация. Реформаторы, разумеется, представляли себе теоретически безукоризненное чередование реформаторских ходов. Но расставили их иначе, потому что из всего арсенала рыночных методов регулирования надо было выбрать такой, который максимально быстро обеспечит выживание экономики, а значит, критический минимум социальной стабильности. Именно таким методом и стала либерализация цен. Иначе говоря, реформы носили вынужденный характер: без них Россия не только теряла историческую перспективу, но и вставала перед угрозой полного хаоса.

Реформы начались 2 января 1992 года, и задавались они Указом Президента «О мерах по либерализации цен». Он гласил:

«1. Осуществить со 2 января 1992 года переход в основном на применение свободных (рыночных) цен и тарифов, складывающихся под влиянием спроса и предложения, на продукцию производственно-технического назначения, товары народного потребления, работы и услуги.

Государственные закупки сельскохозяйственной продукции также производить по свободным (рыночным) ценам.

2. Установить со 2 января 1992 года применение государственных регулируемых цен (тарифов) предприятиями и организациями, независимо от форм собственности, только на ограниченный круг продукции производственно-технического назначения, основных потребительских товаров и услуг...»

В числе товаров, на которые цены оставались регулируемыми государством, в частности, были: электроэнергия, уголь, нефть и газ, моторное и котельное топливо, керосин, драгоценные металлы, перевозки грузов железнодорожным, автомобильным, морским, речным, авиационным, трубопроводным транспортом, основные услуги связи, а также некоторые виды хлеба, молоко, кефир, творог обезжиренный, основные виды детского питания и т.д.

Это была не плановая хирургическая операция, а реанимация в экстремальных условиях. Первый непосредственный результат либерализации — преодоление товарного дефицита — был достигнут довольно быстро. Взять хотя бы достаточно примитивный символ советского продовольственного достатка — колбасу. Судя по статистике конца 1991 года, жители таких промышленных центров, как Нижний Тагил, Тула, Подольск, Владимир и многих других, ее не видели вовсе. Вожделенный продукт изредка мелькал в Санкт-Петербурге, Новосибирске, Екатеринбурге, притягивая многочасовые очереди. Перелом наступил в марте—апреле 1992 года, а к середине августа проблема была уже не в наличии колбасы, а в том, чтобы заработать на нее денег.

До освобождения цен было невозможно понять, что же собой представляет российская экономика, как велики отраслевые и региональные диспропорции, сколько ценовой энергии накопилось в котле подавленной инфляции и т.д. Так, все уже понимали, что батон хлеба нельзя продавать по дешевке, за 13 копеек, но кто мог сказать, какова же его «настоящая» цена. Вряд ли во всей мировой науке найдется экономист, способный высчитать такое. За ответом он отошлет вас к практике, на рынок. Действительно, либерализация цен прояснила пусть и печальное, но все же истинное положение дел.

Кроме того, весьма сомнительно, чтобы какой-нибудь инвестор позарился на государственную собственность, вложил в нее деньги, заведомо зная, что цены станет контролировать государственный чиновник. Без либерализации цен не было бы никакой приватизации, а без приватизации — рынка. Итак, первым шагом на пути к рынку была либерализация цен.

Вслед за этим Правительство Б.Ельцина приступило к оздоровлению государственных финансов, укреплению рубля. То есть в запутанном клубке проблем оно потянуло за денежную нить. В противном случае страну ждало безраздельное господство бартера, дальнейшее разрушение государственных финансов, откат регионов к натуральному хозяйству, что могло обернуться распадом уже самой России.

С экономикой, где не работают деньги, можно сладить только силой. А потому промедление с укреплением рубля только подогрело бы фантазии тех, кто еще надеялся на коммунистический реванш, возврат к командно-распределительной системе. Тянуть с введением жесткой фи-

нансовой политики значило давать дополнительные аргументы этим опасным мечтателям.

Разумеется, новое Правительство, начиная реформу, продумывало ее этапы и последствия. Разрабатывались документы для приватизации, стабилизации финансов, уточнялись (в крайне жестких спорах) списки товаров, на которые не распространялась либерализация цен. Члены кабинета министров, и прежде всего сам Е.Гайдар, старались психологически подготовить и успокоить население: говорили, что цены возрастут, но не более чем в 2—3 раза.

Население, измотанное дефицитом и бесконечными очередями, готово было принять эти меры. Для наполнения опустевшего рынка Правительство решило даже временно установить нулевой импортный тариф и отменить все ограничения на ввоз товаров. Ожидаемый мощный поток импортных товаров должен был запустить, по крайней мере, механизм частной торговли, которая была ликвидирована большевиками после отказа от НЭПа.

В начале 90-х годов кризис не мог не обостряться, независимо от того, проводились бы реформы или нет. При сохранении плановой экономики весь негатив страна получила бы в любом случае, но только в гораздо больших масштабах. Реформаторы могли лишь смягчить кризис, не допустить окончательного крушения экономики, что они и попытались сделать. У них был единственный резерв — внутренняя энергия рынка. Ее и высвободили, впрочем, не вполне понимая суммы негативных последствий.

Шок от «шока»

Российские реформаторы первой волны допустили ряд стратегических ошибок: они так и не отстроили политический механизм, который позволял бы эффективно проводить реформы; крайне вяло, неохотно занимались социальными проблемами, порожденными рыночными преобразованиями; пренебрегли и такой важной в переходный период частью своей работы, как постоянный контакт с гражданами, объяснение населению сути происходивших реформ.

А эти проблемы были весьма острыми. Дело не только в шокирующей инфляции первой половины 90-х годов, регулярно возникавших долгах перед бюджетниками и пенсионерами. Большинство населения испытало настоящее потрясение, поскольку на глазах обрушился весь привычный уклад жизни — экономический, социальный, культурный, бытовой.

Скажем, люди, всегда гордившиеся тем, что работают на передовом оборонном предприятии, вдруг обнаружили, что их квалификация больше не нужна и едва ли будет востребована в скором времени. За годы советской власти население привыкло, что при системе «социалистического перераспределения богатства» многие услуги предоставлялись почти бесплатно. Теперь же за все надо было платить. Шок был не в том, что какая-то услуга подорожала, а в том, что раньше она ничего не стоила. Между дешевым и дорогим может быть весьма приличное, но измеримое расстояние. Между бесплатным и платным — пропасть. Но главное, что со всеми проблема-

ми людям пришлось начинать справляться самостоятельно, без ощутимого участия государства.

Б.Ельцин с большой тревогой наблюдал за первыми результатами преобразований. У него самого не было уверенности, что предложенные командой Е.Гайдара меры приведут к излечению от одной из самых застарелых болезней социализма — тотального и вечного дефицита товаров и продуктов питания. Опасения были небезосновательными. Как вспоминает Гайдар, и он сам, и члены его правительственной команды испытывали огромное напряжение в ожидании первых признаков улучшения на рынке.

Тревога усиливалась оттого, что даже демократическая пресса крайне скептически оценивала возможность прорыва. Сказывался и чисто российский менталитет: если ждешь чуда, то чтоб немедленно, на следующий же день. Но после повышения цен прошел день, два, неделя, а магазины по-прежнему пусты. Газеты разражаются очередной истерией.

К счастью, механизм запуска реформ все-таки сработал: торговая сеть стала наполняться товарами.

29 января 1992 года был подписан исторический Указ Президента № 65 «О свободе торговли», который ликвидировал монополию государства на торговлю — один из краеугольных камней советской системы. В Указе говорилось:

«1. Предоставить предприятиям независимо от форм собственности, а также гражданам право осуществлять торговую, посредническую и закупочную деятельность (в том числе за наличный расчет) без специальных разрешений, за исключением торговли оружием, боеприпасами, взрывчатыми, ядовитыми и радиоактивными веществами, наркотиками, лекарственными средствами и другими товарами, реализация которых запрещена или ограничена действующим законодательством.

2. Установить, что товары, ввозимые гражданами на территорию Российской Федерации или пересылаемые в их адрес, таможенными пошлинами не облагаются.

3. Установить, что трудовым коллективам предприятий, получивших права юридического лица... а также гражданам продажа имущества государственных и муниципальных предприятий торговли и общественного питания... производится в срок не позднее 14 дней с момента подачи заявки...

4. Установить, что предприятия и граждане осуществляют торговлю (в том числе с рук, лотков и автомашин) в любых удобных для них местах, за исключением проезжей части улиц, станций метрополитена и территорий, прилегающих к зданиям государственных органов власти и управления...»

После этого Указа стал бурно развиваться, поначалу уродливый, частный сектор, вытесняя окостеневшую систему государственной торговли.

Однако далеко не все расчеты реформаторов оправдались. Социальная цена реформ оказалась значительно выше, чем они предполагали. Реально цены выросли не на 200%, как было обещано, а в 10—12 раз. Кошельки граждан быстро пустели. Зима 1991/92 года была временем максимального напряжения и риска. Б.Ельцин вынужден был обращаться к гражданам

с просьбой потерпеть. Впрочем, он искренне верил, что терпеть придется недолго: полгода, может быть, год.

Ожидания реформ и вера в их чудесное осуществление удерживали социальный протест на достаточно низком уровне. Сокращалось производство, останавливались фабрики и заводы, особенно в военно-промышленном комплексе, а накал забастовочного движения даже снижался. После года тяжелейших реформ потери времени от забастовок в промышленности сократились в 6 раз.

И все же страх и непонимание происходившего порождали энергию социального недовольства. А туда, где она накапливалась, устремлялись отечественные экстремисты. Стерегли удачу и, улучив момент, призывали народ силой исправлять несправедливость, звали его по мятежной русской традиции «к топору».

В первых рядах вновь были коммунисты. Довольно быстро оправившись после путча августа 1991 года, они всеми доступными средствами пытались разжечь социальный пожар, звали на борьбу с «оккупационным режимом». В этот период труднее всех, пожалуй, было даже не Б.Ельцину, а Е.Гайдару. Его громили и слева, и справа. Одни за «ограбление народа» и «распродажу страны», другие — из лагеря радикалов — за медлительность и непоследовательность. Критики постоянно указывали на более удачный опыт либеральных реформ в странах Восточной Европы, выпавших из сферы влияния СССР, — Чехии, Венгрии, Польши.

Атака на Правительство Гайдара была столь сильна, что Ельцину пришлось публично защищать его в прессе. Противники «шоковой терапии» распускали слухи о скорой замене Е.Гайдара на Г.Явлинского, который, по их мнению, стал бы проводить более умеренную и социально ориентированную политику.

Защищая Е.Гайдара, Б.Ельцин в интервью газете «Комсомольская правда» (27 мая 1992 года) прямо заявил, что «Гайдар — это находка». И пояснил: «Находка в том плане, что в нашей стране, стране зацикленной старой системы, люди ни экономически, ни по опыту жизни даже не приспособлены во многом к иному. Да, это недостаток Гайдара, что нет у него производственного опыта. Но, может быть, в этом и главное условие — реформа не давит его. Если бы он был бывшим директором крупного завода, он не сумел бы провести реформу. Его все время тянул бы груз старого опыта. Кто знал Гайдара полгода назад? А сегодня и Россия, и СНГ, и весь мир знает его. Думаю, что еще через полгода вы совершенно иначе, чем сегодня, оцените его линию».

Однако для авторитета Президента «шоковая терапия» не прошла даром, ведь в общественном мнении Правительство воспринималось как Правительство Ельцина—Гайдара. Если бы не огромный запас прочности, который Борис Николаевич обрел в августе 1991 года, реакция общества на радикализм реформаторов была бы жестче и болезненнее. Поддержкой гайдаровского направления реформ Б.Ельцин, в сущности, растратил немалую часть своего политического веса. Уже через месяц после начала «шоковой терапии» опросы зарегистрировали падение его популярности.

Президент тяжело переживал тяготы первого этапа реформ. В то время он сам внимательно следил за оценками прессы, старался вникать в са-

мые сложные детали либеральной политики, был в курсе оценок, которые давались населением Гайдару и его Правительству. Им все чаще овладевали сомнения, переходившие порой в депрессию. Он явно не был готов к тому, что реформы так болезненно скажутся на жизни и настроениях россиян. Ельцин оказался в сложнейшей ситуации: отказаться от реформ уже невозможно, так как советский механизм экономического регулирования почти полностью разрушен, но страшно и продолжать реформы по формулам Гайдара.

То, что приветствовала и поддерживала демократическая элита, ненавидевшая тоталитарный режим, у широких масс не вызвало большого восторга. С одной стороны, сказывалась ностальгия по «великому и могучему Советскому Союзу», а с другой — обрушившиеся на миллионы семей трудности, которые явились следствием «шоковой терапии».

В 1992—1993 годах ситуация в экономике действительно была очень сложной. Продолжался тяжелый спад производства. Так, за 1993 год в легкой промышленности объемы выпуска продукции снизились на 24%, что выглядело просто катастрофой: ведь в 1992 году падение и так составило 31%. Еще быстрее свертывалось наукоемкое производство, станкостроение. Например, известный московский завод «Красный пролетарий» выпустил в марте 1993 года всего шесть современных станков (3% от марта 1992 года).

Бушевала инфляция. За десять месяцев 1993 года индекс потребительских цен составил не менее 670%. В одном только октябре 1993 года инфляция достигла 20%. «Постарался» и Верховный Совет, приняв в пику исполнительной власти сугубо инфляционный бюджет на 1993 год, что подрывало и без того слабые финансы. Денежная эмиссия в то время была просто чудовищной: в первой половине 1993 года она составляла примерно 60% в месяц.

Единственным «утешением» для населения стало обилие продуктов питания и ширпотреба, появившихся в магазинах и на рынках. Все остальное выглядело как сплошной обвал.

Сложно было понять, что, собственно, творилось в самом экономическом механизме. Правительство говорило о реформах, а в 90% городов местные власти продолжали планировать цены на потребительские товары. Правительство говорило о рыночной экономике, а не менее 65% предприятий оставались в государственной собственности. Правительство говорило о системе частных банков, а 40% общей суммы банковских кредитов составляли централизованные льготные кредиты ЦБ. Причем из всех кредитов, получаемых промышленностью, 75% доставалось государственным предприятиям.

«Человек с улицы» был испуган, растерян и подавлен. И тем не менее, согласно опросам, в конце 1992 года 60% населения поддерживало рыночные реформы. В то же время почти столько же (50%) выступало против любых форм приватизации. И эти две несовместимые позиции спокойно уживались в голове одного и того же человека, просто не понимавшего, что происходит с ним и со страной. Не стали исключением и народные депутаты. Они были дезориентированы не меньше, чем те, кто их избрал. Многие из них считали, что нужно крутануть штурвал назад, вернуть жесткий гос-

контроль как что-то знакомое, привычное. Так что экономическая основа противостояния с Президентом просматривалась весьма отчетливо. Оставалось собрать отрицательную энергию депутатов и направить в нужное русло, указав врага — Президента и Правительство, что и сделало руководство Верховного Совета.

Анализ, проведенный Администрацией Президента в марте 1993 года, показал, что около 60% депутатов составляют стойкую оппозицию и готовы требовать отставки Президента и Правительства. Твердой реформаторской ориентации придерживалось не более 20% депутатского корпуса. Примерно таким же был уровень поддержки Правительства. К тому же большинство депутатов имели весьма смутные Представления об экономике и были подвержены популизму. Они требовали забыть о борьбе с инфляцией и во что бы то ни стало «снабдить» производство оборотным капиталом, в частности, увеличить централизованные кредиты ЦБ по льготным ставкам, которые через банки должны были идти исключительно в производственный сектор. Естественно, что с таким составом депутатов реформаторам было крайне сложно найти общий язык.

Ситуация осложнялась тем, что и в самом Правительстве не было единства. Радикальным реформаторам противостояли «хозяйственники» старой школы во главе с О.Лобовым. К тому же ЦБ предлагал решить проблему неплатежей путем прямого эмиссионного кредитования Правительства.

Однако после либерализации цен оказалась сорванной крышка котла, десятилетиями копившего инфляционную энергию. Произошел открытый ценовой взрыв невероятной силы, и без жесткого «саркофага» он мог разнести все вокруг. И, несмотря на эту очевидную опасность, со второй половины 1992 года было допущено послабление антиинфляционной политики, продиктованное главным образом политическими обстоятельствами: Правительство хотело навести мосты с законодательной властью. Но в итоге рассорилось еще больше; экономике и реформам был нанесен ущерб. Президента начали обвинять в непоследовательности.

Социальная напряженность, подогреваемая коммунистической оппозицией, росла буквально на глазах. Ельцин, привыкший к популярности, оказался не только в политически, но и психологически сложной ситуации. Ушли в прошлое времена, когда улица приветствовала его как народного героя, который «накормит, напоит и успокоит». Пожалуй, впервые он остро почувствовал, что ситуация в корне изменилась, на открывшемся 6 апреля 1992 года VI съезде народных депутатов РСФСР. На нем Ельцин столкнулся с жестким отторжением своей политики. Шок для него был тем более сильным, что в памяти хранились совсем иные времена и картины — съезды, на которых он воспринимался как признанный лидер и борец с номенклатурой.

Обвинения в его адрес, перемешанные с откровенной ложью и демагогией, сыпались с трибуны VI съезда народных депутатов как из рога изобилия. Ельцина обвиняли даже в том, что он подрывает деторождаемость в стране и из-за этого Россию ждет демографическая катастрофа. Демографические показатели действительно были неблагоприятными, но ученые предсказывали падение рождаемости еще 30 лет назад. Один из депутатов

обвинил Президента в том, что в возглавляемом им Правительстве большинство евреев. Ельцин ради любопытства попросил подготовить справку. Оказалось — ложь.

Но были и реальные основания для критики. Финансовая стабилизация, о которой так много говорили реформаторы, не наступала. Инфляция с начала реформ увеличилась в 3,5 раза. Санация экономики, начатая Правительством, привела к резкому спаду производства. Отмена существовавшей в СССР системы государственных закупок готовой продукции (часто некачественной и никому не нужной) привела к закрытию или к работе не на полную мощность сотен заводов и фабрик. Сторонники Ельцина с трудом отбивались от града реальных и заведомо фальшивых обвинений. На VI съезде впервые прозвучали требования об отставке Правительства.

Оказавшись под огнем жесткой критики, не привыкший действовать в условиях существования сильной оппозиции, Б.Ельцин явно растерялся. Ведь до сих пор обычно он сам находился в оппозиции. Получив холодный душ в первый же день Съезда, он вспылил и решил больше не ходить на его заседания, чтобы, по его признанию, не выслушивать оскорбления, на которые он не мог ответить в силу своей должности.

Проблемы Президента усугублялись и начавшимся кризисом демократического движения в России. Ельцин не оправдал надежд многих демократов на то, что с его приходом к власти после августовского путча 1991 года перед ними широко откроются ворота в правительственные структуры.

Демократы требовали от Ельцина согласования с ними кандидатур при назначении на важные государственные посты. Президент же не желал становиться заложником кого бы то ни было и по этой же причине не оказал поддержки движению «Демократическая Россия», вокруг которого тогда группировались его сторонники. К тому же социальная база движения была невелика, группы «демороссов» существовали лишь в крупных городах. Для строительства сильной пропрезидентской партии не было достаточных предпосылок.

Б.Ельцин решил, что ему политически выгоднее быть «президентом всех россиян», и ассоциировать себя с какой-то одной демократической партией он не хотел. Видел он и организационную беспомощность демократов, их внутренние идеологические и личностные противоречия, амбициозность и капризность.

О кризисе демократического движения свидетельствовало и то, что из «Демократической России» в январе 1992 года вышли такие заметные фигуры, как Ю.Афанасьев, Л.Баткин, Ю.Буртин и другие.

Такая опора в нарастающей конфронтации с законодательной властью была слабой и ненадежной. Ельцину приходилось больше надеяться на те ресурсы, что, как говорится, были под рукой. Однако «мозговой центр», руководимый Г.Бурбулисом, оказался не готовым к столь жесткой схватке с оппозицией. Последняя пользовалась интеллектуальным ресурсом советской номенклатуры, оставшейся «бесхозной» после распада КПСС. Р.Хасбулатов перетянул в Верховный Совет лучшие кадры бывшего Секретариата ЦК КПСС, обладавшие огромным организационным опытом. На первых порах команда Ельцина проигрывала в бюрократических

схватках команде Хасбулатова, и это отчетливо проявилось на VI съезде народных депутатов.

В этих условиях Е.Гайдар предложил пойти на обострение и заявить о коллективной отставке своего Правительства. Идея этого тактического шага состояла в том, чтобы угрозой отставки поляризовать ситуацию на Съезде и поставить депутатов перед необходимостью сделать выбор. Ответственность за этот выбор ложилась бы уже на них.

Были и другие резоны. Вот как описывает ситуацию сам Гайдар: «До VI съезда Правительство было просто командой технических специалистов, приглашенных Ельциным на работу и прикрытых его политическим авторитетом. После принятия решения (об угрозе коллективной отставки. — *Авт.*) оно становилось самостоятельным игроком на политической сцене».

Однако это предложение Ельцину не понравилось. Идея более жесткого разговора со Съездом, ставшим главным политическим и пропагандистским инструментом в руках оппозиции, пока еще не воспринималась Президентом. Он полагал, что путем компромиссов с законодательной властью можно будет договориться о совместных действиях. К тому же он опасался, что Съезд с легкостью примет отставку, и тогда пришлось бы формировать новую команду — «менять коней на переправе» — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Из бурного VI съезда Ельцин сделал для себя важный вывод. Ему стало ясно, что в условиях нараставшей критики реформ политически опасно опираться исключительно на команду реформаторов, пришедших в Правительство вместе с Е.Гайдаром. Ведь у них самих в обществе не было существенной опоры. В случае перехода конфронтации в открытую стадию (а оппозиция из всех углов кричала о возможности гражданского неповиновения) демократы не могли бы мобилизовать массы — как это было еще год назад — на защиту реформ и демократии.

Для спасения курса реформ Ельцину пришлось прибегнуть, с одной стороны, к кадровым маневрам, создававшим у противников иллюзию уступок, а с другой — к превентивным и угрожающим мерам, чтобы охладить пыл оппозиции, и прежде всего ее коммунистической составляющей.

Маневрируя и пытаясь снизить накал критики со стороны промышленного лобби, Ельцин в мае 1992 года вводит в состав Правительства Георгия Хижу, который до этого работал заместителем мэра Санкт-Петербурга. Это была не вполне удачная попытка разбавить концентрацию реформаторов-теоретиков «опытными хозяйственниками». Новый вице-премьер стал одним из каналов поступления к Ельцину информации из кругов, которые не разделяли идеологию гайдаровских реформ. К одному из заседаний Правительства Г.Хижа подготовил для Ельцина записку, в которой сетовал на «беспрецедентное в мировой практике снижение военных заказов — на 68%». Пугающе звучала и цифра сокращения рабочих мест в военно-промышленном комплексе — на 1 млн. человек в год.

Впоследствии Борис Николаевич сам убедился, что тактика уступок и компромиссов была непродуктивной и вредной: они лишь разжигали аппетиты оппозиции. Но весной 1992 года Ельцин еще верил в возможность налаживания конструктивного диалога.

Глава 2

Будни Кремля и Старой площади

(1991—1994)

«...и другие официальные лица»

В организационных и кадровых вопросах Б.Ельцин не был новичком. За годы партийной работы ему приходилось вникать во все тонкости этой сферы. С того времени у него сложилась неприязнь к порядкам и нравам, которые, как ему казалось, органически присущи чиновничеству.

Но тем не менее эмоциональная сторона уступала место пониманию того, что без собственной, президентской структуры власти не обойтись. Необходимо было создать внутри этой структуры такие механизмы, которые помогли бы минимизировать недостатки, сделали бы ее более подконтрольной и работоспособной. Иными словами, замысел Ельцина состоял в том, чтобы набросить на чиновничий аппарат своеобразную узду, которая позволила бы ему управлять аппаратом, а не наоборот.

Ключевое значение имела для президента информация о событиях и процессах, происходящих в стране и мире, о деятельности тех или иных руководителей других структур и ветвей российской власти. Понятно, что от достоверной информации, точности оценок и даже от тональности слов напрямую зависели его представления о положении дел и последующие действия. Поэтому было важно воспрепятствовать какой-либо группе установить монополию на доступ в его рабочий кабинет, на исключительную возможность лично докладывать, вносить и мотивировать проекты решений.

Такие механизмы управления создавались постепенно, шаг за шагом. В итоге получилась система, основанная на принципе сдержек и противовесов путем создания дублирующих структур, альтернативности источников информации и вариантов принятия решений, ротации кадров.

В этот бурный период команда Президента в целом справлялась с текущей работой. Но выстроить стратегию на длительный период не хватало ни опыта, ни сил, ни времени. Она скорее работала как «пожарная команда».

Отсутствие продуманной стратегии нередко приводило к ошибочным решениям, которые только обостряли напряжение между исполнительной и законодательной властью. Так было, например, с идеей объединить систему органов государственной безопасности (бывший КГБ) и систему Министерства внутренних дел. Мотивы, которые подтолкнули Президента к этому шагу, в целом понятны. Обстановка в стране и в столице в 1992 году была крайне напряженной. Время от времени рождались слухи о возможности государственного переворота, и Б.Ельцин хотел сосредоточить в своих руках более жесткий контроль над силовыми структурами.

Однако этот проект при его реализации создал бы настоящего «силового монстра». Своего рода новый НКВД мог стать серьезной угрозой

демократии. На этой основе возник и серьезный конфликт с Верховным Советом. В ответ на соответствующий указ Б.Ельцина Председатель Верховного Совета Р.Хасбулатов провел постановление, в котором фактически давалось указание Советам на местах не подчиняться Президенту. Конституционный Суд, для которого это было первым принятым к слушанию делом, признал указ Ельцина противоречащим Конституции.

Костяк президентской команды Б.Ельцин сформировал традиционным способом — взял туда тех, кого хорошо знал по Свердловску, Госстрою, Московскому горкому. Это была небольшая по численности группа людей, которых он знал лично и на которых мог положиться. Наиболее близкими к нему стали недавние свердловчане Г.Бурбулис, Ю.Петров, В.Илюшин, А.Царегородцев и москвичи Л.Суханов, М.Полторанин, А.Коржаков. Потом Ельцин не раз практически полностью менял людей в своем ближайшем окружении. Обычно не объяснял причины увольнения, очень редко встречался с тем, с кем расстался.

После президентских выборов 1991 года Геннадий Эдуардович Бурбулис был назначен на специально учрежденный для него пост Государственного секретаря Российской Федерации и возглавил Государственный совет. Затем он занял должность первого вице-премьера российского Правительства.

В августе 1991 года, незадолго до путча, была создана Администрация Президента РСФСР. Ее руководителем стал Юрий Владимирович Петров, сменивший Б.Ельцина в Свердловском обкоме КПСС, а после работавший послом СССР на Кубе.

Виктор Васильевич Илюшин, длительное время являвшийся помощником Б.Ельцина в бытность его первым секретарем в Свердловске и Москве, стал руководителем его Секретариата.

Особую расположенность и доверие Б.Ельцин испытывал к тем, кто оставался с ним во времена его опалы. В Госстрое он близко сошелся с Л.Сухановым, который стал работать в Секретариате в должности помощника президента. А.Коржаков продолжил свою профессиональную карьеру, получив назначение на пост руководителя президентской Службы безопасности.

Таким образом, около Б.Ельцина оказались люди, которых по взглядам и подходам трудно назвать единомышленниками и соратниками. Г.Бурбулис имел репутацию радикального демократа, сторонника коренной ломки политических, экономических, кадровых структур. Ю.Петров воспринимался как консерватор, как человек, который не склонен перечеркивать прошлое. В.Илюшин чрезвычайно осторожно проявлял свои взгляды и оставался для многих загадочной фигурой, в результате чего ни демократы, ни консерваторы не считали его полностью своим.

Столь неоднородный состав ближайшего окружения Б.Ельцина на старте президентской карьеры не был случайным и представляется весьма показательным. В сочетании людей разных взглядов явно просматривается желание уравновесить в своей команде крайности, подстраховаться от возможных перегибов. Этому принципу Б.Ельцин старался следовать и в дальнейшем.

Группу референтов (спичрайтеров), занимавшуюся наряду с подготовкой выступлений Президента также и аналитической работой, составили сотрудники Уральского политехнического института Г.Харин (к сожалению, вскоре ушедший из жизни), Л.Пихоя и А.Ильин. Позже, в 1992 году, в группу влились историки из Москвы В.Кадацкий и К.Никифоров. Президент с самого начала попросил, чтобы эта работа велась максимально конфиденциально, чтобы спичрайтеры «не светились» на публике и в прессе. Пожелание Б.Ельцина стало правилом для них на протяжении всего периода работы в Кремле.

В отношении среднего и низшего уровня государственных служащих было найдено простое решение — локаут не объявлять, оставить всех на своих местах. Хотя некоторые радикальные демократы настойчиво призывали провести, по примеру ряда бывших соцстран, политическую чистку государственного аппарата, Президент эту идею отверг.

Но «бережное отношение к кадрам» приводило к значительным издержкам. Многие госслужащие в силу своего опыта и образования не могли работать по-новому. Немало было и таких, кто не скрывал своей враждебности к демократическим преобразованиям и к самому Президенту.

В этой связи вспоминаются красноречивые картинки начала 90-х годов, характеризующие состояние умов рядовых сотрудников президентских структур. По утрам, на выходе из метро, по пути к своим кабинетам на Старой площади, они выстраивались в очереди за антиельцинскими газетами «Правда», «Советская Россия», «День». Естественно, такие политические настроения — с умыслом или без — переносились на работу. Но политических разборок и сведения счетов, подписания каких-либо деклараций о политической благонадежности в президентских структурах не было, и никто из чиновников не пострадал за свои политические убеждения.

Нельзя сказать, что с самого начала существовала четкая кадровая политика или хотя бы продуманная система подбора кадров, но некоторые критерии все-таки были. Так, путь к российскому Президенту был, естественно, заказан тем, кто участвовал в публичной кампании его травли в период опалы.

С настороженностью относились к бывшим членам команды и сотрудникам аппарата М.Горбачева. В годы перестройки Президент СССР сумел привлечь к себе едва ли не весь цвет научной и культурной интеллигенции. Из-за разочарований в перестройке и в ее авторе ряды почитателей значительно поубавились. Хотя многие вплоть до последнего момента оставались около него. Обращаться к ним с предложениями о сотрудничестве считалось зазорным. Тем самым от властных структур отсекался значительный пласт профессионалов, которые в идеологическом и человеческом плане не входили в круг противников Б.Ельцина (часто даже наоборот) и могли принести немалую пользу и ему, и делу реформ.

По логике вещей основным ресурсом кадрового пополнения должны были бы стать активисты демократического движения. И действительно, прежде всего из числа демократических депутатов стали заполняться вакансии на руководящие посты в Администрации. Но тут сразу же возникли препятствия другого рода. Для многих демократов — известных

в стране политиков — родной стихией были публичные выступления на митингах, политические дискуссии, полемика в средствах массовой информации, но к кабинетной, рутинной работе они не испытывали особого расположения.

К тому же переход «в чиновники», естественно, накладывал известные ограничения на публичную политическую деятельность. Участвуя в разработке государственной политики, они как госслужащие после принятия решений на высшем уровне обязаны были сообразовываться с ними и проводить президентский курс. В данном случае речь, конечно, идет не о пресловутом запрете на собственное мнение или о покушении на свободу слова, а о профессиональной этике и корпоративной корректности.

В России же на заре демократии дело доходило до абсурда. Нередко бывало, что высокопоставленные чиновники вступали друг с другом в полемику, делали взаимоисключающие заявления. Случалось, что публично выражали несогласие и подвергали критике своего «начальника» — Президента Б.Ельцина, уйти же в отставку хватало воли далеко не всем.

В целом слой демократов в президентских структурах оказался весьма тонким. Это обстоятельство, как уже отмечалось выше, вызывало многочисленные обиды, недовольство. Чаще всего их приходилось выслушивать главе Администрации Президента Ю.Петрову и руководителю Службы помощников В.Илюшину. Им припоминали их партаппаратное прошлое, в нем находили объяснение того, что демократов не допускают в команду Президента. Ю.Петров и В.Илюшин действительно не участвовали в демократическом движении и не были особенно близки с его деятелями, однако неверно приписывать им некую оппозиционность к демократическим преобразованиям. Правильнее сказать, что в президентских структурах они выступали скорее в роли технократов. Тем не менее они предпринимали немалые усилия, чтобы поддержать контакты Ельцина с демократическими лидерами. А Президент шел на них все неохотнее.

Критика президентской команды усилилась, когда в ней начали укрепляться позиции Ю.Скокова. С августа 1991 года он являлся советником Президента по экономическим вопросам, а затем был назначен секретарем созданного Совета безопасности. Демократы единодушно причисляли его к противникам реформ, и на то были веские основания. Ю.Скоков — человек прежней системы — просто ненавидел Е.Гайдара. Тем не менее Ельцин рассматривал даже вариант его назначения премьер-министром, и только бурные протесты демократического крыла его окружения предотвратили это кадровое решение. Ю.Скоков был одним из немногих лиц в окружении Президента, которые считались своими в руководстве Верховного Совета и имели всю информацию о том, что происходит в «стане противника».

В своих мемуарах Б.Ельцин так описал сложности своих взаимоотношений с этим человеком: «К концу 1992 года у него появилась одна странность в поведении. При встречах со мной он настолько горячо, настолько часто твердил: «Борис Николаевич, вас окружают враги, я единственный, кто вам предан...» Я думаю, что этому сильному человеку просто трудно было сделать выбор. Ведь его служение демократическому правительству было «браком по расчету». Такие вещи трудно даются.

Зная о том, что готовится в парламенте, имея достоверную информацию из разных источников, Скоков не смог определить свою позицию, и это его сломало»*.

Ю.Скоков завел разветвленные связи в силовых структурах, с руководителями субъектов Федерации, умело пользуясь ослаблением федерального Центра и противостоянием ветвей власти. Через некоторое время он фактически стал неформальным лидером региональной фронды, и Президент, почувствовав опасность, в конце концов избавился от него.

Вероятно, тогда впервые в негативном контексте зазвучала тема «президентского окружения». Тогда его раскрашивали красным цветом и называли чуть ли не оплотом антиреформаторских сил.

Интересно вспомнить о критериях отбора представителей Президента в регионах и глав администраций краев и областей после подавления августовского путча. Их сформулировал сам Б.Ельцин: приверженность демократическим реформам, организаторские способности, авторитет среди населения. По этим признакам представителем Президента в Горьковской области, а в декабре 1991 года главой областной администрации был назначен народный депутат РСФСР, участник защиты Белого дома Б.Немцов, главой администрации Куйбышевской области — председатель Куйбышевского горисполкома К.Титов, главой администрации Астраханской области — секретарь обкома партии, председатель исполкома облсовета А.Гужвин. В то же время главой администрации Новосибирской области стал В.Муха, до этого совмещавший посты первого секретаря обкома КПСС, председателя областного Совета народных депутатов и председателя президиума облисполкома. Это один из примеров того, что Б.Ельцин не пренебрегал коммунистической номенклатурой, в чем иногда раскаивался. Так, В.Муха в октябре 1993 года выступил на стороне противников Б.Ельцина и был снят со своего поста, но в конце 1995 года сумел вернуть себе этот пост, одержав победу на губернаторских выборах.

«Сдержки и противовесы»

Ключевую роль в президентских структурах задумывалось отвести Государственному совету во главе с Г.Бурбулисом. Предполагалось, что этот орган будет вырабатывать для российского президента стратегию по ключевым направлениям развития. На должности государственных советников были назначены известные политики и союзники Б.Ельцина по демократическому движению С.Станкевич, Г.Старовойтова и другие. В их задачу входила подготовка аналитических материалов и рекомендаций для Администрации Президента. Но прямых контактов и личных встреч с Президентом, за редкими исключениями, у них не было. Готовые материалы передавались через руководителя Администрации или первого помощника.

Проблемы с Госсоветом стали возникать с самого начала. Первая из них прозаическая — неурегулированность вопросов штатного расписания и размещения новой структуры. Организационными делами ведал

* **Ельцин Б.Н.** Записки Президента. М., 1994. С. 263.

руководитель Администрации. Однако в данном случае речь шла не просто о технических вещах. Идейные и аппаратные противоречия между Ю.Петровым и Г.Бурбулисом делали эту проблему неразрешимой. За помощью Г.Бурбулис вынужден был обращаться к Президенту.

Вторая проблема касалась характера работы Госсовета. Заседания проводились без необходимой подготовки. Выступления нередко были либо поверхностными, либо абстрактными. Президенту не предлагались альтернативные варианты и не просчитывались последствия тех или иных предлагаемых решений. Попытки устранить эти недостатки в деятельности Госсовета встречали непонимание и обиды со стороны советников.

Деликатной оказалась и проблема статуса Госсовета. Некоторые его члены, исходя из самооценки заслуг в борьбе за демократию, настаивали на том, чтобы сделать этот орган подобием коллективного президента чуть ли не с правом блокировать решения Б.Ельцина, Правительства, других властных структур. Претензии некоторых членов Госсовета были слишком завышены, и это стало очевидным, в том числе и Президенту. Президент начал постепенно отдаляться от своего Госсовета, перепоручив Г.Бурбулису председательствовать на его заседаниях. Тем самым он стал превращаться в монопольного транслятора высказываемых там идей. Амбициозным политикам не нравилось, что их предложения теряли авторство. Госсовет стал снижать свою активность, а с назначением Г.Бурбулиса первым заместителем Председателя Правительства тихо сошел на нет.

Вершиной президентской вертикали должна была стать Администрация. Предполагалось, что она будет обеспечивать как планирование перспективной деятельности Президента, так и текущую работу по вопросам, входящим в сферу его конституционных полномочий. Если выделять наиболее важные функции, то это, бесспорно, подготовка проектов решений, направляемых на подпись Президенту, и осуществление контроля за уже принятыми. Руководитель администрации регулярно, как минимум раз в неделю (фиксированным днем был понедельник), встречался с Президентом.

В рамках Администрации по конкретным направлениям создавались соответствующие структурные подразделения — политическое, информационно-аналитическое, организационное, по работе с территориями, делопроизводства, различные вспомогательные службы. Они объединялись в отдельные блоки, работу которых курировали заместители руководителя Администрации. С течением времени эти направления «подразбивались», детализировались, создавались дополнительные. В целом структура Администрации усложнялась не без усилий прежнего аппарата, а кадровый состав разбухал.

Наглядное представление о динамике развития президентской Администрации дают ее телефонные справочники. Если в середине 1992 года названия всех структурных подразделений вместе с поименным перечнем сотрудников умещались на нескольких страницах, то затем приходилось печатать довольно толстую книжку — в 200 с лишним страниц.

Объем, структура и кадровый состав Администрации постоянно находились под пристальным контролем СМИ, в газетах неоднократно публиковались указы Президента о реорганизации его главного инструмен-

та власти, по телевидению показывали схемы и диаграммы, поясняющие новую структуру. Тем не менее в прессе время от времени появлялось устаревшее и совершенно мифологическое клише: дескать, Администрация дублирует Правительство и в этом смысле мало чем отличается от ЦК КПСС. Это не соответствовало действительности.

Администрация Президента всегда включала два типа подразделений — обеспечивающих и функциональных. К первым относились структуры типа организационного отдела или отдела писем. Ко вторым — государственно-правовое управление (подготовка президентских нормативных актов; экспертиза законопроектов, поступающих из законодательных органов), территориальное управление (работа с субъектами Федерации), аналитическое управление и т.п. В отличие от аппарата ЦК КПСС в Администрации никогда не было «отраслевых отделов» вроде сельскохозяйственного или промышленного.

При Президенте действовали, помимо прочего, общественные комиссии, такие, как по реабилитации жертв политических репрессий, по помилованию, по правам человека и т.д. В них работали (принимали решения) не чиновники Администрации (они осуществляли только техническую поддержку), а видные представители демократической общественности.

Еще одной ключевой структурой, находившейся в прямом подчинении Президента, была Служба помощников, до лета 1992 года — секретариат Президента. Этим немногочисленным и простым по структуре подразделением руководил — в должности первого помощника — В.Илюшин. Впрочем, руководил — неточное слово. Скорее, координировал деятельность помощников Президента, число которых до 1996 года увеличилось с трех-четырех до десяти. Каждый из них имел небольшой аппарат сотрудников: два-три человека.

С самого начала в этой службе работали помощники Президента Лев Суханов (внутренняя политика, позже — взаимодействие с законодательной властью), Анатолий Корабельщиков (работа с регионами), Дмитрий Рюриков (внешняя политика). В состав ее входили также пресс-секретарь Павел Вощанов, затем Вячеслав Костиков (1992—1995 годы), руководитель протокольной службы Владимир Шевченко, заведующий канцелярией Валерий Семенченко, группа референтов (спичрайтеров) Президента во главе с Людмилой Пихоя. Позже пресс-секретарь, начальник службы протокола и заведующий канцелярией в дополнение к своей должности получили статус помощников Президента. В середине 1993 года Служба помощников пополнилась Юрием Батуриным (правовые вопросы, затем — вопросы национальной безопасности), в начале 1994 года — Георгием Сатаровым (внутриполитические вопросы, связь с парламентом), несколько позднее — Александром Лившицем (экономика), Михаилом Красновым (правовые вопросы), Борисом Кузыком (военно-техническое сотрудничество), Евгением Шапошниковым (авиация и космос).

В.Шевченко и Ю.Батурин ранее работали в команде М.Горбачева. Первый возглавлял у Президента СССР протокольную службу, второй работал в аппарате Г.Шахназарова, помощника М.Горбачева. Их приход в Кремль, учитывая недавнее прошлое, был скорее исключением из пра-

вил. Для В.Шевченко пропуском послужили его исключительный профессионализм и человеческая порядочность. Ю.Батурину пришлось пройти своеобразный испытательный срок в качестве члена Президентского совета и доказать на деле свою компетентность в горячее и сложное время.

Служба помощников обеспечивала деятельность только Президента, работая с ним в повседневном, оперативном режиме, и в этом смысле находилась как бы на самом острие политики. Каждый из помощников, а также спичрайтеры имели прямые телефоны с Президентом и могли общаться с ним лично. Через помощников проходили почти все материалы и документы, поступавшие на имя Президента из различных ведомств и других ветвей власти, которые затем с соответствующими заключениями помощников поступали Б.Ельцину и после прочтения возвращались обратно с его резолюциями и поручениями в адрес конкретных лиц в Администрации, Правительстве, других федеральных и региональных органах власти.

Помощники в рамках своего направления (иногда и шире) обращались к Президенту со служебными записками аналитического характера, выступали с инициативами и предложениями в широком диапазоне — от организации разного рода мероприятий и акций до стратегических разработок в той или иной сфере — и в случае согласия Президента осуществляли необходимую подготовительную работу, используя при необходимости возможности других структур и ведомств.

Понятно, что от того, кто и как часто был вхож к Б.Ельцину, кому удавалось проложить свои каналы влияния на главу государства, судили о степени значимости и о месте на кремлевской иерархической лестнице. Идеи и предложения, которые исходили от Службы помощников, как правило, находили поддержку у Президента. В конечном счете преобладающая часть содержательной работы по обеспечению деятельности президента, по формулированию стратегических задач со временем перешла к Службе помощников.

В начале 1993 года Президент отправил Ю.Петрова в отставку и назначил руководителем своей Администрации С.Филатова. У этого события были своя предыстория и внутренняя логика. В значительной степени замену Ю.Петрова на С.Филатова можно считать знаковой для понимания последующих действий президента в отношении депутатского корпуса.

В адрес Ю.Петрова не ослабевал поток критики со стороны демократических СМИ. Его обвиняли в сговоре с бывшими партработниками с целью помешать проведению реформ и взять номенклатурный реванш. Масла в огонь добавили попытки сформировать и поставить под свой контроль единый аппарат президентской власти. Главным оппонентом Ю.Петрова выступал Г.Бурбулис, за которым стояло Правительство. Их отношения не раз доходили до грани разрыва, и на протяжении всего 1992 года первый зампред Правительства уговаривал Президента отправить главу Администрации в отставку.

Не в характере Б.Ельцина было обращать внимание на «производственные отношения» вокруг себя и заниматься примирением подчиненных. В вопросах же увольнения он следовал раз и навсегда установленному

правилу — не идти на поводу у чьих-либо антипатий и не поддаваться нажиму, держать около себя сотрудника, которому доверяет и которого считает полезным. В полной мере это относилось и к случаю с Ю.Петровым. В перипетиях междоусобиц глава Администрации подал Б.Ельцину прошение об отставке, но Президент ответил отказом. Одна из главных причин заключалась в том, что в тех политических условиях он рассчитывал на связи Ю.Петрова в стане левой оппозиции.

В депутатском корпусе было немало членов и сторонников компартии, с которыми Ю.Петров был хорошо знаком еще по прошлой карьере. И в отличие от своего шефа не сжигал мостов к ним. Действуя в том числе и в этом направлении, глава Администрации должен был сделать все, чтобы отсечь от Р.Хасбулатова и перетянуть на сторону Б.Ельцина как можно больше депутатов, приглушить конфронтацию и склонить законодательную власть к взаимопониманию с Президентом. Миссия, которая была возложена на Ю.Петрова, чем-то напоминала роль А.Руцкого времен президентских выборов 1991 года. Но, как показал VII съезд народных депутатов, Ю.Петров с ней не справился, и час его увольнения пробил.

Свой выбор Президент, как уже говорилось, остановил на С.Филатове. Заместитель Председателя Верховного Совета считался одним из лидеров демократического крыла в депутатском корпусе, и к этому моменту его отношения с Р.Хасбулатовым крайне обострились. Предложение занять пост руководителя Администрации пришлось ему как нельзя кстати.

Однако уход С.Филатова из Белого дома имел и негативные последствия: он значительно ослаблял позиции Президента в депутатском корпусе. Там произошло окончательное размежевание депутатов на сторонников Р.Хасбулатова и его противников, причем со значительным перевесом в пользу спикера. Тем не менее С.Филатов стал нужен Президенту именно в Администрации и именно в январе 1993 года.

Во-первых, после того как пришлось расстаться с Г.Бурбулисом и Е.Гайдаром и поставить во главе Правительства В.Черномырдина, о котором говорили как о представителе административно-командной системы, необходим был противовес на демократическом фланге на тот случай, если в правительственном курсе обозначится чрезмерный крен влево.

Во-вторых, тот факт, что ключевую должность в президентском аппарате занял открытый противник Р.Хасбулатова, свидетельствовал о том, что у Президента иссякают надежды на мирное урегулирование разногласий с депутатским корпусом, и отношения между ними вступают в новую стадию. Б.Ельцину нужна была поддержка демократических сил, и обеспечить консолидацию сторонников должен был С.Филатов.

В кадровой области выражением этого курса стало обновление состава Администрации. Вернее, не столько обновление, сколько расширение за счет массового притока новых сотрудников. Вслед за С.Филатовым покинули свои места в Верховном Совете и перебрались в Администрацию народные депутаты демократического крыла. С.Красавченко стал первым заместителем, а В.Волков — заместителем руководителя Администрации, П.Филиппов — руководителем аналитического центра по социально-экономической политике и т.д.

Действительно, условия работы для демократов в Верховном Совете стали невыносимыми. Чувствуя себя полновластным хозяином, Р.Хасбулатов подвергал их постоянной травле и гонениям, осыпал оскорблениями. Выдерживать все это было трудно, да и не имело смысла, поскольку мнение демократического меньшинства в парламенте уже никого не интересовало.

С приходом С.Филатова стиль работы Администрации существенно изменился. В коридорах власти все чаще появлялись люди демократических убеждений, стало больше открытости, больше общения с представителями политических, общественных, творческих организаций. В его работе на посту руководителя президентской Администрации проглядывал остаточный демократический романтизм. Безусловно, он стремился наладить и укрепить общедемократический процесс в стране, вовлечь в него более широкие круги интеллигенции. Но средства и ресурсы, которые он мог привлечь, были ограничены. Многие мероприятия Администрации приходилось проводить «на общественных началах», а это всегда малоэффективно и граничит с политической кустарщиной. С.Филатов — человек, безусловно, лояльный к Президенту, между тем всегда действовал, исходя именно из политической лояльности, а не личной преданности. Со временем это стало создавать ему определенные трудности.

Работу также отягощали сложные отношения с первым помощником В.Илюшиным и особенно с руководителем президентской охраны А.Коржаковым. Отношения в этом «треугольнике» характеризовались ревностью первого помощника, с одной стороны, и полным неприятием С.Филатова главным охранником — с другой. Но если В.Илюшин при всех оговорках в целом понимал С.Филатова и готов был взаимодействовать с ним по основным направлениям, то А.Коржаков вообще презирал нового руководителя Администрации и постоянно «капал» на него Президенту.

Конечно, Администрация Президента и Служба помощников не только дополняли, но нередко и дублировали друг друга. И это вело к соперничеству, противоречиям. Длительное время в аппарате Президента было два лидера — руководитель Администрации и первый помощник. Хотя было выпущено немало бумаг о разграничении их функций, в реальности они все равно «натыкались» друг на друга. Противоречия политические, кадровые, личностные нередко приводили к сложным, чаще всего невидимым для общественности «подковерным схваткам».

Президент видел эти противоречия, но ничего не предпринимал, чтобы снять их. Для него это был один из элементов системы «сдержек и противовесов». Нередко Б.Ельцин даже поощрял противостояния между отдельными частями своей Администрации и отдельными людьми. Ему казалось, что так легче контролировать ситуацию и избежать чрезмерного роста влияния отдельных лиц.

И С.Филатов, и В.Илюшин, конечно же, понимали, что «схватки бульдогов под ковром» (известное выражение У.Черчилля) наносят вред делу, и старались сгладить противоречия негласными организационными договоренностями. Руководитель Администрации шел на то, чтобы помощники Президента брали на себя кураторство работы отдельных

управлений. Например, А.Корабельщиков тесно взаимодействовал с территориальным управлением, Г.Сатаров — с аналитическим управлением и управлением по связям с Федеральным Собранием, партиями и общественными организациями. Очень часто В.Илюшин, выслушав очередное предложение своих коллег по службе помощников, говорил: «Согласуйте это с Филатовым».

В обязанности первого помощника входило составление графиков работы Б.Ельцина на предстоящий месяц, в сущности «политического меню» Президента. График был серьезным рычагом влияния: ведь он предопределял, кто «войдет» к Президенту, а кто нет. Конечно, в график автоматически включались Председатель Правительства, глава Администрации, руководители силовых ведомств, которых Президент изначально обязал раз в неделю являться к нему с докладами. Кроме того, Б.Ельцин дополнительно нередко сам называл фамилии тех, с кем он по разным причинам хотел бы побеседовать. Целесообразность же включения или невключения других лиц в этот список определял В.Илюшин. Умело составленный график мог ускорить или замедлить принятие Президентом того или иного решения.

Следует заметить, что встречи Президента с помощниками, как правило, не фиксировались в графике. Взаимодействие это носило рабочий характер, и порой помощники и референты бывали в президентском кабинете по нескольку раз в день. К тому же Б.Ельцин постоянно связывался с ними по прямому телефону, поэтому установилось неписаное правило: в то время, когда Президент находился в Кремле, все помощники и референты должны быть на рабочих местах. Естественно, характер работы не всегда позволял его соблюдать, но тем не менее было не принято уходить с работы раньше звонка из президентской приемной о том, что кортеж Б.Ельцина покинул Кремль. Такая зависимость сохранялась до тех пор, пока Б.Ельцин не потерял рабочую форму.

Помимо встреч с разными людьми в кремлевском кабинете в графике Президента значились многочисленные мероприятия: поездки в регионы страны и за ее пределы, международные встречи, выступления на тех или иных официальных мероприятиях, встречи с экспертами, делегациями, заседания Правительства или Совета безопасности и т.п. График Президента планировался заблаговременно каждый месяц. Первый помощник собирал и обобщал предложения своих коллег и затем утверждал у Президента. Каждый понедельник помощники собирались у В.Илюшина, корректировали недельный и месячный графики, обсуждали текущие события, их возможное влияние на содержание работы Президента. Это была достаточно сложная задача.

Тонкость заключалась в том, что в графике было необходимо не только учитывать текущие проблемы, но и руководствоваться стратегическими соображениями. Требовалось многомерное видение ситуации и перспектив. Поэтому логичным шагом стало создание Президентского консультативного совета. В первоначальном своем виде он был образован еще в 1990 году по инициативе Г.Бурбулиса как совещательный орган. Это был целый «букет звезд» — Е.Яковлев, Ю.Афанасьев, Г.Старовойтова, Г.Попов, О.Богомолов, Т.Заславская и другие. Замысел состоял в том, чтобы члены

Совета, периодически собираясь вместе с Президентом, обсуждали наиболее важные проблемы, высказывали пожелания и давали советы, предлагали варианты решений и действий.

Но эти надежды зачастую не оправдывались, и заседания Совета приносили все больше разочарований. Вместо делового обсуждения и анализа существа проблем они выливались в общие разговоры о положении дел, из которых трудно было почерпнуть конкретные, рациональные предложения.

Со временем выявилась еще одна неприятная особенность: члены Президентского консультативного совета, чей демократический стаж исчислялся со старта перестройки, а то и раньше, на правах ветеранов демократического движения считали уместным для себя использовать по отношению к Президенту назидательный тон. Этого Б.Ельцин не переносил. В результате Совет собирался все реже, и наконец в январе 1993 года было принято решение о его реорганизации.

К этому подталкивали и политические неудачи на VII съезде народных депутатов, резко обострившиеся отношения с политическими противниками, неопределенность даже ближайшего будущего. Остро ощущались дефицит идей, умение ориентироваться в сложной ситуации, видеть отдаленные последствия принимаемых решений. Об этом неоднократно докладывалось Президенту.

Задачу поиска новых интеллектуальных ресурсов Б.Ельцин возложил на В.Илюшина, высказав пожелание включить в Совет Е.Гайдара, С.Ковалева, Ю.Лужкова, А.Собчака и некоторых других. «Штучный» подбор остальных кандидатур осуществляли помощники и группа спичрайтеров. Единственные условия, которые поставил В.Илюшин, — это профессионализм и человеческая порядочность. В новый состав Президентского совета были приглашены авторитетные специалисты, хотя и имеющие разные взгляды на решение общественно значимых проблем, но в целом разделявшие идею демократических реформ — Е.Амбарцумов, Ю.Батурин, В.Волков, Б.Грушин, А.Емельянов, А.Казанник, С.Караганов, О.Лацис, А.Мигранян, Н.Моисеев, Э.Паин, Г.Сатаров, Л.Смирнягин, П.Филиппов, А.Яблоков, А.Ярошинская и другие.

Тяга Президента к интеллектуальному общению, обсуждению всевозможных проблем со специалистами в то время была. Он ясно понимал, что нужна подпитка, нужны «мозговые атаки».

Президентский совет начал функционировать фактически в режиме постоянной работы. Его членами были специалисты высокой квалификации и одновременно люди независимых суждений. Поэтому заседания неизменно выливались в живую дискуссию по важнейшим проблемам жизни страны. Президенту приходилось выслушивать немало и критических замечаний, но это был конструктивный разговор, в котором предлагались конкретные решения. И нередко тут же, по ходу заседания, Б.Ельцин давал помощникам поручения по их реализации.

Заседания Президентского совета представляли для Б.Ельцина ценность и в чисто информационном отношении. Его собеседники не замалчивали неприятные факты, многие из которых были для него откровением, говорили искренне и с желанием помочь ему разобраться в обстановке.

Здесь зарождались, обсуждались и позднее находили воплощение многие интересные предложения — от идеи выставить на референдум вопрос о доверии Президенту в начале 1993 года до казавшейся совершенно безумной идеи поездки Б.Ельцина в Чечню в начале 1996-го.

Практически сразу же в рамках Президентского совета возникла неформальная группа, с которой у Службы помощников установилось особенно тесное взаимодействие. В нее входили Ю.Батурин, А.Мигранян, С.Караганов, Э.Паин, Г.Сатаров, Л.Смирнягин, позже — М.Чудакова, А.Салмин. Помогали и приглашаемые эксперты: С.Рогов, А.Кортунов, В.Никонов, И.Шаблинский и многие другие. По просьбе сотрудников Службы помощников и по своей инициативе они готовили аналитические материалы, направляли Президенту записки с предложениями конкретных мер и решений.

Однажды кто-то из членов Президентского совета сказал, что они так часто бывают в Кремле, что их впору называть внештатными сотрудниками Службы помощников. В этой шутке была доля истины. Их помощь и, что немаловажно, моральная поддержка были просто неоценимыми.

Еще одной формой «мозговых атак», которая пришлась по душе Президенту, была практика встреч с экспертами.

Идея их организации возникла в Службе помощников весной 1993 года, когда Б.Ельцин готовился к проведению конституционной реформы. Тогда и было предложено посоветоваться с ведущими юристами страны. Затем последовали новые встречи и беседы. Накануне совещаний с лидерами «семерки», других ответственных зарубежных поездок почти всегда проходили встречи Президента со специалистами по внешней политике, а также с экономистами. Проводились и встречи с творческой интеллигенцией.

Б.Ельцин обладал объемной, цепкой памятью. Он любил щегольнуть подробностями, нюансами, цифрами, поразить партнеров по политическим переговорам неожиданной идеей. Описанные выше встречи удовлетворяли этим потребностям президента. Он с удовольствием впитывал неожиданные идеи и новую информацию, выслушивал критику и точки зрения, не совпадавшие с его позицией. Кроме того, эти встречи компенсировали дефицит общения — болезнь многих политиков на таком высоком уровне. По мере сужения круга общения, особенно после выборов 1996 года и тяжелой операции, Б.Ельцин, сохраняя прежние привычки, пытался продолжать поражать своих сограждан и партнеров по международным переговорам. Однако хорошо подготовленных независимыми интеллектуалами импровизаций уже не было. Оставались неловкости.

С конца 1993 года в борьбу за влияние на Б.Ельцина включилась Служба безопасности Президента (СБП), и ситуация еще более усложнилась. Хотя поначалу ничто не предвещало такого поворота. Более того, обеспечение безопасности первого лица осуществлялось практически на общественных началах. Большая роль в создании структуры, обеспечивавшей безопасность Б.Ельцина, принадлежала В.Мамакину, затем работавшему его секретарем (в так называемой «большой приемной»). Лишь в сентябре 1990 года был создан небольшой отдел по обеспечению безопас-

ности Председателя Верховного Совета. Впоследствии в ходе многочисленных реорганизаций этот отдел превратился в мощную службу, которую ее руководитель А.Коржаков, убиравший со своего пути всех несогласных, называл «мини-КГБ».

Незаметно для широкой публики СБП стала выходить за рамки задач по обеспечению собственно безопасности Президента и претендовать на качественно иную роль в системе власти. Метод экспансии был незамысловат — расширительная трактовка понятия безопасности. Сами сотрудники Службы безопасности часто подчеркивали: «Мы охраняем не только тело, но и дело».

Представление о претензиях этой структуры дает записка, которая, хотя и не была подписана, многое говорит о ее авторах (стиль и орфография сохранены):

«Весьма конфиденциально

Некоторые подходы к кругу проблем, которые сегодня должны непременно находиться в поле зрения.

1. Согласиться с расширительным толкованием термина «охрана президента». Речь вести об охране не только физического лица (эта сторона не вызывает вопросов), сколько об охране, утверждении авторитета должности, в известной степени об имидже должности, об ее престиже.

Речь в существенной степени должна идти об информационной, психологической, методической безопасности Президента и Президентства.

2. Традиции президентского правления в России только складываются, и поэтому очень важно по кирпичику собирать, формировать и сберегать все, что принято совершать Президенту России вообще и конкретному лицу в должности Президента в частности.

3. К примеру, можно было бы сформировать «Региональный портрет» Президента. С одной стороны это постоянное гласное общение Президента со своей Россией, с земляками. С другой стороны, это патронаж слабых, сложных регионов. Такими регионами могли бы стать районы проживания малочисленных народов Севера, народов, перед которыми уже встала проблема или выжить или исчезнуть.

4. Нужно тщательно отработать «отраслевой портрет» Президента. С одной стороны, это отрасли, находящиеся под покровительством Президента (например, наука). С другой стороны — это отрасли находящиеся гласно или не гласно под контролем, под пристальным вниманием Президента. Это помимо общественных вопросов безопасности государства, силовых министерств.

5. Особо нужно прописать роль супруги Президента, ее благотворительную, попечительскую деятельность.

6. Устное народное творчество — народный фольклор анекдоты и имидж Президента и т.д. и т.п.

Подобные примеры можно продолжить, но не в примерах дело.

7. Все аспекты становления Президентства в России могут быть сформированы в ходе разработки специальной программы, условно называемой «российское президентство: кредо и кодекс».

Понятие «российское президентство» адекватно отражает суть переходного периода. При этом мера авторитарности, ситуации максизации и минимизации авторитарной воли в зависимости от российских обстоятельств не могут не учитываться ни в политическом ни в этическом анализе.

8. В качестве ключевого мотива проблемы формирования Кредо и Кодекса российского президентства предлагается все более ясное проявление современной ситуации, для которой, во-первых, характерно несформированность самого института президентства, и, во-вторых, имидж САМОНАЛОЖЕНИЯ ограничений в форме Кредо и Кодекса, больше соответствует российской политической культуре, чем легитимизация политической воли через право и суд.

Не в чистом праве, а в особом типе ожидания населения от президентства и Президента, где все еще веры содержится больше, чем доверия, — основания этого матива.

9. Кредо Президента — символ веры, система убеждения, которые принимает сам на себя субъект политической деятельности.

Кодекс — система норм с сильным оттенком конвенциональности, появляющемся вокруг консенсуса трех сторон: Президента — Политики — «Гласа народного» (общественного мнения).

Кодекс призван снимать СОЦИАЛЬНОЕ напряжение вокруг президентского правления, ибо декларирует ввести президентство в определенные рамки, адекватные ситуации.

Кредо снимает КУЛЬТУРНО-НРАВСТВЕННУЮ напряженность ибо Президент САМ НА СЕБЯ принимает ограничения, те, что соответствуют отечественной политической культуре.

10. И Кредо и Кодекс одновременно и взращиваются и принимаются в согласии тех, кто должен принять его хотя бы конвенциально, а лучше ужиться с ним, т.е. политики и народ. Кодекс здесь выражает Президентский разум общественного согласия, а Кредо — Президентскую волю, включенную в контекст общественной совести.

11. Итак, вывод. Имидж Кодекса: традиция Согласия в России выше традиции законности и Кодекс российского президентства выше Закона о президентстве.

Имидж Кредо: традиция самоналожения жизненных ограничений высших политических лиц — высшая нравственная традиция в Российской политической культуре.

12. Особый вопрос: кто и как должен и может проектировать Кредо и Кодекс президентства?

Вариант 1: Эксперты сами проектируют нормы, которые затем внедряются в сознание «исполнителя» (вспомним моральный кодекс и эффект от его внедрения).

Вариант 2: Эксперты лишь «кладут на ноты» то, что называется «музыка народная». (Эффект выше.)

Вариант 3: Сочетание обоих вариантов.

В любом случае никакая группа, никакой коллектив не может и не должен исполнять этот проект в отрыве от реальной команды, с которой работает Президент.

13. С этой целью можно было бы продумать создание фонда или исследовательского центра. Можно также предложить форму клуба.

Сегодня представляется возможным лишь обозначить дальнейшие шаги в предложенном направлении:

1. Формирование Кредо и Кодекса российского президентства.
2. Выработка норм и правил Российского президентства.
3. Подбор «исполнителей». Тестирование. Составление индивидуальных планов-графиков.
4. Тренинг, консалтинг, мониторинг, планирование процесса.
5. Организационное, кадровое, финансовое обеспечение.
6. Достижение результата».

Усиление СБП в немалой степени было связано с личностью ее руководителя А.Коржакова. За долгие годы совместной работы Президент не однажды имел возможность проверить этого человека в острых ситуациях и убедиться в его личной преданности. Кроме того, находясь под постоянными ударами оппозиции, колеблясь между применением правовых и силовых мер, Б.Ельцин чувствовал себя комфортнее, зная, что у него за спиной собственная мощная Служба безопасности. В результате «ведомство Коржакова» со временем начало заявлять о себе как еще об одном центре, претендуя на непосредственное участие в разработке и принятии решений в области политики и экономики, в кадровой сфере.

В ряде острых эпизодов своей борьбы за сохранение власти Президент не всегда мог рассчитывать на безусловную поддержку силовых структур. Он это знал. Знал об этом и А.Коржаков, умело пользуясь этим обстоятельством. Восхождение охранника и личного порученца до чуть ли не второго человека в стране, обладавшего почти неограниченной властью, было печальным апофеозом ельцинской системы «подбора и расстановки кадров». Возвышение А.Коржакова крайне негативно сказалось на отношении демократов к Президенту и часто наносило ему прямой политический ущерб. Когда этот вред становился слишком большим и очевидным, одного из помощников «отряжали» проинформировать об этом Президента. Пытались повлиять и непосредственно на А.Коржакова. На время активность главного охранника затухала, но потом возобновлялась с новой силой. Постепенно нарастало противостояние между Службой помощников и охраной в лице ее руководства, доходя до довольно серьезных столкновений.

Один из таких эпизодов связан с известной операцией, получившей в прессе не очень благозвучное название — «мордой в снег». 2 декабря 1994 года Служба безопасности Президента организовала нападение на охрану известного предпринимателя, руководителя «МОСТ-банка» В.Гусинского. Это было первое прямое столкновение силовых структур, подчинявшихся Б.Ельцину, с нарождавшимся крупным бизнесом России. Грубость и явная противозаконность этой акции повергли в шок предпринимательские круги. К этому добавились совершенно неуклюжие попытки публично оправдать свои действия. Пресса не преминула отреагировать волной критики, направленной против Президента. На следующий день Ассоциация российских банков распространила следующее заявление:

«Агентство ИТАР-ТАСС со ссылкой на "достоверные источники" распространило сообщение, что спецслужбы России провели в пятницу мероприятие в рамках расследования событий "черного вторника" 11 октября (обвал рубля). Утверждается, что по поручению комиссии Совета безопасности устанавливается причастность ряда коммерческих банков к этим событиям, выявляются и расследуются связи руководителей "МОСТ-банка" с коррумпированными работниками органов государственной власти, Правительства Москвы и ряда силовых структур...

В действительности, 2 декабря у здания Московской мэрии на Новом Арбате, где размещаются офисы "МОСТ-банка" и "Группы МОСТ", неизвестной группой вооруженных лиц были совершены преступные действия в отношении ряда служащих "Группы МОСТ", некоторым из них нанесены телесные повреждения... Мы требуем от правоохранительных органов провести тщательное расследование по инциденту 2 декабря о нападении на сотрудников "МОСТ-банка" и прекратить распространение недостоверной информации о его деятельности».

Совершенно очевидно, что по престижу Президента был нанесен серьезный удар. Причем момент был подгадан под зарубежный визит Б.Ельцина. Вечером 5 декабря он должен был возвращаться в Москву. В.Илюшин, Ю.Батурин и Г.Сатаров решили доложить о случившемся и о той общественной реакции, которую вызвали эти события. Звонил Г.Сатаров. Первые попытки поговорить с Президентом, летящим в самолете, оказались неудачными. Несколько позднее удалось связаться, когда он был уже в своей загородной резиденции. Короткий разговор дал нужный результат: Б.Ельцин приказал подготовить соответствующее поручение.

Чуть позже фельдсвязью ему был отправлен на подпись проект поручения следующего содержания:

«С.В.Степашину, А.В.Коржакову, М.И.Барсукову, В.Ф.Ерину, А.Н.Ильюшенко. Предоставить рапорты о причинах, обстоятельствах и последствиях событий 2 декабря 1994 г. около Московской мэрии. Срок — 8 декабря 1994 г.».

Однако проект этого поручения по каким-то неведомым причинам (о них, впрочем, можно догадываться) так и не попал к Президенту. Тогда на следующий день был подготовлен проект нового поручения, несколько смягченный по просьбе В.Илюшина, который и понес его на подпись:

«А.Н.Ильюшенко

В.Ф.Ерину

Прошу оперативно провести расследование обстоятельств событий 2 декабря 1994 года у Московской мэрии.

Проинформируйте о результатах и принятых в связи с этим мерах.

Б.Ельцин

7 декабря 1994 г.»

Конечно, серьезных юридических последствий не было, виновные в беззаконии остались безнаказанными. Генеральную прокуратуру возглавлял ставленник А.Коржакова А.Ильюшенко, который сделал все, чтобы его прикрыть. В конце концов, события в Чечне заглушили это дело. Однако два ясных последствия все же заслуживают упоминания. Во-первых, на не-

которое время политическая активность СБП поубавилась. Во-вторых, это подразделение открыло новую сферу деятельности — фабрикацию компромата на помощников Президента. Закат Службы безопасности был связан с известной историей о «коробке из-под ксерокса» — в июне 1996 года.

Все сказанное вовсе не означает, что в СБП не было высококлассных профессионалов, самоотверженно выполнявших свои прямые обязанности. По-разному сложились судьбы тех, кто здесь работал. Но, как бы там ни было, эти люди немало сделали для обеспечения безопасности и нормальной работы Президента. Со многими из них у помощников сложились не только деловые, но хорошие человеческие отношения.

В целом можно сказать, что с «двухголовой» конструкцией своего аппарата (Администрация и Служба помощников) Ельцину долгое время было удобно работать. Но потом начались болезни, и Президенту стало труднее удерживать этот баланс. Система дублирования стала себя исчерпывать. Проблему снял А.Чубайс. И, как всегда, радикально — фактически ликвидировав саму Службу помощников Президента. Заодно был ликвидирован Аналитический центр Администрации, перестал созываться Президентский совет и т.д. Установившееся «единовластие» несло в себе все негативные черты любой монополии.

Глава 3

Ельцин и оппозиция

(1992)

«В воздухе пахнет грозой»

В «Записках Президента» автор назвал период с середины 1992 по октябрь 1993 года «черной полосой». И небезосновательно. В политическом плане это был, пожалуй, один из самых трудных периодов его президентства. Впрочем, легких у него и не было.

Время Б.Ельцина — это драматический отрыв от тоталитаризма в политике и в экономике по направлению к демократии и свободному рынку. Это было политически и психологически трудное, почти немыслимое прощание с коммунистическим прошлым и начало формирования постсоветской российской государственности. Этот глобальный процесс трансформации своей волей и своим авторитетом обеспечил Президент Ельцин.

Давалось это нелегко. Катастрофическими последствиями реформ Президента пугали со всех сторон: коммунисты, директора заводов, бывшие друзья из стана демократов, лоббисты военно-промышленного комплекса, руководство силовых структур. Заметно оживилась и группа экономистов-академиков из бывшего окружения Горбачева. Все делалось для того, чтобы «выбить из Правительства Гайдара», переориентировать Президента на «умеренных политиков».

В августе 1992 года Институт социально-политических исследований Российской академии наук, руководимый Г.Осиповым, подготовил аналитический доклад «О социально-политической ситуации в России по итогам первого полугодия 1992 г.». Приуроченный к годовщине августовского путча и как бы подводивший итог года реформ, он уже в силу этого был обречен на широкий резонанс в прессе.

Доклад был явно рассчитан на внимание Б.Ельцина. Понимая, что резкая критика реформ едва ли придется по вкусу Президенту, взявшему на себя ответственность за «шоковую терапию», авторы постарались придать материалу видимость полной объективности. Отмечалось, в частности:

«что в обществе ширится сознание того факта, что после августовского путча Россия стала принципиально новым государством;

что в психологии граждан произошли существенные сдвиги, делающие невозможным возврат к командно-административной и однопартийной системе;

что в актив нынешнего российского руководства следует отнести переход от слов к делу;

что Правительству удалось сохранить контроль над ситуацией, локализовать отдельные социально-трудовые конфликты, не допустить их перерастания в крупномасштабные социальные волнения...»

Но вместе с тем «что идет поляризация политических сил и на этом фоне происходит организационное оформление блоков партий, оппозиционных Правительству;

что массами овладевает политическая апатия, и все большее число граждан не симпатизируют никакому политическому движению, ни одной политической партии;

что реформы пока не привели к созданию стимулов к честному, производительному труду».

В докладе, как подтвердилось в последующие годы, давался довольно точный прогноз развития экономической ситуации: продолжится существенный спад производства, будет расти безработица, резко упадет жизненный уровень большинства населения. Опасностью номер один доклад называл гиперинфляцию.

Авторы явно не разделяли умеренного оптимизма команды Гайдара. Весь доклад был пронизан политическим и социальным пессимизмом. В нем преобладали эмоциональные, а местами и панические оценки, характерные для мнений обиженной «статусной интеллигенции» горбачевского периода. Утверждалось, в частности, что «за чертой физиологического уровня выживаемости находится более 30 миллионов человек».

При всей справедливости ряда негативных оценок выносилось весьма сомнительное заключение, что «люди уже готовы к гражданскому неповиновению» и что «пятая часть населения готова идти на баррикады». Политические выводы явно были близки к тем истерическим оценкам, которые, выдавая желаемое за действительное, делала коммунистическая оппозиция. Ключевая фраза, раскрывавшая истинные намерения авторов, звучала так: «Президент и его окружение связали свою судьбу с концепцией быстрых и радикальных преобразований, заняли крайнюю позицию, отталкивающую от высшего руководства значительную часть прагматически мыслящих политиков, хозяйственников, военных и ученых».

Поскольку доклад был достаточно обширный — более 30 страниц, а Ельцин не любил читать пространных документов, для Бориса Николаевича был подготовлен дайджест.

Большинство серьезных документов, становившихся объектом общественного внимания, обсуждалось в группе помощников (как правило, неформально, в атмосфере свободной дискуссии). Консолидированное мнение старались донести до Президента. Обычно это делалось в форме записки, реже при личной встрече. Доклад «академиков» был воспринят помощниками Президента однозначно критически — как стремление повернуть реформы в замедленное русло. И то, что среди них преобладали сторонники проводимого экономического курса, тоже не могло не сказаться на оценке документа. Она по настроениям того периода просто не могла быть нейтральной.

Атака на курс радикальных реформ, правда, весьма корректная и сдержанная по форме, сопровождалась невинными на вид маневрами и в средствах массовой информации. Одна за другой появлялись публикации, за которыми прослеживался режиссер. В Кремле было известно, что деятели «мягкой оппозиции» собираются в Фонде Горбачева.

Даже в сочувствующих реформам «Известиях» появлялись статьи с негативными оценками курса. «Минувший год представляется годом потерянного времени и упущенных возможностей». Ельцина упрекали в том, что он пользуется большевистскими методами, копирует стиль управления чиновников КПСС, только с другой целью — «вогнать общество в капитализм»*.

Президенту уже подсказывали и пути выхода из явно некомфортной для него ситуации: «Пойти на это будет нелегко: придется пожертвовать частью близких соратников, с которыми делалась августовская революция. Но тогда президент останется реальным лидером движения вперед, будет определять ход событий, а не пытаться их догнать, как это случилось с экс-президентом Союза. Действуя на опережение, Президент сохраняет свободу действий, сам формулируя условия сотрудничества с новыми силами. Но это потребует провести ряд серьезных изменений. Речь прежде всего идет о значительных кадровых перестановках»**.

Откровеннее не скажешь. Главной жертвой, которую наметила для себя «лояльная оппозиция», был Е.Гайдар. И не случайно — реформы действительно шли трудно. Но главными политическими оппонентами Ельцина были, конечно, коммунисты, захватившие в Верховном Совете ряд стратегических высот. Запрет КПСС после путча августа 1991 года нанес компартии мощный удар, но она устояла. Конечно, партия, насчитывавшая еще в конце 80-х почти 20 миллионов членов, сильно поредела. В КПРФ, наследнице КПСС, осталось примерно 500 тысяч человек. По сравнению с былым могуществом и возможностями вроде бы и немного, но на фоне слабости и разобщенности демократических партий это была внушительная сила.

К тому же у Президента не хватило последовательности в реализации своего же Указа от 23 августа 1991 года о запрете деятельности компартии на территории РСФСР. Организационные структуры партии, особенно в провинции, не были демонтированы, коммунистические ячейки сохранились и на предприятиях, и в колхозах, и в учебных заведениях. Мощная организация коммунистов открыто существовала даже в Московском государственном университете. Ельцина информировали об этом. Однако он по-прежнему находился в плену заблуждения, что с компартией покончено, и не придавал серьезного значения предупреждениям об опасности.

Имущество КПСС было конфисковано в пользу государства, но коммунисты умело воспользовались плодами так называемой «номенклатурной приватизации», которая началась еще при Горбачеве, и вывели значительную часть партийных денег в коммерческие структуры. Было очевидно, что компартия живет не на партийные взносы и не за счет издательской деятельности.

Протестуя против попыток возродить компартию, ряд демократических организаций в конце июня 1992 года провели в столице митинг в защиту демократии. Манифестанты вышли на улицу с лозунгами в поддержку Президента: «Только Ельцин возродит Россию!», «Борис, добей красного дракона!», «Беззубая демократия — легкая добыча диктатуры». Однако после года реформ демократический пыл начинал угасать. На митинге воз-

* Известия. 1992. 17 авг.
** Там же.

ле Останкинского телецентра (29 июня 1992 года) собралось не более двух тысяч человек. Многие демократы, как и Ельцин, полагали, что удар, нанесенный по КПСС августовской революцией 1991 года, смертельный.

Департизация, провозглашенная Указом Ельцина, столкнулась с огромными трудностями. Органы прокуратуры, внутренних дел, безопасности кишели явными и скрытыми противниками реформ. От них, естественно, трудно было ожидать эффективной борьбы с партией, которой они еще недавно служили верой и правдой.

Год спустя после путча августа 1991 года коммунистическая оппозиция предприняла ряд пробных шагов с целью прозондировать общественное мнение, позицию Б.Ельцина и оценить возможность легализации.

В конце июня 1992 года в Москве был организован круглый стол объединенной оппозиции. Центральными фигурами были Г.Зюганов, С.Бабурин, А.Макашов, А.Стерлигов. Мероприятие носило демонстративно антипрезидентский характер. В политической декларации участники круглого стола заявляли:

«Режим Ельцина в нынешнем его виде доживает последние месяцы или даже недели. Чтобы спасти себя, он начинает менять декорации и выводить на поверхность новых, как бы не замаранных политиков... Б.Ельцин не может даже прибегнуть к чрезвычайным мерам, поскольку фактически не имеет поддержки армии и правоохранительных органов... Возможна попытка диктаторского переворота: разгон съезда, арест лидеров патриотического движения. Но это лишь ненадолго продлит агонию режима, которая уже началась».

Участники круглого стола требовали созыва внеочередного съезда, на котором рассчитывали отправить Правительство в отставку и объявить Президенту импичмент.

Оппозиция, конечно, переоценивала свои возможности, но причины для тревоги были. Ситуацию, впрочем, облегчало то, что коммунисты ненавидели Горбачева за «предательство дела партии» и совершенно не ждали его в лидеры оппозиции. Что касается лидера российских коммунистов Г.Зюганова, то в тот период он только начинал наращивать политические мускулы и еще не представлял для Ельцина серьезной опасности.

Тогда же все еще находившийся под арестом в «Матросской Тишине» бывший Председатель Верховного Совета СССР и один из идеологов путча Анатолий Лукьянов опубликовал в «Независимой газете» (от 17 и 18 августа 1992 года) огромное интервью, где обосновывал необходимость легализации компартии и обрушивал резкую критику на курс реформ. По сути дела, это была инструкция оппозиции, призыв идти в атаку.

Это интервью пробудило серьезную тревогу в среде демократов. В прессе зазвучали тревожные прогнозы. Проведенное по заказу Партии экономической свободы исследование возможного развития политической ситуации в стране не исключало такого варианта, как государственный переворот и силовое отрешение Президента от власти. Впрочем, это предупреждение, исходившее от радикального крыла реформаторов, являлось скорее способом давления на Президента, чтобы подтолкнуть его к решительным действиям против осколков КПСС.

После августовского путча демократическая общественность имела веские основания считать Ельцина антикоммунистом. Тем большее недоумение у нее вызывала его нерешительность. Президент уклонялся от публичных высказываний на эту тему. Некоторые из его помощников целенаправленно организовывали его встречи с интеллигенцией, с главными редакторами демократических изданий в надежде, что он услышит голоса предостережения от влиятельных и уважаемых представителей общественности.

Острые разговоры по проблемам, связанным с красной опасностью, велись и на Президентском совете. Ельцин, как правило, отмалчивался. В его выступлениях, интервью той поры тема антикоммунизма почти не просматривается. Одно из немногих исключений представляет его личное письмо известной журналистке Алле Ярошинской. Откликаясь на публикацию интервью Анатолия Лукьянова с апологией КПСС, она резко критически проанализировала его позиции, напомнив о преступлениях коммунистической партии против народа. Ее «Открытое письмо» А.Лукьянову совпало по времени с рассмотрением в Конституционном Суде правомочности Указов Ельцина о КПСС и КПРФ и стало частью острейшей общественной полемики о том, нужно или нет запрещать компартию.

Б.Ельцин высоко оценил эту публикацию и даже откликнулся на нее, что было беспрецедентным случаем (он редко благодарил кого-либо): «Вы молодец, что поставили их на место — не одного Лукьянова, а фактически всех разговорившихся гэкачепистов. Очень правильно подмечено, что если бы эти «друзья народа» были на свободе, а демократы в тюрьме, то едва ли кто из нас смог проронить хотя бы слово. А эти лукавые «лукьяновы» и в тюрьме чувствуют себя поводырями и учителями русского народа. Достоинство вашего «Открытого письма» в том, что в нем очень выпукло, с фактами в руках показана вся бессовестность и аморальность этих бывших «вершителей судеб» по рецептам ВКП(б)».

Однако Ельциным двигало не столько неприятие коммунизма, сколько естественное и искреннее возмущение именно «разговорившимися гэкачепистами», тем, что они не только не каются в содеянном, но и считают свою позицию «морально оправданной». После всего, что они сделали со страной, это действительно не могло не возмущать. И тем не менее эмоции Президента относились именно к руководителям заговора, а не к коммунистам вообще. Он так и не смог логически соединить две вещи: продолжавшиеся претензии большевиков на свое идейно-моральное превосходство, на право вершить судьбы России и отсутствие государственной правовой оценки как самой коммунистической доктрины, во всяком случае, ее ленинско-сталинской модификации, так и последствий ее воплощения. Другими словами, без проведения политики декоммунизации страны нечего было рассчитывать ни на раскаяние компартии, ни на ее отказ от претензий на власть.

Среди значительной части политологов бытовало (не изжито оно и сегодня) мнение, что КПСС, а затем и ее преемница КПРФ, отделившись от государства, перестав быть правящей партией, умрет естественной смертью. В своей оценке они исходили из представления о том, что КПСС, виновная в терроре против собственного народа, будет отвергнута им самим.

Аналитики ошибались: они не учитывали ни низкого уровня политической культуры населения, ни поразительной способности КПСС к демагогии и мимикрии. Другие политологи полагали, что, учтя ошибки, сделав выводы из собственной истории, КПСС самореформируется и будет плавно скользить в сторону европейской социал-демократии.

Б.Ельцин, похоже, отчасти разделял такие ожидания. Тем более что он не мог не знать о симпатиях М.Горбачева к социал-демократии. По воспоминаниям соратников бывшего генсека, его тайной мечтой была мягкая трансформация коммунистической партии в социал-демократическую при сохранении ею ведущих позиций в обществе. План Горбачева, как известно, оказался нереализованным: руководящий костяк партии был слишком догматичным, а потенциальные реформаторы партии, такие, как Б.Ельцин, отвергались и изгонялись.

«Говорите, Михаил Сергеевич!»

Отношение Б.Ельцина к коммунистической партии в тот период находилось еще в тени его прежней борьбы с М.Горбачевым, который никак не мог примириться с утратой былой роли. Психологически «аллергию» Ельцина можно было понять: до того как стать Президентом России, он претерпел от Горбачева столько унижений, что его реакция была объяснима. Но радикальные демократы ждали не раздраженных жестов в отношении Горбачева, а решительных действий против компартии.

В 1992 году экс-президент СССР активно использовал в своих выступлениях тему скатывания Ельцина к диктатуре. Так, в пространном интервью «Комсомольской правде» Горбачев заявил, что главная беда Ельцина состоит в том, что он не знает, что делать. Горбачев полагал, что новая власть, не справившись с экономической ситуацией, может скатиться к диктатуре. «Если Президент пойдет по пути роспуска парламента, съезда, это будет означать, что внутренне он принял решение пойти диктаторским путем. Мне кажется, что в окружении Президента есть люди, которые его подталкивают под видом решительных мер вообще к диктатуре»*.

Эту тему бывший Президент СССР активно затрагивал и в своих поездках за рубеж, где по-прежнему пользовался большим авторитетом. Находясь с визитом в Израиле в июне 1992 года, он говорил о том, что «растущее недовольство в России может привести к социальному взрыву, и если это произойдет, то это будет означать не только конец экономических реформ, но и, возможно, установление диктатуры».

Действия Ельцина резко контрастировали с политикой Горбачева, которую уже упоминавшийся нами В.Болдин характеризовал как «два шага вперед, три в сторону и шаг назад»**. Б.Ельцин в то время шел, а иногда и бежал, только вперед.

Когда извечные надежды россиян на чудо, которое свершится с приходом «нового царя», стали таять, М.Горбачев, ревниво следивший за рейтингами своего противника, решил, что настало время атаковать. Приме-

---

* Комсомольская правда. 1992. 4 июня.

** См.: Болдин В.И. Крушение пьедестала. М., 1995. С. 326.

ненные методы перехода к рыночной экономике он назвал неосталинистскими. В аналитических материалах ряда президентских структур, которые вели мониторинг высказываний экс-президента СССР в стране и за границей, делался вывод, что «Горбачев продолжает видеть себя существенной политической фигурой на российской сцене, способной вместе с другими собрать противостоящий Ельцину и другим демократам политический лагерь, отстаивающий иной курс российских реформ».

Похоже, М.Горбачев действительно почувствовал возможность возвращения в большую политику с помощью широкой коалиции сил, которые были обескуражены первыми итогами «шоковой терапии». Он явно шел на намеренное обострение отношений с Президентом России и даже запускал дезинформацию о том, что Ельцин имеет намерение вышвырнуть его за границу. В интервью «Литературной газете» он заявлял: «Даже если меня будут выгонять, я никуда не уеду из страны».

Ельцина, естественно, раздражала возросшая активность экс-президента и тот прием (фактически на высшем уровне), который ему продолжали оказывать за границей. В Израиле Горбачева принимали президент, премьер-министр, лидеры политических партий. «Горбимания» за границами России еще была сильна, и Ельцин, который только начинал свои первые шаги на международной арене, испытывал ревность. Ему страстно хотелось стать политиком на уровне Дж.Буша, Г.Коля, Ф.Миттерана.

Вслед за публикацией в «Комсомольской правде» интервью М.Горбачева, в котором он критиковал Б.Ельцина, недавно назначенный пресс-секретарь Президента В.Костиков распространил заявление, выдержанное в резких тонах:

«Высказывания М.С.Горбачева, который за шесть лет реформ так и не нашел в себе мужества приступить к экономическим реформам, принимают все более поучительный тон в адрес правительства и президента, которые делают реальные шаги в сторону реформирования государства. Более того, ряд последних высказываний М.С.Горбачева нельзя расценить иначе, как попытку нагнетания политического напряжения, в сущности, как дестабилизацию социально-политической обстановки в стране».

В заявлении содержалась и не слишком прикрытая угроза:

«В целях сохранения в стране стабильности и того политического курса, который выбрал народ, Б.Н.Ельцин вынужден будет принять необходимые и законные шаги для того, чтобы курсу реформ не был нанесен ущерб».

Б.Ельцин, крайне раздраженный возросшей активностью экс-президента, остался доволен резким заявлением. Его «мускулистая стилистика» вполне соответствовала характеру Президента. (В период острой конфронтации Б.Ельцина с Председателем Верховного Совета Р.Хасбулатовым о пресс-секретаре, впрочем, не без доли иронии, стали говорить как о «силовой структуре» Президента России.)

В то же время это заявление вызвало неоднозначную реакцию в прессе. Ряд влиятельных демократических газет встал на защиту М.С.Горбачева. «Известия» опубликовали острый комментарий под заголовком: «Говорите, Михаил Сергеевич!». Его пафос состоял в том, что «Михаилу Сергеевичу Горбачеву должно быть абсолютно и безоговорочно гарантировано

право публично высказывать любые идеи... А сам народ оценит, идет ли это на пользу народу. Свобода слова — единственное реальное достижение последних лет. А без нее — зачем нам реформы? Лучше уж обратно в коммунизм — там всегда давали что выпить, а порою выбрасывали чем закусить».

17 августа 1992 года в здании своего Фонда Горбачев созвал огромную пресс-конференцию, в ходе которой обрушился с резкой критикой на процесс приватизации, считавшейся узловой в проведении рыночных реформ. Оценивая результаты реформ как катастрофические, он высказался за срочную выработку новой политики для России. По тональности выступления Горбачева было понятно, что он готов возглавить движение «новой политики». Он был исключительно агрессивен, но на вопрос об отношении к Ельцину отвечал осторожнее: «Я очень во многом разочаровался — в том, что касается президента Ельцина... Связь между нами недостаточная и носит формальный характер».

Однако в своих статьях и выступлениях за границей Михаил Сергеевич был менее щепетилен. Он не мог сдержать язвительности в отношении Президента и реформ. Бориса Николаевича это крайне раздражало, распаляло старые обиды, и он поддерживал настроения «горбифобии» в своем окружении. Однако эта откровенная неприязнь к Горбачеву, за небольшим исключением, не затронула помощников Президента. Преобладало понимание, что, несмотря на все концептуальные расхождения, эти два политика были «сообщающимися сосудами».

Только в самом узком кругу телохранителей считалось хорошим тоном охаивать Горбачева. Сам Ельцин, однако, не опускался до брани. Но когда Горбачев стал публично критиковать его во время зарубежных поездок, он позвонил тогдашнему министру внутренних дел В.Ерину и попросил провести финансовую и правовую инспекцию деятельности Фонда Горбачева. Инспекция была проведена. Естественно, были обнаружены и «злоупотребления», в частности участие в биржевых операциях.

В сущности, нарушения были незначительные, о чем свидетельствует подготовленная В.Ериным справка. Однако проверка дала возможность Ельцину пересмотреть ряд условий существования Фонда. Это была своего рода операция устрашения, тем более что проведена она была с показным шумом. (Впоследствии такие операции стали весьма модными.) В шесть часов утра здание Фонда Горбачева было окружено милицией, двери заблокировали, кассу опечатали. Прибывший на место события Горбачев пытался дозвониться до Ельцина, но его, естественно, не соединили. «Нас тут обложили, как в каком-то шпионском гнезде», — заявил Горбачев.

Ельцину очень хотелось, чтобы воспитательная акция стала публичной, и он сам позвонил пресс-секретарю с просьбой «дать сведения в печать»: «Пусть все узнают, как жируют люди, которые жалуются, что живут на пенсию». Бывший президент действительно несколько раз жаловался, что «живет на пенсию», что, конечно же, не соответствовало действительности. Но у него в тот период еще сохранялась иллюзия возможности возвращения в большую политику. Об этом свидетельствовало и его более позднее решение (несмотря на предостережения близких людей) участво-

вать в президентских выборах 1996 года, на которых он получил менее 1% голосов. Но год спустя после августовского путча, наблюдая за трудностями, с которыми сталкивались реформы, Горбачев всерьез считал, что звезда Ельцина клонится к закату.

Несмотря на договоренность, что Горбачев «не будет участвовать во внутренней политике», — Ельцин подтвердил этот факт в своей беседе с группой журналистов из «Комсомольской правды» в Кремле 23 мая 1992 года, — бывший генеральный секретарь все настойчивее пытался заявить о себе как о лидере оппозиции.

«Когда эта власть рухнет, главная моя забота — как ее законно подхватить», — говаривал он в узком кругу. Ельцину об этом, естественно, докладывали. Отсюда и не всегда умеренная реакция Бориса Николаевича на публичные высказывания своего оппонента. На фоне серьезных проблем, с которыми столкнулась рыночная реформа, его действительно стала тревожить возможность возвращения Горбачева в политику на волне общего недовольства.

Взаимоотношения с Горбачевым ярко иллюстрируют те обстоятельства, что политика и политическая борьба для Ельцина всегда были крайне персонифицированы. Для него лидер КПРФ Г.Зюганов не представлялся яркой и сильной личностью и, следовательно, не казался опасным. И напротив, выдвинутый им самим спикер парламента Р.Хасбулатов производил совсем другое впечатление. В короткий срок он стал яркой политической фигурой. Жесткий, умный, расчетливый, он взялся тягаться с Президентом, и Ельцин, воспринимая его как сильного противника, всю энергию направил на борьбу со Съездом и Верховным Советом.

Как уже упоминалось, ядро политического штаба Р.Хасбулатова составляли бывшие партийные и государственные функционеры, ранее входившие в номенклатуру ЦК КПСС. В частности, заместителем Председателя Верховного Совета был один из лидеров депутатской фракции «Коммунисты России» Ю.Воронин. Опытнейший аппаратчик, он стал правой рукой Р.Хасбулатова и одним из самых яростных противников Президента. Фактически значительная часть новой парламентской номенклатуры слилась с бывшей номенклатурой КПСС. Это была настоящая боевая машина, нацеленная против Президента.

Быть или не быть компартии?

Ельцин понимал, что противостояние со Съездом будет нарастать и что на VII съезде, назначенном на декабрь 1992 года, ему предстоит еще более острая борьба. Нужны были превентивные меры. Демократическая общественность подсказывала ход: организовать публичный суд над КПСС или, как было модно говорить в то время в демократических кругах, новый «нюрнбергский процесс».

Были предприняты определенные информационные шаги. В частности, в марте 1992 года открыли доступ к архивам ЦК КПСС. Была даже идея создания смешанных комиссий с зарубежными специалистами по изучению секретных партийных архивов. Но от нее отказались: ведь в ар-

хивах могли оказаться документы, которые, с одной стороны, изобличали деяния КПСС в мировой политике (финансирование деятельности зарубежных коммунистических партий, тайные поставки оружия террористическим группам, ликвидация политических противников и диссидентов), а с другой — могли бы нанести ущерб государственным интересам России, поскольку в советское время партийное и государственное разделить было невозможно.

В конечном счете, к большому разочарованию не только жестких противников КПСС, но и историков, поток рассекреченных документов оказался весьма скудным. В силу инерции советского менталитета исследователям и журналистам всячески перекрывали доступ к материалам. Кроме того, у самого Б.Ельцина были опасения, что публикация острых разоблачений может отрицательно сказаться на общественном климате, вызвать чрезмерную поляризацию общества и гражданские столкновения.

В одной из бесед с группой известных журналистов и главных редакторов демократических газет, которые явно подталкивали Президента к радикализму в отношении суда над КПСС, Ельцин признался в своих сомнениях:

«Вы помните, в подписанных после путча Указах о КПСС и КП РСФСР очень четко было определено, что рядовые коммунисты не несут ответственности и категорически запрещается какое-то преследование человека только потому, что он коммунист или был коммунистом. Категорически! Вот это важно, и, пожалуй, впервые с семнадцатого года в ответ на то, что сделала КПСС отрицательного в отношении СССР и России, не сделаны шаги в сторону мести. Удержалась Россия от этого. Как ни трудно было удержаться — а был ведь соблазн, многие говорили: давайте мы копнем снизу. Ну, знаете, копать на пятнадцать—двадцать миллионов плюс их семьи, которые пострадают, — это мы взорвали бы все общество».

Пожалуй, самый яркий эпизод открытия архивов связан с расстрелами польских военнопленных в местечке Катынь близ Смоленска. Рассекречиванию этих материалов осенью 1992 года активно содействовал советник Президента С.Станкевич. Копии документов были затем переданы в Конституционный Суд.

Публикация материалов «Катынского дела», изобличавших И.Сталина и руководство СССР в убийствах пленных польских офицеров, получила большой резонанс в России и за рубежом. Документы, которые в течение 50 лет безуспешно пытались разыскать историки, свидетельствовали о том, что партийное руководство пыталось замести следы преступления. Политбюро ЦК КПСС несколько раз возвращалось к рассмотрению этого дела, но конкретных решений по поводу того, как реагировать на появившиеся в мировой печати обвинения, не принималось. Никто не хотел брать на себя ответственность в столь грязном деле.

Из документов следовало, что решение об уничтожении польских офицеров было принято постановлением политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года. Таким образом, вся вина за это преступление ложилась даже не на НКВД (исполнителя акции), а на высшее руководство коммунистической партии. Вопрос о судьбе пленных поляков по поручению И.Сталина был подготовлен наркомом внутренних дел Л.Берия, а на ответном письме

Сталину, помимо подписи самого Берия, имелись одобрительные резолюции Ворошилова, Молотова, Микояна, Калинина и Кагановича. По иронии истории на этом же заседании политбюро рассматривался вопрос об изготовлении нового саркофага для мумии Ленина в Мавзолее.

Документы носили столь изобличающий характер, что были изъяты из секретного архива ЦК КПСС и хранились в отдельной папке № 1 непосредственно в политбюро. В 1959 году была предпринята попытка уничтожить этот документ. В папке № 1 была обнаружена также докладная записка тогдашнего шефа КГБ А.Шелепина первому секретарю ЦК КПСС Н.Хрущеву от 3 марта 1959 года. Шелепин анализирует «историю вопроса» и запрашивает согласие ЦК КПСС на уничтожение опасного документа. Большинство «учетных дел» были действительно уничтожены, и лишь незначительная часть помещена в «особую папку», которая вместе с архивом политбюро (так называемый 6-й сектор архива ЦК) передавалась «в наследство» от одного генерального секретаря ЦК КПСС другому.

После распада Союза архив оказался в распоряжении главы Российского государства. Б.Ельцин был первым, кто взял на себя смелость рассказать правду о «Катынском деле». По его указанию создали специальную комиссию по разбору связанных с ним архивных документов.

Б.Ельцин был потрясен тем, что стало ему известно. Он немедленно отправил тогдашнего руководителя Комитета по делам архивов при правительстве Р.Пихою в Польшу в качестве своего личного представителя для вручения документов о Катыни польскому Президенту Л.Валенсе. Б.Ельцин не мог скрыть своих эмоций на встрече с польскими журналистами, которые были приглашены в Кремль буквально через несколько дней после этого. Обычно на встречах с журналистами Президент не был слишком эмоционален. Здесь все было по-другому. В глазах у Ельцина стояли слезы.

«Польские офицеры, многие из которых представляли собой лучших представителей польской интеллигенции, людей мирных гражданских профессий, призванных на военную службу по случаю войны, были расстреляны по приказу руководящих органов коммунистической партии Советского Союза, которая во времена трагедии называлась ВКП(б). Партия большевиков была не только свидетелем преступления, но его прямым организатором. Заявляю, что было совершено предумышленное и злодейское массовое убийство», — сказал на встрече с польскими журналистами Б.Ельцин.

Польша высоко оценила факт предания гласности «катынских документов». «Наконец-то, — заявил Президент Польши Лех Валенса, — нашелся мужественный человек — Президент России Борис Ельцин, который принял героическое решение и сказал всю правду».

Однако «нюрнбергского процесса» над компартией не получалось. Кроме недооценки его значимости для будущего страны самим Ельциным, и в обществе также не обнаружилось той массированной поддержки антикоммунистической акции, которая могла бы подтолкнуть Президента к более решительным действиям. В какой-то период страна оказалась перекормлена публицистическим антикоммунизмом, он приелся и уже не вызывал общественного энтузиазма.

Такой суд мог бы иметь место сразу после августовского путча 1991 года, в котором «по уши» была замешана компартия. Кроме того, в трудный период 1992 года, когда население испытало первые тяготы непопулярных мер Правительства Гайдара, в обществе, наоборот, стала проявляться определенная ностальгия по прошлому, по «советскому образу жизни». Среди миллионов людей, пострадавших от реформ, эта ностальгия часто проявлялась в формуле «при коммунистах было лучше».

Не считаться с этим было нельзя. Ельцин медлил, уклонялся от решительных шагов, на которые его подталкивала радикальная часть окружения, часть интеллигенции. Он придерживал даже ту часть документов, обнаруженных в архивах, которая, в строгом смысле слова, к этому времени не была даже секретной. «Есть документы, которые всколыхнут общество, и мы даже немножко сейчас оттягиваем, потому что много на общество обрушилось, тяжелым бременем легло. Поэтому немножко растянем...» — говорил Ельцин в кругу доверенных журналистов*.

Коммунисты, конечно же, уловили такого рода настроения и умело ими воспользовались. К тому же опросы общественного мнения фиксировали дальнейшую эрозию образа Президента. Так, по опросу ВЦИОМ, проведенному в начале октября в Москве, у более 60% жителей столицы Ельцин стал пользоваться меньшей поддержкой, чем год назад. А 22% опрошенных заявили, что он вообще потерял всякую поддержку. И это в Москве, где у него с конца 80-х годов были очень сильные позиции.

Кстати, к этому периоду относятся и первые общественные баталии по поводу того, следует или нет Борису Николаевичу баллотироваться на второй президентский срок. Поводом послужило заявление Ельцина о том, что он не слишком заботится о своей популярности, поскольку не планирует переизбираться. Эта фраза, оброненная, в сущности, случайно, не прошла незамеченной и вызвала бурные споры среди аналитиков. Опрос, проведенный в Москве, показал: более половины респондентов — представители московской элиты — считали, что ему действительно не следует претендовать на второй президентский срок.

Исследователи обратили внимание и на то, что публичная деятельность Б.Ельцина вызывает скорее негативную, чем позитивную реакцию. Ректор МГИМО проф. А.Торкунов, подводя итоги обсуждения результатов социологических исследований, писал в своей аналитической записке:

«...это говорит о важной перемене в общественном мнении: многие москвичи уже не оценивают Б.Ельцина только как харизматического лидера, пользующегося большим влиянием за счет человеческого обаяния и выдающихся личных качеств. К сожалению, преобладающее мнение (даже в столице) не отвечает идее и институту президентской власти. Адекватный имидж первого российского Президента, персонифицирующего собой прежде всего единство нации, устойчивость и эффективность государственного управления, практически отсутствует в массовом сознании москвичей».

Вывод достаточно острый и негативный. При его оценке следует, однако, принимать во внимание то, что в академических кругах Москвы, где были сильны позиции так называемой «статусной интеллигенции» времен

* Комсомольская правда. 1992. 15 июля.

Горбачева, к Ельцину вообще было довольно прохладное отношение: его считали человеком недостаточно образованным, грубым и тайно вздыхали о «Горби».

Пока Президент медлил, раздумывая, каким образом нейтрализовать поднимающую голову коммунистическую оппозицию, сами коммунисты, избрав известную формулу «лучшая оборона — нападение», сыграли на опережение. Имея за спиной поддержку Верховного Совета, ряд депутатов-коммунистов в январе 1992 года обжаловали в Конституционном Суде указы Президента о запрете компартии.

Напомним, что речь шла о трех Указах: от 23 августа «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР», от 25 августа «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР» и, наконец, от 6 ноября «О деятельности КПСС и КП РСФСР». Даже по датам и названиям этих Указов можно судить, насколько импровизированной была эта кампания. Однако не импровизационность стала ее характерной чертой, а поверхностность и незавершенность. Но это ясно теперь, а тогда большинству, в том числе и авторам этой книги, казалось, что указы Президента предназначены лишь для констатации «смерти больного»; что сама история распорядилась судьбой секты, сумевшей заразить своими идеями массы людей; что теперь без КПСС (а КП РСФСР воспринималась лишь как одна из многочисленных территориальных организаций КПСС) жизнь пойдет совсем по-другому.

В начале 1992 года коммунисты, как ни в чем не бывало, вновь пошли в атаку. Возникла крайне опасная ситуация. Ее почувствовал даже М.Горбачев. При всех политических и личных антипатиях к своему преемнику, он понимал, что при Ельцине ему гарантированы личные свободы и возможность участвовать в общественной и политической жизни. Он свободно ездил за границу с лекциями, которые финансово подпитывали Фонд Горбачева. В случае возвращения во власть коммунистов ему грозила либо эмиграция, либо преследования внутри страны. Не исключены были и репрессии по полному набору традиционных коммунистических обвинений — «за измену КПСС, за развал СССР, за предательство национальных интересов, за сговор с империалистами» и т.д.

М.Горбачев даже обращался к Председателю Конституционного Суда В.Зорькину, пытаясь убедить его не принимать жалобу коммунистов к рассмотрению. В какой-то мере он тем самым косвенно поддерживал Ельцина. «Если суду придется отменить указ о неконституционности КПСС, возникнет вопрос — кто же у нас президент, эти указы подписавший? — аргументировал Горбачев. И далее советовал: — Нужно затянуть время. Нельзя этот процесс поддерживать, поскольку он вообще погубит Конституционный Суд или, по крайней мере, подорвет его авторитет... В этом процессе я участвовать не буду. Это политическая провокация против общества, против Конституции и против Конституционного Суда».

Во многом он оказался прав. Суд взбудоражил общество, усложнил отношения В.Зорькина с Президентом и в конечном счете пагубно сказался на дальнейшей судьбе Председателя Конституционного Суда, который стал заложником антипрезидентской интриги Р.Хасбулатова.

М.Горбачеву, кстати, принадлежит весьма точная оценка политического момента в связи с процессом в КС. Предлагая В.Зорькину вообще отказаться от суда, он говорил:

«Если вы еще не приняли решения, то и принимать его не стоит. Если же приняли, то я бы предложил вам еще раз к нему вернуться и отказаться от него. Потому что в данном случае инициативу проявили известно кто. Представители бывших партийных структур. Они потерпели поражение и пытаются всеми силами выйти сейчас на поверхность. Они эксплуатируют социальную ситуацию, напряженность, хотят быть на виду — на всякий случай. А случай этот может подвернуться, судя по тому, как идут реформы. Это совершенно ясно...»*

Конституционный Суд по запросу о неконституционности Указов Президента о запрете коммунистической партии начался 26 мая 1992 года и с перерывами длился до 30 ноября. Представителем Президента на нем был один из ближайших соратников Ельцина той поры, его советник по правовой политике и одновременно заместитель Председателя Правительства С.Шахрай. Профессиональный юрист, безусловно, яркая личность, человек гибкого ума, сторонник твердых мер в отношении коммунистической партии, он многократно привлекался Ельциным для юридической проработки самых жестких «политических рокировочек». В трудные моменты (1991, 1993 годы) он всегда был рядом с Ельциным, который ценил его за бескомпромиссность. Иногда, правда, подобная решительность оборачивалась пренебрежением к необходимым деталям, нюансам, недостаточным учетом возможных последствий. Интересы президентской стороны представляли также Госсекретарь и первый вице-премьер Геннадий Бурбулис и генеральный директор Российского агентства интеллектуальной собственности (РАИС) Михаил Федотов. На процессе присутствовал также министр юстиции Николай Федоров.

За процессом следила российская и мировая общественность. Демократическая пресса, предвосхищая ход событий, с первых же дней процесса взяла излишне оптимистичный тон. Не только репортерам, наблюдавшим за процессом, но и солидным обозревателям казалось, что общество присутствует при публичных похоронах КПСС. Газета «Куранты» писала, что создается «впечатление, будто ходатайствующая сторона старается эксгумировать труп компартии, но каждая реплика С.Шахрая как бы добавляла горсть земли в ее могилу».

Однако процесс пошел далеко не так, как ожидали в Кремле. Рассчитывали, что это будет победный «блицкриг», а суд затянулся на месяцы. Коммунисты попытались как можно дольше вести разбирательства. Логика была проста: к тому времени компартия потеряла почти все свои информационные возможности в прессе и на телевидении, а суд впервые после 1991 года представил компартии возможность публично заявлять свои позиции и критиковать «антинародный режим Ельцина», выбраться с обочины общественной жизни на дорогу активной политической деятельности. «Партия борется, значит, существует», — говорили партийные пропагандисты.

Трибуна Конституционного Суда на улице Ильинка предоставила возможность выплеснуть весь запас привычной социальной демагогии.

* Комсомольская правда. 1992. 7 окт.

Г.Зюганов даже заявил, что запрет КПСС прервал процесс ее реформирования и создал условия для возникновения крайне левых течений. «Дерево срубили, а теперь все равно растут побеги, в том числе экстремистские», — говорил он на судебном заседании. Начало суда послужило сигналом к мобилизации многочисленных коммунистических и прокоммунистических организаций, возникших после распада КПСС. В провинциальной прессе, которая в значительной мере оставалась под контролем коммунистов, публиковались многочисленные «письма трудящихся» против «охоты на ведьм».

Советники Президента просчитались и в оценке соотношения сил внутри самого КС. Известный юрист А.Венгеров с самого начала высказывал сомнение в благоприятном для президентской стороны исходе процесса, поскольку среди членов Конституционного Суда преобладали скрытые и откровенные сторонники левых взглядов. Б.Ельцин, убедившись, что разбирательство затягивается на месяцы и идет не по тому сценарию, по которому хотелось бы, потерял к нему интерес.

Суд завершился бесславно. В том числе и для Конституционного Суда, чья позиция фактически ввела компартию в качестве полноценной части нарождавшейся новой политической системы, которую она предполагала ликвидировать.

За многословными юридическими рассуждениями постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 1992 года по делу «О проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 года № 79 "О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР", от 25 августа 1991 года № 90 "Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР" и от 6 ноября 1991 года № 169 "О деятельности КПСС и КП РСФСР", а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР» скрывается простой смысл: КПСС и ее составная часть КП РСФСР — обычная партия. Только вот ее руководящие органы и структуры на местах инициировали и проводили политику массовых репрессий, контролировали средства массовой информации, решали вопросы, входившие в компетенцию органов власти и управления, присвоили себе часть государственной собственности.

В результате конституционным был признан роспуск Б.Ельциным лишь руководящих организационных структур КПСС, но не первичных организаций КП РСФСР, «постольку эти организации сохраняли свой общественный характер и не подменяли государственные структуры». К тому же Суд фактически пригласил наследников КПСС организовать новую коммунистическую партию «при условии, что в случае их организационного оформления в качестве политической партии наравне с другими партиями будут соблюдены требования Конституции и законов Российской Федерации». Такое же половинчатое решение было принято и по вопросу об имуществе КПСС, часть которого признавалась законной, а, следовательно, сама КПСС не признавалась преступной организацией, ибо в противном случае все ее имущество подлежало бы конфискации.

Мало того, Суд отказался рассмотреть встречный запрос о проверке конституционности самой КПСС, который подал депутат О.Румянцев. Симпатизировавшие этой идеологии судьи понимали, что процесс имел бы

тогда катастрофические для коммунистов последствия. Но этого не случилось. Об этом хорошо сказал в своем особом мнении конституционный судья А.Л.Кононов:

«Уклонение от разрешения ходатайства о проверке конституционности КПСС и ее составной части — КП РСФСР есть, по существу, отказ в правосудии, так как ни один другой орган никогда более не сможет дать компетентную юридическую оценку государственно-правовой стороне этого феномена, оказывавшего тотальное влияние на весь политический, экономический и социальный строй России многие десятилетия»*.

Решение Суда о правомочности первичных организаций КП РСФСР (теперь КПРФ) было воспринято руководством партии как юридическое основание для полной ее легализации. Уже 7 декабря, то есть через неделю после решения Конституционного Суда, тогдашний первый секретарь ЦК КП РСФСР В. Купцов объявил на пресс-конференции о том, что коммунисты начинают подготовку к восстановлению компартии России и о создании оргкомитета по подготовке ее II съезда.

Компромисс или сдача позиций?

Весной 1992 года давление на Президента со стороны оппозиции усилилось, и Ельцину пришлось маневрировать, в том числе и на кадровом поле. Оппозиция хотела полностью смести команду реформаторов. Чтобы сохранить ее костяк, и прежде всего Е.Гайдара, альтернативы которому Президент пока не видел, ему приходилось идти на уступки. Хотя Ельцин предпочитал говорить о компромиссах, о поиске гражданского согласия с оппозицией, на самом деле это были уступки.

Одной из первых таких уступок стала отставка министра топлива и энергетики В.Лопухина, идейно близкого Е.Гайдару. Причем сделал это президент достаточно безапелляционно. Он объявил о своем решении прямо в ходе совещания в Кремле по проблемам энергетики. Самолюбие Е.Гайдара было уязвлено, и он даже подумывал, не подать ли в знак протеста в отставку. Однако друзья убедили его остаться.

На одной жертве Ельцин не остановился. Отставка В.Лопухина, человека не слишком известного в обществе, показалась ему недостаточной. Чтобы умиротворить оппозицию, нужны были более эффектные ходы, и он отправляет в отставку председателя Центрального банка России Г.Матюхина. Правда, на этот раз у Президента были формальные причины для недовольства: Центральный банк не смог вовремя разглядеть и предотвратить грандиозную аферу с фальшивыми авизо, когда группа жуликов сумела по поддельным документам получить огромные суммы денег и перевести их в Чечню.

На эту должность в июле 1992 года утвердили (под бурные аплодисменты Верховного Совета) Виктора Геращенко, в былые времена возглавлявшего Госбанк СССР. Оппозиция торжествовала. Это был блестящий представитель советской элиты, умелый управленец, получивший в финансовых кругах прозвище Геракл, который, однако, весьма скептически от-

* Вестник Конституционного Суда РФ. 1993. № 6. С.5.

носился к либеральным идеям и не скрывал этого. Потеря реформаторами контроля над Центральным банком казалась оппозиционерам символической. Ведь большевики, захватив власть в 1917 году, в первую очередь установили контроль над почтой, телеграфом и банками. И это стало частью коммунистической мифологии.

Впоследствии Б.Ельцин неоднократно признавался в том, что это назначение было его серьезной ошибкой. В.Геращенко, человек твердой воли и выдержки, оказался для Президента крепким орешком и трудно поддавался управлению. Через некоторое время Ельцин его буквально возненавидел. При одном упоминании этой фамилии у него по скулам начинали ходить желваки. Надо было терпеливо ждать подходящего момента, чтобы избавиться от него.

Символические «кадровые рокировочки», признанные фирменным стилем Президента, на этом не прекратились. В прессе появился Указ Президента об учреждении Совета безопасности РФ и о назначении Юрия Скокова его секретарем.

Вскоре Б.Ельцин удалил из Правительства и П.Авена, министра внешнеэкономических связей, одного из ближайших соратников и друзей Е.Гайдара. В Правительство было введено на уровне вице-премьеров несколько человек, представлявших директорский корпус, тех, которых сам Ельцин называл «крепкими хозяйственниками»: В.Черномырдин, В.Шумейко, Г.Хижа. Реформаторы восприняли это как катастрофу. Демократическая пресса предрекала конец реформ и коммунистический термидор. Ельцин терял очки как слева (коммунисты сочли это за слабость), так и справа.

Однако большинство пришедших в Правительство Гайдара «крепких хозяйственников» достаточно быстро освоились с либеральными экономическими инструментами, нашли общий язык с остатками команды Гайдара и через некоторое время сами стали объектом нападок оппозиции, обвинившей их в «перерожденчестве». Но дело было не только в том, что недавние директора и хозяйственники повсеместно стали приспосабливаться к реформам и из «красных» становились вначале «розовыми», а потом и вовсе избавлялись от цветовых символов социализма. Но и в том, что сам Б.Ельцин при всех зигзагах, непоследовательности и временных отступлениях в экономической сфере, тем не менее не менял основного вектора реформ. Как в шахматной партии, жертвуя фигуры, он пытался сохранить инициативу.

В июне 1992 года Ельцин предложил Гайдару, ставшему уже символом либеральных реформ, возглавить кабинет министров. Напомним, что до этого Председателем Правительства был сам Ельцин. Впрочем, и здесь пришлось пойти на хитрость: понимая, что Верховный Совет не утвердит кандидатуру Гайдара на пост премьер-министра, Ельцин назначил его «исполняющим обязанности» премьера. Правда, с другой стороны, этот шаг мог объясняться и желанием Президента в какой-то степени дистанцироваться от негативных последствий экономических реформ.

Между тем оппозиция настаивала на новых жертвоприношениях: она требовала крови если не самого Гайдара, то Государственного секретаря

Г.Бурбулиса и министра печати и информации М.Полторанина, которых не без оснований считала своими заклятыми врагами.

Президент не любил принимать кадровые решения под давлением, но на этот раз оно шло не со стороны непримиримой оппозиции, скорректировать кадровый состав Правительства советовал «Гражданский союз», в котором важную роль играли известные в стране политики — А.Вольский, А.Владиславлев, В.Липицкий, Н.Травкин. В преддверии трудного раунда борьбы на VII съезде Ельцин не мог полностью пренебречь мнением «Гражданского союза», который мягко подталкивал его к компромиссам с оппозицией. Его лидеры, конечно, блефовали, утверждая, что контролируют до 40% голосов депутатов. Тем не менее в то время это была влиятельная сила, за которой стояли многие директора предприятий, особенно в военно-промышленном комплексе.

На закрытой для прессы встрече Б.Н.Ельцина с лидерами «Гражданского союза» в ноябре 1992 года состоялся достаточно откровенный разговор. В сущности, это был торг о судьбе Правительства Гайдара. Они сделали попытку договориться о демонтаже кабинета министров. На позиции самого Президента представители промышленного лобби не покушались, понимая, что такой разговор бесперспективен. Однако «аккуратно припугнуть» Президента предстоящим съездом не мешало бы...

Председатель правления входившей в «Гражданский союз» партии «Свободная Россия» (одна из множества эфемерных, мертворожденных партий того времени) В.Липицкий заметил: «То, что произойдет на Съезде, зависит от того, что произойдет до Съезда». Ельцину предлагали проработать сценарий предстоящего Съезда в узком кругу с представителями «Гражданского союза». «Если со стороны Президента будет проявлено внимание к "Гражданскому союзу" и мы получим от Президента документы для проработки, то мы сможем оценить их на проходимость в Верховном Совете и на Съезде», — говорил В.Новиков из фракции «Беспартийные депутаты».

В сущности, это было предложение о сговоре. Желая усыпить подозрительность Ельцина, который не испытывал особых симпатий к «Гражданскому союзу», они в самом начале беседы заявили, что их позиция — «защищать Президента». В завуалированной форме Ельцину была предложена идея коалиционного Правительства, в которое вошли бы «все здоровые силы». Разумеется, к ним не причислялась команда Е.Гайдара. «Речь не идет о резкой ломке Правительства», — успокаивал Владиславлев. «Не надо видеть в нас врагов», — убеждал Вольский.

Откровеннее всех высказался несклонный к дипломатическим реверансам председатель Демократической партии Николай Травкин. К нему Ельцин относился с симпатией, видел в нем демократа, сторонника реформ, случайно попавшего в ряды «Гражданского союза», и, возможно, поэтому именно на него возлагалась самая деликатная часть разговора — о кадрах. И Николай Ильич, что называется, «врубил» со всей свойственной ему «пролетарской» прямотой: «Необходимо провести кадровые замены уже до Съезда, и тогда сам Съезд мог бы быть более «мягким»... Кадровые коррективы нужны как гарантия корректировки курса реформ».

На протяжении всей встречи, кроме краткого вступительного слова, Президент молча слушал и своим мрачным видом как бы показывал,

что обволакивающая тональность разговора ему не по душе. К тому же у Б.Ельцина были все основания сомневаться в крепости мускулов, которые демонстрировали на встрече представители этого объединения. О реальном раскладе сил в Верховном Совете и на предстоящем Съезде он был достаточно хорошо информирован. Явно преувеличены были и представления собеседников об их возможностях в регионах. Ельцин на практике поддерживал тесные личные отношения с губернаторами, расширяя круг их полномочий, усиливая их политический вес на местах, он мог больше рассчитывать на их поддержку, чем на словесные обещания той или иной группы политиков. Забегая вперед, скажем, что итоги VII съезда продемонстрировали политическую несостоятельность «Гражданского союза».

Когда Н.Травкин заговорил о «кадровых корректировках», Ельцин не повел и бровью. Это, правда, не предвещало ничего хорошего. «Что же вы предлагаете?» — угрюмо спросил он.

Не уловив настроения Президента, Николай Ильич с готовностью выложил карты на стол: Бурбулиса убрать или сменить его статус (реплика А.Вольского: «Послом его в хорошую страну или в ООН»). Сместить Козырева, Полторанина, Хлыстуна, Нечаева, Махарадзе, Головкова. «При таких переменах премьером можно оставить Гайдара», — завершил инвентаризацию Травкин.

Ельцин долго молчал. Так долго, что присутствовавшие на встрече стали беспокойно переглядываться. Его знаменитую паузу выдержать было довольно трудно.

— При таких глобальных изменениях Гайдар уйдет сам, — наконец проговорил он. — Лучшего премьера мы не найдем. Гайдар — это «попадание в десятку». Да и Бурбулиса мне отдать трудно. Гайдар должен остаться.

Как выяснилось позже, «переговорщики» лукавили и вели двойную игру. Требуя у Президента головы Гайдара, а если не Гайдара, то его ближайших сподвижников, они одновременно вели переговоры и с самим Егором Тимуровичем и даже обещали ему поддержку, если он включит в Правительство их креатуры. В мемуарах, вышедших уже в 1996 году, Гайдар пишет: «Особенно активны Вольский и его коллеги по "Гражданскому союзу", обещают в обмен поддержку директорского корпуса, широко представленного на Съезде». Но Гайдар был еще менее склонен к компромиссам, чем Президент, и прямо отвечал, что ни на какие закулисные договоренности не пойдет.

Форма и содержание этих «торгов» наводят на размышления об их практических целях. Это было время активного перераспределения собственности, многочисленных постановлений о квотах и других «приятных вещах». Посланники директорского корпуса, похоже, мечтали добраться до центра принятия этих важных и «доходных» решений: когда впереди обед, надо быть поближе к столу. Естественно, что те же мотивы лежали в основе ряда других политических противостояний. Нередко идеологическая аргументация прикрывала банальное недовольство того или иного политика тем, что он и его команда не допущены к дележу пирога.

Описанная выше встреча произвела на Ельцина крайне неприятное впечатление и только ухудшила его отношение к «Гражданскому союзу»,

хотя по ее завершении были сказаны все формальные слова о необходимости диалога и сотрудничества. Договорились, что содержание разговора останется конфиденциальным, и особо о том, что никакие фамилии возможного «кадрового пасьянса» упоминаться не будут.

В сообщении пресс-службы Президента лишь говорилось, что «объединение "Гражданский союз"» представляет реально существующую политическую силу центристского направления, готовую к сотрудничеству во имя обновления России и отвергающую экстремистские идеологии и методы борьбы». Отмечалось также, что «со стороны "Гражданского союза" был предложен ряд желательных, с их точки зрения, кадровых вариантов компромиссного характера».

Однако на следующий же день разразился скандал. «Гражданским союзом» были допущены преднамеренные «утечки», которые должны были бы продемонстрировать влияние его лидеров. В результате в прессе появился полный список кадровых требований к Президенту. В том числе и требования об отставке министра иностранных дел А.Козырева, что затрагивало уже сферу международных отношений. Ельцин был взбешен.

По требованию Президента его пресс-секретарь выступил с достаточно резким заявлением, в котором, в частности, говорилось:

«Ельцин выслушал кадровые предложения, прозвучавшие в ходе встречи, в качестве информации. Ни в какие обсуждения кадровых вопросов Президент в ходе встречи не вступал. Во имя политической стабильности в стране Президент готов к диалогу, к поиску разумных компромиссов. Вместе с тем он крайне удивлен продемонстрированными на встрече «кадровыми аппетитами» отдельных лиц, присутствовавших на встрече, и решительно отвергает стилистику «политического торга».

И все-таки Ельцин решил частично удовлетворить амбиции оппонентов, что было продиктовано тактикой подготовки к VII съезду народных депутатов. Выждав приличествующие три недели, чтобы не дать повода говорить о решениях, принятых под давлением, Ельцин подписал Указ об освобождении от должности Государственного секретаря при Президенте Геннадия Бурбулиса, человека как бы олицетворявшего в глазах общества и особенно интеллигенции идеологию политических реформ. Сама должность Государственного секретаря упразднялась. Из круга ближайших соратников Ельцина был исключен и отправлен в отставку М.Полторанин.

Демократическая элита бурно реагировала на кадровые изменения. Президента обвиняли в том, что он «сдает своих». В более мягкой форме, чем в прессе, упреки в адрес Президента звучали и на проходившем в конце ноября Конгрессе интеллигенций. Встречи с ней Ельцину всегда давались непросто. Среди интеллектуальной элиты он никогда не чувствовал себя в своей тарелке, несмотря даже на то, что именно творческая интеллигенция, вопреки свалившимся на нее финансовым трудностям, поддерживала политику реформ наиболее последовательно.

Ельцин, не слишком любивший объяснять мотивы своих решений, а тем более кадровых, на этот раз счел нужным отозваться на шквал обвинений в капитулянтстве. Ельцин, выступая на конгрессе, признал, что «некоторые персональные перестановки вызвали болезненную реакцию... Должен честно признать, что пошел на ряд компромиссов, но они носят

не стратегический, а тактический характер. Они не являются односторонними уступками... Не могу согласиться с тем, что мы пошли на поводу у так называемого промышленного лобби, поддались влиянию гигантов военно-промышленного комплекса».

Давление промышленного лобби, с большим трудом приспосабливавшегося к рыночным отношениям, было, конечно же, ощутимым, и не считаться с этим Президент не мог. Но и внутри его собственной команды стали появляться трещины. Социальные последствия реформ, приведших миллионы россиян к черте бедности, испугали многих из реформаторов «первого призыва». Нарастало опасение, что крах реформ может привести к росту экстремизма и в конечном счете к красно-коричневой диктатуре.

Среди соратников Ельцина одним из первых сигналы тревоги стал подавать его советник по политическим вопросам С.Станкевич. В конце декабря 1992 года он прислал Ельцину конфиденциальную аналитическую записку «О необходимости стратегического поворота в осуществлении российских реформ», в которой говорилось о резком сокращении социальной базы поддержки реформ и самого Президента, о росте влияния экстремистских организаций коммуно-фашистского толка, в частности Фронта национального спасения (ФНС).

«Влияние движения "Демократическая Россия", бывшего главной опорой первого реформаторского кабинета, резко сократилось, — писал С.Станкевич. — Только в Москве и Петербурге вместе с союзниками, вошедшими в коалицию "Демократический выбор", радикальные демократы в состоянии пока найти поддержку примерно трети взрослого населения. На остальной территории России на радикальных демократов ориентируется не более 20% потенциальных избирателей, и это число продолжает сокращаться... Таким образом, радикальные демократы уже не могут быть опорой Президенту, а центристы пока не стали такой опорой. Пауза с выбором стратегических союзников затягивается».

Советник предупреждал, что главная борьба на предстоящем VII съезде народных депутатов развернется вокруг Правительства Гайдара. В осторожной форме он, в сущности, предлагал президенту избавиться от него: «Крайне опасно и пагубно намертво связать имя и престиж Президента с данным или каким-то другим правительством», — писал Станкевич. В целом его точка зрения по ряду серьезных позиций совпадала с позицией «Гражданского союза». Ельцина призывали снять с себя ответственность за курс «шоковой терапии».

В принципе возникновение «Гражданского союза» было нормальным явлением: это была первая «центристская» организация, не отвергавшая рыночные реформы как таковые, но выступавшая против жестких либеральных методов «шоковой терапии». Что касается идеологии, то «Гражданский союз» не был чужд идеям государственности, державности.

Но в конце 1992 года его идеи вызывали большое опасение в кругах реформаторов, видевших в нем «троянского коня» старой номенклатуры. Б.Ельцин разделял многие из этих подозрений. Президент имел информацию, что лидеры «Гражданского союза» активно взаимодействуют с Председателем Верховного Совета Р.Хасбулатовым, в том числе и по кадровым

вопросам. Он оказался прав, когда предполагал, что эта встреча была попыткой прозондировать меру его уступчивости в кадровых вопросах. Когда во время личной встречи Президента с Р.Хасбулатовым в Кремле 6 ноября 1992 года тот предложил ему список своих кандидатур (десять человек) для будущего Правительства, он полностью совпадал со списком «Гражданского союза».

Были и подозрения личного характера: активную роль в «Граждан-ском союзе» начал играть вице-президент Александр Руцкой. На встрече с Президентом в Кремле Руцкой отмалчивался, но Б.Н.Ельцин понимал, для чего, собственно, вице-президент им нужен: он пользовался немалой популярностью в армейских кругах и при необходимости мог обеспечить политическую связь движения с армией.

Опасения имели некоторые основания. Армия с трудом вживалась в реформы, если не сказать — бедствовала. Офицеры чувствовали себя обманутыми. К тому же армия, которая во времена советской власти была одной из опор режима, теперь оказалась полностью исключенной из политики. Когда популярный командующий 14-й армией в Приднестровье генерал А.Лебедь в одном из своих интервью заявил, что «пора за дело браться», в армейских кругах это высказывание нашло большую поддержку. Об угрозе вмешательства армии в политику в это время говорили многие общественные деятели, в частности Председатель Конституционного Суда В.Зорькин, министр иностранных дел А.Козырев. В армейские части, особенно дислоцированные неподалеку от Москвы, зачастили депутаты — сторонники спикера. Не было полной уверенности, что армия в случае резкого обострения ситуации окажется на стороне Президента. В оппозиционной прессе раздавались и прямые призывы к армии спасти страну от «антинародного режима».

В ближайшем окружении Ельцина нарастала тревога. В интервью «Литературной газете» С.Шахрай заявлял: «Если говорить о власти в масштабе всего государства, то она даже не висит, а валяется беспризорной... При определенных условиях это может превратиться (или уже превращается) в "ползучий государственный переворот"».

Глава 4

«Коллективное безумие»

(НОЯБРЬ 1992 — ЯНВАРЬ 1993)

Нужна ли такая партия?

Съездовская система как форма представительной власти была довольно лукавым изобретением команды М.Горбачева конца 80-х. Она позволяла открыть новый клапан для выхода все более накапливавшегося социального напряжения и в то же время сохранить управляемость системой, поскольку Съезд в реальности не мог осуществлять властные функции и вместе с тем был хорошим прикрытием как «глас народа».

Истинный «отец» идеи съездов народных депутатов А.И.Лукьянов, яркий представитель советской школы государствоведения и опытный аппаратчик, прекрасно знал, что такого рода конструкции предназначены в основном для функций учредительной власти (вроде земского собора, учредительного собрания, конвента и проч.), то есть принятия основополагающего акта, устанавливающего новую власть. После этого подобные органы распускаются. Будучи по своему характеру митингом, вече, такие органы не способны осуществлять текущую власть, они лишь могут ее вручить кому-либо.

Однако всесильный в то время ЦК КПСС мог создать любую, самую немыслимую конструкцию власти, лишь бы она работала в интересах, которые в данный момент ему представлялись важными. В тот момент аппарат увидел преимущества именно в съездовской системе.

К тому же такая конструкция отвечала популярному тогда лозунгу «Вся власть — Советам», ведь не случайно даже терминологически название «съезд народных депутатов» созвучно названию «съезд Советов» (в то время многие, путаясь, так и говорили). То есть как бы возрождалась «истинно ленинская» система советской власти, страна как бы возвращалась «к истокам» (мало кто осмеливался тогда на широкой публике говорить, что сами эти истоки полны грязи и крови). Демократическая часть общества, еще не помышляя о радикальном развитии событий, видела в этом лозунге хоть какую-то возможность уменьшить всесилие партийных функционеров. Партноменклатуру же съездовская система не очень стесняла, поскольку предполагалось, что она будет находиться под партийным контролем.

Естественно, никто не ожидал, что съезды депутатов, сначала СССР, а затем и РСФСР, станут не только мощным средством демократического просвещения общества, но и поставщиком многих руководящих кадров для постсоветской России. И первым среди них является, конечно же, Б.Ельцин. Он многим обязан Съезду народных депутатов СССР, но в гораздо большей мере — Съезду РСФСР.

Действуй Ельцин действительно по-революционному после победы над ГКЧП, он не только должен был более радикально решить воп-

рос о КПСС, но и повести дело к наделению Съезда народных депутатов РСФСР учредительной властью для кардинального изменения всего властного механизма в России. Тогда бы, возможно, и съезды остались в истории как органы, сыгравшие огромную роль в переходе России от тоталитарной к демократической системе. Но по разным причинам этого не произошло. Съезды народных депутатов вскоре превратились в опасный атавизм советской системы, в тормоз политической эволюции.

Это еще более осложнялось тем, что во главе Верховного Совета встал такой человек, как Р.Хасбулатов. Как многие другие депутаты, он не имел четких мировоззренческих позиций, ценность власти была для него неизмеримо выше каких-либо принципов. У таких людей, как правило, очень тонкий нюх на политическую моду, а поскольку пик «моды на реформы» к концу 1992 года начал клониться к закату и уже все громче слышались ностальгические напевы, он понял, на кого нужно делать ставку. В свою очередь, коммунисты быстро оценили его самомнение, его искусство манипулировать тысячеголовым съездом, его нараставшую обиду на Ельцина, который не включил «верного Руслана» в свою команду. Негласный союз был заключен.

В значительной степени именно благодаря личности Хасбулатова многие до сих пор считают столкновение Ельцина с российским Съездом и Верховным Советом результатом обид и оскорблений, нанесенных Президенту депутатским корпусом. Так часто бывает в истории (вспомним хотя бы Троянскую войну, начавшуюся вроде бы из-за Елены Прекрасной), когда межличностные отношения кажутся причиной крупных потрясений, войн, конфликтов. На самом деле человеческие эмоции только обрамляют ход истории.

Так и в 1992—1993 годах Ельцин боролся не со Съездом, а Съезд — не с Ельциным. В схватку вступили тоталитарная и демократическая системы. Можно, конечно, сказать, что ни Хасбулатов не был закоренелым партийным функционером, коммунистическим ортодоксом, ни Ельцин — убежденным демократом. Но отсутствие «политической чистоты» противостоявших лидеров всего лишь делает ситуацию менее похожей на придуманную схему, прибавляет ей жизненности. Сути это не меняет. А суть состояла в том, что старая система сумела навязать нарождавшейся новой свои правила игры, свое формальное право, представив дело так, что никакой революции не происходит.

Ситуация усложнялась и тем, что в Администрации Ельцина было немало людей, сочувствовавших прокоммунистическому большинству Съезда. В практическом плане это приводило к постоянным утечкам информации из Администрации, и большинство «домашних заготовок» Ельцина становились известны политическим противникам.

Следовавшие один за другим съезды народных депутатов изматывали Президента и морально, и физически. Он не имел ни привычки, ни навыков работать в режиме постоянного политического прессинга. Кроме того, довольно быстро привыкший после триумфальной победы в 1991 году к «народному обожанию», он до конца своей политической карьеры искренне считал, что владеет особым даром воздействовать на людей. Ельцин, несомненно, обладал силой внушения и мог быть убедительным, но для этого ау-

дитория должна была быть, по крайней мере, непредвзято к нему настроена. Динамику строительства новой России сдерживало и то, что Б.Ельцин слишком долго верил, будто с Верховным Советом и Съездом можно договариваться. Мощная бюрократическая машина законодательного органа, вобравшая лучшие номенклатурные кадры бывшего ЦК КПСС, опережала команду Ельцина, переигрывала ее в аппаратных комбинациях и закулисных интригах.

Эти обстоятельства, помноженные на крайне негативное для Президента социально-экономическое положение, привели к тому, что после VI съезда народных депутатов ситуация не только не «рассосалась», как рассчитывал Ельцин, а ухудшилась. Появилось новое двоевластие.

В ходе подготовки к VII съезду Президент 29 ноября 1992 года посетил Форум сторонников реформ. Однако его выступление лишь подтвердило отсутствие активной политики. Достаточно расплывчато Президент говорил о необходимости «демократического реформирования политической системы», но никаких конкретных идей не предложил, и это не способствовало мобилизации его сторонников.

Президент вновь озвучил идею создания проправительственной партии, но сделал это так невнятно, что никто так и не понял, хочет он этого или по-прежнему предпочитает оставаться «президентом всех россиян» и быть над партийными схватками. «Радикальные преобразования, — говорил Ельцин на Форуме, — нуждаются в укреплении устойчивой социальной базы. Практика показывает, что ей должна соответствовать и определенная организационная структура — может быть, партия, широкое движение, новый тип коалиции сторонников реформ. Долго размышлял на эту тему и пришел к выводу: надо дать второе дыхание работе в этом направлении». Накануне явно агрессивного Съезда все это звучало вяло.

На одной из встреч с главными редакторами СМИ Ельцин вновь повторил мысль о необходимости создания политической партии: «Пришел к выводу, что надо создавать партию». Но опять это было больше похоже на размышление вслух, чем на действительно вызревшее решение: «Партию или, может быть, фонд... Бурбулис будет председателем». Когда же главные редакторы поинтересовались, на какие средства будет строиться партия, Ельцин к ответу оказался не готов и лишь дал понять, что бюджетные средства использоваться не будут. Такое заявление, конечно, звучало юридически безукоризненно, но для людей, сталкивавшихся каждый день с жесткой прозой жизни, было ясно, что без мощной финансовой подпитки и «административного ресурса» никакой партии создать невозможно.

Отметим, что вскоре действительно был создан Фонд «Стратегия» во главе с Г.Бурбулисом, но, как выявилось позднее, никакого отношения к строительству партии он не имел. Фонд стал одной из структур, которые Ельцин помогал создавать бывшим соратникам в благодарность за былые услуги или как компенсацию за удаление из власти. Еще одной такой структурой стала Государственная инвестиционная корпорация, которую возглавил Ю.Петров, но и ее интересы пролегли вдали от проблем организационно-партийного строительства.

«Съезд будет дракой»

В отношении Съезда у Президента, по сути, было три пути. Первый — устранение Съезда как органа. Эта мысль проглядывала в завуалированной форме во многих выступлениях Ельцина на узких совещаниях и встречах. В конце ноября на встрече с руководством телевидения и радио в Кремле он говорил: «Съезд будет дракой. Он ничего не даст. Я убежден, что съезд не нужен. Если потребуется, я продемонстрирую силу президента».

Б.Ельцину в силу его характера импонировала идея роспуска Съезда. Но, с другой стороны, в отношении себя Президент уже думал категориями истории. Разгон явно не смотрелся как подвиг. Он был первым Президентом России, избранным в результате прямого волеизъявления народа, и очень дорожил этим своим отличием от М.Горбачева.

Но главное, разгон Съезда, если бы Ельцин решился на такой шаг, в тех условиях не означал полного и окончательного решения проблемы. После этого должна была последовать целая череда решений и действий. Как быть с Конституцией — старая не устраивает, а другой нет? Как дальше Президенту править — установить авторитарный режим или проводить выборы законодательной власти? Если избирать парламент, то какой — старый, то есть опять Съезд, или новый? Если старый, то вакханалия продолжится. Если новый, то на какой конституционной базе? Ответов на эти вопросы у Б.Ельцина не было. А значит, к ликвидации Съезда он не был готов. Этот вариант нужно держать в глубоком резерве, на случай чрезвычайных обстоятельств.

Второй путь — обратиться к народу за поддержкой, предложив проведение референдума по кардинальным политическим вопросам. Но и этот вариант таил в себе немало опасностей. Кроме того, референдум мог назначить лишь Съезд, который его как огня боялся.

И третий — вновь наводить мосты примирения со Съездом, идти на компромисс, вынужденный, обидный, даже унизительный компромисс ради выигрыша времени и, главное, ради сохранения реформаторского курса.

В конце концов Б.Ельцин решил идти на очередной Съезд в надежде договориться. Эти надежды оказались напрасными.

Открывая первое заседание VII съезда 1 декабря 1992 года, Р.Хасбулатов сразу же дал понять депутатам, что у этого Съезда «особое звучание». В сущности, его вступительное слово было инструкцией депутатам не тратить порох попусту и вести огонь по «политическим штабам».

Разумеется, в его речи было немало «правильных» слов о необходимости «консолидации политических сил в обществе», недопустимости «узкопартийной самоубийственной конфронтации», стремлении к взаимопониманию. Спикер выразил даже сочувствие и понимание тяжести положения Президента и Правительства, посетовав на то, что «новое никогда не утверждалось в реальной жизни без противоречий, без временных осложнений, особенно когда осуществляются политические и экономические преобразования, сравнимые лишь со сменой геологических эпох».

Только немногие, знакомые с истинным сценарием Съезда, знали, что должно было произойти на самом деле. Хасбулатов призрачно намекнул на подлинные намерения сценаристов: «На деле приступить к реализации того, чего давно ждет от нас наш народ». Депутаты, уже привыкшие к казуистике спикера, конечно, догадались — их благословляли на бой с Президентом и Правительством. Догадались, но не все.

Согласно повестке дня Съезда, Президент должен был подняться на трибуну сразу же за спикером. Он явно волновался, уловив угрожающий подтекст в речи Р.Хасбулатова, но и ответить на вызов не мог — в этом случае рушился его план выхода на компромисс.

Президент начал с жестов примирения: «Отмечу особо, что за все время работы не было ни одного решения Съезда, которое создало бы угрозу гражданскому миру в стране. Надеюсь, что и впредь депутатский корпус ни в коем случае не переступит эту грань». С другой стороны, он высказал явное неудовольствие деятельностью части депутатского корпуса: «Порой слишком комфортно чувствуют себя те, кому демагогия, интриги, дешевые политические эффекты от микрофона, собственная карьера дороже истины, интересов граждан государства».

Сильнейшим тормозом реформ, по его определению, было «неумение и нежелание находить компромиссы», отсутствие «взаимопонимания и конструктивного сотрудничества» между Верховным Советом и Правительством. Вину за это он возложил на Верховный Совет: «Складывается впечатление, что иные депутаты в Верховном Совете думают не о стране, не о реформе, не о выполнении решений съездов народных депутатов, а только о том, чтобы диктовать свою волю».

В последней фразе, в ссылке на съезды, проскальзывало желание потрафить народным депутатам. Более того, Президент явно пытался противопоставить Верховный Совет Съезду и обращался к депутатскому корпусу как к третейскому судье: «Для продолжения реформ России нужны реформатор-президент, реформаторский Верховный Совет и реформаторское правительство».

При всем своем резко негативном отношении к съездам, о чем депутаты давно уже знали, Президент шел на мировую. Стране нужна «передышка хотя бы на год-полтора», когда «приоритет должна наконец получить нормальная созидательная работа». Он предложил депутатам принять решение о введении «стабилизационного периода».

Под идею «стабилизационного периода» подверстывалось предложение о сохранении действовавших органов власти:

«Сегодня раздаются призывы к отставке Правительства, роспуску Съезда, «перетряске» Верховного Совета и так далее. Выскажу свою позицию. Начинать стабилизационный период с разрушения любого из высших институтов власти — просто абсурдно. Это еще больше обострит ситуацию, вызовет усиление конфронтации. Сегодня нужно не разрушать, а укреплять наметившийся баланс власти. Нужен мораторий на любые действия, дестабилизирующие институты государства в этот период».

Апелляция к ответственности народных депутатов не достигла цели. Они слушали Президента с мрачным недоброжелательством.

В зале стоял враждебный гул, просто физически ощущалась разлитая в воздухе неприязнь. Лишь пару раз за все время выступления со скамей, где сидели депутаты демократических фракций, раздались жидкие аплодисменты.

Совсем другой была реакция на выступление Р.Хасбулатова с отчетом о работе Верховного Совета. Это была мастерски скроенная из популистских пассажей и лозунгов речь опытного демагога. «Президент в своем докладе представил общие подходы», — начал он свое выступление. И вновь напомнил, что задача Съезда — «сказать свое решающее слово о ситуации в стране, дать объективную оценку ходу экономической реформы». И далее обрушился с разгромной критикой на Правительство — «полный крах экономической политики», «хозяйство все более теряет управляемость, процесс приобретает черты распада». Вывод — нужно другое Правительство.

Речь произвела сильное впечатление на депутатов. Их одобрение вызвали слова о том, что в качестве отправного пункта реформы «надо избрать не только и не столько макростабилизацию, сколько улучшение условий труда и жизни людей», «регулирование политики цен» и т.д. Фактически это была заявка на пост Председателя Правительства, и своими аплодисментами депутаты выразили ему поддержку.

Инициатива Президента о стабилизационном периоде была явно неприемлема для спикера, но отбросить предложение о сотрудничестве властей он тем не менее не решился: «Конечно, нет сомнений в том, что необходим более или менее длительный период стабилизации... Но вряд ли будет правильным даже в этот период допускать отход от Конституции и законов».

Его выступление было принято «на ура» и многократно прерывалось одобрительными аплодисментами. Хасбулатов выступал явно в своей аудитории. Президент слушал выступление своего соперника с мрачным застывшим видом. Он понял, что на ответные шаги к перемирию рассчитывать не приходится.

Уже на следующий день стало ясно, что Съезд готов к самой жесткой конфронтации, что он не хочет работать с Ельциным. И тогда Президент предложил выступить перед депутатами Е.Гайдару. Расчет был на то, что аргументированное, логически выстроенное выступление премьера поможет переломить настроение Съезда. Однако «чересчур умное» выступление Гайдара лишь усилило раздражение депутатов.

Хасбулатов искусно вел игру. Он хотел довести противостояние до высочайшего градуса, а потом предложить удобный для него компромисс, по сути означавший бы капитуляцию Президента. Естественно, планы Председателя Верховного Совета не были секретом для Ельцина. За два дня до начала Съезда, во время встречи с группой главных редакторов газет, он сказал: «Хасбулатов хочет стать премьером». Теперь, сидя в агрессивно настроенном зале, Ельцин находился перед дилеммой — терпеть невыносимые для него унижения и лавировать в поисках компромисса или послушать совета тех, кто уже давно склонял его к ликвидации Съезда.

О серьезности таких намерений свидетельствует, в частности, тот факт, что уже 2 декабря, то есть на следующий день после открытия VII съезда, пресс-секретарю В.Костикову поступило устное поручение подготовить «максимально жесткое» обращение Президента «К гражданам России». Нетрудно было догадаться, что Ельцин в качестве одного из сценариев имел в запасе и вариант роспуска Съезда.

Заготовка обращения Ельцина была выдержана в весьма резких тонах. Там, в частности, говорилось: «Превратившись исключительно в трибуну разрушительной критики, неспособный на созидательную работу, Съезд сам снял с себя всяческую ответственность за судьбы России и ее народа. Съезд изжил себя... Принимая из рук народа власть Президента, я дал клятву служить новой, демократической России. Сегодня во имя этой клятвы я должен пойти на решительные меры». Далее по логике обращения должно было бы следовать заявление Президента о роспуске Съезда.

Однако на столь радикальный шаг на VII съезде Ельцин не решился, хотя и был очень близок к нему. В какой-то мере на него подействовала сугубо конфиденциальная встреча с главами российских регионов, которую он провел на второй день Съезда. Региональные лидеры согласились поддержать выдвижение кандидатуры Е.Гайдара на пост премьер-министра, и это несколько успокоило Президента. Впрочем, он и здесь проявил излишнее благодушие. Хотя Б.Ельцин располагал информацией, что по поручению Р.Хасбулатова на Съезде уже подготовлен проект постановления, признававшего работу Правительства неудовлетворительной, он предпочел учесть пожелание А.Галазова, в то время председателя Верховного Совета Северной Осетии, советовавшего ему «найти общий язык с Р.Хасбулатовым». Кстати, на этом совещании кандидатуру Гайдара горячо поддержал мэр Москвы Ю.Лужков: «Он вырос, заматерел, стал ближе к хозяйственникам... Россия больше не выдержит растить еще одного премьера».

Президент поднял руку для удара, но так и не ударил. Съезд навязал невыгодную для него дискуссию о конституционных поправках, которые позволяли Верховному Совету формировать и расформировывать Правительство и отдавали его судьбу во власть депутатов. Возражения Ельцина сводились к тому, что Правительство будет слабым, «связанным по рукам и ногам». Он оказался в роли уговаривающего, а это только разжигало аппетиты депутатов: «Если поправки будут приняты, Верховный Совет может стать единым властителем в России со всеми вытекающими отсюда последствиями». И тут же: «Я не против того, чтобы на какие-то ключевые посты министры утверждались Верховным Советом». Это уже походило на частичную капитуляцию Президента.

Развивая наступление, на следующий день депутаты отклонили поправки Президента к проекту постановления Съезда. Политика Правительства, а следовательно, и самого Ельцина была признана «не соответствующей интересам большинства граждан».

Через несколько дней депутаты стали еще выше поднимать планку требований к Президенту. На его встрече с координаторами фракций Вер-

ховного Совета 8 декабря один из депутатов, высказывая консолидированное мнение оппозиции, заявил: «Мы готовы к компромиссу. Дайте нам 4—5 силовых министров». Это уже было посягательство на святая святых Президента.

Демократическая пресса крайне негативно реагировала на колебания Президента. В журналистских кругах преобладало мнение, что он оказался неподготовленным к Съезду, недооценил его консервативность и агрессивность. Отмечая двусмысленное поведение вице-президента А.Руцкого, фактически игравшего на стороне противников Ельцина, газеты писали, что команда Президента нуждается в усилении за счет надежных политиков, в которых Ельцин мог бы быть уверен. Предательство А.Руцкого, о котором в ближайшем окружении Президента раньше только догадывались, на VII съезде стало очевидным. Это было начало пути, который вел к политическому краху А.Руцкого как вице-президента.

На Съезде сильно пострадал и престиж самого Ельцина среди демократов. «Независимая газета» писала: «Неделя съезда принесла новые открытия. Оказалось, что Президента можно заставить смириться не только с давлением, но и с игнорированием его точки зрения. И это игнорирование остается безнаказанным». Газеты прямо писали о наличии плана конституционного захвата власти реакционными силами и упрекали Ельцина в недооценке опасности. «Катастрофы удалось избежать не благодаря энергичным действиям президентской команды, а благодаря изобретательности и настойчивости немногочисленных активистов демократических фракций» (это, впрочем, не соответствовало действительности: фракции демократического фланга были, как повелось с V съезда, разрозненны, малоинициативны, растерянны).

В таком же духе ход Съезда комментировали и зарубежные СМИ, констатируя, что «власть перемещается в руки Съезда». Французская газета «Ла Круа» встревоженно писала, что в случае победы оппозиции нельзя исключать для России югославского варианта.

Оппозиция ликовала. Лидеры блока «Российское единство» открыто говорили в кулуарах Съезда, что раз Президент начал отступать, то надо развивать успех и «ворваться в город на плечах неприятеля». Газеты «Правда», «Советская Россия», «Гласность» были полны злорадных выпадов против Гайдара и демократов. Широко комментировался рост численности фракции «Коммунисты России»: на VII съезде она возросла с 56 до 80 человек. Обращала на себя внимание самоуверенность и наглость спикера. Давая интервью агентству «Интерфакс» по итогам голосования конституционных поправок, ограничивавших прерогативы Президента, он заявил: «Борис Николаевич должен быть доволен. Я, правда, еще с утра успокоил его, сказал — если там будет что-то такое вам неприятное, мы найдем какой-то компромисс».

Р.Хасбулатов уже чувствовал себя хозяином страны. Он предпринимал все усилия, чтобы протащить на Съезде поправку к Конституции, облегчавшую возможность отстранения Президента, и расчистить себе дорогу к власти.

«Ползучий переворот»

Терпение Ельцина лопнуло лишь на десятый день затянувшегося Съезда. Стало очевидно, заверения Хасбулатова о том, что он не даст оппозиции «разгуляться», оказались пустыми словами. Более того, явно просматривался обширный сценарий, который открывал путь к отстранению Б.Ельцина от власти.

Вечером того же дня его помощники вместе с Г.Бурбулисом обсуждали ситуацию, пытаясь понять, как действовать дальше. Приехал и советник по правовым вопросам С.Шахрай. Было принято решение подготовить Обращение Президента к гражданам страны с разъяснением сложившейся ситуации и выступить с ним на следующий день на Съезде. В ходе обсуждения С.Шахрай предложил, чтобы Президент заявил о необходимости провести референдум о доверии Президенту и Съезду народных депутатов.

В течение ночи В.Илюшин неоднократно связывался с А.Коржаковым, рассказывая о содержании готовившегося обращения. Под утро текст был отправлен Ельцину. В целом он его одобрил, только опять снял почти всю критику в адрес Р.Хасбулатова.

В выступлении Ельцин впервые публично употребил термин «ползучий переворот». Цель депутатов и их вдохновителей он видел в следующем:

«Первое. Здесь, на VII съезде создать невыносимые условия для работы Правительства и Президента, практически деморализовать их.

Второе. Любой ценой внести в Конституцию поправки, которые наделяют Верховный Совет, ставший оплотом консервативных сил и реакции, огромными полномочиями и правами.

Третье. Заблокировать реформу, разрушить все позитивные процессы, не дать стабилизировать ситуацию.

Четвертое. Провести в апреле 1993 года VIII съезд народных депутатов, расправиться на нем и с Правительством, и с Президентом, и с реформами, и с демократией...

Виню себя за то, что ради достижения политического согласия неоднократно шел на неоправданные уступки... С таким Съездом работать стало невозможно».

Последнюю фразу он произнес с таким мрачным видом, что депутаты буквально оцепенели. Они вновь увидели «прежнего Ельцина», того Ельцина, который не пасовал перед своими противниками, Ельцина, который в 1991 году взбирался на танк, чтобы призвать к сопротивлению ГКЧП. Ничего хорошего это преображение им не сулило.

Президент выставил свое главное требование — о референдуме, который должен был, по его замыслу, прекратить в стране двоевластие и окончательно утвердить президентскую республику. «Считаю необходимым обратиться непосредственно к гражданам России, ко всем избирателям. Вижу выход из глубочайшего кризиса власти в одном — во всенародном референдуме. Я не призываю распустить Съезд, а прошу граждан России определиться, с кем вы».

Требование о проведении всенародного референдума депутаты выслушали в гробовой тишине. То, чего они так опасались, становилось реальностью. Драматизм ситуации усугублялся тем, что в этот день

была организована прямая трансляция выступления Президента по двум основным телевизионным каналам. Подготовка к режиму прямой трансляции из зала Съезда держалась в глубоком секрете (об этом знали лишь В.Брагин, О.Попцов и В.Костиков). И тайну удалось сохранить до самого момента включения благодаря солидарности телеоператоров, работавших в зале.

Выступление Ельцина в режиме прямой трансляции было фактически обращено через головы депутатов прямо к гражданам страны. Он и начал выступление так:

«Граждане России! Народные депутаты! Развитие событий на VII съезде народных депутатов заставляет меня обратиться напрямую к народу».

Для Съезда и его спикера это было полной неожиданностью. Когда Р.Хасбулатов догадался о том, что идет прямая трансляция выступления Ельцина, он побледнел, как полотно, но ничего изменить уже не мог.

В конце своего выступления Ельцин предложил депутатам, поддерживавшим Президента, покинуть зал и перейти в соседнюю Грановитую палату. В принципе замысел был неплох. Съезд расчленялся на две части, ни одна из которых не имела бы кворума, а следовательно, и полномочий. Но для успеха такого сценария требовалась серьезная предварительная работа с депутатами, однако необходимыми для этого механизмами, опытом и организационными ресурсами Администрация Президента в то время не располагала.

В жестком цейтноте VII съезда не хватало времени даже для того, чтобы подготовить к демаршу Ельцина демократические фракции. Многие из депутатов-демократов были в полном неведении относительно задумки Президента. Другие просто испугались.

В результате зал покинула лишь небольшая группа депутатов. Это был полный конфуз, в значительной мере девальвировавший сильное выступление Ельцина. Президент был в замешательстве. Он не ожидал такого исхода. Кворум сохранился, и Съезд продолжил работу.

Слабость политической работы в окружении Президента проявилась и в неумении использовать в целом благоприятные для него результаты опросов общественного мнения. Несмотря на существенное падение своей популярности с 1991 года, Б.Ельцин все еще имел значительный запас прочности. Его «Обращение к гражданам России» с трибуны VII Съезда одобрили почти 50% населения. По результатам социологического опроса, проведенного во время Съезда московским отделением ВЦИОМ, рейтинг Ельцина был значительно выше рейтинга Хасбулатова. Сам Съезд вызывал у населения явное раздражение, и за его роспуск или переизбрание депутатов высказывались в совокупности почти 65% опрошенных. За отставку Р.Хасбулатова было 58,5% и лишь 24,7% — против. Общее число сторонников Ельцина превосходило число сторонников Хасбулатова более чем в 5 раз. Однако эти благоприятные факторы никак не были задействованы президентской стороной, они существовали как бы сами по себе.

Никто не отговорил Президента и от заведомо неверного шага — поехать за поддержкой в рабочий коллектив. Это был ход, навеянный прак-

тикой советского времени. Для политиков нового поколения он показался бы безнадежно устаревшим и никчемным, но в политической психологии Ельцина и части его окружения еще крепки были рудименты прошлого.

В арсенале коммунистического агитпропа значилась заведенная еще при Ленине традиция в трудные минуты «советоваться с рабочим классом». Ельцин кинулся за поддержкой на автозавод — АЗЛК. Возможно, он вспомнил, что мэр Москвы Юрий Лужков всего неделю назад побывал на другом автогиганте столицы — ЗИЛе и после поездки рассказывал Президенту, что «рабочие поддерживают Правительство и Президента».

Впрочем, встреча не была импровизированной. На заводе знали о предстоящем приезде Президента и готовились к нему. Заранее было подготовлено «Обращение коллектива автозавода к Президенту и Съезду народных депутатов» с призывом поддержать референдум, утвердить главу Правительства (фамилия Гайдара в тексте не упоминалась) и принять поправки Президента к действовавшей Конституции. Сам Съезд обвинялся в том, что он «сводится к бесплодной говорильне и затяжке принятия важнейших для народа решений». Даже сама стилистика обращения, облеченная в достаточно изощренную публицистическую форму, свидетельствовала о том, что оно готовилось в Администрации Президента. У Ельцина лежал в кармане и заготовленный текст выступления на заводе.

Однако одно дело — приехать в огромный коллектив после успешного раунда борьбы со Съездом (на это и был расчет) и другое — после неудачного финала дня, когда депутаты не вняли призыву Ельцина покинуть зал заседаний и продолжили работу. Президент плохо переносил унизительные для него удары и был в подавленном настроении. В нем не чувствовалось той энергетики, которая так завораживающе действовала на массы.

Он был избалован вниманием толпы, любил благожелательную наэлектризованность митингов. Молчаливый и сдержанный в отношениях со своими помощниками и сотрудниками, здесь он буквально преображался. Конечно, из документов и справок, готовившихся к заседаниям Правительства (которые в то время он сам нередко и вел), Ельцин знал, что народ тяжело переживает бремя реформ, что зреет глухое недовольство. Достаточно объективный срез народных настроений давали ему обзоры писем, которые приходили в Администрацию, в том числе и на имя Ельцина.

Но все это было на бумаге. А здесь, в огромном, пропахшем машинным маслом темноватом сборочном цехе, все накопившееся за год реформ разочарование и недовольство вставало в реальный рост. Рабочие встретили Ельцина молча, раздались лишь жидкие хлопки, что было для него совершенно непривычно. Не было ни одобрительных возгласов, ни плакатов со словами поддержки. Президент явно занервничал. Рабочие слушали в молчаливом напряжении. Заключительные слова выступления — «Верю в вашу поддержку» не вызвали ожидаемого энтузиазма. Заранее подготовленную резолюцию поддержали, но без всяких эмоций.

Неудачная поездка на АЗЛК стала для Ельцина своего рода уроком и рубежом в его публичной работе. Он понял, что этап «хождения в народ» миновал. В своих поездках по стране, которые он в принципе очень любил, теперь ограничился короткими выходами к людям — по пути с одного

мероприятия на другое (несколько рукопожатий, несколько общих фраз — и снова в машину).

В какой-то мере здесь сказывался и характер Ельцина. Врать он не умел и не хотел, и если на первых порах реформ обещал скорое облегчение и просил чуть-чуть потерпеть (показывая на пальцах, сколько осталось), то делал это оттого, что сам верил в рецепты Гайдара. За время своей жизни в гуще коммунистической элиты он наслышался столько вранья, что к демагогии у него возникла стойкая аллергия. Старался обходиться необходимым в политике минимумом. Он оттого еще не любил ни Хасбулатова, ни Зюганова, ни Жириновского, что те врали с каким-то артистическим упоением, без всякого стыда, без меры.

Ситуация на VII съезде обострялась с каждым днем. И с каждым днем усиливался напор оппозиции. В сущности, на Съезде Р.Хасбулатов сделал попытку перетянуть на свою сторону даже силовых министров. По решению Съезда они должны были выступить с отчетами. К сожалению, Ельцин не смог предотвратить их приезда на Съезд, и само их появление в зале по требованию депутатов внешне могло означать отсутствие единства вокруг Президента. Особенно неприятным было выступление министра внутренних дел В.Баранникова, который чуть ли не присягал на верность Съезду. Это была, пожалуй, первая демонстрация слабости силового фланга Ельцина, проявившаяся со всей очевидностью в октябре 1993 года.

Ельцин, безусловно, чувствовал это и вынужден был маневрировать в неблагоприятных для него условиях. Он то угрожал, то шел на уступки. Его моральное состояние в те дни было не из лучших. Он замкнулся в себе и в критический момент уклонялся от участия в переговорах о выработке компромиссного соглашения, передоверив их Гайдару.

Обострявшийся с каждым новым днем кризис власти, грозивший выплеснуться на улицы, взялся разрешить Председатель Конституционного Суда В.Зорькин. Его вмешательство для многих показалось неуместным и неожиданным, выходившим за прерогативы Конституционного Суда. Но взаимная враждебность команд Ельцина и Хасбулатова завела так далеко и так всех напугала, что обе стороны, в сущности, были довольны появлением нежданного арбитра. При его посредничестве за кулисами Съезда, который был готов пойти вразнос, 12 декабря 1992 года (то есть почти через две недели изнурительной войны ветвей власти) был достигнут компромисс. Его предметным результатом стало принятое Съездом постановление «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации», где в первом пункте Верховному Совету предписывалось вынести 11 апреля на Всероссийский референдум текст «проекта основных положений новой Конституции», который находился в процессе разработки и который должен был быть «согласован с Президентом и обнародован не позднее 31 марта 1993 года». Постановление приостанавливало до проведения референдума вступление в действие поправок к Конституции, существенно ущемлявших полномочия Президента. Например, одна из них (статья 121-6) вводила норму, согласно которой Президент автоматически лишался своих полномочий «в случае использования их для прекращения

или приостановления работы законно избранных органов власти». Другими словами, эта норма давала Верховному Совету в руки инструмент внесудебного отстранения Президента от власти. Постановление запрещало Верховному Совету впредь принимать к рассмотрению поправки, «которыми нарушается сложившийся баланс законодательной, исполнительной и судебной властей».

Президент же со своей стороны согласился вынести на голосование Съезда кандидатуру премьер-министра, которая была бы выявлена посредством предварительного «мягкого рейтингового голосования». Список из нескольких кандидатур составлялся на основе консультаций с субъектами Федерации и депутатскими фракциями. Глава государства должен был представить на голосование одну из трех кандидатур, получивших наибольшее число голосов при «рейтинговом голосовании».

Таким образом, постановление восстанавливало баланс сил и властных функций, существовавший до Съезда. Конечно, это не был мир (на следующем же Съезде развернулось еще более острое противостояние), и все же это было перемирие, позволившее в тот момент отвести страну от грани, за которой маячил призрак гражданской войны.

На основе достигнутого соглашения депутатские фракции выдвинули 18 кандидатур на пост премьера, из которых Ельцин согласился выставить на «рейтинговое голосование» пять человек. По его результатам в коротком списке осталось три человека: Ю.Скоков, В.Черномырдин и Е.Гайдар. Выбор был тем более труден, что первоначально Президент делал ставку на специально вызванного из Тольятти директора ВАЗа В.Каданникова. Однако тот, сразу по прибытии в Москву заявив, что относится к числу горячих сторонников Б.Ельцина, настроил депутатов против себя и в «рейтинговом голосовании» занял лишь четвертое место. Больше всего голосов консервативный Съезд отдал Ю.Скокову. Но против его кандидатуры решительно возражал Е.Гайдар, считавший, что взгляды этого человека на политику и экономику расходятся с курсом реформ. В результате выбор был сделан Ельциным в пользу занявшего второе место в «рейтинговом голосовании» В.Черномырдина. Он и стал (14 декабря 1992 года) новым премьерминистром.

В.Черномырдин в прошлом занимал пост министра газовой промышленности СССР, а затем возглавил созданный на основе этого министерства газовый концерн «Газпром». С мая 1992 года он работал в Правительстве Е.Гайдара, где занимался топливно-энергетическим комплексом. Но в качестве самостоятельного политика его никто не рассматривал. Это был типичный для советской экономики «крепкий хозяйственник». Именно за это его и избрали.

В своем «благодарственном» выступлении Черномырдин тоже как будто дал основание депутатам считать его своим — заявил, что «будет работать со съездом». Оппозиция искренне поверила, что назначение Черномырдина — это конец реформам и начало реставрации. Восторг депутатов вызвала фраза Черномырдина, что он «за рынок без базара», «за реформы без обнищания народа».

Страницы коммунистических «Правды» и «Советской России» в те дни заполняли ликующие «отклики трудящихся». В адрес Черномырдина

поступали десятки инспирированных обращений с мест с требованием покончить с «рыночной вакханалией», «прекратить страшное зло». «Обращаемся к Черномырдину: не предавайте Россию, будущее ее не в рынке и не в частной собственности, которые разделяют людей, а в разумной организации экономики на прогрессивных принципах социализма, соборности»*.

Результаты выборов повергли демократов в глубокое уныние. «Президент дрогнул», «Ельцин просчитался», «компромиссы и уступки ничего не дали», «начав с тактических уступок, Борис Ельцин отдал Съезду и Егора Гайдара», «Съезд закончился значительным поражением Президента и подрывом той непрочной основы, которую демократам удалось возвести после провала августовского путча» — такими оценками пестрели дружественные Ельцину газеты.

Разрыв в связке Ельцин—Гайдар оказался неожиданным и для большинства западных политиков. Преобладавшей тональностью комментариев было разочарование Ельциным и обеспокоенность за будущее демократических преобразований в России. «Потеря Гайдара — это серьезный, а может быть, и роковой удар по реформам Ельцина», — писала лондонская «Файнэншл таймс». Серьезные подозрения у западных аналитиков вызывала и личность нового премьера — «аппаратчика, имя которого неразрывно связано с ошибками прежнего режима».

Появление кандидатуры В.Черномырдина было полной неожиданностью и для российского истеблишмента. Его не выдвигала ни одна фракция. Работавшие на Съезде социологи, пытавшиеся прозондировать предпочтения депутатов в отношении будущего премьера, фамилию Черномырдина не включали даже в опросные листы: его как бы не существовало на политическом поле. Конечно, если бы в то время общественность знала, что кандидатуру В.Черномырдина перед Б.Ельциным поддержал сам Е.Гайдар, реакция, несомненно, была бы мягче. Но эти закулисные детали стали известны много позже.

Ельцин тяжело переживал утрату Гайдара. В сущности, он сделал максимум возможного, чтобы сохранить его, и маневрировал буквально до последнего дня. Он даже соглашался с требованием оппозиции, чтобы силовые министры назначались по согласованию с Верховным Советом в обмен на утверждение Гайдара премьером. Переговоры с руководством Съезда об этом велись закулисно, но Р.Хасбулатов обманул Президента, и «пакетное соглашение» было развалено.

Ельцин был готов выдвинуть Гайдара снова, если бы результаты предварительного голосования были бы благоприятнее для Егора Тимуровича. Но консервативное большинство Съезда дало против него 492 голоса, тогда как против Черномырдина и Скокова было подано соответственно 280 и 254 голоса. Полоса для маневра оказалась слишком узкой, и Президенту пришлось уступить.

Чуть позже, выбрав из огромного количества подготовленных к рассылке поздравительных открыток с Новым годом открытку, адресованную Е.Гайдару, Б.Ельцин к трафаретному набранному на компьютере тексту до-

* Правда. 1992. 31 дек.

бавил от руки своим характерным почерком, в котором крупные, почти печатные буквы налезали одна на другую: «Спасибо за 1992 год!»

Между тем у них были непростые отношения. Два совершенно разных человека — и по образованию, и по культуре, и по жизненному и политическому опыту, большая возрастная разница. И тем не менее на длительный период Гайдар стал для Президента как бы вторым «я». В сфере экономики Ельцин верил Гайдару, в сущности, безгранично и пользовался его конфиденциальными советами даже после того, как тот ушел в отставку.

Ельцин вообще уважал людей с собственной позицией, а Гайдар был именно таким. Он не спорил с Президентом (тот не любил, когда ему впрямую противоречили), но умел отстаивать свои взгляды, убеждать. Никогда не указывая Президенту на его ошибки, он просто и ясно говорил, что нужно делать в той или иной экономической ситуации. Ельцин, сильный не логикой, а скорее интуицией, ценил жестко выстроенные формулы, глубокую убежденность Гайдара. Тот никогда не заискивал перед Президентом, не искал расположения или особой близости; никогда и не скрывал, что его должность — должность при России, а не при Президенте. Впрочем, он никогда и не бравировал этим.

Ельцин все это понимал и ценил. Поверив в Гайдара, он даже сделал исключение для одной из самых вредных своих привычек — выдвигать на ключевые посты людей не по профессиональной целесообразности, а по принципу «личной преданности». Принцип этот неоднократно подводил Ельцина, и со временем он разочаровался и в В.Баранникове, и в Ю.Скокове, и в О.Лобове, и в А.Коржакове.

VII съезд народных депутатов стал, пожалуй, наиболее ярким выражением всех пороков высшего органа советской власти. Процедурные нарушения, скандалы, принятие поправок к Конституции и законам с голоса, закулисные договоренности — всего этого было в изобилии. Вот один пример. Чтобы окончательно отвести от себя угрозу референдума о прекращении депутатских полномочий, народные избранники решили принять поправку к Закону о референдуме. Предложенная поправка вызвала длительную дискуссию и полярные точки зрения. Согласно ей запрещалось выносить на референдум вопрос «о доверии и досрочном прекращении полномочий высших представительных, исполнительных и судебных органов Российской Федерации (Съезда народных депутатов РФ, Верховного Совета РФ, Президента РФ, Конституционного Суда РФ)». После ожесточенных дебатов и дежурных процедурных махинаций поправка была принята минимальным большинством голосов.

Это голосование шло параллельно договорному процессу, в рамках которого готовилось постановление «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации», где в пункте 5 предусматривалась отмена принятой депутатами поправки к Закону о референдуме.

VII съезд, длившийся почти две недели, успел рассмотреть множество вопросов — подтвердил полномочия депутата А.Дзасохова и лишил полномочий его коллегу С.Шахрая; принял немалое число поправок к Конституции и рассмотрел вопросы «О состоянии законности, борьбы с преступностью и коррупцией»; между делом образовал Ингушскую Республику и раз-

работал меры «по урегулированию вооруженного конфликта на территориях Северо-Осетинской ССР и Ингушской Республики» и т.д. и т.п. Однако запомнился двумя главными событиями: сменой премьера и постановлением «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации».

В среде политологов еще долго шли споры по поводу того, проиграл или нет Б.Ельцин VII съезд народных депутатов. Ригористы либерализма полагают, что проиграл, поскольку в результате работы Съезда в отставку был отправлен Е.Гайдар. Однако, оценивая Съезд в более длительной перспективе, следует признать, что при очевидном на первый взгляд поражении Ельцину все же удалось сохранить условия для продолжения реформ, которые обрели уже собственную динамику. Именно эта внутренняя динамика реформ вовлекла нового премьера В.Черномырдина, который с меньшим энтузиазмом, но и с большей опорой на здравый смысл и российские условия, в сущности, продолжил дело, начатое Гайдаром. Кроме того, Ельцин именно на этом Съезде выдвинул идею проведения референдума о доверии Президенту и Съезду. Это был необходимый шаг к ликвидации системы двоевластия.

Одно из свидетельств того, что не все было проиграно, — бурная, буквально истерическая реакция консервативного большинства Съезда на компромиссное постановление «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации». Депутаты считали, что они были уже в двух шагах от цели, что Ельцин лишен почти всех своих полномочий, а соглашение отнимало у них победу, приходилось начинать все сначала. На голову спикера Съезда посыпались обвинения в предательстве.

Однако взвешенные оценки результатов VII съезда пришли позднее. А в дни его проведения Ельцину потребовались все его нервы, чтобы сдержаться самому и сдержать мощное наступление оппозиции, попытавшейся урезать полномочия Президента путем внесения поправок в Конституцию. Фактически Съезд был нацелен на государственный переворот посредством вполне легальных процедур. Созданный как инструмент законодательной деятельности, он стремился захватить контроль над всей страной. Съезд, состоящий из тысячи с лишним человек, структурно раздробленный на десятки фракций и групп и работавший в режиме непрекращающегося митинга, пытался взять на себя всю полноту власти. «Это какой-то кошмар! Это коллективное безумие!» — воскликнул как-то в сердцах Ельцин.

Но это было конституционно закрепленное безумие. Вместо того чтобы принять новую Конституцию, Съезд вносил бесконечные поправки в старую, которые расширяли его и без того безграничные полномочия. Президент оказался почти в безвыходной ситуации. В его воспоминаниях о тех днях доминируют драматические оценки и эмоции:

«В тот вечер, 9 декабря, после очередного заседания я вернулся на дачу не поздно. Увидел глаза жены и детей. Рванул в баню. Заперся. Лег на спину. Закрыл глаза. Мысли, честно говоря, всякие. Нехорошо... Очень нехорошо»*.

* Ельцин Б. Записки Президента. С. 293.

За этими скупыми откровениями — очень много, больше, чем Президент, по понятным причинам, мог бы сам публично признать. Более откровенно об этом напишет А.Коржаков: «Склонность разрешать все проблемы раз и навсегда самым неподходящим способом была у Ельцина и раньше... Я его вовремя остановил от крайнего шага»*.

Опасения демократов за судьбу реформ начали рассеиваться уже спустя несколько дней после назначения нового премьера. К величайшему негодованию оппозиции, новый глава Правительства сохранил костяк гайдаровской команды. Уже через сорок минут после своего назначения он собрал на Старой площади членов Правительства и предложил им продолжить работу. Заместителями премьера остались убежденные рыночники — А.Чубайс и А.Шохин. Для усиления рыночного блока на ключевой пост министра финансов был назначен Б.Федоров, известный своей приверженностью реформам.

Таким образом, надежды оппозиции на то, что новый премьер «сделает все, чтобы оправдать доверие Съезда» и будет работать «вместе с Верховным Советом», то есть вместе с Р.Хасбулатовым, не сбылись. На протяжении всего своего премьерства В.Черномырдин работал в тесной связке прежде всего с Президентом Ельциным.

Неутешительные, с точки зрения демократов, итоги VII съезда народных депутатов стали поводом для «разбора полетов» в президентской Администрации. В какой-то мере это была и реакция на резкую критику со стороны демократической прессы, которая обвиняла окружение Ельцина в неподготовленности к Съезду. Но, пожалуй, еще более острая критика, точнее, самокритика звучала внутри самой президентской команды. Именно после VII съезда начался активный поиск новых людей, которые могли бы помочь Президенту.

Б.Ельцину было направлено и несколько аналитических записок, которые вообще довольно часто ему писались в то время. Большинство из них было результатом коллективных обсуждений и споров, которые постоянно велись в группе помощников и спичрайтеров. Нередко к ним заглядывали известные политологи, социологи, экономисты. Заходили и журналисты.

Нужно сказать, что в тот период никаких правил или сложившейся процедуры подготовки записок для Б.Ельцина не существовало. Ближайшие сотрудники имели прямой доступ к Президенту, и чаще всего достаточно было звонка по прямому телефону, чтобы получить согласие зайти к нему для разговора. При срочности «сюжета» можно было пройти в кабинет Президента и без всякой предварительной договоренности. Адъютанты и секретари приемной Ельцина знали, кого можно пустить, а кого нет. Но для того чтобы они подсказали, «какое настроение у шефа», важно было поддерживать с ними хорошие личные отношения, а это удавалось не всякому.

Если возникала необходимость в более обстоятельном разговоре, требовавшем времени, то следовало договориться с первым помощником В.Илюшиным о включении встречи в уже упоминавшийся недельный гра-

* **Коржаков А.** Ельцин: от восхода до заката. М., 1998. С. 203.

фик работы Президента. Аналитические записки передавались Ельцину также через первого помощника или, при его отсутствии, через заведующего канцелярией В.Семенченко. Не было случаев, чтобы такие записки не попадали на стол Президента. Другое дело, что у него были свои вкусы и свое личное отношение к авторам записок, в силу чего некоторые записки им прочитывались, а иные откладывались в сторону.

Все записки затем поступали в архив Президента, и о степени его заинтересованности можно было судить чаще всего по жирным «галочкам» или вопросительным знакам, которые он оставлял на полях документа напротив пассажей, показавшихся ему интересными или вызвавших недоумение.

Однако в любом случае записки не пропадали бесследно в архиве: Б.Ельцин обладал превосходной, отчасти даже фотографической, памятью и нередко почти дословно воспроизводил большие фрагменты записок на совещаниях или в своих выступлениях. В принципе большой поток записок не поощрялся. И лицам, которые на каком-то этапе злоупотребляли вниманием Президента, в деликатной форме намекали на занятость Бориса Николаевича. Со временем сложилась достаточно узкая группа лиц, которые имели право «эпистолярного» доступа к нему. Среди них были его помощники и спичрайтеры.

Одна из таких записок «О работе президентских структур» от 5 января 1993 года, обобщавшая набор идей, предложений и критических замечаний по итогам VII съезда, была отправлена Б.Ельцину за подписью пресс-секретаря В.Костикова. Видимость личного авторства отчасти объяснялась тем, что Президент не любил коллективных писем. Он предпочитал видеть за тем или иным письмом конкретного человека с его конкретной ответственностью.

Эта записка преследовала цель — убедить Ельцина в необходимости усилить политическую составляющую его ближнего круга. Интересно, что в ней в мягкой форме нашло отражение скрытое соперничество между группой помощников и Администрацией Президента. В записке, если ее читать со знанием нюансов «кремлевской кухни», прослеживается и еще одна скрытая «сверхзадача» — намекнуть Б.Н.Ельцину на необходимость более интенсивной и регулярной работы, поскольку уже тогда появились первые признаки его умения время от времени «выпадать в осадок» (по бытовавшему тогда в Кремле выражению).

Вот эта записка.

«Борис Николаевич!

Съезд выявил ряд недостатков в работе президентских структур. Сложности, с которыми Вы столкнулись, могут повториться в ходе следующего Съезда. В этой связи хотел бы высказать ряд замечаний и предложений.

1. Вы получаете от Ваших сотрудников главным образом организационную помощь (подготовка документов, указов, встреч, поездок и т.д.). В Вашем окружении рождается мало политических идей. Система Администрации работает сама на себя, а Вы экономите на политиках в своем окружении.

2. Вы перегружены дублирующей информацией. Информация, поступающая к Вам, имеет невысокую политическую концентрацию. В ней доминируют факты, часто второстепенные, а не анализ, дающий возможность вырабатывать решения.

3. Нередко Вы работаете без прогноза, без опережения и вынуждены реагировать на уже свершившееся.

4. Рядом с Вами нет достаточного числа сильных и вместе с тем преданных Вам политиков и интеллектуалов, которым можно делегировать серьезные поручения или политические функции. Это ослабляет подпитку идеями, затрудняет формирование идеологии президентской власти и новой России. В Вашем окружении имеются люди, которых Вы облекли огромным доверием и властью, но которые в критический момент оказались в подозрительном нейтралитете (Ю.Петров, Ю.Скоков, А.Руцкой).

5. Создается впечатление, что Совет безопасности недостаточно эффективен в поддержке президентской политики. Во время Съезда он оставался в стороне от политической борьбы. Излишняя закрытость этого органа работает только на Ю.Скокова, политические склонности которого вызывают подозрение у демократов.

6. Вы варитесь в своем котле и не уделяете достаточного внимания контактам с лидерами и партиями.

7. Несмотря на хорошие взаимоотношения с прессой, из-за недостатка времени Вы не уделяете должного внимания работе со СМИ. Мало статей за Вашей подписью, потребность в которых велика и в России, и за границей. Вы даете мало интервью. Это затрудняет поддержание рейтинга Президента.

8. До последнего времени в работе президента слишком большое место занимал экономический компонент за счет политического.

Предложения

Необходимо усиление и *развитие политической структуры Администрации Президента.* Р.Хасбулатов фактически превратил Верховный Совет в свой служебный аппарат. Президент пока не может противопоставить политической машине Верховного Совета адекватной по влиянию и мобильности собственной политической структуры.

1. О Консультативном президентском совете

Считал бы полезным преобразовать Консультативный президентский совет в более динамичный и более близкий к Президенту орган. В нем необходимы кадровые перемены. Нужно организовать работу так, чтобы имелся ежемесячный реальный выход его продукции. Обязать Консультативный совет ежеквартально представлять Президенту компактный доклад с анализом политической ситуации и с предложениями о тактике Президента. Обсуждение доклада должно проходить в присутствии Президента. Во время крупных политических событий (съезд, референдум, избирательная кампания) Консультативный совет должен работать как мобильный орган, способный ежедневно подпитывать Президента идеями и решениями. В Совете должен быть сильный юридический компонент, чтобы его «подсказки» носили строго правовой характер и не оспаривались бы оппонентами. Обязать членов Совета регулярно выступать в прессе.

2. О Группе советников

Может быть, имеет смысл вообще ликвидировать ее, а наиболее способных и реально работающих людей влить в состав Консультативного совета.

3. О нормализации информации для Президента

Необходимо провести «инвентаризацию» поступающей к Вам информации и отсечь дублирующие элементы.

4. О взаимодействии с Верховным Советом

Необходимо создать при Президенте группу взаимодействия с Верховным Советом, депутатским корпусом, политическими партиями и организациями. Сейчас этой работой занимается фактически один Л.Суханов. Этого недостаточно. В группе должно быть не менее 10 человек.

5. О поездках по стране

Считал бы необходимым изменить их характер. До последнего времени в них доминировал экономический компонент. Вы часто решали не политические, а хозяйственные проблемы. Теперь, когда имеется полноправный премьер, поездки нужно переориентировать на политику. Кульминацией поездки должна быть не встреча с руководством и «хозактивом», а политическое выступление перед массовой аудиторией. Такое выступление должно содержать новую политическую идею либо преследовать цель разъяснения широкой аудитории того или иного аспекта президентской политики.

6. О Высшем экономическом совете

Хотел бы обратить Ваше внимание на идею создания Высшего экономического совета при Президенте. Об этом уже не раз писала демократическая пресса. Суть состоит в том, чтобы объединить в этом совете самых авторитетных экономистов (Гайдара, Явлинского, Шаталина и других). Соперничающие между собой экономисты должны объединиться под крышей Президента и вместе работать на реформу. Совету можно было бы поручить подготовку стратегической программы по выводу экономики из кризиса. Это в какой-то степени было бы реализацией идеи круглого стола в экономической сфере. Такой совет, интегрирующий экономические авторитеты разных взглядов по тактике реформ, был бы хорошей защитой от критики со стороны оппозиции.

7. О взаимодействии со средствами массовой информации

В истекшем году Президент делал серьезные усилия по взаимодействию со СМИ. Однако в условиях агрессивного наступления Верховного Совета и Съезда на прерогативы Президента, с учетом властных претензий Р.Хасбулатова, требуются дополнительные меры.

а) готовить больше статей и письменных интервью для российских и зарубежных СМИ за подписью Президента. Нужна большая оперативность при подписании подготовленных материалов.

б) учитывая особо массовый характер радиоаудитории, настойчиво рекомендовал бы регулярные выступления Президента по радио (желательно раз в месяц)...

И вообще, Борис Николаевич, нужно было бы демонстрировать более демократичный образ и стиль (предложения имеются).

в) создать на территории Кремля вне режимной зоны президентский пресс-центр (принципиальное согласие М.И.Барсукова* имеется). Это даст возможность начать регулярные брифинги для журналистов и существенно расширить масштаб распространения информации о работе Президента.

Другие соображения

В преддверии референдума желательно принять ряд мер, необходимость которых острее всего ощущается населением. Самый популярный лозунг сегодня — необходимость *наведения порядка*. На этом широко спекулирует оппозиция. Второй лозунг, мощно воздействующий на массовую психологию, — *борьба со спекуляцией*. В двух этих сферах нужны решительные действия, носящие упреждающий характер, иначе инициативу перехватит Верховный Совет.

С учетом возможного роста безработицы, в опережение возможных действий Верховного Совета, нужен Указ Президента «Об организации общественных работ». Система общественных работ (при строительстве автомобильных и железных дорог) широко применялась в периоды экономических кризисов в США, во Франции, в Германии. Для организации общественных работ в качестве министра можно было бы пригласить известного лидера оппозиции (Вольского, Травкина... почему бы не Бабурина — шумят о защите интересов народа, вот пусть и поработают)».

Б.Ельцин прямо не отреагировал на записку. Не было от него ни телефонного звонка, ни приглашения к разговору. Однако ближайшие же события показали, что ряд предложений был им принят и реализован. Вместо Ю.Петрова во главе Администрации Президента в январе 1993 года был поставлен Сергей Филатов, сумевший быстро переориентировать работу Администрации с преимущественно организационных задач на политические. Фактически был нейтрализован А.Руцкой, которого Президент «бросил на сельское хозяйство».

И пожалуй, из наиболее существенного — уже в феврале 1993 года был переформирован Президентский совет, о чем уже было сказано. Некоторые из новых членов Президентского совета стали впоследствии ближайшими сотрудниками Ельцина. Активизировалась его работа с интеллигенцией и СМИ, был открыт президентский пресс-центр.

---

* В то время комендант Кремля, позже — руководитель Главного управления охраны, затем — директор ФСБ.

Глава 5

Борьба за референдум

(январь — март 1993)

Новое наступление Хасбулатова

После VII съезда народных депутатов противостоявшие стороны разошлись, испытывая острое недовольство друг другом. К Президенту почти сразу же стала поступать информация о намерении оппозиции разрушить достигнутый с таким трудом хрупкий компромисс. Для этого, вопреки воле Президента, оппозиция намеревалась созвать внеочередной VIII съезд.

Оценивая сегодня вереницу съездов народных депутатов, начиная с VI и кончая внеочередным полулегальным X, можно сказать, что все действия руководства Верховного Совета представляли собой череду попыток совершить контрреформацию. Ельцин понимал такую опасность. Мирным способом разрешения кризиса власти мог стать референдум.

На этапе между VII и VIII съездами сама угроза референдума делала депутатов более сговорчивыми. Известный правозащитник С.А.Ковалев, бывший в то время сторонником Б.Ельцина, говорил на Президентском совете: «Здорового большинства Верховного Совета нет. Его нужно припугнуть. Иначе обманут. Референдум — вот та дубинка, которая больше всего пугает депутатов».

Р.Хасбулатов начал ревизию результатов предыдущего Съезда фактически уже через две недели после его завершения, опубликовав 9 и 10 января 1993 года в двух номерах подконтрольной «Российской газеты» программную статью «Съезд народных депутатов и конституционная реформа».

Статья изобиловала грубыми выпадами против Б.Ельцина: «... высшая исполнительная власть безоглядно ринулась в пропасть, увлекая туда все общество»; «...довел общество до трагического кризиса, пусть даже в форме фарса»; «... некоторые люди буквально исходят из аксиомы, что они бессмертны, требуя все новых и новых полномочий, которые они, разумеется, не в состоянии выполнять».

Треть статьи была посвящена вымышленной борьбе с автором: противнику приписывались многочисленные козни, а автор их разоблачал. Весь пафос был направлен против референдума о доверии властям. Хасбулатов апокалиптически описывал возможные последствия любого референдума (что, заметим, не оправдалось ни в апреле, ни в декабре 1993 года). В другой трети статьи доказывалась бессмысленность вынесения на референдум каких-либо положений новой Конституции. Наконец, оставшаяся треть разоблачала коварные замыслы противника, связанные с его возможными вопросами для предстоящего референдума. Например, обосновывалась неправомерность предлагать избирателям выбор между парламентской и президентской республикой.

Аргументация статьи была столь же развернутой, сколь и неубедительной. Позже, на VIII съезде народных депутатов, он найдет более емкую

оценку как происшедшего на VII съезде, так и обоснование отмены его результатов: «Бес попутал!»

Но дело даже не в содержании статьи, не в ее тезисах и способах аргументации. Выпущенная за подписью Хасбулатова статья с резкими выпадами против Президента фактически срывала процесс подготовки к референдуму, поскольку делала невозможными какие-либо договоренности относительно списка выносимых на него вопросов. Впервые не в завуалированной форме, как раньше, а открыто Председатель Верховного Совета выступал в качестве главного противника Президента. Эта статья была стартовой точкой процесса, завершившегося отменой референдума на VIII съезде.

Впрочем, никакого открытия в этом не было. К этому времени неприязнь стала взаимной и крайне затрудняла поиски компромиссов. Для Ельцина статья представляла интерес по другой причине. Фактически в ней была изложена тактика саботажа референдума и подрыва власти Президента. Хасбулатова явно пугала идея референдума. Он опасался, что вопросы будут сформулированы таким образом, что начнут оценивать конкретных политических деятелей (Ельцина и Хасбулатова). Все же социологические опросы обнаруживали крайне негативное отношение населения к Р.Хасбулатову, и опасность референдума в личном плане была для него очевидна. И он начал действовать. Подконтрольные ему СМИ развернули кампанию по дискредитации идеи референдума и запугиванию Президента. Внушалась мысль о том, что референдум приведет к ослаблению государства, к дестабилизации в обществе.

Нужно сказать, что точка зрения Р.Хасбулатова находила широкое отражение и в демократических СМИ, хотя в целом журналисты относились к Председателю Верховного Совета крайне отрицательно. Он был объектом постоянных издевок демократической прессы. Однако журналисты буквально охотились за каждым словом Р.Хасбулатова, Г.Зюганова, В.Аксючица, С.Бабурина и других ведущих «теноров» тогдашней оппозиции, чьи лица не сходили с экранов телевидения. Разумеется, это совершенно нормально для страны, где есть свобода слова. Но в условиях, когда вопрос стоял не просто о политической борьбе, а о том, будут ли в ее итоге сохранены демократические институты и гражданские свободы, в том числе и свобода слова, требовались хотя бы адекватные комментарии нападкам на реформы. А их явно не хватало.

Ельцин был обеспокоен такой ситуацией. Будучи сторонником свободы слова, он тем не менее считал, что прессе и телевидению не хватает здравого смысла в оценке опасности политического экстремизма. Президент был возмущен, когда коммунистические пикетчики избили депутата Л.Пономарева на подходе к зданию парламента, а телевидение дало это в своих выпусках как банальную информацию.

Впервые за время существования президентской пресс-службы он попросил провести мониторинг информационных программ Российского телевидения. Результат оказался неутешительным. Выпуски «Вестей» были буквально нашпигованы информацией о деятельности оппозиции. Российское телевидение ежедневно посвящало 15—20 минут работе Верховного Совета. В 19 часов, в так называемый «прайм-тайм», шла рубрика «Парла-

ментский дневник», где фигурировали главным образом лидеры оппозиции. В день, когда проводился мониторинг, Президент ни разу не был упомянут в выпусках новостей. И это при том, что руководитель российского канала О.Попцов считался сторонником Ельцина, нередко с ним встречался и любил давать советы.

Президент был настолько обескуражен, что потребовал организовать встречу с руководителями радио и телевидения. Такая встреча вскоре состоялась. Правда, к этому времени гнев Б.Ельцина улегся, и он провел ее достаточно мирно: явно не хотел портить отношения со СМИ, терять свое реноме защитника свободы слова.

Разумеется, насыщенность телевизионных программ информацией об оппозиции в какой-то степени объяснялась активностью и многочисленностью оппозиционных объединений, которые буквально каждый день создавали столь ценимые журналистами «информационные поводы». Президентская команда явно отставала в этой гонке.

Это было связано с рядом объективных и субъективных факторов. Сам Ельцин уже не создавал достаточного числа информационных поводов, но любил, чтобы вся политическая жизнь вертелась вокруг него, и весьма ревниво относился к активности своих соратников. Опытные кремлевские аппаратчики (Ю.Петров, В.Илюшин, Л.Суханов и другие) знали эту его черту и «не высовывались», за что Ельцин время от времени добродушно журил их. Но когда новый глава Администрации С.Филатов стал проявлять информационную самостоятельность и активность, Президенту это не понравилось.

Широта маневра Президента ограничивалась и слабостью демократических сил. Прошедших с начала президентства Ельцина полутора лет оказалось недостаточно, чтобы сформировалась сильная демократическая партия или объединение. Дальше разговоров и благих пожеланий дело не шло.

Демократическое движение по-прежнему представляло конгломерат малочисленных, особенно в регионах, организаций. Е.Гайдар, пользовавшийся большим авторитетом в демократическом движении, качествами партийного лидера и организатора явно не обладал. Да и амбиций партийного вождя у него не было. «Яблоко» Г.Явлинского еще не существовало. Понимания того, что крупную партию невозможно создать без крупных денег, в сущности, тоже не было. Доминировало наивное представление, что раз в стране существует демократический режим, то демократы будут плодиться сами по себе и сами по себе организовываться. На самом же деле все происходило наоборот: под влиянием кризиса и растущего массового недовольства шел отток из демократических организаций. Мельчали организации, мельчали и лидеры.

Когда в середине января 1993 года Б.Ельцин встретился с группой «Демократический выбор», его неприятно удивило отсутствие масштабных фигур и известных лиц. Говорить, а тем более договариваться было не с кем. Из 12 участников встречи по прошествии нескольких лет серьезным политиком так никто и не стал. Неудивительно, что разговор ограничился

общими рассуждениями о «необходимости мобилизовать демократический ресурс», «подключить интеллектуальный потенциал» и т.д. Никаких конкретных решений принято не было.

Вокруг референдума разгорелась острейшая борьба. Верховный Совет всячески противился его проведению, утверждая, что это расколет российское общество, увеличит опасность гражданской войны. Выступая 9 февраля 1993 года на заседании Конституционной комиссии, Б.Н.Ельцин совершенно справедливо подчеркнул, что такая «сверхобостренная реакция свидетельствует о том, что задет главный политический нерв России». В сущности, результаты референдума предопределяли вопрос о том, быть России президентской или парламентской республикой, а в более глубоком смысле — сохранится ли в стране власть Советов, или Россия пойдет дальше по пути демократической эволюции в европейском понимании.

В период подготовки к референдуму Президент демонстрировал высочайшую активность. Он, безусловно, понимал, что речь идет не только о судьбе реформ, о политическом строе, но и о его собственной судьбе. Ведь депутатский корпус в массе своей был настроен крайне агрессивно. Любой серьезный политический просчет мог вести к импичменту, и тогда президентом страны в соответствии с Конституцией автоматически становился бы вице-президент А.Руцкой.

Резко возросла активность формально запрещенного «Фронта национального спасения» (ФНС). При полном попустительстве прокуратуры его активисты развернули агитацию в войсках, призывая и без того сильно политизированную в тот период армию «навести порядок в стране». Фактически национал-патриоты подталкивали армию к установлению военной диктатуры.

О том, насколько реальна была подобная опасность, свидетельствует то, что Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в начале весны 1993 года в своих публичных выступлениях несколько раз говорил об опасности вовлечения армии в политику: «Особо обращаясь к армии, мы приветствуем занятую ею позицию неучастия в политическом противостоянии. Эта позиция — единственно допустимая сегодня. И мы просим наших воинов оставаться мудрыми, не поддаваться влиянию политических экстремистов...».

А между тем Президент чувствовал, что в полной мере он не может положиться даже на собственное Правительство. Глава кабинета министров В.С.Черномырдин, следуя в целом линии Президента на реформы, придерживался в то же время крайне осторожной, порой двусмысленной позиции. Когда позже возник конфликт по поводу введения в стране «особого порядка управления», он всячески уклонялся от того, чтобы занять ясную позицию. Ельцин буквально вынудил его сделать заявление о поддержке.

Беспокойство Ельцина по поводу позиции Правительства в полной мере проявилось на его заседании 11 февраля 1993 года. Хотя в повестке дня значился вопрос «Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 1993 году», Ельцин свое выступление полностью посвятил политике и защите идеи референдума. Прошедший 1992 год был годом

начала «шоковой терапии» в экономике («шока без терапии», как тогда говорили), и у Президента было не так уж много аргументов в защиту курса реформ. Поэтому его мотивация строилась не столько на экономических, сколько на политических и моральных аспектах: «Реформы потребовали высокой цены. Но все-таки мы должны иметь в виду, что это цена реформ, а не революции в напичканной ядерным оружием многонациональной стране. При всей остроте противоречий, конфликтов нам удается выдерживать постепенный, эволюционный ход движения вперед».

Президент говорил о референдуме и одновременно его опасался. Это было обоюдоострое оружие, о чем его предупреждали некоторые члены Президентского совета. Были предостерегающие публикации и в прессе. Сторонники Б.Ельцина опасались, что в условиях кризиса и резкого падения уровня жизни результаты референдума могут оказаться не слишком благоприятными для Президента и «растворят» полученную им на выборах 1991 года легитимность. В то же время радикальная часть президентского окружения уже тогда подводила Ельцина к мысли о возможности роспуска съезда и проведения новых выборов. Демократическая пресса с видимым удовольствием муссировала эту идею.

Однако, повторимся, у Президента не было полной уверенности в успехе референдума. Прогнозы не внушали особого оптимизма. Так, проведенный фондом «Общественное мнение» опрос показал, в частности, что в пользу Б.Ельцина склоняются чуть более 30% опрошенных. Успокаивало, правда, то, что рейтинг доверия к Р.Хасбулатову оказался гораздо меньше: его предполагали поддержать лишь 11%. Не так уж много сторонников было и у референдума: 34% за его проведение, 30% — против и 25% затруднились с ответом.

Как видим, Президент шел на определенный риск. Но он использовал референдум как своего рода «дубинку», чтобы заставить своих оппонентов пойти на уступки и согласиться на предлагаемое им в качестве компромисса Конституционное соглашение с четкими гарантиями его соблюдения: «Если Президент, с одной стороны, и Верховный Совет, съезд — с другой, не найдут согласия, свое веское слово должен сказать народ».

Неожиданную помощь Ельцин получил от А.И.Солженицына, еще проживавшего в то время в США, в штате Вермонт. В газете «Комсомольская правда» (от 10 марта 1993 г.) было опубликовано и получило широкую огласку письмо знаменитого писателя к тогдашнему послу России в США В.Лукину. Не будучи комплиментарным в отношении самого Б.Н.Ельцина, А.И.Солженицын ясно высказался в пользу сильной президентской республики: «Российская Федерация, при ее размерах и многообразии, не может существовать без сильной президентской власти, никак не слабей, чем в Соединенных Штатах. Опыт государства парламентского на Западе достигался веками. Сегодня его у нас и близко нет». Так называемая «патриотическая оппозиция», считавшая А.И.Солженицына «своим», была крайне раздражена такой позицией писателя. Для Ельцина же письмо стало существенной моральной поддержкой.

Всю первую половину февраля 1993 года, продолжая подготовку к референдуму, Ельцин потратил на серию закрытых переговоров с Председателем Верховного Совета Р.Хасбулатовым и Председателем Конституи-

ционного Суда В.Зорькиным. Переговоры убедили его в том, что спикер использует их с одной-единственной целью — затянуть время и усложнить проведение референдума. В частности, в порядке «уступки» Президенту Р.Хасбулатов предлагал внести в бюллетень 12 вопросов. Это превращало референдум в нонсенс, поскольку люди могли просто запутаться в лабиринте вопросов.

Президентская сторона старалась по возможности спрогнозировать результаты референдума. В феврале по инициативе помощников Президента в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) прошел круглый стол с участием ряда известных политологов и социологов. Характерная деталь того времени: когда возник вопрос о финансовой поддержке этого мероприятия, то в Администрации никто не знал, по какой статье сметы провести эти расходы. В результате провели мероприятие за счет самого института.

Неудивительно, что полезные итоги круглого стола не нашли почти никакого отражения в прессе. Известный социолог Ю.Левада между тем поднял на нем весьма важные вопросы, которые могли бы стать предметом полезной дискуссии и в обществе, и в СМИ: «Мы ставим вопрос о том, какую республику мы хотим — парламентскую или президентскую, и народ скорее всего выскажется за президентскую форму правления, а между тем никто толком не знает, что такое президентская республика».

Поднятый вопрос дает представление о том, насколько импровизационной была российская политика в тот период: на референдум шли, не имея четкого представления о том, какую конструкцию власти предлагают для страны.

Тем временем руководство Верховного Совета начало подготовку к Съезду. В руках такого политического манипулятора, как Р.Хасбулатов, аморфный, нервный, постоянно впадающий в истерики Съезд (больше, впрочем, похожий на митингующую толпу, чем на высший законодательный орган) был крайне опасен для Президента. Ведь за ним по-прежнему оставались колоссальные полномочия: он был вправе принять к обсуждению любой вопрос и принять по своему усмотрению любое решение.

Созыв Съезда был обусловлен логикой острейшей борьбы между Президентом России и его противниками. В нем выразились нараставшая политическая конфронтация и страх политической элиты, особенно оппозиции, перед народным волеизъявлением. Ельцин, оставаясь сторонником референдума, был все еще готов к компромиссам и не случайно включился в поиск вариантов отказа от решений VII съезда, надеясь получить за это максимальную политическую выгоду. К марту был готов президентский вариант Конституционного соглашения, которым предлагалось заменить референдум. 2 марта Президент обсудил эту возможность на встрече с представителями «Демократического выбора», а 9-го — с лидерами республик.

Тактика Р.Хасбулатова в период подготовки VIII съезда состояла в намеренном обострении ситуации. Он постоянно пытался навязать Президенту конфронтационный, даже скандальный стиль политической борьбы. Его бестактность порой граничила с откровенным хамством, он стал говорить

гадости о Ельцине даже при встречах с высокопоставленными иностранцами, приезжавшими в Москву. Так, во время встречи 5 февраля 1993 года с премьер-министром Швеции Карлом Бильдтом он заявил, что, «похоже, парламенту придется еще раз спасать Президента», «Президент навязал нам референдум и теперь не знает, как самому вылезти из этой ситуации», «надо освободить Правительство от опеки Президента, который не справился со своей задачей». Шведский гость был поставлен в неудобное положение и позднее говорил, что ему «было очень неприятно во время встречи со спикером российского парламента... Я чувствовал себя неловко и воспринял выпады Хасбулатова как полностью несбалансированные».

Комментируя этот казус, шведская газета «Дагенс нюхетер» писала: «Порожденная высказываниями Хасбулатова в адрес Президента России «большая ссора» началась перед удивленным гостем, главой правительства, что придало всему делу привкус крупного скандала. Тот факт, что К.Бильдт вынужден был слушать выпады Хасбулатова против Президента России, следует расценивать как нарушение основного принципа, действующего в международном дипломатическом обиходе: представитель страны не критикует своего главу государства перед главой правительства другой страны».

Характерно отношение Б.Ельцина к этому случаю. Лично он на него никак не прореагировал. Инициатива резкого заявления в ответ на выпад спикера исходила, как это нередко случалось, от президентского пресс-секретаря. Естественно, сам Президент не забыл подобной низости, но его реакция походила на «поведение» пружины, которая долго сжимается и распрямляется, лишь когда давление достигает максимального предела. Но внутренне он очень тяжело переживал всякое унижение его достоинства.

К тому же все выстраиваемые им действия для достижения согласия разбивались о демонстративное неприятие оппозицией. Особенно раздражала и изматывала Ельцина постоянная ложь и коварство спикера. При личных встречах тот соглашался на предлагаемые компромиссы, говорил о том, что понимает Президента и готов сотрудничать с ним, но, выйдя за дверь, тут же забывал про обещания. Так, на проведенном в это время в Москве по его же инициативе круглом столе Хасбулатов ратовал за согласие. Однако буквально через несколько дней во время поездки в Новосибирск снова нарушил договоренности, в том числе и о необходимости избегать публичной полемики в период деятельности рабочей группы, созданной Президентом и Верховным Советом для выработки условий разделения полномочий между исполнительной и законодательной властью.

Его февральское выступление в Новосибирске на совещании председателей Советов народных депутатов и глав администраций республик, краев и областей России не оставляло сомнений в том, что ни на какое соглашение с Президентом Верховный Совет не пойдет. Однако на этом совещании Р.Хасбулатов совершил весьма серьезную тактическую ошибку: обрушился с резкими нападками на прессу, журналистов и вскоре получил возможность убедиться в том, что абсолютное большинство СМИ находится на стороне Президента, который, кстати, весьма умело воспользовал-

ся этой оплошностью. 20 марта «в целях предотвращения монополизации средств массовой информации и противоправного вмешательства в их деятельность» Б.Ельцин подписал Указ о защите свободы СМИ. Он снова выступил как гарант свободы информации, что было высоко оценено журналистским сообществом.

Но в целом такое «перетягивание каната» было крайне изнурительным для Ельцина. Продуманная Хасбулатовым тактика изматывания строилась в значительной мере на знании психологии своего оппонента. Ельцин не любил мелкой подковерной борьбы, ему больше импонировала тактика прямого боя. В сложной, затянутой интриге он, как правило, проигрывал, а спикер парламента, наоборот, стал в этом деле настоящим асом. Президент никогда не ставил перед своими помощниками задачи, в основе которых лежала бы интрига, ловушка для соперников. Компромат не был его личным оружием, хотя о своем окружении и о своих врагах он знал все. К компромату, который постоянно подсовывал ему Коржаков, Ельцин относился с брезгливостью и никогда не использовал его в публичной политике. При всей своей мифической жесткости он никогда не стремился добить противника. В большой степени ему была свойственна спортивная этика: важно было победить, а не унизить соперника.

«Готов сделать шаг назад»

Измотанный тактикой постоянного обострения конфликта, 15 февраля 1993 года Б.Ельцин уехал в отпуск. Отъезду предшествовала встреча с Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. Встречи с главой Русской православной Церкви стали более или менее регулярными после прихода в Администрацию С.Филатова, у которого были хорошие личные отношения с Патриархом. Именно ему принадлежала идея привлечь авторитет Церкви и ее главы к процессу поиска политического согласия. Ельцину эта мысль понравилась, и он до последних дней своего президентства с удовольствием встречался с Алексием II. Воспитанный в атеизме, он воспринимал Патриарха не как духовного пастыря, а как олицетворение «вечной России», ее культуры и традиций.

При Б.Ельцине Церковь получила очень много. Возвращались конфискованные большевиками церковная собственность и имущество. Стали восстанавливаться разрушенная система церковного образования, монашество, начался процесс возвращения Церкви в армию. Правда, ряд льгот и таможенных привилегий, данных Русской православной Церкви Президентом, стали вызывать со временем острую критику общественности.

Сам Патриарх относился к участию в политическом процессе крайне осторожно, но, когда Президент попросил его «поспоспешествовать» идее референдума как средству разрешения затянувшегося кризиса, Алексий II дал согласие, и после встречи с Ельциным 6 февраля 1993 года, по согласованию с патриаршей стороной, пресс-служба Президента выпустила сообщение, в котором прямо говорилось, что в ходе встречи «был затронут вопрос о целесообразности проведения референдума в целях укрепления российской государственности». Патриарх заявил, что «в трудные момен-

ты истории обращение за советом к народу является полезным и желательным».

Через десять дней в послании «в связи с началом спасительных дней Великого поста» он в косвенной форме снова поддержал Президента. «В спорах о будущем государств, в которых мы живем, в поисках путей управления ими многие из нас ожесточились, потеряли терпимость, стали унижать и оскорблять друг друга, упиваясь собственной мнимой правотой». Это был явно «камешек в огород» Р.Хасбулатова.

Нужно сказать, что в период двоевластия 1992—1993 годов региональные лидеры занимали чаще всего выжидательную позицию и готовы были примкнуть к победившей стороне. И при этом старались извлечь максимум выгод из создавшейся ситуации, требуя от Центра все больше самостоятельности. Постоянная конфронтация ветвей власти в Москве подрывала авторитет федерального центра. Пытаясь добиться поддержки региональных лидеров, Президент вынужден был заигрывать с ними, этой же тактики придерживался и спикер парламента. Так что раздача «суверенитета» и обещаний шла «в четыре руки».

Но и здесь Хасбулатов одерживал верх. Только что созданное в Администрации Президента управление по работе с территориями еще не могло оказать серьезного влияния на мобилизацию сил в поддержку Президента. Политические же щупальца Верховного Совета, опиравшегося на местные советские органы и структуры КПРФ, проникали в самые отдаленные уголки России, обеспечивая поддержку в регионах.

Острота столкновений в преддверии VIII съезда народных депутатов объяснялась полной противоположностью задач, которые ставили перед собой команды Ельцина и Хасбулатова. Президент активизировал борьбу за ликвидацию съездовской системы. Выступая на совещании в Кремле 2 марта 1993 года, то есть за неделю до открытия съезда, Б.Ельцин прямо заявил, что «нельзя управлять страной при помощи говорящего собрания».

Однако Съезд и его постоянно действующий орган — Верховный Совет, сформированный еще в коммунистическую эпоху, были не просто говорильней, вызывавшей неприязнь большинства населения, но говорильней очень опасной. Начав осуществлять чисто распорядительные функции, Верховный Совет методично ослаблял исполнительную власть. Основная задача Съезда и Верховного Совета — готовить и принимать законы — отступила на задний план.

Верховный Совет все больше становился «дублирующим Правительством», позволяя себе вмешиваться в непосредственное управление экономикой, распределение финансовых ресурсов. Он создал под своей крышей большое число фондов, дублировавших, а порой и подменявших министерства экономического блока. Например, за несколько дней до открытия VIII съезда Верховный Совет создал еще один фонд по управлению минерально-сырьевой базой страны. Таким образом, под его контролем оказывались практически все внебюджетные источники финансирования.

Президент, конечно же, понимал, что такое положение ведет к экономическому хаосу. Тем более что на фоне кризисных явлений снова резко активизировались ультралевые и националистические силы. Все чаще с их

стороны раздавались призывы к коммунистическому реваншу, к насильственным действиям, к гражданской войне. Многочисленные газеты экстремистов прямо писали о том, что демократов нужно вешать на столбах. А Министерство юстиции и Генпрокуратура, ссылаясь на отсутствие законов о борьбе с экстремизмом, по-прежнему бездействовали.

Но самая большая трудность заключалась в том, что у Президента не было опоры в виде сильной демократической партии. Парадоксально, но Б.Ельцину не перед кем было даже выступить с изложением своих позиций. Вернувшись из краткосрочного отпуска, он вынужден был принять приглашение выступить на форуме «Гражданского союза», хотя прекрасно понимал, что эта организация ближе к лидерам Верховного Совета, чем к нему.

Однако особого выбора не было, и приходилось использовать политические площадки оппонентов. Поэтому-то в выступлениях Президента той поры часто проглядывала двойственность: он одновременно и угрожал, и упрашивал, что воспринималось как проявление слабости. В узком кругу единомышленников, на совещаниях с представителями «Демократического выбора» Б.Ельцин констатировал, что в стране «идет расконсервация раковых клеток прежнего режима», загибая пальцы, говорил, что у него имеется «пятый вариант», намекая на силовое разрешение конфликта. Но с оппонентами продолжал говорить на полутонах, и это деморализовывало демократов.

Впрочем, слухи о том, что окружение Президента склоняет его к силовому решению и что Ельцин держит в запасе силовой сценарий, просочились в прессу, в том числе и в иностранную. Речь шла о возможности введения чрезвычайного положения и роспуска парламента. Сам Президент не считал нужным опровергать эти слухи. Больше того, искусственно культивировал их, используя как средство устрашения.

3 марта 1993 года, ровно за неделю до открытия VIII съезда народных депутатов, Б.Ельцин провел в Кремле заседание Совета безопасности. Оно было посвящено текущим вопросам — обсуждались принципы военной доктрины, элементы концепции внешней политики. Казалось бы, ничего выходящего за пределы политической рутины. Однако на этой встрече, в отличие от предыдущих, присутствовали командующие военными округами и армиями. По просьбе Ельцина была сделана «утечка» информации о том, что по окончании заседания Совбеза он провел отдельную встречу с генералитетом Министерства обороны. Это должно было служить «предметным» подтверждением того, что Президент, говоря о мире, готовится в случае неблагоприятного развития ситуации и к более жестким действиям.

В Верховном Совете встревожились и затребовали стенограмму заседания Совета безопасности, а также стенограмму отдельной встречи с высшими военными чинами Российской армии. Естественно, никакой стенограммы депутаты не получили. К тому же, когда на заседании Совета безопасности или на других закрытых встречах затрагивался какой-либо щекотливый вопрос, ведение стенограммы по инициативе Б.Ельцина часто приостанавливалось.

Не откликнулся Президент и на просьбу Верховного Совета приехать и разъяснить его высказывания о «резервных вариантах» на случай, если

Съезд отменит референдум. Ельцина, кстати, всегда крайне раздражали эти «приглашения». Верховный Совет воспринял угрозу силовых действий как вполне реальную и предпринял упреждающие шаги. В начале марта Президиум Верховного Совета в срочном порядке попытался внести изменения в действующий Закон «О чрезвычайном положении» и сузить возможности Президента.

Документы президентского архива и личные архивы ряда его помощников свидетельствуют о том, что Б.Ельцин до самого начала VIII съезда колебался по поводу того, какую применить тактику — жесткую или мягкую. И тем не менее из документов той поры явственно вытекает, что в целом преобладали мотивы обороны, а не наступления: он все еще считал возможным достижение компромисса.

Как бы то ни было, но в Администрации Президента и в Службе помощников одновременно прорабатывались обе схемы. Отражением мягкой, компромиссной линии был разработанный под руководством главы Администрации план, который с некоторой долей условности можно назвать «планом Филатова».

С.Филатов, еще находясь в руководстве Верховного Совета, был противником его чрезмерного усиления за счет президентских и правительственных прерогатив. Окончательно же он разошелся с Р.Хасбулатовым, когда вопреки позиции спикера поддержал идею референдума о разграничении полномочий. Ценность С.Филатова как главы Администрации Президента, помимо всего прочего, состояла и в том, что он прекрасно знал механизмы функционирования Верховного Совета и депутатский корпус, умел с ним работать. Тем более что сам Б.Ельцин всегда смотрел на такого рода деятельность как на обременительную необходимость.

Но и у С.Филатова были свои недостатки: сразу проявилась его склонность к бюрократическому стилю работы. С его приходом резко возросло количество всякого рода совещаний, документов, отдача от которых вызывала большие сомнения. Значительная часть решений оказывалась похороненной там же, в Кремле или на Старой площади, где проходили бесчисленные «мероприятия».

Разработанный под его руководством «План основных мероприятий рабочих групп в период подготовки и проведения Съезда народных депутатов и Всероссийского референдума», хотя и носил гриф «не для печати», никакой опасности для оппонентов Ельцина не представлял. Это был добротный бюрократический документ, исполненный благих намерений и пожеланий, но малоприспособленный к жесткой конфронтационной обстановке тех дней.

Попади он в руки Р.Хасбулатова, тот скорее всего зевнул бы и решил, что можно не беспокоиться. Впрочем, несмотря на конфиденциальность, этот план, конечно же, был известен Верховному Совету (утечки конфиденциальной информации из Кремля были привычным явлением).

«План Филатова» содержал и явные просчеты. Например, подготовка важной встречи глав республик и регионов с участием Президента, которая могла бы существенно повлиять на позицию Верховного Совета, поручалась Ю.Скокову, который уже на предыдущем VII съезде фактически взаимодействовал с противниками Президента. Тем более что он затаил обиду

на Ельцина, который предпочел видеть на посту премьер-министра не его, а В.Черномырдина.

Неудивительно, что заявление Совета глав республик никак не обозначило поддержки Президенту. По центральному вопросу предстоящего Съезда — о референдуме, за который боролся Ельцин, — Совет фактически выступил против Президента, предложив объявить мораторий на проведение в 1993—1994 годах референдумов, всенародных голосований, опросов, а также на проведение досрочных выборов органов законодательной, представительной и исполнительной властей в Российской Федерации. Кроме того, объявлялось «обреченной на неудачу принятие новой Конституции до тех пор, пока не получит законодательного оформления механизм реализации Федеративного договора».

Таким образом, заявление преследовало сразу несколько целей — выбить из рук Ельцина такое устрашающее для Съезда и Верховного Совета оружие, как референдум, и законсервировать на неопределенное время советскую Конституцию 1978 года.

На короткий период подготовки Съезда (с 1 по 10 марта) в «плане Филатова» предусматривалось такое большое число мероприятий (около 20 различных совещаний, встреч, круглых столов), что невольно возникало ощущение аппаратной суеты. Позитивным результатом было, пожалуй, лишь то, что Президент снова начал встречаться с депутатскими фракциями, представителями политических движений. Но в «плане Филатова», если воспользоваться излюбленным выражением Ельцина, не было «демонстрации скрытой силы», которая могла бы воздействовать на противника.

Ельцин тем временем продолжал колебаться. Он все больше убеждался, что VIII внеочередной съезд — ловушка. В окружении Президента уже рассматривалась вероятность попытки импичмента. А она была достаточно реальной. Съехавшиеся в Москву депутаты были страшно раздражены резкой критикой депутатского корпуса в прессе, считая, что эта кампания травли инспирирована Кремлем. На самом деле руководителей СМИ и журналистов уже не приходилось убеждать в необходимости поддержки Президента. Общественное мнение, несмотря на все трудности, переживаемые населением, склонялось в пользу Президента, а это только взвинчивало агрессивность депутатов. Страх того, что Ельцин разгонит Съезд, толкал их на крайние меры — попытку отрешения Президента от должности.

Безусловно, у Ельцина был запасной вариант силового разрешения конфликта уже к началу работы VIII съезда. В своих разговорах с лидерами ряда государств он зондировал реакцию на возможность введения чрезвычайных мер. В том же «плане Филатова» в разделе «Проведение информационно-пропагандистских мероприятий за рубежом» на 4—5 марта планировались телефонные беседы Б.Ельцина с лидерами США, Великобритании, Франции, Китая, Германии, а также обмен мнениями с президентами Украины, Казахстана, Белоруссии.

У Ельцина была возможность «продемонстрировать мускулы» и с помощью средств массовой информации. Подготовка к этому велась. На 6 марта 1993 года была назначена запись его интервью для телепрограммы «Итоги». Были разработаны два сценария интервью — жесткий и мягкий.

Жесткий вариант предполагал, что Президент скажет:

«В последние месяцы Верховный Совет и Съезд предприняли шаги, которые серьезно нарушили баланс властей в России. Возможностей для маневра у Президента становится все меньше. Сегодня в Верховном Совете слышатся обвинения, что я готовлюсь к борьбе со Съездом. Да, я готовлюсь, но не к борьбе со Съездом, который давно уже не представляет новой России. Я готовлюсь к тому, чтобы защитить Россию и народ, сделавший свой выбор в августе 91-го года. Да, я стою перед трудным выбором. Президенту, похоже, потребуется вся его воля и решимость. Мой главный бронепоезд — это вы, мои избиратели, это вы, россияне. К вам, и только к вам я обращусь в самый трудный и самый решающий момент. Но знайте, Президент не отступит. Отступать мне некуда».

Б.Ельцин выбрал мягкий вариант, где вновь лишь намекнул на возможность жестких мер: «У меня есть в запасе и другие предложения». Внутренние колебания Ельцина чувствовались в ходе всей подготовки к Съезду, и это ставило его команду в сложное положение. Несколькими днями раньше представитель Президента в Верховном Совете А.Слива провел пресс-конференцию, на которой заявил, что у Съезда недостаточно полномочий, чтобы отменить назначенный референдум. Естественно, это высказывание отражало точку зрения Президента, однако в интервью для телепрограммы «Итоги» Ельцин дезавуировал слова своего представителя: «Это не моя позиция. В Президентской команде высказываются разные мнения. Думать никому не запрещается».

В отношении референдума Президент в своем интервью продемонстрировал готовность сделать шаг назад:

«Ведущий. И вы хотите решить проблему разом, с помощью референдума?

Ельцин. Это было бы самое лучшее, если бы референдум не был сопряжен с некоторым риском для российской государственности и если бы интерес к нему был повыше. Но можно обойтись и без референдума, если Съезд будет настроен не на конфронтацию, а на согласие».

Успокаивающие слова были сказаны Ельциным и на встрече с делегацией женщин накануне праздника 8 Марта: «Надо помириться, не идти же на крайние меры».

Такая противоречивость, конечно же, ослабляла позиции главы государства на предстоящем Съезде, что усугублялось сложной экономической и социальной ситуацией в стране.

В представленной в те дни Президенту записке о состоянии потребительского рынка говорилось о продолжавшемся быстром росте цен на продукты питания. За месяц, предшествовавший Съезду, в ряде регионов цены на молоко, картофель, овощи, рыбу (т.е. на основные продукты питания) выросли на 10—30%. Многие привычные продукты питания не только дорожали, но и исчезали с прилавков. Рыба отсутствовала в 120 из 132 обследуемых городов. В десятках городов исчезла селедка, которая издавна считалась в России атрибутом народного стола. Зачастую это делалось специально, для того чтобы потом взвинтить цены.

На фоне конституционного кризиса продолжали набирать обороты центробежные тенденции. Наблюдая неспособность Москвы «навести по-

рядок», лидеры республик и регионов все громче высказывали претензии на самостоятельность. Проведенный Институтом социологии Российской Академии наук опрос отразил общественную обеспокоенность возможностью распада России на ряд независимых государств. Меры, принимаемые федеральными властями для сохранения целостности России, оценивались населением как совершенно недостаточные (около 70% опрошенных). В аналитической записке, поступившей в Администрацию Президента, выделялись три основные опасности, грозившие стране: попытка государственного переворота и превращения России в парламентскую республику; разрушение государственного строя; возможность гражданской войны. Сегодня, с расстояния прошедших лет, эти опасения, возможно, покажутся преувеличенными, излишне катастрофичными, однако тогда основания для них были.

Сложность социально-экономического положения крайне негативно влияла на поведение депутатского корпуса. Коммунисты активно использовали растущее недовольство, и Президенту приходилось считаться с этим. В конце февраля он уполномочивает главу своей Администрации установить рабочие контакты с фракцией «Коммунисты России». Цель — прояснить возможность личной встречи с лидерами фракции и представителями оппозиционного блока «Российское единство» (около 300 депутатов).

Председатель Верховного Совета умело культивировал антипрезидентские настроения. За несколько дней до начала Съезда он инициировал обращение к Президенту и к Съезду руководителей Советов республик, краев, областей, автономных образований, а также Москвы и Петербурга, целью которого было убедить Президента в том, что «вся Россия» выступает против предлагаемого им референдума.

«Настоящее обращение к Вам вызвано крайне тяжелой обстановкой, сложившейся в стране. Экономическое и социальное положение России продолжает ухудшаться, финансы расстроены, страну захлестывает преступность, растет обнищание и массовое недовольство людей. Напряжение социально-политической ситуации в государстве достигло последней черты. На карту поставлены судьбы России, ее целостность, народовластие как основа демократии».

Этот документ задавал ту катастрофическую тональность, в которой Хасбулатов намеревался вести Съезд.

В обращении содержались и запугивание, и прямые угрозы Б.Н.Ельцину. Утверждалось, что «неподготовленный референдум может привести к развалу России, к непредсказуемым последствиям...

Мы должны признать проведение его (референдума. — *Авт.*) не просто нежелательным, но вредным и опасным. В том же случае, если референдум будет назначен по чьей-либо инициативе, но не состоится по причине неявки граждан РФ, инициаторы референдума должны уйти в отставку (быть распущены)».

Усиливались разногласия по этим вопросам и среди сторонников Ельцина, где высказывались опасения, что резкие шаги могут привести к поражению Президента и как следствие к свертыванию реформ. В пропрезидентском блоке «Коалиция реформ» (свыше 200 депутатов) полага-

ли, что Президент не обладает достаточной поддержкой в стране, чтобы предпринять попытку неконституционных действий. Они даже предлагали согласиться с идеей проведения одновременных досрочных выборов Президента и парламента. Б.Ельцин, естественно, видел неуверенность своих сторонников, которая передавалась и ему.

О том, насколько сложной была съездовская ситуация и сколь узким оказался коридор для президентских маневров, свидетельствовала и реакция Запада. Вашингтон и европейские столицы демонстрировали не просто озабоченность судьбой Ельцина, а следовательно и реформ, но и проявляли явную нервозность. В наиболее концентрированной форме общее настроение западных корреспондентов, освещавших Съезд, выразило агентство Рейтер в своей депеше по итогам первого дня работы: «Похоже, что Президент Ельцин движется к унизительному поражению». Столь пессимистические оценки западных СМИ были не беспочвенными: политическая разведка докладывала из Москвы о шаткости позиций Ельцина.

За неделю до открытия Съезда приехал германский канцлер Гельмут Коль, чтобы продемонстрировать солидарность Запада с Президентом России. Вернувшись из Москвы, он направил свое послание лидерам ряда западных государств, в том числе Б.Клинтону, в котором информировал западных коллег о возникших у Ельцина трудностях. Российский Президент говорил Г.Колю, что заручился поддержкой военных на случай крайних мер. Однако западные разведки по своим каналам информировали свои правительства, что поддержка военных не является гарантированной.

10 марта влиятельная американская газета «Вашингтон таймс» опубликовала высказывания бывшего руководителя немецкой военной разведки генерала Пауля А.Шерера о том, что дни Бориса Ельцина на посту Президента России сочтены и что вполне возможен военный переворот. В своих оценках генерал исходил из донесений западноевропейских разведывательных ведомств, которые внимательно следили за настроениями в среде российских военных. Эти настроения квалифицировались как «взрывоопасное разочарование и ожесточение».

Реакция лидеров мировых держав на противостояние между Президентом и Съездом была весьма осторожной. Очевидно, что они хотели сохранить возможность взаимодействия с российским руководством и в случае поражения Ельцина. На следующий день после начала работы Съезда, выступая в Вашингтоне перед журналистами, государственный секретарь США Уоррен Кристофер подтвердил, что Б.Ельцин попросил США «с пониманием отнестись» к возможности введения чрезвычайного положения. Однако эта просьба, с учетом имевшейся в Вашингтоне политической информации со стороны спецслужб, была встречена в официальных кругах США с чувством «нервозности и неудобства» («Ньюсдей»). Комментарий госсекретаря был весьма осторожен: «Мы пытаемся помочь Президенту Б.Ельцину контролировать ситуацию. Однако мы не делаем никаких предположений о том, что может произойти... поскольку в конечном счете положение должно быть урегулировано в самой России». Таким образом, Вашингтон оставлял себе возможность маневра при любом исходе битвы за власть в Москве.

Более эмоциональной и благоприятной для Ельцина была реакция неофициального Вашингтона. Выступая на слушаниях в палате представителей конгресса, бывший госсекретарь США Лоуренс Иглбергер сказал: «Если Б.Ельцин потерпит поражение, то будет нанесен сокрушительный удар по надеждам на реформы. Мы все должны молиться, чтобы он выжил».

«Больше я на Съезд не вернусь»

За несколько дней до начала работы Съезда, 7 марта 1993 года, Президент проинформировал Верховный Совет о вопросах, предлагаемых им на референдум. Их было четыре:

1. Согласны или вы с тем, чтобы Российская Федерация была президентской республикой?

2. Согласны ли вы с тем, чтобы высшим законодательным органом Российской Федерации был двухпалатный парламент?

3. Согласны ли вы с тем, что новая Конституция Российской Федерации должна быть принята Конституционным собранием, представляющим многонациональный народ Российской Федерации?

4. Согласны ли вы с тем, что каждый гражданин Российской Федерации вправе владеть, пользоваться и распоряжаться землей в качестве собственника?

Однако это не означало окончательного решения в пользу референдума, а было лишь частью предсъездовских маневров.

Утвержденная VIII съездом повестка дня содержала три вопроса:

1. О постановлении Съезда народных депутатов Российской Федерации от 12 декабря 1992 г. «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации».

2. О соблюдении Конституции (Основного Закона) Российской Федерации высшими органами государственной власти и должностными лицами.

3. Информация Совета Министров — Правительства Российской Федерации и Центрального банка России о ходе экономической реформы.

Главная задача антиельцинской оппозиции заключалась в том, чтобы не допустить проведения референдума и отменить декабрьское постановление о соглашении, достигнутом на VII съезде. Ведь это сняло бы ограничения на использование поправок к Конституции, существенно урезающих полномочия Президента. Для достижения этой стратегической цели в качестве отвлекающей мишени Съезду был предложен второй вопрос. Формальным поводом для этого послужило послание Конституционного Суда Российской Федерации Верховному Совету «О состоянии конституционной законности в Российской Федерации», полученное за несколько дней до Съезда. Третий вопрос (к этому моменту Правительство Черномырдина еще не проработало и трех месяцев) позволял внести раскол между Ельциным и премьер-министром.

Разобщенность, деморализованность, неорганизованность проельцинской части депутатского корпуса в полной мере проявились и на этом

Съезде. Б.Ельцин был против включения второго вопроса — о соблюдении Конституции — в повестку дня, справедливо расценивая его как конфронтационный. Такого мнения придерживалась довольно большая часть депутатов. Однако предложение снять этот пункт не прошло, не хватило всего 16 голосов.

Правда, сторонники Ельцина нашли повод вернуться к голосованию. Слово взял С.Шахрай, официально представлявший на Съезде Президента России. Его выступление, как обычно, было аргументированным. Но всякое появление С.Шахрая на трибуне Съезда приводило к прямо противоположному результату. Не была учтена идиосинкразия, которую по разным причинам вызывал «человек Ельцина». Единственное, что ему удалось отстоять, — возможность содоклада по второму вопросу повестки дня.

Политической сварой на федеральном уровне по своему обыкновению вновь воспользовались региональные лидеры. В начале работы Съезда от имени руководителей республик выступил с заявлением председатель Верховного Совета Северной Осетии А.Галазов. Речь шла в основном о Федеративном договоре и о механизмах его реализации. В выступлении звучали даже нотки некоторого шантажа. Вот характерный отрывок:

«Настоящим заявлением главы республик и главы администраций обращают внимание на то, что декларируемые политическая и экономическая реформы, попытки установить жесткое разграничение полномочий между федеральными органами власти, принять новую Конституцию Российской Федерации будут обречены на неудачу до тех пор, пока не получат законодательного оформления механизм реализации Федеративного договора и принципы построения Российского федеративного государства».

В переводе с бюрократического на житейский язык это означало: «сначала вы решите наши проблемы, а потом мы подумаем, как решать ваши». Однако этот шантаж не возымел действия. Депутаты предпочли заниматься своими «разборками», а не проблемами региональных элит.

Основной доклад делал заместитель Председателя Верховного Совета Н.Рябов. Пикантность ситуации состояла в том, что выступил второстепенный политик, никем на то не уполномоченный. Это была тонкая комбинация Р.Хасбулатова.

Докладчик объяснял депутатам, что их решение на VII съезде было ошибкой и колоссальной уступкой Президенту, уступкой, вступающей в противоречие с Конституцией, а потому должно быть отменено. Разумеется, он не напомнил о том, что речь в постановлении шла о приостановлении действия поправок в Конституцию в обмен на согласие Б.Ельцина отправить в отставку Е.Гайдара. Между тем хитрость состояла в том, что поправки в Конституцию принимались квалифицированным большинством, а для отмены приостановки их действия достаточно было простого большинства.

Это процедурное обстоятельство означало, что Президент 12 декабря 1992 года попал в ловушку, которая захлопнулась 12 марта 1993 года. Обмен, произведенный на VII съезде, оказался неравноценным: отставка Гайдара и утверждение Черномырдина были акцией необратимой, а приостановление действия отдельных статей Конституции, так же как и постановление

о проведении референдума, относилось к тем «подаркам», которые можно востребовать и назад.

Несостоятельность аргументации проявлялась почти в каждом пассаже доклада. Вот, например, фрагмент: «Не случайно из-за сложности проведения в государствах с федеративным устройством (в Соединенных Штатах Америки, в Федеративной Республике Германии) референдумы на федеральном уровне не проводятся вообще». И тут же, вслед за этим, докладчик рассказал, как проводится референдум в федеративной Канаде. Депутаты, однако, таких «мелочей» не хотели замечать.

Н.Рябов говорил об отсутствии законодательной базы для проведения референдума, но не объяснил, почему Верховный Совет за два месяца работы в новом году ничего не сделал в этом направлении.

Сторонников Президента просто потрясла и «простодушная» трактовка принципа разделения властей: Съезд стоит над всеми другими, менее важными ветвями власти — Президентом, Правительством, Верховным Советом, Конституционным Судом — и «страхует их» от противоречий, которые возникают между ними.

До конца дня 10 марта депутаты вели дискуссию по самому главному вопросу повестки дня — что делать с решениями VII съезда и как быть с референдумом. Р.Хасбулатов время от времени развлекал зал своими колкими комментариями. (Например, депутату Д.Степанову, который никак не мог завершить свое выступление, заметил: «Дмитрий Егорович, вы, извините, как вцепитесь в микрофон... прямо будто последний раз в жизни выступаете».)

Разброс мнений был, как всегда, огромный. Некоторые оппозиционные Президенту депутаты даже поддерживали идею референдума, высказывая довольно экстравагантные соображения.

Депутат И.Муравьев: «Надо дать возможность Президенту не получить на референдуме необходимого большинства, не получить те ответы, которые он хочет получить. Пусть Президент и весь народ убедятся, что та «дубина» народного голосования, которой привык размахивать Президент в борьбе со своими политическими противниками, — не более чем мыльный пузырь. Президент опять сядет в лужу».

Некоторые депутаты действительно не понимали, нужен референдум или нет, и ждали от Президента разъяснений.

Депутат И.Залевская: «Вы, Борис Николаевич, на VII съезде высказались за референдум как единственную форму волеизъявления народа. Поступили так, как должен был поступить истинно народный Президент, расчетливый политик. Вы не испугались своего народа тогда, что же мешает вам на Съезде подтвердить свое желание одной только фразой: «Президент — за референдум». И Съезд выполнит вашу волю — волю главы государства. Пока же ваша позиция непонятна».

А Президент продолжал сомневаться, выступив лишь 11 марта. Он говорил депутатам об их ответственности, но самого главного исчерпывающе не разъяснил, скорее — запутал. Вот слова из заключительной части его выступления:

«С этой трибуны не раз звучал вопрос о том, как Президент относится к референдуму. Причем в различных и далеко не всегда корректных формулировках. Отвечаю на эти вопросы прямо и честно: если Съезд будет и дальше стоять на позициях конфронтации, если будет разрушено то хрупкое согласие, которое мы имеем, то надо идти на референдум».

Можно представить, в каком недоумении остались колебавшиеся депутаты. Получался логический тупик: если депутаты оставят решение VII съезда в силе, значит, формально они проголосуют за проведение референдума. Но такое голосование будет означать отказ от конфронтации, и тогда, согласно логике Президента, референдум не нужен. Если же депутаты поддержат проект постановления и, значит, отменят решения VII съезда, в том числе и о проведении референдума, то тогда, по словам Президента, референдум нужен.

Фактически обошел этот вопрос и Председатель Правительства В.Черномырдин. Отдав дань традиции, он посвятил депутатов в детали переживаемой страной социально-экономической ситуации, обратился к депутатам с призывом усилить полномочия Правительства: дать право законодательной инициативы; включить в его состав руководителя Центрального банка; разрешить принимать оперативные решения, направленные на сокращение утвержденных расходов и увеличение доходов, и т.п.

После оживленной дискуссии на рейтинговое голосование поставили три проекта постановления по первому вопросу повестки дня VIII съезда: проект глав республик и руководителей региональных администраций, проект Президента и проект Редакционной комиссии Съезда, отражавший позицию Хасбулатова и Рябова. По «очкам» (665 голосов), как и следовало ожидать, победил последний вариант и тем заслужил право быть принятым за основу.

То, что происходило после перерыва второго дня, демонстрирует, насколько неверны простые биполярные схемы политического размежевания на Съезде. Они рушились под натиском многообразных мотивов и влияний, замешанных на личных отношениях, корысти, страхе, шантаже и многом другом. Итак, после перерыва спикер обратился к депутатам с предложением: пока раздают новый текст постановления по первому вопросу, быстренько, сэкономив время, рассмотреть второй вопрос повестки дня Съезда. Тут же слово передается председателю Конституционного Суда В.Зорькину, который уполномочивает выступить своего заместителя Н.Витрука. Тот за пару минут успевает в самых общих словах, не вдаваясь в детали, напомнить депутатам о послании Конституционного Суда и обеспокоенности этого органа власти. И дает понять, что Конституционный Суд не имеет определенной позиции относительно того, какие выводы должны сделать депутаты из его послания.

Этим и воспользовался Хасбулатов. Он огласил проект постановления из трех формальных пунктов: послание Конституционного Суда принять к сведению; федеральным и региональным органам власти предложить привести в соответствие с Конституцией свои нормативные акты; Верховному Совету в месячный срок принять закон о механизме выполнения решений Конституционного Суда.

Постановление принимается за основу, и тут же предлагается голосовать «в целом», минуя этап обсуждения. Однако эту попытку пресекают сами депутаты: председатель шел на явное нарушение регламента и против интересов большинства депутатов.

Если вспомнить, что против включения в повестку дня этого вопроса возражал Президент, то возникает недоумение: к чему было подыгрывать оппоненту, предлагая беззубое постановление и пытаясь свернуть дискуссию? Однако объяснение находится позднее, когда дискуссия начинается и слово получает министр юстиции Николай Федоров. Это одно из самых резких выступлений на Съезде. Все оно было посвящено перечислению фактов присвоения законодательной властью полномочий исполнительной. Но именно эти вопросы и остались без внимания Конституционного Суда.

Верховный Совет, по словам министра, регулярно принимал хозяйственные решения, беспардонно вторгаясь в полномочия Правительства и грубо нарушая законы. Президиум Верховного Совета, функция которого — организация работы Верховного Совета, принимал нормативно-правовые акты и решения в финансово-бюджетной сфере. Н.Федоров привел примеры таких решений: «О приоритетном банковском обслуживании предприятий ядерно-энергетического комплекса», «О социально-экономическом положении Республики Бурятия», «Об Императорском Православном Палестинском обществе».

Вопиющими выглядели факты, свидетельствовавшие о том, что Председатель Верховного Совета превратил свой пост во второй центр исполнительной власти, издавая финансовые и хозяйственные распоряжения («О разрешении сдать в долгосрочную аренду земельные участки в таможенной зоне Ленинградской области», «Об упорядочении использования Черноморского побережья России в целях организации здорового отдыха населения» и т.п.). Создавались фонды, денежные средства из которого переводились по единоличным распоряжениям Р.Хасбулатова. Подобную практику начали применять и заместители Председателя Верховного Совета, которые своими распоряжениями утверждали, к примеру, инновационные программы.

Последовала дискуссия, не менее резкая, чем выступление министра юстиции. Немало обвинений сыпалось и на Президента, включая обвинения в причастности к афере с несуществующей «красной ртутью». Тем не менее все закончилось принятием такого же ничего не значащего постановления. Но бурная перепалка распалила стороны, особенно оппонентов Б.Ельцина, что сказалось на дальнейшем ходе Съезда.

Утром 12 марта депутаты начали рассматривать поправки к постановлению по первому пункту повестки дня с длинным названием «О мерах по осуществлению конституционной реформы в Российской Федерации (о постановлении VII Съезда народных депутатов Российской Федерации "О стабилизации конституционного строя Российской Федерации")». Какова ирония истории! Название этого постановления, явившегося спусковым крючком дальнейшей эскалации конфронтации, перекликается с названием будущего Указа Президента № 1400, который разрешил кризис,

порожденный этой конфронтацией: «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации».

Первой критической точкой дискуссии и всего Съезда стало голосование по поправке Президента, предложившего исключить из текста постановления пункт 2, которым отменялось постановление VII съезда, а вместе с ним и мораторий на применение нескольких поправок к Конституции, принятых на VII съезде в пылу политической борьбы. По оценкам, сделанным тогда же, они вступали в противоречие с другими частями Конституции, в первую очередь с принципом разделения властей, ставили исполнительную власть всех уровней в полную зависимость от Советов и резко ограничивали полномочия Президента.

Депутаты проголосовали за рассмотрение этой поправки, и на трибуну вышел министр печати и информации М.Федотов, сменивший в роли представителя Президента на Съезде С.Шахрая. Выступление его было коротким, что могло импонировать депутатам, но напоминало небольшую лекцию, что явно не понравилось. В итоге поправка Президента не прошла.

Послушно проголосовав за поправки, одобренные Редакционной комиссией, депутаты подошли ко второй критической точке. Чтобы не было сомнений в полученном результате, в проекте документа, в дополнение к пункту 2, был короткий пункт 7 следующего содержания: «Статьи 109, 110, 121-6 Конституции Российской Федерации ввести в действие в полном объеме с момента принятия настоящего постановления».

Разгромленный на первом оборонительном рубеже — пункте 2 постановления — Президент продолжал борьбу. Он взял слово, чтобы склонить депутатов проголосовать за свое предложение — изъять из постановления пункт 7.

Ельцин говорил о своих усилиях по достижению согласия, о готовности взять на себя ответственность за проведение референдума, но других аргументов явно не нашел, а потому невольно переходил на угрожающие нотки:

«Сейчас остается крайне небольшой набор средств, чтобы удержать стабильность ситуации. Если не будут приняты высказанные мной предложения, то Президенту придется искать еще какие-то дополнительные меры, для того чтобы обеспечить стабильность. *(Шум в зале.)* Вы о своем думаете, а я о другом. Вас обязательно тянет на улицу. Если не будут приняты эти предложения, то я действительно должен думать о дополнительных мерах, для того чтобы сохранить баланс властей в стране, сохранить все-таки хотя бы шатающееся, но равновесие, которое сегодня есть; сохранить все ветви власти, для того чтобы она усиливалась, для того чтобы все-таки нам в 1993 году действительно перейти к решению экономических вопросов, укреплению экономики и материального состояния людей».

Итогом выступления стал переход на его сторону около пятидесяти депутатов, но этого заведомо не хватало для победы. Так был сдан очередной рубеж.

Президент, до сих пор внешне невозмутимо следивший за ходом дебатов и только иногда в ответ на резкие выпады слегка покачивавший го-

ловой, в этот момент, когда на электронном табло высветились результаты голосования, встал и, плотно сжав губы, вышел из длинного, неуютного (сегодня уже не существующего) зала заседаний в Большом Кремлевском дворце. Угнетающая, агрессивная атмосфера Съезда стала для него невыносимой.

После короткого перерыва страсти накалились настолько, что ведущему заседание Ю.Воронину понадобилось не менее десяти минут, чтобы успокоить зал. Сначала депутаты дружно отклонили около двадцати поправок, не получивших одобрения Редакционной комиссии, а потом и вовсе решили прекратить обсуждение и, приняв постановление в целом, ушли на перерыв. В это же время у В.Черномырдина собрались руководители исполнительной власти субъектов Федерации, обеспокоенные происходящим на Съезде.

После часового перерыва, когда на месте председательствующего снова воцарился Р.Хасбулатов, выяснилось, что повестка дня еще не исчерпана. Вопреки принятому постановлению снова возникли вопросы о референдуме и досрочных выборах. Президента и Правительство поддержали руководители исполнительной власти субъектов Федерации. Хотя в обращении, которое от их имени зачитал депутат Ю.Маточкин, содержались в основном общие выражения обеспокоенности и не слишком конкретные призывы, оценка работы VIII съезда была: лидеры регионов выражали недовольство новым столкновением федеральных органов власти.

Председательствующий поставил на голосование предложение продлить работу Съезда еще на один день и получил поддержку. Депутаты начали обсуждать порядок дальнейшей работы, и их даже не очень отвлекло сообщение депутата М.Астафьева о том, что в Кремль «вошла колонна грузовиков с вооруженными людьми». (Чуть позднее уполномоченные Съездом депутаты выяснили, что это были снегоуборочные машины.)

После включения необходимых вопросов в повестку дня объявили небольшой перерыв, во время которого депутаты надеялись выслушать телевизионное выступление Президента, ложная информация о котором распространилась в зале. До конца дня депутаты заслушивали своих коллег, выступавших в жанре «Разное».

Третий по счету представитель Президента на Съезде вице-премьер В.Шумейко представил депутатам очередное ельцинское предложение: провести референдум 25 апреля 1993 года; поставить на референдум вопрос о принятии новой Конституции на Конституционной ассамблее. Однако Р.Хасбулатов, используя свою надежную опору — председателей областных и республиканских Советов, убедил депутатов не принимать решения о проведении референдума. Основной безотказный аргумент — опасность усиления сепаратистских тенденций в республиках.

Итог дискуссий был таков. Вопрос о досрочных выборах сначала уперся в проблему внесения поправок в Конституцию, которые предусматривали бы такую возможность, а в конце концов был сведен к поручению Верховному Совету рассмотреть целесообразность внесения соответствующих поправок. Вопрос о референдуме получил более четкое юридическое оформление: его проведение признать нецелесообразным, а деньги потра-

тить на строительство жилья для военнослужащих. И с досрочными выборами, и с референдумом было покончено.

Несомненно, VIII съезд был проигран Б.Ельциным по всем статьям. Существенная часть вины за провал лежала как на нем самом, так и на его команде. Слабая подготовка к Съезду; суета, непродуманность, в результате чего сменились три представителя Президента на Съезде; плохо согласуемые варианты президентских инициатив; неумение мобилизовать сторонников из числа депутатов — вот неполный перечень слагаемых поражения.

Представители демократических фракций расценили результаты VIII съезда как «конституционный переворот». Р.Хасбулатов настолько уверовал в окончательную победу, что в завершающем выступлении призвал депутатов немедленно ехать в регионы и проводить в жизнь решения Съезда. Фактически это был призыв к захвату власти на местах. В то же время он предупредил депутатов, что, возможно, им «скоро придется собраться вновь». Похоже, непримиримая оппозиция уже располагала какими-то сценариями на перспективу.

Заключительное выступление Председателя Верховного Совета было выдержано в оскорбительных для Президента и премьер-министра тонах. Предложения Ельцина о выходе из кризиса он отнес к «идеям-однодневкам». Прямо с трибуны Съезда он потребовал немедленной отставки министра иностранных дел А.Козырева и Председателя Госкомимущества А.Чубайса: «Я предлагаю Съезду снять сегодня с работы Чубайса». *(Шум в зале. Бурные аплодисменты.)* Хасбулатов уже чувствовал себя правителем России.

Президент слушал все эти пассажи с тем же мрачным, окаменевшим лицом. Осознав, что его возможности что-либо изменить на этом Съезде исчерпаны, сразу же после принятия постановления Съезда он демонстративно покинул зал и уехал в загородную резиденцию «Барвиха». «Больше я на этот Съезд не вернусь, скажите об этом депутатам», — бросил он по пути в машину.

В сущности, такой поступок означал его замешательство. Политического поражения такого масштаба он не ожидал. В личном плане он был уязвлен и поведением на Съезде премьер-министра В.Черномырдина, который в критический момент противостояния не только не покинул зала заседаний вместе с Президентом (Ельцин рассчитывал на это), но и рассыпался в благодарностях Съезду за предоставленное Правительству право законодательной инициативы.

В опубликованной 16 марта в газете «Советская Россия» статье под многозначительным заголовком «Агония» лидер российских коммунистов Г.Зюганов снисходительно поблагодарил В.Черномырдина. В этой же статье он как бы между прочим обозначил и ближайшую перспективу. «VIII съезд выполнил свою программу-минимум. Теперь слово за Верховным Советом и IX съездом народных депутатов, к которому надо уже сейчас основательно готовиться». Коммунисты и не скрывали своих целей: устранение Ельцина и возвращение компартии к власти.

Сразу же после завершения Съезда резко изменились комментарии западных СМИ и тональность заявлений западных лидеров. Явно встре-

воженные реальностью отката реформ и изменений во внешней политике России, официальные и неофициальные представители западных правительств один за другим заявляли о своей поддержке Б.Ельцина.

Из «невнятного» еще несколько дней назад Вашингтона послышался четкий голос. «Нью-Йорк таймс», цитируя высокопоставленного представителя Администрации, писала, что «Вашингтон не будет протестовать против решения Ельцина приостановить деятельность его парламента или отменить Конституцию, принятую в советское время... Вашингтон не перестанет оказывать мощную государственную поддержку Ельцину, если он возьмет на себя чрезвычайные полномочия... Если Ельцин приостановит деятельность антидемократического парламента, это вовсе не обязательно будет антидемократическим актом».

Выждав необходимую паузу, окончательную позицию Запада сформулировал новый Президент США Билл Клинтон: «Мы должны поддержать Б.Ельцина, так как он является законным избранником народа России. Этот человек — искренний демократ, страстно приверженный делу реформ, и я хочу продолжать с ним работать».

Мир комментировал результаты VIII съезда, а Б.Ельцин молчал. Он продолжал следить за реакцией на итоги Съезда из своей загородной резиденции, но никаких действий не предпринимал. Лишь через два дня, 15 марта, его пресс-секретарь сделал более развернутое заявление:

«Президент России Б.Н.Ельцин глубоко озабочен угрозой, нависшей над демократией и реформами. В адрес Президента поступают многочисленные обращения из регионов России, от предпринимателей, общественных организаций, от отдельных граждан с призывом остановить коммунистическую реставрацию. Президент изучает масштабы политического ущерба, нанесенного конституционному строю Российской Федерации Съездом».

«Пуля просвистела у виска»

(МАРТ 1993)

Указ, которого не было

В подготовленной для Ельцина записке «Юридические последствия принятия постановления VIII съезда «О мерах по осуществлению конституционной реформы в РФ» констатировалось: «Существенно нарушен конституционный статус Президента, допускается возможность фактического отстранения его от должности вопреки конституционной процедуре... По новой редакции статьи 121-6 решение о немедленном прекращении полномочий Президента может осуществляться без соблюдения каких бы то ни было гарантий правомерности такого решения... Введен в действие пункт 19 статьи 109 Конституции РФ о приостановлении действий указов и распоряжений Президента РФ Верховным Советом...»

В целом юристы насчитали семь направлений, по которым решениями Съезда статусу Президента был нанесен огромный ущерб.

Поражение Ельцина на VIII съезде народных депутатов серьезно обеспокоило активную часть российского общества. В последующие за Съездом дни резко увеличился поток корреспонденции с мест в адрес Ельцина. Основной темой писем и телеграмм был призыв: «Хватит уступать! Вы должны обратиться за поддержкой к народу!»

Демократическая пресса, подводя итоги Съезда, не без укора Ельцину писала, что его расчеты на «ничью» посредством «примиренческих инициатив» лишь привели к обострению кризиса власти. В ряде демократических СМИ появились публикации, высказывающие вообще сомнения в способности Ельцина к решительным действиям в защиту демократии и реформ.

Газета «Сегодня» писала о «политическом истощении Президента»:

«Дело в том, что за полтора года пребывания у власти Президент Ельцин стремительно одряхлел... Политическая зрелость Президента была подчинена грандиозной идее возрождения Российской Федерации как суверенного демократического государства. Его силы, его талант мобилизовала отчаянная ставка на молодую команду реформаторского Правительства, которое требовало постоянной опеки и защиты. Что же наполняет смыслом пребывание Ельцина у власти теперь — когда он вступает в «третий» политический возраст? Истощение — вот диагноз, который следовало бы поставить нынешнему российскому Президенту. Нужна стержневая идея, нужна перспектива, нужен, попросту говоря, ясный план. В Кремле их не видно».

Газета выражала мнение радикального крыла российской демократии. От Ельцина требовали не громких слов, не угроз, к которым оппозиция уже привыкла, а действий.

Сам Ельцин продолжал держать многозначительную паузу. Одни расценивали ее как подготовку к решительным действиям, другие как растерянность. Верным было и то и другое. Психологическое состояние Президента в первые дни после Съезда усугублялось тем, что он так и не научился работать в «коллективном режиме», в тесном контакте с ближайшими помощниками. В тягостные для него дни он уединялся, ограничивал и без того не слишком обильные контакты с внешним миром. Пресс-службе все чаще приходилось прибегать к формуле, придуманной первым помощником В.Илюшиным, — «Президент работает с документами», что часто соответствовало действительности, однако не требовало затворничества.

Внешнеполитические функции между тем обязывали Ельцина присутствовать на публике. 15 марта в Москве с государственным визитом находился Президент Франции Франсуа Миттеран, который от лица западных демократий, но со свойственной ему сдержанностью продемонстрировал поддержку российскому Президенту. На совместной пресс-конференции он сказал:

«Мы говорили о том, что следовало бы сделать, для того чтобы демократические силы, выступающие за реформу, победили в этой борьбе. Разумеется, я не намерен вмешиваться во внутреннюю политику этого государства, но эти проблемы касаются всей Европы».

Ф.Миттеран подтвердил желательность участия Б.Ельцина в предстоящем совещании «семерки» ведущих государств мира. Это была еще одна, косвенная форма поддержки.

С точки зрения тактики упомянутая пресс-конференция таила в себе некоторые опасности. К этому моменту Президент уже принял решение о том, что напрямую обратится к народу и объявит о предстоящем референдуме, который был запрещен Съездом. В недрах Службы помощников уже готовился Указ «Об особом порядке управления до преодоления кризиса власти», фактически вводивший президентское правление. В кремлевском окружении опасались, что Б.Ельцин со свойственной ему прямотой и откровенностью каким-то неожиданным пассажем раскроет существование этого плана.

В президентском архиве хранится записка пресс-секретаря с соответствующим предостережением:

«Борис Николаевич, хочу предостеречь Вас относительно пресс-конференции с Ф.Миттераном. Очевидно, что журналисты проявят большую настойчивость, стремясь выведать Ваши намерения. Лучше всего отделаться очевидными констатациями типа: результаты Съезда внушают серьезные опасения; Съезд не разрешил, а углубил конституционный кризис; вызывает сожаление, что Съезд высокомерно отказал народу в референдуме; изучаю масштабы политического ущерба, нанесенного Съездом, конституционному государственному строю Российской Федерации... Самые серьезные оценки и выводы нужно оставить для Вашего прямого обращения к россиянам. И это нужно сделать не на пресс-конференции с иностранным гостем».

Этот совет был услышан. Ельцин, сохранявший уникальную, почти фотографическую память на тексты, в ответе на вопрос французского корреспондента полностью воспроизвел предложенные формулировки.

В это время в Службе помощников Президента было подготовлено несколько вариантов обращения Ельцина к народу, разнящихся степенью жесткости. Но все эти тексты содержали в конце «отточия» — место, где после слов «В этой связи я объявляю...» следовала наиболее деликатная часть обращения, позднее ставшая известной как Указ Президента от 20 марта 1993 года за № 379.

Этот документ, целью которого было удержать декабрьские договоренности, готовился в Кремле примерно недели две без большой секретности, то есть предлагались варианты, обсуждался текст, визировался документ в целом. Он был передан на визу и вице-президенту А.Руцкому, и Ю.Скокову, секретарю Совета безопасности. И тот и другой поставить свои подписи отказались, но кто-то из них снял с проекта (даже еще не окончательного варианта) копию и передал в Белый дом депутатам.

Таким образом, сведения о подготовке Указа просочились за стены Кремля. 17 марта председатель Конституционного Суда В.Зорькин, находившийся с визитом в США, срочно вернулся в Москву, по его словам, «в связи с тем, что активизировалась дискуссия о различных вариантах конституционно-политического развития России».

19 марта он созвал большую пресс-конференцию. Было заметно, что на него произвела впечатление поддержка, которая была высказана Ельцину его официальными собеседниками в Вашингтоне (В.Зорькин встречался с Б.Клинтоном и спикером палаты представителей Конгресса США Т.Фоли), и он был крайне осторожен в высказываниях. У слушателей создалось впечатление, что политические симпатии председателя Конституционного Суда даже склонились в пользу Ельцина: «США поддерживают Президента России и я поддерживаю, поскольку Б.Ельцин является правовым Президентом».

В.Зорькин отрицал (лукавил, как вскоре обнаружилось), что его срочное возвращение в Москву связано «с разговорами о президентском правлении», но тем не менее подчеркнул, что такой вариант его очень беспокоит: «В Конституции, как и в законах, этих слов нет».

Анализируя последовавшие события, можно предположить, что он прервал свой визит в США по настоятельной просьбе Р.Хасбулатова, который был в курсе приготовлений Ельцина и хотел, чтобы в острый момент Председатель Конституционного Суда был под рукой.

Еще одна «утечка» о намерениях Ельцина произошла после заседания Президентского совета, проходившего 17 марта в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца. В нем участвовали 25 человек, и дискуссия была весьма откровенной. Понятно, что при таком стечении народа сохранить конфиденциальность крайне сложно. Впрочем, к этому особенно и не стремились, так как «тактика запугивания» оппозиции была одним из излюбленных приемов Президента.

В сущности, Б.Ельцин уже принял для себя решение о том, что обратится к народу, и свое короткое выступление на Президентском совете на-

чал со слов: «Через два дня я выступлю с Обращением к народу. Мне нужны ваши оценки и позиции». Президенту хотелось укрепиться в уже принятом решении, и, зная состав Президентского совета, он был уверен, что здесь его поддержат. Он не ошибся. Варьировались слова и степень энтузиазма, но общая оценка намерений Президента была положительной.

Приведем фрагменты выступлений:

А.Казанник. Судя по настроениям в Омской области президентское правление получит одобрение большинства...

С.Ковалев. Шаги не могут быть не резкими. Разговоры о компромиссе неуместны. Компромисс не с кем заключать, так как отсутствует партнер.

Л.Смирнягин. Съезд политизировал общество. Многие осознали реальность опасности «советизации». Нельзя идти на большие уступки региональным властям. На местах многие главы Советов — бывшие коммунисты. Когда они говорят об угрозе сепаратизма, они блефуют. В народе этого нет.

В.Волков. Съезд — это саморазоблачение... Но население сильно дезориентировано. Нужен очень точный и ясный сценарий действий Президента. Нужно вбрасывать два тезиса — «Президент — гарант единства России» и «Президент — гарант реформ». И нужно, наконец, реабилитировать патриотизм, но под знаменем Президента. Чувство государственности свойственно русскому народу.

Г.Сатаров. Линия на сотрудничество исчерпана. Просматривается следующий вектор развития событий: либо уничтожение президентства, либо у Президента остаются «королевские» полномочия (чисто представительские функции. — *Авт.*). Выходить из кризиса нужно без Съезда и без Верховного Совета. И только референдум, а не плебисцит.

Д.Волкогонов. Произошло саморазоблачение Съезда и руководства Верховного Совета. Нужен курс на согласие со здоровыми силами, но с твердых позиций. Предстоит острая борьба за телевидение и радио.

Д.Гранин. Ощущается нехватка поступков у Президента. Но больше-то идти не за кем. Конечно, не хочется нарушать Конституцию, но ведь безвыходное же положение. Власть захвачена людьми, которым нет дела до России. А в Конституционный Суд в том виде, в каком он есть, я не верю.

С.Шахрай. Особых трудностей с обоснованием введения президентского правления я не вижу.

Ю.Батурин. Окончательный переворот произойдет на IX съезде. Агрессивность Съезда обусловлена тем, что Съезд осознал, что он как институт власти доживает. Но в обществе есть страх перед безвластием и анархией. Президент должен создавать защиту от страха. Он должен сказать — я беру ответственность на себя.

Б.Грушин. Должен заметить, что у нас существует неправильное понимание сути кризиса власти. Речь идет не о борьбе Президента с Верховным Советом, а тем более с Хасбулатовым. Идет борьба большевистской власти с реформаторами. Надо, чтобы люди поняли, что идет борьба между остатками тоталитаризма и обновляющейся Россией. Волкогонов говорит о согласии со здоровыми силами... А где они? «Гражданский союз» — это

фиктивная сила. У Вольского как у возможного кандидата в Президенты — 0,6% голосов, у Бабурина — 0,1% голосов. У них нет программы. Надо идти на союз с народными массами. Этот союз нарушен.

А.Яблоков. Произошла узурпация власти. Конституционный Суд не союзник Президента в честной игре. Это нечестный партнер. Нужно опираться на новые рыночные структуры, а не на мифические партии. Компартия — это не миф, это реальная сила, и она может расти. В этом опасность.

Э.Паин. Саморазоблачение Съезда дает Президенту исторический шанс, сравнимый с августом 1991 года. Съезд надо просто игнорировать.

Е.Гайдар. От экономики в ближайший год ничего хорошего ждать не приходится. Поэтому если что-то предпринимать, то надо предпринимать сейчас. У Президента нет кадровой политики, поэтому вокруг так много двурушников. Нужно создавать демократическую партию или коалицию партий. Сейчас для этого уникальный момент.

В.Каданников. Самое худшее — это когда нет власти. Съезды стали анахронизмом. Я за президентское правление. Нужна максимальная жесткость, и в очень короткое время... На Съезде не была ясна позиция Правительства, особенно при его закрытии.

А.Емельянов. Компромисс с Верховным Советом и депутатами исчерпан. В Конституционный Суд я не верю. Зорькин — не защитник Конституции. Нужны жесткие меры. Какие не знаю. Нужен жесткий период стабилизации в экономике и в борьбе с преступностью. И нужно потребовать от прокуратуры разобраться с КПСС. Коммунисты воссоздают свои парторганизации. В МГУ первыми восстановили парторганизацию. Это же позор!

Г.Попов. За всем стоит КПСС. «Патриоты» — это шушера. Реальные игроки — КПСС. Президент столкнулся не с Хасбулатовым, он столкнулся с реваншем КПСС, причем КПСС старого типа. В компартии взяли верх самые консервативные силы. Реформаторы в партии потерпели поражение. Надо переходить в наступление. Правовые варианты борьбы ничего не дадут. Конституционный Суд — не опора для Президента. Надо нанести удар по КПСС.

А.Собчак. Вариантов для маневров не осталось. Либо отставка Президента, либо решительное наступление. Я готов предоставить тезисы для выступления Президента.

Ю.Карякин. Я поддерживаю регулярную связь с Солженицыным. Александр Исаевич поддерживает Бориса Николаевича. Считает, что нужно вводить президентское правление, защищать принцип частной собственности и кончать с коммунизмом».

В эти же дни в Москве прошли многочисленные собрания представителей творческой и научной интеллигенции. От Президента требовали решительных действий, референдума. Идея президентского правления находила широкую поддержку.

Наконец 20 марта 1993 года в полдень состоялась запись Обращения Президента, и кассету с пленкой сразу же увезли в «Останкино». Решили

пустить ее в эфир после «Новостей», начинающихся в 21 час. «Новости» будут короче, чем обычно, и, таким образом, Обращение прозвучит в 21 час 30 минут.

В Обращении, записанном для телевидения, Б.Ельцин сказал, что подписал Указ «Об особом порядке управления до преодоления кризиса власти». На самом деле работа над проектом Указа еще продолжалась.

Две главные его позиции заключались в следующем:

1) На 25 апреля 1993 года назначается голосование о доверии Президенту и вице-президенту Российской Федерации (поскольку они избирались вместе). Одновременно должно пройти голосование по проекту новой Конституции и проекту закона о выборах в федеральный парламент.

(О референдуме не говорилось сознательно, поскольку по действовавшей Конституции референдум назначал Съезд народных депутатов, а объявлял его — Верховный Совет. Учитывая последние шаги депутатов, сорвавших референдум, назначенный на 11 апреля, невозможно было ожидать, что они согласятся на новый референдум через две недели. Поэтому обкатывались иные формулировки — типа «голосование», «плебисцит» и т.п.)

2) Любые решения государственных органов и должностных лиц, направленные на отмену или приостановление указов и распоряжений Президента и постановлений Правительства, не будут иметь юридической силы.

После записи Обращения, не дождавшись его показа по телевидению, Ельцин уехал на дачу. Несколько позже В.Илюшин повез ему на подпись подготовленный уже окончательно текст Указа.

В Кремле копию неподписанного Указа запечатали в пакет, который в 21 час должны были отправить машиной на телевидение. Передавать же текст в эфир можно было только по команде первого помощника, после того как президент поставит подпись под Указом на президентском бланке.

В 20 часов 55 минут раздался звонок от Илюшина с лаконичным: «Везите». Как и было договорено, пакет отправили в «Останкино». В 21 час 20 минут, когда он уже был на телевидении, последовала новая команда: «Обращение в эфир идет, Указ — нет».

Президент принял такое решение в последнюю минуту из осторожности, основываясь на интуиции. В эфир пошел текст Обращения: «Страна больше не может жить в обстановке постоянного кризиса... Фактически запущен маховик антиконституционного переворота... В этих условиях Президент вынужден взять на себя ответственность за судьбу страны... Сегодня я подписал Указ об особом порядке управления...». Президент объявил о назначении референдума на 25 апреля 1993 года.

Вскоре улица Королева перед телецентром в Останкино заполнилась «членовозами»*, машинами сопровождения со спецсигналами, милицией. В полночь в новостях объявили, что через несколько минут по второму каналу выступят А.Руцкой, В.Зорькин, В.Степанков и заместитель Председателя Верховного Совета Ю.Воронин — усеченная при отсутствии Р.Хасбулатова — антипрезидентская рать. И действительно, популярная музыкальная передача была прервана, и вся четверка появилась на экране.

* Так еще в советское время в народе назывались огромные лимузины, в которых могли ездить только члены политбюро ЦК КПСС. Позже это ехидное и двусмысленное название «приклеилось» ко всем правительственным машинам.

Чем-то это напоминало явление в августе 1991 года членов ГКЧП. В своих выступлениях они осудили Обращение Президента. Председатель Конституционного Суда В.Зорькин, убеждая Президента найти иные средства для выхода из конституционного кризиса, фальшиво призвал: «Борис Николаевич, будьте нашим де Голлем!»

На следующий день Верховный Совет принял постановление, в котором расценил Обращение и еще неопубликованный Указ Президента как покушение на конституционные основы российской государственности. Р.Хасбулатов обозвал Указ «опусом» (наименование «Об особом порядке управления до преодоления кризиса власти» он переделал в «Особый Порядок Управления Страной»). Депутаты приняли решение обратиться в Конституционный Суд с запросом о проверке конституционности действий и решений Президента и к Генеральному прокурору с предложением привлечь к ответственности лиц, принимавших участие в подготовке Обращения Президента. На следующий день в Конституционный Суд стали вызывать сотрудников Администрации Президента и членов Президентского совета. Приглашения в прокуратуру получили спичрайтеры Ельцина.

Не имея ничего, кроме текста телевизионного Обращения Президента и — неофициально! — рабочей копии с одного из предварительных вариантов проекта Указа, Конституционный Суд признал ряд положений Обращения не соответствующими Конституции.

Производство по данному делу осуществлялось с серьезными нарушениями процессуальных норм, предусмотренных Законом о Конституционном Суде. Интересно, что официальное издание КС «Вестник Конституционного Суда Российской Федерации» не содержит даже упоминания об этом деле.

25 марта Указ Президента был наконец обнародован, но уже в несколько измененном, «отретушированном» виде.

Итак, действия, к которым Ельцина призывал Президентский совет, а в сущности, вся демократическая общественность, начались. Однако тут же выявились и осложнения. Участники Президентского совета точно в воду глядели, когда предупреждали Б.Ельцина, что он не может рассчитывать на поддержку Председателя Конституционного Суда. Этой опасности в Администрации не придали должного значения. Президент и его помощники были введены в заблуждение теми заявлениями, которые В.Зорькин сделал сразу же после срочного возвращения из США в Москву.

И наоборот, В.Зорькин полностью оправдал надежды Председателя Верховного Совета. В сущности, он как бы заранее подготовил юридические обоснования для возможной процедуры импичмента. Р.Хасбулатов не преминул воспользоваться этой подсказкой. 26 марта 1993 года открылся IX внеочередной съезд народных депутатов. Решение о его созыве было принято фактически без обсуждения на Верховном Совете группой лиц, входивших в его Президиум.

Однако позиции сторон четко определились еще 24 марта, когда в Кремле состоялась встреча Б.Ельцина, Р.Хасбулатова, В.Зорькина при участии премьер-министра В.Черномырдина. Президент предпринял последнюю попытку договориться: он не хотел ни проведения этого Съезда, ни разрешения резко обострившегося кризиса посредством силовых методов

(разгона Съезда). Ельцин был в курсе закрытых контактов Хасбулатова с генералом А.Стерлиговым, за которым стояли консервативные армейские круги. Стерлигов был близок также и к вице-президенту А.Руцкому, ставшему в открытую оппозицию Президенту, и одно время был его помощником по подготовке реформы силовых структур.

Связи Стерлигова (до ноября 1991 года он работал на высоких должностях в КГБ СССР) делали его крайне опасным для Президента. В феврале 1992 года он стал сопредседателем движения «Офицеры за возрождение Отечества», фактически одним из лидеров армейской оппозиции, поддерживавшей тесные контакты с консервативным крылом Верховного Совета, в котором, кстати, было немало отставных военных.

«Ни о чем не договорились», — мрачно бросил Ельцин своему пресс-секретарю, выйдя из Ореховой комнаты, где проходила полуторачасовая встреча. Президента возмутили не только политические претензии спикера, но и грубая, самоуверенная манера, в которой тот вел разговор. Так ведут себя, когда не хотят ни о чем договариваться. Ведь сценарий IX съезда народных депутатов, нацеленный на импичмент, был уже детально расписан, и мир с Президентом в нем не предусматривался.

Продолжая лицемерно утверждать, что главная цель предстоящего съезда — «вернуть Президента в конституционное поле», Хасбулатов на этой встрече фактически предъявил Ельцину ультиматум. Он требовал формирования Правительства национального согласия (это означало бы свертывание реформ), изменения статуса указов Президента, ликвидации Федерального информационного центра и института представителей Президента в регионах, пересмотра законодательства, регулирующего работу электронных СМИ (подчинить телевидение своему контролю было давней мечтой спикера). Кроме того, Председатель Верховного Совета потребовал предать правосудию лиц, ответственных за подготовку неконституционных, по его мнению, актов, в том числе и авторов Обращения Президента. По сути дела, Хасбулатов потребовал от Ельцина, чтобы тот «сдал» своих ближайших сотрудников.

Несмотря на то что участники встречи договорились о конфиденциальности разговора, Р.Хасбулатов рассказал о своих требованиях на сессии Верховного Совета, куда поехал сразу же после этой встречи. Тональность его выступления свидетельствовала о полной уверенности: дни Ельцина как Президента сочтены.

Схватка

Мрачным предзнаменованием прозвучала информация об открытии в Москве именно в день начала работы IX съезда народных депутатов съезда КПСС, точнее — ее маргинальных осколков. Было ощущение, что «политические стервятники» уже расселись по деревьям, чтобы по сигналу об импичменте наброситься на завоевания реформ.

Б.Ельцин был крайне обеспокоен. Он не любил подвешенных ситуаций, не любил неясности, а его отношения со съездами стали именно таковыми. Это патовое состояние С.Шахрай на узком совещании в Кремле

еще 5 марта 1993 года определил так: «Съезд не может убрать Президента, Президент не может запретить Съезд». Но теперь казалось, что Съезд уже близок к тому, чтобы убрать Президента.

Проведение крайне агрессивного Съезда именно в Кремле таило не только политическую, но и конкретную физическую опасность для Ельцина. Если бы импичмент состоялся, то вице-президент А.Руцкой был бы автоматически провозглашен исполняющим обязанности Президента непосредственно в Кремле. Учитывая неуравновешенность этого человека, нельзя было исключать каких-либо экстравагантных поступков с его стороны. Мог, например, возникнуть соблазн изолировать Ельцина прямо в здании Большого Кремлевского дворца. И Съезд с восторгом принял бы соответствующее постановление.

Разумеется, в распоряжении Ельцина имелся Кремлевский полк, личная охрана, но и оппозиция может подготовиться к радикальному развитию событий. О таком варианте предупреждал, в частности, такой информированный человек, как главный редактор газеты «Аргументы и факты» В.Старков, приезжавший в Кремль 25 марта. «В случае импичмента Руцкой немедленно будет объявлен Съездом исполняющим обязанности Президента и сможет издавать указы... Вы же понимаете, что в случае импичмента всем вам отсюда прямая дорога в тюрьму, если не хуже...» — сказал он в одной из личных бесед с В.Костиковым.

«Силовое» окружение Президента тоже не исключало такого варианта. Начальник Главного управления охраны РФ и по совместительству комендант Московского Кремля М.Барсуков предложил закрыть Большой Кремлевский дворец на ремонт, чтобы не допустить проведения там Съезда. И 9 марта Президент подписал распоряжение о «плановом ремонте».

В огромном зале заседаний БКД, который по решению Сталина был сооружен из двух исторических залов Кремлевского дворца, начали снимать ряды партера и стол президиума. Думали и о том, как демонтировать и вынести из зала огромную из мраморного монолита скульптуру Ленина, которая высилась за спиной президиума. Когда ее устанавливали, пришлось разобрать даже часть стены Кремлевского Дворца. Была идея распилить скульптуру на месте и вынести по частям, но М.Барсуков (кстати, большой знаток кремлевской старины) не решился на такую акцию, и монументального Ильича просто задрапировали холстом.

Однако вскоре все «плановые работы» прекратились. Предпочтение отдали другому сценарию, решив, что Президенту будет легче контролировать ход дискуссии и голосования, если Съезд будет проходить на собственной, хорошо охраняемой, просматриваемой и прослушиваемой территории. В своих «Записках Президента» Борис Николаевич лишь слегка намекнул на существование «деликатного» сценария своих действий. «Но что делать, если все-таки отстранение от власти произойдет? Я не боялся этого варианта. Я был готов к нему...»*

Аналитический центр Администрации Президента давал весьма неутешительные «срезы ситуации». Руководитель центра А.Ракитов в доклад-

* Ельцин Б.Н. Записки Президента. С. 310.

ной записке Б.Ельцину писал: «У большинства депутатов преобладает негативное отношение к Президенту. Так, например, 55% опрошенных выразили мнение о необходимости его отставки. Против отставки Президента высказались 39% парламентариев и 5% затруднились ответить. Однако такое распределение ответов характеризует скорее общее умонастроение депутатов, нежели их готовность к объявлению импичмента Президенту... Контрольный вопрос о достижении согласия между Съездом и Президентом показал, что 55% из них усматривают определенные шансы для компромисса, 42% считают, что шансов достижения согласия нет».

Анализ, проведенный в Кремле, показывал, что по голосам импичмент не проходит. Но Б.Ельцина это не успокаивало, он обоснованно боялся непредсказуемого поведения депутатов, которые на предыдущем VIII съезде неоднократно впадали в состояние, близкое к коллективному психозу.

Не меньше, чем импичмента, Президент опасался того, что Съезд запретит проведение референдума, на который он сделал уже основную ставку. Накануне открытия Съезда в Службу помощников зашел С.Шахрай и предсказал возможное, на его взгляд, развитие событий: депутаты подведут дело к самому импичменту, но голосовать за отстранение Президента не станут, а вместо этого проголосуют за досрочные выборы Президента и депутатов. Это «размажет референдум», то есть сделает его бессмысленным.

Словом, и тот и другой сценарии были плохи и не прибавляли Президенту уверенности. Это было заметно невооруженным глазом во время его встречи с главами российских республик, председателями Советов и главами администраций. Во встрече участвовала и группа депутатов. Президент выглядел усталым, лицо одутловатое, серое. Помощники знали, что он плохо спит по ночам, но депутаты, естественно, заподозрили другое. «Другое» в эти напряженные дни тоже случалось. После краткого вступительного слова, едва дождавшись перерыва, Президент уехал. Впрочем, и этот незапланированный отъезд, который рассердил участников встречи, Президент использовал как скрытую угрозу: был сделан намек, что он уехал на встречу с силовыми министрами.

В качестве орудия давления Б.Ельцин использовал и свое телевизионное выступление накануне открытия IX съезда. Кстати, еще тогда он сомневался, стоит ли пускать в Кремль народных депутатов. Внося последнюю правку в текст выступления, во фразе «Второй раз в этом месяце российские депутаты собираются в Большом Кремлевском дворце» Борис Николаевич вычеркнул «в Большом Кремлевском дворце» и вставил «в Москве». Даже накануне Съезда он колебался.

Формально выступление Президента было адресовано всему населению и начиналось — «Уважаемые сограждане», но, по существу, это было обращение к депутатам. Это было и последнее предостережение, и просьба еще раз взвесить последствия возможного импичмента, и плохо скрываемая угроза. «Сегодня можно сказать определенно: консервативными и коммунистическими силами начал проводиться в жизнь один из сценариев свержения Президента... Знаю, что в недрах Верховного Совета тайно готовят новые поправки к Конституции. Возможно, их неожидан-

но предложат IX съезду, чтобы... придать ей (Конституции. — *Авт.*) еще большую антипрезидентскую направленность. Помните, если Съезд примет исторически неправильные решения, они ввергнут народ в пучину противостояния».

На этот раз он был готов не только к словесным маневрам. За несколько дней до открытия Съезда группа спичрайтеров получила дополнительное поручение подготовить вариант Обращения Президента «К гражданам России» на случай, если Съезд «пойдет вразнос» и будет развиваться по худшему сценарию. Аналогичное устное распоряжение В.Илюшина получил и пресс-секретарь Президента В.Костиков. В сущности, это были задания сделать словесную «аранжировку» решения о приостановлении деятельности или роспуске Съезда.

Ситуация вполне оправдывала такого рода подготовку. Ведь в случае прохождения импичмента страна могла оказаться ввергнутой в хаос. Вот вариант возможного развития событий, очерченный Е.Гайдаром в его мемуарах: «Съезд голосует за импичмент, вице-президент А.Руцкой провозглашается исполняющим обязанности Президента и принимает присягу, Ельцин отказывается сложить полномочия. В стране два президента, возможно, два премьера и наверняка по паре министров обороны, внутренних дел. Кто может сказать, как поведут себя силовые министры, не обернется ли это боями в Москве?»*

Серьезной моральной поддержкой для Президента стало «Открытое письмо конституционным судьям России», распространенное группой известных российских юристов, в котором подвергались критике выводы Конституционного Суда, дававшие основания для импичмента. Письмо подписали Ю.Антонян, А.Венгеров, В.Звирбуль, Б.Здравомыслов, А.Игнатов, А.Ковлер, Е.Козлова, О.Кутафин, А.Ларин, Р.Лившиц, Л.Мамут, В.Мушинский, В.Савицкий, Л.Симкин, В.Туманов, М.Федотов, В.Эминов, А.М.Яковлев.

«Мы помним, — говорилось в письме, — что решения КС окончательны, обжалованию не подлежат и могут быть пересмотрены только самим Судом... Нам хочется верить, что ошибка будет исправлена, ибо нет у судьи большей ценности, чем его честное имя». Это была прямая апелляция к совести Председателя КС В.Зорькина, однако он этого призыва не услышал.

Поддержка Ельцину шла в то время из самых разных мест. В частности, в Кемерово исполком Независимого профсоюза горняков и Совет рабочих комитетов 24 марта приняли постановление, осуждавшее созыв IX съезда народных депутатов. Горняки подтвердили готовность начать с 1 апреля забастовку и заявили, что при попытке импичмента оставляют за собой право и на более решительные действия.

Но, пожалуй, большее воздействие на настроение Б.Ельцина, депутатов и всего населения оказала активная позиция СМИ в защиту Президента. Журналисты в очередной раз подставили ему плечо. Накануне Съезда в Москве состоялся грандиозный ночной митинг-концерт в поддержку Б.Ельцина, в котором приняли участие звезды театра, кино и эстрады,

* **Гайдар Е.** Дни поражений и побед. М., 1996. С. 264.

а телевидение и радио, как могли, разрекламировали его. Это был мощный эмоциональный всплеск, который не мог не воздействовать на депутатов.

Собравшись утром 26 марта 1993 года в Большом Кремлевском дворце, они вряд ли предполагали, что будут участниками последнего своего Съезда. Начиналось все довольно спокойно. После небольшой «разминки» по повестке дня слово предоставили председателю Конституционного Суда. Его выступление не содержало объективного анализа причин кризиса, вместо этого — краткое изложение новейшей истории взаимоотношений ветвей власти, общие слова о еще сохранившихся возможностях примирения.

Поскольку в средствах массовой информации последние дни часто появлялась критика действий Конституционного Суда, то существенное место было отведено оправданиям:

«У нас возникает вопрос, когда в прессе сейчас критикуют наши действия: мы что, не имели права направить это обращение Президенту, хотя бы воспользовавшись пунктом 6 статьи 21 Закона о Конституционном Суде? И вообще, Закон о Конституционном Суде прописан на нормальные условия, когда полномочия законодательной и судебной властей не блокируются. А как быть, когда складываются экстремальные условия?! Исходя именно из них, Суд и выбрал такой вариант своих действий, без осуществления которых конституционный строй мог оказаться незащищенным».

Возможно, сам не желая того, он почти вплотную приблизился к сути конфликта. Действительно, Закон о КС был «прописан на нормальные условия», под которыми следовало понимать отсутствие рудиментов советской системы, проявлявшихся прежде всего в виде полновластия Съезда. Но раз уж КС был встроен в полусоветскую конструкцию власти, он должен был содействовать правовому вытеснению советских рудиментов из государственного механизма. Однако В.Зорькин и большая часть других конституционных судей в 1992—1993 годах занимали в основном антиельцинскую позицию.

Причина этого отчасти кроется в том, что профессиональных юристов с более или менее устоявшимися демократическими взглядами в первый состав Конституционного Суда прошло не так уж и много. Среди них можно отметить в первую очередь Э.Аметистова, Т.Морщакову, А.Кононова. Не будем забывать, что первых судей назначал Съезд народных депутатов, который отверг многих либерально настроенных юристов, вроде М.Федотова и Б.Золотухина.

Это, однако, только часть ответа. Другая — в безумии самой ситуации, изначально «беременной» конфликтом. Решения КС в целом соответствовали действовавшей в то время Конституции РСФСР 1978 года. Но парадокс в том, что сама Конституция не соответствовала праву, поскольку право — это далеко не только набор формальных норм, но это еще и общепризнанные принципы, которые делают право более высоким понятием, чем понятия «закон» и даже «конституция». Если законы и Конституция порождены строем, при котором «права человека», «политическая, экономическая и духовная свобода», «частная собственность» и т.п. официально считаются враждебными, «буржуазными» категориями, при котором само

право понимается как «воля господствующего класса, возведенная в закон», то и апелляция к таким законам и к такой Конституции не может считаться в полном смысле правовой. Ее порочную наследственность невозможно было изменить многочисленными, к тому же противоречивыми поправками.

Именно об этом, о соотношении «права» и «не-права», говорилось в послании Президента «О конституционности» от 24 марта 1993 года. Текст послания буквально на одном дыхании, сидя на подоконнике в 1-м («сенатском») корпусе Кремля, подготовил Ю.Батурин, тогда еще «свободный юрист», только что введенный в состав Президентского совета. (На одном дыхании, потому что Ельцин, которому Ю.Батурин накануне сказал, что попробует в течение недели подготовить его послание на эту тему, потребовал текст «через час» — к встрече с Р.Хасбулатовым и В.Зорькиным.)

Приведем его целиком:

«О конституционности

Послание Президента Российской Федерации Верховному Совету РФ.

Президент Российской Федерации с тревогой следит за нарастанием конституционного кризиса в стране, особенно в связи с последними решениями Верховного Совета Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации.

Президент Российской Федерации не намерен входить в данном меморандуме в конкретности применительно к указанным решениям. Президент исходит из того, что сами высшие органы представительной власти и конституционного контроля могут и должны добиваться правовой и нравственной чистоты собственных постановлений, если они со своей стороны хотят оспаривать конституционность и правильность мер, принимаемых главой исполнительной власти.

Озабоченность Президента Российской Федерации в данном случае связана с более фундаментальным вопросом. Он касается природы становящегося российского конституционализма, опасностей, которым он сегодня подвергается, а также отношения к нему со стороны властей.

Полагаю необходимым довести настоящие соображения до сведения Верховного Совета Российской Федерации во избежание неправильного понимания моей позиции в данном вопросе и последующих шагов.

1. Забвение конституционности

26 февраля 1993 г. мною было направлено послание Верховному Совету Российской Федерации с просьбой внимательно отнестись к ежегодному посланию Конституционного Суда Российской Федерации о состоянии конституционной законности в стране. Прежде обратился к председателю Конституционного Суда с настоятельной просьбой ускорить подготовку ежегодного послания.

Крайне сожалею, что Конституционный Суд отнесся к моему беспокойству нарастающим углублением конституционного кризиса в стране в значительной степени формально, подготовив рядовой отчет о проделанной работе.

Но Съезд народных депутатов поступил еще более формально, переадресовав послание Верховному Совету и отведя на содоклад о состоянии конституционной законности всего несколько минут. Неужели депутаты

полагают, что рассмотрение такого сложного вопроса, как конституционность в стране, — минутное дело?

Предлагаю народным депутатам вспомнить о забытом конституционном послании и начать свои слушания об антиконституционности тех или иных шагов именно с него. Здравый смысл подсказывает, что действовать надо последовательно. Перепрыгивая правовые ступеньки на пути к заветной цели в противоборстве властей, вы принимаете на себя свою долю вины за распад конституционности. Прошу народных депутатов помнить, что народ должен получить отчет о результатах рассмотрения направленных вам посланий.

2. Шаткость конституционности

Конституционное состояние страны сегодня весьма шаткое. Закрывать глаза на это недопустимо. За словами «конституционность», «конституционная законность», «конституционный контроль» стоит довольно приблизительное содержание, их все чаще толкуют в зависимости от политической конъюнктуры. Но каково их соотношение, какова их процессуальная взаимосвязанность, каковы их правовые, справедливые рамки? Такими вопросами ни Верховный Совет, ни Конституционный Суд, к сожалению, не задаются. Нет ответа и на самый главный вопрос: с точки зрения правовой справедливости или справедливости права — какова конституционность Конституции? Зато утверждения об антиконституционности действий, решений и даже слов даются с беспримерной легкостью. Глубоко сомневаюсь, что все выступления руководителей Верховного Совета, Конституционного Суда четко соответствуют высоким конституционным стандартам.

Ни для кого не секрет, что конституционная основа у нас противоречива уже на уровне конституционных аксиом. В Верховном Совете имеются десятки экспертных заключений, да и собственных проработок на этот счет, касающихся действующей Конституции Российской Федерации.

Противоречивая база с неизбежностью порождает и противоречивые оценки. Одно и то же деяние может быть признано как конституционным, так и неконституционным и даже антиконституционным, и все три приговора будут доказаны безупречно в смысле правильной постановки номеров статей, частей и ссылок на действующую Конституцию. Но с позиции права как справедливости из этих трех решений верно только одно. Есть у депутатов уверенность в собственной категоричной правоте? И не обернется ли их ошибка трагедией для судьбы России?

3. Конституционная ошибка

На противоречивом конституционном фундаменте не может быть возведена прочная, безошибочно рассчитанная правовая постройка. Поэтому ошибочные и опротестованные или могущие быть опротестованными решения всех ветвей власти исчисляются десятками, если не сотнями.

Российская государственность только-только формируется. Хорошо бы иметь безупречную Конституцию, абсолютно выверенные решения и безошибочно действующие органы власти. Но где же их взять сегодня и даже завтра? Это дело послезавтрашнего дня. Поэтому нужно признавать право на ошибку и создавать механизмы их исправления, а не запускать процесс саморазрушения конституционного строя.

И речь не о том, в чью пользу счет ошибок. А о том, чтобы право на ошибку не подменялось действиями, в основе которых — «не-право».

«Не-право», а не армия и служба безопасности, является фактической силой, которая уже вмешивается в происходящее, разрушает конституционность и, подобно вулканической лаве, погребает мирно, конституционно возникающую демократию.

4. Переходный конституционный период

Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика конституционным образом сменилась Российской Федерацией. Таким образом мы вступили в переходный конституционный период. Легитимность избранных прежде органов власти требует, как минимум, подтверждения. Это подтверждение можно и должно сделать, ориентируясь на верховного арбитра — народ. Он остался неизменным, остался тождественным самому себе.

Голосование о доверии, на которое я решил выйти первым, — вот формула, которая дает силу народу отстаивать свое собственное лицо, свободу своего «я», одним словом — верность самому себе, своему выбору.

Одновременно готов предложить проект новой Конституции, потому что считаю, что затяжка с ее принятием смертельно опасна для российской демократии. Не исключаю, что новая Конституция впоследствии будет дополнена и утверждена Конституционной ассамблеей или новым федеральным парламентом.

Сегодня мы имеем переходный, промежуточный конституционный порядок, непосредственно следующий за ушедшим социалистическим порядком и являющийся колыбелью нового конституционного строя.

Мостик между прошлым и будущим пока слаб. Промедление уводит почву из-под его опор. Пока власти занимаются выяснением отношений, мостик может рухнуть.

Голосование по новой Конституции пройдет 25 апреля 1993 года. Предостерегаю все органы государственной власти, общественные движения, должностных лиц от посягательств на стабильность в период конституционного перехода.

5. Конституционный контроль

Конституционный контроль России ослабляет себя недопустимой вовлеченностью в политическую борьбу, поспешностью, граничащей с «конституционной неприличностью» и снижением собственного авторитета в глазах общественного мнения с позиций общественной морали.

Конституционный Суд должен действовать со спокойствием и правильностью, поддерживая конституционную стабильность, не прогибаясь. Молодая российская демократия нуждается в высоко стоящем на страже права судебном авторитете. Не стоит ронять свой престиж.

Хотел бы надеяться, что Съезд народных депутатов Российской Федерации как орган власти, избравший судей Конституционного Суда России, рекомендует ему открыто объясниться перед народом о своей роли в нынешнем конституционном кризисе.

Время своей мощью неизбежно превратит Россию в новую конституционную державу и таким образом решит вопрос о природе нового строя,

грядущей Конституции — вопрос, ответ на который сегодня столь неопределен из-за противоборства властей, борьбы за власть, борьбы по существу политической, но нередко принимающей «юридизированный», а иногда и псевдоюридический облик.

Предостерегаю от сотворения конституционных иллюзий для народа, от придания конституционной формы отсутствию содержания, от создания конституционной видимости.

Предупреждаю, что я как Президент Российской Федерации остаюсь гарантом конституционности и буду защищать ее как от посягательств, так и от пренебрежения или оскорбления.

Президент
Российской Федерации
Б.Ельцин
24 марта 1993 года»

Обладай общество в то время более продвинутым правовым сознанием, то и Конституционный Суд скорее всего содействовал бы эволюции правового переустройства власти и государственного строя. Ведь любой суд, особенно конституционный, тем и отличается от иных органов власти, что, вынося свои решения на основе закона, обязан соизмерять закон с более высоким понятием «право». В противном случае правосудие могли бы отправлять обычные чиновники.

Кстати, В.Зорькин, профессор, преподававший такой предмет, как «история политических учений», прекрасно знал, что в юридической науке и практике давно существует школа «естественного права», побуждающая не слепо применять букву закона, а сопоставлять писаные нормы с непреходящими нравственными принципами. Однако он предпочел иную доктрину — «позитивистскую», то есть пошел по пути защиты догматического понимания права — как закона, неважно кем и при каких обстоятельствах принятого. Конституционный Суд, в сущности, занял тогда позицию Понтия Пилата, умывшего в известном эпизоде руки, чтобы отстраниться от ответственности. Но восторжествовала ли от этого истина? Конституционный Суд рассчитывал «встать над схваткой», быть более понятным «массам», в том числе и депутатскому корпусу, однако не учел того, что сам рыл себе могилу. Если бы Хасбулатову удалось сломить сопротивление Ельцина, открывалась ясная перспектива номенклатурного реванша. А в возрожденной советской модели, конечно, не было места никакому Конституционному Суду.

Косвенно председатель Конституционного Суда признал дикость ситуации, назвав условия «экстремальными», но, лукавя, не раскрыл суть этой «экстремальности», не сказал, что конституционного строя, который Суд защищал (надо понимать, от Ельцина), в этот период попросту не было. Был нонсенс: новая страна при старой Конституции.

И все-таки свидетельством того, что В.Зорькин понимал глубинную суть конфликта, служат некоторые его предложения по выходу из кризиса. Они были достаточно конкретны и конструктивны, и хотя в конце концов Съезд принял другое решение, их стоит привести:

«...Положения статей 104 и 109* Конституции следует привести в соответствие с принципом разделения властей, закрепленным в статьях 1 и 3 Конституции Российской Федерации.

...Принять конституционный закон (закон конституционного уровня), который позволил бы после новых выборов отказаться от Съезда как самостоятельного законодательного органа и провести выборы в двухпалатный парламент.

...Срочно принять законы о выборах, референдуме, политических партиях и общественных объединениях, а также об ответственности за неисполнение решений Конституционного Суда.

...Принять поправку к Конституции о возможности досрочных выборов Президента и народных депутатов Российской Федерации и назначить дату их проведения с согласия Президента на осень 1993 года.

...На период до новых выборов укрепляется Правительство на принципах профессионализма и национального согласия.

...Съезд должен подтвердить незыблемость полномочий, предоставленных Президенту, Съезду и Верховному Совету, и в этой части, после соответствующих изменений статей 104 и 109 Конституции Российской Федерации, вводит мораторий на изменение Конституции.

...Народные депутаты Российской Федерации сохраняют свой статус и гарантии депутатской деятельности на весь период их полномочий.

...Лица, которые ввели в заблуждение Президента при подготовке обращения и Указа, должны быть отстранены от должности и понести ответственность».

Президент готов был согласиться с большинством предложений председателя Конституционного Суда, но при этом подчеркнул, что считает главным средством выхода из кризиса принятие новой Конституции. Он прямо дал понять, что голосование по доверию Президенту, назначенное на 25 апреля, — дело решенное.

Если во время VIII съезда Б.Ельцин был не уверен в результатах референдума, то к концу марта он укрепился в мысли, что население окажет ему доверие. На это недвусмысленно указывали социологические данные. Это понимали и многие депутаты.

Выступление Б.Ельцина содержало сбалансированные дозы уступок и приманок для депутатов и населения, в первую очередь в сфере социальной политики:

«Правительством в самое ближайшее время будут приняты меры по дополнительной социальной поддержке военнослужащих и их семей. Раз-

* По действовавшей тогда Конституции РСФСР 1978 года статья 104 как раз и устанавливала полновластие Съезда народных депутатов. («Съезд народных депутатов Российской Федерации правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации».) И эта формула превращала в пустую декларацию норму той же Конституции (ст. 1), провозглашавшую принцип разделения властей. Статья 109 определяла компетенцию Верховного Совета РФ, объем и характер которой также свидетельствовали о типично советской конструкции власти (например, этот орган единолично избирал судей, назначал Генерального прокурора, председателя Центрального банка; толковал законы; определял статус общественных (!) организаций; «направлял деятельность Советов народных депутатов», приостанавливал действие указов и распоряжений Президента страны и проч. и проч.).

рабатываются меры по льготному кредитованию, налогообложению и лицензированию предприятий всех форм собственности, которые работают на обеспечение социальных нужд армии. Принято решение с апреля 1993 года повысить минимальную заработную плату, соответственно возрастут стипендии учащимся и студентам. Будут укреплены гарантии прав граждан и в процессе приватизации».

Президент выразил готовность скорректировать и состав Правительства за счет представителей регионов и «ответственных политических сил». Заканчивая выступление, он обрисовал свое видение предстоящего референдума:

«Думаю, многие избиратели задаются вопросом: для чего собрался IX съезд? Этот вопрос обращен и к вам, народные депутаты. Он сегодня уже звучал. Мне кажется, самый лучший ответ мог бы быть такой: IX съезд собрался для того, чтобы принять одно-единственное решение — вынести на всенародное голосование 25 апреля не только вопрос о доверии Президенту, но и о доверии Съезду».

Общую дискуссию, по поручению руководителей субъектов Федерации и выражая их консолидированную позицию, открыл председатель Верховного Совета Карелии В.Степанов. Его выступление было в какой-то мере призывом к умиротворению страстей. Он согласился с тем, что «реальным выходом из политического кризиса станут досрочные выборы», которые можно будет провести с учетом подготовки необходимой нормативной базы в ноябре—декабре текущего года; сообщил о поддержке проведения 25 апреля референдума с вопросом о доверии Президенту. Несколько исказив предложение Президента, который говорил о доверии Съезду, В.Степанов согласился с включением в референдум вопроса о досрочных выборах законодательных органов. Он довел до депутатов мнение руководителей регионов о нецелесообразности постановки на Съезде вопроса об импичменте Президента.

Для «разогрева» зала на трибуну был выпущен «третий эшелон». Сначала Президент выслушал гневную отповедь от секретаря Карагинского райкома КПСС Н.Солодяковой, закончившей свое выступление призывом отрешить его от должности. Затем молодой учитель из Чувашии В.Шуйков предложил внести на референдум вопрос о социально-экономическом курсе Президента.

Страсти накалялись. Вновь зазвучали призывы к Президенту и Председателю Верховного Совета одновременно уйти в отставку. Накал противостояния не могли снизить пустые и вялые выступления Генерального прокурора В.Степанкова и секретаря Совета безопасности Ю.Скокова. Завершавший дебаты в первый день Съезда вице-президент А.Руцкой предложил до принятия новой Конституции создать Совет Федерации, состоящий из руководителей российских регионов (эта идея активно обсуждалась перед Съездом), и провести 25 апреля референдум, а осенью досрочные выборы.

На утреннем заседании второго дня выступил премьер-министр. В.Черномырдин обозначил свою позицию такими словами:

«Правительство поддержало позицию Президента России, его стремление преодолеть кризис в экономике и кризис власти. И сделало это с полным осознанием своей ответственности за такой шаг, исходя прежде всего из того, что Правительство категорически против чрезвычайных мер, даже любого намека на чрезвычайщину».

В качестве выхода из политического тупика он указал на идею, которая была на Съезде наиболее популярной:

«Ключ к доверию власти и исполнению в полном объеме прав народа — прежде всего право иметь ту власть, которую он хочет иметь. Поэтому нам не уйти от вопроса о досрочных выборах и Президента, и депутатов».

Режиссура Р.Хасбулатова обеспечила эффектный финал дискуссии, итог которой подвели выразители двух ведущих точек зрения, более того, именно те, кто мог сделать это наиболее ярко. Было такое ощущение, что спикер ставит спектакль и одновременно упивается его премьерой.

Первым «вступил» Н.Травкин. Об импичменте он заявил следующее:

«Мне кажется, что сама постановка вопроса, попытка включить его в повестку дня нанесет вред. Любое решение, касающееся импичмента, для общества будет вредным, любое — положительное, отрицательное. Если есть какое-то количество людей, а оно порядочное, которое не согласится с решением Съезда, мы просто толкнем, пусть локально, но толкнем людей на какое-то мордобитие. Но не для этого же существует Съезд! Съезд существует для того, чтобы сохранить стабильность, а не для того, чтобы раскачивать общество».

Вторым был А.Тулеев, который без обиняков предложил отрешить Президента от должности, уточнив: «Тайным голосованием». И добавил: «При тайном голосовании, поверьте мне, даже Глеб Якунин будет голосовать за импичмент Президента».

Импичмент. Первая попытка

Наступила кульминация, к которой и вел Съезд Р.Хасбулатов. Дискуссия закончилась, все «второстепенные арии» были исполнены, и теперь наступил черед главного солиста — спикера. Он обеспечил себе практически беспроигрышную игру. Съезду было предложено для голосования два варианта постановления — компромиссный и конфронтационный (импичмент).

Расчет был простым. Все говорило о том, что на конфронтационный вариант депутаты не решатся. Тогда — компромиссный вариант, и Председатель Верховного Совета становился «миротворцем» со всеми козырями в руках. Если бы отвергли оба варианта — еще лучше: ведь тогда начнется самое «вожделенное» — закулисные торги. Похоже, он хотел именно этого. Расчет оказался верным. Голосования, проведенные перед перерывом, не позволили принять ни один из вариантов. Мирный вариант поддержали 342 депутата, за включение вопроса об импичменте в повестку дня проголосовали 475 народных представителей.

После перерыва депутаты перешли ко второму основному вопросу повестки дня Съезда — о референдуме. Разработку Редакционной комиссии представлял Председатель Совета Национальностей Верховного

Совета Российской Федерации Р.Абдулатипов. Проект постановления включал пункт об объявлении 25 апреля референдума с четырьмя вопросами:

1. Доверяете ли вы Президенту Российской Федерации Б.Н.Ельцину?

2. Поддерживаете ли вы курс социально-экономических реформ, проводимых под руководством Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина?

3. Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации в 1993 году?

4. Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации в 1993 году?

В постановлении говорилось, что «решения по вынесенным на референдум вопросам считаются принятыми, если за них проголосовало более половины граждан, имеющих право быть включенными в списки для голосования».

Здесь была заложена мина. Дело в том, что Конституция не предусматривала досрочных выборов. Значит, если бы граждане проголосовали за них, то перед тем, как их провести, пришлось бы вносить изменения в Конституцию. В данном случае вступала в силу норма тогдашнего закона о референдуме, требовавшая в таких случаях считать решения принятыми, если за них проголосовало более половины граждан, *внесенных в списки* для участия в референдуме. Авторы проекта постановления попросту сжульничали, применив эту норму и к первым двум вопросам, по которым решения должны были считаться юридически действительными, если за них проголосует более половины избирателей, *явившихся на референдум*. Как видим, разница огромная.

Хасбулатовская команда открыто пошла на нарушение закона. И понятно почему: тем самым возрастала вероятность того, что ни по одному из вопросов референдума не будет принято решение. Политически это означало, что все органы власти остаются на месте, но Президент при этом не получает вотума доверия народа, а Съезд — на коне. Даже если бы Президент получил поддержку по первому вопросу, а по вопросу о курсе реформ ответ был бы отрицательным, то и в таком случае Съезд оказывался в выигрыше, получая возможность настаивать не только на смене курса, но и на соответствующих кадровых изменениях в структурах исполнительной власти.

С.Шахрай, выйдя на трибуну, протестовал, но тщетно. Принятие этого постановления за основу поддержали 621 депутат, против проголосовало 223.

Закрепившись на этих рубежах, депутаты довольно неожиданно вновь вернулись к самому для них интересному — к импичменту. Н.Рябов огласил депутатам проект еще одного постановления. По сути дела, это был обвинительный акт против Президента.

«В конструктивном духе», как выразился Н.Рябов, Президенту Российской Федерации и Председателю Верховного Совета предлагалось принять решение о добровольной отставке. Одновременно Б.Ельцин должен был сформировать «коалиционное правительство» и передать в его подчинение все органы, выполнявшие функции государственного

управления, упразднив одновременно Федеральный информационный центр. Ему предлагалось также освободить от занимаемых должностей лиц, «запятнавших себя» подготовкой Обращения Президента к гражданам России.

Это была откровенная атака на Президента. Ее инициаторы понимали, что Б.Ельцин сам не подаст в отставку, цель была другая — обострить ситуацию до максимума. В качестве «встречной» жертвы левой оппозицией был предложен Председатель Верховного Совета: он слишком заигрался и стал мешать главным игрокам закулисья.

Выстраивая интригу против Ельцина, Хасбулатов сильно заблуждался относительно своих перспектив стать первым лицом в государстве. Настоящими сценаристами на Съезде были коммунисты, чья совокупная мощь вместе с союзниками в случае отставки Президента давала им возможность вывести в первые лица своего кандидата. Хасбулатова они таковым не считали. Для них он был лишь инструментом в борьбе за власть, и теперь ему указали на его место.

Обстановка на Съезде накалилась до такой степени, что представитель Президента А.Котенков предложил объявить перерыв для проведения консультаций. Однако Съезд отклонил и это предложение.

Тогда на трибуну вышел Б.Н.Ельцин:

«Я должен констатировать, что съезд, вместо того чтобы собраться и найти согласие — конституционное и политическое соответственно, может привести к еще большей конфронтации... Я вас прошу не принимать это постановление. Я вас прошу принять постановление из одного пункта или из двух максимум. Первое. Принять к сведению доклад председателя Конституционного Суда. И второе: Президенту, Председателю Верховного Совета, председателю Конституционного Суда, председателю Правительства немедленно, в недельный срок, отработать все меры, ведущие к согласию всех ветвей власти. И на этом закончить. Не перечислять, кого надо освободить из президентских структур, занимающихся вопросами аппаратного характера...

Мы успокоим народ, мы успокоимся сами, мы будем работать по-настоящему на дело, на политику и экономику, конечно. И то и другое мы должны и обязаны обеспечивать. Но мы же возбудим народ. Сегодня уже за воротами Кремля противостояние. Мы должны сегодня с вами, выйдя из этого зала, сказать, что у нас между собой есть доверие, что у нас между собой есть договоренность, что у нас между собой есть согласие, и успокоить россиян. Спасибо».

Р.Хасбулатов, почувствовавший нависшую над ним опасность, торопился прервать работу Съезда и сделал все, чтобы обсуждавшийся проект постановления не был принят за основу. Это было на руку команде Президента. Важно было снизить накал страстей. А он был нешуточным. Вечерние выпуски информационных программ и утренние выпуски газет были переполнены мрачными комментариями и прогнозами.

Утро 28 марта принесло еще больше неожиданностей. Мину заложил Хасбулатов. Открывая заседание, спикер, казалось бы, успокоил депутатов, сообщив, что ночью вместе с Президентом заседало руководство Верхов-

ного Совета, лидеры фракций, представители Правительства и Конституционного Суда. В результате подготовлен проект постановления, который предлагается обсудить и принять «ко всеобщему удовольствию».

Ключевыми в проекте постановления были три пункта. Первое: Президент отказывается от проведения каких бы то ни было опросов и референдумов. Второе: Съезд соглашается с проведением досрочных одновременных выборов 21 ноября 1993 года на пост Президента и народных депутатов в новый двухпалатный парламент. Третье: специальным пунктом проекта постановления до конца полномочий (то есть до весны 1995 года) сохранялись все депутатские привилегии для их нынешних обладателей.

«Вы знаете, — демагогически возглашал спикер, — я человек вроде бы не боязливый, никаких референдумов, никаких опросов, естественно, не боялся и бояться не могу. Но я всегда выступал против этих мероприятий в нынешних условиях в нашем отечестве, потому что прекрасно понимаю, так же как и большинство из вас, что это может быть использовано не на мир и согласие, а скорее всего на раздор, на попытки выяснить, кто лучше, кто умнее, кто красивее и так далее и тому подобное».

Вслед за этим был объявлен часовой перерыв.

Проект постановления был достаточно разумным. Однако ночная «находка» лидеров страны взорвала Съезд. Депутатов оскорбило посягательство на их полномочия. Действительно, они не формировали эту ночную комиссию, не уполномочивали ее и не делегировали в нее своих представителей. За их спиной произошел сговор. А вместо плывшей, как казалось, в их руки победы в виде импичмента Президента им предлагали досрочные выборы. Часть депутатов была оскорблена тем, что им предлагали, причем публично, взятку в виде сохранения привилегий, «жалкую подачку, поношенный кафтан с барского плеча», как выразился один из них.

Свою роль сыграла и двусмысленная реплика Президента, с которой началось заседание Съезда после перерыва. Б.Ельцин сказал: «Уважаемые народные депутаты! У меня небольшая реплика в дополнение к выступлению Руслана Имрановича. Я, конечно, не подписывал... или, вернее, не отменял Указ от 20 марта о проведении голосования, референдума. ...Если постановление... будет принято, то я... приостановлю Указ и сдержу слово не проводить голосование».

Фактически Съезд услышал от Президента, что последний собирается руководствоваться не постановлением Съезда, которое он, Президент, предлагал принять депутатам, а своей доброй волей.

Неудивительно, что большинство депутатов вознегодовало. В итоге представители «болота» качнулись в сторону от Президента, и исчезавший было призрак импичмента стал вновь обретать плоть.

Выступивший первым В.Исаков, обращаясь к Б.Ельцину, выразил точку зрения большей части депутатов:

«Вчера Вы сказали, что Россия устала от нас, депутатов. Наверное, это так. Извините, но и мы устали от Вас».

Далее депутат без перехода накинулся и на Хасбулатова:

«Устали от Вашей беспринципности (*аплодисменты*), постоянных вихляний, попыток сторговать за подходящую цену конституционные принципы. От имени блока «Российское единство», от многих других де-

путатов, которые поддерживают эту позицию, вношу предложение и прошу поставить его на голосование: внести в повестку дня вопрос об одновременном голосовании, тайном, через кабины, об отрешении Президента от должности и о досрочном переизбрании Председателя Верховного Совета». (*Аплодисменты.*)

Поток нападок и оскорблений на Президента был почти непрерывен, и редкие голоса, призывавшие к сдержанности и здравому смыслу (А.Адров, Н.Травкин, М.Митюков и некоторые другие), не находили сочувствия в зале. Неожиданная поддержка пришла со стороны мэра Москвы. Ю.Лужков передал «письмо к Съезду», в котором просил депутатов не покидать Большого Кремлевского дворца и провести обеденное время в его стенах: на Васильевском спуске шел митинг, и «народ слегка недоволен депутатами». Это была едва замаскированная угроза Съезду, но и она не подействовала.

После перерыва депутаты взялись за подготовку предстоящей «гражданской казни». Избрали счетную комиссию, договорились о тайном голосовании через кабинки. Для такого голосования у депутатов, видимо, были причины. Они, конечно же, знали, что при электронном голосовании анонимность — весьма условна, и в Администрации Президента, и в Президиуме Верховного Совета регулярно получали распечатки результатов «тайного» электронного голосования. Депутаты явно не хотели, чтобы Ельцин знал, кто голосовал за импичмент, а кто против, хотя с учетом партийных принадлежностей и анализа выступлений с небольшой погрешностью можно было и без электроники просчитать, кто как проголосует.

Но еще больше они не хотели допустить электронного голосования, поскольку опасались (в кулуарах Съезда такие слухи ходили), что в компьютерной системе произойдет «сбой» и результаты голосования не будут выведены на табло. Это, по разумению депутатов, давало Президенту временной зазор, чтобы отдать распоряжения для введения в действие «особого сценария».

Антиельцинский настрой позволил, пока шла подготовка к тайному голосованию, принять постановление Съезда «О мерах по обеспечению свободы слова на государственном телерадиовещании и в службах информации». Были проигнорированы замечания министра печати и информации М.Федотова о противоречии постановления законам и Конституции, были отклонены все без исключения поправки депутатов, пытавшихся устранить эти несоответствия. Съезд окончательно шел вразнос.

Вот как описывает атмосферу Съезда свидетель событий О.Попцов: «Каждый следующий Съезд становился зрелищем не только удручающим, но и жутковатым: масштаб озлобления, ораторской неуважительности к Ельцину, нестерпимое желание оскорбить, унизить всенародно избранного Президента вряд ли имеет схожий пример в какой-либо стране. И во всей этой ругательности, несдержанности, грубости видишь нечто похожее на удаль многоликого хама. Стерпеть подобное непросто. Тем более что оппозиция делала расчет на чувствительность Ельцина, она подталкивала Президента к срыву»*.

* **Попцов О.** Хроника времен «царя Бориса». М., 2000. С. 267.

В день голосования по вопросу об отрешении Б.Ельцина от должности он приехал в Кремль, как обычно, рано. Президент был собран и уверен в себе. Волнение выдавала лишь бледность лица. В зал заседаний, однако, не пошел, оставаясь в своем рабочем кабинете. В этом и не было необходимости, поскольку исчерпывающую информацию о том, что происходит на Съезде, он получал, как говорится, «в режиме реального времени». Службой безопасности Президента были приняты меры к тому, чтобы отслеживать подсчет голосов. Психологическое напряжение достигло пика к моменту вскрытия ящиков для голосования. По телефону из Кремлевского дворца Президент получал оперативную информацию о результатах и на чистом листе бумаги складывал цифры в два столбика — «за» и «против».

Определенные меры были предусмотрены и на неблагоприятный случай. В частности, в Кремле уже была организована мобильная телестудия для возможной записи и передачи в эфир экстренного телевизионного Обращения Б.Ельцина к народу. Предполагалось, что Президент объявит о роспуске Съезда. Депутаты при этом должны были быть заблокированы в Большом Кремлевском дворце...

Но на этот раз все обошлось. После вскрытия последнего ящика для голосования стало ясно: импичмент не состоялся. Позвонил В.Черномырдин и поздравил Президента с победой. Вскоре оба вышли на Васильевский спуск, где уже шел митинг в поддержку Ельцина.

Это было его второе за этот день общение со своими сторонниками. В первый раз он вышел с группой своих сторонников за Кремлевскую стену на митинг, когда еще ничего не было известно — депутаты готовились к голосованию за отрешение Ельцина от должности. Взобравшись на платформу, составленную из нескольких грузовых машин, Президент пообещал, что не подчинится решениям Съезда и уйдет в отставку только в том случае, если народ на референдуме откажет ему в доверии.

Выйдя к митингу второй раз, уже после объявления результатов голосования, он объявил: «Коммунистический переворот не состоялся. Клянусь вам, что сделаю все для того, чтобы оправдать ваше доверие, потому что ради этого я служу народу. Победил народ, победила реформа, победила демократия, победила молодая Россия, которая будет двигаться вперед».

В девять часов вечера народные депутаты собрались в зале для оглашения результатов тайного голосования. Председатель счетной комиссии депутат и контр-адмирал Р.Чеботаревский назвал цифры: общее число депутатов — 1033, получили бюллетени — 924, обнаружено после вскрытия урн — 909, за отрешение Президента Б.Ельцина от должности — 617, за отзыв Председателя Верховного Совета — 268. Импичмент Президента не состоялся. До конституционных двух третей не хватило примерно 30 голосов. Не прошел и отзыв Р.Хасбулатова, за это проголосовало вдвое меньше необходимого числа депутатов.

Митинг, между прочим, ознаменовался небольшим скандалом. Пожалуй, это был единственный случай, когда митинг, организованный демократами, обернулся столкновением. Пострадал депутат А.Голишников, который в качестве ответного аргумента получил сумкой по голове. Депу-

таты вызвали на Съезд для объяснений премьер-министра, мэра Москвы, министра внутренних дел.

Министр В.Ерин по-военному доложил депутатам, что за последнюю неделю в стране резко, в несколько раз, возросла политическая активность, что милиции удалось предотвратить столкновение стотысячного митинга демократов и митинга «Трудовой России», «Фронта национального спасения» и других радикальных организаций.

С плохо скрываемой иронией он выразил сожаление в связи с тем, что депутаты не последовали рекомендациям милиции двигаться за воротами Кремля внутри специально организованного коридора, да к тому же решили подискутировать с митингующими. Съезду было сообщено, что осматривавшие Голишникова в институте им. Склифосовского нейрохирурги поставили диагноз: «подозрение на сотрясение головного мозга, ушибленная рана левой теменной области». Пострадавший от госпитализации отказался.

Ю.Лужков начал с сообщения о том, что напряженность на улицах и площадях Москвы вызвана нарушением митингом левых согласованных маршрутов движения. Чтобы показать атмосферу этих митингов, он процитировал некоторые лозунги: «Долой оккупационное правительство Ельцина!», «Депутат, добей гадину!», «Раздави гадину сионизма!». Он дал понять присутствующим, что обсуждаемый инцидент стал возможным в том числе и потому, что ранее депутаты не прореагировали на нападение участников митинга левых на демократа П.Филиппова. Когда перешли к вопросам, депутат А.Бароненко призвал Съезд снять Лужкова с работы. Ответ Ю.Лужкова широко известен, но процитируем его еще раз:

«В отношении снятия мэра. Простите, ничего у вас не получится. *(Шум в зале.)* Мэр избран москвичами, и москвичи вправе это сделать, но, простите, не Съезд». *(Шум в зале.)*

Весь облик московского мэра, его смех, его уверенность в себе говорили о силе и моральном превосходстве. Привыкнув к вседозволенности, съезд опешил и отступил. А Ю.Лужков именно после этого стал стремительно набирать политическую популярность.

IX съезд народных депутатов проходил весьма эмоционально, а закончился, пройдя высший пик напряженности, почти скучно. Его значение состояло в том, что он канализировал противостояние властей в русло референдума; он создал важный прецедент обращения к народу как высшему носителю власти. Сделать это было непросто.

Однако, по высказыванию одного из помощников Президента, «пуля просвистела около самого виска». Р.Хасбулатов, в сущности, был недалек от истины, когда заявил на следующий день, что «огромное количество депутатов в строгом соответствии с Конституцией на основе заключения Конституционного Суда едва не устранили Президента». Прав он был и в оценке, что голосование по импичменту «не привело к полному разрешению кризиса».

Апрельский референдум

(март — май 1993)

«Да — Да — Нет — Да»

Итак, Президент добился главного результата — согласия Съезда на референдум. У него снова была ясная и понятная цель. Теперь его судьбу должно было решить народное волеизъявление.

Выступление Президента на митинге в его поддержку было очень эмоциональным и в какой-то мере задало тональность комментариям СМИ по итогам Съезда. Съезд был расценен как его победа, что, конечно, не вполне соответствовало действительности. Во-первых, окончательно определилась стратегическая линия — «добить Ельцина», и с каждым новым съездом реализация этой идеи-фикс становилась все более вероятной, а значит, кризис власти вовсе не был преодолен. А во-вторых, заменив вопросы для референдума, которые предлагал Ельцин, на свои собственные, депутаты, а точнее, те, кто манипулировал съездовским большинством, фактически не позволяли грядущему референдуму положить конец двоевластию. Даже если бы граждане высказались за досрочные выборы Президента и (или) депутатов, то и такой исход не снимал бы остроты кризиса, а, возможно, лишь усугубил бы его. Последующие события осени 1993 года убедительно это продемонстрировали.

Съезд сформулировал вопросы так, что ответы на них каждая сторона могла трактовать в свою пользу. Это делало эффект от референдума кратковременным. У хасбулатовской верхушки Съезда был и еще один хитрый расчет: даже если население поддержит самого Ельцина, то наверняка откажется одобрить его социально-экономическую политику. Ведь референдум должен был состояться на фоне все возраставших материальных и психологических тягот. Разумеется, эти намерения прекрасно понимали Президент и его сторонники.

Итоги IX съезда анализировались в последующие дни и на встрече Президента с депутатами, которые голосовали против импичмента, и на совещании с членами Президентского совета. Выступление Ельцина свидетельствовало о том, что сам он не питал особых иллюзий по поводу своей победы на только что закончившемся Съезде народных депутатов. «Надо иметь в виду, что следующий, X съезд снова под любым предлогом будет готовить импичмент, — говорил он на встрече с депутатами. — Съезд сузил конституционное пространство для действий Президента. А жизнь такова, что, может быть, придется решать вопросы чуть шире этого пространства».

Особо острым был обмен мнениями на «узком совещании» с группой членов Президентского совета (С.Алексеев, Д.Волкогонов, Б.Грушин,

О.Лацис, А.Мигранян, Э.Паин, Г.Попов, Г.Сатаров, А.Собчак, А.Яблоков). Стенограмма совещания не велась, но остались рабочие записи одного из помощников. Помимо итогов Съезда и подготовки референдума рассматривался вопрос о целесообразности поездки Президента в Ванкувер (Канада, 3—4 апреля 1993 года), где планировалась его встреча с Президентом США Б.Клинтоном. Обстановка в стране была столь напряженной, что Б.Ельцин сомневался, стоит ли ему отлучаться из России.

Радикально и бескомпромиссно выступил А.Собчак. Как обычно, он не выбирал слов и не слишком щадил самолюбие Б.Ельцина:

«Съезд проигран, и проигран бездарно. Замах был на окончательные и силовые решения. Но где они? Их не было. И в результате снова все провисло. Последние два выступления Бориса Николаевича были излишни, они ничего не дали. Каков же результат? Опасность отставки не исключена, условия референдума трудны для Президента. Выиграть референдум будет трудно. Команда Президента, готовившая Съезд, просто непрофессиональна...»

Мэра Санкт-Петербурга поддержал политолог Г.Сатаров, входивший тогда в состав Президентского совета. Он говорил об отсутствии регулярной политической работы команды Президента, и прежде всего в парламенте. Сатаров обратил также внимание на отрицательные последствия борьбы влияний в окружении Ельцина.

От благостных иллюзий по поводу победы на предстоящем референдуме предостерег известный социолог Б.Грушин. Из его выкладок следовало, что Президенту предстоит долгая и изнурительная борьба по преодолению прошлого: «Общество еще не отряхнулось от старого мира. В разных регионах от 30 до 70% населения не воспринимают приватизации и держатся за государственную собственность, треть поддерживает политические методы советского периода». Вывод его звучал весьма пессимистично: «Я не верю в мирный и легитимный рецепт прорыва в будущее». Точно в воду глядел...

Определенный интерес представляет дискуссия о роли и реальном весе Р.Хасбулатова. У наблюдавших за ходом съездов со стороны вполне могло создаться представление о существовании сильного и независимого политического игрока. Анализ поведения спикера сделал известный юрист, член-корреспондент РАН С.Алексеев. Он обратил внимание на то, что дело не в Съезде и не в политических и нравственных изъянах Хасбулатова, а в изначальной порочности системы Советов. Пока эта система не будет преодолена, мир в стране невозможен. Историческая миссия Президента — перевести Россию из коммунистической системы Советов на проверенный историей путь европейского парламентаризма. Советы сегодня — из того государства, которого нет. Они потеряли свою конституционность. И чем быстрее Президент расставит точки над «i», тем лучше.

Б.Ельцин, конечно же, располагал исчерпывающими сведениями о политических связях его оппонентов, в том числе и Р.Хасбулатова, однако никогда не вдавался в подробности, считая, что самая конфиденциальная информация должна оставаться у него в запасе. И на этот раз он, по своему

обыкновению, ограничился лишь короткой репликой, раскрывавшей механизм взаимодействия спикера парламента с руководством КПРФ:

«Вот вы говорите о политическом весе Хасбулатова... А между тем Зюганов по итогам Съезда прямо сказал Хасбулатову: "Ладно, прощаем тебя в последний раз". Вот вам и вся независимость...»

В целом участники совещания поддержали желание Ельцина «идти на референдум», подчеркнув, однако, что основная задача референдума — не обеспечить личную победу, а посредством усиления позиций Президента создать политические условия для ликвидации системы Советов — советской системы.

На этом же совещании Г.Попов, дабы не путать своих сторонников, предложил агитировать за то, чтобы по всем вопросам референдума был дан один и тот же ответ — «да». Сначала Б.Ельцин согласился было с формулой четырех «да», но затем по третьему вопросу о необходимости досрочных выборов Президента было решено все-таки голосовать против. Появилась знаменитая формула: **«да — да — нет — да»**.

Несмотря на лукавый подтекст вопросов, выносимых на референдум, его политическое значение оценивалось высоко. То, что наступает момент решительной схватки за власть, осознавали и Б.Ельцин, и Верховный Совет. Причем эта схватка мыслилась его руководством не только как политическая. Верховный Совет явно не исключал возможности радикализации своих действий. 30 марта на заседании его Президиума был рассмотрен проект «Положения о департаменте охраны Верховного Совета РФ». Фактически готовилось создание собственной службы безопасности, наделенной широчайшими полномочиями.

Речь шла не только об охране первых лиц законодательного органа, всех депутатов, но и о том, чтобы «прогнозировать и выявлять угрозы жизненно важным интересам объектов государственной охраны, осуществлять комплекс оперативных и долговременных мер по их предупреждению и нейтрализации... Департамент разрабатывает и осуществляет специальные мероприятия по обеспечению безопасности охраняемых лиц на особый период, организовывает и проводит мероприятия по обеспечению мобилизационной готовности подразделений охраны».

Речь, таким образом, фактически шла о создании новой силовой структуры, подчиненной исключительно законодательному органу, — идея, которая едва ли могла прийти в головы европейским парламентариям.

Если учесть, что закончившийся IX съезд народных депутатов принял постановление «О мерах по обеспечению свободы слова на государственном телевидении», в соответствии с которым на государственных каналах должны были создаваться «наблюдательные советы», формируемые Верховным Советом, то нетрудно было догадаться о существовании определенного сценария по обеспечению не только силовых, но и информационных условий для захвата власти.

Вероятно, не желая брать на себя личную ответственность за явно антиконституционное решение, сам Хасбулатов уклонился от обсуждения проекта «Положения о департаменте охраны Верховного Совета». Документ рассматривался на закрытом заседании Президиума ВС в отсутствие

спикера. Похоже, руководство Верховного Совета само испугалось этой идеи, и проект был отправлен на экспертизу его соответствующих комитетов.

Однако у президентских структур информация о теме закрытого заседания имелась, и соответствующие «утечки» попали в прессу. Разразился скандал. Демократическая общественность расценила намерение Верховного Совета создать собственную силовую структуру как «последние приготовления для установления диктатуры Советов».

Борьба за избирателя

Кампания по подготовке к референдуму была рекордно короткой — меньше месяца. Естественно, что это был отрезок предельно спрессованного политического времени, а апрель 1993 года стал одним из самых энергичных и напряженных периодов для Б.Ельцина в его первый президентский срок.

Почти каждый день проводились конференции многочисленных политических организаций разной политической ориентации. Их участники объявляли о своем отношении к вопросам референдума и призывали своих сторонников поддержать те или иные позиции. Только 2 апреля обнародовали свои заявления: исполком Партии возрождения и секретариат Российского народного фронта (против Ельцина); оргбюро ЦК Российской коммунистической рабочей партии (против Ельцина); Крестьянская партия России и Ассоциация крестьянских и фермерских хозяйств (за Ельцина); политсовет общественного объединения «Смена — народная политика» (против Ельцина); политсовет Российского движения демократических реформ (за Ельцина).

5 апреля Администрация Президента заручилась поддержкой Общественного комитета демократических организаций России (ОКДОР), в который входило около 90 организаций, в том числе большинство творческих союзов. ОКДОР призвал граждан идти на референдум и сказать «да» политике Ельцина.

8 апреля Б.Ельцин провел в Кремле встречу с ведущими юристами страны. Подготовка мероприятия была поручена члену Президентского совета Ю.Батурину. Он предложил следующий состав участников: С.Алексеев, А.Венгеров, Р.Лившиц, А.Мишин, В.Туманов. Предложение было Президентом принято. Участников собрали за небольшим круглым столом за чаем, и Ельцин поставил перед ними несколько вопросов:

«Как вы представляете толкование возможных результатов референдума?

Вторая по порядку, но главная по значению тема — о конституционности. Хотелось бы от разговоров на уровне — кто ушел из конституционного поля и как попасть в конституционное пространство, о чем средства массовой информации сейчас упражняются в каждом номере, перейти к более конкретным шагам во взаимоотношениях властей в направлении большей конституционной, если можно так выразиться, самокритичности каждой власти; каждой ветви власти.

По этой теме я поставил в своем послании Верховному Совету "О конституционности" основные вопросы. Хотелось, чтобы вы высказались по этим сюжетам.

Конституционность прямо связана с легитимностью нынешних органов власти. Интересный вопрос. РСФСР мирно, без революционной войны сменилась Российской Федерацией. Все высшие органы власти были избраны еще в прошлом, социалистическом государстве. Насколько легитимны сегодня, в новом государстве, законы Российской Федерации, не исключая и президента?

Вопрос о доверии связан именно с этим. Почему я и поставил первым вопрос о доверии президенту.

Еще одна тесно связанная с этими проблемами — проблема, как влияют на рамки конституционности бесконечные поправки к Конституции?..»

Живой разговор продолжался более часа. Ельцин получил ответы на поставленные вопросы. В частности, юристы указали на ошибку Президента, когда тот согласился с проектом Конституции, одобренным на VI и VII съездах. «Этот проект Конституции является в основе своей просоветским», — заявил С.Алексеев.

Встреча произвела на Ельцина сильнейшее впечатление. «Я думал, юристы — сухари, только параграфы свои перечисляют. А эти — такие мужики! — восхищенно покрутил головой Ельцин. — Готовьте мне новые встречи с ними».

Такие встречи состоялись затем 28 апреля, 2 июня (совместно с политологами), 17 августа, 28 сентября (также с политологами) и 15 ноября 1993 года. Кроме перечисленных юристов, в них в разное время участвовали Р.Васильев, В.Мушинский, В.Нерсесянц, В.Четвернин, А.М.Яковлев.

9 апреля утром Президент в течение полутора часов разговаривал с главными редакторами ведущих российских газет, поддерживавших политику реформ, и руководством телевизионных каналов. В кругу политически лояльных ему руководителей СМИ он был достаточно откровенен и без обиняков говорил о том, что в случае победы на референдуме будет бороться за президентскую республику: «Оппозиция пугает, что президентская республика — это диктатура. Но что может быть хуже диктатуры Советов, при которых мы жили 70 лет и вконец разорили страну. Президентская республика — это четкое разделение властей, это соблюдение законов, это гарантия единства государства».

Без всякого лукавства Президент попросил влиятельных представителей СМИ о поддержке. И она была ему обещана. Тем более что в данном случае заинтересованность была взаимной: как бы ни критиковали Ельцина по тем или иным политическим мотивам, можно сказать, что наиболее последователен он был в поддержке независимых СМИ, особенно когда законодательная ветвь власти под внешне благовидным предлогом (учреждение общественных советов на каналах телевидения и т.п.) фактически пыталась установить контроль над рядом газет и телевизионных каналов.

В ходе неформальной беседы с Президентом руководители демократических СМИ со своей стороны старались повлиять на решение нескольких важных с точки зрения демократов кадровых вопросов, в частности настойчиво советовали Ельцину удалить из своего ближайшего окружения Ю.Скокова. Уже 10 апреля Президент, уступая требованиям демократов, освободил наконец Ю.Скокова от должности секретаря Совета безопасности.

Следующим шагом по очищению команды Президента от «пятой колонны» стала подготовка к отставке вице-президента А.Руцкого. Фактическая изоляция Руцкого в Кремле началась раньше, когда в ходе VII и VIII съездов народных депутатов обозначилось его тяготение к политической позиции лидеров Верховного Совета. Он явно попал под влияние Р.Хасбулатова. Его популизм и резкие выпады против Правительства Гайдара вызывали раздражение Ельцина, но он вынужден был терпеть выходки вице-президента, поскольку тот избирался вместе с ним всем населением. Кроме того, он пользовался достаточно большой популярностью. Одно время рейтинг его популярности даже превосходил президентский.

В условиях обострения борьбы за власть перед референдумом А.Руцкой, полностью перешедший на сторону Верховного Совета и Р.Хасбулатова, становился особенно опасным — прежде всего в силу своих связей и авторитета в армейских кругах. В начале апреля на пресс-конференции «Гражданского союза» он открыто заявил о том, что не видит возможности примирения с Президентом. В ответ Ельцин освободил Руцкого от обязанностей куратора сельского хозяйства, лишив его таким образом последнего из поручений, обеспечивавших ему реальные полномочия в сфере экономики.

12 апреля пресс-секретарь Президента В.Костиков предпринял попытку стимулировать окончательное удаление Руцкого из кремлевской команды. В его беспрецедентно резком заявлении в адрес формально все еще второго лица в государстве, в частности, говорилось: «Его антипрезидентские выпады последних дней не оставляют сомнения в том, что он завершил этап «политической эволюции» — от мелкого «дистанцирования» к полному политическому разрыву с Президентом. Фактически А.В.Руцкой создал прецедент политического нонсенса: будучи избранным вместе с Президентом для реализации президентских реформ, он полностью отмежевался от президентского курса, сохраняя при этом пост вице-президента».

По сути, это было приглашение к добровольной отставке. А.Руцкой, несомненно, «намек» понял и был просто взбешен. Через час после того, как информационные агентства распространили заявление, он позвонил в пресс-службу и попытался выяснить, было ли оно санкционировано Президентом или это личная инициатива пресс-секретаря. Пересыпая речь крепкими выражениями, он кричал в трубку: «Это не я предал Президента. Президент предал меня. Могу доказать это с документами. Что касается моего ухода — не ухожу потому, что, если уйду, раскрою такие страшные вещи, что все содрогнутся...»

14 апреля Б.Ельцин провел в Кремле большую встречу с российскими и иностранными журналистами. Присутствовало более 150 человек. Это была уникальная по организации и стилистике встреча — не пресс-конференция, а откровенный диалог между Президентом и журналистами, мощная информационная акция кремлевской команды перед референдумом, следствием которой стал широкий веер публикаций в поддержку позиции Президента. На информационном поле команда Ельцина теперь доминировала полностью.

15 апреля с утра в Кремле в Грановитой палате была организована встреча Б.Ельцина с представителями уже упоминавшегося ОКДОРа. Речь шла об участии в подготовке референдума и о создании комитетов поддержки в регионах. Открывая встречу, Б.Ельцин прямо сказал:

«Здесь собрались единомышленники. Это освобождает меня от необходимости делать какое-то большое выступление, разъяснять свою позицию по референдуму... Необходимо направить все усилия на «вытаскивание» избирателей к урнам. Референдум должен обязательно состояться. И лозунг у нас может быть только один: «Если не мы, то они!»

Настойчивость Ельцина не была излишней. Оппозиция развернула мощное наступление, поставив задачу провалить референдум посредством неявки избирателей.

Вечером 15 апреля Президент встретился в Большом театре с представителями творческой интеллигенции. В своем выступлении он апеллировал к памяти академика А.Сахарова. В ответном слове Б.Окуджава дал понять, что основная масса интеллигенции поддерживает усилия Президента по защите демократии и реформ.

16 апреля Ельцин приехал на съезд Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП). В необходимости этого жеста его пришлось убеждать. Дело в том, что РСПП находился в сфере политического тяготения «Гражданского союза», одним из лидеров которого был вице-президент А.Руцкой. Кроме того, Б.Ельцин уже неоднократно убеждался в том, как плохо выступать на «чужой территории».

Однако к этому времени РСПП все заметнее дрейфовал в сторону Президента. Большую роль в этом, несомненно, сыграл опыт и прагматизм его председателя — А.Вольского. Задача Б.Ельцина состояла в том, чтобы заручиться если не поддержкой, то нейтралитетом влиятельного промышленного лобби. Он ценил и то, что, несмотря на серьезные различия в оценке стратегии и результатов реформ, А.Вольский никогда не опускался до личных выпадов против него и всегда сохранял уважительный тон. Когда же один из руководителей Федерации производителей, в которую входил РСПП, Ю.Гехт заявил, что «Президент не способен управлять своей командой», и предложил в качестве его преемника бывшего секретаря Совета безопасности Ю.Скокова, А.Вольский немедленно дистанцировался от этой идеи.

После выступления на съезде РСПП Б.Ельцин вылетел в Минск на встречу глав государств СНГ, которые обещали ему публично продемонстрировать свою поддержку. Перед отлетом в аэропорту Внуково-2

Б.Ельцин в правительственной комнате услышал по телевизору выступление А.Руцкого на сессии Верховного Совета, в котором тот заявил, что референдум нужен, «чтобы спрятать концы в воду, окончательно легализовать мафиозно-государственную машину... Я вышел на факты невиданного разграбления национального достояния, в котором участвовали и участвуют весьма высокопоставленные лица из государственного аппарата, — вещал вице-президент, — именно эти лица максимально заинтересованы в том, чтобы сохранить курс реформ, работающих на их карман».

Возникла парадоксальная ситуация: пока «соратник» Ельцина вице-президент А.Руцкой с трибуны Верховного Совета громил окружение Президента и грозил снова сделать экономику плановой, оппонент Президента А.Вольский агитировал в Государственном Кремлевском дворце (бывший Дворец съездов) своих сторонников по РСПП за сильную президентскую власть и переход к регулируемому рынку. Позиция прагматика А.Вольского четко отражала политическую эволюцию директорского корпуса, который начинал адаптироваться к новым рыночным условиям и учился извлекать из этого выгоды, в том числе и личные.

18 апреля Президент совершил однодневную поездку во Владимир. Формально она была связана с празднованием православной Пасхи. И действительно, Ельцин вместе с местным духовенством принял участие в крестном ходе от Золотых ворот до Свято-Успенского кафедрального собора. В приветственном слове архиепископ Владимирский и Суздальский Евлогий весьма откровенно высказал Президенту поддержку: «Вновь возродились монастыри, духовные училища и воскресные школы. Для души православного человека открылись все двери и возможности. И этим чудом жизни верующие благодарны нашему Президенту Борису Ельцину, что и будет подтверждено предстоящим референдумом».

Эта «эмоциональная поездка» во Владимир была этапом подготовки к широкой встрече Ельцина с руководителями и представителями конфессий и религиозных центров. Она состоялась 20 апреля в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца и была очень хорошо встречена религиозной общественностью. Идею встречи подал советник по политическим вопросам С.Станкевич, который в своей записке Президенту подчеркивал: «На результаты предстоящего референдума немалое влияние может оказать позиция религиозных авторитетов и широких верующих масс (а это миллионы голосов)... Убежден, что сам факт встречи нужным образом ориентирует общественное мнение, благотворно скажется на результатах референдума».

21 апреля, за 4 дня до референдума, появилось чрезвычайно важное для Б.Ельцина решение Конституционного Суда о признании частично не соответствующим Конституции решения IX съезда народных депутатов о подведении итогов референдума. Суд подтвердил неконституционность нормы принятия решения по первым двум вопросам референдума (теперь по ним необходимо было набрать более половины голосов участников ре-

ферендума, а не половины всех избирателей, как установил Съезд), что, естественно, повышало шансы Президента на успех.

На следующий день Ельцин, демонстрируя хорошую физическую форму, совершил поездку в Ижевск. Телевидение охотно показывало сюжеты о его встрече с легендарным создателем лучшего в мире автомата — М.Калашниковым.

Накануне референдума, 24 апреля, Президент по телевидению обнародовал главные положения проекта новой Конституции. Он разъяснил мотивы представления этого документа именно в этот момент:

«Мне представляется, что голосование за доверие Президенту — это голосование не за абстрактное светлое будущее, а за конкретные правовые гарантии, гражданские права и ценности человека... Представляя проект Конституции РФ, предлагаю свою концепцию дальнейшего развития нашего федеративного государства, свое видение будущего многонациональной России, свое представление о цивилизованной, полнокровной и свободной судьбе каждого российского гражданина».

Это была последняя акция в борьбе за победу на референдуме. В предельно обостренной форме цену предстоящего выбора для демократов сформулировал в своем интервью «Комсомольской правде» Е.Гайдар:

«25 апреля мы решаем один очень простой вопрос: поставят ли всех нас к стенке или нет. Всех, кто уже связал свою жизнь с новой экономикой России. Не надо думать: если мы были столь либеральны, то наши противники будут играть по нашим правилам».

Социологические опросы, проведенные за несколько дней до референдума, свидетельствовали о достаточно широкой поддержке населением Президента, но при этом они выявили и некоторые парадоксы общественного восприятия Б.Ельцина. Руководитель ВЦИОМ Ю.Левада накануне референдума писал в «Известиях»: «Уровень критичности по отношению к Б.Ельцину довольно высок. Ему ставят в упрек непоследовательность, нерешительность, компромиссы, невыполнение обещаний и многое другое. И в то же время, когда речь заходит о возможности смещения президента — точнее, когда массы замечают реальность подобной угрозы, — стремление поддержать президента стремительно возрастает. Ставя вопрос, кто мог бы стать президентом на внеочередных выборах, мы видим абсолютное преобладание одного имени — Ельцина».

Этот парадокс известный социолог объяснял тем, что значительная часть населения воспринимала Ельцина не просто как личность со всеми сильными и слабыми сторонами характера и поступками, а как символ тех перемен, которые люди уже не хотели бы утратить, несмотря на все переживаемые трудности:

«Как-никак, с именем Бориса Ельцина связаны два самых решительных и радикальных шага в нашем развитии последних лет: попытка одним ударом разрушить структуры правящей партии в августе (1991 года) и не менее смелая попытка сдвинуть Россию на путь экономических реформ. Сколь бы ни критиковали эти акции за непродуманность или неосторожность, обратить вспять их уже нельзя. Равно как и доказать, что

при данных обстоятельствах и данном соотношении сил можно было куда-то двигаться осторожно и постепенно»*.

К концу апреля оппозиция в целом уже понимала, что проигрывает. По апрельским данным социологов, большинство населения выступало за продолжение экономических реформ. Стало ясным и то, что, несмотря на отмечаемую всеми политическую пассивность избирателей, к урнам придет достаточное число людей, чтобы референдум был признан состоявшимся.

Но Верховный Совет до последнего дня вел борьбу за победу над Ельциным. За два дня до референдума вице-президент А.Руцкой и вице-спикер В.Агафонов провели селекторное совещание с руководителями местных Советов. Фактически это был инструктаж. В частности, было выдвинуто требование мобилизовать на разъяснительную работу по итогам референдума весь коммунистический актив. На случай нежелательных для себя результатов основной мотив разъяснения должен был быть следующим: референдум не может иметь никаких юридических последствий, в том числе не дает права для объявления досрочных выборов депутатов. Давалась установка и на запугивание населения возможностью установления диктатуры в случае победы Ельцина. Пресс-служба Верховного Совета распространила заявление о вооруженном перевороте, который якобы готовит Президент в ночь с 25 на 26 апреля.

В эту ночь по всей России происходил подсчет голосов избирательными комиссиями, которые в основном контролировались органами советской власти на местах. Это, конечно, нервировало Президента, но никаких планов силовых действий у него, естественно, не было. В России и за ее пределами с тревогой и надеждой ждали результата.

«Да—Да—Нет—Нет»

Итоги референдума превзошли ожидания многих. Прежде всего — по второму вопросу референдума. Ниже в таблице мы приводим его результаты.

Недостатка в комментариях и выводах не было. Однако многие аналитики считали: это не столько победа Ельцина, сколько поражение коммунистов; референдум ясно показал, что большинство населения не желает возврата в коммунистическое прошлое.

На благоприятные для Президента результаты референдума повлияло и то, что благодаря активной позиции демократических СМИ у населения сложилось крайне негативное отношение к Верховному Совету, депутатскому корпусу и лично к Р.Хасбулатову. И не случайно уже на следующий день, когда стали известны результаты референдума, спикер обрушился с обвинениями в адрес журналистов: «Выявилась исключительно негативная роль средств массовой информации. Информационный террор общество больше терпеть не может». Он предложил вынести вопрос о СМИ на ближайшую сессию Верховного Совета.

---

* Известия. 1993. 24 апр.

№	Вопрос	Результат (в %)		
		Голосовало	Да	Нет
1	Доверяете ли вы Президенту РФ Б.Н.Ельцину?	64,2	58,7	39,2
2	Одобряете ли вы социальную политику, осуществляемую Президентом РФ и Правительством РФ с 1992 г.?	64,1	53,0	44,6
3	Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов Президента РФ?	64,1	31,7	30,2
4	Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов РФ?	64,1	43,1	19,3

Сетовал спикер и на то, что собственная пропагандистская кампания оппозиции не дала ожидаемых результатов. По его словам, Верховному Совету не хватило совсем чуть-чуть, чтобы переломить ситуацию. «Контрпропагандистская машина, которую мы пустили очень эффективно в действие, чтобы нейтрализовать полторанинско-геббельсовскую ложь, оказалась развернутой в полную силу буквально в последний день. Если бы еще три дня, вы бы увидели совсем иные результаты», — заявил он на заседании Президиума Верховного Совета.

Анализируя результаты голосования, Хасбулатов сделал вывод, что «референдум осуществил раскол общества», то есть повторил тезис, выдвинутый им на этапе, когда Президент только объявил о намерении посоветоваться с народом. В своем анализе он опирался, в частности, и на тот факт, что почти 38 миллионов человек не участвовали в референдуме, и по сравнению с предыдущими президентскими выборами Б.Ельцин потерял 7 миллионов голосов. Низкой оказалась поддержка Президента и в республиках. В 12 из 19 республик, входящих в состав Российской Федерации, результаты были не в его пользу. Стало очевидным, что, опираясь на эти выкладки, руководство Верховного Совета не намерено считаться с мнением народа.

Сам Б.Ельцин был, несомненно, доволен общими результатами референдума. Сразу после подведения официальных итогов — 6 мая 1993 г. — он отметил в своем обращении к гражданам:

«Подведены официальные итоги общероссийского референдума 25 апреля. Для многих и в России, да и за рубежом они оказались неожиданными. Не было в мире случая, когда подобное всенародное голосование проводилось в разгар кризиса, в самый трудный момент реформ.

Благодаря патриотическому пониманию населением России важности вынесенных на референдум вопросов референдум состоялся. Попытка руководства Верховного Совета сорвать всенародное волеизъявление под предлогом того, что население устало от политики, не удалась».

Оппозиция всячески пыталась принизить результаты референдума. Однако против подавляющей массы людей, поддержавших Президента, идти было сложно. К тому же информационная ситуация складывалась не в пользу Верховного Совета и Съезда. За Президентом стойко закрепилась репутация защитника свободы слова. Это был серьезный политический ресурс, которым не располагали ни Верховный Совет, ни КПРФ, ни лидеры оппозиции. Не прибегая к административным рычагам воздействия на СМИ, в том числе и на электронные, Кремль задавал политическую тональность выступлениям прессы и телевизионных каналов.

Конечно, главную роль здесь играло не столько умение работать с прессой, сколько демократические убеждения самих журналистов. Так что стремление оппозиции ошельмовать итоги референдума поддержки не находило. Напротив, когда Р.Хасбулатов и А.Руцкой пытались по-своему интерпретировать итоги голосования, СМИ без всякой подсказки из Кремля дали соответствующую отповедь.

Особенно грубо высказывался А.Руцкой, ратовавший за досрочные выборы Б.Ельцина. Выступая в Новосибирске перед своими сторонниками, он заявил о том, что итоги референдума были куплены. «Вы видите, кто голосует за Президента и как оболванивают людей. Голосовали спекулянты, проходимцы, ворье, а сейчас еще будут голосовать голубые, педерасты... прочая нечисть». Говоря непосредственно о Президенте, он заявил: «Можно быть в оппозиции к умному человеку. Сегодня быть в оппозиции и что-то просить, что-то доказывать сегодняшнему Правительству во главе с премьером и Президентом — это бесполезно».

Резкое заявление пресс-секретаря не заставило себя ждать. Нужно заметить, что сам Президент, за редкими исключениями, не давал прямых указаний по поводу тех или иных формулировок этих заявлений. Однако не было случая, чтобы он высказал неудовольствие по поводу содержавшихся в них весьма резких подчас оценок. За все время пребывания В.Костикова на посту пресс-секретаря Б.Ельцин лишь один раз поправил его, да и то в весьма своеобразной форме.

Этот эпизод был связан с оценкой назначения В.Черномырдина на пост премьер-министра и, в частности, его заявления, что он «будет выполнять волю Съезда». В.Костиков опубликовал тогда в «Московском комсомольце» весьма ядовитый комментарий, который подписал псевдонимом Фердинанд Сирин. В.Черномырдину, естественно, помогли раскрыть этот псевдоним, и при первой же своей встрече с Президентом он пожаловался на пресс-секретаря.

Между Ельциным и Костиковым произошел довольно забавный разговор:

«Б.Ельцин. Говорят, у нас появился новый журналист, Фердинанд Сирин...

В.Костиков. Вы уже знаете? Мне, наверное, следует повиниться?

Б.Ельцин. Черномырдин очень недоволен. Жаловался на вас. Как вы думаете, почему?

В.Костиков. Думаю, потому что написал правду.

Б.Ельцин. Хм, пожалуй, что так... Но вы все-таки будьте поаккуратней. С Черномырдиным я разберусь сам».

Этот короткий диалог хорошо иллюстрирует изменение самого характера общения Президента со своими помощниками: он начинал понимать пользу их публичной деятельности и предоставил некоторым ближайшим сотрудникам достаточно широкое поле для политического или «пиаровского» маневра. Важно было, чтобы помощники в целом не выходили за пределы собственных представлений Президента об основных параметрах проводимой им политики.

Б.Ельцин высоко ценил инициативу и политическую смелость. Говоря бытовым языком, он никогда не был занудой и не устраивал разборок по мелочам. Ошибки помощников воспринимались им с большой долей снисходительности и понимания. Будучи сам человеком импульса, настроения, иногда каприза, совершавший сам ошибки, он легче сходился и ладил с людьми, если видел в них человеческие слабости.

К НОВОМУ СТРОЮ ИЛИ К НОВОМУ ПУТЧУ?

(МАЙ — АВГУСТ 1993)

Потеря темпа

После референдума в кругах, близких к Президенту, ощущался настоящий подъем. Все рассчитывали на прорыв, сравнимый с тем, когда в Правительство пришла первая команда реформаторов во главе с Е.Гайдаром. И на Президентском совете, и на встрече с ведущими юристами по итогам референдума (обе встречи проходили 28 апреля 1993 года) все только и говорили, что о новом наступлении.

Так, С.Алексеев утверждал, что «Президент получил уникальный шанс правовым путем перейти от одного общественного строя к другому... Референдум имеет конституционное значение, и президент имеет право говорить от имени новой России — право, которого не имеют Советы».

А.Собчак призывал Ельцина безотлагательно решить все кадровые вопросы, которые ранее не давали возможности решать Верховный Совет и съезды. Речь шла об изгнании из Правительства консерваторов. Либералы надеялись на возвращение в кабинет министров Е.Гайдара.

Сам Б.Ельцин также был настроен достаточно решительно:

«Считаю, что воля народа, высказанная на референдуме, обязательна не только для Президента, но для всех государственных органов, в том числе для Верховного Совета и Съезда. Депутаты хотели выяснить мнение народа о политике Президента и Правительства. Теперь оно известно, и депутаты обязаны ему подчиниться. Мой долг перед народом — защитить этот курс».

В целом при известном расхождении в степени радикализма, с которой Ельцин должен реализовать победу на референдуме (некоторые участники обсуждений считали, что Президент обязан решить вопрос о частной собственности на землю и ускорить процесс приватизации), все соглашались с тем, что ближайшим этапом президентского наступления должно быть принятие новой Конституции. И главный призыв, обращенный к Президенту на этих встречах, был: «Не потерять темп!»

С облегчением вздохнули и лидеры ряда стран СНГ. В случае поражения Ельцина и прихода к власти коммунистов независимость новых государств могла быть поставлена под сомнение. Ведь одним из лозунгов непримиримой оппозиции было восстановление СССР в прежних границах. Сделать это можно было только военным путем. С особой тревогой за развитием событий в Москве наблюдали в столицах Прибалтийских государств. На следующий день после голосования по импичменту в адрес Б.Ельцина пришла телеграмма от Президента Литовской Республики А.Бразаускаса: «Господин Президент, примите мои искренние поздравления с большой победой российского народа и лично Вашей над консервативными сила-

ми. Убежден, что Вы и дальше поведете корабль под названием "Россия" по курсу демократических реформ».

Но в результатах голосования были и настораживающие для Кремля мотивы. Как упоминалось, в большинстве республик, входивших в состав Российской Федерации, ответы были негативными для Ельцина. По словам члена Президентского совета Л.Смирнягина, «автономии много денег берут от Центра, а голосуют плохо». Все это давало оппозиции повод утверждать, что Ельцин не получил мандата всей страны на продолжение реформ, что результаты референдума не являются обязывающими.

И тем не менее референдум обеспечил Президенту определенный запас прочности. В докладе Института социально-политических исследований Российской академии наук отмечалось, что «удалось сформировать мнение большинства населения страны о необходимости перехода к рыночной экономике». Однако этот же доклад, присланный Б.Ельцину через его советника по вопросам науки и высшей школы Н.Малышева, рисовал крайне мрачную картину состояния страны: «Доля горожан, удовлетворенных своим материальным положением, составляет около 10%, причем динамика изменений однозначно направлена к снижению. В массовом сознании формируется стереотип безысходной бедности, что и определяет общее социальное самочувствие россиян... Реформы в России выродились в комплекс полумер, а программа «шоковой терапии» оказалась проваленной. Суммарный эффект выразился в образовании такой системы социальных отношений, которая начала развиваться по собственным имманентным законам, ведущим к саморазрушению общества».

Содержание аналитического материала навевало настроение катастрофизма. В качестве мер выхода из кризиса Президенту предлагалось прекратить «непродуманную» приватизацию, возродить систему государственного контроля за внешней торговлей и валютными операциями, восстановить государственную монополию на производство и продажу спиртных напитков, установить государственный контроль над программами производства, и в первую очередь продовольствия, принять государственную программу социальных гарантий в области здравоохранения, образования и науки.

В сфере политического устройства ученые фактически предлагали законсервировать действовавшую Конституцию и власть Советов: «В целом система Советов должна быть сохранена, так как она имеет глубокие исторические корни... Такая конструкция этого инструмента демократии отвечает менталитету народа и позволяет сохранить преемственность с советским периодом истории России, укрепить гражданский мир в обществе».

Такого рода объемные материалы Президент целиком, как правило, не читал. Для него готовились аннотации либо в Службе помощников, либо в пресс-службе. Так что он был в курсе альтернативных мнений. Сложность задачи помощников Ельцина (а в их среде доминировали либеральные настроения) состояла в том, чтобы, с одной стороны, информировать его о такого рода настроениях и идеях, а с другой — не создать ситуации, когда он оказался бы под влиянием консервативных идей.

Важно было не пытаться монополизировать информационные каналы (для этого не было ни возможностей, ни желания), а представить картину в объективном виде. Вот и после процитированного выше доклада возникла такая необходимость. Ведь, как уже говорилось, итоги референдума, сыграв положительную для реформ политическую роль, еще не означали самих преобразований прежде всего в системе власти. На повестке дня по-прежнему наиболее актуальной проблемой была окончательная ликвидация системы Советов, существовавшей с 1917 года. Требовалось, однако, не только заострить необходимость ее решения и для этого дезавуировать идущие «с другой стороны» импульсы консервации существующего состояния, но и предусмотреть все возможные угрозы при реализации этой стратегической задачи, в том числе и при развитии событий по остроконфликтному сценарию.

Для этого Б.Ельцину была нужна полная уверенность в лояльности армии и силовых структур. Ее-то как раз и не было. На заседании Президентского совета, посвященном политическим итогам референдума, об этом ему прямо сказал А.Собчак: «Мы не владеем силовыми структурами. Масса руководителей силовых ведомств против нас, и ждут только случая и сигнала. В системе государственной безопасности нужна кадровая чистка».

Хотя на этом же Президентском совете Д.Волкогонов и утверждал, что по итогам референдума армия поддерживает Президента, а М.Захаров со свойственным ему радикализмом призывал Б.Ельцина «продемонстрировать политическую силу», сам Президент не слишком обольщался по поводу своей популярности в офицерской среде. На нее не могли не повлиять резкое сокращение расходов на армию, потеря высокого социального статуса офицеров, которое было при коммунистическом режиме, и т.д. Впрочем, сразу после победы на референдуме многим казалось, что необходимости в силовом варианте нет. Президент решил идти легитимным путем, и этот путь пролегал через принятие новой Конституции.

Период с середины лета и до начала осени 1993 года отмечен для команды Б.Ельцина малоприятными сюрпризами. Сбывались предостережения демократической части его окружения, многих членов Президентского совета, призывавших воспользоваться результатами успешного референдума и более динамично проводить курс реформ, ограничивая при этом влияние КПРФ. Но Администрация Президента не принимала практически никаких мер, чтобы воспрепятствовать сохранению, а в отдельных регионах и росту влияния компартии.

Кабинет министров под руководством В.Черномырдина был также скорее склонен к компромиссам с парламентской бюрократией. Ее лидером по-прежнему оставался Р.Хасбулатов, за спиной которого упрямо маячила тень КПРФ. Реформы вязли в половинчатых решениях Правительства, которое хотело угодить всем — Президенту, Верховному Совету, региональным лидерам, приобретавшим все больший вес.

Проголосовав за политику реформ, страна ждала реальных сдвигов, более динамичной политики. Ее не было. Люди все меньше понимали происходящее: что это — реформы или ревизия реформ? И от этого испытывали, как говорилось в материалах президентского аналитического центра,

настоящий «психологический надлом». «Социальный пессимизм приобретает размеры, вызывающие сильную озабоченность... Укрепляется мнение, что любая власть, будь то партократы или демократы, не для народа, а над народом».

Не понимали Президента и те, кто с полным основанием считались его сторонниками. Газета «Московские новости» писала в августе 1993 года:

«Еще совсем недавно Ельцин завоевывал симпатии именно тем, что ясно, просто и часто общался со своими сторонниками, с избирателями, с телеаудиторией. Он был редким политиком, которому прощали ошибки... До последнего времени противники боялись этого, может быть, самого тяжелого из ельцинских политических вооружений — возможности по любому поводу прямого обращения к народу и почти обязательной народной поддержки. Наивно было бы утверждать, что Президента окружают непрофессионалы в деле создания политического имиджа, а механизм общения с общественностью не отработан. Обратное было продемонстрировано совсем недавно, перед референдумом. А сейчас уже впечатление такое, что аванс, данный Президенту на референдуме, почти проеден. Диалог со страной в последнее время разладился, и не только по причине отпускного сезона. Президент ведет себя так, будто намерен косвенно иллюстрировать худшие из распускаемых о нем слухов»*.

Впрочем, несправедливо говорить — «не понимали Президента». Многие все же понимали и доступными для них средствами пытались воздействовать и на Президента, и на его кремлевскую команду. Кстати, существовал определенный механизм взаимодействия между СМИ и Службой помощников, где работало немало людей, имевших тесные связи с прессой и телевидением. Но в отличие от времен «позднего президентства», когда по ходу укрепления олигархических групп политический процесс стал все больше «коммерциализироваться», взаимодействие тогдашней команды Ельцина со СМИ строилось на иной основе: на сопричастности к демократической судьбе, на общих идейных представлениях, на давних товарищеских отношениях.

Демократы по-разному объясняли причины политической отстраненности Ельцина после важной победы на референдуме. Одни склонны были верить непрекращавшимся слухам о болезни Президента или его склонности к известному «народному средству», другие говорили об объективных условиях труднейшей политической борьбы за реформы, третьи — о слабости его кремлевской команды и интригах укрепившихся во власти «региональных баронов».

Подытоживая широкую гамму мнений, публицист Л.Васильев писал в «Новом времени»: «Ельцин явно устал. Дело даже не в возрасте — для могучей натуры шесть десятков не ноша. Президент просто не выдерживает той нечеловеческой повседневной и всевозрастающей нагрузки, которая падает на его плечи... Петр или Николай, Сталин или Брежнев были лишь вершиной хорошо организованной по восточному образцу бюрократической пирамиды, состоявшей из вышколенного аппарата чиновников и опиравшейся на безмолвный и подавляемый в случае недовольства народ. Ельцин находится в совершенно иных условиях — и потому ему не-

* Московские новости. 1993. 8 авг.

измеримо тяжелее. За все отвечает по-прежнему он, но теперь ему плохо помогает в этом административная машина, которая частично разрушена реформами и на ходу перестраивается. Президенту тяжело еще и потому, что ему досталось начинать непопулярные, но вынужденные реформы, с которыми сознательно медлил его предшественник Горбачев. Наконец, именно Ельцину довелось испытать всевозрастающее сопротивление со стороны почувствовавших благодаря нелепой советской Конституции свою власть безответственных противников из Советов всех уровней, прежде всего Верховного Совета»*.

Но при весьма широком разбросе суждений относительно причин пассивности Президента большинство сходилось в том, что Ельцин нужен стране и ему необходимо помочь обрести новое дыхание. В группе помощников говорили так: «Нужно вернуть Ельцину Ельцина».

Сам он глубоко переживал далеко не триумфальную поступь реформ, вынужденное лавирование, в том числе и в вопросе кадров, саму медлительность политических процессов, бесконечную череду компромиссов. Вязкая борьба вокруг проекта новой Конституции истощала его политический и моральный ресурс. Он все чаще замыкался в себе, реже стал выезжать в регионы. Да и сами поездки все больше носили не политический, а протокольно-бюрократический характер. «Усыхали» контакты с демократами в регионах. В ходе поездок местные власти просто не подпускали их к Ельцину, а сам Президент не проявлял инициативы.

Социологический опрос, проведенный ВЦИОМ, выявил серьезное падение доверия к Президенту. Лишь 9% опрошенных заявили о том, что их надежды на референдум оправдались. Опрос показал, что если бы через 100 дней после референдума его провели повторно, то Ельцин потерпел бы серьезное поражение. Причем разочарование наблюдалось буквально во всех слоях общества, во всех возрастных группах, среди людей самого разного уровня образования. По отношению к Ельцину происходило серьезное размежевание — примерно равное число россиян требовало от Президента взаимоисключающего: 20% настаивали на необходимости более решительно проводить линию реформ, а 21% требовали его отставки.

Конституционное совещание

Президент был занят подготовкой новой Конституции. Еще 28 апреля, сразу после референдума, на третьем этаже 1-го корпуса Кремля, в Ореховой комнате, там же, где и три месяца назад, Ельцин вновь встретился с юристами — А.Венгеровым, Р.Лившицем, А.Мишиным, В.Мушинским, А.М.Яковлевым. Присутствовали также В.Костиков, С.Шахрай и Ю.Батурин.

Президент поблагодарил ученых за поддержку, поздравил с победой на референдуме. И почти тут же перешел к Конституции:

«Б.Ельцин. Проект Конституции получился. На мой взгляд, не юриста, с политической точки зрения хороший проект получился. Нашими общими усилиями. Не будем говорить, кто меньше усилий приложил, кто больше. Факт тот, что действительно проект Конституции получился.

* Новое время. 1993. № 43. С. 10.

Сейчас стоит вопрос, как с наименьшими издержками принять ее и не тянуть. Если мы ее в таком виде, с какими-то замечаниями с мест сумеем принять, это будет действительно настоящая победа...

...Неделю на то, чтобы обобщить замечания. А вот дальше... Дальше — это вы подскажите, что дальше.

Варианты, конечно, есть. Несколько вариантов. Но какой вариант наиболее беспроигрышный и какой вариант не вызовет смуту в обществе, — вот это нам надо продумать.

Есть вариант — Съезд, вариант — Верховный Совет, конечно, вариант и Конституционное Собрание, вариант и Совет Федерации, который может временно как бы превратиться в Конституционное Собрание, назвать его именно как Конституционное Собрание. Они к этому уже подошли, готовы и активно довольно откликаются на это. Но с точки зрения юридической — насколько все это будет чисто?»

Многократное употребление Ельциным в этом коротком вступлении термина «Конституционное Собрание» означало, что эта идея была ему близка.

«С.Алексеев. Поскольку мне пришлось вместе с моим коллегой Сергеем Михайловичем (Шахраем. — *Авт.*) готовить проект Конституции, я, во-первых, всех присутствующих коллег и друзей должен сердечно поблагодарить за участие. А во-вторых, сказать, что мы с максимальной полнотой стремились интегрировать все предложения, но что не интегрируется, то не интегрируется. И наконец, извиниться за то, что не все было принято.

Вот я вижу у Августа Алексеевича (Мишина. — *Авт.*) лежит его проект Конституции. Я считаю, что его разработка действительно замечательная, это классический проект президентской республики. Но мы стремились сделать проект гражданского согласия.

А.Мишин. Есть такое соображение. Тот документ, который лежит, — это не проект Конституции, это проект проекта Конституции. Поэтому заниматься сейчас его вылизыванием не надо. Он попадет в руки субъектов Федерации, создадим Учредительное Собрание — там его будут драть на куски и так далее.

Но если мы будем говорить о переходе к учредительной власти, то есть если право принятия Конституции переходит к народу, возникает вопрос — как?

Из чего складывается принятие любой Конституции? Разработка проекта — раз, это должна делать, как правило, небольшая коллегия. Дальше — утверждение проекта, скажем, парламентом...

Ю.Батурин. Наверное, первым шагом нужно было бы внести Съезду предложения. Они будут отвергнуты. Второй шаг — инициатива субъектов Федерации. Она скорее всего будет отвергнута Съездом или проигнорирована примерно так же, как и заявление субъектов Федерации в начале VII и IX съездов. А вот уже третий ход — главный...

Р.Лившиц. Что касается принятия Конституции, я согласен с Юрием Михайловичем (Батуриным. — *Авт.*). Только, мне кажется, сделать надо не три этапа, а два. Почему я за два этапа, а не за три? Потому что надо делать все очень быстро. Чем быстрее, тем лучше. Обратиться к Съезду надо — от этого никуда не уйдешь. Вот если Съезд откажет Вам, а он, конечно, отка-

жет, то самый простой путь — формирование специального органа, попросить субъекты Федерации, чтобы направили по два представителя.

Я оставляю открытым вопрос, нужно ли Вам включить в состав такой Конституционной ассамблеи некоторых профессионалов. Этот вопрос нужно решать Вам самому. И еще, Борис Николаевич: радикальные советы надо слушать с большой осторожностью и постараться за пределы права не выходить.

А.Мишин. Да, здесь нужна конституционная политическая корректность. Я думаю, у Вас сейчас одно оружие — это хорошо продуманная серия указов, направленных на одну цель.

С.Шахрай. Как принимать Конституцию? Исходя из того, что Президент сейчас носитель элементов учредительной власти, он, на мой взгляд, может и должен провести быстрые консультации с субъектами Федерации, даже с основными политическими силами, по их требованию, если получится, или по их инициативе, если получится, потому что, если не получится, то придется без этого действовать, созывать Конституционное Собрание, которое принимает Конституцию, избирательный акт, утверждает дату выборов.

А.Венгеров. Я исключаю какую-либо позитивную роль в этом процессе Съезда и Верховного Совета. Что, они сами себя будут ликвидировать? Поэтому, хочешь не хочешь, нужно найти путь к тому, чтобы принять Конституцию.

В этой связи я, между прочим, посмотрел бы, а были ли в истории России такие ситуации?

А.Яковлев. Конечно, были. В 1905 году.

А.Венгеров. В 1907-м, Александр Максимович! Когда распустили вторую Думу, начали размышлять, а как же выйти из этого положения?

Тогда было предложение создать своеобразную комиссию, собор, собрание из представителей городов и земств, которые бы разработали и приняли избирательный закон, для того чтобы избрать следующую Думу или другой орган, который бы принял Конституцию...

А.Яковлев. А если мы предложим на Собрании принять Декларацию о конституционных принципах. Там будет все, что надо. Декларация имеет рекомендательный характер. Там не будут цепляться за формулировки. Но там будут забиты — парламент, Президент и полномочия на проведение выборов в этот новый парламент, который, полномочия получив, реализует их в виде переходного акта об органах государственной власти, куда провести выборы. Все. И уже собравшийся парламент пусть жует эту Конституцию.

В.Мушинский. У меня есть такое предложение: Учредительное Собрание должно состоять из трех равноценных частей. Первую часть назначает Президент, вторая часть — по одному человеку от каждого субъекта Федерации, а третья часть — от парламентских фракций. Причем установить, что члены Учредительного Собрания в ближайших выборах участвовать не могут, чтобы это было объективное собрание».

Обсуждение продолжалось еще долго, пока Ельцин, поглядев на часы, не закруглил разговор, попросив В.В.Костикова помочь участникам совещания выйти на страницы прессы.

На следующий день, 29 апреля, Ельцин должен был выступать на совещании руководителей республик в составе Российской Федерации, глав администраций краев, областей, автономных образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга. Текст его выступления был готов. Более того, он уже лежал на столе Президента. Зная склонность Бориса Николаевича к импровизации и видя, что идея Конституционного Собрания глубоко запала в его сознание, Батурин коротко, но аргументированно попросил Ельцина не употреблять этот термин: «Пусть будет хотя бы Конституционное совещание, по крайней мере до момента, пока проект Конституции не будет согласован». «Ладно...» — нехотя согласился Ельцин.

Выступая в Кремле, он все же поступил по-своему, но весьма артистично:

«Хотелось бы доработать проект и потом созвать Конституционное совещание *(пауза)*... Или там — Конституционное собрание *(пауза)*, — Ельцин внимательно смотрит на реакцию в зале, — чтобы рассмотреть проект, который получится».

Уловив шумок на «Конституционное собрание», он повторил «тест»:

«На это Конституционное совещание-собрание выдвинуть по два представителя от каждого субъекта Федерации. Вы сами решите, как их назвать, назначить, выбрать, делегировать. Это ваше дело».

Шум стал заметнее, и Ельцин вернулся к формуле «совещание»:

«Это могут быть представители исполнительной и законодательной власти. Может быть, вы решите иначе, но главное, чтобы это совещание было работоспособным — в смысле работы над проектом Конституции. Лучше, если среди ваших представителей будут в том числе юристы, экономисты, управленцы. Но это на ваше усмотрение. Я со своей стороны направляю на это совещание известных в России высококвалифицированных юристов-профессионалов. И хорошо бы к концу мая — началу июня уже иметь согласованный вариант проекта Конституции Российской Федерации».

Верховный Совет отреагировал мгновенно, приняв в тот же день постановление «О завершении работы над проектом Конституции Российской Федерации», где устанавливался график доработки и принятия Основного Закона. Имелся в виду проект, давно уже разрабатывавшийся Конституционной комиссией Съезда, но застывший почти без движения в паутине политических схваток зимы и весны.

Пикантность ситуации состояла в том, что председателем Конституционной комиссии Съезда был... тоже Б.Н.Ельцин. Поэтому первым пунктом постановления стояло:

«Конституционной комиссии совместно с Советом Республики и Советом Национальностей Верховного Совета Российской Федерации завершить до 20 мая 1993 года доработку и **согласование с Президентом Российской Федерации** (выделено нами. — *Авт.*) проекта основных положений новой Конституции Российской Федерации и направить их на согласование в республики в составе Российской Федерации, края, области, автономную область, автономные округа, города федерального значения».

Дальнейший график был таков:

25 мая 1993 года — парламентские слушания;

до 10 июня получить замечания и предложения;

до 30 июня доработать проект с учетом всех замечаний и предложений;

до 10 октября Верховному Совету завершить постатейное рассмотрение проекта;

не позднее 15 октября опубликовать доработанный проект;

17 ноября 1993 года созвать Съезд народных депутатов для рассмотрения и принятия новой Конституции.

Ельцин явно принял иной темп. На следующий день, 30 апреля, в газете «Известия» был опубликован проект Конституции, о котором говорилось на совещании у Президента.

12 мая Ельцин подписывает Указ № 660 с названием, почти точно повторявшим название постановления Верховного Совета — «О мерах по завершению подготовки новой Конституции Российской Федерации». Согласно Указу 5 июня 1993 года созывалось Конституционное совещание.

В тот же день распоряжением Президента был утвержден состав рабочей комиссии по доработке проекта Конституции. В группу вошли 42 человека под председательством самого Ельцина.

Через 8 дней, 20 мая, — новый Указ (№ 718) «О созыве Конституционного совещания и завершении подготовки проекта Конституции Российской Федерации», прояснивший наконец состав Конституционного совещания:

группа представителей федеральных органов государственной власти формировалась из народных депутатов из числа членов Конституционной комиссии, представителей от каждой фракции плюс 50 представителей Президента и Правительства;

группа представителей органов государственной власти субъектов Российской Федерации формировалась делегированием по одному человеку от представительной и исполнительной власти от каждого субъекта Федерации (Указом от 31 мая Ельцин увеличил представительство от каждого субъекта Федерации до четырех человек);

250 мест в совещании выделялось представителям местного самоуправления, политическим партиям и движениям, товаропроизводителям и предпринимателям, профсоюзам, религиозным конфессиям, а также Академии наук;

устанавливалось, что в работе Совещания могут участвовать представители Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего арбитражного Суда и Генеральной прокуратуры;

заявки на участие в Совещании принимались до 25 мая.

4 июня Верховный Совет постановляет не позднее 30 июня согласовать с Президентом основные положения проекта новой Конституции, причем учесть предложения созываемого Президентом Конституционного совещания. Одновременно Верховный Совет поправил себя по срокам — 17 ноября Съезд должен принять проект лишь в первом чтении.

В тот же день в Кремле готовились к завтрашнему открытию Конституционного совещания. По спискам число участников достигало 762. Утром 5 июня в Кремль прибыли 692 из них, и Ельцин открыл задуманное им Конституционное совещание.

Неожиданно, с громким криком и размахивая кулаками, к трибуне бросился народный депутат Ю.Слободкин, имевший давнюю репутацию ярого противника Президента. На пути встали сотрудники Службы безопасности, которые попытались его урезонить. Но распалившийся депутат продолжал рваться к президиуму и скандалить. Вырывавшегося из рук Слободкина пришлось выносить из зала, один из охранников, Н.Суров, захватил и слетевший с депутата ботинок.

Ельцин продолжал выступать:

«Смысл конституционной реформы состоит не в расхватывании кусков власти и закреплении этого в новом Основном Законе. Вопрос ставится по-другому. Надо построить российскую государственность — государственность свободы, государственность права, государственность процветания...

В последние месяцы руководство Верховного Совета не хотело и слышать о новом проекте Конституции. Предложение Президента о вынесении проекта Конституционной комиссии на референдум было с порога Съездом отвергнуто. Стало ясно: законодатель, по существу, отказался от им же одобренного проекта новой Конституции... После апрельского референдума в развитии этого опасного процесса наступил перелом. Появление проекта новой Конституции создало совершенно новую политическую реальность, которую теперь никто не может игнорировать...

...Теперь о проекте Конституции, который называют президентским. Его подготовила группа ведущих юристов страны. Перед ними была поставлена задача объединить все лучшие из наиболее известных проектов последнего времени. Считаю, что создан достаточно лаконичный, понятный и гибкий текст, в основе которого — единая концепция...»

Следом председательствующий В.Черномырдин предоставил слово С.Алексееву, но к трибуне одновременно направился Р.Хасбулатов. В зале раздались крики: «Дать слово!», «Не давать ему слова!» Свист, шум. Первым среагировал Ельцин: «Это не митинг... Просьба к тем, кто свистит, удерживаться от эмоций. Давайте мы таким образом сделаем... Проведем еще одно пленарное заседание на следующей неделе, и на том заседании первому будет предоставлено слово Руслану Имрановичу...»

Однако Хасбулатов настаивал, и Ельцин предоставил ему слово, но сказать спикер так ничего и не смог — его захлопывали. «Я сейчас ухожу, — произнес он с трибуны, — но уже ясно то обстоятельство, что вы здесь не даете выступить Председателю Верховного Совета... выслушать его мнение... Это показывает, что вы, конечно же, не можете не только принимать какие-то решения, но даже обсуждать эти решения...»

Через четыре дня, 9 июня, Верховный Совет принял специальное постановление, которым делегировал для работы в Конституционном совещании Р.Хасбулатова, которому надлежало руководствоваться следующими принципами:

« — выработка единого текста проекта новой Конституции Российской Федерации на основе проекта, разработанного Конституционной ко-

миссией, проекта, предоставленного Президентом Российской Федерации, и других проектов;

— отказ от тезиса Президента Российской Федерации: «Советы и демократия несовместимы», прозвучавшего в его докладе 5 июня 1993 года;

— решения Конституционного совещания носят рекомендательный характер;

— конституционные процедуры принятия новой Конституции устанавливаются Верховным Советом и Съездом народных депутатов Российской Федерации».

На следующий день, 10 июня, выступая на Конституционном совещании и понимая, по какой линии установилась наиболее жесткая конфронтация, Ельцин смягчил свою позицию:

«Я не сторонник каких-то революционных действий по отношению к Советам... Главное, что я имел в виду: Советы как инструмент бывших структур КПСС, как единая корпорация по замыслу ее создателей соединяли и соединяют в своей деятельности и нормотворчество, и контроль, и исполнительно-распорядительные функции. Именно отсюда их постоянное стремление подменять исполнительные органы власти, именно отсюда неприятие принципа разделения властей».

Президент перехватил инициативу у Верховного Совета. Конституционное совещание работало ежедневно, эффективно и творчески. Каждый день Ельцин получал краткий отчет о работе совещания от Ю.Батурина, ставшего к тому времени его помощником.

За месяц с небольшим был выработан проект Конституции, по которой Президент становился главой государства с широкими полномочиями в сфере исполнительной власти. Голосование по проекту состоялось 12 июля 1993 года. В руках у Президента теперь был свой проект. Но что с ним делать дальше?

Проведя пленарное заседание Конституционного совещания, завершившего первый этап работы над проектом Конституции, Ельцин взял отпуск и уехал на Валдай. 13 июля Ю.Батурин и член Президентского совета А.Мигранян направили ему совместную записку. В шутливой форме, пародируя набившие оскомину деепричастные обороты из преамбулы проектов новой Конституции, которые в последнее время часто приходилось читать Б.Ельцину, они поставили перед ним вполне серьезные вопросы.

У Ельцина дошли до записки руки только через полмесяца. Он прочитал ее, сделал на ней пометки, а на первой странице написал: *«Нужен разговор. Б.Ельцин. 28/VII-93 г.»*.

Приведем этот документ:

«Уважаемый Борис Николаевич!

Поздравляя Вас с успешным завершением Конституционного совещания;

желая Вам приятного отдыха;

зная, что в отпуске Вы непременно работаете;

будучи уверенными, что Ваш багаж и так перегружен делами, которые Вы берете с собой на отдых,

хотели бы совершить "черное" дело, добавив туда еще одну проблему.

Размышляя в соответствии с Вашими пожеланиями, высказанными на заседаниях Президентского совета, о выработке политической стратегии, мы выявили несколько ключевых вопросов, без знания Вашей позиции по которым сделать это невозможно.

Хотелось бы в августе обсудить их подробнее.

Конституционное совещание помимо своего прямого назначения — подготовки проекта Конституции — принесло и дополнительные результаты. Идея досрочных выборов овладела политически активной частью общества. И уже в рамках самого Конституционного совещания начали формироваться избирательные блоки и создаваться политические партии.

Мы хотели бы обратить Ваше внимание на те из них, которые являются (или, по крайней мере, называют себя) пропрезидентскими. А из них главным образом на те, которые для создания собственной организационно-технической базы используют возможности государственной машины...

В связи с этим первый вопрос:

Каково будет отношение Президента к такого рода партиям и избирательным блокам, учитывая, что они используют государственные механизмы (и служебное положение, о чем пресса пока не пишет, но может и написать) для формирования собственной политической опоры?

Второй вопрос, тоже связанный с выборами:

В какие сроки Вы хотели бы, чтобы состоялись парламентские выборы?

Желательно было бы договориться о предельной дате, после которой проводить выборы нецелесообразно. Обращаем Ваше внимание, что возможность проведения выборов осенью становится все более проблематичной, потому что подготовка к выборам потребует не меньше трех месяцев, а у нас не решен вопрос ни с Конституцией, ни с законом о выборах...

Проблемы с выборами на этом не заканчиваются. Центральный вопрос, от которого будет зависеть вся стратегия:

Собирается ли Президент переизбираться на второй срок (т.е. выходить на выборы до окончания срока полномочий — иной возможности нет)*?

Если да, то под конец срока полномочий или одновременно с парламентскими выборами (трансформацией депутатского корпуса)**?

От ответа на эти вопросы зависят и возможности формирования нового имиджа Президента.

Образ Президента-борца, "человека на танке" — этот героический образ уже сыграл свою роль. Он в любом случае сохранится в сознании народа. Сегодня для людей более привлекателен образ конструктора, Президента, осуществляющего точную и тонкую настройку сложной государственной машины, человека, способного к кропотливому поиску и нахождению политических "развязок".

Между прочим, в прессе уже появились такого рода соображения в связи с Вашим предложением о создании Комиссии конституционного

*Этот абзац отчеркнут Президентом, и крупно написано: «НЕТ».

**Слова «конец срока полномочий» Ельциным подчеркнуты и поставлена крупная галочка.

арбитража в рамках Конституционного совещания. Очень сильным ходом в этом направлении могло бы быть Ваше предложение о трансформации депутатского корпуса в "сокращенном" составе в новый федеральный парламент. Это способствовало бы разрушению негативного стереотипа, в соответствии с которым Президент иногда воспринимается как человек, всегда идущий напролом.

Далее. Как гласит французская поговорка: "Короля играет свита". В связи с проблемой изменения образа Президента:

Как Вы относитесь к возможному перемещению некоторых политических фигур, которые, как иногда говорят в прессе, стали "камнем на шее Президента"?

В первую очередь речь идет о тех:

— кто неэффективно действует;

— кто причастен к коррупции (если таковая будет доказана);

— кто нагнетает атмосферу конфликтности и конфронтационности, особенно в сфере отношений Президент — парламент.

Мы очень надеемся, что своими вопросами не испортим Вам отпускное настроение.

Ю.Батурин
А.Мигранян»

Уходя в отпуск, Б.Ельцин дал поручение группе членов Президентского совета и юристов, с которыми встречался начиная с апреля 1993 года, подготовить план разрешения политического кризиса. Координатором был назначен Ю.Батурин. Самое активное участие в подготовке плана приняли Г.Сатаров и А.Мигранян.

План включал список неотложных мероприятий, их последовательность и перечень проектов необходимых документов.

Вот выдержка из сентябрьского плана:

«... 6 сентября — формирование распоряжением Президента Рабочей группы Конституционной комиссии.

6—15 сентября — заседание Рабочей группы Конституционной комиссии.

15 сентября — учредительное заседание Совета Федерации.

16 сентября — заседание Конституционной комиссии.

17 сентября — пленарное заседание Конституционного совещания.

18 сентября — обсуждение на совместном заседании рабочих групп Конституционного совещания и Конституционной комиссии проектов закона о федеральных органах государственной власти и закона о выборах.

21 сентября — совместное заседание Конституционного совещания и Конституционной комиссии.

22 сентября — послание Президента Верховному Совету».

Естественно, что план мероприятий неоднократно корректировался в зависимости от менявшейся политической ситуации. Ежедневно на стол Президента ложился уточненный план действий по состоянию на вечер предыдущего дня. Получилось нечто вроде гибкого сетевого графика.

Последняя попытка примирения

Б.Ельцин столкнулся с чрезвычайно трудным вопросом: на какие силы опереться после победного для себя апрельского референдума? Демократы требовали действий, сетовали на молчание Президента. Особенно тревожно звучали голоса реформаторов с периферии.

В начале августа 1993 года от группы демократов Орловской области в Службу помощников Президента было передано коллективное письмо, описывавшее ситуацию, которая сложилась в области после избрания главой областной администрации бывшего первого секретаря Орловского обкома КПСС Е.Строева. Будущий спикер Совета Федерации, ставший впоследствии серьезной опорой Б.Ельцину, был избран при мощной поддержке коммунистов и на волне резкой критики политики Президента. В случае своего избрания Е.Строев обещал приостановить в области приватизацию, способствовать государственному регулированию экономики.

Незадолго до референдума новый глава Орловской администрации, будучи уверен, что Ельцин потерпит на нем сокрушительное поражение, провел серьезную кадровую чистку областной администрации, изгоняя тех, кто причислял себя к демократам. Гонениям подверглись и демократические журналисты. «Руководство области, — говорилось в письме, — в настоящее время по своему составу вернулось к образцу 1989 года: все ключевые посты занимают бывшие члены бюро обкома КПСС, идет успешный номенклатурный реванш... Под формальной структурой Советов возобновляется деятельность прежних партийных структур, составляющих политическую опору новой администрации. В настоящее время фактически восстановлена действовавшая до августа 1991 года партийная вертикаль: обком — горком — райкомы».

Авторы также обращали внимание на то, что финансирование ряда прокоммунистических организаций в области идет по линии Верховного Совета и по личному распоряжению Р.Хасбулатова. Кстати, вскоре после избрания Е.Строева главой областной администрации спикер нанес ему визит.

Интересно, что авторы письма достаточно точно предугадали дальнейшую политическую эволюцию Егора Семеновича: «Все больше выявляется стремление Е.С.Строева выйти на более широкую политическую арену. Себя он все чаще рассматривает как одного из немногих «практиков» прежнего Политбюро, способного вывести Россию из кризиса. К этому принимают свои меры определенные силы в Центре, включая органы РКП... Лояльное отношение Строева к политике Президента и Правительства, а также к реформам чисто внешнее и будет “соблюдаться” до тех пор, пока окончательно не проявится соотношение политических сил. Необходима активная упреждающая политика Президента с учетом того, что результаты апрельского референдума “ушли в песок”, а люди о них фактически забыли».

Письмо из Орловской области достаточно точно отражало общую ситуацию в российской глубинке и оборонительную тактику редевших демократических сил. Все больше разочаровываясь в Б.Ельцине, они тем не менее обращались за поддержкой именно к нему, поскольку возможность

для собственного маневра на местах в условиях «номенклатурного реванша» была почти сведена к нулю.

Судьба этого письма важна для понимания особенностей внутренней жизни Администрации Президента и группы помощников тех лет. Авторы попытались передать ее Президенту по общепринятому в бюрократической практике каналу — через канцелярию Президента, однако письмо к нему не попало. В конечном счете они обратились к пресс-секретарю Президента во время поездки Б.Ельцина в Орел. На переданном ему письме сохранилась интересная приписка, сделанная от руки: «Нас изгнали из Белого дома. Но и к Вам не войти. Есть заведующий дверями. А может, он и Вас не пускает?»

Встреча Б.Ельцина и Е.Строева проходила на одной из бывших обкомовских дач. Можно только догадываться о том, с какими трудностями небольшая группа представителей орловских демократов прошла на охраняемую территорию. Им помогло то, что в ее составе был бывший депутат Верховного Совета СССР Самарин. Президент и глава Орловской администрации обедали вдвоем на втором этаже особняка, и надо же тому случиться, что письмо передавалось именно в тот момент, когда Ельцин и Строев спускались по крутой лестнице вниз. Ельцин, тяжело ступая, спускался сам, а Строеву помогали два дюжих молодца.

Увидев в вестибюле знакомых и, видимо, «доставших» его демократов, Е.Строев рассвирепел. Солидная порция великолепной «Дворянской настойки», которой он угощал Ельцина, сделала этого уравновешенного человека крайне несдержанным на язык. Президент никогда сам не использовал матерные слова, не поощрял это у других и был крайне удивлен всплеском «лингвистических» эмоций нового хозяина области. В языковые традиции И.Тургенева, усадьбу которого Президент посетил во время поездки, это никак не укладывалось.

Мы, естественно, опускаем образцы добротного провинциального «фольклора»: «Кто пустил эту нечисть? ...Гнать в шею!..»

Борис Николаевич лишь покачал головой. В тот момент его волновало другое. Не без гордости он сказал: «А все-таки я его «перефардыбачил».

Разумеется, Ельцин был в курсе того, что происходило в регионах после референдума. Сигналы о коррозии демократического движения на периферии и о реванше коммунистической номенклатуры поступали к нему и через помощника Л.Суханова, который отвечал за контакты с демократическими общественными организациями. Эти процессы, правда, в смягченной форме, находили отражение и в ежемесячных обзорах писем на имя Президента.

Каковы могли быть действия Президента в подобной ситуации? В президентской почте тех лет немало «подсказок» весьма радикального характера: распустить Съезд и Верховный Совет, запретить баллотироваться в депутаты всем, кто был на высоких номенклатурных постах в КПСС (то есть ввести по примеру ряда стран Восточной Европы систему «люстраций»), сократить сроки полномочий законодательных органов до двух лет, взять на себя всю полноту власти и т.д.

Многие из такого рода предложений импонировали радикальным демократам, некоторые из них «умозрительно» нравились и самому Президен-

ту, и части его окружения. Но анализ возможных последствий взывал к осторожности: при существовавшем идейном и политическом разломе общества радикальные меры могли бы привести к углублению раскола и, таким образом, еще больше затруднить проведение реформ. Не мог не считаться Ельцин и с падением своего авторитета. Хотя в иерархии ведущих политиков он по-прежнему занимал первое место, его собственный рейтинг за период «политической спячки» после референдума сильно пострадал. Напротив, Председатель Верховного Совета Р.Хасбулатов и вице-президент А.Руцкой, оправившись после удара, быстро восстанавливали утраченные позиции.

Президент вновь встал на путь заигрывания с бывшей номенклатурой. Ментально она была ему все-таки ближе, привычнее, чем такие непонятные и несолидные либералы. Возможно, его интуиция подсказывала, что советские руководители, в основном среднего уровня, ближе и к основной части людей, особенно на периферии. Впрочем, этого бы не произошло, если бы реформы оказались успешными, а сам он выглядел бы триумфатором... Нельзя сказать, что Ельцин разочаровался в реформах, он просто начал сознавать, что Россия с ее огромным пространством, многолетним грузом советских привычек, с концентрацией «европейства» лишь в мегаполисах, попросту неспособна столь же органично и быстро принять новые принципы жизни, как это произошло в бывших социалистических странах Восточной Европы или в Прибалтийских республиках.

Разумеется, можно было бы попытаться пойти на еще более крутые решения, прежде всего в политической сфере. Но для этого не существовало ни силовых ресурсов, ни общественной поддержки, ни, честно сказать, ясной, стройной и последовательной программы таких преобразований. В этих условиях Президенту показалось разумнее не отталкивать провинциальную номенклатуру, а попытаться сделать ее лояльной. Тем более что по номенклатурной традиции России близость к «первому лицу государства» — будь то император или Генеральный секретарь КПСС — ценилась очень высоко. Региональные бонзы могли сколько угодно рассказывать анекдоты о Брежневе или Черненко, но, попадая в Кремль, преисполнялись благоговейного почтения.

Имея огромный номенклатурный опыт, Ельцин понял, что если бывших коммунистов, даже из числа его яростных противников, деликатно, «ласково» приближать к президентскому креслу, то их коммунистический радикализм улетучится, как дым. Помимо «политических пряников» Ельцин умело, порой цинично использовал и чисто бытовые подачки — престижная должность, квартира, дача, медицинское обслуживание в ЦКБ, машина. За политическую лояльность он мог позволить и простить многое, особенно региональным лидерам. Немало лидеров оппозиции, оппозиционных депутатов испытали на себе это искушение и в нужный момент оказались в числе «клиентов» Президента.

Поэтому не приходится особенно удивляться взаимоотношениям Б.Н.Ельцина и Е.С.Строева. Зная о коммунистическом прошлом и «левых» симпатиях главы Орловской администрации, Президент не мог не отметить и строевский прагматизм, и его политическую гибкость.

С приходом в Правительство В.Черномырдина наступало время таких «крепких хозяйственников», как глава Орловской области. К тому же

Ельцин уже наблюдал опыт такой политической эволюции. Тот же самый Черномырдин, который начал с заигрывания с прокоммунистическим Верховным Советом, довольно скоро врос в оставленный ему в наследство Гайдаром реформаторский сюртук и с некоторыми консервативными модификациями и с большей осторожностью, в сущности, стал продолжать политику своего предшественника.

Конечно, не следует преувеличивать значение «материализма» в эволюции бывших оппозиционеров. Часть из них переходила в стан сторонников Президента, исходя из крепнувшего понимания, что советская система исчерпала себя и близится к краху, что нужно как-то приспосабливаться к новой системе, интегрироваться в нее, пока лучшие места не заняли другие. На какую-то часть депутатского корпуса и региональных лидеров влияла и применяемая Президентом в умеренных дозах тактика запугивания.

Так или иначе, но «соглашательство» становилось заметным фактором политики. Ельцин «чувствовал это кожей» и одним из его излюбленных методов «перевербовки» стали конфиденциальные встречи с лидерами депутатских групп, вокруг которых целенаправленно создавалась завеса секретности. Депутаты стали чуть ли не соревноваться в том, кто чаще появляется в Кремле на встречах с Президентом. Существенную роль в этом, конечно же, играл сам «феномен Ельцина», масштабность его противоречивой личности. Многие депутаты, ненавидя его, испытывали странное притяжение — освященное многовековой русской традицией притяжение высшей власти.

Политолог Л.Шевцова пишет по этому поводу:

«Между тем, осознав, что на них надвигается, руководители большинства депутатских фракций начали пытаться пробиться к Президенту, надеясь убедить его в очередной раз пойти на мировую. Есть основания полагать, что в этот момент (речь идет об осени 1993 года. — *Авт.*) основные фракции парламента уже готовы были "сдать" Хасбулатова и других "непримиримых" во имя мирного диалога с исполнительной властью. Склонность к "соглашательству" стали проявлять "Промышленный союз", "Аграрный союз" и даже "Коммунисты России"»*.

Мирному исходу затянувшегося, но уже ослабевавшего противостояния между олицетворяемой Президентом новой системы власти и системой Советов помешало именно осознание группой Хасбулатова близившегося конца. Лидер парламентской оппозиции вновь пошел на обострение, надеясь в условиях социально-экономического кризиса и кризиса власти перехватить инициативу. Усилились, в частности, попытки со стороны Верховного Совета вовлечь в политику армию и натравить ее на исполнительную власть.

Выступая 10 августа 1993 года перед участниками Всероссийского совещания по вопросам социально-правовой защиты военнослужащих и членов их семей, спикер обвинил исполнительную власть ни много ни мало в пособничестве внешнему врагу и в целенаправленном разрушении вооруженных сил. «Если ставится задача расчленить Россию, разумеется, первым

* Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М., 1999. С. 136—137.

делом надо разрушить ее армию, — говорил он. — Исполнительная власть действует в стратегических интересах международного разведывательного сообщества».

Верховный Совет буквально испытывал Ельцина «на излом», одно за другим принимая решения, противоречившие его курсу, невзирая на результаты референдума. Такие решения принимались, в частности, по экономической проблематике — в сфере приватизации, финансов, бюджета и т.п. Многие решения относились к проблемам конституционного регулирования, то есть к исключительным полномочиям Съезда народных депутатов, но это не смущало ни членов Верховного Совета, ни его председателя. Например, чтобы облегчить свою работу, члены Верховного Совета изменили кворум для открытия своих заседаний — с 2/3 до 1/2 состава. Однако, по Конституции, эта регламентная норма устанавливалась Съездом.

Президент мог наложить вето на любое из таких решений, но это стало бы чисто символическим действием. Дело в том, что, согласно действовавшей Конституции, Верховный Совет принимал решения простым большинством голосов от списочного состава, и тем же большинством он отклонял президентское вето. Таким образом, у главы государства не было легальных средств ограничить законотворческий произвол Верховного Совета.

Одновременно с парламентской деятельностью оппозиция все активнее стала использовать «улицу», от словесных баталий переходить к агрессивным действиям. Наибольшей активностью отличались «Фронт национального спасения», «Трудовая Россия», «Русский национальный собор», КПРФ, «Российский общенародный союз» и др. Организованное оппозицией празднование 1 Мая закончилось столкновениями с силами правопорядка. Демонстранты пошли по маршруту, который не был заранее согласован с московскими властями. Попытки отрядов милиции, располагавшей только резиновыми дубинками и щитами, преградить путь двигавшейся колонне были отражены людьми, вооруженными булыжниками и металлическими прутьями. В результате погиб омоновец, раздавленный машиной, управляемой одним из боевиков. Пострадало около 600 человек; из 40 госпитализированных 25 — сотрудники милиции.

Координация расследования событий 1 мая была поручена межведомственной комиссии Совета безопасности по борьбе с преступностью и коррупцией. Результаты рассматривались на заседании комиссии 19 мая. Председательствовал Б.Ельцин, докладывал В.Черномырдин. Расследование показало, что столкновения на улицах Москвы 1 мая стали логическим следствием спланированной политической провокации. Докладывалось об участии в столкновениях заранее подготовленных боевиков, о подвозе к месту событий запасов булыжников и т.п.

Р.Хасбулатов обвинил в беспорядках милицию и заявил, что события 1 мая — провокация исполнительной власти, цель которой — применение чрезвычайных мер и свертывание демократических свобод. Однако избранная Президентом стратегия, стержень которой — доработка и принятие новой Конституции, противоречила этой «теории».

Активность оппозиции этим не ограничилась. Почти все лето территория вокруг телевизионного центра «Останкино» была оккупирована пикетами «Трудовой России». Пикетчики не ограничивались требованиями предоставить им телевизионное время. При полном попустительстве властей сотрудники телецентра, приходившие на работу и уходившие с нее, подвергались постоянным оскорблениям и даже физической агрессии. В июне оппозиционные партии провели «Всесоюзный конгресс антифашистских сил», на котором приняли решение провести в сентябре «Вече народов СССР» и призвали денонсировать Беловежские соглашения. Июль и август прошли в непрерывных акциях подобного рода — постоянные съезды различных оппозиционных организаций, периодические заявления и декларации, дестабилизирующие политическую ситуацию. В середине августа Аграрный союз и Аграрная партия России провели «Всероссийский день защиты крестьянства», который свелся к многочисленным демонстрациям оппозиции.

В июне 1993 года Верховный Совет внес изменения и дополнения к Закону о средствах массовой информации. Предусматривалось создание так называемого Совета по обеспечению защиты свободы слова (Наблюдательного совета), фактически такого органа, который от имени Верховного Совета осуществлял бы политическую цензуру на телевидении и радио.

Крайне опасным было то, что в компетенцию Наблюдательного совета входили полномочия утверждать и освобождать от должности руководителей телевидения, в том числе и их замов. В Верховном Совете совершенно открыто говорили о том, что в ближайшие дни будет сделана попытка сместить с должностей руководителей основных телеканалов В.Брагина, О.Попцова, Б.Куркову и расставить на этих ключевых позициях людей, лояльных Хасбулатову.

Одним из решений, принятых в июле этого же года, Верховный Совет запретил проводить на радио и телевидении какие-либо структурные и кадровые реорганизации. Цель — предотвратить реорганизацию телевидения в направлении интересов Президента, сохранить те прохасбулатовские кадры, которые там имелись. Не ограничившись этими мерами, Верховный Совет готовил отдельный Закон о телевидении и радиовещании. Согласно проекту, в телекомпаниях вводились советы управляющих, формируемые Верховным Советом из представителей депутатских фракций. На деле это означало бы введение полного контроля над телевидением со стороны консервативного большинства Верховного Совета, иными словами — со стороны коммунистов. Та же безрадостная картина складывалась в региональных службах телевидения.

Верховный Совет упорно стремился установить контроль над СМИ. Его руководство, в том числе и сам Р.Хасбулатов, извлекло урок из событий вокруг референдума, когда чаша весов склонилась в пользу Президента в значительной мере благодаря доминированию его команды на информационном поле. Одновременно в оппозиционной прессе, в выступлениях лидеров оппозиции снова зазвучала тема «здоровья Президента» и его участившихся «отсутствий».

Антиельцинская кампания, педалировавшая тему его здоровья, перекинулась и в западную прессу. Газеты писали о том, что Ельцин уже «не владеет ситуацией», «тяжело болен». В подтверждение отмечали, например, отсутствие Президента в течение трех недель на публике, отмену ряда встреч, акцентировали внимание на его болезненно-одутловатом лице, на артикуляционных трудностях при произнесении слов. Последнее, кстати, давало повод сравнивать его с Л.Брежневым. Публикации в западной прессе тотчас же с комментариями воспроизводились в «Правде» или в «Советской России».

Чтобы лучше понять подобные технологии, приведем письмо заведующего московским бюро немецкой газеты на имя пресс-секретаря Президента с извинениями по поводу одной публикации:

«Уважаемый г-н Костиков!

Московское бюро газеты "Зюддойче Цайтунг" приветствует Вас и обращается к Вам от имени главного редактора газеты г-на Диетера Шрёдера по поводу текста, опубликованного в нашей газете 20 апреля с.г. Этот текст был переведен на русский язык и опубликован в газете "Советская Россия" 24 апреля под названием "Последний симптом алкоголизма Ельцина".

Хотелось бы дать некоторые уточнения, касаемые этого текста, с которым я лично не могу быть согласен.

1. Речь идет не о статье, изданной редакцией газеты, а о письме читателя, полученном редакцией.

2. Главный редактор газеты г-н Шрёдер выразил протест по этому поводу редакции газеты "Советская Россия", так как текст был представлен как статья редакции "Зюддойче Цайтунг". В наших глазах форма презентации этого текста в газете "Советская Россия" является грубой манипуляцией.

3. Главный редактор газеты выразил свое возмущение и сделал соответствующие замечания ответственному редактору отдела писем за то, что был допущен очевидно несерьезный текст.

Я хотел бы также от имени главного редактора газеты подчеркнуть, что у нас положительное отношение к г-ну Ельцину. Он является для нас гарантом демократизации и ведения социальной рыночной экономики. Это было отмечено мною во многих статьях, репортажах и других публикациях из Москвы.

С уважением

Заведующий Московским бюро
"Зюддойче Цайтунг"
Томас Урбан».

Ближайшее окружение Ельцина было в курсе реального положения дел со здоровьем, но в Кремле существовала определенная этика — не обсуждать публично проблемы здоровья Президента. А между тем сам он, вынужденный действовать в непривычной для него вялотекущей, вязкой конфронтации, измотанный нескончаемой чередой конфликтов с Верховным Советом, стал все чаще уединяться в подмосковной Барвихе или в Завидово. Но чем чаще он «работал с документами» вне Кремля, тем агрессивней становился тон его оппонентов.

Конечно, некоторые проблемы со здоровьем, как и у всякого немолодого человека, у Б.Ельцина были. «Ближний круг» об этом был осведомлен. Так, в частности, наблюдались нарушения кровообращения, из-за чего во время сна сильно отекало лицо, особенно щеки, а это, в свою очередь, вызывало затруднения с речью. У Президента нередко болела спина — результат травмы, болели ноги (в народе это называют «шпоры»), и часто настолько сильно, что даже трудно было ходить. Но часть слухов он «провоцировал» сам, отменяя без видимого повода, иногда «из-за плохого настроения» заранее назначенные встречи или мероприятия. Некоторые из его критиков утверждали, что Президент «стал лениться». Однако в периоды обострения кризисов он умел удивительным образом мобилизовать и политический ресурс, и ресурс здоровья.

«Артподготовка»

В конце лета в Кремль стали поступать сообщения о том, что в Белом доме на Краснопресненской набережной и в Парламентском центре на Трубной площади создаются запасы оружия и боеприпасов.

Ощутив надвигающуюся опасность, Президент прервал отпуск, который проводил на Валдае, и неожиданно вернулся в Москву. Разговоры о его здоровье сразу прекратились. 12 августа он провел динамичную и политически насыщенную встречу с руководителями СМИ. Тремя днями ранее отдельно встречался с председателем Государственной телекомпании «Останкино» В.Брагиным. Обе встречи тщательно готовились в группе помощников, поскольку речь шла о сохранении и укреплении позиций на информационном поле. Цель формулировалась так: подтвердить и укрепить солидарность и взаимодействие Президента и средств массовой информации, дать оценку действиям Верховного Совета по введению политического контроля над СМИ.

Встреча Б.Ельцина с руководителями СМИ вышла далеко за рамки информационной политики как таковой. Фактически Президент объявил на ней об ужесточении своей позиции в отношениях с Верховным Советом и о начале осеннего политического наступления. Вспоминается такой нюанс: из зала Ельцину передали среди прочих короткую записку от Валерии Новодворской. В свойственной ей жесткой манере она сформулировала задачу, которую радикальные демократы хотели бы поставить перед Президентом:

«Борис Николаевич! Когда же наконец Вы разгоните Советы? Мы не предадим Вас и пойдем с Вами даже на смерть».

Анализ ситуации, который дал на встрече с представителями СМИ Президент, в целом соответствовал общему радикальному настрою его кремлевской команды: больше не отступать. В какой-то мере Ельцин даже превзошел ожидания своего окружения. Было очевидно, что его терпению наступил предел. Он понял, что изнурительная тактика компромиссов и уступок, которую он продолжал и после апрельского референдума 1993 года, ведет к утере власти. Оппозиция уже вела разговоры не только о свертывании полномочий Президента, но и о ликвидации самого института президентства.

В текст, подготовленный группой спичрайтеров, Президент внес несколько ужесточающих исправлений. Он говорил:

«Полным ходом идут хорошо продуманные и скоординированные частью руководства Верховного Совета меры по дискредитации и разрушению не только исполнительных, но и представительных органов власти. По сути дела, через высший законодательный орган страны реализуется установка II Конгресса так называемого "Фронта национального спасения" на упразднение поста Президента, приручение законодателей, на развал реформ... Что означают все эти действия? Фактически силы, взявшие верх в Верховном Совете, ведут курс на узурпацию власти Правительства, исполнительной власти».

Выступление Президента перед видными представителями СМИ было не столько апелляцией к журналистской общественности, в поддержке которой он был достаточно уверен, сколько обращением к депутатам и угрозой в адрес Верховного Совета. Ударный абзац речи Президента в какой-то степени раскрывал его замыслы: «По всему видно, что настоящая политическая схватка наступит в сентябре. Август — время артподготовки, в том числе и для средств массовой информации».

Хотя в Кремле об этом не говорилось в открытую, а тем более публично, но окружение Ельцина уже понимало, что разрешить политический кризис в рамках «конституционного поля» очень трудно и что Президент уже «созревает» для ликвидации Верховного Совета. Эта тема была центральной на заседании Президентского совета в узком составе 10 августа 1993 года. Встреча была закрытой, и о ее содержании в прессу попало лишь несколько скупых строк из сообщения кремлевской пресс-службы: «Президент выслушал предложения участников встречи по стратегическим и тактическим аспектам политики и, в частности, по ходу конституционного процесса».

На самом же деле Ельцин использовал это узкое совещание для того, чтобы проверить вынашиваемый им тезис: «август — артподготовка, сентябрь — наступление». Помимо самого Президента во встрече участвовали: Е.Гайдар, Д.Волкогонов, С.Караганов, О.Лацис, Г.Сатаров, Л.Смирнягин, В.Илюшин, В.Костиков.

Короткую «вводную» к обсуждению дал сам Б.Ельцин:

«Ситуация более-менее ясна. Нерешенность вопроса о Конституции и о выборах выводит нас на силовые методы. В целом мы определились по времени: август — предстартовый, сентябрь — политическое наступление. Что конкретно? Что делать с Верховным Советом? Горлом его не возьмешь! Меня со всех сторон подталкивают на силовые методы. Уже и из толпы кричат: распустить!»

Дискуссия велась по четырем вопросам:

1. Схема выхода из тупиковой политической ситуации.
2. Возможности принятия новой Конституции.
3. Возможность и характер выборов нового парламента.
4. Тактика.

Д.Волкогонов настаивал на том, что должны быть опробованы все легитимные варианты.

Кем-то был введен термин «пропагандистская легитимность». Л.Смирнягин на это заметил: «Если выйти за легитимные рамки, то всему конец».

Д.Волкогонов. «Президента явно провоцируют на резкие шаги. Это не случайно. Очень опасен Руцкой...»

Б.Ельцин. «Руцкого можно «прижать» по финансовым делам. И Степанкова тоже...»

Д.Волкогонов. «Конечно, лучше воспользоваться легитимными методами, но в резерве нужно иметь и нелегитимные. Президенту нужно обратить внимание на силовые структуры. Положение в армии удовлетворительное. МВД лояльно Президенту. А вот Министерство безопасности вызывает тревогу. Там занимают выжидательную позицию, уклоняются от принятия мер против непримиримой оппозиции, аргументируя тем, что "мы не занимаемся политическим сыском". Думаю, что в качестве символического шага Борису Николаевичу полезно съездить на центральный командный пункт армии» (эта подсказка была реализована. — *Авт.*).

По ходу обсуждения встал общий юридический вопрос: как можно очертить рамки легитимности при поиске выхода из тупиковой политической ситуации? Вопрос было решено переадресовать юристам, совещание Президента с которыми было назначено на 17 августа.

Более или менее конкретный вариант выхода из тупиковой политической ситуации предложил Г.Сатаров. «Возможен любой сценарий. Лишь бы его реализовывать последовательно. Избиратели примут любой вариант, дающий стабильность, а партии — вариант, выводящий на выборы. Привлекательна идея конституирования нового государства с новой Конституцией. И тогда Верховный Совет как бы отпадает». То есть провозгласить новое государство и вести речь о новой Конституции для нового государства, а не о новой Конституции для старого государства.

Но это предложение породило еще больше юридических вопросов:

— означает ли это своего рода революцию?

— насколько обязательно такой подход потребует и новых выборов Президента (новое государство — новая власть)?

— как отреагируют местные и республиканские Советы (ведь они в новой системе власти исчезают)?

— если говорить о переходном периоде, в котором местные Советы сохраняются, то насколько справедливо утверждение о новом государстве?

Говоря о возможности принятия новой Конституции, члены Президентского совета отметили серьезную проблему. В регионах и областях обсуждали два проекта Конституции — Конституционного совещания и Конституционной комиссии. Существование двух этих текстов невозможно было опровергнуть утверждениями (формально правильными), что Конституционное совещание интегрировало оба проекта. На местах говорили: «Согласуйте сначала наверху, а потом присылайте нам».

Отсюда были сформулированы еще два юридических вопроса:

— как юридически зафиксировать объединение текстов?

— как при этом избежать «дурной бесконечности» в попытках улучшить проект?

Возможность и характер новых выборов в парламент обсуждались в четырех аспектах: легитимность выборов, осуществимость выборов, избирательная система, перспективная оценка парламента.

Было предложено действовать, имея в кармане «спектр вариантов». Но этот спектр выглядел достаточно противоречивым.

Приведем фрагмент дискуссии:

«С.Караганов. У Президента узка политическая база. В случае силового решения возможно массовое неповиновение. Президент должен обезопасить себя и уйти из экономики. Пусть экономикой занимается Правительство. Любое Правительство сегодня — провальное. Надо работать на консолидацию, в том числе и с Хасбулатовым.

Б.Ельцин. Какой ценой?

С.Караганов. Надо замедлить реформы. Можно поторговаться и по кадрам — кого-то из раздражителей убрать. Мы отступаем беспорядочно... Надо упорядочить отступление.

В.Костиков. Это исключительно пораженческая позиция».

Другие члены Президентского совета утверждали, что согласия с Хасбулатовым не будет.

«О.Лацис. Надо действовать. Верховный Совет перешел грань и тем самым дал Президенту повод для решительных действий. Нужна серия указов: о выборах на осень, о конституционном законе, указом — одноразовые правила по выборам. При понимании того, что эти указы будут утверждены новым парламентом».

Е.Гайдар предлагал другой вариант: работа с депутатами и Верховным Советом. Пообещать не проводить перевыборы, а за это потребовать радикального изменения в руководстве Верховного Совета. Блокировать Съезд привлечением на свою сторону большего числа депутатов. «Надо создать впечатление активности Президента. Нужна победа... Пусть даже символическая. Я согласен с Волкогоновым: Министерство безопасности ненадежно. Нужно укрепить силовые ведомства. Что касается поддержки Президента регионами, то здесь нужна селективная политика финансирования».

Л.Смирнягин, как всегда, успокаивал Президента: «У меня более оптимистическое видение. Я только что вернулся из поездки по стране: никаких признаков бунта не наблюдается. Везде строят... Да, ворчат на Президента, но альтернативы пока нет. Деловые люди в провинции финансируют демократов, сами готовы идти в политику. Общество продемонстрировало способность жить самостоятельно».

Существует мнение, что к жестким мерам Ельцина методично подталкивала радикальная часть его окружения. На самом деле неизбежность ликвидации Верховного Совета как символа прежней тоталитарной системы буквально висела в воздухе. Об этом говорили и спорили на всех «политических перекрестках». В середине августа в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) состоялась дискуссия о путях выхода из политического кризиса. Материалы дискуссии свидетельствуют о том, что даже ученые, известные своей умеренностью и сдержанностью, в тот период высказывали суждения и давали рекомендации, которые вполне соответствовали умонастроениям радикальных демократов.

Не уточняя имен участников, приведем несколько симптоматичных мнений:

« — Выявляется чисто реставраторская тенденция на восстановление старой системы. Мы сегодня больше похожи на Италию 20-х годов, чем на Веймарскую республику. Муссолини победил не потому, что у него была поддержка, а потому что не было сопротивления. Конечно, чисто силовой, "перуанский" вариант в России не пройдет. Но и без выхода за пределы Конституции вопрос о выходе из кризиса власти не разрешить. Необходимо готовить общество и политически, и пропагандистски.

— Реформа буксует. Мы все время опаздываем. Пора прекратить "тащить" убыточные предприятия. Надо пойти на банкротства. Нас все время пугают угрозой безработицы. Эти страхи искусственно преувеличивают. Капитализм может допустить до 10% безработицы.

— При двоевластии ни одно государство существовать не может. Сегодня демократии все равно нет. Нарушение Основного Закона неизбежно. Вопрос — ради чего? Если только для выборов, этого мало. Новый парламент может оказаться хуже нынешнего. Если уж нарушать закон, то для более глубинных целей: не только ради Президента, а ради реформ. Парламент нужно разогнать и резко двинуть реформы вперед. Нужно технократическое правительство реформ в условиях чрезвычайного положения.

— Идет огромный перелом в сознании директорского корпуса. 60% директоров считают, что они начали приспосабливаться к рынку. Эти настроения нужно использовать. Не следует уничтожать парламент как институт власти, но конституцию менять надо. Основные положения можно ввести декретом и предусмотреть там механизм разделения властей».

При всей остроте политических схваток и дискуссий в элите проблемы государственного устройства, совершенствования федерации, принятия новой Конституции основную массу населения мало интересовали. В Верховном Совете депутаты пугали Правительство и Президента возможностью социального взрыва, народных бунтов. Президент стращал парламент и депутатов возможностью разгона. «Низы» же проявляли крайне низкую политическую активность, все более разочаровываясь как в законодательной, так и в исполнительной властях.

По оценкам президентского Аналитического центра, к концу лета 1993 года «в большинстве регионов обстановка оставалась стабильной». Протестная активность была невысокой. Среди факторов недовольства руководители регионов чаще всего отмечали не проблемы власти, а рост цен, жилищную проблему, преступность, а в северных и восточных регионах — проблему завоза продуктов питания и топлива.

У Президента не было ясности по поводу возможной поддержки своих решительных действий со стороны руководителей российских республик. Чтобы прозондировать их мнение, он специально провел в Петрозаводске Совет глав республик (12—13 августа). Формальной темой совещания было обсуждение «механизма реализации Федеративного договора». Однако серьезной дискуссии не получилось. Участники совещания понимали, что в условиях резко обострившегося противостояния исполнительной и законодательной властей заниматься дележом полномочий и сфер ведения

между Центром и республиками — дело совершенно пустое, и все будет зависеть от того, чем кончится «осеннее наступление» Президента.

Чувствовал это и Ельцин, и его выступление было осторожным, ни к чему не обязывающим. Он мягко «журил» республиканских лидеров за «абсолютизирование понятия суверенитета», а те, в свою очередь, слегка «покусывали» Президента за недостаточное внимание к интересам республик и пытались выторговать у него мелкие административные уступки (президент Якутии М.Николаев требовал, к примеру, чтобы «представители субъектов Федерации вошли в коллегии ключевых экономических министерств — финансов, экономики, внешних экономических связей»).

В целом выступления глав республик были совершенно бесцветными и размытыми: они явно выжидали и не хотели занимать однозначную позицию в чисто «московском споре». Откровенного разговора не получилось и во время возвращения на президентском теплоходе «Русь» из Кижей в Петрозаводск. Эта пароходная прогулка была специально задумана для того, чтобы создать условия для более откровенных бесед во время застолья. Но и она не вызвала откровенности. Сказалось и то, что ряд республиканских лидеров (М.Рахимов, М.Магомедов, Л.Потапов, В.Степанов, Ю.Спиридонов. А.Галазов) еще не обрели статус республиканских президентов и пребывали в должности председателей республиканских Верховных Советов. Им явно не хотелось портить отношения с вышестоящим Верховным Советом РФ и казавшимся все еще всесильным Р.Хасбулатовым.

Б.Ельцин чувствовал их опасения и не инициировал разговора о возможной поддержке своих действий в случае вынужденного роспуска Верховного Совета. Встреча в Петрозаводске показала Президенту, что в лучшем случае он может рассчитывать лишь на нейтралитет республиканских лидеров. И в предстоящих политических битвах придется полагаться главным образом на собственный политический ресурс.

«Артподготовка» началась сразу по нескольким направлениям — на информационном и на политическом. 18 августа прошло заседание Совета безопасности, после которого на пресс-конференции прозвучало заявление о коррупции ряда высших должностных лиц. Были выдвинуты обвинения против вице-президента А.Руцкого и Генерального прокурора В.Степанкова (то, на что намекал Б.Ельцин на Президентском совете).

На следующий день, во вторую годовщину начала августовского путча, на своей пресс-конференции в Кремле глава государства сделал беспрецедентно резкое заявление в адрес Верховного Совета:

«Я, как Президент, нахожусь сегодня перед выбором: либо провести в жизнь волю народа, который высказался в поддержку продолжения реформ; либо, вопреки этой воле, позволять Верховному Совету игнорировать мнение народа и разрушать российскую государственность... Деятельность парламента стала носить антинародный характер, она все более угрожает безопасности России. Остается только пожалеть, что Дом Советов — "Белый дом", у стен которого два года назад граждане России защищали свободу и демократию, стал сегодня оплотом сил реванша. Мы вплотную подошли к вопросу о проведении парламентских выборов. Подчеркну, не к разгону Верховного Совета, не к устранению одной из ветвей власти,

а к демократическим выборам в федеральный парламент, к его созданию. Считаю это выходом из ситуации двоевластия».

Стало окончательно ясно, что Президент сделал выбор и перешел в наступление.

20 августа Б.Ельцин подписал Указ «О Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании», который обеспечивал кадровые интересы Президента в ВГТРК. Обязанности председателя компании были возложены на О.Попцова, а генерального директора — на А.Лысенко. В тот же день он обратился к депутатам Верховного Совета с предложением «обсудить вопрос об условиях и порядке проведения досрочных парламентских выборов».

31 августа Президент подкрепил свои слова и действия излюбленным, «фирменным» жестом — совершил поездку в Таманскую и Кантемировскую дивизии, расквартированные в Подмосковье. После демонстрации стрельб из танков, выброски десанта и показательного боя с применением стрелкового оружия Президент долго и основательно ужинал в армейской палатке с офицерами и группой высших военных чинов, приехавших из Москвы. Вдохновляемые министром обороны П.Грачевым, офицеры дружно пили «за здоровье Верховного Главнокомандующего», кричали «ура» и заверяли его в полной поддержке.

Как ни готовились депутаты к «артподготовке», как ни бравировали намерением отправить Президента в отставку (в оппозиционной прессе уже печатались «сценарии» смещения Ельцина и расправы с его командой — «коллективным Распутиным»), а демонстрация президентской воли на фоне «стрельб из танков» их испугала.

19 августа Р.Хасбулатов почти одновременно с выступлением Б.Ельцина на пресс-конференции получил обращение некоего Координационного совета движения в поддержку парламентаризма, в котором фактически излагался один из возможных с точки зрения сторонников Верховного Совета сценариев действий Президента и его команды. Этот документ настолько интересен и характерен для атмосферы того периода, что мы приведем его почти полностью (исключив малозначащие длинноты):

«Уважаемый Руслан Имранович!

Последние высказывания Президента о том, что сентябрь будет "сверхбоевым", свидетельствуют об их крайне опасном характере. Настораживают также и действия праворадикальных группировок, особенно входящих в "Демократическую Россию". Становится очевидным, что во второй половине августа — начале сентября возможны силовые действия в двух вариантах:

1. Президент приостановит деятельность представительной власти, прежде всего Съезда народных депутатов и Верховного Совета.

2. Околопрезидентские круги под предлогом устранения некомпетентной исполнительной власти и якобы "реакционного парламента", наведения порядка и избавления от "несостоятельных политиков" могут полностью взять власть в свои руки.

Для осуществления таких замыслов могут быть использованы в разной комбинации беспрецедентные силы личного подчинения Президенту и особо доверенным лицам: Главное управление охраны, президентский

полк, дивизия МВД им. Дзержинского, спецподразделения Минбезопасности и разведки, ОМОН, неформальные военные подразделения пропрезидентских партий (80—100 тысяч человек). Опасность в том, что ударные силы сосредоточены в столице.

Кроме того, для этих целей Президент может привлечь часть воинских формирований из Воздушно-десантных войск.

Ельцин заручился поддержкой руководства западных стран, прежде всего США, для осуществления любых, в том числе силовых, акций для спасения своего режима. Не исключается предоставление широкой возможности западным спецслужбам для осуществления соответствующих операций на территории России.

СМИ, по существу, готовят общественное мнение в стране для принятия военно-силовых действий.

С целью предотвращения опасного развития событий целесообразно обсудить сложившуюся обстановку на Президиуме Верховного Совета и в Верховном Совете Российской Федерации.

На пленарное совместное заседание палат Верховного Совета можно было бы пригласить представителей политических партий, профсоюзов, общественных движений.

В частности, следует обсудить вопрос о гражданском и парламентском контроле за военными формированиями, находящимися в личном подчинении Президента.

Кроме того, целесообразно принять обращение к личному составу силовых структур (Вооруженные Силы, МБ и МВД) с призывом быть верными Конституции, конституционному строю, законам РФ, присяге, о недопустимости исполнения антиконституционных приказов как тяжкого преступления перед Родиной.

Верховный Совет мог бы также предложить Советам всех уровней активизировать связи с воинскими частями, органами МВД и МБ для предупреждения антиконституционных действий».

На этом документе была резолюция Р.Хасбулатова: «*Прошу срочно ознакомить чл. ПВС* (членов Президиума Верховного Совета. — *Авт.*). *Соберите предложения, надо обсудить, м.б., на сессии В.С.*».

«Жаркая осень»

(август — октябрь 1993)

Указ № 1400

И все же в «силовой» подтекст заявления Б.Ельцина о том, что предстоит «горячий сентябрь» многим не верилось. Политологи заподозрили очередной «блеф», привычное уже запугивание Верховного Совета, тем более что события развивались вполне мирно.

30 августа 1993 года после беседы С.Филатова с О.Румянцевым, секретарем Конституционной комиссии Съезда, на заседание Верховного Совета 3 сентября был вынесен проект постановления, в котором Р.Хасбулатову поручалось провести с Президентом консультации по дальнейшему продвижению конституционной реформы. Президенту предлагалось провести консультации и с делегацией Верховного Совета. Результаты голосования по этому постановлению: «за» — 101, «против» — 4. Постановление не было принято только потому, что голосовалось в самом конце дня, когда уже не было кворума.

Тем не менее Ю.Батурин и начальник Государственно-правового управления Президента А.Котенков встретились с группой депутатов и выслушали их предложения о конституционной реформе. Была проведена некоторая корректировка проекта постановления. В понедельник, 6 сентября, Ю.Батурин доложил Президенту ситуацию и рекомендовал согласиться на консультации о порядке и сроках завершения работы над новой Конституцией и ее принятии, о совместном заседании Конституционного совещания и Конституционной комиссии, о выборах.

На следующий день Ельцин прочитал записку и написал в углу: «Переговорить». Следовательно, он уже сильно сомневался, стоит ли идти с Верховным Советом на мировую.

Об этом свидетельствовало и отношение Президента к Конституционному Суду. В начале сентября по его распоряжению В.Зорькин был лишен автомобиля со спецсвязью и служебной дачи. Незадолго до этого сняли охрану здания Конституционного Суда и судей, осуществлявшуюся силами Главного управления охраны (впоследствии — Федеральная служба охраны). В ответ 10 сентября Верховный Совет принял решение о создании самостоятельной службы охраны Конституционного Суда при техническом содействии департамента охраны Верховного Совета, а также вернулся к проекту постановления, которым поручал Хасбулатову во главе делегации Верховного Совета провести консультации с Ельциным по конституционным проблемам и «выработке согласованных мер по дальнейшему проведению конституционной реформы». Предполагалось, что серия встреч должна пройти в течение сентября.

С 7 по 11 сентября у Президента была запланирована «работа с документами» — он напряженно обдумывал ситуацию и свой план. За это время Борис Николаевич отвлекся считанное число раз: встреча с Е.Шапошниковым и телефонный разговор с Б.Клинтоном (7 сентября), встречи с президентом Национального резервного банка США Дж.Корриганом и премьером Турции Т.Чиллер (9 сентября), встреча с лечившими его раньше испанскими хирургами (10 сентября) и интервью прессе в рамках традиционного в то время «Вопроса Президенту» (11 сентября).

8, 10 и 11 сентября Ельцин в Кремль не приезжал. Предположительно 7 или 9 сентября он, как сам описывает в своих «Записках Президента», нажал кнопку прямой связи с первым помощником В.Илюшиным, попросил его подняться в кабинет и дал поручение готовить указ.

Существует свидетельство одного из старых членов команды Ельцина. В один из этих дней Борис Николаевич вызвал его к себе и, передав пачку исчерканных листов, сказал: «Посмотрите. Сегодня ночью написал».

По-видимому, это был самый первый вариант указа, который скоро получит запоминающийся номер 1400, и ему хотелось посоветоваться. Характерным почерком Ельцина, крупными буквами было написано несколько пунктов: «распустить съезд и Верховный Совет», «распустить Конституционный Суд», «Генеральный прокурор подчиняется Президенту», «назначить выборы...», «принять новую Конституцию...» и т.п. Таковы были собственно президентские установки.

«Знаете, Борис Николаевич, — ответил собеседник, — эта штука, конечно, посильнее, чем "Фауст" Гете, но, мне кажется, здесь еще должны поработать специалисты». Ельцин молча забрал листы.

Через несколько дней он разрешил привлечь к работе над текстом указа помощника по правовым вопросам Ю.Батурина. С этого момента то, что происходило с проектом, достоверно известно по часам, почти по минутам. Вариант, который увидел Батурин, имел более-менее правильное юридическое оформление, из чего можно заключить, что рука юриста здесь уже поработала. И было очевидно, что «План политического урегулирования» потерял смысл. Помощник его больше не корректировал и Президенту не докладывал.

С момента выборов первого российского Президента прошло немногим менее 900 дней — почти половина пятилетнего срока полномочий. С каким же итогом подходил к промежуточному финишу Ельцин?

По данным Службы изучения общественного мнения профессора Б.Грушина (Ельцин как-то заметил, что исследованиям социологов не доверяет, только — Грушину), полностью удовлетворены его работой на посту Президента России были только 2% опрошенных. В основном удовлетворены — 21%, в большей или меньшей степени не удовлетворены — 70%.

Со времени апрельского референдума произошло довольно чувствительное падение доверия россиян как к президентской, так и к законодательной власти в стране.

Общая сравнительная картина ответов на вопрос социологов Б.Грушина «Насколько вы в целом доверяете и не доверяете Верховному

Совету, Съезду народных депутатов и Президенту Ельцину?» приняла следующий вид (без затруднившихся ответить):

	Доверяют полностью или в основном (в %)	Доверяют не очень или не доверяют вовсе (в %)
Съезд народных депутатов	**14,2**	**71,0**
Верховный Совет	**15,2**	**71,0**
Ельцин	**26,9**	**63,2**

Уровень социальной напряженности по сравнению с февралем — мартом не вырос, напротив, социологи отмечали небольшой спад. Сохранялся у россиян и запас терпения, хотя, по мнению опрошенных, он был невелик.

Очагами социальной напряженности были в основном экономические проблемы (70%), рост преступности (11%), политические проблемы (10%), в том числе кризис власти (6%).

Одним из показателей напряженности является отношение населения к возможным массовым акциям протеста. Опросы показывали, что граждане, вопреки тому, что утверждали лидеры непримиримой оппозиции, вовсе не горели желанием «идти на баррикады». Наиболее популярным (15%) способом выражения недовольства оказались критические выступления на собраниях по месту работы и жительства, затем — участие в митингах и демонстрациях и забастовки (по 13%), обращения в органы власти и средства массовой информации (10%). Участие в вооруженных выступлениях и других актах насилия как форму протеста назвали только 4% опрошенных. Готовы же были в них участвовать еще меньше — 2%. Словом, волна народного гнева, которой пугали коммунисты, Президенту не грозила. Возможно, это укрепило Ельцина в его планах.

Сложнее было с оценкой готовности и неготовности возвращения на социалистический путь. За «реставрацию» выступали 33,7% опрошенных, против — 44,1%.

Реконструкция ситуации тех дней дает следующую последовательность событий.

12 сентября, в воскресенье, в подмосковной усадьбе Старо-Огарево Ельцин встретился с «силовиками», рассказал им о принятом решении, назвал дату подписания указа — 19 сентября — и заручился их поддержкой. Отсутствовал только премьер, он должен был вернуться из командировки на следующий день.

13 сентября в 11 часов Б.Ельцин принял В.Черномырдина и «рассказал ему все», в 12 часов сообщил о решении руководителю своей Администрации С.Филатову.

В своих мемуарах Ельцин отмечает, что подписал Указ № 1400 14 сентября. Возникает вопрос: почему именно 14-го? Возможно, подписание указа было спровоцировано письмом от Р.Хасбулатова, которое Ельцин получил 13 сентября. Письмо касалось бюджета и выдержано было в ультимативном тоне. А заканчивалось буквально приказом: «Подписывайте!» Вполне возможно, это «подписывайте», ставящее Президента в положение подчиненного, могло сработать как детонатор. Ельцин, потребовав текст, который уже был достаточно отработан по форме, поставил свою подпись, а потом, остыв, дал возможность помощникам завершить дело. Такие случаи, когда с санкции Президента дорабатывался уже подписанный, но не вышедший указ, бывали.

В графике Президента от 13 сентября на 21 сентября (!) еще стояло совместное заседание Конституционного совещания и Конституционной комиссии из «плана Батурина». Позднее этот пункт исчез.

14 сентября в 10 часов Ельцин вновь переговорил с Черномырдиным, в 13 часов принял министра безопасности Н.Голушко, а в 14 часов — генерального директора ФАПСИ А.Старовойтова. Затем в 15 часов провел заседание Президентского совета, опять в узком составе.

15 сентября — заседание Совета безопасности, официально — по осетино-ингушскому конфликту, но, поскольку стенограмма не велась, ясно, что какие-то аспекты предстоящих событий явно обсуждались. Сразу по его окончании Президент пригласил к себе Черномырдина, Грачева, Ерина и Голушко.

16 сентября Президент в 11 часов встретился с О.Лобовым, а после обеда посетил дивизию им. Дзержинского. Там, выступая перед журналистами, сказал, что, по его мнению, выборы в новый федеральный парламент состоятся «этой осенью».

17 сентября, как признается Ельцин, «все чуть не остановилось». На совещании «силовики» призвали его перенести начало действий на 26 сентября, мотивируя это возможными международными осложнениями в связи с назначенным на 24 сентября Совещанием руководителей стран СНГ. Президент с этим мнением не согласился.

Требования Ельцина о высочайшей степени секретности неуклонно соблюдались. Работа над указом шла по безбумажной технологии, на отдельном, не включенном в локальную кремлевскую сеть, портативном компьютере. Позднее, когда требовалось по указанию Президента показать проект нескольким должностным лицам, текст распечатывался в единственном экземпляре, а после получения замечаний и внесения их в электронную версию уничтожался.

Основная проблема в работе над проектом Указа № 1400 состояла в попытке двигаться по возможности от идеологии «гордиева узла», который Ельцин, как Александр Македонский, не раздумывая, перерубал каждой строчкой своего Указа, к «модели де Голля» — резкой, но все-таки не силовой.

Напомним, что Конституция Пятой Республики во Франции разрабатывалась ближайшим окружением назначенного на пост председателя Совета министров генерала де Голля. У Ельцина круг разработчиков проекта Конституции был значительно шире — Конституционное совещание. Де Голль, сформировав 1 июня 1958 года свое правительство, внес в парламент законопроект, состоявший из единственной статьи, в которой указывалось, что парламент поручает Совету министров выработать проект новой Конституции. Предоставляя правительству это право, парламент не знал его намерений и планов. Он отказался также и от контроля за действиями правительства в дальнейшем, ибо проект, минуя парламент, поступал на референдум.

В России же ситуация была совершенно иной. Переход к Пятой Республике во Франции не означал конституирования принципиально нового государства, это был всего лишь переход от парламентской формы правления к президентской. В российских условиях «модель де Голля» выглядела достаточно призрачной, но и у нас не все можно было «рубить сплеча». Для постепенного движения от «варианта Македонского» к «схеме де Голля» и более тщательной юридической проработке указа требовалось время. Следовало переубедить Президента в целесообразности некоторых корректировок.

Однако Илюшину и Батурину удалось уговорить Ельцина отложить срок представления окончательной редакции указа всего лишь на два дня. Каждый день по многу часов текст перерабатывался и шлифовался. Критерий был один: свести к минимуму необратимость действий, найти формулы, позволявшие впоследствии исправить ситуацию.

Примером может служить пункт указа, касающийся Конституционного Суда. В первоначальном, авторском, варианте Ельцин планировал вообще его ликвидировать. Когда 17 сентября помощники предложили ему лишь приостановить деятельность КС, он отказался, мотивировав свое решение достаточно откровенно: **«Не хочу быть обманщиком»*.**

Тем не менее 20 сентября, накануне выпуска Указа, Президент согласился на более мягкую формулировку: «Предложить Конституционному Суду Российской Федерации не созывать заседание до начала работы Федерального Собрания Российской Федерации».

Тактика малых шагов приносила определенные результаты, но, дойдя до 21 сентября, Ельцин больше от этой даты не отступал.

17 сентября В.Илюшин позвонил заведующему президентской канцелярией В.Семенченко и, ничего не объясняя, спросил:

— У тебя есть на подходе какой-нибудь круглый номер для указа?

— Номер 1400 подойдет?

— Подойдет. Зарезервируй его.

Теперь при выпуске президентских указов, которые подписывались в эти дни, в ряду присваиваемых им номеров был пропущен № 1400.

---

* Этот же мотив послужил причиной отмены намеченной ранее на 17 сентября встречи Ельцина с группой членов Конституционного Суда.

«Сфотографируемся на прощанье»

Спичрайтеры получили задание готовить Обращение Президента. В качестве исходных данных было перечислено три-четыре тезиса. Проекта указа они не видели, хотя, конечно, догадались о его существовании.

18 сентября Ельцин, собрав очень узкий круг, провел у себя в кабинете совещание. В тот же день назначил преданного ему О.Лобова секретарем Совета безопасности.

19 сентября Ельцин провел на даче, в уединении, никого не принимая.

20 сентября у Ельцина состоялся довольно нервный разговор с Филатовым, который убеждал его отказаться от задуманного. «Он слушал, — рассказал тогда Филатов Батурину. — Раньше обрывал достаточно резко. Сейчас слушал. Нужно дожимать». Но Президент уже сделал свой выбор.

В этот день истекла ровно половина его первого президентского срока.

На 22 сентября в графике Президента стояла пометка заведомо ложная, но довольно рискованная в политическом отношении, учитывая развитие ситуации, — «Военные учения».

21 сентября в 17 часов 00 минут в Кремле началась запись телевизионного Обращения Президента. По мере того как Ельцин произносил текст, лица телевизионщиков вытягивались. Ельцин не преминул добавить сумятицы в их головы, предложив со своеобразным юмором: «Давайте сфотографируемся на прощанье. Если не получится, вместе и сидеть будем».

На этом неожиданности для работников телевидения не закончились. После записи пресс-секретарь предложил им перейти в комнату без телефонов и скоротать там время до 20 часов за чаем с бутербродами. Понимая серьезность момента, журналисты не возражали.

На 19 часов Семенченко вызвал к себе офицеров фельдсвязи. Он передал им несколько запечатанных конвертов с Указом № 1400, которые надлежало вручить избранным адресатам лично и взять расписку.

За несколько минут до 20 часов офицер фельдсвязи, выполняя поручение, преодолел сопротивление секретарей, вошел в кабинет Председателя Верховного Совета и попытался вручить пакет. Хасбулатов, видимо догадавшийся о содержании пакета, доставленного в поздний час, отнюдь не был склонен принимать «привет от президента».

— Пошел отсюда на...!!! — рявкнул он, имея в виду известное в народе направление.

Офицер козырнул, повернулся кругом и вышел в приемную. Секретарь расписался и отнес пакет в кабинет.

— Распечатал? — спросил офицер.

— Да.

«Фельд» возвратился в Кремль и доложил результат заведующему канцелярией.

— Пиши подробный рапорт и не забудь цитаты, — приказал ему Семенченко.

В 20 часов с телеэкрана прозвучало Обращение Президента и оглашен его Указ.

В Указе № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» говорилось, что «сложилась политическая ситуация, угрожающая государственной и общественной безопасности страны; ...большинство в Верховном Совете Российской Федерации и часть его руководства открыто пошли на прямое попрание воли российского народа, выраженной на референдуме 25 апреля 1993 года. Тем самым грубо нарушен Закон о референдуме, согласно которому решения, принятые Всероссийским референдумом, обладают высшей юридической силой, в каком-либо утверждении не нуждаются и обязательны для применения на всей территории Российской Федерации...

В сложившихся условиях единственным, соответствующим принципу народовластия средством прекращения противостояния съезда, Верховного Совета, с одной стороны, Президента и Правительства, с другой, а также преодоления паралича государственной власти являются выборы нового парламента Российской Федерации...

Необходимость выборов диктуется также тем, что Российская Федерация — это новое государство, пришедшее на смену РСФСР в составе СССР и ставшее международно-признанным продолжателем Союза ССР...

Стремясь к ликвидации политического препятствия, не дающего народу самому решать свою судьбу;

...принимая во внимание, что безопасность России и ее народов — более высокая ценность, нежели формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной ветвью власти;

...основываясь на статьях 1, 2, 5, 121.5 Конституции Российской Федерации, итогах референдума 25 апреля 1993 года, **постановляю:**

1. Прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации. До начала работы нового двухпалатного парламента Российской Федерации — Федерального Собрания Российской Федерации и принятия им на себя соответствующих полномочий руководствоваться указами Президента и постановлениями Правительства Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации, законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации продолжают действовать в части, не противоречащей настоящему Указу.

Гарантируются установленные Конституцией и законами права и свободы граждан Российской Федерации.

2. Конституционной комиссии и Конституционному совещанию представить к 12 декабря 1993 года единый согласованный проект Конституции Российской Федерации...

3. Временно до принятия Конституции и Закона Российской Федерации о выборах в Федеральное Собрание Российской Федерации и проведения на основе этого Закона новых выборов:

— ввести в действие положение о федеральных органах власти на переходный период, подготовленное на основе проекта Конституции Российской Федерации, одобренного Конституционным совещанием 12 июля 1993 года;

— наделить Совет Федерации функциями палаты Федерального Собрания Российской Федерации со всеми полномочиями, предусмотренными положением о федеральных органах власти на переходный период.

Установить, что осуществление указанных полномочий Совет Федерации начинает после проведения выборов в Государственную Думу.

4. ...Федеральному Собранию рассмотреть вопрос о выборах Президента Российской Федерации.

5. Назначить выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации на 11 — 12 декабря 1993 года...

8. Полномочия представительных органов власти в субъектах Российской Федерации сохраняются.

9. Заседания Съезда народных депутатов Российской Федерации не созываются. Полномочия народных депутатов Российской Федерации прекращаются...

10. Предложить Конституционному Суду Российской Федерации не созывать заседания до начала работы Федерального Собрания Российской Федерации...

12. Центральный банк Российской Федерации до начала работы Федерального Собрания Российской Федерации руководствуется указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации и подотчетен Правительству Российской Федерации.

13. Генеральный прокурор Российской Федерации назначается Президентом Российской Федерации и ему подотчетен впредь до начала работы вновь избранного Федерального Собрания Российской Федерации...

16. Указ «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» внести на рассмотрение Федерального Собрания Российской Федерации...»

Услышав выступление Президента, находившиеся в Белом доме взбудораженные депутаты стали стекаться в зал заседаний Совета национальностей. Были вызваны в Москву и те депутаты, которые уже уехали домой.

В 21 час В.Зорькин объявил, что уезжает на экстренное заседание Конституционного Суда, на котором будет рассмотрена конституционность Указа.

Охране Белого дома между тем начали выдавать автоматы и бронежилеты. Руководство обороной Белого дома в случае нападения было возложено на А.Руцкого.

В *21 час 25 минут* Р.Хасбулатов, выступая перед депутатами, заявил: «Борис Ельцин нарушил Конституцию, изменил клятве на верность народу, и он должен быть немедленно отрешен от должности».

В *21 час 40 минут* началось экстренное заседание Конституционного Суда.

В 22.00 на экстренном заседании Президиума Верховного Совета А.Руцкой принял полномочия исполняющего обязанности Президента.

В окружении Ельцина Указ № 1400 восприняли по-разному. Но в целом аппарат Президента, хотя и был встревожен происходящим, работал без дискуссий и сбоев. Чиновники, в большей или меньшей степени выполнявшие публичные функции, высказались на этот счет.

Глава Администрации Сергей Филатов в интервью журналистам выразил уверенность в правомерности действий Президента. По его мнению, у Б.Ельцина оставалось только два пути — разрешение возникшего конфликта с законодательной властью или гражданская война, и ему пришлось сделать выбор в пользу первого. Все решения Верховного Совета, сказал Филатов, не имеют никакой юридической силы и никем не будут приняты всерьез. Более того, он даже удивлен самим фактом ночного собрания депутатов. Главной задачей на ближайшее время он считает парламентские выборы 12 декабря 1993 года.

Помощник Президента по правовым вопросам Ю.Батурин допоздна отвечал на звонки журналистов, отказываясь от комментариев, но потом все-таки отозвался на просьбу Л.Никитинского: «Ладно, приезжай» — и заказал ему пропуск в Кремль.

Л.Никитинский записывал интервью на пленку для радио, а сокращенный вариант решил опубликовать в «Известиях». Ю.Батурин сделал довольно рискованное заявление: «Я не считаю, что этот указ был единственным выходом... Решение Президента основывается на том, что через закон переступить можно. Это неизбежная и очень большая плата за то, что мы приобретаем в результате такого решения, но платить будем скорее всего не мы, а платить будут дети, внуки, я не знаю через сколько лет».

К *23 часам* был прекращен свободный проход к Белому дому, туда начали стягиваться грузовики с милицией. За оцеплением стали собираться сторонники Верховного Совета.

В полночь открылась внеочередная сессия Верховного Совета. И уже через четверть часа было принято постановление «О прекращении полномочий Президента РФ» (136 голосов — «за», 6 — «против», воздержавшихся — 0). Сразу после этого А.Руцкой принес присягу на верность Конституции РСФСР. Еще через две минуты он сообщил, что подписал свой «Указ № 1», которым принял всю полноту ответственности на себя и отменил Указ Ельцина № 1400. Указ Руцкого обязывал руководителей субъектов Федерации соблюдать Конституцию, а министрам внутренних дел, безопасности и обороны обеспечить соблюдение конституционного долга.

В течение того же часа Конституционный Суд признал Указ Президента Ельцина незаконным. Впрочем, впоследствии выяснилось, что Судом не была соблюдена процедура рассмотрения дела и принятия решения.

В *01 час 30 минут* в работе сессии Верховного Совета был объявлен перерыв для участия депутатов в митинге перед зданием Белого дома.

В *02 часа 00 минут* сессия утвердила первые кадровые перестановки, сделанные Руцким (замена министра обороны П.Грачева на В.Ачалова и министра безопасности Н.Голушко на В.Баранникова).

22 сентября в час ночи Ельцин переговорил по телефону с Клинтоном. В полдень принял Генерального прокурора В.Г.Степанкова и переназначил его на эту должность. В 13 часов 30 минут пришли Грачев, Ерин и Голушко. Помощники уговаривали Ельцина проехаться по Москве и пару раз выйти из машины. Он отказывался, но в конце концов согласился и днем (примерно в 15 часов) вышел к москвичам на Пушкинской площади. В 21.00 у него был еще один телефонный разговор — с Миттераном.

В это время Б.Ельцин еще не знал, что специально для него Верховный Совет принял две поправки к Уголовному кодексу РСФСР, которые давали ясное представление о судьбе Президента и его сотрудников в случае победы реваншистов. По первой «действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя» (то есть советской власти. — *Авт.*), совершенные должностным лицом, наказывались лишением свободы на срок от 10 до 15 лет или смертной казнью с возможностью конфискации имущества (что вообще-то применяется в отношении экономических преступлений). Вторая новелла «Воспрепятствование деятельности законных органов государственной власти» была, правда, помягче и грозила заключением от 5 до 10 лет. О жажде мести «белодомовских затворников» свидетельствует не только обещанная ими казнь (к слову, действующий ныне Уголовный кодекс РФ за вооруженный мятеж или за насильственный захват и удержание власти предусматривает максимальное наказание от 12 до 20 лет), но и то, что депутаты пренебрегли общепринятым принципом уголовного закона: в их проекте статьи должны были быть введены в действие не с момента опубликования, а «с момента подписания».

Через два дня в Администрации Президента появился проект указа, который должен был нейтрализовать эту акцию. В частности, его пункт первый гласил: «Установить, что не подлежит применению на территории Российской Федерации не имеющие юридической силы дополнения Уголовного кодекса РСФСР статьями 64-1 и 70-2, принятые группой бывших народных депутатов Российской Федерации и именуемые ими «законом». Но этот указ так и не был подписан, поскольку в Администрации решили, что тем самым Президент примет навязываемые ему правила игры и продемонстрирует слабость своих правовых позиций.

23 сентября Батурин получил срочное задание Президента («буквально через пятнадцать минут») подготовить и принести, без всяких положенных согласований, уже отпечатанный на президентском так называемом «красном бланке» для подписания Указ «О досрочных выборах Президента Российской Федерации». Назначалась и дата выборов — 12 июня 1994 года.

Указ порождал новый круг вопросов. Пойдет Президент на новый срок или нет. В его окружении мало кто верил в сделанные им ранее заявления о нежелании идти на выборы. Но если все-таки «нет», то дата выборов — 12 июня годилась. Если «да», то в принципе эта дата должна была

еще обсуждаться и, может быть, корректироваться. Назначение конкретной даты выборов без каких-либо консультаций и виз казалось поспешным. Тем более что даже у сторонников Б.Ельцина имелись сомнения и варианты.

Идею назначения досрочных выборов Президента России на конец 1993 года, по данным Б.Грушина, в те дни поддерживали немногим более половины опрошенных: 31% — полностью и 21% — в основном. В той или иной мере высказались «против» треть потенциальных избирателей.

Но главным было другое — стоит ли Ельцину выдвигать свою кандидатуру на новый президентский срок? Получит ли он поддержку большинства избирателей?

Ведь почти две трети (62%) взрослого населения страны, как показывали социологические исследования, отказались бы голосовать за Ельцина.

Но если не Ельцин, то кто? Кому из российских политиков избиратели отдали бы свой голос, если бы выборы состоялись в сентябре—октябре? Опросы давали малоуспокаивающие результаты:

1.	Б.Ельцин	— 12,2%
2.	А.Руцкой	— 11,8%
3.	Г.Явлинский	— 1,9%
4.	Р.Хасбулатов	— 1,1%
5.	А.Тулеев	— 1,0%
6.	В.Черномырдин	— 0,8%
7.	С.Шахрай	— 0,6%
8.	А.Собчак	— 0,5%
9.	Н.Травкин	— 0,5%
10.	А.Вольский	— 0,4%
11.	Ю.Скоков	— 0,3%
12.	М.Горбачев	— 0,2%
13.	Никому	— 27,3%
14.	Не ответили на вопрос	— 37,8%

Последние две позиции в сумме давали 65,1%. Это означало, что ситуация таила в себе огромную неопределенность, поскольку две трети избирателей, то есть подавляющее большинство населения, фактически оставили за собой свободу в принятии решения в зависимости от складывавшихся обстоятельств.

Те же опросы показывали, что при незначительности числа сторонников у Ельцина тем не менее фактически отсутствовали конкуренты, кроме А.Руцкого. В связи с этим, забегая вперед, отметим, что участие последнего в октябрьских событиях на стороне оппозиции было для него роковой политической ошибкой.

В окружении Президента склонялись к тому, что идти на переизбрание Ельцина целесообразнее 12 декабря, но эту дату нужно было как можно дольше не оглашать. Требовалось начать консультации с различными политическими и общественными силами, выставить полный пакет тре-

бований и дать согласие только в обмен на него. Если решение Президента будет объявлено во второй половине октября, ни один из возможных кандидатов в Президенты не успеет полноценно провести избирательную кампанию, учитывая социологические данные об электоральной поддержке. При этом просматривался вариант, при котором если ни один из претендентов не набирает относительное большинство, то Ельцин сохраняет свои полномочия до 1996 года.

В конце концов, модифицированная схема выборов 12 декабря (голосование за Конституцию, где в Переходных положениях предусмотрено продление срока полномочий Президента до июня 1996 года, как голосование за Ельцина) и была реализована.

23 сентября Ельцин пригласил в Кремль Н.Рябова, заместителя Председателя Верховного Совета. На следующий день вышел Указ Президента о создании Центральной избирательной комиссии во главе с Н.Рябовым, еще недавно находившимся в стане непримиримых врагов Президента.

Следующие дни прошли в интенсивном указотворчестве. «Темп, темп, сейчас нельзя терять темпа...» — говорил Ельцин своим помощникам.

Вечером 23 сентября Верховный Совет принял закрытое постановление об обороне органов государственной власти, для чего решил привлечь войсковые части Российской армии. Одновременно 23 и 24 сентября депутаты, обсудив избирательные инициативы Президента, приняли решение о проведении одновременных выборов народных депутатов и Президента не позднее марта 1994 года. Казалось, восстановление диалога между двумя ветвями власти возможно. Похоже, и Ельцин готов был пойти на это: он издает ряд указов — о социальных гарантиях депутатам, о создании комиссий при Президенте (законодательных предположений и по правам человека) — не только для переманивания колеблющихся, но и в целях привлечения депутатов к нормотворческому процессу.

29 сентября с посланием к Верховному Совету о необходимости политического диалога обратился Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. На следующий день он встретился с Борисом Николаевичем. Готовность к диалогу была подтверждена обеими сторонами конфликта. Ельцин назначил своими представителями на переговорах руководителя Администрации С.Филатова, первого вице-премьера О.Сосковца и московского мэра Ю.Лужкова.

Казалось, что напряжение спадает...

1 октября был подписан Протокол № 1 об условиях сбора и складирования находившегося в здании Верховного Совета оружия. Со стороны депутатов протокол подписали В.Соколов и Р.Абдулатипов. Однако «Военный совет обороны Белого дома» осудил подписание этого протокола.

В тот же день в Москве, в Свято-Даниловом монастыре начались переговоры при посредничестве Патриарха Московского и всея Руси Алек-

сия II. Вопрос об оружии был одним из главных. Однако первый заместитель Председателя Верховного Совета Ю.Воронин потребовал, чтобы вопрос, связанный с оружием, которое находилось в стенах Дома Советов, рассматривался в контексте общей политической ситуации. Это сразу же осложнило переговоры. Было видно, что противостоявшая Президенту сторона сдавать оружие не хотела.

Утром 2 октября, по пути в Кремль, Президент остановился около здания Белого дома и побеседовал с сотрудниками милиции, стоявшими в оцеплении. Интересовался настроением бойцов, их питанием, порядком смены караулов. Он призвал милиционеров к бдительности и подтвердил, что основным условием всех дальнейших переговоров с лицами, находившимися в здании ВС России, является безусловная сдача оружия.

А в 15.00 там же, в здании Верховного Совета, на своей пресс-конференции Р.Хасбулатов заявил, что контакты Съезда с Президентом и Правительством застопорились на проблеме оружия, и подчеркнул, что «проблема оружия в Белом доме» является надуманной.

Кстати, о пресс-конференции. Журналист Т.Замятина, участвовавшая в этой пресс-конференции, дала очень точную зарисовку:

«Сравнивая две «исторические» пресс-конференции — ту, которую провели члены ГКЧП в августе 1991 г., и эту, на которой в последний раз вместе вещали Руцкой и Хасбулатов, — я спустя время невольно ловлю себя на мысли, что журналисты на подобных мероприятиях представляют собой своего рода индикатор. По их поведению можно с высокой степенью точности судить, останется ли всерьез и надолго режим, провозглашающий себя преемником действующей власти. Как многие помнят, в августе 1991 г. журналисты, еще не ведая о готовящемся аресте членов ГКЧП, откровенно издевались над ними, вопросы задавали глумливые. Так и в октябре 1993 г. Руцкой напрягался сверх меры, Хасбулатов устало-самоуверенно говорил о Ельцине как о бывшем президенте. А представители прессы, вполуха слушая ораторов, переговаривались между собой, иронизировали по поводу контраста между «краснокожим» и «бледнолицым», ожидая каких-то других, не заставивших себя ждать событий»*.

В Свято-Даниловом монастыре продолжались переговоры. Наиболее острой оказалась дискуссия по поводу полка, который был сформирован указом А.Руцкого и находился в здании Верховного Совета. Президентская сторона требовала его роспуска как незаконного военного формирования. Представители депутатов возражали, ссылаясь на то, что воинское подразделение, охраняющее Белый дом, «сформировано указом исполняющего обязанности Президента А.Руцкого, как любой полк Вооруженных сил».

Особенно эмоционален был Ю.М. Лужков: «Не делайте из нас идиотов. Я вам скажу, что вы сейчас вместо одного формирования — департамента охраны — еще создали одно, куда все сложили и сказали: это законное формирование. Я не знаю, как и кем оно у вас утверждено, но мы приходим к результату, при котором, с одной стороны, наши формирования

* Замятина Т. Не стреляйте: я — журналист! М., 2000, С. 23—24.

Министерства внутренних дел и ГУВД должны разойтись, а ваши формирования, с тем потенциалом вооружения и с той публикой, которая этим вооружением пользуется, все до одного должны остаться, потому что вы их назвали «штатными». Я думаю, что это такая подножка нашему переговорному процессу, даже не подножка, а по существу — его срыв».

Представители продолжали упорствовать. И Патриарх Алексий II предложил просить митрополита Ювеналия и представителя Конституционного Суда посетить Руцкого и обговорить этот вопрос.

2 октября А.Руцкой во время встречи с представителем Патриарха митрополитом Ювеналием и судьей Конституционного Суда В.Олейником выдвинул условие — отменить Указ № 1400, а 3 октября заместитель Председателя Верховного Совета Ю.Воронин подтвердил это условие.

В тот же день Ельцин получил следующее сообщение МВД:

«2 октября в 13.00 группа граждан в количестве одной тысячи человек пыталась провести на Смоленской площади несанкционированный митинг. При попытке сотрудников милиции не допустить противозаконных действий хулиганы из числа собравшихся применили против них камни, металлические прутья и палки.

Сорвав городской праздник, посвященный 500-летию улицы Арбат, толпа беснующихся в 13.30 разобрала временную эстраду, построенную на Новом Арбате, и, напав на сотрудников правоохранительных органов, использовала против них элементы строительных конструкций. Из числа сотрудников милиции, получивших серьезные телесные повреждения, двое находятся в тяжелом состоянии».

Развязка

3 октября Конституционный Суд наконец решился рассмотреть вопрос о конституционности действий должностных лиц высших органов законодательной и исполнительной власти и обратился к Ю.Воронину с просьбой предоставить документы, принятые с 21 сентября в Белом доме. Но было уже поздно.

Утром 3 октября Б.Ельцин приехал в Кремль около 10 часов утра. В 11 часов состоялось рабочее совещание в его кабинете, посвященное обсуждению обстановки вокруг Белого дома. В нем приняли участие — Грачев, Черномырдин, Ерин, Филатов, Коржаков. Совещание продолжалось недолго, так как по информации его участников в этот день ничего не вызывало серьезных опасений. Около 12 часов Б.Ельцин покинул Кремль. А на Калужской площади в это время уже шел митинг и собирались отряды для прорыва блокады Белого дома, штурма Московской мэрии и захвата телецентра в Останкино.

В 15 часов демонстрация антипрезидентских сил направилась от Калужской площади по Садовому кольцу к Белому дому. Многие участники демонстрации были настроены крайне агрессивно, силы правопорядка пытались остановить толпу, но были буквально сметены. Еще через какое-то

время ликующие манифестанты взяли под свой контроль территорию вокруг Белого дома.

Выступая на митинге с балкона Белого дома, А.Руцкой призвал мужчин создавать отряды для штурма мэрии и телецентра. «Если сегодня может не хватить сил для штурма «Останкино» и мэрии, тогда сделаем это завтра», — кричал он. И тут же обратился к подразделениям Вооруженных Сил России с приказом сформировать отряды, для того чтобы идти в Москву «для защиты конституционного строя».

Все это происходило на фоне продолжавшихся переговоров в Свято-Даниловом монастыре:

«Алексий II: К сожалению, та хрупкая договоренность, которая была достигнута вечером, о том, чтобы к сегодняшнему заседанию были бы представлены сведения о наличии оружия, она не выполнена, и даже экспертов среди нас сегодня нет из-за той обострившейся ситуации, и мы не продвинулись тем самым ни на йоту вперед.

Митрополит Кирилл: Ваше Святейшество, для того чтобы как-то продвигаться дальше, нужно, конечно, иметь больше информации о том, что сейчас происходит. Вот во время выступления Юрия Михайловича Лужкова Юрий Михайлович Воронин обронил фразу, что мэрия захвачена. Что это такое?

Ю.Воронин: Значит только, что мне, когда Абдулатипов звонил, передали, что якобы с другой стороны демонстранты подошли к мэрии и вошли в здание мэрии».

В *16 часов с минутами* по Главному управлению охраны был объявлен сигнал «Байкал», означавший боевую тревогу и общий сбор.

В это время толпа уже проникла в здание мэрии на Новом Арбате и гостиницы «Мир». Штурм мэрии возглавил А.Макашов. Также было полностью деблокировано кольцо оцепления вокруг Белого дома. В.Ачалов собирал отряды, «чтобы штурмовать "Останкино"». Было захвачено несколько милицейских грузовиков. Именно на них отряды Белого дома собирались подъехать к телецентру.

Радиостанция Белого дома предложила всем войскам «перейти на сторону конституционной власти».

Депутат И.Константинов заявил агентству «Постфактум»: «Мы возьмем все правительственные здания и установим свою власть в России».

Ко второй половине воскресного дня, 3 октября, в Кремль стали съезжаться сотрудники Службы помощников, члены Президентского совета, пришли и некоторые сторонники Б.Ельцина. Помощник по правовым вопросам Ю.Батурин сел писать проект указа Президента о чрезвычайном положении в Москве, спичрайтеры вместе с несколькими членами Президентского совета — Обращение Б.Ельцина. Его помощник по внешнеполитическим вопросам Д.Рюриков и пресс-секретарь В.Костиков прямо в Кремле проводили брифинги для иностранных корреспондентов. Была обеспечена прямая линия связи с рядом зарубежных телеканалов.

В *18 часов* было объявлено, что Ельцин издал Указ о ЧП. На самом деле он был подписан только в 20 часов, но по договоренности с Президентом — время не ждало! — об этом сообщили раньше.

Между тем в 18 часов Ельцин только вылетел на вертолете с дачи. В ту же минуту с Ивановской площади в Кремле были оттранспортированы в гараж немногочисленные в выходные дни автомобили.

В *18 часов 20 минут* вертолет с Ельциным приземлился на Ивановской площади. Президент прошел вдоль длинной стены 1-го корпуса Кремля, поднялся в кабинет и стал принимать доклады.

Быстро приехали Ерин, затем Голушко. Прибыли генералы Кобец и Волкогонов. Долго не могли найти Грачева.

Тем временем у здания «Останкино» собралось более 10 тысяч человек. Двумя грузовиками протаранили входные двери, после чего генерал Макашов обратился к защитникам «Останкино» с предложением сдаться «без пролития крови» и отвел им на раздумье 15 минут. В 19.30 началась перестрелка, потом штурм. Многие из нападавших на «Останкино» находились в нетрезвом состоянии, среди них были казаки, бойцы «Русского национального единства», неустановленные личности в камуфлированной форме с автоматами.

В Кремле помощники настаивали, чтобы Президент немедленно выступил по телевидению с обращением. Ельцин, чувствуя себя не в лучшей форме, оттягивал этот момент. Тем временем в 20 часов с минутами Правительство России распространило по каналам агентств свое обращение к москвичам и гражданам России:

«Преступные элементы, подстрекаемые из Белого дома, развязали кровавую бойню в центре Москвы. Создалась чрезвычайная обстановка. В районе Краснопресненской набережной и Арбата захватываются и поджигаются автомашины, избиваются сотрудники милиции, предпринят штурм здания Московской мэрии. «Боевики» ведут стрельбу из автоматического оружия, организуют боевые отряды и очаги массовых беспорядков в других районах столицы России. Тысячи людей, случайных прохожих, не понимающих, что происходит, подвергаются смертельной опасности. Правительство Российской Федерации вынуждено прибегнуть к силе для обуздания распоясавшихся политических авантюристов. Правительство Российской Федерации отдало необходимые распоряжения для решительного пресечения беспорядков. Оно делает все, чтобы предотвратить массовые кровопролития, остановить зачинщиков беспорядков, руки которых уже обагрены кровью мирных граждан и сотрудников милиции, стоящих на охране правопорядка».

Вскоре в здании ИТАР-ТАСС появились вооруженные люди. Представившись, что они «от Руцкого», заявили, что интерпретация событий ИТАР-ТАСС их не устраивает, никаких «боевиков» в Белом доме нет, и потребовали «объективного освещения событий». Коллегия ИТАР-ТАСС проходила в присутствии вооруженных автоматами людей.

В 20 часов 40 минут по РТР выступил первый вице-премьер Правительства Е.Гайдар:

«Мы призываем тех, кто готов поддержать в эту трудную минуту российскую демократию, прийти ей на помощь, собраться у здания Моссовета, с тем чтобы объединенными усилиями встать на защиту нашего будущего, на защиту будущего наших детей, не дать снова на десятилетия сделать из нашей страны огромный концентрационный лагерь».

После этого выступления площадь перед Моссоветом на Тверской улице стала быстро заполняться москвичами. Там начался митинг.

Параллельно всю ночь продолжало работать Российское телевидение в здании на 5-й улице Ямского поля. Каждый час в эфир выходила информационная программа «Вести». В студию приезжали все, кто хотел высказаться, — политики, общественные деятели, деятели культуры, бизнесмены.

Особенно запомнилось эмоциональное выступление актрисы театра «Современник» Л.Ахеджаковой:

«Сегодня третий день убивают милиционеров в Москве. Третий день убивают журналистов, убивают ни в чем не повинных людей... За что? За Конституцию... Что же это за проклятая Конституция?! Ведь по этой Конституции сажали людей в тюрьмы. Вы помните генерала Григоренко, Марченко. По этой Конституции убили Худенко, который мог накормить всю страну. Убивали, давили, морили, сажали в сумасшедшие дома... И сейчас за эту Конституцию... они убивают людей... А где наша армия? Почему она нас не защищает от этой проклятой Конституции?! А мне еще говорят: легитимно, нелегитимно. Но вы скажите мне, а легитимно было сажать в сумасшедшие дома здоровых, умных людей?!»*

От Ельцина, спустя достаточно длительное время, поступило распоряжение выпускать текст. Он отложил собственное телевизионное выступление на утро. В 23 часа 20 минут пресс-секретарем В.Костиковым было оглашено его обращение в прямом эфире Российского телевидения.

«Дорогие москвичи!

Сегодня в Москве пролилась кровь, начались беспорядки, есть жертвы. Предпринимаются попытки захватить государственные учреждения. Все это — спланированная заранее акция бывших руководителей Белого дома, тех, кто продолжает говорить о Законе и Конституции. Сегодня они перешли грань допустимого. Тем самым они поставили себя вне закона, вне общества. Они готовы погрузить Россию в пучину гражданской войны, они готовы привести к власти преступников, которые обагрили свои руки кровью мирных людей. Им не нужны свободные выборы, им не нужна мирная жизнь.

Президент, Правительство России, руководство Москвы сделали все возможное, чтобы разрешить кризис мирным путем. Все россияне знают, что ни президентом, ни правительством не было отдано ни одного приказа, который бы допускал вооруженное насилие. Еще сегодня утром шли переговоры при посредничестве Патриарха Московского и всея Руси

* См.: Москва. Осень-93: хроника противостояния. М., 1994. С. 396, 416.

Алексия II об урегулировании обстановки вокруг Белого дома, но в эти часы бывшим руководством Белого дома было все подготовлено для использования силы. В этих акциях участвуют люди, которые получили оружие, чтобы не защищаться, а убивать».

Обстановка все-таки потребовала от Б.Ельцина лично вмешаться в ситуацию. Вопрос стоял ребром: на чьей стороне будут военные. Ночью Президент выезжал из Кремля в Министерство обороны на заседание коллегии. На вопрос, выполнили ли военные его приказ, он получил ответ-просьбу: «Дайте нам приказ только в письменном виде».

На обратном пути Ельцин заехал в «Альфу»:

— Будете выполнять мой приказ?

В ответ — молчание.

— Я так понимаю, молчание — знак согласия?

Молчание.

— Поставлю вопрос по-другому: вы не будете выполнять мой приказ?

Молчание.

4 октября в 9.00 Президент РФ Ельцин сделал заявление по телевидению, написанное ночью заново, в котором, в частности, сказал: «Происходящие события в Москве — это запланированный переворот. Вооруженный мятеж обречен. В Москву входят войска, я прошу москвичей морально поддержать их. Генеральная прокуратура получила указание возбудить уголовные дела против преступников. Вооруженный мятеж будет подавлен в кратчайшие сроки».

А еще раньше по поручению Президента первый вице-премьер О.Сосковец встретился с Ю.Ворониным и предложил — во избежание кровопролития всем вооруженным формированиям, находящимся в здании Верховного Совета, сдать оружие. Воронин ответил отказом. Белый дом начали окружать части Вооруженных Сил с несколькими танками и бронетранспортерами, а также спецподразделения Главного управления охраны, Службы безопасности Президента и МВД. Начался штурм. Укрывавшиеся в Белом доме боевые группы оказывали активное сопротивление, отстреливаясь из автоматов, пулеметов и даже гранатометов. Лишь к 17 часам последние из них сдались.

Об этих событиях сегодня написано много, опубликованы документы. Среди них и данные директора Центра экстренной медицинской помощи Л.Костомаровой о жертвах путча. На 14 часов 6 октября в результате столкновений 3—4 октября в Москве пострадал 691 человек. Из них — 123 — убиты, 467 — госпитализированы, 101 — обслужены амбулаторно*. Другие источники приводят иные цифры, но неизменно отмечается, что среди жертв не было ни одного российского депутата.

Видимо, вспомнив, как хоронили троих погибших во время августовского путча 1991 года, Ельцин 7 октября, в день похорон многочисленных жертв мятежа, сказал: «Я поеду по всем кладбищам». «Все не объедете», — ответили ему.

---

* См.: Москва. Осень-93: хроника противостояния. С. 510.

Вакуум права

Значение вооруженного мятежа 3—4 октября 1993 года выходит за рамки политического путча. Это была развилка истории. Россия могла вернуться на советский путь, но после подавления мятежа наступил новый период в ее истории — постсоветский. Советская власть была уничтожена, но полноценная демократия еще не установлена.

Даже после выхода Указа № 1400 распущенный Верховный Совет и поддержавшие его подавляющим большинством региональные Советы все же имели основания претендовать на право говорить от имени избирателей и делали это. После этих событий оппозиция потеряла даже относительную легитимность. Весы качнулись в пользу Президента. Так происходила смена исторических вех.

Главным признаком этого стали новые конституционные ориентиры Ельцина. Вспомним, даже Указ № 1400 содержал ссылки на советскую российскую Конституцию 1978 года. В указах с 22 сентября по 3 октября 1993 года постоянно повторяется формула, что эта Конституция действует «в части, не противоречащей Указу № 1400».

Но вот уже 15 октября Ельцин подписал Указ о проведении 12 декабря 1993 года, в день выборов в Федеральное Собрание России, всенародного голосования по новой Конституции. Для доработки проекта Конституции, одобренного еще 12 июля, была образована Государственная палата Конституционного совещания, состоящая из представителей Президента, Правительства, субъектов Российской Федерации, Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего арбитражного Суда, Генеральной прокуратуры. Вместе с созданной еще 24 сентября Общественной палатой Конституционного совещания Государственная палата должна была в сжатые сроки (Президент поставил задачу опубликовать проект Конституции 10 ноября) завершить подготовку документа.

Это и было сделано при общей координации работы руководителем Администрации Президента С.Филатовым. Материалы докладывались Ельцину чуть ли не каждый день. Последний штрих внес сам Борис Николаевич, поправив несколько статей, перед тем как поставить свою подпись и отправить проект в печать.

Президент хотел, чтобы в 1994 год страна вступила с Конституцией. Однако несколько предшествующих месяцев жизнь происходила практически в правовом вакууме. Это привело к всплеску даже не юридического нигилизма, а презрения к праву, что в значительной мере было следствием Указа № 1400: победа над противником не только вызвала в лагере победителей эйфорию, но и породила ощущение вседозволенности.

Но, раз нарушив, как остановить поток подобного?

Президенту со всех сторон в огромных количествах стали поступать проекты абсолютно незаконных документов, не имеющих никакого отношения к конституционной реформе. Воспользовавшись ситуацией, некоторые политические группировки, ведомства, региональные администра-

ции пытались в обход закона решать свои корпоративные, ведомственные, региональные и даже личные проблемы.

Стали производиться массовые назначения «своих» людей в структуры исполнительной власти, стал непомерно раздуваться бюрократический аппарат.

Правительство приняло несколько решений о государственном финансировании и кредитовании различных структур в условиях отсутствия утвержденного бюджета (а это исключительное право Президента).

Существовавшие «фильтры», призванные на предварительных этапах отсекать проекты заведомо незаконных решений, не справлялись, тем более что поток документов в значительной степени был пущен в обход их. Часть таких документов была подписана Ельциным без необходимых виз — во время личных встреч с тем или иным ходатаем.

Подтверждением тому служит такой показательный пример. В день, когда было объявлено о всенародном голосовании по новой Конституции, то есть 15 октября, появился и Указ «Об освобождении нефтегазодобывающих объединений от обязательной продажи части валютной выручки при поставках нефти для погашения иностранного кредита». Согласно этому документу компания ЛУКОЙЛ до 31 декабря 1999 года освобождалась «от обязательной продажи части валютной выручки от экспорта нефти при условии направления всех высвобождающихся при этом валютных средств на погашение кредита экспортно-импортного банка Японии в размере 700 млн. долларов США, предоставляемого указанному акционерному обществу для закупки материально-технических ресурсов». При этом ЛУКОЙЛУ разрешалось зачислять валютную выручку на свой специальный счет в уполномоченном банке Российской Федерации, определяемом Центробанком.

По поводу «правотворческой» вакханалии начальник отдела ГПУ Президента А.Маслов 14 октября 1993 года направил на имя Ельцина записку:

«Уважаемый Борис Николаевич!

Нарушить субординацию и обратиться к Вам непосредственно побудила меня критическая ситуация, складывающаяся в правовой сфере в последние дни...

К сожалению, содержащий абсолютно правильные подходы Указ Президента от 7 октября 1993 года № 1598 «О правовом регулировании в период поэтапной конституционной реформы в Российской Федерации» не оказал сколько-нибудь значительного влияния на ситуацию.

Ситуация сложилась так, что ответственность за <u>все</u> решения исполнительной власти будет возложена в конце концов на Вас. Те, кто толкает Вас на принятие незаконных решений, какими бы аргументами о целесообразности и срочности они ни пользовались, пытаются прикрыть Вашим авторитетом и Вашей ответственностью решение <u>своих</u> сиюминутных проблем».

Ельцин обратил внимание на письмо. И публично высказался по этой проблеме:

«Скажу откровенно, Президента кое-кто действительно подталкивает к тому, чтобы перешагнуть через Закон и здесь, и там. Причина хорошо известна — ведомственные интересы. Если говорить прямо, для них Закон, право были препятствием, которое всеми правдами и неправдами пытались преодолеть и прежде, и теперь.

Напомню, в известном Указе № 1400 ясно сказано, что принимаемые меры направлены исключительно на решительное продвижение конституционной реформы, и только на это. В указе прямо и однозначно говорится — Конституция и законодательство продолжают действовать. Это принципиальное положение указа».

Президент дал указание аппарату тщательно фильтровать все инициативные предложения и проекты указов на предмет их соответствия общим принципам Конституции. Осознание Б.Ельциным опасности затянувшегося периода «революционной целесообразности» стало одним из важных побудительных мотивов для сокращения сроков избирательной кампании. Он все острее понимал: страна, желающая быть демократическим государством, не может долго обходиться без цивилизованного парламента и других демократических институтов.

Президенту
Российской Федерации
Б.Н.ЕЛЬЦИНУ

Уважаемый Борис Николаевич!

Выполняя Ваше поручение, докладываю о ситуации на рынке алкогольной продукции.

Обстановка продолжает ухудшаться: падают доходы бюджета, сокращается производство, увеличивается импорт ликеро-водочной продукции, не снижаются объемы контрабандного ввоза.

Основные причины:

- недостаточный уровень ответственности лиц, занимающихся оборотом алкогольной продукции;
- более льготные условия производства на Украине спирта и продукции из него;
- устаревшая нормативная база по декларированию оборота, квотированию производства и потребления этилового спирта.

С целью оздоровления ситуации **Минэкономики внесло в Правительство проекты двух Указов Президента** (прилагаются):

1. Принятие Указа "Об усилении ответственности юридических и физических лиц, участвующих в обороте алкогольной и табачной продукции" поставит новый барьер контрабандному ввозу алкоголя. Предусматривается конфискация алкогольной продукции, реализуемой без акцизных марок и специальных разрешений. Доходы от реализации государством конфискованной продукции будут целиком направляться в федеральный и местные бюджеты.

15 декабря 1995 г. А.Лившиц

Записка Президенту Ельцину о ситуации на рынке алкогольной продукции.
Фрагмент.

Президент Российской Федерации

УДОСТОВЕРЕНИЕ

№____

Товарищ _____

является полномочным представителем X Чрезвычайного (внеочередного) Съезда народных депутатов Российской Федерации и исполняющего обязанности Президента Российской Федерации по осуществлению мероприятий, связанных с преодолением последствий государственного переворота в Российской Федерации.

Податель сего имеет право входа во все государственные и общественные организации Российской Федерации, включая министерства, ведомства, воинские части, флотские экипажи, узлы связи и транспорта. Все должностные лица обязываются всемерно содействовать в выполнении задач, поставленных перед полномочным представителем.

Действительно при предъявлении удостоверения личности.

Выдано сроком до 1 декабря 1993 года.

Исполняющий обязанности Президента Российской Федерации А.РУЦКОЙ

Москва, Дом Советов

Удостоверение полномочного представителя «президента» Руцкого.

- 3 -

Собирается ли Президент переизбираться на второй срок (т.е. выходить на выборы до окончания срока полномочий – иной возможности нет)?

Нет

Если да, то под конец срока полномочий или одновременно с парламентскими выборами (трансформацией депутатского корпуса)?

От ответа на эти вопросы зависят и возможности формирования нового имиджа Президента.

Нужен разговор

28/VII-95г.

Пометки Президента Ельцина относительно его переизбрания на второй срок на записке Ю.Батурина и А.Миграняна.
Фрагмент.

ПРЕЗИДЕНТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

26 февраля 93
19 г.
ПР-279
№

Москва

ПОСЛАНИЕ

Президента Российской Федерации
Верховному Совету Российской
Федерации

В разрешении возникшего в стране конституционного кризиса и особенно в устранении тех его причин, которые коренятся в самой действующей Конституции РФ, ключевая роль - у законодательной власти.

Прошу Верховный Совет РФ и Съезд народных депутатов РФ в случае подготовки каких-либо изменений Конституции Российской Федерации предварительно рассмотреть ежегодное послание Конституционного Суда РФ о состоянии конституционной законности в Российской Федерации и учесть содержащиеся там оценки. Я обратился в Конституционный Суд РФ с просьбой не задерживать подготовку послания и направить его Верховному Совету РФ безотлагательно.

Б. Ельцин

Попытка разрешить кризис легитимным путем.

Часть III

«Будем жить по конституции»

Поэтапная конституционная реформа

(октябрь 1993 — 1996)

Поторопить конституционную реформу

Главным следствием событий 3—4 октября 1993 года стало разрушение в России системы Советов. Политическая организация — компартия, олицетворявшая идею Советов, была деморализована. Единственное, что удалось коммунистам, — это организовать мятеж в самой Москве. Несмотря на падение авторитета Б.Ельцина, поддержка принципов демократии и рыночной экономики была достаточно велика. Наконец, одним из факторов стало то, что большинство населения воспринимало происходящее тогда в стране лишь как лобовое столкновение двух институтов власти, как борьбу «верхов», исход которой существенно не влиял на решение повседневных, будничных проблем простого человека.

После 4 октября Президент, вопреки предсказаниям, не повел себя как диктатор. Прекрасно понимая, что в его руках теперь вся власть и главный оплот сопротивления сломлен — политически и морально, он тем не менее не стал отодвигать на неопределенный срок принятие новой Конституции. Хотя, напомним, в Указе от 21 сентября 1993 года Конституционной комиссии и Конституционному совещанию предписывалось представить ее согласованный проект только 12 декабря. О том же свидетельствовало первоначально утвержденное Б.Ельциным Положение о федеральных органах власти на переходный период, согласно которому какое-то время (его можно было при желании растянуть на неопределенный период) оставшиеся институты власти существовали бы фактически без Конституции («перелатанная» Конституция РСФСР формально продолжала действовать без разделов о системе государственной власти).

Что же побудило Ельцина форсировать установление нового конституционного строя? Можно, конечно, предположить, что он не был уверен в своей правоте, прекращая деятельность Съезда народных депутатов и Верховного Совета; что опасался волны возмущения и потому стремился погасить ее быстрейшим принятием Конституции; наконец, что хотел выглядеть цивилизованным политиком в глазах демократического Запада. Однако если такие мотивы и присутствовали, то в малой степени. И историческую правоту он осознавал, и возмущений не слишком опасался, а что до западной реакции, то (несмотря на трагический репортаж телекомпании Си-эн-эн об обстреле Белого дома) силовые действия за рубежом были восприняты в целом как меры, необходимые для защиты демократии. Западному общественному мнению слишком хорошо были известны суть и методы советских коммунистов, чтобы считать последних невинными жертвами «жестокого Ельцина».

Основная причина была в другом: Б.Ельцин не ощущал внутренней потребности становиться диктатором. Он торопил события и стремил-

ся к тому, чтобы как можно быстрее стать главой нормального в правовом смысле государства, возглавить абсолютно законную власть. Он хотел, чтобы 12 декабря 1993 года стало днем начала полностью легитимного периода новейшей истории России.

Его действия и решения в те дни в целом подтверждают такой вывод. Вспомним хотя бы о трех октябрьских указах.

Указом № 1557 от 1 октября были существенно изменены параметры будущей Государственной Думы. Ее количественный состав увеличивался с 400 до 450 депутатов. Устанавливалось равное распределение мест между депутатами, избранными по мажоритарной и по пропорциональной (через партийные списки) системам (225 на 225).

Этому решению предшествовала дискуссия в Администрации Президента, которой, правда, тогда никто не придавал принципиального значения. В частности, начальник Государственно-правового управления Президента А.Котенков считал, что «мажоритарщиков» в Думе должно быть в два раза больше, чем «списочников». Так поначалу и планировалось. Из 400 депутатов 270 мест (то есть 2/3) получали депутаты-одномандатники. Помощник Президента по правовым вопросам Ю.Батурин и другие, наоборот, предлагали для скорейшего становления в стране нормальной многопартийной системы увеличить число депутатов, идущих по партийным спискам. Это мнение получило поддержку и было оформлено в уточненной редакции Положения о федеральных органах власти на переходный период.

Дебаты вокруг возможного изменения избирательной системы начались еще в 1992 году. В Белом доме на Краснопресненской набережной депутат В.Шейнис регулярно собирал экспертов, обсуждавших возможные варианты закона о выборах. К осени 1993 года группа под его руководством подготовила проект закона, в котором предлагалась смешанная избирательная система: часть депутатов избиралась в округах по однотуровой мажоритарной системе, часть — по пропорциональной системе (по «партийным спискам»). Фактически это была калька немецкой избирательной системы.

Окончательное решение, как уже говорилось, принимали в Кремле. Проект проанализировали, явных юридических «ляпов» не обнаружили, а вся «политическая правка» состояла в уменьшении доли мест, отведенных депутатам, избираемым по спискам, с двух третей до одной второй. Указ ушел на подпись Президенту.

Демократы, предлагавшие новую систему выборов, рассчитывали на симпатии к ним со стороны федеральных средств массовой информации, благодаря чему считали возможным обеспечить уверенную победу и завоевать в новом парламенте большинство. Однако негативные последствия перечеркнули оптимистические ожидания. Именно с избирательной кампании 1993 года начался дрейф российской демократии прочь от избирателей. Демократы первой волны общались со своими избирателями в кинозалах и институтах, на улицах и заводах. Новый закон о выборах предоставил возможность партийным лидерам вещать с телеэкранов. Осмысленное слово стало превращаться в мелодичный звук, характер — в имидж, живые люди — в персонажей клипов. Политика и политики стали отдаляться от граждан и избирателей.

Избиратели не затянули с расплатой: итоги выборов 1993 года известны. Они оказались крайне неблагоприятными для демократов: ЛДПР — 22,7% голосов от числа пришедших на выборы; «Выбор России» — 15,4; КПРФ — 12,4; «Женщины России» — 8,1; АПР — 7,9; «Яблоко» — 7,8; ПРЕС — 6,8; ДПР — 5,5. В ночь с 12 на 13 декабря телевидение организовало нечто вроде старого «Голубого огонька», посвященного подведению, как ожидалось, победных итогов выборов. Только вместо Героев социалистического труда в зале «Россия» веселился политический бомонд. Когда поражение демократов стало очевидным, член Президентского совета писатель Юрий Карякин воскликнул: «Россия! Ты одурела». Это был шок. Но в то же время результаты голосования показали, что это были свободные выборы.

Выборы по президентскому указу подверглись критике, а их легитимность ставилась под сомнение, хотя многие из числа критиков сами избирались по этому указу, что явно снижало пафос негодования. Что же касается коммунистической оппозиции, то она после каждых выборов, оканчивающихся не в ее пользу, заявляет о массовых подтасовках. Но бывало, что после пересчета бюллетеней, проводимого по требованию истцов, число голосов, поданных за КПРФ на том или ином участке, уменьшалось. Правда, об этом коммунисты почему-то предпочитают не говорить.

Указ от 11 октября 1993 года «О выборах в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» также вносил ряд существенных изменений. Дело в том, что Указом № 1400 на 11—12 декабря назначались выборы только в Государственную Думу — нижнюю палату парламента. А роль верхней временно должен был играть орган, образованный незадолго до роспуска Съезда и названный Советом Федерации. В него вошли главы российских регионов. Следует заметить, что в ту пору большинство из них являлись назначенцами Президента и сохранение такой конструкции объективно было выгодно ему. Однако Б.Ельцин все-таки пошел на принципиальное изменение статуса верхней палаты парламента, введя выборный принцип ее формирования: от каждого субъекта Федерации избирались по два депутата на основе мажоритарной системы по двухмандатным (один округ — два депутата) избирательным округам.

Наконец, 15 октября издается Указ «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации», а вместе с ним — «Положение о всенародном голосовании (референдуме)».

Таким образом, модель решающего этапа конституционной реформы и соответственно реформы основ государственной власти принципиально изменялась. Рисковал ли Ельцин, меняя схему? Несомненно, но риск был во многом оправдан.

По прежней схеме, предусмотренной Указом № 1400, новую Конституцию должен принимать новый парламент. А значит, оставалась опасность, что ее содержание может быть изменено в угоду тем или иным политическим силам, имеющим там большинство. Не было уверенности, что это большинство составят сторонники Б.Ельцина. А на «левый» крен Основного Закона Президент, считавший себя гарантом преобразований, пойти ни в коем случае не мог.

Существовала и другая опасность — перекройки проекта Конституции в угоду политической конъюнктуре. Насколько это вредно, доказал печальный опыт почившего Съезда народных депутатов. Но такой соблазн мог возникнуть и у нового депутатского корпуса. Важно было не наступить на те же грабли.

И пожалуй, самое существенное. Если бы в результате выборов в Думу ни одна из политических сил не набрала устойчивого большинства (как, собственно, и произошло), конституционный процесс мог быть вообще заблокирован на неопределенное время. Это имело бы крайне опасные политические последствия, так как в состоянии «спорной легитимности» оказался бы и Президент, и новый парламент.

Однако и решение о принятии Конституции всенародным голосованием также таило в себе опасности. Так, к примеру, если парламент был бы избран, но большинство на референдуме высказалось против Конституции, вновь разразился бы политический кризис, который мог разрешиться и не в пользу Президента, поскольку в этом случае парламент приобретал больше легитимности, чем Президент.

Так что любой вариант имел и плюсы, и минусы. Б.Ельцин выбрал тот, который был способен в тех условиях принести максимальный результат. И он не ошибся. 12 декабря 1993 года 58,4% избирателей, пришедших на выборы, проголосовали за новую Конституцию.

Сразу же возникли спекуляции по поводу подтасовки результатов голосования. При этом забывалось, что система избирательных комиссий на местах по-прежнему контролировалась региональными властями, а значит, органами еще не исчезнувшей советской власти. Сами члены избирательных комиссий сохраняли старую идеологическую ориентацию. Если что-то можно было ожидать от этой системы, так скорее попыток подтасовать результаты против Ельцина, а не за него.

«Долгострой»

Не менее важным был и выбор модели государственной власти в России, выбор между парламентской и президентской республикой*.

Этот выбор был предопределен реальными условиями России конца 1993 года. В центре Москвы высился обугленный остов Белого дома, в воздухе по-прежнему пахло гражданской войной, продолжался тяжелейший экономический кризис, люди не оправились от шока, вызванного взлетом цен, распадом Союза, крушением многих привычных устоев жизни. Наконец, существовала угроза распада России. В таком положении даже «самый демократичный демократ» начинает понимать, что делать ставку на представительные органы — значит тушить пожар бензином.

Первые годы реформ убедили, что «тысячеголовый президент» (Съезд народных депутатов) не подходит на роль главы государства, особенно на

* В строгом смысле избранная модель ближе к так называемой «полупрезидентской республике». Президентская республика характерна, например, для США, где президент является одновременно главой исполнительной власти.

таком резком повороте. Именно поэтому не годился ни один из проектов, разработанных ранее Конституционной комиссией, образованной еще на I съезде народных депутатов. В этих проектах, несмотря на то что в одних Президент признавался главой исполнительной власти, в других — главой государства и высшим должностным лицом, ключевая роль отводилась все равно Верховному Совету.

Приведем только один пример. В проекте Конституционной комиссии 1992 года устанавливался вариант «разделения властей», отдаленно напоминавший модель президентской республики, существующую в США, где президент является главой исполнительной власти. Однако при внимательном чтении проекта становилось ясно, что речь шла все о той же парламентской республике: так, предусматривалось, что кроме президента — главы исполнительной власти — действует еще и самостоятельное правительство; что его председатель и все члены кабинета могут быть назначены только с согласия Верховного Совета; что структура и компетенция правительства определяются федеральным законом; что, наконец, Верховный Совет может потребовать отставки любого члена правительства и вообще любого назначенного президентом должностного лица. А если президент его не уволит, то обязан представить обоснование, которое опять-таки Верховный Совет мог счесть неудовлетворительным.

Пойди конституционная реформа по такому пути, это было бы только косметическое обновление системы Советов, а значит, не исключался новый раунд острого противостояния ветвей власти. Б.Ельцин осенью 1992 года еще недооценивал эту опасность и подписал благодушное постановление Конституционной комиссии «О доработанном проекте Конституции Российской Федерации и порядке дальнейшей работы над ним», который утверждал именно такую модель государственного устройства в качестве базовой для будущей Конституции. Но жизнь внесла коррективы в его позицию.

Тем не менее шлейф прежних представлений о парламентских полномочиях тянулся еще долго. Он виден в том же Указе № 1400 и в Положении о федеральных органах власти на переходный период. Фактически Б.Ельцин сам себя лишал права досрочно распускать Думу, если она не согласна с главой государства по вопросу о правительстве и его председателе.

Существовал и альтернативный проект Конституции, подготовленный Конституционным совещанием. Этот проект и был взят за основу. Хотя, надо заметить, и он уже не вполне соответствовал ситуации, сложившейся в России после октябрьского путча. Его компромиссность, половинчатость объяснялись стремлением учесть позиции и президентской стороны, и Съезда, и лидеров регионов. А это требовало внесения серьезных корректив, что и было сделано на завершающем этапе работы над Конституцией.

Если в необходимости президентской республики Б.Ельцин не сомневался, то в вопросе, какая модель президентской власти должна быть заложена в новой Конституции, ясность появилась не сразу. К этому вопросу примыкает и другой — об объеме полномочий Президента России.

Общим местом стало мнение о чрезмерных полномочиях Б.Ельцина, о том, что Конституция была скроена «под него». Как заявлял впоследствии

Г.Зюганов, «у Ельцина больше полномочий, чем у египетского фараона, русского царя и саудовского шейха, вместе взятых».

Насколько справедливы эти упреки?

Во-первых, это все-таки юридические полномочия, а не всевластие генеральных секретарей ЦК КПСС. Во-вторых, российская Конституция по набору президентских полномочий особенно не выделяется среди конституций других стран с похожей моделью власти. Наконец, в-третьих, не стоит забывать, что сдерживающим фактором для президентской власти является власть судебная, прежде всего полномочия Конституционного Суда.

В то же время понятна природа недовольства существующей конституционной моделью. В демократически неразвитой среде (в отсутствие сильного гражданского общества, нормального политического рынка, при сохранившихся советских подходах и т.д.) эти полномочия могли использоваться (и иногда использовались) таким образом, что общество всякий раз вздрагивало от неожиданного президентского решения, гадая, чем оно могло быть вызвано. Поэтому правильнее говорить не о необъятной президентской власти, а о ее непредсказуемом использовании. Сегодня можно констатировать, что Конституция 1993 года не учла инерционность советских привычек нашей политической элиты. Это относится к разным институтам власти, в том числе и к власти президентской.

Конституция установила модель «двух ролей» Президента: хранителя государственных устоев и непосредственного участника текущей политической и экономической жизни. В стране, которая спустя почти 80 лет начала восстанавливать демократическую государственность и нормальные рыночные отношения, это были два широких и самостоятельных «фронта работ». Главная проблема состояла в том, что практика государственного строительства зачастую входила в противоречие с тактикой экономических реформ. Когда же обе эти зоны ответственности сосредоточиваются у одного лица, есть опасность, что одна будет подавлять другую.

Подавленной оказалась функция государственного строительства. Реформирование государственного аппарата, укрепление демократических начал российской власти, контроль над соблюдением «правил игры», согласованное функционирование всего государственного организма и другие, не менее важные задачи оказались на втором плане. Конституция не нацеливала Президента на его «государственническую» роль, не предоставляла ему и соответствующих полномочий. Достаточно сказать, что у Б.Ельцина, по сути, отсутствовали эффективные рычаги для обеспечения общероссийской законности в регионах.

Дисбаланс полномочий отразил господствовавшие среди российских реформаторов начала 90-х годов представления о том, что главная задача Президента состоит в обеспечении курса экономических реформ. Им казалось, что решение чуть ли не всех проблем обеспечит либерализация экономики. Главное — расчистить путь реформам, преодолеть сопротивление антиреформаторских сил, сконцентрированных в законодательных органах. Государственное строительство, правовая реформа, обеспечение политической и идейной внятности хотя и признавались важными элементами

общего процесса реформирования, но опять-таки для обслуживания экономических преобразований.

А между тем государственная машина остро нуждалась в срочном капитальном ремонте. Она была не способна противодействовать тому «дикому капитализму», который складывался в России в ходе реформ. Более того, потворствовала утверждению самых одиозных его форм.

Нельзя сказать, что слабость и неэффективность государства не тревожили Б.Ельцина. Свидетельством этого являются Послания Президента Федеральному Собранию. Напомним, что уже первое Послание 1994 года называлось «Об укреплении Российского государства». Там в концентрированном виде излагался план первоочередных мер в области государственного строительства. Однако этот президентский импульс стал единичным порывом.

Составлением текстов посланий занималась Служба помощников Президента, куда входила и группа его спичрайтеров. При этом использовались справки и предложения министерств и ведомств, подразделений президентской Администрации, некоторых научных институтов, идеи, высказываемые независимыми экспертами, в основном из числа членов Президентского совета. Поначалу к работе над посланиями привлекались и отдельные депутаты Государственной Думы.

Однако существовавшая система принятия решений и распределения реальных властных прерогатив, как выяснилось, не позволяла в полном объеме и системно реализовывать идеи, содержавшиеся в посланиях. Конечно, эти тексты правились и одобрялись Президентом, становились его государственной позицией. Кстати, было заметно, особенно по первым посланиям, что ему нравится этот жанр и само конституционное полномочие, формулируемое как «определение основных направлений внутренней и внешней политики». Но при этом так и не был выработан механизм реализации этих предложений. Для этого требовались постоянный мониторинг и контроль за действиями исполнительной власти, а главное — составление проектов очередных федеральных бюджетов в соответствии с теми приоритетами, которые определял Президент. Но вот тут-то Правительство, точнее, его «финансово-экономический блок» и, разумеется, Государственная Дума явно не собирались выстраиваться под Ельцина.

Естественно, никто об этом открыто не заявлял. Наоборот, Правительство после каждого послания демонстрировало кипучую деятельность, готовность выполнить каждый его тезис, проводя всевозможные расширенные заседания, разрабатывая огромный «план мероприятий по реализации». Но... государственные чиновники в любой стране очень чутко воспринимают политическую конъюнктуру. В конце концов они подчиняются нововведениям политического руководства, однако до этого обязательно прибегнут к любым ухищрениям, дабы ничто не менялось в их жизни, тем более кардинально.

Примерно по такой схеме все и происходило. Послания в основном существовали сами по себе, а реальная правительственная, парламентская деятельность, да и деятельность самой Администрации Президента — сами по себе. Казалось бы, именно Президент должен стать тем центром, который

заставит работать неповоротливую машину для проведения системных преобразований в государстве. Но такой системы так и не было создано. Текучка съедала не только время, но и преобразовательскую энергию. А главное, Президент так и не решился уйти от только ему ведомых критериев оценки работы премьера и Правительства. Он не решился сделать основным критерием степень выполнения его собственных посланий, что, заметим, само по себе стало бы революцией в системе власти. Ведь тогда всему обществу было бы ясно, почему Президент отправляет в отставку Правительство: за саботаж или плохое выполнение мер, которые глава государства определил как основные направления внутренней и внешней политики, т.е. как политический курс. Вся политическая система стала бы гораздо прозрачнее и предсказуемее. Правда, тогда много потеряло бы таинство власти...

Как бы то ни было, но прагматики в Правительстве быстро поняли, что на ежегодные послания можно смотреть как на «дежурные блюда», как на документы, предназначенные лишь для публичного использования. Действительно, многие идеи Послания 1994 года затем повторялись едва ли не в каждом новом. Это означало, что они почти не реализуются, хотя государственная машина находилась по-прежнему в нестабильном и неопределенном состоянии.

В отсутствие сколько-нибудь внятной идеологии и стратегии развития Б.Ельцин оказался без четких ориентиров, а страна так и не встала на рельсы устойчивого демократического развития. Не удалось провести и четкий исторический водораздел между СССР (РСФСР) и посткоммунистической Россией, вынеся официальную правовую оценку советскому режиму, развенчав его мифы, восстановив разорванную большевиками историческую связь с тысячелетней Россией.

В результате страна оказалась в довольно двусмысленном состоянии. Формально она уже рассталась с советскими институтами, но при этом так и не совершила прорыв к настоящей демократии. Российское государство существует одновременно как бы в двух эпохах. И эта политическая раздвоенность, неопределенность стала общим отрицательным фоном для всех действий власти.

Три ветви власти

Б.Ельцин на протяжении всего срока пребывания у власти, признавая иногда некоторое несовершенство конституционных формулировок, даже мысли не допускал о каких-либо поправках. Он явно хотел стать родоначальником стабильной, а не кратковременной Конституции. При желании Ельцин им действительно мог бы стать. Дело в том, что российская Конституция содержит огромный потенциал. Она не лучше и не хуже конституций демократических государств. Но, как и многие другие подобные акты, содержит довольно широкие возможности для использования ее как в конструктивных, так и в конфронтационных целях. Другими словами, Конституция РФ создала лишь каркас новой власти, но не могла определить новые подходы, новые методы. Впрочем, это вообще задача не Конституции, а самой государственно-политической практики.

И если бы вовремя появились законы, прежде всего предусмотренные самой Конституцией; если бы они при этом учитывали реальные потребности в динамичном развитии демократических принципов; если бы самой практикой власти закладывались традиции открытой и честной политики, направленной на удовлетворение общественных интересов, вряд ли спустя пять — семь лет после принятия Основного Закона политическая элита так твердо укрепилась бы во мнении о необходимости внесения существенных корректив. Ведь возобладала вовсе не коммунистическая риторика насчет «необъятных полномочий Ельцина», а понимание того, что возможность использовать конституционные полномочия в совершенно непонятных для общества целях представляет собой опасность для России, для обеспечения демократических ценностей, которые начали в ней утверждаться.

Конституция предопределила довольно запутанные отношения Президента с исполнительной властью. С одной стороны, он официально не возглавляет ее, будучи только главой государства, однако фактически это именно так. Достаточно сказать, что он назначает и освобождает премьер-министра, вице-премьеров и министров, а также может отправить в отставку Правительство в целом. Президент наделяется правом председательствовать на заседаниях Правительства, отменять его постановления и приостанавливать незаконные акты органов исполнительной власти субъектов Федерации. Кроме этого, в соответствии с Конституцией, он руководит отдельными органами исполнительной власти, чья деятельность входит в зону его ответственности. Таковыми при Б.Ельцине в первую очередь стали силовые структуры и МИД.

Надо добавить, что Конституция не установила исчерпывающий круг предметов, по которым возможно издание президентских указов. На практике такие указы появлялись по самым разным вопросам, в том числе и по экономическим, что еще больше снижало самостоятельность и ответственность правительства.

Конституция 1993 года закрепила принципиально новую конструкцию федеральной законодательной власти, которая, по сути, во многом сходна с парламентами в демократических странах. В то же время следует признать, что потенциал Федерального Собрания как института власти раскрылся не в полной мере. Дело не в том, что Конституция слишком ограничила влияние Думы на государственные дела, и тем более не в шутовстве, очевидной глупости или хулиганстве отдельных депутатов, хотя именно их выходки и ораторские перлы, а не аргументированные позиции нормальных депутатов, особенно привлекают публику. Проблема в другом. По большому счету, российское общество, срезом которого является депутатский корпус, не выработало потребности и способности систематически влиять на власть, не сложились пока и механизмы такого влияния — устойчивые и ответственные партии с внятной идеологией, выражающие реальные общественные интересы. Соответственно и представительный орган не стал той силой, которая способна реально влиять на государственные дела.

Во многом поэтому Дума сохраняет значение чего угодно — учреждения, где рождаются законы; клапана для выпускания излишнего обще-

ственного напряжения; мощной лоббистской организации, — но никак не структуры, оказывающей существенное влияние на проведение вполне определенного политического, социального и экономического курса.

Это ярко подтвердили состоявшиеся 12 декабря 1993 года выборы: депутатский корпус, в своем большинстве, был оппозиционно или в лучшем случае нейтрально настроен по отношению к Президенту. «Из огня да в полымя» — так, вероятно, можно коротко охарактеризовать ощущения Президента после первых думских выборов. Однако Ельцин понимал, что новый парламент — его детище, значит, ему предстоит выстраивать новую модель взаимоотношений между ветвями власти, выстраивать и новые федеративные отношения. К тому же немного успокаивало то обстоятельство, что и Дума, и Совет Федерации избраны всего на два года. Казалось, за это время удастся провести «поэтапную конституционную реформу», обещанную в Указе № 1400, и Россия обновится полностью и окончательно...

Конституционный Суд был учрежден поправками к Конституции РСФСР 15 декабря 1990 года. Лишь почти через год, 30 октября 1991 года, в составе тринадцати судей (при пятнадцати, предусмотренных действовавшим Законом о КС) он приступил к работе. Вскоре под влиянием его тогдашнего председателя В.Зорькина Суд начал втягиваться в политическую борьбу. Впрочем, справедливости ради надо отметить, что этому способствовал ряд факторов.

Во-первых, Конституционный Суд все-таки отличается от обычного суда тем, что рассматривает, среди прочего, и конституционные споры между ветвями власти, а значит, объективно вынужден вторгаться в политику. Во-вторых, российская государственность находилась тогда в крайне неустойчивом состоянии, основные противоборствовавшие политические силы «захватили» разные властные структуры. Политика и право настолько переплелись, что, решая правовые споры, было практически невозможно возвыситься над политическими баталиями. В-третьих, политизации КС способствовала существовавшая тогда и впоследствии отмененная норма закона, которая позволяла давать заключения по инициативе самого Суда о конституционности действий и решений высших государственных органов. И этим правом Суд активно пользовался в 1992—1993 годах. Правда, и в такой ситуации он мог бы исходить не только из буквы, но и из духа закона, внося тем самым свой вклад в дело эволюционного переустройства власти и вообще государственного строя. Но этого не произошло, и отношения с Президентом все более обострялись.

Как уже говорилось выше, Указом № 1400 деятельность Конституционного Суда была приостановлена. Ему предписывалось не созывать свои заседания до начала работы нового парламента. Однако в день выхода Указа, по предложению судьи В.Лучина, Суд собрался на экстренное заседание и вынес заключение, что Указ и Обращение Президента к гражданам России служат основанием для отрешения Б.Ельцина от должности. 29 сентября судьи Э.Аметистов и Н.Витрук отказались участвовать в заседаниях, заявив, что КС «не оправдывает своего назначения как органа правосудия, превратившись в политическую силу, которая активно выступает на одной из противоборствующих сторон».

Перелом произошел лишь после драматических октябрьских событий. Уже 5 октября было обнародовано заявление Конституционного Суда, в котором осуждался штурм Московской мэрии и телецентра «Останкино» сторонниками А.Руцкого и Р.Хасбулатова. 6 октября В.Зорькин подал прошение об отставке, обязанности председателя КС перешли к его заместителю Н.Витруку. На следующий день Б.Ельцин издал Указ, в котором говорилось, что Конституционный Суд оказался в глубоком кризисном состоянии, своими решениями и поспешными действиями дважды ставил страну на грань гражданской войны, что он сыграл пособническую роль в трагическом развитии событий 3—4 октября. На основе этих обвинений был вынесен «вердикт»: не созывать заседания КС до принятия новой Конституции РФ.

Теперь главной заботой судей стала разработка проекта нового закона о КС, тем более что 24 декабря появился Указ Президента, объявлявший недействующими ряд законов, в том числе старый Закон о Конституционном Суде. Новый Закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», получивший статус конституционного закона, был принят летом 1994 года. Правда, и после этого возобновление работы Суда откладывалось еще на несколько месяцев, поскольку сам Закон предусматривал возможность начала полноценной деятельности только после формирования полного состава судей и избрания ими своего руководства.

Новая Конституция установила, что кандидатуры на должности конституционных судей вносит Президент, а назначает их Совет Федерации. 25 декабря 1993 года вышел Указ «О замещении вакантных должностей федеральных судей», где рекомендовалось созвать Всероссийский съезд судей, который выдвинет, наряду с Министерством юстиции, кандидатов до 31 марта 1994 года — по два на каждое вакантное место. Такие списки действительно появились: на 6 вакансий было выдвинуто каждой из этих структур по 12 кандидатов. Попыталась было и Государственная Дума привести своих представителей, но ни одна из семи кандидатур не набрала большинства голосов депутатов.

Определяя порядок выдвижения кандидатур на должности конституционных судей, Президент, разумеется, не собирался ограничивать собственные полномочия, хотя вне Кремля некоторые именно так истолковали его Указ. Обращение к юридической общественности было сугубо публичной акцией, имевшей целью подчеркнуть стремление учесть общественное мнение, в данном случае — мнение юридического сообщества. Последнее же слово оставалось за самим Президентом. И списки реально представленных Президентом кандидатур в Совет Федерации подтвердили это. В них были не только те, кого представили Съезд судей и Минюст. В письме Совету Федерации Б.Ельцин сообщил, что он рассмотрел также кандидатуры, представленные научными институтами, общественными организациями и группами депутатов — всего около 50 человек. Впрочем, сам он не занимался этими списками, поручив всю предварительную работу руководителю своей Администрации С.Филатову.

В октябре 1994 года начались процедуры, связанные с окончательным формированием состава Суда. Поначалу казалось, что они будут носить рутинный характер, о чем свидетельствовала не только совершенно формаль-

ная подготовка президентских структур к заседанию Совета Федерации, но и само число выдвинутых Б.Ельциным претендентов — шесть. Дело в том, что именно шесть мест судей оставались вакантными. В Кремле возник спор: вносить ли столько же кандидатур, сколько вакансий, или несколько больше. Победила точка зрения, что на шесть вакансий следует внести столько же кандидатур: мол, Президент уверен во всех, и Совет Федерации «должен» всех назначить.

Не тут-то было. Верхняя палата парламента решила продемонстрировать, как действует система «сдержек и противовесов» по новой Конституции. Причем критерий для отсеивания существовал один — близость кандидата к Кремлю. В итоге первая попытка Президента окончательно сформировать новый состав Конституционного Суда удалась лишь наполовину — Совет Федерации «пропустил» троих претендентов: В.А.Туманова, ставшего затем председателем КС, О.С.Хохрякову и В.Г.Ярославцева. Пришлось еще пять раз (!) вносить кандидатуры (в общей сложности было 15 кандидатур, трое из них вносились по два раза), пока не завершилось формирование обновленного состава Суда. 15 ноября был назначен Ю.М.Данилов, 6 декабря — В.Г.Стрекозов, наконец, 7 февраля 1995 г. последним, девятнадцатым судьей стал М.В.Баглай. Позже, в 1997 году он был избран третьим, после Зорькина и Туманова, председателем Конституционного Суда.

Суд да дело

С еще меньшим эффектом шла в целом *судебная реформа*, предполагавшая создание сильной, независимой судебной власти, прежде всего в лице судов общей юрисдикции, то есть тех, которые граждане и привыкли воспринимать как собственно суды. Невнимание к этой сфере отражало все то же пренебрежение к политическому и государственному строительству. Не только Б.Н.Ельцин, но и большинство других политиков, независимо о того, в каких политических лагерях они находились, не придавали стратегического значения реформированию судебной системы, в ходе которой на смену партийным командам и указаниям должен прийти совершенно иной регулятор жизни — право. И все эти годы судебная система оставалась системой периферийной, поскольку главные «блюда» готовились на другой «политической кухне» — в Кремле, Правительстве, парламенте, министерствах, региональных администрациях.

Между тем судебная реформа могла не только преобразить наше общество, создав совершенно иную систему защиты человека от государственного произвола, не только обусловить иной, более справедливый с правовой точки зрения процесс экономических реформ и становления нового класса собственников, но и принести значительные политические дивиденды самому Президенту. Ведь именно он мог по праву считаться «отцом» судебной реформы, поскольку еще 21 октября 1991 года направил проект Концепции судебной реформы в Верховный Совет РСФСР. В сопроводительной записке говорилось: «В соответствии со статьей 121-5 Конституции РСФСР вношу на рассмотрение прилагаемый проект Концепции судебной реформы

в РСФСР, проведение которой является необходимым условием обеспечения функционирования демократического правового государства».

С потрясающей быстротой, обусловленной особой спрессованностью времени после августовского 1991 года путча, всего через три дня, появилось постановление Верховного Совета, одобрившего реформу в качестве «необходимого условия функционирования РСФСР как демократического правового государства и одного из приоритетных направлений законопроектной деятельности».

Принципиальные положения этой Концепции, разработчиками которой были С.Вицин, Б.Золотухин, А.Ларин, Т.Морщакова, С.Пашин и другие, не устарели и сегодня. Это свидетельствует о том, что основные цели Концепции так и не были достигнуты. Сосредоточившись на проблемах «треугольника»: президент — правительство — парламент, Б.Ельцин, повторяем, воспринимал проблемы становления новой правовой системы как периферийные.

Даже образование 22 ноября 1994 года Совета по судебной реформе при Президенте Российской Федерации было скорее актом формальным, во всяком случае мало повлиявшим на дальнейшую судьбу реформирования судебной власти. Дело ограничилось тем, что в каждом послании Федеральному Собранию обязательно присутствовали сюжеты, посвященные судам, адвокатуре, нотариату. Но это практически не меняло общую ситуацию. Главным в стране оставался финансово-экономический блок ведомств, он и диктовал реальные приоритеты политики.

Отношение исполнительной власти к политическим заданиям Президента характеризует, например, следующий эпизод. В первом своем послании глава государства поручил Министерству юстиции разработать проект Административного кодекса. Речь шла о документе, который бы регламентировал процедуры управленческой деятельности, ответственность чиновников перед гражданами за принятие ошибочных или незаконных решений, короче, способствовал бы уменьшению государственного произвола в отношении граждан. В 1997 году министерство прислало в Администрацию огромный пакет с сопроводительным письмом, гласившим, что поручение Президента выполнено. Но в пакете оказался проект Кодекса... об административных правонарушениях. Он, конечно, тоже был нужен, поскольку прежний явно устарел. Но, во-первых, новый оказался по своей идеологии не лучше старого, а во-вторых, объединяли его с поручением Президента лишь слова «кодекс» и «административный». Смысл же оказался прямо противоположным президентскому заданию. Так страна и не получила документ, защищающий граждан от бюрократического произвола.

Пожалуй, последнее принципиальное решение, касавшееся судебной системы, Президент принял летом 1994 года. Речь шла о концепции будущего закона о судебной системе. Государственно-правовое управление Президента предложило на выбор три модели построения такой системы. Первая — все суды, кроме высших, объявляются судами субъектов Федерации. Вторая — все суды объявляются федеральными, а субъекты Федерации вправе образовывать свои суды. Третья — в законе прописываются федеральная и региональная системы судов. Они отличаются только пределами своей компетенции.

Возможность выбора объяснялась тем, что в Конституции говорится о федеральных судах, но не сказано, какие именно суды, кроме высших, к ним относятся. В записке Президенту было рекомендовано остановиться на втором варианте, исходя из того, что чем централизованнее судебная система, тем лучше для сохранения единого правового пространства. Президент согласился с такой рекомендацией, и эта концепция стала основой при разработке Конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 года.

В Администрации Президента, как могли, пытались помочь судебной системе. И надо сказать, Борис Николаевич охотно воспринимал такого рода идеи, но, к сожалению, не придавал им решающего значения. Большей частью эти идеи реализовывались в его указах о поддержке судебной власти, которые помогли оперативно разрешить многие организационно-правовые проблемы, например, связанные с продлением полномочий судей и народных заседателей, без чего правосудие не могло бы осуществляться.

Любопытен Указ от 23 мая 1995 года «О некоторых организационных мерах по ускорению проведения судебной реформы в Российской Федерации». В нем фигурировал пункт о «предоставлении пригодных для осуществления правосудия и соответствующих высокому авторитету судебной власти зданий тем судам, которые размещаются в не приспособленных для работы помещениях», фактически повторявший известное решение Б.Ельцина после путча 91-го года о передаче судам зданий райкомов, горкомов и обкомов. Дело было в том, что, как правило, эти здания захватили региональные и местные администрации.

Президент не хотел публично признаться, что его решение мало где было выполнено, поэтому в Указе появилась завуалированная формулировка: «Возложить на руководителей органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации персональную ответственность за безусловное исполнение до 1 октября 1995 г. пункта 1 распоряжения Президента РСФСР от 3 сентября 1991 г. № 32-рп «О неотложных мерах по улучшению работы судов РСФСР». Впрочем, и это предписание осталось на бумаге. Немало было и поручений Правительству по финансированию судов, которые, правда, не решали вопрос принципиально. Можно вспомнить, что в 1997 году Б.Ельцин подписал бюджетное послание, в котором среди приоритетных направлений впервые была упомянута судебная власть.

Были и попытки не вполне стандартными способами повысить авторитет органов правосудия. Так, в октябре 1995 года на стол Президенту легла следующая записка, касавшаяся скандала, возникшего вокруг отношений министра обороны П.Грачева с газетой «Московский комсомолец» (приведем ее с незначительными сокращениями):

«Уважаемый Борис Николаевич!

Широкую публичную огласку получило постановление районного суда о принудительном приводе П.С.Грачева в суд 25 октября силами 169-го отделения милиции г. Москвы (копия прилагается). Фактически общество следит за тем, что победит — право или высокая должность.

Самое интересное, что П.С.Грачев в этом деле выступает в качестве потерпевшего — по уголовному делу об оскорблении его газетой «Московский комсомолец» (конкретно В.Ю.Поэгли). Однако на заседания суда Грачев не являлся. По телевидению он выдвинул две причины своей неявки, в том числе и предстоящей — 25 октября:

— «это не суд, а судилище», чем уже оскорбил суд (газеты уже откликнулись на это);

— 25 октября он будет находиться в командировке в Греции.

Глава государства не может приказать своему подчиненному явиться в суд (в данном случае Грачев выступает как гражданин). Однако в этой ситуации можно было бы перенести срок визита П.С.Грачева (проект поручения прилагается)...

М.Краснов».

Такое поручение было подписано, и Грачев действительно появился в суде. Другое дело, что этот единичный случай не стал переломным в судебной реформе, а сам Грачев потом долго допытывался, кто ему подстроил такую «пакость».

Со временем судьба судебной реформы почти перестала зависеть от Кремля и практически полностью оказалась в руках судейского начальства, а потому продвижение ее практически застопорилось: какому руководителю хочется встрясок, перемен в своей системе? Поэтому основные идеи, просьбы, предложения, с которыми к Президенту обращались председатели высших судов, касались не столько проблем судоустройства и модернизации судебного процесса (до сих пор он остается в большой степени советским), сколько вопросов финансирования, усиления социальных и иных гарантий судей, организационной самостоятельности судебной системы.

Несправедливо было бы утверждать, что ничего существенного не происходило после 1993 года в судебной системе. При активном участии Президента и его служб были разработаны и приняты такие важные Законы, как «Об исполнительном производстве», «О судебных приставах», «О мировых судьях в Российской Федерации», «О финансировании судов Российской Федерации» и др. Организация судебной власти была передана из ведения Министерства юстиции в руки Верховного Суда, при котором создан Судебный департамент. Президент способствовал также учреждению Академии правосудия. Перестали быть сенсацией, хотя и не стали обычным делом, решения судов в пользу граждан, обжалующих не только решения органов исполнительной власти, но и законы; суды понемногу обретали привычку апеллировать непосредственно к нормам Конституции.

Однако эти и другие позитивные сдвиги почти не отразились на главном — общем качестве защиты прав и интересов человека. Правосудие в эпоху Ельцина так и не стало общедоступным и эффективным, а судебная ветвь власти — подлинной властью. Во многом это было связано с отсутствием новых процессуальных кодексов, на основе которых и работает правосудие, а также крайне скудным финансированием судебной деятельности. Но и эти обстоятельства, в свою очередь, имели причиной непонимание огромной социальной, политической и экономической значимости качественной системы защиты прав. В результате финансовые и организа-

ционные ресурсы не были сконцентрированы на прорывных направлениях, к которым относится и реформа судебной власти.

Новая Россия унаследовала от советской власти большую часть репрессивной системы тоталитаризма. И дело тут не в кадровом составе правоохранительных органов (хотя и это существенно сказывается на стиле деятельности), а, в первую очередь, в их сохранившихся функциях и полномочиях.

Вообще, прослеживая судьбу различных институтов власти, можно заметить определенную и довольно грустную закономерность. Чем больше та или иная структура досаждала Президенту, тем больше реформаций она претерпевала. Радикальнее всего изменился парламент. В меньшей степени, но тоже весьма серьезную эволюцию пришлось пережить Конституционному Суду. А вот правоохранительная система практически осталась в той же степени трансформации, на которой ее застал 1993 год.

КГБ сразу после путча августа 1991 года был расформирован на отдельные спецслужбы, а МВД и прокуратура, составлявшие вместе с КГБ столпы советского репрессивного аппарата, так и не были трансформированы ни после путча 91-го, ни после событий 93-го. Единственное новшество, появившееся в правоохранительной системе, — это налоговая полиция. Впрочем, и Федеральная служба налоговой полиции тоже была создана еще до принятия Конституции 1993 года. Среди крупных послеконституционных изменений можно отметить лишь передачу в 1997—1998 годах системы исполнения уголовных наказаний из МВД в подчинение Минюста. Но это был акт, скорее, вынужденный, обусловленный требованиями Совета Европы к России, вступившей в эту организацию.

В первоначальном проекте Конституции, одобренном Конституционным совещанием 12 июля 1993 года, не было специальных норм, посвященных *прокуратуре*. Однако прокурорское лобби, идеи которого по своей неопытности ретранслировал только что назначенный Генеральным прокурором А.Казанник, сумело убедить в необходимости внести отдельную статью из пяти пунктов в проект Конституции, причем в раздел, посвященный судебной власти.

В то же самое время в рамках Конституционного совещания велась дискуссия и о функциях прокуратуры, в частности, должна ли она заниматься так называемым общим надзором. Его суть состоит в надзоре за исполнением законов органами исполнительной власти, представительными органами субъектов Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, а также за законностью издаваемых ими правовых актов.

Такая функция родилась в 1922 году и была неотъемлемой частью командно-административной системы. Прокуроров бросали на борьбу за сохранность социалистической собственности и соблюдение трудовой дисциплины, на борьбу со сверхнормативными простоями железнодорожных вагонов, нерациональными перевозками грузов и т.д. Другими словами, «общий надзор» — это яркое проявление советского подхода к обеспечению законности.

В правовом же государстве не требуется «надзирать за законностью» ни государственных органов, ни коммерческих структур административными методами — для этих целей существует судебная власть. Принцип прост: любое нарушенное право обжалуется в суде, который, в отличие от прокурора в его советском понимании, не выносит «протестов» или «представлений», а сам восстанавливает справедливость. Прокурор же нужен главным образом для того, чтобы предъявлять от имени государства обвинение в совершении преступления и в состязательном, открытом, равноправном процессе отстаивать свою позицию перед судом.

Дело, однако, не только в том, что вне командной системы, без всякого суда обеспечивавшей действенность прокурорских протестов, «общий надзор» теряет эффективность. Неэффективность — это еще полбеды, но «общий надзор» стал неплохой «дубинкой» для рыночных структур. «Дубинкой», которую можно использовать и в политических, и в корыстных — материальных целях, и просто так, для «профилактики». Ведь с помощью «плановых» и «внеплановых» прокурорских проверок можно дискредитировать деловую репутацию фирмы, «взять на испуг» ее собственников или менеджеров, понизить курсовую стоимость акций и прочее и прочее.

Казалось бы, продекларировав построение правового государства, власть должна была лишить прокуратуру такой функции. Однако за политическими баталиями, когда на кону стояла судьба нового общественного строя России, Кремль «забыл» о значении этой проблемы. От генеральных прокуроров тоже не приходилось ждать инициативы реформирования собственной сферы деятельности. Каждый из них пытался прежде всего стать «своим» для прокурорской системы и, естественно, не хотел прослыть ее «разрушителем». Так было со В.Степанковым, А.Казанником, А.Ильюшенко, Ю.Скуратовым.

В результате прокуратура не стала ни инструментом обеспечения общей законности, ни органом, эффективно выполняющим наиболее свойственные ей функции — уголовного преследования. После ряда скандалов к концу эпохи Ельцина престиж прокуратуры упал до угрожающе низкого уровня.

«Ручное управление»

Распад Союза теоретически, да и практически мог найти продолжение в распаде Российской Федерации. И дело не только в том, что в свое время Б.Ельцин высказал известный тезис «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», который при желании можно истолковать таким образом, что федеральная власть не будет (на самом деле — не сможет) воевать и чинить препятствий росту самостоятельности решений. А прежде всего в том, что Российское государство, появившееся на обломках административно-командной системы, в первой половине 90-х годов было угрожающе слабым, к тому же буквально раздиралось конфликтом Президента с тогдашним депутатским корпусом.

Понятно, что Б.Ельцин не мог воевать на два фронта — и с хасбулатовским Съездом и Верховным Советом, и с региональными руководителя-

ми (прежде всего руководителями национальных республик). Естественно, главным оказался первый «фронт», где для «победы» требовалась поддержка или хотя бы нейтралитет «регионалов». Но за это пришлось заплатить немалыми уступками.

Такие уступки нашли отражение в Конституции России 1993 года. Она не только законсервировала довольно искусственный набор субъектов Федерации, сложившийся еще в советское время, но и крайне запутанные взаимоотношения регионов с Центром. Огромным и невнятным оказался перечень предметов совместного ведения, к тому же не снабженный ясным механизмом разграничения ответственности между Федерацией и ее субъектами. Субъектам Федерации фактически передавалась часть сугубо федеральных прерогатив. Например, руководители ряда федеральных структур в республиках, краях и областях назначались только с согласия губернаторов. Отсутствовали и меры воздействия на руководителей регионов в случае грубых нарушений ими федеральной Конституции.

Отчасти эти недостатки и пробелы компенсировались заключением договоров о разграничении полномочий и предметов ведения между Федерацией и ее субъектами (первый такой договор был заключен с Татарстаном в феврале 1994 года). Но именно отчасти, поскольку эти договоры все равно не устанавливали принципиальные механизмы, связанные с осуществлением предметов совместного ведения, меры ответственности и т.д.

Конституция 1993 года провозгласила равноправие всех субъектов Федерации в их взаимоотношениях с Центром, но одновременно дала понять республикам, что они «равнее» остальных. Результаты не замедлили сказаться: другие субъекты Федерации — области и края — начали требовать от Москвы «уравнивания в правах», хотя, если разобраться, дополнительные права республик сводились большей частью к внешней государственной символике. Ревность «обиженных» вскоре проявила себя в идеях повышения статуса некоторых краев и областей до уровня республик.

Другим проявлением такой «свободы» стали республиканские конституции. Надо сказать, что некоторые из этих конституций были приняты еще при советской власти и обновлены в 1992—1993 годах (Кабардино-Балкария, Карелия, Мордовия и др.); другие — до Конституции РФ 1993 года (Татарстан, Якутия, Тува и др.). Большинство же республик приняли свои конституции в 1993—1995 годах. Но, несмотря на разные «исторические эпохи» рождения, почти всех их отличало одно — целый ряд положений противоречил Конституции России.

Прежде всего это касалось категории, на первый взгляд мало связанной с текущей жизнью — с суверенитетом. Но в действительности само наличие таких разночтений означало отсутствие единого правового пространства. Конституция того же Татарстана определяла эту республику как «суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией — Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения», а конституция Тувы провозгласила право на выход из состава Федерации по итогам всенародного референдума.

Довольно своеобразной по форме стала конституция Калмыкии — Степное уложение. Некоторые из его положений, противоречивших Кон-

ституции России, удалось снять в ходе консультаций с Президентом республики К.Илюмжиновым. Другие так и остались, в частности о том, что «законы и иные правовые акты, применяемые в Республике Калмыкия (следовательно, и федеральные. — *Авт.*), не должны противоречить Степному уложению (Основному Закону) Республики Калмыкия».

Разумеется, в Кремле тему приведения регионального законодательства в соответствие с федеральным никогда не считали второстепенной, однако до поры до времени и не относили к числу приоритетных. Какие-то, наиболее одиозные нарушения обжаловались в Конституционном Суде, другие опротестовывались прокурорами (правда, далеко не всегда успешно). По некоторым решениям удавалось «снять разногласия» путем переговоров и уговоров. Тем не менее проблема продолжала оставаться актуальной. Проводились совещания, конференции, коллегии ведомств, но российское правовое пространство осталось довольно рваным.

В первую очередь это объясняется тем, что в условиях экономического кризиса, весьма нестабильной политической ситуации идти на обострение с региональными властями чрезвычайно опасно. Руководители большинства регионов, из последних сил удерживавшие ситуацию, также не были заинтересованы в конфликтах с Центром. Масса текущих проблем почти не оставляла времени для политической борьбы на региональном направлении. Пойдя на радикальные экономические реформы, в этой сфере Президент оставался весьма осторожным и видел свою задачу не в обеспечении крутых перемен, а в поддержании определенного баланса интересов.

Б.Ельцин зачастую в обмен на лояльность или хотя бы нейтралитет региональных властей предоставлял губернаторам «свободу рук», особо не мешая одним — вести реформы, другим — имитировать их, а третьим — «удерживать социалистические завоевания в отдельно взятой области». Нередко в спорах федерального Правительства с регионами Президент брал сторону последних, а бывало, и выступал «лоббистом» некоторых из них, поддерживая просьбы о выделении дополнительных бюджетных средств на те или иные нужды, чем немало раздражал реформаторов в кабинете министров. Чаще всего Б.Ельцин предпочитал дистанцироваться от этих вопросов, считая, что сама жизнь должна показать, кто прав. С другой стороны, он с пониманием относился к тому, что Правительство порой шло на «несистемные» методы воздействия на регионы, такие, как перераспределение финансовых средств и т.д. Подобные методы рассматривались им опять же в контексте «поддержания баланса». По собственному опыту зная, насколько тяжела ноша руководителей на местах, он в любом случае стремился к тому, чтобы некая грань в отношениях Центра и глав регионов не была перейдена.

Большое значение Б.Ельцин придавал выстраиванию личных отношений с региональными лидерами, правда, со временем из-за болезней поддерживать их становилось все труднее. Помимо рабочих поездок по стране, а точнее — «по губернаторам», он практиковал полуофициальные встречи с ними в Москве. Как правило, на такие встречи приглашались сразу 15 — 20 человек. Проходили они чаще всего в резиденции «АБЦ» на юго-западе Москвы и представляли собой обмен мнениями за круглым столом. По окончании совещания неизменно бывал обед, где беседа продолжалась, затягиваясь иногда на несколько часов.

Правой рукой Президента в отношениях с регионами был его помощник А.Корабельщиков. Он знал эти вопросы, находился в постоянном контакте практически со всеми руководителями субъектов Федерации. На его плечи ложилась и подготовка всех внутрироссийских поездок Б.Ельцина. В отсутствии необходимых правовых инструментов регулирования этой сложной сферы приходилось использовать старое как мир «ручное управление». И в том, что отношения Президента с губернаторами были в основном ровными, немалую роль сыграли не только профессиональные, но и личные качества А.Корабельщикова, человека спокойного, доброжелательного и неконфликтного.

Тем не менее уже к 1996 году стала очевидной необходимость включения механизма отстранения от должности глав регионов, нарушающих федеральное законодательство. В Службе помощников был даже разработан соответствующий законопроект, во многом схожий с тем, который принят по инициативе нового Президента В.Путина. Причем авторы проекта понимали, что отставка губернатора сама по себе не решала проблемы. В условиях общего недовольства Центром любой руководитель мог представить дело так, что он «пострадал за народ». К тому же нельзя было сбрасывать со счетов огромные закулисные возможности местной элиты по манипулированию голосами избирателей. Вот почему была заложена норма о том, что уволенный с должности губернатор не имеет права баллотироваться на ближайших выборах. Однако в условиях низкого рейтинга популярности Президента, конфронтационности левого большинства в Думе и общей слабости федеральной власти в Кремле не решились официально внести проект от имени Президента в качестве законодательной инициативы. Закон не имел шансов пройти не то что через Совет Федерации, но даже через Думу, которая не преминула бы вставить палки в колеса Президенту. Поэтому ограничились попытками его неофициального «вброса» — через депутатов. Но тогда они не увенчались успехом.

Проблема «самостийности» регионов осложнялась и тем, что федеральная власть, прежде всего в силу низкого уровня финансирования и плохого контроля, во многих регионах попросту утеряла влияние на должностных лиц, обязанных эту власть представлять и отстаивать федеральные интересы. Тем самым Москва не могла эффективно воспользоваться таким методом нейтрализации региональной самодеятельности, как неисполнение явно незаконных актов.

И все-таки, если вспомнить, с какой политической «отметки» Президенту пришлось начинать свою региональную политику, станут если не оправданными, то понятными его осторожность и лавирование. При Б.Ельцине Россия не только была сохранена как единое государство, но и сами разговоры о «независимых княжествах» постепенно утихли. Началось выстраивание технологий федерального контроля. Достаточно напомнить хотя бы об идее ведения Минюстом единого регистра правовых актов субъектов Федерации, о коллегиях, объединяющих руководителей территориальных структур федеральных органов и возглавляемых представителями Президента в регионах, и т.п.

Нужно сказать и о другом: именно при первом Президенте шло свободное, открытое обсуждение и осмысление наиболее болезненных проблем

российского федерализма. Ельцин отвергал унитарную модель Российского государства. Для него не было сомнений, что будущее России неразрывно связано с укреплением федеративных отношений. Другое дело, что процессы создания эффективной системы взаимоотношений Центра и регионов могли идти гораздо активнее.

В то же время крупным провалом ельцинской политики в отношениях с регионами стала Чечня, но о ней —разговор особый.

Зигзагами, с привалами...

Поэтапная конституционная реформа включала и еще один блок — становление местного самоуправления. Нельзя сказать, что до этого о нем никто не вспоминал. Еще в июле 1991 года появился Закон «О местном самоуправлении в РСФСР», довольно прогрессивный для своего времени. Однако в реальности речь шла не столько о самоуправлении, сколько о некотором расширении самостоятельности местных Советов и местных администраций: ведь продолжала действовать иерархическая в своей основе система Советов.

В 1992—1993 годах на местах, так же как и в Центре, политическая поляризация выразилась в противостоянии между представительными и исполнительными органами. В большинстве местных Советов тон задавали депутаты, симпатизировавшие коммунистам. Наоборот, многие местные администрации (т.е. исполнительные органы) возглавили люди новой волны. Неудивительно, что после октябрьских событий 1993 года первый Указ, касавшийся местных органов власти, — «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации» от 9 октября 1993 г. — устанавливал, что деятельность низовых Советов народных депутатов прекращается, а их функции выполняет соответствующая местная администрация.

Но это был, так сказать, акт, довершавший разрушение (во всяком случае, формальное) советской системы, акт сугубо политического, а не «государственно-строительского» свойства. Для становления местного самоуправления его было явно недостаточно. И советники Президента, в то время прежде всего С.Шахрай, предложили Борису Николаевичу серию указов, которые, правда, должны были не столько создать местное самоуправление, сколько обозначить приоритеты и подтвердить принципы, заложенные как в Законе о местном самоуправлении 1991 года, так и в Европейской хартии местного самоуправления. Причем содержание и периодичность их появления свидетельствовали о том, что ни сам Президент, ни его окружение еще четко не представляли себе технологию выстраивания новой системы местной власти. Всего вышло пять таких актов*.

* «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» (от 26 октября 1993 г.), «Об утверждении основных положений о выборах в органы местного самоуправления» (от 29 октября 1993 г.), «О гарантиях местного самоуправления в Российской Федерации» (от 22 декабря 1993 г.), «О мерах по обеспечению реформы местного самоуправления» (от 21 марта 1994 г.), «О некоторых вопросах досрочного прекращения полномочий главы местного самоуправления» (от 21 ноября 1994 г.).

Необходимо отметить, что у первого Президента к самой идее местного самоуправления было сложное отношение. С одной стороны, он уяснил себе еще с конца 80-х годов, что это — один из атрибутов демократического устройства власти, что местное самоуправление — из ряда категорий, которые присутствуют в демократическом лексиконе наряду с такими, как «плюрализм», «права человека», «разделение властей», «правовое государство», «независимое правосудие» и т.п. С другой стороны, Президент видел, что местное самоуправление вызывает аллергию у многих руководителей субъектов Федерации, искренне не понимавших, как «более мелкие» органы, находящиеся на «их» территории, вдруг могут в чем-то им не подчиняться. Не желая ссориться с губернаторами или президентами республик, Б.Ельцин колебался до последнего.

Подоплека была понятна: он опасался, что «регионалы» встанут на дыбы и возникнет повод для нового конфликта, а то и политического кризиса, которых и без того хватало. Он помнил, что руководители субъектов Федерации при встречах с ним всегда выступали против развития местного самоуправления. Обычная аргументация противников реформ в той или иной сфере была довольно однообразной: мол, рановато еще, пусть созреют условия, а через несколько лет вернемся к этому (и в некоторых случаях такие аргументы, вроде бы не направленные на саму суть преобразований, но фактически блокировавшие реформаторские усилия, срабатывали).

И все-таки в конце лета 1995 года Президент подписал Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления». В тот день, утром 28 августа, он позвонил своему помощнику по правовым вопросам М.Краснову, чтобы поздравить его с днем рождения (поздравление людей из своего окружения в то время для Б.Ельцина было правилом). А часа через два позвонил вновь, чтобы спросить: «Вы уверены, что надо подписывать этот Закон?» Ответ помощника был коротким и недвусмысленным: «Борис Николаевич, закон не без недостатков, но сегодня важно обеспечить законодательную базу для местного самоуправления. Закон, как воздух, ждут на местах».

Видимо, он и сам понимал значение этого Закона. К тому же зимой 1995 года о желательности скорейшего создания законодательной базы местного самоуправления ему говорили известные юристы, приглашенные на очередную встречу с Президентом (к сожалению, это была последняя встреча такого рода). Член Президентского совета Л.Смирнягин при всяком удобном случае говорил Б.Ельцину о необходимости сильного местного самоуправления, при этом, как правило, прибегая и к чисто политическим аргументам: мэры городов, образующие самостоятельный пласт власти, могут служить Президенту дополнительным инструментом, опорой в его «играх» с региональными лидерами. Поддерживал подписание закона и руководитель Администрации С.Филатов. Горячим сторонником развития местного самоуправления был вернувшийся в Россию А.Солженицын, с которым Б.Ельцин провел долгую беседу у себя на даче. Поэтому тот президентский звонок был, скорее, желанием развеять последние сомнения.

После событий 1993 года основные усилия Президента, связанные с проблемами местного самоуправления, были направлены главным образом на организационную и политическую помощь этой новой системе.

Прежде всего требовалось создать представительные органы местного самоуправления взамен упраздненных местных Советов, а затем провести и выборы глав местного самоуправления, поскольку большинство руководителей местных администраций были лицами назначенными. Несмотря на все соблазны сохранить принцип назначаемости, что, как казалось, помогло бы обеспечить более эффективное проведение реформ, Ельцин все же пошел на его постепенную ликвидацию.

Это, кстати, было еще одним подтверждением стратегического выбора Президента, перед которым реально стояла альтернатива (и мы об этом уже говорили): либо временно отказаться от полномасштабного введения демократических институтов, либо, введя эти институты, последовательно отстаивать их незыблемость. Ельцин выбрал второй путь. Хорошо это для России или нет — не ответит никто, поскольку здесь невозможен «чистый эксперимент». Мы можем лишь предположить, что выбор первого пути завел бы всю идею модернизации России в тупик. Экономические реформы, наверное, поначалу действительно пошли бы быстрее. Но одновременно логика авторитаризма быстро ликвидировала бы прилагательное «просвещенный», в окружении Президента неизбежно победили бы политики, которым «права человека» и прочая «демократическая дребедень» даже формально стали бы мешать. И уж такое окружение постаралось бы сделать все, чтобы «век авторитаризма» длился нескончаемо.

Б.Ельцин избрал второй, более тернистый и даже неблагодарный путь к демократии, шел по нему зигзагами, с «привалами», но все-таки шел. Подписывая указы, вводившие или укреплявшие новые, демократические институты, он объективно все дальше оставлял позади идею «просвещенного авторитаризма». Это касалось, разумеется, и Федерального закона об общих принципах организации местного самоуправления. Работа над проектом сконцентрировалась в Миннаце под руководством С.Шахрая, А.Котенкова и А.Воронина.

Закон 1995 года нельзя назвать идеальным. Больше всего ему не хватает норм, которые могли бы обеспечить один из главных отличительных принципов местного самоуправления — собственную ответственность за решения, принимаемые на местном уровне, и соответственно заинтересованность жителей в том, кого они выбирают в органы местного самоуправления, и в контроле за их деятельностью. Вместо этого пока торжествует несколько иная философия, иное понимание местного самоуправления — только как автономии местных властей. Неудивительно, что зачастую это вызывает как неудовлетворенность самих жителей, отстраненных от решения местных вопросов, так и раздражение иных этажей власти, которые не вправе вмешиваться, даже если видят, что город или район управляется из рук вон плохо.

И все же Закон об общих принципах сыграл положительную роль в формировании каркаса местного самоуправления. Он защитил новый институт от попыток фактической советизации местной власти, от восстановления стержня прежней системы — принципа «демократического централизма».

С новым парламентом

(октябрь 1993 — октябрь 1995)

Амнистия

В середине февраля 1994 года Президент впервые принял своего только что назначенного помощника по связям с Федеральным Собранием Г.Сатарова. После нескольких общих слов Б.Ельцин перешел к главному вопросу:

— Ну что там Дума?

— Готовят политическую амнистию*, Борис Николаевич.

— Значит, будут *всех этих* выпускать из тюрьмы? Что мы можем сделать?

— По новой Конституции амнистия — исключительное полномочие Думы. Причем она принимает ее постановлением, значит, даже вето наложить нельзя.

— Ну что же. Будем жить по Конституции.

Б.Ельцина не очень шокировали итоги выборов в первую, после революции 1917 года, Государственную Думу. Важнее для него была Конституция. Новый, 1994 год он воспринимал как начало жизни с чистого листа. Остро переживая события прошедшей осени, он серьезно надеялся, что теперь можно будет жить по-другому, без таких жестких конфликтов, рассчитывал на конструктивное взаимодействие с новым депутатским корпусом, и даже завел для этого специального помощника, затем — представителей в обеих палатах, а потом — целое управление в своей Администрации. Однако жизнь опять оказалась сложнее.

Начальные шаги Думы показывали, что сложившийся расклад сил не обеспечивал большинства ни одному из полюсов политического спектра. Первое заседание нижней палаты открылось 11 января 1994 года в одном из залов Московской мэрии на Новом Арбате. Два месяца назад, в дни путча, здание находилось в эпицентре боев и серьезно пострадало. К началу января ремонт еще не был завершен, в некоторых помещениях зияли разбитые окна, сквозняки разносили по коридорам едкий запах краски и строительную пыль.

Среди депутатов старшим по возрасту оказался представитель ЛДПР Г.Лукава, которому и было поручено открыть первое заседание. Завершая свое выступление, он обратился к депутатам с высокопарными словами: «Утверждайте добро, свет, высочайшие нравственные ценности и замечательные идеи, которые заложены в произведениях Аристотеля, Тимирязева, Бетховена, Чупрова и многих других представителей мировой и отечественной культуры». По залу пошел гул: одни вспоминали, кто такой Чупров, другие — кто такой Аристотель. Ведь во многом и сама Дума представляла собой такой же странный коктейль.

---

* Речь — о находившихся в тюрьме «Матросская Тишина» основных участниках и организаторах августовского (1991 г.) и октябрьского (1993 г.) путчей.

Поскольку левая оппозиция не имела устойчивого большинства, еще до первого заседания было ясно, что она постарается овладеть ключевым постом председателя палаты обходным маневром — провести на это место своего человека, но формально не связанного с компартией. Выбор пал на И.Рыбкина — представителя фракции Аграрной партии. Его смело можно было отнести к партаппаратчикам среднего звена: во второй половине 80-х — начале 90-х годов — первый секретарь райкома, затем второй секретарь Волгоградского обкома КПСС, заведовал в ЦК КПРФ отделом по работе с Советами. В 1990—1993 годах его избирали лидером фракции «Коммунисты России» в Верховном Совете РФ.Он показал себя противником политического курса Б.Ельцина.

Сам его послужной список был для коммунистов лучшей гарантией того, что на него как спикера можно будет смело положиться. И именно это обстоятельство вызывало серьезную обеспокоенность в Кремле.

Однако любопытен следующий эпизод. Незадолго до первого заседания Госдумы В.Илюшин обратился к тогда еще члену Президентского совета Г.Сатарову с вопросом: что можно ожидать от избрания Рыбкина на пост председателя палаты. Прогноз был основан на изучении политических рейтингов участников съездов народных депутатов Российской Федерации, которые на протяжении трех лет определялись по итогам поименных голосований в центре ИНДЕМ. Анализ показывал, что И.Рыбкин, начав с крайне левой позиции, постепенно смещался к центру. В отличие от многих коммунистов, он не был склонен к радикализму. Поэтому конечный ответ был таков: скорее всего, с Рыбкиным можно будет сотрудничать. Прогноз полностью оправдался. Новый председатель не только занимал взвешенную позицию, конструктивно взаимодействовал с Администрацией Президента, но и стал в конце концов активным членом ельцинской команды.

Основные сюжеты политического противостояния в Думе проявились уже на втором пленарном заседании во время дебатов по кандидатуре председателя палаты. Именно тогда впервые прозвучала тема амнистии.

Подготовленный к этому И.Рыбкин уже сам включил в свою речь следующую характерную тираду:

«Сразу скажу, что в оценке октябрьских событий склонен к точке зрения великого Талейрана. Он когда-то сказал: никто не устраивает революцию, никто в ней не виновен. Виновны все... И если говорить прямо, как на духу, то участники событий и 1991 года, и 1993 года, кроме тех, кто совершил сугубо уголовные преступления, должны быть амнистированы во имя гражданского согласия и мира в нашей России *(Аплодисменты.)*».

И эти слова, и эти аплодисменты ясно характеризовали преобладающее настроение депутатского корпуса.

На первом же заседании после избрания председателя палаты, 17 января 1994 года, была предпринята первая попытка перевести вопрос об амнистии в практическую плоскость. В.Липицкий предложил включить в повестку дня вопрос о создании комиссии Государственной Думы для разработки постановления об амнистии по делам, связанным с событиями августа 1991 года и октября 1993 года. Набрав в свою поддержку 215 голосов при необходимых 226, предложение тогда не прошло.

В качестве ответной меры 21 января в Думу был направлен проект Указа Президента, в котором принятие новой Конституции предлагалось ознаменовать амнистией по большому числу статей Уголовного кодекса для лиц, не представляющих общественной опасности. Текст проекта был обнародован в печати, что оказывало некоторое воздействие на депутатов. Надо сказать, что им не понравились ни широкая огласка проекта, ни то, что Президент указами вторгается в сферу их исключительных полномочий. В дальнейшем он присылал в Думу свои предложения, включая законодательные инициативы, сопровождая их письмами.

Одновременно левым крылом депутатов велась подготовка к открытию «второго фронта»: было предложено выступить с инициативой Государственной Думы о проведении совместных заседаний с парламентами Белоруссии и Украины по рассмотрению политических и экономических последствий Беловежских соглашений от 8 декабря 1991 года и возможности их денонсации. Однако за предложение тогда проголосовали только 123 депутата.

Денонсация Беловежских соглашений не могла иметь юридических последствий, но дискуссия вокруг этой проблемы создавала атмосферу нервозности, конфронтационности и провоцировала Президента на ошибочные ходы.

Между тем новый акт пьесы под названием «Амнистия» начался 11 февраля 1994 года, когда депутаты подошли к рассмотрению президентского варианта амнистии. Он устроил далеко не всех. Развернулась острая дискуссия. На одном полюсе — выступления депутатов разных политических убеждений, пронизанные искренним стремлением умиротворить общество после трагических событий осени 1993 года; на другом — резкие взаимные политические нападки. Разгорячившись к концу заседания, депутаты не смогли принять за основу ни один из проектов ни в этот день, ни на следующий.

Выход был неожиданно найден, когда 18 февраля, выступая по совершенно другому вопросу, С.Шахрай обратился от имени трех фракций — ПРЕС (Партии российского единства и согласия), НРП («Новая региональная политика») и «Женщин России» с призывом принять меморандум о гражданском примирении и согласии. «Женщины России» предложили объединить принятие меморандума с амнистией.

Финальную точку депутаты поставили в праздничный день 23 февраля. Председатель палаты И.Рыбкин в своем выступлении предвосхитил последовавшую позднее инициативу Президента:

«Уважаемые депутаты!

Кризис, переживаемый страной и обществом, многолик и всеохватен. Выход из него будет непрост. Нужна неподдельная консолидация общества, своеобразный российский общественный договор — согласие при координирующей роли Президента Бориса Николаевича Ельцина».

Окончательное предложение выглядело следующим образом: принять пакетом следующие постановления — по меморандуму о согласии, об амнистии в связи с принятием Конституции Российской Федерации (инициировано левыми), об амнистии за некоторые преступления, совершенные в сфере политической и хозяйственной деятельности (инициировано

ЛДПР), об отмене решения о создании комиссии по расследованию событий 21 сентября — 4 октября 1993 года (инициировано президентской стороной). Решение было принято большинством голосов, оно переворачивало трагическую страницу недавней истории; но одновременно депутаты подтверждали, что признают новую Конституцию России. Это было принципиально важно, так как означало перевод борьбы в цивилизованное русло.

Трудный Казанник

Вопреки опасениям, политическая амнистия не привела к потрясениям, не стимулировала новую конфронтацию. Однако тогда демократическая общественность и пресса следили за этими перипетиями с большой тревогой. Многим казалось диким, что А.Руцкой, Р.Хасбулатов, А.Макашов и другие виновники кровопролития окажутся на свободе. Президента призывали не допустить этого.

На следующий день, 24 февраля, депутатам предстояло встретиться с Президентом в Мраморном зале Кремля, где должно было состояться представление Федеральному Собранию первого ежегодного Послания Президента.

Нервозность царила и в Кремле. Память об осенних событиях прошлого года была еще очень свежа. Тревога усилилась, когда от одного из видных депутатов, примыкавшего к оппозиции, стало известно, что у Лефортовской тюрьмы будут организованы пикеты оппозиции и возможны провокации со стороны их организаторов.

Начались интенсивные контакты между И.Рыбкиным и Г.Сатаровым. В результате договорились о том, что в дополнение к принятому постановлению должно быть принято постановление о порядке применения амнистии. Председатели двух думских комитетов должны были подготовить проект постановления, чтобы амнистия прошла в соответствии с принятой практикой.

В тяжелой ситуации оказался Генеральный прокурор А.Казанник. Как должностное лицо, подчинявшееся Конституции, он обязан был выполнить постановление Государственной Думы, но как человек, причислявший себя к президентской команде, он переживал, что приходится делать нечто, способное нанести политический ущерб Б.Ельцину.

В субботу, 26 февраля, во второй половине дня, Казанник пришел в Кремль с несколькими экземплярами прошения об отставке. Кому их отдавать? К концу выходного дня многие кабинеты уже опустели. Один из экземпляров своего заявления он оставил в приемной В.Илюшина, а затем зашел к Ю.Батурину, кабинет которого находился напротив. Вскоре подошли М.Барсуков, А.Коржаков, Г.Сатаров. Начался длинный и мучительный разговор, в ходе которого Генпрокурора пытались убедить приостановить исполнение постановления об амнистии до появления постановления о порядке ее применения.

А.Казанник свои поспешные действия аргументировал тем, что в думском постановлении о политической амнистии содержался термин

«немедленно». Его не настораживало, что постановление включало порядок реализации амнистии, инициированной Президентом, но не было порядка реализации политической и экономической амнистий. Время от времени он вынимал из портфеля и клал обратно еще одну копию прошения об отставке. В конце концов, удалось договориться, что за подписью Генерального прокурора в Думу уйдет письмо с просьбой принять дополнительные постановления о порядке реализации амнистий. Это соответствовало договоренности, достигнутой ранее с И.Рыбкиным. Но поезд уже ушел. Прокуратура начала действовать с не свойственной ей поспешностью. Заместители Генерального прокурора, эффективно им манипулировавшие, уже отдали необходимые распоряжения по освобождению путчистов.

Понятно, что Президент принял отставку А.Казанника. В качестве замены ему был предложен бывший прокурорский работник среднего звена А.Ильюшенко. В 1993 году С.Филатов, формируя Администрацию Президента, предложил ему пост начальника Контрольного управления, освободившийся после отставки Ю.Болдырева. В аппаратном противостоянии Ильюшенко вскоре переориентировался на Коржакова. Руководитель президентской охраны предлагал его на пост Генерального прокурора еще после отставки В.Степанкова, но тогда прошла предложенная В.Илюшиным кандидатура А.Казанника. Второй «заход» оказался более удачным, и Президент, в соответствии с новой Конституцией, направил в Совет Федерации предложение утвердить А.Ильюшенко в должности Генерального прокурора Российской Федерации.

Нервозная политическая атмосфера, сопровождавшая политическую амнистию, повлияла и на то, как складывались отношения Президента с верхней палатой Федерального Собрания — Советом Федерации. Среди «сенаторов» было не так уж много открытых сторонников Президента. Положение усугубляла и юридическая неопределенность: А.Казанник был назначен до принятия новой Конституции, а снимался с должности, когда она уже начала действовать.

Большинство ситуаций допускает различное юридическое толкование, и у сотрудников Администрации всегда есть возможность предложить Президенту один из вариантов. Так вот, то ли осознанно, то ли рефлекторно, как правило, предлагали такой, что нес недвусмысленный политический подтекст: Президент — глава государства, и в спорных случаях приоритетно его понимание собственных полномочий. Естественно, когда это касалось палат Федерального Собрания, то мгновенно обнаруживалась корпоративная парламентская солидарность, возникали всплески агрессивности по отношению к Президенту, а шансы на поддержку его предложения стремительно падали. Точно так же произошло и в случае с А.Казанником.

Официально его отставка была оформлена Указом Президента от 26 февраля. В первом пункте предписывалось внести в Совет Федерации предложение об освобождении А.Казанника от должности Генерального прокурора. Во втором пункте А.Ильюшенко представлялся в качестве кандидата на эту должность.

Однако А.Казанник уже пожалел о своем импульсивном решении подать в отставку и заявил, что его к этому вынудили (как говаривал Талейран,

«бойтесь первых движений души — они самые благородные»). Интересно, что когда сам Совет Федерации предлагал Казаннику направить в палату прошение об отставке, тот сначала согласился, а потом вдруг отказался. Везет же России на непоследовательных прокуроров, если вспомнить, что подобное позже случилось и с Ю.Скуратовым.

В Кремле опасались, что Казанник может заявить теперь о своем намерении остаться на посту Генерального прокурора. 12 марта Б.Ельцин подписал и направил сенаторам еще один указ, которым отменялся первый пункт предшествующего на том основании, что Казанник был назначен до принятия новой Конституции. Тем самым Президент как бы говорил членам Совета Федерации: Я Казанника сам назначил и сам снял. Поэтому вам утверждать его отставку не надо. Утвердите только назначение Ильюшенко. Но, согласно той же Конституции, Совет Федерации утверждает и отставку, и назначение Генерального прокурора. «Сенаторы» усмотрели в действиях Президента посягательство на свои полномочия и возмутились.

Настроения в зале верхней палаты хорошо характеризовало выступление Ю.Болдырева:

«Уважаемые депутаты!

Я впервые поднялся на эту трибуну в силу, как мне кажется, чрезвычайной важности вопроса. И важности даже не столько с точки зрения того, кто будет Генеральным прокурором, сколько с точки зрения того, как именно он будет назначен и насколько по этому, наверное, одному из ключевых вопросов мы сумеем отстоять свои права, полномочия, осуществить все в строгом соответствии с Конституцией».

Кончилось тем, что было принято постановление Совета Федерации, в котором Президенту предлагалось в недельный срок вновь внести в Совет Федерации предложения об отставке А.Казанника и назначении А.Ильюшенко.

Игра продолжалась как в добавленное время — заместители Генпрокурора вдруг заявили, что готовы все, как один, подать в отставку, если Совет Федерации отстранит Казанника от должности (этого, конечно, потом не произошло). Генпрокурора уговорили вернуться в Москву из родного Омска, куда он уехал после подачи заявления об отставке.

Обстановка накалялась все больше. На заседании Совета Федерации 6 апреля 1994 года после острых дебатов предложение об отставке было отклонено. Вдохновленный поддержкой сенаторов, А.Казанник объявил, что согласен вновь занять свой служебный кабинет. Узел затянулся еще тутже. В конце концов здравый смысл возобладал у самого А.Казанника, и он подал официальное прошение об отставке, которое и было утверждено.

Один юридический тупик был ликвидирован. Но оставался другой — неутвержденный А.Ильюшенко. Здесь сенаторы не дрогнули — кандидатура не получила поддержки. Но не отступил и Президент, которому Совет Федерации предложил представить новую кандидатуру.

История с Ильюшенко — одна из иллюстраций «кадровой политики» группы Коржакова и одна из серьезных кадровых ошибок Президента. Публичные высказывания и. о. Генерального прокурора высветили сущность недостаточно культурного человека, не обладавшего необходимой профес-

сиональной подготовкой. Он стал компрометировать Президента самим фактом своего пребывания на этом посту. Осознание того, что его кандидатура не имеет шансов быть утвержденной, побудило в конце концов даже его «толкачей» задуматься о замене своего протеже.

Однако эта история имеет еще один подтекст, который достаточно полно характеризует политический стиль первого Президента России. Дело в том, что представлять новую кандидатуру в Совете Федерации он поручил С.А.Филатову. Последний был известен как один из лидеров демократического фланга и уже в силу этого раздражал большую часть сенаторов. Его появление в Совете Федерации резко снижало шансы на утверждение Ильюшенко. Это, несомненно, понимал Б.Ельцин, более того, ему об этом говорили. Однако он все-таки направил в сенат руководителя своей Администрации, а не предлагавшегося, например, В.Черномырдина, чье выступление, несомненно, было бы воспринято в верхней палате с большей благосклонностью. Одно из возможных объяснений — Президент не очень хотел утверждения Ильюшенко. Полноценный Генеральный прокурор, манипулируемый Коржаковым, слишком усиливал последнего, а Ельцин не любил усиления чьего-либо влияния.

Худой мир

Атмосфера, в которой взаимодействовали органы федеральной власти в первом полугодии 1994 года, определялась двумя противоположными тенденциями: одна — конфронтацией, во многом наследованной из 1993 года, другая — попытками наладить взаимодействие. Призыв Рыбкина к поиску согласия был услышан Президентом. 10 марта он начал консультации о необходимости подготовки и подписания Меморандума о гражданском мире в России. В них участвовали премьер-министр, председатели палат, руководители фракций, представители профсоюзов, региональные лидеры и т.п.

Б.Ельцин так обозначил основные цели Меморандума. Первая — обеспечить стабильные условия для выхода из кризиса и создания предпосылок экономического подъема. Вторая — сделать политику государства более предсказуемой и понятной гражданам страны. Третья — заложить основы новой политической культуры. Четвертая — побудить общественные силы к участию в построении гражданского общества.

Руководить подготовкой документа согласился академик Б.Топорнин, который возглавил Общественную палату при Президенте России. В процессе работы менялось не только его содержание, но и название. В окончательном виде этот документ именовался «Договор об общественном согласии». Его ценность состояла в том, что он вводил постоянно действующий механизм согласительных процедур для обсуждения наиболее острых и важных проблем.

Конечно, участники Договора руководствовались не только благородными целями. Многие из них рассматривали всю акцию как нужную исключительно Президенту для приобретения личных политических дивидендов. Поэтому неудивительно, что процесс подписания сопровождался

торгом, в ходе которого политики обусловливали свою поддержку Договора разного рода требованиями и пожеланиями. Список заведомо невыполнимых условий выдвинула фракция КПРФ, требовавшая полного пересмотра основных направлений российской политики и фактически возврата в социализм.

28 апреля 1994 года в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца подписание Договора об общественном согласии наконец состоялось. Среди присутствовавших на этой церемонии не поставили свои подписи только Г.Зюганов и Г.Явлинский. Политические антиподы вели себя одинаково по разным причинам. Мотивы лидера КПРФ были очевидны. Что касается второго «отказника», то он, похоже, руководствовался лишь политической ревностью.

Президент относился к Договору весьма серьезно, рассчитывая, что он поможет снизить накал политического противостояния. Он искренне стремился консолидировать политическую элиту и общество, с тем чтобы более спокойно заниматься продолжением реформ. Конечно, присутствовал и личный момент — ему надоели постоянные грубые нападки оппозиции, которые отвлекали, раздражали, выводили из себя. Наконец, он не исключал возможности укрепить свою власть с помощью этого важного инструмента.

Президент очень внимательно отнесся к подготовке текста выступления на торжестве по случаю подписания Договора: рассматривались различные варианты, которые он придирчиво правил. Это было одно из тех событий, когда он по-настоящему волновался. Главная мысль выступления — окончание гражданской войны в России:

«Почти восемь десятилетий назад нашу страну постигла страшная трагедия. Россия была ввергнута в бездну гражданской войны. Тогда брат пошел на брата, сын — на отца. Кровавая межа разделила людей на белых и красных, на своих и чужих, на врагов друг другу.

Проклятье той войны до сих пор висит над Россией. Оно — в геноциде казачества, в насильственной коллективизации, уничтожившей цвет крестьянства. Оно — в репрессиях, в депортации народов, в наказании лишением гражданства и Родины.

Проклятье гражданской войны — в новочеркасском расстреле 1962 года, в событиях августа 1991, мая и октября 1993 годов.

Надо прервать кровавую череду подобных событий. Это не было сделано нашими дедами и отцами. Это обязаны сделать мы. Обязаны сделать, чтобы вручить нашим детям мирную Россию, чтобы отвести от России тень гражданской войны, которая лежит на ней все эти годы».

Произнося эти слова, Б.Ельцин еще не подозревал, что его президентство омрачится кровью чеченской войны.

Тем не менее следует отметить, что в среде демократической общественности Договор вызвал далеко не однозначные эмоции. Многие полагали, что речь идет лишь об имитации согласия, достигнутого за счет неравноценных уступок антиреформаторам.

«Политика под девизом общественного согласия, проводимая Президентом России, — писали известные деятели культуры в Открытом письме

Ельцину, — принеся некоторые желаемые результаты, обнаружила и свои вполне определенные опасности. Если «согласие» создало столь удобные возможности для антидемократических сил, то не слишком ли дорогую цену приходится платить за то, чтобы сбить политическую температуру в обществе... Эти силы по природе своей ничейного результата не признают и будут добиваться победы...»

Необходимо признать, что Договор во многом остался нереализованным. «Дружбы» между ветвями власти в тот период так и не получилось. Но неверно утверждать, что это был чисто холостой выстрел. С опорой на него буквально с нуля началось налаживание координации законодательной деятельности, было ускорено решение проблемы размещения палат Федерального Собрания, отменен пресловутый «черный список» опальных депутатов, возникший осенью 1993 года. Договор использовался всеми сторонами как инструмент взаимного ограничения в конфликтных ситуациях. Наконец, он стал важным опытом формирования культуры политического взаимодействия.

Прямое и опосредованное влияние Договора проявлялось в разных ситуациях, причем оно распространилось и на Президента. Так, 23 апреля 1994 года незадолго до подписания Договора об общественном согласии к Президенту обратились члены Совета Государственной Думы И.Рыбкин, В.Медведев, О.Шинкарев, Н.Травкин, К.Затулин, В.Исаков, Г.Явлинский. Они выражали сомнение в целесообразности проведения на Тоцком полигоне (Оренбургская область) запланированных на июль российско-американских командно-штабных учений.

На том трудном этапе выработки общероссийской концепции гражданского согласия Президенту необходимо было продемонстрировать добрую волю, политическую гибкость и готовность идти на конструктивный диалог. Тем более что задача отработки взаимодействия штабов и войск России и США в самом деле не являлась самой насущной. Поддержанию статуса мировой державы в большей степени способствовало бы проведение совместных учений штабов, войск и сил флота на территории третьих стран и в международных водах. Ожидаемый вклад в боевую и оперативную подготовку был несоизмерим с тем политическим ущербом, который мог быть нанесен в той политической ситуации. И П.Грачев получил указание отложить учения.

Договор сказался и в разрешении сложной ситуации вокруг Закона о статусе депутата. Работа над ним продолжалась без малого три месяца, и, творя нормы этого закона, депутаты не демонстрировали склонности к разумному самоограничению. К тому же Закон содержал немало противоречий Конституции Российской Федерации. Главное из них — чрезмерные объемы депутатского иммунитета. На протяжении трех месяцев шло перетягивание юридических канатов между депутатами и специалистами из Государственно-правового управления Президента, возглавляемого Р.Ореховым. Наконец в последних числах апреля 1994 года Закон о статусе депутата после одобрения его Советом Федерации поступил в Кремль.

На столе у Б.Ельцина оказалось два сопроводительных документа. В одном, подписанном руководителем ГПУ, содержалось уничтожающая критика Закона и предложение отклонить его; второй, подписанный

С.Филатовым, Ю.Батуриным и Г.Сатаровым, предлагал одобрить Закон, одновременно направив в Думу письмо с рекомендацией принять поправки к нормам, противоречащим статьям Конституции.

Заметим, что перед подобным выбором между формально-юридическим подходом и подходом, при котором учитывалась бы политическая и социально-экономическая реальность, впоследствии Б.Ельцин оказывался неоднократно. Никто из помощников, естественно, не собирался подталкивать Президента предпочесть целесообразность законности, ему просто давали возможность при принятии решений максимально учитывать их последствия.

В данном случае Президент выбрал второй вариант. Сообщая о подписании Закона, он отмечал:

«Это было трудное решение, поскольку очевидны юридические недоработки, противоречия с Конституцией, налицо льготы, которые могут справедливо осудить избиратели... Рассматриваю это решение как один из шагов во исполнение Договора об общественном согласии. Поэтому считаю необходимым предать это письмо гласности».

Депутаты поначалу обиделись на Б.Ельцина, что тот указал им на чрезмерные льготы. Тем не менее в Закон были внесены отдельные поправки из числа тех, которые Президент прислал вслед за своим письмом. Но проблема сохранила свою актуальность, поскольку принятые весной 1994 года завышенные параметры своей неприкосновенности и своих льгот депутаты так и не отменили, а некоторые даже расширили.

Идеи общественного согласия оказывали влияние и на другие шаги Президента. В марте он обратился к спикерам палат И.Рыбкину и В.Шумейко с двумя предложениями. *Первое* — создать Объединенную конституционную комиссию под эгидой Президента, председателей палат Федерального Собрания и высших судов. Оппозиция рассматривала подготовку поправок к Конституции как одно из средств политической борьбы. Президент не хотел ее трогать, дабы не создавать опасный прецедент. «Идея правильная, но преждевременная», — заметил он как-то.

Второе предложение заключалось в создании Объединенной рабочей группы — из представителей Президента, палат Федерального Собрания, Правительства — для координации законотворческого процесса. Причина этой инициативы — противоречие между обширнейшими планами законодательной деятельности и отсутствием необходимого взаимодействия между ее участниками. По замыслу Президента эта комиссия на регулярных заседаниях должна была координировать планы законодательной работы. Это предложение осуществилось и принесло немало пользы.

Запуск механизма консультаций и согласительных процедур, в частности, позволил ускорить принятие такого важного закона, как Закон о Конституционном Суде, без которого невозможно было возобновить деятельность этого ключевого института власти. Попытка принять Закон в первом чтении 8 апреля оказалась неудачной. Против было большинство коммунистов. В процессе консультаций с лидерами фракций и депутатами Думы выяснилось, что они удручены отсутствием возможности влиять на состав Конституционного Суда. Б.Ельцин предложил процедуру учета мнений депутатов. Основным звеном в ней стал председатель Думы И.Рыбкин,

введенный в Совет по кадровой политике при Президенте и получивший возможность обсуждать списки кандидатов в судьи Конституционного Суда. В результате Закон был принят.

Стремление Президента сплотить политическую элиту и общество оказалось сверхтрудной задачей. Идеологическое размежевание было слишком глубоким. Одна часть общества и элиты видела другой источник всех своих бед и проблем. Была и субъективная причина: и в представлениях людей, и реально Б.Ельцин не был консолидирующей фигурой, на нем лежал груз ответственности за «разрушение» СССР, советской системы. К тому же лидеры левой оппозиции не верили в искренность намерений Президента действовать в духе согласия и были до некоторой степени правы. Он их не любил, они отвечали ему взаимностью.

Политическую атмосферу того времени характеризует обсуждение в Госдуме первого послания Президента Федеральному Собранию. Дебаты состоялись на следующий день после встречи в Кремле, на которой было принято решение готовить Меморандум о гражданском мире в России. Тем не менее в выступлениях многих депутатов содержались антипрезидентские пассажи, просто недопустимые в стенах органа государственной власти. Естественно, Б.Ельцин был в курсе дела, и все это его мало вдохновляло.

Итак, добиться реального согласия в 1994 году не удалось. Но в целом политическая ситуация, особенно на фоне предшествующего года, несколько стабилизировалась. Оппозиция не смогла вновь раскачать лодку, а тем более поднять массы на борьбу с «ельцинским режимом». Не помогло даже освобождение организаторов октябрьских событий. Вместо мучеников, политических заключенных, героев толпы оппозиция получила А.Макашова, отброшенного в конце концов на обочину политики, и А.Руцкого, ставшего очень скоро лояльным губернатором. Другие ушли в частную жизнь или в маловлиятельные экстремистские политические группки. Единственное, что удалось оппозиции, так это попортить нервы Кремлю.

Начавшись для оппозиции относительно успешно, 1994 год стал приносить все больше неприятностей, угрожая стратегическим поражением. Это очень скоро осознали и некоторые ее представители. В конце апреля — начале мая в Кремле стали появляться эмиссары для сугубо конфиденциальных переговоров. Суть их предложений состояла в следующем. России для выхода из кризиса требуется достаточно длительный период стабильности, устойчивости. Главный источник политической нестабильности — предстоящие выборы. Их имеет смысл перенести. Оппозиция готова поддержать такое начинание, но при этом рассчитывает на некоторые важные посты в исполнительной власти и, разумеется, на существенную корректировку курса. Выдвигалось требование об удалении из Правительства одиозных с их точки зрения фигур. Среди них первым традиционно назывался А.Чубайс.

Разумеется, о таких контактах докладывали Президенту, его реакция выглядела следующим образом: встречаться надо, слушать надо, но ничего не обещать, поскольку они все равно ничего не получат. Поэтому переговоры скоро заглохли.

Однако установившаяся стабильность была скверного качества. Это была стабильность автомобиля, в котором одновременно жмут на газ и на

тормоз. Такая ситуация определялась прежде всего тем, что ни один из политических полюсов не имел перевеса. Демократы в Думе были деморализованы результатами парламентских выборов, небезосновательно рассматривая их как свое поражение, и раздроблены. Кремль неоднократно предпринимал попытки объединить разобщенных депутатов «Выбора России», ПРЕСа, «Яблока», «Женщин России», групп, возникших вокруг Б.Федорова и И.Хакамады. Это был сизифов труд.

Между тем левые в Думе были крайне активны, причем максимальную активность они проявляли на пленарных заседаниях по утрам, во время обсуждения повестки дня. Тем самым уже с первых минут они стремились сформировать соответствующую атмосферу и захватить тактическую инициативу.

Еще более важные тенденции проявились в технологии законодательной деятельности. В созданном Совете Думы тон стали задавать лидеры парламентских фракций. В результате усилилось политическое, точнее, партийное влияние на законотворческий процесс. Качество же нормативных актов снизилось, поскольку уменьшилась роль такого фильтра, как Комитет по законодательству.

Отсутствие в Думе пропрезидентского (проправительственного) большинства заставляло исполнительную власть прибегать к «нестандартным» ходам для «продавливания» своих решений. Фактически это сводилось в той или иной мере к подкупу в виде раздачи льгот, преференций и т.п. для коммерческих структур, стоявших за депутатскими фракциями (группами). Ясно, что чем дальше развивалась эта практика, тем дороже становились депутатские «услуги». По признанию высших руководителей Правительства, наиболее привередливы и алчны были представители аграрного лобби.

Именно в 1994 году стала раскручиваться спираль бюджетных задолженностей. Летом началась гонка за голоса избирателей. «Праймериз» организовала Государственная Дума, в которой фракции боролись за пальму первенства: кто быстрее внесет законопроект о повышении зарплат и пенсий. Победила фракция «Яблоко». Когда ее лидера спросили, почему «яблочники», зная, что в казне денег нет и их инициатива не реализуема, внесли это предложение, он ответил, что если бы этого не сделали они, то это сделали бы коммунисты. Ни Правительству, ни президентской власти не хватило решимости противостоять таким разрушительным популистским шагам: Б.Ельцину тоже вскоре предстояли выборы.

Хочется быть «сенатором»

Непросто складывались отношения Президента с исполнительной властью и с верхней палатой парламента. Но наиболее драматичные страницы этого периода деятельности Совета Федерации связаны с принципами его формирования.

Напомним, что Совет Федерации был сформирован в 1993 году на основе Указа Президента от 11 октября 1993 года «О выборах в Совет Феде-

рации Федерального Собрания Российской Федерации». Этот орган, как, впрочем, и Государственная Дума первого созыва, был переходным (согласно Конституции обе палаты избирались лишь на два года) и во многом нес на себе печать тех же недостатков, что и нижняя палата.

Чем ближе придвигался срок окончания двухлетнего мандата, тем горячее становились споры на тему формирования верхней палаты — как в самом Совете Федерации, так и в Государственной Думе, и в Кремле. Обсуждение шло вокруг трех основных вариантов.

Первый вариант предусматривал сохранение существовавшего порядка, то есть прямое избрание населением субъектов Федерации представителей в верхнюю палату. Этот вариант поддерживало большинство членов Совета Федерации, рассчитывая таким образом сохранить свои «сенаторские» мандаты. В проекте закона фигурировал даже шестилетний срок полномочий Совета Федерации, что противоречило Конституции.

По *второму* варианту органам власти субъектов Федерации предоставлялась возможность самим определять, кого делегировать в парламент. Этот вариант позволял стать членом Совета Федерации как руководителю законодательного органа и высшему должностному лицу субъекта Федерации, так и их представителям.

Третий вариант сводился к автоматическому замещению должности члена Совета Федерации теми, кто стал руководителем субъекта Федерации (главой администрации) и председателем его законодательного органа.

В Кремле не сложилась единая точка зрения, хотя было общее понимание, что в неопределенной политической ситуации довольно рискованно сохранять порядок формирования верхней палаты, аналогичный госдумовскому. Две политизированные палаты, да еще и настроенные оппозиционно, могли окончательно раскачать ситуацию в стране (кстати, члены СФ первого созыва тоже именовались депутатами). Именно поэтому 19 апреля 1995 года Б.Ельцин официально направил в Государственную Думу законопроект, близкий по идеологии ко второму варианту («вариант Шумейко»).

Однако президентская инициатива не только не получила поддержки, но и стала началом одного из острых конфликтов. Государственная Дума, получив президентский законопроект, рассмотрела и приняла в первом чтении совсем другой — предусматривавший прямые выборы «сенаторов». В ответ 7 мая Президент направил на имя И.Рыбкина весьма резкое заключение, в котором было сказано, что концепция законопроекта противоречит Конституции и ведет к неоправданной политизации Совета Федерации, так как «...вместо представительства интересов субъекта Российской Федерации в нем будут отражаться интересы лишь политических партий и группировок».

Нельзя сказать, что все аргументы Государственно-правового управления Президента были в этом заключении безупречны, но перед ГПУ была поставлена конкретная задача — юридическими аргументами подкрепить политическую позицию Президента, а она выражалась двумя словами — «никаких выборов».

Тем не менее 5 июля Дума, проигнорировав президентское мнение, приняла закон в своей редакции, а через три недели он был одобрен Сове-

том Федерации. Разумеется, Б.Ельцин не стал его подписывать и 11 августа вернул закон, хотя время до декабря — окончания срока полномочий обеих палат — катастрофически таяло. Действия Президента несколько остудили депутатские головы, и Дума решила взять за основу президентский проект, несколько его подкорректировав. Смысл поправок состоял в том, чтобы в Совет Федерации не прошли назначенные Президентом губернаторы, а таких в ту пору было немало.

11 октября проект закона с поправками «левых», чьим рупором выступал В.Исаков (возглавлявший думский Комитет по законодательству и судебно-правовой реформе), был принят сразу во втором и третьем чтениях. Однако намерения Думы натолкнулись на интересы депутатов Совета Федерации, которые еще надеялись отстоять выборный принцип формирования своей палаты. Закон с «исаковскими» поправками не получил их одобрения.

В ответ на этот демарш 27 октября Госдума преодолела вето Совета Федерации и направила Закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» непосредственно Президенту на подпись. На этот раз Ельцин не стал отклонять Закон, полностью ломавший его модель, а применил процедуру, которую впоследствии использовал с успехом не единожды: возвратил текст Закона без рассмотрения. В Конституции нет прямого указания на такую возможность. Но Президент обоснованно опирался на более глубинные свои прерогативы, в частности на нормы статьи 80 о том, что он является гарантом Конституции, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти. Аргументировал же он свой поступок тем, что Государственная Дума, говоря бытовым языком, попросту «смухлевала». В письме на имя И.Рыбкина от 11 ноября 1995 года Президент сообщил следующее:

«Как свидетельствует стенограмма заседания Государственной Думы от 11 октября 1995 года, не было законопроекта, который бы ставился на голосование для принятия его в целом, а значит, представленный текст не может считаться принятым Государственной Думой в порядке, предусмотренном частью 2 статьи 105 Конституции Российской Федерации».

Дело в том, что в тот день Государственная Дума рассмотрела проект Федерального закона «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», внесенного Президентом, и в результате голосования данный проект был отклонен. После этого Государственная Дума, в нарушение собственного регламента, голосовала за некий законопроект с поправками, предложенными депутатами — членами Комитета по законодательству и судебно-правовой реформе, которые были розданы депутатам и озвучены В.Исаковым с трибуны. При этом законопроекта как текста не существовало вообще, а были только поправки к законопроекту, внесенному Президентом.

Президент в конце концов принял один из укороченных вариантов Закона, официально внесенный А.Чилингаровым. Этот проект умещался на половине страницы (когда он обсуждался в Совете Федерации, кто-то из депутатов дал ему такую характеристику: «Убог и смешон. Порядок не про-

писан, это не закон, а глумление над законотворческой деятельностью»). Тем не менее в Кремле решили, что пусть уж будет такой, чем никакого (главное, считали в то время в Администрации, в нем нет принципа выборности), и, не дожидаясь истечения двухнедельного срока, 5 декабря Президент его подписал.

Закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» действительно такой небольшой, что можно процитировать его полностью:

«Статья 1. В Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: глава законодательного (представительного) и глава исполнительного органов государственной власти, по должности.

Статья 2. В двухпалатном законодательном (представительном) органе субъекта Российской Федерации совместным решением обеих палат определяется его представитель в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Статья 3. Выборы глав исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации должны быть завершены не позднее декабря 1996 года.

Статья 4. Настоящий Федеральный закон вступает в силу с 13 декабря 1995 года».

В целом можно сказать, что тяжелая социально-экономическая обстановка в стране в тот период давала надежду левой оппозиции на легитимный приход к власти на следующих выборах. Большая часть политической элиты приступила к маневрам, чтобы занять наиболее выгодные предвыборные позиции.

Глава 3

«Ельциномика»

(1991 — 1997)

Ваучер

Обычно считают, что приватизация началась после того, как Ельцин стал Президентом и развернул рыночные реформы. На самом деле это не так. Признаки стихийной и неформальной приватизации государственных предприятий появились еще во второй половине 80-х годов. Чем быстрее разрушалась тоталитарная система, чем меньше власти оставалось у Госплана, Госснаба и иных структур, тем больше полномочий явочным порядком захватывали директора на местах. К началу ельцинских реформ директорат стал фактическим хозяином государственного сектора. Оставалось лишь формально закрепить его власть, передав руководителям предприятий права собственности. И такой вариант был вполне реальным: за него выступали депутаты российского Верховного Совета, часть членов Правительства и чиновников из окружения Президента, другие влиятельные политические силы.

Но для Ельцина подобное развитие событий было абсолютно неприемлемым, и прежде всего потому, что шло вразрез с его представлениями о справедливом распределении государственного имущества и появлении нового класса собственников. По сути, бесплатное наделение собственностью руководителей предприятий могло вызвать жесткий протест населения. «Директорская» приватизация оставила бы государство и без собственности, и без денег. Наконец, уже тогда, в начале 90-х годов, громко заявило о себе первое поколение новых отечественных банкиров. Они рассчитывали с помощью Президента получить свою часть пирога. А по возможности — весь пирог.

Конечно, наиболее эффективной была бы быстрая денежная приватизация, но в то время в России деньги, причем небольшие, были только у государства. Продать собственность иностранцам? Но для Ельцина это значило бы политическое самоубийство. Да и сами иностранцы не проявляли особого стремления к этому.

Существовал еще один вариант: медленная денежная приватизация, когда в частные руки переходит сфера услуг, а крупные предприятия до поры до времени остаются в государственном секторе. Он тоже не проходил, но уже по финансовым соображениям. Ведь государственные предприятия вправе рассчитывать на финансовую поддержку, а бюджет и без того трещал по швам. Кроме того, в случае промедления директора быстро бы прибрали к рукам все, что плохо лежало у государства.

В итоге пришлось остановиться на ваучерной модели приватизации, предусматривавшей внеэкономическое закрепление прав собственности путем бесплатной раздачи населению специальных приватизационных чеков — ваучеров. Фактически подготовка к масштабной приватизации

началась с осени 1991 года. 29 декабря Ельцин подписал Указ «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий». Им утверждались Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ на 1992 год. Основные положения стали фактически первым документом, на практике регулирующим приватизационный процесс и давшим старт программной (т. е. не стихийной) приватизации в России.

Вскоре, однако, развернулась безудержная политизация приватизационного процесса. Ведь проекты пришлось нести в Верховный Совет, который крайне отрицательно относился к самой идее приватизации. Депутаты ухудшили ваучерную модель, санкционировав передачу немалой части собственности трудовым коллективам. А по сути — директорату.

Теоретически ваучерная приватизация была не лучшим вариантом разгосударствления экономики, но практически — неизбежным.

Основные положения были очередным шагом Ельцина навстречу Верховному Совету. Президент не искал войны, множил количество компромиссов. Может быть, политически это имело основания, однако экономически за компромиссы приходилось платить, в данном случае — понижением качества приватизационной программы.

Дело не ограничилось поблажками директорату. В программе приватизации 1992 года игнорировались проблемы инвестиций, социальной инфраструктуры предприятий, демонополизации. Именно этими «дефектами» объясняются многие негативные последствия чековой приватизации.

Приватизация обычно проводится для достижения двух конечных целей: сформировать устойчивую систему прав собственности; создать условия для стабильного и эффективного развития экономики. Ни ваучерная, ни последовавшая за ней денежная приватизация пока этих задач не решили. Но промежуточные результаты есть — и положительные, и отрицательные.

С одной стороны, ваучерная приватизация привела к тому, что в стране стала невозможной реставрация прежней хозяйственной системы. Появился сам институт частной собственности. Возник рынок ценных бумаг вместе со всеми его механизмами. Приватизация помогла оздоровлению бюджета, улучшению конкурентной среды, привлечению инвестиций. И критики, и сторонники чековой модели, срок действия которой истек 30 июня 1994 года, сходятся только в одном: формальный количественный успех программы массовой приватизации очевиден.

С другой стороны, за эти достижения пришлось заплатить немалую цену. Приватизация обернулась резким имущественным расслоением. Она сопровождалась многочисленными скандалами с явными признаками коррупции. Сказалось и то, что технология приватизации, ее последствия, в том числе и отрицательные, не были понятным языком растолкованы населению. Единственная запомнившаяся фраза из всего сказанного А.Чубайсом в то время была: «Ваш ваучер через несколько лет будет стоить как машина «Волга». Чубайс породил неоправданные надежды у миллионов и уже за одно это стал таким нелюбимым. Люди ничего не потеряли, отдав ваучеры в разные приватизационные фонды. Но они остро восприняли как обман их надежд почти полное отсутствие какого-либо материального эффекта

от вложенных ваучеров. Такое долго не забывается и не прощается. Тем не менее главный результат был достигнут: экономика перестала быть государственной, хотя и не стала эффективной.

Нерешенные в рамках модели 1992—1994 годов задачи — прежде всего реструктурирование предприятий и привлечение инвестиций — требовали формирования новой, денежной приватизационной модели.

Не раздавать, а продавать

Лучше всего было бы принять программу приватизации законом. Накануне формирования новой Думы в конце 1993 года помощники начали убеждать в этом Президента. В конце концов он согласился, но реализовать задуманное так и не удалось. У левого большинства депутатского корпуса была своя позиция, которая существенно отличалась от правительственной. Совместить точки зрения А.Чубайса и, например, С.Глазьева, занимавшего в Думе пост председателя Комитета по экономической политике, было невероятно тяжело. Помимо всего наслаивались и тяжелые воспоминания об осени 1993 года.

Ближе всего к положительному решению стороны подошли в июле 1994 года. Удалось даже усадить за стол переговоров А.Чубайса и С.Глазьева, выработать компромиссный вариант программы приватизации и вынести его на пленарное заседание. К сожалению, не хватило 10—15 голосов. Потом депутаты ушли на каникулы, и все рассыпалось. Конечно, если бы Правительство по-настоящему напряглось, закон можно было провести. Но, скажем прямо, Правительство не испытывало горячего желания идти со своими заготовками в Охотный ряд и вести тяжбу с депутатами. Ведь выбор (закон или указ) определял главное: кто и как будет решать судьбу собственности. Тогда власть была у А.Чубайса, и он, как обычно, ревниво ее оберегал.

В целом ситуация в сфере приватизации во второй половине 1994-го — 1996 году по своей неопределенности удивительно напоминала 1991 год. Приватизация «по закону» практически не шла. Вновь особое значение приобрел политический фактор (политическая воля в условиях политической неопределенности). Резко активизировались лоббистские устремления и стихийные приватизационные процессы.

Отсутствие инвестиций власти объясняли тем, что чековая приватизация их не предусматривала. Теперь, с началом денежной приватизации ее организаторы дружно заговорили о наступлении «инвестиционного бума». Но это были слова, а реально приток инвестиций не ощущался. В 1995 году стало очевидно: ключевой критерий эффективности приватизации — не инвестиции, а максимизация доходов федерального бюджета. Краткосрочный интерес (пополнение бюджета) заслонил долгосрочный (инвестиции и развитие).

Эта затея оказалась несостоятельной. В 1995 году бюджетное задание по доходам от приватизации было выполнено в основном за счет довольно сомнительных залоговых аукционов (они дали около 71% поступлений), а следующий год оказался просто провальным: при бюджетном задании

в 12,3 триллиона рублей приватизаторы дали лишь около 1 триллиона. Иными словами, в результате политики «деньги в бюджет вместо инвестиций» страна осталась и без денег, и без инвестиций. Сказались не только приближающиеся президентские выборы, но и неточная оценка реальной ситуации. Задание на 1997 год было почти в два раза меньше прошлогоднего, а политический фон — гораздо благоприятнее. Во многом поэтому бюджетные цифры по этой статье удалось не только выполнить, но и перевыполнить.

Продвижение приватизации исключительно на указах имело противоречивые последствия. С одной стороны, приватизация набирала темп и давала реальный результат. Седоки, которые устроились на дребезжащей телеге под названием «госсектор», не слезали сами, их оттуда выкидывали, причем быстро и навсегда.

С другой стороны, указная приватизация неизбежно превращалась в процесс плохо предсказуемый и сугубо конфликтный. Взять хотя бы историю с приватизацией Восточной нефтяной компании (ВНК) и Тюменской нефтяной компании (ТНК). Аукционы и конкурсы были объявлены в начале осени 1997 года. По ВНК срок подачи заявок на аукцион истекал 6 ноября 1997 года, по ТНК — 20 ноября. Участники собирали деньги, серьезно готовились, естественно, полагаясь на существовавшую тогда нормативную базу. Ее важной частью был Указ № 1403, подписанный Б.Н.Ельциным еще в ноябре 1992 года. Этим указом устанавливался 15-процентный предел на прямое участие иностранцев в приватизации нефтяных компаний.

4 ноября 1997 года Б.Н.Ельцин встретился с «молодыми реформаторами» и совершенно неожиданно подписал указ, отменявший Указ № 1403. Те просто занесли его в президентский кабинет, обойдя не только Администрацию, но, видимо, и самого премьера. Получалось, что теперь иностранцы могли без всяких ограничений покупать пакеты акций ВНК и ТНК. В тот же день в прессе появилась информация о том, что такие зарубежные компании действительно существуют. Более того, они успевают в последний день (5 ноября) подать заявки, а потом собираются выйти на аукцион и победить.

Наверное, у «молодых реформаторов» были благие намерения. Может быть, хотели попугать российских участников и заставить их побольше раскошелиться или была какая-то иная подоплека. Но факт остается фактом: правила игры изменили буквально накануне приватизационной сделки. Это был удар по престижу не только российской приватизации, но и самой России. Инвесторы, и без того взбудораженные бушевавшим азиатским финансовым кризисом, получили еще одно доказательство непредсказуемости российской власти.

Президент попал в нелепое положение. Стоять на своем — плохо, потому что новый указ противоречил Гражданскому кодексу, а значит, все это грозило скандалом и судебным разбирательством. Отменять указ на следующий день после подписания — тоже плохо. Пришлось дать поручение Правительству: по уже объявленным аукционам и конкурсам (включая ВНК и ТНК) руководствоваться не новым, а отмененным старым. И это был, конечно, плохой вариант, но другого — не оставалось.

В развитие указов по приватизации обычно выпускались постановления Правительства. Казалось бы, все ясно: указ есть, надо лишь его конкретизировать. Но даже здесь Президента не оставляли без работы. Достаточно упомянуть денежные аукционы. Выпустив соответствующее постановление, Правительство почему-то забыло установить порядок определения банков, на счета которых участники аукциона должны были вносить деньги для покупки акций, и оказывалось вправе осчастливить какой-то банк — участник аукциона, поручив ему собирать деньги с остальных. Осознав, чем все это может обернуться, Ельцин вернул постановление в Правительство, заставив внести необходимые коррективы.

Поскольку приватизация реализовалась по указам, Президенту поневоле приходилось быть судьей в ожесточенных спорах по поводу раздела собственности. Когда все аргументы оказывались исчерпаны и Правительству не удавалось справиться, участникам приватизационных схваток оставалось уповать на «мудрость царя».

Самым ожесточенным и затяжным был уже упоминавшийся конфликт между Ю.Лужковым и А.Чубайсом. Премьеру урезонить их не удалось, главным образом потому, что московский мэр, не получив удовлетворительных разъяснений, обычно шел напролом — обращался непосредственно к Президенту. А.Чубайс не мог с этим смириться и тоже начинал писать в Кремль. Одна бумага «крыла» другую, они накапливались. Помощники искали варианты решения практически в ежедневном режиме, время от времени докладывая Президенту о ходе «боевых действий». И надо сказать, Б.Ельцин, как правило, поддерживал Москву. Из их борьбы вспоминается, например, август 1995 года, когда они тащили в разные стороны московский нефтеперерабатывающий завод. Одна сторона — в «Роснефть», другая — в «Мостатнафта». Руководствуясь требованиями собственных прежних указов, Президент снова поддержал Москву.

Еще более жестокой была схватка за «Пурнефтегаз». Одна влиятельная финансово-политическая группа добивалась включения компании в «Сиданко», другая — в «Роснефть». История, достойная подробного описания.

Поначалу «Пурнефтегаз» входил в «Роснефть». Однако в мае 1994 года Правительство приняло постановление № 453, которым это крупное добывающее предприятие передавалось компании «Сиданко». Постановление приняли с нарушением одного закона и двух указов. Ни Администрация, ни сам Президент вмешаться не успели. Руководители «Пурнефтегаза» и региональные власти занялись «мобилизацией трудящихся», последние дружно возмутились, и, обнаружив поразительное знание всех деталей, 88% трудового коллектива выступили против вхождения в «Сиданко» и потребовали отменить постановление Правительства.

В январе 1995 года Правительство пошло на попятную. Было принято распоряжение об исключении из уставного капитала «Сиданко» федерального пакета акций «Пурнефтегаза» и о передаче его в управление «Роснефти», а в июне компанию вернули в «Роснефть». Но, как оказалось, распоряжение нарушало уже другие нормы — на сей раз некоторые положения Гражданского кодекса. Обнаружив это, «болельщики» «Сиданко» вскоре двинулись в Кремль. Они принесли проект указа об отмене распоряжения Правительства по причине его несоответствия Гражданскому кодексу.

Все это могло продолжаться до бесконечности. Президент прекратил кутерьму, оставив «Пурнефтегаз» в «Роснефти». На том все и закончилось. Виновники сохранили, однако, свои места. Решения, исключавшие повторение подобных ситуаций, так и не были приняты.

Особое место в истории приватизации занимают залоговые аукционы. Впервые в Администрации Президента об этой идее услышали в декабре 1994 года. Доложили Президенту. Он поговорил с В.Черномырдиным и А.Чубайсом. Потом идея начала гулять по кабинетам Белого дома и Старой площади и «догулялась» до Указа № 478 от 11 мая 1995 года, принципиально одобрившего залоговые аукционы. Другим указом Б.Ельцин определил правила их проведения. Смысл состоял в следующем: поскольку бюджетная ситуация оставалась крайне сложной, группа ведущих банков предложила дать взаймы Правительству под залог пакетов акций крупных и высокодоходных предприятий. По истечении установленного срока Правительство должно было вернуть банкам кредиты, а те — отдать назад пакеты акций.

Вышло, однако, по-другому. Правительство не расплатилось, и, может быть, вовсе не собиралось этого делать. Банки стали владельцами собственности, причем «покупка» обошлась им довольно дешево. Так сложились финансово-промышленные группы, а возглавивших их людей стали потом называть олигархами.

С тех пор прошло пять лет. Но споры вокруг залоговых аукционов не утихают. У проигравших, а также у тех, кого на аукционы просто не пустили, у банкиров, депутатов и многих других остались вопросы. Например, о размещении в 1995 году валютных депозитов Минфина и доходных счетов федерального бюджета. Если, мол, они были именно у банков-победителей, то выходит, что государству заплатили за акции его же собственными деньгами. Или вопрос об участии в конкурсах структур, имеющих долги перед бюджетом: ведь опять получается, что на покупку собственности пошли деньги, которые эти структуры недодали государству.

Встречи наедине

После октябрьских событий Б.Ельцин, казалось, получил карт-бланш для продолжения экономических реформ. Однако сразу надо сказать, что к экономическим вопросам он относился неровно. Волны острого интереса сменялись штилем равнодушия. Конечно, это было равнодушие «в стиле Ельцина» — экономику из виду он не упускал никогда, но занимался ею не так энергично, как в периоды «приливов», как бы по необходимости.

Конечно, он не разбирался детально в экономике, этого, собственно, и не требовалось, иначе зачем были бы нужны премьер, вице-премьеры, министры, советники. Но Президент знал экономику не хуже лидеров других стран, хотя, выступая по этим проблемам, порой допускал ошибки. Так было, например, во время визита в США осенью 1994 года, когда в одном из выступлений, оперируя цифрами, Б.Ельцин не заметил, как спутал миллионы с миллиардами. Объем и содержание промахов, однако, тоже колебались в пределах среднемировых отметок. У других бывало и похуже. Известно, например, что для аппарата американского Президента Р.Рейгана

самые страшные времена наступали тогда, когда их шеф вдруг откладывал бумаги и начинал говорить то, что думает. Однажды его экспромт чуть не вызвал мировой финансовый кризис...

На экономику Б.Ельцин влиял с разных сторон, используя то один, то другой рычаги воздействия. Один из самых сильных механизмов власти Президента и, наверное, наименее известный — встречи с премьером.

Официально оба руководителя обычно встречались раз в неделю. Всегда один на один. Потом какую-то информацию журналисты получали от президентского пресс-секретаря. Гораздо больше, разумеется, знали первый помощник Президента В.Илюшин, руководители президентской Администрации или кто-то еще, кому Президент считал нужным поведать о встрече. О чем-то говорил своим подчиненным премьер, возвратившись к себе в Белый дом. Но в целом о том, что происходило за закрытыми дверями президентского кабинета, доподлинно не знал никто.

От тех, кто готовил эти встречи, требовалось дать краткий материал — по заведенному и редко нарушаемому правилу — не более страницы. В этом объеме надо было обозначить темы разговора и обосновать, почему выбраны именно эти, а не другие. То же самое, конечно, делали и в аппарате премьера.

Это была непростая работа. Полной информации о встречах помощники не имели. Фрагменты получали от руководителей Администрации, премьера, а порой из новостных программ телевидения. Включали телевизор и видели, как премьер, вернувшись из Кремля, проводит совещание по вопросу, который был в материале, подготовленном для Президента. Другими словами, снабжали руководителя «меню», не зная точно, что же в действительности съедено и понравилось ли.

Конечно, каждую неделю были «дежурные» вопросы (социальная обстановка, бюджет, курс рубля и т.п.).

Не допускалось, чтобы премьер заранее полностью знал те вопросы, которые собирался поставить перед ним Президент. Это считалось неэтичным по отношению к Президенту. Кроме того, такая подсказка не соответствовала стилю Б.Ельцина. Он хотел, чтобы в еженедельном спектакле оставалась интрига, что-то неожиданное для премьера. Конечно, последнего это не радовало, но аппарат должен работать так, как удобно Президенту. У премьера, кстати, тоже была свобода рук. В Администрации не интересовались содержимым «портфеля», с которым тот отправлялся в Кремль. И Президент не знал, что в нем находится.

Естественно, помощнику по экономическим вопросам приходилось ежедневно противостоять давлению со всех сторон, просьбам «вписать» в материал для встречи с премьером что-то важное для того или иного ответственного лица.

Можно привести большой список задач, которые в разное время включались в материалы для встреч с премьером, но в полном объеме не решены до сих пор: то ли потому, что Президент их не ставил, то ли потому, что премьер их не выполнял. Президенту, в частности, советовали создать федеральную службу по урегулированию трудовых конфликтов (1993), разработать федеральную программу борьбы с региональной безработицей, серьезно заняться прогнозированием кризисных ситуаций (1994), выстроить систе-

му мер по поддержке экспорта, образовать комиссию по стратегическому планированию и экономической реформе во главе с вице-премьером, выработать механизм привлечения средств населения на рынок государственных ценных бумаг, принять закон об обязательном страховании банковских вкладов граждан, проверить целевое использование бюджетных средств в ходе финансирования восстановительных работ в Чеченской республике, создать систему управления внутренним и внешним долгом (1995), начать реформу РАО «ЕЭС» (1996).

Устные задания, которые получал премьер во время таких бесед, выполнялись неукоснительно, чего нельзя сказать об указах или даже письменных поручениях Президента. То есть слова, сказанные с глазу на глаз, по аппаратной значимости перевешивали бумаги. Такова, наверное, наша политическая традиция.

В.Черномырдин, между прочим, ее тоже соблюдал. Однажды А.Лившиц, уже работая в Правительстве, получил от премьера грозное указание на очередной денежной «челобитной» — «прошу решить, срок три дня». Естественно, А.Лившиц ему отзвонил. Ведь только вчера речь шла о том, что все деньги расписаны и лишних — нет. Своим ответом В.Черномырдин просто сразил: «А кто тебе сказал, что надо решить положительно?» Помолчав, в свойственной ему назидательной манере добавил: «Если будет действительно нужно, я тебе не напишу, а скажу».

Говорят, что Президент «зажимал» Правительство, держал в страхе. Это не совсем так. Но порой контролировал его действительно жестко. И вовсе не потому, что одному премьеру доверял больше, другому — меньше: доверял одинаково, многое прощал. Правда, суров был тоже неизбирательно, за исключением, пожалуй, медовых месяцев с «молодыми реформаторами». Но не потому, что любил проявлять свою власть или «подначивала» Администрация, якобы мечтавшая создать на Старой площади теневое правительство: для этого не было ни сил, ни полномочий, ни желания. Все время, правда, находились энтузиасты, предлагавшие сделать именно так. В частности, советовали создать при Президенте совет по экономической политике, подчинить ему напрямую побольше федеральных ведомств, посадить в Правительство представителя Кремля и т.п.

Б.Ельцин, как правило, все это отбивал, но кое-что проходило. Например, несколько лет существовали особые президентские программы, которые бюджет должен был финансировать в первую очередь. Зачем это надо было, до сих пор неясно.

Для президентского контроля имелись иные, куда более глубокие основания. Дело в том, что вместе с Конституцией 1993 года появились не только новые права, но и новые обязанности. В течение всего президентства Ельцин выстраивал механизмы их реализации. Он контролировал Правительство не потому, что хотел (наоборот, порой даже тяготился), а потому, что считал это своим долгом. Поскольку детальной регламентации не было, он выполнял свою работу так, как умел.

Другой важнейший фактор — позиция Государственной Думы. Известно, что в течение ряда лет депутаты принимали нереальные бюджеты. Правительство вносило в Охотный ряд одно, а выносило оттуда совсем другое. Но дело не ограничивалось только бюджетами.

К примеру, в апреле 1995 года Госдума приняла Закон о восстановлении и защите сбережений населения. Порыв понятен, отвечал чаяниям населения, потерявшего деньги в начале 90-х годов. «Цена вопроса», однако, составляла не менее 300 триллионов старых рублей. Откуда взять такие громадные деньги? Депутаты на этот вопрос не отвечали. Зато много говорили о том, что плохое Правительство мало думает о людях. Правительство, разумеется, возражало.

Такая полемика, по сути, была малосодержательной, имела отдаленное отношение к действительным проблемам, стоявшим перед страной. Получалось, что каждый хотел заниматься своим делом. Госдума — принимать популистские законы, мало заботясь о том, что нужно Правительству, а оно — проводить экономическую политику без оглядки на депутатов, обращаясь к ним раз в год — когда шел бюджет. Тем самым Правительство обретало полную монополию на реформы и становилось носителем истины в последней инстанции.

Такое странное «разделение труда» было для Президента политически неприемлемым. А поскольку не удалось сбалансировать Правительство Госдумой, он «балансировал» его сам.

Проработка механизмов взаимодействия с Правительством началась в конце 1993 года. Вот дословный фрагмент из записки Президенту, датированной декабрем того года:

«Нужна в рамках президентского аппарата особая структура, достаточно сильная, чтобы быть противовесом Правительству. Хотя бы потому, что помощи от Думы ждать нечего. Нужна четкая договоренность между Президентом и Председателем Правительства насчет этой структуры. Делают одно дело. Не надо ревности. Везде пускать, все давать на экспертизу. Это — не надзор, а новые функции Президента по новой Конституции».

Ключевую роль играли повседневные рабочие контакты руководства Администрации с премьером и ведущими вице-премьерами. Не обходилось и без конфузов. В декабре 1997 года, когда развернулась отчаянная борьба за доходы бюджета, А.Чубайс, проводивший очередное заседание Временной чрезвычайной комиссии по доходам бюджета (ВЧК), предложил за неуплату налогов арестовать и продать имущество Омского нефтеперерабатывающего завода и Ангарской нефтехимической компании. В правовом отношении идея была сомнительной. Ведь изымать и продавать имущество можно было только по решению суда, тем более что оба предприятия впервые попали на ВЧК, а с другими «цацкались» по нескольку лет, надолго растягивая выплату налоговой недоимки.

В тот день, к сожалению, дала сбой отработанная годами аппаратная технология. Обычно позиции согласовывались до заседаний, и разногласия наружу не выходили. И как правило, находился компромисс. А на этот раз не успели.

Пришлось А.Лившицу, тогда заместителю руководителя Администрации Президента, возражать публично. Возник конфликт. Позднее в него вмешался В.Черномырдин, доложили и Ельцину. В конце концов выработали более «эластичное» решение. Обе компании стали лучше платить налоги. И проблема была снята.

Указы, указы, указы...

Еще одним сильнодействующим средством влияния Президента на экономику были его указы. Расцвет «указного права» пришелся на первые три года после принятия новой Конституции. В то время в законодательной ткани действительно зияли многочисленные прорехи. На них и ставили «указные заплаты».

Указ — не просто нормативный документ, это демонстрация политической воли, готовности Президента взяться за какое-то дело. Но всем, включая и его самого, было ясно, что в экономике такое нормотворчество могло носить только временный характер. Ну что это за материя, если состоит из одних заплат? И выглядит нелепо, и рвется каждый день. Ведь указ можно в любой момент написать, переписать, подписать, приостановить, отменить — и без всякой публичности. С законом так не получится, лишь он давал основательное решение. И как только появлялся закон, указ должен был раствориться в нем без следа, теряя всякое содержание. В противном случае возрастал риск перехода на авторитарное правление, иммунитет против которого у России еще очень слабый.

Б.Ельцин предъявлял к указам два основных требования: качество (чтобы заплата хотя бы на время действительно закрывала дыру в законодательстве) и механизм исполнения (чтобы заплата держалась). С первой задачей справлялись лучше, чем со второй. Эффективная же ответственность за неисполнение указов в законодательстве не была обозначена вовсе. Армия «проверяльщиков» во главе с Контрольным управлением Президента трудилась, конечно, интенсивно, но восполнить этот пробел полностью не могла. Бывали случаи, когда сроки исполнения, обозначенные в указах, превышались на семь, восемь и даже четырнадцать месяцев.

Как такое могло происходить? Ведь проекты указов, включая сроки, вносило само Правительство. Наверное, кое-кто хотел продемонстрировать главе государства свою способность оперативно решать проблемы. И только потом начинал лихорадочно думать, как уложиться в нереальные сроки. Особенно сложно было угнаться за ведомственными инструкциями. Они порой не только искажали суть указа, но и меняли ее полностью. Стоило больших трудов заставить ведомства регистрировать свои инструкции в Минюсте. Забегая вперед, скажем, что это удалось сделать только к концу 90-х годов.

Б.Ельцин же, хотя часто и грозился, редко снимал с работы за нарушение требований какого-то указа. А если и снимал, то это прегрешение было для него лишь поводом, зацепкой, за которой стояли другие причины. Все же он был политиком, а не въедливым администратором. Лучше всего, конечно, если бы он обладал обоими качествами, но это в нем не совмещалось.

На самом деле указы хорошо исполнялись только тогда, когда это было кому-то нужно. А.Чубайс, например, был кровно заинтересован в том, чтобы провести приватизацию так, как он ее задумал. А потому соответствующие указы, как правило, исполнялись лучше остальных.

Бывало, Белый дом обращался к Президенту с просьбой решить проблему указом, хотя, по сути дела, вполне было достаточно постановления

Правительства. Может быть, недоставало энергии справиться без авторитетной поддержки, а возможно, не хотели брать на себя ответственность. Как правило, аппарат Президента энергично протестовал, но сам он обычно вставал на сторону Правительства. У него порой не хватало сил, но никогда не было страха перед ответственностью.

Это касалось не только замены постановлений указами. Нередко Правительство недорабатывало в Государственной Думе, и депутаты выталкивали «наверх» еще один популистский социальный закон, очень приятный для избирателей, но не имевший никакого финансового обеспечения. Неумолимо надвигалось неприятное решение — вето. В таких ситуациях Президент всегда держался стойко, закрывая все промахи исполнительной власти, хотя прекрасно понимал, что оппозиция разыграет очередной политический спектакль для умножения грехов «антинародного режима».

Не раз Б.Ельцин получал в свое распоряжение немалый политический капитал. И всегда тратил его по-русски, без оглядки, в немалой степени — на политическое прикрытие решений правительственных реформаторов. Остановить Президента, сделать более осторожным было просто невозможно.

Чем активнее работала Дума, тем быстрее экономические указы заменялись законами. В 1997—1998 годах содержательная сторона указов стала малозаметной (за исключением приватизации). Фактически они свелись к демонстрации политической поддержки Ельциным Правительства «молодых реформаторов». В 1999 году указы по экономике почти исчезли.

Можно сказать, что указы 1994—1996 годов в целом положительно сказались на экономике. Конечно, не все получилось, но они довольно четко обозначили линию реформ и в то время хорошо воспринимались не только внутри страны, но и за рубежом, в том числе международными финансовыми организациями. На переговорах с МВФ всегда можно было сослаться на несговорчивость Думы и предъявить указы вместо законов. Позже ситуация коренным образом изменилась, причем еще до 17 августа 1998 года. Прежняя тактика уже не срабатывала. На традиционные жалобы в адрес Думы российским представителям стали отвечать так: «Все парламенты одинаково неудобны для Правительства...».

Многим памятны события, связанные с принятием в конце мая — начале июня 1994 года двух «пакетов» из 15 указов по ключевым экономическим проблемам. Отменялось квотирование и лицензирование экспорта, принимались меры по укреплению налоговой дисциплины. Именно тогда началась непрерывная «битва за налоги». После этого последовали указы об обеспечении жильем военнослужащих, мобилизационных мощностях, усилении контроля за налично-денежными расчетами и др. Большую роль в подготовке этих важных документов сыграл тогдашний вице-премьер А.Шохин. В группе под его руководством активно работали и представители Администрации Президента.

Нормотворческая деятельность Президента в то время была не только весьма содержательной. За год до выборов он получил ощутимый политический выигрыш, поскольку его реформаторская активность хорошо

смотрелась на фоне «левой» Государственной Думы. С этих указов, по сути, началась предвыборная кампания. Позднее Ельцин сделал шаг навстречу Думе, дав в конце мая 1994 года поручение премьеру готовить на основе указов законы и направлять их в Госдуму.

Среди указов были и неудачные, в частности те, что связаны с разного рода внешнеэкономическими льготами. Подписывая их в конце 1993 года, Президент, возможно, руководствовался благими соображениями: хотел помочь спортсменам, инвалидам, ветеранам Афганистана и т.д. Но суммарная оценка их однозначно отрицательная, поскольку льготы по налогам и таможенным платежам — порочны по сути: проверить их эффективность и целевое использование практически невозможно. Если уж поддерживать, то только через бюджетные расходы. Эти деньги идут через казначейство, всегда можно проконтролировать — куда они направлены, кем и как потрачены.

Льготы привели к тому, что фактически возник целый сектор экономики, кормившийся ими. Был создан опасный прецедент, проторена тропа, которую многим сразу захотелось превратить в удобное шоссе к льготному раю.

За спортсменами и инвалидами выстроилась длинная очередь других соискателей льгот. Кого только среди них не было! Вслед за Президентом «добрым» захотело стать и Правительство. И наплодило немало собственных постановлений, содержавших те или иные льготы. Позднее пришлось прилагать колоссальные усилия, чтобы разрушить эту систему.

Рецидивы «льготной болезни» проявлялись, например, и в создании на территории России разного рода «оффшорных» зон. Только делалось это уже не по указам, а согласно принятым законам.

Указы по льготам нанесли серьезный урон репутации молодого Российского государства и самого Б.Ельцина как внутри страны, так и за рубежом, обострили отношения с МВФ. Шумные финансовые скандалы 1999 года — лишь выход наружу тех подозрений, которые зародились на Западе еще в начале 1994 года.

Борьба со льготами началась с Указа № 244 от 6 марта 1995 года. К нему прилагался длинный перечень собственных решений Президента по льготам, подлежавших приостановке или отмене. От Правительства требовалось сделать то же самое, но, в отличие от Президента, оно отменять льготы не спешило. Ельцин вынужден был несколько раз поторапливать премьера. Этот поступок дался Президенту очень непросто. Он вообще не любил и не умел тормозить, разворачивать, менять свои решения, а тут еще целым списком. Вдобавок пришлось выдержать мощнейшее давление со стороны своего спортивно-силового окружения, людей, которым он тогда, безусловно, доверял.

Отмену льгот нельзя было свести пусть к мужественному, но единичному решению. Это был тяжелый долгий процесс. После Указа № 244 начались мучения с выплатой компенсации бывшим льготникам — ведь разрывались многомиллиардные (в долларах) контракты.

Сразу же после выхода Указа об отмене многих льгот влиятельные люди начали предлагать новых, «хороших» получателей льгот, и первый проект указа такого сорта («льготы сняли правильно, но надо сделать ис-

ключение для одной организации») пришел в Администрацию спустя всего месяц. Как ни странно, его внесло Правительство. Но Президент был непреклонен, и номер, что называется, не прошел.

Это, однако, не остановило желавших реанимировать льготы, они упорствовали ровно столько лет, сколько Б.Ельцин был у власти. В Правительстве, например, создали специальную комиссию по контролю за предоставлением налоговых и таможенных льгот. Понятно, что сам факт ее появления открывал форточку. Ведь если что-то обсуждали и контролировали, значит, был предмет — льготы. Но давало их уже Правительство.

А.Президент в целом держался стойко. Правда, в марте 1996 года все же уступил. Счастливчиком оказался тогдашний нижегородский губернатор Б.Немцов. Он сумел пробить указ, предоставлявший нижегородской художественно-промышленной выставке такие же льготы, которые раньше Ю.Лужков получил для строительства храма Христа Спасителя. Иными словами, сначала наспех принимали указы по льготам, а потом в изнурительной борьбе выпускали указы, которые отменяли предыдущие вместе с льготами.

К разряду «громких» можно, наверное, отнести Указ № 1006 (1994 г.), который обязывал всех должников федерального бюджета иметь только один счет. Сюжет несложен: открылся сезон охоты за доходами бюджета, а налоговики были не в силах угнаться за десятками и сотнями счетов, которые ловкий директор открывал для того, чтобы спрятать деньги от налогообложения. После выхода Указа экономика громко застонала: должниками были почти все, а коса Указа одинаково резала как злостных неплательщиков, так и тех, кому для работы надо было иметь хотя бы два-три счета. Указ пришлось корректировать, выводя из-под удара невиновных. Хотя он не принес много денег в бюджет, но был полезен: власть не только заявила, что заставит платить налоги, но и подкрепила эту позицию конкретным жестким решением.

Был еще Указ № 1215 (1996 г.), предписывавший взимать подоходный налог не только с официальной зарплаты, но и со всех иных доходов граждан. Он вызвал шквал критики и через неделю был отменен. Спустя пару лет, однако, на ту же тему был принят закон, уже не вызвавший ни малейшего негодования. За это время люди, видимо, свыклись с тем, что платить налоги в полном объеме все же придется, и делать это надо будет так же, как и в других странах.

«Решить... но с компромиссом»

Кроме указов, были еще письменные поручения Президента. С юридической точки зрения они, конечно, уступали указам. Указ — нормативный акт. Поручения таким качеством не обладали. Но в практическом смысле как инструмент власти поручения Президента были, пожалуй, даже посильнее указов. Они всегда имели конкретного адресата (не Правительству вообще, а, скажем, В.Черномырдину, О.Сосковцу, А.Чубайсу) и точное указание срока исполнения. И имели свой исходящий номер. Обязательные отчеты

о выполнении поручений своевременно направлялись в Кремль самим премьером, в крайнем случае вице-премьером. При исполнении указов всего этого не требовалось.

Б.Ельцин не только подписывал поручения, подготовленные аппаратом. Порой он сам его писал на очередной «челобитной». В ранг поручений возводились также любые его пометки на бумагах типа «не надо», «правильно», «будет спрос» и т.п. Каждому поручению присваивался свой номер. За всем потоком внимательно следил заведующий Канцелярией В.Семенченко и Контрольное управление.

За сбои с поручениями могли снять голову: когда затевалась кадровая интрига, во главе списка «грехов» кандидата на увольнение всегда красовались сорванные поручения Президента.

Открытое игнорирование президентских поручений было большой редкостью, но все же случалось. Одна история касается швейцарской фирмы «Нога С.А.», которая судилась с Россией много лет. В августе 1994 года Президент поручил вице-премьеру О.Давыдову «разобраться и доложить». По сути, реакция была нулевой, хотя в некоторых европейских странах уже начали арестовывать наши счета. В январе 1995 года руководители этой фирмы снова обратились к Б.Ельцину, который дал тому же вице-премьеру очередное задание. И вновь никакой реакции. В марте 1995 года Администрация Президента напомнила вице-премьеру, что поручения надо выполнять, но все равно ничего не было сделано.

В 1996 году Президент поручил Правительству перечислить положенные бюджетные средства в Приморье, причем целевым назначением — исключительно на зарплату. Минфин отдал деньги, а губернатор Е.Наздратенко своим решением превратил в зарплату только часть суммы. Как он потом объяснял с клятвами и битьем себя в грудь, остальное ушло на подготовку к зиме. Что только ни делали с этим губернатором, но поручение так и осталось невыполненным.

Развязка обеих историй была такой: при очередной реорганизации Правительства вице-премьер ушел сам, а переизбранный губернатор продолжил работать и при новом Президенте.

Управление поручениями — сложное, хлопотное занятие. С одной стороны, нельзя было «забрасывать» Правительство поручениями, лишая его всякой самостоятельности. В.Илюшин, например, за год отбраковывал, наверное, сотни проектов поручений. Не допускалось и другое — указывать в поручениях объемы бюджетных расходов, а это практиковалось — особенно в первой половине 90-х годов.

Понятно, что развернулась острейшая аппаратная борьба. Служба безопасности Президента убеждала, что ему позволительно все, включая прямое вмешательство в бюджетный процесс. Помощники категорически возражали, и в конце концов цифры все же исчезли из президентских поручений.

С другой стороны, «обмеление» потока поручений грозило утратой контроля. Особенно это касалось «силовиков», которым, как правило, не хватало денег, и Президент не мог здесь оставаться безучастным. Каждый год выпускались «сезонные» поручения — сев, уборка, северный завоз, шахтеры, отпуск учителей, пенсионеры и т.п. Правительство, разумеется,

и без президентского указания помнило, что, скажем, летом учителя уходят в отпуск и им надо выдать деньги. Но правило политической игры («Президент все держит в руках») соблюдалось неукоснительно.

Самый большой общественный резонанс имели поручения, которыми Президент обязывал Правительство отдать долги бюджетникам. Составлялись графики, за их выполнением следила вся страна, «спецсюжеты» гнали по всем каналам телевидения.

Все это свидетельствовало о том, что не выстроена и не работает система. Поэтому, чтобы не наступил коллапс, приходилось переходить на «ручное управление», налегать на административный ресурс — выпускались грозные поручения, ставились сроки, искались виновные.

Политически такие поручения тоже имели основания. После кампаний по выплате долгов острота этой серьезнейшей проблемы на время спадала. Власть тем самым демонстрировала дееспособность. А отдавать долги и федеральным, и региональным бюджетникам становилось все труднее. Кроме того, поднимая планку, Президент постоянно как бы проверял своих подчиненных, оценивал предел их возможностей. Потом все это учитывал, когда принимал политические и кадровые решения.

А вот содержательно «зарплатные» поручения были малоэффективны, хотя бы потому, что их приходилось давать чуть ли не ежегодно. То есть появлялось поручение, Правительство разворачивало работу, люди получали деньги, после чего долги возникали снова. И таких циклов было несколько.

Устойчивое снижение задолженности началось лишь в 1999 году, когда увеличился поток нефтедолларов. Бюджет побогаче, долгов поменьше — такова простая формула успеха. Но это еще не окончательное решение проблемы. Оно придет только после проведения реформы социальной сферы.

Человек, которому Президент доверял регулировать поток поручений, становился весьма влиятельным аппаратным политиком. Эту роль выполняли последовательно В.Илюшин, А.Чубайс, В.Юмашев и другие известные чиновники.

Хотя большинство проектов поручений готовилось в недрах Администрации, к их «регулировщику» всегда выстраивалась отдельная очередь. Там стояли люди, пытавшиеся с помощью поручения Президента решить проблемы отрасли, региона, а иной раз и свои собственные. И только «регулировщик» поручений определял, какой свет зажечь — «зеленый» или «красный». Надо было обладать достаточным мужеством, чтобы противостоять этому нажиму.

Такой человек имел потенциальную возможность «подрезать» любого чиновника — достаточно было дать ему трудновыполнимое президентское поручение, а потом, проверив, доложить и спросить по всей строгости. Эта эффективная машина использовалась нечасто, но уж если ее включали, голова слетала обязательно.

Бывало, наконец, когда к «регулировщику» обращались сами руководители Правительства. Если какое-то важное решение встречало чрезмерное сопротивление, могло вызвать бурю, поручение давало возможность переждать непогоду за широкой спиной Ельцина. «Нам дал задание Прези-

дент, и мы должны его выполнить» — этот последний аргумент Белого дома обычно оказывался решающим.

Несколько поручений можно отнести к разряду легендарных. Одно из них относится к временам изнурительной тяжбы А.Чубайса с Ю.Лужковым по поводу ваучерной приватизации. Когда Б.Ельцину, видимо, изрядно надоели их жалобы друг на друга, он взял очередную лужковскую «челобитную» и начертал: «Решить в пользу Москвы, но с компромиссом». Естественно, спор разгорелся уже о содержании и размерах «компромисса». Потом подоспела денежная приватизация, и проблема потеряла остроту.

Кремлевский ОТК

Летом 1994 года Б.Ельцин подписал Указ № 1185, устанавливавший механизм президентского контроля за наиболее важными решениями Правительства. Технология была такой. Белый дом регулярно направлял в Кремль перечни названий готовившихся постановлений. Президент выбирал, с его точки зрения, наиболее существенные, то же самое делали специально назначенные сотрудники Администрации, переправляя ему свои предложения. Затем Борис Николаевич брал большую черную ручку и на этом списке с помощью своих знаменитых «галок» делал «заказ» Правительству.

После этого аппарат Правительства посылал в Кремль уже тексты соответствующих проектов постановлений. Параллельно с Президентом их изучали экономисты и юристы Администрации. Выставлялась предварительная оценка качества правительственных решений, которая докладывалась Ельцину. На заключительной стадии он сообщал о своем мнении Белому дому. Тем самым одним проектам постановлений давался ход, а другие приостанавливались.

В целом этот механизм действовал четко, но бывали и срывы. Иной раз аппарат Правительства просто не присылал в Администрацию Президента запрошенные проекты решений. Это, касалось, скажем, распределения квот по индийскому долгу, приватизации, доверительного управления госпакетом акций «Газпрома», реструктуризации платежей крупнейших должников бюджета и т.п. Конечно, был риск вызвать гнев Б.Ельцина, но Белый дом шел на это. Когда список нарушений доходил до критической точки, приходилось сообщать Президенту. Тот, видимо, выговаривал премьеру, и порядок восстанавливался.

Случалось и другое, хотя крайне редко: помощнику по экономическим вопросам звонил один из руководителей Правительства и просил дать отмашку на немедленный выпуск постановления, без доклада Президенту. «Возьми грех на душу, горим», — сообщал он. В таких случаях никогда не отказывали. Особенно это касалось документов, необходимых для «сдачи экзамена МВФ». Они почему-то всегда подписывались в последний день работы миссии фонда.

Наверное, не менее 95% правительственных решений проходили кремлевский ОТК без всяких проблем. И вовсе не потому, что изначально

были идеальными, а Президент и его аппарат — нетребовательными. В потоке проектов постановлений порой встречались сырые, непонятные, заведомо неработающие, иной раз даже за гранью закона или указа.

Дело — в другом. В Службе помощников считали совершенно некорректным «ябедничать» Президенту, фиксируя все ошибки Правительства. Как правило, дефекты исправлялись в рабочем порядке, в ходе систематических контактов с премьером или вице-премьерами. Особенно внимательно следили за финансовой дисциплиной, возражая против прощения долгов, списания бюджетных ссуд и т.п. Кроме того, вице-премьеры норовили втянуть сотрудников Администрации в многочисленные правительственные комиссии. Это был разумный аппаратный ход: если уж сидишь вместе со всеми и обсуждаешь проект решения, то как потом возражать?

Конечно, Правительство испытывало дискомфорт: все время кто-то стоял над душой и разглядывал каждую запятую. Тем более что вокруг любого вице-премьера обычно собиралась компания «верных друзей» — «приживал», «шептунов», выдумывавших разные аппаратные небылицы. Если руководитель находил в себе силы отбросить все, кроме содержания самого решения, работа шла нормально, если нет — начинались обиды, мол, нарочно придираются, чтобы власть показать, «насолить», «наперчить», а может быть, и «накапать» Президенту.

Непростая ситуация сложилась в конце 1997 года, когда обострилась борьба между финансово-политическими кланами. Ее организаторы буквально на каждом шагу ссорили Администрацию с Правительством. Не все обитатели Белого дома сохранили выдержку, хотя на Старой площади делали ровно то же самое, что и в прошлые годы. А ведь тогда особых трений не было. Пошла волна взаимных подозрений, которая мешала работать. Ее удалось ослабить лишь немалыми усилиями В.Черномырдина и А.Чубайса.

В Администрации понимали, что публичное отклонение Президентом серии постановлений было чревато переводом чисто аппаратной проблемы на политический уровень. Ведь качество решений — важнейший критерий работы Правительства. Вслед за отвергнутыми постановлениями могли оказаться «отвергнутыми» и те, кто их готовил и визировал. Провоцировать кадровые перетряски, вторгаться в заповедную зону Президента (назначения и увольнения) никто не хотел.

Но примерно по пяти процентам постановлений приходилось идти до конца. Когда дискуссии с Правительством не выводили на компромисс, а проблема действительно была серьезной, не оставалось иного выхода, кроме прямого обращения к Ельцину. Причем тот не всегда соглашался с мнением своих помощников. Наблюдая за происходившим как бы с вершины, он в большинстве случаев все же давал добро на выпуск непроработанных, слабых постановлений. Может быть, именно в этот момент Президент считал политически целесообразным любой ценой поддержать Правительство, откликался на личную просьбу премьера (получая шанс потом ему об этом напомнить) или руководствовался какими-то другими соображениями.

Не стоит забывать, что, попадая к Б.Ельцину, любой руководитель, включая премьера, рассказывал ему о своих «свершениях». Каждый хотел быть «вестником» хороших новостей. И чтобы разговор получился содер-

жательным, завязалась какая-то дискуссия, Президенту приходилось все время пополнять запас критических замечаний, особенно это касалось регулярных встреч с премьерами.

Улучшение качества решений было бесспорным плюсом системы контроля над постановлениями. В то же время Белый дом получал возможности аппаратного маневра. «Заматывание» любого решения всегда можно было объяснить торможением со стороны президентской команды. Вы-явились и другие существенные минусы. Правительство теряло в оперативности. Ведь дорога от передачи перечня решений до получения вердикта Президента иной раз занимала несколько недель. Это расслабляло аппарат: зачем нам надрываться, если есть президентские умники? Пусть они и чистят наши постановления до зеркального блеска. Наконец, самое важное: президентский контроль серьезно ограничивал власть и ответственность Правительства. Всем было ясно, что без санкции Кремля Белый дом не в состоянии принять ни одного мало-мальски значимого решения.

Проси больше, что-то получишь

Время от времени Президент использовал свое конституционное право председательствовать на заседаниях Правительства. Обычно получалось значимое политическое мероприятие, собиравшее всю правящую элиту, включая губернаторов. Чиновники ждали не только постановки задач. Оживленно обсуждалась самая захватывающая тема: будет ли «накачка», кого Президент «погладит», кого — «попинает». Это был привычный, хорошо знакомый Б.Ельцину механизм работы с кадрами. Владел он им виртуозно. От помощников требовалось лишь внести в сценарий свежесть и остроту. Однажды на таком заседании Правительства Президент грозно посмотрел на присутствующих и выдал заготовку: «Еду как-то с работы, а в Белом доме все окна уже темные. Делать нечего, что ли?» Зал замер. Многие потом признавались, что стали судорожно соображать, на какую же сторону выходят окна их кабинетов.

Если замысел удавался, Президент улыбался и благодарил «постановщиков». Если заседание превращалось в заурядный партхозактив, тоже улыбался (поскольку никогда не забывал про телекамеры), но говорил другое.

Б.Ельцин регулярно встречался с «силовиками», ведущими вице-премьерами, министрами, губернаторами, руководителями предприятий, банкирами, лидерами политических партий. Эпизодически виделся с множеством других людей, по крайней мере до лета 1996 года. С одним начальником он мог встречаться каждый месяц, с другим — раз в два-три года. Было немало руководителей, которых Президент вообще никогда не видел. Все диктовалось политической целесообразностью и его личными пристрастиями.

Аппарат тщательно готовил встречи Президента. Тот, кто это делал, полностью отвечал за результат встречи. Проработка была основательной: схема рассадки, проект выступления Б.Ельцина, порядок встречи, ее возможный сценарий (вопросы, которые могут быть поставлены, варианты ответов Президента) и т.д. Б.Ельцин серьезно изучал материалы

и никогда не приходил на встречу неподготовленным. Но ему, как правило, все это было нужно только для того, чтобы ощутить атмосферу встречи. Почувствовав почву под ногами, Президент нередко ломал сценарии, откладывал справки и уверенно выруливал на нужный ему политический результат.

Президент приходил на встречи, скажем, с губернаторами или директорами главным образом для того, чтобы почувствовать пульс реальной жизни. Он требовал, чтобы к нему приводили только интересных людей, способных думать и умеющих внятно говорить. Заодно кое-кого присматривал и включал в неформальный кадровый резерв.

Бывало, что Президент вдруг начинал отчитывать собеседника, вежливо, конечно, но явно не по делу. Казалось бы, мотив ясен: продемонстрировать принцип «царь все знает». Но был здесь и другой подтекст: чтобы лучше понять человека, считал он, надо поставить его в сложную ситуацию. Если тот моментально перестраивался и начинал каяться, Ельцин внешне никак не реагировал, порой даже одобрительно кивал. Собеседник, наверное, считал в душе, что сумел подстроиться к настроению Президента. На самом деле Б.Ельцин в эти минуты вычеркивал его из своей кадровой обоймы, и отставка становилась лишь вопросом времени. Он не любил «ломких» людей, мгновенно меняющих свои позиции.

На встречах в Кремле случалось всякое. Однажды попросил слова видный оппозиционер. Вышел на трибуну, посмотрел влево — увидел тяжелый взгляд Президента с председательского места — и, к всеобщему изумлению, начал свою речь так: «Как справедливо указывал Президент Российской Федерации...» Видно, перепутал он в голове время и место действия, решив, может, что выступает на политбюро, а генсек гневается. Потом, правда, спохватившись, перешел к привычной критике режима.

Для многих руководителей регионов или производственников встреча с Президентом была событием не столько политическим, сколько практическим. Каждый вез ворох «челобитных». Рекорд поставил Президент Башкирии М.Рахимов, который однажды достал из своего портфеля более 30 просьб.

Накануне встречи приглашенный, как правило, заходил в Администрацию. Там он выкладывал свои бумаги. Начиналась сортировка просьб на реальные и нереальные. Забрав реальные, «ходок» уходил к Президенту. Казалось бы, все, но губернаторы — люди тертые. А потому не было случая, чтобы участник встречи не вручил две-три сокровенные «челобитные» лично Президенту, руководствуясь принципом: проси больше, что-то получишь.

Расчет был точным: Б.Ельцин любил принимать решения немедленно, на месте, ни с кем не советуясь. Никакие уговоры на него не действовали. Однако политически Президент, возможно, был прав, поскольку имел дело с руководителями, выросшими в советское время. Им всегда хотелось определенно знать — кто в доме хозяин. Для них переправка всех обращений в аппарат означала бы одно: власть у аппарата, а не у Президента. Этого Борис Николаевич допустить не мог.

Трудные времена наступали после возвращения Б.Ельцина из поездок по регионам. Надо было не только готовить список поручений, у кабине-

та появлялись десятки ходоков, которые на все разумные доводы отвечали одно: «Ничего не знаю, Президент обещал».

Волевые президентские решения были разными. Встречались и неудачные. Тогда приходилось переубеждать, что было непросто. Однажды, например, А.Лившиц был вынужден идти к нему с двумя бумагами. Первая — проект указа о выделении значительных бюджетных средств АО «Ростсельмаш», который Президент приказал подготовить, причем в крайне жесткой форме. Вторая — заявление об отставке. Состоялся тяжелый разговор. Но вторая бумага не понадобилась: «Раз вы такой умный, сами и разбирайтесь», — объявил Президент и назначил своего помощника председателем наблюдательного совета «Ростсельмаша».

Особняком стояли регулярные беседы Б.Ельцина с директором-распорядителем МВФ М.Камдессю. Президент никогда не вел переговоров и не просил денег. Он приглашал важного гостя только на завершающем этапе переговорного марафона, когда надо было поставить победную точку. Это всегда были встречи двух фигур мирового масштаба, очень симпатизировавших друг другу. И говорили они не только о финансах.

У Б.Н.Ельцина, как правило, находились хорошие новости. Так, весной 1995 года он проинформировал М.Камдессю, что Россия прекратила финансировать бюджетный дефицит инфляционными способами, отменила внешнеэкономические льготы и количественные ограничения экспорта и импорта, а также ликвидировала институт спецэкспортеров. Надо было видеть, как совершенно искренне радовался глава МВФ.

Очень хорошая встреча состоялась в следующем году. Б.Ельцин и М.Камдессю находились в прекрасном настроении — только что была одобрена новая программа кредитования. Директор-распорядитель сказал, что она потянула на 9 миллиардов долларов. На что Президент с каменным выражением лица (признак отличного настроения) отреагировал: «Десять». М.Камдессю смешался, стал говорить о том, что все документы уже подписаны, а потом напустился на переводчика. Тот подтвердил: «Девять миллиардов». Б.Ельцин вновь угрюмо проронил: «Десять». Так продолжалось несколько раз. Наконец, Президент сжалился и, улыбаясь, заявил: «У вас денег много. Добавьте миллиард, что вам стоит?» Директор-распорядитель отреагировал мгновенно, рассказав известную французскую присказку: «Женщина не может дать больше, чем у нее есть». На том и разошлись.

Б.Ельцин редко давал конкретные поручения сотрудникам своего аппарата, но внимательно следил за тем, насколько самостоятельны и энергичны его сотрудники, и поощрял такую самодеятельность. Аппарат, конечно, вносил предложения по кадровым вопросам, но не в порядке проявления инициативы, это было не принято. Только если Президент или руководитель Администрации поручали — готовились списки кандидатур с указанием плюсов и минусов каждой.

Бывали и острые ситуации. Пример — история с Т.Парамоновой. В июле 1995 года ее кандидатура на пост председателя Центрального банка была отклонена Государственной Думой, после чего депутаты разошлись на

каникулы. Но ведь на финансовых рынках каникул нет. Пришлось изобретать решения, которые успокоили ситуацию.

Осенью того же года вновь вернулись к вопросу о председателе ЦБ.В Администрации считали, что помимо профессионализма этот человек должен обладать следующим набором качеств: не иметь политических амбиций; быть лояльным по отношению к Президенту; не вызывать отторжения со стороны зампредов и аппарата ЦБ; не вызывать резко негативной реакции в Думе; обладать способностью конструктивно взаимодействовать с Правительством; быть авторитетным в банковском сообществе, быть принятым коммерческими банками как «свой»; иметь большой опыт руководящей работы в банковской системе, сильный характер.

«Где ж взять такого идеального председателя?» — озадаченно спросил Б.Ельцин. Его помощник по экономическим вопросам продолжал держать позицию: «Парамонова». «Не проходит, — вздохнул Президент и продолжил: — Я собираюсь представить Вас». «Дубинин лучше», — сказал А.Лившиц. «Ну, что же, Дубинин так Дубинин», — согласился Ельцин.

Аппарат часто выполнял роль третейского судьи — искал компромиссные решения, когда, скажем, силовые ведомства, подчиненные Президенту, начинали спорить между собой или когда они начинали жаловаться Б.Ельцину на Правительство за недофинансирование. Довести дело до того, чтобы кто-то выяснял отношения прямо в президентском кабинете, считалось верхом непрофессионализма. Это было совершенно недопустимо.

На плечи аппарата ложилась и проблема писем, всевозможных обращений — поток бумаг был огромен. Немалая его часть направлялась, что называется, не по адресу — к Президенту шли с проблемами, которые вполне могли решить на уровне Правительства или даже губернатора. А бывало, и не по делу, когда, скажем, жаловались на решение суда или предлагали нарушить Закон о бюджете. Просителю все равно куда идти — был бы результат. Не получалось в Белом доме — двигались в Кремль. Этот поток несколько схлынул лишь в 1998 году, когда молодой премьер С.Кириенко добился большей самостоятельности Правительства. Смысл большинства обращений — от сельского врача до министра обороны — сводился к одному: «Дайте денег!»

Всегда докладывались Президенту обращения премьера, вице-премьеров (они, впрочем, приходили редко), председателя ЦБ, руководителей зарубежных стран и международных финансовых организаций. Без задержек проходили документы спецслужб и Контрольного управления Президента. Именно так, кстати, началось разбирательство по фирме «Голден Ада». В начале августа 1995 года Контрольное управление Администрации адресовало Б.Ельцину доклад по ситуации в алмазно-бриллиантовом комплексе. После предварительного изучения он был отправлен Президенту с короткой запиской о сути дела. Надо признать, что на эту рутинную операцию понадобилось немало сил — чувствовалось, что кто-то давит на тормоза. Последовало поручение В.Черномырдину, и сразу же все завертелось.

Докладывать Президенту абсолютно все — просто невозможно физически. Разброс обращений простирался от строительства многоцелевых атомных подводных лодок до поездки детей из Рыбинска на экскурсию по

Волге. И это уже после отбора, сделанного управлением по работе с письмами! Большая часть обращений, естественно, переадресовывалась Правительству. Но это вовсе не было гонкой по кругу — получив копию письма в адрес Б.Ельцина с припиской кого-нибудь из помощников, правительственные чиновники старались внимательно вникать в ситуацию.

Очень важен был текст приписки. Ведь чиновники — народ чувствительный, хорошо понимающий разницу между фразой «прошу рассмотреть» и «прошу внимательно рассмотреть». По понятным причинам, в Администрации придерживались первой формулы и никогда не пользовались нажимными выражениями типа «прошу решить» и «прошу решить положительно».

Порой к Президенту обращались вице-премьеры и министры, жалуясь на работу Правительства или предлагая перевести свое ведомство в подчинение главе государства. То есть шли, минуя голову премьера, да к тому же «ябедничали». Это был верный способ лишиться поста. В.Черномырдин такую чехарду пресекал решительно.

В потоке бумаг встречались весьма любопытные. Можно упомянуть, например, предложения, касавшиеся концепции реформ или стратегии развития на длительную перспективу. С этим обращались депутаты, министры, губернаторы. Едва ли еще найдется страна, где, скажем, директор шахты пишет Президенту не о добыче угля, а о судьбах государства. Подобных обращений Б.Ельцин наверняка получал больше, чем Б.Клинтон.

Своеобразная корреспонденция приходила от международных аферистов. Обычно выдвигались финансовые схемы на миллиарды долларов. Хотели лишь одного — любую бумагу на бланке Администрации Президента, например, о том, что «предложение представляет интерес». Под такую бумагу доверчивые иностранцы были готовы отвалить стартовый капитал. Обычно «благодетель» проверялся (через спецслужбы), а потом бумага списывалась в архив.

Был случай, когда лоббист притащил в Администрацию обращение малоизвестной западной фирмы, сопроводив его личным письмом Президенту, настаивая, чтобы Правительству поручили привлечь эту контору к работе с долгами одной развивающейся страны. На запрос Администрации в СВР ответили: «Жулики». Оказалось, что фирма закрылась еще за полгода до этого послания. И никто из руководителей указанной европейской страны понятия о ней не имел.

Другой пример. Две зарубежные фирмы предлагали создать в России компанию «Президентский резерв», прислали даже программу и устав. Обещали, что этот «резерв» сможет привлекать в Россию инвестиции на 2 миллиарда долларов ежегодно. Проверка, однако, показала, что первая фирма поставляет запчасти к автомобилям, вторая торгует ширпотребом, и обе не внушают доверия.

В роли ходатаев по сомнительным бумагам выступали видные политики, руководители фракций Государственной Думы, губернаторы, ученые, высокопоставленные сотрудники президентской Администрации. Были среди них и известные демократы первой волны. Непонятно, во имя чего они рисковали своей репутацией: была ли это наивность, или преследовались меркантильные интересы.

Страсти по бюджету

Еще одним механизмом влияния Президента на экономическую ситуацию стали уже упоминавшиеся ежегодные послания Федеральному Собранию, в которых всегда присутствовал экономический раздел. Строился он на основе предложений Правительства. Получив материал из Белого дома, в дело вступала Администрация Президента. Первый вариант незамедлительно докладывался Б.Ельцину. Потом он еще не раз возвращался к тексту, порой приглашая сотрудников своего аппарата для обсуждения.

Во время одной из таких бесед Ельцин сказал: «Слишком длинно. Надо покороче». Вернувшись в рабочий особняк на улице Косыгина, разработчики послания устроили конкурс на лучшее решение этой президентской задачи. Победил самый грустный вариант: в экономической части предлагалось написать всего два слова — «денег нет». И короче не скажешь, и по сути правильно...

Каждый год приходилось решать одну и ту же проблему. С одной стороны, экономический раздел не мог быть чрезмерно детализирован: ведь тогда послание превратилось бы в план работы Правительства. С другой стороны, нельзя было обойтись общей постановкой задач — упрекнули бы в неконкретности. И упрекали, причем, честно говоря, по делу. В 1996 году Президент попробовал исправить этот «дефект», выпустив вслед за посланием памятную записку с планом решения проблемы неплатежей. Реакции Правительства, однако, не было. Б.Ельцин несколько раз переспрашивал В.Черномырдина о судьбе этой записки, но, не добившись вразумительного ответа, махнул рукой.

Поиск «золотой середины» обычно был мучительным. Последнее слово оставалось за Президентом. И без критики, разумеется, все же не обходилось. Каждый находил в послании свои, только ему заметные «дефекты». Скажем, Е.Гайдар обычно отмечал, что послание Президента либерально по сути, но не полностью, а Г.Зюганов почему-то считал, что послание — это сплошное цитирование программных документов КПРФ. И все это об одном и том же тексте!

Президент обычно выступал с посланиями в конце зимы или в самом начале весны. Сразу же обнаружилась проблема совмещения послания Федеральному Собранию с бюджетным процессом. К этому времени Закон о бюджете уже, как правило, вступал в силу. Получалось, что в экономическом разделе послания надо было либо описывать конструкцию уже принятого бюджета (тогда послание теряло свежесть), либо предлагать нечто новое (тогда пришлось бы менять бюджет).

Выходом из положения стало еще одно, бюджетное послание Президента. Было решено, что Б.Ельцин ежегодно, не позднее июня, будет направлять в Правительство «малое послание», как бы техническое задание по бюджету будущего года. Тем самым «малое послание» становилось не только основой работы Правительства над бюджетом, но и стержнем экономической части грядущего «большого послания». Президент согласился. Первое бюджетное послание появилось в 1995 году и с тех пор выпускалось каждый год.

90-е годы отчетливо показали, что качество бюджета — вопрос не экономики, а политики. Каждый год экономика требовала реальный (вы-

полнимый) бюджет с небольшим дефицитом, а лучше — без него. Каждый год именно такой проект появлялся в компьютере министра финансов. Каждый год, завершая процесс, Президент подписывал Закон о бюджете. И каждый год этот второй, настоящий бюджет существенно отличался от проекта в худшую сторону.

«Порча» бюджета начиналась еще в Правительстве. Как ни упирался Минфин, но полностью отбить все наскоки отраслевиков не удавалось. На заседании Правительства в проект вносились изменения, правда, не критические, поскольку за Минфин всегда вступался премьер. Однако руководители, считавшие, что им недодали денег, не успокаивались. «Бюджет одобрен, борьба продолжается» — таким был девиз отраслевых лоббистов. В Государственной Думе высаживался «десант», действовавший весьма напористо. Профильные комитеты получали инструкции. А потом, в ходе дискуссий с депутатами, министр финансов выслушивал аргументы, которые совсем недавно использовали его коллеги по Правительству.

Организовывалось «десантирование» и в Администрацию Президента. Ведь перед отправкой бюджета в Госдуму Правительство обязательно показывало проект Президенту, и лоббист еще мог успеть на уходящий поезд. Правда, большинство таких попыток в Администрации успешно отбивали, но знали, что Президент ревниво следит за тем, чтобы не обижали «силовиков» или бюджетников, а значит, бюджет приходилось еще раз подправлять. Поведение «десантников» всегда вызывало беспредельную ярость премьеров. «Поймаю — уволю» — эту фразу произносили все.

Конечно, механизм лоббирования бюджетных интересов изобретен не в России. Он существует везде, где работает демократическая бюджетная процедура. Везде отраслевики обижаются на Минфин. Везде ведомства норовят забрать побольше бюджетных денег, поскольку они — бесплатные и безвозвратные. Везде путешествие бюджета по парламенту — сюжет для триллера. Везде бюджету наносится ущерб. Но это как бы фоновый урон, своего рода плата за демократию. В России такая плата была гораздо выше.

Качество бюджета определяется соблюдением Правительством и парламентом общепринятых условий формирования бюджета и степенью их политической близости. В течение ряда лет в России предпочитали придерживаться своих доморощенных правил, а Правительство и Госдума политически были далеки друг от друга. Во многом поэтому России и не везло с бюджетами.

В других странах в бюджетном процессе правительства обычно выступают в роли транжиры, а парламенты — в роли скупердяя. Поскольку правительству всегда не хватает денег, депутаты как раз и призваны урезать непомерные аппетиты исполнительной власти. Такова многолетняя мировая традиция, таковы общепринятые правила формирования оптимального бюджета. Российская политическая формула 90-х годов (левый парламент + правое правительство) развернула ситуацию в обратную сторону. Началась игра по собственным правилам.

Подчиняясь «правому идейному рефлексу», Правительство старалось сэкономить, регулярно вносило жесткие бюджеты. Повинуясь «левому идейному рефлексу», депутаты столь же регулярно наращивали расходы,

подтягивали к ним мифические доходы и делали бюджеты нереальными. Содержательные аргументы не срабатывали, ибо перекрывались политическими мотивами — выполнением предвыборных (как правило, популистских) обещаний, желанием сохранить электорат, обязательствами перед структурами, спонсировавшими выборы, и т.д. Иными словами, не было ни нормальных правил, ни политической близости, а значит, и нормального бюджета.

Политическая формула оказалась прочной, как физический закон, и объехать ее никому не удавалось. Так продолжалось до конца 1998 года. Именно тогда произошло сближение идейно-политических установок Правительства и парламента. Формула изменилась: левый парламент + левоцентристское правительство. И это не замедлило сказаться на бюджете 1999 года, который можно назвать вполне приличным. Не пришлось даже менять правила игры. Такое случилось потому, что для депутатов политическая близость Правительства Е.Примакова оказалась гораздо важнее собственной принципиальности.

Из Охотного ряда бюджет отправлялся за угол, на Большую Дмитровку, — в Совет Федерации. Как правило, дискуссии там были необременительными: губернаторы успевали решить свои проблемы еще в стенах Госдумы.

Последней инстанцией был Президент. Поскольку вносить поправки было уже поздно, он мог либо отклонить, либо одобрить бюджет сомнительного качества. Но ни разу не использовал первый вариант. Ведь отклонение Закона о бюджете означало бы, что Президент ставит «неуд» не только Федеральному Собранию, но и Правительству, которое оказалось неспособным добиться нужного решения. А «неуд» — это политический кризис, чреватый отставкой Правительства. Ельцин берег этот свой ресурс для крайних случаев, под которыми понимал только ему ведомые обстоятельства. Плохой, нереальный бюджет явно не был для него таким обстоятельством.

Вот так и сваливался на экономику нереальный бюджет. Появлялся закон, нарушение которого было неизбежным. Возникали пустые финансовые обязательства государства, усиливался правовой нигилизм, причем волна этого процесса катилась дальше, по регионам. «Если им в Москве можно, то почему нам нельзя?» — оправдывались губернаторы, проводя дутые бюджеты через свои, как правило, левые областные думы. Более того, еще и набивали нереальные бюджеты налоговыми зачетами. Пару лет назад Бурятия, например, только 20% своих доходов брала деньгами, остальные — колбасой, стульями, векселями и т.п., а потом, естественно, посылала ходоков в Минфин за «живыми» деньгами.

Невыполненные обязательства порождали цепь неплатежей. В итоге страдало население, которому недодавали зарплату. Бюджетные ресурсы превращались в главный российский дефицит. А потому, как и в магазине советской поры, влиятельными персонами становились продавцы, то есть люди, причастные к распределению дефицитного бюджетного товара. Власть чиновников и в Центре, и на местах опасно разрасталась. Поскольку было ясно, что на всех денег все равно не хватит, появлялись платежи первоочередные и остальные, составлялись графики выплат (их приходилось утверждать самому Президенту), выстраивались очереди ходоков. И чинов-

ник решал — кому дать денег в первую очередь, кому — потом, а кого и вообще отправить ни с чем.

Казалось бы, лоббист, приложивший руку к этому беспорядку, тоже проигрывал. Но нет: первую задачу он уже решил — есть строка в расходах бюджета, а в строке проставлена заветная сумма, пусть и непомерно большая, мифическая. Оставалась вторая задача — извлечь часть этих денег. Надо было порыскать по кабинетам, попасть в график и обогнуть очередь. А еще убедить чиновника, чтобы не боялся открывать финансирование. Ведь цифры очень велики, а потому любой платеж будет для чиновника всего лишь исполнением Закона о бюджете. И лоббист, как правило, добивался своей цели. Беспорядок на самом деле был для него выгодным порядком, заранее спланированным еще до начала игры в плохой бюджет.

Что делало Правительство, получив на исполнение нереальный бюджет? Конечно, старалось подтянуть доходы. А если этих денег не хватало, реагировало острее — сокращением расходов, секвестром. Самый известный секвестр был в 1997 году. Тогда внесли закон и провели масштабное политическое мероприятие. Фактически же секвестр приходилось делать каждый год. Иногда постановлениями Правительства, а порой и без них, простым недофинансированием расходов. Но даже урезанный бюджет надо было еще суметь выполнить. Очень важно было оградить его от высокопоставленных чиновников, норовивших поучаствовать в дележе бюджетных денег.

К середине 90-х годов это давление стало невыносимым. Понадобился Указ № 226, подписанный Президентом в феврале 1995 года. Его проект готовился А.Лившицем и А.Чубайсом. Суть Указа такова: любые решения о перераспределении расходов бюджета могут приниматься только указами Президента на основании постановлений Правительства. После этого жизнь тех, кто собирался «умыкнуть» бюджетные деньги, существенно осложнялась. Требовалось сначала «согнуть» Правительство и добиться постановления, потом еще суметь перелезть через «стену президентского указа». В то же время указ нельзя было просто занести к Ельцину и подписать (а такое прежде бывало): обязательно требовалось постановление Правительства. Тем самым бюджет защищался как бы двумя линиями обороны. «Крайним», правда, оказывался Президент и его аппарат: правительственный чиновник всегда мог шепнуть могущественному лоббисту, что он — «хороший», готов дать деньги, но не может только потому, что «плохой» Кремль выступает против.

Сегодня Указ № 226 может вызвать недоумение — зачем он был нужен, когда есть Закон о бюджете, который непозволительно нарушать? Но тогда были другие времена, и в вольностях с бюджетными ресурсами многие не видели ничего предосудительного. Указ принимался как раз для того, чтобы через пять лет строгое выполнение Закона о бюджете стало обычной практикой.

«Коридор» реформ

Дефолт 17 августа 1998 года случился не вдруг. Его первым предвестником стал «черный вторник» 11 октября 1994 года. Основными причинами были плохой бюджет с большим дефицитом и сложившаяся в те годы порочная

практика решения бюджетных проблем с помощью кредитов ЦБ.В результате в банках скопилось немало пустых рублей, которые некуда было разместить. Эти деньги вывалились на валютный рынок. ЦБ отчаянно сопротивлялся, стараясь удержать курс, но только растратил резервы. Избыточная рублевая масса раздавила рынок и обрушила курс рубля.

Б.Ельцин был взбешен, энергия гнева требовала выхода. Его подсказали те, кому Президент в то время безоговорочно доверял. Да и как же не доверять тем, кто тебя охраняет. Эти люди воспользовались ситуацией, для того чтобы свести старые аппаратные и политические счеты. В итоге была создана специальная комиссия во главе с О.Лобовым. Начались выяснения политической подоплеки финансового кризиса, поиски враждебных банков-спекулянтов, «допросы» руководителей и т.п. В.Геращенко, понимая, видимо, предопределенность выводов комиссии, отбивался неохотно. В ответ на все упреки лишь мрачно сказал: «Резервов жалко», и замолчал. «Следователи» приходили и к помощнику Президента по экономическим вопросам. Потребовали доказать, предупреждал ли он Ельцина о грозящей опасности. Оказалось, предупреждал. Толку-то...

В конце концов сняли с работы В.Геращенко, С.Дубинина, а потом и А.Шохина. За В.Геращенко заступился президент Ассоциации российских банков С.Егоров. Поддержали его и в группе помощников Президента, но это не помогло.

Сделать же надо было два принципиальных шага: создать политический механизм, позволявший принимать реальные бюджеты с небольшим дефицитом; и, отказавшись от кредитов ЦБ, Правительство должно было перейти на разумные заимствования на финансовом рынке. Первый шаг так и не сделали. Второй — только наполовину, поскольку заимствования большей частью были неразумными.

К началу 1995 года для всех, кто занимался экономической политикой, стало очевидно, что сохранение высокой инфляции блокирует реформы и начало экономического роста. Достижение финансовой стабилизации стало абсолютной необходимостью. После долгих дискуссий решили создать три основных стабилизатора — реальный бюджет с небольшим дефицитом; покрытие дефицита без помощи ЦБ, исключительно путем размещения долговых обязательств Правительства на рынке; стабильный валютный курс. Для решения последней задачи был введен валютный коридор. Его целью было — снизить инфляционные ожидания и сделать устойчивым валютный рынок; создать стабильную среду для экспортеров и импортеров; повысить доверие к экономической политике.

На совещании 5 июля 1995 года под председательством Б.Ельцина (с участием В.Черномырдина, А.Чубайса, Т.Парамоновой, В.Панскова, Е.Ясина, В.Илюшина и А.Лившица) руководители Правительства и ЦБ предложили ввести коридор колебаний курса доллара от 4400 до 4900 рублей за доллар на срок с 6 июля до 1 октября 1995 года. То есть коридор был как бы экспериментальным — всего на три месяца. ЦБ, координируя свои действия с Минфином, должен был удерживать курс в этих границах, а также регулировать его внутри коридора, не допуская резких колебаний.

МВФ в целом поддержал эту идею, высказав, правда, сомнения по поводу нижней границы коридора. Он предложил 4200 рублей вместо

4400 рублей. Резоны были: если курс рубля выйдет за нижнюю границу, то ЦБ придется «заталкивать» его обратно в коридор. А сделать это можно только покупкой долларов за рубли, что было чревато усилением инфляции. Президенту все это было известно заранее. Мало кто знал, но тогда он по-настоящему увлекся темой валютного рынка и хорошо в ней разобрался. На упомянутом совещании Ельцина, как всегда, больше всего интересовала политическая психология — насколько В.Черномырдин и Т.Парамонова уверены в способности удержать коридор. Получив ожидаемые заверения, он начал дискуссию и обнаружил такое знание всех деталей новой валютной политики, что участники совещания были просто поражены. Удовлетворившись достигнутым эффектом, Президент заявил: «Не 4200 и не 4400, а 4300».

Президента предупреждали, что в конструкции коридора есть слабые места. В частности, небольшой срок действия коридора вряд ли мог надежно погасить инфляционные ожидания. Реакцию участников рынка предугадать было несложно: «Если революция в валютной политике рассчитана только на три месяца, то, значит, власти не уверены в себе, и с октября инфляция может снова возрасти». Но главное сомнение было иным. Положительный результат достигался только в том случае, если все три стабилизатора сработают одновременно. Если же хотя бы один откажет, то можно было получить не положительный, а отрицательный результат. А ведь важнейший стабилизатор (реальный бюджет с небольшим дефицитом) зависел не от Правительства и не от ЦБ.И даже не от Президента. Он зависел от состава Госдумы, которая должна была избираться в конце 1995 года. В Правительстве уверяли, что ситуация контролируется и проправительственные депутаты во главе с НДР обеспечат принятие нужных бюджетов. Увы, вышло по-другому.

Объявление о введении коридора именно 5 июля преследовало еще одну цель. Дело в том, что как раз в этот день предстояло голосование в Госдуме по кандидатуре Т.Парамоновой на пост председателя ЦБ.Планировалось, что она появится в Охотном ряду уже в роли творца политики валютного коридора. Заодно хотели подстраховаться от дестабилизации валютного рынка, в случае если депутаты все-таки ее провалят. Именно последнее, к сожалению, и случилось. Причина отрицательного голосования была не в коридоре, а в «левой» политике Думы, в стремлении левых досадить «режиму».

24 августа на совещании в Кремле в том же составе приняли решение продлить валютный коридор до 31 декабря 1995 года. К этому моменту уже имелся небольшой опыт, включавший и серьезные отрицательные стороны. Поэтому, поддерживая продление коридора, в Администрации Президента твердо настаивали на разработке реального бюджета и принятии конкретных мер по поддержке экспорта — отмене экспортных пошлин, жестком контроле над тарифами на электроэнергию, разработке и обеспечении финансированием программы стимулирования экспорта. В противном случае грозила опасность истощения валютных резервов ЦБ. Этого не было сделано. Через три года в России грянул обвал рубля.

Глава 4

Верховный Главнокомандующий

(1991 — 1997)

Совет безопасности: все как у людей

Став единоличным лидером огромной ядерной державы, Ельцин не до конца понимал, а в первые дни и вообще не обращал внимания на то, что он еще и Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами. Чего стоит один жест, когда он не пожелал прийти на встречу с Горбачевым вечером 25 декабря 1991 года, чтобы лично принять «ядерный чемоданчик».

Между тем положение в Вооруженных Силах было неясным и весьма напряженным. Свидетельством тому стало Всеармейское офицерское собрание, которое состоялось в Государственном Кремлевском дворце в январе 1992 года.

На собрании обсуждалось будущее Вооруженных Сил после распада СССР. В совещании наряду с министром обороны Е.Шапошниковым принимали участие Б.Ельцин, лидеры Казахстана и Киргизии Н.Назарбаев и А.Акаев, остававшиеся в Москве после закончившейся накануне встречи глав государств СНГ.

Зал, рассчитанный на четыре с лишним тысячи человек, был полон, делегаты съехались со всех концов бывшего Союза. Выступавшие офицеры говорили в предельно жестком тоне и очень эмоционально. Они требовали сохранить единую армию, не допустить ее развала или резкого сокращения. Обвинения в предательстве интересов военных звучали в адрес Е.Шапошникова. В знак протеста министр обороны заявил, что готов подать в отставку, и покинул зал. Б.Ельцин, понимая, что от его выступления зависит многое, заметно нервничал, оттягивал выход на трибуну, время от времени делал какие-то заметки в заранее приготовленном тексте, иногда выходя из зала.

После обеденного перерыва собрание покинули Н.Назарбаев, А.Акаев. Российский Президент остался один на один с эмоционально накаленной аудиторией и взял слово. Он начал с того, что сразу жестко обозначил позицию России — за Объединенные вооруженные силы. Было заявлено, что Россия и Казахстан против раздела «единого армейского организма». Более того, Ельцин высказался за то, чтобы Россия взяла под свою юрисдикцию все войска, находившиеся за пределами СНГ, с одновременным предложением начать переговоры об их судьбе.

Как известно, жизнь распорядилась иначе. Каждая из стран СНГ создала собственные вооруженные силы. Но тогда это заявление оказалось важным.

Б.Ельцин сообщил о том, что по договоренности глав государств Содружества «ядерная кнопка» находится у Президента России и Главнокомандующего Объединенными вооруженными силами. Он проинформировал зал, что лидеры СНГ высказались за объединенные стратегические вооруженные силы с единым командованием.

Б.Ельцин объявил также о том, что главами государств СНГ подписан протокол о военно-морской символике. В те дни это имело особое значение. Через несколько недель после распада СССР статус кораблей и судов оставался неопределенным. Флот находился вне защиты международного права. Руководители стран Содружества подтвердили, что военно-морской флот вошел в состав Объединенных стратегических сил. Судьба части сил Черноморского флота и части кораблей Каспийской флотилии будет решаться отдельно между Россией и Украиной и Россией и Азербайджаном.

Главы государств подтвердили, что новую присягу будут давать только призывники. Офицеры семи государств, давшие единожды присягу, вторично присягать не будут (кроме Украины, Белоруссии, Азербайджана и Молдавии).

Учитывая настроения и собрания, и армии в целом, Б.Ельцин много говорил о социальной защите военнослужащих, о том, что в России в связи с либерализацией цен вводится индексация денежного довольствия военнослужащих.

Выступление Б.Ельцина несколько разрядило обстановку в зале, хотя и не развеяло тревоги военных.

Больше такие офицерские собрания не проводились. Министр обороны издал приказ, в соответствии с которым офицеры, участвующие в них, подлежали увольнению. В дальнейшем в таких мероприятиях участвовали в основном отставники, и они не имели большого резонанса.

7 мая 1992 года указом Ельцина было объявлено, что он вступил в должность Верховного Главнокомандующего вооруженными силами Российской Федерации. До этого времени Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР (именно такое название он сохранял) по указанию Президента России разрабатывал структуру Объединенных вооруженных сил СНГ, однако создать единое военно-стратегическое пространство Содружества не удалось.

Функции Верховного Главнокомандующего Ельцин поначалу не отделял от полномочий Президента и реализовывал преимущественно через кадровую политику. Впрочем, и ее осуществлять было не просто: военных, которым Ельцин мог безоговорочно доверять, оказалось немного. 18 мая 1992 года Президент назначил министром обороны России П.Грачева.

Созданный в июне 1992 года Совет безопасности (СБ) не был похож на Совет безопасности, действовавший при Президенте СССР М.С.Горбачеве, а строился скорее по модели Совета национальной безопасности (СНБ) США.

В сферу деятельности Совета безопасности РФ сначала вошли общие вопросы внешней и внутренней политики, имеющие отношение к обеспечению безопасности и суверенитета государства. Как и в США, ядром СБ стали постоянные члены: Президент (председатель СБ), вице-президент, первый заместитель Председателя Верховного Совета, премьер-министр и Секретарь СБ. В работе СБ могли также принимать участие руководители других ведомств (в том случае, если рассматриваемые вопросы имели отношение к сфере их компетенции).

В 1992—1993 годах Б.Ельцин еще не был готов к осознанному и планомерному использованию такой специальной структуры, которая да-

вала бы ему необходимые консультации и осуществляла координацию ведомств в интересах обеспечения безопасности страны. Поэтому СБ появился на политической сцене просто как еще один бюрократический игрок, поначалу не слишком влиятельный и совсем небольшой по численности. Секретарем СБ был Юрий Владимирович Скоков, который до этого работал первым заместителем Председателя Совета Министров РСФСР (1990—1991 гг.), экономическим советником Президента России, государственным советником РСФСР по вопросам безопасности (1991 г.). Скоков совмещал должности Секретаря Совета безопасности и Секретаря Совета глав республик Российской Федерации. Это во многом определило доминирующее направление деятельности СБ — федерализм, трактуемый, правда, весьма специфически. Другой важнейшей сферой приложения сил стала «оборонка», и здесь пригодились личные связи Скокова — выходца из военно-промышленного комплекса.

Заниматься приходилось также вопросами планирования внешней политики. В декабре 1992 года указом Ельцина была создана Межведомственная внешнеполитическая комиссия Совета безопасности России, которую также возглавил Скоков. Уже весной 1993 года появились Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации — первый документ, прошедший процедуру согласования и утверждения в рамках нового создаваемого механизма подготовки и принятия внешнеполитических решений. Документ получил одобрение Межведомственной внешнеполитической комиссии и был утвержден на заседании Совета безопасности.

Скоков рассматривал Совет безопасности в перспективе как структуру с широкими полномочиями. За что его нередко обвиняли в стремлении превратить СБ в некое «второе правительство». Немалый опыт Скокова государственной работы теоретически не исключал такой возможности, что побудило некоторых членов Правительства добиваться, чтобы «Секретарь Совбеза» был просто высокопоставленным чиновником, а не публичной политической фигурой с властными полномочиями.

После событий марта 1993 года, когда, как уже упоминалось, Скоков не поддержал Президента, следующим кандидатом на этот пост стал маршал Евгений Иванович Шапошников — до этого главнокомандующий Объединенными вооруженными силами СНГ. К нему Ельцин относился хорошо, но стремился к тому, чтобы министром обороны был безоговорочно преданный человек, каким стал Павел Сергеевич Грачев, первый заместитель министра обороны. Другой первый заместитель министра обороны Андрей Афанасьевич Кокошин, академический ученый, много занимавшийся вопросами обороны (он возглавлял отдел военно-политических исследований Института США и Канады, работал в различных правительственных и межведомственных комиссиях по оборонно-промышленным вопросам), 17 апреля 1992 года стал первым за этот период гражданским лицом в военном руководстве. Он был назначен на должность по рекомендации демократического президентского окружения, желавшего большего — гражданского министра обороны. А.Кокошину Ельцин доверял и нередко принимал его в своем кабинете в Кремле наравне с министром обороны.

Шапошникову, после того как он уступил пост министра Грачеву, была предложена должность секретаря Совета безопасности, и несколько дней он исполнял эти обязанности. Его кандидатура свидетельствовала о том, что Президент избрал некий средний вариант между публичным политиком и малоизвестным функционером. Шапошников был в гораздо меньшей степени политик, чем его предшественник. Назначение кадрового военного создавало перспективу переориентации Совета безопасности на вопросы военного строительства.

В свое время назначение на пост министра обороны СССР Д.Ф.Устинова нарушило баланс, сложившийся между создателями вооружений и заказчиком — Министерством обороны. Многолетний руководитель оборонной промышленности, он стал главой ведомства — главного потребителя ее продукции. Приход Шапошникова в СБ мог привести к зеркально симметричным изменениям в расстановке сил в военно-промышленном комплексе. Вероятность этого была тем более высока, что российский СБ еще не успел занять свою нишу в системе принятия военно-политических решений, и развитие событий в тот год могло пойти по разным траекториям.

Маршал Шапошников не стал дожидаться своего утверждения Верховным Советом на пост Секретаря Совета безопасности (что в условиях противостояния Президента и Верховного Совета было делом непростым). Разобравшись в реальной обстановке, он отказался от должности Секретаря Совета безопасности, а затем последовательно от нескольких вакансий посла. Ельцин, который никому не спускал подобных вещей, тем не менее легко согласился создать для него специальную должность представителя Президента в ГК «Росвооружение». Впоследствии Шапошников стал помощником Президента и остался им даже после ликвидации Службы помощников. Если первым по времени помощником Президента стал Л.Суханов, то Е.Шапошников по праву может считаться последним из них.

18 сентября 1993 года (за три дня до появления Указа № 1400) Секретарем СБ был назначен Олег Иванович Лобов, давнее доверенное лицо Ельцина. Сделанный выбор, как мы уже говорили, позволил Президенту обеспечить лояльность руководителя СБ. Но проблемы остались. В первую очередь нужно упомянуть то, что главой аппарата СБ опять оказался «хозяйственник». Между тем обеспечивать деятельность Президента в сфере безопасности — совершенно особый вид работы.

Эволюция Совбеза в направлении экономической безопасности по сути означала отход от первоначально намеченных концептуальных положений. Кроме того, СБ стал рассматриваться Правительством как конкурент в планировании экономической политики.

Постепенно аппарат СБ многократно вырос, включил в себя не только управления, но и многочисленные межведомственные комиссии и стал напоминать академический институт, готовящий солидные документы, которые трудно, однако, применять на практике. Напротив, собственно Совет безопасности становился органом, «подпирающим» Президента при принятии ответственных решений, особенно чреватых опасными и негативными последствиями. Только когда Николай Николаевич Бордюжа стал совмещать должности Секретаря Совета безопасности и руководителя Ад-

министрации Президента, аппарат СБ в значительной степени переориентировался на подготовку оперативных документов для Президента (Служба помощников к тому времени была ликвидирована). В дальнейшем аппарат СБ заменил Службу помощников и в качестве главного конкурента Администрации Президента.

«Я ОБЛАДАЮ АБСОЛЮТНО ПОЛНОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ»

Первыми шагами Ельцина-Главнокомандующего стали инициативы о ненацеливании ракет («нулевом» полетном задании) и т.п., сделанные без предварительной проработки специалистами. Подобные инициативы сопровождали весь период его президентства и доставляли немалую головную боль официальным должностным лицам, которым необходимо было придавать этим инициативам разумную интерпретацию.

Он очень болезненно относился к любому вторжению (даже совет или рекомендацию считал вторжением) в сферу обороны и безопасности. Однажды, в 1993 году, тогда еще помощник по правовым вопросам Ю.Батурин, которому приходилось рассматривать юридическую сторону документов, в том числе по линии Минобороны, посоветовал ему посетить части Ракетных войск стратегического назначения, военно-космических сил и противоракетной обороны под Москвой, приведя ряд аргументов. «Вы ничего не понимаете, — резко ответил Ельцин. — Я обладаю абсолютно полной информацией. Никакой необходимости посещения их Президентом нет».

Возможно, зная плачевное состояние Вооруженных Сил, долги государства, настроения командного состава, он просто оттягивал момент прямого контакта с этим проблемным комплексом. Впрочем, Президент нередко и пересматривал свое ошибочное мнение. Обычно он в таких случаях не извинялся, но публично поддерживал ранее отвергнутую им точку зрения, не называя имен. Так и в тот раз, через месяц, на одном из крупных совещаний он, глядя на своего помощника, воспроизвел от себя его аргументацию и поручил подготовить ряд посещений воинских частей. Такова была форма признания им своей неправоты.

В одной из глав книги отмечалось, что в конце лета 1993 года Ельцин не исключал варианта «лобового» разрешения конфликта с Верховным Советом, что потребовало более тесной работы с «силовиками». Он очень внимательно изучал поступающую информацию по силовым ведомствам, и эти справки не могли не озадачивать.

Вот, например, что говорилось в записке «Армия Российской Федерации в переходный период. Возможные проблемы и их решения», подготовленной Главным управлением охраны несколько позже, в октябре 1993 года*:

«...Лишь немногие подразделения Вооруженных Сил монолитно и слаженно, возглавляемые отдельными высшими командирами, сразу, однозначно и бесповоротно приняли в момент попытки государственного переворота сторону Президента...

* Пунктуация и стилистика оригинала сохранены.

...Сразу после начала вооруженных действий в высшем командном составе ВС начался мыслительный процесс (так в документе. — *Авт.),* основной целью которого было непременное желание не проиграть, делая ставку на ту или другую сторону. Все потенциальные решения продумывались с точки зрения возможного результата противоборства между парламентом и Президентом и нейтралитет был в данном случае тем спасительным кругом, который давал возможность дальнейшего безбедного существования в случае любого исхода событий.

...Многие из руководителей армии действительно являются преданными Президенту людьми и останутся верными ему до конца. Но таких офицеров, к сожалению, в высшем командном составе сейчас меньшинство, а оставшееся большинство, в душе не поддерживающее Президента, сейчас вынуждено будет менять тактику своего поведения и подстраиваться под новые условия, чтобы по-прежнему сидеть в своих креслах и ждать новых, возможно более приятных времен.

...За счет внимательного отношения к армии можно будет существенно расширить спектр ее деятельности и привлекать воинские подразделения для поддержания порядка в криминогенных областях РФ, помощи гражданскому населению в зонах национальных конфликтов и стихийных бедствий, использовать ее в борьбе с преступностью и терроризмом.

...Необходима срочная кадровая реформа и срочная реорганизация.

...Действия по "чистке" высших руководителей необходимо провести не только в армии, но и в МБ (Министерстве безопасности. — *Авт.),* и других подразделениях, имеющих отношение к обороне государства, стратегическим пунктам управления страной и другим важнейшим государственным объектам».

В Вооруженных Силах руководство осталось на местах, но министру обороны был дан карт-бланш на кадровые перемены.

Особая сфера — работа со спецслужбами. О своих сложных отношениях с органами госбезопасности Президент не забывал никогда. В 1995 году, выступая на встрече с руководящим составом МИДа, он неожиданно отвлекся и резко сказал: «Когда за мной сильно следили, то следили из вашего здания. Были там две комнаты, были две лазерные установки. Они были направлены на Белый дом, прямо на мой кабинет. И прослушивали каждый шепот, потому что лазерный луч возбуждает все подслушивающие устройства, они сильно усиливаются. Это когда я был Председателем Верховного Совета, как бы был в оппозиции, и тогда шла такая борьба. Вы там помогали».

И потом, без всякой паузы и перехода, продолжил разговор: «Десять миллиардов рублей выделяется на приобретение Министерством иностранных дел квартир для очередников...»

Может показаться странным, но начинал Б.Ельцин с объединения Межреспубликанской службы безопасности, Агентства федеральной безопасности России, Министерств внутренних дел СССР и России. Указ о создании объединенного Министерства безопасности и внутренних дел (МБВД) РСФСР был им подписан 19 декабря 1991 года, накануне Дня че-

киста*. Министром стал Виктор Павлович Баранников, прошедший в МВД все ступени — от первой до самой верхней. Президент его любил и очень доверял. Позже, в канун октябрьского путча, Борис Николаевич долго не мог поверить, что Баранников переметнулся на сторону его противников, и даже прослезился, когда был вынужден подписать указ о его увольнении.

Менее чем через месяц, 14 января 1992 года, когда Конституционный Суд признал неконституционным Указ о создании МБВД, Президент России немедленно создал Министерство безопасности (МБ) во главе с В.Баранниковым, которое просуществовало менее двух лет. Недовольный позицией госбезопасности в октябрьских событиях, Ельцин вновь дождался Дня чекиста и, на этот раз днем позже, упразднил это министерство, создав вместо него Федеральную службу контрразведки (ФСК) и назначив в ней широкомасштабную аттестацию кадров, по сути — чистку.

Была создана аттестационная комиссия, в которую вошли директор ФСК Н.М.Голушко, его первый заместитель С.В.Степашин, представители высшего руководства службы. Б.Ельцин также ввел в комиссию своего помощника Ю.Батурина и представителя Службы безопасности Президента. Предложил он войти в нее и правозащитнику С.А.Ковалеву, тот согласился. Поскольку четких критериев Президент не давал, пришлось их вырабатывать самим членам комиссии. Так, Ковалев больше смотрел, есть ли в послужном списке работа «по диссидентам», представитель Службы безопасности интересовался позицией сотрудника осенью 93-го, другие — старались учитывать профессионализм.

Сложность состояла в том, что не прошедшие аттестацию выводились за штат. Для спецслужбы такое положение в течение длительного времени было равносильно параличу. Поэтому заседания комиссии проходили каждый день, на них вызывались и руководители всех региональных управлений. При всем напряженном графике только к весне 1994 года удалось завершить эту работу.

Но вернемся немного назад. На столе у Ельцина еще с ноября 1993 года лежало Положение о Министерстве безопасности с запиской помощника по правовым вопросам. В ней содержался ряд замечаний, обращалось внимание Президента на два-три важных места и делался вывод, что Положение о МБ готово для утверждения. Ельцин не подписывал, обдумывая свои планы. Прошло больше месяца. После указа, расформировавшего Министерство безопасности, Н.Голушко и его первый заместитель С.Степашин представили переработанное Положение, теперь о ФСК. Заключение помощника вновь было положительным. 6 января 1994 года Голушко и Степашин на продолжительной аудиенции у Президента подписали Положение о ФСК.

Едва они успели выйти из кабинета Ельцина, на столе у Ю.Батурина зазвонил телефон прямой связи с Президентом. Ельцин без предисловий, лишь поздоровавшись, сказал: «Мне нужен помощник по национальной безопасности, и я хочу, чтобы этим помощником стали вы. Ответ дайте прямо сейчас». Получив согласие, Ельцин нажал еще пару кнопок прямой связи, и через двадцать минут появился на свет указ о помощнике по национальной безопасности.

* Этот профессиональный праздник под названием «День работника органов безопасности Российской Федерации» отмечается 20 декабря.

Почему вообще такой вопрос возник? Дело в том, что громоздкий аппарат Совета безопасности не мог оперативно обеспечивать рутинную, каждодневную деятельность Президента в сфере обороны и безопасности, при том что проблемы лавинообразно нарастали.

Обратимся к документам. В другой записке Главного управления охраны «Предложения по реорганизации структуры управления высших органов государственной власти», подготовленной в конце 1993 года, говорится:

«...Необходимо коренным образом изменить структуру государственного управления страной и реорганизовать такие высшие органы, как Администрация Президента, МБ, МО, СБ и другие подобные структуры.

...В целях достижения более эффективных результатов в работе Администрации было бы целесообразно реформировать структуру аппарата помощников и советников, руководствуясь принципами достижения четкой вертикальной управляемости и контроля по всем ключевым вопросам функционирования государства. Для этого необходимо сформировать новую структуру аппарата помощников и советников Президента по следующим направлениям:

— Экономические проблемы и финансовая политика.
— Вопросы внутренней безопасности.
— Вопросы внешней безопасности.
— Социальные проблемы.
— Политические вопросы.
— Государственное управление.
— Экономические проблемы и здравоохранение.
— Вопросы образования.
— Национальные и территориальные вопросы».

Собственно, эта структура впоследствии была в той или иной степени реализована. Планировалось иметь двух помощников по проблемам безопасности, видимо, предлагались и кандидатуры. Но Ельцин, как уже говорилось, с большим недоверием относившийся к советам в сфере своих исключительных прерогатив, решил поступить по-своему.

Во время визита в Америку в 1989 году ему довелось довольно подробно поговорить с помощником Президента США по национальной безопасности Брентом Скоукрофтом. Разговор запомнился, и он нередко цитировал его в беседах в Кремле. Поэтому решил, что два помощника — слишком много, тем более что есть еще и Секретарь Совета безопасности. Кандидатуру Ельцин тоже решил выбрать сам, причем не из военных. Разговор о ФСК напомнил ему о Ю.Батурине, и раньше дававшем рекомендации по Вооруженным Силам. Кроме того, уровень доверия к нему вырос после сентябрьско-октябрьского противостояния властей, когда Президент имел возможность проверить лояльность и компетентность ряда своих помощников в экстремальной ситуации.

Но почему такая сверхсрочность? Б.Ельцин понимал, что если вопрос о назначении будет проходить обычным порядком, его, скорее всего, переубедят, а следовательно, придется согласиться с навязанными кандидатурами.

Через несколько дней Ельцин вызвал на беседу Ю.Батурина и определил направления, по которым тому надлежало работать, и, как бы прогнозируя реакцию силовиков, завершил разговор следующим образом: «Действуйте. Но пока не надо выходить непосредственно на министра обороны, министра внутренних дел и министра иностранных дел. Я скажу когда». Такая команда поступила только через несколько месяцев. Во время той же беседы Президент дал указание создать для помощника по национальной безопасности небольшой исполнительский аппарат — 15 сотрудников.

С этого момента, если не считать американизированного термина «национальная безопасность», пути российской модели и американского образца окончательно разошлись. В США помощник Президента по национальной безопасности одновременно является Секретарем Совета национальной безопасности. В России помощник по национальной безопасности занимался текущими делами — от важнейших документов по силовым структурам до поздравлений Президента военнослужащим по случаю праздника. Совет безопасности готовил крупные аналитические разработки, стратегические проекты и предлагал их Ельцину.

Постепенно Президент охватывал все больший круг военных проблем.

В 1994 году Б.Ельцин заинтересовался вопросами военно-технического сотрудничества с зарубежными странами. Россия, отказавшаяся от советских подходов в этой области, перестала снабжать оружием и военной техникой «идеологически близкие» страны, чем занимался СССР зачастую вопреки своим экономическим интересам. В то же время для поддержания военно-промышленного комплекса невозможно было довольствоваться скудными государственными заказами. Требовался выход на международную арену. Причем выход не новичка, пробивающего себе дорогу, а страны, уверенной в своем интеллектуальном потенциале.

Россия на рынке вооружений имела все возможности, чтобы стать одним из ведущих продавцов. Вот почему Президент решил выделить эту сферу и самостоятельно опекать ее. В этих целях помощником Президента по вопросам военно-технического сотрудничества в 1994 году был назначен его двойной тезка Борис Николаевич Кузык. Завоеванием новых рынков сбыта военной техники и вооружений, расширением старых Россия во многом обязана незаметной, но профессиональной работе нового помощника Президента. Его деятельность и особенно ее результаты нередко вызывали раздражение у лидеров стран — традиционных продавцов оружия.

Надо отметить, что, несмотря на закрытый характер той сферы, которой занимался Б.Кузык, он органично вписался в команду президентских помощников. Хотя его редко можно было встретить в Кремле (в основном он находился в командировках), Кузык не сторонился внутриполитических проблем, и по его суждениям можно было понять, что в целом он разделяет позиции, доминировавшие в Службе помощников.

11 марта 1994 года Президент РФ образовал своим распоряжением Комиссию по высшим воинским должностям, высшим воинским и выс-

шим специальным званиям. Председателем комиссии назначил помощника по национальной безопасности. Основной задачей Комиссии было названо обеспечение реализации конституционных полномочий Президента по вопросам военной службы, а также военной кадровой политики в области обороны и безопасности и правоохранительной деятельности.

Комиссия упорядочила назначения на высшие воинские должности и присвоение генеральских званий. Подготовив единый перечень воинских должностей, Комиссия начала борьбу за снижение общей численности генералитета, увеличившегося за последние два бурных года (1992-й и 1993-й) неимоверно. И кое-что удалось сделать. Так, если в 1992 году в России по всем ведомствам было 3159 генеральских должности, то в 1996 году их число удалось снизить до 2865.

Естественно, Комиссия была серьезным кадровым рычагом и не могла не вызвать противодействия. Неоднократно ее пытались отобрать у Ю.Батурина. И в конце концов это удалось. 18 июня 1996 года Секретарем Совета безопасности РФ и помощником Президента РФ по национальной безопасности был назначен А.И.Лебедь, а еще через неделю своим распоряжением Президент сделал его председателем Комиссии. Одновременно Батурин был исключен из ее состава в компании... с Барсуковым, Коржаковым и Лобовым. И это при том, что трех недель не прошло, как Ельцин переутвердил состав Комиссии и ее председателя. Но дистанция от 7 июня до 25 июня измерялась не 18 днями. Это была дистанция в 9 дней до первого тура выборов и в 9 дней после него.

Однако кадровая политика в военной сфере представляет собой чрезвычайно сложную систему интересов, столкновения которых постоянно создают серьезные политические проблемы. «Искрить» стало довольно быстро и настолько сильно, что уже 9 сентября 1996 года Ельцин дает поручение подготовить проект распоряжения о назначении председателем Комиссии Ю.Батурина — Секретаря Совета обороны, помощника Президента. Поручение дается В.Черномырдину и А.Лебедю.

Через два дня генерал пишет Ельцину большое письмо. Изложив свою точку зрения на поручение Президента, он резюмировал: «Решение о назначении в очередной раз на пост председателя Ю.М.Батурина (при всем моем уважении) будет означать возврат к прежним, неприемлемым сегодня методам в работе с кадрами».

И тут Лебедь допускает непростительную оплошность. Вместо того чтобы на этом поставить точку, добавляет еще три строчки на совсем другую тему: «Согласно утвержденного Вами плана заседаний Совета безопасности и исходя из важности включенных в него вопросов, прошу поручить В.С.Черномырдину проводить заседания Совета безопасности во время Вашего отпуска».

Ельцин не мог не использовать такую возможность для многократно отработанных своих резолюций — одноходовых. Он начертал: «В.С.Черномырдин будет проводить СБ в узком составе. Б.Ельцин 16.IX.96 г.» О Комиссии ни слова.

Лебедь понимает ошибку и пишет еще одно, очень короткое письмо Ельцину, предлагая включить Ю.Батурина в состав Комиссии в качестве заместителя председателя.

Но Ельцин решения не поменял и 2 октября подписал указ.

Подковерная борьба завершилась тем, что менее чем через полгода, 10 марта 1997 года, Комиссия была упразднена. За три года она рассмотрела 6209 представлений. Отныне эта работа велась без руководителей ведомств, в тиши начальственных кабинетов на Старой площади.

«...Я ТОЖЕ КОЕ-ЧТО ПОНЯЛ»

Привычки Б.Ельцина как высокопоставленного управленца времен «зрелого социализма» проявлялись в его практике влияния на силовые структуры. Президентский арсенал содержал регулярные посещения военных частей, штабов, силовых ведомств; встречи с «личным составом» и высшим руководством, совместные трапезы. Сознавая важность «мускулов государства», понимая определенную зависимость от них, Президент стремился стать своим для армии и спецслужб, постоянно старался держать все под контролем, приучать к себе как к «заботливому отцу», готовому и наказать, и приласкать. Эти встречи использовались одновременно как метод формирования политики: на них формулировались проблемы и ставились новые задачи.

27 апреля 1994 года Ельцин приехал в штаб-квартиру Службы внешней разведки в Ясенево. Это был не первый его визит, он побывал там в 1992 году при назначении Е.М.Примакова. Вот как описывает это в своей книге сам Евгений Максимович:

«Причину приезда узнали не заранее, а от самого Ельцина. Повторив, что он не имеет никаких оснований для недоверия, даже заметив, что "Примаков — один из немногих в политбюро, которые не делали мне гадостей"», Ельцин сказал: "Вы, разведчики, — смелые люди, поэтому я жду откровенных оценок вашего руководителя".

Выступило 12 человек, и все без исключения в пользу моего назначения директором СВР. Борис Николаевич достал из кожаной папки и тут же подписал указ, добавив: "У меня был заготовлен указ и на другого человека, но теперь его фамилии я не назову".

Провожая Президента, в лифте я сказал:

— Вы сняли огромный груз с моих плеч, назначив меня через такую процедуру.

— А я тоже кое-что понял, — ответил Ельцин»*.

На этот раз, в 1994 году, планировалась более продолжительная встреча.

В 10 часов 55 минут лимузин Президента подкатил к корпусу, у которого Ельцина встретил директор СВР Примаков и несколько высших сотрудников. После обмена приветствиями Президент в сопровождении директора направился в конференц-зал. По команде Примакова — «товарищи офицеры» — зал встал. Ельцин поднялся в президиум и только после этого скомандовал: «Товарищи офицеры, вольно». Разведчики стали усаживаться поудобнее, готовясь выслушать Президента. После краткого вступительно-

* **Примаков Е.** Годы в большой политике. М., 1999. С.106.

го слова Примакова на трибуну вышел Ельцин. Оглядев почти полтысячи устремленных на него внимательных лиц, он начал:

«Уважаемые участники совещания! Со времени нашей последней встречи (она, правда, была не в таком составе) прошло чуть больше двух лет. Этот срок был чрезвычайно насыщен событиями, которые круто изменили облик страны.

...Следует признать, что политические события последних лет не могли не отразиться на вашем ведомстве. Оно понесло определенные потери. Не были востребованы в полной мере и его интеллектуальные ресурсы.

...Служба внешней разведки непосредственно подчиняется Президенту. Высшее предназначение Службы внешней разведки — служить национально-государственным интересам России. Мы будем ее укреплять и повышать авторитет тех, кто в ней работает. Это не только принципиальное мнение Президента. Это — моя политика.

Прежде всего хочу договориться с вами по следующему вопросу. Нам вместе надо как можно скорее покончить с синдромом ненужности разведки. Это вредное заблуждение гуляет в ваших стенах и не только мешает работать, но и наносит прямой ущерб стране.

...У руководства страны четкое и однозначное мнение: в условиях, когда сокращаются военные бюджеты, разведданные становятся важнейшей гарантией безопасности...»

Почти час Ельцин говорил о проблемах, которые, по его мнению, снижают эффективность разведки, ставил задачи, расставлял приоритеты деятельности.

«Словом, от вас, так же как от ваших военных коллег, мы ожидаем многого, — завершил Ельцин. — Каждый разведчик, где бы он ни находился, может быть твердо уверен: его труд нужен родной стране, и она всегда будет проявлять должную заботу о нем и о его семье».

Ельцину удалось растопить ледок настороженности — аплодисменты были не формальными. Затем он перешел в кабинет директора службы, где собрались 35 руководителей СВР и подразделений службы. Места за столом всем не хватило, поэтому стулья расставили вдоль стен. Тесновато. Разговор пошел более конкретно и детальнее, чем в зале.

«Не хочу умалять значения событий и тенденций в дальнем зарубежье, — подчеркнул Президент. — Но любая информация СВР представляет ценность в той степени, в какой она касается России».

Минут через сорок, когда беседа подходила к концу, Ю.Батурин написал на листочке блокнота два слова «день рождения» и пододвинул его Ельцину. Борис Николаевич взглянул на мгновение и, не прерывая разговора, спрятал листок в карман.

Вскоре он встал, давая понять, что встреча завершена. Примаков осторожно (ему сказали, что в плане Президента обед в СВР не значился) предложил перейти в соседнюю комнату и перекусить. Ельцин сделал паузу, которая — он знал — производила впечатление на собеседников, и, не изменяя строгого выражения лица, сказал: «Ну, разве, чтобы поздравить вашего первого заместителя Вячеслава Ивановича Трубникова с юбилеем!»

Возникшее оживление сразу сделало атмосферу более непринужденной. Довольный произведенным эффектом, Ельцин удалился в сопровождении Примакова и Трубникова в комнату отдыха директора. В общей сложности Ельцин провел в Службе внешней разведки около трех часов. Никогда больше он не приезжал туда. Директор СВР — сначала Е.М.Примаков, затем В.И.Трубников — еженедельно докладывал ему в Кремле, и эти встречи всегда были полезны.

Через месяц, 24 мая 1994 года в 10 часов утра, Ельцин посетил Федеральную службу контрразведки. То была сложная встреча для обеих сторон, учитывая отношение Ельцина к системе госбезопасности, бесконечные реорганизации службы, включая его Указ от 21 декабря 1993 года, выведение всех сотрудников за штат, длительную аттестацию и т.п. Президент долго и серьезно готовился к поездке. Директор ФСК Сергей Вадимович Степашин заметно волновался.

Президент выступил в зале перед сотрудниками с большой речью. Он анализировал, ставил задачи, обозначал проблемы и намечал пути их решения. «Федеральная служба контрразведки — один из важных, неотъемлемых институтов российского государства. Ваша служба должна быть сильной и с гибкой структурой. Ее широкие возможности должны эффективно использоваться при защите россиян в стране и за рубежом, при защите российских интересов от устремлений иностранных разведок и других преступных посягательств. Поэтому настойчиво рекомендую — избавляйтесь от анахронизмов. Поэтому требую: действуйте активно, смело и решительно. Искренне желаю успехов в вашей нелегкой, опасной, но крайне необходимой России работе!» — завершил Президент.

Он находился на трибуне более часа, что само по себе непросто. Это был шаг к примирению, и зал откликнулся на него. Ельцин почувствовал это, и чуть позже, уединившись с руководством контрразведки в кабинете, отложил бумаги и повел разговор в совершенно неформальной манере. Сказал Степашину: «Мы долго присматривались к вам. Работайте». Почти целый день провел Ельцин в здании на Лубянке и уехал на дачу, не заезжая в Кремль.

На следующий день он вновь приехал на Лубянскую площадь, на сей раз — в здание напротив, чтобы накануне Дня пограничника встретиться с руководящим составом Федеральной погранслужбы, поздравил с праздником.

«Выскажу нашу принципиальную позицию: у России нет территориальных притязаний ни к одной стране, — сказал Президент. — Мы за цивилизованное решение проблемы пограничного размежевания. Но интересы территориальной целостности Российской Федерации будем отстаивать твердо. Лишней, ненужной земли у нас в России нет! Рад, что Федеральная пограничная служба здесь на высоте. Вы задали себе высокий стандарт, активно ведете поиск новых оригинальных решений. Благодарю за это Андрея Ивановича Николаева, всех вас».

По плану Президент должен был переехать из одного здания в другое. Переезд занимал всего минуту-две, можно было даже пройти пеш-

ком. Но Ельцин пошел к своей машине и пригласил в нее директора ФПС А.Николаева. То было знаком особого расположения.

22 июня 1994 года Верховный Главнокомандующий Б.Ельцин провел очень важные учения Минобороны. Важные в первую очередь для него самого. Обычно руководители такого ранга не склонны учиться, между тем от их действий в критические моменты зависит слишком многое, иногда судьба страны, мир или война.

Огромный зал. Ряд столов с креслами. Каждое место помечено табличкой: Президент, министр обороны, начальник Генерального штаба... На небольшой тумбочке рядом с креслом Президента — красный телефон на случай самых важных решений. Большое электронное табло с текстовой и цифровой информацией.

Второй зал Центрального командного пункта (ЦКП) — информационный, где отслеживается военно-политическая обстановка в мире по многим направлениям. Каждое утро обобщенная информация и выводы ЦКП докладываются министру обороны. Рассматривая многочисленные карты, электронные системы, компьютеры, экраны телевизоров, Борис Николаевич заметил, что теперь лучше понимает, как формируется утренний доклад министра Президенту.

В зале боевого управления он задал немало вопросов, интересовался, какие боевые задачи поставлены Ракетным войскам стратегического назначения после вступления в силу российско-американо-английского договора о взаимном ненацеливании ракет; каковы цикл и технология введения в систему боевого управления ракет полетного задания для ракет стационарного базирования, подвижно-автодорожного и железнодорожного базирования, ракет подводных лодок; какие меры предусмотрены по поддержанию устойчивости и живучести системы боевого управления РВСН на период их подготовки к стрельбе из состояния ненацеливания, из состояния полной боевой готовности в условиях военных действий с применением обычного оружия; как при этом меняется надежность доведения команды на пуск до ракет стационарного базирования, подвижного базирования, подводных лодок...

Затем Ельцин направился к своему рабочему месту, раскрыл папку, в которой находился лист команд (с ним Ельцин ознакомился еще накануне) и вызвал на связь дежурного генерала ЦКП. В случае применения стратегических ядерных сил дежурный генерал подчиняется только Президенту.

Управление игровой ситуацией продолжалось тридцать минут. По команде Верховного Главнокомандующего был осуществлен реальный учебно-боевой пуск ракеты. Намеченная цель была поражена на Камчатке.

Подводя итоги учения, Президент сказал:

«Вы знаете, что мы с Президентом США и премьер-министром Великобритании в целях укрепления мер доверия, а также снижения порога ядерного противостояния подписали соглашение, и с 30 мая этого года стратегические ядерные силы наших стран несут боевое дежурство с нулевыми полетными заданиями. Сегодня министр обороны и начальник Генерального штаба продемонстрировали мне организацию дежурства и то,

как будет осуществляться управление стратегическими ядерными силами. Я убедился, что наша договоренность с США и Великобританией выполняется. Стратегические силы выполняют поставленные задачи».

Ельцин был доволен и четкой работой военных, и собственными действиями. Он в самом деле не ударил в грязь лицом и, пожалуй, впервые почувствовал себя Верховным Главнокомандующим.

Через полгода ему довелось применить полученные знания отнюдь не в учебной и в довольно стрессовой ситуации. Утром 25 января 1995 года в российских Войсках противовоздушной обороны (ПВО), точнее, в важной их составляющей — частях противоракетной обороны (ПРО) была объявлена тревога. Несколько радаров системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) начали выдавать дежурным сменам не тренировочную информацию, как во время учений с Президентом, а вполне реальную, боевую.

В 9 часов 23 минуты оперативный дежурный доложил, что с полигона Норвежского космического центра, с базы Оксебаазен на острове Андейа у мыса Нордкап стартовала зафиксированная средствами СПРН ракета, стартовая скорость и начальная траектория которой были близки по своим параметрам к баллистической. Какая головная часть заключена в ракете — неясно. Между тем до Кольского полуострова с базами стратегических подводных лодок — рукой подать. Ракета шла с высотой в апогее около полутора тысяч километров и с такой же расчетной дальностью. Если бы она была запущена по оптимальной траектории, то дальность ее увеличилась бы до трех с половиной тысяч километров. А это — расстояние до Москвы.

Норвежский космический центр давно известен российским военным. Он принадлежит министерству промышленности, но на нем расположен военный аэродром, где базируются норвежские разведывательно-противолодочные самолеты «ОРИОН», отслеживающие действия Северного флота России, а также военный полигон, где испытывались норвежские ракеты «Пингвин» класса «воздух—земля».

За тридцать лет с полигона были запущены более 600 исследовательских, в том числе метеорологических, ракет. Ничего необычного в таких запусках не было, тем более что действует система взаимного оповещения о предстоящих ракетных пусках. Но именно система оповещения и оказалась слабым звеном.

Министерство иностранных дел Норвегии нотой от 21 декабря 1994 года просило МИД России довести «до сведения российских мореплавателей, что в период с 15 января по 10 февраля 1995 года международная научная компания запуска ракет с полигона на о. Андейа осуществит запуск трех ракет: одна «Блэк Брант XII» четырехступенчатой конфигурации и две метеорологические... Ракеты могут быть запущены в любой день указанного периода в зависимости от научных критериев...» Диапазон пуска был слишком неопределенным.

МИД России отнесся к просьбе «предупредить мореплавателей» слишком буквально. Письмо было направлено начальнику Главного штаба ВМФ, а не начальнику Генерального штаба или министру обороны. Причина этого, скорее всего, чисто бюрократическая — письмо было направлено

Вторым европейским департаментом, и адресат был выбран соответственно рангу подписывающего письмо. Чтобы направить предупреждение министру обороны или начальнику Генштаба, надо докладывать своему министру или замминистра, а они, вероятно, не любили отвлекаться на мелочи. Впрочем, при наличии хорошей системы взаимного оповещения и в Минобороны могли бы оперативно отреагировать на информацию, полученную штабом ВМФ.

В результате впервые за время боевой эксплуатации автоматизированная система управления стратегическими ядерными силами и ее абонентские терминалы — «ядерные чемоданчики» Президента, министра обороны и начальника Генштаба — были переведены в боевой режим.

Старт, как уже отмечалось, засекли несколько российских радиолокационных станций СПРН. Автоматическая обработка параметров начальной траектории показала дежурным сменам, что предупреждения о пуске такой ракеты не было.

Дежурные офицеры приняли верное решение: работать, как предписано инструкциями. Информация о ракете пошла на соответствующие командные пункты, в том числе и на пункты высшего звена управления Вооруженных Сил России, которые связаны с «ядерными чемоданчиками». Здесь боевая информация о летящей ракете с указанием времени и места старта немедленно отобразилась на табло. Теперь уже принимать решение нужно было дежурному генералу. Со своего рабочего места он набрал формализованный доклад и нажал кнопку «передача». Через несколько секунд на дисплее дежурного генерала высветились подтверждения: его доклад до «чемоданчиков» дошел и абонентами получен. Теперь должна быть организована конференц-связь между Президентом, министром обороны и начальником Генштаба.

Президент находился в рабочей поездке в Липецке. Офицеры-операторы в черной морской форме, которые носят за Президентом «ядерный чемоданчик», обязаны немедленно, невзирая на лица и обстоятельства, бежать с ним на доклад. Что они и сделали. Система сработала как положено. Полет ракеты до падения в районе Шпицбергена длился всего лишь несколько минут. Ельцин получил боевой доклад в этих пределах, то есть своевременно.

Пока он совещался с министром обороны и начальником Генштаба, установили ожидаемое место падения ракеты — вдали от России, после чего дежурный генерал ЦКП перевел систему в обычный дежурный режим. И если бы сам Ельцин не рассказал на другой день о случившемся, едва ли эта история получила резонанс. Но он тут же поведал журналистам, что только что воспользовался «ядерным чемоданчиком»: «Я связался мгновенно с министром обороны, со всеми необходимыми мне военачальниками-генералами, и мы прослеживали путь этой ракеты от начала до конца». На самом деле Ельцин всего лишь переговорил по радиотелефону, принесенному ему офицерами, сопровождающими «чемоданчик».

«Мир находился на грани ядерной войны», — кричали газетные заголовки. Нет, не находился! По сути, впервые в реальных условиях было проверено прохождение сигнала тревоги вплоть до Верховного Главнокомандующего, и Президент осуществил конференц-связь с министром и на-

чальником Генштаба. Для пользы дела такие тренировки надо было бы проводить регулярно.

Эмоциональным интервью Ельцина воспользовались и в Норвегии. Один предприимчивый владелец ресторана в Андейе, чтобы привлечь клиентов, установил у входа в заведение макет ракеты «Блэк Брант XII» и стал продавать посетителям майки с надписью: «Андейа: мы чуть не начали 3-ю мировую войну».

Так постепенно «чемоданчик» стал для Ельцина символом верховной власти.

«Лояльное отношение к армии»

Складывавшаяся система работы Верховного Главнокомандующего с военными была нарушена в ходе предвыборной президентской кампании 1996 года. Приоритет в подготовке решений, в том числе и по вопросам обороны и безопасности, получила специально нанятая группа советников и имиджмейкеров (именно так они любили называть себя), затем частично перекочевавшая в Администрацию Президента.

Надо признать, новые политические технологии много сделали для повышения рейтинга Ельцина со стартовых 5% до победы во втором туре. Но одновременно они формировали сильный крен в сторону театрализации политики, что не могло не сказаться и на самом Б.Ельцине.

Например, этой группой планировался визит Президента в Волгоград 9 мая 1996 года. Приведем фрагмент «сценарного плана» (тоже характерная терминология):

«18.30. Встреча с ветеранами и военачальниками на приеме по случаю Дня Победы (по приглашению губернатора) с участием Маргариты Агашиной — известной поэтессы, ветераном, автором стихов к песне "Синий платочек" и композитора Александры Пахмутовой (уроженкой Сталинграда. Обеспечить присутствие). На встрече президент демонстрирует лояльное отношение к армии и обсуждает с ветеранами тему ответственности за жизни людей...»

Вряд ли можно представить себе большую фантасмагорию, чем демонстрация Верховным Главнокомандующим «лояльного отношения к армии»...

Далее в разделе «Тезисы и мысли» Президенту предлагалось на Мамаевом кургане поговорить с ветеранами, в частности, о конверсии: «Волгоградцы знают, что завод "Ахтуба", прежде выпускавший аппаратуру для подводных лодок, начал производство товаров народного потребления, в том числе и фаллоимитаторов, которыми, как президенту стало известно, выдавалась и зарплата рабочим. Поскольку фаллоимитаторы, к счастью, не являются предметом первой необходимости для россиян, президент сомневается, что подобная зарплата с восторгом принималась семьями рабочих».

Предлагалась и «эпизод-ситуация» с заранее подготовленным ветераном. «Инвалид-ветеран (полная грудь орденов) обращается к Б.Н.:

— ... Есть у меня просьба к Вам или предложение: может быть, найдет правительство возможность выпустить книгу такую, что ли, или альбом, где

были бы все наши фотографии, ордена, которыми мы награждены, и хотя бы в двух строчках описание того, за что эти ордена нам дали.

Вы поймите, Б.Н., что это не мне нужно, это моим внукам нужно и Вашим, кстати, а что касается лично меня, то меня скоро только одна фотография волновать будет, сами понимаете где.

— Хорошо начали, да плохо кончили...

— (Перебивая) Вообще не кончаю (реплика сопровождается общим смехом)».

Вот такие были рекомендации «электоральных шутников»...

Хотя как действующий Президент России и Верховный Главнокомандующий Ельцин имел серьезные возможности для привлечения голосов военнослужащих и работающих в «оборонке», он в соответствии с планом предвыборных шагов приступил к этому довольно поздно. Только 8 мая 1996 года подписал Указы «О первоочередных мерах поддержки предприятий оборонного комплекса Российской Федерации» и «О совершенствовании государственного управления оборонной промышленностью». 23 мая направил «Письмо Президента Российской Федерации, Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами личному составу Вооруженных Сил Российской Федерации». Тема национальной безопасности и проблемы обороны затрагивалась и в предвыборной «Программе действий на 1996 — 2000 годы».

Наиболее популистским документом этой поры стал, пожалуй, Указ подписанный 16 мая 1996 года, согласно которому планировалось с 2000 года отменить призыв граждан на военную службу и перейти на добровольную основу комплектования армии.

Ю.Батурин отказался визировать проект этого указа, подготовленный в предвыборном штабе, и направил Б.Ельцину специальную докладную записку, где доказывал, что не только с 2000 года, но и даже десятилетием позже перейти полностью на контрактную систему невозможно. Батурину вскоре перезвонил руководитель Администрации Президента Н.Егоров и сказал, что указ будет подписан, несмотря на докладную и отсутствие визы помощника по национальной безопасности: «Сейчас нужно выиграть выборы, а потом будем разбираться».

Конечно, уже в 1996 году большинство избирателей понимали, что предвыборным обещаниям верить нельзя, это всего лишь ритуал, обычные «правила игры», которые позволяют кандидатам «показаться» или «не показаться» населению. Но военные остро чувствовали, что подобные правила в оборонной сфере могут сделать Вооруженные Силы заложником политиков.

«Я — лично рассмотрю»

Главная проверка Ельцина как Верховного Главнокомандующего проходила в период военных действий в Чечне. В какой-то момент Президент пришел к выводу, что политическим путем чеченскую проблему не решить, и остановил выбор на применении военной силы. Но и военный вариант мог быть осуществлен разными способами.

Серьезный просчет, во многом объясняющий неудачи и неэффективность действий военного командования и войск, — не были учтены крайне неблагоприятные политические условия для применения Вооруженных Сил.

Несогласованность в действиях политического руководства привела к сплочению антироссийских сил и поддержке Дудаева даже теми группами населения республики, которые до этого выступали против его режима. В итоге Российской армии и внутренним войскам пришлось воевать не с отдельными бандитскими формированиями, а с хорошо организованной вооруженной силой, поддержанной значительной частью населения.

Не была сформулирована четко и ясно задача кампании. В Указе Президента от 9 декабря 1994 года Правительству поручалось «использовать все имеющиеся у государства средства для обеспечения государственной безопасности, законности, прав и свобод граждан, охраны общественного порядка, борьбы с преступностью, разоружения всех незаконных формирований».

В свою очередь Правительство своим постановлением от 9 декабря 1994 года конкретизировало задачу следующим образом: «Министерству внутренних дел РФ совместно с Министерством обороны осуществить разоружение незаконных вооруженных формирований. Министерству обороны произвести в случае невозможности изъятия уничтожение авиационной, бронетанковой, артиллерийской техники и тяжелого оружия».

Конечно, военнослужащие не могли глубоко уяснить поставленную перед ними цель и характер предстоящих действий. Например, если тяжелое оружие надо уничтожить, то что делать с экипажами и расчетами при этом тяжелом оружии, как быть с теми, кто противостоит Российской армии с автоматами и гранатами? Тем более что в последующем было дано указание — оружие против мирного населения (в большинстве своем имевшего оружие) не применять. Но командир на поле боя не может думать и за себя, и за политиков.

Справедливости ради надо сказать, что как Ельцин, так и другие наши верховные главнокомандующие до него не решались брать на себя всю полноту ответственности в подобной ситуации и не только не ставили Вооруженным Силам четкую и конкретную задачу, но, наоборот, стремились сформулировать ее неопределенно и туманно. Это и Афганистан («оказание интернациональной помощи»), и даже начальный период Великой Отечественной войны («отразить нападение противника, но не предпринимать действий, могущих вызвать осложнения»).

Важной сферой деятельности Верховного Главнокомандующего был международный контроль над вооружениями. Но в 90-е годы так и не было выработано продуманной долговременной стратегии, основанной на точно сформулированных интересах нашей страны. В результате это направление получил на откуп МИД, который следовал в фарватере западной (в первую очередь американской) политики.

Перед Россией стояла двойная задача.

Во-первых, требовалось облегчить бремя, связанное с одновременным выводом войск и сокращением вооружений и военной техники по унаследованным Россией международным обязательствам СССР, что было бы

возможно при условии увеличения сроков выполнения этих обязательств и получения адекватной финансовой и технической компенсации со стороны Запада.

Во-вторых, следовало выступить с новыми инициативами, которые были бы нацелены на создание такого многостороннего баланса военных сил, при котором безопасность России была бы надежно обеспечена без необходимости поддержания паритета одновременно с США, НАТО, Китаем, Японией и другими странами.

К сожалению, ни того ни другого сделано не было. Положение стало выправляться лишь с назначением министром иностранных дел Е.М.Примакова.

Наиболее сложная ситуация возникла с Договором по обычным вооруженным силам в Европе (ОВСЕ), основывавшимся на идее баланса потенциалов обычных вооружений между НАТО и Организацией Варшавского договора. После распада военного союза стран социалистического лагеря стало очевидно, что договор по ОВСЕ необходимо приводить в соответствие с новыми европейскими реальностями.

Самое удобное время для решения этой проблемы — пока российские войска вплоть до лета 1994 года оставались в Германии и в ряде восточноевропейских стран — оказалось упущено. В результате торжества в Германии по случаю вывода российских войск запомнились дирижированием оркестром, но вот увязки коррекции Договора ОВСЕ и сроков вывода (хотя такая постановка вопроса с нашей стороны была бы правомерна) сделано не было.

С Договором ОВСЕ связан и так называемый «фланговый» вопрос. Фланговые квоты, по Ташкентскому соглашению, позволявшие иметь в Ленинградском и Северокавказском военных округах менее трех регулярных дивизий, особенно невыгодны для России. Фактически это обязательство было невыполнимо для нас, а после начала войны в Чечне и создания 58-й армии нарушение этой квоты стало неизбежным.

Запоздалые попытки добиться от НАТО согласия на увеличение фланговой квоты для России строились на заведомо ложном предположении, что США захотят и смогут заставить Турцию согласиться на такие уступки. С самой же Турцией никаких серьезных переговоров по этому вопросу не вели, как, впрочем, и с другими ключевыми странами НАТО, хотя специалисты направляли Президенту Ельцину в 1993—1995 годах различные варианты решения данной проблемы, которые могли бы в целом устроить натовцев. Например, предлагалось увеличить количество складируемых вооружений; передать часть тяжелых вооружений округов, ограничиваемых Договором, во внутренние войска; изменить конфигурацию округов и увеличить там количество вооружений, которые не ограничиваются Договором, а ограничиваемые — вывести; расширить район применения Договора для России, включив в квоту Армении, Грузии и Молдовы (по договоренности с ними) вооружение российских войск, дислоцированных на их территории; и т.д.

Серьезные ошибки были допущены при заключении Договора СНВ-2, подписание которого Ельцин торопил в угоду уходящей Администрации

Дж.Буша. На совместной пресс-конференции с Президентом США после подписания этого договора Б.Ельцин фактически признал, что этот документ готовился впопыхах: «Как вы помните, для подготовки первого Договора о СНВ потребовалось 15 лет. Для выработки Договора СНВ-2, значительно более масштабного, ушло всего несколько месяцев». Правда, объяснил этот парадокс лишь «достигнутым уровнем доверия и взаимоотношений между Соединенными Штатами и Россией, между президентами двух стран».

Хотя в целом этот Договор позволяет поддерживать ракетно-ядерный баланс с США, российская дипломатия не использовала имевшиеся возможности добиться дополнительных уступок от американской стороны. Прежде всего это касается ограничения противолодочной деятельности США против российских подводных ракетоносцев, увязки СНВ с выполнением Договора по ПРО, проблемы так называемого «возвратного потенциала» СНВ, ликвидации корпусов ядерных боеголовок, переоборудования МБР и др.

В результате, во-первых, нам навязаны такие высокие темпы и методы (подрыв, сжигание) ликвидации СНВ, которые оказались крайне обременительными экономически, в то время как для США полностью приемлемы. Во-вторых, Договором предусмотрено, что Россия сокращает гораздо больше СНВ, чем США, и принимает практически американскую модель структуры стратегических вооружений, которая не учитывает геополитическое положение страны и ее экономические возможности. Наконец, в-третьих, перед американцами не был поставлен вопрос о гарантиях полной незыблемости Договора по ПРО в случае реализации Договора СНВ-2*.

Позже, в феврале 1997 года, Президенту было предложено начать серьезные обсуждения параметров Договора СНВ-3 с привлечением всех заинтересованных ведомств. Дело в том, что США к тому времени занимались этим вопросом как минимум в течение трех лет. Проработка конкретных параметров возможного Договора СНВ-3 осуществлялась с участием многих ведомств и служб, разумеется, на основе национальных интересов США.

Было ясно, что, поскольку речь шла о глубоких сокращениях ядерных сил, будущий Договор СНВ-3 напрямую затронет разрабатываемую новую военную доктрину России, концепцию национальной безопасности и другие документы. Однако российские ведомства должным образом этот вопрос не прорабатывали, если не считать отдельных инициатив. При этом, не имея утвержденных Верховным Главнокомандующим указаний, некоторые из них приступили, по существу, к обсуждению конкретных параметров глубоких сокращений ядерных сил.

Такое развитие ситуации могло в политическом плане поставить самого Президента в крайне неудобное положение, а в военном — нанести серьезный ущерб обороноспособности страны.

---

* Эти проблемы и были причиной трудного прохождения Договора СНВ-2 в российском парламенте, который ратифицировал его только в 2000 году. Тогда же США заявили о разработке национальной системы ПРО.

Поэтому и было предложено межведомственное обсуждение проблемы с вынесением выработанных предложений на Совет обороны. Утвержденные Президентом рамочные параметры возможного сокращения ядерных сил должны были бы соблюдаться любыми российскими министерствами и ведомствами. 20 февраля Президент был согласен, но уже через неделю своей рукой написал:

«Ю.М.Батурину.
СНВ-3 закрыть для обсуждения.
Я — лично рассмотрю.
Б.Ельцин
27.02.97 г.»

Эти слова не означали, что СНВ-3 не будет никогда. Они означали, что вопрос не будет обсуждаться всесторонне экспертами, а решится на личном приеме кого-то неизвестного. Что произошло за эти несколько дней — остается только гадать.

Что сделал Верховный Главнокомандующий?

Вооруженные Силы страны были образованы на основе взятой под юрисдикцию России части Вооруженных Сил СССР (примерно 85%). При этом ей досталось около 60% экономики СССР. Возникли «ножницы», которые не позволяли содержать столь большие Вооруженные Силы. Последовавший мощный экономический кризис еще более ухудшил ситуацию.

По своему боевому составу, укомплектованности, структуре они не соответствовали ни новой обстановке на новых границах государства, ни новым задачам, ни экономическим возможностям. Поэтому Верховный Главнокомандующий направлял военную реформу по следующим основным линиям:

— вывод войск, взятых под российскую юрисдикцию, на территорию страны; это была трудная задача, но она решена в невиданно короткие сроки;

— сокращение общей численности Вооруженных Сил с 2,8 миллиона человек в 1992 году до 1,7 миллиона в 1996 году с дальнейшим снижением численности; еще более трудная задача, связанная с проблемами социальной защиты уволенных военнослужащих, обеспечением их жильем и т.п.;

— создание группировок войск на основных стратегических направлениях.

Надо сказать, Б.Ельцину не удалось погасить нарастающие негативные тенденции в военной сфере, и он понял, что нужна радикальная военная реформа. Поэтому в 1996 году был создан Совет обороны, и реформированию военной организации государства Президент стал уделять самое пристальное внимание. Но болезнь и иные субъективные причины не позволили ему не только довести реформу до конца, но и даже качественно контролировать ситуацию.

«Дипломат № 1»

(1991 — 1999)

Деидеологизация или другая идеология?

Как известно, Б.Ельцин пришел к власти на волне критики половинчатой, осторожной линии вечно колеблющегося М.Горбачева. Генсек любил оправдываться тем, что «социализм выбрал его дед», но внукам других дедов жить по этому выбору было уже невмоготу. В начале 90-х годов граждане России поддержали более радикальный курс полного отрицания социалистического наследства, и Б.Ельцин, чутко уловив это, во многом стал антиподом своего предшественника.

Однако парадокс заключался в том, что во внешней политике было иначе. На международной арене Б.Ельцин и А.Козырев, по сути дела, продолжили курс М.Горбачева и Э.Шеварднадзе. Существовала даже своего рода конкуренция между двумя командами, чей лидер сумеет больше понравиться Западу. Надо сказать, что Президенту России и здесь сопутствовал успех.

Прагматичные западные лидеры, еще вчера клявшиеся в любви к «Горби», на удивление быстро переориентировались на его главного оппонента. Особенно это было заметно по канцлеру Германии Г.Колю. Казалось, не было предела его благодарности инициатору перестройки за согласие на объединение немецкой нации. Однако именно он одним из первых быстро и непринужденно поменял «друга Михаила» на «друга Бориса» и во многом стал для Ельцина главным проводником в элитный клуб лидеров ведущих мировых держав.

М.Горбачев уходил в историю, Б.Ельцин занимал его место. Он начинал ездить за границу, привыкать к протоколу, к повышенному вниманию к своей персоне. Неуемный в работе, он часто совершал за одну поездку 2—3 официальных визита. Характерный пример — визит Б.Ельцина в Польшу, Чехию и Словакию в 1993 году. За два дня (!) Президент посетил три столицы, провел переговоры с Л.Валенсой, В.Гавелом и В.Мечияром, подписал совместные документы, принял участие в официальных обедах, встречах с журналистами и т.п.

Это не всегда бывало оправданным, стремление «объять необъятное», сэкономить время снижало отдачу от каждого из визитов в отдельности, а иногда — то ли от естественной усталости, то ли от недоработок МИДа — приводило к серьезным ошибкам. Да и принимающая сторона (особенно это касалось небольших стран) иногда обижалась, выглядело так, словно ее добавили «в нагрузку» к основному, более важному визиту.

Появление Б.Ельцина на международной арене придало имиджу России подкупающую искренность. Российский Президент говорил на одном языке с западной аудиторией, говорил о понятных всем вещах.

Достигалось это немалой ценой. Президенту приходилось много сидеть над бумагами, которые готовились к каждому визиту в его Администрации, Правительстве, МИДе; вникать в нюансы протокола, изучать характеры своих партнеров по переговорам. Особое значение он придавал своим устным выступлениям, зная, что они способны произвести значительный эффект на аудиторию: по многу раз заставлял их переделывать, подбирать все более точные слова, яркие образы и т.д. Это давало результат. Скажем, выступление Б.Ельцина в конгрессе США летом 1992 года журналисты признали самым сильным из выступлений зарубежных лидеров. Звучавшее чуть более 20 минут, оно более десятка раз прерывалось аплодисментами.

Поведение Б.Ельцина и М.Горбачева за границей отличалось — уж больно разными были эти два человека. Отличалось и восприятие их западной публикой. Популярность Б.Ельцина на Западе осталась все-таки на «верхушечном» уровне, прежде всего среди его новых «друзей» — лидеров ведущих стран мира. Другой вопрос, насколько это было искренне. Но в любом случае такой широты общественной признательности на Западе, получившей даже название «горбимании», какой достиг его предшественник, Б.Ельцин не удостоился. Среди западных политологов и внешнеполитических экспертов отношение к нему так и осталось настороженным.

Если М.Горбачев воспринимался в целом за рубежом как цивилизованный интеллигентный политик западного типа, то Президент России в полной мере олицетворял в глазах западного наблюдателя «загадочную русскую душу». Он походил на настоящего «русского медведя» — непредсказуемого, импульсивного, иногда даже агрессивного. Особенно когда в более поздний период он, в отличие от всегда покладистого Горбачева, начинал вдруг неожиданно брать жесткий тон, а затем столь же резко вновь становился «дипломатичным».

В то же время внутри страны, в беседах с подчиненными, М.Горбачеву, по многочисленным воспоминаниям очевидцев, отказывала «цивилизованность», и он, не стесняясь, использовал крепкие русские выражения и «тыкал» даже заведомо старшим его по возрасту. Так было заведено у партноменклатуры, и Горбачев придерживался этой «барской» традиции. Б.Ельцин, много лет принадлежавший к той же номенклатуре, тем не менее не позволял себе ничего подобного. Бывший инженер-строитель давал здесь фору выпускнику юридического факультета МГУ.

Все отчетливее проявлялись и другие различия. Так, для Б.Ельцина внешняя политика после прихода к власти оставалась все-таки на периферии внимания, между тем как М.Горбачев всегда придавал ей повышенное значение. И чем хуже шли дела дома, тем больше тянуло его за рубеж в объятия иностранных лидеров и к аплодисментам заграничной публики. Позже такой настрой, правда в меньшей степени, стал обнаруживаться и у Б.Ельцина.

Другая важная деталь. В горбачевскую «перестройку» предпринимались все-таки более или менее удачные попытки философского осмысления изменившегося мира и роли в нем Советского Союза. Всем памятна, например, книга Генерального секретаря «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира». Примерно в то же время Б.Ельцин начи-

нал писать «исповедь» о России и о себе. Внешняя политика тогда его не интересовала. Тому, конечно, были веские причины, он только шел к власти. Но внешней политике почти не нашлось места и в более поздних «Записках» российского Президента. А то немногое, что он написал об этой сфере своей деятельности, выглядит очень поверхностно.

В то же время нельзя сказать, что под внешней политикой раннего Ельцина не было идейной базы. Наоборот, здесь чувствовался переизбыток идеологии. Если предыдущий курс горбачевская команда трактовала, по сути, как завершающую стадию «мирного сосуществования» (в чем-то он даже приближался к теории «конвергенции» двух противоположных общественно-экономических систем), то курс Ельцина—Козырева выдавал стремление по многим аспектам полностью раствориться в сфере западных интересов.

Вместо деидеологизации внешней политики произошла замена одной идеологии на другую. Вместо коммунистической идеологии и претензий на мировое лидерство во внешней политике все больше стали проявляться комплексы страны, сдавшейся на милость победителей в «холодной войне» и ни на что не претендующей. При этом такая позиция обосновывалась необходимостью приведения внешней политики России в соответствие с ценностями демократии. Как и любая другая, квазидемократическая зашоренность обернулась крупными потерями для России.

А.Козырев не только не пытался выработать государственную общенациональную внешнюю политику во взаимодействии с другими властными и общественными структурами, но и с жаром включился во внутриполитическую борьбу, полыхавшую тогда в России. Именно ему принадлежало, в частности, характерное выражение «партия войны», которым он клеймил сплошь и рядом всех своих идейных противников. В пылу же борьбы занять взвешенную объективную позицию было, естественно, очень трудно.

Классический пример — присоединение России к санкциям, введенным против сербов после развала Югославии. На этот шаг, как известно, повлияли прежде всего идеологические мотивы. Сербское руководство было для А.Козырева лишь «национал-коммунистическим», и попустительствовать ему он не был намерен. Национальные интересы России, традиции российско-сербских связей его в данном случае не интересовали. Как и в 1917 году, внешняя политика России писалась заново, с чистого листа.

Собственно говоря, А.Козырев никогда и не скрывал свою «идеологическую зашоренность». Он даже позволял себе легкую критику США за то, что они якобы слишком поздно признали независимость югославских республик: «Вначале, еще до распада СФРЮ, США упорно не замечали требований суверенитета той же Боснии и других союзных республик, до последнего выступали за сохранение единства государства, несмотря на его коммунистическую природу. Не потому ли и в Вашингтоне столь силен антиюгославский накал, что есть чувство первоначальной вины?»*

Такая позиция исключала саму возможность наладить хоть какое-то сотрудничество исполнительной власти с законодателями в сфере внешней

---

* **Козырев А.** Преображение. М., 1995. С.125.

политики. Проще всего было наклеить на Верховный Совет, а затем и Государственную Думу «национал-коммунистический» ярлык, чем систематически с ними работать, согласовывать позиции, выступать хотя бы за границей единым фронтом. Это было трудно, но возможно. Тем более что Комитет по международным делам и внешнеэкономическим связям Верховного Совета возглавлял авторитетный специалист-международник Е.Амбарцумов, чуждый узкопартийности. Позже он перешел на работу в МИД и был назначен послом в Мексике. В Государственной Думе аналогичной структурой руководил В.Лукин — опять же известный политик и ученый с дипломатическим опытом, одно время посол России в США.

Определенную роль в развитии ситуации вокруг российской внешней политики играл Д.Рюриков — помощник Б.Ельцина по международным вопросам еще с лета 1991 года. Этот фактически первый в президентском окружении профессиональный дипломат в немалой степени повлиял на то, чтобы прежде весьма разрозненные и фрагментарные представления Б.Ельцина по международным вопросам складывались в некую систему. Воспитанный в весьма строгих иерархических правилах, господствующих в дипломатическом сообществе, он не предпринимал никаких самостоятельных шагов и не интриговал против А.Козырева. Не претендовал и на дублирование мощного МИДа. Тем не менее ему и его помощникам Д.Черкашину и В.Славину (позже к ним добавился В.Анисимов) удавалось решать множество оперативных вопросов и держать Президента в курсе основных внешнеполитических процессов.

Но вернемся к Козыреву. Он оказался в самом главном кабинете МИДа на 7-м этаже высотного здания на Смоленской площади совершенно случайно. С октября 1990 года он возглавлял МИД РСФСР, бывший поначалу во многом формальной структурой. По его собственному признанию, небольшой особняк Министерства иностранных дел РСФСР на проспекте Мира рассматривался в союзном внешнеполитическом ведомстве как «отстойник» для дипломатов с незадавшейся карьерой. Республиканский МИД был, в сущности, «одним из подразделений союзного, причем довольно второстепенным и периферийным».

Распад Союза предоставил неизвестному дипломату уникальный шанс. Он перепрыгнул сразу через несколько ступеней в дипломатической иерархии и, не будучи даже послом, стал министром иностранных дел огромной державы.

Б.Ельцин так описывал свой выбор:

«С самого начала Андрей Козырев был очень спорной фигурой. Я испытывал давление со стороны разных людей... И я присматривался к министру иностранных дел долго, осторожно и внимательно. Думаю, что выбор был сделан все-таки правильный. Сохраняя опыт, школу, дипломатические традиции, старый советский МИД надо было реформировать. Козырев должен был наконец создать не на словах, а на деле модель мирной российской дипломатии... Молодость Козырева, его выдержка, его холодноватый профессионализм помогают ему не потеряться, не сломаться в этом непрерывном, порой сводящем с ума потоке переговоров, инициатив, встречных инициатив, миротворческих планов и так далее»*.

* Ельцин Б. Записки Президента. М., 1994. С.213—214.

Получилось с точностью до наоборот. К сожалению, традиции профессионализма советской дипломатической школы сохранить не удалось, новой модели российской дипломатии тоже не смогли выработать. Принятые 23 апреля 1993 года Основные положения концепции внешней политики России — не в счет: это был многословный и весьма неконкретный документ. В нем, с одной стороны, расписывалось все, вплоть до отношений с Океанией, и в то же время, например, о Североатлантическом альянсе говорилось лишь, что отношение к этому блоку должно определяться с учетом его дальнейшей эволюции, и «линия Российской Федерации должна состоять в поддержании взаимодействия и диалога с НАТО в интересах мира и стабильности в Европе». Сам МИД Основные положения почти никогда не упоминал, но разработать что-то более серьезное не мог. Иногда Президент даже грозно распекал своего министра иностранных дел, сурово спрашивал, где «наша линия» по тому или иному вопросу? Козырев обещал подготовить, но затем Президент быстро остывал, его внимание переключалось на другие проблемы, и все возвращалось на круги своя.

Единственным «вкладом» в теоретическое осмысление новой ситуации в мире и внешней политики России во времена А.Козырева была так называемая «концепция партнерства», согласно которой после падения коммунизма Россия почти автоматически становилась партнером развитых западных стран. Потом к ним добавились и крупнейшие азиатские страны — Индия и Китай, еще позже — Япония. Причем для отношений с каждой из таких стран придумывалось свое «особое партнерство»: с США оно было «зрелым», с Францией — «привилегированным», с Китаем — «конструктивным, направленным в XXI век», и т.п.

Чтобы лучше понять позицию А.Козырева и всей российской внешней политики той поры, уместно привести один эпизод. Экс-президент США Р.Никсон как-то попросил его очертить интересы новой России. И Козырев ему сказал: «... одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заклинились на национальных интересах. И теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях. Но если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен».

Никсон, почувствовавший себя «не очень комфортно», уже позже прокомментировал ответ российского министра: «Когда я был вице-президентом, а затем президентом, хотел, чтобы все знали, что я «сукин сын» и во имя американских интересов буду драться из всех сил. Киссинджер был такой «сукин сын», что я еще мог у него поучиться. А этот, когда Советский Союз только что распался, когда новую Россию нужно защищать и укреплять, хочет всем показать, какой он замечательный, приятный человек»*.

Импровизации и разочарования

Одной из важных сторон организации внешнеполитической деятельности Президента является протокол. В этой связи нельзя не отметить, что служба протокола была одной из самых профессиональных среди президентских

* Цит. по: **Примаков Е.** Годы в большой политике. М., 1999. С.210—211.

структур. И основная заслуга в этом, безусловно, принадлежит ее руководителю В.Шевченко, исполнявшему эти функции еще при М.Горбачеве. Условием перехода к Б.Ельцину одного из заметных сотрудников Президента СССР после отставки последнего было сохранение сложившейся прежде команды «протокольщиков». Оно было принято, и это положительно сказалось на организации международных визитов российского лидера, которые прежде больше походили на неудачные импровизации и вызывали только снисходительные улыбки у зарубежных чиновников.

В.Шевченко пришлось немало поконфликтовать со Службой безопасности, которая в международных поездках старалась задавать тон, вмешиваясь буквально во все вопросы — от рассадки членов делегации в самолете до программы визита и содержания переговоров Президента.

Профессиональные качества шефа протокола, принимавшего активнейшее участие в подготовке практически всех поездок Президента за рубеж и многих внутрироссийских, уберегли Б.Ельцина от множества конфузов. А поводов попасть впросак тонкая протокольная материя давала немало. Здесь значимы прежде всего детали — в каком отеле или резиденции будет размещен глава Российского государства, через какой подъезд он будет заходить на переговоры, каков их формат, и многое, многое другое. В последние годы Шевченко приходилось решать и множество деликатных вопросов, связанных с размещением в непосредственной близости от Президента врачей, необходимой медицинской аппаратуры, которые в любой момент могли понадобиться. Были ли это переговоры или официальный прием, концерт, ознакомительная поездка по городу и т.д. — врачи всегда находились рядом.

У Б.Ельцина были свои представления о том, как глава государства должен представлять страну в зарубежных поездках. Внешний вид, манера поведения с лидерами ведущих государств, общение с журналистами — все должно было убеждать зарубежных партнеров в том, что перед ними лидер мировой державы — России, — сильный, волевой, опытный политик. Поэтому к поездкам тщательно подбирались костюмы, галстуки.

Несмотря на тяжелые перелеты и немалые перегрузки, программы визитов, за очень редким исключением, выдерживались полностью. Даже при недомоганиях, какие бывали у Президента (особенно в последние годы работы) программа не менялась.

Вспоминается официальный визит Б.Ельцина в Испанию в апреле 1994 года. Визит готовился задолго, были подготовлены к подписанию Договор о дружбе и сотрудничестве, другие соглашения. За два с половиной дня пребывания в Мадриде и Барселоне Б.Ельцин должен был выступить в Конгрессе депутатов, перед испанскими предпринимателями, в мэрии Мадрида, на различных протокольных мероприятиях, участвовать во встречах и переговорах. Но за три дня до визита Президент начал жаловаться на боли в пятках. После консультаций с врачами выяснилось, что у него такой неприятный недуг, как «шпоры» на пятках, да ко всему — перелом одного мизинца. В то время Б.Ельцин активно занимался теннисом и во время одной из тренировок оступился. Визит оказался под угрозой срыва. Однако Ельцин категорически отказался переносить его на другой срок. А врачам было категорически приказано поставить его на ноги за три дня. Конеч-

но, интенсивное лечение лишь немного ослабило боли. Но ровно в назначенный день 11 апреля Б.Ельцин и «сопровождающие его лица» вылетели в Испанию. Лишь в группу сопровождающих был добавлен врач-ортопед, да еще для удобства в ходьбе Президенту были куплены туфли на два размера больше.

После возвращения в Москву Б.Ельцин позвонил Л.Пихоя и спросил ее: «Ну, как прошел визит, как вы его оцениваете? — «Я оцениваю визит как успешный, все получилось, прошло хорошо. Вы вели себя очень мужественно». — «А знаете как было больно, — ответил Б.Ельцин, — но я все выдержал и ни разу не подал виду».

Надо отметить, что в общении с зарубежными лидерами Ельцин старался не ударить в грязь лицом. Не претендуя на роль «светского льва» и «утонченного эстета», он умел быть и остроумным, и галантным, умел расположить к себе собеседников. Не раз демонстрировал свое умение танцевать. В целом же Президент не только понимал значимость строгих правил протокола, но и проявлял к ним живой интерес и стремился учитывать эту особую науку в поездках.

Однако нередко случалось, что он действовал вопреки установленному сценарию. Многим памятен случай, когда во время визита британской королевы Елизаветы II в Москву Б.Ельцин, вопреки традиции и протокольным предписаниям, поцеловал руку августейшей особы. Чувство неловкости вызвал и такой эпизод. На официальном обеде во время поездки в Германию сидевшая рядом с российским Президентом супруга канцлера Г.Коля закурила. Б.Ельцин, не переносящий табачного дыма, взял сигарету прямо из рук первой леди Германии и загасил ее в пепельнице. Бывали и более существенные курьезы. Но ни в одном из таких случаев не было и доли вины службы протокола, чьи сотрудники, и прежде всего сам В.Шевченко, делали все от них зависящее.

Профессионализм службы протокола, однако, не мог заполнить вакуум концептуальных, теоретических подходов, все более проявлявшийся в российской внешней политике. Нежелание разобраться в реальном положении вещей вело к тому, что долгое время существовала наивная вера в альтруизм западных стран, в то, что они, забыв про свои собственные интересы, с распростертыми объятиями примут Россию «в семью наиболее передовых демократических государств», по-братски разделят с ней тяготы преобразований и выведут к благоденствию. Когда от России требовали уступок, сдачи тех или иных позиций, она шла на это с готовностью. Россия делала даже такие уступки, которых от нее не требовали. Главным считалось — крепить во что бы то ни стало отношения с ведущими западными странами, прежде всего с США. Российская дипломатия шаг в шаг следовала за ними, как за лидером, пытаясь своей покладистостью заработать входной билет в западный мир. В числе примеров — ускоренный вывод войск из Германии, признание Хорватии и Боснии в числе первых и т.д.

Более «мелкими» странами долго пренебрегали. Были почти свернуты отношения России со странами «среднего зарубежья» — Центральной и Юго-Восточной Европы. Югославский кризис, так сильно повлиявший на развитие современных международных отношений, казался российским властям поначалу лишь досадной помехой на пути в «цивилизованный»

мир. Без должного внимания оставались проблемы ближневосточного урегулирования. Даже пространство СНГ только спустя несколько лет после его образования, как бы спохватившись, провозгласили зоной российских интересов.

В целом можно сказать, что с начала 1991-го и вплоть до конца 1993 года во внешней политике России стояла пора «очарований», «медовый месяц» с Западом был в самом разгаре. Казалось, все идет как по нотам. Запад переживал увлечение Россией, которой как правопреемнице СССР принадлежало теперь постоянное место в Совете Безопасности ООН. Правда, принятие на себя долгов бывшего Союза не назовешь заманчивым приданым.

Только на Дальнем Востоке по-прежнему существовала трудноразрешимая проблема Курильских островов. На сентябрь 1992 года был запланирован визит в Японию. Существовал соблазн быстро и в «духе времени» решить эту проблему. Особую активность развил в этом плане курировавший Тихоокеанский регион в российском МИДе заместитель министра иностранных дел Г.Кунадзе. К тому же в Токио успел съездить ряд высокопоставленных российских чиновников, в частности госсекретарь Российской Федерации, председатель госкомиссии по подготовке визита Г.Бурбулис и министр по делам информации М.Полторанин. Российские гости недвусмысленно намекали принимающей стороне на возможность решения курильской проблемы в ходе предстоящего российско-японского саммита.

Обстановка в те дни накалилась до предела. Состоялись специальные слушания в Верховном Совете, поднялся шум в средствах массовой информации. Обеспокоенные депутаты Верховного Совета, политики, ученые, специалисты-международники присылали в Кремль свои варианты решения проблем четырех Курильских островов, но в основном просили хотя бы не торопиться и еще раз взвесить все возможные последствия. Сам Б.Ельцин в свойственной ему манере заявил, что у него есть 14 вариантов решения проблемы, но скажет он о них позже.

В итоге все решилось после заседания Совета безопасности России, где всего за несколько часов до вылета в Токио было принято решение рекомендовать Президенту отложить поездку. Конечно, инициатива шла от самого Б.Ельцина. Еще до заседания Совбеза, просматривая все подготовленные для визита материалы, он многозначительно вычеркнул из состава российской делегации фамилию Г.Кунадзе.

Президент писал в своей книге, что он «держал паузу, потому что понимал — перебирать оттенки бесполезно, ошибка была где-то в самом начале. С самого начала и наш МИД, и вообще все официальные делегации исходили только из краеугольного вопроса о "северных территориях"... С приближением даты вылета в Токио я все отчетливее понимал, что визит заваливается»*.

Б.Ельцин начинал понимать, что на международной арене у новой России проблем гораздо больше, чем это казалось на первый взгляд, что деятельность российской дипломатии не приносит желаемых результатов.

* Ельцин Б. Записки Президента. С.185.

Выступая с большой речью на коллегии МИДа в октябре 1992 года, он говорил:

«Во внешней политике России, к сожалению, много импровизации, непоследовательности и противоречивости. Есть ошибки и просчеты... Беда в том, что МИД следует за событиями и редко предвидит их. Не хватает информации, не хватает анализа, и главное, действий... Куда делись мыслители, аналитики, практики — или они оказались неспособными в новых условиях?..

Может быть, и невольно, но иногда создаем о себе впечатление, как о людях из слабой, беспомощной, бедной России. Но это же не так! Считаем себя в каком-то комплексе. Мы должны исходить из того — какой страна будет...

Ведем себя в мировом сообществе излишне робко, часто занимаем оборонительные позиции или обязательно копируем других...

Что тревожит? Россию воспринимают сейчас на Западе как государство, говорящее только "да", государство, которое иногда не замечает, как по отношению к нему другие не выполняют своих обязательств, молча сносит обиды, даже оскорбления... Россия — не та страна, которую можно держать в прихожей...

Нельзя сказать, что от послов, от МИДа не поступают интересные материалы. Но часто с опозданием, и далеко не всегда о тех событиях, о которых надо знать. Я лично от резидентуры получаю больше и более глубокую информацию, чем от послов...

Немало критики вызывает и политика России в горячих точках (Ближний Восток, Югославия и др.). Мы подчас следуем в русле политики других стран, редко даем свои варианты решения проблем... В результате часто внутри страны нашу точку зрения по этим вопросам оценивают как беспринципную, не видят в ней российской линии».

Несостоявшийся визит в Японию и выступление Ельцина на коллегии МИДа были, возможно, первой попыткой остановить безоглядный процесс сдачи позиций на всех фронтах. Однако прошел еще целый год, прежде чем отдельные шаги по преодолению «инфантильного проамериканизма» превратились в некое подобие тенденции.

Кстати, процесс внешнеполитического отрезвления невольно был замедлен апрельским референдумом 1993 года, на котором избиратели поддержали Б.Ельцина в его борьбе со Съездом и Верховным Советом. Хотя внешнеполитические вопросы на референдум не выносились, руководители МИДа поспешили подчеркнуть, что граждане одобрили в том числе и внешнеполитический курс Президента. А значит — и их собственный курс, который они, ничтоже сумняшеся, всегда объявляли «президентским».

Все это было шито белыми нитками. Понятно, что в условиях экономического кризиса МИДу было сложно на равных тягаться, а тем более противостоять дипломатии западных держав. Но вместо того чтобы признать объективные трудности и совместно с другими органами власти пытаться хотя бы минимизировать ущерб для российских интересов, избрали тактику действий в одиночку и сокрытия реального положения вещей.

И в дальнейшем руководство МИДа не уставало заявлять, что все идет по плану, что с Россией считаются, авторитет страны растет, что ее дипломатии сопутствует постоянный успех. Было просто поразительно наблюдать, как черное называли белым, а всем очевидные провалы объявляли новыми победами российской дипломатии.

Но вернемся в 1993 год. В августе во время визита в Варшаву Б.Ельцин неожиданно заявил польскому Президенту Л.Валенсе, готовому к сложному разговору по проблеме НАТО, что вступление Польши в Североатлантический альянс — внутреннее дело этой страны. Это заявление сразу же было широко растиражировано по всему миру. И неудивительно, комментаторы усмотрели в нем согласие России на расширение НАТО на Восток.

Надо особо подчеркнуть, что в подготовленных к визиту материалах подобного пассажа не было. Так что, возможно, российский Президент просто сымпровизировал, причем, скорее всего, с подачи того же министра иностранных дел, который по своему статусу сопровождал главу государства в зарубежных визитах, тесно с ним контактировал и даже не пренебрегал методами «застольного» влияния.

После польского визита Б.Ельцин почувствовал, что ситуация с расширением НАТО намного серьезнее, чем ее интерпретирует А.Козырев. По крайней мере, с молчаливого согласия Президента Служба внешней разведки подготовила открытый доклад по этой проблеме. Это была вторая попытка скорректировать внешнеполитический курс России. Доклад, озвученный директором СВР Е.Примаковым 25 ноября 1993 года, имел однозначную направленность: против расширения НАТО на Восток.

«Через два часа после пресс-конференции СВР, — вспоминает Е.Примаков, — советник министра иностранных дел по контактам с общественностью созвала брифинг, где заявила, что доклад Службы внешней разведки — документ чисто ведомственный, а позиция МИДа, которая отражает мнение Президента, заключается в следующем: НАТО не угрожает России; любое государство может обеспечивать свою безопасность так, как считает нужным». Правда, было добавлено, что «вступление стран Центральной и Восточной Европы в НАТО контрпродуктивно... без России»*.

Российская дипломатия не только не сопротивлялась, но долгое время выступала не против самого расширения НАТО, а лишь против того, чтобы это делалось быстро. Формула была такой: «Мы против *поспешного* расширения НАТО». Начались даже консультации высокопоставленных российских дипломатов с американцами на предмет получения взамен натовского расширения каких-либо уступок. Козырев, свободно говоривший по-английски, часто вел переговоры с западными коллегами один на один, даже без переводчика. И о чем он договаривался, оставалось только догадываться. Это имело плачевные последствия. Позже, на возражения нового министра иностранных дел Е.Примакова против расширения НАТО, госсекретарь США У.Кристофер говорил, что «натовцы исходят из того, что Россия, во-первых, хотела бы, чтобы такое расширение было постепенным,

* Примаков Е. Годы в большой политике. С.299.

и, во-вторых, что необходимо найти какие-то формы подключения самой России к НАТО.Так в Вашингтоне поняли "сигнал" из Москвы»*.

Тем не менее проводить текущую политику МИДу было все труднее. С самого начала действия России на международной арене подвергались сильнейшей критике, как справедливой и конструктивной, так и в угоду сиюминутным интересам. Внешняя политика нередко становилась разменной монетой в борьбе оппозиции с властью. Но постепенно критическая оценка МИДа превратилась в устойчивое мнение. После безудержного крена в направлении Запада, а точнее — США, общественное мнение в России качнулось в противоположную сторону.

По-своему ярким внешнеполитическим событием 1994 года стал окончательный вывод российских войск из Германии. Он символизировал полное послевоенное примирение двух стран, но в свете начавшегося расширения НАТО на Восток обозначал также уход России из Европы. Причем бывшие победители уходили из Германии спешно, почти бегом, уходили домой, где для них не было создано элементарных условий, где им предстояло размещаться чуть ли не под открытым небом. Не соответствовало моменту и поведение российского Президента.

Неприятный эпизод произошел также в ирландском аэропорту Шеннон. Какие только ни строили догадки о том, почему Б.Ельцин так и не появился на летном поле, почему сорвался его официальный визит, почему не состоялись его переговоры с премьер-министром Ирландии. Даже свидетели событий, рассказывая об этом эпизоде, часто сообщали полуправду, затушевывая тем самым и свое не совсем благовидное поведение.

Отметим две главные, на наш взгляд, причины скандала. Во-первых, сама многодневная поездка Президента была чрезвычайно перегружена. Она началась с Нью-Йорка, с выступления на сессии Генассамблеи ООН. После этого состоялся официальный визит в США, переговоры с Президентом Б.Клинтоном в Вашингтоне. Затем — перелет на западное побережье — в Сиэтл, посещение штаб-квартиры и производственных цехов фирмы «Боинг» и встреча с американскими деловыми кругами. В завершение планировался перелет через Тихий океан, посадка в Петропавловске-Камчатском и возвращение в Москву. Получалось бы своего рода кругосветное путешествие.

Визит в Ирландию возник в самый последний момент по инициативе А.Козырева. Президент, любивший демонстрировать чудеса выносливости и, как уже упоминалось, совмещать визиты в разные страны, согласился, хотя у сопровождавших его в поездке помощников были на этот счет большие сомнения. Ведь он не очень хорошо себя чувствовал, и даже по поводу Америки была тревога, выдержит ли он столь плотный график, постоянные выступления после длительных перелетов, утомительную смену часовых поясов. Хотелось поскорее вывезти его из Сиэтла на родину, поскольку в Петропавловске перед возвращением в Москву можно было немного передохнуть. А тут опять пришлось без всякого перерыва лететь обратно через всю Америку, пересекать Атлантический океан, готовиться к новым переговорам.

---

* **Примаков Е.** Годы в большой политике. С.242.

Во-вторых, не снимая вины и с самого Б.Ельцина, причину скандала надо искать в сопровождавшей его свите. Со временем она очень разбухла. Вместо людей, действительно работавших и помогавших Президенту, в состав делегации все чаще включались лица, «особо приближенные к телу». Попасть в заграничную поездку с Президентом, да еще на один с ним «основной борт», стало своего рода отличительным знаком особого расположения и высокого чиновничьего статуса. За границей многие из свиты просто не знали, чем себя занять... К сожалению, не отличалось пуританским поведением окружение Президента и во время злополучной поездки по Америке.

То, что произошло в самолете на подлете к Шеннону, уже многократно описано. Здоровье Б.Ельцина не выдержало таких нагрузок. Непонятно только, почему об этом не было откровенно сказано ирландцам, зачем вообще надо было приземляться в Шенноне, хотя уже было ясно, что визит не состоится, зачем понадобилась эта глуповатая версия о том, что «Президента просто не смогли разбудить», будто речь шла о школьнике, проспавшем уроки.

Монополизм или коллегиальность?

К середине 90-х годов внешнеполитические неудачи России становились все более очевидными. Против политики, которую проводил российский МИД, теперь выступала не только оппозиция, но и почти вся политическая элита, общественные деятели, специалисты-международники, ученые. Среди руководителей силовых ведомств, других органов исполнительной власти все больше утверждалось мнение, что у России должно быть собственное лицо и место в мире, что пора наконец перестать плестись за США даже в ущерб собственным национальным интересам. Конечно, сказанное отнюдь не означало спора с Америкой или с Западом по любому поводу и тем более перехода на старые конфронтационные позиции по отношению к ним. Но не было и никакой нужды постоянно поддакивать.

Почувствовав, что почва уходит из-под ног, А.Козырев одним из первых российских политиков прибег к активному сотрудничеству со СМИ, занялся, так сказать, «внутренним пиаром», то есть «раскруткой» в общественном мнении своего ведомства и собственной персоны. Практически любой шаг МИДа преподносился им в виртуальном пространстве как новое большое достижение, как очередной шаг вперед российской дипломатии.

Весьма ревниво и своеобразно опекал он и такую сферу, как подготовка программных документов, затрагивавших в том числе и внешнеполитическую сферу. Такими документами были прежде всего ежегодные Послания Президента Федеральному Собранию.

Уже при работе над первым ежегодным Посланием в 1994 году выяснилось, что материалы, присланные МИДом, откровенно слабые, безликие (в основном в них повторялись выражения типа: «сверить часы», «придать новый импульс» и т.п.). Помощники, которые никогда не относились к посланиям главы государств как к формальности, видя в них ка-

нал влияния на Президента и общую политику, обратились к специалистам-международникам. Была создана временная рабочая группа во главе с членом Президентского совета А.Миграняном, подготовившая серьезный, концептуальный текст. С ним можно было в чем-то не соглашаться, но этот материал представлял собой добротную основу для дальнейшей работы.

Однако, в отличие от руководителей других министерств, с А.Козыревым нормального творческого сотрудничества не получилось. Взяв для согласования уже подготовленный для Послания текст, министр иностранных дел вновь прислал свой, абсолютно новый, но такой же слабый, как и предыдущий, вариант. Борьба вокруг двух этих текстов — мидовского и специалистов-международников — продолжалась еще некоторое время, пока на уровне первого помощника Президента В.Илюшина не было принято окончательное решение поместить в Послании вариант МИДа. Оставалось только исправить в нем отдельные слова и самые вопиющие несуразицы.

Кстати, при подготовке устных докладов Ельцина, представлявших его Послания, помощникам удавалось восстановить во внешнеполитических разделах некоторые идеи, исключенные из письменного текста. К устным выступлениям Президента министр иностранных дел относился спокойнее: это были лишь слова, комментарии, другое дело — письменный текст, который сразу же становился документом.

Тем не менее А.Козыреву приходилось все же менять свою лексику, все больше говорить о национальных интересах, о правах русских и русскоязычных в странах СНГ и т.п. Заговорили даже о «раннем» и «позднем» Козыреве. Но в реальной политике изменений почти не было.

Причин чрезмерного доверия Ельцина к министру иностранных дел, думается, было несколько. В этой позиции было слишком много личных, субъективных моментов. Его образование и жизненная практика все-таки отстояли далеко от специфичных и требующих углубленных знаний вопросов внешней политики. Да и по свойству характера ему претила необходимость скрупулезно вникать в детали, разбираться в дипломатических хитросплетениях.

Кроме того, А.Козырев непропорционально большое, если не основное, внимание уделял установлению личных отношений Президента с иностранными лидерами, организации его приемов за границей. К тому же благосклонности главы государства он добивался, не стесняясь откровенного подхалимажа, к месту и не к месту подчеркивая, что он проводит исключительно президентскую внешнюю политику, что «дипломатом № 1» является сам Б.Ельцин, что благодаря этому роль России в мире якобы все время возрастает.

Но это не значит, что министр иностранных дел полностью находился вне критики Ельцина. Вот несколько примеров.

24 мая 1995 года на заседании Совета безопасности обсуждался вопрос о расширении НАТО. Президент начал с того, что задал вопрос А.Козыреву:

— Ваш доклад согласован с основными ведомствами?

— Подход согласован, доклад — нет, — ответил тот.

— Почему же мне Виктор Степанович Черномырдин говорит, что не согласован? — спросил Ельцин и повторил свой вопрос еще раз. Козырев повторил свой ответ.

— Я думаю, что это не так, — более резко продолжал Ельцин. — Вашей политикой недовольны почти все сидящие здесь.

Закрывая заседание, Ельцин поручил подготовку итогового документа не МИДу, а Совету безопасности. Заключительные слова Президент вновь обратил к Козыреву:

— Сейчас, Андрей Владимирович, немедленно сесть за этот документ. Не капризничать и не ревновать...

Пожурил. А немного позднее, выступая в МИДе на встрече с руководящим составом министерства, был более жестким:

«Мы встречались с руководящим составом министерства иностранных дел два с половиной года назад... Я, Андрей Владимирович, в прошлый раз заметил, что вы очень тяжело пережили ту встречу и особенно критику, которая прозвучала из уст Президента...

То, о чем мы с вами договорились на прошлой встрече, что Министерство иностранных дел — это главный координатор всей нашей внешнеполитической деятельности, деятельности за рубежом, не получилось... Поэтому появляются досадные (и для международного сообщества тоже) промахи, досадные различные толкования и так далее.

Четко, твердо Президент заявил, что НАТО, расширение НАТО, тем более энергичное расширение — нас не может устраивать. Мы с этим не согласны. Об этом за рубежом официально заявил и Председатель Правительства.

Выступая, министр иностранных дел говорит: "А у нас есть альтернатива". Вы, Андрей Владимирович, очень сильно поспешили в этом плане. Никакого решения ни о какой альтернативе, ни о каких уступках... не было.

Несогласованная позиция с Президентом. Я не знаю, с кем-то, может быть, она была согласована, но с Президентом — нет...

После обстоятельного разговора на коллегии МИДа в конце 92-го года кое-что вам удалось поправить в тех недостатках, о которых тогда вам было сказано. Но все же некоторые недостатки перекочевали и в 95-й год.

Первое. Отношения с государствами СНГ. Очень серьезной критике тогда подвергся МИД и коллегия МИДа...

Знаю, что за последнее время российские посольства в странах СНГ несколько укрепились. Сотрудники стали получать нормальную зарплату. Даже очередь установилась на командировки туда. Это очень хорошо.

Почему же тогда не видно материалов непосредственно от послов в СНГ? Ни одного не могу припомнить. Хотел бы вспомнить, но так и не смог. Их просто не было, и вспоминать нечего...

Проблема кадров МИДа вызывает тревогу. Читаешь материал МИДа и не удовлетворяешься глубиной или, наоборот, отсутствием глубины. Я имею в виду аналитические материалы.

Мы в прошлый раз говорили об утечке мозгов из центрального аппарата, из посольств. За два с половиной года ушло около 1000 человек, квалифицированных людей.

Я понимаю, когда у нас уходят с охраны люди. Они уходят, чтобы защищать банкиров. А дипломаты куда уходят? Становятся банкирами? Тогда вас надо переименовать в Международный центр подготовки кадров...»

Тем не менее со временем А.Козырев сумел превратиться в одного из самых любимых министров российского Президента, в «верного Андрея», как его называли в прессе. В ельцинской России, где не только министры, но и премьеры менялись с поразительной быстротой, А.Козырев, несмотря на все усиливавшуюся критику в его адрес, пробыл на своем посту на удивление долго — до начала 96-го года. Во многом только начавшаяся предвыборная кампания заставила Б.Ельцина отказаться от потерявшего окончательно авторитет министра иностранных дел.

Впрочем, вина за положение дел в сфере внешней политики ложилась и на самого Президента. Именно он заложил основы такой системы, при которой МИД работал в условиях почти полной бесконтрольности. Фактически дипломатическое ведомство было предоставлено само себе. Отсутствие нормального механизма разработки и принятия решений, пожалуй, основной порок внешнеполитической деятельности в годы президентства Б.Ельцина. Старые структуры наподобие международного отдела ЦК КПСС были упразднены, а новые — не созданы. Создавалось впечатление, что Б.Ельцин, не особенно вникая в детали, без каких-либо дополнительных консультаций подписывал почти все, что ему «подсовывал» А.Козырев. Его помощник по международным вопросам Д.Рюриков был фактически лишь посредником между МИДом и Кремлем. Единственной структурой, которая при полном отсутствии теоретических разработок со стороны МИДа хоть как-то пыталась сформулировать цели России на международной арене, была Служба внешней разведки.

Собственно говоря, ожидать от российского МИДа концептуальных внешнеполитических наработок нельзя было даже не из-за какой-то злой воли его руководства. Были ограничения сугубо объективного характера. Традиционно дипломаты идеи не генерировали, а выступали их исполнителями, были призваны и умели заниматься главным образом оперативными вопросами. В зависимости от способностей могли с большим или меньшим успехом выполнять спущенные им директивы, но стратегических указаний сверху практически не было.

Это бросалось в глаза многим. В период президентства Б.Ельцина предпринимались попытки возложить координирующие функции в сфере внешней политики на Совет безопасности России, неоднократно ставился вопрос и о создании специального межведомственного органа, непосредственно занимавшегося этими проблемами.

С конца 1992 года существовала межведомственная внешнеполитическая комиссия Совета безопасности. Она периодически готовила доклады Президенту по отдельным международным вопросам, которые грешили общими пожеланиями и реального влияния на внешнеполитический курс России не оказывали.

В начале 1995 года в ежегодном Послании парламенту Б.Ельцин прямо поставил задачу «улучшения координации внешнеполитической деятельности». При представлении Послания он развил эту мысль, заявив

о намерении создать в своей Администрации специальный механизм межведомственной координации внешнеполитической деятельности.

В конце года казалось, что такой механизм — Совет по внешней политике — наконец создан. Но позже переименованный в управление, он превратился в обычное и немаленькое бюрократическое подразделение президентской Администрации. Его сотрудники почему-то даже гордились тем, что занимаются сугубо технической работой.

Словом, все усилия вернуться к коллективному рассмотрению важнейших внешнеполитических проблем, создать какой-либо координирующий орган не дали результатов и во многом из-за активного противодействия руководства МИДа. А.Козырев этого и не скрывал. Он сам пишет, что «постоянно и упорно сопротивлялся разрастанию всякого рода координационных механизмов внешней политики, таких, как, скажем, Совет безопасности или, еще раньше, Госсовет»*.

Более того, ему удалось провести два президентских указа, подтверждавших координирующую роль самого МИДа в вопросах внешней политики. Третий подобный указ подписал у Б.Ельцина уже следующий министр иностранных дел — Е.Примаков. Получалось, что МИД сам себе ставил задачи, сам их пытался выполнить, сам себя координировал и контролировал.

Б.Ельцину оставалось только периодически выговаривать своему министру за то, что тот недостаточно координирует внешнеполитическую деятельность. В ответ на эти упреки А.Козырев обычно разводил руками: «Меня не слушаются».

Диагноз поставлен правильно. Но поздно

90-е годы оказались переломными для Европы и всего мира. Старое послевоенное устройство, санкционированное ялтинско-потсдамскими договорами, — рухнуло. Люди все чаще задавались вопросом, как будет устроен мир после окончания «холодной войны». Нужна была новая система европейской безопасности после самоликвидации Организации Варшавского договора и прекращения блокового противостояния в Европе.

Как известно, Россия выступала за создание системы европейской безопасности на основе ОБСЕ. Уже в середине 90-х годов стало ясно, что эта идея терпит фиаско. В основе системы европейской безопасности фактически оказалась НАТО, причем не прежняя, а в расширенном составе и действующая за пределами своей зоны ответственности.

Уже в 1994 году четко определились две наиболее важные и взаимосвязанные в этом плане внешнеполитические проблемы России: расширение НАТО на Восток и югославский кризис (то же расширение, но только военным путем и под видом миротворчества). Это было отражением новой политической реальности, когда после некоторого колебания США фактически объявили себя единственным победителем в «холодной войне», имеющим право на «военные трофеи»: на заметное расширение своего влияния и даже на гегемонию в современном мире.

---

* См.: Козырев А. Преображение. М., 1995. С.301.

С одной стороны, Запад оказывал российскому руководству финансовую и даже политическую поддержку в борьбе с угрозой коммунистической реставрации, но с другой — эта помощь имела строго очерченные границы. Это, в частности, особенно заметно в противостоянии любым формам реинтеграции на постсоветском пространстве, в сохранении дискриминационных мер во внешней торговле. Как-то раз во время одного из визитов в США Б.Ельцин горько пошутил, что в России уже каждый ребенок знает о пресловутой поправке Джексона-Вэнника, а ее все никак не отменят.

С расширением НАТО было связано и создание для восточноевропейских и постсоветских государств специальной программы сотрудничества с блоком — «Партнерство во имя мира». В России вопрос о присоединении к этой программе долго оставался дискуссионным. МИД и некоторые политологи считали ее альтернативой натовскому расширению и, чтобы не остаться в изоляции, ратовали за присоединение к ней. Другие справедливо называли «Партнерство» лишь подготовительным классом перед вступлением в Североатлантический альянс, а эта перспектива России вовсе не светила. Однако первая точка зрения победила. По настоянию МИДа Б.Ельцин дал добро на присоединение к «Партнерству», причем фактически уже после того, как было официально объявлено о начале процесса расширения НАТО.

В период первого президентского срока Б.Ельцина выход за рамки мидовской монополии в какой-то степени был найден в том, что накануне ответственных международных встреч Президент проводил тематические встречи со специалистами-международниками, в ходе которых его, что называется, «накачивали» ценной информацией. А цепкая память Президента была здесь как нельзя кстати.

Чтобы читатель представил атмосферу таких встреч, приведем фрагмент стенограммы беседы Б.Ельцина с рядом экспертов по экономике и внешней политике, проходившей в июне 1995 года за три дня до поездки в канадский город Галифакс на очередной саммит лидеров ведущих держав мира.

«А.Мигранян: Вот, собственно, несколько центральных вопросов. Это проблема Боснии, вообще вопрос Балкан. И проблема НАТО. Собственно, то, где у нас есть позиции, где у нас есть расхождения и где мы должны очень четко определить собственные позиции.

Должен сказать, что хорошо, что здесь присутствует Андрей Владимирович (Козырев. — *Авт.*). Я хотел воспользоваться случаем и сказать, что, на мой взгляд, мы очень несвоевременно присоединились к "Партнерству во имя мира". Я изначально был против этой идеи, потому что мне казалось, что это потом — "зеленая дорога" к расширению НАТО. Была у нас другая линия, что если мы присоединимся к этой программе, то это заблокирует возможность расширения НАТО.

Но когда уже принято решение о расширении НАТО, зачем нам присоединяться к такой программе? Это, мне кажется, с нашей стороны было не продумано или недостаточно продумано, скажем так. Это первый вопрос.

Второй вопрос. С одной стороны, мы говорим о том, что мы против расширения блока НАТО, а с другой стороны, мы фактически закрываем глаза на его де-факто расширение уже...

НАТО создает силы быстрого реагирования. Они их частично уже переместили в Хорватию. Фактически нет мандата Совета Безопасности. НАТО фактически под себя подминает Совет Безопасности. С нами не консультируется, наносит удары... И в этой связи я был очень удивлен, когда Андрей Владимирович в Лондоне говорит, что "российские солдаты, возможно, присоединятся к силам быстрого реагирования в бывшей Югославии"...

Б.Ельцин: Придется дезавуировать его заявление в Галифаксе. В моем выступлении будет сказано, что мы против силового давления. Наша позиция по Боснии остается прежней.

А.Козырев: Мы сначала проведем анализ. Не будем оценивать сейчас.

А.Мигранян: Мы не можем согласиться на действия НАТО без мандата Совета Безопасности. Вот эта наша центральная линия должна быть, принципиальная линия...»

Таким образом, встречи с экспертами были достаточно откровенными, хотя и проводились от случая к случаю. Козырев же встречался с Президентом не реже одного раза в неделю. Официальные материалы для международных встреч также, естественно, готовились на Смоленской площади, и они часто шли вразрез с советами, которые давали Президенту его эксперты.

Характерно, что пошатнувшуюся в России репутацию А.Козырева пытались поддержать западные лидеры. Так, в сентябре 1995 года в Москву прибыл премьер-министр Испании Ф.Гонсалес, председательствовавший тогда в Европейском союзе. По свидетельству очевидцев, в конце своей беседы с Б.Ельциным он довольно неожиданно ввернул, что, мол, у вас очень хороший министр иностранных дел. Российский Президент мгновенно отреагировал: «Может быть, и хороший, да только ошибается часто».

Вообще хвалить А.Козырева в разговоре с Б.Ельциным считалось у западных лидеров чуть ли не правилом хорошего тона. Но время изменилось. Президент наконец разуверился в «холодноватом козыревском профессионализме». Именно в эти дни авиация НАТО бомбила позиции сербов в Боснии и Герцеговине, и такое назойливое нахваливание чужого министра иностранных дел приводило лишь к обратному эффекту.

8 сентября 1995 года Б.Ельцин провел пресс-конференцию. У него был заготовленный текст, но говорил он, во многом импровизируя. Приведем по стенограмме фрагмент его пресс-конференции, — это позволяет не только лучше понять, что Президент думал в тот момент, но и услышать его живую речь со всеми ее шероховатостями:

«На первые авиаудары были не санкции ООН, я бы не назвал это санкциями ООН. Санкции с разрешения ООН — это когда заседает Совет Безопасности и решает. Совет Безопасности на этот раз не собирался, не решал, а Россию никто и не спросил вообще. Разве это в цивилизованном мире и при желании мирно решать вопрос допустимо? Эти бомбежки недопустимы...

Поэтому я и против расширения НАТО. Это уже первый признак, что может случиться. Первый признак! ...Готовится концепция, готовятся прин-

ципы о европейской безопасности... Россию не пригласили. Что Россия — не Европа? Она тысячелетиями Европа, не как некоторые — по несколько лет. Тысячелетиями! И не думает уходить из Европы, а думает играть в Европе не последнюю роль...

Наше мнение — НАТО не должна быть какой-то вооруженной организацией. А вместе с Россией у Европы должны быть общие вооруженные силы, командует поочередно то одна сторона, как сейчас ЕС, то другая. Европа себя защитит всегда и отпор даст любому. Конечно, Европа вместе с Россией, безусловно...

Нам говорят: садитесь за стол переговоров с натовцами и подписывайте договор с НАТО.Чего это ради? Для чего? Это будет крупной политической ошибкой тех, кто сейчас настаивает на расширении НАТО. Это разразится пламя войны по всей Европе. Наверняка... Вот НАТО уже и показывает то, на что она способна. Бомбардировать только, а потом подсчитывать трофеи — сколько убито гражданского населения».

Осенью 1995 года критика А.Козырева достигла своего апогея. Министра откровенно ругала не только оппозиционная, но и некогда лояльная к нему либеральная пресса. Наконец не выдержал и он сам. Вместо подчеркнутой лояльности позволил в кругу близких ему журналистов резко критиковать Президента, утверждая, что во всех внешнеполитических провалах виноват Кремль, который не имеет четкой стратегии поведения на международной арене и сам не знает, чего хочет. Он посетовал также на несправедливую и грубую по форме критику, которая обрушивается на него со стороны президентских структур.

Позже, правда, министр иностранных дел опровергал этот факт и даже подал в суд на обнародовавшее его радио «Свобода». В ответ руководитель русской службы радиостанции заявил, что это один из самых смешных эпизодов, с которыми он сталкивается. По его мнению, материал был выдержан в сочувственном для Козырева тоне, и он не понимает, в чем министр усмотрел клеветнический характер сообщения.

В начале 1996 года А.Козырев ушел в отставку, предусмотрительно в декабре 1995 года став депутатом Госдумы. Б.Ельцин поставил в вину своему министру две вещи: расширение НАТО на Восток и отсутствие «четкости» в политике по отношению к Югославии. Диагноз был поставлен правильно, но с опозданием.

Разворот

9 января 1996 года МИД возглавил академик Е.Примаков. В отличие от предшественника, он пришел на Смоленскую площадь со своим собственным видением международных проблем и места России в современном мире. С его именем была, в частности, связана концепция так называемого «многополярного» или «многополюсного мира», отрицающая диктат одной страны. Е.Примаков не стеснялся говорить про национальные интересы российского государства и пытался по мере сил их отстаивать. Усилились связи России не только с Западом, но и с Востоком. Сло-

во «партнерство» осталось, но оно стало употребляться с прилагательным «равноправное».

В то же время с середины 90-х годов на внешнеполитическую деятельность России уже активно влияло состояние здоровья Б.Ельцина. К нему пришло лучшее понимание проблем, но не было уже достаточных сил, чтобы их решить в комплексе. Остались главным образом вопросы внешнего долга, который беспрерывно нарастал, и контакты с лидерами ведущих стран мира, напоминавшие все больше встречи старых друзей, вспоминающих молодые годы.

Эти встречи все чаще проходили «без галстуков», то есть в неофициальной обстановке, где-нибудь на лоне природы, без советников и экспертов. Доверительность, конечно, вещь хорошая, но плохо, когда она перерастает в доверчивость. Недаром еще экс-президент США Р.Рейган так любил повторять русскую пословицу «Доверяй, но проверяй». На встречах «без галстуков» проверять было некому. И на Западе это очень хорошо поняли, пытаясь именно на таких встречах добиться от Б.Ельцина максимальных уступок. Иногда им это удавалось, все-таки дипломатический протокол придуман не зря, и следовать ему было всегда предпочтительнее.

За время президентства Б.Ельцина много усилий пришлось затратить на превращение «семерки» ведущих государств мира в организацию «семь с половиной», а затем и в «восьмерку» с более-менее полноправным российским участием. Как большой успех расценивалось вступление России в Совет Европы, в Парижский и Лондонский клубы кредиторов. Было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Европейским союзом. Наконец, Россию приняли в члены Азиатско-Тихоокеанского экономического союза (АТЭС).

Но главным оставалось, конечно, европейское направление, формирование новой системы европейской организации. После долгих и тяжелых переговоров был подписан Основополагающий акт Россия — НАТО, создан одноименный Совместный постоянный совет. Однако реально это мало что изменило. В частности, Россия ничего не смогла сделать, чтобы предотвратить агрессию НАТО против Югославии. Эффектный разворот самолета Е.Примакова в воздухе на подлете к Америке остался только красивым жестом.

Не было сколько-нибудь заметных достижений и в ближнем зарубежье. СНГ так и не стало прочным региональным объединением. На мартовском саммите стран Содружества в 1997 году в Москве Б.Ельцин впервые жестко поставил вопрос о том, что СНГ нужно не одной России, что она не собирается никого в него тянуть, жертвуя порой даже своими национальными интересами. Была еще раз подтверждена идея о разноуровневой и разноскоростной интеграции в рамках всего Содружества. Фактически это было констатацией уже идущего полным ходом размежевания СНГ на две часто противоборствующие части — Таможенный союз (Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан) с Арменией в рамках Договора о коллективной обороне и ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдавия). Равноудаленно от двух этих частей держалась Туркмения.

Определенные успехи были достигнуты только при создании Союза России и Белоруссии. Но и вокруг этого Союза не стихала кулуарная борьба. Так, одним из последовательных сторонников развития отношений со странами СНГ, и в первую очередь с Белоруссией, за интеграцию на деле, а не на словах выступил Д.Рюриков. В конечном счете за это и пострадал. Весной 1997 года, когда готовился очередной союзный российско-белорусский договор, за излишнюю активность и инициативы в этом вопросе он был уволен из Службы помощников Президента.

Уже при Е.Примакове после подписания Основополагающего акта Россия — НАТО произошло и формальное расширение НАТО. В него вступили страны бывшей «Вишеградской тройки» — Польша, Чехия и Венгрия. Причем процесс расширения НАТО объявлялся открытым, официально были названы страны, которые должны вступить в блок во вторую очередь. В списке потенциальных кандидатов значатся и бывшие советские республики.

В целом попытки российской дипломатии переломить негативные тенденции, добиться в отношениях с Западом большего равноправия не имели успеха.

В сущности, ослабление позиций России на международной арене за годы президентства Ельцина — после распада СССР и трудностей с экономикой — было неизбежно. Но весьма спорно утверждение, что страна априори была обречена именно на такое положение, так как не располагала рычагами воздействия на формирование новой системы международных отношений после окончания «холодной войны».

Запад тоже не сразу сформулировал свои цели. Они зависели и от позиции России. Ее постоянные уступки лишь увеличивали запросы противоположной стороны. Именно позиция российской дипломатии во многом спровоцировала западные страны во главе с США на закрепление новой расстановки сил. И дело было даже не в игнорировании мнения России. Его часто просто не было. А когда оно появлялось, часто оказывалось слишком поздно.

Повторим, Президент во второй половине 90-х годов стал лучше понимать сложившуюся внешнеполитическую ситуацию. Но сил, чтобы что-либо исправить, не было. Их хватило только на несколько жестких заявлений. Предпринятые незадолго до отставки, они находились на грани допустимого в дипломатическом этикете. Добродушный, дружеский стиль общения с иностранными лидерами, который целое десятилетие культивировал Б.Н.Ельцин, ушел в прошлое.

Сначала в ноябре 1999 года на саммите ОБСЕ в Стамбуле Президент обрушился на критиков России: «Вы не смеете критиковать Россию за Чечню!» К этому добавилось нарочито снисходительное отношение к Ж.Шираку и Г.Шредеру, которым Б.Ельцин, вопреки достигнутым ранее протокольным договоренностям, уделил лишь 10 минут. А потом он просто уехал в Москву, оставив министра иностранных дел И.Иванова с лидерами стран ОБСЕ уточнять формулировки. Тремя неделями позже, 10 декабря, во время визита в КНР Президент в решительной форме напомнил «другу Биллу» о том, что Россия все еще обладает полным арсеналом ядерного оружия.

Эти шаги Б.Ельцина, его слова вызвали всплеск пересудов и в очередной раз дали основания для весьма обидных интерпретаций. Между тем это были одни из немногих по-настоящему искренних слов Ельцина-дипломата.

Последний год его президентства принес немало разочарований. Существенная их часть относилась к международным делам. От бомбардировок Югославии и вторжения НАТО в Косово до кампании в западной прессе против Президента и его близких — все говорило о том, что его списали. Он был нужен западным лидерам, пока держал в руках эту «непонятную и страшную» страну — то хитрыми маневрами и уступками, то взрываясь и сокрушая своих противников, никогда не добивая их. Он «контролировал ситуацию», и им было не страшно, а своим избирателям они могли говорить, что сеют семена демократии и свободного рынка на этой необъятной территории. Но когда он ослабел (политически и физически), они бросили его, более того, натравив, как на отставшего от стаи подраненного волка, всех своих псов — и внутри России, и за ее пределами.

Он это чувствовал и терпел. Терпел до тех пор, пока не решил, что можно уходить. Теперь ему не надо было торговаться из-за сумм кредитов, настаивать на равноправных отношениях то ли в «семерке», то ли в «восьмерке», беспокоиться о результатах предстоящих выборов, и о том, как его антизападные выпады воспримет демократическая пресса. Теперь это предстояло другим, а он мог говорить, что думает. Решив, что он может уходить, Президент наконец позволил себе сказать то, что хочет сказать, и так, как хочет. И он сказал для себя и для всех, кто, услышав его жесткие слова, чуть-чуть расправил плечи.

Ельцин, как человек, выросший в «великом и могучем» Советском Союзе, остро переживал его распад (последствия своей борьбы за власть), еще больше переживал унижение новой России (своего детища). Он страдал, возможно, больше других, потому что чувствовал личную ответственность и знал многое изнутри. Но «во многия знания — многия печали».

«Надеюсь на вас, журналисты...»

(1991 — 1998)

«Цензуру запретим»

Закон, отменявший цензуру и провозгласивший свободу массовой информации, был принят еще в Советском Союзе 12 июня 1990 года при М.Горбачеве и не без его поддержки. Официально цензура была отменена, свобода средств массовой информации провозглашена, но реально предстояло сделать еще очень много, чтобы добиться настоящей свободы. То был период гласности — большой шаг к открытости и свободе слова, но шаг недостаточный, чтобы граждане могли реализовать свое право на информацию. Пользуясь тем, что закону недоставало конкретных механизмов и гарантий неподконтрольности прессы, чиновники находили способы отказывать журналистам в информации и пытались по-прежнему цензурировать их работу.

Нужен был новый закон, который трансформировал бы романтику демократических свобод в строгую технологию обеспечения независимости прессы и свободы массовой информации. Те же люди, что писали союзный закон, взялись за новый проект — для РСФСР. Российская власть в тот момент выступала в защиту демократической печати, которая отвечала взаимной поддержкой. Поддерживала она и авторов получивших известность законопроектов.

До августовского путча борьба Ельцина в сфере массовой информации носила позиционный характер. Он находился в жестком противостоянии с союзной властью, а значит, со всеми СМИ, подконтрольными этой власти. Но уже 21 августа 1991 года Президент России издал Указ «О средствах массовой информации в РСФСР», которым передал Всесоюзную телерадиокомпанию и весь второй общесоюзный канал в российское ведение. Это было только начало.

Российский Закон о печати появился перед самым распадом СССР, и завоевание свободы прессы в стране не случайно связывают с именем Б.Ельцина. Он не просто сохранил в России свободу массовой информации, но и сделал ее реальной. Это деяние заслуживает особой признательности. Здесь не случайно употреблен юридизированный термин «деяние», который подразумевает не только действие, но и бездействие. Предлагаем самому читателю оценить, чего было больше — сознательных усилий по укреплению свободы слова или обуздания собственных порывов и интуитивного уклонения от подсказываемых резких движений по отношению к прессе. Причем баланс в данном случае нельзя оценивать по арифметическому соотношению активного и пассивного в отношениях Ельцина со средствами массовой информации. Иногда Президенту, читающему, что писали о нем в газетах, гораздо труднее было сдерживать себя от реакции, чем подписать какой-нибудь указ...

Май 1989 года. Б.Ельцин избран народным депутатом СССР. Авторы альтернативного официальному проекта Закона о свободе печати Ю.Батурин, М.Федотов и В.Энтин, издавшие за свой счет текст в виде небольшой брошюры, набивали ее экземплярами карманы и портфели, чтобы раздавать на I съезде депутатам.

Однажды, выходя из Кремлевского дворца, Батурин увидел в метре от себя Ельцина, подошел, представился и, на ходу подписывая брошюру, сказал:

— Хочу вам подарить наш проект и попросить поддержать его.

— А у меня уже есть такая книжечка, — ответил Ельцин, и, скорее всего, так оно и было — троица соавторов к тому времени раздала и разослала журналистам и депутатам несколько сотен экземпляров.

— Ну, будет еще одна, с автографами авторов, — не совсем скромно сказал Батурин и протянул даже не один, а пяток брошюр.

— Там принципиальные вещи написаны, — продолжал Ельцин, пока они спускались к Кутафьей башне, — мы обязательно будем поддерживать и цензуру запретим.

Пожалуй, одним из лучших экспертов, который может многограннее оценить восприятие Ельциным свободы прессы и его отношение к ней, является М.Федотов, работавший одним из первых министров печати. Вот что он рассказал в беседе с авторами этой книги: «Отношение Ельцина к средствам массовой информации можно охарактеризовать как патерналистское. Точнее — отеческое. Правда, оно сформировалось не сразу. Будучи воспитан советской системой, он с номенклатурным молоком впитал представления о прессе как коллективном агитаторе, коллективном пропагандисте и коллективном организаторе. Как крупный партийный руководитель он прекрасно усвоил, что журналисты являются подручными партии. Именно так он относился к прессе, пребывая на посту главы Московского горкома КПСС.Именно он решал, что можно печатать в московской прессе. Причем можно было печатать только то, что он считал нужным печатать».

Главным редактором газеты «Московская правда», органа Московского горкома, был тогда Михаил Полторанин. Он стал не столько «говорящими устами» шефа, сколько проводником его линии в столичных СМИ, создателем героического образа Ельцина, бесстрашным критиком всего, против чего выступал его патрон, и пропагандистом всего, что приходилось ему по вкусу. Естественно, падение Ельцина с номенклатурного олимпа осенью 1987 года повлекло немедленную отставку Полторанина.

Неудивительно, что, став главой Российской Федерации, Ельцин в июне 1990 года вновь призвал Полторанина под свои знамена, предложив ему высокий правительственный пост. Но что это будет за орган, организуемый «под Полторанина»? Ясно, что рамки существовавшего ранее Госкомиздата РСФСР, сравнительно тихой номенклатурной заводи, для ельцинских планов и полторанинского темперамента были малопригодны. Душа требовала министерского размаха. Кроме всего прочего, такая организационная форма, как Минпечати, позволяла включить телевидение и радио в сферу компетенции республиканских властей. А ведь идея создания российского телевидения и радио не только витала тогда в воз-

духе, но даже воплотилась в специальное постановление I съезда народных депутатов РСФСР.

В свою очередь, Полторанин, формируя министерскую команду, пригласил одного из руководителей упраздненного Госкомиздата РСФСР (для грамотности в управлении отраслью), своего бывшего зама по «Московской правде» (для надежности основанной на личной преданности) и М.Федотова как одного из создателей Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации». Закон как раз вступал в силу с 1 августа.

Начав работу в опустевшем особняке упраздненного Госкомиздата в июле 1990 года, Федотов довольно долго не был официально назначен. Дело было не в бюрократической волоките, а в неприятии правительственным аппаратом кандидатур, не имеющих партийно-номенклатурного прошлого. В ход шла даже такая отговорка, что якобы кандидат не справился с психологическим тестированием (такая процедура в Правительстве И.Силаева была обязательна для претендентов на высокие посты). Помогло вмешательство Полторанина. Вернувшись от премьера, он заявил, что завтра правительственное распоряжение будет подписано: «Я стукнул кулаком и пообещал, что сегодня же доложу Ельцину, как старая номенклатура тормозит наши демократические начинания».

Назначение действительно состоялось. Не только сам Ельцин, но и его имя наводило страх в высших правительственных кругах.

Закон, признавший право журналистских коллективов учреждать СМИ и объявивший каждую редакцию самостоятельным юридическим лицом, означал отмену крепостного права в сфере массовой информации, и центральные издания ушли по этому пути далеко вперед. Но местная пресса работала по старинке, под диктовку партийных бонз. Была предпринята попытка отвоевать у КПСС районные и городские газеты. Исторически так сложилось, что эти газеты финансировались из республиканского госбюджета, а принадлежали райкомам и горкомам КПСС. Ельцин добился от Горбачева согласия начать подготовку соответствующего документа. После долгих препирательств М.Полторанин и тогдашний управделами ЦК КПСС Н.Кручина подписали соглашение, суть которого сводилась к тому, что партия брала на себя половину расходов по содержанию районных и городских газет, а местные Советы отныне становились соучредителями соответствующих изданий.

«Другая важная инициатива того периода, — вспоминает М.Федотов, — связана с созданием сети межрегиональных газет. Стремясь сократить влияние областных и краевых партийных газет, Минпечати убедило Ельцина в необходимости создания нескольких десятков газет, которые распространялись бы сразу в нескольких сопредельных автономиях или областях. Причем Минпечати должно было выступать в качестве соучредителя каждой такой газеты вместе с журналистским коллективом, а в некоторых случаях и с другими организациями. Министерство было необходимо как источник финансирования и как защита от репрессий со стороны местных властей. К сожалению, многие из этих газет создавались наспех, без разработки бизнес-планов, без соответствующего изучения рынка, а порой даже без элементарной проверки тех людей, которым вверялись функции редактора и, что немаловажно, бюджетные средства. В результате многие из этих

изданий канули в Лету уже через год-два. Но свою роль свободной трибуны и независимого от местных властей источника информации на региональном уровне они сыграли».

«Готовьте указ...»

Итак, в те времена главным консультантом по прессе был у Ельцина М.Полторанин. О.Попцов вспоминает, как родился девиз «Сделайте народное телевидение», которым российский руководитель напутствовал нового председателя ВГТРК Эдуарда Сагалаева:

«Идею народного телевидения сразу после подписания документа о создании компании в 1990 году предложили мы, предварительно проговорив эту идею с Михаилом Полтораниным. Ельцин еще не был президентом. Я хотел создать принципиально иное телевидение, в полном соответствии с демократическими преобразованиями, проходящими в России... Замысел был и дерзок, и прост — сотворить альтернативу привычному советскому государственному телевидению.

Ельцин живо принял идею и в двух своих знаковых интервью дал расшифровку этому понятию: "Это должно быть другое телевидение, защищающее интересы общества, критикующее власть и говорящее о просчетах власти и ее высших должностных лиц открыто"»*.

Тем не менее не стоит преувеличивать альтруизма Ельцина в отношении СМИ. Они для него были вначале инструментом борьбы за власть, а затем серьезным ресурсом власти. И он давал это понять всем, кто сомневался в том.

Вот показательный эпизод, относящийся к ноябрю 1992 года. Речь идет об уже упоминавшейся отставке Егора Яковлева, руководившего тогда телекомпанией «Останкино».

Случилось это после показа по первому каналу документального фильма о критической ситуации в Северной Осетии. На встрече Президента с главами российских республик глава Северной Осетии Галазов заявил резкий протест по поводу фильма, как «извращающего суть конфликта и унижающего осетин». Президент отреагировал репликой: «Хватит! Подготовьте указ об освобождении Яковлева».

Позднее сам Борис Николаевич признавал, что погорячился и даже был готов принести извинение, но ошибка осталась ошибкой. Однако, снимая и бросая людей, он был достаточно расчетлив, чтобы не ссориться с прессой.

После Е.Яковлева руководителем влиятельнейшего телевизионного канала был назначен народный депутат РСФСР, бывший секретарь райкома КПСС из Калинина (Твери) Вячеслав Брагин. Этот человек, безусловно, порядочный и лояльный Президенту, не обладал авторитетом ни в журналистских, ни в политических кругах, но был, что называется, удобным. В результате в роковые дни октября 1993 года «удобный» человек не проявил необходимого мужества, и Ельцин вскоре отправил его в отставку.

---

* Попцов О. Тревожные сны царской свиты. М., 2000. С.101—102.

Учитывая характер Б.Ельцина, можно было предположить, что по мере нарастания неудач у него разовьется болезненное отношение к критике. Такие тенденции просматривались. Несколько раз Президент просил приструнить слишком уж «распоясавшихся» журналистов. Впрочем, эти вспышки гнева часто были небезосновательны: газеты оппозиции, и не только оппозиции, в критике нередко переходили этические границы.

Вызывали неудовольствие и другого рода моменты. Во время некоторых поездок Президента по стране телевизионные камеры бывали избыточно откровенны, а порой и безжалостны в показе «нештатных» моментов его появления на публике. Скажем, 15 мая 1992 года по ряду телеканалов были показаны кадры выступления Б.Ельцина на встрече с лидерами СНГ, которые дали основание депутату В.Исакову (одному из самых яростных противников Ельцина) обвинить Президента в злоупотреблении алкоголем и поставить вопрос о необходимости его медицинского освидетельствования.

Все это раздражало Б.Ельцина, тем более что лояльность прессы и телевидения он воспринимал как некую данность, как естественную и неубывающую «ренту» своего подвига в августе 1991 года.

Следует добавить, что к ряду известных и влиятельных журналистов он испытывал недоверие только потому, что они когда-то работали «на Горбачева». Этот комплекс подозрительности и «памятливости» приносил Ельцину очевидный вред, но избавиться от него он не мог.

«Сильный руководитель не будет давить на прессу»

До августа 1991-го в среде демократов можно было часто слышать рассуждения такого типа: дайте нам телевидение, радио, газеты, и мы развернем сознание людей на поддержку реформ. После краха августовского путча была полностью отменена цензура и канул в небытие ненавистный идеологический отдел ЦК. В СМИ царили настроения «демократического сибаритства», «головокружения от успехов». Исходя из формальных принципов свободы слова, газеты и телевизионные каналы широко предоставляли трибуну явно деструктивным элементам. Скажем, 24 октября 1992 года группа экстремистов левого толка устроила в Москве малочисленную, но шумную демонстрацию протеста против «антинародного режима Ельцина». Акция экстремистов была весьма широко показана по телевидению, хотя, по подсчетам милиции, в ней участвовало всего около сотни человек с красными знаменами и антиправительственными лозунгами. В результате у рядовых зрителей создавалось ложное впечатление, что у «спасителей отечества» внушительные силы и поддержка. Телеэкран, в сущности, превращался в кривое зеркало, в увеличительное стекло для антидемократических группировок.

«Силовое» окружение Президента (прежде всего А.Коржаков), всячески науськивало Президента на прессу, считая это лучшей демонстрацией своей преданности и бдительности. Да и вообще не в принципах этих людей была открытая политика и свобода слова. Масла в огонь подливали и лидеры некоторых российских республик и стран СНГ, жаловавшиеся Президенту на «чрезмерность гласности». Но было давление и с другой сторо-

ны: демократы старательно убеждали его, что с прессой ссориться вредно и надо поддерживать добрые отношения с журналистами.

В такой неоднозначной ситуации особенно важен был прямой диалог с представителями прессы, позволявший сопоставить позиции, разрешить накопившиеся вопросы, снять взаимные претензии, а также обсудить политическую ситуацию и ее перспективы.

В первые годы своего президентства у Б.Ельцина сложилась определенная практика такого рода общения. За редчайшими исключениями Президент следовал ей и провел в общей сложности 15 встреч с руководителями демократических СМИ. Однако начиная с 1995 года такие встречи становились все более редкими и наконец прекратились вовсе. Так постепенно сужался круг людей, которые могли доносить до него объективную информацию.

Одна из первых встреч такого рода, состоявшаяся 16 июля 1992 года, носила ярко выраженный политический характер: она должна была послужить предостережением консервативному Верховному Совету и его лидеру Хасбулатову, которые пытались подвергнуть ревизии демократический Закон о СМИ.

На этой встрече Б.Ельцин фактически выступил с программным заявлением:

«Если лидер, руководитель, Президент начинает давить на прессу, это значит, он слаб. Сильный руководитель не будет давить на прессу, даже если она его критикует. Эта критика нужна. Если мы не будем критиковать сейчас, мы скатимся опять в то болото, в котором находились многие десятилетия. Этого допустить нельзя, и я как Президент... еще раз вам заявляю о своей защите и поддержке средств массовой информации. Мы с вами вместе вымучили Закон о печати ... и я должен проводить линию на выполнение этого закона всеми абсолютно, без всяких исключений... Каждый имеет право на слово и высказывания, даже из "Матросской Тишины". Я сначала хотел было возмутиться (Президент имел в виду интервью А.Лукьянова и В.Крючкова, содержавшие резкую критику политики Ельцина. — *Авт.*), но в очередной раз сдержал себя».

Вместо запланированного часа встреча длилась около трех часов. Почувствовав поддержку руководителей СМИ, Ельцин дал им возможность высказаться по более широкому спектру политических вопросов. Здесь же завязалась интересная дискуссия, которая позволила выявить позицию Президента в отношении свободы слова. Несколько главных редакторов пожаловались на широкое распространение профашистских изданий, и в частности на деструктивную роль газеты «День». Общественность уже неоднократно обращалась к Ельцину с требованием запретить ее.

Вот один из эпизодов этой дискуссии:

И.Голембиовский *(главный редактор "Известий").* В одном только Санкт-Петербурге издается 31 газета откровенно фашистского толка. Они нарушают Конституцию. Почему Президент не подаст на "День" в суд? В каждом номере — оскорбления Президента.

Б.Куркова *(руководитель Санкт-Петербургского телевизионного канала).* Не только Президента. Они призывают к свержению строя!

вах человека» (резолюция 428 (1970) Конституционной ассамблеи Совета Европы), принципами управления телерадиовещанием (рекомендация 748 (1975) Парламентской ассамблеи Совета Европы); принципами отношения средств массовой информации с парламентами (резолюция 820 (1984) Парламентской ассамблеи Совета Европы).

Этот Указ упоминается не случайно. Дело в том, что то был период серьезной борьбы за телевидение между Президентом и Верховным Советом. Поэтому Ельцин поручил подготовить проект указа, «перевешивающего» чашу весов в его пользу. Но важнее, что это укрепляло правовой фундамент независимости электронной прессы, которая страдала от этого противостояния. Подготовленный документ Ельцин подписал без промедления, на несколько дней опередив Съезд.

«У вас все готово?»

В борьбе за влияние на СМИ депутаты использовали идею создания органа парламентского контроля за телерадиовещанием, сделав ее «дежурным блюдом» на съездах народных депутатов России.

28 марта 1993 года IX съезд народных депутатов принял постановление, по-иезуитски озаглавленное «О мерах по обеспечению свободы слова на государственном телерадиовещании и в службах информации».

Одной из причин появления этого опасного для свободы слова постановления стало учреждение Президентом Федерального информационного центра (ФИЦ), о котором стоит рассказать подробнее.

Мысль об этом впервые возникла у М.Полторанина. Он, желая сосредоточить в одном кулаке огромные информационные мощности, в частности, предлагал объединить ИТАР-ТАСС, Агентство печати «Новости», телеканал «Останкино», радиостанцию «Россия» и собственно Министерство печати и информации. Такое «суперминистерство», формально подчиняясь самому Президенту, должно осуществлять «координацию государственной политики в области периодической печати, информационной деятельности, телевидения и радиовещания», а также вести «разъяснение государственной политики Российской Федерации». Его руководитель замышлялся в ранге первого заместителя премьер-министра. В одном из вариантов проекта указа предлагалось наделить Федеральный информационный центр даже правом законодательной инициативы. Предусматривалась также передача в его ведение огромной недвижимости.

Министр почти убедил Президента в необходимости мощной концентрации информационных потоков, уже был подготовлен проект указа. Однако в Службе помощников к созданию ФИЦ относились отрицательно. Были опасения, что, кроме всего прочего, это может омрачить отношения Президента с демократической прессой и с интеллигенцией. Первые же «утечки» о подготовке такого документа всполошили журналистскую общественность.

Похоже, что и самого Ельцина тревожили возможные последствия такой реорганизации. Он медлил. Проходила неделя, другая, а указ лежал без подписи. Казалось, Президент нутром чувствовал скрытую опасность.

И.Голембиовский. Им все сходит с рук... Это очень опасная тенденция.

Б.Ельцин. Я понимаю. В вашем предложении есть логика. Но тогда практически можно поймать любую газету, главных редакторов, которые здесь сидят, — за искажение, за карикатуру на Президента. Я считаю огромной победой российской демократии то, что после августовского путча мы не объявили ответный террор коммунистам... Поэтому сейчас объявить кампанию по судебному процессу над газетой... не президентское это дело *(Шум в зале.)*».

«Шум в зале», отраженный стенограммой, означал не что иное, как разочарование президентской позицией, по мнению редакторов, недостаточно твердой по отношению к политическому экстремизму.

Подобные встречи проводились и осенью того же года. На них, в частности, обсуждалась позиция и роль СМИ в защите демократических реформ.

Все это, естественно, беспокоило тогдашнее окружение Президента и его самого. В материалах, подготовленных для него к одной из встреч с главными редакторами, акцентировался тезис: «демократия должна уметь защищаться»; помощники советовали призвать руководителей СМИ к «большей политической ангажированности на стороне демократии».

Вопреки ожиданиям, Президент провел беседу вяло, формально. Подолгу говорил «о текущем моменте», то есть о том, что журналисты хорошо знали и без него, а по ряду вопросов были информированы даже лучше. Присутствовавшие были явно разочарованы и, более того, крайне удивлены его оценкой политической ситуации: «Я считаю, что самое трудное мы пережили». Однако многие из них были прекрасно осведомлены о том, что на предстоящем Съезде народных депутатов готовится разгром команды Е.Гайдара.

Борис Николаевич сетовал на то, что телевидение и пресса плохо освещают его работу, «плохо помогают». Президент действительно старался, но за создаваемыми им «информационными поводами» не просматривались ясные тактические задачи, отсутствовали четкие сигналы, которые могли бы служить камертоном для групп его поддержки. В ответ острый на язык И.Голембиовский, в сущности, сформулировал претензии демократической общественности к Президенту: «Мы верим Президенту, но мы хотим его понимать».

Нельзя не признать, что у Ельцина было и интуитивное понимание важности идентификации себя со свободой слова. Поэтому он легко шел на подписание прогрессивных документов, хотя и предпочитал, чтобы ценности свободы для прессы сопровождались приращением власти для него лично.

В день известного своего обращения 20 марта 1993 года он также подписал незамеченный за бурными событиями Указ № 377 «О гарантиях информационной стабильности и требованиях к телерадиовещанию», которым, в частности, утверждался Минимальный стандарт требований к телерадиовещанию (рынок информации, свобода мнений, корректность, информационное равновесие, профессиональная ответственность, «электронная экология», защита информационности и др.). Средствам массовой информации и органам власти рекомендовалось руководствоваться в своем взаимодействии «Декларацией о средствах массовой информации и пра-

Он неоднократно обсуждал эту проблему со своим пресс-секретарем и в конце концов передал ему упомянутый проект указа с просьбой «разобраться и подумать». «Только не говорите ничего Полторанину», — попросил он.

В этот период, кстати, разгорелась острейшая борьба между коллективом газеты «Известия», возглавляемой в то время И.Голембиовским, и Председателем Верховного Совета РФ Р.Хасбулатовым, вознамерившимся переподчинить газету себе. Атака последнего в результате огромных общественных усилий, в том числе и самого Президента, была отбита. Указом Б.Ельцина газета «Известия» получила статус независимой, спикер в этой борьбе понес серьезные политические потери, окончательно утратив поддержку демократической прессы.

В конце концов, проект указа о ФИЦе был радикально переработан, и план создания «суперминистерства» в том виде, в каком это предлагалось М.Полтораниным, остался нереализованным. Но тем не менее, действуя по принципу «клин клином вышибают», Съезд упразднил президентский ФИЦ и учредил Федеральный наблюдательный совет (ФНС).

В упомянутом постановлении IX съезда от 28 марта впервые ясно сформулирована суть наблюдательных советов. Они должны были формироваться, во-первых, исключительно законодательными органами, во-вторых, повсеместно — в Центре и на местах, в-третьих, из представителей депутатских фракций. Наконец, в-четвертых, предполагалось их финансирование из бюджета. Что же касается функций, они излагались весьма туманно: «обеспечение объективного освещения проблем и событий», «предоставление равных возможностей для изложения точек зрения», осуществление «необходимых мер по недопущению политической монополизации». Словом, наблюдательные советы для доминирующих депутатских фракций стали бы одновременно и мощным механизмом политического давления и высокооплачиваемой синекурой.

Фактически все это означало введение цензуры, что противоречило Конституции и Закону «О средствах массовой информации».

Команда Ельцина подготовила поправки к проекту постановления и от имени Президента внесла их на Съезд. Естественно, все они были отвергнуты, поскольку у депутатов к тому моменту уже выработался устойчивый стереотип поведения по принципу «свой — чужой». Только отдав авторство поправок нескольким сотрудничавшим с президентскими структурами депутатам, удалось протащить через Съезд некоторые, причем непринципиальные, поправки.

Доложив Ельцину о провале, впрочем, вполне предсказуемом, своей миссии на Съезде, М.Федотов предложил перенести спор в Конституционный Суд. Ельцин согласился, спросив лишь: «У Вас уже все готово?». Федотов признался, что еще ничего не готово, поскольку без президентского одобрения невозможно было предварительно говорить с депутатами, от чьего имени предполагалось обращаться в КС.

Конституционный Суд признал постановление Съезда не соответствующим Конституции Российской Федерации... Но только «по порядку принятия». В ходе процесса выяснилось, что тексты проголосованного проекта и подписанного Хасбулатовым постановления довольно сильно раз-

нятся. А вот содержание большинства пунктов съездовского документа Суд признал конституционным. Это позволило Верховному Совету в августе 1993 года внести изменения в Закон о СМИ с одновременным принятием Временного положения о Федеральном совете по обеспечению свободы слова на государственном телерадиовещании. Эти нормативные акты создавали условия для существенного ограничения свободы массовой информации в России, резко ухудшали правовое положение СМИ, практически возрождали отмененный демократическими преобразованиями институт цензуры, нарушали баланс властей и информационную стабильность.

Не желая иметь ничего общего с политикой удушения свободы массовой информации, М.Федотов с трибуны парламента заявил о своем уходе в отставку с поста министра печати и информации.

Впрочем, принятые законы так и не вступили в силу, поскольку 21 сентября 1993 года Верховный Совет был распущен (точку в истории этих актов поставил президентский указ от 6 декабря 1993 года, который приостановил их действие со ссылкой на Конституцию и Закон о СМИ: «с целью недопущения создания и финансирования органов цензуры»).

Характерно, что одним из главных требований депутатов в период их двухнедельного «сидения» в оцепленном Белом доме было требование широких возможностей для изложения своей позиции в прямом эфире. В трагическую ночь с 3 на 4 октября 1993 года это требование приобрело форму вооруженного насилия, приведя к многочисленным жертвам, в том числе среди журналистов и сотрудников телекомпании «Останкино».

Совершенно иное отношение к СМИ просматривается в документах рабочей группы под председательством С.Красавченко, разрабатывавшей в те же дни в Кремле стратегию и тактику разрешения кризиса. 1 октября соответствующие рекомендации были направлены Б.Ельцину: «Продумать связь со средствами массовой информации. Недопустимы диктат, запугивание, некорректное отношение, отталкивание их от себя. С ними должно быть налажено нормальное, доброжелательное сотрудничество».

Обе ветви власти и в последующие годы продолжали борьбу за СМИ. Так, следуя по стопам Верховного Совета, Государственная Дума решила обзавестись собственной телерадиокомпанией, призванной возобновить выпуск программы «Парламентский час». В свою очередь, федеральная исполнительная власть в 1998 году повторила «близко к тексту» попытку организовать новый ФИЦ, объединив в медиа-холдинге ВГТРК практически все — за исключением ИТАР-ТАСС — государственные электронные СМИ.

Надо сказать, у Ельцина были свои особенно нелюбимые издания «Правда», «Советская Россия», «День», еженедельник «Гласность». Это те коммунистические газеты, которые он закрывал в августе 91-го. Несколькими днями позже, правда, удалось убедить Полторанина, а через него — Ельцина, что для успокоения мирового общественного мнения (поток обращений, инспирированных деятелями КПСС, нарастал день ото дня) целесообразно разрешить выход этих газет, но уже в качестве независимых изданий, принадлежащих журналистским коллективам. В таком решении была своя хитрость: газеты теряли свои «биографии», а вместе с ними — гипотетические права на долю имущества партийных издательств.

Позднее тот же список значился в проекте президентского указа, который должен был сопровождать указ, названный им в известном Обращении по телевидению 20 марта 1993 г.

Но обратимся еще раз к воспоминаниям М.Федотова: «В момент подготовки указа я находился в Варшаве, на международной конференции, не подозревая о надвигающихся революционных событиях. Неожиданно появившийся в зале российский дипломат передал мне просьбу посла немедленно приехать в посольство для разговора с Кремлем. По уцелевшей от времен Варшавского договора и СЭВа «вертушке» я связался с С.Филатовым.

Несмотря на «кваканье» спецсвязи, мне удалось уяснить, что Ельцин намерен своим указом закрыть давно ненавистные ему коммунистические газеты. От меня требовалось немедленно вылететь в Москву для доработки и визирования проекта указа. Поскольку аэрофлотовский рейс уже улетел, предполагалось выслать военный самолет.

— Это ошибка, — кричал я Филатову. — Такой указ будет абсолютно неконституционен. Я не смогу в Конституционном Суде отстоять его. Закрывать газеты можно только судебным решением. Если Президент подпишет такой указ, я буду вынужден подать в отставку немедленно.

— Ты что, перешел в коммунистическую веру? — спросил Филатов.

— Нет, просто я не могу допустить, чтобы Президент совершал такие катастрофические ошибки в той сфере, за которую я отвечаю.

— Что ты предлагаешь?

— Немедленно подготовить обращения в суд с иском о закрытии тех газет, за которыми числятся два и более предупреждений. Кстати, такие предупреждения есть у «Дня» и «Советской России», но у «Правды» — нет.

— Ладно. Попробуй убедить Илюшина.

С Виктором Васильевичем сцена повторилась в точности. На следующий день, уже в Москве, я редактировал в Кремле принципиально иной текст президентского указа. В нем уже говорилось не о закрытии газет, а, напротив, об укреплении гарантий свободы СМИ.Оказалось, что одновременно со мной, но совершенно независимо, такую же работу по «очеловечиванию» президентской инициативы проводил Ю.Батурин».

«Дней Александровых» сегодня повторенье

Было бы неправильно представлять отношения Президента с журналистами, с прессой исключительно в плоскости властных расчетов. Во-первых, он учился, и не без успеха, а во-вторых, бывали периоды, когда раздражителей на страницах газет и в эфире становилось поменьше. Тогда Ельцин снова очаровывал журналистов и говорил слова, за которые те готовы были многое ему простить.

12 июня 1993 года. Пресс-конференция Президента Российской Федерации в честь государственного праздника. Приведем выдержку из стенограммы:

«Ельцин: ...Шел процесс создания новых, демократических по сути, государственных и общественных институтов.

В первую очередь, назвал бы свободу слова, устного и печатного, свободу прессы. Думаю, мало кто помнит (а жаль), что именно 12 июня, три года назад был принят первый в нашей стране Закон о печати. То есть сегодня тройной* праздник. Фактически, это Закон о свободе прессы. Уже потом из него вырос российский Закон "О средствах массовой информации", более полный, более технологичный, я бы сказал. То был важный шаг в ряду преобразований российского общества. Именно благодаря ему журналисты, вы, как никто другой, продвигали реформы. И спасибо вам за это! Прямо скажу, надеюсь на вас. Будьте честны и откровенны, подсказывайте нам, когда мы ошибаемся, и поддерживайте, когда нам всем трудно. Самое главное — дорожите своей свободой, которой сегодня исполняется три года. Не поддавайтесь искушениям в сложные времена, не обменяйте ее на экономическую выгоду и тем более не поддавайтесь политической конъюнктуре. Помните, что свобода — от свободы прессы. И это не преувеличение — от нее зависит свобода нашего общества».

Пожалуй, это было время, когда Ельцин максимально проникся стремлением обеспечить свободу массовой информации.

В рамках проходившего Конституционного совещания был создан интересный институт — Комиссия конституционного арбитража. Смысл ее деятельности сводился к следующему. Когда Совещание не могло прийти к единому мнению, помощник по правовым вопросам докладывал ситуацию Президенту, а тот формулировал вопрос Комиссии, членами которой были только юристы-профессионалы высокой квалификации. Они-то и выносили решение. Таких случаев было немного: Комиссия вынесла всего 10 решений.

25 июня 1993 года Президент поставил перед Комиссией конституционного арбитража вопрос: «Нет ли необходимости вернуться к оправдавшему себя и установленному действующим Законом понятию **"свобода массовой информации"** вместо введенного в проекте Конституции "свобода **средств** массовой информации?"**

Свобода средств массовой информации подразумевала независимость их от государственного контроля (о независимости СМИ от монополий тогда, к сожалению, не думали). Свобода массовой информации — понятие более объемное, включающее и свободу информации — по смыслу знаменитой статьи 19 Всеобщей декларации прав человека (свобода искать, получать и распространять информацию), право частной собственности на средства массовой информации и свободу экономической деятельности в сфере массовой информации.

Ельцин уловил разницу между этими формулировками, и почему они вызвали ожесточенные споры на Комиссии. В решении № 4 Комиссия постановила: «Часть третью статьи 28 проекта оставить в той же редакции: "Гарантируется свобода средств массовой информации. Цензура запрещается". За данное решение проголосовали 14 членов Комиссии. Особое

---

* Ельцин имеет в виду: 1) День принятия Декларации о государственном суверенитете России; 2) два года избрания Президента России; 3) третья годовщина закона о печати.

** Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. 29 апреля — 10 ноября 1993 г. Т.15. М., 1996. С.3.

мнение высказали: А.М.Яковлев, В.Ф.Яковлев, В.Д.Зорькин, Э.М.Аметистов»*.

Президент потом все равно поправил по-своему: «Свобода массовой информации». Так в Конституции и осталось.

В 1993 году Ельцин поддержал еще одну любопытную идею. При Фонде защиты гласности, возглавляемом А.Симоновым, открылась Школа права массовой информации, в которую набрали студентов-юристов, обучающихся как на дневных, так и на вечерних факультетах, решивших избрать своей профессией не существовавшую до этого специальность — «право массовой информации». Вел школу Ю.Батурин — тогда уже помощник Президента.

Когда стало ясно, что грядут парламентские выборы, он на занятиях поставил такой вопрос: как регулировать участие средств массовой информации в избирательной кампании? После ряда серьезных обсуждений на семинарах получилось довольно интересное Положение об информационных гарантиях предвыборной агитации. Проект, пройдя положенный путь в аппарате Ельцина, был утвержден Указом № 1792 от 29 октября 1993 года.

Указом и Положением предусматривалось, в частности, создание Третейского информационного суда. Так без малого через два века осуществилась идея Н.Новосильцова, одного из самых близких к Александру I людей, который при подготовке реформ в ходе начатых царем преобразований (вспомним пушкинские строки — «Дней Александровых прекрасное начало...») предлагал учредить особый суд по делам печати. Причем споры в этом суде должны были решаться с помощью «посредников», выбираемых из списка, в который внесены государственные чиновники, «имеющие необходимое уважение в обществе».

Возглавил Информационный суд (а его состав также был утвержден указом Президента) Анатолий Борисович Венгеров, заведующий кафедрой теории государства и права Московской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, основоположник отечественного информационного права и один из группы юристов, с которой Ельцин начал встречаться весной 1993 года. Состав суда формировался исключительно по профессиональному признаку, а не по политическому. В нем оказались рядом и юристы, и журналисты.

«Третейский информационный суд» хорошо показал себя в избирательной кампании, и 31 декабря 1993 года Ельцин Указом № 2335 преобразовал его в постоянно действующую Судебную палату по информационным спорам при Президенте Российской Федерации, имея в виду, что этот орган не входит в систему федеральных судов. Возглавил ее, как и Информационный суд, А.Венгеров.

Это была именно Судебная палата, а не аналог цензурного органа, не подобие идеологического отдела ЦК. Вела она себя достаточно независимо и выносила решения далеко не всегда в пользу Президента. Ельцин относился к этому спокойно, понимая, какую важную роль играет Палата. Он создал вполне демократическую структуру, хотя и вызывавшую споры, непривычную, необычную и несколько юридически экзотичную, но, в общем, одну из форм административной юстиции**.

---

* Конституционное совещание. С.10.

** Не от слов «Администрация Президента», а как юридическая отрасль.

После 1996 года Администрация Президента несколько раз пыталась ликвидировать непонятную для нее и не очень послушную структуру, но Ельцин не давал. Она прекратила свое существование уже после Ельцина, в начале 2000 года, предварительно получив приз «За выдающийся вклад в развитие права массовой информации» (1999 г.), учрежденный Центром «Право и СМИ», и международную юридическую премию «Фемида» (2000 г.).

Война нервов

Отношение Президента к прессе формировалось под воздействием импульсов, нередко направленных в противоположные стороны.

11 мая 1994 года А.Н.Яковлев написал Президенту:

«Считаю нужным обратить Ваше внимание на публикацию №№ 15 и 16 газеты "Завтра" материала под заголовком «Мировое негодяйство». Материал содержит прямые призывы к гражданской войне, к захвату власти, насильственному изменению конституционного строя, к физической расправе над нынешним руководством страны, а также оскорбления в адрес Президента России... Сейчас, Борис Николаевич, Вас испытывают на власть. Думаю, что надо пойти навстречу и проявить ее, особенно с учетом явно агрессивных выступлений оппозиции в последнее время».

«Патриарх перестройки» вполне обоснованно ссылался на Конституцию и статью закона о средствах массовой информации, где говорится о недопустимости злоупотребления свободой печати. Вот лишь некоторые выдержки из публикации, на которую он ссылался:

«...Нужна священная война. Нет никаких политических решений...»

«Выход — война, любыми доступными средствами война. А на войне — действовать только военными методами против предателей».

«Предатели — все эти горбачевы, яковлевы, шеварднадзе, а потом пошли ельцины, гайдары, шумейки... по законам военного времени предателей убивают».

Ельцин вскипел и прямо на письме наложил резолюцию, правда безадресную:

«Срочно *подготовьте Указ о закрытии газеты, связаться с прокурором. Б.Ельцин*» (24 мая 1994 г. № Пр-482).

Батурину, которого газета «Завтра» поливала грязью уже достаточно давно, стоило внутренних усилий, чтобы убедить Ельцина не настаивать на указе, а действовать по закону.

Другой случай вспоминает С.А.Филатов:

«...Звонок.

— Вы скажите своему Голембиовскому, чтобы он "Известия" не использовал для печатания всяких пакостей.

— Борис Николаевич, во-первых, Голембиовский — не мой, я в Верховном Совете стоял за газету, за ее независимость, которую, слава богу, она сейчас имеет. Во-вторых, Вы никогда не вмешивались в дела СМИ. Кто Вас подтолкнул на этот шаг, кому и зачем это нужно? Ведь только один звонок, и вы будете дискредитированы.

— Ну хорошо. — Президент положил трубку»*.

Да, отговорить Президента от того или иного шага, нарушающего закон или просто недостойного его положения, было возможно. Но в целом отношения между прессой и властью — как законодательной, так и исполнительной — постепенно заметно портились. Вскоре они стали такими, что Ельцин счел необходимым объясниться, использовав для этого ежегодное послание Федеральному Собранию 1995 года:

«Завоевав свободу массовой информации, СМИ стали первой, представляющей самостоятельную реальную силу политической оппозицией в стране. Это было оправданно и полезно, хотя по канонам журналистики так быть не должно. Но позже, когда в России взошла и окрепла партийная политическая оппозиция, СМИ не отказались от благоприобретенной, но не свойственной им функции.

Надо признать, что среди причин, которые углубили возникшее противостояние, были и некоторые действия власти...

В разыгравшейся "войне нервов" не остается в долгу и "четвертая власть". С лихвой воздает она законодательной и исполнительной власти за ее явные и мнимые прегрешения. Тон спокойного диалога утрачен».

Выяснение отношений в таком формате результатов не принесло. «Тон спокойного диалога» вернуть не удалось.

На берегу эфирных волн...

Тем временем диалог с медиа-бизнесом, наоборот, налаживался. Еще в 1994 году Б.Березовский сравнительно легко, не прибегая к необходимым согласованиям, убедил Президента через его «ближний круг» подписать указ о создании телекомпании ОРТ. При этом структура уставного капитала компании была задумана так, что государство, несмотря на контрольный пакет акций — 51%, теряло влияние над этим каналом (схема распределения акций и порядок принятия решений на собрании акционеров гарантировали частным акционерам достижение любых целей).

Телекомпания НТВ — главный конкурент ОРТ — возникла в 1993 году и к 1996 году имела несколько часов эфирного времени. Однако после мощной поддержки Ельцина на президентских выборах (включая участие одного из руководителей компании И.Малашенко в качестве советника высокого ранга в избирательном штабе) получила от него все 24 часа эфирного времени на четвертом канале. Позднее, 25 января 1998 года, указом Президента НТВ присваивается статус общероссийской телекомпании, что обеспечило ей весьма льготные расценки на оплату телевизионного сигнала.

После выборов властные ресурсы Президента, еще остававшиеся в СМИ, стали распределять между собой «пиарщики», готовившие избирательную кампанию. А за ними стоял большой бизнес. Надо ли говорить, что после победы ничего к Президенту не вернулось. Впрочем, ему это уже и не было особенно нужно. Он мыслил другими категориями, ощущал, как плещется у его ног океан истории, в который предстояло войти.

---

* **Филатов С.** Совершенно несекретно. М., 2000. С.438.

А историю пишут не газеты и не телевидение — им оставлена повседневная политика.

Однако мощные всплески информационных войн, сопровождавшие политическую борьбу и становление частных «медиа-империй», вынудили Президента в сентябре 1997 года пригласить в Кремль шестерых крупных российских бизнесменов и потребовать от них прекратить разбрасывать грязь в эфире. Это означало, что он понял свою ошибку: отныне олигархи и мощные бизнес-группы распоряжаются центральными СМИ, этот властный ресурс для него лично потерян, его влияние если и сохранилось, то опосредованное, лишь через магнатов.

Итак, каков же баланс?

Ельцин, безусловно, был благодарен прессе, которая поддерживала его в трудные времена, и понимал, что СМИ будут нужны ему сначала в борьбе со Съездом и Верховным Советом, потом — во всенародном голосовании по Конституции, наконец, — во второй президентской кампании.

Ельцин также ощущал всю сложность управления этой не менее для него непостижимой, чем экономика, стихией свободной массовой информации, с ее стремительно развивающейся инфраструктурой и запутанными юридико-организационными отношениями: что делать с этим конгломератом учредителей, собственников, акций, вещателей, лицензий, производителей программ, холдингов, частных каналов, номера которых почему-то не совпадают с номерами привычных кнопок?.. К тому же он побаивался силы «четвертой власти»: он видел, как рушились под ее ударами казавшиеся несокрушимыми политические гиганты — не такого масштаба, как он сам, но весьма серьезные.

Две «волны» в отношениях Ельцина со СМИ гасили друг друга. Это так соответствовало характеру Бориса Николаевича, предпочитавшему выжидать, пока не припечет, пока ситуация не станет смертельно опасной для него и его власти. В том числе и поэтому Президент лично не посягнул на свободу массовой информации. Она «съежилась», попав в зависимость от крупного капитала, которому Ельцин отдавал долги, расплачиваясь телеканалами. Но пресса при нем сохранила главное — свободу голоса.

«Верните нам прежнего Ельцина!»

(1994)

Версии

1994 год был для Президента крайне непростым не только с точки зрения политики, но и по состоянию здоровья. Президентский график этого года бесстрастно фиксирует многочисленные и часто длительные отсутствия Б.Ельцина, свидетельствовавшие о том, что он переживал затяжную полосу кризиса. Но даже в это время тема второго президентского срока постоянно волновала его, и он внимательно следил за развитием «сюжета» в общественном мнении и в СМИ.

Ближайшее окружение Президента старательно поддерживало легенду о «неистощимом здоровье» и политическом темпераменте «шефа». Любил об этом говорить и сам Б.Ельцин. Во время интервью французским журналистам по случаю выхода в свет книги «Записки Президента» он охотно демонстрировал свои бицепсы, шутливо говоря: «Здоровье? Вам бы такое!»

Однако слухи о серьезных проблемах со здоровьем Президента усиливались, становились все тревожнее. Журналисты скрупулезно подсчитывали, сколько дней он проводит на рабочем месте в Кремле, а сколько на дачах и в отпуске. Заверения пресс-службы о том, что «Борис Николаевич работает в Кремле», подвергались сомнению, тем более что наши отечественные «папарацци» научились по косвенным признакам проверять, действительно ли это так, отслеживая, в частности, передвижения президентского кортежа по Рублево-Успенскому шоссе и Кутузовскому проспекту. Работники пресс-службы неоднократно попадали в неловкое положение, когда знакомые журналисты уличали их в лукавстве.

Естественно, что на таком фоне в прессе появлялись самые экзотические прогнозы и сценарии, в том числе и о насильственном отстранении Президента от власти.

14 марта 1994 года в понедельник (в день рождения Наины Иосифовны) Президент улетал в отпуск в Сочи. В правительственном аэропорту Внуково-2 его провожали В.Черномырдин, О.Сосковец, П.Грачев и В.Ерин. Вместе с ним на юг уезжали А.Коржаков, Л.Суханов и В.Юмашев (в то время еще «свободный журналист»). На кремлевском «хозяйстве» оставался В.Илюшин. Погода на юге еще не устоялась, было всего 10 градусов тепла, и Лев Евгеньевич Суханов сетовал на то, что при такой погоде «Президент будет скучать и увлекаться не тем, чем нужно». «Вся надежда на Наину Иосифовну», — вздохнул он. Опасения Л.Суханова, кстати, разделял и А.Коржаков.

Отъезжающий на отдых Президент был в самом хорошем расположении духа, и хотя накануне отъезда просил, чтобы при проводах не было никакой прессы, войдя в неуютный и похожий на ангар зал для прово-

жающих, первым делом поинтересовался: «Где журналисты?» Журналисты «случайно» оказались в соседнем зале, так что в конце концов все остались довольны — и СМИ, и Президент. Б.Ельцин балагурил и говорил, что «десять градусов» для него пустяк: «Буду купаться и играть в теннис». Было видно, что от этих слов попутчикам враз сделалось холодно: в ближайшем окружении не было принято отсиживаться на берегу, если «шеф» купается в ледяной воде.

Едва президентский самолет скрылся за облаками, как по Москве поползли зловещие слухи — снова и в который уже раз заговорили о возможности государственного переворота и отстранении Президента от власти. Масла в огонь подлил В.Шумейко своими неосторожными высказываниями о возможности введения чрезвычайного экономического положения. Заявление было столь неуместным, что премьер вынужден был публично отмежеваться от этой идеи. Вслед за ним дезавуировал свои слова и сам В.Шумейко. Тем не менее слухи о том, что что-то неладно, продолжали распространяться. Внеурочный отъезд Президента на отдых в плохую погоду лишь укреплял дурные предположения.

Через два дня после отъезда, 16 марта, в ряд московских СМИ был вброшен анонимный документ под названием «Версия № 1», а через несколько дней — уточненная «Версия № 2». Номер, с которого они передавались, при проверке оказался фальшивым — это был телефон одного из подразделений спортивного общества «Динамо», к которому, по свидетельству его служащих, никакой «факс» не был подключен.

В пресс-службу Президента текст попал с радиостанции «Эхо Москвы», с сотрудниками которой Служба помощников поддерживала хорошие, доверительные отношения. Через несколько дней «Версия № 1» с некоторыми купюрами была опубликована в «Общей газете» под интригующим заголовком «Почки набухают. К путчу?» По версиям № 1 и № 2 выходило, что группа высокопоставленных государственных лиц «намерена осуществить попытку отстранения Б.Ельцина от власти». Утверждалось, что эта группа уже провела предварительные переговоры с министрами-«силовиками» П.Грачевым, В.Ериным и С.Степашиным. Сигналом к началу действий должно было послужить выступление по первому каналу «Останкино» известного общественного деятеля, а мотивом — «ухудшение состояния здоровья Президента, его физическая неспособность руководить страной». В подкрепление «аргументов» по центральному телевидению должен был пойти соответствующий сюжет. Вслед за этим авторы «сценария» намеревались инициировать в Государственной Думе конституционную процедуру передачи временных полномочий Президента В.Черномырдину. По «Версии № 1» «известным общественным деятелем», который должен был обратиться к нации по телевидению, являлся Ю.Скоков, к тому времени уже уволенный Президентом с должности Секретаря Совета безопасности и утративший какое-либо политическое влияние.

Фальшивость «сценария» бросалась в глаза при чтении уже первых абзацев, поскольку в числе «заговорщиков» фигурировали политически совершенно несовместимые лица: О.Сосковец, Ю.Лужков, М.Колесников (начальник Генерального штаба), В.Ерин, С.Степашин, В.Шумейко, М.Полторанин, Ю.Скоков и ряд других.

В Федеральной службе контрразведки (ФСК) «документу» не придали никакого значения в силу вздорности измышлений. «Мы сразу же увидели, что это — липа, и предупредили руководство», — разъяснял руководитель пресс-службы ФСК А.Михайлов.

Однако общая ситуация в стране (в том числе и в связи со слухами об отчаянно плохом состоянии здоровья Б.Ельцина) была столь напряженной, что предупреждение ФСК не подействовало: сценарий, даже будучи единогласно признанным фальшивкой, продолжал будоражить политические умы. О «Версии № 1» говорили даже на совещании в Администрации Президента.

Комментируя ситуацию с «версиями», весьма характерное и достаточно справедливое мнение высказал политический обозреватель «Известий» (25 марта 1994 г.): «Все более странно становится в России. По-моему, анонимщики не столько взорвали политическую ситуацию, сколько придали отчетливость состоянию безумия, которым охвачено наше общество».

Характерен и комментарий «Коммерсантъ-дейли» (23 марта 1994 г.): «...авторы анонимного документа добились по крайней мере одного конкретного результата: реакция высших эшелонов власти показала, что там в принципе не исключают возможности изложенного в «Версии» развития событий».

Газета обратила внимание и на одно небезынтересное обстоятельство: «Странно выглядит и позиция фигурантов «Версии № 1». Даже люди, которых принято считать твердыми сторонниками Ельцина, члены правительства, не возмутились публично тем, что их впутали в «заговор» против законно избранного Президента. Представители политической элиты предпочли не высовываться, очевидно исходя из поговорки: «то ли он украл, то ли у него украли, но что-то такое там было», и дождаться в стороне — пока не станет ясно, кто в этой ситуации выиграл».

В те дни на политических перекрестках Москвы, вороша в памяти события августа 1991 года и судьбу М.Горбачева, многие задавались вопросом, а не имеем ли мы дело с «Форосом-2», но уже применительно к Б.Ельцину. Некоторые аналитики той поры связывали появление «версий» и с недавней амнистией, по которой из Лефортовской тюрьмы были освобождены участники противостояния с Ельциным в октябре 1993 года, которые отнюдь не превратились в сторонников Президента и жаждали реванша.

Сегодня, спустя несколько лет, уместно упомянуть, что, несмотря на грозные обещания Генпрокуратуры, ФСК и МВД расследовать факты и выявить злоумышленников, никакого сколько-нибудь серьезного расследования не было, а анонимщики, наделавшие столько шума в стране и за границей, так и остались неизвестными. Называемый автором «версий» близкий к Кремлю политтехнолог Г.Павловский также официально не подтвердил и не опроверг свою причастность к этому материалу. Хотели было привлечь к ответственности «Общую газету» (за публикацию заведомо фальшивых документов), но на это не решились. Можно строить лишь догадки о причастности к «версиям» самих спецслужб.

О том «состоянии безумия», в котором пребывало общество, и о котором писали «Известия», можно судить и по такому, казалось бы, частному факту: «версии» обсуждались в Службе помощников и в конце концов «на всякий случай» «Версия № 1» была направлена Президенту в Сочи.

Тем временем журналисты, встревоженные слухами о заговоре, требовали «показать им Президента». Наседали на пресс-секретаря, на руководителя Администрации. С.Филатов вынужден был оправдываться за Президента: «Борис Николаевич имеет право быть таким, какой он есть, а не копировать Билла Клинтона». Отчаявшись убедить Ельцина сказать несколько слов перед телекамерами в Сочи, пресс-секретарь Президента со своей стороны счел уместным сделать заявление «в связи с навязчивыми попытками внушить населению мысль о болезни Б.Н.Ельцина». В заявлении ясно проглядывала аллюзия к возросшей агрессивности непримиримой оппозиции и недавних узников «Лефортово», «злоупотребляющих плодами амнистии»: «их цель — дестабилизировать обстановку в стране и вернуться к тем задачам, которые участники октябрьского путча не смогли решить с первой попытки. Похоже, кое-кому хочется второй. Создается впечатление, что уроков октября 1993 года хватило ненадолго...»

Долгое молчание Президента, несмотря на взывания оставшихся в Москве помощников, объяснялось рядом причин. Б.Ельцин, конечно же, был информирован много лучше других о том, кто действительно предан ему, а кто имитирует лояльность. В верности О.Сосковца, П.Грачева, В.Ерина, С.Степашина, Ю.Лужкова, которые фигурировали в «Версии № 1», он не сомневался. Сомнения могли возникнуть лишь в отношении Ю.Скокова. Но к тому времени он уже не представлял серьезной угрозы. Кроме того, Ельцин руководствовался правилом: не реагировать на частности политической жизни, в том числе на многочисленные слухи о его здоровье и заговорах. У него было неплохое чутье относительно того, где пустые домыслы, а где действительно «пахло жареным».

Было и одно, казалось бы, частное обстоятельство. Во время своего отъезда на отдых на юг Ельцин как бы полностью выпадал из привычного для него в Москве информационного поля, который обеспечивала Служба помощников, пресс-служба и его постоянные визитеры по понедельникам — руководители ФСБ, МВД, СВР, ФАПСИ. Было заведено, что на отдыхе Президент сам никогда не подходил к телефону и помощникам приходилось общаться с «сопровождающими». Те, в свою очередь, зная привычки и характер шефа, не имели обыкновения приставать к нему по поводу звонков из Москвы. Звонившие из Кремля обыкновенно наталкивались на ответы типа: Президент купается, Президент отдыхает, играет на бильярде, на прогулке или еще проще — «Президент недоступен». Проявлять настойчивость без чрезвычайной нужды было не принято. Таким образом, сведения о «версиях» и «заговорах» доносились до сочинской резиденции на «Бочаровом ручье» в самом приглушенном виде.

Настойчивость помощников увенчалась успехом лишь к пятнице 25 марта, то есть почти через десять дней после появления «Версии № 1». Б.Ельцин согласился дать по телефону интервью главному редактору газеты «Известия».

И.Голембиовский: «Борис Николаевич... Первый вопрос, который я хотел бы задать, весьма тривиален, но сегодня он имеет политический подтекст: как ваше здоровье?»

В ответ **Б.Ельцин** уверяет, что чувствует себя нормально: «С врачами не встречаюсь, в Мацесту не езжу... Работаю... Словом, никаких признаков болезни...»

И.Голембиовский: «Не могу не спросить, как вы относитесь к появлению... так называемого документа "Версия № 1". Об этом пишут, говорят все средства массовой информации, появилась "Версия № 2". Политиче-ская жизнь в стране обретает новый острый накал. И странно, что службы, обеспечивающие безопасность, до сих пор не могут сказать ничего внятного ни об авторах, ни об источниках распространения».

Б.Ельцин: «Во-первых, это провокация. Во-вторых, к сожалению, вы правы: соответствующие службы оказались беспомощны, хотя поручения им были даны тотчас же, однако и сегодня у меня нет точной информации».

Обеспокоенность столичной общественности, похоже, все-таки повлияла на Президента, и 27 марта, прервав отпуск, он вернулся в Москву. Слухи о плохом здоровье тотчас же прекратились. С облегчением вздохнули не только его сторонники в стране, но и за границей. Бывший руководитель бюро агентства Рейтер в Москве Дж.Моррисон так прокомментировал для Би-би-си слухи о здоровье Б.Ельцина:

«Такого рода разговоры идут по меньшей мере шесть или семь лет, с тех пор как Ельцин выдвинулся на политическую арену в качестве соперника Горбачева... Распространение слухов и дезинформация — добрая старая традиция российской политики. Слухи о плохом здоровье Президента — это скорее признак того, что у Ельцина политические неприятности, нежели свидетельство физического недомогания».

«Мы уже живем при демократии»

Это было так и не так. Ближайшей целью вернувшегося после отдыха Президента было убедить или вынудить оппозицию подписать Договор об общественном согласии. Однако недомогания и «отсутствия в Кремле» продолжались. В это время у Президента сильно болели ноги, и ему порой было трудно не только ходить, но и сидеть. Все чаще приходилось отменять заранее запланированные встречи и мероприятия. Близкое окружение Президента знало о причинах, однако противники Б.Ельцина использовали каждый подобный факт для того, чтобы вновь выдвинуть тезис о недееспособности Президента. 4 апреля Борис Николаевич попросил отменить посещение вновь построенной и только что открытой церкви Иконы Казанской Божьей Матери на углу Красной площади и ул. Никольской (предполагалось, что Президент, выйдя через Спасские ворота Кремля вместе с Патриархом, через Красную площадь пойдет туда пешком); 5 апреля не состоялось давно ожидавшееся Совещание по экономическим вопросам; 6 апреля — заседание Совета безопасности. Обеспоко-

енные возможными последствиями потери темпа и результатами этого для планируемого Договора об общественном согласии, несколько человек из группы помощников и спичрайтеров написали Президенту:

«Уважаемый Борис Николаевич!

После Вашего выхода из отпуска Вы дали несколько сильных импульсов для того, чтобы заметно оздоровить политическую обстановку и направить ее развитие в свою пользу. Сейчас у нас имеется возможность точно рассчитанными шагами закрепить успех. Главное — не давать нашим противникам поводов опомниться, не создать у них иллюзии в каких-то паузах. Они ждут этого, чтобы сорвать подписание Соглашения о гражданском мире (одно из предварительных названий Договора об общественном согласии. — *Авт.*). Допустить этого нам с Вами нельзя. Учитывая серьезные обстоятельства ближайших дней, предлагаем Вам на этой неделе провести ряд небольших по нагрузке, но политически важных мероприятий. Их смысл даже не в содержании, а в том, чтобы показать фрагменты из них по телевидению, выбить у наших противников излюбленный аргумент о здоровье Президента.

Среда. В первой половине дня, а лучше утром провести встречу с Черномырдиным В.С... Такая встреча была бы выигрышной в связи с переносом Совещания по экономическим вопросам. Понадобится 1—2 минутная телесъемка встречи...

Вечером в среду можно было бы встретиться:

а) с новым Генеральным прокурором, если он будет утвержден;

б) или с В.Ф.Шумейко, если решение вопроса будет отложено. Дать несколько кадров в телеэфир.

Четверг. Провести небольшую встречу с руководством Правительства по тем материалам, которые у Вас уже есть. Она чрезвычайно важна в политическом плане. Ее значение в том, что президент, который дал правительству действовать самостоятельно, поворачивается лицом к экономике. Это важный сигнал для общества и для тех пикетчиков, которые, сменяя друг друга уже несколько дней, стоят у Дома правительства.

Пятница. Небольшое, минут на 10—15, интервью одному-двум доверенным журналистам... Важно дать прессе пищу для обсуждения на время Вашего визита в Испанию.

Таким образом, мы сможем обратить в достоинства недостатки этой недели, развить позитивные импульсы конца марта — начала апреля.

Желаем Вам, Борис Николаевич, скорейшего выздоровления. Мы с Вами!

P.S. Все эти мероприятия можно провести в Вашей загородной резиденции».

В целом политическая обстановка в стране требовала от Президента новых методов работы — менее «эффектных», но более скрупулезных, рассчитанных на длительную перспективу. Новая ситуация диктовала отказ от конфронтационных методов и переход к терпеливому диалогу с оппозицией, и прежде всего в стенах Госдумы. Ее руководство, председатели профильных комитетов стали входить во вкус участия в большой политике, много ездили по стране и за границу, активно выступали в СМИ.

Митинговый стиль уступал место рутинной, ежедневной работе. В записке экспертно-аналитического совета, поступившей Президенту за подписью С.Филатова, говорилось, что «политическая борьба должна вестись по правилам мирной жизни и иметь своей задачей поиск согласия и общего блага, это должно стать одним из важнейших элементов формирования имиджа Президента как гаранта мира в стране».

На фоне активизации деятельности оппозиции работа команды Президента становилась менее заметной, особенно в связи с его участившимися болезнями и отпусками. О пассивности Ельцина в этот период свидетельствует тот факт, что план его действий на 1994 год был, да и то лишь в общих чертах, готов только к концу апреля и в мае продолжал вяло дорабатываться. В преамбуле документа на этот счет содержался довольно открытый упрек: «После осени 1993 года рейтинг Президента увеличился, а потом начал неуклонно падать. Причины этого — ощущение видимой пассивности Президента и неясность его целей и его политики».

На плане, представленном руководителем Администрации С.Филатовым, Ельцин начертал короткую резолюцию: «В основном одобряю, действуйте». Однако в перечне предлагаемых мероприятий он не выявил значимых приоритетов. Но даже будь они обозначены, не очевидно, что Ельцин стал бы последовательно воплощать их в жизнь. Инициатива и реализация новых идей помощников резко ограничивались тем, что число мероприятий, в которых принимал участие сам Президент, постоянно сокращалось. Проблемы возникали даже в служебном общении с Президентом — в том, что называется «обратной связью».

Действия президентской команды и самого Ельцина все чаще стали подвергаться критике не только со стороны лидеров оппозиции, но и демократического фланга. В выступлениях прессы и электронных СМИ стали появляться элементы разочарования и все чаще иронии.

Однако, несмотря на подобную критику, в целом на демократическом фланге российского общества сохранялось понимание, что другой соизмеримой по масштабу с Ельциным личности среди российских политиков нет. И это, конечно же, сдерживало критический настрой. Весьма характерна позиция Е.Боннэр, которая после смерти мужа, академика А.Сахарова, стала неким камертоном демократического и правозащитного «оркестра». Ее статья «Бабье лето коммунизма», появившаяся в «Литературной газете» 9 марта 1994 года, стала своеобразным откликом на волну критики Б.Ельцина со стороны демократов после проигрышных выборов в Государственную Думу, в результате которых коммунисты и ЛДПР существенно укрепили свои позиции за счет демократических фракций.

Оценивая достаточно плачевное состояние России, ее экономики и демократии, она была склонна винить в этом не столько Б.Ельцина, сколько самих демократов. В сущности, известная правозащитница обвинила их в том, что многие из них («по политической невостребованности, по мелочности, по личным амбициям, по поспешанию сделать политическую карьеру») оказались среди критиков Ельцина.

«Только однажды прервался поток критики, но вызвано это было не просветлением разума, а страхом. Ночью 3 октября казалось, что все понимают неизбежность и необходимость силового подавления бандитского

мятежа. И было невозможно представить, что через два дня на президента обрушится шквал обвинений за то, что он, по существу, спас страну от гражданской войны».

Одно из ее обвинений, адресованных «демократической, верней, выдающей себя за таковую общественности», состояло в том, что та самоустранилась от черновой, повседневной работы по реформированию России. В этой связи автор статьи упоминает, в частности, о позиции Г.Явлинского, который на вопрос, кто же будет осуществлять придуманный им «пакет умных законов», отвечал: «А это уже не моя проблема».

«Боевой пыл «демократов», проявивших поразительную политическую близорукость, был растрачен в сражениях с реформой, в предвыборных баталиях с «Выбором России» и тем самым с единственной более или менее разумной экономической программой», — констатирует Е.Боннэр.

Касаясь непосредственно Б.Ельцина, она, пожалуй, одной из первых сделала предварительный анализ его деятельности в исторической перспективе. Ее перечень не слишком велик, но достаточно внушителен по масштабу и последствиям: ликвидация государственной монополии в отношении собственности («собственность ведет к свободе»), изменение государственности и возрождение национального достоинства, что «в конечном счете ведет к гуманизации общества», тот факт, что государство перестает быть единственным работодателем, и, наконец, Конституция.

«Кто выиграл выборы — ясно. Время покажет, что проиграл президент Ельцин, но, как бы ни повернулась История, он выиграл нам Конституцию». И главное, по ее оценке: «Мы уже живем при демократии».

Точка зрения Е.Боннэр ценна тем, что она не принадлежала к «аллилуйщикам» новой власти. Она вообще не любила бывших «номенклатурщиков», не верила им и в отношении Б.Ельцина не питала иллюзий. Но она оценивала не человека, а результат его президентства. Разумеется, не окончательный, а предварительный результат.

Статья дает представление о доминировавшем в тот момент взгляде на Б.Ельцина: да, далек от совершенства; да, совершает массу ошибок, непоследователен... Но страна движется вперед, поэтому Ельцина надо поддерживать. Эти настроения вскоре отлились в известную фразу Е.Гайдара — «Надо вернуть Ельцину прежнего Ельцина».

Действия ближайшего окружения Президента летом и осенью 1994 года в значительной мере и были обусловлены этой задачей. При этом ряд помощников, тесно связанных с общественными организациями и СМИ, были, в сущности, ретрансляторами общественных настроений в отношении Ельцина. Именно в тот период в политическом и журналистском обиходе стали — и чем дальше, тем чаще, — появляться рассуждения о «политическом одиночестве президента», о его отходе от демократических приоритетов и добровольной изоляции в обществе «силовиков».

Отражением этих настроений явилось письмо представителей интеллигенции в газету «Известия», опубликованное 30 августа 1994 года. Высказывалось мнение, что это письмо было инициировано заместителем руководителя Администрации Президента С.Красавченко либо одним из помощников Президента. Однако это не так. Письмо в газету было исключительно инициативой лиц, его подписавших. Среди них были А.Битов,

А.Герман, Б.Окуджава, О.Чухонцев, Л.Федосеева-Шукшина, М.Чудакова. Тот факт, что подписавшие письмо относились к наименее политизированной части интеллектуального сообщества, говорил сам за себя. Слово взяли те, кто ранее воздерживался от «хождения в политику».

Письмо отражало уже давно накапливавшуюся «энергию раздражения» вялостью и невнятностью политики, новым застоем, неспособностью справиться с «непримиримыми». К осени 1994 года накопилась сумма событий и явлений, которые свидетельствовали об активизации левых, в том числе и радикальной оппозиции. В конце апреля с большой помпой прошла Всероссийская конференция КПРФ, в мае образован Оргкомитет еще одного отнюдь не дружественного Президенту движения — «Духовное наследие», занявшего нишу духовной оппозиции; начала самоорганизовываться и губернаторская фронда. Под крылом КПРФ в стране начало возрождаться комсомольское движение, и к августу 1994 года в России уже насчитывалось 42 региональные комсомольские организации. Оппозиция активно организовывалась, создавая систему координации действий, не скрывая намерений вернуть себе всю власть.

В этой связи авторы письма не без оснований отмечали:

«Нельзя, занимаясь одной лишь верхушечной политической инженерией, надолго отказываться от решительного, в полный голос высказанного подтверждения демократических ценностей и идей как основы новой российской государственности».

Они требовали: «В России в настоящий момент — демократическая власть, и она не должна стесняться об этом напоминать и утверждать себя в качестве именно таковой, а не какой-либо иной. Президент же последнее время предпочитает об этом не говорить».

Нужно отдать должное авторам письма: они не столько бросали камешки в огород Президента, сколько критиковали позицию самой интеллигенции, оказавшейся неспособной предугадать трудности переходного периода и предложить власти адекватные политические решения.

Далее приводится большая цитата из этого письма, поскольку оно не только очень точно отражает состояние умов российской интеллигенции того периода, но и частично объясняет, почему между нею и властью постоянно возникали (и возникают до сих пор) столь глубокое отчуждение и взаимное непонимание:

«Интеллигенция, с успехом выполнившая свою общественную задачу во второй половине восьмидесятых годов, когда она последовательно расширяла объемы гласности, оказалась не в состоянии продолжить конструктивную социальную работу. После августа (1991 г.) она не сумела стать истолкователем и духовным защитником пришедшей в Россию свободы. Сколько банальностей, порожденных ложно направленным морализаторством, утопическими предрассудками и слабоволием, вышло из интеллигентской среды, как только начались реальные, с тяготами и просчетами, реформы, тем более — когда началось жесткое им сопротивление под флагом народных заступников! “Политика — грязное дело”; “Интеллигенция всегда должна быть в оппозиции власти”; “Чума на оба ваши дома”, “Не надо искать врага”. Обличительством, извечным “надрывом в трактире” сегодняшняя интеллигенция пытается компенсировать собственный,

сформировавшийся уже в новое время комплекс неполноценности: как это ни странно, она не знает, что делать со свободой, и потому-то все старается уверить всех, что ее нет. Хаос собственного сознания она переносит вовне, многократно преувеличивая реальное неустройство общества, да еще с азартом расцвечивая его цветами снобистского остроумия. Всегда мечущаяся между прошлым и будущим, она просто не снисходит до настоящего, не видит, что нам есть что защищать в сегодняшней России... Мы умеем побеждать, но фатально не умеем закреплять свои победы, тем более пользоваться ими... Есть несколько центров демократической энергии — президентская власть, "Демократический выбор России", "Яблоко", "Демократическая Россия", другие организации и группы. Мы обращаемся к Б.Н.Ельцину, Е.Т.Гайдару, Г.А.Явлинскому с настоятельным призывом предпринять усилия для согласования действий».

Письмо, ставшее заметным событием общественной жизни, весьма эмоционально обсуждалось и в группе помощников, и в Администрации Президента. Подписавшиеся без обиняков сказали многое из того, о чем сами помощники, в результате сузившихся каналов взаимодействия с Президентом, не всегда могли сказать прямо. Учитывая актуальность поднятых в письме тем, пресс-служба в добавление к регулярному «обзору прессы» присовокупила подробную аннотацию письма с резюме пресс-секретаря: «Нынешнее состояние демократического лагеря заставляет сомневаться в том, что президент правильно избрал позицию стороннего наблюдателя за становлением демократических партий и движений. Похоже, что тактика ожидания, что демократы объединятся, и только после этого президент должен протянуть им руку помощи и опереться на них, не оправдалась. Возможно, на этапе борьбы за общественное согласие такая тактика была необходима. Но сегодня, похоже, настало время корректировки взаимоотношений Президента с демократами... Президент должен выступить с политической инициативой консолидации демократических сил. Сделать это нужно сильно и ярко, в духе "настоящего Ельцина"».

Обсуждалась и возможность устроить встречу Президента с авторами письма, на которой он (по замыслу помощников) мог бы выступить с инициативой консолидации демократических сил России, к чему, собственно, и призывали авторы публикации.

Берлин

Однако подобным проектам не суждено было осуществиться. 30 августа 1994 года в день публикации письма интеллигенции с правительственного аэродрома Внуково-2 президентский самолет взял курс на Берлин. Началась злополучная поездка Б.Ельцина, приуроченная к выводу последних частей российских войск из объединенной Германии. В протокольном буклете (программа и график визита) значилось: «19.40 — Отъезд из аэропорта «Тегель» в резиденцию (гостиница «Маритим»). В автомашине Б.Н.Ельцина сопровождает П.С.Грачев. 20.00 — Прибытие в резиденцию. Размещение. — Вечер свободный».

Эта короткая фраза — «Вечер свободный» — оказалась роковой не только для всего визита, но и, в сущности, для последующих нескольких месяцев.

В течение почти всего полета до Берлина Президент просматривал материалы к поездке. Как и было положено, в президентской папке содержалась вся необходимая для этого информация — памятка МИДа «к истории вопроса» и справка «о политических аспектах вывода войск», полный набор речей и выступлений (всего пять), «меню» вопросов и ответов для пресс-конференции и «выходов к прессе», отдельные памятки для бесед с Г.Колем и другими высокопоставленными лицами ФРГ. Президент в полной мере осознавал историческую важность предстоящего мероприятия и вызывал к себе в салон то А.Козырева, то В.Илюшина, то Д.Рюрикова, требуя дополнительных пояснений и уточнений. Ничто не предвещало неприятностей.

Они начались поздним вечером. У Президента случилась бессонница (явление для него довольно частое), и он имел неосторожность пригласить в свой «президентский сьют» не А.Коржакова, который хорошо знал некоторые из опасностей свободного времени своего подопечного и умел худо-бедно «регулировать процесс», а П.Грачева. Для «лучшего министра обороны всех времен» каждая выпитая с Ельциным рюмка водки была как звезда на генеральском погоне. Никогда не перечивший Президенту, он не мог ни остановиться сам, ни намекнуть, что хватит. Потом к компании все-таки присоединился А.Коржаков.

Утром, где-то в половине девятого, несколько человек из президентской свиты по заведенному в поездках ритуалу поднялись на президентский этаж «к утреннему выходу», чтобы «поприветствовать Президента». В таких случаях важно было понять и настроение Ельцина, ибо от этого зависело многое, в том числе и возможность неформально поговорить с Президентом и передать нужную информацию. Когда настроение было плохим, то «соваться» с информацией (даже полезной) было не принято.

Число таких допускаемых к Президенту лиц в зарубежных поездках было крайне ограничено, и кроме «ближних» к президентским апартаментам охрана не подпускала никого, даже самых высокопоставленных чиновников. В число «ближних» в выездах всегда входили первый помощник, помощник по международным вопросам, пресс-секретарь, шеф протокола. При внутренних поездках правом неограниченного «доступа к телу» обладал А.Корабельщиков, никогда, впрочем, не злоупотреблявший этой привилегией, скорее избегавший необязательных общений.

В то утро Президент (по устоявшейся в ближнем кругу терминологии) «был плох». Долго не выходил, а когда вышел, глядел неприветливо. Лицо бледное, одутловатое. «Заснул только к утру». — Еще до выхода Ельцина мрачно прокомментировал В.Шевченко и покачал головой. Многоопытный В.Илюшин сразу же отошел в сторону «подальше от греха». Как всегда безмятежно улыбался А.Козырев, делая вид — «все хорошо, прекрасная маркиза, все хорошо». Примолк обычно разговорчивый пресс-секретарь В.Костиков с пачкой утренних немецких газет. Немецкая пресса комментировала приезд Б.Ельцина и решение о досрочном выводе остатков российских войск с территории Германии в высшей степени позитивно.

Тем не менее регламент протокола требовал точного исполнения. Личный врач Президента А.Григорьев нашел нужные снадобья, и вскоре, после 9 часов, президентский кортеж отправился к площади Жандарменмаркт, где и начались первые несоответствия с протоколом. Крайне неудачным было и выступление Президента на торжественной церемонии в присутствии огромного числа собравшихся на площади почетных гостей и простых берлинцев. Несмотря на то что в нагрудном кармане у Ельцина был текст выступления, он решил щегольнуть импровизацией и в результате допустил ляп, заявив, что «в войне России с Германией не было ни победителей, ни побежденных».

Однако дальше до определенного момента все шло по протоколу. Ельцин выступил на торжественном заседании в театре «Шаушпильхаус». Затем была продолжительная по времени церемония возложения венков к монументу «Воину-освободителю» в Трептов-парке и прощание Германии с российскими войсками, где лидеры двух государств также обменялись речами.

Надо отметить, что подготовка к поездке в Берлин была очень тщательной. Это определялось весьма деликатной ситуацией — победители в Великой Отечественной войне покидали Германию, что довольно болезненно воспринималось общественным мнением в нашей стране. В этой связи особое внимание было уделено текстам выступлений Президента. В их подготовке участвовали не только спичрайтеры, для консультаций приглашались известные историки, дипломаты, журналисты. Нужно было выверить все нюансы, максимально точно выбрать тональность, расставить акценты. Однако качество текстов не спасло визит от провала.

К середине дня Ельцин отбросил протокольные формальности и дал волю «импровизациям». Сказались и волнение в связи с непростым политическим контекстом визита, и прошедшая бурная ночь, и жара, от которой он спасался вином, и официальный завтрак от имени германского Президента Р.Герцога, где также подносились спиртные напитки. Вторая половина дня была ознаменована печально известными сценами дирижирования оркестром, сольного исполнения «Калинки» и т.п.

Ясно, что Президент переживал, понимал, как болезненно воспринимается вывод войск из Германии общественным мнением. Возможно, что этой злополучной ночью созрело решение сломать торжественный сценарий, принизить значение события. Может быть, это произошло инстинктивно. Другой вопрос — что из этого получилось.

Германская сторона — и в качестве принимающей стороны, и по другим вполне понятным дипломатическим причинам — делала все возможное, чтобы не заметить «протокольных отступлений». Комментарии в других странах были предельно ядовитыми. Российские СМИ оказались в сложном положении. В целом, как отмечалось уже не раз, демократические российские газеты и телевизионные каналы щадили Ельцина и не слишком «педалировали» его известные привычки и отступления от правил хорошего тона. Однако в этот раз был перейден некий предел допустимого, и благожелательная снисходительность сменилась возмущением.

Крайне резко выступили обычно лояльные к Президенту «Известия» (3 сентября 1994 г.), назвав поведение Ельцина «карикатурным приложением к историческому событию». «Приходится повторять банальное утверждение, — писал заместитель главного редактора газеты А.Плутник, в прошлом не раз защищавший позиции Ельцина, — Президент не частное лицо, и представляет всегда не себя одного, не только собственные вкусы и пристрастия. И каждое его появление на людях, каждое сказанное им слово, каждое движение многое говорит не только о нем лично, но и о нас с вами, о политическом и культурном уровне новой России...»

Еще более резко высказались «Московские новости». Говорить о комментариях «Правды», «Советской России», «Завтра» просто не приходится. В целом позицию СМИ можно было свести к одной фразе из комментариев «Московских новостей» — «чувство изумления и стыда» (4 сент. 1994 г.). Причем досталось не только Ельцину, но и его команде. Вопрос ставился о «способности окружения влиять на Президента, подсказывать, советовать, направлять».

Как поступить? Сделать вид, что ничего не случилось? Но россияне узнали обо всем сразу же, почти в режиме прямого репортажа. Нужно было что-то предпринимать. Тем более что в Службе помощников серьезно опасались, что если «тенденция» не будет сломлена, то проблема выборов 1996 года, к которым исподволь начали готовиться, отпадет сама собой. Можно отметить, что подобные опасения разделял и А.Коржаков, которого многие в Кремле обвинили в том, что он не смог «проконтролировать ситуацию» во время поездки в Германию.

Письмо

«План действий» обсуждали еще на пути из Берлина в Москву — Д.Рюриков, В.Костиков, Л.Пихоя, А.Ильин. Разговоры продолжились на следующий день в Кремле. К ним присоединились Г.Сатаров, Ю.Батурин, В.Кадацкий, К.Никифоров. Несколько раз заходил В.Илюшин. Он был крайне обеспокоен ситуацией, возникшей после поездки в Берлин, где все происходило у него на глазах.

Первая «весточка» Президенту была направлена уже 2 сентября, в пятницу, то есть на следующий же день после возвращения в Москву. Называлась она достаточно невинно — «Российские СМИ об итогах визита Президента в Германию». Исходили из того, что Б.Ельцин после зарубежных поездок любил просмотреть отклики в прессе. Обычно они были благоприятными. Готовила подборки пресс-служба. Однако в отсутствие пресс-секретаря, который находился в Берлине вместе с Ельциным, ее сотрудники не решились вставить в обзор прессы негативные оценки. Обзор получился излишне однобоким, комплиментарным. Пресс-секретарю пришлось делать критическую врезку.

«...Вместе с тем и прямая телевизионная трансляция мероприятия в Германии, и последующие телевизионные выпуски выявили целый ряд внешних аспектов, связанных с появлением Президента на публике.

В пресс-службу Президента поступает огромное число телефонных звонков с требованием объяснить «поведение» Президента. Высказывается мнение, что Президент в ряде эпизодов программы проводов (войск) был «неадекватен». Многие граждане, звонящие в пресс-службу, прямо и с возмущением говорят о том, что... это было для них оскорбительным шоком и унижением для России».

По заведенному обычаю, к понедельнику для Ельцина готовился сводный аналитический обзор СМИ за прошедшую неделю. «Берлинская тема» получила дальнейшее развитие: «Журналисты пишут об излишне вольной, как бы отпускной... манере поведения Президента, в которой не хватает «самокритичности трезвомыслящего человека»... На основании подобных эпизодов некоторые издания делают далеко идущие выводы о бесконтрольности действий президентских структур, несоблюдении этических норм, игнорировании общественного мнения, что может резко отрицательно сказаться на образе Президента в глазах общественности и его популярности».

Нужно сказать, что нелицеприятные оценки появлялись в записках помощников и пресс-секретаря и ранее, но никогда прежде они не высказывались в столь резкой форме. Причин было несколько. Нужно было действовать достаточно быстро и энергично, поскольку в ближайших планах Президента значился крайне ответственный государственный визит в США. Имелось опасение, что если «берлинский синдром» повторится в Вашингтоне, то это может нанести еще больший ущерб престижу Б.Ельцина как за границей, так и внутри страны и в конечном счете серьезно омрачит перспективы выхода на выборы 1996 года. Ведь в стране существовала лишь иллюзия гражданского мира и согласия. На самом же деле оппозиция только и ждала очередной крупной ошибки Б.Ельцина, чтобы перейти в атаку. И совершенно не случайно «газета духовной оппозиции» — «Завтра», отталкиваясь от берлинских эпизодов, в развязной и провокационной тональности снова заговорила о перспективах «путча военных» (16 сент. 1994 г.).

Конечно же, в остроте оценки результатов поездки в Германию прежде всего присутствовали эмоциональные, а точнее — человеческие причины. Многие члены команды Президента были просто в отчаянии, испытывали чувство стыда и досады. Бездействовать в этой ситуации, делать вид, что ничего не произошло, было невозможно. Первое, что пришло в голову, — подать в отставку. Но эта идея было отвергнута, в том числе и из-за категорического несогласия С.Филатова: «Это ничего не изменит. Ситуация только ухудшится». После некоторых размышлений решили поступить иначе.

Нужно отметить, что все действия Службы помощников в этот момент были согласованными и солидарными. Их разделял и крайне осторожный в других случаях В.Илюшин. «Ты рисковый человек, Вячеслав Васильевич, снимаю шляпу», — сказал он В.Костикову о подготовленном для Ельцина обзоре прессы. Посоветовавшись, решили в тот же день в виде исключения направить обзор в Барвиху с фельдъегерем. Исходили из того, что за время зарубежных поездок на столе у Президента скапливалось немало срочных документов, и обзор прессы просто мог затеряться. Пере-

сылка с фельдъегерем в Барвиху гарантировала, что он попадет адресату. Для страховки позвонили по спецсвязи в Барвиху и предупредили «прикрепленного», чтобы он передал пакет в руки Президента. О том, что информация дошла по назначению, не трудно было догадаться на следующий день. Президент появился в Кремле в 8 утра и был мрачнее тучи. Проходя мимо пресс-секретаря, против обыкновения не подал руки, проговорил сквозь зубы: «Много развелось советчиков».

Несмотря на тяжелую реакцию Президента, решили продолжить «операцию». Несколько помощников зашли в кабинет к А.Коржакову, чтобы посоветоваться. Тот выглядел подавленным и сказал, что больше не будет говорить с Президентом на эту тему. «Не помогают мои разговоры. Он не хочет меня слушать. Может, у вас что-то получится, — и предложил написать Б.Ельцину письмо. — Может быть, вы найдете нужные слова».

Идея написать Президенту коллективное письмо была принята. Лишь первый помощник Президента, дольше всех работавший с Борисом Николаевичем, к этому замыслу вначале отнесся скептически. У него были свои веские контраргументы. Б.Ельцин не терпел, чтобы «оставались следы», а письмо было бы именно таким следом. И кроме того, вообще не любил коллективных демаршей. Тем не менее и он тоже не видел другого выхода. Решили, что каждый помощник даст «элементы» по своему профилю, а сводить все в единый текст будет пресс-секретарь. Исходили из того, что предшествующие «намеки» к видимым результатам не привели. Нужна была своего рода «шоковая терапия». Это была мера, к которой до сих пор не прибегали.

История письма, получившего название «письмо семерых», весьма интересна. Ни разу не публиковавшееся, оно вызвало бурную реакцию прессы, общественности и чуть было не привело к коллективной отставке помощников Президента. Высказывалась масса догадок как по его содержанию, так и по мотивам написания.

Важно отметить, что на его подготовке практически не отразились сложные нюансы и особенности жизни и работы в Кремле, существовавшие противоречия между «политической» и «силовой» составляющими окружения Президента. О мотивах А.Коржакова, подписавшего письмо, можно только догадываться. Возможно, он решил показать Ельцину, что участвует в «процессе» и контролирует его. Возможно, в Службе президентской безопасности рассчитывали использовать предсказуемый президентский гнев как повод для разгрома группы помощников. Но, вероятнее всего, Коржаков в этой ситуации действовал искренне. Он почти неотлучно был с Ельциным и буквально вымотался не только физически, но и морально. Берлинские эпизоды переполнили чашу терпения даже этого внешне невозмутимого человека. Ему, кстати, принадлежала мысль смонтировать «наиболее сочные» телевизионные картинки «берлинского эпизода» и показать их Б.Ельцину на даче. Реализовал ли он ее или нет, в Службе помощников так и не узнали.

Исходя, по-видимому, из подобной же мотивировки, письмо подписал М.Барсуков. Идею письма без колебаний поддержал и шеф протокола В.Шевченко, хотя сам участия в его подготовке не принимал. С учетом

нюансов характера Б.Ельцина В.Илюшин внес в письмо, не изменяя сути, некоторую смягчающую правку, сделал его более приемлемым для восприятия Президента и также его подписал. Таким образом под письмом в конечном счете оказалось семь подписей: В.Илюшина, В.Костикова, Л.Пихоя, Д.Рюрикова, А.Коржакова, М.Барсукова, В.Шевченко.

У читателя может вызвать недоумение, почему под письмом не оказалось других подписей, хотя еще ряд сотрудников Службы помощников были в курсе его подготовки и участвовали в подготовке текста. Вопрос о подписях был предметом острой дискуссии. Все они готовы были его подписать, исходя из коллективной солидарности команды. Пришлось убеждать не делать этого. К примеру, Г.Сатаров и Ю.Батурин лишь недавно вошли в ближний круг помощников, и Президент мог счесть их участие поспешным и неприемлемым. К тому же они не сопровождали Ельцина в поездке, а значит, не были непосредственными свидетелями тех событий. Были и тактические соображения. Главное — результат, а не количество подписей под письмом. Кроме того, не исключалось, что «подписанты» могли расстаться с должностью. Они были готовы пойти на это, но в случае «репрессий» важно было хотя бы на время сохранить часть команды. Вывод некоторых авторов письма «за скобки» выглядел мерой политической предосторожности.

Подготовка и передача письма Президенту держались в строгой тайне. Первые слухи по поводу того, что «неладно что-то в датском королевстве», появились в прессе лишь 20 дней спустя в связи с тем, что журналисты, провожавшие Президента во Внуково-2 при отлете в Великобританию и далее в США, обратили внимание на такую деталь: в привычной свите Президента не оказалось нескольких помощников, всегда его сопровождавших. В службе протокола журналистам, при соблюдении конфиденциальности, сообщили, что Д.Рюриков, В.Костиков, Л.Пихоя, а также Г.Сатаров были «в последний момент исключены из списка сопровождающих лиц». Такое право было лишь у Президента.

Недоумевающие комментарии прошли во всех выпусках телевизионных новостей, а на следующий день практически во всех газетах. «Известия» разразились обширной статьей своего кремлевского корреспондента В.Кононенко «Раскол в президентской команде увеличивает шансы оппозиции» (27 сентября 1994 г.). Но лишь еще через неделю слухи «оформились» в более или менее верную догадку. «Общая газета» опубликовала комментарий под достаточно ироничным заголовком «Письмо помощников своему султану». Однако догадка оказалась весьма искаженной. Газета писала:

«Четверо президентских помощников, снаряжая своего патрона в очередную загранкомандировку, решили поучить его хорошим манерам. В этих целях они написали Борису Николаевичу полное добрых чувств письмо, в котором предостерегали его от новых попыток дирижировать иноземными оркестрами и публично исполнять русские народные песни, как то имело место в Берлине. Когда письмо дошло до адресата, всех четверых моралистов сняли с рейса. Осведомленные конфиденты полагают, что по возвращении шефа из-за океана их ждет более серьезное разбирательство».

Аналитики и знатоки кремлевской «кухни» ошиблись по сути. Письмо носило не морализаторский, а сугубо политический характер и лишь в незначительной мере затрагивало тему «вредных привычек».

Вот его текст:

«Уважаемый Борис Николаевич!

Обратиться к Вам с сугубо личным и конфиденциальным письмом нас, Ваших помощников и людей, любящих и ценящих Вас, вынуждает целый ряд негативных явлений в работе вашего ближайшего окружения и самого Президента.

Приближается 1996 год — год выборов и год принятия Вашего собственного решения относительно продления или не продления президентского мандата. Фактически в стране начинается предвыборная президентская кампания. Подошло время, когда требуется высочайшая концентрация воли, здоровья самого Президента, четкое и активное взаимодействие с помощниками и единомышленниками.

Однако в последнее время все очевиднее проявляется противоположная тенденция. Налицо снижение активности Президента. Работа носит нерегулярный характер со взлетами и резкими падениями активности. Утрачивается постоянный и стимулирующий контакт с политической средой, Президент оказывает все меньшее воздействие на политическую ситуацию. Политическое планирование, столь необходимое для поддержания стабильности в стране, все в большей мере подвержено иррациональным факторам, случайности, даже капризу. Существенно снизилась интенсивность политических контактов и консультаций Президента с партиями, лидерами. Мнению и голосу общественности все труднее достучаться до Президента. В этой связи центр не только экономической, но и политической активности постепенно смещается в сторону Правительства. Утрачиваются позиции в среде предпринимателей и интеллигенции.

Становится заметным, что Президенту все труднее дается контакт с общественностью, журналистами, читательской и телевизионной аудиторией. Усиливается замкнутость Президента в крайне узком кругу частного общения.

Понимаем, что одной из важных причин этих негативных тенденций является объективная усталость. Ведь Вы уже в течение 10 лет выдерживаете огромную политическую и моральную перегрузку. Однако есть и иные причины. Прежде всего пренебрежение своим здоровьем, известное русское бытовое злоупотребление. Имеет место и некоторая успокоенность, даже переоценка достигнутого. Отсюда — высокомерие, нетерпимость, нежелание выслушивать неприятные сведения, капризность, иногда оскорбительное поведение в отношении людей.

Говорим об этом резко и откровенно не только потому, что верим в Вас как в сильную личность, но и потому, что Ваша личная судьба и образ тесно связаны с судьбой российских преобразований. Ослабить Президента значило бы ослабить Россию. Этого допустить нельзя.

В этой связи считаем своим долгом привлечь Ваше внимание к "берлинскому инциденту". Важно понять его возможные политические последствия. Без такого понимания было бы затруднительно строить всю политическую линию вплоть до 1996 года.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на следующее:

1. Берлинские эпизоды получили широкую внутреннюю и международную огласку. Их невозможно отрицать и трудно скорректировать. Видеозаписи этих эпизодов самым внимательным образом анализируются в политических штабах всего мира, о них будут проинформированы лидеры мировых держав и партнеры России. И в соответствии с этим будут делаться политические прогнозы относительно перспектив российского Правительства и Президента, и прежде всего в ракурсе президентских выборов 1996 года.

2. Дополнительные аргументы даны непримиримой оппозиции, добивающейся досрочных перевыборов Президента. В этой связи возможна в ближайшее же время попытка крайней оппозиции поднять вопрос о Президенте в Федеральном Собрании. Вопрос может ставиться в плоскости "здоровья Президента" или "престижа Российской Федерации". Может быть возобновлена попытка "импичмента".

3. Может развить силу тенденция консолидации антипрезидентских сил в регионах и провинции. Ряд губернаторов могут дистанцироваться от президента.

4. Не исключено уменьшение влияния Президента в силовых структурах.

5. Возможен отток интеллектуальных сил поддержки Президента. Ряд политиков могут поддаться искушению переориентироваться на другого сильного лидера. Может ослабнуть поддержка Президента в демократической прессе.

6. В правительстве может возникнуть антипрезидентская группировка (явная или скрытая). В этой связи могут быть инициированы требования об ограничении полномочий Президента и расширении полномочий Правительства.

7. В Федеральном Собрании может усилиться отторжение президентских законодательных инициатив.

Вместе с тем Ваш авторитет реформатора-демократа, уровень популярности среди широких слоев населения, а также особенности русского менталитета и восприятия оставляют возможность корректировки ситуации. Моральный капитал может быть восстановлен, а политическая перспектива расчищена. Для этого потребуются серьезные и скоординированные усилия как Вас, так и Ваших помощников и соратников.

Нужна серьезная корректировка стиля и методов совместной работы. При этом необходимо исходить из понимания того, что Президент и его время принадлежат не ему самому, а России.

Представляются назревшими следующие меры:

1. Решительно пересмотреть Ваше отношение к собственному здоровью и вредным привычкам.

2. Восстановить стабильность рабочего режима и плотность трудового графика. Исключить неожиданные исчезновения и периоды восстановления. Это даст возможность обеспечить фактически отсутствующее ныне политическое планирование, исключить импровизации и случайные акции.

3. Обеспечить личное и постоянное участие Президента в политическом планировании в сотрудничестве с помощниками.

4. Вернуться к активному использованию всех форм политических контактов и консультаций: с фракциями, партиями, лидерами, исходя не из личных симпатий и антипатий, а повинуясь политической логике и целесообразности.

5. Способствовать политической подпитке новыми идеями и впечатлениями посредством постоянных встреч с лидерами общественного мнения, интеллектуалами, независимыми аналитиками. В этой связи активизировать и сделать регулярной работу Президентского совета. Лично участвовать в "мозговых атаках" экспертно-аналитического совета.

6. Восстановить контакты с населением через телевидение, радио, выступления перед большими аудиториями. Выступления Президента по радио и телевидению должны стать регулярными и оказывать прямое воздействие на формирование общественного мнения.

7. Предпринять усилия для восстановления образа Президента-демократа: поменьше помпы, закрытости. Изживать и не позволять навязывать себе "царские" привычки.

8. Пересмотреть практику культурного досуга. Чаще бывать в театре, на концертах, выставках, на стадионах. Избегать сложившегося однообразия отдыха, который сводится к спорту с последующим застольем.

9. Коренным образом пересмотреть ставший неэффективным стиль поездок по стране. Каждая поездка должна быть насыщена серьезным политическим содержанием и давать ощутимые политические дивиденды.

Борис Николаевич!

При необходимости можно было бы расширить перечень назревших мер и корректировок. Но нужна Ваша воля и решимость внести эти корректировки. Нужно тесное взаимодействие с командой.

В сложившихся условиях фактор времени имеет решающее значение. Начинать нужно сейчас, не откладывая. Необходимо перехватить политическую инициативу.

Готовы помогать Вам, работать вместе с Вами во имя интересов демократической России. Верим в Вас!»

Как и условились, письмо передали Президенту в самолете во время перелета из Москвы в Сочи. Борис Николаевич воспринял его крайне болезненно. В телефонном разговоре с одним из помощников в ответ на вопрос: «Какова реакция?», Барсуков, находившийся рядом с Б.Ельциным, произнес лишь одно слово: «Рычит». Ельцин посчитал сам факт написания письма предательством, кричал на А.Коржакова и М.Барсукова («Как вы могли допустить такое?!»), грозил подписавшим карами.

Тем не менее во время отпуска (на это, собственно, отчасти и рассчитывали авторы письма) Б.Ельцин имел возможность многое обдумать. Однако Президент продолжал еще долго сердиться, не брал трубку прямого телефона (так называемой балалайки, названного так за характерный перезвон), когда ему звонили.

В частности, обида на Л.Пихоя прошла только через полгода. В день рождения Б.Ельцина 1 февраля 1995 года она, не особенно надеясь, что

ответят, позвонила ему, чтобы поздравить. Президент неожиданно поднял трубку, и, не дослушав поздравления, спросил: «Почему вы подписали это письмо? Зачем? Это такой удар для меня. Мне так больно».

Пихоя ответила вопросом на вопрос: «А вы письмо до конца прочитали? Там нет ничего резкого, только предостережения вам, президенту страны. Если я вижу, что вам грозит опасность, я должна предупредить вас».

«Почему вы не сказали мне это, а подписали письмо?» — задал еще один вопрос Ельцин.

«Бывают ситуации, когда легче написать, чем сказать», — последовал ответ.

«Я не подумал об этом, — произнес после паузы Борис Николаевич. — Ну все, вопрос закрыт. Не будем больше возвращаться к этой теме».

Формально единственным «пострадавшим» за «письмо султану» оказался пресс-секретарь В.Костиков, да и то весьма условно. Через два месяца Президент предложил ему «поработать за границей», и вскоре он уехал Чрезвычайным и Полномочным послом в Ватикан. Едва ли можно назвать это суровой ссылкой...

О том, повлияло ли на Президента «письмо семерых» или нет, судить трудно. Во всяком случае, внешний стиль его работы мало изменился. Да и какой-то осадок у него в отношении авторов письма все-таки остался. Вскоре начались события в Чечне и политическая ситуация в стране серьезно изменилась. В ближайшем окружении Президента вес все больше набирали люди из силовых структур, и прежде всего А.Коржаков, ставший особенно активно влиять на кадровые решения. В сущности, расчеты демократов «вернуть прежнего Ельцина» так и не осуществились, если не считать короткого периода предвыборной кампании 1996 года.

Глава 8

Долгая дорога к близким выборам

(ФЕВРАЛЬ 1994 — ДЕКАБРЬ 1995)

Выборам быть?

В свое первое послание Федеральному Собранию Б.Н.Ельцин включил раздел, посвященный строительству гражданского общества. Впервые в истории России программный государственный документ высшего уровня имел подобный раздел. В нем, помимо прочего, ставилась задача подготовки и принятия комплекса законопроектов, регулирующих обширные сферы общественных отношений — от гарантий избирательных прав до основ местного самоуправления. Но наибольшее значение придавалось пакету законов о выборах. Первые из них — в Государственную Думу — были не за горами, в декабре 1995 года. Но вопрос о выборах — это вопрос о власти, поэтому баталии предстояли жестокие.

С весны 1994 года по инициативе президентской стороны состоялись встречи представителей Президента, Государственной Думы, Совета Федерации и Правительства. Обсуждались две темы: технология законотворчества и принятие комплекса законов о выборах. К этому моменту уже стало ясно, что осуществленное разделение властей, помноженное на политическое противостояние и амбиции сторон, могло совершенно заблокировать подготовку и принятие законов.

Одновременно представители президентской стороны, которой пришлось готовить законопроекты о выборах, пришли к убеждению, что их следует принимать «в пакете». Закон об основных гарантиях избирательных прав был тесно взаимосвязан с Законами о выборах депутатов и президента, последние — с Законом о партиях; а тот, в свою очередь, — с Законом об общественных объединениях. Однако договоренности, в том числе пакетный принцип, срабатывали при условии единой позиции всех участников законодательного процесса.

Главной темой на первой апрельской встрече в подмосковном пансионате «Лесные дали» стало принятие Закона о выборах и связанных с ним Законов. Договорились принимать их пакетом. Впервые обсуждалась также и идея создания специального органа, координирующего подготовку законопроектов. Представители всех ветвей власти и всех фракций Государственной Думы явно сблизили позиции и выразили готовность к новым встречам. Фактически это была первая акция, в ходе которой вполне конструктивно за одним столом работали те, кто еще полгода назад находился по разную сторону баррикад у Белого дома.

Вторая встреча проходила в пансионате «Десна» примерно в том же составе в июле 1994 года. Депутаты и представители Кремля сошлись в том, что необходимо ускорить начало работы объединенной рабочей группы по координации законодательной деятельности; рекомендовать к разработке проект Закона о государственной программе законодательной деятельно-

сти; подготовить и принять закон о порядке принятия законов; наладить взаимодействие думских комитетов с соответствующими министерствами. Основная идея, звучавшая на встрече, — разделение властей должно сопровождаться взаимодействием властей.

К сожалению, третья, осенняя встреча (также в «Десне») оказалась последней. Вмешались будни политики. Сначала текущее законодательство перевесило общие стратегические интересы. Затем подоспел «черный вторник», а потом и события в Чечне, которые резко переключили депутатское внимание.

Для Б.Ельцина же проблема выборов никогда не отходила на второй план. Существует немало версий по поводу того, когда он принял решение идти на второй президентский срок. Считается, что он оттягивал решение или, по крайней мере, официальное заявление по этому поводу чуть ли не до 1996 года. На самом деле «тайное» желание идти на выборы 1996 года у Бориса Николаевича появилось значительно раньше — еще в 1994 году. Но он это тщательно скрывал, в том числе и от своего ближайшего окружения.

Конечно, помощники Президента, знавшие его не по газетным статьям и интервью и хорошо понимавшие его психологию, подозревали, что он не уйдет из Кремля, если его не вынудят к тому сугубо личные обстоятельства.

29 марта 1994 года газета «Известия» опубликовала комментарий, в котором содержался пассаж о том, что Президент «намерен участвовать в выборах лишь в качестве избирателя». Ельцину эта фраза очень не понравилась. Он позвонил своему пресс-секретарю и стал сетовать, что его «опять переврали» и что подобного он никогда не говорил. В.Костикову пришлось напомнить Президенту: этот эпизод действительно был — при одном из недавних «выходов к прессе» Президент действительно обронил такую фразу. Ельцин, конечно же, лукавил. У него, как уже неоднократно отмечалось, была прекрасная память, и он едва ли мог забыть столь существенный эпизод. Дальше последовал весьма характерный разговор:

— Ну, хорошо, пусть говорил, не в этом дело. Вам, как всегда, виднее... — В голосе Президента звучала ирония. — В любом случае... — Президент ненадолго задумался, — этот «тезис»... о том, что «в качестве избирателя»... надо аккуратно так дезавуировать. Вы там подумайте, как сделать поосторожнее, не привлекая внимания. Может быть, намекнуть?

— Как, Борис Николаевич?

— Ну, например, «еще неизвестно, как посмотрит население на то, будет или нет Президент баллотироваться снова».

Президентский «намек» реализовался через три дня: в тех же «Известиях» со ссылкой на «источники в Кремле» была опубликована редакционная статья «Ельцин может выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах 1996 года». Автор писал:

«Аналитики, прогнозирующие уход Ельцина с политической арены в 1996 году, строят схему, исходя из условной партийной структуры нынешнего российского общества. При этом они абстрагируются от главного — от населения, избирателей. Можно ли исключить, что выдвижение Ельцина в президенты на новый срок будет инициировано большими группами

россиян? В этом случае Ельцину, естественно, придется принимать решение. И оно будет зависеть от его личных желаний, понятия долга, политической ответственности...»

В середине лета, когда Президент находился на отдыхе в Сочи, слухи и разговоры о возможности переизбрания на новый срок перешли в иную плоскость: а нужны ли вообще сейчас эти выборы и не лучше ли перенести их на более поздний срок, например на 1998 год. В целом вариант переноса устраивал всех: и оппозицию, еще не имевшую проходной кандидатуры на пост Президента, и Б.Н.Ельцина, который отнюдь не был уверен в победе на выборах 1996 года, и депутатов, опасавшихся, что при новых выборах не попадут в Думу.

21 июня В.Шумейко, в то время Председатель Совета Федерации, взорвал политическую бомбу. Беседуя с журналистами, он высказался против проведения в 1995 году новых выборов депутатов Государственной Думы и Совета Федерации. Кроме того, считал бы целесообразным одновременно отложить и выборы Президента. В.Шумейко мотивировал свою идею тем, что если не перенести выборы на более поздний срок, то депутаты станут думать больше о своей предвыборной кампании, а не о разработке и принятии законов. Тезис, надо заметить, прозвучал весьма фальшиво.

Тем не менее идею немедленно поддержал лидер парламентской фракции ПРЕС вице-премьер С.Шахрай. Но мотивировка была уже не столь лобовой. Он заявил, что перенос выборов в парламент и Президента способствовал бы стабилизации. Практически одновременное выступление двух политиков, входящих в круг ближайших сторонников Б.Ельцина, не оставляло сомнения, что «пробный шар» был запущен с прямого или косвенного одобрения Б.Ельцина.

Идею переноса выборов поддержал и бывший госсекретарь Г.Бурбулис, возглавивший после ухода из Кремля Фонд «Стратегия». Поддержка была, впрочем, весьма своеобразной. Г.Бурбулис исходил из того, что при продлении срока полномочий Президента до 1998 года Б.Ельцин не должен больше выставлять свою кандидатуру на новый срок: «Президент идет на вариант "плюс 2" без выборов, но не баллотируется в президенты в 1998 году. Это соображение сегодня самое конструктивное для всех нас... Прекращается разгон тех, кто появляется на горизонте с претензией на президентское кресло. Президент будет сам заинтересован в появлении нормальной плеяды лидеров. А пока высунулся чуть-чуть Черномырдин, удалось ему свой рейтинг поднять, так обязательно нужно искать вариант, чтобы "прихлопнуть" Виктора Степановича, чтобы сидел на своих газовых кнопках и не изображал из себя политика государственного масштаба. Так что "плюс 2" меняет расклад в этой сфере. Появляется четыре года, и Ельцину уже ни к чему ставить конкурентам подножку... И самое важное — на выборы не прибегут случайно, по конъюнктуре сбитые блоки со зловещим финансовым запалом: "Купим вас всех разом"».

Увы, в этом Г.Бурбулис оказался почти провидцем. То, о чем он говорил, произошло в 1996 году после известного «давосского сговора», когда группа крупных бизнесменов и банкиров решила поддержать Ельцина из опасения, что на выборах победит лидер коммунистов Г.Зюганов.

Были и «конъюнктурно сбитые блоки», и «купим всех разом». Только люди с «финансовым запалом» в 1994 году еще не назывались олигархами или «семибанкирщиной». Они лишь осваивались в ближайшем окружении Ельцина.

В конце 1993 года в придворный «Президентский клуб» были приняты Б.Березовский, П.Бородин, Ю.Лужков, О.Сосковец. Им был присвоен шифр «Б»: это означало, что они члены «второго призыва». В первый, со дня основания (12 июня 1993 г.), входили помимо Б.Н.Ельцина (председателя) всего 10 человек: Барсуков, Грачев, Ерин, Илюшин, Козырев, Коржаков, Тарпищев, Черномырдин, Шумейко и Юмашев.

Клуб располагался в одном из особняков на ул. Косыгина и имел все условия для спорта и развлечений. А поскольку членом клуба «второго призыва» являлся Г.Хазанов, иногда там бывало и весело.

Отметим, что 12 июня 1994 года в клуб в категории «В» (третий призыв) был принят спикер Государственной Думы И.Рыбкин. В свойственной ему осторожной, уклончивой манере он поддержал идею В.Шумейко о возможном продлении полномочий парламента и Президента. «Избиратели действительно устали от выборов, и мне об этом открыто говорят, когда я бываю в регионах», — говорил он.

Сам Президент лишь через неделю решил публично высказаться по этому вопросу. Его реакция была «мягко негативной». «Дистанцироваться» от этой идеи его убеждал глава Администрации С.Филатов — противник нарушения установленных Конституцией сроков парламентских и президентских выборов. В самом деле, для того чтобы реализовать идею В.Шумейко, потребовалось бы внести изменения в Конституцию, а это практически невозможно. Это была бы колоссальная работа с непредсказуемыми политическими последствиями. Тем более что проведенный в Москве целевой опрос показал: более 36% жителей столицы отрицательно относятся к переносу выборов на более поздний срок. При этом почти 46% опрошенных высказались за то, чтобы Б.Ельцин вообще не выставлял своей кандидатуры. Нетрудно догадаться, что в провинции, где к нему относились более негативно, чем в Москве, результат был бы еще менее благоприятный. 27 июня руководитель Администрации со своими аргументами и с данными социологического опроса пришел на регулярную встречу с Президентом. Сразу после встречи Б.Ельцин позвонил своему пресс-секретарю и попросил сделать заявление о том, что он не поддерживает идею В.Шумейко.

Обычно заявления, которые инициировались самим Президентом, выпускались сразу же — спустя лишь то короткое время, которое требовалось, чтобы сформулировать текст. Никакого повторного согласования с Президентом не проводилось. Однако в этот раз заведенный порядок оказался нарушен. Дело в том, что в группе помощников придерживались того мнения, что Ельцину вообще не следует высказываться по столь деликатному вопросу — это могло бы сузить поле для политического маневра. К тому же в голосе Б.Ельцина, когда он говорил с пресс-секретарем, не было той уверенности, с которой он обычно давал распоряжения. Похоже, что аргументы С.Филатова его не слишком убедили. «Ну, вы там подумайте, как это лучше сделать...» — сказал он пресс-секретарю.

Обычно, когда в группе помощников возникали сомнения или разночтения, наиболее консолидированная ее часть собиралась в комнате группы спичрайтеров, «на совет». Это был именно такой случай. Посоветовавшись и переговорив с В.Илюшиным, решили: надо «потянуть до после обеда» и еще раз переговорить с Президентом. Переговоры завершились тем, что Б.Ельцин согласился «подержать паузу».

Понимая всю деликатность проблемы переноса выборов, помощники Президента в последующие дни постарались максимально затуманить этот вопрос, чтобы оставить Президенту полную свободу маневра в случае, если он примет иное решение. Окончательно ситуацию запутал сам Б.Ельцин, произнеся на встрече с представителями депутатской группы «Либерально-демократический союз» обтекаемую фразу: «Выборы Президента не трогайте», которую можно было трактовать как угодно.

Борис Николаевич бывал достаточно откровенен в кругу своих ближайших помощников, членов Президентского совета и тех представителей демократической общественности, с которыми более или менее регулярно встречался. Однако у него было несколько «потайных троп», на которые он никого не пускал. Одной из таких заповедных зон была тема следующих президентских выборов. Помощникам приходилось догадываться о его намерениях по нюансам и косвенным признакам. Тем не менее к лету 1994 года в группе помощников сложилось консолидированное мнение, что «Бабай» (так Ельцина в то время иногда называли в узком кругу) для себя уже принял решение — идти на второй срок, независимо от того, состоятся выборы в 1996 или, в случае переноса, в 1998 году.

Разумеется, никто не давал команды вести предварительную проработку политических сценариев. Но поскольку вокруг Президента в то время была демократическая (с некоторыми оговорками) команда единомышленников, то такого рода указаний никто и не ждал. Здесь умели действовать и «по умолчанию» Президента. С этого момента «команда» начала исподволь оценивать шансы на победу. В какой-то мере эта проблема была связана с другой — выборами в Думу. Здесь также было много неясного.

Даже в конце сентября 1995 года, когда уже началась избирательная кампания, многие весьма известные политики выражали сомнение в целесообразности проведения парламентских выборов. И уже непосредственно перед выборами отдельные общественные силы стали оспаривать конституционность закона о выборах депутатов, а значит, и легитимность предстоящих выборов.

Высказывания подобного рода и с той же аргументацией появлялись также с совершенно другой стороны. В Кремле их приходилось слышать от некоторых высокопоставленных визитеров — посланцев западных демократий. Похоже, их тревожил исход наших выборов больше всех, они, видимо, вспоминали сюрпризы декабря 1993 года.

Президент России также систематически получал из разных источников аналитические записки всевозможных доброжелателей, в которых обосновывалась необходимость переноса парламентских и президентских выборов и предлагались различные, как правило, слабо продуманные, сценарии осуществления этой идеи. Разумеется не обходилось и без силовых

сценариев, в которых авторы видели самое простое решение. В одной из записок предлагалось несколько поводов введения чрезвычайного положения и переноса выборов: по чеченским мотивам, из-за «наличия признаков заговора насильственного свержения власти», из-за общей угрозы сепаратизма или, на худой конец, коммунистического заговора; создание правительственного кризиса с последующим роспуском Думы. Но такого рода предложения не получали дальнейшего хода.

Были и более серьезные идеи на этот счет. Осенью 1995 года в Администрации рассматривалась возможность переноса выборов на основании юридической атаки на Закон о выборах, которая должна была закончиться признанием его неконституционности. Однако и эта дискуссия представляла скорее академический, чем политический, интерес. Тем не менее демократическая общественность и СМИ полтора года жили в постоянном напряжении, снова и снова обвиняя Б.Н.Ельцина в попытках отложить или отменить выборы. Эти домыслы подхватывала оппозиция, используя в своей пропаганде.

Борьба за закон о выборах

В конце октября 1994 года председатель Центральной избирательной комиссии Н.Рябов встретился с Президентом и передал подготовленный его ведомством проект Закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Уже 1 ноября, не пройдя серьезного анализа в службах Администрации, законопроект был направлен в Думу в порядке инициативы Президента.

По сравнению с прежним Положением о выборах, это, безусловно, было шагом вперед в демократизации избирательного права. Однако проект Закона содержал несколько существенных пробелов. К счастью, проявил инициативу член Президентского совета А.Салмин, направивший Б.Ельцину записку с анализом и критикой законопроекта, с предложениями по его совершенствованию. Результаты изучения законопроекта в Службе помощников, Аналитическом управлении Администрации, экспертном совете были также представлены Президенту. Все это повлияло на его позицию, а некоторые из подготовленных тогда предложений использовались позднее при доработке Закона в Государственной Думе.

В законопроекте прежде всего уменьшалось число мест для избранных по партийным спискам: с половины до одной трети. Вводился запрет на двойное выдвижение: депутат из списка не мог избираться по округу. Для избирательных блоков вводился семипроцентный барьер прохождения. Не допускались к распределению мест блоки, набравшие число голосов меньшее, чем число голосов, поданных против всех списков. Выборы по одномандатному округу признавались недействительными, если число голосов, полученное победившим кандидатом, было меньше, чем число голосов, поданное против всех кандидатов.

Смысл президентских новаций состоял в том, что высокое влияние выборов по партийным спискам, вопреки распространенному мнению, не способствовало формированию партийной системы, не стимулировало

партийное строительство снизу. Кроме того, действовавшая с благословения самого Президента избирательная система не обеспечивала высокого уровня представительства интересов избирателей. Фактически эта система не объединяла достоинства пропорциональной и мажоритарной систем, а, скорее, наоборот — концентрировала их недостатки. Депутаты демонстрировали фантастическое пренебрежение общественным мнением, начисто забыв о том, что избирательное законодательство призвано прежде всего обеспечивать активное избирательное право — право граждан формировать власть через свободные равноправные выборы.

Законопроект не мог понравиться многим депутатам, особенно прошедшим по спискам. Вследствие этого Дума не провела предусмотренных ранее парламентских слушаний, что было бы естественно сделать по вопросу, затрагивавшему коренные права граждан.

Уже 23 ноября Дума спешно поставила законопроект на первое чтение. Началась суета. По числу процедурных нарушений, сопровождавших принятие Закона, был установлен своеобразный рекорд. Их вполне хватило бы, чтобы поставить под сомнение конституционность закона о выборах, а значит, и сами выборы.

Думский расклад сил, когда ни один из политических полюсов не имел устойчивого большинства, еще больше осложнил ситуацию. Отклонение законопроекта не только порождало конфликт с Президентом, к чему было не привыкать, но явно и непредсказуемо затягивало введение Закона в действие. В условиях всеобщего психоза — под названием «будут ли выборы» — депутаты не могли идти на подобный риск. Однако если принять законопроект за основу, то потом будет трудно набирать большинство для внесения поправок, отменяющих президентские инновации, неприемлемые для существенной части депутатского корпуса.

Выход был найден в нарушении процедуры. Как известно, право законодательной инициативы предусматривает рассмотрение в первом чтении именно авторского варианта законопроекта; он либо принимается за основу, либо отклоняется; поправки вносятся перед вторым чтением. Депутаты решили нарушить установленную ими самими процедуру. В результате после ожесточенных дебатов на голосование было выдвинуто постановление Думы, в котором предлагалось принять законопроект в первом чтении, но одновременно уже на этом этапе внести в него отдельные поправки: восстановить прежнее соотношение между числом мест для «одномандатников» и «списочников» и сохранить милую депутатскому сердцу возможность двойного выдвижения.

Такое вольное обращение с законодательной инициативой Президента вызвало у Б.Ельцина негативную реакцию. В результате на имя И.Рыбкина ушло довольно резкое письмо, которое имеет смысл привести целиком.

«Уважаемый Иван Петрович!

С сожалением констатирую, что при рассмотрении проекта Федерального Закона "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в первом чтении 23 ноября 1994 года был нарушен регламент Государственной Думы: проект Закона был поставлен на голосование вместе с внесенными поправками.

Готов обсуждать любые поправки, которые возникнут при доработке законопроекта, однако настаиваю на следующем.

Первое: принимая законы столь большой важности, необходимо неукоснительно соблюдать установленные процедуры.

Второе: законы о выборах разрабатываются и принимаются в первую очередь для избирателей. Интересы политиков должны оставаться на втором плане. Принятие избирательного законодательства должно иметь взвешенный, продуманный характер и максимально учитывать мнение широкой общественности.

Предлагаю вернуться к рассмотрению проекта Федерального Закона "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в первом чтении после проведения запланированных парламентских слушаний и широкого общественного обсуждения с учетом имеющихся альтернатив.

Б.Ельцин»

Спустя десять дней Дума попыталась прореагировать на письмо Президента и включить в повестку дня вопрос — вернуться к первому чтению. И.Рыбкин действовал без особого энтузиазма:

«Хочу лишь напомнить, что тогда, при голосовании, я обратился к полномочным представителям Президента, и некоторым образом согласие на изменение вроде было получено. Мы это делали не один раз, и в конечном счете все завершалось благополучно. Но здесь есть обращение Президента. Ставлю на голосование».

Предложение, конечно, не прошло. Интересно, что более половины депутатов просто не приняло участия в голосовании. После этого Президенту пришлось вторично напоминать Думе о своем праве законодательной инициативы.

Между тем законотворческий процесс шел своим чередом. В марте 1995 года (через четыре месяца после первого чтения) депутаты снова добрались до Закона о выборах. Хотя позже они будут говорить, что Президент сам затягивает принятие Закона, чтобы сорвать выборы.

Заседание 15 марта началось со скандала. Сначала Дума устами депутата В.Исакова признала допущенное ранее процедурное нарушение и, стало быть, то обстоятельство, что все это время велась работа над законопроектом с неопределенным юридическим статусом. Сознательная уловка в устах опытного правоведа приобрела вид детской шалости: «К сожалению, мы с вами забыли проголосовать проект президента в том виде, как он был внесен, а регламент этого требует». Чтобы не было сомнений в сути предстоящего голосования, другой депутат — О.Миронов — объяснил, как разрешить возникшую юридическую проблему: «...сейчас нам нужно проголосовать против президентского проекта в его первоначальном варианте... Вот только так мы выйдем из той сложной юридической ловушки, в которую попали».

В результате Дума наконец отвергла внесенный Президентом законопроект. Однако теперь нужно было снова принять в первом чтении альтернативный законопроект: тот, который четыре месяца назад скроили из президентского путем незаконного внесения в него депутатских поправок.

Законопроект был поставлен на голосование, и тут-то полностью оправдались те опасения, которые в ноябре прошлого года побудили депутатов пойти на юридический подлог. Сработало равновесие сил, и в результате не был поддержан и думский вариант Закона («за» — 201).

Понадобились дополнительное нарушение регламента и повторные переголосования, чтобы после нескольких попыток и привлечения для голосования карточек отсутствовавших депутатов наконец набрать нужное число голосов. Раздавались крики «Позор!», но было уже поздно — одно нарушение процедуры было преодолено с помощью другого. Однако самые грубые нарушения ждали впереди, во втором чтении законопроекта, когда начали голосовать поправки. Одна из них была связана с нормой, согласно которой выборы по одномандатному округу признаются недействительными, если победитель получил меньше голосов, чем подано против всех. Эту норму просто вычеркнули из текста Закона, не проголосовав ее, как того требовал регламент.

От второго до третьего чтения прошло всего около десяти дней, и Закон после принятия был отправлен в Совет Федерации. В верхней палате, где интересы региональных элит никогда не забывались, выборы по партийным спискам вызывали раздражение. Сенаторы хотели возвращения к мажоритарной системе, и прежде всего по этой причине 12 апреля отклонили законопроект с не очень дипломатичной формулировкой — «ввиду неприемлемости отдельных положений».

Через два дня, в соответствии с традицией, создали согласительную комиссию, но рассчитывать на успех ее работы было трудно — слишком серьезные расхождения обнаружились в представлениях об избирательной системе у депутатов Думы и членов Совета Федерации. Неудивительно, что, не дожидаясь окончания работы согласительной комиссии, в отсутствие протокола этой комиссии, Государственная Дума проголосовала за несколько поправленный Закон о выборах депутатов.

Принципиальных изменений в нем не было, соотношение мест «списочников» и «одномандатников» 225 на 225 сохранилось. Почти все поправки, ставившиеся на голосование, были отклонены; прошли только те, согласно которым жестко закреплялся срок проведения выборов на тот случай, если Президент по каким-либо причинам вовремя его не объявит. После этого Дума приняла сразу в трех чтениях слегка подретушированный прежний вариант Закона. Произошло очередное нарушение процедуры, мотивированное тем, что, как сказал В.Исаков, «работа этой комиссии совершенно необоснованно затягивается». Это была новая уловка: не надеясь на преодоление вето Совета Федерации квалифицированным большинством, Дума сделала вид, что посылает в верхнюю палату другой вариант Закона.

Естественно, момент окончательного принятия Закона эта спешка не приблизила. Совет Федерации добрался до него лишь на своем очередном заседании 4 мая. Е.Мизулина, в то время депутат Совета Федерации, от имени согласительной комиссии выступила за принятие верхней палатой Закона о выборах депутатов Государственной Думы. Ее главным аргументом была опасность срыва выборов (действительно, до даты их назначения оставалось всего 4 месяца).

Но было и еще два аргумента. Первый — Дума готова принять Закон о формировании Совета Федерации, предусматривающий прямые выборы «сенаторов» и их работу на постоянной основе (как мы писали выше, этот вариант так и не был принят). Второй аргумент — Дума приняла во втором чтении Закон о партиях, в котором учтены интересы регионов (такого Закона на момент, когда пишутся эти строки, также нет). Тем не менее члены Совета Федерации не вняли этим доводам и снова отклонили направленный Думой Закон, опять предложив создать согласительную комиссию, которую на этот раз, в силу важности вопроса, решил возглавить сам председатель верхней палаты В.Шумейко.

Новая согласительная комиссия собралась один раз, 10 мая. На ней представитель Президента Г.Сатаров сообщил, что Б.Ельцин готов подписать тот вариант Закона, который устроит обе палаты. Однако результат был нулевым, во многом — по вине депутатов Совета Федерации, относившихся ко всей этой суете с некоторой прохладцей. Поэтому Государственная Дума сумела набрать квалифицированное большинство, чтобы преодолеть вето Совета Федерации. На следующий день Закон, минуя верхнюю палату, пошел на подпись Президенту.

Б.Ельцин оказался в трудной ситуации арбитра в жестком споре двух палат Федерального Собрания. Подписать законопроект означало отступить от своих претензий к тексту и одновременно поссориться с верхней палатой. Отклонение привело бы к шквалу обвинений в попытке сорвать выборы. Взяв недельную паузу на размышление, Президент в конце концов отправил в Думу письмо, в котором извещал об отклонении Закона и излагал свои предложения: восстановить соотношение депутатов, избираемых по округам и по спискам, — 300:150; установить порог требуемой явки в 50%; исключить из Закона требование об освобождении от служебных обязанностей кандидатов, находящихся на государственной или муниципальной службе. В заключение Президент предлагал создать трехстороннюю согласительную комиссию.

Депутаты согласились с созданием комиссии, но одновременно направили Президенту письмо с просьбой отозвать вето. Президент выдержал небольшую паузу, подождал начала работы согласительной комиссии и ответил отказом. В своем письме он говорил о том, что, разделяя озабоченность депутатов, не может допустить, чтобы важнейший Закон стал предметом конфликта между палатами, напомнил, что отзыв вето привел бы к грубому нарушению Конституции, и выразил удовлетворение конструктивным подходом, проявленным трехсторонней согласительной комиссией.

Она приступила к работе 25 мая, провела три заседания, последнее из которых состоялось 8 июня. Президентская сторона, чтобы помочь достижению компромисса между палатами, шла на уступки, отказывалась от «подарков» своих оппонентов (например, было предложение представителей Думы снизить порог явки на президентских выборах до 25%), выдвигала свои инициативы. В конечный документ вошло, в частности, следующее предложение, разработанное в Администрации: список, представляемый избирательным объединением, разбивался на центральную (12 мест) и несколько региональных частей. При этом шанс кандидата из региональной

части списка стать депутатом ставился в зависимость от количества голосов, поданных в регионе за партию.

Конечная договоренность, помимо описанной инновации, сохраняла соотношение 225 на 225 пропорциональных и мажоритарных мандатов. Принимались предложения Президента отменить запрет занимать государственную должность во время избирательной кампании; однако такому кандидату запрещалось использовать преимущества служебного положения в целях избрания. Были отклонены несколько предложений, в том числе о проведении второго тура голосования в одномандатных округах.

9 июня 1995 года Государственная Дума 264 голосами приняла в целом Закон «О выборах депутатов Государственной Думы РФ» с исправлениями, внесенными согласительной комиссией. Наименьшая поддержка законопроекту была оказана демократическими фракциями. Вслед за этим текст пошел в Совет Федерации.

Позиция Президента была такой: он не удовлетворен полностью качеством Закона, но считает главным в данный момент достижение согласия между палатами и готов поддержать компромисс, который будет достигнут палатами. Эта позиция была доведена до членов Совета Федерации.

Первая попытка верхней палаты одобрить Закон оказалась неудачной, не хватило 14 голосов («за» — 76, «против» — 26, «воздержалось» — 13). В начале вечернего заседания двое сенаторов предложили переголосовать законопроект. Как обычно, ссылались на то, что в зале не было многих депутатов Совета Федерации, и они не смогли выразить свою позицию.

Слово взял Ю.Лодкин: «Поддерживаю предыдущее предложение, но хотел бы обратиться к главам администраций. Анализ показывает, что абсолютное большинство голосовавших против — это главы администраций. Прошу глав администраций поддержать Президента, так как его этот Закон устраивает *(Оживление в зале.)*». Сенаторы оживились не случайно — оратор принадлежал к «левым» и был одним из ярых противников Б.Ельцина, еще с сентябрьско-октябрьского кризиса 1993 года. Последующая дискуссия выявила суть проблемы. Нарушалась давно достигнутая договоренность: принимать одновременно оба закона, и о выборах в Государственную Думу, и о формировании Совета Федерации. Так или иначе, предложение «вернуться к законопроекту на следующий день» депутаты верхней палаты поддержали.

Как обычно, сразу последовали заявления (Е.Мизулиной и других) о заговоре кремлевской команды, направленном на срыв выборов. Между тем шла интенсивная работа над тем, чтобы на следующий день Совет Федерации вернулся к этому Закону и переголосовал. В частности, представители Кремля перетащили часть сенаторов на свою сторону, пообещав поддержать тот вариант Закона о формировании Совета Федерации, по которому он комплектуется из руководителей законодательной и исполнительной властей субъектов РФ. В результате 15 июня верхняя палата поддержала Закон, а 21 июня он был подписан Президентом, который подтвердил, что перенос выборов не входил в его планы.

«Две ноги»

Помимо законодательной подготовки к выборам Администрация Президента вела подготовку политическую. В конце марта 1995 года Б.Н.Ельцин получил от С.М.Шахрая записку, в которой предлагалась долгосрочная политическая стратегия, базировавшаяся на создании двух партий: правоцентристской во главе с В.С.Черномырдиным и левоцентристской во главе с И.П.Рыбкиным.

С.М.Шахрай писал:

«Задачи, которые решает создание двух крупных, внешне конкурирующих, но внутренне совместимых, избирательных движений:

• формирование надежного парламентского большинства для Президента России и Правительства России в новой Думе;

• «отжимание» крайне левых и крайне правых на обочину политического процесса, снижение неконтролируемых «выбросов» в деятельности новой Думы;

• на выборах 1996 г. два крупных избирательных движения станут мощной опорой для Президента России («две ноги»)...

Возможные перспективные последствия: формирование нормальной двухпартийной системы в России».

По привычке Президент, получая новые стратегические идеи, не спешил реагировать, а выдерживал паузу. Обдумывая те или иные предложения, он часто задавал своим посетителям косвенные вопросы, ответы на которые помогали ему лучше их оценить. На этот раз было по-другому.

Уже на следующий день то же самое предложение Президент услышал от своего помощника Г.Сатарова во время очередной рабочей встречи. Реакция была быстрой: Б.Ельцин поднял трубку, в которой тут же прозвучал голос В.Черномырдина: «Слушаю, Борис Николаевич». Президент: «Виктор Степанович, сейчас к вам подъедет Сатаров с одной идеей. Вы послушайте и позвоните. Мне нужна ваша точка зрения».

В.С.Черномырдин был, конечно, к разговору готов. Идея вице-премьера С.Шахрая ему импонировала. Но сам он не мог предлагать ее Президенту, чтобы не вызвать очевидной ревности. Поэтому к Б.Ельцину она пришла кружными путями.

Короче говоря, Президент идею одобрил. Однако произошло непредвиденное. 25 апреля он встречался с представителями вновь образованной (усилиями Администрации Президента) депутатской группы «Стабильность» и в присутствии журналистов, микрофонов и телекамер объявил, говоря о предстоящих в конце года выборах: «Мы двинемся двумя колоннами» — и изобразил согнутыми в локтях руками своеобразные «клещи», как на карте военных действий. Заявление тут же стало главной новостью, а комментарии были единодушны: объявив о своей причастности к этому партийному строительству, Президент практически оказал ему медвежью услугу.

В связи с этим возникает вопрос: что это было — ошибка или расчет. Характер Б.Н.Ельцина, его любовь щегольнуть неожиданной информацией

(«38 снайперов») или экстравагантной идеей (снятие ракет с боевого дежурства) дают основание предположить, что это была ошибка: прихвастнул своим стратегическим замыслом и погубил его, забыв о своей низкой популярности.

Однако нельзя забывать и об изощренности политического почерка Президента, его умении добиваться затаенных целей простыми и вместе с тем неординарными средствами. Возможно, так было и на этот раз.

Ельцина начали списывать со счетов еще в 1993 году. Чем это кончилось — известно. Следующий, 1994 год дал для этого не меньше оснований, и политическая элита стала искать преемника. Очевидно, что В.Черномырдин был первой кандидатурой, и действующий Президент это прекрасно чувствовал и понимал.

Не исключено, что, публично поддержав идею создания двух центристских партий, он решал совсем другую задачу. Об этом свидетельствует то, что Президент проявлял чисто теоретический интерес к процессу партстроительства, предоставив ему идти своим чередом, без всякого подстегивания со стороны инициатора. Ельцин просто-напросто кинул в реку публичной политики возможного конкурента и тем самым раздвоил мишень для негативной агрессии общественного мнения, вызванной тяжелым ходом реформ. Не желая создавать свою партию, он затруднил ее создание и возможному преемнику.

В Администрации тем не менее велась активная работа по созданию двух блоков, ограниченная только одним — отсутствием явно выраженной и постоянной воли Президента. В середине мая на его стол легла аналитическая записка Г.Сатарова, посвященная анализу процесса партийного строительства. В ней говорилось:

«1. Главная проблема движения Черномырдина — резкая номенклатуризация "высшего командного состава". Это порождает проблемы:

— некоторую эйфорию, связанную с организационным могуществом, которая может обернуться просчетами на последующих этапах;

— подозрения в использовании чиновниками служебных возможностей для политической работы;

— традиционная номенклатура, не всегда имея навыки работы в избирательных кампаниях, не умеет вести публичную политику, привлекать симпатии прессы и т.п.

При формировании Исполкома движения важно максимально использовать "публичных политиков", прочих общественных деятелей, профессионалов-специалистов.

2. Номенклатуризация движения Черномырдина привела к тому, что между ним и Явлинским образовалась неприкрытая брешь в политическом спектре. В ней конкурирует много демократических партий. Было бы полезно, используя реакцию на создание "партии власти", способствовать формированию демократического блока правее движения Черномырдина (без участия Явлинского). Основой такого блока могли бы стать партии Яковлева, Гайдара и Попова.

3. Медленно формируется блок Рыбкина. Большая проблема для него — отношения с Аграрной партией, занявшей агрессивную позицию. Видимо, придется готовиться к серии мероприятий, ограничивающих вли-

яние Аграрной партии на местах. Это влияние базируется во многом на доступе к государственным ресурсам».

В это время Контрольное управление Президента уже пристально изучало бюджетные расходы агропромышленного комплекса. Удалось выявить, каким образом средства перекачивались в партийную кассу АПР, как использовались в политических целях другие государственные ресурсы. Чтобы вывести аграрную партию из-под удара, И.Рыбкину пришлось хлопотать перед Президентом. Аграрии были вынуждены уйти в тень. В итоге АПР не преодолела пятипроцентный барьер. Лидеры АПР объясняли неудачу тем, что деятельность партии «злостно замалчивалась в средствах массовой информации», начисто забыв о том, как умоляли не предавать гласности сомнительные аспекты ее деятельности. Часть аграрного лобби попала в блок Рыбкина, что ему, однако, не помогло.

Предполагалось, что левоцентристское крыло двухпартийной конструкции должно получить свободу критики действий Правительства и президента. Но из этого ничего не выходило. Любые попытки критики вызывали глубокую обиду В.Черномырдина, который тут же звонил И.Рыбкину: «Ну как же так, Ваня!» И за этим следовали другие слова, которыми была столь богата его лексика. Российские предприниматели не спешили помогать левоцентристскому блоку, справедливо полагая, что их активность будет воспринята Председателем Правительства как проявление нелояльности.

Спустя неделю после процитированной выше записки Б.Ельцин читал следующую информацию из Службы помощников:

«Уже есть симптомы попыток вести партстроительство через ячейки на предприятиях, что противоречит указу президента, изданному еще в 1991 году после путча. Эти попытки сразу вызвали нападки (оправданные) в прессе и со стороны коммунистов в Думе. Одновременно бесконтрольно действуют коммунисты на предприятиях. Целесообразно незамедлительно провести юридический анализ ситуации и, возможно, громогласно учинить проверку выполнения упомянутого указа... Необходимо работать на устранение перекоса между движениями В.С.Черномырдина и И.П.Рыбкина. Сейчас те, кто готовы помогать Рыбкину, опасаются, что попадут под возможные преследования со стороны будущего победителя — Черномырдина».

Пелетон предвыборной гонки

Конечно, помимо двух движений, инициированных Президентом, в выборах активно участвовали и другие политические игроки. На преодоление пятипроцентного барьера претендовали испытанные политические бойцы: «Выбор России», КПРФ, ЛДПР, «Яблоко», «Женщины России» и другие. Однако появились и новые. Наибольшее внимание привлекал Конгресс русских общин (КРО), который Д.Рогозин услужливо и не очень расчетливо предоставил двум лидерам: Ю.Скокову и А.Лебедю. Были среди новичков и такие политические «однодневки», как движение

«Новая Россия», слепленное В.Полевановым (бывший глава администрации Амурской области, не без участия Коржакова назначенный председателем Госкомимущества и через несколько месяцев снятый с этой должности).

По данным социологической службы Б.А.Грушина «Vox Populi», на июль 1995 года за НДР были готовы проголосовать 15,3% опрошенных, а за блок И.П.Рыбкина лишь 3,6%; 17% поддерживали идею выдвижения Б.Н.Ельцина на следующий президентский срок; не более 12% были полностью или до некоторой степени удовлетворены его работой; 28% полностью или частично соглашались с тем, что коммунистический строй — самый подходящий для России.

В начале августа опросы ВЦИОМ показывали, что за КПРФ готовы проголосовать 24,1% опрошенных, за «Яблоко» — 15,1, ЛДПР — 12,8, КРО — 7,6, НДР — 0,4%; в заочном споре возможного второго тура президентских выборов Ельцин выигрывал только у Жириновского; лишь 12,3% поддерживали идею его выдвижения на президентские выборы.

В середине августа в Москве прошел II съезд НДР. Приняли программу. Но главное — Людмила Зыкина спела песню (практически — гимн) на стихи Риммы Казаковой и музыку Лоры Квинт: «Загорелась звездочка над моим окном,/ И опять я думаю о своем родном./ О святой бесхитростной, как в роднике вода./ Наш дом — Россия — ты у меня одна./ Наш дом — Россия — ты у меня одна». В своем ежевечернем комментарии по радиостанции «Эхо Москвы» острый на язык А.Черкизов резюмировал это так: «Виктору Степановичу можно выразить сочувствие. России — сострадание. Слушателям — налить по стакану. Для успокоения души. И никогда этого не петь. Ни под каким видом»*.

Песенный конкурс партий под девизом «Кто сильнее любит Россию», кстати, на этом не закончился. В конце августа известный киноактер и автор песен М.Ножкин объявил о передаче Конгрессу русских общин авторских прав на свою песню «Я люблю тебя, Россия».

Вскоре после съезда НДР Президент решил предпринять ряд шагов, направленных на консолидацию демократического фланга, и наметил встречи с политиками этой ориентации. В начале списка стояли В.Лысенко и Г.Попов. К этому моменту у Ельцина была следующая информация из Службы помощников о предвыборной ситуации:

«1. Движение «Наш Дом — Россия» В.С.Черномырдина набирает обороты, но в его деятельности много аппаратной штурмовщины, особенно на нижних уровнях организации. Это нередко отталкивает людей. Завершается подготовка партийного списка. В него готов войти Лужков, но не один, а с кем-то за компанию (включая Г.Х.Попова). По социологическим данным, блок далек от лидирующего положения, но это не должно обескураживать, так как пока социологические данные не имеют прогно-стического значения.

2. Блок И.П.Рыбкина потерял в последние дни ФНПР (Шмаков) и одну из предпринимательско-производственных организаций (Щерба-

* **Черкизов А.** Хронограф. Живая летопись московского муравья. Путеводитель по пяти годам жизни страны. 1991—1996. М., 1996. С. 404.

ков). Это, конечно, удар по имиджу блока, но зато позволит им консолидироваться и начать нормальную работу. Главные проблемы — финансы и необходимость критически дистанцироваться от действующей власти, чтобы исполнить роль оппозиции. Здесь важна роль Рыбкина, который должен стать интересен избирателям, а это у него не получается (не умеет или боится). Здесь были бы полезны и громкие заявления, и даже скандалы.

3. Оппозиция не смогла консолидироваться. Несмотря на попытки, это не удалось сделать коммунистам. Ультрапатриоты называют друг друга лжепатриотами и также консолидироваться не могут. ЛДПР блокироваться не будет, так же как и КРО (Скоков и Лебедь). Последние уже получили поддержку избирателей, приближающуюся по уровню к коммунистам, ЛДПР или Явлинскому. Однако, как кажется, они совершили ошибку, слишком рано начав избирательную кампанию и рискуя надоесть избирателям.

Представляется полезным максимально поспособствовать тому, чтобы на оппозиционном фланге сохранилось как можно больше конкурирующих организаций, которые отбирали бы голоса друг у друга.

4. Демократы, увы, раздроблены не меньше, чем оппозиция. Уже зарегистрировал свой список Б.Федоров («Вперед, Россия!»). Отдельно собираются идти ДемРоссия (Пономарев и Якунин), Республиканская партия (В.Лысенко), И.Хакамада. Может быть, что-то получится у Гайдара с Яковлевым, хотя и у них есть проблемы.

Суммарно демократы могли бы получить около 25% голосов, но при раздробленности не наберут и 15%. Поэтому здесь было бы необходимо уменьшить конкуренцию с помощью блока Гайдара и Яковлева».

Как известно, демократам объединиться так и не удалось. Здравый смысл оказался повержен амбициями лидеров. Свою оценку ситуации Президент дал на большой пресс-конференции для российских и иностранных журналистов 8 сентября 1995 года:

«Я в этот период встречался с очень многими лидерами партий — левых, правых, центристов и так далее. Попытка объединить демократическое крыло не удается. Вокруг Гайдара как-то не очень комплектуются другие партии демократического толка. Поэтому каждая партия, движение хотят все-таки выступать практически отдельно. Может быть, некоторые объединятся все-таки в последний момент, потому что хотят себя именно лично видеть в верхней строчке списка, который утверждается на федеральном уровне. Это по-человечески понятно: лидер партии хочет идти под номером один, а если объединяются, может идти под номером два, три, четыре, пять... Это не всех устраивает.

...Что меня беспокоит с точки зрения выборной кампании сейчас в Государственную Думу? Беспокоит очень мелкое дробление партий — 250 партий. Правда, меня успокаивают, что так было в Чехословакии, Польше, Венгрии. Но все равно беспокойство есть. Конечно, участвуют непосредственно в предвыборной борьбе около 50 партий, движений и блоков. Но все равно дробление такое есть, и оно, конечно, ослабляет. Многие из партий

не получат того минимума, который требуется в соответствии с Конституцией, в соответствии с Законом о выборах».

На этой пресс-конференции Президент отчетливо дистанцировался от политической борьбы на парламентских выборах:

«Меня, конечно, могут спросить, какие мои личные симпатии, какое отношение президента к этим выборам, какое его участие в выборах в Государственную Думу. Во-первых, политически я никакого участия принимать не буду. Как Президент, я являюсь гарантом выполнения Конституции по выборам в Государственную Думу, чтобы они прошли в равных правах для всех движений, партий, избирателей и так далее, и так далее, чтобы они прошли спокойно, чтобы они прошли без драки, без бросания стаканов* и прочего. Вот это моя работа».

Такую позицию рекомендовали Президенту его аналитики. Среди множества аргументов основной состоял в следующем: выгодно подняться над агрессивной и грязной возней за места в Думе, это может дать дополнительные очки перед президентскими выборами. Это соответствовало и побуждениям самого Б.Ельцина, учитывая его непростые отношения с В.Черномырдиным.

Президента спросили о возможном результате «партии власти» НДР и о том, будет ли он менять Правительство в случае ее неудачи на выборах. Он ответил:

«Эти вопросы не связаны. Ведь это не какая-то правительственная партия. Черномырдин ее возглавляет, отношение к ней разное, как и к другим партиям и блокам. Сколько она наберет, трудно сегодня сказать. Сегодня по опросам где-то около 8 процентов, может быть, будет 12, но, конечно, не 30 и не 40 процентов и не большинство. Деятельность Черномырдина на посту председателя никак не связана с результатами деятельности возглавляемого им блока «Наш дом — Россия». Хотя в моральном плане он проиграет очень много».

Как мы увидим, прогноз Б.Ельцина оправдался.

Вскоре после пресс-конференции, 10 сентября, Президент отправился в отпуск, после которого состоялась насыщенная поездка на юбилейную сессию ООН. Однако сразу по возвращении, 26 октября, он был срочно госпитализирован с диагнозом: обострение ишемической болезни сердца. Вот здесь-то и возникло движение в политической элите, некие водовороты и другие турбуленции вокруг Виктора Степановича, в котором все вдруг увидели будущего президента. Обычно в таких случаях максимальный ажиотаж овладевает ближайшим окружением потенциального лидера. Общаясь друг с другом, они имеют возможность говорить откровеннее, чем с лидером, смелее предаваться самым дерзким мечтам, «возбуждая» друг друга. Затем это состояние передается лидеру команды, подталкивая его к неосторожным шагам.

---

* Имеется в виду эпизод бурных теледебатов между В.Жириновским и Б.Немцовым, когда Жириновский в качестве контраргумента плеснул в собеседника соком, а Немцов тут же ответил ему тем же.

Так произошло и с В.С.Черномырдиным, когда он объявил, что Президент поручил ему координировать работу силовых министров. Это было действительно так, но придавать этой акции публичный смысл — значило посягать на «неприкосновенные владения» Президента, которые он всегда охранял крайне ревниво. Открыто Б.Ельцин передоверил «силовиков» только один раз, в конце своего срока, — В.В.Путину, которого назвал своим преемником.

Финиш

Пелетон предвыборной гонки дружно катился к финишу. Центральная пресса «желтую майку» лидера отдавала НДР, за ним — КПРФ и КРО, блок Рыбкина оставался в аутсайдерах. Данные социологов демонстрировали иной расклад. Прогноз, подготовленный ФАПСИ для Президента за несколько дней до выборов, давал следующие результаты голосования: КПРФ — 28%, ЛДПР — 11, НДР — 8, «Яблоко» — 7, КРО — 7, «Женщины России» — 6%. Близкие результаты давали и другие социологические службы. Но встречались и неожиданные прогнозы, например Фонд «Общественное мнение» обещал движению «Женщины России» почти 15%.

За три дня до выборов В.В.Илюшин и Г.А.Сатаров приехали к Президенту в санаторий «Барвиха» с последним прогнозом результатов выборов, подписанным начальником Аналитического управления Администрации М.Урновым. После общего разговора Борис Николаевич пододвинул к себе справку и начал изучать. На последней странице обнаружил количество мест, которые могут получить основные политические силы при голосовании в одномандатных округах: КПРФ — 40, НДР — 35, АПР — 25, Блок И.П.Рыбкина — 10, КРО — 9, «Яблоко» и ДВР — по 7.

Президент нахмурился, поскольку прогноз резко расходился с обещаниями В.С.Черномырдина. Ельцин достал свою перьевую ручку и начал размашисто зачеркивать числа, приведенные в справке, и вписывать свои. Естественно, он давал много больше мест НДР и меньше КПРФ. Затем пододвинул документ к помощникам и сказал: «Вот как будет! После выборов посмотрим». Виктор Васильевич быстро убрал этот уникальный документ в папку, и больше никто о нем не вспоминал. Причина понятна: Президент крупно ошибся, а исход выборов оказался еще хуже, чем прогноз его аналитиков. Впоследствии, когда М.Урнова «уходили» из Администрации, он высказал предположение, что его оправдавшиеся пессимистические прогнозы стали одной из причин опалы.

Финиш предвыборной гонки прошел как-то буднично. Машина Администрации работала, впервые используя современные информационные технологии для скорейшего доведения результатов выборов до Президента. Но вся эта техника и усилия людей фиксировали очевидную неудачу. В соответствии со складывавшейся традицией, 27 декабря председатель Избирательной комиссии Н.Рябов пришел к Президенту докладывать итоги. Они оказались таковы. Почти на 10% повысилась явка по сравнению с 1993 годом — 64,4%. Пятипроцентный барьер преодолели только четы-

ре политических объединения. Победителями стали: КПРФ — 22,30% от числа проголосовавших, ЛДПР — 11,18; НДР — 10,13; «Яблоко» — 6,89%. Критически близко к пятипроцентному барьеру подошли, но не смогли преодолеть его «Трудовая Россия», «Женщины России», КРО.

Лидеры политических объединений, участвовавших в выборах, по-разному комментировали свои результаты.

А.И.Лебедь был немногословен и все объяснил, как водится, фальсификацией, хотя прекрасно знал, что Кремль был заинтересован в высоком результате КРО, отбиравшего голоса у КПРФ и ЛДПР.

В.В.Жириновский назвал свой результат победой, хотя его электорат «растащили», и ЛДПР уменьшила в два раза свое представительство в Думе по сравнению с 1993 годом.

Г.А.Явлинский больше говорил про коммунистов, нежели про себя. Перед президентскими выборами он стремительно наращивал оппозиционную риторику и потому победу КПРФ объяснял никуда не годной политикой Президента и Правительства. В этом объяснении был бы резон, если бы «Яблоко», будучи демократической оппозицией, также удвоило или хотя бы значимо прирастило свой результат. Но этого не произошло. Лидер «яблочников» не замедлил заявить о своей готовности бороться за президентский пост. Б.Н.Ельцину или В.С.Черномырдину он предрекал наихудшие результаты на предстоящих выборах.

Наибольшее число интервью после выборов роздал Г.А.Зюганов. Победу своей партии он назвал абсолютной, подчеркивая, что КПРФ вышла на первое место в 70 регионах из 89. Причины победы он объяснял так же, как и Г.А.Явлинский. Отвечая на вопросы о деятельности своей фракции во второй Думе, лидер коммунистов одной из первоочередных задач назвал денонсацию Беловежских соглашений.

Несомненно, главную победу на выборах одержала КПРФ, и дело не только в том, что за нее проголосовало больше всех избирателей. В этом не было ничего удивительного: при устойчивом электорате, при мозаичной запутанности «центра» и «правого фланга», при тяжелом социально-экономическом фоне и не принятой обществом войне в Чечне странно было ожидать иного результата. Однако к этому успеху следует приплюсовать большое число их соратников, победивших в округах: 58 — от КПРФ и 20 — от АПР. Для сравнения — представители НДР победили только в 10 округах вместо 35 прогнозировавшихся и минимум 50 обещанных. Наконец, важно и то, что политические объединения, преодолевшие пятипроцентный барьер, набрали в сумме примерно 50% голосов избирателей, пришедших голосовать. В этом случае Закон о выборах при подсчете мест, отводимых победившим партиям, отдавал им оставшуюся половину мест.

Таким образом, коммунисты, вместе со своими попутчиками, попавшими в Думу по одномандатным округам, контролировали почти половину мест. Этими местами они распорядились по-хозяйски: отвесив часть своего «политического мяса» для создания двух депутатских групп — аграрной и «Народовластие». (Для создания депутатской группы как полномочного политического субъекта внутри Думы, согласно ее регламенту, требуется не менее 35 «штыков»; вот коммунисты и занялись поставкой этих

«штыков».) Это позволило левым утроить свое представительство в Совете Думы и получить максимально возможное число мест в комитетах. Затем был существенно обновлен аппарат нижней палаты, который приобрел отчетливо красную окраску. Здание Государственной Думы на Охотном ряду на четыре года стало просторным, хорошо оборудованным штабом левых. Время от времени они получали возможность сколотить большинство для проведения путем голосования различных политических акций вроде попытки импичмента в 1999 году.

Тем не менее победа коммунистов не позволила им существенно усилить свое влияние за пределами Думы. Сказалось действие Конституции — надежного амортизатора, предотвращающего опаснейшие зигзаги, которыми чреват чистый парламентаризм в стране без партийной системы. Во многом это объяснялось и тем, что не за горами были президентские выборы. Конечно, левая оппозиция, как обычно, поднимала вопрос о правительстве «народного доверия», но это была игра на публику. Левые знали, что Президент на это не пойдет, и понимали, что им самим брать ответственность за страну перед решающими выборами абсолютно невыгодно.

Весомый успех коммунистов оказался тем решающим аргументом, который заставил Президента принять окончательное решение выдвигаться на второй срок.

За несколько дней до Нового года, завершив лечение в санатории «Барвиха», он приехал в Кремль. 31 декабря, в соответствии с заведенной традицией, помощники пришли к «шефу» поздравить его с наступающим праздником. Подарки в таких случаях не дарились, только протокольный букет цветов. Борис Николаевич отдаривался шампанским. Начали обносить бокалы, и тут он сказал: «Вам шампанское, а мне — заменитель». Похоже, сердечный приступ заставил его взяться за себя. Это было актуально: приближались президентские выборы.

Глава 9

Президентская гонка

(октябрь 1994 — август 1996)

Отрицательная динамика

Подготовка к президентским выборам-96 началась осенью 94-го, когда у политической элиты еще не было уверенности, что действующий Президент намерен выдвигаться на второй срок. И велась она стихийно. Группы аналитиков по своей инициативе проводили зондаж общественного мнения, давали прогнозы политической ситуации и свои разработки приносили в Кремль или на Старую площадь.

Одной из первых в Службу помощников Президента поступила аналитическая записка Л.Гозмана, одного из аналитиков «Выбора России», члена экспертного совета при Администрации Президента. Автор, опираясь на данные исследований, констатировал факт политической демобилизации тех, кто ранее поддерживал Б.Ельцина. Происходившие перемены многие опрошенные слабо связывали с личностью Президента. Наблюдалось ощущение обиды и обмана, в представлении людей Президент явно проигрывал образу того, «настоящего Ельцина». К этому добавлялось расщепление существовавшей прежде связки «Ельцин — демократия». «Остаточная» поддержка Президента обосновывалась, как правило, лишь «наименьшим злом». Исследование телевизионного образа Ельцина также зафиксировало отрицательную динамику.

Несмотря на негативный диагноз, в записке констатировалось, что «Б.Н.Ельцин сохраняет определенный потенциал для возвращения доверия». Важным ресурсом автор считал создание представления о президенте как о лидере команды единомышленников. (В ходе избирательной кампании эту рекомендацию реализовать не удалось.) Давались рекомендации по использованию возможностей радио. Высказывалось и такое пожелание: прибегать к постоянным консультациям профессиональных специалистов по имиджу. Такие попытки несколько раз предпринимались, но Борис Николаевич выдерживал контакт с имиджмейкерами очень недолго, уж очень это противоречило его привычкам и представлениям. Его, например, тогда так и не удалось убедить носить очки.

Свою лепту в подготовку кампании на ранней стадии внесло Аналитическое управление Администрации, подготовившее ряд предложений. Главное состояло в необходимости поляризации электората как средства мобилизации своих избирателей. Нетрудно увидеть, что эта идея стала краеугольным камнем стратегии кампании Президента на выборах 1996 года, хотя и не была доведена до логического конца. Далее, высказывалась рекомендация изменить трактовку принципа общественного согласия, а именно сосредоточиться на сплочении демократических и умеренных

сил перед опасностью перехода власти к политическим экстремистам. Эта идея также была во многом реализована. Констатировалось, что рассчитывать на успех можно только при тесном и благожелательном союзе со средствами массовой информации и интеллигенцией, которые образуют среду, формирующую общественное мнение. С этим практически до самых выборов было тяжело, а состоявшийся позже союз напоминал «брак по расчету».

Предлагалось создать благоприятные юридические условия для «продавливания» своего варианта Закона о выборах депутатов Госдумы, что Президент, как мы знаем, проигнорировал; он предпочел пожертвовать содержанием Закона, чтобы поскорее его принять и тем самым снять напряженность вокруг этой проблемы.

Стратегические предложения сопровождались в записке практическими рекомендациями по реализации каждого из них. В заключение сообщалось, что «Б.Ельцину нецелесообразно торопиться с определением своей позиции относительно участия или неучастия в предстоящих президентских выборах».

С началом чеченских событий предвыборные хлопоты отошли на задний план, а снова вернуться к ним пришлось летом 1995 года, когда дальше уже тянуть было нельзя. Началась практическая проработка вопроса. Однако на первых порах дела шли неважно — слишком разными были интересы людей, окружавших Президента, как и сами эти люди.

Так, летом 1995 года в ближайшем окружении Президента во главе с А.Коржаковым конфиденциально обсуждалось предложение о выделении казначейства из Минфина, соединении его с Гохраном, Госкомимуществом и другими ведомствами. Планировалось стянуть в эту структуру управление основными финансовыми и имущественными потоками и фактически вывести ее из Правительства. Во главе монстра должен был стоять чиновник в ранге первого вице-премьера, подчинявшийся лично Президенту. Таким способом намеревались финансировать победу на выборах. Были даже подготовлены все необходимые указы и постановления. Президент спросил совета, помощники резко возражали. В результате он отверг эту опасную затею и больше к ней не возвращался.

Тогда же, в июле 1995 года, в Службе помощников был разработан план «пред-предвыборного» периода, который включал аналитическую подготовку, описание направленности и стилистики работы Президента. В частности, возникла идея, что год выборов требует чего-то «неожиданного» в жанре посланий. Предполагалось, в отличие от прошлых лет, сделать послание в виде набора «доктринальных» документов: доктрина внешней политики, доктрина национальной безопасности, экономическая программа, концепция социальной политики и т.п. Объединять их должна была речь-обращение к палатам Федерального Собрания.

Реализация предложенного плана в части, касающейся предстоящих выборов, была поручена Г.Сатарову. Если говорить о плане в целом, реализовать его в полном объеме не удалось. Периоды активности сменялись

у Президента традиционным затишьем, а в последних числах октября, как уже упоминалось, он слег до конца года.

Планомерная подготовка к выборам началась с большого многопланового исследования по всей территории России. Его проводила, по просьбе Службы помощников, группа политических технологов. Предстояло разобраться в специфике образа Президента, сформированного в сознании граждан, оценить слабые места и возможные ресурсы. Результаты оказались, как это и ожидалось, малоутешительными: слабых мест гораздо больше, чем ресурсов. Приведем для иллюстрации некоторые фрагменты поставленного специалистами «диагноза».

«Екатеринбург.

Для людей характерны подавленность и чувство униженности, страха за свою жизнь, страха перед будущим, отсутствие перспектив. Они сравнивают свою жизнь с худшими стереотипами памяти о гражданской войне образца 1919 года. Особенно сильно выражены страх и тревога за будущее детей, бессилие им помочь как сейчас, так и в будущем. Озабоченность вызывают беспризорные дети. Фрустрирована базовая потребность в безопасности: силен страх и беззащитность перед преступностью. Опасаются войны, гражданской войны. У уральцев есть особое ощущение преданности, поскольку ожидания от "своего" П. (президента. — *Авт.*) были сильнее, чем у других. Тем более что в области у него были достижения, и они сравнивают их с тем, что сейчас есть по стране. Все говорят о том, что П. после своего избрания именно благодаря уральцам так туда ни разу и не приехал».

«Воронежская область.

Для жителей области характерно чувство бессилия и одиночества. Их все обманывают: и чиновники, и милиция, негде правды искать. Угнетает страх перед нищетой. Особенно выражена тревога перед неизвестностью, они не видят перспективы, не знают, что с ними будет завтра. Чувствуют себя пассивными заложниками чьей-то неизвестной политики. Остро нуждаются в лидере, который обнародует для них свою программу. Их гложет чувство одиночества, фрустрирована потребность в принадлежности к группе, в которой им тепло и есть заботливый лидер».

«Краснодар.

Жители региона выражают озабоченность отсутствием ориентиров и программ у нынешней власти. Их в равной степени заботит отсутствие денег и отсутствие возможности самореализации. Они хотят иметь четкие инструкции, как и каким путем следовать. Выражена потребность в контроле. Испытывают потребность в лидере, указующем путь, более остро, чем в реальном защитнике. В силу географического положения особенно силен страх перед войной и гибелью родных».

Исследование выявило целый комплекс негативного восприятия населением Б.Ельцина: «старый», «больной», «обещает, но не выполняет обещаний», «не контролирует выполнения законов и указов», «имеет вредные привычки». Фрагментами присутствовали и остаточные положительные

оценки: «дал свободу», «опытный», «с ним не страшно» и т.п. При этом отрицательные оценки существенно превосходили положительные. Задача политтехнологам была сформулирована так: компенсировать отрицательные установки и максимально использовать положительные. Но главным в сложившихся обстоятельствах был административный ресурс — тот факт, что в распоряжении Б.Ельцина оставалась система власти и ее финансовые возможности.

Образ «проснувшегося льва»

Параллельно с социологическими исследованиями готовились концепция и стратегия кампании, проектировались организационные структуры, строились графики предвыборных мероприятий, собиралась необходимая для выборов информация по регионам. В работе наряду с помощниками и Аналитическим центром Администрации участвовали независимые аналитики И.Бунин, В.Никонов, А.Салмин, Е.Егорова, И.Минтусов и другие.

За несколько дней до Нового года Б.Ельцину были переданы рекомендации. Президенту, только что вернувшемуся в Кремль после продолжительного пребывания в больнице, был предложен образ «проснувшегося льва».

Идея понравилась. Борис Николаевич начал 1996 год весьма активно, но тут снова карты спутали события в Чечне, где возобновились крупномасштабные боевые действия. Особенно удручающе выглядели события в Кизляре и Первомайском: захват заложников, неумелые и неэффективные действия «силовиков», заявление Ельцина о «38 снайперах» (которые, как ему доложили, контролируют территорию, занятую террористами и окруженную федеральными силами).

Непопулярная война в Чечне крайне отрицательно сказывалась буквально на всем. И дело не только в людских потерях и разрушениях. В Чечню уходили громадные суммы денег, опустошая и без того скудный бюджет. Только в 1995 году было выделено 19,5 триллиона рублей. Потом, когда стали проверять их расходование, обнаружили, что 15,8 триллиона рублей ушли «в песок». Куда они делись — неизвестно до сих пор. «Черт его знает», — как сказал позже сам Президент.

Тогда же Е.Гайдар, О.Лацис и еще несколько человек объявили о своем выходе из состава Президентского совета. Замена руководителя Администрации С.Филатова на Н.Егорова, произведенная уже в ходе избирательной кампании, также существенно ослабила президентскую команду.

Огромный вред наносил расцветший махровым цветом фаворитизм. Вот лишь один из многих примеров. Президент, по просьбе председателя Госкомспорта и своего личного тренера по теннису Ш.Тарпищева, без всякого согласования с соответствующими ведомствами подписал («на колене», как тогда говорили) указ о создании спортивного телеканала. Он должен был вещать на четвертом канале телевидения. В ответ претендо-

вавшее на то же время НТВ начало предельно агрессивную атаку на Президента.

Б.Ельцин все больше попадал под влияние силовой части своего окружения, которое, запугивая коммунистической угрозой, убеждало, что только оно в состоянии его защитить. Последовали и соответствующие кадровые решения. 16 января Б.Ельцин отправил в отставку А.Чубайса, вменив ему в вину поражение партии власти на выборах. Одновременно Г.Сатарову сообщили, что он должен сосредоточиться на подготовке послания Федеральному Собранию. Предвыборные дела переходили в руки штаба под руководством вице-премьера О.Сосковца.

23 января 1996 года Б.Ельцин читал в аналитической записке, подготовленной в Службе помощников, что сторонники Президента в демократическом лагере воспринимают его действия как капитуляцию перед коммунистами, произведенные им кадровые изменения — как сдвиг в номенклатурную, антиреформаторскую сторону. Они возмущены топорными действиями силовых структур, тенденциозностью и противоречивостью официальной информации, которая воспринимается как государственная ложь; их коробит, что Президент принимает за чистую монету ложь «силовиков» и сам ее озвучивает. Отмечался административный крен в начинавшейся избирательной кампании. Демократы чувствовали себя уязвленными тем, что Президент словно давал понять: «Я могу делать все, что угодно, а вы все равно ко мне прибежите, так как только я спасу вас от реванша».

В записке говорилось: «Нельзя в необходимом количестве получить голоса без демократического электората, который невозможно привлечь без помощи демократической прессы и элиты. Нельзя рассчитывать на коммунистические и патриотические голоса. Нельзя одержать победу на выборах руками министров и глав администраций, оперируя административными рычагами, — кампания НДР это показала более чем убедительно». Далее предлагался перечень мер по исправлению ситуации.

Штаб занимался тем временем сбором подписей, включив на полную мощность пресловутый административный ресурс. В регионах применялись старые методы административного давления на работников государственных служб и предприятий. На имя Президента пошли жалобы, что без подписи «за Ельцина» отказываются выдавать зарплату и грозят неприятностями вплоть до увольнения. Все это вызывало озлобление людей и грозило сорвать всю кампанию. Подчас возникало ощущение намеренности действий, некоей установки на срыв выборов.

Между тем Президент в соответствии с ранее намеченным планом поехал в Екатеринбург, где должен был официально заявить о решении баллотироваться на второй срок. Хотя Борис Николаевич готовился к этому загодя и внутренне окончательное решение принял еще несколько месяцев назад, мало кто видел его столь взволнованным. Его чувства, сомнения нетрудно было понять. Ведь в отличие от других потенциальных кандидатов, он не имел права проигрывать. К волнению добавились крепкие уральские морозы, и после бесед с горожанами на улицах к моменту основного выступления у Б.Ельцина сел голос. Тем не менее он все-таки

сумел выступить с большой речью. Несмотря на все волнения и тревоги, в ней чувствовался заряд решимости и воля к победе.

«Столько пережить, столько понять, стоять на пороге цивилизованной жизни, цивилизованной жизни мира и снова скатиться назад — это будет нашим общим поражением и позором. Можно ли мне в этой ситуации не участвовать в президентских выборах? Не раз и не два задавал себе этот вопрос. Но пока есть угроза столкновения "красных" и "белых", мой человеческий и гражданский долг, мой долг политика, стоявшего у истока реформ, добиться консолидации всех здоровых сил общества и предотвратить возможное, вплоть до гражданской войны, потрясение. Несмотря на настойчивые призывы достойно уйти, мой отход от участия в выборах стал бы шагом безответственным и непоправимо ошибочным. Надо довести до успешного завершения дело, которому я полностью отдал себя. Я уверен, что смогу провести страну сквозь смуту, тревоги и неуверенность.

Поэтому я решил баллотироваться на пост Президента России и объявляю об этом здесь, в дорогом для меня зале, в родном городе, вам, моим землякам, всем гражданам России и для сведения всего мира...

Мне часто напоминают данное когда-то обещание лечь на рельсы. Хочу напомнить: я выполнил его, когда настоял на проведении референдума в апреле 1993 года и вручил свою судьбу в руки избирателей. Но на нынешних выборах речь пойдет не только обо мне. На рельсах окажется Россия, и нам надо сделать все возможное, чтобы и мы, россияне, и наша страна не погибли под красным колесом прошлого.

Мы сильнее тех, кто все эти годы вставлял нам палки в колеса, мешал нашему движению к великой и свободной России, к достойной жизни всех россиян. Мы сильнее собственных разочарований и сомнений. Мы устали, но мы вместе, и мы победим!»

Как и планировалось, первые месяцы года стали временем наращивания личной активности Президента. В январе он был избран на второй срок председателем Совета глав государств СНГ, ликвидировал внебюджетные фонды и вместе с ними — колоссальный источник коррупции и разворовывания средств; подписал Указ «О повышении стипендий студентам государственных образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования и аспирантам государственных образовательных учреждений».

Прокуратура с его ведома арестовала и возбудила уголовные дела против и.о. Генерального прокурора А.Ильюшенко и главы администрации Вологодской области Н.Подгорнова. За первые два месяца Генеральная прокуратура возбудила около 80 уголовных дел по факту неплатежей.

В феврале Президент выступил на съезде представителей малого бизнеса, подписал Указ «О праве собственности граждан и юридических лиц на земельные участки под объектами недвижимости в сельской местности». В конце месяца обратился с ежегодным посланием к Федеральному Собранию. Чуть позднее подписал Указ «О дополнительных мерах по развитию ипотечного кредитования».

В начале марта Президент провел заседание кабинета министров, на котором рассматривалась эта проблема, и подверг жесткой критике Правительство и Минфин. Тогда же подписал Указ о предоставлении бесплатных участков земли, а неделю спустя — о конституционных гарантиях прав граждан на землю и о мерах по усилению борьбы с терроризмом.

В том же месяце его послужной список пополнили Указы «Об утверждении Комплексной программы мер по обеспечению прав вкладчиков и акционеров», «О реализации жилищной программы "Свой дом"», «О государственной поддержке граждан в строительстве и приобретении жилья», «О мерах по усилению государственной поддержки науки и высших учебных заведений Российской Федерации». Президент совершил официальный визит в Норвегию; в последний день месяца подписал Указ «О программе урегулирования кризиса в Чеченской республике».

Это была серия, безусловно, популистских, но в условиях жесткой предвыборной борьбы необходимых жестов. Большинство указов по понятным причинам (главная — отсутствие средств) не были выполнены. Некоторые, впрочем, оказались работоспособными, полезными и помогают людям по сию пору, особенно — при строительстве собственного жилья. Но все эти импульсы подхватывались прессой и политиками, активно обсуждались, и в результате (особенно по контрасту с предшествующим годом) формировался образ активного, энергичного Президента. Это был именно тот эффект, который требовался.

Об одной предвыборной акции необходимо сказать особо. 19 января 1996 года Президент подписал Указ № 66 «О мерах по обеспечению своевременности выплаты заработной платы за счет бюджетов всех уровней, пенсий и иных социальных выплат». С этого момента началось проведение операции «Зарплата». В начале февраля появился Указ «О некоторых дополнительных мерах по обеспечению своевременной выплаты заработной платы работникам бюджетной сферы». В середине марта А.Лившиц от его имени объявил о начале реализации программы финансовой поддержки регионов для нормализации ситуации с выплатой зарплат бюджетникам — врачам, учителям и т.п.

Главная трудность проистекала из скудности бюджета. Налоговых поступлений явно не хватало для выполнения даже скромных социальных обязательств. Приходилось заимствовать за границей, брать на рынке госбумаг, рискуя его «перегреть». Для реальной экономики «живых денег» фактически не оставалось. Стали вводить денежные суррогаты — вексельные кредиты, налоговые освобождения и т.п. Экономисты, конечно же, понимали: привыкнуть к суррогатам, как к наркотикам, легко, отучить от них — трудно. Но иного выхода не было. Политика диктовала свои порочные законы экономике. Последствия удалось частично «загасить» только к весне 1997 года.

Ликвидацию долгов по пенсиям и зарплатам Президент контролировал ежедневно. Особенно интересовался тем, доходят ли деньги до получателей. Давал грозные поручения. Каждый руководитель знал, что за

умыкание бюджетных денег можно незамедлительно лишиться поста. Тем более что для острастки Президент действительно снял с работы несколько губернаторов и федеральных чиновников.

Под горячую руку попал и один из руководителей «Газпрома». Причем незаслуженно. Пришлось просить Бориса Николаевича отменить указ, а потом извиняться перед потерпевшим. Тот, надо сказать, был просто потрясен: и не думал, что Президент и его аппарат способны отказаться от собственного решения, пусть даже и неправильного. Подобным образом удалось отстоять и одного заместителя министра финансов, вся «вина» которого состояла лишь в нехватке бюджетных денег.

Аппарат тоже не отставал. Поскольку народ понял, что деньги действительно дают, объем обращений к Президенту превысил все мыслимые пределы. Приходилось чуть ли не вручную регулировать финансовые потоки, устанавливая губернаторам сроки для погашения долгов по зарплате в отдельной школе, больнице и т.д. Был налажен ежедневный контакт с Минфином (бюджетники), Пенсионным фондом (пенсионеры), Минтопэнерго (никого не отключать), МПС (не повышать цены на билеты в электричках), «силовиками» (зарплата), аппаратом Правительства, губернаторами.

Каждое утро Президенту надо было докладывать о том, как идут дела у пенсионеров, бюджетников, военных, шахтеров. Это была изнурительная процедура. Б.Ельцин нервничал, стал приезжать в Кремль все раньше и раньше. Как-то А.Лившица вызвали на доклад к 7.00. Тогда и случился небольшой конфуз. Помощник пожаловался, что приходится доходить чуть ли не до каждого райцентра, а особенно донимает какой-то поселок Бутка в Свердловской области. «Вовсе не какой-то, — обиделся Президент, — я там родился».

В ходе отчаянной борьбы с долгами по зарплате вскрылось немало безобразий. Бюджетные деньги уходили на сторону. Воровали повсюду, и порой казалось, что воровали все. Так, весной 1996 года АО «Свободный водоканал» (Амурская область) имело задолженность по зарплате порядка 320 миллионов рублей. Долги росли, а руководитель тратил государственные деньги на поддержку коммерческой структуры, учредителем которой сам и являлся, на турпоездку своей семьи в Таиланд и на другие, такого же сорта цели.

В Воронежской области Центр занятости и Фонд обязательного медицинского страхования систематически размещали деньги на депозитных счетах в коммерческих банках. Суммы исчислялись десятками миллиардов рублей.

Начальники Самарского Фонда обязательного медицинского страхования перевели на депозитный счет одного из банков 4,2 миллиарда рублей. Потом эти деньги ушли на расчетный счет никому не известной фирмы как банковский кредит. Впоследствии 620 миллионов рублей оказались на депозитных счетах нескольких физических лиц, а остальные средства вообще «растаяли в тумане».

В Липецкой области, где задержки с выплатами пенсий достигали двух месяцев, руководители местного отделения Пенсионного фонда фак-

тически перевели в коммерческие структуры около 660 миллионов рублей. Деньги пропали.

Операция «Зарплата» дала неплохие побочные эффекты. Дело не только в том, что люди стали получать свои деньги. Немного подтянулась исполнительская дисциплина. Зашевелились прокуроры, активнее заработали государственные службы, контролировавшие соблюдение социальных прав человека. Только Рострудинспекция (ее возглавлял бывший народный депутат РСФСР, очень энергичный человек В.Варов) вернула гражданам около 1,5 триллиона рублей зарплаты.

В целом под дымовой завесой избирательной кампании «при массированном передвижении денег в регионы» были разворованы огромные средства. Но рейтинг Президента снова начал расти.

«Нормальная работа штаба до сих пор не началась»

Данные социологических исследований, проводившихся под эгидой ФАПСИ, регистрировали рост популярности Президента за март с 9 до 14%. О том же свидетельствовали опросы и других социологических служб.

На этом фоне проходил Форум сторонников Президента. Его главным организатором стало «Общественное движение общественной поддержки Б.Ельцина на выборах Президента Российской Федерации» (ОДОП), возглавляемое С.Филатовым, который делал очень много для сплочения всех потенциальных сторонников Ельцина. Сначала, как водится, хотели провести Форум в Государственном Кремлевском дворце, но вовремя спохватились — это будет до неприличия нескромно, и остановили выбор на мэрии Москвы.

Это было первое выступление Б.Ельцина, на котором использовалась новинка — промптер. Он представляет собой две прозрачные пластины, устанавливаемые на штативах слева и справа от трибуны, где стоит оратор. Со стороны они кажутся абсолютно прозрачными, а выступающий, глядя в зал, читает проецируемый на них текст, который передвигается по экрану по мере произнесения фраз. Новинка была незнакома широкой публике, выступление произвело мощное впечатление — присутствовавшие посчитали, что Президент, как в лучшие годы, произносит речь «без бумажки, из головы».

В выступление были вкраплены элементы его предвыборной платформы, подготовленной Службой помощников, но появился и популизм старого ельцинского толка.

Заключая свое выступление, Президент обратился к залу:

«Для меня победа на выборах — это не победа над политическим противником, а условие для успешного завершения главного дела моей жизни — возрождения новой, демократической России.

Мы должны победить, чтобы эти выборы не стали последними.

Мы должны победить, чтобы не допустить возврата к временам, когда цивилизованный мир боялся Россию и считал ее “империей зла”.

Мы должны выиграть выборы, чтобы скорее начать жить свободно и достойно, как живут все нормальные люди в нормальных странах.

Со всей ответственностью заявляю: у меня есть силы и воля к победе.

И вместе мы победим!»

Помимо Президента на Форуме выступали известные в России политики и общественные деятели. Если суммировать смысл всех выступлений, то их можно было свести к двум основным тезисам: «Мы видим, что Ельцин еще может» и «Без него нам конец».

Между тем продолжал имитировать бурную деятельность штаб О.Сосковца, больше напоминавший пароход без руля, с бешено вращающимися колесами, на которых нет лопастей. Он поглощал топливо, гудел, пускал дым, взбивал пену вокруг себя, но стоял на месте.

Интересно напомнить его состав. Вот, например, список членов «президиума штаба» (приводится в том порядке, в каком он фигурировал в документах штаба): Б.А.Березовский, Т.Б.Дьяченко, М.А.Захаров, В.Н.Игнатенко, В.Г.Кинелев, А.И.Корабельщиков, В.А.Петренко, В.И.Ресин, Ш.А.Тарпищев, Н.И.Травкин, Ю.Ф.Яров, Г.М.Фадеев, С.А.Филатов, В.Ф.Шумейко, В.А.Петров, В.Н.Викторов. Всего в штаб входило 43 человека, из них 27 — высокопоставленных (или не очень) чиновников, 7 — представляли художественную интеллигенцию, 5 — могли быть причислены к политической общественности, один — представлял, как это думалось организаторам, депутатский корпус, и двое — «заказчика». Заседание штаба регулярно посещали В.В.Илюшин, А.В.Коржаков. Если учесть, что его состав формировался при живейшем участии начальника президентской охраны, то последнее было неудивительным. Это соответствовало той широкой трактовке понятия безопасности Президента, которое он практиковал.

То обстоятельство, что в президиум штаба вошел и Б.Березовский, свидетельствовало о его заинтересованности в результатах выборов. Это, кстати, сыграло свою роль, поскольку он сразу убедился, что «штабная» затея обречена на провал, и убедил в этом Т.Дьяченко. По свидетельству А.Коржакова, о том же «нашептывал» ей В.Илюшин.

Когда настал момент выдавать интеллектуальный продукт, О.Сосковец вынужден был обратиться в Службу помощников. И получил ответ от Г.Сатарова. Текст этого беспрецедентно резкого письма показывает, насколько взвинчен был градус отношений (цитируется с отдельными купюрами):

«О.Н.Сосковцу.

В ответ на ваше письмо № ОС-П23-67... Думаю, полезно дать Вам понять, что для меня очевидны ваши опасения любого квалифицированного вмешательства в Вашу повседневную работу в штабе. Точно так же ясна незаинтересованность в нормальной, организованной работе штаба тех, кто намерен, в соответствии со своими привычками, погреть руки на деньгах, предназначенных для проведения кампании... Уведомляю Вас, что Вам бессмысленно рассчитывать на какое-либо прямое сотрудничество со мной, поскольку оно возможно только при условиях, которые Вы

обеспечить не в состоянии. Все сказанное выше не означает, что я оставлю попытки компенсировать тот вред, который Вы (сознательно или по недомыслию) наносите избирательной кампании Б.Н.Ельцина.

9 марта 1996 г.
Г.Сатаров.

P.S. Если Вы будете настаивать на моем участии в расширенном заседании штаба, то для меня это будет означать, что Вы готовы публично выслушать все, что я думаю о вашей деятельности на ниве публичной политики».

Забавно, что с этим письмом в руках руководитель штаба пошел жаловаться Президенту. Но, как нередко бывало, это произвело обратный эффект: Б.Н.Ельцин не любил, когда его сотрудники «стучали» друг на друга.

К этому времени В.Илюшин, крайне обеспокоенный подготовкой к избирательной кампании, создал небольшую экспертно-аналитическую группу, которая периодически обсуждала ситуацию и вырабатывала рекомендации для Президента. В нее помимо нескольких помощников Президента входили члены Президентского совета С.Караганов, О.Киселев, А.Салмин, эксперты — В.Никонов, А.Ослон и другие.

Острой обсуждавшейся проблемой была следующая: как спасти президентскую кампанию от деятельности предвыборного штаба. В конце концов Президенту за подписями всех членов группы было передано письмо следующего содержания:

«О ситуации с подготовкой избирательной кампании

Уважаемый Борис Николаевич!

Наше обращение к Вам вызвано глубокой обеспокоенностью ходом подготовки и проведения Вашей избирательной кампании. Наблюдения аналитиков и наши собственные убеждают нас в том, что проблемы кампании упираются в личность и деятельность О.Н.Сосковца.

Ясно, что он не специалист в публичной политике и избирательных технологиях, и это сразу проявилось. Но это не компенсировалось его возможными достоинствами, на которые Вы, видимо, рассчитывали.

О.Н.Сосковец не проявил организационных способностей — нормальная работа штаба до сих пор не началась. Он не может контактировать с людьми, отличными от него по складу ума, но необходимыми в кампании. Его влияние на руководство регионов обернулось вульгарным и бесплодным администрированием, которое не только компрометирует Президента, но и отталкивает от него возможных сторонников. Те же методы с тем же результатом применяются им и в работе с правительственными ведомствами, представителями СМИ, коммерческих и банковских кругов. Самое странное, что О.Н.Сосковец не смог решить самую важную задачу: мобилизовать за короткое время необходимые финансовые ресурсы для проведения кампании.

В результате безвозвратно потеряно больше месяца; не организована и не скоординирована работа всех предвыборных структур; в большинстве регионов подготовка к кампании еще не начиналась, а в остальных соз-

дались конкурирующие, мешающие друг другу структуры. Внешние проявления бездеятельности или непрофессиональной деятельности штаба создают у одних ощущение обреченности, а у других — нежелание поддерживать Президента.

В обществе начали курсировать два слуха, рожденных, видимо, попытками объяснить странную деятельность О.Н.Сосковца: первый — Президента «сдали» коммунистам и потому предатели саботируют развертывание кампании; второй — плохой организацией (а точнее — провалом) избирательной кампании Президента затаскивают в ситуацию, в которой он вынужден будет отменить либо выборы, либо их результаты.

Борис Николаевич, мы, уверенные, что спасение России — только в Вашей победе на выборах, обязаны сказать: положение катастрофическое. Времени для терапевтических мер уже нет. Сейчас Вашу избирательную кампанию можно спасти только немедленной ампутацией — О.Н.Сосковец должен быть отстранен от руководства штабом. Помимо этого могут быть предприняты следующие шаги:

— О.Н.Сосковцу поручается руководство правительственным штабом по обеспечению проведения президентских выборов в стране;

— руководство штабом поручается (например) Ярову;

— общественная часть нынешнего состава штаба переводится в своего рода Общественный совет при С.А.Филатове, а многочисленным чиновникам, бесполезно тратящим время на заседаниях штаба, предоставляется возможность продолжить работу в Правительстве;

— комплектуется небольшой штаб из энергичных людей, знающих, что такое выборы, и отвечающих за определенные направления в кампании (список таких людей можно предложить).

Борис Николаевич, это обращение к Вам — наша последняя возможность сегодня помочь Вам в победе на выборах. Если О.Н.Сосковец продолжит руководить кампанией, то любые наши усилия, направленные на организацию избирательной кампании, агитацию и т.п., будут напрасными. В этом случае нам останется искать другие сферы, в которых мы могли бы быть Вам полезны.

Мы надеемся на Вашу мудрость и решительность.

14 марта 1996 г.

Члены экспертно-аналитической группы при Службе помощников».

Убедившись в том, что деятельность штаба Сосковца — пролог катастрофы, активизировался Б.Березовский. На ежегодном экономическом форуме в Давосе он встретился с группой крупных российских бизнесменов, и вместе они приняли решение идти к Президенту и ставить его перед создавшейся проблемой — возможным срывом выборов. При содействии дочери Президента Т.Дьяченко такая встреча была организована практически синхронно с получением Президентом письма от своих советников. Б.Ельцину пришлось делать трудный для него выбор.

К этому моменту В.Илюшин вместе с Г.Сатаровым подготовили для Президента документ «Структура управления избирательной кампанией», который тот и подписал 19 марта после встречи с будущими олигархами

и их эмиссаром в предстоящей кампании — А.Б.Чубайсом. В соответствии с этим документом создавался Совет избирательной кампании под председательством Б.Ельцина. В его состав вошли В.Илюшин (заместитель председателя, организация подготовки и проведения), В.Черномырдин, Ю.Яров (оперативное управление проведением кампании), С.Филатов (реализация общественно-публичной части кампании), А.Чубайс (информационно-аналитическое обеспечение кампании), И.Малашенко (работа со СМИ), Н.Егоров, Ю.Лужков, О.Сосковец, М.Барсуков, А.Коржаков (контрольно-ревизионные функции), Т.Дьяченко (независимый контроль хода кампании).

Совет планировал собираться раз в неделю. Так оно поначалу и было, но затем ритм был нарушен, а еще спустя какое-то время Президент стал вместо Совета обсуждать ход кампании с ядром аналитической группы.

Новый штаб включал три основные структуры: аналитическая группа во главе с А.Чубайсом должна была разрабатывать стратегию и тактику кампании, осуществлять внешние связи; исполком во главе с Ю.Яровым брал на себя обеспечение организационной работы; ОДОП во главе с С.Филатовым должен был заниматься организацией общественной поддержки кандидата. Возглавить штаб кампании поручалось В.Илюшину. Его место в Кремле временно занял помощник Президента А.Корабельщиков.

На следующий день Президент подписал Распоряжение № 1 руководителя Совета избирательной кампании. Его центральный пункт предписывал О.Сосковцу передать новому руководителю кампании В.Илюшину в течение суток все материалы прежнего штаба. Ю.Лужкову поручалось до 25 марта обеспечить сдачу собранных и проверенных подписей в Центризбирком. Сутки отводились и В.Илюшину на предоставление предложений по структуре и кадровому составу основных блоков управления кампанией — исполкома и ОДОПа, «обеспечив устранение дублирования и параллелизма». Поскольку текст Распоряжения писали те же, кто готовил подписанный днем ранее документ, то проблем с реализацией последнего пункта не было — все было разработано заранее.

В эти же дни А.Чубайс и Г.Сатаров набросали список членов аналитической группы. Сначала предполагалось иметь два состава — узкий и расширенный, но в конце концов остался только узкий (приводится, как в документе): «Чубайс, Сатаров, Березовский, Шахрай, Дьяченко Т.Б., Малашенко, Гончар, Шахновский, Ослон, Никонов, Зверев».

Аналитическая группа собиралась в здании мэрии Москвы на Новом Арбате, где у А.Чубайса был офис. Позднее заседания проходили в «Президент-отеле», в котором разместился штаб, и в них стал принимать участие В.Илюшин. Это позволило существенно повысить оперативность работы. Б.Березовский посетил пару первых заседаний, но потом ходил нерегулярно, видимо убедившись, что «суп сварен правильно». Не всегда участвовала в заседаниях группы и Т.Дьяченко, прежде всего потому, что сопровождала отца в поездках по стране.

Шторма не будет

Итак, «штабной переворот» закончился поражением группы Коржакова—Сосковца. Они, естественно, знали о «заговоре» и подготовили мощный контрудар, который бил не столько по «заговорщикам», сколько по Президенту, а в сущности, по всей стране.

Им невольно помогла и Дума. 15 марта она отменила постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года о денонсации Договора об образовании СССР. Тем самым фактически выбивалась база легитимности новой политической системы, включая деятельность самих депутатов.

Служба помощников и Администрация готовились к этому заблаговременно, рассчитывая обратить решение, «продавленное» оппозицией, против нее самой. В итоге кампания, мгновенно развернувшаяся в СМИ, стала, пожалуй, самой эффективной из числа когда-либо организованных Кремлем.

Открыл кампанию лично Президент, выступив с заявлением, в котором, в частности, сказал:

«Какой бы мотив ни лежал в основе принятого постановления, его инициаторам не мешало бы подумать о тех последствиях, которые оно может иметь для России и Содружества Независимых Государств...

Его принятие можно рассматривать как попытку Думы ликвидировать нашу государственность. Оно ставит под сомнение легитимность государственных органов, в том числе и ныне действующей Государственной Думы...

Гарантирую российским гражданам, народам стран Содружества Независимых Государств и мировому сообществу:

Российская Федерация сохраняет свой статус и придерживается всех заключенных ею договоров.

Интеграция в рамках Содружества будет продолжаться... Как гарант Конституции, не допущу никаких попыток подорвать основы российской государственности, дестабилизировать положение в стране».

В дополнение к пропагандистской кампании Служба помощников направила Президенту новые предложения (записка цитируется с небольшими купюрами):

«Представляется, что организованная Вашими службами реакция на постановления Думы от 15 марта дала ожидаемый пропагандистский эффект и нанесла ощутимый урон Вашим противникам. Однако использованы еще не все возможности. Можно создать ситуацию, при которой Дума будет поставлена перед необходимостью либо отменить свои решения, либо дезавуировать их другим постановлением.

Это можно сделать подключением Совета Федерации и Конституционного Суда, к которому первый может обратиться по факту нарушения Думой полномочий Совета Федерации.

Есть два варианта реализации этой схемы:

— Ваше письмо членам Совета Федерации (два варианта прилагаются);

— неформальное влияние через Строева и ключевых юристов (прилагается справка, которая может быть неформально передана в аппарат Совета Федерации).

Плюс первого варианта (его сторонники — Шахрай и Сатаров) — активность президента, что выгодно с точки зрения предвыборной; минус — может вызвать ощущение излишней суеты.

Плюс второго варианта (его сторонники — Батурин и Краснов) — большая технологичность».

Президенту, однако, результаты предстоящих выборов все еще казались опасными и непредсказуемыми. Он продолжал верить в универсальность старого как мир аргумента — в силу. Вероятно, поэтому он остановился на «третьем варианте», предложенном Коржаковым. Вариант предполагал роспуск Государственной Думы и перенос президентских выборов. Это и был контрудар Коржакова—Сосковца. Далее события обрели драматическую окраску.

Утром в воскресенье 17 марта секретари приемной Б.Ельцина сделали довольно много звонков, вызывая к Президенту его помощников, спичрайтеров, некоторых министров, других высоких должностных лиц. В полдень в кабинете Президента за столом для совещаний сидели В.Илюшин, С.Шахрай, Г.Сатаров, М.Краснов, Ю.Батурин и сам Б.Ельцин. Президент поставил задачу — подготовить нормативную основу и текст обращения о роспуске Государственной Думы, запрете КПРФ и переносе президентских выборов. Реакция приглашенных была отрицательной. Но Б.Ельцин был жестким и непреклонным. Дав указания, он выпроводил присутствовавших из кабинета. Все перешли в небольшой зал заседаний рядом с кабинетом В.Илюшина. Там уже находился руководитель ГПУ Р.Орехов.

Помощники вынуждены были подчиниться, однако, по мере того как шла работа, все острее проявлялось осознание неизбежных тяжких последствий реализации такого плана. В результате к 17 часам была подготовлена записка, в которой обосновывалась бесперспективность и пагубность этих шагов. Записка была подана так, что уклониться от ее чтения Президент просто не мог. Вот ее полный текст:

«Контрдоводы и альтернатива

1. Правовых обоснований жесткого варианта практически нет.

2. Такой вариант — реакция на решения Думы не адекватными реальной опасности средствами.

Оба постановления Думы вполне могут быть отменены Конституционным Судом в порядке спора о компетенции.

К тому же весьма вероятно, что Совет Федерации осудит постановления Думы и предложит Президенту принять меры либо сам обратится в КС.

3. Судя по всему, принятие постановлений — это заранее спланированное провоцирование Президента на силовые действия. Мотивы:

а) осознание того, что рейтинг Президента растет;

б) в этих условиях резкие действия Президента (с признаками государственного переворота) развязывают руки коммунистам:

— возможность всеобщей политической стачки;

— возможность столкновений с гражданами;

— возможность выхода из подчинения некоторых воинских частей и подразделений МВД.

4. Ответные шаги по постановлениям вызовут, скорее всего, отторжение и у многих некоммунистических слоев. Мотив: Президентом приняты неадекватные меры. Кризиса нет. Дума просто сама себя высекла. Короче, действительно на угрозу конституционному строю постановления не тянут.

Тем более Президент РФ сам сказал, что юридических последствий решения Думы не имеют.

5. Нельзя назвать оптимистическими прогнозы относительно реакции законодательных собраний регионов (и провинции вообще). Если не через СМИ, то через законодательные собрания может быть организовано сопротивление исполнению Указа. Тем самым нависает угроза гражданской войны. В этом случае придется открыто вводить президентское правление и отменять действие Конституции РФ.

Альтернатива

1. Письмо Президента в Совет Федерации.

2. Понедельник — работа среди членов СФ.

3. Вторник — заявление СФ с оценкой решения ГД и о невозможности в создавшейся ситуации проводить выборы Президента РФ.

4. На основе решения СФ Указ Президента о переносе выборов Президента на 2 года и о прекращении деятельности КПРФ + Обращение к народу».

Нетрудно заметить, что содержащееся в записке предложение — это нечто промежуточное между «планом Коржакова» и вариантом действий, изложенных в документе от 16 марта. С учетом ряда психологических и тактических обстоятельств авторы не рискнули отклонить план Коржакова сразу в полном объеме. Сначала ставилась задача остановить силовой вариант, а потом «по возможности» перейти к осуществлению предложенного ранее плана.

В 17 часов та же группа и Р.Орехов вновь сидела у Президента. «Контрдоводы и альтернатива» Ельцину не понравились.

— Почему нет текста указа? В 1993 году вдвоем справились. Тогда такой группы не было, — недовольно пробурчал Ельцин и отправил «группу» работать.

В приемной ожидал министр внутренних дел А.Куликов. Приведем его воспоминания о том дне:

«В воскресенье 17 марта, в 8 часов утра мне позвонил Коржаков и попросил приехать к Президенту в 11 часов.

Приезжаю. Передо мной от Президента вышел Скуратов с поникшей головой. Вхожу к Борису Николаевичу. Он встал и сказал, что намерен рас-

пустить Думу, запретить коммунистическую партию в связи с тем, что они принимают неправильные решения (после того как Госдума высказалась за денонсацию Беловежских соглашений). Думаю, что Президента к этому подготовили Сосковец и Коржаков. Говорю: "Борис Николаевич, вы — Президент и Главнокомандующий, вправе принимать решения. Но если вы не возражаете, я бы к 17 часам доложил Вам некоторые свои предложения".

"Хорошо, — сказал Президент, — давайте".

Первое, что мне пришло в голову как исполнителю: чтобы не повторить 1993 год, надо, наверное, срочно распространить дезинформацию, объявить, что Дума заминирована, и на этой основе взять ее под охрану, чтобы не пришлось штурмовать, как Белый дом в 1993-м. Спустились мы к Коржакову. Там помимо него были Сосковец, Барсуков, Скуратов и Крапивин.

Я оттуда дал команду срочно собрать на совещание заместителей министра, вызвать начальников ГУВД Москвы и области, командование внутренних войск. Потом рассказал им о ситуации, дал задание готовить все необходимые расчеты.

Все указания отдал, а у самого "компьютер" в голове работает уже на политическую оценку этого президентского решения.

Звоню Скуратову.

Куликов. Что ты думаешь? Можешь ли пригласить Председателя Конституционного Суда Туманова к себе, а я к вам подъеду?

Скуратов. Хорошо.

Я приехал к ним. Оказывается, Президент всем им говорит, что Куликов — за это решение, министр обороны Грачев — "за", руководитель ФСБ Барсуков — «за». Тогда Скуратов и Туманов размышляли так, что раз эти все «за», то, видимо, и им надо соглашаться. Однако при встрече я им заявил, что этого делать нельзя. Скуратов и Туманов меня поддержали. Я еще спросил Туманова, что он на это ответил Президенту? Ведь это же антиконституционно.

Туманов. Да, конечно, это не соответствует Конституции.

Куликов. Но этого же нельзя допускать. Давайте запишем все, что говорит в пользу проведения такой акции и что — против. Каждый сам все это обосновывает. У меня в 17 часов встреча с Президентом. Я вас приглашаю вместе с собой. Мы зайдем втроем к нему и попробуем его отговорить.

Так и сделали... Между тем Президент уже дал команду Батурину, Орехову, Шахраю, Краснову — во главе с Илюшиным — готовить указ по данному вопросу. Когда мы поднялись, они все находились у него. Нам предложили подождать. Потом выходят они, косо смотрят на нас. Видно, что тоже не в восторге от такого решения»*.

Выходившие от Президента Батурин, Орехов, Шахрай, Краснов и Илюшин «косо смотрели» на ожидавших в приемной Куликова, Скура-

---

* Цит. по: **Некрасов В.** МВД в лицах: министры от В.В.Федорчука до А.С.Куликова. 1982—1998. М., 2000. С. 351—352.

това и Туманова, потому что Президент, используя тот же прием, говорил своим помощникам, что остальные — «за». Они вновь поднялись к Илюшину и стали готовить записку, почему проекта Указа не будет.

Вновь слово А.С.Куликову:

«Когда пришли к Президенту, то говорю ему: "Борис Николаевич, мы вот пришли втроем. После долгих раздумий у нас есть мнение не делать этого".

Начинаем обосновывать свое решение.

Президент. Но вы же утром не заявили мне об этом!

Куликов. Я не мог сказать сразу. Это нужно было осмыслить. Мы считаем, что так делать нельзя.

Президент. Я вами недоволен.

Куликов. Борис Николаевич, но я слишком уважаю Вас, чтобы не сказать всю правду. Это недопустимо, с нашей точки зрения.

Президент. Нет. Все. Будем выполнять. Вы получите Указ.

Вышли. Заходим к Илюшину.

Куликов. Вы, что ли, Указ пишете?

Все смотрят на меня»*.

У Куликова с собой была записка с аргументацией и возражениями. Он показал ее помощникам. Те ему — свою. Записки оказались очень похожи, местами даже до совпадения формулировок. Расстались, договорившись вести общую линию.

В 19 часов 30 мин., после аудиенции у Президента, пришел А.Чубайс:

— Ребята, кто пишет указ — отвечает, независимо от того, ставил визу или нет. Остается только заявление об уходе. Это ведь политическая гибель Президента.

Помощники показали ему свою записку. Чубайс руками изобразил реакцию на нее Президента: разорвать и выбросить.

В 19 часов 40 мин. С.Шахрай взял записку и пошел к А.Коржакову. Через пять минут возвращается. Коржаков у Ельцина. Шахрай оставил ему записку, расписавшись.

В 20 часов 15 мин. приехали Л.Пихоя и А.Ильин. Президент уехал на дачу, распорядившись, чтобы В.Илюшин к 23 часам привез ему Указ.

К 22 часам 30 мин. записка (без Указа) была готова. В ней, в частности, говорилось: «Указ не получился, потому что правовых обоснований нет. Кроме того, Указ — реакция на постановление Думы неадекватными реальной опасности средствами... В случае принятия Указа нависает угроза гражданской войны». Подписали В.Илюшин, Г.Сатаров, Ю.Батурин, М.Краснов, Л.Пихоя, С.Шахрай.

В 22 часа 50 мин. В.Илюшин позвонил на дачу Президенту. Ельцин спал. Решили, что Илюшин не должен ехать, чтобы не выпускать документ из рук. Он пошел в свой кабинет дожидаться утра. Президент приехал

---

* Цит. по: **Некрасов В.** МВД в лицах: министры от В.В.Федорчука до А.С.Куликова. 1982—1998. М., 2000. С. 352.

в Кремль в 5 часов 45 мин утра. Илюшин доложил ему записку помощников. Ельцин: «Кто подписал?»

Илюшин перечислил.

Через пятнадцать минут началось совещание.

Вспоминает А.Куликов:

«Сидели Ельцин, Черномырдин, я, Барсуков, напротив Сосковец, Илюшин и Егоров. Там дальше сидел Коржаков. Это было в 6 часов утра 18 марта 1996 года в кабинете Президента в Кремле...»*

Какие доводы в конце концов подействовали на Президента, сказать трудно, но факт остается фактом — он отказался от своей последней за десятилетнее правление попытки силовых действий по отношению к законодательной власти. Теперь оставалось только одно — побеждать на выборах.

Post Scriptum. «Москва. 21 марта. Интерфакс. — В МВД РФ закончились широкомасштабные командно-штабные учения органов внутренних дел и внутренних войск МВД РФ, которые проводились в ряде регионов России и были направлены на пресечение возможных терактов со стороны дудаевских боевиков. Об этом в четверг "Интерфаксу" сообщили в МВД РФ.

В качестве возможных вариантов нападений боевиков были определены объекты, расположенные в городе Москве, а также Московской, Воронежской, Курской и некоторых других областях».

«Прежний» Ельцин

Новый штаб, созданный Б.Н.Ельциным, начал работать предельно энергично. Действительно, распоряжение о его структуре было подписано 19 марта, а уже в первых числах апреля в Москве начались семинарские занятия активистов региональных штабов, стартовала серия еженедельных социологических исследований.

Помимо постоянной социологической аналитики штаб подпитывали и другие источники информации. Например, регулярно составлялись проблемные перечни для всех субъектов Российской Федерации. Информацию добывали доверенные лица, ездившие по регионам, представители Президента, руководители региональных штабов, ОДОПы и т.п. Подобная аналитика включала обобщенные сведения по стране, а также таблицу, содержащую сведения по каждому региону. Они включали ссылки на источники информации, перечень проблем и предложения по возможным действиям штаба. Подобная информация учитывалась при планировании маршрутов поездок кандидата, программы конкретной поездки и т.п.

Были моменты и менее рутинные, например подготовка незамысловатых «народных» частушек в поддержку кандидата. Процитируем некоторые из них:

---

* Цит. по: **Некрасов В.** МВД в лицах: министры от В.В.Федорчука до А.С.Куликова. 1982—1998. М., 2000. С. 352.

«Башковита наша Русь
И славна умельцами,
А поэтому, народ,
Голосуй за Ельцина!

Бросила хорошего,
Выбрала поганого —
Не отдайте сдуру, бабы,
Голос за Зюганова!

Отдал голос сгоряча
Против Николаича —
Лес рублю теперича
За Геннадь Андреича.

Завинтить в России гайки
Хочут вновь большевики,
Возвратить себе спецпайки,
А народу дать пайки».

В.В.Илюшин, который, по старой аппаратной выучке, не любил «красоваться на публике», сумел объединить и организовать в единый кулак разнородные структуры и несхожих людей: интеллектуалов из аналитической группы, чиновников из Исполкома, деятелей культуры из группы доверенных лиц, общественников из ОДОПов. Предвыборный штаб хуже сотни коммунальных кухонь, и первый помощник Президента больше других сделал для его нормального функционироваия. Мы специально пишем об этом, поскольку у той победы потом объявилось очень много родителей.

Интенсивная работа шла не только в штабе, но и в Администрации, в Службе помощников. Например, группа спичрайтеров за время избирательной кампании подготовила более 400 выступлений и обращений. В этом не было ничего удивительного. Один час рабочего времени Президента требует от нескольких сотрудников напряженной работы в течение нескольких дней. Нетрудно представить, что происходило, когда Президент работал по 12 часов в сутки.

За апрель—май появилась новая серия указов с широким диапазоном тем: фундаментальная наука и концепция устойчивого развития, помощь пострадавшим от аварии на Чернобыльской АЭС и больным сахарным диабетом, семейная политика и своевременная выплата пенсий, контроль за приватизацией предприятий оборонного комплекса и зарплата учителям, меры по укреплению налоговой и платежной дисциплины и поддержка малого предпринимательства. Полного списка указов хватило бы на целый президентский срок. Они охватывали все важнейшие группы избирателей. Указы выпускались в соответствии с планом-графиком кампании и предвыборной программой Президента, которая должна была быть обнародована во второй половине мая. Программа содержала перечень указов

Президента, изданных за период с 1 января по май 1996 года. Необходимо было показать, что Б.Ельцин «уже начал реализовывать свою программу», что он уверен в победе, что его конкуренты увязли в предвыборных схватках, а Президент работает.

Конечно, и сам Б.Ельцин вел активную кампанию, и весьма важную часть ее занимали поездки по регионам, в чем он как глава государства имел несомненное преимущество перед конкурентами. География поездок была тщательно рассчитана. Подробно обсуждалась концепция очередной встречи с избирателями, выбиралось место, в деталях прорабатывался маршрут передвижения (к кому подойдет сначала, к кому — потом), планировались и президентские «экспромты», расстановка телекамер и т.д. Перед каждой поездкой и после нее в регионе проводились социологические исследования, чтобы определить их эффективность.

Характерный эпизод связан с одной из первых поездок Ельцина в Краснодарский и Ставропольский края в первой половине апреля. Социологические замеры показали, что после поездки в первом регионе 15% респондентов отметили, что их отношение к Президенту улучшилось, а 12,8% — ухудшилось; тем самым значимого эффекта поездка не имела. А вот на Ставрополье сложилась просто катастрофическая ситуация — у 9% опрошенных отношение к Б.Ельцину улучшилось, а у 18,8% — ухудшилось. Иными словами, поездка дала отчетливый негативный эффект. Причины были кристально ясны — организация поездки в худших номенклатурных традициях советских времен, огромное оцепление из охраны отрезало кандидата от избирателей. Если так продолжалось бы дальше, поражение было бы неизбежным.

На ближайшем заседании Совета избирательной кампании А.Чубайс положил перед Президентом две фотографии. На одной был изображен Б.Ельцин в период президентской кампании 1991 года, стремительно идущий по площади в плотном кольце сторонников, смотрящих на него с восхищением. На другой — тот же персонаж в Ставрополе в апреле 1996 года: вокруг него мощная стена из затылков и торсов охраны, а где-то вдали хмурая толпа.

Ознакомили Президента и с данными социологических замеров. Он все понял сразу и тут же произнес довольно резкую тираду в адрес Коржакова. С тех пор поездки приобрели предвыборную стилистику. Уже во время пребывания в Астрахани баланс улучшивших и ухудшивших свое отношение к Ельцину после его приезда составил 18% в пользу кандидата. Каждая следующая поездка прибавляла Президенту в каждом регионе в среднем по 10% симпатизирующих. Постоянно проводились замеры популярности действий Президента. Например, замер, предпринятый в мае, показал, что усилия по установлению мира в Чечне одобряли 65% и не одобряли 21% процент избирателей.

Рейтинг Б.Ельцина неуклонно повышался. К середине апреля он догнал лидера КПРФ, и до начала мая они шли «ноздря в ноздрю». Затем рейтинг Президента начал расти, а зюгановский — снижаться.

Расскажем подробнее об одной скоротечной поездке, которая совпала с окончательным поворотом симпатий избирателей в пользу Б.Ельцина.

Все поездки были распределены между помощниками Президента. В частности, А.Лившиц отвечал за поездку в Подмосковье накануне Дня Победы. «Концепция» поездки была такой. Президент приезжает в рабочий поселок. Никаких производственных вопросов, никакой политики. Общается с ветеранами войны, детьми, другими жителями. Возлагает цветы к мемориалу, поздравляет молодоженов, которые по традиции туда приезжают. Заходит в дом рабочего и в поселковый магазин. Отбывает в Москву. Продолжительность мероприятия — всего 1 час 20 минут.

Требовалось найти поселок, абсолютно узнаваемый на всей территории России — небольшой работающий заводик, пруд с пенсионерами-рыболовами, автобусная остановка, несколько пятиэтажек, частные неказистые дома, садовые участки, бабули, обсуждающие у магазина местные новости. Надо было сделать так, чтобы телезритель в Смоленской, Тамбовской или Иркутской области увидел картинку и воскликнул: «Да это же наша Ивановка (Нестеровка, Михайловка)!»

Искали долго вместе с губернатором Московской области А.Тяжловым. Наконец остановились на поселке Атепцево — 80 километров от Москвы, завод «Элинар», памятник погибшим, пруд, магазин, конечная остановка автобуса, 3400 жителей. То, что надо!

Во время подготовки к поездке заранее осмотрели магазин. Выбрали и дом рабочего. Узнав, что к нему в гости собирается сам Президент, хозяин впал в шоковое состояние, заговорил неразборчиво. Жене пришлось «переводить». Проинструктировали и молодоженов (их отыскали в соседнем поселке, поскольку в Атепцеве никто в тот день жениться не собирался), указав им время прибытия к памятнику. Прикинули точки для телекамер. Нашли ветерана, к которому Ельцин должен был заглянуть на садовый участок. Пенсионер просил лишь одно: ему хотелось «хлопнуть», как он говорил, с Президентом по рюмочке за Победу. Ведь другого шанса не будет. Запретили категорически! Более того, приехав в Москву, А.Лившиц предупредил А.Коржакова «об опасности» и посоветовал послать к ветерану сотрудников с приказом: «Никаких рюмочек!»

Наступил теплый весенний день 7 мая. За несколько часов до появления Ельцина охрана была уже на месте. Бабули, завидев молодцов в форме и с оружием, стали боязливо креститься. Молодожены, чтобы не опоздать, приехали намного раньше намеченного. Чтобы не портили сценарий, их послали ехать на второй круг.

И вот на дороге показался кортеж. Президент был на эмоциональном подъеме. Сразу двинулся точно по программе — осматривать магазин. Потом — в дом рабочего. Тот, слава богу, взял себя в руки, стал разговаривать. Выставив всех сопровождающих за дверь, Борис Николаевич сел пить чай вместе с рабочим и его женой.

Поздравив молодоженов и пообщавшись с народом, Президент отправился к ветерану на садовый участок. Тропинка была узкой, а потому охрана отсекла всех, кроме А.Коржакова, командующего Московским военным округом Л.Кузнецова, А.Лившица и телеоператора. В таком составе протиснулись в калитку. Навстречу шел дед, смущенно улыбаясь и сверкая орденами и медалями. И, о ужас! В руках он держал две

граненые рюмки, до краев наполненные водкой. А.Лившиц показал ему кулак. Ветеран все понял по-своему, просиял и объявил: «Ребята, рук не хватает. Сейчас и вам принесу. Победа, это ж понимать надо!» И принес. А потом увел Б.Ельцина на картофельные грядки и что-то долго ему рассказывал.

Пожалуй, именно в тот день всем, кто был с Президентом, стало ясно: победит.

В нашем рассказе о технологии предвыборной кампании Бориса Ельцина нет даже намека на какое-либо осуждение применявшихся приемов. Да, Б.Ельцин активно использовал свой «административный ресурс». Но на что? На восстановление образа энергичного Президента, продвигающего преобразования в России, а не на подготовку к массовым фальсификациям; на усиление образа народного Президента, а не главного должностного лица, «нагибающего» всех остальных начальников, чтобы обеспечили ему хороший результат.

Именно так все происходит перед очередными выборами и в других странах. Любой действующий президент включает по максимуму свои ресурсы, в том числе и популистскую риторику, дабы обеспечить победу на выборах. Что касается методов, находящихся на грани или даже за гранью закона, то и они, к сожалению, применяются в развитых демократиях. Время от времени некоторые из них становятся достоянием гласности (достаточно вспомнить «уотергейтское дело», скандалы, связанные с финансовыми нарушениями в ФРГ, и прочее). Другое дело, что подобные нарушения на Западе, как правило, приводят к правовым и политическим последствиям. Кроме того, в тех же США с трудом можно представить себе ситуацию, когда молодожены согласятся переместиться в другой поселок и вообще играть строго определенную им роль в сценарии предвыборного шоу. Но не надо забывать, что традиции свободы в России еще не стали частью ее народного сознания.

Но главное отличие предвыборной кампании Б.Ельцина от его западных коллег состояло в том, что и он сам, и его штаб, и кремлевские сотрудники понимали: речь идет не просто о победе на выборах, а о стратегическом выборе пути для России. Наверняка кому-то из многочисленных участников этой президентской гонки было наплевать на ее исход: работали за деньги либо за преференции. Такого сорта люди, стремящиеся из всего извлечь лишь собственную выгоду, есть везде и всегда, но, к счастью, не они определяли ход кампании. Впрочем, его определял даже не штаб Ельцина. Решающим фактором был сам Ельцин.

Разумеется, он не вникал в детали географии и сценариев поездок. Но как только очередная поездка была намечена, Президент буквально вгрызался в подготовленные для него материалы. Он впитывал всю информацию, начиная от истории региона или какого-то объекта в нем и кончая цифрами добычи руды, надоев молока или выпуска пиломатериалов. Помнится, в Белгородской области перед визитом на Лебединский горно-обогатительный комбинат он в пять утра звонком поднял с постели своего помощника А.Корабельщикова, чтобы уточнить какие-то детали по деятельности этого предприятия. Но особенно интересно было видеть,

с каким удовольствием он окунался в былую стихию — общение с улицей, с людьми.

Поскольку, кроме хозяев частных домов, в которые должен был зайти кандидат, никого заблаговременно не готовили, обязательно в толпе находились и те, кто пришел не столько полюбопытствовать, сколько пожаловаться на притеснения или просто попросить о чем-либо. Сопровождавшим Президента помощникам приходилось держать наготове блокнот для записей «челобитных». Это, кстати, тоже чисто российская традиция, говорящая о том, что в стране так и не заработала нормальная правовая система защиты человека, что до правового государства еще далеко.

Просьбы поступали не только от случайных людей в толпе, но и от тех, с кем встречи планировались заранее. При этом в самих просьбах угадывался их автор. Губернаторы просили помощи в масштабе области или края, директора предприятий о поддержке производства и т.д. А вот настоятельница Толгского монастыря в Ярославской области походатайствовала о помиловании одного хозяйственного руководителя, находившегося под следствием. Президент пообещал. Но среди юристов возник спор, можно ли миловать человека, еще не осужденного. Тем не менее Указом Президента этого человека освободили от уголовной ответственности, поскольку тогда еще не было твердой нормы, что помилование применяется лишь к уже осужденным. Таковы нюансы предвыборных технологий.

Порой из своих поездок Президент «привозил» вопросы, которые ставили в тупик его подчиненных. Так, после визита в Новосибирск, где Борис Николаевич спускался в метро, одна женщина сказала ему, что Библия будто бы запрещает куплю-продажу земли. Это был для Ельцина серьезный повод еще раз задуматься над земельной проблемой, которую он до сих пор не рассматривал под таким углом зрения. Пришлось помощнику по правовым вопросам Краснову обращаться к теологам. В результате «шефу» была направлена следующая записка:

«К вопросу о продаже земли (в Библии)

Уважаемый Борис Николаевич!

Никаких прямых указаний о запрете купли-продажи земли в Библии нет. Богословы (причем разные) считают, что высказывание женщины в Новосибирске есть сектантство.

Наоборот, в Новом Завете есть прямое свидетельство о сделках с землей. Цитата дословная:

Книга "Деяния святых Апостолов" (гл. 4 и 5)

"4: Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая *их*, приносили цену проданного (34) И полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду.(35) Так Иосия, прозванный от Апостолов Варнавою, — что значит: "сын утешения", — левит, родом Кипрянин, (36) У которого была своя земля, продав *ее*, принес деньги и положил к ногам Апостолов. (37)

5. Некоторый же муж, именем Анания, с женою своею Сапфирою, продав имение, (1) Утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую

часть принес и положил к ногам Апостолов. (2) Но Петр сказал: Анания! для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли? (3) Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? для чего ты положил это в сердце твоем? ты солгал не человекам, а Богу. (4)".

Все сказанное, кроме всего прочего, свидетельствует также о невозможности коммунизма на земле. Речь идет о первой христианской коммуне (от каждого — по способностям, каждому — по потребностям: "каждому давалось, в чем кто имел нужду"). Но даже люди, добровольно отдававшие свое имущество в коммуну, Апостолам, фактически Богу, пытались что-то утаить от братьев. Что уж говорить про обычных людей! Невозможно строить общество, исходя из утопической идеи всеобщей честности».

Нередко Ельцин был вдохновителем и указов, которые, как говорилось выше, обильно прорастали в предвыборный сезон. Особенно остро он почувствовал эту потребность в мае. Собрав помощников, потребовал от них «свежих идей для указов». Именно тогда появился реформаторский Указ о поэтапном создании муниципальной милиции. Впоследствии эта идея, натолкнувшись на противодействие МВД, заглохла. Другой Указ, который тоже был быстро «похоронен», назывался «О мерах по укреплению дисциплины в системе государственной службы» от 6 июня 1996 года.

Как бы то ни было, останься активность Ельцина столь же высокой и после выборов, можно было не сомневаться, что реформы обретут второе дыхание. Но на продолжение активной государственной деятельности у Президента уже не оставалось сил.

За кулисами

Рост популярности Б.Ельцина и смена лидеров предвыборной гонки к середине мая стали свершившимися фактами. Прошедший в Подмосковье 18 мая закрытый VI пленум ЦК КПРФ, проанализировав ход кампании, обозначил новые рубежи политической стратегии коммунистов.

После парламентских выборов КПРФ реально рассчитывала на легитимный перехват власти с помощью выборов. Когда эти расчеты начали таять, в партийной верхушке обозначилась позиция: «Это есть наш последний и решительный бой». Лидером этой фракции внутри КПРФ был В.Купцов. Его сторонники призывали выводить народ на улицы, подзадоривали друг друга рассказами о боевых дружинах, готовых в любой момент подняться по их команде. Все это шло под аккомпанемент пропагандистского лозунга «Ельцин собирается фальсифицировать выборы!» Повторим, это началось именно тогда, когда легитимная победа Президента стала очевидной.

В штабе Ельцина обратили внимание на серьезность этих угроз, когда из регионов стали поступать сигналы: отставные военные сообщали о попытках их вербовки. Реакция была естественной — пресс-конференция представителей штаба Ельцина с обнародованием этих планов, равно-

сильных попытке срыва выборов. В результате обвинения поутихли. После выборов КПРФ попыталась подать в суд за клевету, однако иск был отклонен.

Только небольшая часть левой элиты отражала менее агрессивную позицию участников пленума, замешанную на двух мотивах. Первый из них — страх перед Ельциным и боязнь своей победы на выборах. Второй — расчет на ослабление режима и постепенное «вползание» в него через исполнительную власть. В конце мая — начале июня были проведены закулисные переговоры между частью верхушки КПРФ и представителями Президента. Такую позицию открыто поддержали «пораженцы» из регионов. Представители многих обкомов обвинили в создавшейся критической ситуации руководство партии, которое, по их мнению, бездарно и вяло вело избирательную кампанию. Логика рассуждений была такова: «Не умеете побеждать, так не лезьте и нас не подставляйте. Давайте мировую». Кстати, именно этот сценарий и начал фактически реализовываться во второй половине 1998 года.

Также, еще до первого тура, велись консультации и переговоры с участниками президентской гонки — возможными партнерами. Две фигуры пользовались наибольшим вниманием: Г.Явлинский и А.Лебедь.

Первая обстоятельная беседа с лидером «Яблока» состоялась 24 января. Читателям, видимо, будет интересно узнать, о чем говорят на таких встречах.

Представитель Б.Ельцина дал понять, что этот разговор ведется по его собственной инициативе, чтобы поспособствовать встрече Явлинского с Президентом. Мотивы и аргументы: обеспокоенность общей политической ситуацией на выборах; у Явлинского нет шансов победить (он не возражал); шансы у Президента выше (Явлинский не комментировал, что неудивительно, поскольку на тот момент рейтинг у Ельцина был ниже, чем у него); есть общая для всех опасность — приход к власти коммунистов (Г.Явлинский полностью разделял этот тезис, он не видел своего будущего после победы коммунистов); шансы победить общего противника повышаются при объединении по следующей схеме: Явлинский входит в команду и поддерживает Президента на выборах.

Лидер «Яблока» с готовностью воспринял эти рассуждения, повторив еще раз, что готов встречаться сколько угодно. Не ставил никаких предварительных условий (подчеркивая это), связанных со статусом, местом в команде и гарантиями. Он подчеркнул несколько раз, что для него главное одно: возможное соглашение должно давать более 50% шансов на победу.

Затем предложил не организовывать встречу сразу, а сделать несколько туров «челночной дипломатии» для подготовки встречи (через несколько дней должен был состояться съезд движения «Яблоко», на котором Явлинский намеревался выдвинуть свою кандидатуру). Он опасался: если это сделать сразу, какие-то неосторожные слова любой из сторон могут помешать достижению необходимого результата.

Посредник подготовил бы такую встречу после предварительной проработки вариантов, которые можно предложить Президенту. Вари-

анты должны были включать не только определение места Явлинского в команде, но также стратегию и тактику процесса объединения. Это могло означать включение лидера «Яблока» в предвыборную кампанию Ельцина и отказ от президентских претензий на заранее обговоренной стадии. Г.А.Явлинский сказал, что уверен в Президенте, что никогда его не обманывал, о чем тот знает.

Лидеру «Яблока» не давали покоя когда-то сказанные Б.Ельциным слова о том, что тот плохо его понимает. Еще больше он опасался, что появление в команде Президента может вызвать ревностные чувства некоторых ельцинских соратников. Что его станут компрометировать, возможно, уже на подготовительной стадии, когда он начнет собственную кампанию, сохраняя критическую риторику. Напомним, что эта встреча происходила в начале 1996 года, на очень неблагоприятном для Б.Ельцина политическом фоне.

Следующий тур переговоров с Г.Явлинским проходил уже в ходе развернувшейся кампании. В них участвовали С.Зверев, А.Чубайс, В.Илюшин. На завершающем этапе переговоров представители Президента имели на руках уже подписанный указ о назначении Г.Явлинского на пост вице-премьера. В случае его согласия текст тут же шел в прессу. Но «да» не последовало. Амбициозному политику было крайне трудно преодолеть инерцию уже развернувшейся собственной избирательной кампании, а кроме того, давление соратников, страх потерять избирателей и опасение оказаться обманутым.

Тогда основное внимание было переключено на А.Лебедя (хотя переговоры начались много раньше). Здесь все выглядело гораздо проще. И сразу после согласия генерала ему на подмогу были брошены серьезные организационные и информационные ресурсы. Это не замедлило сказаться на росте рейтинга генерала и позволило А.Лебедю занять третье место в первом туре с результатом, на который он вряд ли рассчитывал.

К концу избирательного марафона Б.Ельцин был измотан до предела. Мало кто тогда знал, каких усилий ему стоило вести борьбу с совершенно изношенным сердцем. Иллюстрацией может служить хотя бы записка одного из президентских помощников, направленная В.Илюшину:

«Мероприятие 15 апреля (юбилей Н.Н.Семенова*) убедило меня в том, что, возможно, график Президента (численно и содержательно) до 16 июня надо корректировать. Шеф выступал очень вяло (возможно, из-за того, что накануне простудил горло), не отвлекался от текста. Короче, без своего обычного в последние недели вдохновения. Было такое ощущение, что он жутко устал...»

Однако могущественные силы поставили на карту очень многое, если не всё. И они готовы были идти до конца, чтобы обеспечить победу Ельцину. Так же до конца готов был идти и сам Борис Николаевич, руководствуясь, однако, иными, нежели «олигархи», мотивами. Он осознавал, что его проигрыш может стать проигрышем того дела, которому он посвятил последние семь лет.

---

* Выдающийся российский ученый, один из основоположников химической физики, лауреат Нобелевской премии (1956 г.).

«Лучше умру, чем проиграю»

Первый тур, прошедший 16 июня 1996 года, не принес неожиданных результатов: Б.Ельцин — 35,28%, Г.Зюганов — 32,03; А.Лебедь — 14,52; Г.Явлинский — 7,34; В.Жириновский — 5,70%. Остальные кандидаты (С.Федоров, М.Горбачев, М.Шаккум, Ю.Власов, В.Брынцалов) получили менее 1% голосов.

Эти результаты расходились с прогнозными оценками, имевшимися в штабе, не более чем на пару процентов. Уже на следующий день А.Лебедь был назначен секретарем Совета безопасности и помощником Президента. Одновременно был отправлен в отставку министр обороны П.Грачев, что входило в условия сделки с А.Лебедем. Реакция общества была положительной: назначение Лебедя поддержали 66,7% респондентов (против — 18,2%); отставку Грачева поддержали 65,1% (против — 8,4%). Шансы на победу во втором туре серьезно увеличивались.

События, происшедшие через четыре дня, 20 июня, описаны неоднократно. История о том, как Служба безопасности Президента поймала двух функционеров штаба с «коробкой из-под ксерокса» (на самом деле с коробкой из-под бумаги для ксерокса) и как это закончилось отставкой Коржакова, Барсукова и Сосковца, стала центральной темой между двумя турами. Но важнее реальная подоплека событий, которая обсуждалась гораздо меньше.

Несоответствие между требованием Закона о выборах, задававшим верхнюю планку расходов на избирательную кампанию, и реальными расходами всегда приводило к тому, что расчеты за проведение кампании в существенной части проводились «черным налом». Это практиковали все, именно поэтому противоборствующие стороны никогда не обвиняли в этом друг друга.

Понятно, что то же самое делалось и в избирательном штабе Ельцина. Пикантность ситуации состояла в том, что именно Коржаков осуществлял контроль за перемещением всех средств и отвечал за безопасность этого процесса. В штабе за этим непосредственно следил его заместитель Г.Рогозин. Стало быть, Служба безопасности знала обо всем, и если переход наличных денег из одних рук в другие рассматривался ими как нарушение, то пресечь это можно было гораздо раньше.

Возникает естественный вопрос: почему это произошло только после первого тура? Ответ очевиден. Именно тогда, особенно после удачной комбинации с А.Лебедем, стало совершенно ясно, что Б.Ельцин побеждает и становится Президентом на второй срок. Во весь рост вставала извечная проблема — кто воспользуется плодами победы. Ведь победа на выборах для многих — это не только почетные грамоты за содействие, это посты, влияние, доступ к ресурсам. В условиях конфронтации между различными сегментами президентского окружения плоды победы — это не только вопрос о доступе к «кормушке», но и проблема политического выживания.

Именно этим объясняется попытка скомпрометировать А.Чубайса, отстранить его от руководства кампанией, перехватить на последней ста-

дии управление и проехать под триумфальной аркой второго тура со всеми приятными последствиями. Но этого не произошло, А.Коржаков, М.Барсуков и О.Сосковец были отправлены в отставку. Президент принял тяжелейшее для себя решение.

Основные усилия штаба перед вторым туром были направлены на то, чтобы сохранить высокую явку избирателей в день голосования. Изготовлялись клипы мобилизующего содержания, «ставились под ружье» лидеры общественного мнения. Однако интереснее рассказать о работе, которая не бросалась в глаза, но была весьма эффективна.

Еще до первого тура группа аналитиков во главе с Л.Смирнягиным вычислила, в каких регионах можно ожидать наибольшее число нарушений в пользу КПРФ. Оказалось, что это, в первую очередь, сельская местность так называемого «красного пояса». Чтобы не дать противнику воспользоваться привычными приемами «заполучения» там голосов, была задумана и реализована операция «Молодежный десант». В ночь перед первым туром из центра Москвы отправилась колонна автобусов со студентами московских вузов в качестве общественных наблюдателей. Работу со студентами в штабе вел лидер молодежной организации НДР О.Бочаров (позднее депутат Московской городской думы).

Маршруты молодежных бригад пролегали по глухим дорогам центральных областей, где в сельских участках привыкли набивать урны лишними бюллетенями, объяснять старушкам, где надо ставить галочки, и делать многое другое, что позволяло затем гордо отчитываться перед вышестоящей партийной организацией. Подобные колонны выезжали и из некоторых областных центров. Акция оказалась успешной, и во время второго тура ее размах был удвоен. Коммунисты осознали масштаб потерь сфальсифицированных голосов только к полудню 3 июля, когда полным ходом шло голосование. Пытались организовать в некоторых областях контрдесант, но было уже поздно.

Примерно к пяти утра 4 июля стало ясно, что Б.Ельцин побеждает, и побеждает вполне достойно. Никакие последующие крики коммунистов о нарушениях (а они, если и были, то, как обычно, в пользу обеих сторон) не могли поставить под сомнение легитимность этой победы. Результат говорил сам за себя: Б.Ельцин — 53,83%; Г.Зюганов — 40,30%.

9 августа Б.Ельцину предстояло во второй раз пройти процедуру вступления в должность Президента России. Для него это было еще одним очень непростым испытанием. Как-то в ходе президентской гонки он произнес: «Лучше умру, чем проиграю», и оставался до конца верен этой установке. Избирательная кампания отняла все силы и все здоровье. Это стало понятно еще между первым и вторым турами, когда 23 июня, во время поездки в Калининград, случилось очередное обострение болезни сердца. Насколько серьезна была проблема здоровья Президента, свидетельствовал эпизод телезаписи его Обращения к гражданам страны накануне второго голосования.

Текст был максимально сокращен и упрощен. Но главное даже не в этом. Существенно была изменена, если так можно сказать, и сама процедура записи. Обычно перед началом съемки Президент просто приходил

в комнату, где все это происходило, несколько минут шли необходимые приготовления: телеоператор поправлял камеру, проверялся звук, свет и т.п. Если Б.Ельцин был в хорошем расположении духа, отпускал шутки, беседовал с телевизионщиками, а затем начиналась съемка. После нее, немного поговорив, а часто и сфотографировавшись на память, он уходил.

Запись Обращения накануне второго тура была иной. Было известно, что Б.Ельцин нездоров, и какая-то напряженность буквально висела в воздухе. В определенный момент последовало распоряжение, чтобы все, кто готовил запись, вышли из комнаты. Через какое-то время их пригласили обратно. В кресле перед телекамерой недвижимо сидел мертвенно-бледный Б.Ельцин. Дали команду записывать. Из последних сил Президент зачитал короткое Обращение к гражданам страны, призвав прийти на избирательные участки. Затем в комнату вошел В.Черномырдин, подсел к Б.Ельцину, телекамера на минуту взяла новый план и запечатлела беседу Президента с премьер-министром. После записи всех присутствовавших вновь попросили выйти. Подавленным от всего увиденного телевизионщикам сказали, что можно собирать аппаратуру.

Через несколько дней таким же образом снимали эпизод голосования Б.Ельцина (он сделал несколько шагов к урне для голосования и опустил в нее бюллетень), которое происходило в подмосковной резиденции. Как всегда в подобных случаях, должное впечатление у зрителей помогло создать искусство телемонтажа.

Между тем день инаугурации приближался. Новой и старой командам Президента, его сторонникам и особенно близким, знавшим о медицинской проблеме далеко не понаслышке, приходилось уповать на врачей и на Бога. Перспектива отмены или срыва инаугурации из-за состояния здоровья Президента была реальной. Самая большая сложность заключалась в том, что ее невозможно сделать виртуальной — снять на камеру ряд эпизодов, а затем смонтировать и показать по телевизору. Вступление в должность — мероприятие публичное.

Другая проблема — мероприятие требовало определенного времени. Его не проведешь за 5—10 минут. К тому же есть прецедент, прежняя инаугурация, достаточно долгая процедура с речами, торжественными церемониями и т.п. Был и еще один момент. В ходе избирательной кампании большое влияние в окружении Б.Ельцина приобрели «специалисты-пиарщики», которые настаивали на необходимости «эффектных телекартинок», наперебой предлагали разные, на их взгляд, выигрышные сценарии (вступление в должность на Соборной площади Кремля, выход Б.Ельцина с царского Красного крыльца и т.п.).

От всего этого пришлось отказаться. Незадолго до знаменательного дня решили даже отказаться от президентской речи при вступлении в должность. До последнего момента она оставалась в сценарии, правда, постоянно правилась и неизменно сокращалась. Устроили нечто вроде репетиции, Б.Ельцин попробовал прочитать по промптеру текст президент-ской присяги. Присутствующим стало ясно: даже это будет для него крайне трудно... Президент читал эти несколько слов дрожащим голосом, не видя знаков препинания, без пауз, в одной интонации. Избе-

жать этого на самой процедуре инаугурации частично удалось только изменением размещения текста на промптере. Между смысловыми частями присяги были даны большие пробелы, что заставляло делать остановки при ее произнесении.

Врачи ограничили участие Бориса Николаевича в церемонии 20 минутами. В отведенные временные рамки удалось уложиться. Инаугурация состоялась, Россия во второй раз обрела Президента. Понимая свое состояние, Б.Ельцин очень волновался. Осознание того, что все позади, что вступление в должность состоялось, как бы открыло второе дыхание. После официальной церемонии на государственном приеме присутствовавшие немало удивились тому, что увидели совсем другого человека. Он вошел в зал довольно быстрым шагом, с подъемом произнес краткий тост, даже пообщался с некоторыми приглашенными. И спустя примерно полчаса уехал. Как бы там ни было, для всех, кто стал свидетелем официального начала второго президентского срока Б.Ельцина, стало очевидно, что нездоровье лидера превратилось в один из основных факторов российской политики.

Анализ результатов выборов определил две составляющие победы: общественно-политическую и технологическую. В политическом отношении выборы свелись к соревнованию двух доминирующих в обществе настроений: усталость от Б.Н.Ельцина и страх перед реваншем коммунистов. Страх победил, консолидировав большую часть политической элиты, многие средства массовой информации и новый бизнес. Представители последнего чуть позднее приписали исключительно себе эту победу, утверждая, что именно они спасли Президента. И требовали соответствующей благодарности. Между тем вопрос о том, кто кого спас, далеко не так ясен, как это казалось Березовскому, Гусинскому, Смоленскому, Потанину и другим.

Вся кампания была предельно поляризована, что вызывало у многих опасение дестабилизации после выборов. Однако тревожные ожидания не нашли реального подтверждения: пик социальной протестной активности, имевшей не столько политический, сколько социально-экономический характер, после 1997 года пошел на убыль. Оба главных кандидата, поддерживая столь резкую поляризацию кампании, одновременно подчеркивали свою надпартийность и «всенародность». Это было очевидным отражением несформированности новой структуры социально-политических интересов в обществе.

Что касается технологических соображений, то, во-первых, выборы стали результатом победы новых политических технологий над старыми, «аппаратными». Во-вторых, анализ показал, что зависимости между экономическими обстоятельствами жизни людей в разных регионах и результатами голосований не было. Более глубокие исследования, проведенные позднее разными аналитическими центрами, выявили любопытную деталь: практически не дала «прироста» голосов программа погашения задолженности, под которую привлекали огромные займы, что позднее создало большие проблемы для бюджета. Возможно, она способствовала созданию

ощущения, что «президент старается», но такого же эффекта можно было добиться меньшими затратами. Однако эта программа была полезна уже тем, что миллионы людей получили зарплату и пенсии.

Штаб Б.Ельцина, как уже говорилось, полагал, что снижение явки на втором туре невыгодно их кандидату. Анализ результатов голосований обоих туров показал, что зависимости между изменением явки в регионах и уровнем поддержки Президента на голосовании также не было. Следовательно, колоссальные усилия, затраченные на поддержание высокой явки, можно было приложить более эффективно, например для мобилизации колеблющихся. Оба примера показывают, что кампания Б.Ельцина была технологически богатой и в чем-то даже изощренной, но невелика по эффективности с точки зрения затрат на один голос.

Одним из ее последствий стала вера «политической тусовки» в то, что политическими технологиями можно решить все проблемы. Эта убежденность придала вполне определенную окраску последующему пятилетию, разрушительно сказываясь на политической системе России. Безмерное увлечение вульгарным «пиаром» было сродни использованию допинга: давало краткосрочный эффект и одновременно разрушало организм.

Но, безусловно, главным политическим итогом выборов стал сам факт их проведения. Новая Конституция, новая политическая система выдержали очередной экзамен.

Если говорить о самом Б.Ельцине, то победа давала ему шанс на новый рывок в реализации реформ. В своей предвыборной платформе он обещал, что «к 2000 году экономическая реформа в России будет завершена. Признаками этого станут ежегодный темп роста производства 3—4%, реальное повышение доходов занятых в производстве и работающих в социальной сфере... К 2000 году будут созданы все предпосылки для преодоления сырьевой ориентации хозяйства страны, для становления постиндустриальной экономики России XXI века на основе высоких технологий и наукоемких производств».

Многие обещания так и остались невыполненными. Время, отведенное Президенту после победы на осуществление основных шагов, он вынужден был тратить на борьбу с тяжелейшей болезнью. Снижение его политической активности почти до минимума быстро привело к потере поддержки среди россиян.

ПРЕЗИДЕНТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОРУЧЕНИЕ

А.Н.Ильюшенко
В.Ф.Ерину

Прошу оперативно провести расследование обстоятельств событий 2 декабря 1994 года у здания Московской мэрии.

Проинформируйте о результатах и принятых в связи с этим мерах.

Б.Ельцин

"7" декабря 1994 г.

Пр-1801

Второй вариант поручения Президента РФ в связи с событиями 2 декабря 1994 г. (операция «мордой в снег»).

ПОМОЩНИК ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«14» апреля 199 4 г.
№ А1-1437 гс
Москва, Кремль

Президенту Российской Федерации Б.Н.Ельцину

К подписанию Соглашения о достижении гражданского согласия в России

Уважаемый Борис Николаевич!

В данный момент наступает решающая фаза подготовки Соглашения. В обществе и в средствах массовой информации крепнет убеждение в том, что Соглашение может стать не просто очередной декларацией, но важным явлением политической жизни с серьезными и благотворными последствиями.

В этих условиях, как мне представляется, крайне важно обеспечить подписание Соглашения достаточно широким кругом политических сил. Ключевое звено здесь - фракции Думы. Если все фракции подпишут Соглашение, его успех будет почти гарантирован.

Для этого очень важно подключить лидеров фракций к работе над Соглашением, пригласить их на встречу с Вами в дополнение к участникам прошлой встречи. Такую встречу можно было бы организовать, к примеру, 21 апреля или чуть раньше. После этого можно было бы провести окончательную шлифовку текста и провести подписание 28 апреля.

С целью привлечения депутатов и фракций можно было бы предусмотреть еще ряд шагов:

- издать Указы о предоставлении эфирного времени депутатам;
- дать распоряжение С.А.Филатову проверить выполнение Ваших Указов об обеспечении деятельности депутатов;
- провести консультации по кандидатурам в судьи Конституционного Суда.

Борис Николаевич! Уверен, что сейчас Ваша личная позиция, активность и конкретные решения определяют успех Соглашения.

Г.Сатаров

Договор об общественном согласии в действии.
Президентские «галки» подтверждают его согласие с предложениями помощника.

согласен
27.02.97г.

Уважаемый Борис Николаевич!

20.02 По имеющейся у нас информации, американцы имеют в виду в ходе предстоящей российско-американской встречи в верхах в марте с.г. серьезно поставить вопрос об СНВ-3 (предварительный проговор

р-209

" " февраля 1997 г.

Ю.М. Батурину
СНВ-3 - закрыть
для обсуждения -
я - лично рассмотрю.
27.02.97г.

Две различные резолюции Президента Ельцина
по СНВ-3 на одном документе.

Срочно
Подготовить Указ о
закрытии газеты,
связанной с прокурором.

Уважаемый Борис Николаевич!

Тот редкий случай, когда я решил обратиться к Вам с сугубо личным письмом, ибо речь идет о судьбе демократии в условиях консолидации реставраторских сил.

Считаю нужным обратить Ваше внимание на публикацию NN 15 и 16 газеты "Завтра" материала под заголовком "Мировое негодяйство".

Материал содержит прямые призывы к гражданской войне, к захвату власти, насильственному изменению конституционного строя, к физической расправе над нынешним руководством страны, а также оскорбления в адрес Президента России.

Вот лишь некоторые выдержки из указанного материала:

"...Нужна священная война. Нет никаких политических решений. Что бы вы ни делали, сегодня демократического выхода для России нет.

"Россия захвачена. Хотите свободы, выход - война, любыми доступными средствами война. А на войне - действовать только военными методами против предателей".

Резолюция Президента Ельцина на письме А.Н.Яковлева
об антиконституционных выступлениях в прессе.

Часть IV

Бремя войны

Чеченский надлом

(НОЯБРЬ 1990 — НОЯБРЬ 1994)

«Глубоко ли мы разобрались в процессах?..»

«Нет в жизни более тяжелого во всех отношениях времени, как время войны, — писал русский философ И.А.Ильин. — Ко всем обычным бременам жизни, лежащим на душе человека... война прибавляет новое и горшее бремя, которое своими размерами и своею остротою может отодвинуть на второй план все остальное»*.

Таким бременем для Ельцина большую часть его президентства была Чечня.

Межэтнические конфликты, как вал обрушившиеся на СССР во второй половине 80-х годов, для стороннего наблюдателя могли показаться проявлением умопомешательства, охватившего доселе спокойную страну, чья официальная пропаганда ставила в пример остальному миру, как надо решать национальный вопрос, укреплять «дружбу народов». На самом деле старые, многолетней, а то и многовековой, давности национальные обиды, предрассудки, предубеждения, а порой и унижения все это время сохранялись, передавались от поколения к поколению. Они вырвались наружу вместе с крушением репрессивной машины и всячески подогревались экстремистски настроенными лидерами, почуявшими, что пробил их «звездный час». Наиболее острые формы этот процесс приобрел в Чечне, которая в то время вместе с Ингушетией являлась единой автономной республикой в составе РСФСР.

В ноябре 1990 года в Грозном состоялся I съезд чеченского народа (впоследствии переименованный в Общенациональный конгресс чеченского народа — ОКЧН), провозгласивший себя «высшим форумом народной власти Чеченской Республики», произвольно выделенной из Чечено-Ингушской АССР. Так начался незаконный перехват властных полномочий у высшего органа власти в республике — Верховного Совета ЧИ АССР. В результате развернувшейся острой внутренней борьбы в руководстве Исполнительного комитета ОКЧН в начале 1991 года его возглавил генерал-майор Советской Армии, летчик дальней авиации Д.Дудаев.

С первых же шагов деятельность этой организации создавала почву для этнических чисток. В решениях I съезда ОКЧН содержались требования ограничить приток в республику переселенцев извне, «за исключением лиц чеченской национальности», и исключить назначения «лиц некоренной национальности» на посты руководителей республиканских КГБ, МВД и прокуратуры. Особенно жестокой в дудаевской Чечне была дискриминация русского и русскоязычного населения. Под угрозой насилия оно буквально «выдавливалось» из республики и вынуждено было спасаться бег-

* См.: **Ильин И.А.** Собр. соч. Т. 5. М., 1996. С. 7.

ством в другие регионы Российской Федерации. Только за 1992—1994 годы миграционный поток составил 147 тысяч человек. Более 80% беженцев и вынужденных переселенцев из Чечни составляли русские.

С лета 1991 года, и особенно после августовского путча, ОКЧН приступил к практическим действиям по захвату власти. 28—29 августа вооруженные отряды ОКЧН блокировали центральные улицы и площади Грозного, силой захватили здания Совмина, радио- и телецентра, аэропорта.

Как раз в эти дни по поручению Президента РСФСР Б.Ельцина и и.о. Председателя Верховного Совета РСФСР Р.Хасбулатова комиссия в составе председателя Комитета по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью народного депутата РСФСР А.Аслаханова, заместителя Председателя Совмина РСФСР И.Гребешевой, министра Миннефтегазпрома СССР народного депутата СССР С.Хаджиева выехала в Грозный, где с 25 по 29 августа провела встречи с руководством Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской республики, правительством республики, Исполкомом ОКЧН, с лидерами Вайнахской демократической партии, исламской партии и другими.

Отношение к Д.Дудаеву в Москве в тот момент еще было позитивным, и его даже называли «Ельциным в горах». Отсюда и характер доклада комиссии. Она информировала Ельцина и Хасбулатова о том, что оппозиционными силами выдвинуты требования о самороспуске Верховного Совета, о выборах президента Чечено-Ингушской республики с последующей отставкой правительства республики. В докладе говорилось, что «требования демократических сил обоснованны, и дальнейшая затяжка в их решении может привести к гражданской и межродовой войне в регионе».

«Демократические силы» были настроены решительно, и «затяжки» не произошло. 1 сентября Исполком ОКЧН объявил о низложении Верховного Совета Чечено-Ингушской республики, и 6 сентября вооруженные дудаевцы ворвались в помещение, где шло заседание. Пытавшихся сопротивляться депутатов жестоко избивали, при этом погиб председатель горсовета Грозного Виталий Куценко.

Столь быстрое развитие событий застало федеральную власть врасплох. У нее не было ясного представления о том, как нормализовать ситуацию. Промолчать Ельцин, однако, тоже не мог. 5 сентября 1991 года Президент Ельцин обратился к чеченскому народу:

«...От имени руководства России я призываю вас воздерживаться от необдуманных действий и непоправимых поступков, попирающих многовековые культурные традиции кавказских горцев... Для решения вопроса о доверии к действующей в республике власти существуют законные конституционные методы... Призываю вас использовать механизм цивилизованных переговоров между представителями разных общественных движений и законно избранным руководством республики. Пусть народное благоразумие не позволит брату поднять руку на брата, пусть разум станет на пути того пожара, который грозит перехлестнуть через Кавказский хребет и принести горе в семьи жителей Северного Кавказа».

Но разогнанный Верховный Совет ЧИР все же вынужден был объявить 15 сентября 1991 года о своем самороспуске, назначив выборы в новый

парламент на 17 ноября того же года и сформировав на переходный до выборов период Временный высший совет Чечено-Ингушской республики (ВВС ЧИР). С первых же дней этот орган стал подвергаться давлению со стороны ОКЧН, пытавшегося его использовать в качестве инструмента своей политики, направленной на расчленение автономии республики и форсирование парламентских и президентских выборов на чеченской части территории.

Часть его членов вышла из состава, а большинство из оставшихся, во главе с Б.Бахмадовым, обратились к Верховному Совету РСФСР с просьбой признать ВВС в качестве законного органа государственной власти на территории ЧИР. Это и было сделано 8 октября 1991 года.

Однако послепутчевая эйфория в Москве не позволила серьезно осмыслить начавшийся в Чечне процесс и проанализировать его последствия. Это было первой ошибкой федерального Центра, действия которого характеризовались импровизацией и непоследовательностью.

Надо сказать, что Ельцин получал много информации из Чечни, но часто один документ противоречил содержанию другого, а оба они не стыковались с третьим и т.д. Приведем две записки того периода. Первая гласила: «Завгаев, как паук, опутал сетью всю республику, расставил везде своих подонков и отчаянно цепляется за власть. Что если бы снять его Указом Горбачева? (слова, много говорящие о соотношении сил во власти в то время. — *Авт.)*. Это оздоровило бы обстановку». Вторая: «В начале сентября 1991 года в республике совершен антиконституционный переворот... Санкцию и политическое благословение на совершение переворота получены Чеченским Исполкомом, как утверждают с первого дня его руководители, от Верховного Совета Российской Федерации в лице исполняющего обязанности Председателя Верховного Совета Хасбулатова Р.И. ... Республика вовлечена в глубокий политический кризис, последствия которого, безусловно, будут для нее катастрофичными».

Ельцин отписывает эти бумаги не одному чиновнику, а двум — он хочет иметь разные мнения. По первой записке:

«*В.А.Махарадзе*

Дайте оперативную оценку обстановки и внесите предложения по нашим действиям, которые могли бы стабилизировать обстановку.

Б.Ельцин».

По второй:

«*Г.Э.Бурбулису*

Прошу учесть. Глубоко ли мы разобрались в процессах в ЧИ?

Б.Ельцин».

19 октября 1991 года Президент направил второе обращение, на этот раз к лидерам Исполкома ОКЧН:

«Все предпринятые в рамках политических переговоров меры не привели к восстановлению спокойствия и гражданского согласия. Напротив, обстановка становится все более непредсказуемой и чреватой самыми серьезными последствиями для настоящего и будущего республики. Такое положение не может быть терпимо.

Исходя из интересов обеспечения безопасности граждан и охраны конституционного строя Чечено-Ингушской республики, на основании

предоставленных Конституцией и Законами РСФСР полномочий и лежащей на мне ответственности за судьбы народов и жизнь людей, требую от лидеров Исполкома Общенационального конгресса чеченского народа и поддерживающих их группировок прекращения противоправных действий и безоговорочного подчинения закону.

Предлагаю в течение трех суток:

а) выполнить постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О политической ситуации в Чечено-Ингушской республике» № 1723-I от 8 октября 1991 г. и постановление Верховного Совета РСФСР «О положении в Чечено-Ингушской республике» № 1733-I от 10 октября 1991 г.;

б) освободить все захваченные здания и помещения, принадлежащие государственным органам и общественным организациям;

в) сдать все имеющееся оружие органам внутренних дел республики;

г) распустить незаконно созданные вооруженные формирования;

д) 17 ноября 1991 года совместно с Временным высшим советом республики провести демократические выборы Верховного Совета Чечено-Ингушской республики, референдум о государственном устройстве Чечено-Ингушской республики согласно действующему законодательству РСФСР.

Предупреждаю, что в случае невыполнения этих требований будут приняты все предусмотренные законами РСФСР меры в интересах нормализации обстановки, обеспечения безопасности населения и защиты конституционного строя».

Достаточно грозное по форме обращение не имело ровно никаких последствий.

27 октября 1991 года Исполком ОКЧН провел выборы президента и парламента Чеченской республики (ЧР) на произвольно очерченной территории. Тем самым из избирательного процесса было исключено население шести из четырнадцати районов Чечено-Ингушской республики, то есть те, где не разделяли целей ОКЧН. С протестом против этого решения выступил состоявшийся в те же дни 3-й съезд ингушского народа, высказавшийся за неделимость Чечено-Ингушетии.

Постановлением Съезда народных депутатов РФ от 2 ноября 1991 года эти выборы были признаны незаконными. Однако Дудаев считал, что Москва занята своими делами и особенно опасаться каких бы то ни было контрдействий не стоит. Поэтому постановлением парламента ЧР решение Съезда народных депутатов РФ было признано не имеющим юридической силы на территории «суверенной Чеченской республики».

Видя это, Ельцин 7 ноября ввел в Чечено-Ингушской республике чрезвычайное положение. Грозный назвал это «вмешательством во внутренние дела суверенной Чеченской республики».

Дудаев не ошибся. Москва не стала предпринимать каких бы то ни было активных действий для восстановления конституционного порядка в Чечне, хотя это был прямой вызов государственной власти.

Пассивность Москвы отчасти была связана с расчетом на то, что внутричеченская оппозиция сама сумеет справиться с «проблемой Дудаева».

Действительно, позднее, в 1993 году, активизировались его политические оппоненты — лидеры основных партий («Даймохк», «Маршо» и др.). В оппозицию Дудаеву встал и чеченский парламент. Однако они не получили реальной поддержки от Центра. Для того чтобы сорвать назначенный парламентом референдум о политическом устройстве ЧР, спецчасти Дудаева разогнали митинг оппозиции и силой захватили ставший на сторону парламента департамент полиции.

В конечном счете в мае—июне 1993 года Дудаев совершил еще один переворот — разогнал парламент и конституционный суд. Как любой диктатор, он бережно взращивал собственную охранку. Ее роль выполнял Департамент государственной безопасности (ДГБ), созданный в 1993 году. Главными его задачами стали выявление, слежка и репрессии против оппозиции (об этом говорится в Отчетной справке о работе ДГБ в период с сентября 1993 по август 1994 года его начальника С.Гелисханова, адресованной Дудаеву).

В борьбе против собственной оппозиции Д.Дудаев предоставил карательным органам фактически неограниченные полномочия. Им разрешалось применение оружия на поражение «для устранения опасности, угрожающей интересам Чеченского государства, общественным интересам». На окраине Грозного, на Корпинском кладбище производились массовые захоронения расстрелянных политических противников Дудаева.

Новый правитель Чечни объявил незаконной деятельность всех оппозиционных партий и их изданий. В средствах массовой информации была установлена жесточайшая цензура. На телевидении ЧР был запрещен прямой эфир. Цензура обрушилась и на учреждения культуры, в частности на театр.

Следует обратить внимание на момент, в который происходили события в Чечне, — осень 1991 года. В это время власти СССР уже не было, а власти России еще не было; армия переживала растаскивание, КГБ — реорганизацию. Можно поражаться, как в этот трагический момент почти смертельной слабости Россия не распалась совсем. Но закономерно, что она заболела воинствующим сепаратизмом именно тогда.

Купите Чечню

Режим Дудаева не был обычной военно-полицейской диктатурой. Для Чечни характерна родовая (тейповая) структура, а также существенные различия между населением горных и равнинных районов*. В условиях квази-государственности различные родовые кланы (тейпы) и региональные группировки стали создавать военизированные структуры, нередко конфликтовавшие друг с другом. Эти формирования, сращиваясь с уголовными элементами, полностью контролировали ситуацию на значительной части территории республики. Альянс отставного генерала с некоторыми из уголовных «авторитетов» привел к тому, что криминальные лидеры стали

* Введенное впоследствии в название Чеченской республики слово «Ичкерия», чтобы подчеркнуть отличие от названия, фигурирующего в Конституции РФ, означает лишь горную, лесную часть Чечни.

диктовать властям свои условия. Это и было ключевой особенностью созданного режима.

С самого начала режим Дудаева взял курс на выход из состава России, отторжение от нее части территории бывшей ЧИ АССР. Указом Дудаева от 1 ноября 1991 года «О государственном суверенитете Чеченской республики», утвержденным постановлением парламента ЧР от 2 ноября 1991 года, в одностороннем порядке был объявлен государственный суверенитет Чечни. В те же дни произвольные границы самопровозглашенной ЧР были объявлены государственными, а постановлением парламента ЧР при военном министре создана специальная погранично-таможенная служба.

Чеченская республика превращалась в военную и политическую базу сепаратистских сил на Кавказе. Одним из инструментов реализации этого курса стала Конфедерация народов Кавказа (КНК), оценившая действия ОКЧН как образец «проведения революции». Составной частью стратегии Д.Дудаева по созданию антироссийской коалиции в Кавказском регионе было формирование боевых подразделений под руководством своих спецслужб. Вооруженные формирования, фактически контролируемые дудаевским руководством, были созданы в Абхазии, Кабардино-Балкарии, Ингушетии и Дагестане. Некоторые из них принимали участие в боевых действиях в Абхазии.

За три года в Чечне прекратили свою деятельность все федеральные государственные органы. Москва лишь принимала к сведению известия об очередных «управленческих преобразованиях». Она смирилась даже с тем, что с осени 1991 по май 1992 года здесь происходил насильственный захват военного имущества и военных объектов Вооруженных Сил. А с подписанием Д.Дудаевым и генерал-лейтенантом И.Строговым Договора «О выводе войск и распределении имущества между ЧР и РФ» от 25 мая 1992 года был признан факт ликвидации на территории Чечни структур Министерства обороны РФ (окончательно ликвидация завершилась к 10 июня 1992 года). Можно, конечно, этот акт трактовать как ничем не обоснованную сдачу федеральных позиций в Чечне. Но не будем забывать, что в то время все русские, проживающие в ЧР, были объявлены заложниками. И это не было пустой угрозой.

Однако и в этот период оставалась возможность договориться. Вот какое письмо получил Ельцин от Дудаева в июле (дается с сокращением общих мест и малосодержательных рассуждений):

«*Борис Николаевич*,

Я решил передать Вам настоящее послание в связи с тем, что нахожу ситуацию, сложившуюся в отношениях между Чеченской республикой и Россией, не нормальной...

Оглядываясь назад, на первые месяцы после августовского путча и распада Союза, нам обоим следует признать, что с обеих сторон были допущены ошибки и обидные промахи, и тем не менее я считаю, что время взаимных претензий прошло...

В качестве первого шага мы могли бы начать путь компромиссов путем, с одной стороны, признания прав Чеченской республики на самостоятельное определение собственных экспортных квот (на нефть. — *Авт.),*

лицензирование и, с другой стороны, согласия Чеченской республики осуществлять оплату транзитных тарифов по взаимосогласованному размеру в пользу России...

Оставляя за рамками обсуждения в настоящем послании все проблемы, накопившиеся в наших взаимоотношениях, считаю, что необходимо начать реальные практические шаги по сближению наших позиций немедленно, и именно в экономической сфере, из чего неизбежно произрастет и политический консенсус.

С искренним уважением и добрыми пожеланиями
президент Чеченской республики
Д.Дудаев
10.07.92 г.»

И Ельцин дает поручение Правительству:

«*Е.Т.Гайдару.*

Прошу рассмотреть предложения Д.Дудаева и подготовить проект ответа.

Б.Ельцин
31 июля 1992 г.»

В приведенном письме Д.Дудаева «самостоятельность» Чечни связывается с экспортными квотами и лицензиями, а решение политических вопросов ставится в прямую зависимость от экономической уступчивости Кремля. Фактически бывший советский генерал, почти не маскируясь, предлагает Б.Ельцину: «Купите Чечню!» Президент, возможно автоматически, переправляет письмо по подведомственности вице-премьеру по экономике. Какова его дальнейшая судьба, неизвестно. Вероятнее всего, стремительный поток проблем, накатывавшийся на Правительство, оттеснил на задний план это предложение. Кроме того, к моменту отправки письма Д.Дудаев сделал уже немало шагов, которые давали повод усомниться в искренности его намерений.

12 марта 1992 года постановлением парламента ЧР была введена в действие конституция Чечни, провозглашено верховенство конституции и законов ЧР на территории республики над всеми иными нормативными актами. После же принятия Конституции Российской Федерации в 1993 году дудаевский режим открыто объявил ее конституцией соседнего государства.

Чечня предпринимала практические шаги для введения собственной валюты. 8 октября 1992 года был заключен контракт с английской фирмой «Томас де ла рю» на производство «национальных банкнот ЧР» на сумму 2 миллиона 886 тысяч долларов США. Опасаясь международного скандала, руководство фирмы пошло на разрыв контракта и выплату неустойки. Однако такой контракт все же был заключен, но уже с турецкой фирмой «Комсан».

Понятно, что режиму Дудаева требовались значительные средства для осуществления своих целей, но откуда их взять, если все экономические связи с Москвой оказались разрушенными? Даже на предложения федеральных властей об оказании гуманитарной помощи чеченские вла-

сти ответили отказом. Например, весной 1992 года Чечня сильно пострадала в результате оползней. Было разрушено более 860 различных зданий и сооружений, около 20 километров дорог, 50 километров ЛЭП, 565 семей остались без крова, были и погибшие. Но предложение российского Правительства о немедленных поставках тысячи быстровозводимых домов было отвергнуто.

Деньги для поддержания режима добывались, как правило, незаконным путем. Один из ярких эпизодов — история с фальшивыми авизо. В течение нескольких лет, начиная с 1991 года, пользуясь слабой защищенностью межбанковских расчетов и банковских технологий, преступники похитили у государства не менее трех-четырех триллионов рублей (в старом масштабе цен), причем более трети этой суммы оказалось в Чечне. Российскими органами внутренних дел в этой связи было возбуждено около 1200 уголовных дел.

Другим способом добычи средств стал выпуск фальшивых денег. С ведома Дудаева на территории Чечни (в окрестностях г. Аргуна) в режиме строгой секретности было налажено производство фальшивых российских банковских билетов различного достоинства и долларов США (купюр по 100 долларов), которые впоследствии обменивались на подлинные.

Российские правоохранительные органы с 1992 по 1994 год изъяли из оборота свыше 105 тысяч фальшивых купюр отечественных денег на сумму 7,5 миллиарда рублей, 210 подложных ценных бумаг на сумму 53 миллиона рублей, 4300 поддельных банкнот иностранной валюты на сумму 256 тысяч долларов США. Причем каждый третий из числа арестованных за сбыт фальшивых денег являлся этническим чеченцем, а в половине остальных случаев след непосредственно вел в Чечню.

Придя к власти, новый глава республики сразу же приступил к созданию вооруженных формирований. Их костяк составили регулярные армейские подразделения, дивизион особого назначения, батальон «Президентские береты», служба безопасности Дудаева. Эти части были укомплектованы лицами, имевшими опыт боевых действий в Афганистане, в зонах конфликтов на территории бывшего СССР (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье), и оснащены современной боевой техникой и средствами обеспечения.

К 11 декабря 1994 года (день ввода федеральных войск на территорию Чечни) общая численность личного состава собственно вооруженных сил ЧР превышала 15 тысяч человек. Для ведения крупномасштабных операций были заблаговременно сформированы органы военного управления, сооружены заглубленные командные пункты, бомбоубежища. Незаконные вооруженные формирования имели на вооружении 266 самолетов различных типов, более 120 танков, 350 артиллерийских систем, 890 противотанковых средств, 80 средств ПВО.

В качестве основного противника рассматривалась Российская Федерация. И все эти немалые силы были ориентированы на то, чтобы «бить врага на его территории»; особой зоной были объявлены города Москва и Санкт-Петербург. В марте 1992 года Дудаев разработал план учений «Весна-94», в котором в качестве потенциального противника

рассматривались Вооруженные Силы Российской Федерации. А еще через полгода, в сентябре, он подписывает приказ, где ставилась задача подготовки необходимых документов по плану «Лассо», который предусматривал разработку графика распределения стратегических объектов на территории России для ударов штурмовой авиации «Чеченской республики Ичкерия» с указанием носителей вооружения, средств поражения и исполнителей боевых задач. Были назначены и командиры боевых экипажей.

В конечном счете зарубежные исламские фундаменталисты, преступные группировки, террористические центры подчинили себе Чечню.

На грани «дипломатических бесед»

Сегодня, когда мы знаем о последствиях, можно сказать, что действия федерального Центра были абсолютно неэффективными. Но тогда чеченская проблема находилась на политической периферии, поскольку в самой Москве происходили более глобальные процессы — создание новой российской государственности, подготовка к экономическим и политическим реформам. Поэтому и средства решения чеченского кризиса были далеко не адекватными. Все свелось к фрагментарным контактам с руководством Чечни, что не сдвинуло с места ни одну из составлявших кризис проблем.

Так, в начале декабря 1991 года руководством Верховного Совета РСФСР в Грозный была направлена группа экспертов для изучения обстановки и проведения консультаций, однако эта миссия была сорвана Д.Дудаевым. В 1992 году между представителями Верховного Совета РСФСР и представителями Дудаева состоялось более десяти встреч. В марте 1992 года в Сочи и в мае того же года в Москве работали экспертные группы, готовившие встречи по урегулированию кризиса. В повестку дня будущих переговоров был вынесен вопрос о принятии политической Декларации о взаимоотношениях сторон, а также проекты Договора об основах межгосударственных отношений Чеченской республики и Российской Федерации, Соглашения по торгово-экономическому сотрудничеству на 1992 год. Но остался открытым вопрос о сроках подготовки документов и о дате их подписания. Должных импульсов для активизации работы не проявляли ни российская, ни чеченская стороны.

Ситуация осложнялась тем, что в это же время шли напряженные переговоры, связанные с разделением Чечни и Ингушетии. Углублялся и осетино-ингушский конфликт.

С ноября 1992 по конец января 1993 года состоялась серия встреч делегаций в Москве и Грозном. Федеральную возглавляли председатель Совета Национальностей Верховного Совета РФ Р.Абдулатипов и заместитель Председателя Правительства России С.Шахрай, чеченскую — Ю.Сосламбеков и Я.Мамодаев. Тогда удалось подготовить проект Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами власти Чеченской республики. Он был принят за основу для доработки (в том числе и чечен-

ской делегацией) и включал, в частности, признание юрисдикции Российской Федерации над Чеченской республикой.

Этот проект даже был опубликован в чеченских газетах, но встретил явное неприятие Д.Дудаева и его сторонников. Чеченский лидер фактически дезавуировал статус делегации, назвав ее встречи с российским руководством «частной инициативой», а 6 января 1993 года ОКЧН объявил проект договора не соответствующим духу и букве Декларации о государственной независимости Чеченской республики.

Стремление части дудаевского парламента продолжить переговоры с российским руководством по проекту договора привели ее к трениям, а затем и к прямой конфронтации с окружением генерала. Тем не менее работа делегаций была продолжена. На переговорах 14 января 1993 года в Грозном федеральной делегации (Р.Абдулатипов, С.Шахрай, В.Шуйков) с чеченскими представителями (Х.Ахмадов, Б.Межидов, Ю.Сосламбеков, Ш.Юсупов) было принято решение о создании рабочих групп по подготовке Договора о разграничении и взаимном делегировании полномочий. Но подписанный по итогам переговоров протокол о разграничении полномочий, призванный стать основой соответствующего договора, опять был немедленно дезавуирован Дудаевым.

Вторая половина 1993 года не принесла никаких конструктивных результатов в процессе политического урегулирования. Чеченская сторона осуществляла контакты с федеральным Центром исключительно на уровне так называемого чеченского министерства иностранных дел (глава — Ш.Юсеф, гражданин Иордании), демонстрируя тем самым, что Чечня является субъектом международного права. А сам Дудаев стал требовать личной встречи с Президентом России «без предварительных условий» и немедленного признания независимости Чеченской Республики.

При всем этом в Кремле по-прежнему принимали послания Дудаева и направляли их в работу. 2 августа 1993 года он пишет уже не «уважаемому Борису Николаевичу», как в 1991 году, не просто «Борису Николаевичу», как в 1992 году, а по всем правилам «суверенного» этикета:

«*Его Превосходительству Президенту Российской Федерации господину Борису Ельцину.*

Господин Президент!

Разрешите засвидетельствовать Вам свое искреннее уважение и обратиться по следующему вопросу.

В связи с крайне сложной обстановкой в Северной Осетии и Ингушетии и предрасположенностью ее к дальнейшему обострению правительство Чеченской республики, глубоко заинтересованное в стабилизации общественно-политической ситуации на Кавказе, чреватой опасными для всех народов региона последствиями, считает своим долгом сделать все возможное, чтобы не допустить очередного витка конфликта между ингушским и осетинским народами, могущего перерасти в настоящую бойню...»

Ельцин, не обращая внимания на форму послания, поручает и.о. секретаря Совета безопасности:

«*Е.И.Шапошникову*

Используйте при подготовке материалов к предстоящему заседанию СБ по указанному вопросу.

Б.Ельцин
2 августа 1993 г.»

3 августа 1993 года Дудаев отправляет очередное, еще более «дипломатическое» послание Ельцину:

«*Уважаемый господин Президент!*

В целях укрепления двусторонних отношений между Чеченской республикой и Российской Федерацией, придания им доверительности и искренности, следуя принципам укрепления сотрудничества и возрождения конструктивных созидательных начал в российско-чеченских отношениях, правительство Чеченской республики постановило назначить господина Апазова Солтмурата Несерхоевича в качестве своего постоянного представителя.

Аккредитуя господина Апазова Солтмурата Несерхоевича настоящей грамотой, правительство Чеченской республики просит Вас принять его с благосклонностью и верить всему тому, что он будет иметь честь излагать Вам от имени правительства Чеченской республики.

Президент Чеченской республики

Д.Дудаев».

Ельцин поручает Правительству России принять делегацию Чеченской республики. Вот фрагменты из правительственного доклада Президенту:

«...24 августа была принята делегация Чеченской республики в составе министра иностранных дел ЧР Ш.Юсефа (руководитель делегации), заведующего отделом МИД ЧР З.Сабсаби и представителя Чеченской республики в Российской Федерации С.Апазова.

В ходе двухчасовой беседы были затронуты многие вопросы российско-чеченских отношений...»

Ельцин благосклонно налагает резолюцию:

«Судя по докладу, переговорный процесс полезен.

Прошу продолжать.

Но должна быть выработана линия, которая была бы положена в основу работы всех федеральных органов, заставляла бы действовать согласованно. Полагаю, что это должен сделать МИД с другими министерствами.

Б.Ельцин
2 сентября 1993 г.»

Хорошо еще, что первый заместитель министра иностранных дел России А.Адамишин отправил «наверх» довольно смелое письмо, в котором говорилось:

«Контакты и переговоры с субъектом Российской Федерации должны вестись по линии Госкомфедерации с привлечением других заинтересованных министерств и ведомств. Назначение же МИД РФ в качестве основного координатора переговорного процесса с Чечней означало бы, что российская сторона признает за республикой статус иностранного государства, чего усиленно добивается чеченское руководство».

В конце 1993 — начале 1994 года в Чечне возникли новые политические субъекты, претендовавшие на участие в переговорном процессе. В декабре 1993 года в Надтеречном районе был создан Временный совет Чеченской республики. Он направил в Москву своих представителей во главе с У.Автурхановым и В.Югасом, которые также провели ряд консультаций.

При этом важно отметить, что только в 1994 году была официально выдвинута и закреплена политическая формула федерального руководства по принципам урегулирования чеченского кризиса.

В первом Послании Президента Федеральному Собранию (1994 г.) было указано, что основой для урегулирования отношений между федеральной властью и Чеченской республикой «могут стать проведение в Чечне свободных демократических выборов и переговоры по разграничению полномочий с федеральной властью».

Эта позиция была поддержана Государственной Думой, которая своим постановлением 25 марта 1994 года рекомендовала Президенту России принять меры по политическому урегулированию конфликта, поручить Правительству провести консультации с представителями органов власти, а также всех политических движений Чечни и подготовить проект Договора о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между федеральными органами власти и органами государственной власти Чеченской республики. В качестве одной из необходимых предварительных мер урегулирования должно было стать «проведение свободных выборов в высшие органы власти Чеченской республики и выборов депутатов в Федеральное Собрание Российской Федерации на территории Чеченской республики».

Однако уже подготовленный проект аналогичного постановления Совета Федерации рассмотрен не был. В результате появились первые признаки рассогласованности действий палат Федерального Собрания, Президента и Правительства Российской Федерации, осложнявшие впоследствии принятие политических решений по урегулированию кризиса в Чеченской республике.

Летом 1994 года общественно-политическая обстановка в Чечне резко обострилась. Фактически началась гражданская война. Крах экономики и социальной сферы привел к резкому росту недовольства среди населения. Общечеченским центром сопротивления Дудаеву стал Надтеречный район во главе с У.Автурхановым.

В июне вооруженные формирования дудаевцев под предлогом «локализации и разоружения бандформирований» оппозиции провели силовую акцию в Грозном, повлекшую жертвы среди гражданского населения. Серия военных операций против сил оппозиции в июле—сентябре 1994 года, в частности в районе Аргуна, Урус-Мартана, ряде населенных пунктов Надтеречного района, привела к гибели сотен мирных граждан.

Чеченский календарь Ельцина. Как начиналась война

(НОЯБРЬ 1994 — ЯНВАРЬ 1995)

«В любом случае я тебя разобью»

17 ноября 1994 года оппозиция, поддержанная, как потом стало известно, федеральными силами, разгромила пост дудаевцев в селении Братском. Уничтожены три БМП, один БТР, одна зенитная установка*.

Главный штаб вооруженных сил Чечни сообщил, что селение атаковали российские регулярные части с использованием танков, артиллерии и авиации.

Референт информационного комитета Временного совета Чечни И.Магоматов так описал реакцию властей республики на поражение: «В Грозном, в резиденции Дудаева наступила настоящая истерика. По телевидению Грозного показывали, как генерал впал в детство — кричал в своем кабинете: огонь, залп, пли, вперед, в атаку и т.д. Противник практически заперт в городе Грозном, и на повестке дня стоит задача бескровного взятия столицы Чеченской республики».

На завершившемся поздним вечером 20 ноября совместном заседании правительства, парламента, совета старейшин и глав администраций районов Дудаеву было рекомендовано созвать Государственный комитет обороны (ГКО) и начать формирование батальонов «для отражения российской агрессии». Собрание присвоило себе особый статус постоянно действующего органа — конгресса.

На заседании 22 ноября ГКО поручил правительству республики разработать план мероприятий по переводу экономики на военные рельсы. ГКО, в состав которого вошли 9 человек во главе с Дудаевым, ввел термин «оккупированные чеченские территории», заявив, что российские войска оккупировали часть Надтеречного района.

23 ноября в Грозном перед президентским дворцом собрались сторонники Дудаева, готовые по призыву властей стать ополченцами. Воинские подразделения и ополчения в Наурском районе также были приведены в боевую готовность.

Вертолеты чеченской оппозиции нанесли 24 ноября ракетный удар по позициям дудаевских боевиков вблизи северного пригорода Грозного — поселка Катаяма.

25 ноября подразделения Временного совета перешли к активным действиям и практически блокировали Грозный.

У.Автурханов назначил нового премьер-министра. Им стал уже упоминавшийся нами 52-летний С.Хаджиев, бывший министр нефтехимической промышленности СССР, ему поручалось сформировать новый

* Все данные и цитаты приводятся по поступавшим в адрес Президента Б.Ельцина документам из министерств и ведомств, писем и телеграмм, а также по сообщениям информационных агентств «Интерфакс», ИТАР-ТАСС, РИА «Новости».

состав кабинета министров и представить на утверждение Временного совета.

В 21 час 10 минут оппозиция начала штурм Грозного. Боевые вертолеты оппозиционеров обстреляли ракетами базы дудаевских войск в районе Терского хребта и на северной окраине Грозного. После нанесения воздушного удара бронетанковые колонны объединенной оппозиции выдвинулись по направлению к Грозному со стороны селений Урус-Мартан и Толстой-Юрт.

«В Чечне началась гражданская война», — сказал на пресс-конференции бывший председатель Комитета по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью Верховного Совета РФ генерал А.Аслаханов. По его словам, в Чечне произошло то, чего там никогда еще не наблюдалось, — разделение чеченцев по родам и тейпам (общинам).

Аслаханов выразил обеспокоенность тем, что ни одна из конфликтующих сторон не испытывает недостатка в вооружении и боеприпасах. По имевшимся у него сведениям, незадолго до этого Дудаев приобрел два танка Т-82, а это можно было сделать только непосредственно у Минобороны России. Аслаханов высказал также мнение, что в Москве определенные круги заинтересованы в развязывании войны в Чечне.

Отряды чеченской оппозиции, вошедшие в 7 часов утра 26 ноября в Грозный, заняли здания департамента ГБ и МВД республики. Примерно в 9 часов шесть танков Т-72 сил оппозиции прорвались к президентскому дворцу.

Президентский дворец был захвачен отрядом Р.Лабазанова. В здании не оказалось никакого персонала, кроме охраны. Сведений о Дудаеве не было. Телевидение не вело передач, по радио никаких сообщений не передавалось, в основном транслировалась национальная музыка.

Президент Ельцин, несмотря на субботний день, работал. В 10.00 он открыл совещание по экономической реформе.

К 16.30 бои в чеченской столице практически прекратились. В телеобращении к гражданам республики У.Автурханов заявил, что власть в Чечне перешла в руки Временного совета.

Отсутствие реального сопротивления опьянило автурхановцев, и они готовы были отпраздновать скорую победу. Но в дело вступили засевшие на крышах дудаевские снайперы. Бои вспыхнули у зданий телецентра, МВД, департамента ГБ и в парке имени Кирова. Довершили уничтожение бронированных колонн гранатометчики...

Б.Ельцину доложили о неудачном исходе операции 26 ноября.

С этого дня календарь Ельцина стал «чеченским» — что бы ни происходило, какие бы встречи и мероприятия ни появлялись в его графике, — все это разворачивалось на фоне чеченских событий, а точнее — все это уходило на второй план и само становилось фоном для Чечни.

В последующие три дня он встречается с министрами-силовиками, помощниками.

27 ноября 1994 г.

Группа руководителей северокавказских республик и глав администрации южных регионов России направила Ельцину обращение в связи с резким обострением ситуации в Чечне:

«С каждым днем, с каждым часом обостряется обстановка в Чеченской республике. На территории Российской Федерации фактически идет гражданская война, льется кровь мирных жителей. Обращаемся к Вам, Президенту России — гаранту Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина, — с предложением немедленно остановить кровавый конфликт в Чечне и принять все меры для наведения конституционного порядка, защиты прав и законных интересов граждан, в том числе главных из них — права на жизнь и безопасность».

Обращение подписали президент Адыгеи А.Джаримов, президент Кабардино-Балкарии В.Коков, глава администрации Ставропольского края Е.Кузнецов, премьер Карачаево-Черкесии В.Хубиев, президент Северной Осетии А.Галазов, глава администрации Ростовской области В.Чуб, глава администрации Краснодарского края Е.Харитонов.

В Грозном ночь и утро прошли без выстрелов и вооруженных столкновений. Оппозиция еще накануне, ближе к вечеру, отвела бронетехнику в Толстой-Юрт. Грозненское телевидение не работало, в большинстве кварталов города отключили электроснабжение.

28 ноября 1994 г.

В понедельник 28 ноября Ельцин отменил традиционные доклады руководителя Администрации Президента и министров. Его рабочий день в Кремле начался лишь в 15.00 совещанием очень узкого круга по чеченской проблеме, продолжавшимся меньше часа; на 16.00 было назначено вручение государственных премий — мероприятие, которое отменять или переносить не принято.

А в Чечне власти предупредили, что около 70 захваченных в плен российских граждан — офицеров и военнослужащих — будут расстреляны 29 ноября, если Москва не признает факта их участия в войне против Чечни на стороне оппозиции.

В центре общественных связей ФСК России отвергли возможность участия в штурме Грозного российских силовых структур. Однако информация о том, что плененные экипажи боевых машин заключали контракты с органами контрразведки, не была ни подтверждена, ни опровергнута.

29 ноября 1994 г.

Ельцин направил участникам вооруженного конфликта в Чечне Обращение, в котором потребовал в течение 48 часов, считая с момента обращения, прекратить огонь, сложить оружие, распустить вооруженные формирования, освободить всех захваченных и насильственно удерживаемых граждан.

«Если в течение установленного срока это требование не будет выполнено, на территории Чеченской республики будут использованы все имеющиеся в распоряжении государства силы и средства для прекращения кровопролития, защиты жизни, прав и свобод граждан России, восстановления в Чеченской республике конституционной законности, правопорядка и мира», — говорилось в Обращении Президента, в котором кроме даты стояло и время — 6 часов утра.

В согласованном накануне с В.Черномырдиным, И.Рыбкиным, О.Лобовым, Н.Егоровым, В.Ериным и С.Степашиным тексте была фраза: «Надежда на самостоятельное решение внутричеченского конфликта полностью исчерпана». В подписанном Ельциным тексте эти слова отсутствовали, но внутренне он уже настроился на силовое, военное решение.

Ельцин отменил назначенную на 11.00 запись своего выступления по радио, прочитал Обращение семи глав субъектов Федерации, не оставив на документе ничего, кроме подписи и даты, и в 12.00 принял премьера В.Черномырдина. Беседа продолжалась долго. Лишь в 14 часов к нему попал руководитель Администрации С.Филатов с подготовленным проектом Указа о введении в Чечне чрезвычайного положения.

Вот как вспоминает об этом сам Сергей Александрович:

«Требовалось ввести туда внутренние войска, чтобы помочь Временному совету сохранить власть в Грозном. Но этот процесс притормозил, по-моему, тогдашний министр внутренних дел В.Ф.Ерин, сказав президенту, что все происходящее в Чечне требует серьезной проверки и нужно понаблюдать несколько дней за развитием событий. Оперативные данные были у ФСК. Ерин традиционно не поверил им, фактом было то, что президент не подписал указа, который я практически согласовал со всеми службами и которого ждали и Грачев, и Степашин, и Егоров. Когда я по телефону сообщил об этом Грачеву, он дрогнувшим голосом попросил отпустить его, хотя бы одного, — очень переживал за своих ребят, повторяя: "Как я буду смотреть им в глаза?"»*.

В тот день Ельцин надолго отодвинул С.Филатова от чеченской проблематики.

Следом, в 15.00, Ельцин вызвал помощника по национальной безопасности Ю.Батурина, который откровенно высказал свое мнение, что военного решения вопроса нет, чеченское урегулирование требует одновременного наращивания усилий по всем направлениям — внутриполитическим, внешнеполитическим, военным и др. Прежде всего необходимо обозначить политическую решимость урегулирования конфликта в Чечне, призвать политические партии и движения в Центре и на местах поддержать стремление российских властей урегулировать ситуацию в ЧР; получить поддержку в этом вопросе от руководства палат Федерального Собрания, а затем и большинства членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы; направить обращение к руководителям субъектов Федерации Кавказского региона с призывом оказать влияние на противоборствующие стороны и исключить вмешательство кавказских республик в конфликт; по дипломатическим каналам провести переговоры с Турцией, Ираном, Азербайджаном, Грузией и другими странами о недопустимости вмешательства во внутренние дела России либо оказании содействия боевикам со стороны третьих стран, в частности Афганистана; обеспечить полное перекрытие границы и воздушного сообщения с ЧР. Найти посредников (готовая кандидатура — Р.Аушев) для проведения переговоров об обмене пленными. Только после этого, если власти Грозного откажутся пойти навстречу нашим требованиям, постепенно наращивать давление.

---

* См.: **Филатов С.** Совершенно несекретно. М., 2000. С. 254.

Для военного варианта, считал помощник Президента, необходимо предварительно наладить тесную координацию и выработать совместный план. Войскам требуется провести боевое слаживание, на что уйдет никак не меньше месяца. Надо предвидеть и неблагоприятные последствия: Вооруженные Силы будут политизироваться, это повредит престижу Президента в глазах военнослужащих. Среди приводившихся был и такой аргумент: потребуются дополнительные материально-технические ресурсы, оплата расходов на ведение боевых действий и ликвидацию последствий. Это потребует триллионов рублей (в том масштабе цен) и серьезно скажется не только на бюджете 1995 года, но и на ходе экономических реформ в целом...

Ельцин посмотрел долгим, испытующим взглядом и сказал: «Я назначил Совет безопасности по Чечне. Вам там быть не надо».

Батурин не был членом Совета безопасности, но как помощник обычно присутствовал на заседаниях и помогал Президенту при их подготовке.

Как и Филатова, его удалили от проблемы чеченского урегулирования. Он был срочно откомандирован в Швецию — вести бесперспективные переговоры по поводу так называемой советской, а затем и российской подводно-лодочной активности в шведских территориальных водах.

Чаша весов окончательно склонилась в пользу «ястребов».

В тот же день Совет безопасности под председательством Президента принял решение создать Группу руководства действиями по разоружению и ликвидации вооруженных формирований в Чечне. Руководителю группы — П.Грачеву — были предоставлены полномочия по координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и сил обеспечения безопасности. Не исключалась не только возможность введения чрезвычайного положения в Чечне, но и урегулирование вооруженного конфликта мирными средствами — путем переговоров.

В правительстве Чечни 29 ноября утром также прошло экстренное заседание, на котором вырабатывались рекомендации Д.Дудаеву и общая позиция в связи с Обращением Ельцина «К участникам вооруженного конфликта в Чеченской республике». Часть членов правительства считала, что надо пойти на компромисс с Москвой и рассмотреть возможность подписания Федеративного договора, другие были настроены «продолжать войну». Последних было больше, они расценили обращение как «ультиматум» и «объявление войны».

Президент Ингушетии Р.Аушев предложил свое посредничество в мирном урегулировании чеченского кризиса. В своем письме Б.Ельцину он настаивал на том, что политические средства для урегулирования обстановки в Чеченской республике еще не использованы до конца. Другие руководители северокавказских республик и областей выразили поддержку Президенту России.

30 ноября

В 10 часов утра Ельцин встретился с участницами Конгресса женщин, затем фотографировался. Позже назначил министра по делам национальностей и региональной политике Н.Егорова полномочным представителем

Президента РФ в Чеченской республике. По его поручению П.Грачев переговорил по телефону с Дудаевым. Была достигнута договоренность о безусловной неприкосновенности российских граждан, захваченных в Чечне во время военной операции.

В Грозном Я.Мамодаев от имени правительства Чеченской республики сделал следующее заявление*:

«Резкое и гневное предупреждение прозвучало вчера в голосе Президента России Бориса Ельцина в отношении Чечни и сложившейся ситуации в ней, будто все беды России должны быть оттуда.

Используя и подогревая факты, порой порожденные самими, некоторые его оппоненты из большой российской политики сознательно пытаются подтолкнуть Бориса Ельцина на жесткий и трагический шаг...

Правительство народного доверия Чеченской республики вместе с обеспокоенным населением сможет добиться общенационального согласия путем компромиссных решений и Конституции Чеченской республики, а также располагает конкретными, взаимоприемлемыми предложениями, чтобы определиться в российско-чеченских отношениях политическими средствами.

Мы обращаемся к Президенту России Ельцину, здоровым силам российской политики, ко всему российскому народу с призывом сделать все возможное, чтобы не совершилась небывалая трагедия, в результате которой вряд ли могут быть победители. История нам не простит, если мы не сможем предотвратить очередную кавказскую войну или "Кавказский Афганистан".

Глава правительства народного доверия,
премьер-министр Чеченской республики
Яраги Мамодаев
30.11.94».

1 декабря 1994 г.

В 6 утра истек срок, определенный Ельциным конфликтующим сторонам в Чечне для прекращения огня и разоружения противоборствующих группировок.

Пресс-секретарь Президента В.Костиков сделал заявление, в котором, в частности, говорилось: «Под руководством и контролем Президента России начато осуществление комплекса мер, призванных решительно оздоровить обстановку в Чеченской республике и восстановить там конституционный порядок, закон и защиту прав человека. Президент действует в полном соответствии с теми правами, которыми наделили его Конституция и народ России.

Президент сердцем и душой воспринимает беспокойство родственников и граждан России о судьбе российских воинов, оказавшихся заложниками в Чечне. По поручению Президента уполномочен заявить, что он лично и по его указанию другие соответствующие органы и лица принимают все необходимые меры для спасения российских солдат».

Тем временем П.Грачев вынужден был признать, что среди пленных, воевавших на стороне Временного совета, есть и его люди, но Минобороны

---

* Получено в Администрации Президента РФ только 05.12.94 г. № 38139.

никого из них в Чечню не посылало: эти солдаты и офицеры были «куплены вербовщиками». Тем не менее его ведомство предприняло усилия по освобождению своих военнослужащих.

Международный Красный Крест в Женеве заявил, что готов выступить посредником в освобождении пленных в Чечне.

На территории Чечни вступил в действие «Перечень мер по урегулированию в Чеченской республике», разработанный Советом безопасности России, который предусматривал в том числе проведение двух-, трех- и многосторонних переговоров федеральных властей и чеченских представителей. Планировались также меры по ужесточению контроля за проникновением с территории Чечни в Россию оружия и наркотиков, комплекс антитеррористических мероприятий в Москве и других российских регионах.

В президентском Указе «О некоторых мерах по укреплению правопорядка на Северном Кавказе» от 1 декабря содержались гарантии непривлечения к уголовной ответственности либо амнистии и помиловании лиц, не причастных к тяжким преступлениям против мирного населения и добровольно до 15 декабря 1994 года сложивших оружие.

Нечеткость формулировки и самой постановки задачи сразу бросалась в глаза. Встал вопрос: а кто такие «лица, сложившие оружие»? Потребовалось специальное поручение Президента Государственно-правовому управлению об официальном разъяснении этого понятия.

2 декабря 1994 г.

Ельцин в 12.00 встретился в Кремле с представителями общественной организации инвалидов.

В этот день Государственная Дума начала отрабатывать принципы мирного разрешения чеченского конфликта, которые сводились к следующему:

1. Все незаконные вооруженные формирования в Чечне должны сложить оружие и быть расформированы.

(Этот пункт нуждается в специальном комментарии. Неоднократно Дума и нередко Совет Федерации включали в свои постановления подобные «поручения» Президенту. Но ни разу они не взяли на себя ответственность определить, какими средствами это должно быть сделано, понимая, что никто добровольно не разоружится. Не решало эту проблему и введение чрезвычайного положения, поскольку в законе не предусмотрено использование армейских подразделений. В конечном счете это должен был решать Президент, что он и сделал, взяв всю ответственность на себя).

2. Не причастные к тяжким преступлениям и добровольно сложившие оружие граждане освобождаются от уголовной ответственности на основании акта об амнистии.

3. Лица, захваченные в ходе вооруженных столкновений и незаконно содержащиеся под стражей, должны быть освобождены.

4. Вопрос о национальном примирении должен быть рассмотрен на совете старейшин в Чечне в традициях кавказских народов.

5. Чеченской республике на федеральном уровне должна быть незамедлительно оказана всесторонняя экономическая помощь.

6. В республике должны быть проведены демократические выборы.

7. Гарантом мира в Чеченской республике, политической и экономической стабильности, законности и обоснованности выборов должен выступить Президент России Б.Ельцин.

К этому времени практически завершилось развертывание боевых частей Российской армии на границах с Чечней. Транспортными самолетами в аэропорт Беслан был доставлен воздушно-десантный полк. В район Моздока самолетами военно-транспортной авиации переброшено несколько частей Псковской и Тульской воздушно-десантных дивизий.

Боевые действия в Чечне продолжались и ночью. Несколько самолетов обстреляли ракетами населенные пункты Гудермес, Шали, а также нанесли ракетный удар по бывшему аэродрому ДОСААФ в восточном пригороде Грозного, в районе которого дислоцировались силы боевиков.

В этот день в Грозном со специальной миссией побывал министр юстиции РФ Ю.Калмыков и встретился с Д.Дудаевым.

Вечером того же дня в Москве Служба безопасности Президента провела получившую широкую известность операцию у штаб-квартиры группы «МОСТ» на Новом Арбате. За попытку вмешаться в операцию был снят начальник Управления ФСК по Москве и Московской области Е.Савостьянов. Кстати, именно он разрабатывал и проводил спецмероприятие 26 ноября в Чечне.

3 декабря 1994 г.

В субботний день Б.Ельцин в Кремль не приезжал.

По сообщению руководителя Временного информационного центра С.Грызунова, «по периметру границ Чечни сконцентрированы три мощные военные группировки российских войск, которые в нужный момент могут быть использованы для ликвидации бандитских формирований на территории Чечни. Оперативная группа Генерального штаба уже прибыла в особый район. Однако это не означает, что Россия будет вести боевые действия в Чечне. Силовые меры воздействия могут быть применены лишь в случае, когда все политические и компромиссные варианты, предложенные федеральной властью, будут исчерпаны».

Д.Дудаев, в свою очередь, вел подготовку к возможным боевым действиям и уже объявил мобилизацию мужского населения в возрасте от 17 до 60 лет. В Грозном, в основном в районе президентского дворца, создавались склады боеприпасов, минировались коммуникации, устраивались завалы на дорогах, крыши домов оборудовались снайперскими точками.

Решением Правительства Российской Федерации была создана полномочная рабочая комиссия для проведения переговоров с противоборствующими в Чеченской республике силами по проблемам урегулирования обстановки. Ее возглавил заместитель министра по делам национальностей и региональной политике Вячеслав Михайлов, в состав комиссии были включены депутаты Совета Федерации, Государственной Думы, представители ряда министерств и ведомств, ученые.

Первой акцией рабочей комиссии стало обращение к участникам вооруженного конфликта в Чеченской республике. Отмечая, что «гибнут ни

в чем не повинные мирные граждане Российской Федерации», а «юг России стоит у трагической черты гражданской войны», комиссия обратилась к участникам конфликта с предложением о незамедлительном начале переговорного процесса для нормализации обстановки в республике. На первом этапе переговоров комиссия считала необходимым «найти пути к прекращению кровопролития и разоружению соперничающих сторон, что позволит приступить к восстановлению нормального жизнеобеспечения населения на территории Чеченской республики».

Официальный Грозный дал согласие на переговоры. Ранее предложение России приняла чеченская оппозиция.

4 декабря 1994 г.

На состоявшейся в Нальчике чрезвычайной сессии парламента Конфедерации народов Кавказа (КНК) было принято решение о том, что народы Северного Кавказа придут на помощь чеченскому народу в случае вторжения российских войск в Чечню и будут действовать так же, как это имело место в случае грузино-абхазской войны.

На сессии присутствовали представители из Дагестана, Чечни, Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи и Абхазии.

Вечером Б.Ельцин отправился с коротким визитом в Будапешт.

5 декабря 1994 г.

С утра министр обороны П.Грачев, министр внутренних дел В.Ерин, директор Федеральной службы контрразведки С.Степашин, председатель Роскомпечати, руководитель Временного информационного центра С.Грызунов вылетели в Моздок.

По прибытии П.Грачев сказал, что основная цель поездки — «оценить обстановку, а не показывать мускулы или бряцать оружием. — И сразу же резко заявил: — Если Дудаев, оппозиция согласны встретиться со мной, это, безусловно, принесет только пользу делу. Условия для переговоров следующие: следование Конституции РФ и незамедлительное разоружение бандитских формирований и сдача оружия до 15 декабря».

Он проинформировал, что в трех районах, прилегающих к Чечне, создаются военные группировки. В них входят подразделения Вооруженных Сил, внутренних войск, «специальных войск» для возможного проведения «силовых мероприятий». Если мирные пути решения чеченского кризиса не дадут результатов, то законность в республике и ее столице будет установлена «силовыми методами». Однако, заметил он, «войска город разрушать не будут. Мы будем действовать отдельными штурмовыми группами».

Министр также сообщил, что военная авиация разбомбила в аэропорту Грозного и прилегающих к нему территориях 6 самолетов Ту-154, которые доставили дудаевцам боеприпасы, а также 10 учебных самолетов Л-39 с установленным на них вооружением для возможного ведения боевых действий. С 1 декабря усилен режим воздушной и наземной разведки на границах с Чечней.

«Все летательные аппараты, которые захотят проникнуть в Грозный без нашего ведома, будут уничтожены», — заключил П.Грачев.

В 11.00 начала работу Комиссия по проведению переговоров по проблемам урегулирования обстановки в Чеченской республике. И сразу — неудача. Стороны не смогли договориться даже о месте проведения переговоров. В противовес предложенным Комиссией пяти городам для переговоров — Минводы, Армавир, Кисловодск, Пятигорск, Ставрополь — Грозный выразил желание вести переговоры в Вильнюсе или Владикавказе.

По мнению Р.Хасбулатова, Россия должна добиться выполнения требования о сдаче оружия. Эта задача вполне выполнима, так как оппозиция согласится на эти требования, а «бандитские формирования Дудаева не представляют серьезной военной силы».

6 декабря 1994 г.

В Моздоке продолжались переговоры П.Грачева с лидерами чеченской оппозиции. Глава Временного совета Чечни У.Автурханов высказался в том смысле, что еще остается надежда на мирное решение, тем более что Россия предпринимает активные шаги в этом направлении. Однако, по его мнению, лично Дудаев не ищет компромиссов.

Во время переговоров П.Грачев заявил, что «через руководство Ингушетии ведутся переговоры о возможной встрече с генералом Дудаевым». П.Грачев согласился, что мирный путь решения чеченской проблемы еще не закрыт, но твердо добавил: «Переговоры с чеченским лидером состоятся только в том случае, если Дудаев будет выступать на них в качестве представителя субъекта РФ».

В тот же день телевизионная новостная программа «Вести» передала интервью Грачева:

«Я здесь впервые говорю. Мы с ним (Д.Дудаевым. — *Авт.)* уединились в соседней комнате один на один. Я ему прямо сказал: "Джохар, это твой последний шанс, и давай поймем как военный военного. Давай решим таким образом, чтобы по опыту Афганистана не было крови в Чечне. Джохар, неужели ты думаешь, что будешь воевать против нас? В любом случае я тебя разобью".

Он спросил: "Неужели вы действительно пойдете?".

"Да. Действительно принято решение — готовься к самой настоящей войне, но пока не поздно, нужно признать незаконность всех решений и отказаться от ведения силовых действий". И тогда он мне заявил, что не может отказаться.

Я задал вопрос: "Почему ты не сможешь отказаться?" И вот здесь у этого человека вырвалось: "Я не принадлежу сам себе. Если я приму такое решение, меня не будет, но будут другие. Меня они просто не выпустят. Будут другие, и они все равно будут выполнять то решение, которое нами уже утверждено". Тогда я ему сказал: "Тогда война". Он сказал: "Да, война!"»

7 декабря 1994 г.

Грачев подробно рассказал об увиденном Президенту лично. Под впечатлением от услышанного Ельцин открывал заседание Совета безопасности РФ, где были заслушаны доклады и других министров, возвратившихся с Северного Кавказа.

Совет безопасности сделал заявление:

«В связи с событиями на территории Чеченской республики Совет безопасности обращает внимание всех средств массовой информации, всей общественности Российской Федерации на тот факт, что не существует в природе конфликта между Чечней и Россией. Есть лишь борьба за власть, которую ведут незаконные вооруженные группировки в этой части Российской Федерации. Вооруженные столкновения с массовыми человеческими жертвами должны быть немедленно прекращены, а все враждующие вооруженные группировки поставлены вне закона. Одновременно необходимо принять все конституционные меры по разоружению и ликвидации незаконных вооруженных группировок.

Координация действий всех правительственных структур по восстановлению конституционного порядка в Чеченской республике возложена на Н.Егорова, который указом Президента назначен заместителем Председателя Правительства Российской Федерации».

Дудаев расценил это заявление как «навязывание войны» Чечне, добавив, что Грозный готов к любому развитию событий. И вооруженные силы Чечни продолжили активную подготовку к обороне. Части и подразделения были переведены на казарменное положение. Из населенных пунктов вызывались военнообязанные. Из числа наиболее преданных Д.Дудаеву лиц создан полк смертников, а также женский батальон.

8 декабря 1994 г.

Совет Федерации принял постановление «О положении в Чеченской республике», в котором предложил Президенту «принять конституционные меры по нормализации обстановки в Чеченской республике» и «дать поручение министру обороны Российской Федерации П.С.Грачеву, министру внутренних дел Российской Федерации В.Ф.Ерину и директору Федеральной службы контрразведки Российской Федерации С.В.Степашину не допускать применения силы на территории Чеченской республики до принятия в соответствии с Конституцией Российской Федерации компетентными органами иного решения».

Депутаты Государственной Думы по итогам закрытого заседания, где обсуждалась ситуация вокруг Чеченской республики, приняли за основу проект постановления палаты, подготовленный председателем Комитета по безопасности В.Илюхиным. В поддержку документа проголосовало 258 депутатов при необходимом кворуме для принятия решения — 226 голосов.

В документе предлагалось признать «крайне неудовлетворительной работу федеральных органов власти по урегулированию положения в Чеченской республике». Президенту России рекомендовалось использовать все меры «политического и правового характера» для прекращения вооруженного противоборства в Чечне, для восстановления в республике законности. Авторы Постановления считали необходимым провести в Чечне свободные выборы в высшие органы государственной власти республики, а также в Совет Федерации и Госдуму.

Рабочая комиссия по переговорам об урегулировании конфликта в Чечне, официальный Грозный и оппозиция достигли договоренности начать переговоры во Владикавказе в понедельник, 12 декабря, в 15 часов.

Прибывший в Грозный представитель Минобороны России генерал-полковник И.Чиж был принят начальником главного штаба вооруженных сил Чечни А.Масхадовым и генеральным прокурором республики У.Имаевым. Речь шла о возвращении российских военнослужащих, плененных во время штурма Грозного.

Во второй половине дня под председательством Д.Дудаева началось заседание кабинета министров Чечни. По его окончании состоялась церемония передачи российских военнопленных И.Чижу.

9 декабря 1994 г.

Председатель Совета Федерации В.Шумейко направил постановление от 8 декабря Президенту, но Б.Ельцин решает иначе и в тот же день Указом № 2166 поручает Правительству «использовать все имеющиеся у государства средства для обеспечения государственной безопасности, законности, прав и свобод граждан, охраны общественного порядка, борьбы с преступностью, разоружения всех незаконных формирований». Правительство сразу же, 9 декабря, принимает соответствующее постановление (№ 1360).

Рассмотрение проекта постановления «О ситуации в Чеченской республике и мерах по ее политическому урегулированию» в Государственной Думе перенесено с 9 на 14 декабря. Председатель Госдумы И.Рыбкин настоял на переносе голосования, сославшись на то, что комитеты палаты, готовившие согласованный проект, отнеслись к нему «спустя рукава», в текст документа не внесены поправки, и он практически не отличается от принятого на закрытом заседании Госдумы 8 декабря за основу.

Депутат В.Лысенко подчеркнул, что, если до 14 декабря в Чечню будут введены войска, ответственность за это ляжет и на Государственную Думу.

Предложенный проект, в частности, рекомендовал Президенту Ельцину «сделать заявление об отказе от применения военной силы на территории Чеченской республики и вступить в переговоры с представителями власти, осуществляющими фактический контроль» на ее территории.

Министр обороны П.Грачев вновь прилетел в Моздок вечером 9 декабря. Вместе с В.Ериным здесь уже находились С.Степашин и Н.Егоров.

Оппозиционный Временный совет Чечни приказал привести в боевую готовность все подразделения и к 4 часам утра 13 декабря выдвинуть их на исходные позиции. Кроме того, главнокомандующий вооруженными силами Временного совета Б.Гантемиров приказал задерживать всех должностных лиц России, которые «вошли в преступный сговор с дудаевским режимом».

Он заявил, что «принятие Федеральным Собранием РФ резолюций по чеченскому вопросу, смысл которых сводится к признанию режима Дудаева в обмен на подписание Федеративного договора, свидетельствует о том, что российские депутаты не понимают самой сути чеченского конфликта. Борьба в Чечне идет не между сторонниками и противниками ее незави-

симости». Сердцевиной конфликта, по словам Б.Гантемирова, «является борьба всех демократических сил с фашистским, криминальным режимом, и она будет продолжаться до полного уничтожения преступной клики Дудаева».

Тем временем федеральная рабочая комиссия по переговорам об урегулировании обстановки в Чечне на заседании 9 декабря уточнила группу первоочередных вопросов для обсуждения: сначала — вопросы, волнующие население, а не политиков. Речь должна идти прежде всего о путях предотвращения кровопролития, разоружении незаконных формирований и оказании помощи населению, пострадавшему от вооруженных столкновений.

10 декабря 1994 г.

Правительство России приняло постановление, которым предписывалось Министерству внутренних дел закрыть административные границы с Чечней, а Министерству обороны — воздушное пространство Чечни. Оно появилось во исполнение Указа Президента от 9 декабря «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» и предусматривало «обеспечение государственной безопасности и территориальной целостности России, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чечни и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа». Выполнение этих задач было возложено на ряд министерств и ведомств, прежде всего на МВД России.

Вице-премьер Правительства России Н.Егоров в Моздоке провел закрытое рабочее совещание, в котором приняли участие представители командования группировок внутренних войск и спецподразделений, сосредоточенных в трех районах по периметру административных границ Чечни.

На состоявшемся заседании Совета безопасности Чечни принято решение «защищать Чечню до последнего».

«Последним шансом» решить чеченский конфликт мирным путем назвал руководитель рабочей комиссии В.Михайлов начинавшиеся 12 декабря во Владикавказе переговоры представителей федеральных властей с противоборствующими чеченскими сторонами. По его словам, уже на первом этапе переговоров «может быть найдено правильное решение для обеспечения безопасности людей и сохранения целостности России».

Руководитель информационной службы Чечни М.Удугов сообщил, что, если Д.Дудаев получит официальное приглашение российской стороны, он обязательно прибудет на переговоры в Москву.

В тот же день в Кремле происходила рассылка поздравительных посланий Б.Ельцина по случаю наступающего праздника — Дня Конституции. В официальном списке поздравляемых по статусу значилась и фамилия президента Чеченской республики. В круговерти дел никто не обратил на это внимания. Так бы и ушло поздравление Б.Ельцина мятежному генералу, если бы в группу спичрайтеров не вошел растерянный офицер фельдсвязи и не спросил, каким образом доставлять письмо в Грозный.

«Действуй по полной схеме»

11 декабря 1994 г.

11 декабря Президент издает секретный Указ «О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской республики»*. Указ немедленно направили в Совет Федерации (В.Ф.Шумейко и П.П.Ширшову), в Государственную Думу (И.П.Рыбкину и С.Н.Юшенкову), в Правительство, Минобороны, МВД, Миннац, МЧС, МИД и в ряд других федеральных органов исполнительной власти. В расписках о получении указано время: в Госдуме — 11 декабря в 22 часа 15 минут, в Минобороны — 11 декабря в 22 часа 40 минут, в Совете Федерации — утром 12 декабря в 9 часов 15 минут.

Закрытый Указ Президент сопроводил Обращением к гражданам России:

«Сегодня, 11 декабря 1994 года, на территорию Чеченской республики введены подразделения войск Министерства внутренних дел и Министерства обороны Российской Федерации. Действия правительства вызваны угрозой целостности России, безопасности ее граждан как в Чечне, так и за ее пределами, возможностью дестабилизации политической и экономической ситуации.

Наша цель состоит в том, чтобы найти политическое решение проблем одного из субъектов Российской Федерации — Чеченской республики, защитить ее граждан от вооруженного экстремизма. Но сейчас мирным переговорам, свободному волеизъявлению чеченского народа препятствует нависшая опасность полномасштабной гражданской войны в Чеченской республике».

Распоряжением Председателя Правительства РФ В.С.Черномырдина в целях координации работы по реализации мероприятий, предусмотренных постановлением российского Правительства «О неотложных мерах по восстановлению и развитию экономики и социальной сферы Чеченской республики», создана Межведомственная рабочая группа при полномочном представителе Президента РФ в Чеченской республике.

Руководителем группы, состоящей из 17 человек, назначен Ким Цаголов — заместитель министра Российской Федерации по делам национальностей и региональной политики.

Полномочный представитель Президента РФ, вице-премьер Н.Егоров обратился к гражданам Чеченской республики, а также населению Республики Дагестан и других республик Северного Кавказа с разъяснением задач, решаемых внутренними войсками, органами МВД и российскими Вооруженными Силами.

Выполняя Указ Президента, утром вооруженные группы Министерства обороны и внутренних войск МВД вошли тремя колоннами на территорию Чеченской республики. Колонны начали продвижение со скоростью до 20 км в час в сторону Грозного.

---

* Впоследствии сведения об Указе попали в прессу, а при рассмотрении дела в Конституционном Суде РФ он был рассекречен.

Ю.Батурин прервал переговоры в Швеции и возвратился в Москву. Со следующего утра ежедневно он докладывал Президенту обстановку, принимая и обобщая доклады военных, беседуя с возвращавшимися из Чечни депутатами, встречаясь с курсировавшими в Чечню и обратно журналистами. Анализируя и «отжимая» информацию, он старался не пропускать непроверенные данные и давать объективную картину. Однако примерно еще месяц Президент не принимал Батурина лично, и доклады шли в письменном виде.

12 декабря 1994 г.

Продвижение федеральных войск активизировало деятельность военного руководства Чечни по укреплению подступов к Грозному на всех направлениях. Русское население Грозного ставилось на строгий учет. Продолжали прибывать в столицу боевики из горных районов. Населению Грозного выдавались оружие, боеприпасы и сырая нефть для изготовления бутылок с зажигательной смесью. На заседании старейшин республики Д.Дудаев поставил задачу выделить по 50 мужчин от каждого тейпа в состав своих войск.

Чеченские вооруженные формирования получили приказ выдвинуться в районы Чишки (25 км южнее Грозного), Мужичи (60 км юго-западнее Грозного, вблизи границы с Ингушетией) для создания партизанских баз и подготовки условий для продолжения борьбы в случае поражения.

По информации Минобороны РФ, потери войсковых подразделений, участвующих в операции, составили:

— убито — 7, в том числе 2 офицера;
— ранено — 13, в том числе 6 офицеров;
— попали в плен — 17 военнослужащих;
— потеряно — 1 танк, 1 БТР, 22 автомобиля.

Это было первое из ставших нескончаемыми сообщение о смертях и потерях в Чечне российских военнослужащих.

Ельцин обратился к депутатам Совета Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации:

«*Уважаемые депутаты*!

Разделяю вашу тревогу в связи с развитием событий в Чеченской республике и некоторых других районах Северного Кавказа Российской Федерации. Нас объединяет признание приоритета Конституции и использования политических методов, и прежде всего переговоров при решении чеченской проблемы.

Считаю необходимым уточнить вместе с палатами Федерального Собрания рамочные условия для переговоров.

Первое: предмет переговоров. Нужно ли российской делегации вести переговоры о статусе Чеченской республики в составе Российской Федерации? Готово ли Федеральное Собрание к внесению изменений в Конституцию с учетом всех возможных политических последствий?

Второе: субъект переговоров. С какими именно политическими силами Чеченской республики необходимо вести переговоры по этим проблемам? Постановление Государственной Думы от 25 марта 1994 года предлагает исполнительной власти только ведение консультаций. Для

официальных переговоров с Д.Дудаевым потребуется специальное решение, узаконивающее результаты президентских выборов в Чеченской республике.

Третье: условия переговоров. Следует ли рассматривать в качестве необходимой предпосылки для переговоров проведение в Чеченской республике свободных выборов, как об этом сказано в п. 2 постановления Государственной Думы от 25 марта 1994 года? Если да, то как в нынешних условиях предполагается обеспечить проведение свободных выборов?»

...В 14.20, за 50 минут до начала мирных трехсторонних переговоров во Владикавказе, из ракетной установки залпового огня «Град» чеченских формирований около села Долинского был нанесен удар по подразделению десантно-штурмового батальона российских войск.

В 15.30 во владикавказском Доме искусств начались переговоры по урегулированию чеченской проблемы. Для участия в них из Грозного прибыла делегация в составе 9 человек во главе с министром экономики и финансов Чеченской Республики Т.Абубакаровым. С российской стороны переговоры вел заместитель министра по делам национальностей и региональной политике РФ В.Михайлов. Встречу открыл президент Северной Осетии А.Галазов.

Для участия в переговорах также прибыла делегация оппозиции во главе с членом Временного совета Б.Басхановым. По требованию делегации «официального» Грозного она не принимала участия во встрече и покинула помещение Дома искусств.

Тем не менее именно с делегацией оппозиционных Дудаеву сил федеральной стороной было достигнуто первое соглашение. Договорились, что в целях предотвращения кровопролития на территории Чеченской республики Временный совет обязуется прекратить боевые действия и провести разоружение в согласованном порядке. Кроме того, делегация Временного совета обещала предоставить Рабочей комиссии РФ списки лиц, содержавшихся в заключении на территории Чечни для их освобождения при посредничестве Красного Креста.

Сложнее, разумеется, шли переговоры с представителями Дудаева. Руководитель правительственной делегации В.Михайлов предложил обсудить три задачи: прекратить кровопролитие, достичь разоружения и создать условия для обеспечения нормальной жизнедеятельности людей.

Делегация Грозного согласилась, что необходимо произвести разоружение в Чечне, однако к остальным договоренностям стороны не пришли.

13 декабря 1994 г.

Обстановка в Чечне продолжала обостряться. Формирования Дудаева в течение всего дня оказывали сопротивление продвигавшимся со стороны Моздока и Беслана колоннам российских войск. На этих направлениях на подступах к Грозному Дудаев сосредоточил основную часть своих вооруженных отрядов и боевой техники, включая танки и артиллерию. В городе продолжались минирование промышленных предприятий и подготовка оборонительных сооружений.

В.Черномырдин заявил, что обоснованием вступления в действие Указа Президента по Чечне явились «сотни жизней, ставших жертвами попытки подрыва целостности Российского государства, национальной и религиозной розни». По словам премьер-министра, «единственное, в чем можно упрекнуть Правительство России, так это в том, что мы три года терпели и ждали, не предпринимали необходимых действий, в том числе и с помощью переговоров, не были настойчивы и последовательны в нормализации ситуации в Чечне».

Совет Государственной Думы решил поддержать Указ Президента от 1 декабря «О некоторых мерах по укреплению правопорядка на Северном Кавказе», о котором мы уже говорили выше. В то же время Государственная Дума признала работу федеральных органов власти по политическому урегулированию ситуации в Чеченской республике неудовлетворительной. За это решение проголосовали 289 депутатов, четыре были «против» и один воздержался. Как это бывало неоднократно, более трети депутатов сочли возможным не голосовать по этому вопросу.

В думском постановлении Президенту и Правительству России предлагалось использовать все имеющиеся меры и средства политического и правового характера по прекращению вооруженного противоборства в Чеченской республике и предотвращению проникновения незаконных вооруженных формирований и оружия на территорию Чечни и за ее пределы.

На переговорах во Владикавказе после бурных дискуссий чеченская сторона согласилась с предложением российской делегации вставить в текст документа ссылку на Конституцию РФ как на правовую основу всех дальнейших действий по урегулированию обстановки в Чечне.

Однако после перерыва чеченская делегация неожиданно вернулась к своим первоначальным позициям и вновь поставила на обсуждение правомерность признания Конституции РФ как базисного правового документа, кроме того, вновь всплыл уже ранее решенный и согласованный вопрос о том, кого считать «незаконными вооруженными формированиями».

14 декабря 1994 г.

Ситуация в Чеченской республике приобретала все более критический характер. По мере продвижения к столице Чечни частей и подразделений ВС и ВВ МВД России сопротивление дудаевских отрядов возрастало. На всех направлениях к Грозному действовали мобильные отряды (до 50 человек численностью), через каждые два-три километра устраивались завалы, минировались дороги и обочины.

Переговоры были временно прерваны. Чеченская сторона заявила о необходимости консультаций с руководством республики и получения дополнительных полномочий.

15 декабря 1994 г.

Президент Ельцин обратился к жителям Чеченской республики:

«Сегодня, 15 декабря 1994 года, истекает срок, предусмотренный моим Указом «О некоторых мерах по укреплению правопорядка на Север-

ном Кавказе», для добровольного сложения оружия лицами, которые участвовали в вооруженном противоборстве в Чеченской республике.

Однако под давлением руководителей вооруженных формирований сдачи оружия не произошло. Это оружие активно используется для противодействия федеральной государственной власти в восстановлении конституционной законности, правопорядка, обеспечения общественной безопасности, конституционных прав и свобод граждан России. Продолжает литься кровь, усиливаются тревоги россиян...

Стремясь свести к минимуму использование силовых методов, при которых, к сожалению, возможны жертвы среди мирного населения, срок добровольного сложения оружия и прекращения сопротивления федеральным силам правопорядка продлевается на 48 часов, начиная с 00 часов 16 декабря 1994 года».

В Свято-Даниловом монастыре вечером состоялась встреча Патриарха Московского и всея Руси Алексия II с лидером мусульман Чечни муфтием Мухаммадом-Хусейном Асламбековым, на которой стороны выступили с совместным заявлением:

«Кровопролитие в Чечне должно быть немедленно прекращено. Люди, живущие на этой земле, должны восстановить мир и согласие друг с другом и со всеми народами Российской Федерации. Необходимо восстановить законный порядок, и при этом должны использовать мирные, основанные на взаимном согласии пути... Мы самым решительным образом отвергаем саму мысль о возможности перерастания конфликта вокруг Чечни в христианско-мусульманское противостояние. Истинные последователи двух религий желают только мира».

«Генеральный прокурор» Чеченской республики У.Имаев, возглавлявший чеченскую делегацию на переговорах во Владикавказе, проинформировал по телефону из Грозного правительственную Рабочую комиссию о назначенном на 15 часов экстренном заседании кабинета министров Чечни, на котором должен был обсуждаться «вопрос о придании чеченской делегации всех необходимых полномочий», что позволит «возобновить переговоры на более продуктивном уровне».

Делегация ожидала, как это было обещано чеченской стороной, подтверждения ее согласия на продолжение переговоров, однако вместо согласия в Грозном было распространено заявление Дудаева о его готовности к тотальной войне.

Российская комиссия возвратилась в Москву.

16 декабря 1994 г.

С утра Ельцин читал длинное, на трех страницах мелким шрифтом, письмо Я.Мамодаева, датированное 13 декабря 1994 года.

«На сегодня очевидно, что антинародный режим Дудаева, который потерял всякую поддержку у народа, неожиданно получил ее. И это происходит каждый раз, когда Вы пытаетесь что-то лично предпринять в "чеченском вопросе", — поверьте, это не случайно...» Далее он предлагал программу урегулирования из десяти пунктов.

Ельцин, поразмыслив, начертал:

«О.Н.Сосковцу
О.И.Лобову
Н.Д.Егорову
С.М.Шахраю
Прошу срочно рассмотреть предложения Я.Мамодаева.
Насколько они отвечают складывающейся обстановке?

Б.Ельцин»

Дудаев приказал своим войскам прекратить огонь, в течение часа отойти на километр от линии соприкосновения с российскими частями на всех направлениях, внимательно следить за российскими войсками и в случае их попыток продвинуться вперед открывать огонь. За этим шагом последовало его официальное заявление:

«Чеченская республика подтверждает свою готовность к мирному диалогу с Россией. Мы предлагаем немедленно прекратить боевые действия, вывести российские войска с территории Чеченской республики и без всяких предварительных условий начать переговоры на самом высоком уровне. Такая позиция продиктована стремлением чеченского народа к миру и добрососедству с русским народом, со всеми народами Кавказа».

На это премьер-министр РФ В.Черномырдин заметил, что он готов встретиться с Дудаевым «и в Москве, и в Грозном, и в любой другой точке, где это может быть необходимо». Однако он сомневался в готовности чеченского лидера приступить к «реальным переговорам» и предположил, что тезис о переговорах используется им только для того, чтобы «оттянуть время».

Группа членов Совета безопасности РФ провела в 20 часов экстренное совещание. Обсуждалось развитие ситуации в Чечне. В Москву срочно вернулись Егоров, Грачев, Ерин, Степашин. Президент в совещании не участвовал, поскольку он находился в больнице после операции на носовой перегородке, что в обществе сочли попыткой уйти от разъяснения своей позиции.

Председатель Совета Федерации В.Шумейко, открывая внеочередное заседание палаты, огласил свое заявление, обращенное к Президенту России, Председателю Правительства и спикеру Государственной Думы, в котором предложил прекратить огонь в Чеченской республике со всех сторон с 15.00 16 декабря 1994 года и сформировать наблюдательно-согласительную комиссию по урегулированию чеченского конфликта на самом высоком уровне.

По его мнению, введенные на территорию Чеченской республики воинские подразделения должны были выполнить чисто разделительную миротворческую функцию, способствовать разоружению незаконных формирований. Но события показали, что они эту функцию выполнить не смогли, так как общество в целом, чеченский, ингушский, другие кавказские народы не восприняли их в роли миротворцев. По сути дела, в республике началась война. И гибель людей имеет большее значение, чем вопросы целостности России или ущерба, который криминальная деятельность Чеченской республики нанесла России.

17 декабря 1994 г.

В этот день в Центральной клинической больнице в Кунцево, где находился Ельцин, прошло заседание Совета безопасности, вошедшее

в историю под названием «Госпитальное заседание». Обсуждались вопросы, связанные с ситуацией в Чеченской республике, а также обстановкой в Северо-Кавказском регионе. Заседание длилось свыше трех часов.

В решении СБ подчеркивалось, что в полночь с 17 на 18 декабря 1994 года истекает срок добровольной сдачи оружия и амнистии. Гражданскому населению во избежание жертв предлагалось покинуть места расположения незаконных вооруженных формирований. Поскольку еще не утрачена возможность мирного проведения процесса разоружения незаконных боевых формирований, Президент поручал Н.Егорову и С.Степашину пригласить в тот же день Д.Дудаева в Моздок для выработки порядка добровольной сдачи оружия и боевой техники.

«Больше заседаний Совета безопасности по этому вопросу не будет, и никаких обращений делать не собираюсь», — заключил Ельцин.

Вышло по-другому.

В начале седьмого вечером Дудаев отправил Ельцину телеграмму: «В ответ на Ваше обращение и предложение премьер-министра Российской Федерации Черномырдина о готовности встречи приглашаю в город Грозный для проведения переговоров на правительственном уровне премьер-министра Российской Федерации Черномырдина.

Президент Чеченской республики».

Через полтора часа пришла вторая дудаевская телеграмма:

«Настоящим заявляю, что мною отдан приказ 16 декабря с 15 часов прекратить военные действия против Вооруженных Сил Российской Федерации и передвижение вооруженных формирований с целью избежать эскалации братоубийственного конфликта и невинных жертв, в том числе мирного населения. Обращаюсь к Вам с предложением ответного аналогичного шага. Согласен с Вашим предложением начать без каких-либо предварительных условий переговоры на соответствующем уровне и лично возглавить правительственную делегацию Чеченской республики Ичкерия».

Секретарь Совета безопасности РФ О.Лобов заявил, что «предметом переговоров с Дудаевым может быть только добровольная сдача оружия всеми незаконными вооруженными формированиями на территории Чеченской республики. Если это не произойдет, то другие вопросы обсуждаться не будут». Он сообщил, ссылаясь на личный разговор с одним из помощников Дудаева, что чеченский лидер дал устное согласие прибыть на переговоры в Моздок с российской делегацией, которую в соответствии с решением СБ РФ и Президента возглавляют вице-премьер Н.Егоров и директор ФСК С.Степашин.

Однако без всяких объяснений руководство Грозного отказалось послать своих представителей на переговоры в Моздок, запланированные на 18.00. Д.Дудаев в 18.40 направил телеграмму Б.Ельцину, в которой выражалась готовность принять правительственную делегацию России в Грозном. Чуть раньше Дудаев провел закрытое совещание с руководителями боевых подразделений. Каждый из них получил пакет, содержавший приказ на случай штурма Грозного.

Телевидение Чечни начало вести передачи, в которых населению разъяснялись приемы обращения с различными видами оружия и правила

поведения в экстремальных ситуациях, в том числе в условиях бомбардировок и других видов боевых действий.

МИД РФ выступил с заявлением:

«Режим Дудаева не воспользовался неоднократно предоставлявшимися ему возможностями мирного выхода из кризиса. Таким образом, упущена возможность использовать политические методы, и прежде всего переговоры, за проведение которых последовательно выступало руководство России...

По истечении срока, установленного Президентом России, с 00 часов 18 декабря 1994 года подразделения войск МВД и Министерства обороны РФ вынуждены будут принять решительные меры с использованием всех имеющихся в наличии средств с целью восстановления на территории Чеченской республики конституционной законности и правопорядка. Бандформирования будут разоружены, а при сопротивлении уничтожены.

Гражданское население Чечни оповещено о необходимости срочно завершить выход из города Грозного и других населенных пунктов, в которых находятся бандформирования. Российские власти организуют эвакуацию, медицинскую помощь и размещение беженцев, снабжение их продуктами питания и предметами первой необходимости.

Серьезное беспокойство вызывает личная безопасность иностранных граждан, журналистов, находящихся в зоне конфликта. Мы настоятельно рекомендуем всем им покинуть город Грозный и перебраться в безопасные районы».

Совет Федерации предложил Б.Ельцину «принять меры по немедленному прекращению боевых действий всеми сторонами и продолжить переговорный процесс на более высоком уровне правительственных делегаций, исходя из принципов сохранения целостности Российской Федерации и предоставления возможности свободного волеизъявления народа Чеченской республики».

18 декабря 1994 г.

В 10 часов утра Ельцин позвонил Грачеву и сказал: «Независимо ни от чего, действуй в соответствии с решениями Совета безопасности по полной схеме».

Затем Президент подписал указ, которым Правительству поручалось в пятидневный срок «образовать территориальное управление федеральных органов исполнительной власти в Чеченской республике, объединяющее федеральные территориальные органы исполнительной власти на территории Чеченской республики». Руководство территориальным управлением возлагалось на вице-премьера Н.Егорова.

Кремль по-прежнему считал возможным, что Дудаев отдаст приказ о разоружении своих вооруженных формирований.

Председатель Госдумы И.Рыбкин направил В.Илюшину — «по настоятельной просьбе депутатов» — проект Федерального закона «О делегациях по урегулированию вооруженного конфликта в Чеченской республике». Инициатором проекта была фракция «Яблоко», возглавляемая Г.Явлинским. «Авторы настаивают, — деликатно добавлял И.Рыбкин, — на

оперативном принятии Федеральным Собранием указанного закона либо об издании указа Президента Российской Федерации аналогичного содержания».

Составители проекта исходили из того, что для успеха переговорного процесса важно, кто возглавляет российскую государственную делегацию. Предполагалось, что это должен быть государственный деятель, вызывающий максимальное доверие у народов Северного Кавказа, компетентный в военных вопросах и имеющий авторитет среди военных. И называлось имя — Р.Аушев.

Проект предполагал проведение переговоров в три этапа.

Первый — переговоры о прекращении боевых действий в районе конфликта, развод войск, обмен пленными.

Второй — переговоры полномочных представителей Федерального Собрания, имеющие целью подготовить согласованные с представителями чеченской стороны проекты решений по ключевым вопросам политического урегулирования для утверждения российским парламентом.

Третий — формирование правительственной делегации для переговоров по экономическим вопросам, обеспечению безопасности транспортных систем и коммуникаций, правовому положению жителей Чечни и России.

В.Черномырдин провел совещание, где присутствовали члены Правительства, члены Совета безопасности, представители Администрации Президента. Из докладов на совещании следовало, что в ответ на непрекращавшиеся дерзкие вылазки незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики российские Вооруженные Силы с 00.01 до 00.30 минут нанесли бомбовый удар по аэродрому Шали, а также залпы системы «Ураган» по скоплению бронетанковой техники, вооруженных боевиков и по складу боеприпасов на юго-восточной окраине Грозного. В районе населенного пункта Ассиновская полк внутренних войск МВД РФ был атакован большим отрядом сил Дудаева, оснащенным танками, артиллерией и установками «Град». Ответным ударом группировка была разгромлена.

Обсудили и утреннее указание Ельцина Грачеву. «Президент дал команду Егорову и Грачеву действовать независимо ни от чего. А политическую линию проводить будем мы», — сказал В.Черномырдин.

В конце совещания О.Лобов спросил у П.Грачева: «Сколько вам надо на завершение боевой операции?» Вопрос активно поддержали В.Шумейко и В.Черномырдин. Ответ министра был краток: «Полгода».

Последовала немая сцена. Всем были памятны другие слова Грачева. Еще совсем недавно он говорил, что все можно решить двумя десантными полками за два часа.

Резкая активизация действий незаконных вооруженных формирований совпала по времени с двумя событиями: отправкой Дудаевым телеграммы в Москву о согласии на переговоры в Грозном и его выступлением по местному радио с призывом «очистить землю от скверны», «полить кровью путь этих ублюдков», «перенести линию фронта в Москву, к Кремлю».

Б.Ельцин ответил на две телеграммы Дудаева, отправленные накануне:

«Вашу телеграмму о согласии вступить в переговоры без каких-либо предварительных условий получил. Предлагаю, без промедления, Вам встретиться с моим полномочным представителем — заместителем Председателя Правительства Егоровым Н.Д. и членом Совета безопасности РФ, директором Федеральной службы контрразведки Степашиным С.В., находящимися в г. Моздоке. Если сегодня будет подписан с Вашим личным участием соответствующий документ о прекращении огня и сдаче оружия, буду расценивать это как доказательство серьезных намерений нормализовать обстановку, восстановить мир и спокойствие в Чеченской республике на благо всех народов России».

Отклик пришел через четыре часа: «В ответ на Вашу телеграмму сообщаю, что готов принять вашего полномочного представителя. Безопасность гарантируем. Президент Чеченской республики Джохар Дудаев».

В это же время журналист радио «Свобода» С.Шустер интервьюировал в прямом эфире Дудаева:

Шустер: Если бы была возможность вашей встречи лично с Президентом России Ельциным, с чем бы вы приехали?

Дудаев: Решением Конгресса чеченского народа мне предписано воздержаться от встречи непосредственно с Ельциным.

Шустер: А с Виктором Черномырдиным? С чем бы вы приехали к нему на встречу?

Дудаев: С Виктором Черномырдиным мы должны сесть и обсудить назревшие проблемы и пути их разрешения. Но к Черномырдину я тоже не собираюсь ехать. Эта встреча должна быть хорошо подготовлена и решить многие ключевые вопросы».

Представитель пресс-службы Президента России сообщил: «Ответов на очередные телеграммы Дудаева больше не будет».

19 декабря 1994 г.

Уполномоченный по правам человека РФ С.Ковалев и депутаты Госдумы РФ В.Борщев, М.Молоствов, Л.Петровский и член правления «Мемориал» эксперт Комиссии по правам человека при Президенте РФ О.Орлов, находящиеся в Грозном, направили 19 декабря вечером письмо Б.Ельцину: «Нас известили о Вашей заинтересованности в получении объективной информации о положении в Чечне от делегации уполномоченного по правам человека Российской Федерации. Вся собранная нами информация свидетельствует, что происходящее вышло за рамки силовой политики. В данной ситуации уже бессмысленно говорить и о массовых нарушениях прав человека. Все происходящее — масштабная человеческая трагедия».

Текст был отправлен по факсу руководителю Администрации Президента С.Филатову, первому помощнику Президента В.Илюшину, помощнику Президента Г.Сатарову.

20 декабря 1994 г.

Ельцин выписался из больницы.

В течение дня группировки войск вели боевые действия. Основные усилия были сосредоточены на моздокском и кизлярском направлениях.

Наиболее ожесточенное сопротивление вооруженные формирования Дудаева оказывали в районе населенных пунктов Долинский и Петропавловская. Части и подразделения внутренних войск МВД РФ продолжали нести охрану маршрутов, сопровождение колонн, прикрытие флангов и тылов основных группировок войск, а также в ряде населенных пунктов проводили спецоперации по разоружению незаконных вооруженных формирований.

Правительство России приняло решение о выкупе оружия у населения Чеченской республики силами внутренних войск.

21 декабря 1994 г.

В своей загородной резиденции Б.Ельцин провел рабочие встречи с В.Ериным и П.Грачевым. Министры проинформировали главу государства о развитии событий в Чечне, ходе выполнения его Указа о мерах по укреплению правопорядка на Северном Кавказе.

Появилось Обращение Президента России к жителям Чеченской республики:

«*Уважаемые жители Чеченской республики*!

Сегодня, 21 декабря, я хочу обратиться к вам с посланием.

Президент Российской Федерации, Правительство, палаты Федерального Собрания России неоднократно обращались с призывом начать сдачу оружия незаконными вооруженными формированиями на территории Чеченской республики. Несмотря на это, в городе Грозном и его окрестностях продолжает литься кровь, гибнут наши соотечественники — чеченцы, русские, граждане других национальностей...

Российские солдаты находятся в Чечне не для войны с чеченским народом. Их цель — пресечение деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чечни. При этом официальные представители федеральных органов власти заблаговременно сообщают о применении силовых действий, чтобы обезопасить мирное население. На дудаевское руководство ложится ответственность за то, что оно скрывает эту информацию или создает препятствия тем, кто хочет покинуть очаги военных действий».

Вечером в Моздок прилетел министр обороны П.Грачев. Он предложил заместителю командующего сухопутными войсками генерал-полковнику Э.Воробьеву возглавить операцию в Чечне, но тот отказался. Тогда министр обороны потребовал у генерал-полковника положить на стол рапорт об отставке. Генерал Воробьев ответил, что «он уже готов», и немедленно уехал в Москву.

22 декабря 1994 г.

В 10 утра Э.Воробьев подал рапорт об отставке главкому Сухопутных войск В.Семенову.

Д.Дудаев провел совещание с полевыми командирами, на котором поставил задачи по проведению контратак на маршрутах движения 104-й и 106-й воздушно-десантных дивизий. Формирование, противостоявшее 104-й дивизии, возглавил Ш.Басаев.

Основными способами ведения боевых действий чеченских вооруженных формирований стали оборона опорных пунктов и укрепленных районов, нападение на российские войска в темное время суток и налеты небольших, вооруженных танками и артиллерией мобильных групп.

В загородной резиденции Президента прошло совещание членов российского Правительства и Совета безопасности.

Б.Ельцин призвал депутатов Государственной Думы пересмотреть их решение собрать 24 декабря совместное заседание двух палат Федерального Собрания и пригласить на него для выступления Президента. В письме депутатам Ельцин просил их учесть следующие соображения:

«...1. В ближайшие дни намерен обратиться к гражданам России с изложением своих оценок происходящих событий. В этом обращении будут обнародованы планы по разрешению конфликта, опирающиеся прежде всего на использование политических методов.

2. Такое собрание будет неконституционно, а его решения не будут иметь юридической силы. Вместо консолидации в этот опасный момент мы придем к резкой дестабилизации на федеральном уровне. А это еще дальше отодвинет решение чеченской проблемы.

3. Скоро предстоит встреча в связи с ежегодным Посланием Федеральному Собранию».

Президент выразил надежду, что «в этой сложной, драматической ситуации депутаты проявят присущие Государственной Думе мудрость и сдержанность».

Ельцин ознакомился с письмом члена Президентского совета Э.Паина, который настоятельно рекомендовал ему лично встретиться с Дудаевым: «Снижение статуса переговоров с российской стороны, даже до уровня главы правительства, нецелесообразно, так как в случае провала переговоров и необходимости начала полномасштабных кровопролитных боев у российской и мировой общественности сложится мнение, что последний шанс не допустить трагедии так и не был использован».

23 декабря 1994 г.

В 10.00 в Белом доме началось очередное совещание по Чечне. В.Черномырдин находился с официальным визитом в Индии, поэтому вел заседание О.Сосковец.

Вот фрагмент обсуждения:

А.Ильюшенко (*и.о. Генерального прокурора*). Взятие Грозного должно стать завершением военного этапа операции.

А.Козырев (*министр иностранных дел*). Вопрос к военным: мыслимо это сделать или нет?

М.Колесников (*начальник Генерального штаба*). Ценой огромных разрушений и бессмысленных жертв.

Дудаевское руководство тем временем активизировало переброску боевиков в горные районы для ведения партизанской войны и «защиты государственной независимости» в пределах южных районов Чечни. Од-

новременно укреплялись опорные пункты на подступах к Грозному — на маршрутах выдвижения российских войск.

Сторонники Дудаева, стремясь не допустить окружения Грозного, организовали жесткое сопротивление в опорных пунктах на путях выдвижения войск. Для укрепления обороны зданий правительства, ДГБ и МВД в район президентского дворца были переброшены наиболее боеспособные подразделения. На южном направлении, на пути отхода в горы, оборудовались опорные пункты, устраивались минные заграждения и засады.

Продолжалось минирование промышленных предприятий, объектов жизнеобеспечения. Так, была заминирована и подготовлена к взрыву Чернореченская дамба. Военная техника размещалась в непосредственной близости от жилых помещений. Все выезды контролировались специальными патрулями, которые препятствовали русским покидать город. Отмечались многочисленные факты принудительного, под угрозой расправы с близкими, включения русских в состав незаконных вооруженных формирований.

Чеченское руководство, испытывая острую необходимость в пополнении боевых отрядов, прибегало к помощи заключенных, освобождая их из тюрем. В Грозном отмечались случаи мародерства и грабежей со стороны уголовных элементов.

24 декабря 1994 г.

Началась подготовка чеченских диверсантов зарубежными военными специалистами непосредственно в президентском дворце, а также на заводе «Красный молот» и на территории первого военного городка.

В Грозном для Дудаева были подготовлены два защищенных командных пункта: первый в подвальном помещении военного городка в районе Барановского моста, второй — в бомбоубежище бывшего обкома КПСС. В населенном пункте Тишки, на бывшей базе отдыха руководства, находились под усиленной охраной два вертолета.

Глубокую озабоченность в связи с событиями в Чечне высказали официальные представители правительств США, Канады, Чехии, Франции, Великобритании, Турции, Польши, Никарагуа, Перу, Бразилии, Иордании и других стран. Характерна информация, поступившая из Германии, о реакции на ситуацию в Чечне. На совещании в Ведомстве федерального канцлера констатировалось, что, поскольку Москва в Чечне не смогла выполнить главного условия, гарантировавшего сдержанную позицию западных стран (быстрота и умелое проведение войсковой операции без особых жертв среди мирных граждан), Германия не сможет впредь занимать позицию «ничего-не-видения», ибо такая ситуация начинает негативно сказываться на престиже правительства ФРГ. МИД Германии зондирует возможность использования для урегулирования сложившейся ситуации имеющихся институтов в рамках ОБСЕ.

В начале чеченского кризиса отношение большинства западных стран к нему было нейтральным. Но по мере развертывания широких военных действий Европейский союз начал предупреждать о нежелательности военной эскалации, поскольку такое развитие событий может привести к созданию союза государств, исповедующих исламский фундаментализм, для

проведения широкомасштабной политической борьбы за завоевание новых территорий, то есть — к переделу мира. Основой же этого передела будут не экономические и политические желания сильных мира сего, а религиозный фанатизм простых людей.

25 декабря 1994 г.

Президент Ингушетии Р.Аушев призвал глав республик и краев Северного Кавказа собраться в Назрани 25 декабря и обсудить ситуацию в регионе. Телеграммы были направлены всем главам республик и краев.

К 11 часам московского времени (время начала совещания) в Назрань приехали только первый заместитель главы Ставропольского края и представители Чечни.

Парламент Чеченской республики принял постановление о переговорах своей делегации с парламентской делегацией Российской Федерации, в котором говорилось, что предложение Совета Федерации о возобновлении на парламентском уровне переговоров между Чеченской республикой и Россией принято парламентом Чечни «с удовлетворением», и выражалась готовность возобновить переговоры, взяв за основу весь пакет предыдущих переговоров парламентских и рабочих групп обеих сторон.

Делегация Грозного наделена полномочиями вести переговоры о выводе российских войск со своей территории, о прекращении всех военных действий, о статусе Чеченской республики.

«Иди и докладывай лично»

26 декабря 1994 г.

В Кремле состоялось заседание Совета безопасности РФ. В своем выступлении Президент выразил удовлетворение действиями российских военных и пограничников в Чеченской республике. Он также поблагодарил за оперативную работу Правительство России, миграционные службы и Госкомитет по чрезвычайным ситуациям, высказал уверенность в том, что обстановка в Чечне в скором времени нормализуется и люди смогут вернуться к прежним местам проживания. Ельцин сообщил, что 27 декабря выступит по российскому телевидению с обращением к российскому народу в связи с ситуацией в Чеченской республике.

Касаясь позиции уполномоченного по правам человека С.Ковалева, он сказал, что «разделяет его беспокойство за соблюдение прав человека в Чеченской республике», однако дело не только в том, чтобы «всхлипывать, рассуждать, как тяжело живется людям в условиях военного конфликта». По его мнению, следует больше заниматься тем, чтобы создать людям условия, надежно гарантирующие все права человека, и первое из них — право на жизнь. «Почему-то уполномоченный по правам человека три года молчал об этом и вспомнил лишь сейчас», — резонно заметил Президент.

Он призвал членов Совета безопасности «не растягивать» процесс восстановления конституционного порядка в Чечне, очертил контуры дальнейшего развития событий. Что касается воинских формирований,

то они будут отведены на временные пункты сосредоточения в пределах Чеченской республики. «Это наша республика, — решительно заключил Президент, — и они там будут находиться постоянно». Однако собственно наведением порядка в Грозном и других районах будет заниматься милиция.

Основной целью закрытой дискуссии был поиск ответа на вопрос, какому сценарию дальнейших действий отдать предпочтение: радикальному силовому, подразумевавшему взятие чеченской столицы — Грозного, или политическому, предполагавшему мораторий на боевые действия и согласие с идеей проведения встречи Президента России с Д.Дудаевым. Судя по дальнейшим событиям, подход остался прежним.

В тот же день с заявлением выступил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II:

«Продолжающееся кровопролитие на земле Чечни вызывает в Русской православной Церкви все большую тревогу. Не ставя под сомнение жизненную необходимость водворения в Чеченской республике законного порядка, восстановления мира и согласия между жителями этой земли и всеми народами Российской Федерации, Церковь в то же время глубоко обеспокоена сообщениями о сильнейшем обострении братоубийственной брани... Прошу и умоляю государственных деятелей России, чеченских лидеров, всех, чьи руки сжимают меч, немедленно остановить боевые действия и вернуться на путь мирного разрешения существующих разногласий».

Из Грозного Б.Ельцину ответил уполномоченный по правам человека С.Ковалев:

«Может быть, Президент России недоволен моей миссией, но я тоже не очень доволен Президентом. Пора прекращать кровопролитие среди мирных жителей. Президент — гарант прав человека, и это записано в Конституции... Я могу ответить только репликой такого же сорта. Почему-то Президент три года молчал, а потом послал бомбардировщики... Пусть он скажет, кто принял решение о бомбардировках города. Если он Президент, он должен это знать и должен принять меры к тому, чтобы мирное население не гибло. Он очень точно сказал: право на жизнь — это основное право. Пусть он ответит на те вопросы, которые мне задаются мирными жителями. Они адресованы и Президенту тоже, и даже больше Президенту, чем мне».

27 декабря 1994 г.

В районах, занятых российскими войсками, стали отмечаться признаки готовности населения сдать оружие. Стремясь не допустить этого, чеченское руководство издало приказ о расстреле лиц, добровольно сложивших оружие.

Произошел поворот в оценках ситуации в Чечне ведущими странами Запада — она стала рассматриваться ими как «гуманитарный кризис». Все настойчивее звучали требования прекратить боевые действия, в результате которых растет число жертв среди мирного населения. Так, группа финских

парламентариев подписала обращение к президентам и правительствам России и США, а также в ООН и ОБСЕ, в котором выразила свое негативное отношение к продолжающейся военной эскалации в Чечне и призвала незамедлительно начать переговоры.

Б.Ельцин, как и обещал накануне, выступил с запоздалым телеобращением в связи с ситуацией в Чеченской республике. Это произошло лишь через две недели после начала боевых действий. По-видимому, он ждал, чтобы объявить об одержанной победе, но не получилось. И это стало еще одним свидетельством того, что политическое обеспечение военной операции, по существу, отсутствовало.

Президент сказал:

«Обращаюсь к вам в связи с обстановкой в Чеченской республике. Уже длительное время она остается предельно сложной. Это вызывает у россиян растущую тревогу. Многие задаются вопросами: что происходит в республике? Зачем российские войска находятся в Чечне?

Сначала отвечу на главный вопрос: российские солдаты защищают единство России. Это непременное условие существования Российского государства. Чеченская республика — часть Российской Федерации, ее состав закреплен Конституцией. Ни одна территория не имеет права на выход из России...

Режим Грозного целенаправленно разрушал государственность Чеченской республики. Сегодня там нет ни власти, ни закона. Укреплялись только вооруженные подразделения, преданные лично Дудаеву. Политическая жизнь в республике постепенно стала вытесняться противоборством вооруженных группировок. Время от времени оно выливалось в кровавые столкновения. Чечня раскололась на ряд зон со своими лидерами и незаконными вооруженными отрядами. Большинство жителей, независимо от национальности, лишились даже малейшей возможности хоть как-то повлиять на ход событий. Любое инакомыслие, малейшее несогласие или критика в адрес режима могли стоить жизни. На чеченской земле утвердился вооруженный беспредел.

Сейчас нередко звучит вопрос: имело ли государство право на силовые действия в Чечне? Это, поверьте, один из самых сложных вопросов. Россияне долго и справедливо упрекали нас в нерешительности, в отсутствии политической воли, в нежелании навести порядок на территории Чеченской республики — неотъемлемой части России. Крайне сложная ситуация потребовала принять тяжелейшее решение — применить вооруженную силу на территории Чечни...

Усилия военных и милиции уже дают результаты. Выполнен первый этап разрешения кризиса. Кольцо вокруг Грозного сжалось. Вооруженные группировки блокированы...

Но граждане России продолжают погибать, все больше разрушений. Говорю об этом с болью. Знаю, что многим сегодня закрыта возможность покинуть Грозный...

Гордиев узел чеченского кризиса можно разрубить. Но слишком дорогой ценой — ценой жизни граждан России. Ради сохранения жизней людей мною дано указание исключить нанесение бомбовых ударов, которые могут привести к жертвам среди мирного населения Грозного.

Путь к политическому урегулированию по-прежнему открыт. Полномочия на проведение переговоров от имени Президента России имеют Н.Д.Егоров, С.В.Степашин, А.В.Квашнин. Они с участием комиссий, которые определены Советом Федерации и Государственной Думой, готовы приступить к переговорам с лидерами незаконных вооруженных формирований. Предмет переговоров — прекращение огня и сдача оружия...

Хочу заверить всех россиян: не волнуйтесь, порядок и мир в Чечне будут восстановлены. Причем будут приняты меры, исключающие затяжку с решением этой сложной проблемы. Об этом мы договорились на вчерашнем заседании Совета безопасности».

Жители Чечни смотрели Обращение Б.Ельцина по российскому телеканалу с 16 часов 05 минут до 16 часов 30 минут, для чего местные связисты воспользовались резервной системой обеспечения телевещания.

В 17 часов 44 минуты в Кремле по факсу был получен текст интервью Дудаева одному из турецких журналов:

«Дудаев: Они не только бомбят, *но они также используют тяжелые ракеты с атомной начинкой.* Они бомбят не только с маленьких самолетов, но и большими тяжелыми ракетами, длина которых 8 метров. Это не только наша проблема, но и всего мира, потому что если они используют атомное оружие, то что же случится со всем миром? *Это положит начало ядерной войне.* (По-английски): *Дайте мне несколько самолетов, которые могут долететь до Москвы, и я атакую сам*».

Интервью Дудаева прокомментировал начальник Главного штаба ВВС РФ Мамоков:

«Даже теоретически ракеты подобного класса в такой ситуации не применяются, и авиация, конечно, не применяла эти ракеты. Что касается второй части, там, где речь идет о том, чтобы самолеты другой страны прилетели и помогли Джохару лично осуществить налет на Москву, то, я думаю, и с точки зрения политической, и, прежде всего, с точки зрения военной, чтобы такую акцию осуществить, это невозможная вещь в нынешних условиях».

Чеченскую ситуацию обсуждал на Старой площади Экспертно-аналитический совет при Администрации Президента России.

День для Ельцина завершился чтением письма депутата Государственной Думы, члена фракции «Выбор России» Б.Золотухина:

«*Президенту РФ Борису Ельцину.*

В знак протеста против оскорбительной оценки Вами самоотверженной деятельности уполномоченного по правам человека РФ С.Ковалева в Чеченской республике слагаю с себя обязанности члена Комиссии по правам человека при Президенте РФ, члена Совета по судебной реформе при Президенте РФ и члена Комиссии по рассекречиванию документов, созданных ЦК КПСС, образованной Президентом РФ.

Борис Золотухин
27 декабря 1994 года».

28 декабря 1994 г.

Подразделения министерств обороны и внутренних дел России вплотную приблизились к Грозному с западного и восточного направлений, взяв под контроль населенный пункт Ханкала, расположенные вблизи него аэродром и село Октябрьское в пригороде чеченской столицы.

Сопредседатель партии «Демократическая Россия» Л.Пономарев заявил, что «у нас была надежда, что эта кровавая бойня будет Президентом прекращена». После выступления Ельцина он расценивает временное молчание Президента относительно событий в Чечне как «добровольный Форос» — добровольная изоляция от общественного мнения России и от мнения большинства россиян.

Помощник Президента Д.Рюриков, встретившийся с представителем Международного комитета Красного Креста (МККК) в Москве доложил Б.Ельцину:

«По внутренней оценке МККК, чеченский кризис с учетом его масштабов, интенсивности и длительности фактически приобрел правовой статус вооруженного конфликта немеждународного характера (международно-правовой термин для гражданской войны или крупного мятежа, бросающего вызов власти). Такой статус прежде всего означает, что власти государства, в котором происходит конфликт, должны придерживаться определенных гуманных обязательств».

Затем Президент прочитал письмо Е.Гайдара, написанное пятью днями ранее:

«Хотя сейчас, после всего, что сделано, найти достойный выход из сложившейся ситуации непросто, все же считаю действия в этом направлении значительно более разумными, чем продолжение попыток чисто силового давления. В этой связи представляю целесообразным:

— как можно быстрее договориться о прекращении огня и возобновлении переговоров без предварительных условий;

— дать принципиальное согласие на Вашу личную встречу с Дудаевым после достижения первичной стабилизации;

— в целях сохранения авторитета государственной власти России отстранить от занимаемых должностей тех, кто был главными инициаторами и организаторами провалившейся авантюры».

Ельцин, как обычно, поставил «галочку», что прочитал, и принялся изучать справку, доложенную Службой безопасности Президента.

Приведем ее, сохраняя стилистику и пунктуацию оригинала:

«*Справка*

Об итогах заседания Экспертно-аналитического совета при Президенте Российской Федерации по обсуждению политических последствий ввода российских войск в Чеченскую республику с целью разоружения незаконных вооруженных формирований 27.12.94 г.

В ходе заседания членов Экспертно-аналитического совета при Президенте Российской Федерации по обсуждению положения в Чеченской республике и политической обстановки, сложившейся в стране после ввода российских войск в Чечню, совершенно отчетливо проявилось следующее.

После объективного и во всех отношениях сбалансированного доклада секретаря Совета безопасности РФ О.И.Лобова о причинах, побудивших российское руководство ввести войска в Чечню, о современной ситуации в самой ЧР после окружения боевиков Дудаева, а также о последних действиях Правительства РФ по оказанию гуманитарной и финансово-экономической помощи этой республике, члены Экспертно-аналитического совета в своих последующих выступлениях практически единодушно заняли антипрезидентскую позицию.

Советник Президента РФ **Г.Сатаров** отмежевался от позиции Президента о необходимости введения войск в Чечню, о котором узнал только 10 декабря. Он отметил также, что, по его мнению, в проведении этой акции имелась большая несогласованность действий на всех уровнях госструктур. Сатаров отметил также, что если это обычная практика работы госорганов, то в дальнейшем это рано или поздно приведет к краху существующего в России режима.

Член Совета **Д.Волкогонов** отметил опасность распространения конфликта на другие регионы и говорил о необходимости переговоров непосредственно между Б.Ельциным и Д.Дудаевым.

Член Совета **М.Масарский**. Президент и Правительство РФ в свое время упустили политическую инициативу в решении конфликта в Чечне, и ее перехватил чеченский народ, «занявшийся самовооружением», — а это гражданская война.

Заместитель руководителя Аналитического центра при Президенте РФ, член Экспертно-аналитического совета **Э.Паин** подверг сомнению формы использования армии в Чечне, что, по его мнению, негативным образом отразится на итогах президентских выборов 1996 года. План урегулирования обстановки в Чечне, предложенный Советом безопасности (шахраевский вариант, как откомментировал Г.Сатаров), Э.Паин охарактеризовал как утопию. «Вторжение» российских войск, подчеркнул Паин, спасло Дудаева политически, власть которого в самой Чечне якобы находилась на волоске. По мнению этого политолога, только переговорный процесс может вывести Россию из чеченского кризиса, в противном случае нас ждут государственные перевороты, политические скандалы и пр. Без уступок Дудаеву, заключил он, любой план урегулирования в Чечне не будет успешным.

Член Совета **Л.Гозман**. В связи с событиями в Чечне шансы на переизбрание Б.Н.Ельцина на пост Президента РФ в 1996 году сведены к нулю. Он предложил также обратиться от имени совета к Б.Н.Ельцину с просьбой не выдвигать свою кандидатуру на пост Президента РФ на новый срок. Гозман предложил проработать «конституционный» вариант досрочного отстранения Б.Н.Ельцина от исполнения обязанностей главы государства.

Руководитель Аналитического центра, член Экспертно-аналитического совета **М.Урнов** отметил углубляющийся в стране политический кризис в связи с событиями в Чечне, который свел к нулю политические шансы Президента РФ.

Член Совета **Ю.Карякин**. Создается впечатление, что нас водят за нос, к Президенту от силовых структур идет явная дезинформация. Опять совершенно непонятно, кто виноват в этой ситуации?!

Член Совета О.Лацис. Необходимо отказаться от всех существующих планов урегулирования обстановки в Чечне и вести переговоры с Дудаевым. Президенту необходимо наказать всех виновных в чеченских событиях (видимо, МО и МВД), если этого не будет сделано, то вся ответственность за исход этих событий останется на самом Президенте. В Чечне с самого начала необходимо было использовать только демократические способы решения конфликта.

Руководитель направления Аналитического центра, член Экспертно-аналитического совета Л.Смирнягин. Введение войск было бы оправданно, если бы после этого последовал бы блицкриг. Необходимы новые формы переговоров с Чечней. Насильственное и, может быть, физическое отстранение от власти Дудаева было бы позором для России. В Чечне необходимо организовать референдум, который бы прояснил отношение жителей как к самому Дудаеву, так и к России. Необходимо также менять систему принятия важных государственных решений, т.е. систему принятия решений Президентом РФ. Смирнягин отметил также, что деятельность Совета безопасности РФ производит на демократическую общественность России самое мрачное впечатление.

Министр экономики, член Совета Е.Ясин. Цена конфликта в Чечне составит от 5 до 10 триллионов рублей в год, что равняется 1% ВВП. Для сравнения — кредиты МВФ для России составляют всего 0,7% ВВП. На восстановление железнодорожных путей в Чечне понадобится 200 миллиардов рублей, что составляет 1/3 бюджета МПС. Если помощь Чечне не будет приостановлена еще в течение двух-трех недель, план финансовой стабилизации в российской экономике будет сорван.

Е.Ясин отметил, что отсутствие политической подготовки, соответствующей политической кампании перед введением войск в Чечню, было потрясающей политической ошибкой.

Председательствующий на Совете С.Филатов проинформировал, что решение о введении войск в Чечню было принято Президентом и под воздействием руководителей республик Северного Кавказа.

Члены Совета А.Н.Яковлев, А.Лившиц и некоторые другие в ходе заседания не выступали и слова не просили.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что члены Экспертно-аналитического совета при Президенте РФ отнюдь не разделяют его политические взгляды в отношении чеченской проблемы и не склонны солидаризироваться с ним в решении этого вопроса теми методами, которые сейчас применяются. Напротив, их точка зрения во многом смыкается как с парламентской, так и непарламентской оппозицией.

Учитывая также, что членом Экспертно-аналитического совета является и С.Ковалев, уполномоченный по правам человека при Президенте РФ, то становится ясно, что члены указанного Совета подобраны таким образом, когда истина рождается не путем споров, а путем политического поддакивания и подпевания друг другу.

Небезынтересно также отметить, что, кроме О.Лобова и С.Филатова, все остальные выступавшие ничего практически не говорили о нарушении прав человека вооруженными отрядами Дудаева, о криминализации республики, торговле оружием, наркобизнесе, процветающих в Чечне, а также

о том, что Чечня — неотъемлемая часть территории РФ, на которую распространяются все законы РФ и указы Президента РФ.

Таким образом, становится совершенно очевидным следующее:

во-первых, необходима оперативная замена как отдельных членов Президентского совета, так и Экспертно-аналитического совета, скомпрометировавших себя легковесными политическими высказываниями в ходе чеченского кризиса;

во-вторых, учитывая позицию М.Урнова, являющегося руководителем Аналитического центра, и его заместителя Э.Паина, негативно прореагировавших на действия Президента РФ в отношении Чечни, а также то, что зав. секретариатом Экспертно-аналитического совета Смирнов подал в отставку в знак протеста против ввода российских войск в ЧР, в самое ближайшее время необходимо решить вопрос о кадровом укреплении руководства Аналитического центра при Президенте РФ и его реорганизации.

P.S. В ходе работы Совета Д.Волкогоновым была высказана идея о необходимости направления Президенту РФ стенограммы его заседания. По вполне понятным причинам, часть фактического материала, изложенного в этой справке, в тексте самой стенограммы может отсутствовать».

Служба безопасности внушала Президенту мысль о том, чтобы он не доверял официальной стенограмме Экспертно-аналитического совета.

Когда через неделю Г.Сатаров увидел эту записку, то заметил: «Хорошо, что хоть в такой форме мое мнение доходит до Президента».

29 декабря 1994 г.

«Грозный, 29.12.94, 18-20. Получено Москва, 29.12.94, 18-33.

Телеграмма

Правительственная Москва Кремль Президенту Российской Федерации Борису Ельцину =

Еще раз заявляю и подтверждаю готовность лично возглавить переговоры с российской стороной на уровне Черномырдина тчк для ведения переговоров на любом другом уровне подготовлены правительственные делегации тчк готовы приступить к переговорам тчк=

президент ЧРИ Дудаев».

У населенного пункта Ханкала незаконные вооруженные формирования впервые предприняли попытку танковой атаки. Нападению подверглись позиции 129-го мотострелкового полка. Умелыми действиями личного состава атака была отбита. Захвачено 6 танков, 6 орудий и один бронетранспортер. На танках и бронетранспортере написано: «На Москву». В нападении принимали участие до 200 боевиков из личного резерва Дудаева со снайперскими винтовками.

Приведем небольшой фрагмент материалов радиоперехвата разговора дудаевских боевиков этого дня (*слева указано время*):

«**13.04** — Передай ему, чтобы срочно поднимал людей. Колонна идет, она уже в Ищеры вошла. Срочно поднимай людей и выгоняй на дорогу.

— Здесь пока ничего не слышно.

— В Ищеры они хотят войти. Поднимай людей и выгоняй на дорогу.

13.35 — Давай из своего Калиновского выгоняй мирных жителей, без оружия, на дорогу. Русские уже в Ищеры вошли. Только пусть оружие не берут. Зелимхан так сказал.

13.36 — С оружием или без? Уточни у Зелимхана.

— Без оружия, я сказал.

13.37 — Давай стариков, женщин и детей выгоняй на дорогу.

13.38 — В Ищерах выгнали людей — женщин, стариков и детей на улицу. Даже милиция там была, они все равно прошли.

13.39 — Спросите у Джабраила: людей обратно заводить или нет?

— Нет. Во всех селах вывели уже.

13.40 — Сейчас со стороны Червленной, Комсомольской и Николаевской к вам подвезут людей».

Такие материалы тоже докладывались Ельцину, но фрагментарно, лишь в качестве характерных примеров.

Ельцин написал в этот день В.Черномырдину: «Поддерживаю стремление муфтията и Высшего совета старейшин Чеченской республики изыскать мирные пути разрешения сложившейся ситуации и приемлемые предложения по сохранению жизней как российских солдат, так и жителей Чечни. Прошу принять представителей муфтията и Высшего совета старейшин Чеченской республики для обсуждения конкретных мер».

Руководитель Федеральной миграционной службы Т.Регент сообщила, что 37 тысяч беженцев из Чечни, 4 тысячи из которых — русские, зарегистрировано в службах миграции с 11 декабря 1994 года. Всего же за последние две недели число беженцев оттуда, включая незарегистрированных, составляет около 105 тысяч человек. Многие беженцы, особенно чеченцы, не регистрируются из-за намерения вернуться в Чечню после окончания боевых действий.

30 декабря 1994 г.

Утром состоялась встреча президента Ингушетии Р.Аушева и вице-президента этой республики Б.Агапова с прибывшими 29 вечером в Назрань из Минеральных Вод депутатами Федерального Собрания А.Шабадом, В.Шейнисом, А.Осовцовым. Ю.Рыбаковым, Л.Пономаревым, Г.Якуниным, В.Курочкиным. Р.Аушев сказал, что ему не удалось 25 декабря собрать в Назрани лидеров Северо-Кавказского региона, так как «они все спрашивают разрешения у Егорова, а тот им, естественно, не советует».

Указом Президента РФ создана Временная наблюдательная комиссия по соблюдению конституционных прав и свобод граждан, которая должна контролировать эти вопросы в процессе восстановления законности в Чечне. В Комиссию вошли представители Администрации Президента и парламента, а руководителем назначен заместитель Председателя Госдумы В.Ковалев. В ее составе были также — С.Ковалев и Р.Абдулатипов. Комиссии дано право получать информацию от руководителей операций в Чечне, наблюдать за ее ходом и делать представления о выявленных нарушениях прав и свобод граждан Президенту России.

В Москву из Моздока вернулись П.Грачев и В.Ерин.

Д.Дудаев в 20 часов 30 минут из Грозного направил Б.Ельцину телеграмму:

«*Грозный, 30.12.94, 20-30.*

Уведомление телеграфом Москва Кремль Президенту Российской Федерации господину Ельцину Б.Н. =

Уважаемый Борис Николаевич тчк В связи с наступающим Новым годом и в целях недопущения с обеих сторон бессмысленного кровопролития зпт сохранения жизни мирных граждан предлагаю остановить с 20 часов 31 декабря 1994 года все виды боевых действий на территории Чеченской Республики Ичкерия и начать отвод войск тчк убежден зпт что принятие вами этого предложения откроет конструктивные возможности для урегулирования самых сложных вопросов во взаимоотношениях между Российской Федерацией и Чеченской республикой Ичкерия зпт основанных не на применении военной силы зпт и позволит нашим гражданам вступить в 1995 год с надеждой мира и безопасности=

президент Чеченской республики Ичкерия Джохар Дудаев».

Ответа на телеграмму не последовало.

31 декабря 1994 г.

Приведем официальную информацию, поступившую от военных в адрес Президента в этот день:

«31 декабря под личным контролем командующего операцией А.В.Квашнина (в 7.30 начались активные действия в пригороде Грозного) идет подготовка штурмовых групп для овладения (до 2 января) узловыми объектами города. Боевые действия велись по трем основным направлениям:

Моздокское (северное) направление:

— сводные отряды 131 мсбр, 81 мсп, 276 мсп к исходу дня одним штурмовым отрядом 81 окружили президентский дворец;

— два штурмовых отряда 81 мсп и 131 мсбр овладели железнодорожным вокзалом Грозный-Товарный;

— штурмовой отряд 276 мсп, попав на минное поле, вынужден был отойти на исходный рубеж, где восстанавливал боеспособность;

— штурмовой отряд 276 мсп вел охрану мостов в районе н.п. Родина.

Владикавказское (западное) направление:

— сводный отряд 19 мсд, 376 пдп 76 вдд, пдб 5 овдбр, пдп 106 вдд, пдб 56 овдбр в ходе выполнения задач встретили сопротивление вооруженных формирований Дудаева и нанесли им поражение.

Кизлярское (восточное) направление:

— мсп 20 мсд и 33 мсп с 8.30 31.12.94, преодолев сопротивление НВФ (НВФ — незаконных вооруженных формирований. — *Авт.)*, штурмовыми отрядами мсп 20 мсд вышли к центру Грозного и заняли оборону в сквере площади им. Орджоникидзе, а также у моста через р.Сунжа;

— одним штурмовым отрядом 33 мсп осуществлялась охрана командного пункта 20 мсд.

С наступлением темноты федеральные войска перешли к обороне на занятых рубежах.

В городе сосредоточено до 5000 боевиков и столько же ополченцев, а также около 400 наемников из «интернационального» батальона. В центре действует Бороевский полк, основной задачей которого является оборона с дагестанского направления. На вооружении полка имеется несколько десятков ракет типа «земля—воздух» с боеголовками теплового наведения. Из города выводятся группы по 10—12 человек для проведения диверсий в тылу российских войск.

Вице-президент Чечни Яндарбиев предпринял попытку покинуть Грозный вместе с группой турецких журналистов, обещая им за содействие 1,5 миллиона долларов. О намерениях Яндарбиева стало известно начальнику ДГБ Гелисханову, который не допустил выезда вице-президента».

А.Козырев прислал Президенту справку МИДа. В ней очень осторожно говорилось: «Нарастает негатив в связи с затяжным характером боевых действий, вновь поступающими от международных СМИ сообщениями о жертвах среди гражданского населения, в том числе в результате авиа- и артиллерийских ударов, которые на Западе воспринимаются как невысокоточные. Складывается впечатление, что если характер сообщений из Чечни о ходе операции в ближайшие несколько дней не изменится, то произойдет качественное изменение реакции на нее не только широких кругов общественности, но и правительств многих стран. Показателен в этом отношении эмоциональный звонок К.Кинкеля, говорившего как по поручению Г.Коля, так и от имени Европейского союза».

31 декабря из центральной тюрьмы Грозного были освобождены все уголовники, пожелавшие воевать против российских войск. Перед освобождением в беседах с заключенными грозненской тюрьмы в пример приводились уголовники, ранее выпущенные из Наурской тюрьмы: «Они отлично воюют с русскими, того же мы ждем и от вас», — напутствовали уголовников центральной тюрьмы люди Дудаева.

П.Грачев и В.Ерин отправились из Москвы в район конфликта. В Моздоке, где находится штаб операций российских войск в Чечне, уже находились Н.Егоров и С.Степашин. Ими было принято решение овладеть столицей Чечни и разоружить находящиеся там отряды боевиков.

Руководство штурмом осуществлялось оперативной группой во главе с Грачевым, расположившейся на железнодорожном пункте управления в Моздоке. Начинала штурм авиация, базировавшаяся на аэродромах Ейска, Крымска, Моздока и Буденновска.

А тем временем два батальона Псковской десантной дивизии были высажены в район железнодорожного вокзала, который они к началу нового, 1995 года и захватили. На соединение с десантниками пошли подразделения наземных войск, сосредоточенные в три группы: Восточную, Северную и Западную.

Быстрее и успешнее других поначалу шла Северная группа, «волгоградцы», которая продвигалась по центральной улице Грозного к площади перед президентским дворцом, беря намеченные рубежи в строго определенное время. Когда до дворца оставалось всего несколько кварталов, «волгоградцев» встретил огонь из стрелкового оружия и противотанковых

средств. Пехоту отсекли от танков и заставили отойти. За оставшуюся без прикрытия бронетехнику взялись отряды гранатометчиков. В итоге российские части, наступавшие на северном направлении, потеряли порядка 70 единиц бронетехники (танков, БМП и БТР) и вынуждены были отойти.

Те части, что шли с запада, были остановлены огнем еще в пригороде Грозного. Восточная группа сразу же увязла в бою в районе пригорода Ханкала.

А в это время десант, не получивший на земле никакой поддержки, вынужден был оставить занятые позиции, сбиться в кучу на северной стороне вокзала и вести бой в окружении. Авиация и артиллерия как могли старались помочь десантникам, но этого было явно недостаточно.

Такова была реальная картина. Она существенно отличалась от той, которую рисовала официальная информация.

1 января 1995 г.

Ельцин скромно встретил Новый год. С 1 по 3 января он предпочитал оставаться один, не допускал к себе даже Коржакова и Барсукова, переживал по поводу трагедии в Грозном. Президент распорядился, чтобы в эти дни к нему поступали только доклады Батурина, больше ничего велел ему не присылать.

В Грозном продолжались ожесточенные боевые столкновения. Группировки «Север», «Запад» с переменным успехом вели тяжелые бои с превосходящими силами в районе железнодорожного вокзала, президентского дворца. В Грозном было организовано свыше 50 опорных пунктов и узлов сопротивления. В нем сосредоточилось до 11 тысяч боевиков, на вооружении которых было до 35 танков, 40 бронемашин, 10 установок «Град».

В городе сосредоточено до четырех тысяч военнослужащих ВС РФ, подразделений внутренних войск нет, что затрудняет очистку города от боевиков, и федеральные силы несут большие потери, особенно ночью (за сутки: 48 убитых, 207 раненых).

Сводные отряды, блокировавшие накануне президентский дворец и железнодорожный вокзал, из-за отсутствия поддержки десантными подразделениями были вынуждены перейти к оборонительным боям. В результате потеряно более 20 танков и другой бронетехники, огромные потери среди личного состава.

2 января 1995 г.

Десантники деблокировали окруженные подразделения, и они вышли из боя в западном направлении.

В целях стабилизации положения в Грозном после его очистки от боевиков и наемников О.Лобов в своем докладе Б.Ельцину предложил организовать встречу Президента или премьер-министра со старейшинами и духовенством Чечни.

Г.Сатаров хотел послать письмо Президенту по поводу отзывов в московских политических кругах на события в Чечне. Однако руководитель канцелярии В.Семенченко, через которого шли все бумаги, письмо перехватил: достаточно вспомнить приведенную выше справку Службы безопасности Президента, чтобы понять, почему документы Сатарова в те дни

отфильтровывались. «Иди и докладывай лично», — было заявлено ему. Но попасть к Президенту он не мог: тщетно пытался дозвониться еще с конца минувшего года.

3 января 1995 г.

Депутаты Госдумы В.Шейнис, Л.Пономарев и Г.Якунин, вернувшиеся из Чечни, передали два обращения на имя Президента (правда, без подписей, поскольку были перепечатаны с написанного в бункере и весьма пострадавшего оригинала уже в Москве). Их мнение: Грозный взять нельзя, нужно сосредоточить усилия на поиске компромисса переговорным путем. Со слов С.Ковалева, он, по просьбе Козырева, договорился с Дудаевым о переговорах без всяких политических условий. Конструктивный переговорный процесс можно возобновить только после отзыва Н.Егорова и П.Грачева. Встречаться надо с Д.Дудаевым. Представителем Президента мог бы стать Е.Шапошников (но не С.Шахрай или С.Степашин).

4 января 1995 г.

В 13 часов Президент в Кремле начал совещание по Чечне. Были приглашены В.Черномырдин, О.Лобов, П.Грачев, В.Ерин, А.Николаев и... Ю.Батурин — видимо, «мораторий» для него заканчивался.

П.Грачев доложил о сложностях операции («трудно идут дела»).

В.Черномырдин изъявил готовность вести переговоры с Дудаевым.

Б.Ельцин за прошедшие дни собрался, сконцентрировался и провел совещание весьма жестко. Вот некоторые вопросы, которые он задавал:

Каковы были цель и замысел операции в Грозном? Вошли в город — что дальше? Задача армии? Задача внутренних войск?

Почему операции в городе проводились без поддержки внутренних войск? (81-й полк особого назначения вошел в город только вчера в 8 часов утра. Сейчас он патрулирует и защищает территорию весьма эффективно. Но это надо было сделать раньше. До этого времени 81-й полк держал перекресток в восьми километрах от места боев, и это был самый ближний к городу полк ВВ, остальные значительно дальше.)

Почему в городе ведут бои необстрелянные, молодые бойцы? Проводилась ли их подготовка для боя в городе? (Для боевого слаживания требуется минимум две недели.)

Что послужило основанием для использования в городе танков и бронетехники? (Грачев ранее в интервью по телевидению сказал, что танки в городе — неграмотное решение.)

Почему не перекрыт юг и другие пути подхода боевиков в Грозный?

Когда (по срокам) могут быть взяты ключевые объекты города? Возможно ли это вообще?

Какие реальные потери: наши, боевиков, гражданского населения? (Точные цифры назвать, конечно, было невозможно, но правила расчета оценочных данных при ведении боевых действий есть.)

Какие объекты (здания, производственные помещения) подвергались ракетно-бомбовому удару? Почему горят нефтепромыслы?

Где все же Дудаев — в бункере или ушел? Если ушел, почему не арестован?

Как планировалась операция в Грозном?

Имелись ли данные по опорным пунктам боевиков и как планировалась их нейтрализация? Какая тактика была применена? (Если напугать и отойти — это авантюра.)

Рассматривались ли варианты отхода?

Имелась ли устойчивая связь с танками? Какие команды им давались? (Где план закончился и началась анархия?)

Каковы результаты переговоров, которые С.Ковалев проводил с Дудаевым по конфиденциальной просьбе А.Козырева?

Внятных ответов на свои вопросы Президент не получил и, чтобы предотвратить увеличение жертв среди мирного населения, дал указание руководителям военных ведомств приостановить нанесение бомбовых и артиллерийских ударов по объектам Грозного с 00 часов 00 минут 5 января 1995 года.

Но война уже стала свершившимся фактом.

Попытка авторов хронологически восстановить череду событий начала военных действий в Чечне тем не менее не прояснила ряд вопросов, и среди них ключевые — когда, в какой момент Президент сделал выбор в пользу силового решения чеченской проблемы; кто оказал решающее воздействие на него в пользу такого выбора. Исчерпывающие ответы на эти вопросы вряд ли будут даны даже самим Б.Ельциным, хотя последнее слово, бесспорно, было за ним. Во-первых, это не было, по-видимому, одномоментным актом. К войне неумолимо вел весь ход разворачивавшихся событий. Во-вторых, Президент не мог быть посвящен во все хитросплетения борьбы за влияние на него, которая в такие критические моменты заметно активизировалась. Она шла за его спиной, и в ее орбиту были втянуты не только официальные, но и теневые влиятельные фигуры.

Планы мирного урегулирования

(ЯНВАРЬ 1995 — МАЙ 1996)

Непрочитанные письма

В конце декабря 1994 года Г.Сатаров подготовил письмо на имя Президента. Оно не было отправлено адресату, В.Илюшин и Л.Пихоя объяснили отправителю, что содержащиеся в нем идеи имеют больше шансов быть принятыми при менее эмоциональном их изложении.

К тому моменту стало ясно, что пробиться к Президенту невозможно. Личный доступ был закрыт, поскольку сам он сначала находился в ЦКБ, а потом в загородной резиденции. Да и письма Президенту по Чечне не всегда доходили. Тем не менее таких обращений было немало. В их написании, помимо помощников, участвовали Э.Паин, Л.Смирнягин, М.Урнов и другие. До Президента в основном доходили только те документы, которые он сам поручал подготовить: заявления, обращения и т.п. Какие-то идеи помощники пытались «протаскивать» через эти документы. Позднее, пока в феврале—марте 1995 года не возобновилось нормальное рабочее взаимодействие с Президентом, практиковали жанр примечаний к тем документам, которые он заказывал.

Некоторые оценки, приведенные в письме Г.Сатарова, были навеяны его личными наблюдениями: в декабре 1994 — январе 1995 года он вместе с В.Илюшиным постоянно присутствовал в качестве представителя Службы помощников на заседаниях Совета безопасности или заменявших его координационных совещаниях, проводимых то В.Черномырдиным, то О.Сосковцом.

Приведем это письмо (неприлично большое для писем Президенту) целиком, поскольку оно довольно точно отражает настроения многих людей в Кремле и на Старой площади в то время. Несколько провокационная форма письма была выбрана автором сознательно, с тем чтобы обязательно обратить на текст внимание Б.Ельцина.

«*Уважаемый Борис Николаевич*!

Последнее время у меня сложилось отчетливое впечатление, что я работаю не на Вас и не на те Ваши идеи и цели, которые я разделял.

Может быть, я работаю на г. Лобова, или г. Сосковца, или г. Грачева, или гг. Коржакова и Барсукова, или на господ, о существовании которых я не догадываюсь.

Сегодня меня (и многих моих единомышленников) удерживает от отставки только то, что этим я могу способствовать уже происходящему кризису власти и тяжким последствиям этого кризиса.

Еще 10 декабря, прочитав Ваш указ, в котором давалась директива Правительству использовать для решения чеченской проблемы все имеющиеся в его распоряжении средства, я, Э.Паин и М.Урнов попытались проанализировать возможные политические последствия этого решения.

Мы исходили из того, что будут использованы военные средства решения проблемы, учитывали общую политическую ситуацию, сложившуюся к этому моменту в стране, происходящие изменения в расстановке политических сил и в общественном мнении. Мы не могли игнорировать того, что центр подготовки и принятия решений начал смещаться в Ваши структуры безопасности (для меня это было не предположением, а точным фактом, сообщенным мне г. Коржаковым).

Мы пришли к заключению, что возможны следующие последствия:

1. Резкий откат от Президента демократических сил (и фракций), лояльной прессы и общественного мнения. (Это уже произошло. Только один пример: по данным отдела писем Администрации Президента, за последние пару дней поддержка действий в Чечне снизилась с 50% до 20%.)

2. Раскол в генералитете и резкое возрастание недовольства министром обороны и Главнокомандующим. Деморализация частей, находящихся в Чечне. (Это уже происходит и будет нарастать лавинообразно. Нужно считаться с возможностью консолидированных антиконституционных действий части генералитета и офицерства против режима.)

3. Обострение ситуации в Федеральном Собрании:

— возможно отстранение ныне действующих председателей;

— возможен запуск процедуры импичмента.

(По моим довольно надежным данным, это вполне реально. Коммунисты в обеих палатах ждут, когда количество крови и беспорядка перейдет в нужное им качество. Подготовка уже ведется.)

4. Раскол в исполнительной власти и в президентских структурах, череда отставок. *(На невысоком уровне это уже началось. О себе я писал выше. Сейчас я с трудом удерживаю от отставок некоторых коллег.)*

5. Раскол регионов, возрождение центробежных тенденций. (Сейчас это ощущается только на Северном Кавказе. Но не нужно обольщаться — неизбежное ослабление центральной власти тотчас же воскресит ситуацию середины прошлого года.)

6. Потеря каких-либо шансов на президентских выборах.

7. Резкая дестабилизация политической ситуации с тремя возможными сценариями:

а) легитимный перехват власти (вследствие импичмента) коммунистами и близкими им силами *(см. п. 3)*;

б) нелегитимный перехват власти в результате переворота с участием военных (косвенные данные в поведении высшего генералитета указывают на такую возможность);

в) попытка сохранения власти и в результате сползание к полицейскому государству, неконсолидированному, недееспособному и недолговечному; затем переход к одному из двух предыдущих вариантов, скорее — б) (я полагаю, что опорой такого режима стремятся стать Ваши силовые структуры во главе с Коржаковым и Барсуковым).

Обращаю Ваше внимание, что в приведенный выше перечень не вошли последствия международного характера.

Борис Николаевич! Сформулировав этот перечень, мы попытались составить некоторый план действий, который, с одной стороны, позволил бы воспрепятствовать реализации нашего прогноза, а с другой — опирался бы на Ваш указ, выруливая на другой вариант применения государствен-

ного насилия. Такой план был сделан, и вечером 10 декабря В.В.Илюшин рассказал о нем по телефону В.С.Черномырдину. Тот сказал: «Как замечательно, наш план почти такой же, не хватает того-то и того-то, но мы учтем».

Окрыленные, мы разъехались по домам, а утром узнали о вводе войск.

Начиная с 10 декабря я постоянно убеждаюсь в одном: ввод войск был неподготовленной и непродуманной импровизацией, без всякого нормального планирования и с абсолютно беспомощной реализацией любых разумных целей. Если кто-то ставил перед собой задачу достигнуть политического кризиса, то эта задача выполнена.

Приведу только один эпизод. Если правильно помню, 13 декабря, готовя для Вас очередные документы, я позвонил О.Н.Сосковцу и спросил: кто готовит рекомендации для переговорной группы во Владикавказе? Ответ: это там, у Егорова. Я звоню Егорову и задаю тот же вопрос. Ответ: это там, в Москве.

Борис Николаевич! Та же система во всем! Нет координации между Москвой и Кавказом, между военными и политиками (а в таких операциях 70% успеха — политическое обеспечение, которого не было совершенно), между Правительством и президентскими структурами и т.п.

Теперь о корнях чеченского кризиса.

Прежде всего — это пороки нашей системы. Их можно разделить на две части.

Первая — отсутствие нормальной технологии отправления власти. Недопустимо (извините за категоричность, но наболело), когда важнейшие государственные решения готовятся теми, кто за это не отвечает. Недопустимо, когда проекты нормативных актов подаются Вам без должной экспертной оценки. Недопустимо, когда политический анализ и прогноз существуют в качестве ширмы для принятия неподготовленных решений. Недопустимо... Я могу продолжать и дальше, но это отдельная и важная тема. Короче — нужна технология и разумные, человеческие и ясные людям традиции. Нужно ощущение монолитной, интересной, привлекательной команды Президента. Этого нет, к сожалению.

Вторая — незавершенная кадровая революция. Борис Николаевич! Серость под видом «верности» продолжает править бал. И это разрушительно, поскольку теперь серость безнаказанна в своей безнравственности. Мы обречены, если не будем это менять. Вам, человеку талантливому и не боящемуся талантливых людей (редкое качество у политиков), это должно быть ясно. Ваш курс на профессионализм, я бы добавил — на нравственный профессионализм, очень важно довести до конца.

Когда отсутствует эффективная технология власти, когда не работает надежная бюрократия, когда бездарность и безнравственность безнаказанны, появляется возможность для другого. На происходящие события начинают оказывать влияние различные корыстные центры интересов. Одних волнует нефть, другие хотят покрыть незаконную торговлю оружием, третьи проворачивают мелкие кадровые интрижки. Совокупность этих влияний при параличе или равнодушии власти рождают хаос, кровь и смуту.

Борис Николаевич! Я пишу только о самом главном, опускаю детали, пишу эмоционально. Но по каждой из поднятых проблем Вы можете получить исчерпывающий анализ.

Из существующей ситуации нет хорошего выхода, какой вариант Вы ни избрали бы — военный или политический. Но есть один, трагический, — ничего не менять. Чем бы ни завершился чеченский кризис, это только оттянет крах нынешней политической системы.

Надеюсь на Вас и на еще оставшуюся возможность предотвратить этот крах энергичными и осмысленными действиями.

Г.Сатаров
24 декабря 1994 г.».

Это письмо, несколько наивное, выражало опасения, очень распространенные в то время в обществе, особенно относительно возможности скатывания к диктатуре, отказу от выборов и т.п. Жизнь, как это бывает чаще всего, прокатилась по обычной, наезженной колее. С одной стороны, не реализовались наиболее трагичные сценарии, связанные с крахом режима, установлением диктатуры, распадом страны, с другой — Президентом, за редкими исключениями, не были сделаны выводы из кризиса власти, порожденного войной в Чечне.

Какое-то время ему направлялись инициативные аналитические записки по ситуации в Чечне, не находившие отклика. Ситуация начала меняться после февраля 1995 года, когда Президент пришел к выводу, что военный вариант решения проблемы не приносит ожидаемого результата. Было заметно, что в нем борются два противоречивых мотива. С одной стороны, невозможно просто взять и вывести войска из Чечни, с другой — общественное мнение, прежде всего через СМИ, крайне отрицательно относилось как к войсковым операциям федеральных войск, от которых страдало прежде всего гражданское население, так и к гибели наших солдат.

Добавим, что, как это обычно бывает, мотивировка многих предложений, исходивших позднее из Службы помощников, опиралась на проблему Чечни. Интересно, например, что уже тогда, в первой половине 1995 года, предлагались некоторые шаги, которые позднее вошли в Концепцию административной реформы, разработанную по поручению Президента. Подобным образом «продавливались» идеи по реформированию армии, кадровые вопросы и многие другие. Б.Ельцин, естественно, был постоянно озабочен Чечней, и его окружение разными способами эксплуатировало эту озабоченность.

Первые надежды

Кровопролитные и затяжные бои в Грозном, провал замыслов взять город с ходу начали развеивать «силовую эйфорию». Уже 11 января 1995 года Президент дал Правительству поручение подумать над политическим обеспечением урегулирования ситуации в Чеченской республике.

16 января представитель председателя ОБСЕ И.Дьярмати на встрече с помощником Президента по международным вопросам Д.Рюриковым высказал просьбу о содействии в организации поездки представителей ОБСЕ в район чеченского конфликта. И Ельцин 18 января дает соответствующее поручение Н.Егорову.

27 января Президент подписывает Указ № 79 «Об обеспечении условий для воссоздания конституционных органов власти в Чеченской республике», в котором поддерживает предложения представителей районов, городов, старейшин и духовенства Чеченской республики по поискам путей к общенациональному согласию и примирению.

Получив из Правительства ответ на свое поручение от 11 января, изучив предложения С.Филатова по проведению миротворческой конференции в Махачкале и доклад Ю.Батурина о контактах по линии межтаджикского урегулирования с принцем Ага Ханом IV, Ельцин дает поручение:

«О.Н.Сосковцу
А.В.Козыреву
Ю.М.Батурину

С представленным планом основных мероприятий политического обеспечения процесса урегулирования ситуации в Чеченской республике в принципе согласен.

Дополнительно прошу подготовить и провести в феврале — марте с.г. миротворческую конференцию в Махачкале с участием авторитетных мусульманских лидеров, имея в виду, что ее результатом будет обращение к мусульманам Чечни и России в целом с призывом к миру и отказу от кровной мести.

Прошу направить письмо принцу Ага Хану IV с предложением взять на себя координацию усилий зарубежных мусульманских лидеров по созыву конференции.

Б.Ельцин
6 февраля 1995 года».

В тот же день он прочитал письмо депутатов Л.Пономарева, А.Осовцова и В.Шейниса с просьбой принять группу депутатов палат, чтобы обсудить, как прекратить военный конфликт в Чеченской республике: «В нашу группу входят депутаты обеих палат Федерального Собрания, принадлежащие к различным фракциям и политическим организациям, нас объединяет одно — поиск мирного выхода из чеченской ситуации, озабоченность угрозой расползания вооруженного конфликта по территории России. Предполагаемый состав группы: К.Аракчаа, В.Борщев, В.Курочкин, А.Мананников, В.Мананников, М.Молоствов, А.Осовцов, Э.Памфилова, Л.Петровский, Л.Пономарев, Ю.Рыбаков, Н.Столяров, А.Шабад, В.Шейнис, П.Штейн. Каждый из перечисленных депутатов хорошо знает обстановку, сложившуюся в Чечне, бывал на месте событий, причем некоторые — неоднократно. У нас есть конкретные предложения по выходу из кризиса».

Резолюция:
«С.А.Филатову
Г.А.Сатарову

Прошу рассмотреть и срочно подготовить предложения, имея в виду эффективные совместные гуманитарные акции различных ветвей власти.

Б.Ельцин
6 февраля 1995 года».

Надо сказать, недостатка в предложениях не было. Каждое из них бралось в работу, внимательно изучалось. Наиболее перспективные докладывались Президенту. Вот еще пример:

«Ассамблея национально-демократических и патриотических сил Российской Федерации, Союз предпринимателей Северного Кавказа, Лига промышленников и товаропроизводителей России приняли решение о проведении 25 февраля 1995 г. в г. Пятигорске Конференции по достижению национального согласия и примирения в Чеченской республике и на Северном Кавказе в целом...

Основная цель конференции — обсуждение и подготовка предложений по достижению национального согласия и примирения, восстановлению и развитию экономики в Чеченской республике и на Северном Кавказе в целом...

К участию в конференции мы считаем необходимым привлечь:

1. Лидеров национальных общин Чеченской республики.
2. Представителей Временного совета, Временного правительства и национальной интеллигенции Чечни.
3. Представителей деловых кругов Чеченской республики и Северного Кавказа.
4. Представителей всех религиозных конфессий Северного Кавказа.
5. Руководителей республик, краев и областей Северного Кавказа».

Ельцин инициативу поддержал:

«О.Н.Сосковцу
С.А.Филатову
Н.Д.Егорову
*Н.И.Семенову**

Предложения по проведению Конференции по достижению национального согласия и примирения в Чеченской республике поддерживаю.

Прошу оказать содействие в ее организации и по возможности принять участие.

Б.Ельцин
20 февраля 1995 года».

Неплохой шанс появился в марте. Ельцин направил приветствие участникам мирной конференции по Чечне:

«Обращаюсь к вам, участникам конференции «Кавказская мирная инициатива», с надеждой, что ваши усилия по поиску выхода из затянувшегося чеченского кризиса принесут свои плоды, что ваша конференция даст толчок другим мирным инициативам, поможет народу Чечни возродить свою республику на путях законности и правопорядка, восстановить экономику, разрушенную режимом Дудаева, вывести Чечню из пропасти, в которую ее завел этот режим.

Ситуация остается сложной. Поэтому сегодня очень велико значение слова политиков, ученых, религиозных и общественных деятелей, деятелей

* Представитель Правительства РФ в Чеченской республике.

культуры — всех, кто может реально содействовать выходу из кризиса, ставшего тяжелым испытанием для нашей молодой демократической государственности.

Б.Ельцин
14 марта 1995 года».

Р.Абдулатипов проинформировал о результатах конференции Д.Дудаева и получил от него ответ:

«*Уважаемый Рамазан*!

Приветствуя инициативы, проявленные тобой на мирное разрешение военно-политического конфликта между Россией и ЧРИ, ответственно заявляю, что правительство Чеченской республики Ичкерия на протяжении четырех лет стояло и будет стоять на позициях и принципах исключительно мирного разрешения любых спорных вопросов.

Правительство ЧРИ подтверждает свою готовность к переговорам для перехода к мирному урегулированию конфликта, основываясь на принципах уважения прав и свобод человека, территориальной целостности, неприменения силы в соответствии с международными нормами и правом.

С глубоким уважением и искренними добрыми пожеланиями
Президент Чеченской республики Ичкерия
Джохар Дудаев».

Впервые после начала войны организовалась цепочка (и что очень важно — не тайная, открытая), на противоположных концах которой в течение недели оказались Б.Ельцин и Д.Дудаев.

Но раскрученную военную машину, особенно если ее питают политические импульсы — а они были, остановить очень нелегко. Ничего не получилось и в тот раз.

Так и шло: регулярные, но малорезультативные попытки мирного урегулирования на фоне постоянных боевых действий. Впрочем, был и перерыв. 26 апреля своим указом Ельцин объявил мораторий на применение вооруженной силы на территории Чеченской республики с 00 часов 12 мая 1995 года. Однако, поскольку следом устанавливалось, что «в случае вооруженных провокаций в Чеченской республике против подразделений и частей Временных объединенных сил, выполняющих задачи по разоружению всех незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики, их действия определяются в соответствии с обстановкой», — реального перемирия из этого не вышло.

Тем временем в Федеральном Собрании был принят Закон «О временных мерах по политическому урегулированию кризиса в Чеченской республике». Но 19 мая Президент отклонил его, объяснив в письме Председателю Государственной Думы И.Рыбкину свои мотивы:

«Федеральный закон вместо достижения политического урегулирования кризиса в Чеченской республике может привести к обратному результату и стать дополнительным дестабилизирующим фактором при разрешении этого вопроса. Квалифицируя руководителей незаконных

вооруженных формирований как «командование вооруженных формирований, противостоящих федеральным войскам» и возлагая на Правительство Российской Федерации ведение переговоров с этими руководителями, Федеральный закон, по сути, признает их на федеральном уровне легитимными участниками переговоров, что противоречит нормам международного права и федерального законодательства. Примененный в Федеральном законе термин «чеченская диаспора в России» ставит под сомнение статус Чеченской республики как субъекта Российской Федерации...

Мною отданы соответствующие поручения Правительству Российской Федерации по обеспечению политического урегулирования кризиса в Чеченской республике, в которых учтен ряд положений Федерального закона».

«Мы не утописты»

Потом случился Буденновск (о нем ниже), и переговоры вынужденно интенсифицировались. Была сформирована федеральная делегация.

Переговоры начались в конце июня 1995 года, но в полном составе федеральная делегация собралась в начале июля. Возглавил ее В.Михайлов, только что назначенный министром по делам национальностей и региональной политике. В нее также вошли новый министр внутренних дел РФ А.Куликов, занявший этот пост вместо В.Ерина, президент Союза предпринимателей и промышленников А.Вольский, представитель российского Правительства в Чеченской республике Н.Семенов, помощник Президента России М.Краснов.

Дудаевскую сторону представляли У.Имаев (глава делегации, «генеральный прокурор» самопровозглашенной Чеченской республики Ичкерия), А.Масхадов, И.Идигов (руководитель дудаевского «парламента»), А.Закаев (министр культуры и одновременно полевой командир). В последних числах июля к делегации присоединился Х.Яриханов, который к концу переговоров стал ее неформальным руководителем (к этому времени Дудаев перестал доверять Имаеву). С чеченской делегацией постоянно находился рядом, но не входил в ее официальный состав родной брат Шамиля Басаева — Ширвани.

Была на переговорах и «третья сторона» — делегация пророссийского Комитета национального согласия — Л.Магомадов, А.Бугаев и Ю.Усамов.

Переговоры велись при содействии группы ОБСЕ в доме, который арендовала эта организация в Грозном. Возглавлял ее венгр Ш.Месарош, а помогал ему француз О.Пелен.

По всему чувствовалось, что стороны испытывали друг к другу большое недоверие. К тому же дудаевцы считали, что после Буденновска вправе диктовать свои условия. Сложность для федеральной стороны состояла еще и в том, что как раз в это время шла подготовка к рассмотрению в Конституционном Суде РФ дела по обвинению Президента России в издании указов, юридически обосновавших начало военных действий на территории

Чеченской республики (процесс начался 10 июля 1995 года). Нервозной была и сама обстановка, то и дело происходили события, похожие на провокации.

Вот лишь один эпизод. Вскоре после начала переговоров произошла очередная трагедия — была вырезана чеченская семья, включая малолетних детей. Утром российской делегации сообщили, что с окраины Грозного к центру направляется многотысячная процессия возмущенных людей, путь которой преградила грозненская милиция, получившая приказ стрелять. Инициативу взял в свои руки А.Вольский. Он вместе с другими членами делегации пошел навстречу толпе, впереди которой медленно двигался грузовик с опущенными бортами. В его кузове лежали тела жертв. И все-таки Вольскому удалось несколько охладить страсти, он нашел нужные слова, и стихийный митинг вскоре рассеялся.

Делегация «федералов» располагалась в военной части, принадлежавшей Госкомитету РФ по чрезвычайным ситуациям, которая по ночам регулярно обстреливалась (правда, неизвестно кем). Оттуда переговорщики по утрам ехали сначала в Дом правительства, а после короткого совещания перемещались в особнячок, арендуемый ОБСЕ. Ежедневно, иногда по нескольку раз в день, на связь выходил В.Черномырдин. Нередко звонил С.Шахрай, отвечавший за подготовку процесса в Конституционном Суде. Как-то в разгар переговоров позвонил Борис Николаевич и потребовал к телефону М.Краснова. Разговаривать пришлось прямо в маленьком дворе дома, где шли переговоры. Была опасность, что участники и вспомогательный персонал могли слышать реплики. Поэтому на вопросы о ходе переговоров пришлось отвечать самыми общими словами.

Президента особенно беспокоило то, к каким формулировкам движется вопрос о будущем статусе Чечни. Эта же проблема постоянно звучала и в телефонных разговорах с С.Шахраем.

В ходе переговоров российская делегация испытывала растущее давление со стороны различных федеральных структур, представлявших дело так, будто в Грозном идут переговоры о капитуляции мятежников. Это настолько повысило степень нервозности, что федеральная делегация в разгар переговорного процесса письменно обратилась к Президенту с просьбой оградить ее от такого рода воздействия.

Основной вопрос, вокруг которого шла изнурительная борьба, — об особенностях правового статуса Чечни и переходных механизмах. Дудаевская сторона, естественно, выдвинула максимальный рубеж — признание независимости Чечни. Федеральная сторона настаивала на конституционной формуле — да, статус республики должен быть с особенностями (хотя, с какими именно, никто не конкретизировал), но в составе Российской Федерации.

Члены делегации понимали важность этого аспекта переговоров и не собирались сдавать конституционные позиции, сражаясь порой не только за каждое слово, но и за запятые.

Вот, например, какие варианты будущего статуса ЧР предлагались делегацией:

«1-й вариант. Исторические и национальные особенности (вариант: *своеобразие*) Чеченской республики требуют их отражения в государственно-правовом статусе республики.

Для определения этого статуса в полном объеме необходимы следующие условия:

1) проведение свободных демократических выборов в органы государственной власти республики;

2) участие населения республики в выборах и формировании органов государственной власти Российской Федерации;

3) принятие Конституции Чеченской республики на основе Конституции Российской Федерации.

2-й вариант. Особенности государственно-правового статуса Чеченской Республики будут определены на основе принципа территориальной целостности Российской Федерации и с учетом своеобразия Чеченской республики после проведения свободных демократических выборов в органы государственной власти и принятия Конституции Чеченской Республики.

3-й вариант. Особенности государственно-правового статуса Чеченской республики будут определены при уважении принципа территориальной целостности Российской Федерации после проведения свободных демократических выборов в органы государственной власти и принятия Конституции Чеченской республики».

В итоге в ночь с 29 на 30 июля 1995 года было подписано Соглашение по мирному урегулированию ситуации в Чеченской республике (по блоку военных вопросов), в соответствии с которым переговоры по политическому и экономическому блокам вопросов переносились на будущее.

Через день участники переговоров давали пресс-конференцию в Белом доме, их оценки были пронизаны излишним оптимизмом. Вот только некоторые примеры:

«В.Михайлов. Сделан крупный шаг по пути к миру. Впервые в истории подобного рода конфликтов в течение 30 дней удалось договориться и подписать документ, который может поставить точку военным действиям и открыть путь мирному урегулированию. Обе стороны... намерены следовать договоренностям о мирном пути. Этого мира ждут все. В этом первое значение подписанного документа. А второе — из него однозначно следует, что речь идет о сохранении целостности Российского государства.

А.Куликов. Все участники переговоров были единодушны: нужно найти разумный компромисс и поставить точку боевым действиям. И разум дудаевской делегации возобладал над личными амбициями Дудаева, который не признал подписанного Соглашения. ...Соглашением поставлена точка в процессе перевода разрешения конфликта с военно-технических на политические рельсы. Теперь все будет зависеть от политиков, для них уже есть ориентир — выборы в республике...

Мы не утописты, процесс урегулирования будет длительным. Но процесс разоружения может в результате соглашения пойти быстрее, и через два-три месяца дело может дойти до выборов».

«Это не мои деньги»

В российском обществе мало кто разделял оптимизм федеральных переговорщиков и, как показали последующие события, Соглашение не стало переломной точкой в войне, поскольку либо действительно в руководстве мятежников не было единства, либо, наоборот, все с самого начала было искусно срежиссировано, в том числе и «разногласия между дудаевцами». Как бы то ни было, Дудаев фактически перечеркивал достигнутое Соглашение — и не только своими высказываниями, но и действиями.

31 июля 1995 года за его подписью появилось решение «Государственного совета обороны Чеченской республики Ичкерия», которым односторонне вносились поправки в подписанное Соглашение. Заканчивалось решение словами: «Государственный совет обороны Чеченской республики Ичкерия заявляет, что Чеченская республика Ичкерия есть и остается суверенным и независимым государством, придерживается принципа: лучше оставаться непризнанной одной Россией, чем быть как Российская Федерация — Россия, отвергнутая всем миром».

2 августа Дудаев издал указ явно издевательского характера, который откровенно передразнивал указы Президента России (стиль и грамматика сохранены):

«В целях обеспечения законодательной основы по выполнению Соглашения, достигнутого между Российской Федерацией — Россией и Чеченской республикой Ичкерия по мирному урегулированию военного конфликта постановляю:

1. Признать и объявить незаконными, подлежащими безусловному разоружению, в первую очередь: вооруженные группировки, организации, действия и цели которых направлены на подрыв конституционного строя, против целостности государства Чеченской республики Ичкерия, насильственного свержения законной власти, утверждение произвола и насилия; группировки организованной преступности; лица, владеющие оружием для преступной деятельности, совершившие преступления с применением оружия; лица, не принимавшие участие в отражении военной агрессии Российской Федерации — России против Чеченской республики Ичкерия.

2. Изъятию подлежат: военная техника всех видов и наименований; вооружение всех видов и наименований; оружие и боеприпасы к ним всех видов и наименований; военное снаряжение и военное специальное имущество всех видов и наименований.

3. К категории и лиц (так в оригинале. — *Авт.*), определенных в п. 1 настоящего указа изъятию подлежат все средства, указанные в п. 2 настоящего указа без компенсации, а также имущество, добытое преступной деятельностью или преступными путями.

4. При добровольной сдаче средств, указанных в п. 2 категорий и лицами, указанными в п. 1 настоящего указа в срок до 15-го августа 1995 г. они освобождаются от преследования за приобретение и хранение, если с применением этих средств не совершено преступлений.

5. Воинскими формированиями народного ополчения на хранение сдаются все средства, указанные в п. 2 настоящего указа, в срок до 30 августа 1995 г.

6. Всем участникам вооруженного сопротивления по отражению военной агрессии за сданное ручное легкое стрелковое оружие и боеприпасы к ним выплачивается денежная компенсация в установленных правительством размерах.

По окончании срока сдачи, установленного настоящим указом, денежная компенсация не выплачивается, хранение и владение всеми средствами, изложенными в п. 2 настоящего указа, противоправно.

Настоящий указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Чеченской республики Ичкерия
Джохар Дудаев».

Эти документы вновь взбаламутили поверхность политического моря, которая, казалось, начала только-только успокаиваться после решения Конституционного Суда, признавшего законными «чеченские» указы Президента России, и удачно завершившихся переговоров в Грозном. Первым тревожным признаком стало постановление Госдумы от 12 августа, в котором говорилось, что «все договоренности о прекращении огня срываются, гибнут российские солдаты и мирные жители. Под прикрытием переговорного процесса криминальный режим формирует в населенных пунктах Чеченской республики свои органы управления, предпринимает попытки устранения оппозиции. Сегодняшняя ситуация в Чеченской республике характеризуется состоянием, имевшим место осенью 1991 года».

Все это подтолкнуло В.Михайлова, А.Куликова и Н.Семенова обратиться к Президенту. В трехстраничной записке они, в частности, писали:

«Факт принятия решения так называемого Государственного совета обороны Чеченской республики Ичкерия и указа Д.Дудаева по тексту подписанного Соглашения (от 31 июля и 2 августа 1995 г. соответственно) свидетельствует, что Д.Дудаев и его окружение полностью ревизуют это Соглашение и делают его выполнение невозможным.

В связи с этим нами 13 августа с.г. сделано заявление, что Д.Дудаев и его ближайшее окружение, понимая свою полную обреченность в случае выполнения Соглашения, в очередной раз стали на преступный путь вовлечения чеченского народа в кровавую бойню.

Объявленный мораторий на ведение боевых действий федеральными войсками был использован, как и ранее, Д.Дудаевым и его сторонниками для наращивания военного потенциала, особенно в западной, центральной (равнинной), в том числе в г. Грозный, и южной частях республики...

Вероятным характером действий режима Д.Дудаева будет:

1. Завершение создания группировки войск на равнинной местности. Замена в остальных районах республики администрации населенных пунктов, создание отрядов самообороны за счет верных ему сил. В последующем частью сил блокировать, а где невозможно — связать боем группировку федеральных войск, начать активные боевые действия в городах Грозный, Аргун и Гудермес с одновременным наращиванием усилий в направлениях Серноводск, Самашки, Грозный; Шатой, Старые Атаги, Грозный; Ведено, Автуры, Аргун, Грозный.

2. Возможным временем начала боевых действий по этому варианту будет 15—17 августа с.г.

Исходя из такой оценки ситуации, нами было заявлено, что либо чеченская делегация отмежевывается от Дудаева, и тогда мы готовы продолжить выполнение Соглашения, либо мы оставляем за собой право для принятия собственных решений, считая Соглашение недействующим...»

Одним из предложений в этой записке было «незамедлительно развернуть работу полномочного представителя Президента Российской Федерации и его служб с привлечением в Чеченскую республику ряда новых лидеров, пользующихся доверием и авторитетом».

Б.Ельцин поставил резолюцию «Согласен».

Однако назначение президентского полпреда в Чечне затягивалось. Уже было ясно, что им станет О.И.Лобов при сохранении должности Секретаря Совета безопасности РФ. Однако при подготовке проекта указа столкнулись интересы Лобова и министров-«силовиков». Первый хотел получить максимум полномочий, что было объяснимо: отвечать за все предстояло именно ему. В результате аппаратные «бодания» затянули назначение до 25 августа.

На летних переговорах одним из ключевых моментов разрешения чеченского конфликта федеральная сторона считала проведение свободных демократических выборов органов власти Чеченской республики.

Того же мнения придерживался и бывший Председатель Верховного Совета, давний антагонист Б.Ельцина Р.Хасбулатов, который 9 октября послал Президенту большую, на восьми страницах записку «О ситуации в Чеченской республике: некоторые предложения по мирному урегулированию». Естественно, содержание письма Хасбулатова было без промедления доложено Ельцину. В частности, бывший спикер писал:

«Переговоры были начаты правильно, с учетом перспектив отношений с этническими меньшинствами в федеральном государстве. "Окончательное" решение кризиса в Чечне военными методами было бы непростительной ошибкой, которую невозможно было бы исправить в обозримом будущем. Грубые ошибки допущены не в плане того, что была не использована возможность полностью разбить дудаевцев, а в характере переговоров, в упущении других важных задач, непосредственно не входящих в блок переговорного урегулирования, переоценке значения переговоров, когда множество других сопряженных задач можно было бы выполнить вне рамок переговоров, потере времени и темпов в переговорах по второстепенным вопросам...

Сама ситуация с переговорами сложилась совершенно нелепая, беспрецедентная в мировой практике: дудаевская сторона — официальный партнер по переговорам, по сути, имеет нелегальный статус на территории Чечни; временное правительство, признанное Россией, на деле незаконное, поскольку не принимает участия в переговорах. Участники переговоров от дудаевской стороны, выступающие от имени чеченского народа, не могут использовать официальное телевидение, радио, газеты. Соответственно, люди плохо информированы о переговорах. Они не знают о беспомощности и упрямстве чеченской стороны на переговорах, их нежелании решать вопросы, результатов которых ждут от них. А потому порою выглядят гораздо лучше, чем есть на самом деле...»

По поручению Президента эта записка была направлена О.И.Лобову. Приведем еще один характерный фрагмент из нее:

«Один небольшой пример, с которым я столкнулся в Грозном, раскрывает суть механизма, созданного ныне, крайне неэффективного. Ко мне пришел один старик и сказал дословно следующее: "Скажи спасибо российским властям. Я живу на окраине Грозного. Дом мой уцелел, слава Аллаху. Взрывной волной сорвало крышу времянки во дворе. Пришли русские начальники, привезли покрытие (20 единиц шифера), помогли".

Я спрашиваю: "Какова стоимость этих работ, вы знаете что-либо об этом?" Он: "Знаю. Я подписал ихние бумаги — на 80 миллионов рублей. Но ведь это *не мои деньги*, какая мне разница? Я бы подписал бумаги и на большую сумму, если бы мне дали такую бумагу..." Сосредоточение у одних и тех же строительных организаций функций и заказчика, и исполнителя, и контролера приведет к гигантскому расхищению средств в нелегких для страны условиях, без нужного результата. Этот механизм нужно срочно изменить».

Два плана и семь вариантов

Когда Борис Ельцин объявил в феврале 1996 года о своем решении баллотироваться на второй президентский срок, было ясно, что одна из гирь, которая помешает ему успешно пройти избирательный марафон, — это Чечня. Но дело было не только в предстоявших выборах. Президент давно уже осознал, хотя вслух и не признавал, что так и не смог до конца решить чеченскую проблему. В данном случае требовалось, чтобы общество, если и не одобрило, то хотя бы увидело какую-то логику во всей цепи его шагов, предпринятых с 1994 года.

Как бы то ни было, главное решение Б.Ельцин для себя принял: к лету военная кампания должна быть полностью завершена. Но он также прекрасно понимал, что просто объявить о мире — значило бы признать капитуляцию перед сепаратистами. Задача выглядела гораздо сложнее — следовало активизировать мирные усилия и при этом не только не потерять лица, но и дать толчок процессу более или менее правового возвращения Чечни в лоно Федерации.

О том, что в президентском окружении в то время бродили совершенно разные мысли на этот счет, свидетельствует то, что в одном из интервью Б.Ельцин упомянул о семи вариантах решения чеченской проблемы. Кто ему назвал это число и в чем заключались решения, остается неизвестным. Впрочем, автором одного из них, судя по всему, был Президент Татарстана М.Шаймиев. Приведем его записку на имя Президента:

«Чеченский кризис показал невозможность решения проблем взаимоотношений Центра и субъектов Российской Федерации силовыми методами. В итоге конфликта возникли узлы противоречий в виде длительного противостояния федеральных войск и боевиков, недовольства населения Чечни и большинства населения России военными операциями и финансовыми расходами на восстановление Чеченской республики.

Урегулирование чеченского конфликта, справедливо считают многие политики, возможно через одновременное начало переговоров и прекращение любых силовых акций как со стороны федеральных войск, так и со стороны боевиков.

Опираясь на опыт урегулирования конфликтных ситуаций, предлагаю вариант урегулирования чеченского кризиса:

1. Начать переговорный процесс с участием всех противоборствующих сторон: Д.Дудаева, Д.Завгаева, федерального правительства (в лице представителя рангом не ниже вице-премьера).

2. Официальные делегации сторон наделяются необходимыми полномочиями для обсуждения всего круга вопросов, включая особый политический статус Чечни.

3. В переговорном процессе участвуют посредники и гаранты в лице представителей субъектов РФ (от Совета глав республик и Совета губернаторов России), а также наблюдатели от ОБСЕ и Совета Европы.

В целях обеспечения гарантий урегулирования конфликта Президент РФ подписывает соглашение с представителями Совета глав республик и представителями Союза губернаторов России о взаимных обязательствах.

4. Условием достижения мира и согласия являются одновременный вывод федеральных войск и разоружение боевиков, объявление всеобщей амнистии, в том числе и Д.Дудаева.

Полевым командирам, отказавшимся разоружать свои отряды, предоставляется возможность участия в переговорном процессе. (Так в оригинале. — *Авт.*)

5. После демилитаризации всей территории Чеченской республики проводятся новые демократические выборы в органы государственной власти под наблюдением депутатов Государственной Думы РФ и международных организаций.

6. В целях контроля за расходованием средств на восстановление Чеченской республики создается двусторонняя Рабочая группа из представителей федеральных органов и правительства Чечни. Финансирование восстановительных работ должно вестись путем авансирования и окончательной оплаты работ после приемки выполненных объемов по факту.

В итоге процесса урегулирования чеченского конфликта должен появиться договор, выражающий добрую волю сторон, несущих взаимные обязательства перед друг другом, народами Чечни и России и международной общественностью. Демилитаризованная Чечня, независимо от того, кто придет к власти после демократических выборов, не будет представлять опасность для целостности Российской Федерации.

М.Шаймиев 14.02.96 г.».

Но к тому моменту некоторые из подобных идей уже были заложены в проект плана, который составлялся усилиями комиссии, созданной в феврале 1996 года при В.Черномырдине и Рабочей группы под руководством Э.Паина, бывшего в то время заместителем начальника Аналитического центра президентской Администрации.

Кстати, любопытно само появление этой группы. В начале 1996 года Б.Ельцин созвал Президентский совет, чтобы обсудить вопрос своего уча-

стия в предстоящих выборах. Большинство членов Совета высказались за выдвижение, но при условии достижения существенных результатов в решении чеченской проблемы. При этом многие отмечали келейный характер процесса принятия решений, связанных с Чечней. Так, член Совета известный литературовед и общественный деятель М.Чудакова говорила: «Даже ответственный сотрудник Администрации и авторитетный специалист в этнополитологии Паин и тот не имеет необходимой информации. Вы, Борис Николаевич, говорили о семи вариантах решения чеченской проблемы, а мы узнаем это только по телевидению».

Ельцин принял это замечание к сведению, и через короткое время было издано Распоряжение Президента (№ 106-рп от 5 марта 1996 года):

«1. Создать Рабочую группу при Президенте Российской Федерации по завершению боевых действий и урегулированию ситуации в Чеченской республике (далее именуется Рабочая группа).

2. Назначить Паина Эмиля Абрамовича руководителем Рабочей группы. Установить, что руководитель Рабочей группы приравнивается по статусу к председателю Комиссии при Президенте Российской Федерации».

Координировать усилия обеих групп — В.Черномырдина и Э.Паина — было поручено Ю.Батурину и М.Краснову. Приведем их записку, направленную Президенту в конце февраля:

«*Уважаемый Борис Николаевич*!

Представляем Вам краткое изложение докладов Комиссии В.С.Черномырдина и Группы Э.А.Паина по чеченской проблеме.

Комиссия В.С.Черномырдина

Общая оценка. Доклад слабо структурирован. Публичная сторона плана изложена довольно вязко. Основные шаги Президента по урегулированию проблемы следующие:

1) Инициирование принятия ряда законов (об использовании Вооруженных Сил внутри страны; о борьбе с терроризмом; о чрезвычайном положении; об изменении статуса субъекта РФ; об установлении порядка принятия в РФ нового субъекта и др.).

2) Поддержка легитимного руководства ЧР.

3) Развитие внутричеченского диалога. В результате — подписание Договора о национальном и гражданском согласии в ЧР; проведение выборов в парламент ЧР на основе вовлечения в избирательную кампанию, в том числе продудаевских слоев населения. Продолжение создания «зон мира».

4) Определение приоритетов в социально-экономической помощи Центра Чечне (восстановление рабочих мест; систем жизнеобеспечения; выплата социальных пособий). Средства выделять самому правительству ЧР. Шефство субъектов РФ над отдельными районами ЧР.

5) Силовые действия перевести на уничтожение «профессионального» ядра банд, устранение их военно-технических запасов.

Информационные и дипломатические предложения не являются публичными. Основная часть предложений носит не концептуальный, а *обеспечительный* характер.

Группа Э.А.Паина

Общая оценка. Концепция увязана с президентскими выборами (отдельно — краткосрочные цели). Суть (с учетом непосредственного общения с Паиным):

1) Недопущение любыми способами террористической активности дудаевцев. При любом исходе операций по подавлению тервылазок в общественном мнении будет звучать мотив «Власть нас не защищает». Для этого: переговоры «всех со всеми», т.е. переговоры «по всем азимутам».

2) Вовлечение в политический, переговорный процесс московской оппозиции. Возложение на нее части ответственности за ход урегулирования.

3) Организация Всечеченского круглого стола как основы для проведения действительно всеобщих выборов в парламент ЧР. Вопрос — когда проводить выборы?

Посредником в общечеченском диалоге предлагается Коков.

4) Перераспределение военных усилий. С федеральных сил на чеченские. Тем не менее не отрицаются точечные операции федеральных сил.

5) Свертывание расходов на восстановление ЧР (за исключением социальных выплат и систем жизнеобеспечения). Особенно эти выплаты осуществлять в «зонах мира».

Таким образом, концепции обеих групп не расходятся. Отличия в механизмах реализации. Нет принципиальных отличий и от выдвинутой Вами концепции. В связи с этим предлагаем:

1. Выступить с Обращением к гражданам России. В нем изложить основы плана по урегулированию ситуации в Чеченской республике — *первые числа марта.*

2. Одновременно издать Указ (вариант прилагается) с изложением основных шагов и с поручениями разным госорганам — *тот же срок.*

3. Назначить *сейчас* Э.А.Паина ответственным за координацию действий госорганов по урегулированию ситуации в ЧР в общеполитическом плане (в статусе референта).

Обоснования:

а) Паин известен в демократических кругах как сторонник мирного решения проблемы. Назначение его — знак мирных намерений Президента;

б) у него есть трезвое понимание ситуации и хорошие контакты со специалистами по Кавказу;

в) его основная задача — проработка технологии выполнения основных шагов и — при тесном взаимодействии с нами — предложения Президенту России.

Главная идея: Президент России заводит весь мирный процесс, вовлекая в него все основные политические силы как в России, так и в Чечне. Именно это позволит «связать» эти силы, резко сузить поле (или вообще ликвидировать его) для агрессивных выпадов против Президента.

Ю.Батурин, М.Краснов».

Президент 4 марта встретился и подробно переговорил с Э.Паиным, 5 марта — с В.Черномырдиным, 6 марта — с Д.Завгаевым, 7 марта — с Н.Егоровым.

Нападение боевиков на Грозный 6 — 11 марта 1996 года еще раз продемонстрировало недостаточную подготовленность федеральных сил к предупреждению и своевременному пресечению масштабных акций со стороны незаконных вооруженных формирований. Оно же подтолкнуло к скорейшему проведению намеченного заседания Совета безопасности по программе мирного политического урегулирования чеченской ситуации на основе предложений комиссии В.Черномырдина и группы Э.Паина.

Была выработана следующая схема. Президент России в начале второй декады марта выступит с заявлением о необходимости подписания политического договора об урегулировании чеченского кризиса и о концепции такого договора. В ней предусматривались: частичный отвод федеральных войск за пределы административной границы ЧР и возвращение остающихся частей в места постоянной дислокации на территории ЧР (гарнизоны) после формирования властных структур республики; проведение плебисцита (всенародного опроса) граждан ЧР в конце 1998 — начале 1999 годов; перенос центра тяжести с непосредственного федерального управления хозяйством Чечни на законные власти ЧР.

После заявления должен был последовать указ о создании Комиссии по подготовке проекта договора и выработке мер, связанных с его подписанием и контролем за выполнением. До 1 мая проект договора предполагалось направить Правительству ЧР и (или) Всечеченскому круглому столу для организации его широкого обсуждения населением Чечни и одновременно в других субъектах Федерации. В середине — конце апреля должны состояться выборы парламента ЧР (избирательная кампания совмещается с обсуждением текста договора). В начале мая чеченский парламент рассматривает итоги обсуждения проекта и принимает решение о подписании договора. В этих целях предполагался приезд Президента в Грозный. Если выборы по каким-то причинам не проходят, резервный вариант — апелляция к Всечеченскому круглому столу (или иной форме представительства, признанной Москвой). В первой декаде июня предполагалось подписание договора в Москве.

Позже был разработан и более детальный план, предусматривавший, в частности, образование при Президенте Рабочей группы по завершению боевых действий; проведение специального заседания Совета безопасности; издание Указа «О завершающих мерах по восстановлению конституционного порядка в Чеченской Республике»; разработку схемы передислокации группировки федеральных сил и укрепления правоохранительных органов Чеченской республики; образование Госкомиссии по урегулированию ситуации в ЧР, которая должна была вовлечь в процесс урегулирования думскую оппозицию, разработать проект договора (Декларации) о принципах взаимоотношений между федеральными органами власти и органами власти ЧР; издание указа о схеме финансирования восстановления Чечни, ориентирующегося прежде всего на социальные выплаты и финансирование в «зонах мира»; еженедельные доклады Президенту; стимулирование переговорного процесса; проведение встречи с делегацией Совета Европы, по-

скольку стало известно, что в апреле такая делегация отправится в Россию для сбора материалов по Чечне, а страны Балтии намерены воспользоваться этим и развернуть дискуссию о нарушениях прав чеченцев; наконец, образование оргкомитета по созыву Собрания представителей чеченского народа (вместо Всечеченского круглого стола).

«Программа принята. Президент ее расшифрует»

Из всего этого плана реализованным оказалось только проведение 7 марта заседания Совета безопасности России. Именно на нем предстояло окончательно согласовать и утвердить план мер по завершению боевых действий в Чечне. Однако О.Лобов, бывший в то время Секретарем Совбеза и одновременно полномочным представителем Президента в Чеченской республике, вместе с Д.Завгаевым, тогдашним руководителем пророссийского правительства Чечни, резко воспротивились плану чеченского урегулирования, составленному на основе предложений комиссии Черномырдина и группы Паина. И он был отвергнут.

Сработал известный стереотип: «те, кто непосредственно на месте выполняет задачу, более верно оценивают ситуацию». Возможно, на Президента подействовал и «мужественный поступок» Секретаря Совбеза. Дело в том, что незадолго перед этим ему была сделана операция на сердце, аналогичная той, которую предстояло потом перенести Борису Николаевичу. В день заседания Лобов находился в ЦКБ. Каково же было удивление всех, в том числе и Президента России, когда Лобов вошел в зал заседаний...

В ходе заседания чаша весов стала склоняться в пользу О.Лобова. Но и аргументация группы Э.Паина была достаточно весомой. К окончательному решению не пришли, продолжение заседания назначили на 15 марта, через неделю.

На втором заседании тенденции не изменились. Закрывая его, Ельцин заявил:

— 30 марта я выступаю по телевидению с Программой мирного урегулирования. 30 марта военные действия заканчиваются.

— Схему передислокации надо бы переделать на 5 апреля, к 30 марта не успеем, — заметил А.Куликов.

— Ничего, — перебил его Ельцин. — Вы получите указ Президента прекратить военные действия и с учетом порайонной обстановки начнете выводить войска на периметр Чеченской республики.

— Мы чего-то не договариваем здесь, — смело вступил в разговор В.Черномырдин. — Эти мероприятия исходят из того, что там будет решен главный вопрос — с вооруженными группировками и их руководителями...

— Разыскиваемые лица — Дудаев, Басаев, Масхадов, Гелаев, Закаев, Радуев, — перечислил А.Куликов.

— А почему не разыскиваете? — резко спросил Ельцин. — У нас военные на это не способны.

— Может быть, и способны, — бросил реплику кто-то из членов Совета.

— Я лучше знаю ситуацию, — отрезал Ельцин. — Не способны!

— Было 6—10 тысяч боевиков, — продолжал В.Черномырдин. — И сейчас 6—10 тысяч. Так с кем же мы воюем? Март надо обязательно дать на доведение военных задач. В принципе в программе все правильно. Принципиальный вопрос: кто должен вести всю эту работу? Правительство Чечни? Но я сегодня бы на это не решился.

— Заканчиваем, — стал подводить итог Ельцин. — Мои предложения. Навести марафет этому решению. В.С.Черномырдин контролирует все принятые сегодня решения. Военные должны выполнить свои задачи в марте. 30 марта я выступаю с Программой и провозглашаю, что военные действия с 30 марта прекращены. Остается антитеррористическая деятельность. В апреле я хочу поехать в Чечню, договор подписать. У вас (обращается к Д.Завгаеву. — *Авт.*) какой зал максимальной вместимости?

— Четыреста мест, — ответил Завгаев.

— Это мало. Нам надо пять тысяч. На стадионе проведем? Оформить все. Президиум. Четкий пропускной режим.

— Сумеем сделать, — успел вставить Завгаев.

— И президента не угробить... — добавил о себе в третьем лице Ельцин.

— На аэродроме, — дополнил картину возможного покушения Грачев.

— У нас есть вариант, — не совсем понятно сказал Завгаев.

— Соответственно готовить мне материал для выступления по телевидению. Доступно, четко, ясно. Вам ничего сейчас журналистам не говорить. Только: программа принята, а ее содержание расшифрует Президент в свое время.

Принятая программа имела очень мало общего с предложениями Э.Паина, и позже тот долго открещивался в средствах массовой информации от своего авторства. Одновременно, несмотря на массовые возражения со стороны «силовиков» на идею Ельцина съездить в зону конфликта, при соблюдении строгой секретности стал прорабатываться план визита Президента в Чечню.

Было ясно, что поездка возможна не раньше того времени, что потребуется МВД, ФСБ, Службе безопасности Президента на секретную подготовку визита плюс еще какое-то количество дней после определения конкретной даты.

Предлагались и использовались такие принципы планирования визита, как скрытность приготовления и «легендирование» поездки (прикрытие поездки каким-то другим мероприятием, внезапность поездки, многовариантность маршрута даже в секретных документах); кратко-срочность пребывания в одном месте (не более одного часа), быстрота передвижения, сопровождаемая легендой посещения объектов по маршруту, организация движения несколькими колоннами и видами транспорта, ложные объявления о возвращении в Москву после каждого мероприятия и т. д.

Были аргументы и «за» поездку, и «против».

«Против» поездки было четыре возражения.

Первое. Опасность. Тем более что разведка внутренних войск МВД располагала копией приказа А.Масхадова об активизации боевых действий против федеральных сил.

Второе. Спецоперации невозможно отменить сразу после визита. Такой «шлейф» от поездки не самый лучший в президентской избирательной кампании.

Третье. Поездка в ближайшее время, как объявил Президент на заседании Совета безопасности, непонятна, так как реализация предлагаемой Программы урегулирования еще не началась и до конкретных результатов далеко.

Наконец, четвертое. Некоторые эксперты полагали, что на Кавказе визит первого лица в такой ситуации будет воспринят как слабость (Александр II посетил Кавказ только после окончания Кавказской войны).

Но и аргументов «за» было немало:

— моральная поддержка властей в Грозном и военнослужащих;

— раннее проявление активности способствует перехвату инициативы и дезориентации оппонентов;

— внезапность — минимальная вероятность утечки;

— знакомство с реальной обстановкой перед принятием окончательного плана действий и др.

Прошел март, апрель, заканчивался май — Ельцин больше о поездке в Чечню не говорил. За это время он подписал Указы «О мерах по усилению борьбы с терроризмом» (10 марта), «О программе по урегулированию кризиса в Чеченской республике» (31 марта). На следующий день — Указ о прекращении боевых действий в Чечне, еще днем позже он выступил с заявлением «Мир, спокойствие и безопасность нужны чеченскому народу, всем народам России», 20 апреля Д.Завгаев провел в Чечне Общенациональный форум.

31 апреля погиб Д.Дудаев, и через несколько дней исполнение обязанностей президента Чеченской республики принял на себя Зелимхан Яндарбиев. Не прошло и недели, как на него было совершено покушение. Было ясно, что внутренние процессы в Чечне становятся все более неспокойными.

Ельцин дал поручение готовить его встречу с З.Яндарбиевым.

«Закрыть двери. Никого не выпускать!»

В предвыборном мае график у Президента был очень напряженный. 28-го он должен был улетать в Уфу и накануне приехал в Кремль в 7.00. В 7.30 Президент вызвал Ю.Батурина. Во время доклада было видно, что настроение у Президента неважное, он был очень напряжен, ворчал. Так, когда помощник докладывал по делам министра иностранных дел и сказал, что по такому-то вопросу министр просто может обидеться, Президент довольно резко ответил: «Это государственные интересы!»

Подошел вызванный Рюриков, вскоре подъехал Черномырдин. Вчетвером стали обсуждать схему встречи с Яндарбиевым.

Один из первых вопросов — где принимать. По схеме, разработанной в Администрации, встреча должна была проходить в Волынском. Но Лобов предложил Президенту встречу в Кремле. Ельцин и сам тоже не

очень хотел в Волынском, на дачах он принимал «особо дорогих гостей». От Белого дома, где обосновалась Комиссия по урегулированию конфликта, Президент тоже отказался. Предлагали Старую площадь (в здании Администрации Президента), но он окончательно решил принимать Яндарбиева в Кремле.

Но в каком помещении в Кремле? Президент был явно не в духе, сказал секретарю приемной: «Дай ключи от Зимнего сада!» — но имел в виду зал заседаний Совета безопасности, куда и направился. Когда ключи не подошли, Президент возмутился — секретарь виноват! Зал Совета забраковали — слишком большой. Другой зал не подошел, поскольку он полукруглый, имеет скорее «будуарный», чем официальный, вид.

Далее пошли в анфиладу за кабинетом Президента, остановились на одном из залов — прямоугольный с большим столом. Три входные двери: одна — из комнат Президента напротив торца стола, и две — в боковой стене вдоль стола. Президент распорядился одну из этих двух дверей закрыть, а у других поставить по вооруженному охраннику в форме.

Чеченская делегация должна была войти через боковую дверь и сесть вдоль стола слева от президентского кресла, затем появляются члены федеральной делегации — Черномырдин, Завгаев и Лобов — рассаживаются напротив. Далее через свою дверь входит Президент, произносит общее приветствие и предлагает всем сесть. Так и решили.

В 8.40 к Президенту пошел Завгаев. Вскоре помощников вызвали снова к Президенту. Во время встречи с Завгаевым (примерно в 8.50) Ельцин принял решение: «Завтра лечу в Чечню». Позвонил Грачеву и очень жестко (как потом говорил министр обороны, «поставил его по стойке смирно у телефона»), отверг всякие возражения. Накануне, по возвращении из Воркуты, вроде бы все убедили Президента, что в Чечню ехать нельзя. Затем по этому же вопросу он позвонил Барсукову и Куликову.

Дальше все завертелось колесом — необходимо было не только подготовиться к сегодняшней встрече в Кремле с Яндарбиевым, но и подготовить полет в Чечню. В общих чертах план такого визита был разработан, но назначение конкретной даты сразу высвечивает множество деталей, которые надо определить, а время поджимало. Кроме того, нельзя было привлекать много людей к подготовке, поскольку решение — сугубо конфиденциальное. К чести команды Президента никакой информации о предстоящей его поездке не просочилось: судя по дальнейшей реакции чеченской делегации, они были не в курсе.

Тем не менее работа кипела, нужно было сделать полный расклад поездки по времени, одновременно Завгаев и Шахрай дорабатывали договор о разграничении полномочий, который предполагалось подписать в Чечне.

Москва следила за информацией из Чечни о передвижении Яндарбиева. Уже к середине дня стало ясно, что к согласованному часу — 15.00 — он не приедет. Задержка произошла из-за неразберихи. Командующий объединенной группировкой генерал В.Тихомиров несколько раз менял маршрут следования колонны. Делегацию останавливали на блокпостах. Но все обошлось благополучно. Президент Республики Ингушетия Р.Аушев приехал

в Слепцовскую не столько чтобы проводить Яндарбиева, сколько чтобы стать живым гарантом безопасности чеченской делегации.

В Слепцовскую, откуда делегация собиралась лететь на личном самолете Аушева, Яндарбиев ехал на «ЗИЛе», доставшемся ему от Гамсахурдиа (по сведениям «Московского комсомольца» от 28.05.96 — «ЗИЛ-117» ранее принадлежал министру иностранных дел СССР А.Громыко), с флагом Чечни, останавливаясь в деревнях на митинги. С ним до аэропорта ехали 120 вооруженных охранников.

Около 50 боевиков, приехавших в аэропорт, взяли под охрану самолет, предоставленный президентом Ингушетии. Однако после недолгих переговоров они согласились лететь спецбортом, который прислал Президент России. Помимо Яндарбиева и членов делегации в самолет Ту-134 были допущены еще 17 человек вооруженной охраны. Эти люди должны были сдать оружие сразу по прибытии в аэропорт Внуково-2.

В 14.27 делегация вместе с 17 чеченскими телохранителями в сопровождении группы сотрудников Службы безопасности Президента вылетела в Москву.

После отлета чеченская сторона сообщила, что в делегации будет не три человека, как оговаривалось ранее, а пять. В Кремле решили, что в таком случае в состав российской делегации войдут еще В.Михайлов и А.Куликов.

На территории Внуково-2 появился ОМОН и сотрудники спецслужб в гражданском. Бойцов ОМОНа последовательно расставили у всех ворот, в которые можно въехать и выехать с территории аэропорта.

Чеченцев поехал встречать С.Степашин. Он вошел в самолет, где кроме чеченцев был и представитель ОБСЕ Т.Гульдиманн. Произошел короткий разговор о численности членов делегации, так как через Гульдиманна договаривались о троих, но в итоге сошлись (Гульдиманн лишь развел руками) на том, что взяли пятерых как членов делегации и Ширвани Басаева (брата Шамиля) как сопровождающего с условием, что он не появится за столом переговоров, а также двух прилетевших корреспондентов. Все остальные чеченцы сидели в самолете до тех пор, пока не было подписано Соглашение, только после этого их отвезли в резиденцию.

Кортеж из десяти машин — девяти легковых и одного микроавтобуса с зашторенными окнами — выехал с территории аэропорта в 16.35 по московскому времени из ворот, у которых его никто не ждал.

Машины домчались до Кремля за 15 минут (как правило, правительственный кортеж находится в пути 20 минут, а обычные автомобилисты — как минимум вдвое дольше). В 17.05 чеченская делегация прибыла в Кремль на Ивановскую площадь. Их очень тщательно проверили при входе, вплоть до выворачивания карманов.

Когда чеченцы вошли в пустой зал для переговоров и служба протокола стала их рассаживать, возник небольшой скандал. Чеченцы оказались недовольны намеченным планом рассадки: Яндарбиев хотел сидеть напротив Президента. Чеченцы довольно долго и громко спорили через стол с Д.Рюриковым, который настаивал на первоначальном плане.

Кремлевский сценарий несколько ломался: Президент и федеральная делегация вошли вместе, и Ельцин сразу предложил садиться. Чеченцы

заявили, что в таком варианте они отказываются садиться и покинут зал переговоров. Тут Президент резко скомандовал: «Закрыть двери, никого не выпускать». Охрана моментально выполнила приказание. Переговоры начались.

В составе делегации на переговоры прибыли полевой командир А.Закаев, политический советник Х.Яриханов и еще два помощника Яндарбиева.

С.Степашин присутствовал только на второй половине переговоров. Во время перерыва Президент приказал всей федеральной делегации выйти из зала заседаний, оставив там только чеченцев. Степашин задержался на несколько минут, так как чеченцы стали с ним советоваться, что им делать (Степашин: «Что делать? Подписывать!»). Президент, увидев, что Степашин задержался, сделал замечание. Потом он в шутку жаловался, мол, хотел как лучше, а получил нагоняй от Президента.

Чеченцы еще раз попросили 20-минутный перерыв — обсудить позицию. После этого был представлен итоговый документ, который включил все предложения Москвы. В ходе переговоров чеченская сторона попросила о встрече Б.Ельцина и З.Яндарбиева с глазу на глаз, но Президент вежливо отклонил эту просьбу, сказав: «Я думаю, нам нечего скрывать от всех, кто следит за переговорами и участвует в них, поэтому переговоры будут вестись в зале в присутствии членов делегаций».

Разговор глав делегаций был выдержан в корректном тоне. Борис Николаевич сказал: «Мне кажется, что достаточно нам проливать кровь в Чеченской Республике чеченцев, русских и других национальностей. Вы отвоевались тоже достаточно. Мы предлагаем вам подписать такую договоренность».

Вечером 27 мая после двухчасовых переговоров В.Черномырдин и З.Яндарбиев подписали Соглашение о полном прекращении боевых действий с 00 часов 1 июня. В течение двух недель должны быть освобождены все насильственно удерживаемые лица.

После подписания Соглашения Б.Ельцин обратился к главе чеченской делегации со словами: «Посмотрим теперь, как на самом деле все будет обстоять. В случае если будет нарушена эта договоренность, то мы сможем найти каждого, кто подписывал этот документ». В ответ Яндарбиев заявил, что гарантирует выполнение всеми полевыми командирами его команды.

Вот что рассказал А.Вольский: «Когда мы с Тимом Гульдиманном были у Виктора Черномырдина, первое, что он сказал: «Господин Гульдиманн, вы проезжаете сейчас по всем полевым командирам. Начните с Масхадова, дальше Шамиль Басаев и так далее. Все ли подчинятся тому приказу, который может отдать Яндарбиев в случае проведения переговоров с Президентом Ельциным?» И когда Гульдиманн на прошлой неделе вернулся, он объехал всех полевых командиров. Масхадов сказал, что он полностью подчинится. И только это позволило им прилететь сюда. Поэтому за сегодняшними переговорами стоит огромная работа всех людей, кто в этом был заинтересован»*.

---

* «Герой дня», НТВ, 27 мая 1996 г.

После подписания Соглашения Батурин, Степашин, Лобов и Завгаев вылетели в Чечню на подготовку поездки Ельцина: Лобов и Завгаев уже ждали в самолете. Стали решать — куда лететь: в Моздок или Грозный. Решили в Грозный — экономится по крайней мере час. Сильное впечатление произвело то, что при подлете к Грозному в салон вышел боец и плотно закрыл все иллюминаторы. Садились без огней, только по приборам. В Грозном кромешная тьма. Но летчик действительно знал свое дело, все прошло хорошо. Подготовка к приезду Президента началась ночью.

На следующий день, 28 мая, в 9.00 президентский лайнер Ил-62 вылетел из Внуково-2 и в 11 часов приземлился в Моздоке. На вертолетах Президент и сопровождавшие его люди вылетели в одно из чеченских сел. Встав в круг, «вертушки» заходили на посадку и, не коснувшись земли, снова взмывали. В этой мельнице нельзя было понять, в каком из вертолетов Б.Ельцин. Наконец, машины сели. Вопреки опасениям, состоялась довольно доброжелательная встреча с сельчанами.

Затем Президент перелетел на вертолете в Грозный в расположение 205-й мотострелковой бригады. Ельцин коротко выступил перед строем военнослужащих, последовало торжественное, с песней, прохождение батальона, и в огромной палатке началась его встреча с военнослужащими, руководством Чеченской Республики и отобранными, проверенными жителями Чечни. Там же Ельцин вручил Золотую Звезду Героя Российской Федерации ветеранам Великой Отечественной войны — К.Абдурахманову и братьям двух погибших фронтовиков — М.Узуева и М.Умарова.

Наряду с многочисленными встречами, выступлениями и беседами с командованием и рядовым составом федеральных сил, с руководством и простыми жителями республики во время блицпоездки Президент публично подписал два указа — один прямо «на броне» — и распоряжение.

Распоряжение касалось выделения средств для выплаты пенсий и пособий жителям Чечни. Один из указов предусматривал провести в период до 30 июня широкое обсуждение и подписание Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральной властью и руководством республики. В проекте договора Чечне предоставлялся особый статус в составе России.

Наибольший эффект произвел другой указ, на основании которого подлежали увольнению солдаты-«срочники», участвовавшие в боевых действиях в Чечне не менее шести месяцев, а также те, кто получил ранения.

После обеда — вертолетом в Моздок, пересадка на самолет. В 17.45 Президент вернулся в Москву.

В поездку с собой Ельцин брал и Э.Паина. По рассказам последнего, Президент заметил ему: «Мы все сделали, как Вы сказали», хотя от разработанного в феврале плана на самом деле мало что осталось.

Яндарбиев и члены его делегации узнали о поездке Ельцина из вечерних новостей по телевидению. По сути, весь этот день они провели на шикарной подмосковной даче в качестве заложников.

12 июня 1996 года Председатель Правительства В.Черномырдин докладывал Президенту:

«В соответствии с Вашим решением, в целях реализации Программы урегулирования кризиса в Чеченской республике Комиссия по перегово-

рам, образованная распоряжением Правительства Российской Федерации, провела 4—11 июня 1996 г. в г. Назрани переговоры с представителями вооруженной оппозиции в Чеченской республике.

Представляю подписанные в результате переговоров:

Протокол заседания Комиссий по переговорам о прекращении огня, боевых действий и мерах по урегулированию вооруженного конфликта на территории Чеченской республики;

Протокол заседания рабочих групп по розыску пропавших без вести и освобождению насильственно удерживаемых лиц, сформированных при Комиссиях по переговорам...

Продолжается работа совместных рабочих групп Комиссий по переговорам под руководством соответственно В.Тихомирова и А.Масхадова, Н.Безбородова и К.Махашева, которые должны разработать детальный механизм разоружения сепаратистов с последующим возможным выводом Временных объединенных сил и обеспечить освобождение незаконно удерживаемых лиц».

В письме В.Черномырдина Комиссии и группы упоминаются во множественном числе, поскольку у каждой стороны была своя комиссия и своя группа. Так и подписывали. Например, первый из упоминаемых протоколов подписали руководители комиссий В.Михайлов и А.Масхадов. Стояла там и подпись посредника, представителя ОБСЕ Т.Гульдиманна. А ниже двумя столбиками подписи девятнадцати членов комиссий.

Заканчивался протокол следующими словами: «Участники переговоров будут воздерживаться от любых действий или заявлений, препятствующих или могущих препятствовать выполнению договоренности от 27 мая 1996 г., Протокола от 28 мая 1996 г., настоящего Протокола и всех последующих совместных решений участников переговоров».

Путь Ельцина к президентским выборам, по крайней мере на чеченском направлении, был открыт.

Глава 4

Война на информационном поле

(НОЯБРЬ 1994 — ИЮЛЬ 1995)

Цель — политический капитал

Чеченская война не ограничивалась сражениями на равнине и в горах, в селах и городах. Она сопровождалась рядом общественно-политических скандалов. К их числу относятся утечки важной военно-политической информации из государственных органов и Министерства обороны в стан дудаевских боевиков. Так, уже 11 января 1995 года Президент Ельцин предписал О.Лобову: «Прошу исключить впредь утечку информации из аппарата Совета безопасности». Впрочем, это был чуть ли не единственный подтвержденный случай такого рода. По большей части деятели из околополитических кругов распускали слухи о тех, кого хотели бы устранить, что якобы такой-то «сдает» информацию чеченцам за большие деньги. То были первые слабые волны квазикомпромата.

Большой отзвук получили доходящие иногда до оскорблений «диалоги» между приверженцами силовой линии и сторонниками уполномоченного по правам человека Российской Федерации С.А.Ковалева, в частности группы депутатов Государственной Думы, совершавших челночные поездки в Чечню и обратно и резко выступавших против военных методов решения конфликта.

Еще 28 ноября 1994 года председатель Комитета Госдумы по обороне С.Юшенков направил председателю парламента Чечни И.Идигову телеграмму с просьбой сообщить фамилии и места содержания российских военнослужащих, захваченных в ходе боевых действий. В телеграмме выражался протест «против любых форм вооруженного насилия с любой стороны». На следующий день в телефонном разговоре Д.Дудаев сообщил С.Юшенкову о своем видении ситуации на Кавказе и пообещал представить список пленных.

29 ноября С.Ковалев заявил, что в нынешней ситуации в первую очередь нужно думать о спасении жизни граждан России, захваченных в плен в Чечне, и о правах мирного населения, а уж затем решать вопросы, связанные с суверенитетом Чеченской республики.

Переговоры о судьбе пленных продолжали представители президента Чечни М.Умалатов и М.Багилов, встретившиеся 30 ноября в Думе с С.Юшенковым, который в тот же день вновь переговорил по телефону с Д.Дудаевым.

1 декабря в Грозный вылетела делегация Госдумы во главе с С.Юшенковым. В делегацию вошли депутаты от фракции «Выбор России» Э.Памфилова и А.Шабад, председатель Комитета по федеративному устройству, лидер республиканской партии В.Лысенко. Депутат Госдумы от Дагестана М.Толбоев выехал в Чечню из Махачкалы. Делегация встретилась с «министром иностранных дел» Чечни Ш.Юсефом, вице-президентом З.Яндарбиевым и с самим Д.Дудаевым.

2 декабря делегация направила Президенту телеграмму, в которой содержалась просьба «приложить все усилия для прекращения бомбардировок Грозного и других районов Чечни». Члены делегации полагали, что глава государства не получает достоверной информации из Чечни, и просили Б.Ельцина незамедлительно принять их по возвращении в Москву.

Юшенков ошибался: информацию Ельцин получал. Получал он и списки тех, кто писал ему: длинный перечень фамилий тех, кто поддерживал жесткую линию, и тех, кто протестовал.

Возникли и скандалы.

Пресс-служба фракции ЛДПР в Государственной Думе сообщила, что председатель Комитета по обороне С.Юшенков намеренно не включил в состав делегации ни одного депутата от ЛДПР.

— Почему сегодня в Грозном Юшенков, а не вы? — спросили на пресс-конференции журналисты В.Жириновского.

— Юшенков в Грозном нужен как американский глаз в центре событий, — ответил лидер ЛДПР.

«Мининдел» Чечни Ш.Юсеф информировал журналистов, что В.Жириновский обращался с просьбой «не передавать российских военнопленных делегации С.Юшенкова, а передать их делегации ЛДПР». В связи с этим он высказал мнение, что «члены приезжающих в Грозный российских парламентских фракций или партийных делегаций преследуют одну цель — заработать политический капитал. Практически никого не интересуют судьбы российских военнопленных».

5 декабря фракция «Выбор России» потребовала от Президента решить вопрос о мере ответственности министра обороны П.Грачева, директора ФСК С.Степашина, Секретаря Совета безопасности О.Лобова, министра по делам национальностей Н.Егорова. Лидер фракции Е.Гайдар оценил как провокацию, направленную против Президента России, действия в Чечне российских силовых и властных структур.

В тот же день лидер Либерально-демократического союза «12 декабря» Б.Федоров заявил прямо противоположное: «Единственный шанс Президента РФ Б.Ельцина «продержаться» до следующих выборов, не говоря о победе на них, — немедленное наведение порядка в Чеченской республике. Президент должен предпринять самые решительные действия, соответствующие Конституции РФ, не оглядываясь на чьи бы то ни было оценки и интерпретации — вплоть до ввода военных сил на территорию Чечни. По сути, сегодня бандитские формирования контролируют часть территории России — где центральная власть и ее действия?»

Ночью 6 декабря группа из девяти депутатов Госдумы во главе с Г.Явлинским и С.Юшенковым вылетела в Грозный на самолете одной из частных компаний. Явлинский предложил руководству Чечни обменять 18 российских военнослужащих на депутатов. Дудаев отдал делегации семерых пленных и отказался от предложения думцев, пожелавших остаться в Грозном.

Так началась «параллельная политика», причем одна «параллель» называла другую «партией войны», та, в свою очередь, приклеивала противной стороне ярлык «предателя». Ельцин был полностью в курсе дела и принимал решения с учетом этих событий.

«Информационные баталии»

Война в Чечне послужила толчком для ожесточенной битвы на информационном поле — в теле- и радиоэфире, на страницах газет и журналов. К ней федеральная власть также оказалась неподготовленной. В отношениях с прессой скандалы следовали один за другим.

1 декабря В.Черномырдин подписал распоряжение о создании Временного информационного центра при Роскомпечати РФ, его руководителем был назначен председатель этого комитета С.Грызунов.

А уже через две недели, 14 декабря, последовало первое заявление Фонда защиты гласности:

«Не имея положения об аккредитации, Временный информационный центр тем не менее проводит аккредитацию журналистов, нуждающихся в получении информации о событиях. Сомнителен сам правовой статус этого органа, ибо на территории Чеченской республики не объявлено о режиме чрезвычайного положения, а потому журналисты имеют право на беспрепятственную работу»*.

Через два дня новое заявление. Любопытна его преамбула:

«Казавшиеся еще вчера несерьезными разговоры о "вероятности ограничения свободы печати в России" с началом военных действий в Чечне обретают, похоже, под ногами почву.

Сначала "Интерфакс" знакомит российское общество с мнением неких экспертов, оценивающих вероятность введения таких ограничений странным уровнем "86 процентов" и полагающих, что среди первых цензуре могут быть подвергнуты передачи государственного и отчасти негосударственного радио и телевидения. Затем в сообщениях РИА "Новости" о заседании оперативного штаба при российском правительстве (цитируемый источник — тот же) идет прямая ссылка на критику первым вице-премьером Олегом Сосковцом тех органов информации, которым "не хватает мозгов, чтобы показать законность действий Правительства России в Чечне", и сообщается об угрозе Сосковца "отобрать лицензию" у телекомпании НТВ, если та будет продолжать прежнюю линию в освещении чеченских событий. Наконец, РИА же сообщает, что, по его данным, финансируемые государством средства массовой информации вскоре будут обязаны передавать официальные сообщения о Чечне. В утренних радиосообщениях 16 декабря речь идет уже и вовсе о некоем решении, согласно которому обязанность публиковать официальные сообщения по Чечне должна распространиться на СМИ независимо от источника их финансирования»**.

26 декабря с заявлением «О защите свободы средств массовой информации в связи с событиями в Чечне» выступила Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации:

«Драматические события последних дней в Чечне сопровождаются фактами грубого нарушения прав журналистов на доступ к всесторонней

---

* См.: Журналисты на чеченской войне. Факты. Документы. Свидетельства. Ноябрь 1994 — декабрь 1995. М., 1995. С. 268.

** Там же. С. 269—270.

и достоверной информации, недопустимого давления на журналистов с указаниями, как и что им писать о чеченских событиях, другими отступлениями от положений Конституции РФ о свободе массовой информации, запрете цензуры.

Судебная палата заявляет, что никто и ничто не отменяет прямого действия Конституции Российской Федерации, в том числе и в отношении свободы слова, прав граждан на получение достоверной и объективной информации...

Судебная палата призывает гражданские и военные власти России в зоне конфликта неукоснительно соблюдать права и законные интересы журналистов, оказывать максимальное содействие в выполнении ими своего профессионального долга...

Председатель Судебной палаты
*А.Б.Венгеров»**

В одном из радиоперехватов разговоров дудаевцев, доложенных Президенту по линии спецслужб, содержалась просьба руководства чеченских боевиков переправить значительную сумму в долларах для работы со средствами массовой информации. Других доказательств такого рода деятельности не было. Президент неосторожно использовал эту оперативную информацию в публичном обращении и надолго испортил свои отношения с прессой.

Уже на следующий день он получил официальный запрос:

«Обращение к Президенту Российской Федерации Б.Н.Ельцину

Уважаемый Борис Николаевич!

27 декабря в Обращении к народу в связи с ситуацией в Чечне Вы заявили о том, что Вам известно, что "не без участия чеченских денег функционируют ряд средств массовой информации России", а это, по сути, воспринимается как обвинение в том, что российские журналисты за свою деятельность по освещению событий получают деньги от режима генерала Дудаева. Конкретных средств массовой информации названо не было, что, как нам кажется, может объективно бросить тень на российскую прессу в целом. В то же время мы считаем себя достаточно сильными, чтобы дать подобным случаям и свою, "цеховую", моральную, и профессиональную оценку.

Мы убедительно просим Вас, Борис Николаевич, дать указание соответствующим службам, предоставившим Вам сведения о продажных журналистах, сообщить их и нам, сделать их доступными общественному мнению. Мы не видим никаких оснований, для того чтобы кто-то скрывал эти имена. Более того, это необходимо срочно сделать не только во имя авторитета самой российской печати, не только во имя авторитета спецслужб, но и во имя авторитета Президента, "озвучившего" этот позорящий нас и наших коллег упрек.

С уважением
Всеволод Богданов (Союз журналистов России)

---

* См.: Журналисты на чеченской войне. Факты. Документы. Свидетельства. Ноябрь 1994 — декабрь 1995. М., 1995. С. 274.

Павел Гутионтов (Комитет по защите свободы слова и прав журналистов)
Алексей Симонов (Фонд защиты гласности)
Сергей Грызунов (Роскомпечать)
Игорь Голембиовский ("Известия")
Виктор Лошак ("Московские новости")
Виталий Третьяков ("Независимая газета")
Дмитрий Остальский ("Сегодня")
Аркадий Удальцов ("Литературная газета")
Валерий Симонов ("Комсомольская правда")
28 декабря 1994 г.»

Ответа, по существу, они не получили. События в Чечне вновь заставили задуматься о необходимости правового урегулирования деятельности журналистов в горячих точках, зонах вооруженного конфликта и связанных с такой деятельностью функциях и обязанностях государственных органов. Очевидным следствием этой неурегулированности стало опасное для демократии, гражданского мира в России противостояние власти и прессы, взаимное раздражение, принимавшее подчас достаточно резкие формы.

Замалчивание и отрицание представителями Правительства, Администрации Президента явных просчетов в организации работы журналист-ского корпуса в зоне конфликта, а также повисшие в воздухе обвинения в массовой коррумпированности российской прессы привели к разрастанию конфронтации. Лучшего подарка для Дудаева и тех, кто использовал чеченский конфликт в корыстных, узкополитических целях, трудно было придумать.

Центральная пресса по вопросу вооруженных действий в Чечне заняла противоположные позиции. Действия Президента и Правительства, Вооруженных Сил поддерживали лишь три газеты: «Российская газета», «Российские вести» и «Красная звезда». Остальные периодические издания осуждали действия властных структур в Чечне. Наиболее непримиримую позицию в этом плане заняли «Московский комсомолец», «Известия», «Комсомольская правда», «Труд», «Сегодня», «Правда», «Советская Россия».

Интересны данные Аналитического центра Администрации Президента. Тематика публикаций по чеченской проблеме в центральной периодической печати за период с 14 декабря 1994 года по 31 января 1995 года была такова. Первое место (по количеству публикаций) занимали внутриармейские проблемы и хроника военных действий. Далее — международная реакция, потери, политические последствия, прогнозы. Отдельно и довольно широко пресса обсуждала роль СМИ в освещении чеченского конфликта. Только после этого значилась ответственность федеральных властей, армейского руководства и лично Президента (именно в таком порядке). И лишь на 27-м месте шла конституционность действий в Чечне.

По двум ключевым темам — характеристика действий российского руководства и оценка личности Дудаева — обнаружилось совпадение

мнений и определений у всех четырех групп изданий — «государственных» («Российская газета», «Российские вести», «Красная звезда»), «либеральных» («Независимая газета», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Сегодня», «Новая ежедневная газета»), газет «коммунистической и патриотической ориентации» («Правда», «Советская Россия») и «нейтральных» («Труд», «Известия», «Коммерсантъ-daily»). Тональность публикаций была, безусловно, критическая.

То же наблюдалось и при оценке роли большинства российских политиков, включая Президента, и деятельности Государственной Думы в урегулировании чеченского конфликта. Исключение составила деятельность С.Ковалева, характеризуемая «либеральной» печатью как личное подвижничество и вызывавшая глухое раздражение у «коммунистической» и «государственной».

Единодушие, в основном негативное, было присуще публикациям о работе самих средств массовой информации и о качестве информации из зоны боевых действий. Практически все издания отмечали ее противоречивость. При этом издания «либеральной», «коммунистической», «нейтральной» направленности основной акцент делали на необъективности и недостоверности официальной информации, а «государственные» подчеркивали пораженческую, антиармейскую позицию многих СМИ. По этой же линии проходил водораздел в позициях газет по общей оценке операции в Чечне, действий федеральных войск и их боеготовности, природы самого чеченского конфликта.

Эти материалы докладывались Президенту помощниками, и, вопреки распространенному мнению, он имел возможность видеть объективную картину событий.

Как горная цепь родила мышь

Первый вывод, который следовал из контент-анализа прессы, был удручающим: пропагандистскую войну с Дудаевым российская власть проиграла, не начав. Большая часть информации, поступающей в российские СМИ, шла так или иначе с чеченской стороны. Не были предприняты самые необходимые действия по информационному обеспечению войсковой операции.

После принятия политического решения в течение двух-трех месяцев населению в целом и войскам в частности (через СМИ) следовало бы объяснить характер политического режима Дудаева, раскрыть его криминальную сущность, привести все факты нарушения прав человека в Чечне (массовые репрессии, экономические преступления и т.п.). Такими фактами в избытке располагали органы ФСК и МВД, но они почти не публиковались.

Не были обеспечены условия для профессиональной работы журналистов, как российских, так и зарубежных, в зоне конфликта. С первых дней фиксировались десятки случаев, когда журналистам препятствовали в сборе информации. В ряде случаев действия военных носили откровенно грубый, вызывающий характер: разбивали и изымали фотокамеры и дикто-

фоны. Нередко журналисты подвергались многочасовым допросам, несмотря на наличие соответствующих документов.

Полностью провалилась пресс-служба, которая отвечала за аккредитацию журналистов в зоне конфликта. Там царила путаница и создавались такие проволочки (часто намеренные), что толком разобраться, кто за что отвечает, было просто невозможно.

Встречались случаи сокрытия, искажения, фальсификации информации. Понятна причина таких действий: общество не было подготовлено, потому картины последствий военных действий с применением современного оружия способны потрясти психику людей. Но это в конечном счете обернулось неверием населения в объективность официальной прессы.

И наоборот, чеченские информационные службы продуманно, тщательно, с учетом многих обстоятельств (психологических в том числе) строили свою информационную политику. Они не препятствовали работе журналистов на своих позициях. Поэтому и газетные статьи, и особенно телематериалы давались как бы с одной стороны, с чеченской, что совершенно справедливо вызывало недоумение у многих людей. В чем же дело? Секрет прост: чеченская служба информации разработала целую систему маршрутов, которыми обычно «водили» российских журналистов, минуя, естественно, свои огневые точки. Журналистам показывали жуткую картину войны: трупы, разрушенные здания, беженцев...

Государственные же СМИ не смогли придать войсковым операциям соответствующей информационной поддержки. И во многих случаях встали на путь сокрытия или фальсификации очевидных фактов.

Необоснованные препятствия журналистам в сборе информации во многом оказались причиной искажения целей и задач Российской армии в материалах СМИ. Соответствующие государственные органы (например, Комитет по печати) не дали своевременную адекватную оценку таким действиям.

В январе 1995 года председатель Судебной палаты по информационным спорам А.Венгеров совершил инспекционную поездку в зону военного конфликта. Приведем выдержки из его отчета Президенту:

«Докладная записка

(По итогам поездки в Чеченскую республику председателя Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ Венгерова А.Б. и его заместителя Еремина И.Ю.)

С 1 по 4 февраля 1995 года мы находились в г. Грозном, г. Моздоке, беседовали с жителями, солдатами, офицерами, генералами, журналистами, сотрудниками территориального управления, прокурорскими работниками и другими лицами. Основная цель поездки — лично проверить критические замечания об условиях работы журналистов в Чеченской республике, рассмотреть причины недостоверного и необъективного освещения в средствах массовой информации чеченских событий.

Выводы и предложения, к которым мы пришли, следующие.

Информационное обеспечение принимаемых Президентом и Правительством России мер по восстановлению конституционного порядка на

территории Чечни ниже всякой критики. Налицо очевидный разрыв между реальным положением дел в зоне конфликта и информационным стереотипом, внедряемым в общественное сознание.

Информационно-пропагандистское обеспечение операции не состоялось как концептуально, так и организационно. Главная причина — полная раскоординированность усилий ответственных государственных органов и должностных лиц, одно перечисление которых должно, по идее, свидетельствовать о мощном информационном потенциале: пресс-служба Правительства, Управление информационного обеспечения Администрации Президента, информационно-аналитическая комиссия С.Шахрая, пресс-службы Миннаца, силовых министерств, МИДа и т.д. и т.п.

В итоге гора (в данном случае целая горная цепь) родила мышь. Так называемый пресс-центр Министерства обороны и ВДВ в Моздоке представляет себой комнату площадью 15 м^2, полностью лишенную не только современных средств связи и оргтехники, но даже элементарной пишущей машинки. В этот пресс-центр даже нельзя позвонить из Москвы, только со спецкоммутатора в Минобороны. Уже в Москве в беседе с руководителями информационных служб ТВ «Останкино», когда им были высказаны правомерные претензии об освещении чеченских событий, нам подтвердили отсутствие даже элементарной телефонной связи между телерадиокомпанией и каким-либо пресс-центром в г. Моздоке.

Весь личный состав пресс-центра Минобороны — два офицера, тянущих на себе явно непосильную ношу: тут и работа с прибывающими в зону конфликта журналистами, сопровождение их в Грозный и другие точки, и подготовка пресс-релизов, и необходимость отслеживать сообщения СМИ, готовить, по мере необходимости, опровержения (кстати, телевизора, радио и газет в пресс-центре тоже нет). И это — детище пресс-службы Правительства России в зоне, к которой приковано внимание всего мира! Такое не приснится в самом дурном сне. Ни пресс-служба Правительства, ни Роскомпечать, ни другие информационные структуры просто не справились с поставленной задачей.

Мнение, будто бы всю пропагандистскую кампанию можно сделать в Москве, — ошибка. В итоге пресс-конференции в московских кабинетах — с одной стороны, видеокадры с трупами, неизвестно куда летящими самолетами плюс неквалифицированный комментарий — с другой стороны. Две «правды» об одной войне. Главный же объект информации — воюющая армия — недоумевает и возмущается.

До сих пор не доведено до общественного сознания, что на протяжении трех лет, с момента прихода к власти, Дудаев готовил не только отторжение Чечни от России, но и отторжение всего Северного Кавказа в рамках образования так называемого общевайнахского государства.

В информационный оборот не включена даже книга «Тернистый путь к свободе», изданная в 1993 году в г. Вильнюсе и содержащая идеологическое, политическое, духовное обоснование фактического, агрессивного сепаратизма Дудаева.

Отсутствует продуманная информационная политика, которая учитывала бы, что идет настоящая информационная война и необходимо при-

нять меры по координации содержания информационных передач, а также ряд мер организационного характера.

Большой вред наносит отсутствие информационной работы с местным населением Чечни. Население, особенно в г. Грозном, не снабжается радиоприемниками, батарейками, которые в какой-то мере могли бы уменьшить информационный голод.

Освещение военных действий в ряде СМИ зачастую недостоверно и необоснованно, подчас оскорбительно для генералов, офицеров, солдат Вооруженных Сил. В частности, почти ничего не противопоставляется дезинформации, создающей мифы: о военных действиях федеральных войск против мирного населения; о мародерстве Вооруженных Сил; о ракетно-бомбовых ударах авиацией по населению; об ограничении допуска журналистов на театр военных действий; о некомпетентности генералов и т.п.

Отсутствует освещение событий непосредственными участниками — генералами, офицерами, сотрудниками территориального управления и другими лицами».

На этом докладе Президент пишет резолюцию:

«*С.М.Шахраю*
В.Ф.Ерину
П.С.Грачеву

Прошу рассмотреть и устранить недостатки в информационном обеспечении миссии федеральных органов власти на территории Чеченской республики. О результатах доложите.

Б.Ельцин
20 февраля 1995 года».

Неудачи в чеченском конфликте подталкивали силовые структуры к поиску «виновных». Найти их не составляло особого труда — это «предатели» и «продажные СМИ».

Такой избирательный подход проскальзывал и у самого Ельцина. Так, на встрече с журналистами в Кремле он заявил: «С ними (чеченскими боевиками. — *Авт.*) надо закончить. В том числе и журналисты виноваты, которые... подняли шум, что, видите ли, бандиты мучаются, когда его ранят, что бандитов жалко».

Ельцину предлагали ввести цензуру материалов СМИ из района чеченских событий, но он, хорошо понимая политическую роль прессы, на это не пошел.

Единственный документ, подписанный им на эту тему, — и по нему очень ясно видны пределы, до которых он мог позволить себе дойти, — это поручение Н.Д.Егорову, которое мы приведем здесь полностью:

«*Н.Д.Егорову*

Прошу связаться с А.Н.Яковлевым (Российская государственная телерадиокомпания "Останкино"), О.М.Попцовым (Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания) и *рекомендовать* им при освещении событий вокруг Чеченской республики строго ру-

ководствоваться Минимальным стандартом требований к телерадиовещанию (п. 4 и 5), утвержденным Указом Президента РФ от 20 марта 1993 года № 377 "О гарантиях информационной стабильности и требованиях к телерадиовещанию"*.

При этом иметь в виду, что тем же Указом Декларация о средствах массовой информации и правах человека, принятая Консультативной Ассамблеей Совета Европы (23 января 1970 года, резолюция 428), инкорпорирована в российское законодательство (Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 15. Ст. 1338).

Разъяснить, что Декларация подтверждает возможность ограничений на содержание теле- и радиопрограмм, "необходимых в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественной безопасности", как это установлено Европейской конвенцией о правах человека, и не связано с введением цензуры или иным ущемлением свободы массовой информации.

В этих условиях ориентироваться на информацию Временного информационного центра Правительства РФ (руководитель С.П.Грызунов).

Б.Ельцин

8 декабря 1994 года».

---

* Приводим п. 4 и 5 Минимального стандарта:

«4. Информационное равновесие

Избегать защиты интересов тех или иных политических групп и исключить политическое давление, лоббирование или контроль информационных программ и подразделений.

5. Профессиональная ответственность

Рассматривать самоконтроль журналиста, его ответственность за подготавливаемые и распространяемые сообщения и материалы как непременное профессиональное требование».

Террористы

(ИЮНЬ 1995 — ЯНВАРЬ 1996)

Галифакс или Форос?

В середине июня 1995 года Президент не планировал появляться в Кремле. 8 июня, рано утром, он вылетел в Сочи, там на следующий день встретился с Л.Д.Кучмой. Потом наступили выходные, 12 июня, понедельник, но праздник — тоже нерабочий день. Ельцин на подмосковной даче начал подготовку к поездке в Канаду, в Галифакс, на встречу «семерки». Вылет из Москвы был назначен на 11 часов 16 июня. Ельцин еще не знал, что меньше чем за двое суток до этого часа не только Россия, но и мир почувствуют начало новой эпохи политического терроризма — по масштабам, по методам, по тяжести последствий. И первый груз ответственности ляжет на российского Президента.

11 июня в одном из издающихся в Австрии журналов было опубликовано интервью Дудаева под заголовком: «Война нам нужна. Распространение войны на территории России является не только террором, но закономерностью, которая не зависит от меня».

Накануне, на совещании в Ведено полевых командиров во главе с Масхадовым, был принят план переноса боевых действий из Чечни на соседнюю территорию России.

14 июня в 11 часов 30 минут на КПП-1 ГАИ на 104-м километре дороги Георгиевск—Каспийск в направлении города Буденновска была обнаружена движущаяся со стороны села Левокумское автоколонна из трех «КамАЗов» и «Жигулей» с милицейскими опознавательными знаками — кустарно выполненной синей полосой и мигалкой. Но люди в «Жигулях» были одеты в милицейскую форму, выглядели как славяне и говорили без акцента. Все автомобили были без госномеров. На КПП-1 к этому времени находился наряд ГАИ: младший лейтенант Л. с автоматом, ст. сержант Б. и сержант Ф., вооруженные пистолетами. У них имелись радиостанция и три бронежилета. Милиционеры скомандовали колонне остановиться. Из «автомобиля сопровождения» высунулся человек в милицейской форме и резко бросил: «Колонна досмотру не подлежит и везет груз «200» (так назывались транспорты с погибшими военнослужащими. — *Авт.*) в Ростов из Чечни». Это не было чем-то необычным. Так поступали военные, сопровождавшие проходившие здесь ежедневно такие машины, показывая своего рода презрение к «тыловикам».

О подозрительной колонне и неподчинении требованиям остановиться работники ГАИ сообщили в дежурную часть ОВД. Оттуда поступила команда: принять меры к задержанию колонны и сопроводить ее в отдел внутренних дел Буденновска. Колонна к тому времени уже въехала в город и на улице Кочубея, на расстоянии трех километров от КПП-1,

ее заметил работник ГАИ Г., проезжавший там в служебном автомобиле со специальной раскраской. По сигналу из ОВД Г. догнал автоколонну, в которой осталось лишь два «КамАЗа» и «автомобиль сопровождения» (милиционеры не заметили, как последний грузовик свернул к больнице). Поравнявшись с ними, Г. потребовал остановиться. Ему опять ответили, что колонна остановке и досмотру не подлежит. Колонна продолжала двигаться по улице Кочубея. Г. передал дежурному по ОВД, что его требованию об остановке колонна не подчинилась. Дежурный по отделу милиции приказал Г. догнать автоколонну и постараться направить ее к зданию ОВД.

Вскоре от работников другого поста ГАИ, расположенного на 92-м километре автодороги Георгиевск—Каспийск, что в восьми километрах от центральной части города, поступило сообщение: колонна остановилась. На КПП-2 в тот момент находились сержант Г. и рядовой Ч. Автоколонна подчинилась сигналу остановиться, поданному жезлом милиционера, вышедшего на середину трассы. Из «автомобиля сопровождения» вышел человек с автоматом и сказал, что досмотр может быть разрешен только старшему офицеру. Этот разговор в эфире слышал ответственный дежурный по ГАИ — лейтенант милиции П., находившийся в дежурной части ГАИ. Он передал по рации, что выезжает на КПП-2. Прибыв на место на служебном автомобиле с милицейской символикой ГАИ, он потребовал от «руководителя» колонны проследовать к зданию ОВД Буденновска. Тот согласился.

Возглавив колонну, П. дал указание наряду ГАИ в составе Г. и Ч. быть замыкающими.

Колонна двинулась по улице Ставропольской к зданию Буденновского ОВД. Последней информацией, полученной от милиционеров по рации, стало сообщение о том, что задний «КамАЗ» тормозит. Он остановился на перекрестке улиц Ставропольская и Интернациональная, не доезжая четырех кварталов до здания милиции. Выскочившие из него вооруженные люди расстреляли находившихся в замыкающем автомобиле работников ГАИ и Ч. Затем, подъехав к ОВД на «КамАЗе» и «Жигулях», боевики открыли огонь из автоматов и гранатометов по зданию. Лейтенант П. тоже был убит недалеко от автомобиля.

В «автомобиле сопровождения» сидели четыре человека. Один из них, со знаками различия старшего лейтенанта милиции, вооруженный автоматом и пулеметом, открыл огонь по дежурной части ОВД и зданию. Следом из автомашины вышли еще три человека в милицейской форме, вооруженные автоматами с подствольными гранатометами, и стали стрелять по окнам здания. К ним присоединились вооруженные люди, выскочившие из «КамАЗа», ворвались в помещения райотдела и с криками «Аллах Акбар!» открыли огонь из автоматического оружия по дверям кабинетов сотрудников на всех пяти этажах здания. Бой в здании и прилегающих улицах продолжался в течение пятнадцати минут. Уходя из ОВД, боевики забрали в заложники работников паспортно-визовой службы и буфета.

Затем террористы сосредоточились на площади перед зданием городской администрации на улице Пушкина, заняв там круговую оборону. Часть из них ворвалась в здание городской администрации и захватила

в заложники работников мэрии. Нападению также подверглись Дом пионеров, пожарная часть, здания Сбербанка, Промстройбанка «Ставрополье» и другие, расположенные недалеко от мэрии. Из них и ближайших жилых домов боевики выгоняли на улицу людей и собирали на площади.

К 15 часам в заложниках уже находилось 400—500 человек. Затем колоннами по 150—200 человек бандиты повели людей в направлении городской больницы. Часть заложников была доставлена к больнице на захваченных легковых автомашинах и автобусе «Икарус». Боевики, продвигаясь к больнице по улице Пушкина и параллельным улицам, обстреливали по пути здания, автомашины и граждан. К 16 часам они вместе с заложниками подошли к больнице и сразу захватили центральный корпус, а затем взяли под контроль всю территорию больницы.

В больнице находилось 450 человек медицинского персонала и примерно столько же больных. И они оказались в заложниках. В результате в руках террористов оказалось около 1400 человек. Семерых военнослужащих боевики сразу расстреляли.

Перестрелки в городе продолжались до 18 часов. Работниками милиции на улицах города было убито шесть боевиков.

В ночь на 15 июня по телефону боевики высказали требования о прекращении боевых действий в Чечне. С этим заявлением выступил Ш.Басаев, представившись командиром диверсионного отряда. Начались переговоры террористов с представителями МВД и госорганов.

15 июня в 8 часов 20 минут, в связи с неявкой в договоренное время представителей прессы на территорию больницы, по приказу Басаева были расстреляны пять человек — в подтверждение серьезности его намерений.

Премьер-министр В.Черномырдин прервал свой отпуск и вернулся в Москву.

Террористы выставили свои требования: вывод российских войск из Чечни и переговоры между Ельциным и Дудаевым.

Утром 16 июня Ельцин вылетел в Галифакс на встречу «семерки». Перед отлетом Президент заявил: «Окончательные я выводы сейчас сказать не могу. Но у меня есть несколько докладов спецслужб, есть и обобщающее заключение, проект его, но надо дождаться окончания трагедии и потом, конечно, безусловно, сделать выводы и оргвыводы».

В 11 часов 00 минут президентский лайнер взял курс на Канаду, что вызвало протесты и осуждение ряда политиков. Так, Г.Явлинский потребовал, чтобы Президент вернулся из Галифакса прямо в Буденновск и провел все необходимые переговоры с целью освобождения заложников. Г.Зюганов был согласен с Явлинским: «Президенту надо не в Галифаксе сидеть в роли «шестерки» у «семерки», а надо здесь находиться, в стране, и разбираться в происходящих процессах». Государственная Дума также приняла постановление, рекомендовавшее Президенту прервать визит в Канаду и выехать на место трагедии.

А в Буденновске день прошел в безуспешных переговорах. Чтобы освободить заложников, большинство которых были мирные жители — женщины, дети и старики, силами спецподразделений 17 июня, в 4 часа

50 минут утра, была предпринята попытка взять штурмом здание городской больницы.

Первый штурм продолжался четыре часа. Был захвачен первый этаж больницы, на втором возник пожар. Террористы засели на третьем этаже.

Штурм не только не удался, но и повлек за собой огромные потери. 120 заложников погибли, 80 были ранены. Террористы расстреливали всех, кто сопротивлялся и отказывался становиться в живой щит. Погибли также трое военнослужащих «Альфы» и семеро бойцов МВД, 17 получили ранения. Сгорели один бронетранспортер и одна боевая машина пехоты.

Всех интересовал вопрос: кто отдал приказ о штурме? Из Управления правительственной информации сообщили, что такого приказа не поступало, а действия спецназа были эмоциональной реакцией на крики заложников. Ельцин из Галифакса несколько прояснил ситуацию с приказом о штурме: «Это решение мы приняли с Ериным до отъезда. Но решили, давайте сутки, полтора суток подготовимся как следует, чтобы что-то там не натворить во вред себе».

Лидеры стран «семерки» в Галифаксе осудили действия террористов.

В 14 часов 20 минут начался новый штурм, который закончился через 55 минут.

Вдруг Басаев попросил прекратить огонь, скорее всего из-за ограниченности боезапаса, которого при такой плотности огня надолго не хватило бы.

Террористы отпустили 120 женщин, и среди них были обнаружены два переодетых в женские платья боевика и две женщины-боевика (среди боевиков было несколько женщин и два подростка; многие террористы накачаны наркотиками).

Освобожденные заложники передали письмо террористов Президенту Ельцину — принять следующие требования:

Первое — приостановка боевых действий в Чечне.

Второе — переговоры с Дудаевым.

Третье — разведение федеральных войск и боевиков по линии автодороги Ростов — Баку.

В 15 часов 50 минут стрельба возобновилась, прерываясь минутами тревожного затишья.

К концу дня число освобожденных заложников достигло 227 человек.

В 2 часа ночи террористы отпустили еще 26 заложников.

Ждали, что Президент прервет свой визит в Канаду, но Ельцин решил иначе. Он лишь сказал, выступая перед журналистами в Галифаксе, что по трагедии в Буденновске будет проведено расследование, и повторил, что «будут обязательно сделаны большие выводы и оргвыводы».

В 2 часа 40 минут ночи 18 июня состоялся знаменитый телефонный разговор перед телекамерами премьера В.Черномырдина с Ш.Басаевым.

Телеоператорами этот разговор был зафиксирован, естественно, лишь с одного конца провода, в Белом доме:

«Черномырдин: Я разговариваю с Шамилем Басаевым?.. Плохо слышно?.. Стрелять никто не будет. Это исключено. Пока мы с вами говорим и будем принимать меры, никакой стрельбы не будет. Сейчас нужно глав-

ное разрешить то, что происходит в Буденновске... При нашем разговоре присутствует здесь группа представителей СМИ. Я готов сделать заявление... Я сейчас же даю команду, указание о прекращении боевых действий и всех бомбежек в Чечне. Алло?.. Сколько вам времени нужно, чтобы посоветоваться? Шамиль Басаев, я нахожусь на работе. Я отвечаю за все, что сегодня происходит в стране. Назовите, сколько вам времени нужно для того, чтобы посоветоваться. Раньше не сможете? Но давайте договоримся не на 10, а на 8 утра... Мне удобнее в 8 утра».

Не добившись освобождения всех заложников в результате штурма больницы, руководство МВД, а впоследствии и Правительство РФ вынуждено было пойти на переговоры с Басаевым, в результате которых была достигнута договоренность о предоставлении его отряду транспорта для переезда в Веденский район Чечни.

18 июня ровно в 9 часов 00 минут президентский самолет приземлился во Внуково-2. Встречавшие его премьер Черномырдин и «силовики» подробно докладывали Б.Ельцину ситуацию прямо в аэропорту. На следующий день Президент в Кремль не поехал. Отдыхал.

«Галифакс — это Форос Ельцина, — заявил публицист и депутат Госдумы от «Выбора России» Л.Радзиховский. — Президент оказался как бы вне игры. А Черномырдин взял на себя политическую инициативу, которая в данной ситуации была, по-видимому, единственным возможным выходом».

«Выводы и оргвыводы»

В 11 часов 10 минут 18 июня состоялся очередной сеанс связи между Белым домом и больницей в Буденновске, Басаев зачитал заявление с тремя условиями, в случае выполнения которых он был готов освободить сначала 100 женщин и 100 детей, а затем и остальных заложников:

1. Прекратить боевые действия в Чечне.

2. Начать официальные переговоры с чеченскими боевиками, которые от имени Грозного возглавит бывший «генпрокурор» Чечни Усман Имаев.

3. Оказать помощь с организацией транспорта для террористов.

В тексте, который зачитал Басаев, отсутствовал пункт о референдуме о статусе Чечни — условие, ставшее камнем преткновения в первых телефонных переговорах, состоявшихся в воскресенье ночью.

Черномырдин по телефону просил, чтобы Басаев «начал готовить заложников к освобождению», и настаивал на немедленном освобождении всех женщин, больных и детей, говоря, что приказ о полном прекращении огня в Чечне может быть отдан «в ближайшие часы» — сразу, как только начнется «процесс освобождения заложников».

После расшифровки текста заявления (слышимость была плохая) и внимательного его изучения Черномырдин высказал намерение вновь выйти на связь с террористом.

В 4 часа 30 минут утра 19 июня вновь состоялся еще один его телефонный разговор с Басаевым.

Драма в Буденновске застала премьера врасплох, поэтому первый его разговор с главарем бандитов и заявление для прессы были довольно сумбурными. Но через восемь с половиной часов граждане России с помощью телевидения увидели другого Черномырдина, готового решительно взять на себя тяжелую ответственность.

А в Буденновске продолжались переговоры по порядку перехода боевиков в автобусы и освобождения заложников. Переговоры вел начальник УВД Ставропольского края, участвовал и В.Ерин.

Автобусы были приготовлены к 13 часам 19 июня. В заложники предложили себя и добровольцы, среди которых были представители администрации Ставропольского края, депутаты Госдумы, журналисты.

В 16 часов 05 минут колонна вышла из Буденновска. Вот ее состав: 7 автобусов, рефрижератор-холодильник, машина «скорой помощи», 2 автомобиля ГАИ, 4 автомобиля с журналистами. В них: 114 заложников, 8 водителей, 9 депутатов, 16 журналистов, 73 террориста и 17 трупов боевиков.

Басаев потребовал письменных гарантий (вначале от командующего внутренними войсками МВД, потом от В.Ерина и В.Черномырдина) безопасности своих боевиков при движении по горным дорогам до селения Дарго, в 10 километрах от Ведено. Гарантии были даны О.Сосковцом.

В селе Новолакском автоколонна Басаева задержалась. По-видимому, он ожидал вооруженной поддержки со стороны большой группы боевиков, сосредоточившихся в Ножай-Юртовском районе. Затем колонна вновь тронулась и в 19 часов 20 минут 20 июня остановилась в селении Зандак, в четырех километрах от административной границы с Дагестаном. В 20 часов 40 минут заложники были отпущены.

Информация Президенту поступала сразу и по многим каналам. Но она не позволяла сделать исчерпывающие выводы по ключевым вопросам трагедии в Буденновске.

Полностью не был установлен маршрут движения банды Басаева. Начальной точкой его движения можно считать район Ведено (примерно в 30 километрах от границы с Дагестаном). На этот счет мнение спецслужб было единым.

Точно был известен только небольшой отрезок маршрута: колонна из трех «КамАЗов» и «Жигулей» впервые была обнаружена постом ГАИ в 20 километрах от центра г. Буденновска на участке Левокумское — Буденновск трассы Георгиевск — Каспийск (т.е. с восточного направления).

По остальной части маршрута спецслужбы докладывали противоречивую информацию. ФПС получала данные о том, что банда следовала по маршруту Беной (юг Чечни) — Ножай-Юрт — Гудермес — Степной и далее по дорогам северной части Дагестана с выходом на трассу у села Левокумское (около 20 километров от Буденновска). МВД делало выводы, что боевики двигались по территории Дагестана с выходом на трассу у пос. Кочубей (Дагестан). ФСБ считала вероятным маршрут движения вдоль границы Чечни с Дагестаном. Характерно, что каждая спецслужба показывала маршрут движения террористов Басаева вдали от своей зоны ответственности.

Точное количество бандитов, напавших на Буденновск, не было установлено (их насчитывалось не менее 100 человек). Не все они, вероятно, следовали на трех «КамАЗах». Предполагалось, что часть проникла в Буденновск другими маршрутами (на легковых машинах, автобусе).

Не был выяснен вопрос о боеприпасах: они были доставлены на «КамАЗах» или заранее? (На 6 часов боя носимого боекомплекта не хватило бы.)

Каковы были на самом деле планы Басаева? Куда он шел? Почему для акции избрал именно Буденновск? Ответить на эти вопросы спецслужбы не могли. Родилась версия, что подготовка к этой акции велась заблаговременно; как выяснилось, еще в 20-х числах мая была осуществлена видеосъемка территории и помещений городской больницы, райотдела милиции, банка, мэрии и подходов к ним.

Но поступали также данные, что Буденновск стал местом проведения акции в силу сложившихся обстоятельств (группа попала в поле зрения органов МВД).

По действиям в Буденновске Президенту предстояло досконально разобраться, почему руководители приняли решение об атаке (штурме) больницы? Ведь нетрудно было предвидеть высокую вероятность жертв из числа заложников (бандиты использовали их в качестве живого щита, выставляя в проемы окон). Почему вовремя не прекратили атаку (она продолжалась четыре с половиной часа) и повторили ее еще раз?

Все это предстояло подвергнуть серьезному анализу на заседании Совета безопасности. Прежде всего необходимо было рассмотреть, как выполнялось (если выполнялось) решение Совета безопасности от 6 января 1995 года по предотвращению переноса вооруженных действий — террористических и диверсионных акций за пределы Чечни.

А тем временем по поручению Президента в Буденновск вылетел Секретарь Совета безопасности О.Лобов. Поработав там день, он позвонил в Москву с предложением Президенту приехать и провести в Ставрополе крупное совещание, а затем съездить в Буденновск, посмотреть, поговорить с людьми: «Не все приятно будет слышать, но это лучше, чем пережидать», — заключил он.

Б.Ельцин ехать в Буденновск отказался, но объявил 22 июня днем траура в России по жертвам террористического акта.

Помимо неготовности спецслужб к борьбе с террором такого масштаба Буденновск приоткрыл для всех завесу над тем, что происходило во власти. Словам официальных лиц о том, что разногласий в высшем руководстве России нет, страна не поверила.

Как писала популярная московская газета, «...минувшее воскресенье показало, как глубоко разделены те, кого мы привыкли называть грубым, хлещущим словом “власть”. Шамиль Басаев, сам того не желая, вытащил нашу политику из-под ковра, из-за портьер, из записок и шепота — на свет. Мы увидели в одной стране два государства: Россия, где есть президент, и Россия, где есть премьер. Один махал руками и произносил проклятия, другой вел напряженные переговоры. Ситуация с заложника-

ми может, конечно, вызвать любую реакцию: и агрессивно-истерическую, и жестко-деловую, и суету, и паралич. Но дело в том, что двое суток президент и премьер вели себя так, будто другого вообще не существует. Ни разу не произнесли они привычных заклинаний: "Мы с президентом договорились..." или "Мы с премьер-министром решили". Двое суток первые лица России, грубо говоря, в упор не видели друг друга»*.

О том же говорил и лидер «Яблока» Григорий Явлинский: «Раньше правительство представляло собой группу хозяйственников и занималось хозяйственной работой в нашей стране, поэтому с политической точки зрения мы рассматривали их как хозяйственную часть Президента Ельцина. Сегодня они являются самостоятельной политической силой и вышли на политическую арену... Они несут ответственность за то, что происходит в стране».

Приведем и маленькую информацию «Интерфакса», проливающую свет на проблему взаимоотношений Ельцина и Черномырдина в те дни: «Активность В.Черномырдина, ведшего в воскресенье и понедельник переговоры с лидером террористов Ш.Басаевым, была истолкована частью наблюдателей как хорошо рассчитанный ход в политической игре, конечной целью которой якобы является обеспечение максимально большего числа голосов избирателей за кандидатуру нынешнего премьера на предстоящих президентских выборах»**.

Так причудливо переплетались в России террор и политика.

29 июня, в 11 часов утра, в Кремле началось заседание Совета безопасности с единственным вопросом — Буденновск.

Президент открыл заседание словами об ответственности. Не снимал он ее и с себя.

О ситуации в городе рассказал Е.Кузнецов, глава администрации Ставропольского края. По его данным, 126 человек убито, 200 — ранено, ущерб от разрушений — 171 миллиард рублей (в прежних масштабах цен). «236 сотрудников милиции на весь край — это очень мало, — сказал Кузнецов, — тем более что необходимо охранять поля, урожай — сотни тонн зерна, тысячи голов скота, а бандитские нападения регулярны».

Первым ему задал вопрос О.Лобов:

— Есть ходатайство о сохранении в должности начальника УВД Ставропольского края. Ваше мнение?

— У меня к нему претензий нет. Боевики прошли всего один пост. Не надо освобождать.

— Нет, с Вами нельзя согласиться. И речь идет о том, чтобы Вам покинуть свой пост. Вы считаете себя виновным в какой-то части? — спросил его Ельцин.

— Конечно. Я руководитель края.

— Правильно, — заключил Ельцин.

---

* Московский комсомолец, 1995. 20 июня.

** «Интерфакс», 1995, 20 июня.

Подробный доклад сделал министр внутренних дел В.Ерин.

— Какую меру наказания Вы считаете для себя объективной? — спросил его Ельцин.

— Любую меру, принятую Президентом, приму, — ответил Ерин.

Коротким, но предельно четким было выступление директора ФСБ С.Степашина. Он лаконично проанализировал ситуацию, внес несколько предложений на будущее и завершил:

— О себе. Понимаю долю своей вины. Несу личную ответственность. Мое решение — уйти в отставку.

— Готовы уйти в отставку? — переспросил Ельцин.

— Так точно.

Ельцин, как и Ерину, не сказал ни да ни нет.

Следующим выступал министр обороны П.Грачев. Он рассматривал обстановку шире, не сводя ее только к Буденновску:

— На первом этапе как руководитель операции не сумел скоординировать силовые структуры, за исключением МВД. Другие ведомства мной были забыты. А они не проявляли инициативы. О Буденновске. Впервые за полгода я отсиделся за спинами коллег, не полетел туда, чтобы оказать им помощь. Хочу официально извиниться перед Ериным и Степашиным за резкие слова в их адрес, высказанные через прессу. Готов уйти в отставку. Прошу считать это заявление официальной просьбой.

Вице-премьер Н.Егоров:

— Моя вина заключается в том, что Миннац оказался не готовым к работе в кризисных ситуациях. Готов подать заявление об отставке.

К нему присоединился Секретарь Совета безопасности О.Лобов:

— Я также готов нести свою долю вины, вплоть до отставки.

Итог подвел Президент:

— Все обрисовали реальную картину. Буденновск явился следствием Чечни. Благодарен выступавшим, что они были искренни, признали ошибки, просчеты, вину и готовы уйти в отставку.

В тот день Президент отправил в отставку четверых: Егорова, Ерина, Степашина и Кузнецова.

«38 СНАЙПЕРОВ»

В январе 1996 года Россию потрясла новая волна терроризма.

Еще 25 декабря поступила оперативная информация, что бандформирование «Одинокий волк» под командованием С.Радуева готовится к нападению на Кизляр. Сообщение отправили «наверх», но ему не придали значения. К тому времени, перестраховываясь, с мест посылали любую непроверенную информацию, большинство этих данных не подтверждалось, но каждый руководитель мог найти за соответствующее число подходящее донесение и прикрыть себя: «Мол, мы предупреждали».

6 января в Махачкалу поступили разведданные о том, что боевики Радуева намерены выехать в Дагестан.

9 января в 5 часов 54 минуты отряд боевиков под командованием Радуева атаковал аэродром около города Кизляра — вертолетную площадку и военный городок. В ходе завязавшегося боя террористам удалось уничтожить два вертолета. Потеряв убитыми до 20 человек, бандиты к 10 часам 35 минутам отступили к больнице, куда вскоре согнали около трех тысяч местных жителей, которых объявили заложниками. Боевики потребовали вывода российских войск из Чечни.

В 11 часов они вышли на связь с УВД Кизляра и предупредили, что, если через два часа не начнется вывод войск из Чечни, заложники будут расстреляны.

Президент Ельцин собрал совещание руководителей силовых ведомств и выразил недовольство их деятельностью.

В середине дня начались переговоры между правительством Дагестана и террористами.

Чеченские боевики тем временем убили двух заложников и заявили, что за каждого убитого боевика будут расстреливать по десять человек.

В Кизляре был создан оперативный штаб по освобождению заложников, который возглавил прилетевший из Москвы директор ФСБ М.Барсуков.

Первой реакцией прессы на события в Кизляре стало сравнение их с акцией в Буденновске. Лейтмотив большинства сообщений сводился к следующему: «Боевики действовали по буденновскому сценарию. Повторяется июньская трагедия. Неужели все мы в заложниках дудаевых и басаевых? Ответьте, господин Президент!»*

Все российские и западные телекомпании показали репортажи с экстренного совещания в Кремле у Президента Ельцина, на котором он подверг резкой критике руководителей силовых ведомств («отчитал их как мальчишек»), в значительной степени возложив ответственность за происшедшее на Федеральную пограничную службу и ее директора А.Николаева, и потребовал от них самых решительных действий по ограждению мирных жителей от боевиков. «Независимая газета» писала 10 января: «Пограничники, как могут, оправдываются, заявляя, что в классическом понимании системы охраны границ между Чечней и Дагестаном не существует и что участок границы на кизлярском направлении прикрывают внутренние войска».

Действительно, в соответствии с документами по взаимодействию между внутренними войсками МВД и пограничниками подразделения погранвойск обеспечивали контроль границы с Чечней лишь в секторах, примыкающих к государственной границе (с Азербайджаном и Грузией). Маршрут, по которому шли в Кизляр террористы, полностью находился в сфере ответственности внутренних войск. Пограничная комендатура в Кизляре (50 человек) охраняла участок государственной границы по побережью Каспия.

---

* См.: Комсомольская правда. 1996. 10 янв.

Конечно, Президент не может и не должен знать такие детали. Но министр внутренних дел или Секретарь Совета безопасности могли бы на совещании доложить об этом Ельцину. Но они промолчали. Обиженный А.Николаев в тот же день, 9 января, направляет Президенту рапорт об отставке:

«С болью в сердце воспринял, прозвучавшие на всю страну, Вашу критику в мой адрес и оценку службы пограничников на совещании в Кремле 9 января 1996 года. Считаю, что Ваши слова как Президента Российской Федерации и Верховного Главнокомандующего равносильны объявлению Вашего недоверия мне как руководителю Федеральной пограничной службы Российской Федерации и в связи с этим не позволяют мне дальнейшего исполнения служебных обязанностей и вынуждают просить Вас о моей отставке».

Остыв, Ельцин понял, что был не прав в отношении Николаева, и отставку не принял.

К утру 10 января дагестанские старейшины уговорили террористов отпустить большинство заложников. После этого боевикам было предоставлено несколько автобусов и грузовиков, в которых они вместе со 160 заложниками направились в сторону Чечни. В полдень колонна остановилась в селе Первомайское, на административной границе Чечни и Дагестана, где террористам удалось взять в заложники еще 36 бойцов ОМОНа. Российские войсковые части сжимали кольцо вокруг этого района. Премьер-министр В.Черномырдин заявил, что боевики должны быть наказаны, но обещал не рисковать жизнью заложников.

Басаев на совещании полевых командиров в Ведено заявил, что Дудаев — политический труп и единственным лидером чеченцев он видит себя. С этой точки зрения акцию Радуева в Кизляре он расценил как «удар в спину», но готов прийти к нему на помощь.

В 17 часов 10 января, не нарушая свой график, Ельцин вылетел в Париж.

11 января в ходе переговоров боевики обещали освободить заложников, но российская сторона настаивала на их немедленном освобождении.

Дудаев заявил в интервью журналистам, что именно он отдал приказ об операции в Кизляре, и угрожал новыми рейдами. Боевики потребовали участия в переговорах премьер-министра Черномырдина.

Радуев, поклявшись умереть, заявил, что не покинет Первомайское без «живого щита» из журналистов и «честных российских политиков».

В 20 часов 45 минут Президент Ельцин вернулся из Франции в Москву.

Все это время велись переговоры с боевиками. Ответственным за них был глава Республики Дагестан М.Магомедов, представителем федеральных властей был заместитель министра внутренних дел генерал-лейтенант П.Латышев. Часть заложников удалось освободить.

12 января российские войска начали эвакуировать женщин и детей из близлежащего села Советское.

Б.Ельцин заявил, что намерен спасти жизнь заложников, но не собирается оставить бандитов безнаказанными.

В тот же день Г.Явлинский направил Б.Ельцину письмо:

«*Уважаемый господин Президент*!

Война в Чечне продолжается уже больше года, и каждый новый день уносит жизни.

Только Вы сегодня можете это остановить. Для этого необходимы следующие шаги, о которых только Вы можете договориться с Дудаевым.

1. Боевики немедленно и полностью освобождают заложников, взятых в г. Кизляре и пос. Первомайском.

2. Одновременно с этим Джохар Дудаев и Доку Завгаев заключают пакт о ненападении и берут на себя обязательства по нераспространению боевых действий и оружия за пределы Чеченской республики.

3. После подписания такого пакта начинается вывод федеральных войск из Чечни.

4. Вопрос о статусе Чеченской республики решается ее населением на республиканском референдуме.

Временный статус республики на период до референдума вырабатывается в процессе российско-чеченских переговоров по конкретным вопросам (обеспечение безопасности граждан, участие России в помощи беженцам и пр.).

Эти предложения уже звучали в российской прессе.

Я направляю аналогичные письма Д.Дудаеву и Д.Завгаеву. Думаю, что следовало бы незамедлительно высказать свое отношение к настоящему плану.

В случае Вашего согласия план может стать основой переговоров на самом высоком уровне без дополнительных предварительных условий.

В случае несогласия с этим планом было бы правильно представить общественности мотивированные возражения, которые также могут стать предметом обсуждения».

Но инициатива Явлинского не нашла поддержки у Президента. 12 января он провел подписание договоров о разграничении полномочий со Свердловской и Калининградской областями.

Тем временем в течение 12—14 января продолжались переговоры с бандой Радуева, наращивалась объединенная группировка войск, проводились инженерные работы, велась активная разведка.

Вот фрагмент перехвата разговора между неким Вугаром (В.) и министром печати и информации правительства Дудаева М.Удуговым (У.) в 21 час 10 минут 12 января:

«**В.:** ...Ты же понимаешь, что они там вообще будут творить?

У.: Я думаю, кроме того, что они уже натворили, они вряд ли смогут сделать. То же самое просто повторят, но принципиального изменения не будет.

В.: Как ты думаешь, они в горы смогут пробиться?

У.: Понимаешь, здесь ситуация какая... Фактически сейчас ополченцы находятся во всех населенных пунктах Чечни. Российские войска находятся на полях: там полк, там два полка, там три полка. Здесь сейчас фронт, тыл, фланг — все перемешано. Поэтому, для того чтобы что-то сделать, им надо всю военную кампанию практически начинать с нуля, причем в совершенно новых условиях...

В.: Ну, понятно. Мне кажется, что, конечно, Салману надо оттуда во что бы то ни стало выйти.

У.: Посмотрим, все в руках Аллаха. Все будет нормально. Наша главная задача здесь — действовать. Ситуация такая, что сейчас, конечно, подобные действия (захват заложников и прочее) вряд ли кто будет приветствовать. Просто сейчас у бойцов нет выхода... Ребята знали на что шли. Пусть думают и решают самостоятельно. Мы сейчас никак не можем оказать какую-то поддержку или советовать».

13 января стало известно, что боевики готовы были освободить женщин, но те отказывались уходить без мужей. Директор ФСБ М.Барсуков объявил воскресенье 14 января последним сроком для освобождения заложников боевиками. Он обещал им безопасный проход в Чечню, если они освободят всех заложников и сдадут оружие.

На место событий прибыл командующий Северо-Кавказским военным округом генерал-полковник А.В.Квашнин.

Тем временем директору ФСБ и руководителю операции М.Барсукову предложили планы двух вариантов операции.

Первый — дать возможность выхода боевиков Радуева из Первомайского и на маршруте в районе населенного пункта Аксай силами группы «Альфа» провести операцию по освобождению заложников.

Второй — провести операцию по захвату села с освобождением заложников и уничтожением боевиков.

М.Магомедов высказался против второго варианта, но вместе с тем он не хотел, чтобы операция проводилась за пределами Дагестана.

Выбранный второй вариант был представлен Президенту. После согласования с ним М.Барсуков и министр внутренних дел А.Куликов вылетели в Дагестан и вскоре прибыли в Первомайское. В тот же день туда прилетел заместитель директора Федеральной пограничной службы генерал-полковник Н.Бордюжа.

К проведению операции планировалось привлечь два усиленных батальона Министерства обороны для создания внешнего кольца оцепления вокруг села на удалении полутора-двух километров и огневой поддержки наступающим штурмовым группам. Захват села должны были осуществить два отряда СОБР и отряд «Витязь» МВД. «Витязю», а также отряду «Альфа» ФСБ поручалось освобождение заложников. Кроме того, в операции должны были участвовать отряды ОМОНа Дагестана, Ставрополя, Суздаля, Новосибирска и других городов, но главная их задача — организация блокпостов на подступах к Первомайскому.

Всего группировка сил насчитывала 2700 человек, из них в боевых порядках должны были действовать 600—700 военнослужащих. Отряд Радуева насчитывал до 250 человек.

При планировании делался расчет на быстрое проведение операции. Как выяснилось впоследствии, явно недооценены были тактика ведения боя боевиками, их обученность, подготовка к обороне села, вооружение. Кроме того, захват населенного пункта — это типично общевойсковой бой. Использование подразделений СОБРа, ОМОНа в передовых порядках явно было ошибкой, о чем свидетельствуют большие потери личного состава этих подразделений (более половины от общего количества потерь).

14 января террористам был предъявлен ультиматум о разоружении и освобождении заложников. Отпущенный боевикам срок истек и был продлен еще на три часа. Боевики игнорировали ультиматум и даже открыли огонь по российским войскам, ранив четверых военнослужащих. Террористам была дана еще одна ночь на размышление.

В радиоперехвате рано утром 15 января содержались инструкции дудаевского штаба бандитам Радуева: «подготовить к расстрелу милиционеров», а самим «готовиться к самому худшему, считать себя смертниками».

В 8.00 войска оцепления получили приказ сузить кольцо вокруг села Первомайское; были предприняты попытки установить контакт по радиосетям и громкоговорящей связи с бандитами, но ответа не последовало.

Именно в этот день около Спасских ворот Кремля Президент, давая интервью, поразил страну сообщением о «38 снайперах» (Ельцин руками показал, как снайперы отслеживают террористов через оптический прицел и отсекают от них заложников).

Откуда они взялись, пресловутые «38 снайперов»? Незадолго до этого, как уже говорилось, Президенту докладывали план проведения специальной операции по освобождению заложников. Такого рода планы состоят обычно из нескольких разделов: замысел действий; расчет сил и средств, участвующих в операции; расчет средств обеспечения операции; предполагаемые силы противника; расчет медицинских сил и средств. И вот замысел действий начинался примерно такими словами: «Группе снайперов выдвинуться из пункта временной дислокации и занять исходное положение...»

Вероятно, снайперы произвели на него такое неизгладимое впечатление, что при первом удобном случае он публично продемонстрировал свое знание деталей операции.

Эти «38 снайперов» стали символом, образом того, как видит ситуацию Президент. При том, что каждый с помощью телевидения и прессы мог сравнить «картинку» действительности с тем, что говорит и делает Борис Ельцин.

15 января в 9.00, после того как бандиты начали расстреливать заложников, федеральные силы приступили к проведению операции. Боевики открыли огонь по вертолетам, которые в течение 15 минут провели налет на позиции бандитов. В 10.30 штурм захлебнулся.

В 11.35 началась артподготовка, а в 12.10 — второй штурм. Радуевские головорезы оказывали сильнейшее сопротивление.

Управление боем велось по открытым каналам УКВ-радиосвязи, широко использовались радиостанции иностранных образцов («Моторолла», «Кенвуд»), а это давало возможность противнику контролировать действия федеральных сил и быстро реагировать, принимать контрмеры.

В 15 часов с минутами две из девяти штурмовых групп прорвались в село с южного направления. В группе «Альфа» было ранено восемь бойцов, в московском СОБРе двое убиты, семеро ранены, в группе «Витязь» ранены двое.

К 16 часам 45 минутам удалось пленить 13 радуевцев. К этому же времени к населенному пункту Новогрозненский выдвинулось до 250 боевиков. В 18.00 боевые действия были приостановлены из-за сильного сопротивления. Войска приступили к планированию ночных боевых действий. Группа «Витязь» закрепилась в центре села, освободив вместе с «Альфой» восемь заложников.

В 22.00 боевые действия возобновились.

16 января для усиления группировки прибыли 100 военнослужащих Федеральной пограничной службы и 200 десантников.

В течение дня действия наступающей группировки оставались прежними: с утра вертолетная атака, работа артиллерии и средств огневой поддержки бронетехники.

Как впоследствии выяснилось, применение вертолетов огневой поддержки и артиллерии малого калибра при подавлении обороны боевиков было малоэффективным: повреждения укрытий террористов оказались незначительными.

Штурмовые отряды к 16.00 заняли примерно одну треть села, освободив мечеть, где, по разведданным, должны находиться заложники, но их там не обнаружили. С учетом дальнейшего развития операции войска были отведены на рубеж, занятый к исходу 15 января.

За несколько дней переговоров бандиты, используя труд заложников, сумели создать грамотную систему обороны — построили оборонительные сооружения (траншеи, перекрытые щели, стрелковые ячейки, амбразуры в домах и заборах, укрытия в подвалах домов и др.), состоящие из трех оборонительных колец. Внешнее кольцо — на удалении 200 метров от села на насыпи расположили стрелковые ячейки. Второе кольцо — на линии окраинных домов и заборов. Третье кольцо — в центре села.

17 января в Первомайском планировалось применение фронтовой авиации, но из-за плохой погоды ограничились атаками вертолетов и применением артиллерии, танков, стрелкового вооружения. Продвижения штурмовых отрядов не было.

18 января в 2 часа 15 минут боевики стали прорываться на северном направлении с отвлекающими ударами на западе и востоке села и при поддержке со стороны села Советское группы боевиков, напавших на блокпост в этом районе. (Надо сказать, внешнее кольцо блокирования оказалось слабым — блокпосты численностью 15—20 человек на удалении друг от друга на полтора-два километра.) Прорыв был решительный, несмотря на большие потери среди боевиков.

Прорвавшаяся часть отряда Радуева перешла Терек по трубе газопровода и вплавь.

С утра 18 января подразделения группировки вошли в село. Сопротивления оставшиеся боевики уже почти не оказывали.

В этот же день Б.Ельцин выступил с Обращением к гражданам России:

«Сегодня, 18 января, завершились активные действия федеральных сил по пресечению террористической акции дудаевских боевиков в Республике Дагестан.

Эта операция была вынужденной мерой. Несколько дней бандитская группа удерживала в заложниках ни в чем не повинных граждан. Федеральными властями, руководством Республики Дагестан были использованы все возможные мирные средства. Террористы раз за разом отказывались выполнять взятые на себя обязательства, вели себя все более нагло и разнузданно.

К сожалению, есть погибшие среди военнослужащих и мирных жителей. Ответственность за это несут Дудаев и его боевики. Терроризм не имеет национальности. Мы никогда не ставили и не ставим знака равенства между бандитами и чеченским народом.

Дудаевские боевики фактически потеряли надежду получить поддержку со стороны широких слоев чеченского населения. Теперь, сея смерть и разрушения на земле Дагестана — в Кизляре, Первомайском, они предприняли попытку распространить свои действия на другие регионы и сделать своим заложником не только народ Чечни, но и народы всего Северного Кавказа. Этому не бывать!

Обращаюсь к жителям Чеченской республики: содействуйте властям и правоохранительным органам в обезвреживании боевиков. Те, кто попрал все нормы человечности, должны понести заслуженную кару.

Призываю народы Дагестана, всего Северного Кавказа, казаков к сдержанности. Не месть, а благоразумие должно объединить нас в деле защиты России от угрозы терроризма.

Мы говорили раньше и повторяем вновь: наша цель — восстановление конституционного порядка, мира и спокойствия в Чечне. Если же их достижению захотят помешать вооруженные бандиты, пощады не будет. Уступки терроризму недопустимы, безнаказанность порождает новые преступления. Это должно быть ясно всем, кто еще планирует запугать россиян, деморализовать российские власти, кто надеется воспрепятствовать мирной жизни в Российской Федерации».

На следующий день, 19 января, проводилась зачистка (слово, уже вошедшее в обиходный язык) села Первомайское силами ОМОНа, СОБРа, органами МВД Республики Дагестан, выявляли раненых, контуженых, проводили разминирование, собирали оружие и боеприпасы.

В ходе операции потери сторон составили:

войска МО	—	8 убито	19 ранено
войска ВВ МВД	—	4	24
органы МВД	—	14	55
«Альфа»	—	2	1
Всего	—	28	89

Потери боевиков: убито 156 + 2 могилы, 30 пленных.

Освобождены 82 заложника.

В комментариях экспертов и политиков отмечалось, что события в Кизляре отчасти явились следствием отсутствия четкой позиции самих федеральных властей в отношении Чечни. Предпосылки для следующих терактов были созданы еще в Буденновске самим фактом ведения переговоров с террористами, их уходом от ответственности, превращением бандитов в неких телезвезд, с которыми мог встретиться кто угодно, кро-

ме правоохранительных органов. Отмечалось также, что акция в Кизляре нанесла жестокий удар по престижу Президента в свете приближающихся июньских выборов.

В западных СМИ появились утверждения о том, что время нанесения удара в Кизляре было выбрано не случайно, ибо террористы пытались воспользоваться «ослаблением» позиций Президента — после болезни и в свете не слишком удачных для Правительства результатов недавних выборов в Госдуму.

В любом случае Президент обязан был предпринять действительно эффективные усилия, чтобы добиться определенного спокойствия в Чечне.

Необходим был некий зримый результат. В этом отношении хорошим пропагандистским «подарком» было бы задержание — «живым или мертвым» — одного из основных дудаевских главарей (Басаева, Радуева) или самого Дудаева.

21 апреля 1996 года ракетой, выпущенной с российского самолета, был убит Дудаев. Радуев был захвачен российскими спецслужбами только через четыре года, во время второй чеченской кампании. Тогда же Басаев потерял ногу, но и в 2000 году, уже после ухода Ельцина с поста Президента, продолжал воевать.

Вердикт Конституционного Суда

(ИЮЛЬ 1995)

«Поставить Ельцина на место»

10 июля 1995 года началось рассмотрение в Конституционном Суде РФ дела с весьма длинным названием — «О проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской республики» и от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации».

Поводом для разбирательства послужил не один, а сразу три запроса — от группы депутатов Государственной Думы, от группы «сенаторов» и, наконец, от самого Совета Федерации. Все эти запросы было решено соединить в одном производстве.

Президента представляли Ю.Батурин, О.Кутафин и С.Шахрай, Госдуму — Г.Карелин, Ю.Калмыков и А.Лукьянов, Совет Федерации — И.Костоев, Е.Мизулина, Г.Яковлев.

По датам оспариваемых актов можно судить о том, что сомнению подвергались только решения, предварившие начало открытых боевых действий против мятежников. Другими словами, Президент и Правительство обвинялись в неправомерности использования Вооруженных Сил на территории страны, то есть для решения внутренней проблемы.

Совет Федерации при этом делал акцент на том, что использование Вооруженных Сил на территории Российской Федерации возможно лишь в рамках режима чрезвычайного или военного положения. Думцы же напирали на то, что это повлекло значительные жертвы среди гражданского населения.

Вряд ли, однако, у кого-либо возникали сомнения, что запросы о конституционности «решений по Чечне» были продиктованы возможностью «поставить Ельцина на место». Это прекрасно понимали и в Кремле. Как понимали (во всяком случае, многие из окружения Президента) и то, что в решениях о начале боевых действий не было бесспорной моральной правоты.

Авторам этой книги еще в декабре 1994 года пришлось решать для себя сложнейшую этическую проблему — подавать ли в отставку в знак

несогласия с избранным методом решения «чеченского вопроса» или все-таки не оставлять Президента наедине с «ястребами»... Для сотрудников Президента, считавших неподготовленную военную операцию в Чечне трагической ошибкой, отказ от отставок дался гораздо тяжелее, чем первоначальное решение уйти в отставку.

Тогда было решено остаться. В том числе и потому, что сложнейшая «чеченская проблема» не могла рассматриваться только в черно-белом изображении. Оттенков было много. К тому же у тех, кто так или иначе причастен к политике, принятию решений, выбор не слишком велик. Если журналист, философ, даже обычный, «не статусный» человек может позволить себе сегодня чему-то рукоплескать, а завтра с тем же азартом осуждать или «умыть руки», то политический чиновник обязан действовать и не просто критиковать, а что-то предлагать взамен. Присутствовал и еще один мотив, а именно — понимание, что Президенту «чеченские решения» дались с большим трудом. Он их принимал вовсе не с холодным сердцем. На его месте жестокий диктатор давно бы применил самые радикальные средства и его не остановило бы никакое общественное мнение.

Так или иначе, но уже с зимы 1995 года в Службе помощников возобладал взгляд (и он отразился в тексте Послания Президента Федеральному Собранию того же года), согласно которому «у институтов государственной власти есть право не только опираться на свой морально-правовой авторитет, но и подтверждать этот авторитет в определенных обстоятельствах государственным принуждением». По сути, это «альфа и омега» государственности.

Видимо, с таким тезисом можно было еще поспорить, если бы весь чеченский народ как один встал под знамена «освободительной борьбы», если бы это действительно была борьба с угнетателями, если бы это было сопротивление несправедливому московскому диктату. Но речь шла совсем о другом — о том, что власть в Чечне насильственным путем захватили те, кто устраивал погромы русского населения, кто с презрением относился и к собственному народу, кто ради корыстных, даже криминальных интересов цинично использовал лозунг «борьбы за независимость». При этом федеративному государству предлагалось все это просто принять к сведению.

Вот почему с конституционно-правовой точки зрения Кремль чувствовал себя достаточно уверенно. Тем не менее уверенность не давала повода расслабляться, и потому в июне 1995 года была образована экспертная группа под руководством С.Филатова, задача которой состояла в выработке четкой позиции президентской стороны на суде. Постепенно собрался довольно объемный пакет документов и свидетельств, призванных вскрыть истоки конфликта, показать суть дудаевского режима и обосновать действия федеральной власти.

Огромная подготовительная работа оказалась не напрасной. Суд в своей констатирующей части использовал в том числе и документы, представленные Кремлем. Пожалуй, главным в судебном решении стала констатация того, что в период 1991—1994 годов на территории Чеченской республики, являющейся субъектом Российской Федерации, сло-

жилась **экстраординарная** (выделено нами. — *Авт.)* ситуация: отрицалось действие Конституции Российской Федерации и федеральных законов, была разрушена система законных органов власти, созданы регулярные незаконные вооруженные формирования, оснащенные новейшей военной техникой, имели место массовые нарушения прав и свобод граждан». Именно экстраординарность ситуации и вызвала применение экстраординарных методов.

Но к этому выводу Суд пришел уже в своем постановлении. До этого двадцать дней шла ожесточенная борьба сторон. И было неясно, на чьей стороне окажется КС. Каждый вечер Ельцин читал отчеты о ходе разбирательства.

Первым в заседании получил слово представитель Совета Федерации и группы депутатов И.М.Костоев. Он апеллировал главным образом к политическим заявлениям Президента, сделанным им ранее.

«Трудно поверить, — говорил Костоев, — что этот кромешный ад творится с ведома российского Президента, с ведома Бориса Николаевича Ельцина, который, будучи Председателем Верховного Совета Российской Федерации, в январе 1991 года обращался к солдатам и офицерам России по поводу событий в Литве со следующими словами: "Вам могут дать приказ выступить против мирного гражданского населения, защищающего свои завоевания. При этом вам будут говорить, что с вашей помощью будет наведен порядок в обществе. Но разве можно считать наведением порядка нарушение Конституции и законов, а именно к этому толкают нас те, кто стремится решить политические проблемы с помощью силы армейских подразделений"».

Фактически Костоев подводил к мысли о применении Ельциным «двойного стандарта» в политике. Однако сравнение с литовскими событиями и напоминание о ельцинских словах, сказанных им при подписании «Договора об общественном согласии» («в российской политике допустимы только мирные, только конституционные методы»), в данном случае выглядели не очень корректно. И сам Костоев, по сути, подтвердил это.

«Ю.Рудкин. Уважаемый Исса Магометович. В своем выступлении Вы неоднократно указывали, что были созданы незаконные вооруженные формирования, даже бандформирования. Скажите, могут ли быть у незаконных вооруженных формирований на вооружении танки, самолеты, бронемашины и тому подобное?

И.Костоев. Вообще сами слова «незаконные вооруженные формирования» говорят о том, что они не должны быть. Коль скоро незаконные вооруженные формирования существуют незаконно, то незаконно у них находятся и танки, и бэтээры, и самая современная техника, которая, в общем-то, не изготавливается ни в Чечне, ни в Осетии, ни в Ингушетии; она готовится адресно, на специальных объектах Российского государства.

Ю.Рудкин. Уважаемый Исса Магометович, может быть, в данном случае федеральные войска имеют дело с регулярными частями армии?

И.Костоев. Дудаев, пользуясь условиями, объективно ему созданными, создал регулярную армию в своей республике, и в этом, наверное, нет секрета. И как бы мы их ни называли — бандформирования или преступный элемент, выпущенный из следственных изоляторов и колоний, — но по всем уставам, как же я могу сидеть на переговорах с бандитом, руководителем бандитов Масхадовым, офицерами, другими? Я считаю, что это вооруженные силы, созданные в Чеченской республике».

Вряд ли стоит объяснять, что одно дело применение вооруженной силы против тех, кто выражает политическое несогласие с властью, и в корне иное — когда государство подавляет вооруженный мятеж.

Интересный вопрос задал представителю Госдумы Юрию Хамзатовичу Калмыкову конституционный судья В.Д.Зорькин: «Скажите, пожалуйста, чем объясняется, что депутаты представили ходатайство в Конституционный Суд спустя фактически пять или шесть месяцев после начала боевых операций в Чечне?»

Вот каков был ответ: «Как мне подсказывают, сперва был поставлен вопрос на пленарном заседании, этот вопрос не прошел. Потом был первоначальный текст этого обращения, он дорабатывался довольно долго, и на конечных этапах я тоже принимал участие, хотя инициатива шла от другой группы и фракции в Думе. Поэтому все это заняло какое-то время».

Ответ прозвучал не очень убедительно. Так всегда бывает, когда приходится отстаивать слабую позицию. На самом деле, если бы речь шла об искреннем побуждении отстоять право, то Дума и Совет Федерации направили бы свои запросы незамедлительно. Однако в данном случае это было оружием политической борьбы. Но об этом судьям не скажешь. То, что дело обстояло именно так и превалировала политика, а не право, проявилось в 1999 году, когда те же политики поддержали те же самые действия в Чечне на точно такой же правовой основе (или при отсутствии таковой). Изменилась только политическая ситуация.

«Появится сила и произойдет чудо»

Представитель Президента и Правительства С.Шахрай подробно остановился на военной стороне вопроса. После его выступления последовал вопрос судьи Б.Эбзеева: «Вы говорили о том, и убедительно говорили, что Президент, издавая соответствующие указы, Правительство, принимая постановление, преследовали абсолютно конституционные цели: восстановление конституционного порядка, обеспечение прав и свобод граждан, человека и гражданина, граждан Чеченской республики и т.д. Так вот, в связи с этим вы также говорили о том, что в процессе реализации этих актов осуществлялись некоторые отдельные эксцессы. Средства массовой информации сообщают о тысячах и тысячах погибших, в том числе среди мирного населения, уничтожено имущество, принадлежащее гражданам на праве личной либо частной собственности. Не переросло ли осуществление рассматриваемых нами актов в грубые и массовые нарушения прав

человека на территории одной из республик в составе Российской Федерации? Можем ли мы говорить о том, что объективно в результате реализации этих актов, независимо от воли авторов этих актов, на территории Чеченской Республики имеют место грубые массовые нарушения прав человека?»

«**С.Шахрай.** Я утверждаю, что грубые и массовые нарушения прав и свобод человека в Чеченской республике возникли не в результате этих указов и этого постановления. Эти указы и постановление появились как реакция на то, что в течение трех лет не просто были грубые и даже массовые нарушения прав человека, а в результате того, что были разрушены все государственные системы реализации обеспечения прав и свобод человека на части территории нашей страны. То есть для ликвидации грубых и массовых нарушений прав и свобод человека Президент прибег к своим полномочиям и Правительство тоже.

Ликвидируя эти грубые, массовые нарушения, восстанавливая основу конституционного строя, была применена сила. Сила — вещь очень опасная. И в результате применения этой силы — я никогда не посмею отрицать, что возникли новые, дополнительные — к тем, которые уже были три года нарушения и страдания. Они возникли.

Б.Эбзеев. Я имею в виду нечто иное, Сергей Михайлович. Я имею в виду нарушения прав человека в результате деятельности публичной власти. Не некие отдельные эксцессы, ну, скажем, солдат застрелил мирного жителя, не имевшего оружия, в силу, скажем, своей неосторожности. Я имею в виду деятельность публичной власти, которая привела к тому, что погибают люди, граждане лишаются некоторых неотъемлемых и неотчуждаемых прав, уничтожается имущество граждан... Проблема ведь состоит, коль скоро мы в конституционном судопроизводстве, в иерархии конституционных ценностей: в какой мере публичная власть, реализуя акты, о которых мы говорим, руководствовалась той иерархией ценностей, которая определяется действующей Конституцией Российской Федерации: территориальная целостность, права человека как главная цель политики государства, федеративная природа государства и другие.

С.Шахрай. Государство — это нравственная ценность, его территория — это нравственная ценность, это не какая-то абстракция. На изломе 1994 года мы были в такой точке нашего развития, когда бездействие публичной власти, то есть продолжение того, что было в Чечне, увеличило бы уже и до того запредельный процесс разложения, нарушения вот всех тех ценностей, о которых Вы говорили. Цена этого решения была очень велика. Продолжать бездействовать в том случае — значит совершать конституционное правонарушение. Или все-таки действовать для того, чтобы положить конец этому, хотя и тяжело, и трудно, восстановить системы обеспечения конституционных прав и свобод».

Этот спор вряд ли можно считать законченным и по сей день. И вряд ли вообще эта этико-правовая проблема имеет свое однозначное решение. Естественно, что для того же жителя Грозного, который находится бесконечно далеко от всех политических перипетий, но на которого обрушиваются бомбы, все происходящее предстает как вопиющая несправедливость.

И никто не сможет его убедить, что война идет для его же блага. И наоборот, такие естественные человеческие переживания становятся слишком абстрактными для политиков, которые находятся далеко от театра военных действий. Не потому, что они бессердечны, а потому, что нужно быть святым праведником, дабы испытывать чужую боль как свою собственную. Таких всегда мало, а в политике — особенно.

Одними из самых интересных на процессе были выступление и ответы на вопросы Маршала Советского Союза В.Г.Куликова, перед которым Судом был поставлен вопрос о военных возможностях разоружения незаконных формирований на территории Чеченской республики. Приведем, в силу его важности, этот фрагмент стенограммы почти полностью (с незначительными сокращениями повторов и отвлечений правового и процессуального характера):

«**В.Куликов.** Уважаемый товарищ председатель Конституционного Суда! Уважаемые члены Конституционного Суда! Товарищи!

Образование я получил в Грозном. Закончил Грозненское училище, хорошо знаю Чечено-Ингушскую республику. Знаю условия, когда говорят о боевых действиях.

Первое, что нас беспокоит и что я должен вам всем доложить, уважаемый Высокий суд, были ли способны по своему боевому составу, потенциалу внутренние войска Министерства внутренних дел России выполнить задачи по разоружению незаконных вооруженных формирований без привлечения частей и подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации.

Для ответа на поставленный вопрос было оценено соотношение сил и средств незаконных вооруженных формирований, частей оперативного назначения внутренних войск МВД России по основным видам вооружения и боевой техники. Хотелось бы, безусловно, сослаться на те цифры, которыми мы располагаем.

...Наши внутренние войска предназначены были и готовили себя для решения задач по наведению порядка, по уничтожению незначительных групп. Соответственно этому — оснащение и обеспечение этих войск было таким: стрелковое вооружение, легкое стрелковое вооружение, некоторая часть гранатометов, как показывают данные, сегодня всего 79 гранатометов, около полусотни минометов легких, то есть эти войска действительно предназначены для ведения таких специфических задач.

Если учесть, что внутренние войска на тот период были укомплектованы всего на 73% и что задачи в ряде других регионов требовали присутствия войск Министерства внутренних дел, то в Грозном находилось всего 10 тысяч человек.

Что противостояло этим силам, которыми располагало Министерство внутренних дел?

Во-первых, если говорить о качественном состоянии вооружения, вооружение практически одно и то же: те же танки, те же артиллерийские системы, те же самолеты. Но если учитывать уровень боевой подготовки, слаженность, обучение, способность ведения боевых действий, я называю так, в особых, в горных условиях, в условиях города, то здесь нужно отдать

большие преимущества тем формированиям, которые были в Чеченской республике. На тот период насчитывала армия регулярная, достаточно подготовленная — 15 тысяч человек. И безусловно, далеко не полные данные, о которых мы упоминаем, что 30 тысяч ополчения, 120 танков. Что это такое в переводе на военный язык? Это три-четыре танковые бригады. Что такое около 300 самолетов? Это примерно две-три авиационные дивизии. Большое количество тяжелых артиллерийских систем: минометы, гранатометы, средства противовоздушной обороны — до 1000 единиц.

Должен сказать, когда речь идет об определении, здесь тоже нужно очень осторожно подходить, четко разграничивать, когда мы говорим о незаконных формированиях. Я бы сказал, что там существовала армия, которую все видели и о ней знали. Эта армия шла на параде, ее видели, она достаточно подготовленная. Мы очень плохо знали о подготовке специальных подразделений, так называемых бандформирований, которые занимались специальными вопросами террористических действий, акций нападения, уничтожения и других.

Вся эта военная организация представляла большую угрозу для той силы, которую на первоначальном периоде противопоставило наше руководство. Поэтому, когда речь идет о том, правомерно ли привлечение российских войск, я хотел бы как военный человек, как специалист сказать, безусловно, ибо можно было полностью потерять внутренние войска и не решить вообще никакой задачи. Для того чтобы разоружать или уничтожать бандформирования, не людей, а именно бандформирования, которые, в нашем понимании, организационно созданные подразделения, части, нужна была сила.

Когда сегодня мы сопоставляем, можем сказать, что по личному составу вооруженных сил примерно было равное соотношение. Но мы должны учесть, что эти формирования имели достаточно высокую обученность не только на территории Чеченской республики, но и за ее пределами. То есть это были высокоподготовленные квалифицированные военнослужащие.

Что касается ведения боевых действий, я бы назвал не боевые действия, а ведение мероприятий по ликвидации этих формирований, то они проходили, безусловно, в новых условиях как для МВД, так и для Вооруженных Сил Российской Федерации. Ведение боя в городе, ведение боя в условиях горных, причем очень сложных условиях, требовало достаточно высокой подготовленности и организации.

Можно прийти к выводу, что сил и средств, которые были выделены за счет российских войск, было недостаточно. Нужно учитывать и другое обстоятельство. Многоступенчатая форма управления Вооруженными Силами не дает должного эффекта. Невольно обращаешься к сравнениям, допустим, к «Буре в пустыне». Шварцкопф один руководил, и никаких представителей и надзирателей, советников, подсоветников там не было. У нас же серия начальников, которые под прессом находились и не могли... главное не то, что не могли, они не чувствовали ответственности, которая на них возлагается, по руководству и выполнению конституционного долга по ликвидации бандформирований в Чеченской республике. Это, наверное, следует учитывать...

Привлечение Вооруженных Сил является юридически обоснованным, о чем здесь говорили. Я не юрист и не хотел бы вдаваться в эти подробности, но прихожу к выводу, что воины как внутренних войск, так и Вооруженных Сил Российской Федерации выполняли свой конституционный долг.

И.Костоев. Уважаемый маршал, Вы дали обстоятельную характеристику армии Дудаева и противостоящих сил Российской армии, но завершили тем, что использование армии совершенно законно. Вместе с тем Вы не привели ни одного правового акта, а мы рассматриваем вопрос о правомерности, наличии законных оснований использования Российской армии.

В.Куликов. Я сказал, что касается юридических и правовых основ, то мне как бы не очень здорово говорить...

Является ли это, так сказать, самым благоприятным решением? Вот так бы я понял Вас.

Дело в том, что на протяжении многих лет во всех конфликтных ситуациях мы мечемся то в одну, то в другую сторону. Заверяем о неприменении Вооруженных Сил в конфликтных ситуациях и в то же время привлекаем их для решения задач. Были такие случаи в ряде регионов. Что касается данного случая, мне представляется, принятое решение является своевременным и закономерным.

Е.Мизулина. Уважаемый Виктор Георгиевич, я хочу задать Вам три вопроса.

Первый вопрос. Мог ли министр обороны Грачев принять единоличное решение о вводе войск на территорию Чеченской республики и о ведении там боевых действий?

В.Куликов. Позвольте ответить точно. Как Вы знаете, я на протяжении двадцати лет являлся первым заместителем министра обороны, из них продолжительное время начальником Генерального штаба Вооруженных Сил и затем — главнокомандующим Объединенными вооруженными силами Варшавского Договора, являясь тоже первым заместителем министра.

В практике прошлых лет, как и сейчас, ни один министр обороны никогда самостоятельных решений по применению войск не принимал и не может принимать. Для этого есть высший политический орган.

Е.Мизулина. Спасибо. Тогда у меня как раз второй вопрос. Достаточно ли устного распоряжения Президента Российской Федерации для того, чтобы министр обороны издал соответствующее распоряжение, или обязательно должно быть письменное указание?

В.Куликов. Практика службы показывает, что когда обстоятельства складываются так, согласно устному распоряжению действуют, но обязательно должно быть письменное подтверждение. В своей практике, в годы Великой Отечественной войны, очень крупные решения, которые принимали, я всегда записывал и после получал письменное подтверждение по этому вопросу.

Е.Мизулина. Спасибо, Виктор Георгиевич, Вы так точно, четко отвечаете. И последний вопрос. Я еще раз хочу уточнить: значит, применение Вооруженных Сил в этой ситуации, я правильно поняла, это не первый случай в практике Российской Федерации?

В.Куликов. Ну, Вы прекрасно знаете и сами, наверно, следили и сами осуждали то, что было. Другое дело, что те руководители, которые в прошлом были, отказывались и даже умалчивали факт применения. Поэтому я считаю и сейчас хотел бы четко, как военный, сказать: применение Вооруженных Сил является прерогативой политического руководства.

Е.Мизулина. Спасибо, Виктор Георгиевич. И, уважаемый Высокий суд, прошу обратить ваше внимание, что такое незаконное применение Вооруженных Сил представляет собой уже сложившуюся практику.

Г.Яковлев. Глубокоуважаемый Виктор Георгиевич! Вы сказали, что руководство Вооруженных Сил имело ясное представление о квази- или просто регулярных частях дудаевской армии и что в этих компонентах Вооруженных Сил было примерное равенство по вооружению. Правда, боевая выучка, как Вы сказали, была выше у другой стороны. Но, Вы подчеркнули, не было адекватного представления усилий того, что Вы назвали ополчением.

Скажите, когда Вы говорили о борьбе с вооруженными бандитскими формированиями, включаем ли мы обычно, или, по крайней мере, на официозном языке, охватывает ли термин «бандформирование» вот эти самые массовые ополчения, которые, как я понял из Ваших слов, в общем-то и склоняли долгое время чашу преимущества на сторону дудаевских формирований. Включается ли массовый вооруженный народ в бандитские формирования?

В.Куликов. Позвольте ответить Вам. Хотелось бы, уважаемый председатель и судьи, высказать свое толкование по этому вопросу. При ведении таких действий, которые проходят у нас в Чечне, сделать четкое разграничение, что такое бандформирование, что такое ополчение и что такое регулярная армия, которая проходила на параде, представляется очень очень трудным. Вот почему мы ставим в тяжелейшее положение Вооруженные Силы, Министерство обороны, а самое главное, офицера и солдата, который сегодня утром получает приказ стрелять, а на второй день ему говорят: ты стрелял по мирному жителю. А в этом доме, он оттуда вел огонь, он может быть и из бандформирования или быть в регулярных войсках. Это просчеты тех служб, которые должны заниматься разведкой, уточнением данных и т.д.

Г.Яковлев. А как Вы полагаете: возможность такого затруднительного различения должна приниматься в расчет должностными лицами, которые принимают общее решение?

В.Куликов. Должно учитываться, но сделать это очень, очень трудно. Сейчас здесь можно обсуждать некоторые, можно высказывать очень умные предложения, но бой есть бой и война есть война.

Г.Яковлев. И последний вопрос, Виктор Георгиевич. Я хочу попросить Вас, скажите, какими законами определялась компетенция по оперативному применению?

В.Куликов. Сама формулировка, по всей видимости, для всех ясна. Определенная компетенция — понятие очень широкое, и право предоставляется этому лицу принимать решение. Это, наверно, тоже какие-то издержки в подготовке документа. Когда речь идет о принятии решения, тогда четко устанавливаются границы: как и что делать.

Ю.Батурин. Уважаемый Виктор Георгиевич, когда Вы отвечали на вопрос представителя группы депутатов Совета Федерации, уважаемой депутата Мизулиной, о том, что такого рода операции проводились прежде, имели Вы в виду Российскую армию, Советскую армию или международный опыт?

В.Куликов. Я имел в виду и международный опыт, и что касается действий, то, безусловно, я имел в виду, когда действовали Вооруженные Силы СССР. Способ их действия ни в какое сравнение не идет с тем, что делается в Чеченской республике.

Ю.Батурин. Высокий суд, мы хотели бы обратить ваше внимание на недопустимость интерпретации, которую позволила себе госпожа Мизулина, интерпретации ответа эксперта. Его ответ никоим образом не относился к Российской армии.

Уважаемый Виктор Георгиевич, не могли бы Вы уточнить, исходя из оперативных нормативов, принятых в Российской армии, каким должно быть соотношение сил и средств для ликвидации противостоящей группировки в Чечне, должно ли быть там двух-, трех-, пятикратное превосходство, учитывая, что бои шли в городе и бои шли в горах? Какое необходимо превышение, если это необходимо, превышение в средствах — в танках, артиллерии и т.д.?

В.Куликов. Уважаемый Юрий Михайлович, я отвечу Вам со всей определенностью и точностью. Критериев таких четких никогда нельзя дать. Здесь учет многих слагаемых — степень обученности личного состава, оснащение вооружением и техникой, условия местности, опыт ведения конфликтов и конфликтных ситуаций и локальных войн. Во всяком случае в данном регионе, мне представляется, нормативные показатели, если сравнить по боевому применению, должны быть в пределах трех-четырех раз выше той стороны, которая находится в сопротивлении.

Ю.Батурин. То есть такого превышения внутренние войска иметь не могли и, видимо, даже та группировка, которая...

В.Куликов. Которая была даже и усилена войсками — до пятидесяти танков, несколько самолетов и других, это, безусловно, сил было недостаточно, чтобы быстро решить те задачи, которые возлагало на них наше руководство.

Ю.Батурин. Спасибо, уважаемый Виктор Георгиевич. Вы сказали, что операция проводилась впервые и даже добавили «в новых условиях». Можно ли назвать ее нетрадиционной военной операцией?

В.Куликов. Безусловно. Она является нетрадиционной операцией, которая требует особой выучки и подготовки личного состава и офицерского состава.

Ю.Батурин. Виктор Георгиевич, еще один вопрос, на который Вы можете не отвечать, потому что я не знаю точно, входил ли когда-либо он в сферу Вашей деятельности и работы. Не знаете ли Вы, зафиксирован ли в боевых уставах каких-либо стран порядок действий при проведении нетрадиционных военных операций?

В.Куликов. Есть и в наших уставах, есть и в уставах иностранных государств, и, заканчивая Академию Генерального штаба, я писал дипломную работу на тему: «Наступательная операция фронта в горно-пустынной

местности». Вот я ее разрабатывал, я ею пользовался, и поэтому теоретические посылки к этому, для ведения, они есть. Но с точки зрения создания учебной материальной базы у нас такая база в прошлом, в Вооруженных Силах Советского Союза, была только в Прикарпатском округе, Закавказском военном округе, в Тбилиси. В других округах такой учебной материальной базы нигде не было.

Ю.Батурин. То есть сейчас Россия такой базы не имеет?

В.Куликов. Пока не имеет.

Ю.Батурин. Спасибо. И последний вопрос, Виктор Георгиевич. Оперативная обстановка, в которой предполагалось действовать внутренним войскам и Вооруженным Силам, более определенна или менее определенна, чем в условиях обычной войны? Я имею в виду характер групп, сил, их вооружение, подчиненность, цели, зоны проведения силовых операций?

В.Куликов. Уважаемый Суд и уважаемый Юрий Михайлович, я должен сказать — менее определенна. Менее определенна, непредсказуемых действий в этой войне очень-очень много.

В.Лучин. Уважаемый Виктор Георгиевич, в ряде выступлений подчеркивалось, что трагические события в Чечне — человеческие жертвы, разрушения — не находятся в причинно-следственной связи с рассматриваемыми актами Президента и Правительства, что, дескать, это следствие эксцессов исполнителей. Означает ли это, что в кровопролитии виновны генералы, старшие офицеры, средние, младшие, которые планировали боевые действия, участвовали в них?

В.Куликов. Спасибо за такой вопрос. Безусловно, успех любой операции, успех любого боя зависит от четкого планирования и организации взаимодействия. Любые просчеты, которые проходят в том или ином месте, это результат недостаточного планирования и организации взаимодействия и управления.

Ю.Рудкин. Уважаемый Виктор Георгиевич, пожалуйста, скажите, возможно ли разоружение воинского формирования, у которого имеются танки, самолеты, которое прикрывается живым щитом — людьми, — без потерь того живого щита?

В.Куликов. Уважаемый судья, я хотел бы сказать Вам, что очень трудный вопрос Вы мне задаете. Каждый человек есть человек. И когда он выполняет свой воинский долг и видит, что перед ним стоит женщина, ребенок... он порой не делает этого и подставляет себя как живой щит. Это особая психологическая нагрузка на военнослужащего.

А.Кононов. Уважаемый Виктор Георгиевич, у меня как раз вопрос по Вашей специальности. Скажите, пожалуйста, существует ли в армейских уставах, каких-то установках, рекомендациях при обучении — как вести себя армии в военных операциях по отношению к мирному населению? Какие способы можно применять, какие нельзя? Можно ли, условно скажем, сбрасывать бомбы на города, палить из установок массового огня по селам? Регулируется это как-нибудь или хотя бы на уровне обучения, теории какой-то, или на уровне каких-то норм?

В.Куликов. С точки зрения принятия решения образованный командир, организатор боя должен это учитывать. Непосредственно в наших уставах, наших наставлениях такого понятия нет. Нет этого понятия и в уставах

иностранных государств. Примером тому является полное уничтожение городов Дрездена, Карл-Маркс-Штадта (в годы Второй мировой войны г. Хёмниц. — *Авт.)* и других американскими войсками, когда уничтожалось полностью население, не представляющее никакого военного объекта. Здесь я беседовал с командирами, и командиры поясняют. Уточняют объект, из которого ведется мощный артиллерийский и пулеметный огонь, но нет данных, есть там гражданские или нет. Нужно принимать решение: наносить удар или нет. Наносится удар, а там, оказывается, были гражданские. Нестандартная ситуация, а он задачу выполнял в принципе правильно, потому что он нес потери. Я много беседовал с командирами вертолетных частей. Кстати, делился впечатлениями с нынешним министром внутренних дел Куликовым. Спланирована операция, наносятся бомбоштурмовые удары по объектам, допустим по складам, нежилым, не по гражданским лицам, спланирована операция, поступает распоряжение — эту операцию нанесением ударов не проводить. Значит, уже цепь взаимодействия нарушена. Проходит несколько часов, дают распоряжение: можно применять авиацию, в то время как целей тех, которые были обнаружены, там уже нет. Поэтому на вопрос, который Вы задали: обучаются ли и как относиться к мирному населению и прочее, этой жестокости не следует обучать, и во всяком случае, когда такие ситуации складываются, нужно, конечно, проводить соответствующую работу. С этим можно согласиться.

В.Туманов. Еще вопросы? Тогда у меня к Вам вопрос, Виктор Георгиевич, даже не вопрос. Может, Вы развеете мое впечатление о самых первых днях похода на Грозный. Из сообщений печати у меня сложилось впечатление, что наши войска туда вступали, вообще полагая, что при виде их разбегутся противостоящие им силы, и даже была дана команда первыми огня не открывать. Правильное это мое впечатление по средствам массовой информации или нет?

В.Куликов. По всей видимости, верное. Создавалось впечатление, что наличие Вооруженных Сил, большое количество танков, артиллерии у наступающей стороны создадут определенный морально-психологический барьер, и там сразу поднимут лапки. Все, кто организовывал, говорили, что в Грозный и вообще в города не следует вводить танки, боевые машины пехоты, что следует вести бой на окружение и так далее. В то же время свои пожелания нарушали и вводили технику, которую не следовало бы вводить в большие населенные пункты. Поэтому я согласен с Вами: впечатление такое, и я в первые дни разделял, что сейчас появится сила и здесь произойдет какое-то чудо».

Самым долгим, разносторонним и подробным был опрос С.Ковалева. Вот фрагмент его выступления:

«В чем суть этих документов? Очевидно, что они в конечном счете содержат предписание разрешить некую достаточно сложную политическую и правовую проблему, чеченскую проблему силовым путем, попросту говоря, войной. Между тем прямыми словами это нигде не сказано. В этом и состоит их лицемерие. Всюду повторяются слова о восстановлении конституционного порядка, о разоружении, о безопасности вместо прямых слов, что открываются военные действия.

Как можно понять по-другому то, что руководить восстановлением и обеспечением того-сего должен министр обороны? В этом их смысл, и только этот смысл подлежит первоочередному рассмотрению и анализу.

Написаны же эти документы так, чтобы спрятать этот смысл, завуалировать его, избежать прямых указаний на характер и способы действий, которые будут предприняты для осуществления этих решений. Крючкотворство, достойное провинциального стряпчего средней руки. Но крючкотворство отнюдь не безобидное. Именно оно вывело чеченский конфликт за рамки правовой квалификации, лишило его правового статуса, тем самым санкционировав и обеспечив полную произвольность и бесконтрольность действий исполнителя.

Наиболее массовые и грубые нарушения допускались со стороны федеральной власти, но надо признать, что и чеченская сторона была весьма далека от идеала...

Итак, дров наломано много, неконституционность действий доказана их результатом. Но, может быть, действия эти были адекватны ситуации, и к ним, по аналогии с уголовным правом, можно применить принцип крайней необходимости? Может быть, нарушенная легитимность позволила избежать более тяжких последствий, которые могли наступить при дальнейшем бездействии власти? На этот вопрос позволю себе ответить отрицательно.

Начать с того, что действительно безобразная и с политической, и с правовой точек зрения ситуация в Чечне до конфликта сложилась в огромной степени по вине той же федеральной власти, которая взялась ее ликвидировать. Поощрение амбиций Дудаева, розыгрыш его «карты» в московской политической игре, продажа или отдача ему оружия, вооружение оппозиции и провокация внутричеченских столкновений — все эти скандальные страницы чеченской эпопеи не позволяют квалифицировать действия властей, как последовательно направленные на укрепление пресловутой конституционной законности на территории Чечни. Мотивация адекватных действий выглядит, к сожалению, глубоко не искренней. Но это так, к слову.

По-настоящему вопрос об адекватности действий можно разрешить, взвесив жертвы, ценой которых достигалось восстановление конституционной законности...»

Острая дискуссия между С.Ковалевым и представителями Президента велась по двум вопросам. Первый: может ли автор оспариваемых указов отвечать за эксцессы исполнителей? Второй: можно ли сравнивать ущерб, нанесенный исполнением принятых решений, с тем ущербом, который мог бы последовать, если бы эти решения не были приняты? Естественно, что на первый вопрос президентская сторона отвечала — «нет», а на второй — «да».

Это может показаться поразительным, но когда-то точка зрения С.Ковалева была точно такой же. Для этого нужно вспомнить более ранний эпизод новой российской истории — появление Указа № 1400 и последовавшие вслед за этим трагические события октября 1993 года.

Вот некоторые цитаты. Первая — из комментария С.Ковалева в газете «Известия» (14 октября 1993 г.):

«Вряд ли Президент и вообще федеральные органы власти могут нести прямую ответственность за эксцессы исполнителей-милиционеров, приемы которых были достаточно известны и до введения чрезвычайного положения».

Вторая цитата из статьи С.Ковалева «Ваше право» в «Российской газете» (9 декабря 1993 г.):

«Полагаю, что Президент, идя на такой крайний шаг, как роспуск Верховного Совета, понимал как те опасности, которыми было чревато продолжение разрушительной деятельности этого органа, так и те, которые подстерегают страну, оставшуюся фактически без законодательной власти».

Речь здесь идет именно о сопоставлении угроз от принятия решения и от отсутствия такового. Приведем и третью цитату — из его заявления 3 октября 1993 года:

«Я всю жизнь пытался бороться за права человека, защищать достоинство личности от произвола власти. Но столь же твердо я готов защищать эти права от толпы погромщиков. От осатанелой толпы, которой ее преступные вожаки вручили оружие... Все мы были слишком наивны, пытаясь разрешить кризис путем переговоров с людьми, которые сегодня продемонстрировали свое истинное лицо — лицо отечественного фашизма».

При подготовке к Конституционному Суду сначала планировалось использовать эту позицию, подкрепленную бесспорным нравственным авторитетом известного правозащитника. Но потом от этой идеи отказались: было опасение, что суд поймет президентскую сторону неправильно, что, дескать, спорим по принципу «сам дурак».

О напряженности борьбы, а главное, о неоднозначности самой проблемы, по которой до сих пор никто не обладает бесспорной истиной, можно судить хотя бы по тому, что к постановлению суда приложено беспрецедентно большое число особых мнений судей — А.Кононова, В.Лучина, В.Зорькина, Б.Эбзеева, Г.Гаджиева, Н.Витрука, Т.Морщаковой.

Официальный вердикт Конституционного Суда сводился к признанию конституционной правомерности Президента действовать в сложившейся ситуации именно так, как он действовал. Единственное, что признавалось неконституционным, это положения, содержащиеся в постановлении Правительства РФ, о выдворении за пределы Чеченской республики лиц, представляющих угрозу общественной безопасности и личной безопасности граждан, а также о лишении аккредитации журналистов, работающих в зоне вооруженного конфликта.

В то же время все семь судей, приложивших свои особые мнения, критиковали это решение главным образом за то, что оно было поверхностным, не исследовало многие обстоятельства. Например, Н.Витрук так резюмировал все сказанное им в особом мнении:

«Все это оставляет впечатление спешки и поверхностного подхода к осмыслению проблем правового характера, от решения которых зави-

сит судьба России, перспективы ее развития как правового федеративного демократического государства в соответствии с требованиями части 1 статьи 1 Конституции Российской Федерации».

Во многих особых мнениях высказывалось недоумение и тем, что не было введено чрезвычайное или военное положение. Можно понять такое желание судей не просто проголосовать против официального постановления, но и выступить с особым мнением. Еще раз повторим — способ разрешения «чеченской проблемы» был и остается чрезвычайно запутанным клубком из морально-этических, правовых и политических вопросов, но вопросов не абстрактных. Ведь одно дело рассматривать акты, предусматривающие какие-то изменения в будущем, и другое — акты, означавшие, по сути, уже идущую войну. От Конституционного Суда требовалось однозначно высказаться ни больше ни меньше, как по поводу «конституционности войны», по поводу «конституционности смертей и разрушений». И хотя так вопрос никто не ставил, суть была именно в таком противоестественном соседстве этих категорий. Эту противоестественность чувствовали, как всякие нормальные люди, и сами судьи. Особые мнения некоторых из них стали способом некой моральной самозащиты.

И еще один вопрос, который пока остается без ответа: стало ли решение Конституционного Суда 1995 года одним из оснований начала второй чеченской кампании 1999 года?

Сегодня инаугурация. Траур завтра

(АВГУСТ 1996)

«Будем холодны, как шахматисты»

Кремль готовился к вступлению Б.Н.Ельцина, вновь избранного Президентом страны, в должность. 5 августа 1996 года появился Указ «Об официальных символах президентской власти и их использовании при вступлении в должность вновь избранного Президента Российской Федерации».

Ничто не предвещало неприятностей, поскольку, как докладывали военачальники, июльские бои в Чечне привели к разгрому основных сил сепаратистов. Ожидались переговоры с их представителями, но переговоры в большей мере относительно условий капитуляции. Планировалось, что в сентябре обстановка позволит федералам завершить вывод большей части войск. Уверенности добавляли и победные реляции тогдашнего руководителя Чеченской республики Д.Завгаева, заявлявшего о восстановлении полного контроля на территории республики.

Ранним утром 6 августа в Грозный вошли отряды Басаева, Гелисханова и Закаева под общим командованием Масхадова. Они фактически штурмом взяли город. В первые же часы федеральные силы понесли большие потери. Начались затяжные уличные бои. В центре, у Дома правительства, они были особенно ожесточенными. Попытки ввести в город колонны войск Минобороны, чтобы помочь окруженным, привели лишь к огромным потерям. Как и при первом, «новогоднем» штурме Грозного (1994—1995 гг.), федеральное командование ежедневно рапортовало об установлении контроля над центром города. Но несколько журналистов, которые вместе с войсками оказались блокированными, опровергали эти сообщения.

За считанные дни погибло почти 200 солдат и офицеров федеральной группировки.

Следующий после своей инаугурации день, 10 августа, Б.Ельцин объявил днем траура.

Своим полномочным представителем в Чечне Президент назначил А.Лебедя, который тут же отбыл на Северный Кавказ. 11 августа он встретился с А.Масхадовым в районе села Старые Атаги. Там они договорились, что в течение недели будут решены вопросы, связанные с прекращением военных действий и началом вывода федеральных войск. Фактически именно эта встреча стала прологом к Хасавюртовским соглашениям.

Фрагмент беседы А.Лебедя с А.Масхадовым:

«Масхадов. Как в России, так и в Чечне отношение к этой войне — политики воюют и так далее. Думаю, что всем эта война надоела.

Лебедь. Точно.

Масхадов. Российская держава — территориальная целостность, великая державность. Чечня — суверенитет, независимость и так далее. По-мо-

ему, людям наплевать на все это, на эту державность, на их территориальную целостность.

Лебедь. Согласен.

Масхадов. Поэтому сегодня будем реальными политиками, которые не вдаются в эти подробности, что там будет, какой субъект, какое там правительство и так далее. Сегодня цель — закончить эту войну»*.

Б.Ельцин решил полностью довериться А.Лебедю и 12 августа одобрил все его предложения по урегулированию ситуации в Чечне.

13 августа состоялась встреча А.Масхадова с генерал-лейтенантом К.Пуликовским, на которой, по сообщениям чеченской стороны, была достигнута договоренность о прекращении огня со следующего полудня. Федеральное командование отрицало наличие такой договоренности, но интенсивность перестрелок в Грозном резко снизилась.

14 августа Лебедь был уже в Москве, где встретился с Президентом, который подписал Указ «О дополнительных мерах по урегулированию кризиса в Чеченской республике». Руководство процессом «урегулирования» целиком переходило к новому Секретарю Совета безопасности РФ.

На следующий день Лебедь вновь встречается около Старых Атагов с Масхадовым, к которому присоединился Яндарбиев, ставший после смерти Дудаева — до следующих президентских «выборов» в Чечне — лидером сепаратистов.

«Лебедь. Я еще раз повторяю. Я хочу отсюда вывести все войска. Вопрос в том, как это сделать. У меня там, в Москве, круги крутых политических оппонентов, которые кричат: "Единая, неделимая!", "Ура, да здравствует, вперед!" А я не президент. Понятно, да? Вот мы повстречались — у нас не было противоречий, а такой визг поднялся.

Удугов — Масхадову (*говорит по-чеченски*).

Лебедь. Ты можешь говорить на русском языке? Почему ты меня не уважаешь?.. Мы тут рассуждаем холодно и безотносительно, как шахматисты. Вот есть шахматная партия — и ее надо выиграть. При этом мысли высказываются к расширению, к эскалации боевых действий. Всю эту систему подобрать под себя — нужно некоторое время. Нужны некоторые достаточно резкие движения. Надо, чтобы пара замминистров слетела, снять еще пару каких-нибудь начальников, чтобы ребята почувствовали, что это не просто так.

Удугов. Да, да, мы это тоже понимаем, Александр Иванович.

Лебедь. Так что этот процесс выглядит не так, что тебя назначили начальником — и все сразу тебе»**.

Видимо, чтобы создать подходящую атмосферу для успеха переговоров, Лебедь после возвращения в Москву публично объявил министра внутренних дел РФ А.Куликова одним из главных виновников трагедии в Чечне и саботажником мирного урегулирования.

Приведем выдержки из стенограммы пресс-конференции Секретаря Совета безопасности А.Лебедя о ситуации в Чечне 16 августа 1996 года:

«Лебедь. В результате боевых действий имеют место неоправданно высокие потери федеральных сил. В период с 6 по 15 августа в ходе боевых дей-

* Цит. по: **Бархатов А.** Генерал Лебедь. М., 1998. С. 41.

** Там же. С. 66—68.

ствий в Грозном потери составили: убитыми — 247, ранеными — 1020, без вести пропавшими — 142 (давайте считать, что на 90 процентов — это тоже убитые, и не ошибемся)...

Государство, если оно таковым является, не может себе позволить симулировать кипучую деятельность. Один неглупый человек в газете "Известия" написал, очень правильно написал: "Озаботившись режимом чрезвычайного положения, Анатолий Куликов всего лишь симулирует знание выхода из ситуации, как симулируют войска войну, государственные средства массовой информации — объективное информирование, спецкомиссия — переговоры, а правительство — траур". Вот под этим я готов подписаться. Симуляция, имитация...»*

17 августа К.Пуликовский подписал приказ о прекращении боевых действий на всей территории Чечни, текст которого на следующий день был передан чеченской стороне на переговорах.

Однако неожиданно 19 августа С.Медведев, пресс-секретарь Президента, обнародовал поручение А.Лебедю «восстановить систему поддержания правопорядка в Грозном по состоянию на 5 августа». Это означало одно — в Кремле появилась мощная оппозиция генералу. В тот же день столь же резко изменилась и позиция Пуликовского. Он фактически предъявил ультиматум сепаратистам, потребовав покинуть Грозный. 48 часов давалось на эвакуацию мирному населению, после чего было обещано применить «все имеющиеся силы и средства, в том числе действия войск, бомбардировочную и штурмовую авиацию, реактивные системы залпового огня и артиллерию для нанесения удара по местам нахождения боевиков». Но еще не истек срок ультиматума, когда федеральные войска начали минометный и артиллерийский обстрел, бомбовые удары по Грозному. Пуликовский заявил, что ему «больше не о чем говорить» с Масхадовым.

К 21 августа в городе оставалось не более 70 тысяч человек. Трудно сказать, чем бы все закончилось, но прибывший в Чечню Лебедь отправился на встречу с Масхадовым, заявив перед этим, что проблема ультиматума будет решена к утру 22-го на основе «гуманных соображений и здравого смысла».

В ту ночь был выработан и подписан документ, предусматривавший разведение противоборствующих сторон, отвод войск и совместный контроль над отдельными районами Грозного. Однако это был лишь промежуточный документ, позволявший нейтрализовать усилия генерала Пуликовского: главный же был подписан 30 августа в Хасавюрте (хотя официально он датирован 31 августа) и назывался «Принципы определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской республикой».

На самом деле документ не содержал в себе собственно принципы взаимоотношений. Основной его смысл состоял в том, что федеральная власть выводит свои войска с территории Чеченской республики, а к 2001 году решается вопрос о статусе Чечни. Надо сказать, что вопрос об «отложенном статусе» Чеченской республики рассматривался в Администрации Президента еще в феврале 1996 года, но он не получил продолжения и к тому же вскоре появился развернутый план урегулирования проблемы, составленный на основе предложений правительственной комиссии и группы Паина

* См.: Информационная война в Чечне. Факты. Документы. Свидетельства. Ноябрь 1994 — сентябрь 1996. М., 1997. С. 567—568.

(правда, так и не реализованный). Предложения, содержавшие концепцию отложенного статуса, неофициально были переданы новому Секретарю Сов-беза 8 августа М.Красновым. Возможно, Лебедь воспринял идею, возможно, она родилась у него самостоятельно. Но, заметим, речь шла не просто о кратковременной (на 5 лет) отсрочке. Суть «отложенного статуса» заключалась в другом.

Приведем основную часть записки Краснова:

«1. Отнесение (замораживание) решения проблемы на 20-летний период. При этом конституционное положение ЧР жестко не оговаривается и не фиксируется. Смысл: все стороны настолько не доверяют друг другу, настолько дает о себе знать чувство мести, что в горячке решать вопрос о конституционном статусе нереально. Его должны решать иные политики.

2. Образование триумвирата (аналог из истории Римского государства — Помпей, Красс, Цезарь или Антоний, Лепид, Октавиан). В нашем случае — Завгаев, Яндарбиев, третий под вопросом: Масхадов, Хасбулатов, кто-то еще (?). Это — самое трудное. Тем более оба римских триумвирата заканчивались захватом власти одним из трех правителей. Но психологически, думаю, эта идея может быть принята, поскольку:

— все как бы остаются у власти;

— присутствие Москвы почти не будет ощущаться;

— появляются многие существенные элементы самостоятельности.

3. Над статусом триумвирата надо подумать: то ли эти трое разделят территориальные сферы Чечни, то ли по отраслям, то ли по группам тейпов, то ли будут управлять всем совместно через принцип консенсуса (возражение одного перекрывает общее решение). Это — один из предметов договоренностей.

4. Федерация четко объявляет, что ей нужно от Чечни:

1) гражданское спокойствие;

2) неприкосновенность оставляемого в Чечне гарнизона наших войск;

3) материальное обеспечение собственного населения;

4) отсутствие произвола в отношении граждан.

5. Налоги с Чечни не взимаются, но и федеральная помощь особо не оказывается. Чечня живет на свои нефтедоллары. Если триумвират не сможет организовать хозяйственную жизнь или если своего экономического потенциала окажется недостаточно, помощь будет оказана, но взамен обеспечивается существенное вмешательство Федерации в хозяйственную жизнь, в том числе контроль.

6. Оговаривается, какие властные системы не замыкаются на федеральный уровень (в отличие от других субъектов РФ).

7. Правопорядок в Чечне полностью обеспечивается триумвиратом. Образуется единая милиция (полиция) Чечни без тяжелого вооружения. Наше тяжелое вооружение также выводится, прежде всего чтобы не быть приманкой при возникновении нежелательных событий.

8. Видимо, поначалу образование (продолжение деятельности образованного) представительного органа нецелесообразно. Сейчас о всякой демократии в Чечне лучше забыть. Главная «демократия» сейчас — отсутствие стрельбы и произвола.

9. С образованием триумвирата обустраивается граница по периметру ЧР. Это дорого, но себя оправдает при любом исходе событий.

10. Решается вопрос с «чеченской диаспорой» в Великороссии.

Технология реализации идеи обычная: сначала рабочие консультации со всеми сторонами, затем консультации между возможными участниками триумвирата, затем заключение Договора от имени триумвирата с Москвой».

А вот послесловие А.Куликова к событиям августа 1996 года:

«...практически произошел захват Грозного не без помощи федеральных представителей. Боевики уже сбежали оттуда к 13 августа, а летом подписали это Хасавюртовское соглашение и окрылили мятежников. Лебедь прилетел и дал команду остановить все силы. Хотя палец о палец не ударили ни он, ни министр обороны, ни начальник Генерального штаба в ответ на мои неоднократные телеграммы о помощи, чтобы сменить внутренние войска по периметру Грозного. Замысел состоял в том, чтобы армейскими силами блокировать город по периметру, а силами МВД действовать внутри. Для этого мною в Грозный было направлено 2,5 тысячи дополнительно, сразу же 6 августа после получения сведений о вхождении в город боевиков»*.

Подводя итоги

Первая чеченская война закончилась. Но победы не было, как не было и мира. В результате боев незаконные вооруженные формирования понесли серьезные потери, однако их основные силы сохранились и продолжали пополняться. Поддерживая отдельные очаги сопротивления в Грозном и других крупных населенных пунктах, главные свои усилия боевики перенесли на партизанские действия — нападения на отдельные посты и гарнизоны, уничтожение машин на дорогах, вертолетов в воздухе, осуществление диверсионных и террористических актов против новых чеченских властей, российских командиров. На юге создавались опорные базы партизанского движения.

Избрание новым президентом Чечни А.Масхадова не изменило ситуацию. Надежды на то, что с этим бывшим полковником Советской армии, еще несколько месяцев назад подписывавшим на переговорах мирные протоколы, удастся договориться, не оправдались. Он был под таким же контролем полевых командиров Басаева, Хаттаба и других, как до него Дудаев (помните его слова? — «Я не принадлежу сам себе. Меня они просто не выпустят»).

Через несколько лет под этот контроль вернулась и вся Чечня.

Бремя Чечни, включая сюда почти два года войны и последующее состояние «ни войны ни мира», оказалось не по силам Президенту Ельцину. Что же оставалось? Вторая силовая попытка? Обладая полной информацией, он понимал, что только на подготовку ее должны уйти годы, которых у его президентского срока уже не было. В самом деле, прежде всего необходимо было восстановить боеспособность Вооруженных Сил.

Верховный Главнокомандующий Б.Ельцин подводил для себя итоги.

Отсутствие у Министерства обороны финансовых средств привело к тому, что в течение нескольких лет органы военного управления, войска

* Цит. по: **Некрасов В.** МВД в лицах. М., 2000. С. 328.

и силы флота почти не занимались боевой подготовкой. Командующие, командиры и штабы, как показала Чечня, оказались не готовы к управлению войсками в реальной боевой обстановке. Офицеры, сержанты и солдаты не получали практики в стрельбе, вождении, выполнении других боевых задач.

Не было денег на закупку вооружения и снаряжения для сил общего назначения. В Чечне с обеих сторон использовалось российское оружие, но портативными радиостанциями, компьютерами, спутниковой связью даже отряды МЧС, не говоря уж о боевиках, были оснащены лучше, чем армейские части.

Оружие и военная техника для частей, направляемых в Чечню, снимались, как правило, с консервации и до 35% их оказалось неисправными. Танки, боевые машины пехоты, бронетранспортеры выходили из строя еще при погрузке, на марше.

Практически не было серьезной организации боевых действий и подготовки войск. Некоторые командиры и офицеры штабов не были обеспечены даже крупномасштабными картами. Личный состав не получал всю необходимую экипировку (средства защиты, положенное количество боеприпасов, шанцевый инструмент и др.). В первые дни действий в Чечне солдаты и офицеры не получали даже горячей пищи. Таким образом, войска отправлялись на выполнение боевых задач совершенно неподготовленными.

Отсюда огромные потери: в три-четыре раза большие, чем в Афганистане, где каждый месяц советские войска теряли в среднем 132 человека убитыми и 450 ранеными.

Оставалось только удивляться, как, несмотря на тяжелейшие условия, в которые поставили армию, без должного политического обеспечения, при враждебном отношении со стороны значительной части общественности, российские солдаты, сержанты и офицеры остались верными своему конституционному долгу, и многие из них во имя сохранения целостности России (а это был единственный внятный мотив, сформулированный политиками) отдали свои жизни.

И это на фоне неустроенности офицеров и их семей, запущенности воспитательной работы, повседневной неорганизованности и беспорядка, резкого падения воинской дисциплины и исполнительности, когда даже высшие должностные лица отказывались выполнять приказы, а некоторые подразделения, в том числе разведгруппа бригады специального назначения, еще не вступив в бой, сдавались в плен. В таких условиях армия перестает быть организованной военной силой.

Можно с уверенностью предположить, что, слушая доклады честных и смелых военачальников, иногда пробивавшихся к Ельцину на прием «не по команде», читая об этом в записках опытных военных экспертов, Президент все глубже осознавал всю тяжесть задачи, которую ему предстояло решать. Он понимал, что при сходных начальных условиях вторая попытка будет иметь примерно тот же результат; вспоминал роль, которую приходилось играть в предвыборной президентской кампании 1996 года, в том числе и в Чечне. И он решил не брать на себя еще одну такую войну. По-видимому, Чечня была одним из факторов, которые привели его к решению о досрочной отставке.

ПРЕЗИДЕНТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.Т. Гайдару

Прошу рассмотреть предложения Д. Дудаева и подготовить проект ответа.

Б. Ельцин

" 31 " июля 1992 г.

Пр-1384

Подлежит возврату в Канцелярию Президента Российской Федерации

Поручение Президента Ельцина Е.Гайдару в связи с предложениями Д.Дудаева.

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОРУЧЕНИЕ

П.С.Грачеву
В.Ф.Ерину

Прошу в вопросе освобождения военнопленных федеральных войск на территории Чеченской Республики шире использовать инициативу Комитета солдатских матерей. О фактах совместной деятельности с Комитетом солдатских матерей доложить.

Б.Ельцин

Администрация Президента Российской Федерации Управление делопроизводства № 9

"24" января 1995 года
Пр-121

В решении политических вопросов Президент Ельцин опирался и на общественные организации.

Б А1-1-34

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Для заметок адресата

ЗЦЗЦ 002 С205 700 1
(205 205910/01 0013 2356 17.12)

ТЕЛЕГРАММА

КВРУ ЯАИИИАПЯ ПЯИЫ ВПВВ ЯУМЯВЛ
ГРОЗНЫЙ 601/2 83 17/12 2000=

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ УВЕДОМЛЕНИЕ ТЕЛЕГРАФОМ МОСКВА КРЕМЛЬ
ПРЕЗИДЕНТУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЕЛЬЦИНУ Б Н=

НАСТОЯЩИМ ЗАЯВЛЯЮ ЧТО МНОЮ ОТДАН ПРИКАЗ 16 ДЕКАБРЯ С 15 ЧАСОВ
ПРЕКРАТИТЬ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ И ПЕРЕДВИЖЕНИЕ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ С ЦЕЛЬЮ
ИЗБЕЖАТЬ ЭСКАЛАЦИИ БРАТОУБИЙСТВЕННОГО КОНФЛИКТА И НЕВИННЫХ ЖЕРТВ
ТОМ ЧИСЛЕ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ ОБРАЩАЮСЬ К ВАМ С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ
ОТВЕТНОГО АНАЛОГИЧНОГО ШАГА СОГЛАСЕН С ВАШИМ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ НАЧАТЬ
БЕЗ КАКИХ-ЛИБО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ПЕРЕГОВОРЫ НА СООТВЕТСТВУЮЩЕМ
УРОВНЕ И ЛИЧНО ВОЗГЛАВИТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННУЮ ДЕЛЕГАЦИЮ ЧЕЧЕНСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ ИЧКЕРИЯ=ПРЕЗИДЕНТ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИЧКЕРИЯ
ДЖОХАР ДУДАЕВ-
НННН 2356 17.12 0002

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТЕЛЕГРАФ
18 ДЕК 1994
МОСКВА

в архив
19.12.94

Телеграмма Д.Дудаева с предложением прекратить военные действия.

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Москва, Кремль

ПРИЕМ

Министерство связи Российской Федерации

ТЕЛЕГРАММА

№ _____

Принял 18/12 в 13 ч 47 м.

ПЕРЕДАЧА

18 в 13 ч 45 м.

№ связи _____

Передал _____

КУДА:
подробн. адрес
КОМУ:

Грозный, Дудаеву

Вашу телеграмму о согласии вступить в переговоры без каких либо предварительных условий получил.

Предлагаю, без промедления, Вам встретиться с моим полномочным представителем-заместителем Председателя Правительства Егоровым Н.Д. и членом Совета безопасности РФ, Директором Федеральной службы контразведки Степашиным С.В., находящимися в г.Моздоке.

Если сегодня будет подписан с Вашим личным участием соответствующий документ о прекращении огня и сдаче оружия,буду расценивать это, как доказательство серьезных намерений нормализовать обстановку, восстановить мир и спокойствие в Чеченской республике на благо всх народов России. НР2683п-П22

Б.Ельцин

2
1345

Наименование и адрес отправителя

Администрация Президента Российской Федерации

Ответная телеграмма Президента Ельцина Д.Дудаеву.

Часть V

Последний срок

После битвы

(ИЮЛЬ 1996 — ЯНВАРЬ 1997)

Кадры решают все

Победа Б.Ельцина на выборах 1996 года не стала повторением его триумфа 1991 года. Сам он окончательно подорвал свое здоровье, а стране пришлось заплатить за эту победу резким усилением олигархических кланов, мучительным, растянутым на четырехлетний срок прощанием с «эпохой Ельцина».

Кадры — любимый инструмент управления Б.Ельцина и во времена поражений, и после побед. Персональные изменения в президентских структурах начались еще до второго тура президентских выборов, когда пострадал непотопляемый и всесильный начальник Службы безопасности и, можно сказать, наиболее доверенное лицо Б.Ельцина, практически друг семьи А.Коржаков. Вместе с ним после известного скандала с «коробкой из-под ксерокса» ушли глава ФСБ М.Барсуков и первый вице-премьер О.Сосковец. Одновременно команда Президента приросла А.Лебедем. Обо всем этом говорилось выше.

Большой потерей для Б.Ельцина стал уход первого помощника В.Илюшина. Еще в начале 1996 года Г.Сатаров заметил в разговоре с ним, что место руководителя избирательного штаба Б.Ельцина совершенно безвыигрышное: если потерпел поражение, то все ясно — дело плохо; если одержал победу, то попадаешь в неудобную позицию человека, которому Президент обязан. Когда позже Б.Ельцин предложил В.Илюшину возглавить избирательный штаб, то получил в ответ согласие вместе с просьбой отпустить «на волю» после выборов. Возможно, сказалось воспоминание о том частном разговоре с коллегой. Но, скорее всего, дело было в колоссальной усталости. Непросто было еще со свердловских времен (с коротким перерывом на командировку в Афганистан в качестве советника) тянуть эту нелегкую лямку. Не последним аргументом были и напряженные отношения с А.Коржаковым, обострившиеся после того, как В.Илюшин фактически сверг со штабного трона О.Сосковца (не мог тогда Илюшин даже предположить, что Коржакова бесславно отправят в отставку).

Так или иначе, Б.Ельцин пообещал «вольную». Во время избирательной кампании В.Илюшин укрепился в своем намерении уйти в «автономное плавание», поскольку почувствовал вкус самостоятельной работы, ответственных политических решений.

После второго тура выборов состоялось ритуальное жертвоприношение: Служба помощников в полном составе нанесла визит вновь избранному Президенту и подала прошения об отставке. Б.Ельцин жест, по всей видимости, оценил; сказал, что хочет работать с этой командой и дальше. Потом добавил, что вот, мол, Виктор Васильевич собирается уходить, не передумает ли? Но Илюшин был непоколебим. В новом правительстве

Черномырдина ему досталась одна из самых неблагодарных должностей — вице-премьера, отвечавшего за «социалку»: боли на три головы, а все деньги у Минфина. Весной 1997 года он покинул государственную службу.

Для Ельцина уход Илюшина был действительно потерей. Виктор Васильевич являлся суперчиновником с уникальной культурой «штабной работы», владеющим всем арсеналом аппаратной игры. Он обладал качествами, очень редкими для чиновников высшего уровня: прекрасно знал не только свои сильные стороны, но и хорошо видел слабости. Он различал и ценил интеллект и профессионализм в тех сферах, где чувствовал свою недостаточную подготовку. Недаром В.Илюшин так много сделал, чтобы совершенно преобразовать Службу помощников в 1993 году. Гораздо позже в одной приватной беседе Илюшин признался, что если бы Ельцин предложил ему остаться в качестве руководителя Администрации, то он ответил бы согласием. Но такого предложения не последовало. У Президента были другие планы.

Меньше чем через две недели после президентских выборов, 16 июля 1996 года, руководителем Администрации Президента вместо Н.Егорова был назначен А.Чубайс. Этому предшествовали интенсивные консультации и интриги. На главное место рядом с троном прочили многих: второго человека в холдинге «Медиа-МОСТ» И.Малашенко, С.Шахрая, В.Шахновского из московского Правительства и других. Но одни отказались, а другим не предложили.

После назначения Чубайса в Администрации Президента начались радикальные изменения. Кабинет Илюшина в Кремле в качестве первого заместителя руководителя Администрации занял Юрий Яров, возглавлявший аппарат штаба избирательной кампании, а до этого входивший в Правительство Черномырдина в качестве вице-премьера по социальным вопросам. Заместителями Чубайса стали помогавший ему проводить приватизацию Максим Бойко (позже его сменил гендиректор «Интерфакса» Михаил Комиссар); Евгений Савостьянов, возглавлявший до декабря 1994 года управление ФСБ по Москве и Московской области и отправленный в отставку по инициативе Коржакова. Сергей Ястржембский сменил на посту президентского пресс-секретаря Сергея Медведева; Алексей Кудрин возглавил Контрольное управление Администрации Президента (его сменил позже будущий президент Владимир Путин); Алексей Огарев в ранге заместителя руководителя Администрации сменил помощника по военно-техническому сотрудничеству с зарубежными странами Бориса Кузыка; советниками Президента стали его младшая дочь Татьяна Дьяченко и Валентин Юмашев. Позднее была введена должность помощника «по авиации и космосу», на которую Б.Ельцин назначил маршала Евгения Шапошникова; Сергей Приходько стал помощником по международным вопросам вместо уволенного Дмитрия Рюрикова; спустя год с небольшим после выборов Джахан Поллыева была назначена на специально созданный под нее пост старшего референта, то есть главного спичрайтера.

Кадровым изменениям в Администрации предшествовало одно обстоятельство. Во время выборов, ближе к их финишу, как уже упоминалось, Б.Ельцин ввел в практику регулярные встречи с членами аналитической группы избирательного штаба. На одной из таких встреч он сказал, что ему

нравится, как работает штаб, и хотелось бы, чтобы после выборов лучшее из его практики вместе с лучшими кадрами было перенесено в Администрацию. Повторно он вернулся к этой идее на последней, победной встрече с членами аналитической группы. Понятно, что начали думать, как реализовать президентское пожелание. Было, в частности, предложено учредить орган под рабочим названием «Совет по политическому планированию», в который могли бы войти высшие чины Администрации, некоторые бывшие члены аналитической группы и несколько членов Президентского совета. Главная задача этого органа — интеллектуальное обеспечение работы по повышению эффективности президентской власти. Предполагалось, что ответственным секретарем этого органа станет Т.Дьяченко, входившая в состав аналитической группы.

Однако «получилось как всегда». И вместо Совета начала функционировать маленькая «закрытая» группа, в которую входили Т.Дьяченко, В.Юмашев, М.Бойко, С.Ястржембский, А.Ослон, Г.Павловский и еще несколько человек. Еженедельно собираясь, они разрабатывали планы поддержания положительного имиджа Б.Ельцина. Этому способствовало и то, что в Администрацию начали приходить люди, которых предвыборный штаб подряжал для работ рекламного характера (плакаты, наклейки, концерты и т.п.). Из них были образованы структуры Администрации, которые должны были заниматься, как нынче говорят, «пиаром» (от английского — public relations, т.е. общественные связи). Помощники (в их традиционном, так сказать, политическом смысле) вытеснялись, поскольку становились не только не нужными, но и в чем-то мешавшими осуществлению новых задач.

Фактически узкие цели и технологические приемы избирательной кампании переносились на повседневную политическую работу Администрации. И это было ущербно и для Президента, и для страны. Условности и стилистика политического поведения, принимавшиеся избирателями во время выборной кампании, выглядели противоестественно после ее завершения. Поэтому рекламирование Президента, проводившееся, как правило, в традиционном «торговом» стиле, так и не принесло результата. Если учесть, что на это тратились основные усилия новой Администрации, то ущерб был нанесен и решению остальных задач, более важных, чем реклама.

Когда дым рассеялся

А.Чубайс не собирался принимать сложившуюся до него аппаратную конструкцию. Соглашаясь на пост руководителя Администрации, он, представший перед обществом как «победитель Коржакова» и один из «главных организаторов и вдохновителей» победы Ельцина на выборах, не мог согласиться на роль пусть и крупного, но сугубо аппаратного деятеля. Поэтому, оставшись практически единственным политическим «тяжеловесом» в Администрации, он стал перекраивать ее под себя, приведя в Кремль команду, всегда следовавшую за ним с места на место. Фактически он начал создавать в Администрации запасное, резервное правительство, рас-

считывая в удобный момент вновь вернуться в более комфортный для себя Белый дом.

А.Чубайс, безусловно, незаурядная личность. Он, как и сам Ельцин, не чужд некоторой доли «мессианства», сочетающегося в нем с суровым рационализмом, доходящим до цинизма. В народе его образ вызывал редкую антипатию, он был, как тогда говорили, «всероссийским аллергеном». Совсем другим Чубайс представал в глазах Запада. Вот некоторые характеристики, данные ему известной французской газетой «Фигаро» от 8 ноября 1996 года:

«Этот либерал хочет укрепить государственную власть перед лицом социального кризиса, угрожающего смыть все плотины. И он знает, что в этой гонке со временем неуместно задаваться вопросами о происхождении созданных состояний. Необходимо использовать тех, кто сумел не только выжить, но и добиться процветания в условиях джунглей...

В кругах московских западников не скупятся на восхваления "мозгу" Кремля и радуются тому, что президент даровал наконец свое доверие человеку, по возрасту, знаниям и идеям принадлежащему к новой России. Завсегдатай форумов в Давосе, бегло говорящий по-английски, любимчик МВФ и Всемирного банка, Чубайс воплощает собой "Белую Россию", противостоящую "Черной России" демонов, юродивых, самоистязателей, достоевщины, обскурантизма и проклятия...

"Власть, — говорит он, — это орудие". Он неплохой оратор: речей ему не пишут, и он обходится без заготовленного текста. Но сейчас "регент" довольствуется тем, что "укрепляет" российское руководство в отсутствие Президента».

Как и за всяким известным политиком, за Чубайсом тянется шлейф мифов. Самый распространенный из них — блестящие менеджерские способности. Его работа на посту руководителя Администрации показала, что А.Чубайс действительно эффективен, когда необходимо решать конкретные задачи с ясным критерием, будь то число приватизированных предприятий или число голосов избирателей. В таких случаях он умеет мобилизоваться сам и мобилизовать других, четко организовать работу. Однако работа в Администрации, помощь в реализации президентских полномочий не сводятся к нескольким измеримым критериям. Существует множество целей, множество неформальных критериев, к тому же они могут противоречить друг другу. В этой ситуации Чубайс всю совокупность задач свел к одной — поддержанию популярности Президента.

Как это делалось всеми его предшественниками, он подготовил и подписал у Б.Ельцина указ о новой структуре Администрации. Суть изменений, как уже говорилось, сводилась к следующему: ликвидировалась Служба помощников Президента, сужались их функции и понижался статус; ликвидировались аналитические службы, создавались подразделения, призванные решать рекламно-агитационные задачи. А.Чубайс был самодостаточен и не нуждался в советах со стороны.

Помимо сведения сложной управленческой задачи к простой, оставалась еще одна аппаратная цель: добиться монополизации «президентского уха». Дело облегчалось тем, что А.Чубайсу фактически пришлось стать «регентом» при тяжело больном главе государства. Общение помощ-

ников с Б.Ельциным стало носить преимущественно эпистолярный характер и при этом становилось все более фрагментарным. Непосредственные встречи с этого времени стали крайне редкими. Перестал созываться Президентский совет, прекратились встречи Президента с экспертами и специалистами.

Нельзя сказать, что Чубайс действовал напролом, пытаясь убрать сразу всех «лишних людей» из Администрации. Впрочем, ходили слухи, что он «закинул удочку» насчет увольнения его помощников, но Ельцин не согласился. Однако такой прямолинейности и не требовалось, поскольку Чубайс попросту перестроил под себя информационные каналы. Сначала де-факто, а потом, после выхода к концу лета 1996 года Указа о структуре Администрации, и де-юре альтернативный источник информации для Президента, олицетворявшийся Службой помощников, был ликвидирован. Как уже писалось выше, этот институт при всех прежних руководителях Администрации был вполне самостоятельным подразделением. Помощники были своеобразным «окном в мир» для Президента. Для большинства из них некоторая публичность и более широкий взгляд на происходившее являлись существенной частью должностных обязанностей.

Чубайс сломал эту систему, по сути, замкнув президентских помощников на себя. При этом доступ к «регенту» оказался сложнее, чем раньше к самому Президенту. В результате новых веяний в 1997–1998 годах Администрацию вынуждены были покинуть по разным поводам все помощники Президента и его спичрайтеры, пришедшие к нему еще в начале 90-х годов.

Эта реорганизация обусловливалась, по-видимому, несколькими причинами. Во-первых, закончилось время, когда «яйцеголовые» требовались Ельцину для решения сложных политических задач «перехода к демократии». Новая победа на президентских выборах создала ощущение нереальности возврата назад. Теперь неудобства, доставляемые независимыми людьми, перевешивали их достоинства. Во-вторых, сказалась накопившаяся от всех перипетий прошедших лет усталость первого Президента, вообще не любившего долго работать с одними и теми же людьми. В-третьих, связанный с предыдущей причиной фактор — состояние здоровья Президента. Его резко снизившаяся после выборов активность, этап операции, длительное и тяжелое, с осложнениями, выздоровление не требовали института помощников, рассчитанного на совершенно другой ритм и объем работы. Потребность в различных каналах информации существует только тогда, когда достает здоровья и энергии на работу с ними. Президент уже не обладал всем этим. В-четвертых, он вынужден был довериться людям, которые, как считалось, обеспечили его переизбрание. А им, большим прагматикам, были не с руки те, кто не связан ни с одной из групп влияния и мог быть самостоятельной политической силой внутри Администрации Президента.

Но в перестроенной Администрации у Чубайса возник другой аппаратный конкурент — А.Лебедь, который, почувствовав вкус к политической жизни, стал выстраивать линию, направленную в конечном счете на получение президентских регалий. Он явно рассчитывал на досрочные президентские выборы в связи с ухудшавшимся состоянием здоровья Бориса Николаевича.

Воспринимавшийся многими как синоним «порядка», отставной генерал всячески старался закрепить в сознании народа этот политический «лейбл»: «Лебедь — порядок». Однако, никогда ранее не работая в государственном аппарате, он не учел его огромной силы. В отличие от того же Чубайса, у Лебедя не оказалось ни долгосрочной стратегии, ни своей команды, занимавшей важные позиции в государственном аппарате, ни поддержки в средствах массовой информации (короткие периоды предвыборной «пиаровской раскрутки» не в счет), ни даже административных ресурсов, поскольку Совет безопасности был тогда чисто консультативным органом.

В активе Лебедя как Секретаря Совета безопасности числятся, пожалуй, только две заметные акции — выход Указа Президента РФ «О неотложных мерах по укреплению правопорядка и усилению борьбы с преступностью в г. Москве и Московской области» (июль 1996 г.) и подписание в Хасавюрте «Принципов определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской республикой» (август 1996 г.). Но ни одна из этих акций не принесла ему особых политических дивидендов.

Указ не стал (да и не мог стать) революцией в организации противодействия организованной преступности. Главные его идеи сводились к возможности «перемещать» бомжей за пределы московского региона (что, правда, через год было отменено новым указом Президента), производить изъятие бесхозного имущества в собственность государства, а также выделять дополнительные средства московским структурам правопорядка и увеличивать их численный состав.

Справедливости ради стоит добавить, что некоторые предлагавшиеся Лебедем радикальные идеи не попали в окончательный текст указа, поскольку слишком явно противоречили Конституции и законодательству и при обычной схеме прохождения проекта (отработка текста в Государственно-правовом управлении, визирование помощниками Президента) не могли остаться в неприкосновенности. Теоретически Александр Иванович имел возможность подписать свой вариант указа непосредственно при встрече с Президентом, как это порой бывало. Но он не воспользовался и этим. Да и не мог бы воспользоваться, поскольку президентский график определял Чубайс. И даже будь указ подписан им в обход Администрации, он не получил бы номера и тем самым не смог бы выйти в свет.

Что же касается Хасавюртовских договоренностей, то А.Лебедь не столько решил чеченскую проблему, сколько перечеркнул все прошлые договоренности (отнюдь не в пользу федеральной власти) и отсрочил ее решение (напомним, что едва ли не главным пунктом соглашений было положение о том, что через 5 лет, то есть в 2001 году, будет решен вопрос о статусе Чеченской республики). После Хасавюрта федеральная власть фактически пустила развитие событий в этом регионе на самотек, что привело в конце концов к новой чеченской войне.

Застой

По Конституции премьер слагает полномочия после избрания (переизбрания) Президента, что и сделал В.Черномырдин вместе со всем кабинетом министров. Б.Ельцин, озабоченный своим здоровьем, не стал тратить

силы на поиски новой кандидатуры главы Правительства. Одновременно А.Чубайс, ставший, по существу, вторым лицом в государстве, также не возражал, так как не забыл опыт совместной работы с В.Черномырдиным и его дрейф в сторону либеральной экономической политики. Кандидатуру действующего премьера «направили» для утверждения в Государственную Думу 9 августа, сразу после инаугурации, и уже на следующий день нижняя палата утвердила В.Черномырдина внушительным большинством голосов.

Однако «семибанкирщина»*, уверовавшая в то, что победа Б.Ельцина на президентских выборах обусловлена исключительно ее стараниями, ждала воздаяния. Оно последовало: первым вице-премьером во вновь формируемом Правительстве стал банкир В.Потанин. Это назначение, ознаменовавшее возросшее влияние на политику верхушки российского бизнеса, привело к двум последствиям. Первое — в политический лексикон вошло и прочно укоренилось хлесткое слово «олигарх». Второе — пока шли выборы, будущие олигархи выступали единым строем в защиту своих интересов; после выборов, когда опасность миновала, вышли на поверхность конкурентные страсти. Предстоящий дележ пирога оставшейся государственной собственности усугубил раскол. В результате последующий период прошел под знаком острой борьбы, которую вели друг с другом не только олигархические группировки, но и входившие в них с той или иной мерой откровенности высокопоставленные чиновники и группы СМИ. Практика покупки политиков, делегирования «своих людей» во власть приобрела угрожающие масштабы.

После 1996 года изменилась структура новых кадров бюрократии. Если раньше про того или иного высшего чиновника гадали, какой он политической ориентации, то теперь вопрос задавался иначе: кто его «прикармливает», к какой олигархической группировке он принадлежит? Лоббирование чиновниками интересов своих патронов прежде всего в вопросах собственности породило череду публичных скандалов. В политический лексикон вошло выражение «информационная война».

В итоге новое Правительство стало по составу одним из самых неэффективных. Сказались также привычка к несамостоятельности, потребность подкреплять свои действия указами Б.Ельцина с перекладыванием на него ответственности за непопулярные решения. Практика, оправданная в начале 1992 года, когда надо было опекать и «подпирать» молодое гайдаровское Правительство, укоренилась, заскорузла, привела к коллективной безответственности. Проблемы Правительства порождались и тем, что ему пришлось расхлебывать последствия выборов. Тогда запредельным напряжением сил удалось снизить объем задолженностей по пенсиям и заработной плате бюджетникам, но это привело к существенным негативным издержкам, сказавшимся на экономике и социальной сфере.

Пока Правительство расхлебывало последствия выборов, Администрация Президента пыталась решать политические проблемы. Одной из

* Это слово, переделанное из «семибоярщины» — особого органа власти периода Смутного времени в России (1610—1612 гг.), — обозначало соглашение нескольких наиболее богатых и влиятельных банкиров, объединившихся зимой 1996 года в Давосе для поддержки Б.Н.Ельцина на предстоявших выборах. Позже их стали называть олигархами.

наиболее крупных политических кампаний того времени стала прокатившаяся по всей стране волна выборов руководителей субъектов Федерации: с осени 1996 года до первых месяцев 1997 года они должны были произойти более чем в 50 регионах. Левая оппозиция рассматривала эти выборы как возможность реванша после поражения в битве за президентский пост. Не меньшее значение придавали предстоящим политическим ристалищам и в Администрации. Однако А.Чубайс решил ограничиться традиционными аппаратными инструментами, возложив ответственность за решение всей проблемы на своего заместителя А.Казакова и подотчетное ему управление по работе с территориями. Началась полоса неудач.

Почти каждый понедельник еженедельное утреннее совещание под председательством руководителя Администрации начиналось с доклада несчастного Казакова, первоклассного чиновника, вынужденного заниматься непривычной для него работой. После окончания доклада председательствующий обращал к присутствующим дежурный вопрос: «Как будем выдавать наше поражение за победу?». Только в ноябре Чубайс спохватился. Было создано нечто вроде рабочей группы по региональным выборам, но действовала она вяло и весьма формально.

Победы коммунистов на региональных выборах существенно не повлияли на политический курс страны. Да и сами избранные губернаторы вскоре стали забывать о своей прежней политической окраске. Типичный пример — А.Руцкой, ставший губернатором Курской области и превратившийся из заклятого врага Президента в его умеренного сторонника. Главы краев и областей, отвечавшие за положение на своих территориях и в массе своей экономически зависимые от центральной власти, не могли позволить себе безоглядной конфронтации с Центром.

Главным политическим результатом региональных выборов стала беспрецедентно высокая доля поражений среди действующих губернаторов — 50%. Это был первый симптом существенных сдвигов в политическом сознании граждан после президентских выборов. У приверженцев демократических ценностей победа Б.Ельцина породила ощущение, что «точка возврата» пройдена: коммунистический реванш, страх перед которым определял политический выбор многих избирателей, выглядел ирреально. Одновременно лавинообразно росло и разочарование у тех, кто голосовал за переизбрание Б.Ельцина. Оно порождалось и его болезнью, и самой атмосферой, которая сгущалась в стране на фоне этой болезни, и вялостью власти в целом. Снова стало циркулировать забытое слово «застой».

А ну-ка, возврати мой чемоданчик!

В начале сентября Б.Ельцин объявил, что дал согласие на операцию на сердце — шунтирование. Страна, да и международный политический бомонд замерли в ожидании ее исхода. Фактически это был «третий тур» президентской гонки. Россия, не успев опомниться от летних выборов своего руководителя, вновь оказалась на распутье. Но теперь все зависело уже не от народа, а только от Бога или от искусства врачей и запаса жизненных сил самого пациента.

День операции приближался, и вместе с ним все более актуальным становился вопрос, должен ли Б.Ельцин временно передать свои полномочия Председателю Правительства. В Администрации единой позиции не было.

Например, А.Лебедь публично заявлял, что Президент обязан передать полномочия премьеру. Он направил Б.Ельцину официальное письмо с предложениями о форме временной передачи президентских полномочий, в котором говорилось о целесообразности подписания соответствующего указа, а также об обращении к народу и информировании парламента страны об этом решении. «Все это, — писал Лебедь, — позволило бы нейтрализовать возможные попытки определенных внутренних и внешних сил использовать ситуацию в собственных узкополитических интересах, сохранить наметившийся после президентских выборов курс на стабилизацию обстановки в стране и в конечном итоге — укрепить Ваш авторитет Президента — гаранта Конституции Российской Федерации как внутри страны, так и за рубежом».

Некоторые помощники, напротив, публично подвергли сомнению обязанность Президента вручить полное управление государством премьеру. Они считали, что конституционная норма о том, что «во всех случаях, когда Президент Российской Федерации не в состоянии выполнять свои обязанности, их временно исполняет Председатель Правительства Российской Федерации», подразумевает не вообще все случаи, а только указанные в статье конституционные основания досрочного прекращения полномочий. О таком узком понимании поводов для передачи полномочий свидетельствовал и мировой опыт.

Например, о двух тяжелых операциях под общим наркозом, которые перенес Президент Франции Ф.Миттеран (в сентябре 1992 и июле 1994 годов), общественность узнала задним числом. Естественно, что Миттеран не перепоручал никому выполнение своих обязанностей. Другое дело, что перед хирургической операцией 1994 года он счел возможным заблаговременно проинформировать об этом тогдашнего премьер-министра Э.Балладюра, который председательствовал вместо него на заседании Совета министров Франции.

Примерно такая же практика существует и в США. Только в случаях смерти президентов их полномочия выполнялись вице-президентами. Но в периоды даже тяжелых болезней американских президентов (Дж.Гарфилда, В.Вильсона, Д.Эйзенхауэра) их полномочия никому не передавались.

Эту традицию «нарушил» лишь Президент Р.Рейган, когда ему предстояло перенести серьезную хирургическую операцию. 13 июля 1985 года перед операцией он написал письмо временному председателю Сената и спикеру Палаты представителей, в котором, в частности, было сказано: «После консультаций с моим советником по юридическим вопросам и министром юстиции мое внимание привлек раздел III XXV поправки к Конституции, в частности неясность применения его положений к подобному непродолжительному и временному периоду неспособности президента осуществлять свои полномочия. Я не считаю, что авторы этой поправки имели в виду ее применимость к данной ситуации.

Тем не менее, — хотя я не намерен создавать прецедент в отношении любого, кто займет пост президента в будущем, — я принял решение,

и это мое намерение и указание, чтобы вице-президент Джордж Буш в соответствии с моей давней договоренностью с ним взял на себя полномочия и обязанности начиная с того момента, как я подвергнусь анестезии. Я уведомлю вас и вице-президента, когда буду в состоянии возобновить исполнение конституционных полномочий и обязанностей президента.

Да хранит Бог народ Америки и всех нас.

Искренне ваш Рональд Рейган».

Хирургическая операция Рейгана продолжалась три часа, а уже через восемь часов после ее окончания Президент США направил новое письмо, в котором информировал, что вновь берет на себя все президентские обязанности.

Официального толкования 92-й статьи Конституции в России в то время не существовало. Поэтому одни считали, что передача полномочий делает уже невозможным возобновление их Президентом, другие полагали, что возможна и временная передача полномочий. Конституционный Суд РФ дал свое толкование только 6 июля 1999 года (кстати, в самом тексте его постановления была ссылка и на прецедент передачи полномочий Б.Ельциным в 1996 году), установив, что в исключительных случаях, когда Президент не в состоянии выполнять обязанности, он вправе сам решить, передавать ли временно полномочия премьер-министру и на какой срок, то есть не всегда прекращение полномочий необратимо.

Но, повторим, в те дни мнения высказывались на основании собственных представлений о ситуации. О них было доложено Б.Ельцину, и он сам принял решение — полномочия временно передать Председателю Правительства, то есть реализовал ту модель, юридическую корректность которой через три года подтвердит Конституционный Суд. Помощникам оставалось только подготовить соответствующие документы.

Здесь, правда, тоже были разные варианты. Например, с учетом того что речь шла в том числе о передаче системы управления стратегическими ядерными силами (абонентский комплект № 1, или в просторечии — «ядерный чемоданчик». — *Авт.*), предлагалось наряду с указами издать и приказ Верховного Главнокомандующего. Однако этот вариант не прошел. Были варианты как более, так и менее конкретных указов. В конце концов Президент остановился на «трехходовке».

18 сентября М.Красновым ему была направлена следующая записка:

«Уважаемый Борис Николаевич!

1. На основе Вашего решения подготовлены проекты трех Указов:

1) о временном исполнении обязанностей Президента Российской Федерации — общий *(его можно подписывать уже сейчас, однако не проставлен даже месяц. Дата выпуска определяется Вами);*

2) о возложении этих обязанностей на В.С.Черномырдина *(подписывается, когда Вы будете знать точное время операции);*

3) о прекращении временного исполнения обязанностей премьером *(подписывается при выходе из наркоза).*

Представляется также проект совсекретного Распоряжения о передаче В.С.Черномырдину абонентского комплекта № 1 *(подписывается вместе с Указом (№ 2) о моменте передачи полномочий Черномырдину).* Распоряже-

ние будет действовать только до подписания Указа о прекращении им временного исполнения обязанностей.

В ближайшее время Вам на подпись поступит (совпало по времени) проект Распоряжения о распределении абонентских комплектов в связи с переходом комплекта № 2 И.Н.Родионову (новый министр обороны. — *Авт.).*

2. Об определении начала и окончания временного периода: в проектах Указов № 2 и 3 проставлены прочерки, так как решение о том, когда дать ход обоим Указам, целиком за Вами. Только Вы можете проставить точные даты и время либо дать указание об этом.

Дай Вам Бог перенести все испытания и нам увидеть Президента, вновь полного сил и энергии».

На следующий день, 19 сентября 1996 года вышел первый из трех («нормативный») Указ № 1378 «О временном исполнении обязанностей Президента Российской Федерации», в котором говорилось: «Установить, что временное исполнение обязанностей Президента Российской Федерации в период, определяемый в соответствии с отдельными указами Президента Российской Федерации в связи с проведением хирургической операции Президенту Российской Федерации, осуществляется Председателем Правительства Российской Федерации Черномырдиным В.С. в полном объеме, включая полномочия по контролю за стратегическими ядерными силами и тактическим ядерным оружием, для чего ему будут переданы соответствующие технические средства ("ядерная кнопка")».

Такая журналистско-бытовая терминология — «ядерная кнопка» — отражает представления и волю Ельцина и ничего более.

В соответствии с этим Указом передача и возвращение президентских полномочий производились двумя отдельными Указами Ельцина.

Непосредственно перед операцией 5 ноября был подписан второй, заготовленный заранее Указ «О возложении на Председателя Правительства Российской Федерации Черномырдина В.С. временного исполнения обязанностей Президента Российской Федерации», устанавливающий момент начала исполнения В.Черномырдиным президентских полномочий. Он вступил в силу в 7 часов утра 5 ноября.

Наконец, практически сразу же после того, как Президент пришел в себя от действия наркоза, он, помогая себе жестами, потребовал на подпись третий Указ — «О прекращении временного исполнения Председателем Правительства Российской Федерации обязанностей Президента Российской Федерации», то есть возобновил свои полномочия в полном объеме в 6 часов утра 6 ноября. Таким образом, Б.Ельцин не исполнял обязанности Президента чуть меньше суток — 23 часа.

Надо заметить, что В.Черномырдин весьма серьезно отнесся к получению, пусть и на короткий срок, функций Верховного Главнокомандующего. Он вызвал к себе военных специалистов и внимательно ознакомился с автоматизированной системой управления стратегическими ядерными силами.

Почему же Президент предпочел вариант с тремя Указами? Только потому, что хотел снять напряжение, существовавшее в политической элите

и сводившееся к вопросу: «передаст — не передаст?» Действительно, лишь через две с лишним недели после выхода первого «нормативного» Указа Президент лег на операционный стол. Его пресс-секретарь С.Ястржембский объяснял на одном из брифингов: «Необходимо было внести исчерпывающую, если хотите, политическую ясность в те вопросы, которые в последнее время раздавались в обществе... Естественно, что Президент хотел снять какие-либо неясности, убрать почву для недомолвок, для каких-либо предположений и различного рода игры вокруг очень серьезного государственного вопроса. Именно для этого и разработан и подписан этот Указ. Следующий Указ, когда будет принято решение, уже непосредственно введет в действие механизм временной передачи полномочий и власти Председателю Правительства Российской Федерации».

Был и еще один подспудный момент. Над Кремлем довлело воспоминание об августовской 91-го года «болезни М.Горбачева». Поэтому издание Указа о согласии передать полномочия задолго до Указа о моменте такой передачи означало гарантию полной добровольности и самостоятельности президентского решения.

И конечно, кроме всего прочего, такой вариант с тремя Указами был выбран из-за того, что Ельцин морально не был готов расстаться с властью на срок, даже на минуту больше минимально возможного.

Банкротство

(сентябрь 1995 – 1998)

КМР

Не успев вернуться в Кремль после операции на сердце, Президент снова заболел. Правительство Черномырдина, полупарализованное отсутствием «главного начальника», тщетно пыталось преодолеть финансовые последствия президентских выборов. Обстановка в стране становилась все более напряженной. Росло число забастовок и митингов.

В первом после болезни выступлении перед Федеральным Собранием с очередным посланием (6 марта 1997 года) Б.Ельцин обрушился на кабинет министров с беспрецедентной критикой:

«Недоволен Правительством. Исполнительная власть оказалась неспособной работать без президентского окрика. Большинство обещаний, которые давались людям, и прежде всего по социальным вопросам, не выполнены. Мною подготовлен пакет важных и неотложных мер. Изменится структура и состав Правительства. В него придут компетентные и энергичные люди. В ближайшие дни я объявлю об этом».

Это означало одно: последуют новые перетряски в исполнительной власти. Как выяснилось, Президент решился на повторение эксперимента по «скрещиванию» укорененного в старой элите В.Черномырдина с политиками новой волны, которых стали называть «команда молодых реформаторов» или сокращенно — «КМР». Двумя первыми вице-премьерами стали А.Чубайс и Б.Немцов; на место вице-премьера, курирующего социальную сферу, пригласили мэра Самары О.Сысуева; вице-премьером стал А.Кох, бывший до этого председателем Госкомимущества. Позднее от дорожившего своей оппозиционностью движения «Яблоко» откололи М.Задорнова, занявшего должность министра финансов. Правительство покинули первые вице-премьеры А.Большаков, В.Илюшин, В.Потанин, вице-премьеры О.Давыдов, А.Заверюха, В.Игнатенко, А.Лившиц. Новые первые вице-премьеры потянули за собой свои кадры: А.Чубайс сделал М.Бойко председателем Госкомимущества в ранге вице-премьера, Б.Немцов привлек из Нижнего Новгорода С.Кириенко, который стал сначала первым заместителем министра, а затем министром топлива и энергетики. В.Черномырдин смиренно принимал все назначения, происходившие под контролем Б.Ельцина, А.Чубайса и нового руководителя президентской Администрации В.Юмашева.

Фактически А.Чубайс, накопив силы, во многом реализовал давно вынашиваемый план по возвращению в Правительство и занятию в нем стратегически важных позиций. Переезжая из Кремля на Краснопресненскую набережную, А.Чубайс оставлял за собой резко ослабленную Администрацию Президента.

Самой колоритной фигурой в новом составе Правительства оказался Б.Немцов. Еще будучи народным депутатом РСФСР, а затем губернатором Нижегородской области, он пользовался поддержкой и симпатией Президента. Некоторое время его даже рассматривали как ельцинского преемника. К тому же он был довольно популярен среди населения. Но выход на федеральный уровень показал, что его политический стиль отличает некоторая бесшабашность. Так, он сразу же заявил о намерении пересадить всех чиновников с иномарок на отечественные «Волги» (выпускавшиеся на территории области, где он был губернатором). Как яркий представитель радикального правого крыла, Б.Немцов постоянно вызывал раздражение не только оппозиции, но и «центристов»-технократов во всех органах власти.

Однако к этой фигуре нельзя подходить упрощенно. Сошлемся на Б.Федорова — политика, не любящего раздавать комплименты даже своим единомышленникам (хотя эти слова относятся к более позднему периоду, это не меняет сути): «Самым сильным и энергичным членом Правительства был, безусловно, Борис Немцов... Он не боялся и не боится действовать — редкое для чиновника качество. Особенно в России»*.

Б.Ельцин ждал от своего кадрового эксперимента ощутимых результатов, а они между тем оказались весьма противоречивыми. Бесспорно, Правительство после прихода команды «молодых реформаторов» сделало немало: ввело конкурсы по размещению государственных заказов, закупке продукции для государственных нужд; упразднило институт уполномоченных банков; ликвидировало систему спецэкспортеров нефти. Все это должно было сделать политику Правительства более прозрачной и эффективной, сузить поле возможностей для коррупции. Была проведена деноминация рубля, причем без паники и ажиотажа: обмен денег не вызвал у населения нареканий, не повлиял на рост цен. Правительство подготовило пакет законопроектов по реформе социальной сферы, оставшейся с советских времен громоздкой, неэффективной и предельно обременительной для бюджета. Однако Государственная Дума отклонила эти и другие новации. Сказалось не столько неприятие содержательной стороны предложений, сколько демонстративное противодействие всему, что исходило от Б.Ельцина и его новой «молодой» команды.

В то же время деятельность обновленного Правительства сопровождалась постоянными скандалами. Это был период явно выраженной «олигархизации» государства. Крупный бизнес, выступивший на стороне Б.Ельцина на президентских выборах, требовал вознаграждения: больше собственности, больше власти.

В этот же период возникли российские «медиа-империи». Выборы 1996 года превратили СМИ в мощный инструмент политики. Если до этого они рассматривались по своему прямому назначению, то теперь стали политикообразующим фактором. Окончательно это выяснилось на печальном примере Правительства «молодых реформаторов». Стремясь пополнить бюджет, выставляя на продажу большие и наиболее выгодные ку-

* **Федоров Б.** Пытаясь понять Россию. СПб., 2000. С. 241.

ски собственности, Правительство лоббировало одних олигархов в ущерб другим и в ответ получало уничтожающую критику обиженных. Скандалы усугублялись закоренелой болезнью российской бюрократии — полнейшим неуважением к процедуре. Даже когда продажу объектов собственности искренне хотели провести честно, это приводило к тому, что любые небрежности интерпретировались как попытки «кинуть» (если использовать терминологию этих кругов). Борьба выплескивалась на газетные страницы, экраны телевизоров. Множились обвинения, выливались ушаты грязи, волны компромата сметали любые этические преграды.

Все это происходило на фоне редких всплесков активности Президента, который так и не смог после перенесенных болезней обрести прежней формы. Короткие деятельные периоды все чаще перемежались долгими паузами на отдых и лечение. «Рекламщики» в Администрации с удовольствием показывали журналистам, как Президент «работает с документами», а журналисты демонстрировали это гражданам с соответствующими комментариями. Популярность главы государства быстро падала.

Тем не менее, чувствуя ответственность за Правительство, Б.Ельцин пытался всячески поддержать его. В частности, в апреле 1997 года, для того чтобы сгладить нараставшую ревность премьера к «молодым реформаторам», проявлявшим самостоятельность в отношениях с Кремлем, президентским спичрайтерам был дан политический заказ: «приподнимать роль Черномырдина». Например, к одной из встреч Президента с последним была подготовлена следующая реплика: «Виктор Степанович! Отмечаю, что Правительство прибавило в работе. Стало действовать четче и энергичнее. Вижу в этом в первую очередь Вашу заслугу. Вы, Виктор Степанович, создали условия, при которых новички сразу же смогли заработать в полную силу. Ваши знания и опыт крайне важны и полезны для нового, молодого поколения министров и вице-премьеров».

Разумеется, такого рода приемы не могли превратить Правительство в команду единомышленников. С одной стороны, амбиции премьера и вице-премьеров, с другой — разнонаправленные интересы кланов, окружавших Правительство, вели к обострению противоречий в кабинете министров. Они начинали выплескиваться на публику, что становилось уже неприличным. Ельцину пришлось вмешаться. С этим он приехал на заседание Правительства 12 мая 1997 года, преследуя двойную цель.

Во-первых, положить конец склокам среди руководства Правительства. Не называя имен, он упрекал: «Многие говорят, что это команда профессионалов. Но тогда она должна быть профессиональной во всем. Пора прекратить выяснение отношений, попытки забрать себе побольше полномочий. Каждый должен заниматься своим делом». Во-вторых, Президент собирался придать дополнительный импульс проведению одной из самых болезненных реформ — жилищно-коммунальной, и таким образом принять на себя политическую ответственность за нее.

Однако отсутствие системных рычагов и все более снижавшийся политический авторитет Президента не позволили достичь ни одной из целей. Причины противоречий в Белом доме были настолько глубоки, а риск стать жертвой президентского гнева настолько мал, что его слова ничего

не изменили во взаимоотношениях между членами кабинета. Примерно так же, в качестве «дежурного», был воспринят и вывод Президента, что «успешное проведение жилищно-коммунальной реформы — один из важнейших критериев работы Правительства, его эффективности и профессионализма».

В.Черномырдин был отправлен в отставку весной 1998 года, но вовсе не из-за проваленной реформы. Не началась же она, впрочем, как и другие реформы, обозначенные в Послании Президента, потому, что в Правительстве ее проведение заслоняли иные интересы (в том числе дележ собственности между олигархическими группами). К этому добавлялось понимание «молодыми реформаторами» того печального обстоятельства, что ответственность, которую берет на себя Президент за жилищно-коммунальную реформу, уже не имеет той весомости, как при проведении гайдаровских реформ.

Попытки Б.Ельцина защитить Правительство не прекращались до конца 1997 года. В сентябре он воспользовался приглашением Совета Федерации и выступил там по ключевым вопросам текущей политики. Помимо обязательных реверансов Президент высказал свое неудовольствие деятельностью сенаторов в сфере законотворчества; защитил от них местное самоуправление и своих представителей в субъектах Федерации; напомнил, что не все регионы перешли на конкурсную основу при государственных закупках, и укорил за создание «карманных» коммерческих банков; остановился на проблеме передачи земли в частную собственность и отметил медлительность в этом вопросе некоторых глав регионов. Тем самым он защищал политику Правительства.

Наконец, в декабре, перед третьим чтением бюджета, Президент сделал беспрецедентный шаг: впервые с момента образования Государственной Думы приехал на Охотный ряд для выступления на пленарном заседании. Следует заметить, что с начала 1994 года несколько раз возникали ситуации, в которых визит Президента в Думу рассматривался в его Администрации как единственное и последнее средство «расшивки» кризисной ситуации. Но хорошо информированный об атмосфере ожесточенного неприятия своего политического курса существенной частью депутатов, он всегда отказывался. Стереотип взаимоотношений сформировался. Теперь сам Ельцин его разрушил ради защиты своей правительственной конструкции. Этому предшествовали другие акции: звонок главы государства в Думу, предотвративший парламентско-правительственный кризис в связи с принятием бюджета; визит в Думу для вручения ее Председателю ордена; встречи «четверки»* и другие.

Приезд Президента в Думу и призыв к депутатам голосовать за бюджет означали, что теперь вся ответственность за качество главного финансового документа, за его выполнимость и фактическое выполнение, за воплощение в жизнь лозунга ежегодного послания — «Обещать выполнимое, обещанное выполнять» — легла на него.

---

* С 1997 года стали практиковаться регулярные встречи в составе Президента, премьер-министра, председателей обеих палат Федерального Собрания, на которых обсуждались важные текущие проблемы. Они получили название встреч «четверки».

Прошел еще год, его итоги не принесли удовлетворения Ельцину. Встречаясь в конце января 1998 года с премьером и его двумя первыми заместителями, он заметил: «Прошлый год по нашим обязательствам вы завалили». Похоже, что уже тогда зрело желание поменять всю колоду. Молодость реформаторов начала терять свою свежесть, скандалы перевешивали реальные дела.

Подготовка к решительной «рокировочке» произошла совершенно незаметно. Как это часто бывало, поругав Правительство, Б.Ельцин чуть позднее заявил, что в отставку его не отправит, только, возможно, сменит несколько человек. Послание, с которым он выступил перед Федеральным Собранием 17 февраля 1998 года, грозы не предвещало. Речь шла о стратегии экономического роста; упоминалось о том, что Правительство не справилось со своими задачами, но в этом трудно было уловить намек на какие-то радикальные меры. Тем временем Президент уже дал задание руководству Администрации подготовить список кандидатов в будущие премьеры. Определил критерии — молодость, знание рыночной экономики, опыт организационной работы.

Следующий раскат грома, указывавший на приближение грозы, прогремел 26 февраля на расширенном заседании Правительства, которое всегда следовало за представлением ежегодного Послания. Отказавшись выступать, ограничившись лишь кратким вступительным словом, Ельцин как бы невзначай объявил, что намерен отправить в отставку трех членов кабинета. Затем сразу покинул заседание. Это был внешний знак других, тщательно скрываемых намерений. Неделей позже произошла обещанная смена троих. Все полагали, что этим и ограничится.

23 марта гроза разразилась: Черномырдин отправлялся в отставку. Конспиративность привела даже к юридическим ляпам. Вопреки недавно принятому Закону о Правительстве, вместо В.Черномырдина и.о. премьера был назначен С.Кириенко, который не занимал пост вице-премьера. Пришлось срочно писать и рассылать новые указы. В отставку специальными решениями были отправлены А.Чубайс и А.Куликов, который совмещал должности министра внутренних дел и вице-премьера.

27 марта представление на С.Кириенко было направлено в Государственную Думу для утверждения. Этот процедурный шаг сопровождался символическим жестом — выступлением, в котором Б.Ельцин настоятельно рекомендовал депутатам утвердить предложенную кандидатуру и даже намекнул на предусмотренную Конституцией возможность роспуска нижней палаты, если та трижды не согласится с его выбором. Президент сбросил фигуры с доски, был готов играть новую партию и играть только на победу.

Упорство Президента определялось его ощущением: он опоздал с отставкой кабинета Черномырдина ровно на год. Эксперимент по составлению конгломерата из двух команд (черномырдинской и «младореформаторской») оказался неудачным.

Как уже отмечалось, все происшедшее не было непредсказуемой импровизацией, а готовилось заранее. Вектор действий образовывался как

равнодействующая двух сил. Одна называлась «быть первым», что вполне естественно для политика. Если Б.Ельцин видел с чьей-то стороны угрозу своему лидерству, следовало ожидать удара. Вот и на сей раз он почувствовал, что премьер, помимо его воли и желания, становится фигурой «номер один». Ощутив конкуренцию, Ельцин попытался компенсировать ее резкой сменой системы политических координат.

Вторая сила — стремление войти в историю реформатором России. С этой точки зрения также нельзя было тянуть с отставкой В.Черномырдина. Казалось, страна вступает в новую фазу экономического развития: низшая точка спада пройдена, вот-вот начнется экономический рост. Это значило, что нужно кардинально менять стратегию, тактику, методологию работы Правительства. У Б.Ельцина оставался всего один год до начала полуторагодичного сезона политических бурь, порождаемых парламентскими и президентскими выборами. Новое Правительство было фактически последней попыткой Президента обеспечить рывок экономических реформ. Он опирался на свой опыт, который считал частично успешным — опыт Правительства Гайдара. И даже перенес на нового избранника теплые чувства, которые обычно испытывал к своим молодым фаворитам. О нем он говорил в теплом, отеческом тоне, который трудно симулировать.

Дума в конце концов 24 апреля 1998 года утвердила молодого кандидата в премьеры с третьей попытки, отдав ему 251 голос. Идти на роспуск депутаты явно не захотели.

Пока шло утверждение премьера, пока формировалось Правительство, усугублялись кризисные явления в экономике. Новый кабинет начал решать совсем не ту задачу, для которой предназначал его Президент: снова приходилось вытаскивать страну из надвигавшегося кризиса.

С приходом С.Кириенко, помимо ослабленного и непопулярного Президента и слабой Администрации, страна получила еще и слабое Правительство. За самим премьером не было ни политического движения, ни фракции в Думе, ни отрасли или олигархической группировки. Таким образом, повторный эксперимент с Правительством, наподобие гайдаровского, оказался обреченным.

«Недостатки свои знаем»

Но вернемся немного назад. Двойное выздоровление Б.Ельцина — сначала после операции, затем после острой простуды — создало у него иллюзию возвращения к прежней форме. Возродился, правда ненадолго, прежний интерес к деталям, снова проявилось увлечение различными идеями, экономическими проблемами. Одной из таких проблем были еврооблигации.

Впервые предложение о выпуске суверенных российских еврооблигаций обсуждалось еще в сентябре 1995 года, а в октябре об этом сообщили Президенту. Отмечали, что «нужен единый механизм размещения; продажа не только в Европе, но и в Америке; не годовых, а как минимум трехлетних ценных бумаг». Расчет делался на то, что удастся привлечь сравнительно

«длинные» деньги для покрытия бюджетного дефицита и укрепить доверие к России за рубежом. Ельцин согласился, дав специальное поручение Правительству.

Поначалу аппетиты были скромными. Потом стали прикидывать, консультироваться, «пробовать» рынок. Ситуация складывалась лучше, чем ожидалось. В результате первая эмиссия осенью 1996 года оказалась более амбициозной: Россия вывела на рынок пятилетние бумаги. Проценты оказались сравнительно небольшими. Еще выгоднее были размещены облигации в марте 1997 года.

Это был настоящий прорыв. Успешное размещение расценивалось как знак доверия к России. Оживились иностранные инвесторы, которые стали проявлять интерес не только к государственным краткосрочным обязательствам и облигациям федерального займа (ГКО — ОФЗ), но и к вложениям в наши предприятия, банки, в экономику регионов.

Вскоре, правда, на дороге, ведущей к мировым финансовым рынкам, началось настоящее столпотворение. Активно работали банки, привлекая кредиты на сотни миллионов долларов. Увлекались форвардными контрактами на поставку валюты, свято веря при этом, что курс доллара будет стоять там, куда его поставил ЦБ, — в валютном коридоре.

Но особенно усердствовали руководители регионов. Если агрооблигации выпускали неохотно (только под давлением Минфина), то к размещению собственных ценных бумаг испытывали подлинную страсть. Закона, запрещающего это делать, не было, все решалось указами. В Администрации поддерживали Минфин, который отчаянно сопротивлялся напору губернаторов, но сдержать лавину в полной мере не удалось.

Так, в конце 1997 года один сибирский губернатор рьяно добивался разрешения на эмиссию облигаций. Его пытались урезонить: «Объем займа превышает треть доходов твоего бюджета, как собираешься отдавать?» Тот только упрямо мотал головой и шел все выше и выше, пожаловался лично Президенту и добился своего.

Все это кончилось плачевно. После 17 августа 1998 года курс рубля упал в четыре раза. Банки, набравшие заграничных кредитов, либо рухнули, либо долго потом вели изнурительные переговоры с теми, кто дал им взаймы.

Провалились и почти все регионы. Причем они начали нарушать свои обязательства еще до 17 августа. Среди кредиторов значилось немало зарубежных банков, купивших российские региональные бумаги. Какое-то время иностранцы терпели, а потом снарядили делегацию в Администрацию Президента. Жаловались, что один губернатор пообещал заплатить, но не в срок, а когда продаст урожай. Другой же — просто послал их куда подальше. «Разве можно так себя вести?» — возмущались иностранные банкиры. После 17 августа этих вопросов уже не задавали.

Конфуз с региональными облигациями не был, конечно, главной причиной федерального дефолта*, но он усилил недоверие инвесторов.

---

* Дефолт — отказ должника от обслуживания или выплаты долга, а также официальное объявление кредиторов о таком отказе должника.

К концу августа 1998 года неплатежеспособность стала повальной. Из 82 регионов, разместивших агрооблигации, 70 отказались выполнять свои обязательства. Из 27 регионов, выпустивших собственные ценные бумаги, 25 прекратили платить.

В целом в 1997–1998 годах темой неподдельного интереса Президента были финансовые рынки. Однажды, ощутив, что докопался до сути, Президент не выдержал и позвонил В.Черномырдину. «Виктор Степанович, а какая сейчас динамика доходности на рынке коротких бумаг?» — спросил он. Премьер смешался и попросил время для подготовки ответа. Б.Ельцин положил трубку и заметил: «Ну вот, премьер, а не знает. А я знаю». Президент сиял: как же — опередил. Он во всем хотел быть первым.

С подачи «молодых реформаторов» Президент оценивал ситуацию весьма оптимистически. Если, мол, кризис уже позади, а впереди лишь подъем, то можно и ослабить зажим. И предоставил «молодым реформаторам» свободу действий. Тем более что Правительство С.Кириенко сразу потребовало отмены президентского контроля. Б.Ельцин тогда особенно доверял «младореформаторам», ради них был готов на многое и легко согласился. Помимо всего прочего, ему, наверное, просто надоело ежедневно перебирать кипы правительственных постановлений. Таким образом, «молодые реформаторы» стали работать совершенно свободно. Так продолжалось вплоть до середины августа 1998 года.

На самом деле финансовая ситуация была сложной. Отражением этого стала встреча Б.Ельцина и М.Камдессю в феврале 1998 года. В Администрации провели тщательную «разведку» и были уверены, что знают все, о чем М.Камдессю может сказать Президенту. Ведь претензий у МВФ действительно накопилось предостаточно. И все же просчитались.

Директор-распорядитель не стал перегружать Б.Ельцина деталями, а заявил о том, что его беспокоило больше всего: в России не до конца понимают, что азиатский финансовый кризис 1997 года радикально изменил мировую экономику. Финансовые инвесторы стали гораздо более осторожными и подозрительными, их требования к заемщикам сильно возросли. Россия — не исключение. И если она не найдет адекватного ответа, не примет, например, реальный бюджет, иностранцы покинут страну вместе со своими деньгами.

И Б.Ельцин, и М.Камдессю не хотели прямо обсуждать самый худший вариант (дефолт). Президент говорил уверенно («недостатки свои знаем, исправим, кризис будет преодолен»). М.Камдессю его в этом поддерживал. Но неприятная тема время от времени всплывала. В конце концов директор-распорядитель не выдержал и, глядя в глаза Б.Ельцину, объявил: «МВФ никогда не оставит Россию». Так что когда в конце мая 1998 года А.Чубайс отправился за большим кредитом МВФ, он ехал не на пустое место: переговоры уже были подготовлены Президентом.

Отражением ситуации в стране была в какой-то степени подготовка Послания Федеральному Собранию на 1998 год. Пик дискуссий среди разработчиков пришелся на начало февраля. Они были как никогда ожесточенными.

Большинство было настроено довольно оптимистично. В первом варианте Послания, построенном на базе предложений Правительства, присутствовал длинный перечень достижений. В нем нашлось место для утверждения, что кризис преодолен, стабилизация достигнута и впереди — только подъем. С гордостью сообщалось, что одержана безоговорочная победа над инфляцией, что «Россия пострадала от мирового финансового кризиса гораздо меньше, чем многие другие страны. Это лишь подтверждает тот факт, что финансовая и денежная системы страны уже достаточно окрепли для того, чтобы не только справляться с внутренними проблемами, но и держать удары извне». Ну а в целом в экономике происходит столько хорошего, что это нельзя назвать иначе, как «русское чудо».

При этом многие ссылались на оценку Президента. Определяя концепцию бюджета, он действительно заявлял, что «важнейшая задача всей работы Правительства в 1998 году — обеспечение устойчивого экономического роста».

Но были и сторонники более умеренной позиции, обращавшие внимание на то, что качество роста остается крайне низким, а механизмов поддержания устойчивого подъема пока не видно. Более того, финансовые рынки уже пережили два удара (в ноябре 1997 года и в январе 1998 года), бюджетный кризис (даже после секвестра) обостряется и надо готовиться к худшему. Что же касается Президента, то его оптимизм датировался июнем 1997 года. И тогда для этого были основания. Но ведь с тех пор прошло полгода. Финансовая ситуация стала хуже, а потому президентская позиция по сути уже устарела.

В результате компромисса удалось немного «подвинуть» текст в сторону реальности. Выступая с Посланием, Президент говорил о том, что бюджетный кризис не преодолен и сохраняется опасность его продолжения в 1998 году, подчеркивал уязвимость наших рыночных институтов в условиях мирового финансового кризиса. Иными словами, звуки фанфар стали глуше. Но они остались, а само Послание оказалось самым нереалистическим.

Правда, однако, состоит в том, что ошибались все — и большинство, и меньшинство. Хотя и в разной степени. Но никто не сумел спрогнозировать масштабы финансового кризиса. Никто не смог вовремя предложить Президенту действенные меры по его предотвращению. Между тем до катастрофы оставалось еще семь месяцев.

«Черный понедельник» 1998 года имел ту же основу, что и «черный вторник» 1994 года, — плохой бюджет в экономике, в которой реформы остановились на полпути.

Годами плохо поступали налоги. Сокращать расходы боялись и дефицит покрывали займами, преимущественно на внутреннем финансовом рынке. И до того дозанимались, что отдавать старые долги стало нечем.

Сказалось слишком большое присутствие иностранцев. Если в 1996 году их доля на рынке ГКО — ОФЗ составляла 16%, то к началу 1998 года она поднялась до 28%. А значит, усилилась зависимость от мировой финансовой системы. И как только обрушились азиатские финансовые рынки, ин-

весторы начали выводить капиталы отовсюду, где маячила угроза дефолта, в том числе из России.

Международные инвесторы, особенно те, кто вкладывает деньги в краткосрочные бумаги других стран, похожи на плотную группу бегунов на длинную дистанцию. Только лидеры видят дорогу. Остальные не видят ничего, кроме чужих спин, но все равно бегут дружно. Именно так они пришли на российский рынок, именно так они с него ушли.

Сыграл свою роль и валютный коридор. Он дает положительный результат только тогда, когда подкреплен хорошим бюджетом. Если же бюджет плохой, эта комбинация взрывает финансовую систему. Так было в Мексике и Таиланде, где власти держались до последнего, истратили все валютные резервы, но свою валюту все равно не спасли. Из-за рубежа нам советовали: «Нормальный бюджет вы принять не в состоянии. А потому пока не поздно, расширяйте коридор или отменяйте его вовсе. Иначе будет то же самое». Не послушали.

Первые признаки беды появились еще осенью 1997 года, когда в октябре сбор налогов составил лишь 67% от месячного плана (и это по секвестрированному бюджету!). Естественно, что уже по этой причине МВФ задержал очередной транш кредита. Появились проблемы со Всемирным банком из-за промедления с реформой угольной отрасли.

Международные инвесторы, которых «нагрели» в азиатских странах, стали проявлять повышенную подозрительность в отношении всех новых рынков, включая российский. В результате к середине ноября доходность на рынке госбумаг достигла 27%, то есть откатилась на уровень апреля 1997 года. ЦБ пришлось поднять ставку рефинансирования с 21 до 28%.

Это было опасно не только экономически, но и политически. Ведь именно снижение процентных ставок и доходности Правительство и ЦБ относили к своим главным достижениям. А реально происходило их повышение.

Но главным источником недоверия инвесторов было низкое качество бюджета на 1998 год. Проект еще находился в Госдуме, но специалисты уже видели, что бюджет опять получился нереальным. Дело даже не в налоговых доходах, собрать которые было невозможно. В бюджет заложили среднюю доходность на рынке ГКО — ОФЗ в размере 15—18%. Рынок с запасом одолел эту планку уже в декабре 1997 года. А ведь впереди еще целый год, притом нелегкий.

Реакция инвесторов была естественной: если даже в такой тяжелой ситуации российские власти продолжают обманывать сами себя, не в состоянии принять нормальный бюджет — как можно им давать взаймы? По сути, той же точки зрения придерживался и МВФ.

Полетели планы по приватизации. Рассчитывать на иностранцев, готовых что-то купить в России, уже не приходилось, а значит, бюджет лишился запланированных доходов в объеме около 5 триллионов «старых» рублей.

Финансовый ураган

Тогда, в конце осени 1997 года, Правительство и ЦБ занимали двойственную позицию. С одной стороны, признавали, что обстановка сложная и просвета пока не видно. Сообщали Президенту о «вхождении России в тяжелейший бюджетный кризис». Хотя, прямо скажем, в то время она уже в него вошла.

Правительство предлагало ряд срочных мер, в том числе повышение акциза на водку, жесткие действия против неплательщиков налогов, продажу долгов других стран перед Россией, проведение залогового аукциона по «Роснефти». Выдвигался и новый вариант форсированной приватизации: взять на Западе у стратегических инвесторов как бы предоплату (около 2 миллиардов долларов), а конкурсы провести потом, когда будет полегче. Б.Ельцин эту идею отверг — по причине незаконности. Впрочем, эти средства все равно не спасли бы от дефолта, только потеряли бы собственность.

А ЦБ предпринял ряд шагов, которые вызвали почти двукратное снижение доходности по ГКО — ОФЗ для иностранцев. Для бюджета это было вроде бы и неплохо. Но изменение правил игры еще больше насторожило зарубежных инвесторов, негативно сказалось на имидже России как заемщика.

Именно в то время Президент санкционировал поездку в Вашингтон высокопоставленных представителей Правительства и ЦБ. Была поставлена задача прозондировать возможность предоставления России экстренной помощи МВФ в случае серьезного ухудшения финансовой ситуации. МВФ отказал, выставив обычные аргументы: «надо собирать налоги и проводить реформы».

Тогда Правительство прислало в Кремль другое обращение: пусть, мол, Президент попросит лидеров «семерки» о срочной финансовой помощи. После тяжелых раздумий Б.Ельцин отверг и это предложение, поскольку вполне можно было нарваться на вежливый отказ. Кроме того, любую утечку информации о такой просьбе инвесторы могли расценить как бесспорный признак приближающейся катастрофы и начали бы немедленно вывозить свои капиталы.

Тем не менее сам факт поездки и идея обращения означали, что руководство страны в целом начинало понимать всю силу надвигавшегося урагана. С другой стороны, первый удар финансового кризиса в ноябре 1997 года не был оценен в должной мере. В то время у некоторых руководителей Правительства и ЦБ были все же завышенные, чересчур оптимистические ожидания.

После краха азиатских финансовых рынков появились официальные заявления о том, что он только на руку России. Инвесторы, мол, испугавшись «азиатской бури», заберут оттуда деньги и переведут их в Россию, чтобы переждать непогоду на спокойном российском рынке. Эти расчеты не оправдались. Происходило как раз обратное: иностранцы начали выводить деньги из России и до конца 1997 года забрали с российского рынка не менее 3 миллиардов долларов.

Пытаясь улучшить ситуацию в экономике и финансах, Правительство «молодых реформаторов» еще в мае 1997 года определило «семь главных дел», в том числе «добиться подъема отечественной промышленности», «дешевым кредитом оживить село», «подрубить корни коррупции», «приучить государство жить по средствам». Однако амбициозные, широко разрекламированные планы так и остались декларацией о намерениях.

Не отчитавшись о сделанном, Правительство в конце января следующего года обнародовало список уже из «двенадцати главных дел», которые в основном повторяли прошлогодние. Результат оказался тот же, хотя Президент и предупредил: «Спрос будет жестким». Пятое по счету главное дело 1998 года состояло в «снижении процентных ставок и доходности на рынке государственных ценных бумаг». Но реальная ситуация развивалась в прямо противоположном направлении, и задача оказалась столь же невыполнимой, сколь и бюджет на 1998 год.

Тем же дефектом страдало, как упоминалось, Послание Президента Федеральному Собранию. В нем содержалось слишком много того, о чем хотелось помечтать, и слишком мало того, что можно было реально сделать.

Б.Ельцин, конечно, не мог, да и не должен был знать всех деталей ситуации, складывавшейся на финансовом рынке. Однако осенью 1997 года он почувствовал, что происходит что-то неладное, и ждал, что ему предложат решение.

Так, в середине декабря 1997 года Президент заинтересовался докладом ЦБ о денежно-кредитной политике. Руководители банка сообщали, что в 1997 году все шло по плану и в 1998 году принципиально ничего менять не нужно. А если произойдут неприятности, будем реагировать.

Б.Ельцин не удовлетворился такой информацией и поручил С.Дубинину дополнить доклад «конкретными мероприятиями, которые Банк России будет осуществлять при возникновении на внутреннем и мировом финансовых рынках отдельных негативных тенденций и ситуаций». Сейчас, конечно, все это звучит слишком мягко. Но ведь тогда никто не предполагал, что случится 17 августа.

Гораздо более резким было выступление Президента на заседании Правительства в декабре 1997 года. Обращаясь к его руководителям, он прямо сказал: «Вы все объясняете мировым финансовым кризисом. Конечно, "финансовый ураган" не обошел стороной Россию. И зародился он не в Москве. Но есть и другая причина — плачевное состояние российского бюджета. А вот здесь пенять можно только на себя».

Б.Ельцин говорил о том, что недопустимо строить политику на финансовых рынках в расчете только на спекулятивные иностранные инвестиции, которые в состоянии лишь «разогреть» рынки, но совершенно непригодны для решения задач устойчивого экономического роста, подчеркивал, что хотя наша система защиты от неблагоприятных ситуаций, складывающихся на мировых финансовых рынках, выдержала первый удар, она еще не отстроена должным образом. В первый раз мы, как говорится, проскочили. Но не надо испытывать благосклонность судьбы.

Выводы были сделаны через три месяца, когда Б.Ельцин отправил в отставку премьер-министра В.Черномырдина. Но это мало что изменило, поскольку требовались не кадровые, а содержательные решения, меняющие финансовую ситуацию, а они-то и не последовали.

К началу 1998 года стало очевидно, что рынок ГКО — ОФЗ работает как бы сам на себя. Не Правительство использовало этот рынок для пополнения бюджета, а участники рынка использовали Правительство, высасывая бюджетные ресурсы. Правительство их за это еще благодарило, поскольку таким образом оттягивалась развязка. Если в 1996 году бюджет получил «чистыми» от рынка около 32 триллионов рублей, то в 1997 году — чуть меньше 7 триллионов рублей. И эта цифра продолжала стремительно уменьшаться.

Главным кредитором Правительства стал ЦБ, занявший 35% рынка ГКО — ОФЗ. Он покупал у Правительства новые госбумаги за рубли, которыми оно погашало старые выпуски ГКО — ОФЗ. Получив рубли, банки несли их на валютный рынок, создавая давление на курс. Так работала «кризисная машина», остановившаяся лишь тогда, когда кончилось «топливо»: Правительству стало не хватать рублей для оплаты старых госбумаг, а ЦБ — валюты для поддержания курса.

Ситуация в первом квартале 1998 года продолжала оставаться крайне сложной. Все складывалась хуже, чем в 1997 году, а с налогами — просто безнадежно. Январь — всегда тяжелый месяц, но этот побил все рекорды. За первые 22 дня января федеральный бюджет получил лишь около 6 миллиардов рублей. Кроме того, часть январских налогов были взяты авансом в декабре и «проедены» во время аврала с погашением долгов по зарплате. Так же поступили и с кредитами Всемирного банка. Потом, правда, их рублевый эквивалент отдали по назначению. А между тем выплаты в том месяце предстояли немалые, особенно по внутреннему госдолгу. Все это грозило очередным обострением социальной обстановки, что и произошло через несколько месяцев — забастовали шахтеры.

Именно в январе в проекте бюджета появилась новая статья, разрешавшая ЦБ участвовать в первичном размещении госбумаг. Иными словами, если Минфин выпускал очередную порцию ГКО — ОФЗ, а инвесторы приобретали только часть, то остальную должен был откупить ЦБ. Ну а если никто не собирался давать взаймы Правительству? Тогда ЦБ обязывался «забрать» всю эмиссию.

Эта статья была неприятным симптомом того, что не только иностранные, но и российские инвесторы стали неохотно одалживать деньги Правительству. По состоянию на декабрь 1997 года почти половина (47%) наших банков не имела никаких вложений в госбумаги. И это при столь высокой, фантастической доходности! Феномен, редко встречающийся в мировой практике. Обычно банки с удовольствием привлекают в портфели госбумаги, рассматривая их как стабилизатор своего положения. Поведение российских банков говорило лишь об одном: они переставали верить в рынок ГКО — ОФЗ, считая его ненадежным.

Для зарубежных инвесторов все эти новости относились к разряду плохих. Резонно сомневались: если уж сами российские банки боятся дефолта на рынке госбумаг, то им тем более надо вести себя осторожнее. Пугало и другое: превращение ЦБ в фактического хозяина рынка ГКО — ОФЗ могло обернуться разгулом инфляции и разрушением валютного коридора.

Риски росли, а вслед за ними и доходность на рынке госбумаг. Она превысила уровни конца 1997 года, а в отдельные январские дни уже зашкаливала за 40%. Минфину становилось все труднее размещать новые выпуски ГКО — ОФЗ. На аукционе 21 января удалось продать только 20% эмиссии. По умеренным ценам госбумаги уже не брали, а на валютном рынке шло массированное давление на рубль. Только за январь резервы ЦБ сократились на 3 миллиарда долларов. Лишь такой ценой удалось удержать курс внутри валютного коридора.

Таким был второй, январский приступ финансовой ишемии. Российская политическая элита оживленно обсуждала его в Давосе. В центре внимания был банкир Б.Йордан, прогнозы которого звучали весьма пессимистично. Но — поговорили и разъехались. Адекватной реакции властей опять не последовало.

Была, правда, и одна хорошая новость: МВФ раскошелился на очередной транш. Он должен был помочь пройти январь. В марте Правительство рассчитывало на поступления от продажи «Роснефти», что не сбылось, а короткий февраль, видимо, хотело просто побыстрее прожить.

За развитием кризиса внимательно наблюдали за рубежом. Прежде всего мировые рейтинговые агентства, на оценки которых обычно ориентируется частный инвестор. В январе 1998 года они объявили, что готовы пересмотреть рейтинг нашей страны в сторону снижения. В России обижались, упрекали агентства в необъективности, но дело было сделано: нашему финансовому рынку был нанесен очередной тяжелый удар.

В феврале налогов собрали почти на 20% меньше, чем за тот же период 1997 года. Доходность на рынке ГКО — ОФЗ уже не опускалась ниже 40%, а значит, норматив, заложенный в бюджет, оказался превышен более чем в два раза. Тем самым платить по внутреннему госдолгу предстояло столько, что надо было немедленно пересматривать бюджет. По оценкам Администрации Президента, даже при февральской доходности бюджетная «дыра» составляла около 90 миллиардов рублей (в Правительстве считали, что не более 50 миллиардов).

Но бюджет на текущий год тогда не приняли. Представители Правительства и депутаты увлеченно занимались привычной бюджетной игрой — заседали в комиссиях, добавляли доходы и расходы, торговались. На фоне реальной финансовой ситуации все это выглядело довольно странно, поскольку такой проект бюджета не имел никакого смысла. Его можно было просто оставить депутатам Госдумы на память.

Март по существу был потерян. Ушел В.Черномырдин, пришел С.Кириенко, и началась «большая пересадка». Для соискателей постов это очень ответственный период: рабочая активность снижается, зато публич-

ная — повышается. Многие начинают рапортовать об успехах, обоснованно рассчитывая на то, что заметят.

Победную реляцию выдала и Госналогслужба. Это было непонятно: ведь в соответствии с Законом о бюджете налоговики должны были давать в федеральный бюджет в среднем 20 миллиардов рублей налоговых доходов в месяц. На март им установили облегченное задание — 12,3 миллиарда рублей, то есть 61% того, что надо было собрать по Закону. Но даже его выполнить не удалось — фактически бюджет получил меньше 12 миллиардов рублей.

ЦБ тоже был настроен излишне оптимистично. Его руководители соглашались, что угрозы девальвации рубля и крушения рынка ГКО — ОФЗ реальны, но вместе с тем утверждали, что Россия уже преодолела финансовый кризис, а резервы (16,9 миллиарда долларов на 1 апреля 1998 года) позволят удержать курс в границах валютного коридора. Эти оценки не оправдались.

Рынок «встал»

Очередной приступ финансового кризиса настиг экономику во второй половине мая. После ноября 1997 года и января 1998 года это был уже третий, причем самый тяжелый удар.

Почему именно в это время? Потому что на продолжающийся бюджетный кризис наложилась еще целая череда неприятных событий.

Приход налогов в апреле снова был плохим: 12,5 миллиарда рублей по сравнению с 14 миллиардами рублей в апреле 1997 года. Сказались забастовки шахтеров: для того чтобы их успокоить, пришлось отдать только из федерального бюджета не менее 600 миллионов рублей. Большие убытки понесли железные дороги. Сорвался конкурс по «Роснефти», снизились мировые цены на нефть. Вдобавок рухнул финансовый рынок в Индонезии. Для инвесторов это были скверные новости.

В результате к 18 мая доходность на рынке ГКО — ОФЗ достигла 50%. 26 мая, накануне очередного минфиновского аукциона, прошло представительное совещание в Белом доме. Все с надеждой смотрели на людей, ответственных за финансовый рынок. Вопрос был один: что будет завтра? Последовал уверенный ответ: приняты исчерпывающие меры, доходность не превысит 35%. А рынок ответил иначе: утром 27 мая — 61%, вечером — 80%. И никто потом, как говорится, не покраснел, тем более не подал в отставку. Продолжали строить свои несбыточные прогнозы и кормить этим варевом всех, включая Президента.

В конце мая рынок фактически «встал»: Правительство, разумеется, не собиралось занимать деньги под немыслимый процент, а инвесторы отказывались давать ему взаймы по более низкой цене. То же самое происходило и на рынке акций российских предприятий, где фондовый индекс упал сразу на 40%.

Столь низкие финансовые показатели последний раз встречались в середине 1996 года. Иными словами, финансовый кризис отбросил нас

на два года назад. Именно тогда, кстати, угроза дефолта была вполне реальной. После политических баталий, сопровождавших президентские выборы 1996 года, финансовая система лежала в руинах. В то время удалось выстоять, провести все платежи по внутренним и внешним долгам. Правда, дорогой ценой — через зачеты и массированное недофинансирование экономики. Теперь же не хватило ни сил, ни средств.

Поскольку рынки госбумаг и акций замерли, невостребованная рублевая масса ринулась на валютный рынок, сминая коридор. Только за 26 и 27 мая ЦБ пришлось потратить на поддержку курса рубля около 900 миллионов долларов. Так долго продолжаться не могло. Ведь только иностранцы владели госбумагами не менее чем на 20 миллиардов долларов. Эта сумма почти в два раза превышала ликвидные (без золота) резервы ЦБ. И надумай зарубежные инвесторы враз уйти из России, рубль рухнул бы, как подкошенный.

В мае 1998 года стало очевидно, что с «долгоиграющими» мероприятиями, которые могли дать эффект через несколько месяцев, мы уже опоздали. Счет пошел на недели. Надо было принимать решения, способные остановить панику на финансовом рынке, переломить ожидания. И такие мероприятия последовали.

Минфин прекратил размещение новых бумаг и, сжав зубы, принялся оплачивать старые из обычных доходов бюджета. Понятно, что сразу же поползла вверх задолженность по зарплате бюджетников, а дефицит Пенсионного фонда за один только май вырос почти в два раза. Но другого выхода тогда никто не видел. Правительство энергично выбивало налоги, готовило законы и указы Президента по укреплению бюджетной дисциплины, договорилось с МВФ о выделении очередного транша. Решительно действовал ЦБ: он оставил рынок ГКО — ОФЗ, а также увеличил ставку рефинансирования с 50 до 150%. Это был отчаянный шаг. ЦБ показал рынку, что будет защищать валютный коридор до последнего, рассчитывал, что это отрезвит рынки, создаст острый дефицит рублей, заставит банки продавать валюту.

После драки всегда много любителей помахать кулаками. Сейчас многие упрекают тогдашнее руководство ЦБ: вместо подъема ставки рефинансирования на заоблачную высоту следовало, мол, прощаться с коридором и переходить на политику плавающего курса. Но тогда никто не мог предугадать, удастся остановить инвесторов, бегущих с рынка, или нет. С.Дубинин и С.Алексашенко взяли ответственность на себя и до конца отстаивали ту политику, которую считали правильной. В конце мая председатель Банка России докладывал Президенту, что обстановка на валютном рынке находится под контролем и обвала рубля не произойдет. Можно уверенно сказать, что он делал это совершенно искренне.

Президент тем временем сменил руководителя Госналогслужбы, посчитав, что Б.Федоров будет собирать налоги лучше А.Починка. Но Б.Федоров тоже оказался не всесильным.

В те дни не было недостатка в советах из-за границы. МВФ, как обычно, настаивал на улучшении сбора налогов. Другие рекомендовали, не мешкая, начинать плавную девальвацию рубля. Но все сходились

в одном: действия Правительства и ЦБ в целом правильны, но недостаточны. Нужна масштабная кредитная линия международных финансовых организаций — только она может успокоить инвесторов.

Именно об этом шел разговор на важном совещании 28 мая. Как раз в тот день Б.Ельцин отправил А.Чубайса в МВФ за большим кредитом. Задача была очень сложной, но А.Чубайс ее решил. Обычно МВФ выделял такие средства уже после дефолта на восстановление экономики. Посчитав, что это поможет избежать финансовой катастрофы, МВФ решил сделать для России исключение и ошибся.

Июнь начался редким по драматизму выступлением Б.Ельцина на встрече с лидерами российского бизнеса. Прошла она 2 июня. Президент говорил абсолютно открыто. Назвал ситуацию крайне сложной. Указал причины — продолжающийся бюджетный кризис и медлительность с важнейшими реформами. Рассказал о том, что делают Правительство и ЦБ. Финансисты вежливо слушали. Выдвигали предложения, которые, по правде говоря, были уже всем известны. Но, судя по всему, думали только об одном — как спасти свои деньги.

После встречи Президент остался вдвоем со своим помощником по экономическим вопросам. Ничего не скрывая, А.Лившиц подробно объяснил ситуацию. Выразил уверенность, что даже само известие о предоставлении России большого кредита переломит панические настроения, стабилизирует рынок. А потому надо еще подумать, стоит ли его реально привлекать и залезать в такие долги. Пусть лежит этот кредит в Вашингтоне и нависает над нашим рынком. Президент долго молчал. Потом сказал: «Нет, деньги надо брать. Иначе уж точно провалимся».

Президента обуревали тяжелые предчувствия. Между тем решительные меры Правительства и ЦБ все же возымели действие: рынок ГКО — ОФЗ отреагировал снижением доходности до 50%. Стало немножко полегче.

Однако майская фаза кризиса не осталась незамеченной мировой финансовой системой. Международные рейтинговые агентства перешли от слов к делу и вновь понизили рейтинг российских ценных бумаг. Проще говоря, только инвесторы начали успокаиваться, как им объявили, что вкладывать деньги в российские бумаги — за гранью риска. Это драматическое решение в значительной мере перечеркнуло все усилия.

Хотя в июне МВФ в принципе одобрил выделение России большого кредита, к концу месяца рынок снова «просел», как мартовский снег. Доходность ГКО — ОФЗ поднялась до 70%. Центробанку, который только что снизил ставку рефинансирования до 60%, пришлось снова ее увеличивать — до 80%.

Налоги, как и раньше, поступали плохо. Долги перед бюджетниками росли. Госдума отказывалась принимать законы, предусмотренные антикризисной программой Правительства.

Ситуация усугублялась сбоями в работе финансовых ведомств. Минфин, например, собирался в июне профинансировать примерно 38 миллиардов рублей расходов, а реально получилось почти в два раза меньше.

Понятно, что ситуация с доходами была нестабильной и ошибиться мог каждый. Но не в два же раза!

ЦБ время от времени блокировал счета федерального казначейства — забирая поступавшие туда деньги в счет погашения долгов Правительства. Страна на несколько дней оставалась вообще без всякого бюджетного финансирования. Понадобилось вмешательство Президента, заставившего премьера выправить положение. Это было сделано, но со значительным запозданием.

В первых числах июля Правительство навалилось на «Газпром», настаивая на полной выплате налогов. Время действительно требовало жесткости. Но поступили неуклюже — заслали в офис «Газпрома» налоговых полицейских. Акция устрашения, получившая в прессе название «газовой атаки», конечно, принесла какие-то деньги, но обернулась снижением котировок акций «Газпрома», что было уж совсем некстати. Сомнительно, чтобы демонстрация силы государства произвела должное впечатление на МВФ, который до этого уже принял решение об открытии кредитной линии на Россию.

В первый летний месяц в страну стали приходить первые порции большого кредита, это уже были не слова о поддержке, а «живые» деньги. Рынок не мог не откликнуться: поначалу доходность ГКО — ОФЗ упала почти в два раза, однако во второй половине месяца снова пошла вверх и застряла на уровне 70—80%. То есть рынок быстро «переварил» хорошую новость о поступивших миллиардах долларов и, немного успокоившись, опять съехал вниз и затих.

Сейчас много говорят о судьбе этих денег. Мол, кредит МВФ был растрачен не по назначению, разворован и т.п. На самом деле сначала финансовый поток разделился на два рукава (в ЦБ и Минфин), а потом они вновь соединились на валютном рынке. ЦБ продавал валюту для того, чтобы поддержать курс внутри коридора, а Минфин — чтобы получить рубли и расплатиться по внутреннему долгу. Действуя по тогдашним правилам, доллары МВФ откупали банки-операторы валютного рынка. Причем по низкому курсу — около 7 рублей за доллар. А куда они потом дели валюту — только им ведомо.

В июле финансовая ситуация оставалась, конечно, плохой. Причем стабильно плохой, не ухудшившись по сравнению с июнем. Вот, собственно, и весь позитив, достигнутый МВФ в России летом 1998 года. В Москве и Вашингтоне ждали гораздо большего.

Это означало, что Минфин продолжал работать в основном на обслуживание рынка госбумаг — оплачивал старые ГКО — ОФЗ. На остальное денег почти не оставалось. Армия, например, до 25 июля не получила на денежное довольствие буквально ни рубля. Такого еще не было. Более того, до 25 июля Правительство вообще не имело утвержденного лимита (плана) финансирования бюджетных расходов, наверное, впервые в истории Минфина. Видимо, в этот лимит просто нечего было записывать. Кроме, разумеется, платежей по долгам.

Оставался последний ресурс — добровольная конвертация ГКО в «длинные» валютные бумаги. Вынужденная, чрезвычайная мера опускала нас в глубокую долговую яму, но другого способа ослабить невыносимую нагрузку на бюджет тогда не было. Минфин провел эту операцию, однако и она не спасла.

Тем не менее руководители Правительства и ЦБ все еще верили, что худшего удастся избежать. По крайней мере, именно так они информировали Президента. Ему сообщали: самым страшным был июль; на август деньги есть (прислали даже примерный график платежей); в сентябре подойдет самый весомый транш кредита МВФ: одну часть возьмет Минфин для финансирования расходов, другую — ЦБ на пополнение резервов. В октябре продадим «куски» «Газпрома» и «Связьинвеста», в ноябре появятся деньги от новых размещений еврооблигаций. Появились даже публичные оптимистические заявления. Случилось по-другому.

Полный дефолт

Когда руководители Правительства и ЦБ говорили Президенту, что «все под контролем, и не такое бывало, проскочим», он нервничал, терзался сомнениями, но все же верил. Только задавался вопросом: каких полномочий не дал, чем не поддержал, чего не хватало для того, чтобы исключить финансовый взрыв? Так продолжалось вплоть до 17 августа, да и потом.

Если не помог даже огромный кредит МВФ, значит, дело уже не в экономике. Положение здесь, кстати, в августе хуже не стало. Произошло иное: у инвесторов кончился запас терпения, рынок перестал реагировать на любые заявления российских и международных чиновников, не верил больше, что бюджет способен отдать долги, что антикризисная программа Правительства станет реальностью, что ЦБ удержит курс рубля и что деньги МВФ радикально изменят ситуацию. И с этим уже ничего нельзя было поделать.

4 августа доходность на рынке ГКО — ОФЗ превысила 160% при минимальном объеме торгов. 13 августа она достигла 170%. Рынок «стоял вмертвую»: все хотели избавиться от госбумаг, но никто не хотел их покупать. Это уже был не приступ стенокардии, а обширный инфаркт.

Зато обороты валютного рынка были почти в пять раз больше обычных. По сути, единственным продавцом валюты остался ЦБ. Хотя он еще располагал немалыми резервами (не менее 17 миллиардов долларов), они таяли буквально на глазах. «Оборона» валютного коридора обходилась в 1 миллиард долларов еженедельно. Оказалось, что инъекция МВФ сыграла совсем не ту роль, на которую рассчитывали российские власти. Почуяв, что у ЦБ прибавилось валюты, инвесторы старались побыстрее обратить в нее свои рубли и вывести деньги из России.

В тяжелую форму перешел кризис банковской системы. Рынок межбанковских кредитов был фактически парализован: банки сплошь и рядом нарушали обязательства друг перед другом. Так же они стали поступать и с погашением кредитов, полученных от иностранных банков. Регионы тоже отказывались платить по своим еврооблигациям.

Крупные банки, конечно, пострадали от кризиса, но они подошли к этому роковому дню уже в ослабленном состоянии, потому что сами наделали кучу ошибок. Еще до 17 августа Лившиц спросил известного банкира, купившего много собственности: «Сколько же тебе надо?» Тот ответил: «Мне надо все». «Что ж, — сказал ему помощник Президента, — тогда у тебя не будет ничего».

Ведь российские банки собирали средства клиентов, давали кредиты, покупали и продавали акции предприятий, работали с государственными ценными бумагами, проводили денежные зачеты между теми, кто задолжал бюджету, и теми, кому должен сам бюджет, приобретали СМИ, занимались политикой... Словом, действовали так же, как фельдшер в сельской больнице, который и зубы рвет, и роды принимает. А главное — банки привлекали деньги на короткое время, а размещали их на длительный срок. Это была работа на разрыв самих банков.

14 августа А.Лившиц отправил Президенту подробный доклад с предложениями по выходу из кризисной ситуации. 16 августа в первой половине дня Б.Ельцин его прочитал, но не дал хода. Во второй половине дня к нему приехали руководители Правительства и ЦБ. Изложили суть своих решений, которые предстояло обнародовать завтра. Президент дал согласие на проведение операции. Дело было сделано.

А на следующее утро помощник зашел к руководителю Администрации Президента В.Юмашеву. На ближайшие дни планировалась встреча с Б.Ельциным, и он собирался обсудить детали. «В этом уже нет необходимости, — сказал Юмашев, — все решено, через пару часов объявим». Узнав об этом, Лившиц заявил о своем желании уйти в отставку. Указ Президента последовал незамедлительно.

17 августа 1998 года Правительство и Центральный банк выступили с совместным заявлением, в котором был обозначен ряд мер:

«1. С 17 августа 1998 г. Банк России переходит к проведению политики плавающего курса рубля в рамках новых границ "валютного коридора", которые определены на уровне от 6 до 9,5 рубля за доллар США...

2. Государственные ценные бумаги (ГКО и ОФЗ) со сроками погашения до 31 декабря 1999 года включительно будут переоформлены в новые ценные бумаги... До завершения переоформления государственных ценных бумаг приостанавливаются торги на рынке ГКО — ОФЗ.

3. С 17 августа 1998 г. объявляется мораторий сроком на 90 дней на осуществление выплат по возврату финансовых кредитов, полученных от нерезидентов Российской Федерации, на выплату страховых платежей по кредитам, обеспеченным залогом ценных бумаг, на выплаты по срочным валютным контрактам.

4. Правительство и Банк России поддерживают создание платежного пула крупнейших российских банков, целью которого является поддержание стабильности межбанковских расчетов. Одновременно Банк России намерен предпринять дополнительные усилия по укреплению российской банковской системы.

5. Правительство России в ближайшее время начнет размещение краткосрочных (одно- и двухнедельных) государственных ценных бумаг. Будет расширен спектр бумаг, выпускаемых для населения.

6. Правительство и Банк России обращаются к Федеральному Собранию с законодательной инициативой по ужесточению контроля за оттоком валютных средств за рубеж.

7. Правительство России повторно обращается к Государственной Думе с предложением провести до конца августа внеочередную сессию, на которой принять ключевые законопроекты, позволяющие обеспечить своевременность выплаты пенсий и заработной платы работникам бюджетной сферы, создать законодательные процедуры санации банков, укрепить систему валютного регулирования и валютного контроля».

Однако фактически все эти меры означали одно — Россия отказывается платить по своим счетам. Это был «полный дефолт».

Остались, естественно, некоторые вопросы. Известно, например, что авторы дефолта все же сохранили валютный коридор. Только подняли его верхнюю границу. Нетрудно, однако, было предвидеть, что после происшедшего панические настроения инвесторов могли только усилиться. Так и получилось. Новый коридор был пробит уже через несколько дней, а ЦБ объявил о прекращении торгов на валютной бирже, то есть фактически признал свою неспособность удержать курс и выполнить то, что обещал 17 августа. Рубль продолжил свободное падение: уже к 28 августа доллар достиг отметки в 13,9 рубля.

Но ведь какое-то время Центральный банк выполнял обещанное, держал курс, тратил резервы. Всего за первые три недели августа на это ушло 5 миллиардов долларов, то есть практически весь недавно полученный кредит МВФ. Причем поступили они в те банки, которые, заблаговременно продав свои пакеты ГКО — ОФЗ, теперь давили рублевой массой на валютный рынок.

Те, кто планировал дефолт, сразу заявили, что через несколько дней сообщат об условиях реструктуризации ГКО — ОФЗ. Это, однако, удалось сделать только через несколько месяцев, уже при новом премьере Е.Примакове. Пострадавшие от российского дефолта увидели здесь еще один обман. А международные организации, определяющие рейтинги стран, задвинули Россию в последние строки своих списков.

Первые недели после 17 августа были крайне тяжелыми. Убитые кризисом банки практически поголовно задерживали платежи не только своих клиентов, но и налогоплательщиков. Финансовые артерии надо было срочно раскупоривать, иначе бюджет мог вообще остаться без денег. Столь же срочного внимания требовала проблема мелких вкладчиков. Те уже двинулись в отделения банков и на своем пути могли снести все, как это случилось в Индонезии.

На экономическую неразбериху накладывалась политическая нестабильность. Был отправлен в отставку С.Кириенко, его ненадолго сменил В.Черномырдин, потом появился Е.Примаков. На место С.Дубинина при-

шел В.Геращенко. Для чиновников вновь наступила пора «большой пересадки», когда, как уже говорили, именно бездействие — лучший способ сохранить свои посты.

Приняв по наследству пепелище, Е.Примаков и В.Геращенко имели в распоряжении только два работающих ресурса — инфляцию и административные ограничения. Ими и воспользовались: инфляционными способами восстановили систему расчетов, административными ограничениями успокоили валютный рынок. А потом подоспело повышение мировых цен на нефть, и началось активное замещение импорта товарами российского производства. Наладив отношения с Госдумой, Правительство сумело провести вполне приличный бюджет на 1999 год, и экономика стала выбираться из ямы.

Финансовый кризис и его кульминация (операция «дефолт») нанесли огромный ущерб репутации России. Впервые в своей истории российское государство отказалось отдавать долги. СССР — не в счет: большевики сразу же отказались выплачивать царские долги. Да и позже никто в мире, наверное, всерьез не рассчитывал на возврат кредитов. Это были, скорее, безвозмездные вложения — в «победу над фашизмом», «разрядку», в «перестройку». Но что показательно — как только на месте Советского Союза появилась Россия, западные кредиторы потребовали: «Верните деньги!» Потому что вспомнили — Россия всегда отдавала долги. Она и начала это делать по линии Парижского и Лондонского клубов, заслужила доверие, стала размещать на мировых рынках свои ценные бумаги. А потом 17 августа впервые обманула.

Финансовый взрыв снес не только руководителей Правительства и ЦБ. Непоправимый урон был нанесен репутации Президента. Ведь накануне дефолта он, видимо, после разговора с теми, кому тогда доверял, твердо заявил, что ситуация контролируется и девальвации рубля не будет. Эти слова слышала вся страна, а вышло иначе.

Конечно, решения, принятые 17 августа, имели и положительную сторону. Легче стало экспортертам. Еще бы: после девальвации та же самая валютная выручка стала стоить в рублях почти в пять раз больше. Внутренняя инфляция 1999 года (80%) лишь ненамного подпортила им настроение. Поскольку импорт стал неконкурентоспособным, наши производители быстро «вытолкнули иностранцев» и заняли их место на рынке. Свободнее задышал бюджет. Поскольку часть долгов отдавать перестали — уменьшились платежи кредиторам, больше средств стало оставаться для бюджетников, военных, пенсионеров: Правительство платило им те деньги, которые недодало своим западным кредиторам.

Все это способствовало началу экономического роста. Но надо признать: люди, осуществившие дефолт, приняли это решение не потому, что оказались такими дальновидными и стали различать на горизонте свет будущего экономического подъема. У них была совсем другая концепция экономического роста, основанная на снижении инфляции и процентных ставок и вовсе не предусматривавшая многократной девальвации рубля и отказа от уплаты долгов. Более того, тогдашние руководители Прави-

тельства и ЦБ отчаянно сопротивлялись такому исходу, до конца держали валютный коридор, платили немыслимые проценты по внутреннему долгу и т.д. Решения от 17 августа не были частью какой-то хитрой долгосрочной стратегии, они появились от безысходности.

Страну вытянул российский рынок. Он оказался гораздо сильнее, чем все предполагали.

Что в остатке?

Как экономическая политика «ельциномика», бесспорно, носила либеральный характер. Она началась с либерализации цен и внешнеэкономической деятельности. Продолжилась приватизацией и созданием института частной собственности. При Ельцине появились рынки — труда, товаров, валюты, ценных бумаг. Возникла первичная законодательная база рыночной экономики.

Либерализм, однако, не был для Ельцина глубоким внутренним убеждением или мировоззрением. Президент, разумеется, понимал, что на смену тоталитарной хозяйственной системе должна прийти другая, похожая на те, что хорошо себя показали в развитых странах мира. Но какой будет эта новая система (либеральной или иной)? Какой должна быть последовательность политических шагов? Какие результаты можно ожидать и когда? Заступая на пост Президента, Ельцин не знал ответы на эти вопросы и полагался, как отмечалось выше, на Правительство либералов во главе с Гайдаром. Если бы первым премьером стал не Гайдар, а, скажем, Скоков, «ельциномика» была бы другой, не либеральной политикой.

«Ельциномика» представляла собой последовательность противоречивых решений. Элементы рыночной экономики внедрялись импульсами и вне рамок системного плана. Российская экономическая реформа непомерно затянулась, ее результаты оказались весьма противоречивыми. Тому было несколько причин. И главная из них — политическая. Ельцину и его правительствам так и не удалось консолидировать политическую элиту и подавляющую часть общества вокруг целей глубокого реформирования экономики. Политические баталии не только отнимали силы и время. Они понуждали к вредным для экономики компромиссам, половинчатым решениям. Жертвой всегда становилась экономическая эффективность. В результате замораживалось принятие рыночных законов, откладывались абсолютно необходимые реформы, уродовались бюджеты.

Негативно сказалась порочная традиция 90-х годов — безусловный приоритет текущих проблем по сравнению с долгосрочными, пожаротушение вместо реформ. Вместо земельной реформы регулярно давали деньги «селу», а потом списывали его безнадежные долги. Вместо реформы социальной сферы безмерно напрягали бюджет, чуть ли не ежегодно проводя кампании по погашению долгов перед бюджетниками и пенсионерами. Вместо коммунальной реформы разрушали региональные бюджеты неподъемными дотациями.

Еще один отрицательный фактор, сопутствовавший «ельциномике», — фаворитизм. В одной из глав уже отмечалось, что создание особых

преференций для отдельных финансовых групп, предприятий, регионов наблюдалось в течение всего президентства Ельцина. Менялись лишь формы — прямые бюджетные вливания, льготы по уплате налогов, одобрение сомнительных приватизационных схем и т.п. Реальная возможность получить привилегии одним росчерком президентского пера делала экономическую среду крайне нестабильной. Это сильно мешало реформам и особенно инвестициям.

За достижения «ельциномики» пришлось заплатить громадную социальную цену, которая при осознанной экономической политике могла быть куда скромнее. И заплатили ее — граждане России. Многие из них потеряли не только свои трудовые сбережения, привычный социальный статус, гарантированные права. Народ, перестав ощущать «высокий смысл жизни», утрачивал веру в разум власти.

Новая власть, казавшаяся понятной и привлекательной в начале 90-х годов, становилась все более отдаленной, чужеродной. Она была не в состоянии говорить с народом, объяснять свои действия, предупреждать о грядущих опасностях, учить ориентироваться в новом рыночном мире. Народ оказался не только брошен властью, но и не защищен интеллигенцией. Последнее десятилетие XX века Россия прожила в условиях дефицита духовных и нравственных лидеров. Это всегда дефицит, но в эпоху крутых перемен он особенно заметен. Не смог стать таковым и Президент Ельцин.

Все эти годы он получал разнообразную и объективную информацию о состоянии дел в стране, об экономических неурядицах, о социальных проблемах граждан. Более того, нередко, чтобы побудить его к действиям, приходилось сгущать краски, драматизировать ситуацию. Ельцин искренне переживал происходящее, неся бремя тяжелого знания, которым обладал только он, и тяжелейшей ответственности, которую он на себя взвалил.

Отпустив на волю в начале 1992 года стихию рынка, он во многом продолжал действовать как часть этой стихии.

Импичмент-99

(ЯНВАРЬ 1994 — МАЙ 1999)

Подоплека

Борис Ельцин давно, еще с середины 80-х годов, стал «пунктиком» для советской номенклатуры. У коммунистов были еще две ненавистные фигуры — М.Горбачев и А.Н.Яковлев. Но именно на долю Ельцина после избрания Президентом выпала участь стать главной мишенью коммунистических атак. И надо сказать, удобной мишенью.

Во-первых, с его стороны можно было не опасаться каких-либо индивидуальных репрессий (даже за организацию и участие в двух путчах виновные отделались по большому счету лишь испугом). Во-вторых, его стиль иногда действительно давал поводы для иронии и раздражения. Наконец, экономическая политика, проводившаяся «под крылом» Президента, в силу непоследовательности и ошибок и в силу объективных причин привела к огромным социальным издержкам, а главное, к массовому ощущению несправедливости и пагубности самих реформ.

Коммунисты отслеживали каждый шаг Президента и использовали в своих интересах любое его решение, тем более непопулярное или непродуманное. Наоборот, ни глава государства, ни исполнительная власть совершенно не были нацелены на последовательную политику декоммунизации.

Власть, не чувствуя своей морально-духовной силы, и даже наоборот, ощущая некий «комплекс вины» перед народом, во многом поддерживаемый средствами массовой информации, успокаивала себя тезисом, который ввел в оборот Явлинский: с коммунизмом не надо бороться, его можно победить, только победив бедность, дав людям ощутить реальные плоды реформ. В стратегическом смысле этот тезис верный. Но на практике обильная «левизна», проявлявшаяся в массе государственных решений, как раз и не позволяла эффективно вести реформы, победить бедность.

Коммунисты обоснованно видели именно в Б.Ельцине главную преграду к своей цели — восстановлению былой системы, и вместе со своими «попутчиками» сделали ставку не на «улицу», как в 1917 году, а на легальные — парламентские и судебные — механизмы.

С принятием новой Конституции России не прекратилась череда крупных и мелких политико-юридических «укусов» Президента и реформ. Напомним некоторые из них.

Январь, 1994 год. Первый секретарь ЦК РКРП В.Тюлькин оспаривает в Верховном Суде РФ законность проведения и результаты референдума по принятию Конституции РФ 12 декабря 1993 года.

Октябрь, 1996 год. Заместитель председателя Госдумы С.Бабурин инициирует рассмотрение законопроекта «Об обеспечении непрерывного

исполнения полномочий главы государства», направленного на создание юридической основы для отстранения Б.Ельцина от власти по медицинским показаниям.

Январь, 1997 год. Председатель комитета Госдумы по безопасности В.Илюхин вносит проект постановления о досрочном прекращении исполнения полномочий Президента «в связи со стойкой неспособностью по состоянию здоровья осуществлять свои полномочия».

Февраль, 1997 год. «Левые» фракции вносят в Госдуму постановление «О необходимости принятия первоочередных мер в связи с состоянием здоровья Президента Российской Федерации Б.Ельцина».

Март, 1997 год. Госдума принимает заявление «О всероссийской акции протеста», оформляя это постановлением, которым орган государственной власти — палата парламента фактически отождествляет себя с определенной политической организацией: «Мы, депутаты Государственной Думы, заявляем, что 27 марта 1997 года будем вместе с вами, нашими избирателями, принимать самое активное участие в организуемой профсоюзами всероссийской акции протеста...»

Март, 1997 год. Госдума «голосует» за постановление, в котором выражен протест против назначения А.Чубайса на должность вице-премьера. Но вся риторика и главный смысл документа направлены против реформ в целом.

Март, 1997 год. Госдума принимает в первом чтении законопроект, подготовленный Бабуриным, «О внесении дополнений в Кодекс законов о труде Российской Федерации». Смысл дополнений состоял в том, чтобы объявить 4 октября «годовщиной Памяти защитников Конституции в октябре 1993 года» (естественно, имелась в виду Конституция РСФСР 1978 года) и установить право трудовых коллективов самостоятельно решать вопрос об отдыхе в этот день (нетрудно понять, какая мина закладывалась под политическую стабильность в стране).

Апрель, 1997 год. Госдума принимает заявление «По поводу высказываний Президента Российской Федерации Б.Ельцина о перезахоронении В.И.Ленина». Приведем наиболее любопытный отрывок из этого документа:

«В цивилизованном обществе принято оберегать памятники истории и не тревожить места упокоения выдающихся деятелей, чтить национальные святыни. Ведь еще Иисус Христос предупреждал: "Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас" (Евангелие от Матфея, 7:6)».

Любопытен этот фрагмент заявления тем, что коммунисты, по чьей инициативе оно было принято, цитируют так тщательно Евангелие, будто их партия и есть главная защитница христианства, будто не ее основатель Ленин санкционировал расстрел священников и экспроприацию церковного имущества; будто вовсе не коммунисты разрушали «классово чуждые» памятники, жгли иконы, взрывали храмы или устраивали в них склады, мастерские и общежития; будто не они сделали воинствующее безбожие частью своей идеологии.

Апрель, 1998 год. В Госдуме левые радикалы В.Илюхин, Л.Рохлин, И.Братищев и другие проводят круглый стол «Кризис власти и кризис нации», с которого фактически и начинается сбор подписей под инициативой об отрешении Б.Ельцина от должности. Один из пунктов заявления организаторов гласит:

«Общая координация деятельности инициативной депутатской группы и инициативной группы по организации общественных трибуналов возлагается на специально созданный Штаб при председателях Комитетов по обороне, безопасности и Движении "В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки"».

В задачи Штаба также входит «сбор, систематизация и формализация материалов для вынесения окончательного решения общественного трибунала, передачи документов в Верховный Суд в рамках инициации процедуры импичмента и в Международный суд в городе Гааге по преступлению против человечества — геноцида».

Подсудимые стали судьями

В апреле 1998 года КПРФ и ее союзники вновь бросили клич «Долой Ельцина!». Это не было, однако, спонтанной акцией. Коммунисты все, как им казалось, рассчитали. После того как в марте 98-го был неожиданно отправлен в отставку В.Черномырдин, на пост Председателя Правительства столь же неожиданно был предложен мало кому известный в то время С.Кириенко, только недавно начавший работу в Правительстве с должности заместителя министра топлива и энергетики.

Мало кто тогда мог предположить, что Президент начал тем самым операцию «Наследник», которая в конечном счете увенчалась успехом. И неважно, что для этого потребовалось сменить еще трех премьер-министров, не считая краткого пребывания в должности и.о. премьера Черномырдина, пока «смотрины» не остановились на В.Путине.

Назначая С.Кириенко на пост премьера, Ельцин придавал своему решению большое значение и не собирался считаться с мнением Государственной Думы. При этом он даже не захотел придать процедуре утверждения хотя бы внешне уважительные формы. Напротив, ни он сам, ни представители его Администрации не скрывали, что Дума будет распущена, если посмеет не утвердить Кириенко.

Депутаты, особенно «левые», оказались в довольно унизительном положении. Им, яростно критиковавшим Президента и Правительство, предлагалось «проштамповать» утверждение премьера, не скрывавшего свои либеральные взгляды. И они это сделали. Но своего унижения простить не смогли. Тем более что это было не только политическое, но и моральное унижение.

Незадолго перед голосованием по кандидатуре премьера Б.Ельцин по телевидению на всю страну намекнул на «покупаемость» депутатского корпуса, заявив, что дал указание своему управделами П.Бородину «решить после голосования проблемы депутатов» (понималось ли под этим

удовлетворение их бытовых просьб или классический подкуп, остается лишь гадать). Как бы то ни было, все выглядело малопристойно.

На фоне всех этих событий и жестов инициатива коммунистов, начавших сбор подписей под ходатайством о начале процедуры отрешения Президента от должности, получила свое развитие в Госдуме. Этому способствовала и ситуация в стране. Начались массовые шахтерские забастовки и другие акции протеста против положения в угольной промышленности. Шахтеры и поддержавшие их в угольных бассейнах учителя, врачи, другие бюджетники начали перекрывать железнодорожные магистрали — в Сибири, на юге и севере европейской части России. Большая группа шахтеров обосновалась и перед Белым домом, на Горбатом мосту, собирая вокруг себя любопытных, сочувствующих и журналистов.

В инициативном письме группы депутатов, под которым стояло 177 подписей, содержались обвинения в адрес Ельцина по пяти пунктам. Приведем их с сокращениями по документу с названием «Обоснование постановки вопроса об отрешении Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина от должности в связи с совершением им тяжких преступлений».

Первое. «В декабре 1991 года Президент России Б.Н.Ельцин совершил *государственную измену*, подготовив и заключив Беловежские соглашения, окончательно уничтожившие Советский Союз и причинившие огромный материальный ущерб России, ее территориальной целостности, обороноспособности, вызвавшие многочисленные человеческие жертвы».

Второе. «В сентябре—октябре 1993 года, организовав *государственный переворот* и приняв активное участие в его осуществлении, Президент Ельцин Б.Н. совершил преступления, предусмотренные статьями (идет перечень статей. — *Авт.)* УК РСФСР и РФ».

Третье: «В декабре 1994 года Президент Ельцин Б.Н. издал Указ № 2137 "О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской республики" и 9 декабря 1994 года Указ № 2166 "О мерах по пресечению деятельности вооруженных формирований на территории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта". Одновременно с этими документами как Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации он отдал приказ *о военных действиях в Чеченской республике* и тем самым вновь совершил преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 171 УК РСФСР (ч. 2, 3 ст. 286 УК РФ).

Поступая таким образом, Б.Ельцин нарушил ряд конституционных требований, в значительной степени ограничивающих властные полномочия Президента Российской Федерации».

Четвертое. «Будучи согласно статье 87 Конституции Российской Федерации Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами, Президент Б.Н.Ельцин за время выполнения своих функций *нанес серьезный ущерб обороноспособности и безопасности Российской Федерации.* Он явился организатором осуществления Правительством целого ряда мероприятий, которые привели к значительному ослаблению оборонной мощи России...

Фактически данная политика и действия Президента Б.Н.Ельцина в полной мере соответствуют геополитическим интересам США и их союзников и не могут рассматриваться иначе, как "*оказание помощи иностранным государствам в ущерб внешней безопасности Российской Федерации*", ответственность за которое установлена статьей 275 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Пятое. «Все приведенные выше факты вытекают из общей направленности "реформ", легших в основу политики Б.Н.Ельцина и его окружения. В своей совокупности они привели Россию к социально-экономическому кризису, связанному с разрушением основных отраслей народного хозяйства, все более усиливающимся расслоением общества, потерей безопасности страны, с резким падением уровня жизни и вымиранием населения». Все эти оставшиеся обвинения левые депутаты решили объединить в одно, но самое тяжкое, квалифицировав его как *геноцид*.

Даже не очень просвещенным в правовом отношении людям было ясно, что эти обвинения далеки от юриспруденции и есть не что иное, как политический счет, предъявленный Ельцину за его главное «преступление» — разрушение монопольной власти КПСС. Статьи же Уголовного кодекса фигурировали потому, что по российской Конституции, как и в других странах, за чисто политическое неудовольствие президентскими действиями невозможно отрешить главу государства от должности. Только за тяжкие преступления.

Парадоксальность ситуации с импичментом заключалась в том, что свои обвинения Президенту предъявила та сила, на которой как раз и лежит вся тяжесть вины за беды страны, за ее поражение в исторической гонке XX века. Вместо подсудимых коммунисты хотели стать судьями.

Политика вместо права

19 июня 1998 года Государственная Дума (300 — «за», 3 — «против») приняла постановление «О Специальной комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по оценке соблюдения процедурных правил и фактической обоснованности обвинения, выдвинутого против Президента Российской Федерации». Напомним, что образование такой Комиссии предусмотрено Конституцией РФ как обязательный этап перед тем, как нижняя палата (а не группа депутатов) выдвинет обвинение против Президента и тем самым начнет процедуру его отрешения от должности. Возглавил эту Комиссию, состоявшую из 15 человек, депутат В.Филимонов, которого председатель Комитета Госдумы по законодательству А.Лукьянов отрекомендовал как «бывшего члена Комитета конституционного надзора СССР, крупнейшего специалиста по уголовному праву и уголовному процессу».

На этом же заседании возникла небольшая перепалка по поводу сроков работы спецкомиссии. А.Котенков, представитель Президента в Думе, потребовал, чтобы в постановлении о спецкомиссии был

установлен предельный срок ее работы. Это действительно было важно с политической точки зрения, поскольку Администрация Президента, с одной стороны, была уверена, что дело не дойдет до собственно процедуры импичмента, но с другой — не хотела неопределенно долго находиться в подвешенном состоянии, в сколько-нибудь длительной зависимости от благорасположения депутатов. Однако председатель Думы Г.Селезнев умышленно привел дело к тому, что конечного срока работы Комиссии так и не было установлено (фактически она функционировала около года).

В Кремле к тому времени настолько привыкли к разнообразным антипрезидентским акциям думских коммунистов, что выдвижение обвинений против Ельцина восприняли просто как очередной «взбрык» левых, не заслуживающий серьезных ответных действий. К тому же была очевидна абсурдность и политизированность этих обвинений, и считалось маловероятным, что они будут реализованы в окончательное решение об отрешении главы государства от должности.

Действительно, такие шансы были невелики. Но вовсе не потому, что, как повторяли тогда многие политики и журналисты, слишком усложнена процедура отрешения от должности. Предусмотренная Конституцией многоступенчатая процедура вполне обычна для мировой практики. Это делается для ограждения Президента от сведения с ним политических счетов, а страны — от потрясений. Именно поэтому и введены в эту процедуру Верховный и Конституционный Суды, способные рассмотреть обвинения с чисто юридической точки зрения.

Поскольку в этом смысле конституционные позиции Б.Ельцина были крепки, само выдвижение политических обвинений не стало для Кремля поводом выстраивать стратегию и тактику. Это лишний раз подтверждает, что Ельцин не был настроен на идейную борьбу с коммунистами, воспринимая их только как обычных политических соперников, ставящих ему палки в колеса. Иначе он бы вряд ли упустил такой удобный случай для организации мощного антикоммунистического контрнаступления. О нежелании публичной полемики с коммунистами свидетельствовала и неявка в думскую спецкомиссию бывших и действовавших соратников Президента, вызванных в качестве «свидетелей» (Козырев, Шахрай, Бурбулис, Савостьянов, Черномырдин, Лобов, Грачев и др.).

Соответственно такой позиции Администрацией Президента были избраны и ресурсы: первый — выстраивание юридической контраргументации, второй — работа с колебавшимися фракциями и группами депутатов. Этому было посвящено несколько узких совещаний в Администрации по поводу импичмента, на которых распределялись роли между подразделениями. Роль координатора и главного ответственного за «процесс» отводилась Представителю Президента в Государственной Думе А.Котенкову. Разумеется, в помощь ему были мобилизованы Государственно-правовое управление, некоторые федеральные ведомства, в частности Минюст, и даже трое профессиональных адвокатов.

Однако, как это нередко бывает, «ответственный за мероприятие» стал и основным «исполнителем». А Котенкову даже пришлось последние

две недели перед голосованием в Думе находиться «на казарменном положении», ночуя в своем кабинете на Старой площади.

Сам Президент не проявлял беспокойства ни по поводу выдвижения обвинений, ни на последующих стадиях процесса импичмента. Достаточно сказать, что с Котенковым он встречался в этот промежуток времени лишь дважды. Первый раз в составе группы во главе с А.Волошиным. На этой встрече высокопоставленные сотрудники Администрации заверили Б.Ельцина, что импичмент провалится, пояснив, что, если даже Дума и проголосует за выдвижение обвинений, Верховный и Конституционный Суды дадут отрицательные заключения. Эта уверенность базировалась в первую очередь на правовом анализе обвинений. Второй раз их встреча проходила с глазу на глаз за два дня до думского голосования. 40 минут Президент рассказывал Котенкову о международных делах (в то время горячей темой оставался косовский кризис) и лишь 5 минут посвятил разговору о предстоящем голосовании. Как вспоминал сам Котенков, Борис Николаевич спросил: «Как там в Думе?» И, получив успокаивающий ответ своего представителя, завершил: «Ну и хорошо». Однако и эта, вторая встреча (ее начало показали по ТВ) была, скорее, «пиаровской акцией» Администрации, которая была рассчитана на депутатов, чтобы те помнили: «Президент следит».

Несмотря на бесперспективность «дела Б.Ельцина», политическая пассивность Кремля была очевидной ошибкой. Весь период, от создания «Комиссии по импичменту» до финального голосования в Думе, тема отрешения Ельцина от власти привлекала журналистов. Каждое заседание Комиссии становилось информационным событием. И каждый раз эфир захватывали противники Ельцина по той простой причине, что на заседаниях Комиссии не было его представителей. Журналистам не на кого было направить телевизионную камеру, некого было пригласить к микрофону, чтобы представить точку зрения президентской стороны. В результате левая оппозиция без боя овладела информационной площадкой для критики Ельцина и пропаганды собственных идей. При бездействии Администрации Президента она успешно решила одну из своих главных задач.

И только когда думская комиссия завершила свои слушания и передала материалы для принятия постановления об официальном выдвижении обвинения, в Администрации занервничали, поняв, что затея депутатов зашла слишком далеко и может иметь неконтролируемые последствия.

Решив сломать сценарий импичмента, Президент 12 мая без понятных для общества причин отправил в отставку премьер-министра Е.Примакова и представил Думе для утверждения на этот пост кандидатуру министра внутренних дел С.Степашина, незадолго до этого назначенного вице-премьером. Внешне все выглядело так, будто Президент «наказывает» Примакова за то, что тот не сумел или не захотел нейтрализовать активность коммунистов в «деле об импичменте». Между тем Президент продолжал реализовывать свой стратегический план «престолонаследия», одновременно демонстрируя, «кто в доме хозяин». Об этой второй причине говорит в своей книге и политолог Л.Шевцова:

«Хотя отставка Примакова и ожидалась, все же она стала ударом для политического класса. Дума занервничала. Президент в очередной раз доказал, что еще способен ломать российскую элиту. Ошиблись те, кто утверждал, что отставка Примакова должна заставить депутатов сплотиться и поддержать импичмент Ельцина. Произошло обратное — отставка убавила у депутатов решимости. Они, видно, поняли, что Президент не шутит и может не дать довести импичмент до логического конца, просто разогнав Думу»*.

Заметим, что легально распустить Думу Ельцину не удалось бы, поскольку с момента принятия постановления о выдвижении обвинения Президенту в течение трех месяцев нижняя палата сохраняла иммунитет. Но депутаты вполне допускали и возможность неконституционного способа разгона нижней палаты парламента.

Испугала депутатов и подчеркнутая уверенность Б.Ельцина. Когда они попытались было отложить принятие постановления о выдвижении обвинения, прозвучало строгое президентское предупреждение: либо принимайте решение сейчас, либо откажитесь от него вовсе.

Тем не менее до момента самого голосования по главному вопросу — об официальном выдвижении Думой обвинений против Президента — ни у кого не было уверенности в его исходе. Тревогу еще более усилил доклад председателя спецкомиссии Филимонова.

Какой-нибудь историк, решивший изучать нашу эпоху, лет, скажем, через пятьдесят, взяв для отправной точки этот доклад, рискует попросту не понять, какой политической силе принадлежала власть в России в конце 90-х годов XX века. Вполне можно предположить, что к 13 мая 1999 года она перешла к КПРФ, которая устроила наконец трибунал над Президентом Ельциным и над всей политикой по переустройству России.

В докладе буквально все было пропитано духом советского уголовного права — с его «объективным вменением», с его пренебрежением к установлению причинно-следственной связи, наконец, с его заказной репрессивностью, превращающей весь процесс из правосудия в спектакль с заранее известным концом. Докладчик словно забыл, в какую эпоху и в какой стране живет, и апеллировал к тоталитарным ценностям отжившего режима.

Спецкомиссия приписала Президенту едва ли не все «грехи» советской и постсоветской власти. Его обвиняли даже за законы, принятые Съездом народных депутатов и Верховным Советом. «Именно при его непосредственном и активном участии, — читаем в заключении, — были приняты: Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, провозгласившая "верховенство Конституции РСФСР и законов РСФСР на всей территории РСФСР" и установившая, что "действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливается Республикой на своей территории"; Закон РСФСР от 24 октября 1990 года

* **Шевцова Л.М.** Режим Ельцина. М., 1999. С. 460—461.

"О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР", постановивший, что "законы и иные акты высших органов государственной власти СССР, указы и другие акты Президента СССР вступают в действие на территории РСФСР после их ратификации Верховным Советом РСФСР"; Закон РСФСР от 31 октября 1990 года "Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР", в соответствии с которым земля и ее недра, другие природные и сырьевые ресурсы, объекты государственной собственности, включая имущество государственных предприятий, учреждений и организаций союзного подчинения, другое имущество, находящееся в управлении РСФСР, объявляются собственностью РСФСР, а золотой запас, алмазный и валютный фонды СССР — собственностью союзных республик».

Таких примеров политической заданности в документе десятки.

Надо сказать, что в юридическом отношении президентская сторона хорошо подготовилась ко дню голосования. Но все понимали: в Думе на правовую аргументацию никто внимания не обратит, иначе бы думское большинство не решилось даже выдвигать обвинения, имевшие мало общего с правом. Сам Котенков в начале своего выступления, в духе парламентского этикета, отметил: «Я благодарю предыдущих ораторов (от лица инициаторов импичмента выступил также В.Илюхин. — *Авт.)* за то, что в своих выступлениях они пытались придерживаться в большей степени юридических аргументов, но, к сожалению, не могу это зафиксировать». Тем не менее юридически основательное выступление представителя Президента имело эффект. Если бы свое пренебрежение к депутатам Кремль усугубил слабостью юридических позиций, обвинительное думское постановление могло бы быть и принято.

15 мая состоялось голосование, которое депутаты решили сделать открытым — именными бюллетенями. Несмотря на сочувственное в целом отношение думской аудитории к докладу спецкомиссии, ни один из пяти пунктов обвинений не набрал требуемого Конституцией большинства в две трети голосов. Инстинкт самосохранения у многих депутатов взял верх. Сказались и кулуарные усилия ельцинской Администрации. Голоса распределились следующим образом:

по обвинению в государственной измене: «за» — 241, «против» — 77;

по обвинению в организации государственного переворота: «за» — 263, «против» — 60;

по обвинению в превышении власти: «за» — 284, «против» — 43;

по обвинению в оказании помощи иностранным государствам: «за» — 241, «против» — 78;

по обвинению в геноциде: «за» — 237, «против» — 89.

Таким образом, в соответствии с Конституцией официальное обвинение так и не удалось выдвинуть, и Президент мог вздохнуть с облегчением. И все-таки политический итог процедуры импичмента оказался не в его пользу. Во-первых, против Президента выступило большинство депутатов, пусть не квалифицированное, простое, но большинство. Тем самым

Дума определила свою политическую позицию не только в отношении Б.Ельцина, но и в отношении всего, что произошло в стране за годы его правления.

Во-вторых, мало кто из депутатов сомневался, что Президенту предъявлены политические, а не юридические обвинения. Именно так процесс импичмента воспринимался и в обществе. Следовательно, как бы ни хотелось Кремлю иного, но «трибунал» над Б.Ельциным фактически состоялся.

В-третьих, коммунистам удалась крупная публичная акция, которая, хотя и не дала серьезной прибавки электората, несколько сгладила неприятный осадок от их покорности в Думе.

Глава 4

«Незавершенка»

(1994 — 1999)

Строитель, не достроивший государство

Как строитель по профессии, Б.Ельцин часто сталкивался с таким явлением, как «незавершенка». Столкнулся он с этой проблемой и на посту Президента. Одной из таких «незавершенок» оказалось государственное строительство.

Напомним, что наряду с требованием экономической и политической свободы он постоянно поднимал тему коренного реформирования всего государственного механизма. Особая важность этой проблемы объяснялась тем, что в России отсутствовали средний класс и развитые структуры гражданского общества, еще хуже было с демократическими традициями и ценностями свободы, частной жизни, гражданской ответственности. Именно поэтому на государство, на власть ложилась главная тяжесть забот по выводу страны из тоталитарного состояния.

В начале 90-х годов все вроде бы складывалось именно в таком ключе. Расформирование КГБ как силового оплота большевистской власти, принятие концепции судебной реформы, введение начал федерализма и местного самоуправления взамен системы Советов, разрушение монополизма единственной правящей партии, наконец, попытки добиться реального разделения властей означали строительство демократической государственности России. Но большей частью все эти преобразования были вплетены сначала в борьбу российской власти с союзной, а затем в противостояние Президента и Съезда народных депутатов. Поэтому, как только исчезал осязаемый противник — в конце 1991, а потом — в конце 1993 годов, убавлялся и «реформаторский» пыл.

Государственное строительство в его широком понимании ушло на периферию политического сознания власти, в том числе и Президента. Не то чтобы кто-то активно отрицал необходимость системной реорганизации государственной власти, которая, конечно же, не исчерпывалась принятием Конституции. Но практически никто в верхних властных эшелонах не придавал этому должного значения (выше мы описали, например, отношение к реформе судебной системы, что выражалось, в частности, в уровне ее финансирования). Вот почему попытки инициировать масштабное преобразование государственного аппарата не встречали сопротивления, но и не поддерживались.

В такой ситуации единственное эффективное средство — это политическая воля Президента. Именно он должен заставить работать неповоротливую машину для проведения системных преобразований в государстве. Но этого не произошло. Текучка съедала не только время, но и преобразовательскую энергию.

Подобная же участь постигла многие инициативы, направленные на переустройство государственной машины. Так, 6 июля 1995 года вышел стратегически важный Указ Президента «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации». Замысел состоял в том, чтобы комплексно решить вопросы, связанные с трансформацией государственно-правовой системы в полноценную демократическую.

В Службе помощников полагали, что, подтвердив на выборах 1996 года свой мандат на реформирование страны, Президент сможет сконцентрироваться на наведении правового порядка, на преобразовании самой власти. Уже в августе 1996 года в службе помощников была подготовлена для него записка «О проблеме слабой управляемости государственными процессами», где вскрывались причины создавшегося положения, но главное, подчеркивалось, что решение именно этой проблемы является первоочередным: «Разумеется, мы переживаем сейчас такой период в истории России, когда важными, остро насущными представляются очень многие проблемы. Но если мы не найдем решающую, узловую проблему, то не сможем (не успеем) решить все остальные. Этой главнейшей проблемой является государственно-правовое строительство, или, по-другому, создание высокоэффективной государственной власти, управляющей на основе права и с помощью права».

В записке говорилось и о том, что на сферу государственного строительства смотрят как на рядовую «отрасль»; был дан анализ конкретных причин слабости власти. Наконец, предлагались пошаговые политические действия: немедленно приступить к разработке Плана государственного строительства (своего рода «500 дней» в сфере преобразования власти), причем его основные положения могли бы составить основу очередного Послания Президента (на 1997 год), которое необходимо посвятить исключительно проблеме преобразования власти; в свою очередь, Послание должно стать строжайшим «идеологическим» ориентиром для разработки бюджета на очередной год. Замышлялось также выделить государственную структуру, концентрирующую усилия по проведению реформы (в качестве таковой было предложено Министерство юстиции).

Однако, кажется, сама судьба ставила препятствия на пути к этим целям. Прежде всего в августе 96-го стало ясно, что Борис Николаевич еще не скоро приступит к активной деятельности. Поток документов, который шел ему на подпись, был сведен к самым неотложным. Понятно, что было бессмысленно направлять ему документ на семи страницах, к тому же требовавший принятия стратегического решения. Поэтому с учетом «регентских» полномочий главы Администрации 9 сентября записку адресовали А.Чубайсу. Этот материал был встречен благожелательно, но не более того.

В декабре 1996 года Президент приступил к своим кремлевским обязанностям, и ему сразу же было направлено письмо для утверждения концепции нового Послания:

«Уважаемый Борис Николаевич!

Вносим на Ваше рассмотрение предложения о концепции Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию в 1997 году.

Сегодня очевидно, что основной проблемой, тормозящей социально-экономическое развитие страны, стала слабая управляемость государственными процессами. Управление не через людей ("командная система"), а через правовые предписания действует пока с опасно низкой эффективностью. Отсюда главная задача нынешнего этапа государственного строительства — отладка всей системы госуправления (посредством нормативных, кадровых, организационных и финансовых рычагов).

Порядок в государственном организме — главное звено, взявшись за которое можно эффективно вытягивать экономику, социальные программы, бороться с преступностью, решать другие проблемы России. Не случайно основные общественные ожидания могут быть сведены к слову "порядок" (ясно, что мы можем говорить только о правовом порядке).

Идею правового порядка в государственном строительстве предлагается сделать единственной темой Послания, использовав ее в названии. Причем эта тема будет проходить как реализация Программы действий Президента на 1996—2000 гг.

Мы предлагаем приурочить Послание к одному из первых заседаний Федерального Собрания после зимних каникул (вторая половина января), что будет иметь важный политический эффект. Кроме того, это будет Ваше первое масштабное выступление после выборов по широкому кругу важнейших государственных проблем.

Поэтому в Послании предлагается:

— обозначить основные программные ориентиры нового президентства, ключевые политические задачи (включая идею согласия);

— дать глубокий анализ основных текущих проблем и сделать следующий вывод из него: ключ в укоренении правового порядка, и прежде всего — в самой власти, во всех звеньях государственного управления;

— привести в остальных разделах Послания предложения на 1997 г. по решению основных проблем через призму правового порядка.

Предлагаемая концепция является результатом совместной работы Ваших помощников и руководства Администрации.

Первый вариант Послания будет предложен сразу после Нового года.

Параллельно подготовке Послания разрабатывается схема пропагандистской кампании.

Просим Вашего согласия на подготовку Послания в соответствии с данной концепцией.

М.Краснов
Г.Сатаров
29 ноября 1996 года».

Резолюция Б.Ельцина «Опаздываете! Начать работу срочно», правда поставленная на записке дата, 15 декабря, обрадовала. Она свидетельствовала, что Президент готов к серьезным делам и понимает важность задачи. К сожалению, дальнейшие события показали, что это было не так. Уже зимой 1997 года в Администрации стали появляться признаки некоторого охлаждения к идее, вытеснения ее в разряд второстепенных. Тем не менее в январе работа над Посланием, которое получило название

«Порядок во власти — порядок в стране», шла полным ходом. Даже экономические сюжеты в нем были сформулированы в рамках общей идеи — упорядочивания деятельности государства: контрактная обязательность, реальные бюджеты, защита прав акционеров, упрощение налоговой системы и прочее.

Одна из глав Послания — «Порядок в работе власти» — заканчивалась вполне определенным заданием: «Решение перечисленных задач по созданию современной эффективной системы государственного управления требует продуманного подхода. Поэтому в нынешнем году под непосредственным руководством Президента будет разработана и принята Программа государственного строительства. До октября ее проект пройдет широкое обсуждение с привлечением независимых экспертов — ученых и практиков».

Разработчики Послания понимали, что взваливают сами на себя огромный труд и ответственность. Но понимали и другое: рассчитывать, что Правительство само создаст целостную программу реформирования власти, бессмысленно. Так и произошло — после оглашения Послания Правительство, как обычно, отделалось ни к чему не обязывавшим «планом мероприятий».

К началу работы над программой, то есть весной 1997 года, А.Чубайса сменил на посту руководителя президентской Администрации В.Юмашев, который возглавил также комиссию по разработке этого документа. Его заместителем стал М.Краснов, который должен был организовать подготовку проекта и представить его комиссии. Он же возглавил группу экспертов, трудившихся над документом.

Уже по ходу дела решили несколько изменить формат задач и сконцентрироваться прежде всего на проблемах исполнительной власти. Возможно, в этом состояла серьезная ошибка. Ведь гораздо сильнее на положении с правовым порядком в стране сказывалась нереформированность судебной и правоохранительной систем, то есть сфера защиты человека от произвола, преступности и коррупции. Однако тогда казалось, что, поскольку именно исполнительная власть ассоциируется в глазах простого человека с властью вообще, постольку главный удар необходимо нанести по реформированию этой части государственного аппарата. Поэтому и документ вскоре обрел другое, менее широкое название «Концепция административной реформы».

Первые три черновых варианта этой Концепции были готовы в августе 1997 года. Всего же их было 12 (последний датируется мартом 1998 года). Структура документа все время менялась, но оставались неизменными его направленность и основные идеи. О них можно судить хотя бы по заголовкам разделов и подразделов первой части Концепции, задача которой состояла в том, чтобы выявить главные проблемы при реализации административной реформы:

1. «Гражданин и власть: кризис доверия (Нераскрытый потенциал взаимодействия властных институтов. Система сдержек и противовесов не работает в полную силу. Едина ли единая система исполнительной власти?)».

2. «Исполнительная власть: новые функции и старые подходы (Правовые методы управления не стали определяющими. Нестабильность положения органов исполнительной власти. Неэффективное обеспечение управленческой деятельности)».

3. «Проблемы государственной службы».

4. «Коррупция в системе управления (Что питает коррупцию. Негативные последствия. Отсутствие системности в борьбе с коррупцией)».

Написанию Концепции предшествовала серьезная аналитическая работа. В частности, были разработаны две объемные анкеты: одна предназначалась для всех федеральных министерств и ведомств, вторая — для руководителей субъектов Федерации. Это была практически первая попытка получить более или менее объективную картину того, что представляет собой государственный аппарат постсоветского времени. Ответы показали, что основные гипотезы подтверждаются. Предстала картина крайне запутанной конгломерации органов, которые зачастую конкурируют между собой, не всегда ясно представляют свои функции, параметры взаимоотношений с одноименными органами в субъектах Федерации и т.п.

Однако практически никто ни в Правительстве, ни в Администрации особого интереса к разработке Концепции не проявлял. Сами разработчики оказались в положении неких кустарей-общественников, которые отвлекают высоких должностных лиц от важных государственных забот. Становилось ясно, что определенный в Послании общий график реализации программы госстроительства срывается и в декабре 1997 года Президент не сможет утвердить документ, который в октябре так и не был вынесен на обсуждение общественности.

Повторим, в Правительстве Концепция административной реформы энтузиазма не вызвала. Одним из немногих, кто откликнулся на проект, был вице-премьер Б.Немцов. Его ответ (18 декабря 1997 г.) состоял из собственного краткого отзыва и приложенного отзыва правительственного Института законодательства и сравнительного правоведения. Сам Немцов в основном критиковал содержавшиеся в Концепции идеи ликвидации института вице-премьеров, радикальной перестройки аппарата Правительства и введения «системы заслуг и достоинств» для государственных служащих вместо архаичной «табели о рангах». Еще более критическим было заключение института, пронизанное до боли знакомыми тезисами типа: «есть отдельные недостатки, но не надо обобщать». Например, один из его пунктов завершался категорическим выводом: «Традиционные штампы и обвинения в адрес всего государственного аппарата малоубедительны и вредны».

Разработчики Концепции, естественно, и не ждали аплодисментов, но удивляло, что даже один из «младореформаторов» не осознавал острую потребность в изменении самого духа деятельности государственного аппарата и рассматривал документ лишь как критику чиновничества, хотя речь шла о более глубокой проблеме — о перестройке принципов и методов исполнительной власти для того, чтобы аппарат в широком смысле работал не для «начальства», а для общества.

Довольно скептически смотрел на идею административной реформы и В.Юмашев. Но без поддержки руководства Администрации шансов на ее реализацию не оставалось.

Тем не менее при подготовке очередного Послания на 1998 год (заметим, последнего, которое готовили авторы настоящей книги) решили вложить в уста Б.Ельцина напоминание о несостоявшейся реформе: «Поставленная в предыдущих Посланиях задача разработать программу административной реформы по-прежнему остается нереализованной. Причин тому может быть две: либо в нее был заложен концептуальный изъян, либо кому-то выгодно, чтобы в государственном аппарате оставалась неразбериха. Сегодня нам необходимо сообща выработать подходы к этой проблеме, позволяющие упорядочить систему и структуру органов исполнительной власти, повысив тем самым эффективность управления страной». Как и следовало ожидать, это не помогло.

Последняя попытка реанимировать идеи реформы была связана с радикальными, как казалось, изменениями в Правительстве. Проект Концепции был передан лично в руки нового премьера С.Кириенко в конце апреля 1998 года. Однако отношение к этому документу осталось столь же прохладным.

Нужна и военная реформа

После выборов среди проблем, которые действительно пришлось разгребать, было и военное строительство. Уже 17 июля 1996 года был назначен новый министр обороны (П.Грачев подал в отставку из-за нежелания работать «под» своим бывшим подчиненным А.Лебедем, с которым у него сложились трудные отношения) и создан Совет обороны.

О новом министре обороны Ельцин думал долго. В течение месяца встречался с военачальниками, выслушивал предложения своего обновившегося окружения, но решения не принимал. По его реакциям трудно было догадаться, кому он отдаст предпочтение. В конце концов Ельцин остановил выбор на кандидатуре, предложенной новым помощником по национальной безопасности А.Лебедем, — генерал-полковнике И.Родионове, который последовательно прошел все командные должности: командовал армией в Афганистане, командовал войсками Закавказского военного округа, с августа 1989 года возглавлял Военную академию Генштаба.

Представляя нового министра на коллегии Министерства обороны, Президент сказал:

«Особо хочу сказать о моральном климате в армии. Офицерский корпус, как ржавчина, разъедает коррупция. Не удается остановить и такое уродливое явление, как торговля оружием с армейских складов. Среди рядового состава никак не удается изжить дедовщину. В армии должен быть наведен элементарный порядок. Вот Ваша первейшая задача, товарищ министр! Глубоко убежден, что решать все эти проблемы невозможно отдельными частичными мерами. Нужна глубокая военная реформа. Военная

реформа — это государственная задача, а не дело лишь одного ведомства. Именно поэтому я принял решение образовать Совет обороны».

Ельцин, однако, все еще находился под гипнозом своих собственных предвыборных выступлений. На той же коллегии он заявил: «Главная цель военной реформы — создание к 2000 году профессиональной армии в соответствии с моим указом».

Разумеется, главная цель военной реформы состояла совсем не в этом. Более важно, что там же Президент поставил задачу подготовить новую военную доктрину. Это был один из первых вопросов, которым занялся Совет обороны.

Аналитики и комментаторы немедленно истолковали появление Совета обороны как еще одно испытанное президентское средство — создание сдержек и противовесов, в данном случае противовеса А.Лебедю. Наверное, такие мотивы не стоит исключать, но истины ради следует сказать, что предложение о создании такого органа поступило еще 24 апреля из Государственной Думы, которая 19 апреля 1996 года приняла постановление «Об Обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации к Президенту Российской Федерации и Председателю Правительства Российской Федерации о принятии мер по упорядочению деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и военных органов и их финансирования».

В тексте Обращения говорилось:

«Государственная Дума предлагает Президенту Российской Федерации в возможно более сжатые сроки рассмотреть вопрос о создании единого органа координации и контроля деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и военных органов, выработать общую концепцию их строительства...»

Резоны для этого были. Проблем в сфере обороны накопилось много. Совет безопасности просто не в состоянии был рассмотреть их все, прежде всего потому, что по Положению о СБ председательствовать на нем мог только Президент, а Б.Ельцин по состоянию здоровья уже не в состоянии проводить сложные и длительные заседания. Кроме того, Совету безопасности приходилось рассматривать самые разные вопросы, и лишь часть из них касалась обороны.

Государственно-правовое управление Президента проработало предложения Госдумы и представило проект соответствующего указа Президента и Положения о Совете обороны — так назвали предлагаемый орган. В Положении предусматривалось, что заседания Совета обороны проводят Президент или, по его поручению, Председатель Правительства.

Идею создания Совета обороны поддержал В.Черномырдин. Он писал Б.Ельцину в сопроводительной записке:

«Уважаемый Борис Николаевич!

Для полной реализации Ваших полномочий как Верховного Главнокомандующего в соответствии с Вашим Указом "О военном строительстве в Российской Федерации" представляю проект Указа Президента Российской Федерации "О Совете обороны Российской Федерации".

Данный проект Указа является результатом длительной работы различных государственных органов (Главного государственно-правового управления Президента Российской Федерации, Минобороны России, аппарата Правительства Российской Федерации).

По сути представленного проекта полагаю необходимым сообщить следующее.

...Совет обороны готовит акты Верховного Главнокомандующего, Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, определяющие задачи военного строительства... Комплексирование и взаимоувязка решения оборонных вопросов достигаются системой подготовки и принятия решений Советом безопасности и Советом обороны».

То есть этот проект был всесторонне продуманным шагом в развитии российской системы органов управления обороной и безопасностью.

В мае Ю.Батурин доложил Президенту. В Указе вместо фамилии секретаря стоял прочерк. Ельцин заинтересовался, но сказал: «Сейчас некогда. Но я оставляю проект у себя. Буду думать. Приму решение после выборов».

Указ о Совете обороны был подписан только в конце июля. Секретарем Совета был назначен Ю.Батурин.

Орган с таким названием существовал и прежде, особую роль он играл в периоды принятия наиболее важных решений по вопросам военного строительства и в годы Великой Отечественной войны.

К моменту принятия Б.Ельциным этого решения сложная экономическая и социально-политическая обстановка в стране до крайнего предела обострила положение в армейской среде. Постоянное недофинансирование и, как следствие этого, недостаточная обеспеченность денежным содержанием, продовольствием, вещевым довольствием, горюче-смазочными материалами, другими энергоносителями становилось обычным явлением. Из-за остроты финансового положения, существовавшей структуры расходов на оборону в войска почти не поступало новое вооружение, сократились масштабы боевой подготовки войск, упал престиж военной службы.

Явно буксовала структурная перестройка оборонно-промышленного комплекса, находившегося в тяжелом состоянии. Была реальная угроза утраты военно-технического задела и ключевых технологий, созданных ценой колоссальных усилий. А новые, немаловажные достижения в развитии военной техники могли остаться нереализованными. С каждым годом усугублялась проблема укомплектованности Вооруженных Сил. Например, в 1996 году потребности всех войск в призывном контингенте были удовлетворены лишь на 35%. Вооруженные Силы теряли свою боеспособность, моральный дух, организованность и дисциплину.

Граждане России проходили военную службу в полутора десятках военных структур (Вооруженные Силы, внутренние войска, пограничные войска и органы пограничной службы, войска гражданской обороны, железнодорожные войска, войска ФАПСИ, военно-строительные части Спецстроя, Минстроя, Федеральное дорожно-строительное управление, инженерно-технические части Минсвязи, воинские части Минатома, ФСБ,

СВР России). В результате возникла разветвленная структура военной организации, в которой служба далеко не всегда была связана непосредственно с подготовкой к защите Отечества, как это предусмотрено Конституцией Российской Федерации.

Все острее осознавалась ненормальность такого положения, когда на военной службе находится дополнительно еще порядка 1,5 млн. человек. Каждое из ведомств, где предусматривалась военная служба, развивало автономную систему связи, материально-технического, медицинского обеспечения, содержала громоздкий аппарат управления, другие органы, военно-учебные заведения. И это при крайне скудных финансовых ресурсах!

Разрыв между возможностями государства и потребностями силовых структур год от года увеличивался, а их суммарные запросы превышали возможности бюджета страны.

Как отмечалось Счетной палатой Российской Федерации, численность военнослужащих и гражданского персонала Вооруженных Сил значительно превышала численность, установленную законами о федеральном бюджете на 1995 и 1996 годы. Этим во многом и объяснялось напряженнейшее положение с их финансированием.

Смысл структурной перестройки Вооруженных Сил, других войск состоял в том, чтобы оборона, обеспечение безопасности государства стали более экономными и эффективными, чтобы их нужды были правильно соотнесены с интересами выживания и подъема экономики. Но то, что действительно необходимо, должно быть гарантированно обеспечено.

Предстояло принять нелегкие решения. Без сокращения общей численности, реформирования и упразднения некоторых органов управления не обойтись, но нельзя и оставлять войска, личный состав в столь бедственном положении.

Через год, 6 июня 1997 года, Б.Ельцин развил структуру Совета обороны, образовав при нем две комиссии — по военному строительству (ее возглавил В.Черномырдин) и по финансовому и экономическому обеспечению военной реформы (под председательством первого заместителя премьера А.Чубайса). Поскольку в руках руководителей комиссий были реальные рычаги распорядительной власти, работа пошла энергичнее. Через несколько дней Президент добавил к ним Постоянное совещание по кадровым вопросам при Совете обороны.

28 августа 1997 года была образована в составе Администрации Государственная военная инспекция Президента Российской Федерации. Должность секретаря Совета обороны была упразднена, Ю.Батурин отправлен в отставку. На новую совмещенную должность «Государственный военный инспектор Российской Федерации — секретарь Совета обороны» назначили А.Кокошина.

Военной реформе мешало то, что у Президента сложились непростые отношения с новым министром обороны, который начал с того, что снял со стены в кабинете портрет Верховного Главнокомандующего и повесил герб России. Мол, служу не Президенту, а Отечеству, что в принципе верно. Потом попросил Президента заменить начальника Генштаба и поста-

вить вместо М.Колесникова В.Самсонова. Начальник Генерального штаба М.Колесников сказал: «Я военный человек. Мне приказали — я взял под козырек». Он взял под козырек и ушел.

Новый министр избрал тактику публичного давления на Президента и Правительство. Главный тезис: «Денег на Вооруженные Силы выделяется катастрофически мало». Такой подход давал некоторый эффект — под воздействием прессы и общественного мнения Правительство, а точнее, Минфин выделяли некоторые дополнительные суммы или выплачивали задолженность перед Минобороны. Одновременно поддерживалась популярность министра в Вооруженных Силах: смотрите, как он защищает интересы армии и флота.

Вызывали надежду слова Родионова о том, что настала пора очищения от казнокрадов в погонах. Военнослужащие одобряли и поддерживали его принципиальную установку, что главное — финансирование Вооруженных Сил.

Но в целом тактика публичного давления, как известно, всегда была неприемлема для Ельцина. И если бы речь шла не о министре обороны, вопрос о смещении был бы решен сразу. Но Борис Николаевич считал, что частая смена министров обороны и иностранных дел не солидна для России. Тогда его воззрения были именно такими — карточная тасовка премьер-министров началась позднее.

Другие публичные шаги министра тоже вызывали достаточно эмоциональную реакцию как в военных кругах, так и в прессе.

27 ноября 1996 года И.Родионов во время доклада Президенту в Барвихе внес предложение отстранить от должности главкома Сухопутных войск генерала армии В.Семенова. В обоснование он привел доложенные ему «оперативные данные» о том, что жена Семенова якобы работает в фирме, выпускающей вертолеты, состоящие на вооружении Сухопутных войск, и некоторую другую информацию.

Но, видимо, за этим стояло другое. Главком открыто заявил, что военная реформа сводится к механическому сокращению Вооруженных Сил, и урезание Сухопутных войск до 12 дивизий стало чем-то вроде национального способа расформирования армии.

Как бы то ни было, Президент поставил на рапорте Родионова свою резолюцию «Согласен», полагая, что вопрос будет решаться обычным порядком, то есть пройдет через Комиссию по высшим воинским должностям и званиям. Министр обороны немедленно заявил, что В.Семенов отстранен указом Президента и издал свой приказ № 428 с формулировкой «Во исполнение решения Президента Российской Федерации приказываю главнокомандующего Сухопутными войсками генерала армии В.Семенова от занимаемой должности отстранить».

А затем дал указание разослать шифртелеграмму в войска, что «главнокомандующий Сухопутными войсками *решением* Президента РФ — Верховного Главнокомандующего отстранен от занимаемой должности за действия, порочащие честь и достоинство военнослужащего, несовместимые с занимаемой должностью». И это без проверок и служебного расследования.

Далее «технология» выглядела следующим образом: в представлении министра обороны резолюция Ельцина, означавшая принципиальное согласие, превращалась министром уже в «распоряжение Президента». В сообщении пресс-службы Минобороны мифическое «распоряжение» трансформировалось уже в «Указ Президента РФ». И несмотря на неоднократное опровержение пресс-службы Президента РФ, пресс-служба Минобороны продолжала утверждать о существовании указа об отстранении Семенова от должности.

В связи с разосланной шифртелеграммой генерал армии В.Семенов направил рапорт Б.Ельцину с просьбой «восстановить честь и достоинство и поручить провести расследование по данному случаю».

Разразился шумный скандал, в котором Верховный Главнокомандующий оказался в неудобном положении. Тогда он ограничился тем, что, выждав какое-то время, не продлил И.Родионову срок военной службы, оставив министром — фактически переодел его в «гражданку».

Другой скандал был вызван публичным заявлением министра об угрожающем снижении надежности управления стратегическими ядерными силами (СЯС). Тут одного опровержения было явно недостаточно, и Президент дал премьеру следующее поручение:

«Заявление И.Родионова о снижении устойчивости системы управления стратегическими ядерными силами и в целом государством в особый период затрагивает основу обороноспособности страны и требует незамедлительного реагирования.

Прошу лично, в сжатые сроки, организовать проверку надежности системы управления в Ракетных войсках стратегического назначения. О результатах доложить» *(12 февраля 1997 г.)*.

В.Черномырдин выполнил распоряжение Президента. Вот что он выяснил.

Министр должен был сказать о снижении надежности системы боевого управления СЯС в так называемом особом периоде, то есть в условиях боевых действий, когда по командным пунктам и узлам могут наноситься удары высокоточным оружием с обычным оснащением, а также ядерные удары. В этих условиях естественным образом снижается надежность управления ядерными силами любой, самой совершенной системы. Важно, чтобы это снижение оставалось в допустимых пределах, а не приводило к потере управления и контроля.

Так было у нас в прошлом, так обстояло дело и при Родионове. Правда, прежде всегда больше внимания уделяли ударным средствам, иногда в ущерб средствам управления и связи.

О снижении надежности управления СЯС в особом периоде министру следовало бы говорить не как о только что возникшем обстоятельстве, а как о результате распада СССР с соответствующими экономическими последствиями. Но уровень надежности управления был и оставался достаточным для сохранения необходимого потенциала сдерживания, причем лучше всего положение дел обстояло в Ракетных войсках стратегического назначения, в чем лично В.Черномырдин убедился 21 февраля 1997 года.

Он пришел к выводу, что заявление И.Родионова абсолютно не соответствовало действительности.

Президента начинало все больше раздражать поведение министра обороны. Он стал реже принимать его, но письменные доклады читал внимательно. Чашу терпения переполнили два происшедшие один за другим случая.

Ветераны воздушно-десантных войск генерал армии Д.Сухоруков, генерал армии М.Сорокин, генерал-полковник К.Курочкин и еще ряд военачальников написали Президенту письмо: «... Становится известно о значительном сокращении, а по сути — уничтожении ВДВ как отдельного рода войск... Мы считаем, что централизованное руководство Воздушно-десантными войсками и сохранение их в теперешней структуре позволяет профессионально и эффективно готовить соединения и части для выполнения свойственных им задач, учитывая, что ВДВ являются резервом Верховного Главнокомандующего».

Планируемое сокращение ВДВ могло иметь еще одно следствие, о котором ветераны-десантники не писали. Промышленности, выпускавшей уникальную технику для этого рода войск, стало бы невыгодно изготавливать единичные ее экземпляры, а это значило неминуемое перепрофилирование предприятий «оборонки».

Президент 4 апреля 1997 года дал поручение:

«Прошу при разработке предложений по вопросам военной реформы предусмотреть развитие Воздушно-десантных войск как основы Мобильных сил ВС Российской Федерации.

Держать их укомплектованными личным составом, вооружением и техникой, в готовности к немедленным действиям.

Не допускать утраты ведущих позиций России в разработке вооружения и военной техники для ВДВ».

Тем не менее, вопреки указанию Президента, министр обороны спланировал передачу ВДВ в состав Сухопутных войск, с переодеванием «голубых беретов» в другую форму и т.д. Чтобы исправить ситуацию, Б.Ельцину пришлось давать поручения по одному и тому же вопросу два раза! А повторять дважды он не любил.

Вскоре случай свел на столе Президента два документа по одному вопросу — от министра обороны и от Председателя Правительства В.Черномырдина. Ельцин, обладавший прекрасной памятью на цифры, не мог не заметить существенного расхождения в указанных в них данных. Он попросил перепроверить и доложить, кто сообщает точные данные, а кто — нет.

Прав оказался премьер. И тогда Ельцин распорядился очередное заседание Совета обороны по военной реформе, основной доклад на котором должен был делать И.Родионов, провести в Министерстве обороны.

За 45 минут до начала заседания Президент вызвал Ю.Батурина и после короткого обсуждения повестки спросил: «Кто может быть министром обороны и кто начальником Генерального штаба?»

Видимо, он проверял свои «наметки» и потому, не дожидаясь ответа, сам назвал несколько фамилий. По каждой кандидатуре выслушал краткую характеристику и оценку и заключил:

— Ладно, отправляйтесь в Минобороны. И если хоть один человек узнает о содержании нашего разговора, голову сниму!..

Всего двадцать минут прошло с момента этого разговора, когда Ельцин появился в зале коллегии. Это был совершенно другой человек: холодный, суровый и неприступный. Поздоровавшись, предоставил слово министру:

— Вам пятнадцать минут на доклад.

— Пятнадцать минут абсолютно недостаточно, — ответил министр.

— Пятнадцать минут, — повторил Президент.

— Если мы хотим серьезно говорить о реформе, мне нужно пятьдесят минут, — настаивал Родионов.

— Мы теряем время, начинайте. — Голос Ельцина становился все более суровым.

— В таком случае я отказываюсь делать доклад, — решительно заявил министр.

— Начальник Генерального штаба, пожалуйста, — поднял Ельцин В.Самсонова.

— Я тоже отказываюсь.

— Игорь Сергеевич Сергеев, — произнес Президент, оговорившись (отчество главкома РВСН — Дмитриевич. — *Авт.).*

Сергеев встал и, полагая, что ему предстоит докладывать, направился к столу, где сидел Президент.

— Подождите, — остановил его Ельцин. — Принимайте обязанности министра обороны.

— Есть, — коротко ответил Сергеев.

— Виктор Степанович Чечеватов, — тем же уверенным голосом произнес Президент. Он давно знал и уважал этого генерала, прошедшего все ступени службы — до командующего округом. Летом 1996 года принимал его в Кремле как одного из кандидатов на пост министра обороны. — Вы согласны принять должность начальника Генерального штаба?

— Разрешите мне дать ответ после короткого разговора с Вами, Борис Николаевич, с глазу на глаз по окончании Совета обороны.

— Хорошо, садитесь.

Президент повернулся к секретарю Совета обороны, сидевшему по левую руку от него, и произнес всего лишь одно слово: «указы»...

Ю.Батурин вышел, чтобы позвонить в Государственно-правовое управление, занимавшееся оформлением указов. Пока Ельцин произносил свою гневную и не во всем справедливую речь, отчитывая генералов, из ГПУ привезли несколько проектов указов, потому что не было ясности с начальником Генштаба. Высказавшись, Президент направился в кабинет министра обороны для разговора с Чечеватовым, но сразу, на ходу отдал помощнику бланк, где было написано: «Квашнина на беседу».

Для себя он уже решил: Чечеватов начальником Генштаба не будет. Если сразу не согласился на предложение — все! Второй раз Президент должность не предлагает. Исключений из этого своего правила он почти не делал.

Вскоре начальником Генерального штаба был назначен Анатолий Квашнин.

С новым министром обороны И.Сергеевым Ельцин «сработался» и всегда относился к нему с большим уважением. Но военная реформа и на этот раз, едва начавшись, стала затухать.

Все неудачные попытки реформирования армии в период его президентства объясняются одной общей причиной — неэффективностью государственного управления, периодической включенностью армии в решение политических проблем, нестабильностью руководящего состава Вооруженных Сил. Первый российский Президент не смог поставить армию под гражданский контроль.

Либералы и экстремисты

Б.Ельцин, никогда глубоко не вникавший в вопросы идеологии, не придавал особого значения самому факту существования экстремистских организаций и распространения ими своих взглядов. Он не видел в них угрозы конституционному строю и относил это к явлениям «политической экзотики». К тому же верность принципам плюрализма не располагала к размышлениям о его необходимых пределах, о том, что политическая и идейная свобода не могут быть абсолютными. Самой историей подтверждено, что есть идеи, за которыми недопустимо признавать возможность распространения, поскольку они несут угрозу самой свободе.

Мы уже описывали, как в одной из бесед с главными редакторами газет Б.Ельцин отказался реагировать на сообщения о распространении фашистских изданий. Судя по всему, он остался сторонником свободы для организаций любой направленности. Но не из-за безоглядного либерализма, а, скорее потому, что не чувствовал в экстремистах особой опасности. Однако представители интеллигенции не оставляли попыток привлечь его внимание к этой проблеме. В конце концов после обращения группы творческой интеллигенции он утвердил 30 ноября 1994 года «Перечень поручений по итогам встречи Президента Российской Федерации с авторами открытого письма от 18 ноября 1994 г.».

Вряд ли эти поручения можно назвать началом организованного противодействия политическому экстремизму. Скорее, это был аппаратный ответ на беспокойство отдельных либералов. Об этом свидетельствуют сами формулировки заданий: подготовка проекта указа о запрете деятельности организаций, пропагандирующих идеологию фашизма, расизма и национализма; принятие мер к недопущению деятельности профашистских организаций; реализация комплекса мер для защиты населения от воздействия печатной пропаганды фашистского и националистического характера; оказание содействия в организации и проведении Антифашистского конгресса (пожалуй, это единственный пункт, который был выполнен — в апреле 1995 года проведен Всероссийский конгресс антифашистских сил). Но здесь важен был хотя бы первый шаг, показывавший, что власть наконец осознала опасность распространения человеконенавистнических идей.

Вскоре, уже в начале 1995 года, состоялась встреча Президента с группой известных писателей, журналистов, артистов, которые вновь подняли тему российского фашизма, поскольку «Перечень поручений» фактически так и не заработал. И Ельцин вновь дает поручение, на этот раз готовить проект соответствующего указа. Такой Указ «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» появился 23 марта 1995 года. В нем довольно подробно расписывались обязанности прокуратуры, ФСБ, МВД и других органов по организации противодействия экстремизму.

Казалось бы, что еще надо государственному аппарату? Политическая воля высказана довольно ясно, задачи сформулированы, Конституция и ряд законов содержат прямые запреты на легальную деятельность экстремистских организаций. Однако и после этого деятельность фашиствующих организаций не только не была свернута, но даже стала приобретать некоторую респектабельность.

Разумеется, ведомства составляли планы, чтобы было чем отчитаться перед Президентом, образовывали всевозможные межведомственные комиссии и рабочие группы. Но не более того. И хотя появление документа дало некоторый импульс к оживлению государственной антиэкстремистской деятельности, амплитуда ее довольно быстро стала затухать; так и не была сформулирована четкая стратегия и тактика противодействия экстремизму и не выработана система скоординированных действий государственных органов как между собой, так и с институтами гражданского общества.

Чрезвычайно редко вспоминал о необходимости противостояния экстремизму и сам Президент. Для руководителей ведомств (а это были в основном «силовики» и Генеральный прокурор), которые регулярно встречались с ним, такое спокойствие означало — «не на этом участке ваши основные задачи».

В Генеральную прокуратуру из Администрации Президента несколько раз направлялись запросы (с подробным описанием конкретных экстремистских проявлений). Например, за подписью заместителя руководителя Администрации М.Бойко в июне 1997 года Ю.Скуратову было направлено такое письмо:

«Уважаемый Юрий Ильич!

Направляю Вам вырезку из газеты «Завтра» № 24, которая, на мой взгляд, является оконченным составом преступления. Даже двух составов, предусмотренных Уголовным кодексом РФ. Первое — оскорбление представителя власти (прежде всего Президента России). Второе — публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя.

Подобные публикации появляются достаточно часто на страницах и «Завтра», и «Советской России», и ряда других. Но отсутствие государственного реагирования на них делает эти публикации все более разнузданными и наглыми.

Это уже не идеологическое многообразие. Это — уголовно наказуемое покушение на основы конституционного строя. Как еще квалифици-

ровать хотя бы один только прямой призыв к применению оружия против власти?

Прошу Вас принять меры прокурорского реагирования к автору статьи А.Проханову в соответствии с Уголовным кодексом РФ. Выражаю сожаление, что пассивность правоохранительных органов в подобных ситуациях напоминает молчаливое сочувствие тем, кто нарушает Конституцию и закон».

Однако ответ неизменно следовал один: «проверка показала, что в действиях такого-то не содержится признаков состава преступления». Возможно, это объяснялось тем, что во властных структурах оставалось немало людей, сочувствовавших многим идеям, которые объективно относятся к разряду экстремистских (с этнической, социальной или религиозной окраской).

Борьбе с экстремизмом, безусловно, препятствовала и Государственная Дума. Свидетельство тому — история принятия антиэкстремистского закона. Законопроекты на эту тему вносили и депутаты, и Президент, и Правительство, но ни одна из шести попыток (с 1995 по 1999 год) так и не увенчалась успехом.

Впрочем, в законотворческой активности по этой теме проявлялось либо лукавство, либо беспомощность. На самом деле, если бы власти действительно осознавали серьезную опасность экстремизма, организовать системное вытеснение его на политическую обочину с правовой точки зрения не составляло большого труда и без специального закона.

Определенные надежды на такое развитие событий появились после образования 27 октября 1997 года Комиссии при Президенте РФ по противодействию политическому экстремизму. Кстати, та же Дума мгновенно, 31 октября отозвалась на это решение постановлением «О действиях Президента Российской Федерации, усиливающих политическую нестабильность в Российской Федерации», в котором, в частности, было сказано, что образование Комиссии может «повлечь за собой обострение политической обстановки в стране, гонений и запретов на деятельность политических партий и движений, что грозит (! — *Авт.)* подрывом конституционных основ...»

Но и затея с Комиссией не принесла никакого результата, возможно, еще и потому, что она, хотя и называлась «при Президенте», фактически была организована при Минюсте (ее координатором являлся по должности министр юстиции). Но разве согласятся с какой-либо руководящей ролью гражданского ведомства такие традиционные «силовые гиганты», как МВД, ФСБ, прокуратура? Естественно, все опять завершилось заседаниями и разработкой планов деятельности.

Эта неудача заслуживает специального упоминания как поучительный урок. Образованию Комиссии предшествовал анализ проблем, возникших при попытках уголовного преследования проявлений политического экстремизма. Он показал среди прочего, что нередко прокуратура прикрывала подобные дела с помощью незамысловатого приема: привлекала в качестве экспертов людей, про которых заранее знала, что они найдут оправдание такого рода действиям.

Чтобы «расшить» это узкое место, решили создать под эгидой Президента Экспертный совет, который взял бы на себя функцию подобной экспертизы. Однако вскоре эта идея стала покрываться бюрократическими наростами. Одним из них стала упомянутая Комиссия, при которой и предстояло функционировать Совету. а в итоге ни Комиссия, ни Совет не выполнили свои функции.

Последний «всплеск» антиэкстремистской активности Президента пришелся на конец 1998 года. Поводом на этот раз послужил осенний скандал с баркашовцами, которые открыто промаршировали по улицам Москвы. Газеты и телевидение вновь ополчились на власть за ее попустительство. Реакция последней оказалась вполне в духе предыдущих шагов. 28 декабря 1998 года Президент подписал очередное поручение премьеру Е.Примакову, руководителю Администрации Н.Бордюже, министру юстиции П.Крашенинникову, директору ФСБ В.Путину, министру внутренних дел С.Степашину:

«Прошу организовать разработку Федеральной программы по противодействию политическому и религиозному экстремизму в Российской Федерации на 1999—2000 годы, ввести ее в действие с 1 марта 1999 г.».

О результатах выполнения этого поручения ничего не известно...

Прощание

(1997 — 1999)

В поисках «наследника»

Дефолт, отставка кабинета Кириенко и формирование Правительства Примакова означали начало третьего этапа второго президентского срока Б.Ельцина. Первый этап был сопряжен с болезнью, второй — отмечен попытками обеспечить перелом в осуществлении экономических реформ. Теперь они оба были позади. Осталась последняя задача: поиск преемника.

Финансовый кризис пришелся почти на середину второго президентского срока Б.Ельцина и надломил его. В оставшийся срок уже даже не пытались искать какие-либо другие стратегические варианты продолжения реформ. Президент практически перестал интересоваться экономикой. Финансовый пожар лета 1998 года будто выжег какой-то участок его мозга. Позже говорили, что у посткризисных правительств не было экономической политики, но никто не связал это с тем, что основные направления такой политики перестали вырабатываться в Администрации.

Повторим, Президент весь оставшийся срок посвятил поиску преемника для сохранения преемственности власти и курса. Безусловно, болезнь Б.Ельцина резко усложнила решение этой задачи. Между тем такая задача ставилась в Администрации еще в 1996 году. Буквально через неделю после второго тура президентских выборов в Волынском начались мозговые штурмы, целью которых было определение основных ближайших политических задач Президента и методов их решения. Аналитическая записка под названием «Оппозиция и власть после выборов», подготовленная 20 июля 1996 года, содержала, в числе прочего, следующий фрагмент:

«"Партия власти"

Ее создание необходимо, это признается всеми экспертами. Эта партия должна выполнять следующие задачи:

— обеспечение преемственности власти;

— сооружение дополнительного инструмента реализации курса;

— вертикальную интеграцию системной политической элиты;

— формирование механизмов поиска и подготовки политических кадров;

— противостояние оппозиционному блоку в сфере публичной политики и политической практики;

— идеологическое, информационное обеспечение курса;

— постоянную связь с избирателями;

— создание объекта социально-политической идентификации избирателей.

"Партия власти" должна решить главную стратегическую задачу — обеспечить необратимую стабилизацию новой политической системы».

Как видим, еще тогда ставилась задача создания легальных институциональных основ обеспечения преемственности власти и курса. Партия, как политический институт, решает, помимо всего, и эту задачу. Однако эта естественная идея не могла быть реализована. Выборная консолидация элит вокруг Б.Ельцина могла сохраниться и стать основой образования партии «победителей» только при условии его позитивной политической активности. Но после выборов это исключалось из-за состояния здоровья Президента. Когда же он вернулся, было уже поздно: популярность растаяла, коалиция рассыпалась. Но самое главное — к этому времени сформировался совсем другой институт поддержки президентской власти, получивший многозначительное название «семья».

Это слово, употребляемое в определенном контексте, вызывает ассоциации исключительно негативного свойства. Однако все гораздо сложнее. Появление «семьи» обусловлено двумя комплексами причин.

О первом мы упоминали, описывая изменения в Администрации после президентских выборов 1996 года: ослабление здоровья и политической энергетики Б.Ельцина подталкивало его к упрощению и «одомашниванию» и без того несовершенной технологии властвования. Сужались информационные потоки, упрощались процедуры подготовки решений при резком увеличении чисто бюрократических процедур, призванных размыть ответственность. Поскольку «политическое планирование» и «проектирование» активности Президента должны были постоянно учитывать его личные обстоятельства, постепенно круг лиц, занимавшихся этим, замещался либо членами семьи в буквальном смысле слова (как Т.Дьяченко), либо людьми, предельно близкими к семье (как В.Юмашев), либо желавшими стать предельно близкими (как Б.Березовский), либо готовыми играть по правилам «семейной» политики (как С.Ястржембский или А.Волошин).

Второй комплекс причин — объективного свойства — порожден недостроенностью нашей политической системы. Демократические процедуры обеспечивают смену руководителей в результате выборов либо иных легальных открытых методов. Но прежде чем политик займет тот или иной пост, он должен проявить себя, пройти по лестнице политической карьеры. А после назначения — его надо поддержать интеллектуально, проконтролировать на предмет отклонений от заданного курса, защитить от возможных преследований после отставки. Эти задачи в нормальной политической системе решает партия и (в меньшей мере) закон. Но если партии нет, а законы несовершенны, эти функции все равно кто-то должен выполнять, поэтому появляются «заменители».

Возникшая «семья» — один из таких возможных заменителей. Поэтому, когда говорили, что пресловутая «семья» берет на себя функцию выработки курса или подбора кадров, то прежде всего речь шла о реализации известного принципа: «природа не терпит пустоты». Известны, скажем, случаи из истории, когда в результате «семейного» подбора кадров посты

в Правительстве занимали высококлассные профессионалы и порядочные люди. Но куда больше примеров противоположного свойства. Проблема в том, что теневые политические механизмы, к которым относится «семья», сами по себе создают благоприятные условия для реализации корыстных замыслов, коррупции и т.п.

Конечно, на этот феномен влияли и другие факторы: ослабление Администрации Президента, неразвитость правовой системы и многое другое. Но главное — «семья» стала действовать как подпорка слабеющего Президента при еще слабой партийной системе.

Среди членов «семьи» особенно выделялись Т.Дьяченко и В.Юмашев. Татьяна Борисовна Дьяченко, младшая дочь Президента России, как упоминалось, вошла в политику во время выборов 1996 года, следуя во многом примеру дочери Президента Франции Клод Ширак. После выборов Т.Дьяченко упрочила свое влияние и официально стала советником Президента. Как заявил тогда С.Ястржембский, пресс-секретарь Б.Ельцина, ее функция — быть советником главы государства по имиджу. На самом деле ее функции были и шире, и неопределеннее.

Журналист Валентин Борисович Юмашев, почти ровесник Т.Дьяченко, вошел в «семью» Б.Ельцина в качестве литературного обработчика его воспоминаний. Похоже Б.Ельцин испытывал к нему отцовские чувства. В.Юмашев завязал тесные отношения и с главным охранником своего патрона А.Коржаковым. Однако тогда не пытался явно, тем более публично проявить свое влияние на Президента.

Когда в марте 1997 года формировался новый состав Правительства и А.Чубайс собирался пересесть в кресло первого вице-премьера, В.Юмашев в качестве нового руководителя Администрации вполне устраивал Президента. Предполагалось, что он сможет обеспечить комфортное выполнение Б.Ельциным его полномочий в нынешнем ослабленном состоянии, а также поддержит стратегию «единой команды» (Правительства и Администрации), поскольку не станет претендовать на сильное влияние, соизмеримое с влиянием А.Чубайса. Сам журналист шел на эту чиновничью Голгофу крайне неохотно: не хотелось выходить из удобной тени, открыто брать на себя ответственность. В костюме и при галстуке он, привычный к более свободному стилю, чувствовал себя крайне неуютно.

Обстоятельства вынудили В.Юмашева начать играть более серьезную роль, чем отводилась ему вначале. Это обозначилось после появления Правительства С.Кириенко, который, получив от Президента подобие «карт-бланш», пытался действовать более независимо от Администрации.

Дефолт заставил Б.Ельцина отправить в отставку молодого премьера и выбрать в качестве кандидата в премьеры В.Черномырдина. Это повторное вхождение в одну и ту же реку было психологически понятным жестом отчаяния. В телеобращении к стране Президент сказал: «Сегодня нужны те, кого принято называть "тяжеловесами"».

Чиновная челядь стремительно меняла таблички на кабинетах Белого дома. В.Черномырдин возвращался в свой кабинет как триумфатор, как будущий спаситель Отечества. Однако рынки не проявили благоду-

шия в связи с возвращением этого «тяжеловеса», инвесторы ждали исхода процедуры утверждения его кандидатуры, и ждали не зря. Сначала Государственная Дума отреагировала на письмо Б.Ельцина с представлением кандидатуры нового старого премьера постановлением, в котором призывала Президента уйти в отставку. За это проголосовали 248 депутатов. Днем позже объединенная левая оппозиция в Думе высказалась против кандидатуры, представленной Б.Ельциным. Началась челночная дипломатия Б.Березовского, который первый почуял опасность и начал метаться между Г.Зюгановым и А.Лебедем.

31 августа 1998 года, на пределе предусмотренного Конституцией срока, прошло наконец голосование в Думе по кандидатуре В.Черномырдина: «за» — 94 депутата при необходимых 226. Это было не просто поражением, но политической пощечиной.

Тем не менее Б.Ельцин во второй раз представил в Думу кандидатуру В.Черномырдина. На положительный результат надежды были слабы. И действительно, депутаты вновь проголосовали против. В Кремле одновременно искали варианты поведения и на этот случай. Приглашались эксперты, обсуждались списки возможных альтернативных кандидатов. Одним из них стал министр иностранных дел Е.Примаков. Его же имя назвал Г.Явлинский во время дебатов на пленарном заседании Думы перед вторым голосованием по кандидатуре В.Черномырдина.

Несмотря на смутное время, жизнь продолжалась. Ее олицетворяли народные избранники из Государственной Думы, которые, пользуясь общим замешательством, приняли поправки к закону о своем статусе, который стал много приятнее.

После трехдневных размышлений Президент принял окончательное решение и направил в Думу письмо с кандидатурой Е.Примакова. Ему помог сам В.Черномырдин, заявивший о своем отказе третий раз выставлять свою кандидатуру на суд нижней палаты. На этот раз депутаты не тянули до последнего и уже на следующий день поставили на голосование предложение Президента. Е.Примаков получил поддержку более двух третей всех депутатов (315 голосов).

После этого Президент утвердил предложенный состав Правительства, в которое на несколько ключевых постов были введены представители левой оппозиции. Впервые кабинет опирался на поддержку в Государственной Думе и Совете Федерации, что позволило, например, в конце года принять жесткий реалистичный бюджет.

В своих поисках преемника Б.Ельцин довольно долго колебался между двумя «типажами», которые можно описать следующими словами: «как я» и «анти-я». К первым относились В.Черномырдин и Е.Примаков. Последний, уже после своей отставки, поведал в откровенном интервью газете «Московский комсомолец» (13 ноября 1999 г.): «Через две недели после моего назначения Президент мне сказал: “Давайте думать о стратегических вопросах. Я мыслю Вас на самом высшем посту государства!” Я ответил: “Я не готов к этому разговору. Не готов и не хочу вести его!”» Однако под влиянием своего окружения Б.Ельцин отказался от ставки на кандидатуру Е.Примакова.

Ко второму типу его фаворитов относились молодые либералы вроде Б.Немцова или С.Кириенко, но и в них он разочаровался.

С середины 1998 года Президент начинает искать другие «персоны», рассчитывая найти достойного преемника. И возможно, почти подсознательно, возвращается к типу молодого (с его точки зрения) Коржакова. Это был скорее рациональный расчет на людей, приносящих присягу и имеющих привычку оставаться ей верными. Как бы то ни было, но, начиная с определенного момента, его внимание привлекают исключительно люди «службы».

Н.Бордюжа, директор Федеральной пограничной службы с начала 1998 года, импонировал Президенту четкостью, обстоятельностью, спокойной надежностью. В марте он приблизил к себе нового фаворита, назначив его Секретарем Совета безопасности, а в декабре руководителем Администрации вместо В.Юмашева, который уже не мог служить противовесом Е.Примакову. Впервые руководитель Администрации был одновременно и Секретарем Совета безопасности. Однако потенциальный преемник продемонстрировал слабость в скандале с Генеральным прокурором Ю.Скуратовым, плохо контактировал с «семьей», и его заменили на А.Волошина.

Примерно в то же время внимание Президента привлек своей четкой работой и исполнительностью начальник Контрольного управления Администрации В.Путин, перебравшийся из Санкт-Петербурга в Москву после поражения А.Собчака на губернаторских выборах. В результате в июле 1998 года В.Путин был назначен директором ФСБ. Несколько позже Президент провел перестановки в высшем эшелоне управления ФСБ, укрепляя позиции своего ставленника. С этого времени он еженедельно принимал доклады В.Путина и не выпускал его из поля зрения.

Среди потенциальных преемников оказался один относительно не военный — Н.Аксененко. Какое-то время Б.Ельцин колебался в выборе между В.Путиным и ним, но последний в конце концов проиграл.

Приглядывался он и к С.Степашину, которого знал дольше и лучше других еще по совместной работе в Верховном Совете РСФСР, где тот занимал пост председателя Комитета по вопросам обороны и безопасности. Б.Ельцин постоянно выдвигал его на руководящие посты, последним из которых было руководство Министерством внутренних дел. Он мог снять его под давлением обстоятельств, но только для того, чтобы найти новое место в своей команде. Этот кандидат был неоднократно проверен Президентом и обладал бесспорными личными достоинствами: честен, верен, умен.

Е.Примаков во главе Правительства воспринимался большей частью не только политической элиты, но и населения как «мессия», пришедший спасти страну и народ. Рейтинг доверия к нему стремительно рос, а вместе с этим росли отчуждение Президента, страх «семьи» перед бывшим руководителем Службы внешней разведки. Помимо вызывающей ревность популярности настораживало многое: готовность сотрудничать с «левыми», нежелание считаться с «семьей», независимость, порождаемая незапятнанной репутацией.

Казалось, возникла ситуация, когда трудно было даже помыслить об отставке этого Правительства. От такого шага предостерегала левая оппозиция, угрожая в этом случае вывести на улицу народ. Об опасности прямого столкновения двух «тяжеловесов» предупреждали и все политические эксперты.

Ельцин жил с ощущением сужающегося пространства своей власти. И, как всякий политик, пытался это пространство уберечь, выставляя символические преграды, своеобразные дамбы: назначение Волошина; высказывания, вызывавшие нервозность обидчивого Примакова; назначение Черномырдина переговорщиком по Югославии; беседы с Лужковым. В это же время развивалось политическое шоу импичмента внутри страны.

Незадолго до своей отставки В.Юмашев собрал несколько политических аналитиков: посоветоваться. Некоторые из них высказали опасения в связи со слухами о том, что в Кремле разрабатывают сценарии продления политической жизни Б.Ельцина за пределами предусмотренного Конституцией срока. Руководитель Администрации ответил, что опасается совершенно другого: в один прекрасный момент Президент приедет в Кремль, покажет указ о своей отставке и скажет: «Все, достали! Возитесь теперь сами, без меня».

Однако Ельцин изменил бы своим принципам, если бы смирился с угрозой, обреченно доживая свой политический век на положении «английской королевы». Он разработал и воплотил в жизнь двухходовку в своем стиле — одновременно рискованную и выверенную. Первым ходом отправил в отставку Примакова и его Правительство и предложил Думе кандидатуру Степашина. Оппозиция проглотила унижение, пытаясь сохранить лицо и кивая на экс-премьера: дескать, он не дал согласие оппозиции развязать в стране акции гражданского неповиновения.

К этому моменту Б.Ельцин и его окружение, вероятно, уже остановили свой выбор на В.Путине. Но было рискованно сталкивать малоизвестного стране чиновника с популярным Примаковым: в этой борьбе можно утратить последнюю фигуру. Поэтому он расчетливо использовал преданного С.Степашина как штурмовой отряд, который должен погибнуть, но расчистить путь основным силам. Готовясь к этому назначению, Президент дал задание юристам Администрации: выяснить, нет ли правовой возможности назначить очередного премьера на ограниченный срок, например на три месяца. Последовал отрицательный ответ. Тогда Президент прибег к символическим шагам, которые должны были дать понять С.Степашину, что он фигура временная.

Вся комбинация синхронизирована: 12 мая — отставка Примакова, 15 мая — голосование в Думе по пяти пунктам обвинений против Президента, ни одно из которых не набирает требуемого конституционного большинства; 19 мая — Госдума безропотно — 301 голосом поддерживает кандидатуру Степашина.

Без малого три месяца нахождения на посту премьера дались ему нелегко: почти полное отсутствие влияния на формирование своей команды,

необходимость решать проблемы в Дагестане без силовых полномочий от Президента, быстрая и унизительная отставка. Такое мог выдержать только по настоящему преданный человек: с этой точки зрения расчет Президента был точен.

Этот короткий отрезок времени был наполнен интересными событиями. Отставка Примакова дала старт неформальной части избирательной кампании. Начали формироваться блоки, коалиции, альянсы. Самый мощный блок — из движения «Отечество», возглавляемого московским мэром Ю.Лужковым, и движения «Вся Россия», созданного влиятельными региональными лидерами, — стал политической опорой главного на тот момент кандидата в Президенты — Е.Примакова.

В июне активизировались чеченские боевики на границе с Дагестаном; 200 российских десантников совершили бросок из Боснии в автономный югославский край Косово на аэродром г. Приштина, повергнув в шок и изумление натовских «партнеров» по миротворческой миссии.

На встрече с руководителями законодательных органов субъектов Федерации Президент предложил узаконить норму о снятии губернаторов в случае нарушения Конституции и федеральных законов. Эта идея, разрабатывавшаяся в Администрации с 1996 года, была впоследствии реализована его преемником.

Почти одновременно Всемирный банк объявил о возобновлении кредитования России, а в США разразился информационный скандал о «деньгах русской мафии».

9 августа Б.Ельцин отправил в отставку Правительство С.Степашина и назначил В.Путина и.о. премьера. В Обращении к гражданам страны Президент открыто назвал его своим преемником. Политиков и рядовых граждан обуревали сложные чувства: здесь и возмущение неприличной чехардой правительственных отставок, и снисходительные усмешки по поводу того, как непопулярный Президент подвел своего ставленника, и ожидание выборов, которые, как считало большинство, подведут черту под эпохой Ельцина и откроют эпоху Примакова.

16 августа Дума утвердила кандидатуру Путина на пост Председателя Правительства 233 голосами. Это мало, это демонстративное согласие с капризом Б.Ельцина на грани провала, это самый низкий результат в череде назначений на пост премьера. Дума как бы говорила Б.Ельцину: «Нужен Путин? Вот Путин. Только это уже не существенно. У нас другие заботы». Дума смотрела в предвыборное будущее и не подозревала, что поддержала не каприз Б.Ельцина, а будущего Президента.

На следующий день Е.Примаков дал согласие возглавить избирательный блок «Отечество — вся Россия». Фигуры были расставлены.

Чечня-2

Мы уже отмечали, что первая чеченская война наложила трагический отпечаток на все президентство Б.Ельцина. Вторая война, как ни кощунственно это звучит, помогла реализации его политического завещания. Это

дало толчок к появлению спекулятивных версий о провоцировании вторжения чеченских боевиков в Дагестан, об организации взрывов в Москве российскими спецслужбами.

События развивались стремительно. 7 августа отряд примерно в 400 боевиков, возглавляемый Басаевым и Хаттабом, вторгся в Дагестан, занимая заранее подготовленные мощные опорные пункты в нескольких районах республики и пополняясь сторонниками. 11 августа началась операция по освобождению захваченной территории с использованием всех видов вооружений, включая авиацию. К 24 августа территория Дагестана была очищена от боевиков, которые понесли ощутимый урон. В общественном мнении эти события рассматривались как успех молодого премьера, которому Президент впервые за время своего правления доверил координировать действия силовых ведомств.

Между тем события приняли новый поворот. С интервалом в несколько дней — 4 сентября и 9 сентября — прогремело два страшных взрыва в Буйнакске, где погибло 64 и было ранено 120 человек, и в Москве, где число погибших достигло почти 90 человек; 13 сентября, в день траура по жертвам террористических актов, раздался еще один взрыв в Москве, погибло более 120 человек. Спустя два дня Министерство обороны рапортует, что территория Дагестана полностью очищена от боевиков. Еще через два дня, как бы в ответ на это сообщение, еще один взрыв обрушил дом в Волгодонске: 17 погибших и около 150 пострадавших.

Общественное мнение оценило эти взрывы почти однозначно: чеченские боевики, потерпевшие поражение в прямом военном столкновении, решили отомстить, запугать Россию и ее граждан. Однако результат был противоположным: произошел перелом в сознании людей, общество оказалось готовым к жертвам второй чеченской войны.

20 сентября началось создание «санитарного кордона» вокруг Чечни, концентрация на ее административной границе подразделений формируемой войсковой группировки. А спустя четыре дня на пресс-конференции в новой столице Казахстана Астане В.Путин произнес свою «историческую» фразу:

«Российские самолеты наносят и будут наносить удары в Чечне исключительно по базам террористов. Мы будем преследовать террористов всюду. Если в туалете поймаем, то и в сортире их замочим».

В развитие этих слов через шесть дней соединения войсковой группировки вошли на территорию Чечни. Не встретив существенного сопротивления, они быстро вышли на рубеж Терека и 12 октября, форсировав реку, двинулись в глубь южной части Чечни; через два месяца началось окружение и блокирование Грозного.

Сравнивая две чеченские войны, можно обнаружить как различия, так и сходства. В конце 1994 года колонны федеральных войск сразу устремились к Грозному, и через двадцать дней начался его штурм. В 1999 году федеральные войска действовали гораздо осмотрительнее: штурм Грозного начался только после основательной подготовки — через три с половиной месяца после ввода войск. Это привело к тому, что объем потерь не увели-

чился, несмотря на более организованное и ожесточенное сопротивление: по официальным данным за семь с половиной месяцев первой чеченской войны федеральные войска потеряли 1867 человек убитыми и 6481 человек ранеными; с августа по март второй войны потери составили 1991 человек убитыми и 5925 ранеными.

Самые главные, разительные изменения произошли в общественно-политическом фоне обеих чеченских кампаний. Если первую войну большинство граждан выделяли как самую главную драматическую проблему, то вторую войну население, по крайней мере на первом этапе, поддерживало. Во время первой войны политический класс раскололся на ее сторонников и противников; одновременно и те, и другие были недовольны Б.Ельциным. На этот раз произошла консолидация политической элиты вокруг В.Путина. Большинство политиков избегали высказываний против войны, их позиции различал только подход к военному способу решения проблемы. Во время первой чеченской кампании российская пресса формировала образ свободолюбивых горцев, сражающихся за независимость своей многострадальной родины; а федеральная власть подвергалась ожесточенной критике. Теперь тон был либо отстраненно нейтральным, либо даже сочувствующим власти. Пять лет назад громче всех звучал голос российских правозащитников и примыкавших к ним политиков демократического фланга, сейчас их голос был почти не слышен. Столкновение двух идей — прав человека и целостности государства — в 1996 году закончилось полной победой первой. Теперь такая дилемма даже не возникала.

Не менее радикальные изменения произошли и в позиции западных стран. В первую чеченскую кампанию, особенно вначале, она выражалась формулой: «Вы там, пожалуйста, побыстрее разберитесь. А мы пока чуть-чуть зажмуримся».

С сентября 1999 года позиция Запада была однозначно отрицательной: она оставалась таковой даже после того, как режим Масхадова показал свое истинное лицо, после многочисленных захватов заложников, гибели ни в чем не повинных людей, в том числе иностранных граждан, после варварских взрывов жилых домов и т.п.

Успешные осенние операции российских войск в Чечне способствовали повышению популярности В.Путина. По данным социологической службы АРПИ, в начале сентября за него, как за будущего Президента, готовы были проголосовать не более 1% избирателей, через месяц таких было уже 15%, а еще через месяц — более 30%. Вторая чеченская война, и это ощущалось почти на подсознательном уровне, была войной за восстановление государственной идентичности, национальной гордости, войной с собственными комплексами. Именно поэтому она находила поддержку, а критика ее отметалась с порога. Этот синдром «ущербности» был порожден во многом военными неудачами в Чечне, и поэтому теперь россияне с такой надеждой смотрели на власть.

В.Путин, которому Б.Ельцин полностью доверил проведение операции в Чечне, оказался в глазах населения политиком, способным взять на себя ответственность за решения и за последовательную реализацию этих

решений. Вслед за Б.Ельциным общественное мнение указало на него как на будущего Президента. Постепенно вслед за общественным мнением к В.Путину потянулись политики.

Решение принято

За 10 лет с момента проведения выборов народных депутатов в России коренным образом изменились общественное сознание, политическая система, элита, законы, изменились сами выборы.

В романтический период повсеместной демократизации обществу казалось, что оно обрело универсальную отмычку от всех дверей, что выборы помогут вымести всех ненавистных бюрократов и коммунистов, открыть новых умных, честных политиков, за которыми будущее.

В декабре 1993 года парламентские выборы, совмещенные с голосованием за новую Конституцию, проходили на фоне послеоктябрьской трагедии. Как всякий психологический шок, эти события породили множество мотивов политического поведения, не имевших отношения к сути происходящего: одни мстили, других лихорадило, третьим мерещилась победа над ненавистным противником.

Выборы 1995—1996 годов проходили под общим девизом: «Это есть наш последний и решительный бой!» Когда страх прошел, стало казаться, что это был всего лишь бой местного значения: за власть над Кремлем и его ближайшими окрестностями.

Избирательный марафон 1999—2000 годов, также включавший две кампании — парламентскую и президентскую, воспринимался совершенно иначе. Существенным было то обстоятельство, что в президентских выборах теперь отсутствовала фигура главного политического героя и победителя последнего десятилетия — Б.Ельцина. Это повышало и априорно уравнивало шансы других претендентов. Ставка в игре была предельно высока — вся страна. Но уход Ельцина означал смену политических эпох, разлом старых политических размежеваний, изменение негласных правил игры. Причем в первую очередь это касалось не политики, как раньше, а экономики. Не случайно одной из главных тем обеих кампаний и одной из главных линий противостояния стала проблема пересмотра результатов приватизации.

Прошлые парламентские выборы проходили при полном равнодушии региональных руководителей. Четыре года участия в федеральной политике показали им, как много вреда для регионов и их бюджетов может нанести политизированная, преисполненная популизма нижняя палата. Одновременно руководители российских регионов смогли убедиться в том, что Дума является большим перекрестком, на котором орудуют разного рода лоббисты, направляющие в разные стороны караваны с большими деньгами. Но весь этот лакомый кусок фактически достался одной политической силе — коммунистам и их сателлитам.

Региональные политики независимо от своих идеологических пристрастий не могли смириться со сложившейся ситуацией. Поэтому уже

в конце 1997 года начались поиски их будущего участия в федеральных выборах, поиски возможностей влиять на их исход. Губернаторы, за редким исключением, не пошли к коммунистам, не видя за ними никакой перспективы, впрочем, как и за другими действующими партиями, обнаружившими свою несостоятельность как общенациональных политических организаций. Губернаторы предпочли создавать свои неидеологизированные политические организации. Начался поиск фаворитов будущей президентской кампании, которым можно было предложить свои политические услуги.

Перед выборами вся политическая элита разбилась на четыре отряда. Первый лагерь образовывали «надежные лошадки» — партии парламентских фракций, рассчитывавших получить на выборах свою долю власти, позволяющую следующие четыре года жить в привычном комфортном режиме. К ним относились КПРФ, «Яблоко», ЛДПР. Второй отряд составили мелкие демократические объединения, которые слились в единый предвыборный блок СПС под водительством С.Кириенко, Б.Немцова, И.Хакамады и стоявшего за ними А.Чубайса. Это был настоящий успех: ведь на прошлых выборах на демократическом фланге толкалось локтями множество партий, и в результате в Думу попало только «Яблоко».

Два оставшихся отряда олицетворяли потенциальные лидеры президентской гонки — Е.Примаков и В.Путин. Опорой первого был союз движений «Отечество» и «Вся Россия» (ОВР). Для Путина кремлевские политтехнологи при активном участии Б.Березовского сколотили движение «Единство». Оба скороспелых политических объединения формировались определенно под выборы схожими представителями бюрократии. Пыл их создателей не охладила даже печальная судьба «Нашего дома — Россия» (НДР) — предыдущей «партии власти», бесславно исчезавшей с политической сцены. В этих двух лагерях главную ставку делали на президентские выборы, парламентские же баталии рассматривали как маневры перед главной битвой.

Агитационная кампания на парламентских выборах делилась на две части. Первая — традиционная. В ней конкурировали движения первых двух отрядов именно как политические организации. Вторая — необычная. Формально борьба шла между двумя конкурентами — ОВР и «Единством», реально же между В.Путиным, точнее его образом, и тандемом Е.Примаков — Ю.Лужков.

Перетягивание голосов избирателей основывалось на предложении своеобразного политического дефицита, возникшего в последние годы президентства Б.Ельцина. Е.Примаков предлагал стабильность, надежность, предсказуемость. Его капитал — избавление страны от острого политического и экономического кризиса. Ему помогали адекватные образ и стиль политического поведения. В начале кампании он стоял над схваткой, вдали от суеты, оставаясь непререкаемым нравственным судьей.

В.Путин разрабатывал зону иного дефицита — динамизм и эффективность власти, возможность гордиться своей страной. В последние годы ни один из обитателей российского политического олимпа не рисковал

предлагать избирателям всей страны подобный «товар». Путина к этому подтолкнули обстоятельства, и он эффективно ими воспользовался.

Сложность состояла в том, что два открытых претендентами дефицита не делились между разными категориями избирателей, а находили отклик в одних и тех же душах. Кроме того, избиратели не могли понять различий в программах разных лагерей. В таких случаях приходится не столько хвалить себя, сколько ругать противника.

На старте парламентской избирательной кампании Е.Примаков и Ю.Лужков вместе со своими соратниками допустили роковую ошибку: избрали в качестве стержня своей предвыборной стратегии ожесточенную критику Б.Ельцина и его политики. Во-первых, тут у них были более опытные и давние конкуренты: КПРФ и «Яблоко». Во-вторых, их критика не могла казаться избирателям искренней, поскольку оба политика были долгое время важной частью ельцинской системы власти. В-третьих, они должны были, учитывая общественное мнение, солидаризироваться с чеченской политикой Ельцина и Путина, а это разрушало цельность критической позиции. В-четвертых, критические стрелы, направленные против Б.Ельцина, фактически не задевали В.Путина, а значит, критический запал растрачивался попусту. И наконец, в-пятых, когда они переступили в критике грань разумного риска, война между ними и Кремлем, стоявшим за спиной премьера, пошла на политическое уничтожение.

Агитационная кампания во время парламентских выборов 1999 года была беспрецедентно ожесточенной и грязной. С такой лавиной компромата и взаимных нападок российские избиратели еще не сталкивались. Мало кто верил во все сплетни и хулы, заполонившие телевизионный экран и страницы газет. Но у этих нападок, которыми особенно грешила кремлевская сторона, была другая задача, и ее удалось успешно решить. Избиратели увидели в Ю.Лужкове неумело огрызавшегося, плохо держащего удар политика. Е.Примаков, сошедши с вершины политического олимпа и невольно ввязавшись в общую потасовку, тоже оказался в непривычной ситуации. Это была решающая «десакрализация» внушительных политических образов.

Зимним воскресеньем 19 декабря более 60 % избирателей пришли на избирательные участки. Спустя 10 дней Центральная избирательная комиссия подвела официальные итоги голосования. Конкурирующие политические объединения и блоки пришли к финишу в следующем порядке: КПРФ — 24,29 %; «Единство» — 23,32; ОВР — 13,33; СПС — 8,52; «Блок Жириновского» (тактическая замена ЛДПР) — 5,98; «Яблоко» — 5,93 %.

Первое политическое следствие парламентских выборов — левая оппозиция не только утрачивала контроль над Государственной Думой, но даже теряла возможность формирования по своей инициативе тактического большинства. Второе следствие — контроль над нижней палатой приобретала сила, поддерживавшая В.Путина, действующего Председателя Правительства и будущего, по убеждению большинства, Президента России. Помимо неожиданно высокого результата движения «Единство» поддержку исполнительной власти были готовы оказать весомое число депутатов,

победивших в одномандатных округах. «Единство» могло маневрировать и формировать большинство по многим вопросам, составляя коалиции с СПС, «Яблоком», ОВР и ЛДПР. Это была принципиально новая политическая диспозиция.

Происшедшие сдвиги политического пространства побудили заместителя руководителя Администрации И.Шабдурасулова назвать их, несколько эмоционально, революцией. Точнее было назвать это завершением начатой Б.Ельциным революции.

В конце декабря 1999 года опросы социологической службы АРПИ показывали: на президентских выборах В.Путина готовы были поддержать уже 52% избирателей. Уровень поддержки его когда-то главного конкурента — Е.Примакова опустился до отметки 12%. Победа ельцинского преемника была практически предрешена.

Главный политический вывод сразу после выборов сделал сам Президент. Давно принятое им решение стало претворяться в действие.

Вскоре после парламентских выборов Б.Ельцин попросил Председателя Правительства приехать в Кремль для важного разговора. Вот как описывает эту встречу сам В.Путин:

«Недели за две-три до Нового года Борис Николаевич пригласил меня в свой кабинет и сказал, что принял решение уходить. Таким образом, я должен буду стать исполняющим обязанности президента. Он смотрел на меня, ждал, что я скажу.

Я сидел и молчал. Он стал более подробно рассказывать — что хочет объявить о своей отставке еще в этом году... Когда он закончил говорить, я сказал: "Знаете, Борис Николаевич, если честно, то не знаю, готов ли я к этому, хочу ли я, потому что это довольно тяжелая судьба". Я не был уверен, что хочу такой судьбы... А он мне тогда ответил: "Я когда сюда приехал, у меня тоже были другие планы. Так жизнь сложилась. Я тоже к этому не стремился, но получилось так, что должен был даже бороться за пост Президента в силу многих обстоятельств. Вот и у вас, думаю, так судьба складывается, что нужно принимать решение. И страна у нас какая огромная. У вас получится".

Он задумался. Было понятно, что ему нелегко. Вообще это был грустный разговор. Я не очень серьезно относился к назначению себя преемником, а уж когда Борис Николаевич мне сообщил о своем решении, я точно не совсем был к этому готов.

Но надо было что-то отвечать. Вопрос же был поставлен: да или нет? Мы ушли в разговоре куда-то в сторону, и я думал, что забудется. Но Борис Николаевич, глядя мне в глаза, сказал: "Вы мне не ответили!"»*

В обстановке глубокой секретности А.Волошин, В.Юмашев и Т.Дьяченко начали готовить последнее Обращение Ельцина к народу.

31 декабря 1999 года Президент приехал в Кремль в 10 часов утра. Для большинства сотрудников это было полной неожиданностью. В последнее время он редко бывал в своем кабинете. А тут вдруг — с утра, да еще в предновогодний день. Хотя некоторые и недоумевали, почему до сих

* От первого лица: разговоры с Владимиром Путиным. М., 2000. С. 185–186.

пор не записано традиционное новогоднее телеобращение, тем более что Новый год уже приближался к Дальнему Востоку.

Через несколько минут Президент попросил узнать, где В.Путин, и пригласить его в Кремль. Премьер был в Доме правительства и не удивился звонку. Он быстро приехал и прошел в кабинет к Ельцину. Следом за ним туда вошли А.Волошин и В.Шевченко.

Т.Дьяченко, пресс-секретарь Д.Якушкин вместе с прибывшими телевизионщиками начали готовить аппаратуру к записи новогоднего телеобращения. Кроме дочери Президента, никто не догадывался, о чем пойдет речь в поздравлении.

Направляясь на телевизионную запись, Президент произнес: «Все, надо уходить. Пора».

На 11 часов в Кремль уже были вызваны руководители силовых структур, которые полагали, что Президент решил их поздравить лично с наступающим 2000 годом. После телезаписи Б.Ельцин представил «силовикам» В.Путина уже в новом качестве, просил поддержать его и пригласил всех на обед.

А дальше — проводы до машины и отъезд из Кремля... Эти кадры в телезаписи видели все.

В 12.00 по московскому времени на телеэкранах появился Б.Ельцин.

В этот день по всему миру готовились провести грандиозные шоу по случаю наступления III тысячелетия (правда, на год раньше), карнавалы, фейерверки, праздничные шествия, суперконцерты. Но этот день Б.Ельцин сделал своим бенефисом. Внимание всего мира снова было прикована к нему, к Москве, к России. Он снова смешал фигуры на политической шахматной доске. Он закончил свое президентство в своем обычном стиле — в решающий момент перехватил инициативу. Перехватил и передал ее своему преемнику.

Глава 6

Ельцин — миф, человек, политик

Необузданная жажда власти?

Б.Ельцин вышел в отставку и удалился от текущих государственных дел, с его политического портрета сошел налет повседневности, и проступили черты, по которым о нем и будут судить как об исторической личности. Ситуация изменилась качественно. Раньше Ельцина сравнивали с ним самим: позднего с ранним, активного с бездействующим; сравнивали с лидерами других государств; сравнивали с российскими царями и генеральными секретарями ЦК КПСС. Потом его сравнивали с новым российским Президентом. Он вошел в историю, и, как всякий исторический персонаж, оброс мифами, легендами, противоречивыми оценками, проклятиями бывших врагов и романтическими воспоминаниями бывших соратников.

О политической мифологии эпохи Ельцина можно написать не одну монографию. Остановимся здесь лишь на нескольких расхожих клише, которые, хотя и имеют политическую составляющую, но в большей мере касаются именно Ельцина-человека, а не Ельцина-политика.

Мифы о Ельцине возникали, как правило, при трактовке его действий, осмыслении мотивов его политического поведения, свойств характера, тайных побуждений. Это как раз та сфера нашей политической журналистики и политологии публицистического толка, в которой считаются допустимыми необузданная фантазия, передергивания, вольная интерпретация одних фактов или игнорирование других. Вскрывая некие тайные мотивы политика, такой разоблачитель демонстрирует свое интеллектуальное и нравственное превосходство и присваивает себе символический ресурс «объекта».

Наиболее распространенное и часто упоминаемое суждение сводится к тому, что главная доминанта политического характера Ельцина — необузданная жажда власти, что все его действия объясняются одним — стремлением удержать или усилить свою власть. В действительности не все так просто.

Вспомним о нескольких ключевых эпизодах в политической биографии Б.Ельцина. Осенью 1987 года он, предприняв ряд нетипичных для той среды шагов (письмо Генеральному секретарю Горбачеву, резкое выступление на пленуме ЦК КПСС), фактически ставил крест на своей политической карьере. В соответствии с традицией того времени Ельцин отрезал все пути возвращения на политический олимп. Он был «верным сыном» партии, как тогда говорили. А раз так, следовало смириться с предлагаемыми правилами игры, встроиться в систему, чтобы спокойно продолжить

карьеру: из кандидатов в члены политбюро, а дальше, чем черт не шутит, — Генеральным секретарем.

Конечно, сегодня можно сказать, что его опала в конечном счете принесла дивиденды и помогла не только вернуться в политику, но и возглавить страну. Но в 1987 году невозможно было даже предположить, что лидером в СССР можно стать не в результате «подковерных» интриг и сговора между высшими партийными бонзами, а на свободных демократических выборах.

Анализируя все обстоятельства того времени, можно выдвинуть более вероятное объяснение. Ельцин пришел «на Москву» с определенными представлениями о своих задачах и целях, которые он хотел бы достигнуть. Как и во времена работы в Свердловске, он вкладывал в это все свои силы. В определенный момент почувствовал стену глухого сопротивления — и на Старой площади в штаб-квартире КПСС, и среди московской партбюрократии. Разочарование в политических институтах, на которые он намеревался опираться, обесценили ту власть, которой он обладал и к которой себя причислял. В данном случае, видимо, сработал своеобразный политический рефлекс: если власть как инструмент не позволяет решить поставленные задачи, то власть для него теряет смысл.

Вспомним и последний эпизод «эпохи Ельцина» — его добровольную отставку. Именно она заставила многих пересматривать свое отношение к Ельцину, искать новые объяснения его поступков. Понятно, что досрочный уход с поста Президента плохо корреспондировался с представлением о сверхценности власти для этого человека. Напомним, что с 1997 года постоянно обсуждалась тема: «Что в Кремле придумают, чтобы он оставался у власти?» Высказывались разные предположения: изменение Конституции или особое ее трактование, введение поста Президента Союза России и Белоруссии, отмена выборов по причине чрезвычайного положения из-за войны в Чечне и т.п. Заявления самого «хозяина Кремля» о его твердом намерении придерживаться Конституции и уйти, передав власть демократически избранному преемнику, подвергались сомнению.

Среди множества объяснений его поступка, в том числе довольно вульгарных, было и такое: Ельцин отдал власть за гарантии безопасности и благополучия. Однако первый Президент России перебрал немало возможных преемников. В обойме был, например, тот же С.Степашин, человек порядочный и искренне преданный ему. Если бы дело было только в гарантиях безопасности, то лучшего «наследника» и не надо искать. Объяснять отставку, как это делали многие, необходимостью обеспечить себе (и своим близким) неприкосновенность, значило бы, как минимум, упрощать картину.

В последние годы Ельцин вынужденно наблюдал распад и угасание президентской власти. Это было связано не только с состоянием его здоровья, потерей популярности и т.п. Был и объективный фактор. Страна готовилась к первой демократической передаче верховной власти. Ельцин становился, как говорят американцы, «хромой уткой» — лидером, заканчивающим свой политический век. Формальное наличие демократической процедуры смены главы государства еще не означало культуры власти:

в стране стойко работали старые бюрократические инстинкты. И среди них главный — служение начальнику (не обществу, не государству). Но зачем служить, если он скоро перестанет быть таковым? В такие моменты надо либо искать нового начальника, либо решать свои личные проблемы. Именно этот процесс пришлось наблюдать Ельцину, и ближе к выборам картина выглядела все более удручающе.

Он не выносил внешнего давления; для него ценны были те решения и действия, источником которых был он сам. Не будучи убежденным демократом, не рассматривая право как естественную ценность, он понимал закон, Конституцию как необходимое внешнее ограничение. Ему стоило больших усилий в течение всего срока своего президентства заставлять себя действовать в этих строгих рамках. Кроме того, Ельцин-политик привык чувствовать себя победителем. Он всегда хотел повелевать обстоятельствами и не любил подчиняться им. «Штатный уход» по окончании установленного срока, сидение в «позолоченной клетке» до финального звонка тяготили его, воспринимались как действия в условиях внешних ограничений, как нечто чуждое его «нештатной натуре». И он не стал ждать, когда кто-то (пусть даже Время) откроет дверцу этой клетки. Он распахнул ее сам, он хотел до конца управлять обстоятельствами.

Конечно же, сыграл свою роль и чеченский фактор. Вторая чеченская война, безусловно, способствовала взлету популярности Путина. Но, с другой стороны, неизбежно было затягивание конфликта, энтузиазм населения мог смениться разочарованием. Значит, надо ускорять ход событий, и коль скоро Ельцин «поставил» на Путина как на преемника, победа последнего стала бы и его последней яркой победой. Если для этого надо ускорить срок президентских выборов, значит, надо уходить раньше, что и было сделано. Своим уходом он минимизировал возможное негативное влияние чеченского фактора на президентские выборы. Как опытный тренер, он старался подвести Путина к дню голосования в наилучшей политической форме и установить побольше барьеров на пути его конкурентов. Это ему удалось.

Наконец, и на само решение, и на момент его принятия повлияли результаты парламентских выборов. Коммунисты, доставлявшие ему столько неприятностей, перестали быть серьезной угрозой для его преемника. На фоне высокой популярности Путина обозначилась консолидация значительной части общества вокруг нового лидера. Была решена очень важная задача, которая так и не поддалась первому Президенту. Вспомним слова Ельцина в телевизионном обращении при представлении Путина: «Он сможет консолидировать общество».

Для понимания Ельцина и мотивов его политического поведения следует мысленно вернуться к началу 1992 года. Тогда многие предупреждали его, что Правительство, взявшее на себя бремя болезненных мер, фактически обречено на политическую смерть. Тем не менее Президент возглавил этот кабинет, связав свое имя с непопулярными шагами, приведшими к драматическому снижению жизненного уровня населения. Существенной частью своего властного капитала — популярностью — он пожертвовал ради реформ.

В октябре 1993 года Ельцин подавил оппозицию и мог сконцентрировать в своих руках действительно необъятную власть, фактически установить диктатуру под предлогом скорейшего завершения экономических преобразований, но предпочел в максимально короткий срок провести выборы. Иногда он поддавался искушению и был на грани отчаянных шагов, как в марте 1996 года, когда склонялся к роспуску Госдумы. Но в конечном счете пересиливал себя и оставался в рамках Конституции.

Непредвзятый анализ свидетельствует, что в решающие моменты своей карьеры Ельцин часто совершал поступки, вследствие которых власть как самоцель отходила на второй план, а главной доминантой его действий и решений становилось нечто иное, что можно характеризовать как понимание своей особой миссии, своего особого предназначения.

Стиль политика всегда определяет множество факторов и мотивов. В конкретный момент их относительная важность может варьироваться. Но тот мотив, что присутствует чаще других, становится преобладающим в критических ситуациях, заслуживает названия доминанты политического поведения. Для Ельцина это была именно миссия. Не будучи ни теоретиком, ни мыслителем, он, конечно же, представлял свою миссию весьма расплывчато, очень лично, временами даже наивно. Коротко и упрощенно ее можно сформулировать так: «Я первый Президент России. Я отвечаю за те преобразования, которые в ней происходят; только я могу их защитить. Я должен помочь России стать процветающей страной».

Вместе с тем у Ельцина не было ясного представления, какой должна и может стать Россия, какое она способна занять место в мире после многолетнего господства большевиков. Это размывало сам образ «миссии» и обрекало Президента на непоследовательные действия.

Бесспорно, Ельцин любил власть и умел за нее сражаться. Он любил ее внешние атрибуты, популярность в народе и трепет чиновной челяди. Но когда нужно было выбирать между властью и миссией, он выбирал миссию.

Другой распространенный миф — о непредсказуемости Ельцина. Как правило, оперируя этим понятием, комментаторы путают два заключенных в них смысла: первый — неопределенность и непредсказуемость политического курса, второй — непредсказуемость решений и шагов, используемых лидером для осуществления своего курса.

Если иметь в виду первое, то предсказуемость Ельцина может считаться чуть ли не рекордной: он мог маневрировать, тормозить, устраивать дымовые завесы, увлекаться и разочаровываться, впадать в гнев или депрессию, но всегда жестко держался выбранного однажды вектора в границах той миссии, о которой уже шла речь. Что касается непредсказуемости его поступков, то она имеет две грани. Первая — объективная. Бесспорно, Ельцин был способен к шагам, неожиданным для его противников и соратников. Это было частью его политического стиля и ресурсом в борьбе, в которой он чаще всего одерживал верх. Но есть и вторая грань: Ельцина нередко плохо понимали. Конечно, он мог уступать другим в чем угодно: в образованности — Примакову, в популизме — Жириновскому, в коварстве — Хасбулатову. Но политическим масштабом он превосходил всех.

Поэтому он и ушел непобежденным. А когда масштабная личность непонятна, проще всего назвать ее непредсказуемой. Так было и с Ельциным.

К тому же его многочисленные недоброжелатели попадали в плен мифов, которые создавали сами. Приписывая ему всевозможные политические пороки, поначалу из соображений тактических, порожденных борьбой, они свыкались с ними и начинали верить в них. Так создавалась маска Ельцина в политической драме «de l'arte» конца XX века.

Мало соответствует действительности и представление о решительности Ельцина, а также о его склонности к импровизациям. Несмотря на то что на публике он мог преподнести неожиданности, «сюрпризы», «загогулины», Ельцин был человеком пунктуальным, ценящим фундаментальную подготовку и проработку «импровизаций». Если помощники обращались к нему с какой-либо идеей и тут же получали поддержку, это означало только одно: нечто подобное он вынашивал сам и давно. Но чаще бывало по-другому. Получив какой-нибудь важный аналитический материал, содержавший, с его точки зрения, интересные предложения, он долго его обдумывал: держал под рукой, возвращался, сравнивал с другими вариантами, проверял косвенным образом в беседах с разными визитерами и только потом принимал окончательные решения. Многие из них, казавшиеся совершенно неожиданными, вынашивались им довольно долго, как, например, отставка Правительства Черномырдина в 1998 году.

Когда перед Ельциным стоял выбор между двумя вариантами действий — резким или компромиссным, и если при этом над ним не нависала прямая угроза его власти, он обычно выбирал компромиссный вариант. Более того, держался этой линии до самого последнего, критического момента. При всей его огромной интуиции к числу дефектов ельцинского «политического почерка» можно отнести неумение уловить момент, когда компромисс становится бесполезным, контрпродуктивным и даже опасным. Можно встретить множество обвинений, связанных с этим его качеством. Обвиняют в том, что после провала путча в августе 1991 года он не распустил Съезд народных депутатов РСФСР и не предложил новую Конституцию. Обвиняют в компромиссах и уступках в период с середины 1992 года по март 1993 года. Обвиняют в упущенном шансе после победы на референдуме в апреле 1993 года, когда можно было вновь распустить Съезд и не доводить дело до трагедии в октябре. Как видим, обвиняют именно в нерешительности и промедлениях.

Многих поражала способность Ельцина находить неординарные решения. Он любил и поддерживал эту легенду и в конце концов, поверив в нее сам, в сложных ситуациях ждал некоего «озарения», чудесной формулы. Такого чудесного просветления он, в частности, ждал и в ходе подготовки своего первого визита в Японию осенью 1992 года. В такие дни он предпочитал оставаться наедине со своими мыслями, «выпадать» из повседневной текучки дел, что тоже стало частью мифологии о нем.

Здесь соединяются даже два мифа — миф о Ельцине и миф Ельцина для себя. Об этом писал еще русский философ А.Лосев: «Оказалось, что миф есть самосознание. Раз миф есть самосознание, то в нем необходимым образом должна содержаться в сознательной форме та отрешенность, кото-

рая для него специфична. Эта мифическая отрешенность приводит к формуле: "Миф есть чудо"»*. На самом деле, это чудо — просто взаимодействие личностных ипостасей. Ельцин погружался в себя, и в нем беседовали, спорили, иногда ругались мифический «царь», реальный политик и человек, уже забывший, был ли он когда-нибудь (и когда?) просто человеком.

Наступит день, когда все мифы о Ельцине на значительной дистанции от описываемых событий сольются в один большой Миф. Тогда слово «Ельцин» будет содержать все необходимые черты мифологического героя. В нем будет реальный исторический Ельцин. В нем будет ритуальное прославление Ельцина — за разрушение советской системы, за сохранение свободы слова, за решимость взять на себя ответственность и даже за досрочный добровольный уход с поста Президента. В нем будут проклятия — за разрушение великой страны, за унижение и бедность, за Чечню. В нем будет все, что необходимо человеку, заглянувшему в миф, чтобы узнать в нем себя.

А потом наступят еще более далекие времена, и политики, которые сегодня еще не родились, захотят демифологизировать своего предшественника, первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина. Есть опасность, что, уничтожая миф, они повредят и саму реальность, которую будут стараться восстановить, то есть исказят Историю и действовавших в ней людей.

Во всем стремился быть первым

С кем бы из знавших Б.Ельцина в «лучшие годы» ни довелось беседовать, почти все вспоминают о моменте, когда впервые увидели его, как говорится, живьем. Весь его облик представлял «особую примету», которая врезается в память надолго. Б.Ельцин всегда выделялся, сколько бы человек его ни окружало — единицы или несколько тысяч. И дело не только во внешних данных — в росте, осанке, взгляде, походке и т.д.

Вспоминается такой случай. Осенью 1990 года в Верховном Совете РСФСР проводилась выставка «Россия — XX век». Как водится в таких случаях, на ее открытии должны были присутствовать руководители и, конечно же, ждали Б.Ельцина. Он же был нездоров, давала о себе знать травма, полученная в недавней автомобильной аварии, переутомление и т.д. Однако решил все-таки пойти, тем более что выставка располагалась в фойе Белого дома — в двух шагах от его кабинета.

Б.Ельцин вышел в свою приемную абсолютно разбитым, лицо было бледно-серого цвета, каждое движение отдавалось болью. Направился через проходную комнату к дверям, за которыми уже собрались депутаты, гости, журналисты. И буквально в один миг преобразился. Бодро, как будто только что отдохнул, уверенной, пружинящей походкой он шел к микрофону, на лице играл здоровый румянец. Никому и в голову не могло прийти, что испытывал этот человек еще несколько мгновений назад. Он открыл выставку, а затем общался с присутствующими, отвечал на вопросы журналистов, был непринужден, обаятелен.

---

* **Лосев А.** Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 135—136.

Это качество — умение пересилить себя, свои слабости и недуги, собрать в кулак волю или, как говорят в актерской среде, войти в роль, иметь кураж — в полной мере было присуще Б.Ельцину.

Он умел создать впечатление значительности момента. Позднее, особенно на церемониальных мероприятиях, стали использовать фанфары, возвещавшие о появлении Президента Российской Федерации. Главным дирижером Президентского оркестра П.Овсянниковым была написана даже специальная мелодия «К появлению Президента».

Еще в 90-м году, когда день за днем шли рядовые заседания Верховного Совета, зал невольно затихал, когда в президиум входил Б.Ельцин. То же происходило на последних партийных форумах, союзных и российских съездах народных депутатов. Не раз на международных встречах случалось, что при появлении Б.Ельцина его партнеры по переговорам вставали, хотя это и не было предусмотрено протоколом.

Ельцин всегда отличался пунктуальностью. Это требование протокола он старался соблюдать неукоснительно. Он очень не любил опаздывать куда-либо, а еще больше — ждать. Готовясь к тому или иному мероприятию, Ельцин распределял силы, строил сценарий поведения, содержательный план беседы, расставлял ее эмоциональные точки и т.д. Сбой графика ломал ритм, выбивал его из колеи. Приходилось перестраиваться на ходу, что требовало дополнительного расхода энергии.

Огромное значение первый Президент России придавал своему внешнему виду. Нужно сказать, что он был достаточно консервативен в одежде, не прибегал к услугам ведущих модельеров и стилистов, больше доверяя советам супруги и дочерей. Стиль Б.Ельцина заключался в том, что он был предельно строг и аккуратен в одежде. Его нормой было выглядеть так, как солдат на строевом смотре. Никакого намека на небрежность. Костюм тщательно отутюжен и сидит как влитой. До зеркального блеска начищенные ботинки.

Не имея привычки следовать моде, он тем не менее серьезно относился к протокольным требованиям к одежде. Так, именно при Ельцине для официальных лиц была введена практика появления в смокингах на особенно значимых государственных приемах. Впервые это произошло во время официального визита российского Президента в США. Затем на кремлевский прием в честь королевы Великобритании Елизаветы II приглашенные также были обязаны явиться в смокингах.

Исключение составляла лишь старая, вытянутая в локтях кофта, которую надевал, когда заканчивались встречи и в кабинет не ожидалось прихода «чужих». Он любил ее и даже считал неким талисманом.

Особой слабостью главы государства была спортивная одежда, в частности теннисная экипировка. Он откровенно «пижонил», ждал комплиментов и, как правило, получал их с избытком.

При записи телевизионных обращений всегда категорически отказывался от грима. Вообще не любил, когда к нему прикасались, от этого «зажимался» и становился менее естественным. Он знал, что ему не идут головные уборы, и лишь изредка зимой надевал меховую шапку. Но вот прическе он уделял особое внимание, во всех случаях тщательно следил за

ней. Сеанс у парикмахера предшествовал почти всем его публичным выходам. Более того, если по каким-либо причинам традиционная укладка не была сделана, это воспринималось окружающими как нечто из ряда вон выходящее.

Вспоминается такой эпизод в ходе VII съезда народных депутатов России. Шло очередное заседание, продолжалась обычная рутинная работа. Б.Ельцин присутствовал на утреннем заседании, но, так как течение дискуссии в этот день не предвещало каких-либо неожиданностей, решил на дневное заседание не возвращаться и после обеда уехал в сауну, где у него была возможность слушать прямую трансляцию со Съезда.

Вдруг обстановка на заседании резко обострилась, и Б.Ельцин принял решение прямо из сауны ехать обратно в Кремль и попытаться переломить неблагоприятную ситуацию. Увидев свое отражение в одном из бесчисленных зеркал Большого Кремлевского дворца, он пришел в ужас. Срочно требовался парикмахер. Но так как никто не мог предположить, что Б.Ельцин вернется, мастера, выполнявшую эту работу, отпустили.

Пришлось выйти на трибуну как есть. Непривычно свисающая прядь, красное распаренное лицо, придававшие всему его облику какой-то странный, зловещий характер, эмоциональная импровизация на трибуне — все это вызвало в зале буквально бурю возмущения, почти шок. А парикмахершу, которая увидела происходившее на Съезде на экране телевизора, чуть не хватил удар. Содержание же того, о чем говорил Б.Ельцин, так и прошло мимо ушей депутатов, решивших, что он «выпимши». Президенту пришлось специально выйти в фойе зала заседаний и потолкаться среди депутатов и журналистов, чтобы все могли воочию убедиться — с ним все в порядке, он просто не причесан.

Ельцин терпеть не мог очки. С возрастом у него стало ухудшаться зрение, и следовало пользоваться очками. Вполне будничная для большинства людей проблема для него неожиданно оказалась весьма болезненной. Работая в очках в кабинете, используя их дома, он категорически отказывался надевать их на публике. Не помогали никакие аргументы.

Было несколько попыток переубедить его. В частности, одна из них предпринималась в начале избирательной кампании 1996 года. Тогда Борис Николаевич даже согласился примерить несколько оправ, но в конце концов отказался от этой идеи. Зрение, однако, продолжало ослабевать, и тексты, которые Президент использовал во время публичных выступлений, приходилось печатать все более крупным шрифтом. Характерно, что Президент, не желая признаваться в ухудшении зрения, сам ни разу не попросил увеличить шрифт. Спичрайтеры делали это по собственной инициативе, видя, с каким напряжением зачитывает тексты их шеф. Лишь в последний год пребывания у власти, видимо, когда было принято окончательное решение уйти из политики, он стал и на людях появляться в очках.

Интересно рассматривать десятки пробных фотографий Ельцина в период предвыборной президентской кампании 1996 года в самых разнообразных оправах. Он тогда отказался от очков, видимо понимая, что все существующие мифы о нем — это тот или иной лик реального Ельцина. Нравились они ему или нет, но они были органичны. Предлагаемый же

ему образ Ельцина-профессора наверняка породил бы не миф, а пародию на миф.

Очки иногда помогают политику заслониться от мира, скрыть эмоции и порывы. Но в этом качестве Президенту они были не нужны. Наблюдая его, окружающие могли увидеть любые чувства — удивление, радость, гнев, растерянность — увидеть след души. А чаще — не увидеть ничего. Он закрывался пугающей каменной маской, что тоже было необходимым элементом мифа.

Б.Ельцин всегда уделял большое внимание имиджевой стороне своей политики. Но делал это, опираясь на свои представления об образе власти и Президента, несколько схематичные и старомодные. В целом, надо сказать, создаваемый им образ главы государства соответствовал ожиданиям населения, но далеко не всегда — элиты и интеллигенции.

Он стремился придерживаться, пока позволяли возраст и здоровье, динамичного, деятельного стиля. В лучшие годы ежедневный график был, как правило, переполнен разного рода мероприятиями, встречами, поездками и т.д. Особенно ярко это проявлялось в поездках по российским регионам. День командировки бывал обычно забит до отказа, насыщен разного рода встречами, совещаниями, переговорами, беседами с журналистами и т.д.

Такой темп, естественно, требовал разрядки, которая из-за отсутствия привычки к нормальному отдыху и угодливости хозяев и сопровождавших Президента лиц сводилась обычно к застолью. В общем-то, он следовал традициям высших партийных руководителей (за исключением Горбачева, который пытался отучить выпивать всю страну).

Круг человеческого общения Ельцина был весьма ограниченным. И уж совсем немного было тех, с кем он считался. В прессе неоднократно поднималась тема одиночества первого российского Президента. В известной степени авторитетом для него был академик Д.Лихачев. Несомненно, он с уважением относился к А.Солженицыну. После возвращения писателя на родину Президент был инициатором их встречи в загородной резиденции. Однако эта беседа не имела продолжения.

Все годы президентства серьезной поддержкой для него было слово Патриарха Алексия II, с которым он встречался довольно часто. Причем нараставшая со временем убежденность в собственном величии, так вредившая ему в глазах общественности, совершенно не сказывалась на отношениях с Патриархом. Это был, пожалуй, единственный в стране человек, перед нравственным авторитетом которого Ельцин готов был склонить голову.

Как и многие родившиеся в простых русских семьях, Ельцин был крещен в раннем детстве. Однако рос и воспитывался вне церкви, более того, стал «убежденным атеистом», как и подобало быть члену партии. После выхода Ельцина из КПСС и разрыва с официальной идеологией его многократно видели в церкви, и он охотно откликался на приглашения Патриарха присутствовать на особо торжественных богослужениях по случаю Пасхи, Рождества Христова и других почитаемых в России православных праздников. Бывал Борис Николаевич и в знаменитом монастыре

на острове Валаам, и в Троице-Сергиевой лавре, являющейся духовным центром русского православия.

Лично сам он очень много сделал для возрождения церковной жизни в стране, в том числе предоставив Русской православной Церкви ряд льгот и преференций. Однако, памятуя о том, что большую часть своей жизни он пребывал в атеизме, а будучи первым секретарем Свердловского обкома КПСС, активно обеспечивал «линию партии» в борьбе с «религиозными предрассудками», креститься стеснялся.

Характеристика Б.Ельцина, его политической деятельности будет неполной без упоминания о его жене — Наине Иосифовне. Поначалу ее судьба во многом походила на судьбу женщин ее поколения. Институт, замужество, работа инженером в одном из проектных институтов, семья, заботы по дому. Все изменилось, когда муж перешел на партийную работу. Для окружающих Наина Иосифовна стала прежде всего супругой секретаря обкома, затем женой «первого», а еще позже — Президента России, первой леди. Но сама она при этом продолжала считать себя просто женой, матерью, бабушкой. Для Наины Иосифовны при всех перипетиях судьбы Ельцина на первом месте оставались семья, дети, заботы о муже. Находясь столько лет рядом с ним на олимпе власти, она старалась не вмешиваться в его дела, как иногда говорят, «не лезла в политику», не пыталась навязывать какие-то предложения. Конечно, она высказывала свое отношение и к происходящим событиям, и к людям, которые его окружали, но только — в семье, в беседах за столом, среди близких. Лишь изредка Наина Иосифовна звонила ближайшим сотрудникам Президента и высказывала недоумение, обиду по поводу несправедливых высказываний в адрес Бориса Николаевича.

Однако во многих по-настоящему тяжелых ситуациях ее поддержка и участие были незаменимы. К примеру, в избирательной кампании 1996 года. Ее хоть и редкие встречи с избирателями, интервью отличались подкупающей искренностью и добавили Б.Ельцину человеческих симпатий. Так было и во время болезни Президента и последующей операции. Высказывания Наины Иосифовны о здоровье супруга вызывали доверие, а ее переживания, забота о нем — сочувствие и понимание.

В адрес жены Президента по традиции поступало немало писем с просьбами и жалобами. Пришлось даже создать небольшой аппарат, чтобы отвечать на просьбы. Но делалось все это также без особой огласки. Наина Иосифовна быстро освоилась с премудростями протокола и стойко выдерживала трудности зарубежных визитов. На международной арене она оставалась такой, какую знали в России, — женой первого Президента.

Познавший любовь и ненависть

Великий русский историк В.О.Ключевский дал такую характеристику одной из самых загадочных и спорных фигур российской истории — царю Ивану Грозному: «Поражаешься быстрой сменой... самых разнообразных чувств: порывы великодушия и раскаяния, проблески глубокой задушев-

ности чередуются с грубой шуткой, жестким озлоблением, холодным презрением к людям. Минуты усиленной работы ума и чувств сменялись полным упадком утомленных душевных сил... В эти минуты умственного изнеможения и нравственной опущенности он способен был на затеи, лишенные всякой сообразительности. Быстро перегорая, такие люди со временем, когда в них слабеет возбуждаемость, прибегают обыкновенно к искусственному средству, к вину, и Иван в годы опричнины, кажется, не чуждался этого средства. Такой нравственной неровностью, чередованием высоких подъемов духа с самыми постыдными падениями объясняется и государственная деятельность Ивана»*.

Не претендуя на аналогии, задумаемся над этой характеристикой. В любом случае Б.Ельцин пополнит ряд фигур, стоявших у руля Российского государства, о которых будут спорить и дискутировать, пытаясь постичь тайны личности и тайны власти.

Он познал в полной мере, что такое народная любовь. И это не только митинги, собиравшие настоящее людское море — сотни тысяч человек, — которые скандировали: «Ельцин! Ельцин! Ельцин!».

Но в полной мере довелось ему испить и горькую чашу народной неприязни: это была цена за ошибки и неудачи. В его адрес направляли проклятья те, кто за годы реформ лишился работы, достатка, здоровья, покоя. Кто сегодня говорит об ответственности Бурбулиса, Гайдара, Чубайса, Хасбулатова, Козырева, Грачева, Черномырдина, Кириенко? Никто! Вся ответственность легла на первого Президента, в том числе и за чеченскую войну.

Было время, когда Б.Ельцин являлся воплощением веры и олицетворением надежд миллионов людей. В нем видели чуть ли не Моисея, ведущего свой народ в землю обетованную. Потом, когда стало ясно, что быстро хорошо не бывает, что дорога тяжела и чревата потерями, вспомнили, что Моисей водил народ по пустыне сорок лет. Еще спустя несколько лет, когда терпение кончилось, а разочарование стало очевидно, Ельцин стал для многих слепцом, не ведающим, куда идет сам и куда ведет других.

Своими делами и поступками он многократно давал россиянам повод для высших проявлений гордости за своего лидера. Но бывали и моменты, когда нацию охватывало чувство стыда и гнева.

Можно допустить, что его политический портрет будет меняться в зависимости от того, как станет жить страна, справится ли она с нынешними трудностями: ведь судьба Б.Ельцина не только в жизни, но и в истории накрепко связана с судьбой России.

Неравномерность политической активности первого Президента общеизвестна. Объяснялась она и особенностями его характера, психотипа, и тем, что после очередной одержанной победы он, как правило, плохо представлял, как распорядиться ее плодами, что предпринять дальше. Знаменитые, «многозначительные» паузы Ельцина объяснялись чаще всего тем, что в ряде случаев и ситуаций он не знал, что конкретно предпринять. Когда же цель была ясна, он действовал размашисто, нередко — наотмашь, не всегда просчитывая отдаленные последствия своих решений и дел.

---

* **Ключевский В.О.** Характеристика царя Ивана Грозного // Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1990. С. 97—98.

Его не отнесешь к кабинетным политикам. Строитель по профессии, он тяготел к проектам, позволяющим дать конкретно осязаемые и по возможности быстрые результаты. Его мало интересовали вопросы теории как таковой, абстрактные дискуссии на общие темы. Стратегия отходила на второй план. Так, в свое время программа «500 дней» привлекла его в первую очередь потому, что позволяла, как он считал, чуть ли не в ежедневном режиме отслеживать конкретные изменения в экономике, шаг за шагом добиваться конкретных целей.

Многие, безусловно, помнят громкое обещание Ельцина после либерализации цен в январе 1992 года: «Через полгода, максимум через год жизнь улучшится». В случае неудачи Президент был даже готов «лечь на рельсы». Не забыть и его заявления о том, что девальвации рубля не будет, сделанного накануне августовского кризиса. Обычно его обещания и заявления были искренними и объяснялись в значительной мере доверием к людям, поставлявшим ему информацию.

На рубеже 90-х годов демократическая интеллигенция верила, что достаточно ввести в стране демократию и рынок, как жизнь начнет неуклонно улучшаться. Верил в это и Ельцин. Трудно было ожидать от него более глубокого предвидения трудностей переходного периода, чем тот, которым блистали теоретики демократизации и рыночных реформ той поры.

Он чувствовал потребность в некоем «мозговом центре», который бы постоянно подпитывал его, обеспечивал идеями на перспективу. В разные периоды эта важная функция реализовывалась по-разному. В первые годы этим занимался Г.Бурбулис, став своеобразным посредником между Президентом и определенной частью интеллектуальной элиты. Позже функция «мозгового центра» в немалой степени реализовывалась Службой помощников Президента, вокруг которой постепенно сложились достаточно устойчивые группы специалистов, часть из которых входила в Президентский совет.

Первый российский Президент не был прирожденным оратором, который, как Ф.Кастро, способен говорить на любые темы по многу часов подряд. И тем не менее в конце 80-х — начале 90-х годов его выступления собирали самые многочисленные аудитории, его речи неизменно встречались бурными аплодисментами.

Он никогда не делал длинных докладов, многословие вообще ему было несвойственно. Он не увлекался отстраненным анализом или конструированием моделей будущего, а стремился к максимальной ясности, нередко специально упрощая ситуации и проблемы. Более всего его занимал вопрос «что делать?». Выступления Б.Ельцина всегда отличались особой эмоциональной окрашенностью, искренностью. Он избегал пышных оборотов, обильного цитирования.

Б.Ельцин был хорошим редактором, обладал природным чувством слова. Нередко он тонко улавливал, что надо сказать в конкретной ситуации. В политический лексикон, засоренный пропагандистскими клише, штампами и словесной шелухой, он стремился внести сочные обороты, «живые» выражения, требовал от спичрайтеров свежих слов, неизбитых фраз, новых идей. Когда в тексте встречались уже звучавшие оценки или

произнесенные им выражения — вычеркивал и раздраженно говорил: «Я уже это читал, придумайте что-нибудь другое». Требовательность Президента к текстам сохранялась всегда, правда, со временем, из-за ухудшения здоровья, да и по другим причинам она все чаще превращалась в немотивированную капризность.

Нужно сказать, что постепенно роль публичных выступлений Б.Ельцина приобрела гипертрофированные масштабы. В определенной степени они стали подменять иную деятельность. Особенно это чувствовалось в последние годы его правления. Утверждался порочный принцип: яркое выступление, а то и удачная, оригинальная фраза — уже успех. Иногда словесная оригинальность выходила за сугубо лексические рамки. Жажда «ввернуть» что-нибудь необычное в заранее подготовленный текст, удивить, даже ошеломить слушателей порой приводила к политическим конфузам.

За десять лет, которые Б.Ельцин руководил Россией, он получил широчайшую гамму самых противоречивых оценок. Угасание активности в последний период начало стирать отдельные грани его личности. В оценках превалировали ирония, раздражение или, что хуже, — безразличие. Теперь он казался понятным и предсказуемым даже в своей непредсказуемости, перестал удивлять и даже разочаровывать. Но несправедливо судить о человеке по какому-то одному периоду жизни. Ключ к пониманию политической биографии первого российского Президента в более ранних временах.

Ельцин — это не только политик. Ельцин — это жизнь, судьба. Ему выпал жребий быть лидером. Это, пожалуй, главное качество его личности.

Ельцин не был карьеристом в прямом смысле этого слова. Отдавая предпочтение спорту, он не ходил в комсомольских вожаках во время учебы в институте, где нередко брали старт карьеры, просчитанные на много ходов вперед. Он не искал выгодной женитьбы или нужных знакомств. Наконец, он не стремился в столицу за высокими постами. Даже в КПСС вступил довольно поздно — в 30 лет. Взлет Б.Ельцина представляет собой тот тип карьеры, когда не сам человек гоняется за высокими должностями, независимо от того, соответствует он им или нет, а, наоборот, должность, проблема или крупное направление работы востребуют человека, способного с ними справиться.

Добровольный уход Б.Ельцина стал, как ни странно, еще одной ипостасью его лидерства. Этим поступком он примирился со всеми — и с аппаратом, который уже устал от его экстравагантности и своеволия; и с народом, который не только ждал, но и требовал смены руководителя. Этот шаг совершил он сам, и теперь все успехи и ошибки будут принадлежать другим.

Победы и поражения Ельцина — чисто русские. Он выигрывал всякий раз, когда будил стихию или использовал ее. И терпел поражение, когда нужно было кропотливо и обдуманно работать. Какова Россия, таков и Ельцин — ее сын, лидер и жребий.

Москва, сентябрь 2000 года

Опоздание!
Начать работать срочно.
15.XII.96г. пр-2234

Президенту Российской Федерации
Б.Н.Ельцину

Уважаемый Борис Николаевич!

Вносим на Ваше рассмотрение предложения о концепции Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию в 1997 году.

Сегодня стало очевидно, что основной проблемой, тормозящей социально-экономическое развитие страны, стала слабая управляемость государственными процессами. Управление **не через людей** ("командная система"), **а через правовые предписания** действует пока с опасно низкой эффективностью. Отсюда главная задача нынешнего этапа государственного строительства - отладка всей системы госуправления (посредством нормативных, кадровых, организационных и финансовых рычагов).

Порядок в государственном организме - главное звено, взявшись за которое можно эффективно вытягивать экономику, социальные программы, бороться с преступностью, решать другие проблемы России. Не случайно основные общественные ожидания могут быть сведены к слову "порядок" (ясно, что мы можем говорить только о правовом порядке).

Идею **правового порядка в государственном строительстве** предлагается сделать единственной темой Послания, использовав ее в названии. Причем эта тема будет проходить как реализация Программы действий Президента на 1996-2000 гг.

- привести в остальных разделах Послания предложения на 1997 г. по решению основных проблем **через призму правового порядка**.

Предлагаемая концепция является результатом совместной работы Ваших помощников и руководства Администрации.

Просим Вашего согласия на подготовку Послания в соответствии с данной концепцией.

29 ноября 1996 г.

М.Краснов Г.Сатаров

Президент Ельцин торопит своих помощников с подготовкой Послания. *Фрагмент.*

ПРЕЗИДЕНТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОРУЧЕНИЕ

В.С.Черномырдину

Заявление И.Н.Родионова о снижении устойчивости системы управления стратегическими ядерными силами и в целом государством в особый период затрагивает основу обороноспособности страны и требует незамедлительного реагирования.

Прошу лично в сжатые сроки организовать проверку надежности системы управления в ракетных войсках стратегического назначения. О результатах доложить.

Б.Ельцин

" 12" февраля 1997 г.

Пр-185

Подлежит возврату в Секретариат Президента Российской Федерации

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кандидатура на беседу

~~О Чечеватове В.С.~~

1. Назначить генерал-полковника Чечеватова Виктора Степановича исполняющим обязанности начальника Генерального штаба Вооруженных Сил - первого заместителя Министра обороны Российской Федерации.

2. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент
Российской Федерации Б.Ельцин

Москва, Кремль

Реакция Президента Ельцина в связи с заявлением министра обороны И.Родионова о снижении устойчивости системы управления стратегическими ядерными силами.

БАТУРИН Юрий Михайлович (1949 г.)
С 1993 по 1998 гг. – помощник Президента России по национальной безопасности, Секретарь Совета обороны, помощник Б.Ельцина.
В настоящее время – председатель Научного совета Фонда ИНДЕМ, директор Института истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова РАН.

ИЛЬИН Александр Леонидович (1958 г.)
С 1990 по 1998 гг. – спичрайтер Б.Ельцина, в настоящее время занимается политическим консультированием.

КАДАЦКИЙ Владимир Федорович (1949 г.)
С 1992 по 1998 гг. – спичрайтер Б.Ельцина, в настоящее время занимается политическим консультированием.

КОСТИКОВ Вячеслав Васильевич (1940 г.)
С 1992 по 1994 гг. – пресс-секретарь, помощник Б.Ельцина.
Работает советником и консультантом в частных корпорациях. Продолжает заниматься политической журналистикой и литературной деятельностью.

КРАСНОВ Михаил Александрович (1949 г.)
С 1995 по 1998 гг. – помощник Б.Ельцина по правовым вопросам.
В настоящее время заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, профессор Государственного университета — Высшей школы экономики, вице-президент Фонда ИНДЕМ.

ЛИВШИЦ Александр Яковлевич (1946 г.)
С 1994 по 1998 гг. – помощник Б.Ельцина по экономическим вопросам, министр финансов, вице-премьер, заместитель руководителя Администрации Президента РФ.
В настоящее время – член Совета директоров ОК РУСАЛ, директор по международным и специальным проектам ОК РУСАЛ.

НИКИФОРОВ Константин Владимирович (1956 г.)
С 1992 по 1998 гг. – спичрайтер Б.Ельцина.
В настоящее время директор Института славяноведения РАН.

ПИХОЯ Людмила Григорьевна (1946 г.)
С 1990 по 1998 гг. – руководитель группы спичрайтеров Б.Ельцина.
С 1998 по 1999 гг. — советник Президента Б.Ельцина.
В настоящее время – член Совета по внешней и оборонной политике, заместитель начальника отдела парламентских программ Аналитического управления Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

САТАРОВ Георгий Александрович (1947 г.)
С 1994 по 1997 гг. – помощник Б.Ельцина по вопросам внутренней политики.
С октября 1997 г. – Президент Фонда ИНДЕМ.

АЗЛК	Автомобильный завод имени Ленинского комсомола
АПР	Аграрная партия России
АРПИ	Агентство региональных политических исследований
БМП	Боевая машина пехоты
БТР	Бронетранспортер
ВАЗ	Волжский автомобильный завод
ВВ	Внутренние войска (структура Министерства внутренних дел РФ)
ВВС ЧИР	Временный высший совет Чечено-Ингушской республики
ВГТРК	Всероссийская государственная телерадиокомпания
ВДВ	Воздушно-десантные войска Российской Федерации
вдд	Воздушно-десантная дивизия
ВНК	Восточная нефтяная компания
ВС	Верховный Совет (СССР, РСФСР, РФ)
ВЦИОМ	Всероссийский центр изучения общественного мнения
ВЧК	Временная чрезвычайная комиссия по доходам бюджета (при Правительстве Российской Федерации)
ГД	Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации
ГК	Государственная компания
ГКО	Государственный комитет обороны (в Чеченской республике — Ичкерии)
ГКО-ОФЗ	Государственные краткосрочные обязательства и облигации федерального займа
ГКЧП	Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (август 1991 года)
ГПУ	Государственно-правовое управление Президента Российской Федерации
ГУВД	Главное управление внутренних дел
ДВР	«Демократический выбор России»
ДГБ	Департамент государственной безопасности (в Чеченской Республике — Ичкерии)
ДПР	Демократическая партия России
ИНДЕМ	«Информатика для демократии» (Центр прикладных политических исследований, с 1997 года — Фонд)
КМР	Команда молодых реформаторов
КНК	Конфедерация народов Кавказа
КПП	Контрольно-пропускной пункт
КПРФ	Коммунистическая партия Российской Федерации
КРО	Конгресс русских общин
КС	Конституционный Суд (Российской Федерации)
ЛДПР	Либерально-демократическая партия России
МБ	Министерство безопасности Российской Федерации
МБВД	Министерство безопасности и внутренних дел РСФСР
МГК	Московский городской комитет Коммунистической партии Советского Союза
МДГ	Межрегиональная депутатская группа
МККК	Международный Комитет Красного Креста
МО	Министерство обороны
МПГ	Межклубная партийная группа
мсбр	Мотострелковая бригада
мсд	Мотострелковая дивизия
мсп	Мотострелковый полк
НВФ	Незаконные вооруженные формирования (в Чеченской республике — Ичкерии)

НДР	«Наш дом – Россия»
НРП	«Новая региональная политика» – фракция в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации
НЭП	Новая экономическая политика (20-е годы 20 века в СССР)
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОВД	Отдел внутренних дел
овдбр	Отдельная воздушно-десантная бригада
ОВР	«Отечество — Вся Россия»
ОВСЕ	Договор по обычным вооруженным силам в Европе
ОДОП	«Общественное движение общественной поддержки Б.Н.Ельцина на выборах Президента Российской Федерации» (в 1996 году)
ОКЧН	Общенациональный конгресс чеченского народа
ОМОН	Отряд милиции особого назначения
ОТК	Отдел технического контроля
ПВС	Президиум Верховного Совета (Российской Федерации)
пдб	Парашютно-десантный батальон
пдп	Парашютно-десантный полк
ПРЕС	Партия российского единства и согласия
ПРО	Противоракетная оборона
РАИС	Российское агентство интеллектуальной собственности
РВСН	Ракетные войска стратегического назначения
РИА	Российское информационное агентство
РКП	Российская коммунистическая партия
РКРП	Российская коммунистическая рабочая партия
СБ	Совет безопасности (Российской Федерации)
СБП	Служба безопасности Президента Российской Федерации
СВР	Служба внешней разведки (Российской Федерации)
СНБ	Совет национальной безопасности (США)
СНВ	Стратегические наступательные вооружения
СНК	Специальная наблюдательная комиссия (в Чеченской республике)
СОБР	Специальный отряд быстрого реагирования
СПРН	Система предупреждения о ракетном нападении
СПС	«Союз правых сил»
ССГ	Союз Суверенных Государств (проект названия)
СФ	Совет Федерации (Федерального Собрания Российской Федерации)
СЯС	Стратегические ядерные силы
ТНК	Тюменская нефтяная компания
УВД	Управление внутренних дел
ФАПСИ	Федеральное агентство правительственной связи и информации (при Президенте Российской Федерации)
ФИЦ	Федеральный информационный центр
ФНПР	Федерация независимых профсоюзов России
ФНС	Фронт национального спасения
ФНС	Федеральный наблюдательный совет
ФПС	Федеральная пограничная служба (Российской Федерации)
ФС	Федеральное Собрание (Российской Федерации)
ФСБ	Федеральная служба безопасности (Российской Федерации)
ФСК	Федеральная служба контрразведки (Российской Федерации)
ЦБ	Центральный банк (Российской Федерации)
ЦКБ	Центральная клиническая больница
ЦКП	Центральный командный пункт Министерства обороны Российской Федерации
ЧИР	Чечено-Ингушская республика
ЧР	Чеченская республика
ЧРИ	Чеченская республика — Ичкерия

А

АБАЛКИН Л. 170,175
АБДУЛАТИПОВ Р. 85,90,108,305,591,629
АБУБАКАРОВ Т. 610
АВЕН П. 235
АВТУРХАНОВ У. 594,604
АГА ХАН IV 639
АГАПОВ Б. 629
АГАФОНОВ В. 320
АДАМИШИН А. 593
АДРОВ А. 308
АКАЕВ А. 445
АКСЕНЕНКО Н. 782
АКСЮЧИЦ В. 263
АЛЕКСАШЕНКО С. 742
АЛЕКСЕЕВ С. 312,314,315,324,329
АЛЕКСИЙ II 265,269,363,612,622
АМБАРЦУМОВ Е. 212,470
АМЕТИСТОВ Э. 297,388
АНИСИМОВ В. 470
АПАЗОВ С. 593
АРАКЧАА К.-К. Д. 639
АСЛАМБЕКОВ М.-Х. 612
АСЛАХАНОВ А. 584,596
АСТАФЬЕВ М. 283
АУШЕВ Р. 616,621,629
АФАНАСЬЕВ Ю. 66,72,199,211
АХЕДЖАКОВА Л. 368
АХМАДОВ Х. 592
АЧАЛОВ В. 366

Б

БАБУРИН С. 142,222,751
БАГИЛОВ М. 661
БАГЛАЙ М. 390
БАКАТИН В. 113,150
БАРАННИКОВ В. 252,451
БАРОНЕНКО А. 310
БАРСУКОВ М. 217,226,261,294,557,573,680,683, 715
БАСАЕВ Шамиль 618,673,674,675,681,703,785
БАСАЕВ Ширвани 642,657
БАСИЛАШВИЛИ О. 121
БАСХАНОВ Б. 610
БАТКИН Л. 199
БАТУРИН Ю. 207,212,289,298,328,329,334,361, 454,609,688
БАХМАДОВ Б. 585
БЕЗБОРОДОВ Н. 660
БЕРЕЗОВСКИЙ Б. 503,554,779,781
БЕССМЕРТНЫХ А. 152
БИЛЬДТ К. 268
БИТОВ А. 512
БОГДАНОВ В. 664
БОГОМОЛОВ О. 175,211
БОЙКО М. 716,775
БОЛДИН В. 145,224
БОЛДЫРЕВ Ю. 407
БОЛЬШАКОВ А. 727
БОННЭР Е. 506,511
БОРДЮЖА Н. 448,683,777,782
БОРОДИН П. 753
БОРЩЕВ В. 617,639
БОЧАРОВ М. 95
БОЧАРОВ О. 573
БРАГИН В. 250,342,344,492
БРАЗАУСКАС А. 324
БРАТИЩЕВ И. 753
БРЫНЦАЛОВ В. 572
БУГАЕВ А. 642
БУНИЧ П. 170,175
БУРБУЛИС Г. 78,115,157,173,180,199,206,232, 238,243,249,474,527,585
БУШ Дж. 465,724

В

ВАЛЕНСА Л. 467
ВАРЕННИКОВ В. 147
ВАРОВ В. 553
ВАСИЛЬЕВ Л. 327
ВЕНГЕРОВ А. 233,296,314,328,330,501,664,667
ВЕШНЯКОВ А. 108
ВИКТОРОВ В. 554
ВИТРУК Н. 280,388
ВИЦИН С. 391
ВЛАДИСЛАВЛЕВ А. 236
ВЛАСОВ А. 84,95
ВЛАСОВ Ю. 572
ВОЛКОВ В. 209,212,289
ВОЛКОГОНОВ Д. 153,289,326,626
ВОЛОШИН А. 757,779,782
ВОЛЬСКИЙ А. 236,317,318
ВОРОБЬЕВ Э. 618
ВОРОНИН А. 401
ВОРОНИН Л. 83
ВОРОНИН Ю. 227,283,291,365,369
ВОРОТНИКОВ В. 83
ВОЩАНОВ П. 160,207
ВУГАР 682

Г

ГАВЕЛ В. 467
ГАДЖИЕВ Г. 701
ГАЙДАР Е. 170,172,174-180,196,200,235,237,253, 290,319,324,367,512,540,589,625
ГАЛАЗОВ А. 247,278,492
ГАМСАХУРДИЯ З. 160
ГАНТЕМИРОВ Б. 606
ГДЛЯН Т. 72
ГЕЛИСХАНОВ С. 587,703
ГЕРАЩЕНКО В. 234,443,748
ГЕРМАН А. 513
ГЕРЦОГ Р. 516
ГЕХТ Ю. 317
ГЛАЗЬЕВ С. 419
ГОЗМАН Л. 545,626
ГОЛЕМБИОВСКИЙ И. 494,665
ГОЛИШНИКОВ А. 310
ГОЛОВКОВ А. 237
ГОЛУШКО Н. 355,451
ГОНСАЛЕС Ф. 122,484
ГОНЧАР Н. 557
ГОРБАЧЕВ М. 36,66,72,73,77,89,92,101,130-140, 144,145,164-168,180,224,231,328,572
ГОРЯЧЕВА С. 85,108
ГРАНИН Д. 287
ГРАЧЕВ П. 152,392,446,572,599,603,679
ГРЕБЕШЕВА И. 584
ГРИГОРЬЕВ А. 516
ГРИШИН В. 42
ГРУШИН Б. 212,289,311,353
ГРЫЗУНОВ С. 603,663
ГУЖВИН А. 205
ГУЛЬДИМАНН Т. 657
ГУТИОНТОВ П. 665

Д

ДАВЫДОВ О. 430,727
ДАНИЛОВ Ю. 390
ДЕНИСЕНКО Б. 85
ДЖАРИМОВ А. 597
ДЗАСОХОВ А. 255
ДУБИНИН С. 437,443
ДУДАЕВ Д. 584-596,609,613,615,641,655
ДЬЯРМАТИ И. 638
ДЬЯЧЕНКО Т. 554,556,557,717,779,780

Е

ЕВЛОГИЙ 318
ЕГОРОВ Н. 462,557,599,605-615,679
ЕГОРОВ С. 443
ЕГОРОВА Е. 548
ЕЛИЗАВЕТА II 473,798
ЕМЕЛЬЯНОВ А. 212,290
ЕРЕМИН И. 603,667
ЕРИН В. 217,310,679

Ж

ЖИРИНОВСКИЙ В. 113,543,662

З

ЗАВГАЕВ Д. 585,703
ЗАДОРНОВ М. 727
ЗАКАЕВ А. 642,658,703
ЗАЛЕВСКАЯ И. 279
ЗАМЯТИНА Т. 364
ЗАСЛАВСКАЯ Т. 211
ЗАТВОРНИЦКИЙ 50
ЗАТУЛИН К. 410
ЗАХАРОВ М. 326,554
ЗВЕРЕВ С. 557,571
ЗВИРБУЛЬ В. 296
ЗДРАВОМЫСЛОВ Б. 296
ЗОЛОТУХИН Б. 297,391,624
ЗОРЬКИН В. 231,252,267,280,288,291,301,359, 691
ЗЫКИНА Л. 533
ЗЮГАНОВ Г. 144,222,409,543,673

И

ИГЛБЕРГЕР Л. 277
ИГНАТЕНКО В. 554,727
ИГНАТОВ А. 296
ИДИГОВ И. 642,661
ИЛЬИН А. 93,203
ИЛЬИН И. 583
ИЛЬЮШЕНКО А. 217,406,550,619
ИЛЮМЖИНОВ К. 397
ИЛЮХИН В. 605,752
ИЛЮШИН В. 202,210,249,287,431,554,557,562, 563,564,715,727
ИМАЕВ У. 606,612
ИСАЕВ Б. 85,108
ИСАКОВ В. 90,108,183,307,415,532

Й

ЙОРДАН Б. 740

К

КАДАННИКОВ В. 253,290
КАДАЦКИЙ В. 203
КАЗАКОВ А. 722
КАЗАКОВА Р. 539
КАЗАННИК А. 66,212,394,405
КАЛАШНИКОВ М. 319
КАЛМЫКОВ Ю. 602,688,691
КАМДЕССЮ М. 436,734
КАРАГАНОВ С. 212,213,555
КАРЕЛИН.Г. 688
КАРИМОВ И. 139,166
КАРПИНСКИЙ Л. 72
КАРЯКИН Ю. 290,381,626
КАСТРО Ф. 803
КВАШНИН А. 630,683,773
КИНЕЛЕВ В. 554
КИНКЕЛЬ К. 631
КИРИЕНКО С. 437,727,732
КИРИЛЕНКО А. 36
КИРИЛЛ 366

КИСЕЛЕВ О. 555
КОВАЛЕВ В. 629
КОВАЛЕВ С. 262,289,451,617,622,629,699-701
КОВЛЕР А. 296
КОЗЛОВА Е. 296
КОЗЫРЕВ А. 152,284,469-471,478-485,619
КОКОВ В. 597
КОКОШИН А. 447
КОЛЕСНИКОВ М. 619,769
КОЛЬ Г. 122,276,467
КОМИССАР М. 716
КОНОНЕНКО В. 520
КОНОНОВ А. 234,297
КОНСТАНТИНОВ И. 366
КОРАБЕЛЬЩИКОВ А. 207,211,398,554
КОРЖАКОВ А. 81,202,216,249,257,554,557,572,715
КОРОТИЧ В. 55
КОРРИГАН Дж. 353
КОРТУНОВ А. 213
КОРЯГИНА Т. 85
КОСТИКОВ В. 207,225,247,250,258,316,322,323, 328,600
КОСТОЕВ И. 688,690
КОСТОМАРОВА Л. 369
КОТЕНКОВ А. 756
КОХ А. 727
КРАВЧЕНКО Л. 146
КРАВЧУК Л. 137
КРАПИВИН Ю. 561
КРАСАВЧЕНКО С. 209,498
КРАСНОВ М. 207,400,650,706
КРАШЕНИННИКОВ П. 777
КРИСТОФЕР У. 276,476
КРУЧИНА Н. 491
КРЮЧКОВ В. 108,145
КУДРИН А. 716
КУЗНЕЦОВ Е. 678
КУЗЫК Б. 207,453
КУЛИКОВ А. 560-563,642,646,657,683,699,704, 707
КУЛИКОВ В. 693-699
КУНАДЗЕ Г. 474
КУПЦОВ В. 234
КУРКОВА Б. 342,494
КУРОЧКИН В. 629,639
КУТАФИН О. 296,688
КУЦЕНКО В. 584
КУЧМА Л. 671

Л

ЛАБАЗАНОВ Р. 596
ЛАРИН А. 296,391
ЛАТЫШЕВ П. 681
ЛАЦИС О. 212,627
ЛЕБЕДЬ А. 240,454,538,543,571,703-706,720
ЛЕВАДА Ю. 267,319
ЛИВШИЦ А. 207,424,436,443,551,627,727,744
ЛИВШИЦ Р. 314,329
ЛИГАЧЕВ Е. 36,52,58
ЛИПИЦКИЙ В. 236,403
ЛИХАЧЕВ Д. 74,800
ЛОБОВ О. 443,448,647,677,679
ЛОДКИН Ю. 535
ЛОМАКИН С. 106
ЛОПУХИН В. 234
ЛОШАК В. 665
ЛУЖКОВ Ю. 156,174,308,310,363
ЛУКАВА Г. 402
ЛУКИН В. 266,470
ЛУКЬЯНОВ А. 67,73,140,162,222,241,688
ЛУЧИН В. 388
ЛЫСЕНКО А. 350
ЛЫСЕНКО В. 73,540,661

М

МАГОМАДОВ Л. 642
МАГОМАТОВ И. 595
МАГОМЕДОВ М. 681
МАКАШОВ А. 113,222,366
МАЛАШЕНКО И. 503,556,557,716
МАЛОФЕЕВ А. 143
МАЛЫШЕВ Н. 325
МАМАКИН В. 213
МАМОДАЕВ Я. 591,600,612
МАМОКОВ 624
МАМУТ Л. 296
МАНАЕНКОВ Ю. 83
МАНЯКИН С. 49
МАСАРСКИЙ М. 626
МАСЛОВ А. 371
МАСХАДОВ А. 606,642,660,704
МАТОЧКИН Ю. 283
МАТЮХИН Г. 234
МАХАРАДЗЕ В. 585
МЕДВЕДЕВ В. 74
МЕДВЕДЕВ П. 96
МЕДВЕДЕВ С. 705
МЕЖИДОВ Б. 592
МЕСАРОШ Ш. 642
МЭТЛОК Дж. 144
МЕЧИЯР В. 467
МИГРАНЯН А. 212,213,334
МИЗУЛИНА Е. 533,688,695
МИНТУСОВ И. 548
МИТТЕРАН Ф. 287,361
МИТЮКОВ М. 308
МИХАЙЛОВ А. 507
МИХАЙЛОВ В. 602,607,610,642,660
МИШИН А. 314,329
МОИСЕЕВ М. 151
МОИСЕЕВ Н. 212
МОЛОСТВОВ М. 617,639
МОРРИСОН Дж. 509
МОРЩАКОВА Т. 297,391
МУЗЫКАНТСКИЙ А. 157
МУРАВЬЕВ И. 279
МУРАХОВСКИЙ 50
МУХА В. 205
МУХАМАДИЕВ Т. 85
МУШИНСКИЙ В. 296,330

Н

НАЗАРБАЕВ Н. 74,127,130,140,445
НАЗДРАТЕНКО Е. 430
НЕВЗОРОВ А. 118
НЕМЦОВ Б. 205,429,727,728
НЕЧАЕВ А. 237
НИКИТИНСКИЙ Л. 360
НИКИФОРОВ К. 203
НИКОЛАЕВ А. 457,680
НИКОЛАЕВ М. 349
НИКОНОВ В. 213,548,555
НИКСОН Р. 471
НИТ И. 96
НИШАНОВ Р. 139
НИЯЗОВ А.-В.В. 166
НОВИКОВ В. 236
НОВОДВОРСКАЯ В. 344
НОЖКИН Н. 539

О

ОВСЯННИКОВ П. 798
ОГАРЕВ А. 716
ОКУДЖАВА Б. 317,513
ОЛЕЙНИК В. 363
ОРЕХОВ Р. 410
ОРЛОВ О. 617
ОСИПОВ Г. 219
ОСЛОН А. 555,717
ОСОВЦОВ А. 639
ОСТАЛЬСКИЙ Д. 665

П

ПАВЛОВ В. 105
ПАВЛОВСКИЙ Г. 507,717
ПАИН Э. 210,212,213,619,626,650
ПАЛЬМ В. 68
ПАМФИЛОВА Э. 639,661
ПАНКИН Б. 152
ПАНСКОВ В. 443
ПАРАМОНОВА Т. 436,443,444
ПАШИН С. 391
ПЕЛЕН О. 642
ПЕТРАКОВ Н.175
ПЕТРЕНКО В. 554
ПЕТРОВ В. 554
ПЕТРОВ Ю. 202,208,243,261
ПЕТРОВСКИЙ Л. 617,639
ПИХОЯ Л. 8,93,117,203,207,517,520,524,562
ПИХОЯ Р. 229
ПЛУТНИК А. 517
ПОДГОРНОВ Н. 550
ПОЛЕВАНОВ В. 539
ПОЛЛЫЕВА Д. 716
ПОЛОЗКОВ И. 83
ПОЛТОРАНИН М. 173,202,238,474,490,496
ПОНОМАРЕВ Л. 540,625,639
ПОПОВ Г. 68,94,118,156,170,174,211,290,313
ПОПЦОВ О. 250,264,308,342,350
ПОТАНИН В. 721,727
ПОТАПОВ Л. 349
ПОЧИНОК А. 742
ПОЭГЛИ В. 393
ПРИМАКОВ Е. 91,455,476,485-487,748
ПРИХОДЬКО С. 716
ПУЛИКОВСКИЙ К. 704,705
ПУТИН В. 398,542,776,782,784

Р

РАДЗИХОВСКИЙ Л. 675
РАДУЕВ С. 679
РАКИТОВ А. 294
РАХИМОВ М. 453
РЕГЕНТ Т. 629
РЕЙГАН Р. 422,723
РЕПИН Н. 86
РЕСИН В. 554
РОГОВ С. 213
РОГОЗИН Г. 572
РОГОЗИН Д. 538
РОДИОНОВ И. 725,766
РОХЛИН Л. 753
РУДКИН Ю. 690
РУМЯНЦЕВ О. 112,129,153,233,355
РУЦКОЙ А. 111,116,161,178,248,288,291,316, 320,322,722
РЫБАКОВ Ю. 629,639
РЫБКИН И. 403,412,532,615
РЫЖКОВ Н. 70,96,113
РЫЖОВ Ю. 96
РЮРИКОВ Д. 207,470,487,625
РЯБОВ Н. 278,305,363,530
РЯЗАНОВ Э. 43

С

САБСАБИ З. 593
САВИЦКИЙ В. 296
САВОСТЬЯНОВ Е. 602,716
САГАЛАЕВ Э. 492
САЛМИН А. 213,530,548,555
САМАРИН В. 338
САМСОНОВ В. 769
САТАРОВ Г. 207,211,212,217,289,312,336,346, 402,537,555-557,626,635-638,715
САХАРОВ А. 65,67,70,71
СЕЛЕЗНЕВ Г. 756
СЕМЕНОВ В. 618,770
СЕМЕНОВ Н. 571,640
СЕМЕНЧЕНКО В. 207,430
СЕРГЕЕВ И. 773
СИЛАЕВ И. 95
СИМКИН Л. 296
СИМОНОВ А. 501,665
СИМОНОВ В. 665
СКОКОВ Ю. 204,235,253,272,288,316,447,538
СКОУКРОФТ Б. 452
СКУРАТОВ Ю. 561,775
СЛАВИН В. 470
СЛИВА А. 274
СЛОБОДКИН Ю. 333
СМИРНОВ 628
СМИРНЯГИН Л. 212,213,289,325,345,573,627

СОБЧАК А. 118,290,312,324,326
СОБЯНИН А. 82
СОКОЛОВ В. 363
СОЛЖЕНИЦЫН А. 266,290,400
СОЛОДЯКОВА Н. 303
СОСКОВЕЦ О. 363,549,554,557,573,715
СПИРИДОНОВ Ю. 349
СТАНКЕВИЧ С. 205,228,239,318
СТАРКОВ В. 294
СТАРОВОЙТОВ А. 355
СТАРОВОЙТОВА Г. 205,211
СТЕПАНКОВ В. 291,346,349, 361
СТЕПАНОВ Д. 279
СТЕПАНОВ В. 303,349
СТЕПАШИН С. 217,451,457,603,679,777,783
СТЕРЛИГОВ А. 222,293
СТОЛЯРОВ Н. 639
СТРЕКОЗОВ В. 390
СТРОГОВ И. 588
СТРОЕВ Е. 337,338
СУЛАКШИН С. 72
СУРОВ Н. 333
СУХАНОВ Л. 63,78,81,202,207,338
СУХОРУКОВ Д. 772
СЫРОВАТКО В. 108
СЫСУЕВ О. 727

Т

ТАРПИЩЕВ Ш. 548,554
ТИТОВ К. 205
ТИХОМИРОВ В. 656,660
ТОЛБОЕВ М. 661
ТОПОРНИН Б. 408
ТОРКУНОВ А. 230
ТРАВКИН Н. 72,236,304,554
ТРЕТЬЯКОВ В. 665
ТРУБНИКОВ В. 456
ТУЛЕЕВ А. 113,304
ТУМАНОВ В. 296,314,390
ТЯЖЛОВ А. 566

У

УДУГОВ М. 607,704
УМАЛАТОВ М. 661
УМАЛАТОВА С. 105
УРБАН Т. 343
УРНОВ М. 542,626
УСАМОВ Ю. 642

Ф

ФАДЕЕВ Г. 554
ФЕДОРОВ Б. 96,257,413,540,662,728,742
ФЕДОРОВ Н. 232,281
ФЕДОРОВ С. 572
ФЕДОТОВ М. 232,282,296,308,490,497-499
ФИЛАТОВ С. 208,210,261,272,352,360,363,389, 553,554,557,598,627,689
ФИЛИМОНОВ В. 755,758
ФИЛИППОВ П. 209,212,310

Х

ХАДЖИЕВ С. 595
ХАЗАНОВ Г. 528
ХАКАМАДА И. 413,540
ХАРИН Г. 93,203
ХАРИТОНОВ Е. 597
ХАСБУЛАТОВ Р. 85,98,116,142,178,183,227,240, 242,244-250,262,266,292,304,307,320-322,326,333, 357-360,604
ХИЖА Г. 200,235
ХЛЫСТУН В. 237
ХАТТАБ 785
ХУБИЕВ В. 597

Ц

ЦАГОЛОВ К. 608

Ч

ЧЕБОТАРЕВСКИЙ Р. 309
ЧЕРКАШИН Д. 470
ЧЕРКИЗОВ А. 539
ЧЕРНОМЫРДИН В. 235,253,265,280,292,303, 326,339,424,425,541,611,650,674,724,725
ЧЕТВЕРНИН В. 315
ЧЕЧЕВАТОВ В. 773
ЧИЖ И. 606
ЧИЛИНГАРОВ А. 415
ЧИЛЛЕР Т. 353
ЧУБ В. 597
ЧУБАЙС А. 218,257,284,419,425,442,443,549, 557,571,716-722,727,731,743,752,762,774,780
ЧУБАЙС И. 72
ЧУДАКОВА М. 213,513,650

Ш

ШАБАД А. 629,639
ШАБДУРАСУЛОВ И. 790
ШАБЛИНСКИЙ И. 213
ШАЙМИЕВ М. 648
ШАККУМ М. 572
ШАПОШНИКОВ Е. 207,447,593,716
ШАТАЛИН С. 175,260
ШАХНАЗАРОВ Г. 141
ШАХНОВСКИЙ В. 716
ШАХРАЙ С. 85,180,232,240,255,278,289,293,328, 330,399,404,536,591,688,692
ШЕВАРДНАДЗЕ Э. 103,153
ШЕВЦОВА Л. 340,758
ШЕВЧЕНКО В. 207,672
ШЕЙНИС В. 380,629,639
ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ Ф. 104
ШЕРЕР П. 276
ШИНКАРЕВ О. 410
ШИРАК Ж. 487
ШИРАК К. 780
ШИРШОВ П. 608
ШМАКОВ М. 539
ШОСТАКОВСКИЙ В. 72

ШОХИН А. 257,427,443
ШРЁДЕР Д. 487
ШТЕЙН П. 639
ШТЫГАШЕВ В. 85
ШУЙКОВ В. 303,592
ШУМЕЙКО В. 283,414,506,527,554,613
ШУСТЕР С. 617
ШУШКЕВИЧ С. 164

Щ

ЩЕРБАКОВ В. 539

Э

ЭБЗЕЕВ Б. 691,692
ЭМИНОВ В. 296
ЭНТИН В. 490

Ю

ЮВЕНАЛИЙ 365
ЮГАС В. 594
ЮМАШЕВ В. 431,716,727,779,780
ЮСЕФ Ш. 592
ЮСУПОВ Ш. 592
ЮШЕНКОВ С. 608,661

Я

ЯБЛОКОВ А. 212,290
ЯВЛИНСКИЙ Г. 96,172,173,409,543,570,662, 673,682
ЯЗОВ Д. 149,151
ЯКОВЛЕВ А.М. 296,315,328,330,501
ЯКОВЛЕВ А.Н. 52,53,54,122,135,153,502,537, 540,627,669,751
ЯКОВЛЕВ В. 501
ЯКОВЛЕВ Г. 688,696
ЯКОВЛЕВ Е. 211,492
ЯКУНИН Г. 540,629,688,696
ЯКУШКИН Д. 791
ЯНАЕВ Г. 74
ЯНДАРБИЕВ З. 631,655,704
ЯРИХАНОВ Х. 642
ЯРОВ Ю. 554,556,557,716
ЯРОСЛАВЦЕВ В. 390
ЯРОШИНСКАЯ А. 212,223
ЯСИН Е. 443,627
ЯСТРЖЕМБСКИЙ С. 716,779

Коллектив авторов

ЭПОХА ЕЛЬЦИНА

Подписано в печать 27.12.2010.
Формат 70 x 108/16.
Объем 51 печ. л.
Тираж 1 000 экз. Заказ №205

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-91631-103-7

